

ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Сборник, посвященный юбилею
Игоря Евгеньевича СУРИКОВА

Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка и А.А. Синицына

Санкт-Петербург
2016

Сборник посвящен пятидесятилетнему юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова – доктора исторических наук, одного из ведущих отечественных специалистов по истории Древней Греции, автора почти 400 научных работ, в том числе более 20 монографий. В широком спектре научных проблем, представленных в книге, центральное место занимает вопрос о взаимоотношении полиса, державы и империи, рассматриваемый на материале как древнегреческой, так и римской истории; он является одной из магистральных тем в научном творчестве юбиляра. Ряд статей посвящен также историографии, античной культуре и ее рецепции в последующие эпохи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ΕΓΚΟΜΙΟΝ

Предисловие	11
Tabula gratulatoria	13
<i>О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын. ΑΝΗΡ ΚΑΛΟΣ ΚΑΓΑΘΟΣ: К юбилею</i>	
<i>Игоря Евгеньевича Сурикова от друзей и коллег.....</i>	<i>15</i>
Список научных трудов И.Е. Сурикова.....	21

ЧАСТЬ II. ΕΠΣΤΗΜΗ: ΝΑΥΚΑ ΟΒ ΑΝΤΙΧΝΟΤΗΤΗ

ОТ ГОМЕРА ДО АРИСТОТЕЛЯ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

<i>А.В. Мосолкин (Москва)</i>	
Какого роста был Одиссей?	37
<i>В.Р. Гуцин (Пермь)</i>	
Тесей и установление демократии в Афинах	44
<i>Д.В. Зайцев (Красноярск)</i>	
О союзниках эвбейских полисов в Лелантской войне.....	50
<i>Э.В. Рунг (Казань)</i>	
Лидийцы после Креза	54
<i>М.А. Флауэр (Принстон, Нью Джерси, США)</i>	
Спартанская «религия» и греческая «религия»	60
<i>М.Ф. Высокий (Москва)</i>	
Остракизм в Великой Греции и его контекст	83
<i>В.М. Строгоцкий (Нижний Новгород)</i>	
О значении первой книги сочинения Фукидида как историко-философского введения	106
<i>П.Дж. Родс (Дарем, Великобритания)</i>	
Афинское народное собрание: нерешенные проблемы.....	110
<i>О.М. Макарова (Самара)</i>	
Афинская архэ в середине V в. до н.э.: кризис или расцвет?.....	117
<i>А.А. Сеницын (Саратов – Санкт-Петербург)</i>	
Замечания к стратегии Фукидида 424/3 г. до н.э.....	123
<i>Е.В. Никитюк (Санкт-Петербург)</i>	
Декрет Сиракозия: к вопросу о свободе слова в классических Афинах	129
<i>Д.В. Бубнов (Пермь)</i>	
Лакедемонянин Дексипп и спартанская политика на Сицилии в конце V в. до н.э.	125
<i>Х. Туманс (Рига, Латвия)</i>	
Так был ли Сократ аристократом?.....	142
<i>Л.Г. Печатнова (Санкт-Петербург)</i>	
Еще раз о заговоре Кинадона.....	150
<i>Р.В. Светлов (Санкт-Петербург)</i>	
Фиванская гегемония и судьба «мужественных душ» в диалоге Платона «Политик»	160
<i>П.А. Евдокимов (Москва)</i>	
«Кипрская полития» Аристотеля и царская власть на Кипре.....	163

ПОСЛЕ КЛАССИКИ:
ПОЛИС И МОНАРХИЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

<i>О.Л. Габелко</i> (Москва)	
Полемиические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма	180
<i>И.А. Ладынин</i> (Москва)	
«Рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а»: еще раз об исторической интерпретации сообщения стк. 6 «Стелы сатрапа»	191
<i>Ю.Н. Кузьмин</i> (Самара)	
Датировка праздника Птолемея Филадельфа: новые перспективы	210
<i>А.Л. Зелинский</i> (Лондон, Великобритания)	
Афинско-македонское перемирие на завершающем этапе Хремонидовой войны: новая интерпретация	218
<i>О.Ю. Климов</i> (Санкт-Петербург)	
Правитель Пергама и глава Академии: Эвмен I и Аркесилай	223
<i>С.К. Сизов</i> (Нижний Новгород)	
Коллегия дамиургов в Ахейском союзе	227
<i>А.А. Абакумов</i> (Ярославль)	
«Пока мечи не затупились»: палестинская кампания Птолемея IX в Палестине (103 г. до н.э.)	234
<i>Е.А. Молев</i> (Нижний Новгород)	
Военные силы Понта при Митридате Евпаторе	243

ДРЕВНИЙ РИМ:
ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ

<i>А.М. Сморгачев</i> (Москва)	
Цивитас между миром и войной: последний шаг	248
<i>И.Г. Гурин</i> (Самара)	
Серторий и распространение римского гражданства в Испании	253
<i>А.В. Короленков</i> (Москва)	
Битва при Коллинских воротах	257
<i>В.Н. Парфенов</i> (Саратов)	
Тацит, Агрикола и Цериалис	262
<i>А.Е. Барышников</i> (Калуга)	
От Франкенштейна к Дирку Джентли: поиск нового в романо-британских исследованиях	267
<i>А.В. Махлаюк</i> (Нижний Новгород)	
Рим в концепции мировых держав древности: пространство и время империи	276

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

<i>А.В. Подосинов</i> (Москва)	
Где жили гиперборей Геродота – «у моря» или «за морем»?	286
<i>О.Ю. Самар</i> (Москва)	
О ранних аттических вазах из раскопок Пантикапея	290
<i>И.А. Макаров</i> (Москва)	
О заключительном параграфе Херсонесской присяги	296
<i>А.А. Завойкин</i> (Москва)	
Таманский толос и резиденция Хрисалиска	299

ПОКІАА:
МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ,
РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ,
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>С.А. Доманина</i> (Нижний Новгород)	
Кельтский торквес: от национального и социального к сакральному	309

<i>В.А. Квашинин</i> (Вологда)	
Геродот, «скифский обычай» и славянский архаический ритуал «отправления на тот свет»	316
<i>А.Г. Авдеев</i> (Москва)	
Александр Великий? Периандр? Кипселл? К вопросу о рецепции античного наследия в Древней Руси	326
<i>Е.А. Чиглинцев</i> (Казань)	
Образ Сократа в российском медийном пространстве начала XXI в.	331
<i>В.В. Дементьева</i> (Ярославль)	
Жребий как античный политико-правовой инструмент: к дискуссии о возможности его рецепции	338
<i>Е.В. Смыков</i> (Саратов)	
Метаморфозы одной теории (к 100-летию выхода книги Т. Франка «Римский империализм»)	347
<i>С.Г. Карпюк</i> (Москва)	
Пробуждение сообщества советских историков древности: авторско-читательские конференции ВДИ 1950–60-х годов	354

ЧАСТЬ III. ΠΟΙΝΣΙΣ

<i>Игорь Суриков</i> . У Гандвика и Понта	363
<i>Александр Бутягин</i> . Автопродолжение	406
<i>Олег Габелко</i> . Крымский лис	410
<i>Антон Короленков</i> . Парис. Картины последнего года Троянской войны	416
<i>Алексей Мосолкин</i> . Будто	429
<i>Александр Немировский</i> . Волхвов не бояться	441
<i>Александр Синецын</i> . Античные лики. Посвящения	446

ЧАСТЬ I

ΕΓΚΟΜΙΟΝ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея издания сборника, посвященного 50-летию доктору исторических наук Игоря Евгеньевича Сурикова, возникла как-то сама собой и довольно-таки задолго до того, как замаячила на горизонте знаменательная дата – 4 декабря 2015 года. Показалось совершенно естественным приурочить к этому событию коллективное издание, в котором, с одной стороны, были бы собраны работы наиболее близких друзей и коллег И.Е., выражающих тем самым свои теплые чувства к юбиляру, а с другой – которое в полной мере отвечало бы по общей тематике и подбору сюжетов научным интересам и вкусам его самого.

Символично, что с 50-летием нашего чествуемого сотоварища великолепно соотносится греческое слово *Пентеконтаэтия* – так великий Фукидид назвал знаковый отрезок греческой истории от разгрома эллинами Ксеркса до начала Пелопоннесской войны. Особо значимо также и то, что именно этот период, характеризующийся максимальным расцветом полисной цивилизации в политическом и культурном отношении, является основным предметом исследований И.Е. Сурикова; но в то же время едва ли стоит сомневаться: наиболее значительные профессиональные достижения нашего юбиляра, подлинный расцвет как исследователя – его *акмэ* – еще впереди!

Надо упомянуть, что некоторые строгие, как кажется им самим, ревнители традиций *der klassische Altertumswissenschaft* выражали сомнения в том, что пятидесятилетие может быть событием, которое следует отметить выпуском юбилейного издания – дескать, для серьезного ученого эта дата явно «не дотягивает» до того рубежа, где стоит подводить итоги самому юбиляру и который следует акцентировать его коллегам. Доля истины, вероятно, в этом есть, но друзья И.Е. Сурикова убеждены в том, что он как никто иной достоин этой экстраординарной почести именно по поводу пятидесятилетия. Число 50, безусловно, символично для любого исследователя афинской истории V в. до н.э., но из сотен антиковедов, занимавшихся сюжетами, связанными с градом Афины, очень немногие по-настоящему заслуживают чествования своей собственной *пентеконтаэтией*. Подобную уверенность наверняка разделит каждый, кто в достаточной мере знаком с исследованиями и *cursus honorum* самого И.Е. – да и попросту с ним самим; а сомневающиеся (то есть по большей части не знающие юбиляра лично), думается, изменят свое мнение после ознакомления с поздравительной частью книги, в которой отражены как формальные, так и сугубо неофициальные моменты его жизни и творческой деятельности.

При определении тематики и структуры сборника, влекущих за собой подбор его участников, как это обычно бывает, возник ряд проблем. Круг интересов И.Е. (предельно общо отраженный в подзаголовке сборника – «Исследования по истории и культуре античности») чрезвычайно широк, и достаточно представительно отразить каждый из его секторов в одном издании было бы весьма затруднительно. В то же время и включение в число авторов сборника всех друзей и коллег юбиляра было бы чревато не только неоправданным разрастанием объема книги, но и (что еще более важно) утратой ею какой бы то ни было концептуальной целостности. Выход удалось обнаружить, как представляется, за счет максимально четкого определения стержневой темы исследования: ее решено было обозначить совсем не новой, но оттого ничуть не менее актуальной для современного антиковедения триадой «полис – держава – империя», составляющей в том числе и основную сущность периода *Пентеконтаэтии* (и, соответственно, теснейшим образом связанной с тематикой исследований самого И.Е.). Соотношение этих базовых для древних цивилизаций политических элементов под обложкой одного коллективного издания прослеживается на материале собственно греческой, эллинистической и римской истории, что и предопределило выделение трех основных глав книги (вполне закономерно, что в соответствии с интересами юбиляра наиболее обширной оказалась первая из них). В них отражен самый широкий спектр вопросов политического, социального, культурного развития античной гражданской общины и трансформации ее в государственное объединение иного, уже надполисного типа. В той или иной

степени в эту же схему укладывается содержание и двух других глав. Одна из них посвящена истории и археологии Северного Причерноморья, которые с относительно недавнего времени тоже входят в сферу интересов И.Е. – путь, характерный для многих известных отечественных антиковедов, пришедших через Элладу к античным древностям юга России. Вторая охватывает широкий спектр вопросов историко-культурного плана и истории науки, что также отвечает предпочтениям юбиляра.

В числе авторов книги – и старшие коллеги И.Е., и его (более или менее) ровесники и однокашники, с кем ему порой доводилось неоднократно дискутировать и спорить в поисках научной истины; и представители новой генерации российских антиковедов, в буквальном смысле слова выросшие на его трудах и произносящие его имя чуть ли не с придыханием... В итоге участие в сборнике приняли исследователи из четырех стран (Россия, Латвия, Великобритания, США) и 15 городов – весьма впечатляющий показатель!

Данная книга отличается от «обычных» *Festschrift*'ов тем, что в нее, помимо двух вполне традиционных для такого рода изданий поздравительной и собственно научной частей, входит и третья – сугубо ненаучная, а именно – поэтическая, что само по себе необычно. После долгих размышлений редакторы сборника решили, что это будет совершенно оправданным: ведь большую часть стихотворного раздела составляют тексты самого юбиляра, не публиковавшиеся прежде (напомним, что в 2003 г. им была выпущена книга стихов «Гиперборей и грек»). Искренне надеемся, что И.Е. будет рад такому подарку; для читателей же сборника знакомство с этими стихами, как представляется, сможет открыть те грани личности их автора, которые не всегда удается уловить за сухими (хотя это слово абсолютно неприменимо к творчеству И.Е.!) строками научных трудов. Двое из редакторов посчитали также уместным создать надлежащее обрамление стихам юбиляра, включив в третью часть книги произведения нескольких его коллег, также подвигающихся на поэтической ниве (не забыв, разумеется, и самих себя). Думается, что эти творения (к которым их «родители» чаще всего относятся не без снисхождения и с долей самоиронии), посвященные самым разным сторонам «науки и жизни», помогут определить и сохранить во времени (так и хочется, отринув излишнюю скромность, сказать – для будущих поколений!) отдельные черты коллективного мировоззрения корпорации российских антиковедов, живущих и пишущих на рубеже тысячелетий. Одним из наиболее ярких и значимых представителей этого сообщества и является, вне всяких сомнений, замечательный человек, ученый и поэт Игорь Евгеньевич Суриков.

Редакторы сборника выражают искреннюю признательность всем, кто помогал в подготовке нашего сборника: З.В. Клименко и А.В. Мосолкину, поделившимся фотографиями, а особая благодарность – нашему коллеге и другу, директору издательства Филологического факультета СПбГУ, Б.В. Ерохину, живо откликнувшемуся на нашу просьбу об издании *Пентеконтаэтии*.

О. Габелко, Ю. Кузьмин, А. Синицын
Шумейка, Саратовская область, июль 2015

TABULA GRATULATORIA

Михаил Григорьевич **Абрамзон**, Магнитогорск
Александр Григорьевич **Авдеев**, Москва
Игорь Николаевич **Авраменко**, Саратов
Дмитрий Павлович **Алексинский**, Санкт-Петербург
Наталья Сергеевна **Алмазова**, Москва
Артем Сергеевич **Анохин**, Москва
Антон Ералыевич **Барышников**, Калуга
Екатерина Михайловна **Берзон**, Санкт-Петербург
Надежда Борисовна **Богданович**, Москва
Михаил Вадимович **Бибиков**, Москва
Денис Васильевич **Бубнов**, Пермь
Наталья Владимировна **Бугаева**, Москва
Александр Михайлович **Бутягин**, Санкт-Петербург
Юрий Алексеевич **Виноградов**, Санкт-Петербург
Михаил Филиппович **Высокий**, Москва
Олег Леонидович **Габелко**, Москва
Кирилл Львович **Гуленков**, Москва
Игорь Геннадьевич **Гурин**, Самара
Валерий Рафаилович **Гущин**, Пермь
Вера Викторовна **Дементьева**, Ярославль
Татьяна Николаевна **Джаксон**, Москва
Павел Андреевич **Евдокимов**, Москва
Борис Васильевич **Ерохин**, Санкт-Петербург
Сергей Михайлович **Жестоканов**, Санкт-Петербург
Денис Валерьевич **Журавлев**, Москва
Алексей Андреевич **Завойкин**, Москва
Андрей Викторович **Зайков**, Екатеринбург
Дмитрий Владимирович **Зайцев**, Красноярск
Андрей Леонидович **Зелинский**, Лондон, Великобритания
Сергей Георгиевич **Карпюк**, Москва
Владимир Иванович **Кашеев**, Саратов
Владимир Александрович **Квашнин**, Вологда
Зоя Валентиновна **Клименко**, Москва
Олег Юрьевич **Климов**, Санкт-Петербург
Павел Васильевич **Ковалев**, Москва
Иван Александрович **Копылов**, Москва
Дмитрий Сергеевич **Коробов**, Москва
Антон Викторович **Короленков**, Москва
Леонид Львович **Кофанов**, Москва
Алексей Дмитриевич **Кошелев**, Москва
Юлия Евгеньевна **Краснобаева**, Москва
Татьяна Владимировна **Кудрявцева**, Санкт-Петербург
Наталья Владимировна **Кузина**, Нижний Новгород
Юрий Николаевич **Кузьмин**, Самара
Юлия Николаевна **Кузьмина**, Москва
Вячеслав Сергеевич **Кулешов**, Санкт-Петербург
Оксана Викторовна **Кулишова**, Санкт-Петербург
Иван Андреевич **Ладынин**, Москва

Роман Викторович **Лапыренок**, Иркутск / Саратов
Валерия Сергеевна **Ленская**, Москва
Елена Валерьевна **Ляпустина**, Москва
Игорь Анатольевич **Макаров**, Москва
Ольга Михайловна **Макарова**, Самара
Александр Валентинович **Махлаюк**, Нижний Новгород
Ия Леонидовна **Маяк**, Москва
Андреас **Мель** / Andreas **Mehl** / Берлин / Галле, Германия
Яков Юрьевич **Межерицкий**, Кёльн, Германия
Евгений Александрович **Молев**, Нижний Новгород
Наталья Владимировна **Молева**, Нижний Новгород
Сергей Юрьевич **Монахов**, Саратов
Алексей Владиславович **Мосолкин**, Москва
Андрей Евгеньевич **Негин**, Нижний Новгород
Александр Аркадьевич **Немировский**, Москва
Елена Валентиновна **Никитюк**, Санкт-Петербург
Валерий Павлович **Никонов**, Санкт-Петербург
Марек Ян **Ольбрыхт** / Marek Jan **Olbrycht**, Жешув, Польша
Алексей Дмитриевич **Пантелеев**, Санкт-Петербург
Виктор Николаевич **Парфёнов**, Саратов
Лариса Гавриловна **Печатнова**, Санкт-Петербург
Михаил Викторович **Поваляев**, Москва
Александр Васильевич **Подосинов**, Москва
Питер Дж. **Родс** / Peter J. **Rhodes**, Дарем, Великобритания
Эдуард Валерьевич **Рунг**, Казань
Ольга Юрьевна **Самар**, Москва
Сергей Юрьевич **Сапрыкин**, Москва
Роман Викторович **Светлов**, Санкт-Петербург
Михаил Лазаревич **Свердлов**, Саратов
Лариса Леональдовна **Селиванова**, Москва
Наталья Юрьевна **Сивкина**, Нижний Новгород
Ольга Витольдовна **Сидорович**, Москва
Сергей Кузьмич **Сизов**, Нижний Новгород
Александр Александрович **Синицын**, Саратов / Санкт-Петербург
Марина Владимировна **Скржинская**, Киев, Украина
Святослав Викторович **Смирнов**, Москва
Андрей Михайлович **Сморчков**, Москва
Ольга Викторовна **Смыка**, Москва
Евгений Владимирович **Смыков**, Саратов
Елена Ивановна **Соломатина**, Москва
Виктор Владимирович **Ставнюк**, Киев, Украина
Андрей Валентинович **Стрелков**, Москва
Владимир Михайлович **Строгецкий**, Нижний Новгород
Любовь Валерьевна **Тарасова**, Калуга
Максим Павлович **Трофимов**, Пермь
Харийс **Туманс**, Рига, Латвия
Эдуард Давидович **Фролов**, Санкт-Петербург
Михаил Николаевич **Химин**, Санкт-Петербург
Максим Михайлович **Холод**, Санкт-Петербург
Евгений Александрович **Чиглинец**, Казань
Александр Оганович **Чубарьян**, Москва
Наталья Борисовна **Чурекова**, Саратов
Дмитрий Алексеевич **Щеглов**, Санкт-Петербург

О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын
ΑΝΗΡ ΚΑΛΟΣ ΚΑΓΑΘΟΣ.
К ЮБИЛЕЮ ИГОРЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА СУРИКОВА
ОТ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

...Потому что только совершенный человек способен добиться совершенного счастья, для этого надлежало каждому иметь и совершенную биографию, чтоб не стыдно было рассказать ее вслух, при детях, в солнечный полдень, на самых людных площадях мира.

Л. Леонов «Русский лес»

Пятьдесят лет для человека – это, по сути, только середина биографии, прожита именно *половина века*. Во всяком случае, для ученого мужа пятидесятилетие – это акмэ, время творческого расцвета и научной зрелости: что-то уже удалось осуществить, но до того, как наступит момент собирать камни и подводить итоги, еще далеко – вторые полвека. Отметить этот первый настоящий юбилей и важно, и приятно, в первую очередь, друзьям юбиляра.

В декабре 2015 года исполняется 50 лет со дня рождения русского антиковеда, доктора исторических наук Игоря Евгеньевича Сурикова. Последние два десятилетия отечественного антиковедения невозможно представить без ярких работ И.Е. Сурикова, который необычайно плодотворно трудится на ниве науки об античности.

Игорь Евгеньевич Суриков родился 4 декабря 1965 г. в небольшом городе Павлово на реке Оке, в Нижегородской (тогда Горьковской) области. И.Е. Суриков до сих пор хранит самые теплые воспоминания о своей малой родине, при любой возможности приезжая туда. Павлово было одним из крупнейших ремесленных центров России, «русским Шеффилдом» (выражение П.Д. Боборыкина), самым большим по численности населения селом в Империи по состоянию на 1916 г. (в 1918 г. Павлову дан статус города). Родители Игоря были далеки от гуманитарных предметов (отец Евгений Петрович работал инженером на одном из павловских заводов, а мать Лилия Алексеевна и поныне трудится врачом), но с ранних школьных лет проявились гуманитарные наклонности И.Е. Сурикова, который особенно увлекался географией, литературой и, конечно, историей. Кстати, по словам юбиляра, к истории и чтению его «приохотил» дед по матери, Алексей Васильевич Федяков – бесспорно, яркая и колоритная личность: мастер на все руки («Мой дед ножи делал!» – с гордостью говорит Игорь), талантливый организатор, бывший одно время главой ударной ремесленной артели павловских кустарей, а затем и родного города, ветеран войны, человек пытливого ума и широкого кругозора. Так что родословие у нашего юбиляра весьма достойное!

Окончив среднюю школу с золотой медалью в 1983 г., И.Е. Суриков в 1984 г. поступил – со второй попытки – на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Специализировался по кафедре истории древнего мира, где его научным руководителем был профессор В.И. Кузищин. Интерес к античной истории и выбор ее в качестве специализации, по признанию И.Е., во многом определились благодаря семинарским занятиям А.Л. Смышляева: до того, по словам И.Е., он не отдавал особого предпочтения античности, интересуясь в большей степени российской историей. Обучение прервалось уже в начале первого курса, когда И.Е. был призван в Советскую армию. Служил он, что называется, «по полной схеме» – в железнодорожных войсках (хотя и, по счастливому стечению обстоятельств, недалеко от дома), уволившись в запас с двумя лычками младшего сержанта на погонах. После службы он продолжил занятия на истфаке МГУ. В 1991 г. И.Е. Суриков с отличием окончил университет, защитив дипломную работу, посвященную

аттическим драматургам и религиозным представлениям греков (ее расширенный и переработанный вариант был в 2002 г. опубликован в качестве монографии «Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид, Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. Афин VII– V вв. до н.э.»), и поступил в аспирантуру по кафедре истории древнего мира. Символично, что в этом же году состоялось и «научное крещение» И.Е., когда он выступил с докладом на Сергеевских чтениях в родном университете. Так что ныне мы отмечаем и двадцатипятилетие научной деятельности юбиляра!

В аспирантские годы очень многое дали занятия древними языками с О.В. Смыкой, умеющей не только научить своих слушателей верному пониманию древнегреческих и латинских текстов, но и привить высокий литературный вкус, любовь к античным классикам и – что, может быть, самое важное! – умению воспринимать «мертвые языки» как самое что ни на есть живое явление, причем не только древней истории, но и нашей повседневности. И.Е. неизменно вспоминает о своем ученичестве у Ольги Викторовны с большим теплом и благодарностью.

В 1994 г. после окончания аспирантуры И.Е. Суриков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Килонова скверна в истории Афин VII– V вв. до н.э.». Эта работа стала основой его первой большой монографии «Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII– V вв. до н.э.», которая вышла в 2000 г. в издательстве ИВИ РАН. Обе ранние книги свидетельствуют, что буквально с самых первых своих публикаций И.Е. Суриков проявил себя как вполне сложившийся историк-антиковед со своим неповторимым исследовательским почерком, прекрасным знанием проблематики, чутким пониманием тенденций мировой науки и умением найти свои собственные оригинальные пути на, казалось бы, вдоль и поперек перепаханых научных полях.

С 1994 г. И.Е. Суриков стал активно публиковаться в академическом антиковедческом журнале «Вестник древней истории». В 1996 г. он был приглашен по предложению Людмилы Петровны Маринович в сектор древней истории Института всеобщей истории РАН, который она тогда возглавляла. Этот момент стал ключевым и для И.Е. Сурикова, и для античного сектора ИВИ. Л.П. Маринович была ответственным редактором первых монографий Игоря Евгеньевича. Здесь он сошелся и подружился с Ю.Г. Виноградовым и А.А. Молчановым, у которых мог многое почерпнуть в таких областях, как эпиграфика, генеалогия и нумизматика. Благодарную память о своих старших товарищах И.Е. с присутствием ему тактом и, вместе с тем, душевной теплотой сумел выразить в некрологах, посвященных им.

Докторская диссертация юбиляра – это особая тема. Один из авторов этих строк вспоминает, как в довольно уже далеком 2000 г. он задал нынешнему юбиляру сакраментальный вопрос: «Игорь, а когда же докторская?!». Ответ, надо сказать, поразил своей неожиданностью. «Да она, честно говоря, давно уже готова. Но вот есть коллега X – он старше меня, прекрасный специалист, но до сих пор не доктор. И есть примерно такой же коллега Y... Вправе ли я в такой ситуации защищать свою диссертацию?». Как говорится, комментарии излишни: эти слова в полной мере характеризуют то, что в советское время именовалось «моральным обликом» человека, о котором идет речь. Так или иначе, десять лет спустя после защиты первой диссертации, весной 2004 г., И.Е. Суриков защитил докторскую диссертацию «Остракизм как политический институт афинского полиса классической эпохи». И защитил поистине блестяще! Достаточно привести слова Геннадия Андреевича Кошеленко, одного из ведущих отечественных антиковедов, который, будучи на защите И.Е. официальным оппонентом, сказал буквально следующее: «Я сорок лет выступаю оппонентом на защитах диссертаций. И сегодня первый случай, когда у меня вообще нет замечаний!» В 2006 г. эта работа была опубликована в издательстве «Языки славянских культур» в виде капитальной монографии «Остракизм в Афинах», которая стала научным событием. Собрав и обобщив имеющиеся источники по остракизму (и не только афинскому), И.Е. всесторонне исследовал историю этого политического института у греков. Без преувеличения сказать, эта работа, для выполнения которой потребовались бы многие годы труда целой лаборатории историков-археологов и филологов-эпиграфистов (или даже небольшого исследовательского института!), оказалась по силам одному Сурикову.

Ныне И.Е. Суриков является главным научным сотрудником Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской Академии наук и уже более двух десятилетий он служит профессором кафедры истории Московского физико-технического института. (Кстати, именно на лекциях в МФТИ И.Е. познакомился и подружился с талантливым студентом-физиком

Ильей Рушкиным, ныне живущим и работающим в США, который с его «подачи» начал углубленно интересоваться античностью, изучил древнегреческий язык и ныне является автором нескольких высокопрофессиональных переводов эллинических авторов). В последние 10 лет обе эти должности он совмещает с должностью профессора кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. Читает лекции, ведет семинары и выдает на-гора по полтора-два десятка статей и рецензий и одной (как минимум!) монографии в год! (Оперативно следить за выходом всех своих трудов юбиляр, по его словам, порой и сам не в состоянии). Завидная, надо признать, работоспособность.

О лекторском мастерстве юбиляра следует сказать отдельно. Слушая доклад или лекцию И.Е., так хочется представить его выступающим на афинской агоре или римском форуме – настолько захватывают его речь, манера держаться и излагать свои мысли. Он умеет безраздельно завладеть вниманием любой аудитории – и коллег-антиковедов, и «простых» любителей истории, и потому следует согласиться с одним из коллег, который, оценивая вклад юбиляра в отечественное антиковедение, образно отметил, что современный российский поклонник античности смотрит на нее именно глазами Сурикова.

И.Е. Суриков входит в ряд коллег ведущих российских антиковедческих изданий – «Вестник древней истории» (Москва), «Античный мир и археология» (Саратов), «Из истории античного общества» (Нижегород), «Проблемы истории, филологии, культуры» (Москва – Магнитогорск), «Древнее право» (российско-итальянский журнал), «Цивилизация и варварство» (Москва), «Antiquitas aeterna» (Казань – Нижегород – Саратов), редакционный совет «Вестника Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского», «Аристея» и др. При этом он не только поддерживает научный уровень этих изданий своими многочисленными публикациями, но охотно, деятельно, принципиально и профессионально участвует в повседневной редакционной работе.

И.Е. Суриков – один из наиболее авторитетных российских историков античности, автор почти 400 публикаций, из которых более двух десятков (!) – это получившие известность научные и научно-популярные монографии, учебные пособия по античной истории и культуре, предназначенные для широкой российской читательской аудитории. Поражает диапазон тем и направлений его многолетней исследовательской работы. Кажется, что в истории Древней Греции нет такого сюжета или значимой проблемы, которыми не занимался Игорь Евгеньевич. Это и политическая история, рассматриваемая сквозь призму ключевых институтов полисной государственности и биографий государственных деятелей; греческое законодательство и право; религиозное сознание древних эллинов, историческая география и античная философская мысль, искусство, идеология и ментальность или, говоря шире, категории античной культуры; древнегреческая поэзия, драматургия и ораторское искусство; классическая археология и источниковедение практически во всех его разделах – от эпиграфики и нумизматики до ономастики и топонимики; история экономическая и гендерная. Бесспорно, И.Е. Суриков – один из лучших специалистов по историописанию в классической Греции, глубоко разбирающийся в его истоках, формах и своеобразии, и превосходный знаток греческого языка, проникновенно чувствующий и его поэтику, и исторические реалии, выраженные в терминах, словесных формулах и семантических нюансах. Уверенно чувствует себя Игорь Евгеньевич и в такой специализированной и важной для отечественного антиковедения области, как история античного Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского царства и Херсонеса Таврического, в исследовании которых он привносит взгляд как бы «с того берега» – из коренной Эллады, и это дает возможность по-новому осветить многие давно дискутируемые вопросы. За вовлечение в эту проблематику юбиляра, по его собственным словам, глубоко благодарен своему другу А.А. Завойкину. Особо следует в этом контексте еще раз упомянуть также и Ю.Г. Виноградова, незадолго до своей трагической гибели заинтересовавшего И.Е. проблемой остракизма в Херсонесе. (Кстати, И.Е. со студенческих лет знает и глубоко любит Херсонес и Севастополь, так что такой «поворот» в сфере его изысканий оправдан и даже, пожалуй, закономерен.) Результат известен: ныне в историографии говорится о концепции «раннего основания Херсонеса» Виноградова – Золотарева – Сурикова. И пусть российские и украинские археологи порой ревниво относятся к «вторжениям» И.Е. (историка! Не практикующего археолога!) в их «епархию», не приходится сомневаться в том, что возникающая вокруг его идей полемика способствует значительному прогрессу в изучении Северного Причерноморья.

Осваивая всё новые и новые области и проблемы, И.Е. Суриков настолько глубоко и мастерски овладевает материалом, что бывает трудно поверить, что он не занимается им долгие годы. К какому бы

конкретному сюжету И.Е. не обращался, он всегда увязывает его с общей перспективой, целостностью греческого логоса и социополитического космоса. При этом ту историю Древней Эллады, которую пишет И.Е. Суриков, можно назвать *антропологической* в широком смысле этого слова, и прежде всего потому, что его всегда интересует античный человек во всех его проявлениях – от общественно-политических перипетий и непреходящих духовных свершений до бытовой повседневности. Герои его научных трудов – очень разные. Это и знаковые фигуры древнегреческой политической истории и культуры: Солон и Софокл, Перикл и Пифагор, Алкивиад и Крез, Геродот и Еврипид, Агесилай и Аристид, Сократ и Фукидид, Антифонт и Андокид, Фемистокл и Кимон, Эпаминонд и Демосфен, Аспасия и Сапфо, но также и державный афинский демос, и честолюбивая греческая аристократия, давшая миру и великих законодателей, мыслителей, поэтов и авантюристов и тиранов. А порой – и греческие боги, вершители судеб эллинского мира...

Но, наверное, один из главных и любимых героев исторических исследований юбиляра все же Геродот, на которого он и внешне похож (если, конечно, верить дошедшим античным изображениям создателя первой «Истории»). Достаточно посмотреть на шевелюру русских волос и окладистую бороду *à la* Геродот, которую Игорь носит с юности (по его рассказам, впервые отпустил бороду в одной из археологических экспедиций). Случаен ли этот вид на манер «Отца истории»? – поди знай. Но сходство паразитическое!

И.Е. Суриков – автор переводов классических авторов, и ему весьма удаются стихотворные переложения с древнегреческого языка. В 2011 г. в «Вестнике древней истории» был опубликован выполненный им перевод архисложной поэмы «Александра» эллинистического ученого-поэта Ликофрона – сочинение, которое прежде было принято считать даже «неподдающимся» переводу. И.Е. Сурикову это оказалось не просто по силам, его русский перевод вышел и содержательно точным, и поэтически красивым. Раскроем небольшой секрет: эту работу И.Е. осуществил... на спор, побившись об заклад с коллегой, специально занимавшимся творчеством Ликофрона и уже подготовившим к тому времени точный и максимально адекватный, но... *прозаический* перевод «Александры». А Сурикову удалось поистине мастерски слить воедино и форму, и содержание! В этом свете совсем не удивительно, что им были заново переведены сохранившиеся фрагменты стихотворений Солона. Кроме того, в этом юбилейном для И.Е. году на страницах ВДИ публикуется его перевод речей Антифонта. Многие редкие тексты, включая фрагменты аттидографов и других древнегреческих историков, а также исторические надписи переведены И.Е. Суриковым, тем самым значительно повысившим возможности их дальнейшего углубленного анализа.

Авторы этого очерка, специалисты в разных областях античной истории, свидетельствуют, что И.Е. Суриков увлекательно пишет буквально обо всем. И ведь как пишет! Его работы (на самые разные темы) всегда интересно читать независимо от собственной научной специализации. При этом, конечно, можно и спорить, с чем-то не соглашаться. Он нередко пишет полемически заостренно, но всегда аргументирует свои суждения. Его идеи могут звучать совершенно неожиданно и даже парадоксально (например, о классическом полисе как сверх-государстве), но они всегда глубоко и всесторонне продуманы, «выношены» и взвешены; смелые обобщения неизменно подкреплены тщательной проработкой деталей и вниманием к мельчайшим нюансам. Как ревностный служитель Клио, он неизменно нацелен на поиск исторической истины. Его тексты будоражат мысль, побуждают к дискуссии, к неустанному исследовательскому поиску. И чтение его трудов, среди которых не отыскать, что называется, проходных текстов, действительно вдохновляет. Книги и статьи И.Е. Сурикова написаны живо и увлекательно, это научная проза самого высокого уровня. При этом в Сурикове удачно сочетаются ученый и поэт (в чем, наверно, можно увидеть определенную аналогию со столь почитаемым им Ю.Г. Виноградовым). Его научные штудии действительно вдохновенны – не побоимся этого слова. И потому совершенно не удивительно, что сам он с юности слагает стихи. В 2003 г. был опубликован его поэтический сборник «Гиперборей и грек»; это – отнюдь не любительские вирши, но настоящая поэзия, безупречная по форме, насыщенная по содержанию, заставляющая мыслить о вечном и в то же время глубоко переживать каждое текущее мгновение данной нам жизни. Адресованная вроде бы всему миру сразу – но и каждому конкретному читателю индивидуально...

Выдающиеся достижения И.Е. Сурикова, безусловно, плод не только природного таланта, но и самоотверженного, буквально каждодневного труда (единственный день в году, когда он позволяет себе

Еще одной замечательной чертой И.Е. Сурикова является то, что он открыт ко всему происходящему вокруг. Все происходящее, будь то политические события, кино и музыка – для него не безразлично. Он сразу реагирует на новое, живое...

Судя по всему, Игорь – счастливый человек. Своим плодотворным научно-педагогическим трудом он воистину служит Отечеству, он отличный семьянин и надежный друг. В рабочем кабинете все организовано, богатая картотека, много книг, и все они прочитаны. В творческой работе очень важны «крепкие тылы». И они, к счастью, у И.Е. есть: жена Зоя – верная подруга (уже почти четверть века!), тоже историк, занимающаяся историей Югославии, и сын Всеволод, теперь уже второклассник. И кто только из друзей и коллег не побывал в этой скромной, но удивительно уютной и по-настоящему «теплой» хрущевке в Подмоскowie, примерно в получасе езды от столицы на электричке с Курского вокзала! Действительно, есть ради чего ехать: прогулки по живописным окрестностям, радушный прием, замечательно вкусная еда, бодрящая «Дионисова влага», и – главное – общение, общение, необыкновенно содержательные, интересные и запоминающиеся разговоры обо всем на свете... При том, что сам Игорь считает себя человеком довольно замкнутым и нелегко идущим на контакт, дружить он умеет по-настоящему – честно, искренне и преданно. Это прекрасно проявилось во второй половине июля 2009 г. когда Игорь с родителями и племянником отправился на теплоходе в круиз по Волге, от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно. И в большинстве городов, куда приставал корабль, были свои, были встречи. Нижний – А.В. Махлаюк, Е.А. Молев, С.К. Сизов, В.М. Строгоцкий, Казань – О.Л. Габелко и Э.В. Рунг, Самара – Ю.Н. Кузьмин и О.М. Макарова, Саратов – В.Н. Парфенов, А.А. Сеницын и Е.В. Смыков... Это был тогда великий вояж встреч по всему Поволжью. Вот только в Астрахани никто из коллег не встречал историка-«путешественника» Сурикова... В начале лета 2009-го вышла в серии «ЖЗЛ» его книга о Геродоте, и в каждой гавани Игорь дружески дарил книгу своим гостеприимцам. В феврале 2011 г. на банкете, который давала кафедра истории древнего мира МГУ после очередных «Сергеевских чтений», И.Е. Суриков, вспомнив про этот свой круиз и наши встречи, поднял тост за Волгу – Великую русскую реку, широту отечественного антиковедения и единство наших Поволжских центров. И не случайно, конечно же, что он является постоянным автором Поволжского антиковедческого журнала «Antiquitas aeterna».

А еще где-то в середине 2000-х годов мы сговорились дружной компанией коллег-историков (в которую входили – как предполагалось – О. Габелко, А. Махлаюк, А. Мосолкин, А. Сеницын, А. Сморгчов, Е. Смыков, И. Суриков, а позднее к сговору присоединился и наш латвийский друг Харийс Туманс), съездить на машинах на Нижегородчину, на его родину Игоря. Ведь сколько раз он зазывал нас к себе в Павлово, в гости к его родителям! Сколько раз мы строили планы этой антиковедческой экскурсии: провести несколько дней на реке Оке, рыбачить и варить уху, спать без подушек и одеял на сеновале, пить вино, закусывая хлебом («или сливами»)... Столько раз договаривались, да всё никак не складывалось, по разным причинам. Ну, что ж, будем надеяться, что наша коллективная экспедиция на родину Сурикова когда-то все-таки состоится. И то, какие наши годы!

Данный энкомий мы адресуем Игорю Сурикову от имени всех друзей и коллег, с радостью поздравляем нашего товарища-юбиляра с Пентеконтаэтией и желаем Многая и благая лета!

Июль 2015

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ И.Е. СУРИКОВА

1. Судебные процессы о «нечестии» (ἀσέβεια) в Афинах последней трети V в. до н.э.: явные и скрытые мотивы // Среда, личность, общество: Доклады конференции. М., 1992. С. 56–57.
2. Рецензия: Строгоцкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991 // ВДИ. 1994. № 1. С. 215–219.
3. Черты народной смеховой культуры в творчестве Аристофана // Античный вестник: Сборник научных трудов. Вып. 2. Омск, 1994. С. 165–173.
4. Килонова скверна в истории Афин VII– V вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1994.
5. Афинский ареопаг в первой половине V века до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.
6. Рецензия: Aristote et Athènes. P., 1993 // ВДИ. 1995. № 4. С. 209–212.
7. Острака как источник по истории раннеклассических Афин // Античный вестник: Сборник научных трудов. Вып. 3. Омск, 1995. С. 107–114.
8. Вечная тайна античности. Часть I. Методическое пособие для воспитателей, учителей и педагогов дополнительного образования. М., 1995 (в соавторстве с Е.Б. Евладовой и Т.И. Петраковой).
9. Отв. ред.: Вечная тайна античности. Часть II. Дополнительные материалы для урочной и внеурочной деятельности с учащимися 6-х классов. М., 1995 (совместно с Е.Б. Евладовой и Т.И. Петраковой).
10. Золотой век Эллады (Греция в V в. до н.э.) // Вечная тайна античности. Часть II. Дополнительные материалы для урочной и внеурочной деятельности с учащимися 6-х классов. М., 1995. С. 7–25.
11. Открытие духа (Религиозные представления древних греков) // Там же. С. 25–47.
12. Русская Эллада // Там же. С. 119–126.
13. Отв. ред.: Вечная тайна античности. Часть III. Пояснительные материалы к фоно- и слайдотеке. М., 1996 (совместно с Е.Б. Евладовой и Т.И. Петраковой).
14. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146.
15. Рецензия: Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993 // ВДИ. 1996. № 3. С. 197–201.
16. Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 235–245.
17. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века: Доклады конференции. М., 1996. С. 43–52.
18. Рецензия: The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994 // ВДИ. 1997. № 1. С. 232–237.
19. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14–35.
20. Попытка торговых санкций в классической Греции: мегарская псефисма Перикла и ее последствия // Торговля и торговец в античном мире: Доклады «круглого стола». М., 1997. С. 29–41.
21. Античная цивилизация // Программы по всеобщей истории для студентов 1 курса МФТИ. М., 1997. С. 95–115.
22. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире: Доклады конференций. М., 1997. С. 89–99.
23. У истоков остракизма // Власть, человек, общество в античном мире: Доклады конференций. М., 1997. С. 252–260 (в соавторстве с А.А. Молчановым).
24. Античная цивилизация: Греция. Учебное пособие. М., 1997.
25. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 30–33.
26. Постигание Слова (О греческом языке и его изучении) // Во свете Твоем узрим свет. 1998. № 4. С. 6–8.
27. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конференции. М., 1999. С. 72–79.
28. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конференции. М., 1999. С. 122–130 (в соавторстве с А.А. Молчановым).

29. Рецензия: *The Athenian Agora. Vol. XXVIII. The Lawcourts at Athens.* Princeton, 1995 // ВДИ. 1999. № 1. С. 220–225.
30. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114.
31. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // *Древнее право.* 1999. № 2 (5). С. 34–42.
32. Перикл, Амис и амазонки // ИИАО. 1999. Вып. 6. С. 147–152.
33. Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // *Проблемы антиковедения и медиевистики: Межвузовский сборник научных трудов.* Нижний Новгород, 1999. С. 48–52.
34. Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения // *Античный вестник: Сборник научных трудов.* Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 126–143.
35. Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // *Античный вестник: Сборник научных трудов.* Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 187–193.
36. Рецензия: Елагина А.А. Римское общество в историко-литературных источниках I в. н. э. Омск, 1998 // *Античный вестник: Сборник научных трудов.* Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 228–229.
37. К интерпретации хлебных символов на античных монетах зоны Черноморских проливов // *Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений.* М., 1999. С. 17–19.
38. Афинянин Мегакл и Эретрия (К интерпретации одного остракона) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения: Тезисы докладов. М., 1999. С. 111–112.
39. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000.
40. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // *Античность: эпоха и люди.* Казань, 2000. С. 17–27.
41. Раскрыта ли тайна Фестского диска? // *Наука и жизнь.* 2000. № 2. С. 46–49.
42. Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // *Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход).* М., 2000. С. 273–288.
43. Портрет закатной эпохи: Фундаментальное исследование эллинистической истории Афин // *Ex libris НГ: книжное обозрение.* 2000. № 3 (126). С. 5.
44. Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения.* М., 2000. С. 137–143.
45. Рецензия: Heskell J. *The North Aegean Wars, 371–360 B.C.* Stuttgart, 1997 // ВДИ. 2000. № 1. С. 222–226.
46. К интерпретации имени Арифрона на остраке // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79.
47. По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // *Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений.* М., 2000. С. 6–7.
48. История древнего мира // *Программы по истории для студентов I курса.* М., 2000. С. 4–17.
49. Ксантпп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100–109.
50. Добрые традиции казанского антиковедения // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 84–88.
51. Греческий роман и греческое понимание характера // ПИФК. 2000. Вып. 9. С. 22–28.
52. К реконструкции некоторых формулировок закона Клисфена об остракизме // *Антиковедение на рубеже тысячелетий.* М., 2000. С. 92–94.
53. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Ч. 1. Казань, 2000. С. 95–112.
54. Аристократические роды в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э.: Алкмеониды и их окружение // *Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции.* СПб., 2000. С. 152–169.
55. Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // *Древнее право.* 2000. № 1 (6). С. 14–22.
56. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // *Древнее право.* 2000. № 2 (7). С. 8–18.
57. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus.* 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103–123.
58. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.
59. Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории.* 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 198–225.

60. Место аристократических родословных в общественно-политической жизни классических Афин // ИИАО. 2001. Вып. 7. С. 138–147.
61. Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья? // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 90–97.
62. Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI– V вв. до н.э. // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 256–274.
63. О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 172–176.
64. К просопографии афинских монетных магистратов эпохи эллинизма // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 29–31.
65. Лидийский царь Крез и политическая жизнь Балканской Греции в VI в. до н.э. // Античность в современном измерении. Казань, 2001. С. 153–155.
66. Лидийский царь Крез и Балканская Греция // *Studia historica*. Вып. 1. М., 2001. С. 3–15.
67. *Historico-geographical Questions, Connected with Pericles' Pontic Expedition* // *ACSS*. 2001. Vol. 7. No. 3/4. P. 341–366.
68. Лунный лик Эллады: Русский перевод знаменитой книги об оборотной стороне «греческого чуда» // *Ex libris НГ: книжное обозрение*. 2001. №44 (216). С. 5.
69. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002.
70. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых европейских историков // *Проблемы исторического познания*. М., 2002. С. 223–235.
71. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // *ВДИ*. 2002. №1. С. 15–24.
72. Полемика о датировке Афинского монетного декрета: к оценке аргументации сторон // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 9–10.
73. Законы Драконта как мнимая реальность // *Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии*. М., 2002. С. 215–221.
74. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342–364.
75. Рецензия: Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999 // *ВДИ*. 2002. №3. С. 212–217.
76. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // *Древнее право*. 2002. №1 (9). С. 8–21.
77. Внешняя политика Афин в период пентеконтаэтии // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 39–81.
78. Античная нарративная традиция об институте остракизма // *Studia historica*. Вып. 2. М., 2002. С. 51–74.
79. О религиозной специфике жанра древней аттической комедии // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 59–72.
80. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 72–82.
81. Ксенические связи в дипломатии Алквиада // *АМА*. 2002. Вып. 11. С. 4–13.
82. Лунный лик Клио: Элементы иррационального в концепциях первых античных историков // *Муїца*. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 402–412.
83. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // *ВДИ*. 2003. №2. С. 16–25.
84. Из истории находок острака в Афинах // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 121–131.
85. Авторское начало в лирике Солона // *Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст*. М., 2003. С. 235–240.
86. Античность и задачи среднего образования (некоторые соображения) // *Антиковедение в системе современного образования*. М., 2003. С. 49–51.
87. Нимфей и Афинский монетный декрет // *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. СПб., 2003. С. 26–27.
88. Рецензия: Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001 // *ВДИ*. 2003. №3. С. 223–227.

89. Изменения в афинских законах в V в. до н.э. (на примере закона об остракизме) // Древнее право. 2003. №1 (11). С. 8–22.
90. Солон и Дельфы // *Studia historica*. Вып. 3. М., 2003. С. 38–52.
91. IV речь корпуса Андокида как исторический источник // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 3–13.
92. Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: сравнительный анализ // Историки в поиске новых смыслов. Казань, 2003. С. 225–230.
93. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.
94. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. №1. С. 3–30.
95. Первосвященник Клио (О Геродоте и его труде) // Геродот. История. М., 2004. С. 5–20.
96. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175–188.
97. История как «пророчество о прошлом» (Формирование древнегреческих представлений о труде историка) // Восточная Европа в древности и средневековье: Время источника и время в источнике. М., 2004. С. 193–198.
98. ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 25–26.
99. Остракизм как политический институт афинского полиса классической эпохи. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2004.
100. Копенгагенский центр М. Хансена и изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX– XXI вв. // Материалы IX чтений памяти проф. Н.П. Соколова. Нижний Новгород, 2004. С. 61–65.
101. «Полиархия» или все-таки полис? // *Studia historica*. Вып. 4. М., 2004. С. 150–163.
102. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX– XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // *Studia historica*. Вып. 4. М., 2004. С. 164–176.
103. Athenian Nobles and the Olympic Games // *Mésogeios*. 2004. Vol. 24. P. 185–208.
104. Древнегреческие монеты с легендой ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 316–326.
105. Апостол Павел в Ареопаге: Христианская культура и античное наследие // Воскресная школа. 2004. №24–27 (288–291). С. 10–11.
106. Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2004. Вып. 1 (3). С. 51–65.
107. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
108. Древняя Греция: история и культура. М., 2005.
109. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. №1. С. 15–33.
110. Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 89–104.
111. Некоторые соображения по поводу древнейших афинских монет // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 9–10.
112. Первые шаги европейского права: формирование аутентичной нарративной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 1. С. 36–39.
113. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 559–581.
114. Рецензия: Ostrakismos-Testimonien. I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). Stuttgart, 2002 // ВДИ. 2005. №2. С. 175–182.
115. Остракизм Кимона // Античный вестник: Сборник научных трудов. Вып. 7. Омск, 2005. С. 98–108.
116. «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. №3. С. 151–161.
117. Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // ААе. 2005. Вып. 1. С. 122–130.
118. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. 2005. №2. С. 113–130.
119. ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // *Studia historica*. Вып. 5. М., 2005. С. 3–22.
120. Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге // *Studia historica*. Вып. 5. М., 2005. С. 171–179.

121. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239–250.
122. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. II, III. М., 2005. С. 7–34.
123. «Пшеница Божия»: Гонения на христиан в Римской империи // Воскресная школа. 2005. № 39–40 (351–352). С. 11.
124. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 8–20.
125. Остракизм в Афинах. М., 2006.
126. «Античная историческая мысль и историография» – опыт практикума-хрестоматии для студентов-историков // Учебные пособия нового поколения по всеобщей истории: Научно-практический семинар 21–22 февраля 2006 года. Материалы семинара. М., [2006]. С. 27–31 (в соавторстве с А.В. Махлаюком).
127. Материалы к лекциям // Актуальные проблемы изучения и преподавания античной истории и археологии: Методические материалы. М., 2006. С. 3–57.
128. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. № 1. С. 18–47.
129. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колониционная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 47–72.
130. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 181–186.
131. Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 56–86.
132. К вопросу о характере боспорской тирании: стадийно-типологический контекст // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 348–353.
133. Рецензия: Will W. Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003 // ВДИ. 2006. № 3. С. 214–220.
134. Классическая афинская демократия: «свет и тени народовластия» // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Вып. 2. Нижний Новгород, 2006. С. 20–34.
135. Homo quadratus (О Ю.Г. Виноградове и моих встречах с ним) // ДБ. 2006. Т. 10. С. 13–17.
136. Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины // Одиссей: человек в истории. 2006. С. 201–220.
137. Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 79–89.
138. Очень субъективные заметки // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 234–241.
139. Древнейшие афинские монеты (*Wappenmünzen*): проблемы интерпретации и датировки // АМА. 2006. Вып. 12. С. 43–51.
140. Antiphoneta I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. Вып. 6. М., 2006. С. 40–68.
141. Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2006. № 12. С. 23–47.
142. The Evolution of the Athenian Archonship as an Institution of Public Law // *Diritto e storia*. 2006. No 5 / <http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm>.
143. Образы «первогрешников» в древнегреческой мифологии: попытка структурной интерпретации // ПИФК. 2006. Вып. 16/2. С. 3–12.
144. Изучение древнегреческого публичного права в античной юридической науке: первые шаги // Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 26–36.
145. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. Учебное пособие. М., 2007.
146. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический контекст // ИИАО. 2007. Вып. 9–10: К 60-летию профессора Е.А. Молева. С. 140–156.
147. «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151.
148. Власть и имя в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // Восточная Европа в древности и средневековье: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 253–257.

149. Космос – Хаос – История: типы исторического сознания в классической Греции // *Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры*. М., 2007. С. 72–92.
150. От *Warrenmünzen* к «Совам»: в поисках исторического контекста // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2007. С. 10–12.
151. Греко-персидские войны // *Энциклопедия для детей*. [Т. 32.] История войн. М., 2007. С. 28–43.
152. Пелопоннесская война // *Энциклопедия для детей*. [Т. 32.] История войн. М., 2007. С. 44–57.
153. Завоевания Александра Македонского // *Энциклопедия для детей*. [Т. 32.] История войн. М., 2007. С. 58–77.
154. Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // *ААе*. 2007. Вып. 2. С. 30–39.
155. Ранняя афинская колонизация: политические и экономические мотивы // *Материалы Всероссийской научной конференции «X Чтения памяти проф. Н.П. Соколова»*. Нижний Новгород, 2007. С. 26–31.
156. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // *ВДИ*. 2007. № 3. С. 28–46.
157. Древняя Греция: учебное пособие для вузов. М., 2007 (в соавторстве с Б.С. Ляпустиным).
158. Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. 2007. № 14. С. 87–112.
159. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // *ДБ*. 2007. Т. 11. С. 380–393.
160. Археология и религиоведение // *ДБ*. 2007. Т. 11. С. 394–402.
161. Antiphoneta II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // *Studia historica*. Вып. 7. М., 2007. С. 28–43.
162. О необходимости современных подходов к изучению архаической аристократии // *Studia historica*. Вып. 7. М., 2007. С. 206–220.
163. Эволюция афинского архонтата // Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизаций». Статьи и тезисы докладов. Ч. 2. М., 2007. С. 28–48.
164. Геродот и «похищение Европы»: первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 149–160.
165. Остракизм в классических Афинах: политический карнавал? // *Одиссей: человек в истории*. 2007. С. 194–211.
166. Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «отце истории» как «отце лжи») // *Исседон: Альманах по древней истории и культуре*. Т. 4. Екатеринбург, 2007. С. 7–25.
167. Древняя Греция: политическая история // *Энциклопедия для детей*. [Т. 1]. Всемирная история. В 4 ч. Ч. 1. История Древнего мира. М., 2008. С. 206–257.
168. Древнегреческое общество // *Энциклопедия для детей*. [Т. 1]. Всемирная история. В 4 ч. Ч. 1. История Древнего мира. М., 2008. С. 258–308.
169. Политический человек античности // *Энциклопедия для детей*. [Т. 1]. Всемирная история. В 4 ч. Ч. 1. История Древнего мира. М., 2008. С. 308–314.
170. Общественные и государственные деятели Древней Греции // *Энциклопедия для детей*. [Т. 1]. Всемирная история. В 4 ч. Ч. 1. История Древнего мира. М., 2008. С. 315–334.
171. Сухопутные маршруты глазами «народа моря»: Геродот о некоторых трансконтинентальных путях // *Восточная Европа в древности и средневековье: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен*. М., 2008. С. 217–221.
172. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // *История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова*. СПб., 2008. С. 67–82.
173. Деятели культуры в классической Греции: маргинальная элита? // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 5. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 288–297.
174. Энциклопедические статьи: Агамемнон, Александр Македонский, Александра Македонского завоевания, Антиохия, Античная религия, Античность, Аристид, Аристотель, Архимед, Архонт, Атлантида, Афинская демократия, Афинский морской союз, Афины, Ахейцы, Боспорское царство, Вольноотпущенники, Гавгамелы, Гимнасий, Гипподамова планировка городов, Гомер, Греко-Бактрийское царство, Греко-персидские войны, Греция Древняя, Дельфы, Демос, Диадихи, Диадихов войны, Дорийцы, Илоты, Клисфен, Кносский дворец, Колонизация греческая, Коринф, Крито-микенская цивилизация, Левктры, Леонид, Ликург, Македонское царство, Мантинейя, Марафон, Мессенские войны, Метеки, Микале, Микены, Мильтиад, Минос, Митридат VI Евпатор, Натурфилософия древнегреческая, Ордер,

Одиссея, Ойкумена, Олимпийские игры, Ольвия, Парфенон, Пелопоннесская война, Пергамское царство, Перикл, Писистрат, Пифагор, Платей, Платон, Полибий, Полис, Понтийское царство, Саламин, Селевкиды, Сиракузы, Солон, Союзническая война, Спарта, Стратег, Троя, Троянская война. Фаланга, Фемистокл, Фермопилы, Фивы, Филипп II Македонский, Фукидид, Херсонес, Эллинистическая цивилизация, Энциклопедия // История зарубежных стран: Энциклопедия. М., 2008.

175. История в драме – драма в истории: некоторые аспекты исторического сознания в классической Греции // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 371–409.

176. Античная историческая мысль и историография: Практикум-хрестоматия для студентов исторических факультетов университетов. М., 2008 (в соавторстве с А.В. Махлаюком).

177. ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. №2. С. 25–37.

178. Артефакт против нарратива: сюжет обценного изображения на «вазе Евримедонта» и некоторые релевантные тексты // http://www.archaion.narod.ru/sur_art.pdf.

179. Рецензия: Ставнюк В.В. Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004; он же. Становлення афінського поліса. Київ, 2005 // ВДИ. 2008. №3. С. 243–251.

180. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Часть I // ИИАО. 2008. Вып. 11. С. 5–25.

181. Время и человеческая жизнь в древнегреческом менталитете и древнегреческой историографии: линия и цикл // Время в координатах истории. М., 2008. С. 64–66.

182. Ре-актуализация и ре-интерпретация опыта античной демократии в исторических исследованиях на современном этапе // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008. С. 349–351.

183. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008.

184. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008.

185. Antiphoneta III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // Studia historica. Вып. 8. М., 2008. С. 67–95.

186. Дополненное переиздание классического труда // Studia historica. Вып. 8. М., 2008. С. 172–187.

187. Геродот о древнегреческих законах // Древнее право. 2008. №1 (21). С. 20–26.

188. Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н.э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80.

189. Данайцы // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 5 (1): Головин – Даргомыжский. М., 2008. С. 431.

190. Делосский морской союз, Дельфийская амфикиония, Демагог, Демад, Демарат, Деметрий I Полиоркет, Демос, Демы, Диадохы, Диодор Сицилийский, Дионисий I, Дионисий II, Дорийцы // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 5 (2): Дардан – Дрейер. М., 2008. С. 103, 107–109, 111–112, 132–134, 251, 298, 301, 433.

191. Дура-Европос, Евбул, Зевгиты // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 6 (1): Дрейк – Зеленский. М., 2008. С. 44, 101, 467.

192. Галикарнасский закон V в. до н.э. (надпись ML 32) как эпиграфический памятник и исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Международной научной конференции. М., 2009. С. 330–333.

193. Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота // ВДИ. 2009. №1. С. 29–53.

194. «История» Геродота как источник для Аристотеля // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 314–318.

195. Порыв и мера: индивидуалистическая и коллективистская тенденции в древнегреческой культуре полисной эпохи // Русский мир и Латвия. Альманах. Рига, 2009. Вып. 18. С. 62–68.

196. Herodotus' *Histories* and Athenian Aristocracy // International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture. Riga, 2009. P. 32.

197. О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 7–9.

198. Самый загадочный закон Солона: вопросы аутентичности и исторический контекст // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 6. М., 2009. С. 239–252.

199. Еще раз о Гилоне, деде Демосфена: взгляд со стороны Афин // Боспорские чтения. Вып. 10. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 440–444.

200. Геродот. М., 2009 (Жизнь замечательных людей, вып. 1174).
201. Солон и представления о времени в архаической Греции // *Формы и способы презентации времени в истории*. М., 2009. С. 13–36.
202. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть II // *ИИАО*. 2009. Вып. 12. С. 5–37.
203. Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н.э.) // *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. 2-е изд. М., 2009. С. 79–95.
204. Рецензия: Will W. *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen*. Bonn, 2006 // *ВДИ*. 2009. № 3. С. 179–184.
205. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. Учебное пособие по спецкурсу для исторических факультетов вузов. М., 2009.
206. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // *ДБ*. 2009. Т. 13. С. 393–413.
207. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // *ВЭ*. 2009. Вып. 3. С. 102–127.
208. Афинская аристократия и Олимпийские игры (просопографический этюд) // *Норция: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 90-летию со дня рождения А.И. Немировского*. Вып. 6. Воронеж, 2009. С. 21–38.
209. О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной конференции*. СПб., 2009. С. 85–88.
210. Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих постарных представлениях) // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. 2009. № 17. С. 7–39.
211. История и культура Древней Греции: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. И.Е. Сурикова. М., 2009 (в соавторстве с В.С. Ленской, Е.И. Соломатиной, Л.И. Таруашвили).
212. Риторика // *Культурология: Учебно-методические комплексы*. Вып. 1. *Общепрофессиональные дисциплины*. Ч. 1. М., 2009. С. 233–253.
213. Древнегреческий язык // *Культурология: Учебно-методические комплексы*. Вып. 1. *Общепрофессиональные дисциплины*. Ч. 1. М., 2009. С. 254–266.
214. Филохор, афинский историк эпохи раннего эллинизма // *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире*. Казань, 2009. С. 65–73.
215. Antiphon IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // *Studia historica*. Вып. 9. М., 2009. С. 1–27.
216. «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. Вып. 9. М., 2009. С. 185–201.
217. On the Origins of Popular Court (*heliaia*) in Archaic Athens // *Diritto e storia*. 2009. No 8 / <http://www.dirittoestoria.it/8/Note&Rassegne/Surikov-Popular-court-archaic-Athens.htm>.
218. Образы времени в историческом труде Геродота // *АМА*. 2009. Вып. 13. С. 10–35.
219. Историческая справка: эллинизм // *Исторический лексикон. Древний мир*. В 2-х книгах. М., 2009. Кн. 1. С. 75–77.
220. Антигон Одноглазый // Там же. С. 78–79.
221. Аристид // Там же. С. 149–152.
222. Антиох III Великий // Там же. С. 308–309.
223. Гомер // Там же. С. 349–359.
224. Агамемнон, микенский царь // Там же. С. 372.
225. Клеомен I // Там же. С. 640–642.
226. Ликург // Там же. С. 707–711.
227. Перикл // *Исторический лексикон. Древний мир*. В 2-х книгах. М., 2009. Кн. 2. С. 65–80.
228. Солон // Там же. С. 332–343.
229. Фемистокл // Там же. С. 529–535.
230. Эпаминонд // Там же. С. 713–718.
231. Рецензия: *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden– Boston, 2006 // *ВДИ*. 2010. № 1. С. 207–214.
232. Афинская демократия и устная историческая традиция // *Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте*. М., 2010. С. 247–252.
233. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Учебное пособие. Ярославль, 2010 (в соавторстве с В.В. Дементьевой).

234. Путь как принцип жизни и мысли (Кое-что об основаниях географических представлений Геродота) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 285–299.
235. Последние главы «Истории» Геродота и вопрос о степени завершенности его труда // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 356–363.
236. Артемидор и Фрейд: некоторые типы сновидений и специфика древнегреческого менталитета // http://archaion.narod.ru/tez_sur.pdf.
237. Парадоксы «отца истории»: Геродот – исследователь архаической и классической Греции // Вестник РГГУ. 2010. №10 (53). Серия «Исторические науки». История / *Studia classica et mediaevalia. Centaurus*. №6. С. 66–100.
238. О принципах наименования новоосновываемых городов в греческом мире архаической и классической эпох // Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст. Ярославль, 2010. Ч. 1. С. 9–15.
239. Некоторые проблемы олигархического переворота 404 г. до н.э. в Афинах и правления «Тридцати тиранов» // <http://antiquity-perm.ru/wp-content/uploads/2010/08/Surikov.pdf>.
240. Еще раз об афинской гелиее // Древнее право. 2008. №2 (22). М., 2010. С. 8–24.
241. Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 113–144.
242. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 20–48.
243. Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // ИИАО. 2010. Вып. 13. С. 37–60.
244. Отв. ред.: Античный полис: Курс лекций. М., 2010 (совместно с В.В. Дементьевой).
245. Предисловие // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 4–7 (в соавторстве с В.В. Дементьевой).
246. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 8–54.
247. Геродот и Софокл, не заметившие друг друга? (К оценке одной недавней гипотезы) // ВДИ. 2010. №4. С. 133–152.
248. ΣΑΜΜΑ: о нескольких новых гипотезах // ДБ. 2010. Т. 14. С. 468–483.
249. *Antiphoneta V*: Философские фрагменты Антифонта // *Studia historica*. Вып. 10. М., 2010. С. 25–65.
250. Ценный свод иконографического материала с древнего Кипра // *Studia historica*. Вып. 10. М., 2010. С. 208–221.
251. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. 2010. Вып. 9. С. 27–54.
252. Закон с родины Геродота и его исторический контекст // ВЭ. 2010. Вып. 4. С. 63–81.
253. Иллирийцы, Илоты // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 6 (2): Зелёна-Гура – Интоксикация. М., 2010. С. 271–272, 275.
254. Ионийское восстание, Ионийцы, Иония, Исавры, Исагор, Исей, Исократ, Истрия // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 7 (1): Интонация – Казарес. М., 2010. С. 44–46, 160, 162, 215, 311.
255. Историография // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 7 (1): Интонация – Казарес. М., 2010. С. 279–288. (в соавторстве с М. С. Бобковой, С.Г. Мейбомом, А.И. Сидоровым, А.Е. Шикло).
256. Каппадокия, Кассандр // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 7 (2): Казарки – Квазистационарный. М., 2010. С. 235–236, 380–381.
257. Керкинитида, Керкира, Кидония, Кизик, Кикладская культура, Килон, Киммерийцы, Кимон, Киноскефалы, Кипсел, Кирена, Киренаика, Клеомен I, Клеомен III, Клерухии, Клисфен // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 8 (1): Квазичастицы – Когг. М., 2010. С. 88–89, 114, 120, 122, 127, 132, 159, 182, 201–202, 387, 391, 410–411.
258. «Превознести афинян перед афинянами»: локальные традиции историописания в классической Греции // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 11–36.
259. Историческая география и ономастика: о пользе взаимодействия различных специальных исторических дисциплин (на материале из античного Причерноморья) // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции. М., 2011. С. 415–418.
260. К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII– VII вв. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 273–278.

261. Рецензия: Lehmann G. A. Perikles: Staatsmann und Strategie im klassischen Athen. Eine Biographie. München, 2008 // ВДИ. 2011. № 1. С. 195–202.
262. Аркадий Анатольевич Молчанов (1947–2010) // ВДИ. 2011. № 1. С. 212–215.
263. Ликофрон. Александра (перевод с древнегреческого и комментарий) // ВДИ. 2011. № 1. С. 219–233.
264. К интерпретации легенды SAMMA: попытка поиска в новом направлении // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2011. С. 23–25.
265. «Путч черных капитанов» // Природа. 2011. № 5. С. 59–64.
266. Геродот и Филаиды // Аристей. 2011. Т. 3. С. 30–64.
267. Знаменитые афиняне VI– V вв. до н.э. на территории Ахеменидской державы // Иран и античный мир: Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докладов международной научной конференции. Казань, 2011. С. 37–38.
268. Первый переходный период в истории европейской цивилизации (так называемые «темные века»): проблемы терминологии и дефиниций // Международная научная конференция: Переходные периоды всемирной истории: Динамика в оценках прошлого. М., 2011. С. 3–5.
269. Рецензия: Barta H. “Graeca non leguntur”? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. 1. Wiesbaden, 2010 // ВДИ. 2011. № 2. С. 190–194.
270. Ликофрон. Александра (перевод с древнегреческого и комментарий) (окончание) // ВДИ. 2011. № 2. С. 234–267.
271. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.
272. Сократ. М., 2011 (Жизнь замечательных людей, вып. 1318).
273. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междуусобиц. М., 2011.
274. От «демотевта» – к демагогу? (Афинские триерархи V в. до н.э. и их «электорат») // ВДИ. 2011. № 3. С. 30–52.
275. Как назывался высший орган власти в демократическом афинском полисе? // <http://antik-ya.org/events/cl-civ-2011/papers/surikovie>.
276. Историческая аргументация и политическая полемика в античной Греции (некоторые аспекты) // Историк и общество. Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011. С. 29–48.
277. Σαστήρ – *σάσσα – sa-sa-ma-o-se – САММА (Новые соображения в связи с загадочной боспорской монетной легендой: «херсонесский след» и «кипрский след») // ДБ. 2011. Т. 15. С. 275–287.
278. Раннебоспорские землянки: свидетельство контактов с местным населением или модификация эллинских традиций? // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 59–63.
279. «Круг земель» и переселение народов в Средиземноморье (XI– IX века до н.э.) // Всемирная история: В 6 т. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 407–414 (в соавторстве с О.В. Сидорович).
280. Великая греческая колонизация // Всемирная история: В 6 т. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 431–438.
281. Архаический историк Геродот: гендерный аспект // ААе. 2011. Вып. 3. С. 15–24.
282. Рецензия: Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья. В 3-х книгах. М., 2010 // ААе. 2011. Вып. 3. С. 239–248.
283. Правосознание афинян классической эпохи: некоторые характерные свидетельства источников // Studia historica. Вып. 11. М., 2011. С. 85–118.
284. Antiphon VI: Важнейшее в мировой историографии исследование об Антифоне // Studia historica. Вып. 11. М., 2011. С. 257–275.
285. Сократ и «Тридцать тиранов» // Scripta antiqua. Т. 1. М., 2011. С. 193–205.
286. Агесилай Великий, Алкмеониды, Аристокритон и Гармодий // Российская историческая энциклопедия. Т. 1: Аалто – Аристократия. М., 2011. С. 123, 279–280, 573.
287. Путч черных капитанов (изменения в составе афинской политической элиты V в. до н.э. и их последствия) // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2010 года. Вып. 14. М., 2011. С. 450–457.
288. Конон, Коринф, Коринфская война // Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т. 8 (2): Когезия – Костариканцы. М., 2011. С. 254, 411–413.
289. Сон и смерть, тело и душа, Артемидор и Фрейд (замечки о некоторых специфических чертах античного греческого менталитета) // АМА. 2011. Вып. 15. С. 3–14.
290. О необходимости точного перевода античных эпиграфических (и иных) текстов // ВЭ. 2011. Вып. 5. С. 161–179.
291. Слово о коллеге и друге: Аркадий Анатольевич Молчанов // ВЭ. 2011. Вып. 5. С. 445–458.
292. Рецензия: Проблемы античной демократии. СПб., 2010 // Аристей. 2011. Т. 4. С. 195–212.
293. Криптии, Критий, Крито-микенская цивилизация, Кумы // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 9 (1): Костелич – Лагос-де-Морено. М., 2012. С. 160, 179, 185, 349.

294. Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 240–245.
295. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 311–315.
296. «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38.
297. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения // ВДИ. 2012. №2. С. 29–54.
298. Античность и проблемы современного образования // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Вып. 3–4. Нижний Новгород, 2012. С. 10–16.
299. Античность и Древняя Русь: некоторые аспекты культурного влияния // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Вып. 3–4. Нижний Новгород, 2012. С. 130–144.
300. Винкельман – Ницше – Гитлер: «Немецкая античность» и складывание нацистской идеологии // История и современность. 2012. №1. С. 192–207.
301. Восточно-средиземноморский мир накануне Греко-персидских войн как система: центры и периферии // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпоху: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII Чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Нижний Новгород, 2012. С. 9–11.
302. Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация – варварство» в античной Греции // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 47–66.
303. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 440–469.
304. Herodotus's *Histories* and Athenian Aristocratic Families // Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies. Riga, 2012. P. 30–39.
305. Рецензия: Строецкий В.М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. I: Геродот. Нижний Новгород, 2010 // ВДИ. 2012. №3. С. 157–166.
306. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.
307. Antiphon VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта // *Studia historica*. Вып. 12. М., 2012. С. 33–60.
308. Как назывался высший орган власти в демократическом афинском полисе? // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Ярославль, 2012. С. 8–20.
309. Новый отечественный антиковедческий журнал // *Scripta antiqua*. Т. 2. М., 2012. С. 451–460.
310. Полис, логос, космос: мир глазами элина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012.
311. Афинский декрет об основании колонии Бреи (IG. I³. 46): О некоторых спорных вопросах реконструкции и интерпретации // ВЭ. 2012. Вып. 6. С. 317–336.
312. Новые наблюдения над ономастическим материалом, связанным с историей Афинской морской державы // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Ч. 1. М., 2013. С. 556–559.
313. Пифагор. М., 2013 (Жизнь замечательных людей, вып. 1418).
314. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // ВДИ. 2013. №1. С. 167–176.
315. Были ли экономическими причины появления алфавитной письменности в античной Греции? // Восточная Европа в древности и средневековье: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 245–249.
316. Суждения Платона и Аристотеля о монете и их влияние на современные научные представления о появлении монетной чеканки в Греции // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2013. С. 14–16.
317. Herodotus and the Philaids // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History* / Ed. by A. Mehl, A. V. Makhlayuk, O. Gabelko. Stuttgart, 2013. P. 45–70.
318. Стасис как право и обязанность: закон Солона против нейтралитета в гражданской смуте // *Monumentum Gregorianum*. Сборник научных статей памяти академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 222–230.

319. Рецензия: Barta H. "Graeca non leguntur"? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Band II. Archaische Grundlagen. Teil 1–2. Wiesbaden, 2011 // ВДИ. 2013. № 3. С. 205–212.
320. Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы // Вестник РГГУ. 2013. № 17 (118). Серия «Исторические науки». История / *Studia classica et mediaevalia*. С. 181–204.
321. Некоторые общие соображения об античном пути развития // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Вып. 5. Нижний Новгород, 2013. С. 78–88.
322. Review: H. Barta. "Graeca non leguntur"? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Band I– II. Wiesbaden, 2010–2011 // AWE. 2013. Vol. 12. P. 344–348.
323. Древнегреческие эпиграфические памятники исторического содержания и их информационная среда // Информационное пространство истории: Международная научная конференция. Рабочие материалы. М., 2013. С. 38.
324. Этопия в судебных речах Антифонта (к постановке проблемы) // Мнемон. 2013. Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. С. 99–126.
325. Некоторые проблемы истории древнегреческих городов в регионе Черноморских проливов // АМА. 2013. Вып. 16. С. 24–38.
326. Спартанец по преимуществу: некоторые штрихи к биографии Агесилая Великого // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана. Казань, 2013. С. 92–95.
327. Греческое имя Дем(ос) на Боспоре? К интерпретации одного недавно опубликованного граффито // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 115–120.
328. «Молчание ягнят» (О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н.э.) // ДБ. 2013. Т. 17. С. 280–296.
329. Афины и греческий мир в эпоху Платона: политическая история и тенденции в идейной жизни // Платоновский сборник. Т. 2. М.; СПб., 2013. С. 140–164.
330. Афины в VIII– VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.
331. Влияние античности на Древнюю Русь и древнерусскую культуру // Русский мир и Латвия. Альманах. Рига, 2013. Вып. 33. С. 93–99.
332. О возможном историко-географическом контексте сюжета обценного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод греко-персидских войн) // Аристей. 2013. Т. 7. С. 46–57.
333. Классическая афинская демократия и устная историческая традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 497–520.
334. Памяти Людмилы Петровны Маринович (1931–2010) // Древнее право. 2013. № 2 (27). С. 8–11 (в соавторстве с М.В. Бибиковым, Л.Л. Кофановым, Е.А. Сухановым и А.О. Чубарьяном).
335. Некоторые замечания о понятии собственности в древнегреческом праве // Древнее право. 2013. № 3 (28). С. 14–22.
336. На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары // Цивилизация и варварство: Парадоксы победы цивилизации над варварством. Вып. 2. М., 2013. С. 42–64.
337. Greek Thinkers of the Archaic and Classical Periods and their Philosophical and Juridical Concepts of Trade and Monetary Circulation // *Zeszyty prawnicze*. Т. 13. 3. Warszawa, 2013. P. 197–209.
338. «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории) // ПИФК. 2013. № 4 (42). С. 3–44.
339. Antiphontea VIII: «Тетралогии» Антифонта в контексте древнегреческой юридической и философской мысли V в. до н.э. // *Studia historica*. Вып. 13. М., 2013. С. 41–67.
340. Рецензия: Макарова О.М. Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара, 2009 // *Studia historica*. Вып. 13. М., 2013. С. 226–237.
341. Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли // ВЭ. 2013. Вып. 7. Ч. 1. С. 376–404.
342. О возможностях новых открытий в специальных исторических дисциплинах в начале XXI в. (на одном конкретном примере из античной эпиграфики) // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции. М., 2014. С. 366–369.
343. Влияние языческой политеистической религии эллинов на процессы политогенеза в архаической Греции // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 256–262.

344. Ономастика и история Афинской морской державы (некоторые замечания) // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова. М., 2014. С. 105–116.
345. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. А.В. Подосинов и О.Л. Габелко. М., 2014. С. 76–122.
346. Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? // http://archaion.narod.ru/sur_tez_14.pdf.
347. Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33.
348. Рецензия: Mansouri S. Athènes vue par ses métèques (Ve– IVe siècle av. J.-C.). P., 2011 // ВДИ. 2014. № 3. С. 188–195.
349. Речи Антифонта как источник сведений об уголовном праве Афин классической эпохи // Древнее право. 2014. № 1 (29). С. 10–35.
350. Василики (LIII. I– VII) и Пролог к Родосскому морскому закону (перевод, введение и комментарии) // Древнее право. 2014. № 1 (29). С. 279–311.
351. О некоторых современных концепциях греко-варварских взаимоотношений // Цивилизация и варварство: Механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия. Вып. 3. М., 2014. С. 41–74.
352. Периандр // Большая Российская энциклопедия: В 35 т. Т. 25: П– Пертурбационная функция. М., 2014. С. 681.
353. Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? (Две версии) // ДБ. 2014. Т. 18. С. 398–416.
354. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX– VIII вв. до н.э.) // Мнемон. 2014. Вып. 14. С. 27–50.
355. Зарождение жанра военно-политической мемуаристики в античной Греции: воспоминания Иона Хиосского // KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Сост. и науч. ред. А.А. Сеницына и М.М. Холода. СПб., 2014. С. 481–492.
356. Стасис в поэзии Солона // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 3. Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений. М., 2014. С. 215–225.
357. Понятия ΑΓΑΘΟΣ и ΚΑΚΟΣ в архаической Греции (по данным лирической поэзии) // ААе. 2014. Вып. 4. С. 21–42.
358. Солон. Стихотворения (перевод с древнегреческого и комментарий) // ААе. 2014. Вып. 4. С. 441–458.
359. Философско-юридические концепции торговли и денежного обращения у греческих мыслителей архаической и классической эпох // Древнее право. 2014. № 2 (30). С. 8–24.
360. Поликрат, Полис, Полития // Большая Российская энциклопедия: В 35 т. Т. 26: Перу – Полуприцеп. М., 2014. С. 659, 679, 699.
361. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Вторая половина (VII–VI вв. до н.э.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 52–63.
362. «Под сенью муз»: Античный греческий город как культурный центр // Русский мир и Латвия: Альманах. Рига, 2014. Вып. 35. С. 98–108.
363. Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции / Автор-составитель И.Е. Суриков. СПб., 2014.
364. Геродот 2000 лет спустя // ПИФК. 2015. № 1 (47). С. 178–189.
365. Афинский оратор Антифонт и законы Солона // Древний мир: история и археология. М., 2015. С. 38–39.
366. Варианты написания боспорского царского имени Перисад в эпиграфических памятниках и нарративных источниках // <http://epigraphica.ru/wp-content/uploads/2015/03/Surikov.pdf>.
367. Очередное небольшое открытие в области древнегреческой ономастики и просопографии: уникальность женского имени Фанагора // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции. М., 2015. С. 427–429.
368. Территориальный фактор политогенеза в различных регионах античного греческого мира (попытка сравнительного анализа) // Восточная Европа в древности и средневековье: Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 254–259.
369. Антифонт. Речи (Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий) // ВДИ. 2015. № 1. С. 228–253.
370. Законы Солона, упоминающие драхмы (часть I) // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2015. С. 6–8.

371. Антифонт. Речи (Перевод с древнегреческого и комментариев) (продолжение) // ВДИ. 2015. №2. С. 243–268.
372. «Пшеница Божия» (Мученичество и гонения на христиан в Римской империи) // Русский мир и Латвия: Альманах. Рига, 2015. Вып. 38. С. 8–10.
373. Остракизм, карнавал и «козлы отпущения» // Русский мир и Латвия. Альманах: Письма в будущее. Рига, 2015. Вып. 39. С. 96–103.
374. Некоторые проблемы поэзии Солона // ПИФК. 2015. №2 (48). С. 3–23.
375. Боспорское царское имя Перисад и некоторые связанные с ним проблемы // Имя как квант лингвистического и историко-культурного анализа. М., 2015. С. 48–53.
376. Рецензия: Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013 // ВДИ. 2015. №3. С. 227–235.
377. Антифонт. Речи (Перевод с древнегреческого и комментариев) (окончание) // ВДИ. 2015. №3. С. 250–261.
378. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
379. Еще раз о происхождении названия Фанагории // Боспорские исследования: сборник. Вып. XXXI. Керчь, 2015. С. 325–333.
380. Патриотизм афинских лаконофилов: специфика и коллизии // Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории. Казань, 2015. С. 9–31.
381. Афинские Фанагоры // ДБ. 2015. Т. 19. С. 340–350.
382. Еще раз о «земляночном периоде» в ранней истории греческих колоний северопричерноморского региона // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 75–82.
383. Платон и Аристотель о монете (к сопоставлению античных и современных научных представлений о появлении монетной чеканки в Греции) // Scripta antiqua. Т. 4. М., 2015. С. 315–334.
384. Кража в раннем греческом праве (на примере Афин) // Древнее право. 2015. №1 (31). С. 12–26.
385. Таможенный закон Азии (перевод с древнегреческого, введение и комментарии) // Древнее право. 2015. №1 (31). С. 242–277.
386. Законы Солона, упоминающие драхмы (часть II) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года. М., 2015. С. 5–9.
387. Сапфо. М., 2015 (Жизнь замечательных людей, вып. 1555).
388. «Чужие среди чужих»: Греческие колонии в варварском окружении // Цивилизация и варварство: Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство. Вып. 4. М., 2015. С. 42–68.
389. Кромочное существование: Античный греческий мир как фронтир // Цивилизация и варварство: Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство. Вып. 4. М., 2015. С. 204–226.
390. Война и политогенез в архаической и классической Греции: Спарта в сравнении с Афинами // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 49–63.
391. Некоторые проблемы лаконофильского переворота 404 г. до н.э. в Афинах и правления «Тридцати тиранов» // АМА. 2015. Вып. 17. С. 31–41.
392. IG. I³46. 3–6 в свете IG. II². 1629. 251–258: не апойкисты, а апостолеи? // ВЭ. 2015. Вып. 8. С. 55–68.

ЧАСТЬ II

**ΕΠΙΣΤΗΜΗ:
ΝΑΥΚΑ ΟΒ ΑΝΤΙΧΝΟΣΤΙ**

ОТ ГОМЕРА ДО АРИСТОТЕЛЯ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

А.В. Мосолкин

КАКОГО РОСТА БЫЛ ОДИССЕЙ?¹

Закапилась луна, занесло письмена на песке...
И.Е. Суриков

Назвался Одиссеем – полезай к Полифему.
Г.М. Кружков

В поэме «Александра», написанной ученым-поэтом Ликофроном (III в. до н.э.), стихи 1242–1245 издавна привлекали внимание исследователей². Кассандра, пророчествуя об Энее, упоминает и карлика, который вместе с троянским героем будет странствовать по земле и по морю после разрушения Трои. Привожу этот фрагмент в переводе И.Е. Сурикова:

С ним [sc. Энеем] враг войска соединит по-дружески,
Молитвами и клятвой убедив его, –
Тот карлик, что изведает в скитаниях
Земли и моря все углы.

(σὺν δὲ σφι μίξει φίλιον ἐχθρὸς ὦν στρατόν,
ῥκοῖς κρατήσας καὶ λιταῖς γουνασμάτων
νάνος, πλάναισι πάντ' ἐρευνήσας μυχὸν
ἄλος τε καὶ γῆς).

Ликофрон, известный своими учеными, но крайне темными по смыслу стихами, загадал исследователям очередную загадку³. Кого нужно понимать под карликом (νάνος), который сначала был Энеем врагом (ἐχθρὸς ὦν), затем, перемешав с ним войска (μίξει στρατόν), станет ему другом? Что это за загадочный персонаж, который, как нужно понимать, был противником троянцев, но, возвращаясь домой, он, тем не менее, оказался в Италии вместе с Энеем? Был ли он карликом в буквальном смысле слова или же «Нан» – его имя? Ответ дает византийский схолиаст Иоанн Цец. Комментируя эти стихи, он

- 1 Работа была бы почти невозможна без дружеской и научной поддержки моей жены Ю.Е. Краснобаевой (ГМИИ им. А.С. Пушкина) и коллег С. Падель-Имбо (Лувр), А.В. Подосинова (МГУ) и – *last, but not least* – М.Н. Химина (Эрмитаж). Они не только щедро предлагали новые идеи, но и взяли на себя труд вычитать статью, вникая во все нюансы этой не самой простой темы. Уверен, если бы я более добросовестно отнесся к их пожеланиям и замечаниям, то статья вышла бы еще лучше. Отдельно хочется поблагодарить А.Ю. Чепель (Университет Рединга) и М.А. Азарову (Калифорнийский университет в Сан-Диего), которые предоставили копии необходимых мне журнальных статей.
- 2 Lykophron's *Alexandra* / Griechisch und deutsch mit erklärenden Anmerkungen von C. von Holzinger. Leipzig, 1895. S. 340 (далее – *Holzinger C. von. Lykophron's Alexandra*); Licofrone. *Alessandra* / A cura di M. Fusillo, A. Hurst, G. Paduano. Milano, 1991. P. 295; Licofrone. *Alessandra* / Introduzione, traduzione e note di V. Gigante Lanzara. Milano, 2000. P. 402 (далее – *Gigante Lanzara V. Licofrone*); *L'Alexandra de Lycophron* / Étude et traduction de G. Lambin. Rennes, 2005. P. 179 (далее – *Lambin G. Lycophron*); *Lycophron. Alexandra* / Texte établi, traduit, présenté et annoté par C. Chauvin et C. Cusset. P., 2008. P. 151 (далее – *Chauvin C., Cusset C. Lycophron*); Ликофрон. *Александра* / Пер. и коммент. И.Е. Сурикова // ВДИ. 2011. №2. С. 259. Как ни странно, но эти строки никак не комментируются в издании: *Lycophron. Cassandre* / Traduction du grec, notes et commentaire P. Hummel. Chambéry, 2006.
- 3 Я обхожу стороной вопрос, были ли стихи 1226–1280 написаны Ликофроном или же кем-то позднее, хотя предположение, что «римский пассаж» является более поздней вставкой, мне кажется оправданным. Подробнее см.: *West S. Lycophron Italicised?* // JHS. 1984. Vol. 104. P. 127–151; *Horsfall N. Lycophron and the Aeneid, Again* // ICS. 2005. Vol. 30. P. 35–40; *Мосолкин А.В. Исторический комментарий к «Алекса́ндре» Ликофрона (ст. 1226–80)* // АМА. 2008. Вып. 13. С. 396–414.

приводит свидетельство, согласно которому Одиссей у тирренцев назывался «Наном». Затем пишет: «Я же обнаружил, что Одиссей назывался “Наном” прежде, только потом он стал зваться Одиссеем, точно так же как раньше Ахиллес звался “Лигиром” и “Пириссоем”. Также и другие [герои] носили иные имена» (*Schol. ad Lycophr.* 1242). Таким образом, по мысли Цеца, союзником Энея неожиданно оказывается Одиссей, – как хорошо известно, во время Троянской войны он действительно был врагом Энею. К сожалению, Цец не раскрывает свои источники, и мы не знаем, что заставило его утверждать, будто у этрусков Одиссей носил имя «Нан». Но ученый комментатор чувствовал, по-видимому, слабость упомянутой им традиции, что и подвигло его к новым поискам. Именно в результате их он и обнаружил еще одно предание, согласно которому «Нан» было изначальным именем Одиссея.

Нужно сказать, что такая мудреная «шифровка» персонажей была для Ликофрона делом совершенно обыкновенным, из-за чего разобраться в пророчествах Кассандры непросто. Для рек, стран и городов он использовал названия, которые были приняты только в отдельных полисах или встречались в преданиях, поэмах, трагедиях. Иногда Ликофрон пользовался источниками, которые нам оказываются недоступными. Этот «темный» поэт (*Stat. Silv.* V. 3. 156–157), кажется, никогда не называл своих героев их настоящими именами. Париса, например, он величает «белогузым мореходом» (*Alex.* 91: πύγαρυον), в отличие от «черногузога» Геракла⁴.

Таким образом, византийский комментатор «Александр» полагает, что «Нан» – это всего лишь еще одно имя Одиссея, а не указание на рост героя.

Я не стану разбирать истоки тех преданий, что были доступны Ликофрону или Цецу, а всего лишь постараюсь разобраться, имел ли автор «Александр» основание называть Одиссея «карликом»? Не могло ли это имя или прозвище в самом деле отражать рост хитроумного ахейца, каким его рисовала фантазия древних сказителей⁵?

Для начала остановимся на единственном сохранившемся источнике, который связывает в один узел блуждания Энея и Одиссея – этих двух бывших военных соперников. Весьма туманное упоминание о союзе между ними мы встречаем у Дионисия Галикарнасского. Перечисляя различные версии об основателях Рима, он называет и свидетельство Гелланика. Дионисий передает, что в сочинении под названием «Жрицы в Аргосе» было сказано (*Ant. Rom.* I. 72. 2): «Тот же, кто составил труд о жрицах в Аргосе и о деяниях каждой из них в отдельности, полагает, что Эней, отправившись от молоссов в Италию вместе с Одиссеем, стал основателем города, который и был назван по имени Рому, одной из троянок». К сожалению, мы не имеем надежной рукописной традиции, и сакраментальные имена Энея и Одиссея оказываются связанными двумя почти противоположными вариантами прочтения: либо Αἰνεΐαν ἐκ Μολοττῶν εἰς Ἰταλίαν ἐλθόντα μετ’ Ὀδυσσεά («Эней от молоссов в Италию прибыл вслед за Одиссеем»), либо Αἰνεΐαν ἐκ Μολοττῶν εἰς Ἰταλίαν ἐλθόντα μετ’ Ὀδυσσεώς («Эней от молоссов в Италию прибыл вместе с Одиссеем»). Современные исследователи чаще предпочитают второй вариант только на одном-единственном основании – это текст «Александр»⁶. Соответственно, используется *circulus vitiosus*: стихи 1242–1245 поэмы обретают смысл только на основании μετ’ Ὀδυσσεώς Гелланика, а текст Гелланика обосновывается через «Александру»⁷.

4 *Lambin G.* Lycophron. P. 53. Note 43.

5 О другом понимании этого стиха Ликофрона см.: *Horsfall N.* Some Problems in the Aeneas Legend // CQ. 1979. Vol. 29. 2. P. 372–390, здесь – p. 380 f.; *Horsfall N.* Lycophron and the Aeneid, Again. P. 37–38.

6 *Perret J.* Les origines de la légende troyenne de Rome (281–31). P., 1942. P. 371–373; *Phillips E. D.* Odysseus in Italy // JHS. 1953. Vol. 73. P. 57–58; *Horsfall N.* Some Problems in the Aeneas Legend. P. 376 ff.; *Dury-Moyaers G.* Énée et Lavinium. Bruxelles, 1981. P. 53–65; *Solmsen F.* “Aeneas founded Rome with Odysseus” // HSCPh. 1986. Vol. 90. P. 93–110; *Ampolo C.* Enea ed Ulisse nel Lazio da Ellanico (FGrHist 4 F 84) a Festo (432 L) // PP. 1992. Vol. 47. P. 331, 336–338; *Vanotti G.* L’altro Enea. Roma, 1995. P. 43; *Malkin I.* The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity. Berkeley, 1998. P. 194–202; *Gigante Lanzara V.* Licofrone. P. 402; *Erskine A.* Troy between Greece and Rome. Oxford, 2001. P. 153 f.; *Lambin G.* Lycophron. P. 179. Note 504; *Chauvin C., Cusset C.* Lycophron. P. 159; *Casali S.* The Development of the Aeneas Legend // A Companion to Vergil’s Aeneid and its Tradition / Ed. by J. Farrell, M.C.J. Putnam. (Blackwell Companions to the Ancient World. Literature and Culture.) Chichester; Malden, MA, 2010. P. 45.

7 Подробнее о преданиях, которые связывали Одиссея с Италией, см. в упомянутой в предыдущем примечании монографии И. Малкина (p. 178–209). См. также в новой книге А.В. Подосинова: *Подосинов А.В.* Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015. С. 14 слл., 66 слл. и др. Было сделано огромное количество попыток разных авторов связать остров циклопов с тем или иным географическим местом. Подобные намерения вряд ли можно назвать научными. Скорее они представляют собой историкогеографический курьез (зачастую с целью привлечь любопытствующих туристов); см., например: *Barrabini V.* L’Odissea a Trapani. Avvio allo studio ex novo del poema omerico visto nel suo vero ambiente. Trapani, 2005. P. 71–93, 287–288 (библиография); к образчикам такого рода можно отнести

Таким образом, мы располагаем указанием – пусть и слабым, – что появление Энея в Италии как-то связано с Одиссеем независимо от того, прибыли герои вместе или порознь. Но есть ли хоть какие-нибудь свидетельства о росте хитроумного грека? Комментаторы «Александры» в один голос утверждают, что у нас есть всего два указания на это. Первое встречается в «Илиаде». Приам, расспрашивая Елену, кто есть кто в ахейском войске, сначала обращает внимание на Агамемнона, «величеством дивного мужа [...], / Выше его головой меж ахеями есть и другие, / Но толико прекрасного очи мои не видали», а затем на Одиссея, который «менее целой главой, чем великий Атрид Агамемнон (μείων μὲν κεφαλῆ Ἀγαμέμνονος Ἀτρείδαο), / Но, как сдается мне, он и плечами и персями шире» (пер. Н. Гнедича, III. 166–194; ср. Eustath. *Comm. ad Iliad.* 1. 628). Исследователи не раз обращали внимание, что из текста «Илиады» не ясно, был ли Одиссей слишком низок или же Агамемнон был слишком высок. Но, как мне представляется, предводитель ахейского войска изображен не слишком высоким, ведь «выше его головой меж ахеями есть и другие». Восхищение, которое вызывает Агамемнон, обусловлено не высотой его роста, а его станом, величавостью, красотой. Поэтому, на мой взгляд, в стихе III. 193 нужно видеть указание на низкий рост Одиссея⁸.

Второе косвенное свидетельство того, что хитроумный грек не задался ростом, – это стих *Hom. Od.* VI. 230, где Афина на острове феаков делает его μείζονα καὶ πάσσονα, т.е. «выше и толще». Между строками *Il.* III. 193 и *Od.* VI. 230 есть некоторое противоречие, так как в «Илиаде» Одиссей – крепыш, а в упомянутом пассаже из поэмы о его странствиях, он похож чуть ли не на «доходягу». Впрочем, в таком состоянии герой оказался уже после череды своих приключений, так что и в «Одиссее» можно увидеть некоторый намек на его совсем не героический рост.

Однако ни один комментатор «Александры» не заметил еще один случай, когда Одиссей прямо называется «низким». Это стих *Hom. Od.* IX. 515, где ослепленный Полифем, проклиная Одиссея, покидающего остров вместе с товарищами, называет его ὀλίγος τε καὶ οὐτιδανός καὶ ἄκις, т.е. «малым, ничтожным, немощным»⁹. Разумеется, нужно понимать, что говорит это великан-Полифем, а по сравнению с ним, как Одиссей, так и все его спутники должны казаться одинаково ὀλίγοι. Если поэт и не озвучивает устами циклопа не известное нам древнее предание о низком росте Одиссея, то во всяком случае эта строка – вкупе с упомянутыми строками из «Илиады» – могла позволить Ликофрону сделать героя νάνος из ὀλίγος, т.е. из «малого» – «карликом».

Это все имеющиеся у нас литературные свидетельства, где есть хоть какой-то намек на рост Одиссея. Ссылки на «Илиаду» и «Одиссею» переходят из одного комментария «Александры» в другой, и кажется, что тема закрыта для дальнейшего исследования. Однако это не так, и у нас есть как минимум три артефакта, из которых видно, что рост героя и в самом деле был не велик. Рассмотрим эти свидетельства. Начнем с наименее правдоподобного.

1. Амфора, найденная в Элевсине в районе древнего некрополя, была столь велика, что в древности из нее соорудили своеобразный гроб, – в ней сохранились останки мальчика (илл. 1). Г. Альберг-Корнелл датирует сосуд примерно 675–650 гг. до н.э.¹⁰ На тулове амфоры представлена сцена с Персеем и Медузой, а на широкой горловине изображены персонажи, в которых легко узнать Полифема, Одиссея и его спутников. Это одно из пяти сохранившихся изображений ослепления Полифема, которые относятся к VII в. до н.э.¹¹ Следует отметить, что в греческой вазописи среди сцен с участием Одиссея этот сюжет один из самых распространенных¹². Великан сидит справа, в одной руке он держит сосуд

и красивый альбом: *Garoufalidis D. Odyssey. A Voyage in the Mediterranean of Legend / Transl. by J. Giannakopoulos, L. Psarrou. Militos Editions, 2006. P. 325–331* (библиография).

8 См.: *Holzinger C. von. Lykophron's Alexandra. S. 340.* Из строки *Hom. Il.* III. 210, как заметил Дж. Керк (*Kirk G. S. The Iliad: A Commentary. Vol. I. Cambridge, 1985. P. 292*), мы узнаем, что Менелай был еще шире плечами, чем Одиссей (στάτων μὲν Μενέλαος ὑπερέχεν εὐρέας ὄμους). Фраза ὑπερέχεν εὐρέας ὄμους подразумевает, что Менелай от Одиссея отличался, по-видимому, лишь размахом плеч, то есть был одного с ним роста. Таким образом, получается, что, согласно «Илиаде», из трех героев Агамемнон был самым высоким. За ним шли примерно вровень Одиссей и Менелай. Но вот самым крепким был Менелай, а затем – Одиссей и Агамемнон.

9 Очень эффектный, но неверный перевод В.А. Жуковского: «Меня малорослый урод, человечешко хилый // Зренья лишил» (515–516).

10 *Ahlberg-Cornell G. Myth and Epos in Early Greek Art. Jonsered, 1992. P. 94.* См. также: *Schefold K. Myth and Legend in Early Greek Art. N. Y., 1964. P. 48, 50; Martens D. Une esthétique de la transgression: Le vase grec de la fin de l'époque géométrique au début de l'époque classique. Bruxelles, 1992. P. 258–264.*

11 *Ahlberg-Cornell G. Myth and Epos. P. 94.*

12 См.: *Brommer F. Odysseus. Die Taten und Leiden des Helden in antiker Kunst und Literatur. Darmstadt, 1983. S. 121.*

с вином, которым его опьянил Одиссей, а другой рукой пытается вытащить из глаза длинный обрубок, который втыкают три обнаженных человека, изображенных слева от него. Свое оружие они держат над головой. Первый из этих трех написан белой краской (илл. 1). Кто же из них Одиссей?

Гомер сообщает, что было пять смельчаков, которые должны были ослепить чудовище. После того, как шест вонзили в глаз, Одиссей, «упираясь сверху, начал обрубок вертеть» (ἐγὼ δ' ἐφύτερθεν ἐρείσθεις / δίνεον, – IX. 383–384, пер. В.В. Вересаева). Строго говоря, довольно сложно представить себе, как все могло происходить. Если Одиссей упирался сверху (ἐφύτερθεν), то, по-видимому, он должен был находиться последним, дальше всех от Полифема. Более того, очевидно, что шест вонзали в глаз не горизонтально, а вертикально¹³. Но в таком случае положение Одиссея почти невероятно – ведь он должен был повиснуть в воздухе и отталкиваться ногами не только от стен, но и от потолка! Поэтому разумно будет предположить, что греки стояли не один за другим, как это представлено почти на всех изображениях, а по кругу, обхватив оливковый обрубок. Именно поэтому Одиссей направлял удар сверху, перекинув свои руки выше рук товарищей. Такое положение согласуется с греческим текстом (ἀμφὶ δ' ἑταῖροι ἴσταντ', – IX. 380–381)¹⁴.

Ни одно из сохранившихся изображений сцены с ослеплением Полифема не отражает точно текст поэмы¹⁵. По-видимому, художники понимали, что расположить фигуры на сосуде так, как это описано в тексте, очень сложно, во всяком случае, мы не встречаем, чтобы оливковый обрубок был направлен вертикально. Композиция всегда ориентирована горизонтально, а греки стоят один за другим. Таким образом, положение Одиссея должно было измениться, так как изобразить эту сцену в полном согласии с текстом «Одиссеи» было невозможно. И художники для того, чтобы выделить главного героя среди остальных греков, помещают его по-видимому, не последним, а первым¹⁶.

Исследователи единодушны в том, что на элевсинском сосуде Одиссей – это тот, кто выкрашен белой краской и расположен ближе всех к Полифему¹⁷. Именно этот герой направляет удар, он зачинщик, он рискует больше всех (ср.: Ном. *Od.* IX. 331–335). Можно заметить, что он более subtilen, чем стоящие рядом два его спутника. У него меньше голова, левая рука явно меньше рук его товарищей и хотя макушка вровень с остальными персонажами, но хорошо видно, что Одиссей стоит на цыпочках (колени его левой ноги находится значительно выше колен двух остальных фигур).

Можно ли утверждать, что на амфоре из Элевсина Одиссей ниже остальных? Не слишком ли «худосочны» доказательства? Я понимаю шаткость приведенного аргумента, более того, меня не оставляет впечатление, что положение «белого грека» очень неустойчиво, он как будто бы дописан после остальных – оттого-то он ниже остальных, что для него осталось мало места. Поэтому обратимся к изображению на другом сосуде, которое должно укрепить наше предположение.

2. Примерно к тому же времени, что и амфора из Элевсина, относится кратер из Аргоса (ок. 675–650 гг. до н.э.)¹⁸. На сохранившемся фрагменте (илл. 3) мы видим Полифема, лежащего слева на груди камней.левой рукой он пытается вытащить узкий шест из глаза, а высунутый язык, очевидно, обозначает вопль, издаваемый чудовищем. Напротив него сохранились изображения только двух героев и нога третьего. Мы не знаем, сколько всего греков изобразил художник на кратере. Мы не знаем, упирался

13 См.: *Kannicht R.* Poetry and Art: Homer and the Monuments Afresh // *ClAnt.* 1982. Vol. 1. 1. P. 70–86, здесь – p. 78; *Snodgrass A.* Homer and the Artists. Cambridge, 1998. P. 94; *Burgess J. S.* The Tradition of the Trojan War in Homer and the Epic Cycle. Baltimore; L., 2001. P. 97.

14 Замечено М.В. Поваляевым. Именно так представлены герои на кратере (кон. V в. до н.э.), хранящемся в Британском музее (см.: *Brommer F.* Odysseus. S. 63–64). Такое изображение, насколько мне известно, единственное (ср.: *Touchefeu-Meynier O.* Polyphemos // *LIMC.* 1997. Vol. VIII. 1. P. 1013–1015).

15 Э. Снодграсс утверждает, что вазопись VII в. до н.э. иллюстрировала не гомеровские песни, а другие предания на тему Троянской войны, которые не дошли до нашего времени. Изображения сцен с ослеплением Полифема, по мнению ученого, лишь подтверждают его суждение (*Snodgrass A.* Homer and the Artists. P. 90–100).

16 Только на кратере из Цере (сер. VII в. до н.э. Мастер Аристонот. Рим, Капитолийский музей. Инв. номер 172) мы видим, что самый дальний от Полифема, пятый грек упирается ногой в стену, тем самым направляя и усиливая удар. Но и здесь вертел расположен горизонтально (илл. 2).

17 По-видимому, белый цвет выбран художником неслучайно. Согласно В. Я. Проппу, «окраска в белый цвет связана со слепотой и невидимостью» (*Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 135, 175). Не имеет ли это отношение к тому, что Одиссей ослепляет великана, назвав себя «Никто», т.е. невидимым? Или к тому, что он должен был посетить царство мертвых?

18 Первая публикация: *Courbin P.* Un fragment de cratère protoargien // *BCH.* 1955. Vol. 79. P. 1–49.

ли последний из них в стену для силы удара. Но одна поразительная деталь бросается в глаза – первый из двух человек явно на голову ниже другого!

Никто из исследователей не может объяснить эту странную и явно не случайную особенность¹⁹. Низкий рост первого из персонажей, наносящих удар, не оправдан ни общей композицией, ни недостатком пространства. Остается лишь сожалеть, что не сохранились изображения другого (других?) персонажа, который смог бы нам показать, первый ли герой слишком низок, или же второй чрезмерно высок. Если мы вновь признаем, что первым представлен Одиссей, – а именно к этому склоняются исследователи, – то можно утверждать следующее: в то же самое время, к которому относится амфора из Элевсина, Одиссей на аргосском кратере представлен героем, кто явно уступает своим товарищам в росте²⁰.

3. Наконец, в третий раз Одиссей выделяется необычным ростом на кратере из Коринфа (ок. 625–600 гг. до н.э.), хранящемся в Лувре, где представлена сцена самоубийства Аякса (илл. 4а, б) – это одна из самых ранних сцен троянского цикла, которая была изображена на вазе. По обе стороны от павшего героя расположены Диомед и Одиссей, о чем свидетельствуют надписи. Заметно, что царь Итаки на полголовы ниже Диомеда²¹. Источником изображения на кратере явилась, вероятно, «Малая Илиада», откуда мы знаем, что именно эти герои выкрали Палладий (Procl. Chrest. 4)²².

Кроме этих трех изображений²³, которые подтверждают, что слово *vávoς* в «Александре» следует понимать как «карлик», нет, кажется, иных, где Одиссей отличался бы малым ростом. Тем не менее, у нас имеется еще одно поразительное свидетельство.

Рельефный пифос с острова Миконоса (ок. 675 г. до н.э.) часто привлекает внимание ученых²⁴. Общий сюжет рельефов – разрушение Трои. На горле сосуда представлен эпизод, когда греки покидают троянского коня. На тулове же изображены семь метоп, где победитель либо убивает троянку, либо ведет ее в рабство, а также восемь метоп, где воин либо убивает, либо угрожает младенцу в присутствии его матери. Сюжеты, связанные с детоубийством, неожиданны, так как мы знаем только три случая, когда греки при осаде или взятии Трои приносили в жертву детей. Первый случай – это убийство юного Троила, сына Приама и Гекубы, второй – убийство Астианакта, сына Гектора и Андромахи, и третий – принесение в жертву Поликсены, дочери Приама и Гекубы. Поэтому исследователи предполагают, что рельеф пифоса отображает древнюю традицию, которая до нашего времени не сохранилась. Персонажи только одной метопы с детоубийством (№ 17 согласно нумерации М. Эрвин²⁵; см. илл. 4) идентифицированы. По-видимому, это Неоптолем, сын Ахиллеса, Астианакт и Андромаха. Неоптолем без оружия. В одной руке он держит младенца²⁶, а другой отталкивает Андромаху, устремившуюся к сыну. По сути, определение этой сцены как убийства Астианакта делается на том основании, что воин, держа дитя за ноги, явно собирается его вышвырнуть²⁷.

19 Courbin P. Un fragment de cratère protoargien. P. 29; *Touchefeu-Meynier O. Odysseus // LIMC. 1992. Vol. VI. 1. P. 956.*

20 Ф. Броммер утверждает, что это не Одиссей, именно на том основании, что он ниже второго героя (*sic!*). С ним согласен Л. Джулиани, который замечает, что изображение героев на вазах не имеет каких-либо особенных физиологических признаков; у всех у них примерно единый идеальный тип атлета (*Brommer F. Odysseus. S. 61–62; Giuliani L. Image and Myth. London; Chicago, 2013. P. 77, 78.*)

21 На фотографии кратера (илл. 4а) разница в росте не очень отчетливо видна (ср. прорисовку сцены на илл. 4б). Но С. Падель-Имбо (S. Padel-Imbaud, Лувр) меня заверила, что Одиссей изображен действительно меньшим, чем Диомед.

22 См.: *Ahlberg-Cornell G. Myth and Epos. P. 74.*

23 Меня не оставляет ощущение, что малорослый Одиссей запечатлен на бронзовом рельефе из музея в Олимпии (В 3600; 625–600 гг. до н.э.). Изображенный герой хорошо идентифицируется – по характерной шапочке (*πίλος*). См.: *Friis Johansen K. The Iliad in Early Greek Art. Copenhagen, 1967. P. 51–57; Brommer F. Odysseus. S. 24; Ahlberg-Cornell G. Myth and Epos. P. 64; Burgess J. The Tradition of the Trojan War. P. 39.* Но заниженный рост Одиссея может быть в данном случае оправдан тем, что художник располагал недостаточно большим пространством, чтобы изобразить героя более рослым.

24 Первая публикация: *Ervin M. A Relief Pithos from Mykonos // Archaiologikon Deltion. 1963. Vol. 18. P. 37–75.*

25 *Ervin M. A Relief Pithos from Mykonos. P. 50.*

26 Вероятно, это мальчик, а не девочка. Подробнее: *Giuliani L. Image and Myth. P. 278. Note 20.*

27 *Friis Johansen K. The Iliad in Early Greek Art. P. 28; Ahlberg-Cornell G. Myth and Epos. P. 82; Giuliani L. Image and Myth. P. 63.* Но К. Шефолд никак не отождествляет участников сцен, изображенных на сосудах, с известными нам героями (*Schefold K. Myth and Legend. P. 46–47*). М. Андерсон также полагает, что содержание метопы № 17 не может быть связанным наверняка с историей об Астианакте и оно является лишь вариацией на тему «убийство младенца» (*Anderson M. The Fall of Troy in Early Greek Poetry and Art. Oxford, 1997. P. 188–189*). Вероятно, метопа на сосудах с Миконоса является единственным столь ранним изображением убийства Астианакта. Фрагмент сосуда, найденный на афинской агоре, содержит сцену, которую изначально интерпретировали как сцену смерти Астианакта. Его относят ко времени ок.

Это иллюстрирует стихи *Hom. II. XXIV. 732–735*, где Андромаха предсказывает судьбу своему сыну, который либо будет служить суровому господину, либо «данаец // За руку схватит тебя и с башни ударит о землю» (ἢ τις Ἀχαιῶν // ῥίψει χεῖρὸς ἐλὼν ἀπὸ πύργου λυγρὸν ὄλεθρον). Нельзя не обратить внимание на различие: в «Илиаде» младенца хватают за руку (χεῖρὸς ἐλὼν), а на метопе воин удерживает его за ногу. Этим можно было бы пренебречь, если бы сюжет с Астианактом и Неоптолемом не был запечатлен и в «Малой Илиаде» (пер. О. Цыбенко, 29 West, ср.: Paus. X. 25. 9):

«Сын знаменитый, что был Ахиллесом рожден веледушным,
Гектора взявши супругу, увел к кораблям крутобоким,
Чадо ж, отторгнув от лона кормилицы пышноволосой,
С башни низринул, за ногу схватив²⁸, и оного павшим
Вмиг обуюла багровая смерть и всесильная участь».

Сложно сказать, чем обусловлена такая замена: в «Илиаде» Астианакта хватают за руку (χεῖρὸς ἐλὼν), а в «Малой Илиаде» – за ногу (ποδὸς τεταγὼν). Важно лишь отметить, что изображение на амфоре иллюстрирует, по-видимому, стихи не «Илиады»²⁹, а некие древние несохранившиеся предания или же «Малую Илиаду», согласно которым при захвате Трои ахейцы совершили страшные преступления, убив нескольких младенцев.

Обязательно ли, чтобы источником послужила «Малая Илиада», где описание смерти Астианакта, как кажется, более соответствует метопе № 17? Можно ли быть уверенными в том, что воин, убивающий Астианакта, – Неоптолем? Последний вопрос правомерен, поскольку мы располагаем еще одним свидетельством, где убийцей Астианакта оказывается совсем другой персонаж. Это Одиссей. В «Разрушении Трои» говорится (Procl. *Chrest.* 4): καὶ Ὀδυσσεύς Ἀστυάνακτα ἀνελόντος, Νεοπτόλεμος Ἀνδρομάχην γέρας λαμβάνει («после того, как Одиссей убил Астианакта, Неоптолем в качестве награды получил Андромаху») ³⁰. Такое допущение имеет одно очень интересное и теперь уже понятное подтверждение: воин на сосуде с Миконоса на голову ниже той женщины, у которой он отнимает ребенка!

Вряд ли это случайность. На остальных метопах мы видим, что убийца ребенка либо одного роста с женщиной, изображенной напротив него, либо подчеркнута выше ее (илл. 5).

Есть еще одно свидетельство, которое если и не позволяет заключить, что перед нами Одиссей, то, по крайней мере, заставляет усомниться в том, что это Неоптолем. Дело в том, что воин, убивающий Астианакта, бородат (илл. 6). Известно, что по бороде на изображениях можно было отличить взрослого воина от юноши. Сложно сказать, постоянно ли художники придерживались этого принципа. Но отметим, что на горле пифоса все ахейцы, расположенные вокруг или внутри троянского коня, безбороды; мужские персонажи с метопа то чисты лицом, то нет. А вот на метопе № 17 лицо воина четко обрамляет борода³¹. Согласимся, что это более подобало бы опытному Одиссею, а не юному Неоптолему (ср.: Paus. X. 25. 3–4).

Отметим особо, что этот сосуд, так же, как и амфору из Элевсина и кратер из Аргоса датируют примерно одним временем –675 г. до н.э.

720–690 гг. до н.э. (*Brann E. T. N. Late Geometric and Protoattic Pottery. Mid. 8th to Late 7th Century BC. Princeton, 1962. P. 15; Coldstream J. N. Rev.: The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. VIII. Late geometric and protoattic pottery, mid 8th to late 7th century B. C. By E. T. N. Brann. Princeton, N. J.: American School at Athens. 1962 // JHS. 1964. Vol. 84. P. 217; Schefold K. Myth and Legend. P. 27 (реконструкция всего изображения); Friis Johansen K. The Iliad in Early Greek Art. P. 30). Но такое толкование сюжета представляется чрезмерно смелым и, по-видимому, здесь нужно видеть не сцену гибели, а изображение акробатического танца (*Ahlberg-Cornell G. Myth and Epos. P. 82*).*

28 ῥίψε ποδὸς τεταγὼν ἀπὸ πύργου.

29 Р. Каннигхт считает, что напротив Неоптолема изображена не служанка из «Малой Илиады», а сама Андромаха (*Kannicht R. Poetry and Art. P. 83*). Ср. также: *Ahlberg-Cornell G. Myth and Epos. P. 82*.

30 М. Андерсон резонно замечает, что тексты «Малой Илиады» и «Разрушения Трои» не исключают, что Одиссей и Неоптолем вместе присутствовали при убийстве Астианакта (*Anderson M. The Fall of Troy. P. 53*). Обращает на себя внимание, что в обоих поэмах убийство Астианакта связывается с пленением Андромахи и передачей ее Неоптолему.

31 Это заметила еще М. Эрвин Каски, но она утверждает, что перед нами все-таки Неоптолем (*Ervin Caskey M. Notes on Relief Pitthoi of the Tenian-Boiotian Group // AJA. 1976. Vol. 80. P. 19–41, здесь – р. 35. Note 175*). М. Уэст также отметил, что воин бородат, но усомниться в том, что это молодой Неоптолем, исследователь не отважился (*West M. L. The Epic Cycle. A Commentary on the Lost Troy Epics. Oxford, 2013. P. 240*).

Подводя итог, можно сказать, что к VII в. до н.э. существовало предание, согласно которому Одиссей был низкого роста³². Отголоски этой традиции сохранились не только в «Илиаде» и «Одиссее», но и в вазописи, которая относится к периоду VII в. до н.э., и иллюстрирует древние, по-видимому, до-илиадовские предания. Следует согласиться с Дж. Берджесом и подчеркнуть, что художники, расписывавшие упомянутые выше сосуды, вовсе не обязаны были следовать за неизвестными нам стихами одного из киклических эпосов. Источником их вдохновения могли стать и народные предания³³. Это была одна из первых попыток художников наделять персонажей индивидуальными чертами. Но почему хитроумный грек должен был стать низким? Отражает ли его рост некие представления о том, каким должен быть изворотливый воин? Любопытно, что Одиссей дважды представлен низким на сосудах именно в сцене с Полифемом, то есть в одной из самых архаичных частей «Одиссеи». Как мы помним, именно циклоп называет ахейца ὄλιυος. Уж не низкий ли рост помог бежать из пещеры чудища, спрятавшись под одним из баранов, тогда как остальные прятались под тремя (Hom. *Od.* IX. 424 sqq.)?

Впрочем, я более склоняюсь к тому, что Одиссей представляет собой тот тип странника, который часто у самых разных народов и в разные времена оказывался маленького роста. Это может быть как мальчик, так и карлик (мальчик-с-пальчик), который противостоит великану³⁴.

Почему же Одиссей после VII в. до н.э. «перестает» быть низкорослым? Если о его малом росте в киклических поэмах говорилось ясно, то почему художники уже в VI в. до н.э. прекращают отличать царя Итаки ростом от остальных персонажей, хотя поэмы еще существовали? Ответ, как мне кажется, может быть один – художники, изображавшие героя малорослым, опирались не на эпос троянского цикла, а именно на народное предание. Вероятно, был некий древний рассказ, согласно которому герой (ребенок?) отправлялся в царство мертвых и на его пути оказывалось жилище великана: случайно сосуды из Элевсина, Аргоса и Миконоса использовались в качестве погребальных сосудов. Впоследствии сюжет становится частью более поздней истории о странствии героя-Одиссея³⁵. И уже знаменитый Одиссей-странник и участник Троянской войны «вытеснил» образ своего малорослого и поэтому не героического прототипа³⁶.

Как бы то ни было, Ликофрон или же иной автор стихов 1226–1280 «Александры», по-видимому, был знаком с этой давней традицией. Может быть, через стихи Гомера (наиболее предпочтительной аллюзией для стихов «Александры» мне представляется Hom. *Od.* IX. 515) или киклических поэм, но нельзя исключить, что ему были доступны и сказочные предания, которые бабушки во все времена рассказывают своим внукам. Если прозвище «карлик» обязано своим происхождением именно истории с циклопом, то стихи Ликофрона следует понимать так: «карлик, который победил Полифема»³⁷.

32 Из современных ученых, кажется, только А. Брелих обратил внимание на то, что некоторые греческие герои были маленького роста. Среди них, кроме Одиссея, – Аякс, сын Оилея (Hom. *Il.* II. 527–529), и Тидей (Hom. *Il.* V. 800–801). Исследователь замечает, что Полифем называет Одиссея ὄλιυος и связывает это свидетельство с сообщением Ликофрона (*Brelich A. Gli eroi greci. Un problema storico-religioso. 2 ed. Milano, 2010. P. 190–191*). Но, к сожалению, вазописный материал оказался ему неизвестен, хотя книга вышла первым изданием в 1958 г., т.е. уже после публикации обломка из Аргоса в 1955 г.

33 *Burgess J. S. The Tradition of the Trojan War. P. 37; Burgess J. S. Homer. L.; N. Y., 2015. P. 125.*

34 *Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Helsinki, 1961. No 327.* Как правило, сюжет о Полифеме соотносят с сюжетом, помещенным в каталоге Аарне–Томпсона под номером 1137 («Ослепление великана»). См., напр.: *Hansen W. Homer and the Folktale // A New Companion to Homer / Ed. by I. Morris, B. Powell. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 449–450; Edmunds L. Epic and Myth // A Companion to Ancient Epic / Ed. by J. Miles Foley. Oxford, 2005. P. 37.* Любопытно, что сюжет No 327В называется “The Dwarf and the Giant”, т.е. «Карлик и великан». Одиссей напоминает еще одного героя – храброго портняжку из сказки Гримм (*Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. No 1640*). Хотя в сказке ничего не говорится о росте героя, но все поступки портного выдают его явно не героическую комплектацию.

35 Еще В. Я. Пропп высказывал убежденность, что описание долгого пути возникает позднее, чем описание сказочных остановок (*Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 48*). Пропп также замечает, что Полифем соответствует яге из русских сказок (там же. С. 71–73).

36 Не для того ли на более поздних изображениях Одиссея появляется его знаменитая шапочка, чтобы немного «добавить» ему роста? Можно вспомнить, что позднее у одного реального исторического персонажа появляется лавровый венок – чтобы скрыть рано образовавшуюся лысину.

37 Ср.: Лус. *Alex.* 659–661:

«Увидит он жилище одноглазого,
И людоеду грозному протянет он
Бокал с вином – отведать после трапезы»
(пер. И.Е. Сурикова).

ТЕСЕЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В АФИНАХ

Легендарный афинский царь и герой Тесей – персонаж хорошо известный. Однако, помимо приписываемых подвигов, именно ему, по мнению афинян, принадлежит заслуга установления демократии в Афинском полисе. Мы узнаем об этом от Павсания. По его сообщению, на одной из стен вблизи Портика (Стои) Зевса Элевтерия в Керамике были изображения Тесея, Демократии и Народа (Paus. I. 3. 3, ср.: Plin. *Nat. Hist.* XXXV. 129). «Картина, – поясняет Павсаний, – изображает Тесея, как установившего для афинян равноправие. Действительно, среди народа существует общераспространенное мнение, будто Тесей передал все руководство делами народу, и что, начиная с этого времени, Афины стали демократией, пока Писистрат не восстал и не сделался тираном. Рассказывается и многое другое, неверное, среди народа людьми, не очень сведущими в истории, которые все, что они в дни детства слышали в хорах и в трагедиях, считают за истину...» (I. 3. 3, здесь и далее пер. С.П. Кондратьева).

В сущности, перед нами попытка переосмысления истории установления афинской демократии. При этом нахождение легендарного афинского царя в компании других предполагаемых ее основателей – таких, как Солон, Клисфен и Эфиальт, – выглядит, по меньшему мере, необычно.

Сам Павсаний, естественно, отвергает приведенное им мнение как досужий домисел, поясняя, что и сам Тесей был царем, и после него в Афинах правили цари: «На самом деле он и сам царствовал, и впоследствии, после того как умер Менесфей, потомки Тесея до четвертого колена сохранили за собой (царскую) власть. Если бы я захотел заниматься генеалогией, я мог бы перечислить всех тех, которые царствовали от времени Меланфа до Клидика, сына Эсимида» (I. 3. 3).

И все же афиняне, по мнению оратора Лисия, были уверены в том, что установили демократию в далеком прошлом. Есть смысл привести слова оратора полностью, поскольку ниже еще пойдет речь о выраженных в них представлениях афинян: «Много было обстоятельств у наших предков, призывавших их единодушно бороться за правду. Прежде всего, начало их жизни было справедливо: они поселились не в чужой земле, подобно большинству народов, сойдясь со всех сторон и изгнав других, но они были исконными жителями (αὐτόχθονες οὐτεις): одна и та же земля была их матерью и отчиной. Они первые и единственные в то время изгнали бывших у них царей и установили у себя демократию, полагая, что свобода всех производит величайшее единодушие» (II. 17–18, пер. С.И. Соболевского)¹.

Лисий, правда, не уточняет, кто именно установил в Афинах демократию. А вот Исократ был уверен, что это сделал Тесей. Об этом он говорит, в частности, в «Панафинеической речи». Рассказывая о древних правителях, Исократ особо выделяет и восхваляет Тесея, который, по его словам, передал управление государством народу, а народ в свою очередь выбрал демократию (XII. 129, 131). И далее: «Пользуясь этим государственным устройством не менее тысячи лет, народ сохранял его в неприкосновенности с того времени, когда оно было введено, и вплоть до эпохи Солона и господства Писистрата. Писистрат же, став вождем народа, причинил городу много вреда, изгнал лучших из граждан под тем предлогом, что они – сторонники олигархии, и кончил тем, что, свергнув демократическое правление, установил свою тиранию» (XII. 148, пер. И. А. Шишовой)².

В другой речи – «Похвала Елене» – Исократ несколько иначе излагает историю Тесея: «Собрав первым делом в одно место разбросанных по селениям жителей, Тесей создал такой город, что с тех

1 Данная речь может быть датирована приблизительно 390-ми годами до н.э.; см.: Rhodes P. J. Theseus the Democrat // *Miscellanea Anthropologica et Sociologica*. 2014. Vol. 15. 3. P. 113.

2 В таком случае, реформатор Клисфен мог лишь восстановить утвержденную в полисе ранее демократию (Anderson G. Why the Athenians Forgot Cleisthenes. Literacy and the Politics of Remembrance in Ancient Athens // *Politics of Orality. Mnemosyne Supplement*, Vol. 208 / Ed. by C. Cooper. Leiden, 2007. P. 118).

самых пор по сегодняшний день он остается самым большим из всех греческих городов. Создав общее отечество и сделав души сограждан свободными, Тесей предоставил им равные возможности соревноваться в добродетели... Тесей был настолько далек от того, чтобы предпринимать что-либо против воли сограждан, что он пытался сделать народ хозяином государства. Сограждане же считали, что управлять Тесей должен один, полагая, что его единовластие надежнее и больше устроит их, чем собственная власть» (X. 35–36, пер. М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева).

Итак, перед нами не заблуждение или ошибка, как полагал Павсаний, а историческая концепция, следы которой можно отыскать и у других авторов³. В «Надгробной речи» Демосфена также находим утверждение о том, что Тесей «первым установил *равноправие* в государстве (*πρῶτον ἰσηγορίαν καταστήσάμενον τῇ πόλει*)» (LX. 28, пер. В.В. Вальченко)⁴. В речи «Против Неэры» уточняется, что демократия стала следствием Тесеева синойкизма: «Тесей собрал всех в единое государство и основал демократию» (LIX. 75). За это он, как полагали древние, и пострадал, подвергнувшись изгнанию⁵.

Это подтверждает и Феофраст в «Характерах». Один из его персонажей – личность, склонная к олигархии – поносит народных вожаков и демократию, обвиняя Тесея в том, что тот «собрал народ из двенадцати городов в один город и уничтожил царскую власть. И по заслугам сам и получил: эти люди его первого и погубили» (26. 6, пер. Г.А. Стратановского).

У Демосфена и Феофраста речь идет о так называемом *синойкизме* – объединении ранее раздробленной территории Аттики в единое политическое целое. Подробнее мы узнаем о Тесеевом *синойкизме* от Фукидида: «... Еще при Кекропе и первых царях до Тесея народ в Аттике всегда жил отдельными общинами со своими особыми пританеями и архонтами. На общие совещания к царю люди собирались лишь в исключительных случаях. Обычно же каждая община самостоятельно обсуждала и вершила свои дела. Иные общины даже вели между собой войны, как, например, элевсинцы во главе с Евмолпом – против Эреффея. Как мудрый и могущественный владыка Тесей, воцарившись, установил порядок в стране – уничтожил пританов и архонтов в отдельных общинах и объединил всех жителей Аттики в один поныне существующий город с одним общим советом и пританеем» (Thuc. II. 15. 1–2, пер. Г.А. Стратановского). Любопытно в данном случае то, что установление демократии, по мысли упомянутых выше авторов, стало прямым следствием *синойкизма*. К этой идее мы обратимся ниже.

В отличие от Демосфена и Феофраста Аристотель, имея ввиду скорее всего *синойкизм*, отмечает в «Афинской политии», что при Тесее политический строй лишь несколько отклоняется от монархического (*Ath. pol.* 41. 2). А Плутарх со ссылкой на Аристотеля говорит буквально следующее: «...Тесей, по словам Аристотеля, первым проявил благосклонность к простому люду и отказался от единовластия...» (*Thes.* 25, пер. С.И. Соболевского). Это, конечно, не демократия, но и не монархия⁶.

Есть смысл задуматься над приведенными здесь утверждениями. В первую очередь возникает вопрос о том, когда могли возникнуть подобные представления. Упомянутый Павсанием Портник Зевса Элевтерия был возведен скорее всего в конце V в. до н.э. (между 430–400 гг. до н.э.)⁷. А находящиеся там картины Эвфранора могут быть датированы 360–340-ми гг. до н.э.⁸ Если к этому добавить приведенные выше утверждения ораторов, с уверенностью можно говорить о IV в. до н.э.⁹ Во всяком случае,

3 Представления о том, что создателем демократии в Афинах был Тесей, привели, по мнению Г. Андерсона, к забвению Клеистена (*Anderson G. Why the Athenians Forgot Cleisthenes.* P. 119 ff.).

4 Упомянутая в тексте *ἰσηγορία* – равное право выступать в народном собрании – нередко переводят как «равенство»; ср., напр.: “Theseus, the son of Aegeus, for the first time established *equality* in the State” (*Dem.* LX. 28, пер. де Виттов по изд.: *Demosthenes. Orations. Vol. 7: Orations 60–61: Funeral Speech. Erotic Essay. Exordia. Letters / English translation by N. W. De Witt and N. J. De Witt.* Cambridge, MA; London, 1949 [Loeb Classical Library]).

5 *Rhodes P. J. Theseus the Democrat.* P. 114. Говорится даже, что он одним из первых был изгнан из полиса по закону об остракизме – по доносу некоего сикофанта Ликия (*Schol. in Aristoph. Plut.* 627; см. об этом: *Гинзбург С. И.* О дате издания закона об остракизме в Афинах // *Город и государство в античном мире.* Л., 1987. С. 51).

6 Скорее всего, речь может идти о переходе к аристократическому устройству, что было результатом выделения евпатридов в привилегированное сословие. См. также: *Rhodes P. J. Theseus the Democrat.* P. 110.

7 *Thompson H. A., Wycherley R. E. The Athenian Agora XIV. The Agora of Athens.* Princeton, 1972. P. 96–103.

8 *Ruschenbusch E. Patrios politeia. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // Historia.* 1958. Bd. 7. 4. S. 398–424, здесь – 418. Anm. 74; *Walker H. J. Theseus and Athens.* N. Y., 1995. P. 144; *Glowacki K. A Personification of Demos on a New Attic Document Relief // Hesperia.* 2003. Vol. 72. 4. P. 454; *Humble N. Redating a Lost Painting: Euphranor’s Battle of Mantinea // Historia.* 2008. Bd. 57. 4. P. 347–366.

9 П. Родс датирует рождение этих представлений IV в. до н.э. (*Rhodes P. J. Theseus the Democrat.* P. 98–118).

к началу IV в. до н.э. представления о том, что именно Тесею установил в Афинах демократию, становятся аксиомой¹⁰.

А как обстояло дело в V в. до н.э.? Не могли ли представления о Тесее-демократе родиться несколько раньше? Определенные основания для этого есть. Демократическим лидером Тесею выглядит, например, в трагедии Еврипида «Просительницы», предположительно датированной 422 г. до н.э.¹¹ Здесь он изображен защитником демократии, что и демонстрирует в момент разговора с фиванским глашатаем (Eur. *Suppl.* 353, 400–408, 433–441, разговор с глашатаем: vv. 403–462). В частности, решая вынести на всеобщее обсуждение вопрос о спасении семерых погибших под Фивами героев, Тесею говорит буквально следующее:

«...Высказываясь вольно,
Скорее даст согласие народ.
Его я подчинил единовластью,
Дав городу свободу всем равно
Голосовать...»
(Eur. *Suppl.* 350–354, пер. С.В. Шервинского).

Этот факт не ускользнул от внимания исследователей. Правда, далеко не все из них были склонны связывать еврипидовского Тесея с попытками переосмысления истории афинской демократии. М. Хансен видит в этом всего лишь распространенный литературный прием – вкладывать в уста центрального героя значимые сентенции¹². С. Миллз также считает демократизацию мифического полиса особенностью мышления афинян V в. до н.э.¹³

В трагедии, поставленной уже после смерти Перикла, Тесею выглядит как будто списанным с прославленного афинского лидера¹⁴. О Перикле как об одном из возможных прототипов Тесея говорят и исследователи творчества Еврипида¹⁵. При этом они нередко ссылаются на слова Фукидида, назвавшего правление Перикла единовластием: «По названию это было правление народа, на деле власть первого гражданина» (Thuc. II. 65. 9, пер. Г.А. Стратановского)¹⁶. Называются, впрочем, и другие возможные прототипы, например, Алкивиад, Никий и даже Клеон¹⁷. Однако мы готовы присоединиться к мнению Дж. Морвуда, который полагает, что поиски прототипов среди реальных политических деятелей непродуктивны. Перед нами, скорее всего, некий собирательный (и даже идеальный) образ легендарного афинского царя и героя.

Более важным нам представляется вопрос о том, случайно ли Тесею изображается вождем-демократом. В трагедиях Еврипида можно, в частности, найти такие характеристики афинских

10 Anderson G. Why the Athenians Forgot Cleisthenes. P. 108.

11 Walker H. J. Theseus and Athens. New York; Oxford, 1995. P. 143–169; Mills S. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. Oxford, 1997. P. 97–104.

12 М. Хансен видит в этом всего лишь распространенный литературный прием – вкладывать в уста центрального героя значимые сентенции (Hansen M. H. Solonian Democracy in Fourth Century Athens // Aspects of Athenian Democracy / Ed. by W. R. Connor, M. H. Hansen, K. A. Raaflaub, B. Straus. Copenhagen, 1990. P. 78. Note 58).

13 Mills S. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. P. 101. Ничего удивительного в изображении Тесея как царя-демократа не видит и П. Родс (Rhodes P. J. Theseus the Democrat. P. 108).

14 Связь Перикла с Тесеем можно обнаружить и до Еврипида. Во внутреннем помещении знаменитого Парфенона находилась, как известно, статуя богини Афины с копьем и щитом, выполненная Фидием из золота и слоновой кости. На внешней стороне щита Афины изображалась борьба афинян с амазонками, с внутренней – богов и гигантов, на кромке сандалий богини – сцены битвы лапифов и кентавров. Одним из участников битвы с амазонками был Тесею, которому Фидий, судя по всему, придал черты Перикла (Plut. *Per.* 31; ср. *ibid.* 13). Не удивительно, что подобные вольности вызвали негодование афинян, но речь сейчас не о них. В действиях Фидия (или стоявшего за ним Перикла) угадывается попытка установления связи между Тесеем и афинской демократией. См. об этом: Connor W. R. Theseus in Classical Athens // The Quest for Theseus / Ed. by A. G. Ward. L., 1970. P. 167–171; *contra*: Mills S. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. P. 104.

15 См., например: Morrison J. S. Pericles Monarchos // JHS. 1950. Vol. 70. P. 70–77; Podlecki A. J. Periclean *Prosopon* in Attic Tragedy // Euphrosyne. 1975–1976. Vol. 7. P. 7–26; Croally N. T. Euripides Polemic. Cambridge, 1994. P. 209–213.

16 Дж. Морвуд склонен сомневаться в реальности подобных аллюзий, указывая, в частности, на то, что труд Фукидида появился несколько позднее (Morwood J. Euripides and the Demagogues // CQ. 2009. Vol. 59. 2. P. 355).

17 Анализ и библиографию см. в статье Дж. Морвуда, указанной в предыдущем примеч. (p. 356).

правителей, которые не соотносятся с представлениями о монархическом устройстве¹⁸. Однако речь в этих случаях идет не о Тесее. Помимо Еврипида легендарный афинский царь был героем драм Софокла и, в частности, трагедии «Эдип в Колоне». Однако Тесей Софокла не похож на героя Еврипидовых «Просительниц»¹⁹ – разве только тем, что представляет собой идеализированный тип правителя²⁰.

Сказанное выше, казалось бы, позволяет усомниться в том, что представления о Тесее-демократе родились в конце V в. до н.э. Однако в нашем распоряжении есть другие свидетельства, позволяющие предполагать более раннее их происхождение.

Упомянувшиеся выше росписи Эвфранора в Портике Зевса Элевтерия могли быть позднейшей заменой ранее находившихся там картин другого греческого живописца – Паррасия (конец V в. до н.э.)²¹. С развитием демократии в Афинах здесь получают распространение персонифицированные изображения Свободы, Демоса, Демократии и др. Это позволяет исследователям говорить о складывании в середине V в. до н.э. культа Демоса²². Паррасий мог быть первым, кто изобразил Демос в компании с Тесеем и именно в Портике Зевса (Plin. *Nat. Hist.* XXXV. 69)²³.

Итак, истоки представлений о Тесее – создателе демократии в Афинах можно обнаружить и во второй половине V в. до н.э. А в следующем столетии они становятся своего рода *locus communis*. В этом случае стоит поразмышлять о причинах их появления.

Несомненно, толчком к превращению Тесея в царя-демократа стал небывалый рост его популярности во время греко-персидских войн и, в частности, после Марафонской битвы (490 г. до н.э.)²⁴. Античные авторы указывают на «явление» Тесея в момент Марафонской битвы и его содействие афинянам (Plut. *Thes.* 35; Paus. I. 27. 8 sqq.). «Сражавшиеся с персами при Марафоне, – пишет Плутарх, – видели носившийся перед ними призрак Тесея с оружием, ведшего их на врагов» (Plut. *Thes.* 35, пер. В. Алексеева; и ср.: Paus. I. 27. 8–10)²⁵.

О роли Тесея при Марафоне можно судить и по росписям так называемого Пестрого Портика (Стоя Пойкиле), строительство которого связывается с именем Кимона. Здесь находилась картина Полигнота, на которой было изображено Марафонское сражение. Среди сражавшихся художник изобразил героя Марафона, который дал имя всей равнине, Тесея, поднимающегося из-под земли, а также Афины и Геракла (Paus. I. 15. 3). За этим последовала находка Кимоном «костей Тесея» на о. Скирос и торжественное перенесение их в Афины²⁶.

Кроме того, возрождение культа Тесея и обретение им небывалой популярности связывается с образованием Афинского морского союза²⁷. Будучи общеионийским героем, Тесей, по мнению некоторых авторов, превращается в носителя афинской имперской идеи²⁸. Возможно, от нее рукой подать

18 Подробнее об этом см., например: Rhodes P. J. Theseus the Democrat. P. 107–110; Anderson G. Why the Athenian Forgot Cleisthenes. P. 112–115.

19 См.: Finglass P. J. Sophocles' Theseus // Crisis on Stage. Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens / Ed. by A. Markantonatos and B. Zimmermann. Berlin; Boston, 2012. P. 41–54.

20 Finglass P. J. Sophocles' Theseus. P. 44–47.

21 Rumpf A. Parrhasios // AJA. 1951. Vol. 55. 1. P. 1–12.

22 Glowacki K. A Personification of Demos. P. 450.

23 Rumpf A. Parrhasios. P. 8; Glowacki K. A Personification of Demos. P. 450; Manakidou E. Politics and Society // Companion to Greek Art / Ed. by T. J. Smith and D. Plantzos. L., 2012. Vol. 2. P. 434.

24 Впрочем, Тесей был широко известен и почитаем ранее. Он был одним из популярных персонажей афинской вазописи (Webster T. B. L. Potter and Patron in Classical Athens. L., 1972. P. 82–90, 252–253; Sourvinou-Inwood C. Theseus Lifting the Rock and a Cup Near the Pithos Painter // JHS. 1971. Vol. 91. P. 99). В конце VI в. до н.э. Тесей заменил Геракла, почитавшегося Писистратом и его сыновьями. См.: Walker H. J. Theseus and Athens. P. 35–50; Hall J. Politics and Greek Myth // The Cambridge Companion to Greek Mythology / Ed. by R. D. Woodard. Cambridge, 2007. P. 331–354, здесь p. 338).

25 См. также: Podlecki A. J. Cimon, Skyros and "Theseus" Bones // JHS. 1971. Vol. 91. P. 141–143; см. также: Sourvinou-Inwood C. Theseus Lifting the Rock. P. 109.

26 См.: Гуцин В. П. Кимон и «кости Тезея» // Политическая история и историография. От античности до современности. Петрозаводск, 2000. Вып. 3. С. 34–46. Нередко предполагается особое отношение Филаидов к Тесею, см., например: Viviers D. Démocratie athénienne et symbolique Théséen // Revue philosophie ancienne. 1995. Vol. XIII. 1. P. 69.

27 Viviers D. Démocratie athénienne et symbolique Théséen. P. 70.

28 Tausend K. Theseus und delisch-attische Seebund // RhM. 1989. Bd. 132. S. 225–235; Shapiro H. A. Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // MHR Mediterranean Historical Review. 1992. Vol. 7. P. 29–49.

до *démocratie thalassocratique*²⁹. Но пока ничего не предвещает превращение Тесея в отца-основателя афинской демократии.

Что же случилось? Отвечая на этот вопрос, вначале обратим внимание на отмечавшуюся некоторыми древними авторами связь Тесея *синойкизма* и демократии (Dem. LIX. 75; Theophr. 26. 6). Некоторые исследователи считают, что демократические реформы Клисфена, особенно его реформа фил, имеют определенную переключку с преобразованиями Тесея³⁰. Фукидид, однако, описывая эвакуацию жителей Аттики в Афины накануне вторжения пелопоннесцев, и в этой связи вспоминая о *синойкизме* Тесея (Thuc. II. 14–15), ничего не говорит о связи последнего с демократией³¹. Дальше всех идет Г. Андерсен, который полагает, что Клисфен, якобы маскируя революционный характер своих преобразований, сознательно выдвинул на первый план Тесея как создателя демократии в Афинах, которую он сам, в таком случае, лишь восстанавливал³².

Высказывалось предположение о том, что превращение Тесея в демократического реформатора было связано с превращением Афин в морскую державу, опорой которой служили моряки-феты³³. Мы однако полагаем, что ответ на вопрос о причинах превращения Тесея в царя-демократа следует искать в другой сфере. Речь в данном случае может, скорее всего, идти о переосмыслении афинской истории, которое вольно или невольно сопровождалось ее мифологизацией. Представления о Тесее как создателе демократии в Афинах были частью комплекса взаимосвязанных между собой идей, возникших в середине V в. до н.э.

Одной из этих идей было представление об автохтонии, которая стала чрезвычайно популярной в это время (е. г.: Thuc. I. 2. 4; Dem. XIX. 261). При этом автохтония имела два аспекта. С одной стороны, она содержала сугубо религиозно-мифологический компонент и означала рождение земель, а вот с другой, должна была подчеркивать факт исконного проживания на данной территории³⁴. И это последнее становится для афинян, по словам П. Хардинга, предметом особой гордости и даже частью национального имиджа и государственной пропаганды³⁵.

Еврипид в недошедшей до нас трагедии «Эрехтей», датируемой временем Пелопоннесской войны, подчеркивает приоритет тех народов, которые ниоткуда не пришли, но всегда населяли одну и ту же территорию. Жена Эрехтея здесь превозносит те полисы, жители которых с давних пор их населяли, противопоставляя тем самым афинян и спартанцев:

«Я размышляла долго: этот город наш,
Всех лучше он на свете государств.
Земли мы этой дети, не пришельцы мы.
Другие ж города разбросаны кругом,
Как шашки на доске, по воле случая.
Все – выселки они из разных городов.
А кто, свой город бросив, селится в другой,
Подобен ветке вялой на живом стволе.
По слову – гражданин, на деле ж – вовсе нет»

(Eur. *Erechth.* Fr. 360 K; цит. по: *Лукурт*.
Против Леократа, 100, пер. Т.В. Прушакевич)³⁶.

29 *Viviers D.* Démocratie athénienne et symbolique Théséen. P. 70.

30 *Hall J.* Politics and Greek Myth. P. 344; *Rhodes P. J.* Theseus the Democrat. P. 103 f.

31 См., например: *Goušchin V.* Athenian Synoikism of the Fifth-Century B. C., or Two Stories of Theseus // G&R. 1999. Vol. 46. P. 178 ff.

32 *Anderson G.* Why the Athenians forgot Cleisthenes. P. 120.

33 *Viviers D.* Démocratie athénienne et symbolique Théséen. P. 74 ss.

34 См., например: *Blok J. H.* Gentrifying Genealogy: On the Genesis of the Athenian Autochthony Myth // *Antike Mythen: Medien, Transformationen und Konstruktionen.* Fritz Graf zum 65. Geburtstag / Hrsg. von U. Dill und Chr. Walde. B.; N. Y., 2009. P. 251–275; *Forsdyke S. L.* “Born from the Earth”: The Political Uses of an Athenian Myth // *Journal of Ancient Near Eastern Religions.* 2012. Vol. 12. P. 119–141 (я благодарю Сапу Форсдайка за возможность познакомиться с этой статьей).

35 *The Story of Athens. The Fragments of the Local Chronicles of Attika / Ed., transl. and with an introduction and comm. by P. Harding.* L., 2008. P. 16.

36 См. также: *Pelling C.* Bringing Autochthony Up-to-Date: Herodotus and Thucydides // *CW.* 2009. Vol. 102. 4. P. 471.

Некоторые исследователи связывают представления об автохтонии с демократией, поскольку автохтонией подчеркивалась общность происхождения, а значит, так или иначе она была связана с идеями равенства³⁷. В этой связи обращает на себя внимание мысль Аристотеля, высказанная им в «Риторике». Рассуждая о благородстве (*eugeneia*), он замечает: «Быть благородного происхождения для какого-нибудь народа или государства значит быть автохтонами или исконными [обитателями данной страны], иметь своими родоначальниками славных вождей и дать из своей среды многих мужей, прославившихся тем, что служит предметом соревнования» (*Rhet.* 1360b30–33, пер. Н. Платоновой)³⁸.

Таким образом, через идею автохтонии благородство, имеющее отношение к аристократической системе ценностей, распространяется на всех афинян. Другими словами, тем самым уже все афиняне обретают благородное происхождение или генеалогию³⁹. Р. Томас видит в этом приспособление аристократического лексикона к новым, демократическим условиям⁴⁰.

В этой связи стоит напомнить слова афинского оратора Лисия о том, что афиняне были исконными жителями (αὐτόχθονες), они первыми изгнали царей и установили у себя демократию (II. 17 sq.). Лисий определенно связывает автохтонию и демократию, хотя ничего не говорит о Тесее. Но дело даже не в нем, а в том, что на рубеже V–IV вв. до н.э., по всей видимости, происходило переосмысление древнейшей истории Афин, в результате которого афиняне превращались в автохтонов, а их царь Тесей вполне мог стать создателем демократии.

37 Rosivach V. J. Autochthony and the Athenians // CQ. 1987. Vol. 37. 2. P. 301; Cohen E. E. The Athenian Nation. Princeton, 2000. P. 82.

38 См. также: Connor W. R. The Ionian Era of Athenian Civic Identity // PPhS. 1993. Vol. 137. 2. P. 194–206, здесь p. 205. Note 37.

39 См. об этом: Blok J. H. Gentrifying Genealogy. P. 258.

40 Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989. P. 213, 217–219. Исследовательница объясняет это тем, что демократия, согласно афинским эпитафиям, утверждается не в результате реформ Клисфена или Эфиальта, а значительно раньше – например, Тесеем, как полагал Демосфен: Dem. LX. 28 (Thomas R. Oral Tradition. P. 234).

О СОЮЗНИКАХ ЭВБЕЙСКИХ ПОЛИСОВ В ЛЕЛАНТСКОЙ ВОЙНЕ¹

Занимаясь историей Лелантской войны, сложно обойти вниманием проблему союзников Эретрии и Халкиды². Именно наличие союзников является фактором, выделяющим, по мнению Фукидида (I. 15. 2–3), Лелантскую войну из ряда прочих конфликтов архаического периода: «У могущественных городов тогда еще не было зависимых союзников, а более слабые города не желали участвовать в общих походах, и каждый воевал с соседями на свой страх и риск. Только однажды, уже в древнее время, в войне халкидян с эретрийцами остальные эллинские государства примкнули к той или иной из воюющих сторон» (пер. Г.А. Страгановского)³.

Фраза афинского историка о том, что во времена Лелантской войны греческий мир фактически разделился на две части, послужила основанием для естественного желания исследователей реконструировать перечень союзников Эретрии и Халкиды. Такие попытки давно уже вышли за пределы немногих прямых указаний источников; впрочем, пока еще ни проблема количества союзников эвбейских полисов, ни вопрос о степени их вовлеченности в конфликт не получили однозначного решения.

Относительно степени и характера участия союзников в войне выделяются два основных подхода. Сторонники первого полагают, что союзные контингенты были представлены полисными ополчениями, получившими официальную санкцию на участие в войне⁴. Исследователи, придерживающиеся другой точки зрения, считают, что для подобных выводов нет оснований и склоняются к мнению, что в войне принимали участие отряды отдельных аристократов, связанных с эретрийцами либо халкидянами ксеническими связями⁵. Однако помимо анализа аргументации сторонников обеих точек зрения кажется резонным провести и некоторую ревизию данных о полисах, которые, по мнению современных исследователей, участвовали в Лелантской войне. Это необходимо и для отбора круга тех источников, которые можно привлечь, собственно, к составлению списка союзных контингентов.

По данной проблеме единства точек зрения также не наблюдается. В трудах практически всех исследователей, занимавшихся историей Лелантской войны, фигурирует Милет в качестве союзника Эретрии, а Самос и Фессалия – как союзники Халкиды⁶. Это единодушие объясняется наличием в нарративной традиции прямых указаний на участие указанных полисов в конфликте на Эвбее (Hdt. V. 99. 1 – для Самоса и Милета; Plut. *Amat. Narr.* 17 = Mor. 760e–761b – для Фессалии). Многие исследователи считают

1 Работа подготовлена в рамках проекта «Карамзинские стипендии–2015» при поддержке Фонда Михаила Прохорова и Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (г. Москва).

2 Впервые мы задались этим вопросом после обсуждения нашего доклада о проблеме характера Лелантской войны, прочитанного в феврале 2015 г. на XIX Сергеевских чтениях (Москва, МГУ). Секцией по истории Греции руководили И.Е. Суриков и Х. Туманс. Впоследствии Игорь Евгеньевич Суриков неоднократно консультировал нас на разных этапах работы и любезно делился литературой, за что, пользуясь случаем, искренне его благодарим.

3 οὐ γὰρ ξυνεστήκεισαν πρὸς τὰς μεγίστας πόλεις ὑπῆκοοι, οὐδ' αὖ αὐτοὶ ἀπὸ τῆς ἴσης κοινὰς στρατείας ἐποιοῦντο, κατ' ἀλλήλους δὲ μᾶλλον ὡς ἕκαστοι οἱ ἀστυγείτονας ἐπολέμουν. μάλιστα δὲ ἐς τὸν πάλαι ποτὲ γεγόμενον πόλεμον Χαλκιδέων καὶ Ἐρετριῶν καὶ τὸ ἄλλο Ἑλληνικὸν ἐς ξυμμαχίαν ἐκατέρων διέστη.

4 Такую точку зрения разделяет большинство авторов, занимающихся этой темой. Зачастую, впрочем, исследователи не слишком обращают внимание на наличие подобной проблемы, видимо, считая ее решение само собой разумеющимся. Ссылки на их работы даны ниже, в примеч. 5–11.

5 Главным сторонником этой гипотезы является Х. Туманс. См. *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII– V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 122–125.

6 Их считает участниками Лелантской войны даже такой скептически настроенный исследователь, как П. Гарднер (*Gardner P.* A Numismatic Note on the Lelantian War // CR. 1920. Vol. 34. 5–6. P. 90–91).

участниками войны Коринф и Мегары⁷, Эгину⁸, Хиос и Эрифры⁹, колонии Эретрии и Халкиды на северном побережье Эгеиды, беотийские города, Карист¹⁰, Аргос, Спарту и Мессению¹¹, Парос, Андрос, другие острова Эгеиды, Афины¹², а также италийские полисы – Сибарис и Кротон¹³.

Дабы не углубляться в подробный критический разбор этого перечня, что будет нецелесообразным в рамках достаточно небольшой заметки, отметим: мы не разделяем сам подход исследователей, реконструирующих состав союзников Эретрии и Халкиды исходя из политической истории Эллады архаического периода. Этот подход базируется на двух положениях, каждое из которых не кажется нам очевидным. Первое – это уверенность в достоверности сообщения Фукидида о расколе греческого мира на две коалиции во время Лелантской войны. Второе – это убежденность в том, что уже в архаическое время могли существовать устойчивые коалиции полисов, способные вести длительную и тяжелую войну. Мы уже останавливались на этом вопросе¹⁴, однако коротко повторим основные соображения. По нашему мнению, Фукидид не мог обладать полной достоверной информацией о рассматриваемой войне. Об этом свидетельствует уже то, что афинский историк уделяет внимание доказательству большего значения Пелопоннесской войны в сравнении с Троянской и Греко-персидскими войнами. Лелантская же война, казалось бы, противоречащая этому тезису Фукидида, удаляется от него всего одной фразой. Вероятно, у Фукидида были основания считать, что в войне участвовали союзники эвбейских полисов (об этом факте, кстати, упоминает и Геродот, с трудом которого Фукидид был знаком¹⁵). Однако на основании только его сообщения – а больше об этом никто из античных авторов не пишет¹⁶ – мы не можем объявлять Лелантскую войну общегреческой.

Убежденность исследователей в возможности существования устойчивых союзов в эпоху архаики также сложно доказать. Не помогают в этом и аналогии, поскольку их попросту нет. Нам неизвестны ситуации в истории архаической Греции, когда коалиции полисов вели бы длительную войну между собой, хотя при этом имеются случаи формирования коалиций против отдельных полисов. Была,

7 *Bradeen D. W.* The Lelantine War and Pheidon of Argos // *TAPhA*. 1947. Vol. 78. P. 230; *Burn A. R.* Greek Sea-Power 776–540 BC and the “Carian” Entry in the Eusebian Thalassocracy-List // *JHS*. 1927. Vol. 47. P. 170–171; *Burn A. R.* The So-Called “Trade-Leagues” in Early Greek History and the Lelantine War // *JHS*. 1929. Vol. 49. P. 15, 35; *Vedder R. G.* Ancient Euboea: Studies in the History of a Greek Island from Earliest times to 404 B. C. PhD Thesis. University of Arizona, Tucson. 1978. P. 152–153, 158–159; *Murray O.* Early Greece. 2nd. ed. L., 1993. P. 77; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C. L., 1976. P. 67; *Forrest W. G.* Colonisation and the Rise of Delphi // *Historia*. 1957. Bd. 6. 2. P. 162. Для доказательства того, что Коринф выступил на стороне Халкиды, используется традиция о вытеснении с Керкиры эретрийских колонистов (*Thuc.* I. 13. 4), а также упоминание Фукидида о работе коринфянина Аминокла на Самосе (*I.* 13. 3).

8 *Bradeen D. W.* The Lelantine War. P. 236; *Burn A. R.* Greek Sea-Power. P. 170–171; *Burn A. R.* The So-Called “Trade-Leagues”. P. 15, 35.

9 *Bradeen D. W.* The Lelantine War. P. 230; *Vedder R. G.* Ancient Euboea. P. 160; *Murray O.* Early Greece. P. 77; *Forrest W. G.* Colonisation and the Rise of Delphi. P. 168. *Burn A. R.* Greek Sea-Power. P. 170–171; *Burn A. R.* The So-Called “Trade-Leagues”. P. 35.

10 *Vedder R. G.* Ancient Euboea. P. 158; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. P. 67.

11 *Bradeen D. W.* The Lelantine War. P. 231, 234; *Forrest W. G.* Colonisation and the Rise of Delphi. P. 162; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. P. 67; *Burn A. R.* Greek Sea-Power. P. 170–171; *Burn A. R.* The So-Called “Trade-Leagues”. P. 35.

12 *Bradeen D. W.* The Lelantine War. P. 232, 241; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. P. 67; *Burn A. R.* The So-Called “Trade-Leagues”. P. 35.

13 *Duncker M.* Geschichte des Alterthums. Bd. 3. B., 1856. S. 470–472; *Holm A.* Geschichte Siciliens im Altertum. Bd. 1. Leipzig, 1870. S. 346. Эта точка зрения, впрочем, была высказана еще в XIX в. и подверглась убедительной критике со стороны П. Гарднера. См.: *Gardner P. A.* Numismatic Note. P. 90–91.

14 См. *Зайцев Д. В.* К вопросу о характере Лелантской войны // *ВДИ*. 2016. № 1. С. 5–21.

15 Проблеме связи Геродота и Фукидида посвящена огромная литература (см. в работе: *Синицын А. А.* Геродот и Фукидид, повлиявшие друг на друга (по поводу одного «интересного нюанса») // *АМА*. 2013. Вып. 16. С. 40–41. Примеч. 8–12). На русском языке особенно важны работы И. Е. Сурикова. Он посвятил греческому историку две монографии (*Суриков И. Е.* Геродот. М., 2009; *он же.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011) и солидное количество статей. Стоит отметить, что влияние Геродота на его младшего современника, так же как и скрытая полемика с ним Фукидида, достаточно полно рассмотрены в историографии. Недавно, кстати, И. Е. Суриков предположил и наличие обратного влияния (см.: *Суриков И. Е.* Очерки об историописании. С. 276–279). Впрочем, эта гипотеза уже подвергнута достаточно убедительной, по нашему мнению, критике в статье А. А. Синицына (*Синицын А. А.* Геродот и Фукидид. С. 39–55).

16 Упоминания Геродота и Плутарха об отдельных союзниках эвбейских полисов не могут служить доказательством общегреческого характера войны.

например, Мелийская война, в которой ионийские полисы выступили против Мелии (Vitr. IV. 1. 4–5)¹⁷; известна Священная война, где коалиция образовалась против Крисы¹⁸, однако ни один из этих конфликтов, судя по всему, не был длительным, да и вряд ли войну союза полисов против одного можно считать подходящим историческим аналогом для войны полноценных коалиций. Таким образом, мы не видим оснований для того, чтобы признавать Лелантскую войну общеэллинским столкновением, и, таким образом, склонны считать установленными союзниками Эретрии и Халкиды только те полисы, о которых прямо сообщает нарративная традиция.

Обозначив тем самым свою позицию, обратимся к анализу сообщений античных авторов. Таких пассажей, которые прямо указывают на участие союзных полисов в Лелантской войне, имеется всего два. Древнейший из них – это сообщение Геродота. Рассказывая о том, почему Эретрия оказала помощь Милету в ионийском восстании, галикарнасский историк назвал в качестве причины благодарность за оказанную ранее услугу: «Милетяне ведь пришли на помощь эретрийцам в войне против халкидян, когда самосцы помогали халкидянам против эретрийцев и милетян» (Hdt. V. 99. 1; пер. Г.А. Стратановского)¹⁹. У нас нет ни малейшего повода сомневаться в достоверности этого сообщения Геродота: как-никак именно на Самосе историк провел значительную часть своей жизни, начал работать над своим трудом²⁰, в котором история этого острова фигурирует неоднократно.

Однако здесь перед нами встает немаловажный вопрос: можем ли мы выявить какие-то указания на статус контингентов милетян и самосцев, поддержавших эвбейские полисы? К сожалению, никаких прямых указаний Геродот не дает. Если же обратиться к косвенным данным, то можно выявить только очень туманные намеки. Фрагмент об участии Милета и Самоса в Лелантской войне необходим Геродоту для объяснения того, почему Эретрия отправляет на помощь ионийцам свои корабли во время восстания против персов. Прежде всего, представляется сомнительным, чтобы такое важное мероприятие, как помощь Милету против персов, было частным делом отдельных аристократов, хотя об этом Геродот прямо и не пишет. Во-первых, персы были уже довольно значимой силой в Эгейском бассейне и Малой Азии, о которой эретрийцы не могли не знать. Следовательно, вряд ли демократический полис²¹ позволил бы ставить под угрозу собственную безопасность ради чьей-то частной инициативы. Во-вторых, стоит обратить внимание на то, что в предшествующем рассказе о переговорах ионийских послов с афинянами послы выступают перед народным собранием, и решение об отказе помочь восстанию было решением полиса (Hdt. V. 97). А значит, можно предположить, что подобная процедура

17 Мелией называет этот город Гекатей (*Steph. Byz.* s. v. Μελία = FGrHist. I F 336); Витрувий, являющийся одним из основных источников по войне, называет полис Мелитой. Подробнее о Мелийской войне см.: *Shipley G.* A History of Samos 800–188 B. C. Oxford, 1988. P. 29–31; *Кулакова А. П.* Образование Панионийского союза // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2003. С. 30–41; *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII– VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 121–126; *Лантвева М. Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI– VI вв. до н.э. СПб., 2009. С. 452–464.

18 Подробнее с подборкой источников и литературы см.: *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII– V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 195–218.

19 οἱ γὰρ δὴ Μιλήσιοι πρότερον τοῖσι Ἐρετριεῦσι τὸν πρὸς Χαλκιδεῶς πόλεμον συνδιήνεκαν ὅτε περ καὶ Χαλκιδεῦσι ἀντία Ἐρετριέων καὶ Μιλησίων Σάμιοι ἐβοήθηον.

20 О Геродоте на Самосе см.: *Суриков И. Е.* Геродот. С. 96–117.

21 Наиболее полный анализ политического устройства Эретрии в архаический период см. в недавней монографии: *Walker K. G.* Archaic Eretria. A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B. C. L.; N. Y., 2004. Эретрия прошла несколько этапов политического развития, не представляющих, правда, из себя ничего уникального. На протяжении большей части архаического периода власть в полисе находилась в руках аристократов. Об этом свидетельствует как нарративная традиция (*Arist. Pol.* IV. 3. 2; *Ath. pol.* 15. 2), так и весьма интересные результаты археологических раскопок. В частности, для аргументации аристократической власти в Эретрии можно привлечь знаменитую могилу №6, принадлежащую «герою Эретрии» и расположенную неподалеку от западных ворот (см. описание памятника: *Bérard C.* L'Hérôdon à la Porte de l'Ouest // *Eretria. Fouilles et recherches III.* Bern, 1970. P. 68–70; *Crielaard J. P.* Cult and Death in Early 7-th Century Euboea: the Aristocracy and the Polis // *Nécropoles et Pouvoir. Idéologies, pratiques et interprétations. Actes du colloque "Théories de la nécropole antique"*, Lyon 21–25 janvier 1995 / Ed. S. Marchegay, M.-T. Le Dinahet et J.-F. Salles. Lyon, 1998. P. 43–58; интерпретации: *Bérard C.* Le sceptre du prince // *MH.* 1972. Vol. 29. P. 219–227; *De Polignac F.* La naissance de la cité grecque. P., 1984. P. 20, 140–151; *Crielaard J. P.* Cult and Death. P. 46–47). Предположительно этот период продолжался до середины VI в. до н.э. Затем в полисе установилась тирания Диагора, датированная приблизительно 538–509 гг. до н.э. (о ней см.: *Walker K. G.* Archaic Eretria. P. 201–227). Наконец, в 509 г. до н.э. в Эретрии устанавливается демократическое правление. Следовательно, во время ионийского восстания эвбейский полис являлся демократией, союзной афинянам.

была повторена и в Эретрии, которая, согласно сообщению Геродота, отправила корабли «не в угоду афинянам» (οὐ τὴν Ἀθηναίων χάριν – Hdt. V. 99). Однако, даже если наши рассуждения верны и решение эретриан поддержать Милет было полисной акцией, это не обязательно означает, что предшествующая помощь ионийского полиса была таковой. Осложняет дело и то, что мы не знаем, на каком именно этапе Лелантской войны²² помощь милетян была оказана.

Другим автором, дающим нам информацию о союзниках эвбейских полисов, является Плутарх. Он рассказывает об участии в войне фессалийского царя Клеомаха (Plut. *Amat. Narr.* 17 = Mor. 760e–761b), сражавшегося со своей конницей на стороне Халкиды и погибшего в сражении. Показательным является сообщаемый философом факт, что Клеомах был похоронен на площади Халкиды, а над его могилой был поставлен памятник. Это свидетельство традиционно используется в качестве доказательства того, что в войне участвовали именно аристократические отряды, а не полисное ополчение²³. Привлекается также другая информация, передаваемая тем же Плутархом и подкрепленная сообщением Гесиода. Гесиод писал в «Трудах и днях» (vv. 654 sqq.) о своем визите на Халкиду с целью участия в похоронах халкидского аристократа Амфидаманта. Плутарх же упоминает, что Амфидамант погиб в «битвах за Лелант» с эретрийцами (Plut. *Sept. Sap. Conv.* 10. = Mor. 153f).

Таким образом, при анализе этого сообщения мы, вероятно, можем согласиться с Х. Тумансом в том, что именно рассказы об Амфидаманте и Клеомахе являются примерами участия в Лелантской войне аристократических отрядов, действующих на свой страх и риск. Действительно, акция Клеомаха выглядит как операция, предпринятая отдельным знатным и влиятельным аристократом, помогающим своим ксенам и, возможно, родственникам из другого полиса. Стоит отметить, что такие предприятия были отнюдь не редкостью в архаический период. Например, Писистрату оказали поддержку всадники из Эретрии и наксосец Лигдамид (Arist. *Ath. pol.* 15. 2; Hdt. I. 61). Сам афинский тиран впоследствии поддержал того же Лигдамида, стремившегося установить свою тираническую власть на Наксосу (Arist. *Ath. pol.* 15. 3; Hdt. I. 64).

Подводя итоги заметки, стоит подчеркнуть следующие выводы. Во-первых, мы можем заключить, с наибольшей долей вероятности, что в Лелантской войне принимали участие союзные аристократические контингенты. Примером такого участия, причем достаточно четко зафиксированным в источниках, служит вмешательство Клеомаха. Во-вторых, об участии в войне полисных ополчений с уверенностью говорить мы не можем. С одной стороны, в самом этом факте нет ничего невозможного, а с другой, мы не располагаем его подтверждениями в источниках. А те косвенные аргументы, которые можно привести в поддержку этого мнения, вряд ли могут считаться достаточно убедительными.

22 Не останавливаясь подробно на проблеме датировки Лелантской войны, которая явно заслуживает самостоятельного разбора, отметим, что устоявшаяся датировка – конец VIII – середина VII в. до н.э. – не кажется нам бесспорной. По крайней мере, сообщение Феогнида (Theogn. 891–894), незаслуженно игнорируемое исследователями, может свидетельствовать о том, что Лелантская война продолжалась до VI в. до н.э.

23 Туманс Х. Рождение Афины. С. 122–125.

ЛИДИЙЦЫ ПОСЛЕ КРЕЗА¹

В научном творчестве И.Е. Сурикова тема Лидии, и конкретно, знаменитого лидийского царя Креза занимает особо значимое место. Исследователя интересует не только деятельность Креза как таковая, его взаимоотношение с греками, но также и греческая традиция об этом царе, нашедшая отражение в труде Геродота². В данной публикации в сборнике, посвященном юбилею Игоря Евгеньевича, рассматривается вопрос о том, в каком положении оказались лидийцы тотчас после их завоевания Киром Великим в 546 г. до н.э.

* * *

Геродот (I. 153) сообщает, что после военного поражения Лидийского царства Кир Великий назначил двух должностных лиц в Сарды. Один был персом по имени Табал (ἐπιτρέψας τὰς μὲν Σάρδις Ταβάλω ἀνδρὶ Πέρσῃ), другой же лидийцем, которого звали Пактий (Πακτύῃ ἀνδρὶ Λυδῶ). Казалось бы, Пактий был подчиненным Табала, как это следует из замечания историка (I. 154) о том, что «Пактий добился отложения лидийцев от Табала и Кира» (τοὺς Λυδοὺς ἀλέστησε ὁ Πακτύης ἀπὸ τε Ταβάλου καὶ Κύρου). Но другое сообщение (I. 155) «отца истории» дает основание предполагать, что именно Пактий, а не перс Табал находился во главе аппарата управления лидийской столицы.

1. Положение Табала в Сардах

Геродот не сомневался в принадлежности Табала к числу персов, однако какие-либо подробности деятельности этого человека «отец истории» не сообщает, ограничиваясь только упоминанием о его назначении Киром. Такое умолчание выглядит достаточно странным, принимая во внимание интерес Геродота к родословным не только греков, но и персов. Не менее странным кажется и то, что само имя Табала не встречается среди распространенных древнеперсидских имен. Так, Ф. Юсти, автор одного из первых трудов по персидской ономастике, даже не комментирует происхождение интересующего нас имени³. Дж. Балсер в своем исследовании персидской просопографии просто принимает мнение Геродота, что Табал был персом⁴. Напротив, недавно сомнения в отношении персидского происхождения имени высказал крупнейший иранист Р. Шмитт, который, в частности, заметил: «Иранское

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире». Основные положения данной работы были представлены в виде доклада на международном научном симпозиуме «Политическая память в Персидской империи и после», который состоялся 18–20 июня 2014 г. в г. Лейден (Нидерланды), в связи с чем хочу выразить признательность организаторам симпозиума докторам К. Верзеггерс и Я. Сильверману, а также участникам, которые высказали полезные замечания по докладу, в особенности, профессору Р. Ван дер Шпеку. Доработка публикации происходила во время научной стажировки в качестве стипендиата DAAD в университете г. Киля (Германия) в июле-августе 2014 г. Хочу также выразить благодарность профессорам Й. Визехёферу (университет г. Киля) и К. Таплину (университет г. Ливерпуля) за их ценные предложения по улучшению данной работы.

2 Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1999. С. 72–79; Суриков И.Е. Лидийский царь Крез и Балканская Греция // SH. 2001. Вып. I. С. 3–15; Суриков И.Е. Квази-Солон или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: мир прошлого в современном освещении: Сборник научных трудов к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / Под общ. ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 67–82.

3 *Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.*

4 *Balcer J. M. A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble, c. 550–450 B. C. Lewiston; New York, 1993. P. 66.*

происхождение этого имени, несмотря на явное указание на этнос, из-за – λ– маловероятно»⁵. Но все упомянутые исследователи не комментировали возможные коннотации имени Табала. На мой взгляд, однако, можно предположить, как минимум, три различных варианта происхождения этого имени.

1. От древнеперсидского *tav-*, что предположил еще в начале XX века А. Стоунсифер. Он выводил имя *Táβαλος* от *Ταβούλης*, которое также не встречается в греческих источниках, но может быть композитом древнеперсидского *tavah*, «власть» и **ula*, «желание»⁶. Р. Дж. Кент переводит глагол *tav-* как «быть сильным»⁷, а Р. Шмитт указывает на аналогичное значение глагола *tav-* – «быть сильным / быть в состоянии» (*stark / imstande sein*) и прилагательного *taviyah* – «более сильный» (*stärker*)⁸. Нам неизвестны древнеперсидские ЛИ, происходящие непосредственно от *tav-*⁹, но существование таковых можно предполагать на основании текстов с эламскими заимствованиями из Персепольского архива. Согласно Я. Тавернье, ЛИ *Tu-ma^{ma}mar-ge-mea* (PF 1829: 2–3) произошло от древнеперсидского ЛИ **Tavaḡēva^{ya}*– (гипокористическое имя от *Tava-raiva*, – «который сильный и богатый»), вавилонское ЛИ *Tu-ú-tu₄* (PF 85: 3) от **Tavāta*– (*-āta* – расширение *tav-* – «он сильный») и *Tu-me-e-a* от **Tavaya* (*-ya* расширение *tav-*)¹⁰.

2. От древнеперсидского **Taraḡa-* / **Tara^{la}*-. Это имя также не встречается среди известных по древнеперсидским текстам иранских имен, и, как можно судить по словарям Р. Кента и Р. Шмитта¹¹, слова, от которых оно могло быть производным, не известны по ахеменидским царским надписям. Я. Тавернье выводит имя **Taraḡa-* от его эламского заимствования *Da-ba-ra* (PF 1731: 3, 1732: 2–3, 1743: 2–3, 1744: 2; PFNN 845: 2, 1265: 2–3), **Tara^{la}*– (1 – эквивалент **Taraḡa-*) – от эламского **Da-ba-la*-¹², а **Taraḡiḡa-* (на *iḡa* – гипокористическое имя от **Taraḡa-*) – от *Da-ba-ri-iz-za* (PFNN 1413: 3)¹³. Исследователь переводит **taraḡa-* как «топор», ссылаясь на новоперсидское слово *tabār*¹⁴.

3. Имя *Táβαλος* могло иметь малоазийские коннотации. Страна Табал была расположена в долине р. Галиса и известна уже из ассирийских источников I тыс. до н.э.¹⁵ Табала был лидийским городом, расположенным у реки Герм и известным по монетам, которые датируются II– III вв.¹⁶ Надпись из Лидии указывает на посвящение «табаленским богам» – *Θεοῖς Ταβαληνοῖς* (ТАМ. V. 1–2. 9. 2). Другая надпись сообщает о герусии табалейцев – *ἡ Ταβαλέων ἡγερουσία* (140/1 г. н. э.: ТАМ. V. 1–2. 194). Стефан Византийский (s. v. *Táβαλ*) также упоминает город Табы в Лидии (*Táβαλ, πόλις Λυδίας*)¹⁷. Он приводит различные версии происхождения этого названия города: согласно одному варианту, Табы

5 *Schmitt R.* Iranisches Personennamenbuch. Bd. 5A: Iranische Personennamen in der griechischen Literatur vor Alexander d. Gr. Wien, 2011. S. 355: “Iranische Herkunft des Namens ist trotz der ausdrücklichen Ethnos-Angabe schon wegen des – λ– recht unwahrscheinlich”.

6 *Stonecipher A. H. M.* Graeco-Persian Names. N. Y., 1918. P. 63.

7 *Kent R. G.* Old Persian: Grammar, Text, Lexicon. New Haven, 1950. P. 186.

8 *Schmitt R.* Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften. Wiesbaden, 2014. S. 252–253.

9 Они не упоминаются у Ф. Юсти и М. Майерхофера: *Justi F.* Iranisches Namenbuch; *Mayerhofer M.* Iranisches Personennamenbuch. Bd. 1: Die altiranischen Namen (Iranische Onomastik). Wien, 1979.

10 *Tavernier J.* Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B. C.): Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords Attested in Non-Iranian Texts. Leuven, 2007. P. 322–323 (4. 2. 1682–4. 2. 1684).

11 *Kent R. G.* Old Persian; *Schmitt R.* Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften.

12 *Tavernier J.* Iranians in Neo-Elamite Texts // *Elam and Persia* / Ed. by J. Álvarez-Mon and M. B. Garrison. Winona Lake, Indiana, 2011. P. 205 (2. 2. 1. 67).

13 *Tavernier J.* Iranica in the Achaemenid Period. P. 322 (4. 2. 1669–1670).

14 *Steingass F. J., Richardson J., Wilkins C., Johnson F.* A Comprehensive Persian-English dictionary: Including the Arabic Words and Phrases to be Met within Persian Literature. L., 1984.

15 Ассирийский Табал, библейский Тубал, греческие *Τιβαρνοί*: *Bryce T.* The Routledge Handbook of the Peoples and Places of Ancient Western Asia: The Near East from the Early Bronze Age to the Fall of the Persian Empire. L., 2009. P. 682–685.

16 SNG. Cop. 563, 565, 566, 567; von Aulock. 566, 3190, 3192, 3193. У Баклер и Д. Робинсон упоминали лидийский город *Τοβαλδοῦρα*. Они считали, что его название было композитом от семитского *Tobal* и окончания – *τουρα*. Эти исследователи заключают: «*Tubal, Tobal* или *Tabal* ассирийских надписей идентифицируются с тибаренами, которые жили за р. Фермодонт, на южном побережье Причерноморья... С *Tubal* или *Tobal* могли быть связаны не только *Тобальмура*, но также и лидийский г. Табала... и персидское имя Табал» (*Buckler W. H., Robinson D. M.* Greek Inscriptions from Sardes I // *AJA*. 1912. Vol. 16. P. 49–51).

17 Л. Згуста перечислял города Лидии, которые включали *Tab-* в своих названиях: *Tάβα, Τάβαλα, Ταβάρνις, Ταβείρα* (*Zgusta L.* Kleinasiatische Orstnamen. Heidelberg, 1984. S. 592–595).

были названы по имени Таба, местного героя; по другому варианту, город был основан на скалах, и греки переводили слово τάβα как скала; согласно третьему, имя города происходило от аргосца Табена (основателя города). Наконец, женщина по имени Табалида жила в Сардах в конце III– начале IV в.¹⁸ Вероятно, греческий суффикс αλ, который мы видим в имени Τάβαλος, мог быть лидийским суффиксом генетива li, и, таким образом, образовывать личное имя Табалис / *Tabalis*, которое могло происходить от Таба (Τάβος / *Tabas* – имя местного героя) или указывать на происхождение самого Табала – сын Таба¹⁹.

Но могут ли лидийские коннотации имени Табала предполагать, что Геродот ошибался, называя того персом? Мне более импонирует точка зрения, которую высказал К. Таплин в частной переписке. Суть этого предположения в том, что Геродот мог видоизменить персидское имя (*Tavāta– / *Tavaya или же *Taraḡa– / *Taraḡa-) на Τάβαλος под влиянием сходных по звучанию анатолийских имен. В связи с этим, весьма примечательно, что еще одну вариацию имени Табала дает Павсаний в своем «Описании Эллады» (VII. 2. 10): он сообщает, что жители Приены пострадали от перса Табута (Πριηνεῖς μὲν δὴ ὑπὸ Ταβούτου τε τοῦ Πέρσου ... κακωθέντες). Как и в случае с Табалом, имя Табута не находит параллелей среди древнеперсидских имен. Однако отождествление Табала и Табута наиболее вероятно именно по историческим соображениям: Геродот (I. 161) подтверждает, что персы напали на приенцев в отмщение за их участие в осаде Табала в Сардах во время восстания Пактия.

Теперь обратимся к вопросу о должности Табала. В литературе на этот счет высказываются несколько различных предположений. По мнению одних исследователей, Табал был сатрапом²⁰, по мнению других – правителем города Сарды²¹, по мнению третьих – командиром гарнизона в Сардах²².

О назначении в Сарды персидского гарнизона может свидетельствовать отрывок из вавилонской хроники (ABC. VII. 2. 16), который в историографии интерпретируется неоднозначно, поскольку не все исследователи соглашались с тем, что он вообще имеет отношение к Лидии²³: «Кураш, царь страны Парсу, созвал свое войско и перешел Тигр ниже Арбел. В месяце аяру он выступил против страны Lu– [Лидия?], убил царя ее, забрал имущество [и] назначил туда свой гарнизон». Если действительно считать, что данный отрывок относится к завоеванию Киrom Лидийского царства, то возникает закономерный вопрос о том, мог ли Табал быть назначен командиром упомянутого в тексте персидского

- 18 Sardis. VII. 1. 165: Ταβαλῖς κατοικοῦσα ἐν Σάρδεσι. В LGPN. V. 422 упоминается женское имя Τάβιλλα, которое также могло соответствовать этому случаю.
- 19 *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch mit grammatischer Skizze und Inschriftensammlung. Heidelberg, 1964. S. 35–36; *Kearns J. M.* A Greek Genitive from Lydia // *Glotta*. 1994. Vol. 72. P. 5–14; *Munn M. H.* The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia: A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley, 2006. P. 123. Л. Згуста находит ЛИ на Tab– в Ликаонии: Τάβεις, Τάβιν, Τάβης (*Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. S. 481–482).
- 20 *Balcer J. M.* Sparda by the Bitter Sea: Imperial Interaction in Western Anatolia. Chico, CA., 1984. P. 101; *Asheri D., Lloyd A. B., Corcella A.* A Commentary on Herodotus Books I– IV / Ed. by O. Murray, A. Moreno. Oxford, 2007. P. 181; *Tuplin C. J.* The Administration of the Achaemenid Empire // *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires* / Ed. by I. Carradice. Oxford, 1987. P. 114. Note 22; *Dusinberre E. R. M.* Aspects of Empire in Achaemenid Sardis. Cambridge, 1997. P. 35; *Dusinberre E. R. M.* Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia. Cambridge, 2013. P. 43; *Wiesehöfer J.* Greeks and Persians // *A Companion to Archaic Greece* / Ed. by K. A. Raaflaub, H. Van Wees. Oxford, 2009. P. 170–171.
- 21 *Burn A. B.* Persia and the Greeks: The Defense of the West, c. 546–478 B. C. Stanford, 1984. P. 45; *Sealey R.* A History of the Greek City States, ca. 700–338 B. C. Berkeley; Los Angeles; L., 1976. P. 172; *Cuyler Young T. Jr.* The Early History of the Medes and the Persians and the Achaemenid empire to the death of Cambyses // *CAH*². 1988. Vol. 4. P. 35; *Miller J.* Paktyes // *RE*. 1942. Bd. 18. 2. Sp. 2440.
- 22 *Burn A. B.* Persia and the Greeks // *CHI*. 1988. Vol. 2. P. 293; *Brown T. S.* Aristodicus of Cyme and the Branchidae // *AJPh*. 1978. Vol. 99. P. 65; *Hornblower S.* Mausolus. Oxford; New York, 1982. P. 150; *Petit T.* Satrapes et satrapies dans l’empire achéménide de Cyrus le Grand à Xerxès Ier. P., 1990. P. 35; *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire / Transl. by P. T. Daniels. Winona Lake, Indiana, 2002. P. 36, 66.
- 23 Высказывалось предположение, что в этом отрывке речь может идти, в частности, об Урарту: *Rollinger R.* The Median ‘Empire’, the End of Urartu and Cyrus the Great’s Campaign in 547 BC (Nabonidus Chronicle II 16) // *AWE*. 2008. Vol. 7. P. 51–65. Однако в пользу того, что это была Лидия, наиболее убедительно высказались Дж. Карджил и, совсем недавно, П. Ван дер Шпек: *Cargill J.* The Nabonidus Chronicle and the Fall of Lydia // *AJAH*. 1977. Vol. 2. P. 97–116; *Van der Spek R. J.* Cyrus the Great, Exiles, and Foreign Gods: A Comparison of Assyrian and Persian Policies on Subject Nations // *Extraction & Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper* / Ed. by M. Kozuh et al. Chicago, 2014. P. 256. Not. 148. О проблеме соотношения данных вавилонской хроники с сообщениями Геродота: *Кайлер Янг-мл. Т.* Ранняя история мидийцев и персов и Ахеменидская держава до смерти Камбиса // *Кембриджская история древнего мира. Т. IV: Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н.э.* / Под ред. Дж. Бордмэна, Н.-Дж. Л. Хэммонда, Д. М. Льюиса, М. Оствальда / Пер. А.В. Зайкова. М., 2011. С. 51.

гарнизона. Ксенофонт (Сур. VII. 4. 12) сообщает о событиях, которые произошли после того, как Кир завоевал Лидию: «А Кир вскоре выступил из Сард, оставив там большой гарнизон (φρουρὰν μὲν πεζῆν καταλιπὼν πολλὴν ἐν Σάρδεσι), взяв с собой Креза и множество всевозможных сокровищ, погруженных на множество повозок». Наконец, по словам Геродота (I. 154), когда Пактий поднял восстание лидийцев и двинулся на Сарды, он осадил Табала в акрополе этого города (ἐλάσας δὲ ἐπὶ τὰς Σάρδις ἐπολιόρκειε Τάβαλον ἀπεργυμένον ἐν τῇ ἀκροπόλει). Данное замечание историка, как это вполне очевидно, может косвенно указывать на то обстоятельство, что именно Табал командовал персидским гарнизоном в Сардах.

Не помогают прояснению вопроса об официальном статусе Табала и слова Геродота (I. 153) о том, что Кир «вверил Сарды персу Табалу» (ἐπιτρέψας τὰς μὲν Σάρδις Ταβάλῳ ἀνδρὶ Πέρσῃ). В труде Геродота глагол ἐπιτρέπω (аористное причастие от которого встречается в отрывке о Табале) переводится как «поручать», «вверять» и не обязательно относится к должности сатрапа²⁴. «Отец истории» обычно употребляет слова ἐπιτρέπω, ἐπιτροπεύω и ἐπίτροπος, чтобы описать положение доверенного лица или подчиненного правителя страны либо города²⁵, однако по крайней мере в одном случае Геродот (VII. 7) применяет их по отношению к описанию должности сатрапа: историк говорит о том, что Ксеркс «вверяет Египет своему брату Ахемену, сыну Дария» (ἐπιτρέπει Ἀχαμένει, ἀδελφεῷ μὲν ἑωυτοῦ, Δαρείου δὲ παιδί), замечая далее, что этот Ахеменид «был управляющим Египта» (ἐπιτροπεύοντα Αἰγύπτου) вплоть до своей гибели. О том, что слово ἐπιτρέπω не может в данном случае использоваться для характеристики должности Табала, говорит и другой случай употребления этого глагола в аористе, но уже применительно к лидийцу Пактию. Геродот (I. 155), обращаясь к обсуждению между Крезом и Киром вопроса о том, как сделать лидийцев покорными персам, приводит слова Кира о том, что он передал управление над городом самим лидийцам (αὐτοῖσι δὲ Λυδοῖσι τὴν πόλιν παρέδωκα), и слова Креза о том, что Пактий был тем злоумышленником, которому царь вверил Сарды (Πακτύης γάρ ἐστι ὁ ἀδικέων, τῷ σὺ ἐπέτρεψας Σάρδις). В данном случае лидиец Пактий, а не перс Табал, фигурирует в качестве управляющего в Сардах. Кроме того, слово Σάρδις, очевидно, не было тождественно встречающемуся в древнеперсидских царских надписях обозначению одноименной сатрапии как *Sparda* (DB. §6 I; DN. §3 S; DPe. §2 J; DSe. §4 H; DSf §10 A; XPh. §3 P). Геродот, без сомнения, говорит только лишь о городе, а не об области под управлением сатрапа, как это видно по использованию историком слова πόλις в данном контексте.

Неправоммерно видеть в Табале и первого сатрапа Лидии, предшественника перса Оройта. Последний уже определенно занимал должность сатрапа в Сардах в начале царствования Дария I. В связи с этим, нужно заметить, что при описании должности сардийского сатрапа Геродот (III. 120) использует совершенно иную формулировку, чем при рассказе о назначении Табала: историк говорит о том, что перс Оройт был назначен Киром наместником сардийцев – Κύρου κατασταθεὶς ἦν Σαρδίῳν ὑπαρχος Ὀροίτης ἀνὴρ Πέρσης (Диодор же называет Оройта сатрапом: X. 16. 4). Наместником сардийцев Геродот (V. 25; 73; 123; VI. 1; 30; 42) именует и Артафрена, вероятно, преемника Оройта: историк обозначает его должность также Σαρδίῳν ὑπαρχος. В целом слово ὑπαρχος, как это видно также по другим примерам²⁶, при обозначении сатрапа было более естественным для Геродота, чем слово ἐπίτροπος.

Нужно также иметь в виду, что появление должности сатрапа, засвидетельствованной впервые только в Бехистунской надписи (где упоминаются Дадаршиш, сатрап в Бактрии, и Вивана, сатрап в Арахозии: DB. §38 G; §45 D), могло быть связано с реформой Дария I, который разделил территорию своего государства на сатрапии. Однако при Кире Великом, как это видно на примере Вавилона, существовали различные должности, восходившие к местным традициям управления в том или ином городе или области²⁷. Поэтому, даже не являясь сатрапом, Табал мог быть или градоначальником, или же только командиром персидского гарнизона. Мне видится, однако, оптимальным заключение, что

24 LSI, s. v. ἐπιτρέπω.

25 Powell J. E. A Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938, s. v. ἐπιτρέπω; ἐπιτροπεύω.

26 Геродот говорит о Митробате (III. 126) и Эбаре (VI. 33) – ἐν Δασκυλείῳ ὑπαρχος; об Ариане (IV. 166) – τῆς Αἰγύπτου ὑπαρχος; о Масисте (VI. 113) – ὑπαρχος τῶν Βακτριῶν.

27 О таких должностях в общем см.: Tuplin C. J. The Administration of the Achaemenid Empire. P. 122–127. Пример Вавилонии: Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран VII– IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология. СПб., 2009. С. 54–57; Дандамаев М. А. Вавилония в 626–330 годы до н.э. Социальная структура и этнические отношения. СПб., 2010. С. 7–25.

Табал командовал персидским гарнизоном, но, как представитель царя Кира в Сардах, он призван был контролировать деятельность местной администрации, состоящей из лидийцев, во главе которой был Пактий.

2. Положение Пактия в Сардах

Принадлежность Пактия к числу лидийцев вне всякого сомнения. Согласно данным эпиграфики, носители имени «Пактий» засвидетельствованы в Сардах, Иасе, Лагине, Миласе, Идиме²⁸. Надпись из Эфеса, датируемая в диапазоне 340–320 гг. до н.э. (SEG. XXXVI. 1011), отмечает наказание уроженцев Сард за религиозное преступление, совершенное против эфесских священных послов. В документе перечисляются 46 сардийцев (в том числе с именем Пактий), часто с упоминанием профессии, имени отца и деда²⁹. Еще один Пактий был правителем Идимы и упоминается в афинском списке обложения союзников как Πακτύες Ἰδύμ[εύς] (IG³. 1–2. 260 A. col. 1. 16; 262 A. col. IV. 20). Кроме того, некий Манита, сын Пактия, составил заговор против Мавсола Карийского в 355 г. до н.э. Таким образом, вполне очевидно, что имя Пактия было довольно распространенным в Малой Азии, особенно в Лидии и Кари.

Характер должности Пактия в Сардах также не раскрывается из сообщения Геродота, хотя «отец истории» далее и предполагает, что Пактий возглавлял аппарат управления, состоящий из лидийцев (Hdt. I. 155). Однако, впервые обращаясь к обстоятельствам, при которых Кир назначил Пактия в Сарды, историк (I. 153) говорит следующее: «золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить лидийцу Пактию» (τὸν δὲ χρυσὸν τὸν τε Κροΐσου καὶ τὸν τῶν ἄλλων Λυδῶν Πακτῆ ἀνδρὶ Λυδῶ κομίζεῖν). Слово κομίζω в данном контексте интерпретируется в историографии весьма различно. Некоторые исследователи полагают, что Кир поручил Пактию доставить золото Креза и лидийцев в Вавилон или же Экбатаны³⁰. П. Бриан, в свою очередь, замечает, что слово κομίζω, используемое Геродотом, может переводиться как «хранить», а не только как «доставлять»; в пользу такого перевода, по мнению исследователя, говорит то обстоятельство, что Пактий оставался в Сардах после того, как Кир покинул этот город³¹. Соответственно, из такого заключения делается вывод и о том, что Пактий отвечал за сбор подати в Лидии³².

По сути дела, от перевода слова κομίζω зависит и выяснение вопроса об официальном статусе лидийца. В том случае, если считать Пактия «хранителем» сокровищ, то следует говорить только об исполнении им определенных финансовых функций, которые бы соответствовали должности «казначея»³³ – ταμίης или θησαυροφύλαξ на древнегреческом и *ganzabara на древнеперсидском³⁴. Диодор (IX.

28 Эфес: SEG. XXXVI. 1011: Πακτύης τοῦ Καρουδός, Πακτύης τ[οῦ] Ἀτι[δ]ός, Πακτύης τοῦ Μάνεω. Иас: McCabe D. F. Iasos Inscriptions: Texts and List. Princeton, N. J., 1991. P. 195; Πακτύης Δάμω[νος –]. Лагина в Кари: SEG XXXV. 1092, ок. 350 г. до н.э.: Πακτύης Μάνεω. Миласа: Tod. II. 138, II. 32–50, 355/354 г. до н.э.: Μάνιτα τοῦ Πακτώ ἐπιβουλεύσαντος Μουσσώλλωι τῷ Ἐκατόμνω>... Ср.: Blümel W. Einheimische Personennamen in griechischen Inschriften aus Karien // EA. 1992. Vol. 20. S. 17; Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. S. 403–404.

29 Masson O. L'inscription d'Éphèse relative aux condamnés à mort de Sardes // REG. 1987. T. 100. P. 236; Vlassopoulos K. Greeks and Barbarians. Cambridge, 2013. P. 252; Dusinger E. R. M. Aspects of Empire in Achaemenid Sardis. P. 120–122; Dusinger E. R. M. Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia. P. 227–229.

30 Walser G. Hellas und Iran: Studien zu den Griechisch-Persischen Beziehungen vor Alexander. Darmstadt, 1984. S. 13; Debord P. L'Asie Mineure au IVe siècle (412–323 a. C.): Pouvoirs et jeux politiques. Bordeaux, 1999. P. 168.

31 Briant P. From Cyrus to Alexander. P. 882.

32 Briant P. From Cyrus to Alexander. P. 70, 80; Fried L. S. The Priest and the Great King: Temple-Palace Relations in the Persian Empire. Winona Lake, Indiana, 2004. P. 118; Waters M. W. Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550–330 BCE. Cambridge, 2014. P. 41.

33 М. А. Дандамаев буквально воспринимает сообщение Геродота, как то, что Пактию была доверена охрана царской казны, см.: Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 25; ср.: Dandamayev M. A. A Political History of the Achaemenid Empire. Leiden, 1989. P. 28; Brosius M. The Persians: An Introduction. N. Y., 2006. P. 11, 47.

34 Структура и функции персидской финансовой администрации были детально исследованы в историографии. О термине *ganzabara / казначей см.: Stolper M. W. Ganzabara // EIr. 2000. Vol. 10. Fasc. 3. P. 286–289; Tavernier J. Iranica in the Achaemenid Period. P. 422–423; Briant P. From Cyrus to Alexander. P. 428 f. Некоторые переводы древнеперсидского термина *ganzabara на латинский и древнегреческий см.: arcis et regiae pecuniae custos (Curt. V. 1. 20); θησαυροφύλαξ (Diod. XIX. 17. 3; 18. 1); ταμίης (Diod. XIV. 81. 6); γαζοφύλαξ (Jos. Ant. Jud. VI. 390; XI. 11; 13; 14; 92; 119; XIII. 429; XV. 408; XX. 194); ср.: γαζοφύλακεῖον – «казна, сокровищница» (Diod. IX. 12. 2; Jos. Ant. Jud. XI. 119; 126). О значении и употреблении

33. 4) сообщает, что Кир «принял имущество сардийцев в царскую сокровищницу» (εἰς τὸ βασιλικὸν ἀνέλαβε τὰς τῶν Σαρδιανῶν κτήσεις), а Ксенофонт (Сур. VII. 4. 12) говорит о том, что Кир, отправившись из Сард, взял с собой множество всевозможных сокровищ, погруженных на множество повозок (ἄγων δὲ πολλὰς ἀμάξας πολλῶν καὶ παντοδαπῶν χρημάτων). Однако не ясно, какова была роль Пактия в сборе и транспортировке этих сокровищ, поскольку указанные авторы ничего о нем не сообщают.

Еще одно сообщение Диодора (X. 16. 4) предполагает, что даже после восстания Пактия часть сокровищ все еще оставалась в Сардах: «Некоторые лидийцы, бежавшие от власти сатрапа Оройта, отплыли на Самос со многими сокровищами (μετὰ πολλῶν χρημάτων) и стали просителями Поликрата. И сначала он принял их дружелюбно, но спустя некоторое время он их всех перебил и забрал у них сокровища». Привлекательно думать, что это были те самые лидийцы, что служили в администрации Пактия и после поражения мятежа последнего сумели сами бежать и вывезти денежные средства, которые были накоплены за время между отъездом Кира и началом восстания. В таком случае, конечно, не следует видеть в Пактии простого казначея, а принять мнение, что он находился во главе аппарата управления в Сардах.

Таким образом, на основании рассмотренного материала можно конкретизировать сведения Геродота о назначениях перса Табала и лидийца Пактия. Первый являлся командиром персидского гарнизона в Сардах и был призван обеспечивать охрану города и верность сардийцев Киру; второй же непосредственно возглавлял администрацию, куда могли быть включены некоторые знатные лидийцы, которые позднее присоединились к мятежу Пактия и вынуждены были искать спасения на Самосе у тирана Поликрата. Впрочем, некоторые лидийцы продолжали сотрудничать с персами и после поражения восставших, как это становится очевидным на примере Мирсила, сына Гига, которого сатрап Оройт направил послом к Поликрату Самосскому (Hdt. III. 122).

термина *ganza см. подробнее: *Lipiński E. Median *ganza – as loanword // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. 2015. Vol. 5. P. 7–12.*

СПАРТАНСКАЯ «РЕЛИГИЯ» И ГРЕЧЕСКАЯ «РЕЛИГИЯ»¹

Научный кругозор Игоря Евгеньевича Сурикова, его скрупулезность при анализе исторических источников счастливо сочетаются широтой обобщений, имеющих очень важное значение для усвоения и глубокого понимания тех путей, по которым развивалась Эллада в эпоху архаики и классики, тех факторов и тех тенденций, которые характеризуют самую суть древнегреческой цивилизации. Это сочетание не только хорошо известно всем друзьям и коллегам Игоря Евгеньевича – оно очевидно любому, даже далекому от профессионального антиковедения, человеку, прочитавшему хотя бы одну из книг этого исследователя, причем неважно, книгу специальную, или научно-популярную. И хотя далеко не со всеми выводами Игоря Евгеньевича легко согласиться (во всяком случае, лично мне), однако его работы всегда вызывают искренний интерес благодаря уже самому ходу мысли автора, предлагаемой аргументации, завидной скрупулезности при работе с источниками, а часто и неожиданному взгляду на некоторые, казалось бы, давным-давно решенные проблемы.

Игорь Евгеньевич – человек потрясающего трудолюбия, а круг его научных интересов весьма широк. Среди проблем, ставших предметом его внимательного и глубокого изучения, есть две, которые лично у меня вызывают особый исследовательский интерес. Это, во-первых, история Спарты эпохи архаики и классики, и, во-вторых, древнегреческая религия. В частности, для меня, как для безнадежногалаконофила, интересны наблюдения и выводы Игоря Евгеньевича относительно ряда деятелей спартанской истории (прежде всего, Клеомена I), а также его обобщений взгляд на характер спартанской политики (который подробно изложен в одной еще не вышедшей статье И.Е., но с которой мне довелось познакомиться). Что касается эллинской религии, то в этой области безусловно важны те работы И.Е. Сурикова, в которых речь идет об особенностях религиозного сознания у афинян и, в частности, о Килоновой скверне. Поэтому когда передо мной встал вопрос, какое именно подношение преподнести юбиляру в честь его пентаконтаэтии, ответ возник сам собой. К этому моменту у меня как раз была переведена, обработана и полностью подготовлена к публикации на русском языке большая и весьма интересная статья Майкла Флауэра, профессора классики из Принстона, посвященная анализу и выявлению особенностей спартанской религии. Первоначально данный текст предполагалось издать в некоем «Спартанском сборнике», который в силу ряда обстоятельств запущен в печать не был, а ряд статей из него публикуются в этом юбилейном собрании. Некоторые выводы автора, конечно, могут вызвать дискуссию. Однако, надеюсь, этот текст придется по вкусу Игорю Евгеньевичу.

В начале фильма «300» (2006 г.) есть сцена, которая может вызвать лишь искреннее недоумение и даже оторопь у любого, кто хоть немного разбирается в греческой религии, не говоря уже о тех, кто знаком с религией спартанской. Царь Леонид вынужден держать совет с омерзительными уродцами – «эфорами», которые олицетворяют древний дорациональный пласт спартанской религии. Эти эфоры, будучи распутными и продажными шарлатанами, принимают золото Ксеркса и дают ложное пророчество, пытаясь удержать Леонида в Спарте и не позволить ему отправиться во главе войска оборонять всю Грецию. Царь, однако, человек разумный, его не проведешь: он прекрасно понимает, что любая религия – полная ахинея.

Остается надеяться лишь на то, что хотя бы некоторые современные зрители знают, что спартанские эфоры были отнюдь не жрецами, а избираемыми на год государственными должностными лицами.

1 Перевод и редакторские примечания А.В. Зайкова.

Абсурдная нелепость этого кинематографического рассказа фактически утаивает две фундаментальные истины. Первая состоит в том, что спартанцы уделяли более пристальное внимание религиозным ритуалам и чаще действовали, исходя из религиозных мотивов, нежели все остальные греки. В самом деле, Геродот полагает (VII. 220), что Леонид решил остаться в Фермопилах, дабы исполнился дельфийский оракул о том, что либо Спарта будет разорена, либо погибнет один из ее царей². Вторая, связанная с первой, истина состоит в том, что религия была корневым элементом спартанского общества, или, точнее, представляла собой, так сказать, его скальное основание. Спартанцы верили, что реформы Ликурга, которые выполняли роль воображаемого исходного проекта для всех спартанских социальных, политических, а также экономических институтов и порядков, были санкционированы дельфийским оракулом Аполлона. При этом сам Ликург почитался в качестве бога со своим святилищем и ежегодными жертвоприношениями.

Установление различий

Считается общепризнанным, что все греки имели некий общий набор религиозных верований и обычаев, допускающий местные вариации. При том, что каждый отдельно взятый полис представлял собой «религиозную систему», он одновременно являлся частью более широкой и более сложной «системы полисного мира»³. Если это так, тогда свод верований и обычаев, который можно условно назвать «спартанской религией», был просто некой вариацией на тему. Иначе говоря, при том, что каждый отдельно взятый полис имел свою собственную религиозную систему со своими специфическими местными чертами, между этими системами существовало сильно выраженное родство – вплоть до того, что в самых разных городах одним и тем же главным божествам поклонялись с помощью похожих по своим формам молитв, жертвоприношений и торжественных ритуалов. Например, Карнейский праздник можно обнаружить в дорийских городах, а Апатурии, Анфестерии и Фаргелии – в ионийских общинах. Хотя каждый город имел своих местных героев и местные культы, а также мог каких-то олимпийских богов почитать с особым рвением или в какой-то особой ипостаси, общая модель была, очевидно, повсюду одной и той же.

И все же, зададимся вопросом: была ли спартанская религия настолько оригинальной, чтобы по базовым характеристикам – если не целиком – ее можно было отделять от религиозной системы любого другого греческого города? Другими словами, была ли спартанская религия, как и само спартанское общество, чем-то уникальным в эллинском мире? В связи с этим возникает еще один вопрос: до какой степени религиозная система Спарты (обычаи, ритуалы и верования как единое целое) может помочь в понимании причин долговременной стабильности и благосостояния спартанского общества?

Прежде всего необходимо сделать несколько пояснений. Рассматриваться будет лишь религиозный опыт и религиозная практика полноправных граждан, спартиатов (обычно будем называть их спартанцами), то есть в стороне останутся зависимые сословия: периэки (свободнорожденные жители соседних общин) и илоты (крепостные). «Спартанцы» – это граждане с правом голоса, прошедшие через очень строгую систему воспитания, тогда как термин «лакедемоняне» охватывает как самих спартиатов, так и периэков (которые были, в сущности, вторым гражданским сословием). Эти две группы вместе формировали «спартанское» войско и в собирательном смысле назывались «лакедемонянами».

2 Большинство исследователей, пытающихся отыскать причину решения остаться в Фермопилах, просто отвергают религиозную мотивацию. В этом отношении типичной является позиция Лейзенби: *Lazenby J. F. The Defence of Greece, 490–479 BC. Warminster, 1993. P. 144.*

3 По поводу этой фразы см.: *Sourvinou-Inwood C. What is Polis Religion? // Oxford Readings in Greek Religion / R. Buxton (ed.). Oxford, 2000. P. 13.* Отметим также наблюдение М. Х. Хансена: «Главная особенность полисной религии состояла в том, что молитвы и жертвоприношения осуществлялись жрецами на религиозных торжествах, которые организовывали должностные лица города-государства на общественный счет и в присутствии всех его жителей, включая женщин, детей и даже, в некоторых случаях, рабов» (*Hansen M. H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford, 2006. P. 120.*) Э. Кернз (*Kearns E. Religious Practice and Belief // A Companion to the Classical Greek World / K. Kinzl (ed.). Oxford, 2006. P. 312*) хотя и приуменьшает объяснительную ценность данной концепции («концепция “полисной” религии не является ключом к пониманию *всего*, что связано с греческой религией»), приходит тем не менее к следующему выводу: «С точки зрения современного историка античности, даже общего обзора некоторых наиболее заметных деталей достаточно, чтобы сделать вывод о несомненном наличии некоего более или менее связного целого, которое может быть названо “греческой религией”, даже если границы этого единства и не были герметично закрытыми» (P. 314). Следует обратить внимание также на заставляющие задуматься наблюдения Р. Паркера: *Parker R. Athenian Religion: A History. Oxford, 1996. P. 3–4.*

Такое внимание к религии элиты («спартанской» религии, в отличие от «лакедемонской» или «илотской») объясняется скорее состоянием источников, нежели моими собственными предпочтениями⁴. Кроме того, я собираюсь сосредоточиться на религиозной системе классического периода, привлекая все доступные свидетельства этой эпохи, не игнорируя при этом и позднейших авторов, таких как Плутарх и Павсаний – в тех случаях, когда их заявления могут отражать более раннюю реальность. Поскольку спартанское общество не было статичным, но постоянно подвергалось экспериментам, сопровождавшимся пересмотром его истории, в результате чего новые обычаи приписывались Ликургу, а более древние обычаи объявлялись неликурговыми, следует проявлять осторожность, дабы не смешивать без разбора свидетельства, происходящие из разных исторических периодов⁵. Кроме того, распространено заблуждение, что религиозные институты и обычаи являются почему-то более статичными и менее восприимчивыми к новшествам, нежели иные социальные порядки. В действительности же ни одна религиозная система не пребывает в неподвижности, а политеистические системы в особенности открыты нововведениям и легко подвергаются внешним влияниям⁶.

Подобные вопросы о природе и характере религии в Спарте ставились, конечно, и прежде. Есть два превосходных исследования по этой теме, которые дают краткое обозрение целого ряда спартанских религиозных практик. Роберт Паркер в плодотворном очерке «Спартанская религия» начинает рассмотрение вопроса со следующего утверждения: «Похоже, единственное, на что можно надеяться – так это на обнаружение некоего особенного набора спартанских акцентов в рамках общей для всей Греции религии»⁷. А Никола Рише в главе, написанной для «Справочника по греческой религии», говорит так: «В своих основах очертания спартанский пантеон и культовые практики Лаконии, по-видимому, не отличались от того, что было повсюду в греческом мире»⁸. И все же оба исследователя, несмотря на свои выводы, представили много таких свидетельств, которые работают в прямо противоположном направлении. То есть источники эти в действительности указывают на самые разные аспекты, в которых спартанская религия отличалась от того, что было в других эллинских городах. Поскольку нетрудно найти параллели почти для каждой необычной черты спартанской религии, то возникает соблазн приуменьшать степень ее самобытности (что и делает Паркер). Однако Спарту выделяет именно комбинация, или совокупность, этих своеобразных свойств. Так что в дальнейшем я буду исходить из гораздо более радикальной установки относительно исключительности (иначе: культурной специфики) спартанской религии, чем это обычно делалось до сих пор.

Здесь мы, очевидно, выходим на фундаментальную проблему концептуального характера. Исследователь будет считать спартанскую религию более или менее подобной или, наоборот, отличающейся от религии (религий) иных греческих полисов в зависимости от того критерия, который он использует для установления различий одной сакральной системы от другой. Как хорошо сказал Джонатан З. Смит, «термин “религия” отнюдь не родился естественным образом; он был придуман учеными для решения своих интеллектуальных задач, а потому они и занимаются его определением»⁹. Если мы соглашаемся с этим заявлением, тогда нам следует проявить осторожность, дабы не выдумать такие определения «спартанской религии» и «греческой религии», которые бы априори работали на те самые

4 Об ограниченности свидетельств по религиозной практике перизков и илотов, см.: *Parker R. Spartan Religion // Classical Sparta: Techniques behind Her Success / A. Powell (ed.). London, 1989. P. 145.*

5 См.: *Flower M. A. The Invention of Tradition in Classical and Hellenistic Sparta // Sparta: Beyond the Mirage / A. Powell and S. Hodkinson (eds.). London; Swansea, 2002. P. 193–219.* Сара Померой (*Pomeroy S. Spartan Women. Oxford; New York, 2002. P. 105–130*) некритически совмещает свидетельства разных периодов в своем исчерпывающем исследовании положения спартанских женщин, вопреки своим же собственным предостережениям от этого.

6 См. глубокое исследование греческой религии: *Humphreys S. C. The Strangeness of Gods. Historical Perspectives on the Interpretation of Athenian Religion. Oxford, 2004. P. 223–275.*

7 *Parker R. Spartan Religion. P. 142.*

8 *Richer N. The Religious System at Sparta // A Companion to Greek Religion / D. Ogden (ed.). Malden (MA), 2007. P. 237.* (Здесь следует указать также на общие выводы в монографии Никола Рише по спартанской религии: *Richer N. La religion des Spartiates. Croyances et cultes dans l'Antiquité. Paris, 2012. P. 561–570. – A.3.*)

9 *Smith J. Z. Religion, Religions, Religious // Relating Religion / J. Z. Smith (ed.) Chicago, 2004. P. 193–194; idem. Imagining Religion. Chicago, 1982. P. xi.* Обратите внимание, однако, на важное замечание, которое высказывает Илкка Пиисийäinen (*Pyysiäinen I. Cognition, Emotion, and Religious Experience // Religion in Mind / J. Andresen (ed.). Cambridge, 2001. P. 80–84*), которая обращает внимание на то, что «“религия” как особая категория... является конструкцией ученых. Это, впрочем, не означает, что путем создания категории “религия” ученые изобрели религию» (P. 80).

выводы об их сходстве либо их несходстве, которые мы заранее склонны принять¹⁰. Как бы то ни было, большинство существующих определений полисной религии, или даже афинской религии, носят чересчур общий характер, чтобы нам здесь чем-то помочь¹¹.

Общая проблема определения понятий связана, в свою очередь, с еще одной трудностью, которая проявляется специфическим образом именно при изучении Спарты. Можно было бы ожидать, что самобытность религиозных установлений Спарты находилась в прямой зависимости от самобытности других ее культурных практик и структур – раз уж спартанцы имели свою собственную культуру, которая, в широком смысле, была непохожа на культуру любого другого греческого города, тогда мы могли бы ожидать, что они имели и свою особую религию. Или, иначе говоря, если спартанцы обладали своей особенной культурой, явным образом отличавшейся от того, что было в других греческих полисах, и если их религиозные установления и верования были встроены в их культуру, тогда их религия должна была отличаться той же степенью самобытности, что и их культурные практики. Все это, конечно, связано с трудным вопросом о том, насколько Спарта отличалась от других греческих городов, а потому понимание сути различий в религиозной сфере приблизит нас к более точной характеристике спартанской культуры в ее целостности¹². То есть необходимо дать некое «насыщенное описание» (*thick description*¹³) спартанской религии: такое описание, которое объясняет весь культурный контекст религиозных практик, а не просто очерчивает эти практики в их обособленности¹⁴.

Здесь я собираюсь доказать, что и сами спартанцы, и остальные греки воспринимали Лакедемон как государство, обладавшее уникальной культурной и политической системой (*политией*), даже если ее отдельные элементы и находили параллели в обычаях и установлениях других сообществ. Несомненно, это ощущение несхожести отчасти – отнюдь не целиком – было ощущением вымышленным, элементом спартанского миража; тем не менее, оно основывалось на реальных отличиях, благодаря которым Спарта стояла наособицу¹⁵. Несмотря на общие с другими греческими общинами черты, спартанский социум был организован в соответствии с такими структурными принципами, которые явились продуктами уникального исторического развития самой Спарты и которые обусловили рамки для базовых моделей лаконского образа жизни.

Последняя – и очевидная – трудность, о которой здесь необходимо также сказать, состоит в недостатке значимых свидетельств о сообществах за пределами Афин и Спарты (а потому по умолчанию, так сказать, дальнейшие наши сопоставления в основном будут делаться между этими двумя полисами). И все

10 Проблемы сравнительного изучения религиозных явлений рассматриваются в работе: *Smith J. Z. Imagining Religion*. P. 19–35.

11 Паркер в своей известной книге по истории афинской религии (*Parker R. Athenian Religion*. P. 4) так определяет предмет своего исследования: «религиозное мировоззрение и религиозные практики афинских граждан».

12 Некоторые исследователи, такие как С. Ходкинсон (*Hodkinson S. The Development of Spartan Society and Institutions in the Archaic Period // The Development of the Polis in Archaic Greece / L.G. Mitchell and P.J. Rhodes (eds.). London; New York, 1997. P. 83–102; idem. Property and Wealth in Classical Sparta. London, 2000; idem. Was Classical Sparta a Military Society? // Sparta and War / A. Powell, S. Hodkinson (eds.). Swansea, 2006. P. 111–162*) или Н. Кеннелл (*Kennell N. The Gymnasium of Virtue: Education and Culture in Ancient Sparta. Chapel Hill; London, 1995*) рассматривают Спарту как полис, в котором было больше типичного, нежели в том ее образе, который возникает при буквальном толковании таких источников, как жизнеописание Ликурга у Плутарха. Сам я хотя и симпатизирую этому взгляду (см.: *Flower M. A. The Invention of Tradition in Classical and Hellenistic Sparta // Sparta: Beyond the mirage. P. 193–219*), все же соглашаюсь с М. Хансеном (*Hansen M. H. Was Sparta a Normal or Exceptional Polis? // Sparta: Comparative Approaches / S. Hodkinson (ed.). Swansea, 2009. P. 385–410*) в том, что различия между Спартой и другими полисами значат больше, чем сходства. Как верно подметил Дж. Хукер (*Hooker J. T. Spartan Propaganda // Classical Sparta: Techniques behind Her Success. P. 133*), «у нее, конечно же, были отдельные институты, похожие на те, что существовал в некоторых других городах, однако совокупность ее институтов и обычаев (то, что Геродот подразумевает под ее *космосом*) оставалась ее сугубой спецификой».

13 Термин *thick description* был введен в философский язык Г. Райлом и развит К. Гирцем. В социальной антропологии *thick description* есть описание некоего поведения как социального действия («крупницы культуры», как пишет Гирц), попытка понять изучаемую культуру через вычленение ее институтов и описание их логиче ской структуры. На русский язык термин *thick description* переводится по-разному: «насыщенное», «плотное», «толстое описание» и др.; см. также: *Кандун В. Л. Thick description как метод социальной науки: Гирц или Райл? // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии / Под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М., 2011. С. 35–55. – А. 3.*

14 О термине «насыщенное описание» см.: *Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 11–38. – А. 3.*

15 О проблеме воображаемых отличий см.: *Hodkinson S. The Imaginary Spartan *politeia* // The Imaginary Polis. Copenhagen, 2005. P. 222–281.*

же, как я надеюсь продемонстрировать, наши источники содержат достаточно указаний на то, что спартанские религиозные порядки отличались самобытностью в сравнении с соответствующими обычаями и установлениями любого иного греческого полиса, а не только в сравнении с афинскими практиками.

Общий взгляд на спартанскую религию

В этом очерке невозможно решить все проблемы, обозначенных выше, но мы поступим правильно, проявив осторожность в выборе той точки зрения, которую можно использовать в качестве шаблона для измерения степени различия или подобия. Одна из причин того, что спартанская религия до сих пор не была осмыслена и оценена в той мере, в какой это можно было бы сделать, состоит в том, что не вполне ясно осознается разница между взглядом «внутреннего» наблюдателя и взглядом наблюдателя «постороннего». За неимением достаточного количества собственно спартанских источников (исключая лирическую поэзию и скудные фрагменты Сосибия) под «внутренними» наблюдателями я разумею тех греков-неспартанцев, которые имели возможность наблюдать спартанские ритуалы и общаться с отдельными спартанцами. «Внешние» наблюдатели – это, конечно, мы сами.

Прежде всего: как внутренний наблюдатель мог почувствовать отличия? Морис Блок подчеркивает важность для социального антрополога возможности быть наблюдателем-участником, как и того, чтобы его этнографический рассказ, содержащий концептуальную модель изучаемого общества, был понятным местным информаторам¹⁶. Считали ли спартанцы свою религию значительно отличающейся от религии других греков? Мог ли грек из другого полиса, ионийского ли, дорийского ли, распознать в великих спартанских праздниках, установлениях и символах аналоги тому, что он наблюдал в своем собственном государстве? И в самом ли деле другие греки считали, что спартанцы и по отдельности, и все вместе в силу их религиозных представлений, верований и убеждений действовали иначе, нежели действовали бы они сами (другие греки) в подобных обстоятельствах? Иными словами, воспринималась ли спартанская религия в целом как необычная и специфическая? Хотя нам не дано знать, что думали отдельные спартанцы, когда они были заняты исполнением обрядов, или что они понимали под религиозным благочестием, мы можем узнать, как другие греки реагировали на спартанское поведение, а значит, и как они его воспринимали. Геродот, Фукидид и Ксенофонт были знакомы со спартанцами и посещали Спарту. Из их рассказов можно выяснить то, как сами спартанцы хотели выглядеть перед другими и восстановить тот образ, который они сами целенаправленно создавали.

Кажется очевидным, что с точки зрения Геродота спартанские религиозные установки отличались спецификой и заслуживали особых пояснений. Правда, у Геродота (VIII. 144. 2) афиняне, обращаясь к спартанским послам, указывают на то, что эллины имеют общие храмы и жертвоприношения; но дело в том, что панэллинские центры стояли вне внутриволисных структур и выражали собой усредненные религиозные представления. Тому факту, что представители спартанской элиты, подобно другим грекам, участвовали в общеэллинских состязаниях и делали дорогие посвящения в Дельфы и Олимпию, не следует придавать какого-то особого значения. Когда у себя дома спартанцы участвовали в своих собственных необычных ритуалах, акцент делался на военных доблестях и гражданском послушании (как я докажу ниже) – однако в состязаниях за границей для спартанцев было и выгодно, и желательно исходить из общих для всех греков стремлений и соблюдать общие правила¹⁷. Это – пример феномена, обозначаемого в социальной антропологии «компартиментализацией» (*compartmentalization*), посредством которой индивидуумы либо временно отодвигают свои традиционные ценности, либо встраивают их в нетрадиционную (для себя; – А.З.) модальность, когда участвуют в деятельности другого, доминантного сообщества (в нашем случае – в мероприятиях общегреческого стандарта) ради вполне определенной цели сохранения своих собственных традиций¹⁸.

В своем повествовании Геродот то и дело толкует спартанские действия в терминах их, спартанцев, религиозной совести. В одном хорошо известном месте он объясняет решение лакедемонян

16 Bloch M. E. F. *What Goes Without Saying // Idem. How We Think They Think: Anthropological Approaches to Cognition, Memory, and Literary.* Boulder, CO, 1998. P. 22–38.

17 См.: Hodkinson S. *Property and Wealth.* P. 295 – автор приходит к выводу, что «богатые и влиятельные спартиаты использовали святилища за границей для увеличения своей славы путем таких крупных публичных трат, которые не были возможны на родине».

18 О современном примере см.: Loftin J. D. *Religion and Hopi Life.* Bloomington, Indiana, 2003. P. 82–84.

подчиниться дельфийскому оракулу и изгнать тирана Гиппия с его семейством из Афин в 510 г. до н.э. (хотя их с Писистратидами связывали самые тесные узы гостеприимства) тем, что лакедемоняне «божественные дела ставили выше человеческих» (V. 63). Подобным образом и в 479 г. до н.э. они не могли отправить войско против Мардония до его вторжения в Аттику, поскольку справляли Гиакинфии, а «для них самым важным было справить праздник в честь божества» (IX. 7).

На самом деле это был уже третий случай в ходе Персидских войн, когда соображения религиозного характера, как думал Геродот, сыграли определенную роль в задержке отправки войска¹⁹. Так, Карнейский праздник, возможно, не позволил спартамцам прибыть вовремя на поле битвы под Марафоном (VI. 106); кроме того, как хорошо известно, именно этот праздник удержал их от отправки крупных сил под командой Леонида к Фермопилам в 480 г. до н.э. (VII. 206). Хотя во время Карней все дорийцы обязаны были удерживаться от войны²⁰, спартамцы, похоже, придерживались этого обычая с гораздо большей щепетильностью в сравнении со всеми остальными греками. Гимнопедии также могли удержать их в городе. Фукидид (V. 82) рассказывает, что в 417 г. до н.э. аргосские демократы дождались праздника Гимнопедий и только после этого напали на олигархов, бывших тогда у власти, и что спартамцы задержали отставку помощи своим друзьям в Аргосе. В конечном итоге лакедемоняне все же отложили празднование, однако к тому времени олигархи уже проиграли. Фукидид, в отличие от Геродота, явным образом не ссылается на спартамское благочестие, которое он, возможно, считал безрассудным, и не говорит прямо об аргосских и спартамских мотивах. И все же читателю совершенно очевидно, что аргосские демократы использовали хорошо известную особенность спартамского поведения.

В начале IV в. до н.э. аргивяне еще раз попытались обратиться к своей выгоде спартамскую набожность путем манипуляций со своим календарем: они так его подтасовали, что священный месяц пришелся как раз на то время, когда спартамцы намеревались вторгнуться на их территорию. Тогда, в 388 г. до н.э., спартамский царь Агесиполид спросил оракула и в Олимпии, и в Дельфах о том, благочестиво ли он поступит, если не примет священного перемирия, предложенного аргивянами (Xen. *Hell.* IV. 7. 2). Поставленный на карту религиозный вопрос был настолько щекотливым, что Агесиполид поступил весьма необычно, решив проверить первый ответ с помощью своего рода испытания: когда он получил желаемый для себя ответ в Олимпии, что это, мол, ὄσιον («ододряемо богами», «благочестиво») – не принимать перемирия, если оно предложено неправоммерно, царь спросил Аполлона, согласен ли тот со своим отцом²¹. В то же самое время Агесиполид разыгрывал партию в дипломатической игре, нарочито проявляя свою набожность всему остальному эллинскому миру и пытаясь всех убедить, что гнев божества его не постигнет.

Из имеющихся в нашем распоряжении источников именно Ксенофонт, вероятно, знал о Спарте больше всех и имел самые близкие личные отношения с конкретными лакедемонянами. Однако его трактовка спартамских действий и мотиваций довольно запутана, и относиться к ней следует с осторожностью. Достаточно сказать, что хотя Ксенофонт и заявляет, что боги наказали спартамцев за их нечестивый и незаконный захват фиванской Кадмеи в 382 г. до н.э.²², он же в других местах настойчиво рисует знакомый по Геродоту образ спартамского благочестия и особенно строгого исполнения ими ритуальных установлений.

Ксенофонт отмечает, что во время похода против Коринфа в 390 г. до н.э. царь Агесилай из всего войска отправил домой только воинов из Амикл, поскольку «амиклейцы всегда возвращаются на Гиакинфии ради пеана, даже если они находятся в походе или по каким-то другим причинам за пределами родины» (Xen. *Hell.* IV. 5. 11). Выставляемое напоказ личное благочестие самого Агесилая также отмечается Ксенофонтом, но этому, конечно же, можно найти параллели в поведении следивших за своим имиджем государственных мужей из других городов – таких как, например, афинянин

19 По этой теме см.: Goodman M. D., Holladay A. J. Religious Scruples in Ancient Warfare // CQ. 1986. Vol. 36. P. 151–171, а также: Parker R. Spartan Religion.

20 См.: Burkert W. Greek Religion. Cambridge (Mass.), 1985. P. 234, и особенно: Robertson N. The Religious Criterion in Greek Ethnicity: The Dorians and the Festival Carneia // AJAH. 2002. Vol. 1. 2. P. 36–42. В 419 г. до н.э. аргивяне обошли запрет, добавив лишние дни к месяцу, предшествовавшему месяцу Карнею (Thuc. V. 54).

21 О необычности поступка Агесиполида см.: Flower M. A. The Seer in Ancient Greece. Berkeley, 2008. P. 151.

22 См.: *Hell.* V. 4. 1 и VI. 4. 3, а также: Tuplin C. The Failings of Empire: A Peading of Xenophon, *Hellenica*, 2.3.11–7.5.27. Stuttgart, 1993. P. 134.

Никий²³. И все же складывается совершенно определенное ощущение, что личное благочестие у представителей спартанской элиты (людей типа Леонида, регента Павсания, Брасида, Агесиполида, а также Агесилая) было более явным и, вероятно, более искренним, нежели у государственных деятелей того же уровня в других общинах²⁴.

Степень набожности, конечно, сложно оценить количественно; однако трудно найти у Фукидида еще один аналог его утверждению об искренней вере Брасида в то, что захватить удерживавшуюся афинянами крепость Лекиф в 423 г. до н.э. ему помогло непосредственное вмешательство Афины (Thuc. IV. 115–116). Защитники неожиданно покинули стены крепости после того, как у них рухнула одна деревянная башня, позволив Брасиду легко взять все укрепление. Затем мы читаем следующее:

Перед атакою Брасид объявил через глашатая, что первый взошедший на укрепление получит от него тридцать мин серебра. Полагая, что оно взято не человеческими средствами, а как-нибудь иначе, Брасид пожертвовал тридцать мин богине в ее святилище (в Лекифе есть святилище Афины); стены Лекифа он срыл, место совершенно очистил и все его посвятил божеству» (IV. 116. 2; *пер. Ф.Г. Мищенко – С.А. Жебелёва*).

Вывод Брасида о том, что ради помощи ему сама Афина вмешалась лично и, конечно же, вполне осязаемо, решительно отличается от веры Никия в то, что некая божественная сила указала ему – посредством лунного затмения, – что афиняне не могут отплыть от Сиракуз (события 413 г. до н.э.; Thuc. VII. 50). Как сообщает Фукидид, «Никий сказал, что он даже не будет обсуждать вопрос об отплытии, пока не пройдут трижды девять дней, указанные прорицателями»²⁵. Большинство греков, конечно, верили, что боги сообщают смертным свою волю через знамения, и в этом смысле спартанцы, вероятно, ничем не отличались от остальных эллинов (за исключением того, что только в отношении Спарты у нас есть свидетельства о гаданиях по жертвам о пересечении границ или проходе через какую-либо территорию, так называемых *диабатериях*, и спартанцы, возможно, несколько больше других греков были склонны откладывать выступление войска из-за неблагоприятных знаменений; история с Никием не меняет сути дела)²⁶. О прямой вовлеченности богов в события на полях сражений, напротив, заявлялось гораздо реже, а у Фукидида помимо указанного случая (взятие Брасидом крепости Лекиф. – А.З.) мы вообще больше не найдем ни одного примера такого рода²⁷.

Царь Агесилай был тем человеком, который наиболее явным образом воспринимался – и совершенно осознанно представлял сам себя – как образец безупречного поведения во всем, что было связано с богами. Одно происшествие, в котором особенно ярко проявилось личное благочестие Агесилая, Ксенофонт почти дословно повторяет в двух местах: в «Греческой истории» (III. 4. 18) и в своем панегирике этому царю (*Ages.* 1. 27). Историк, описав подготовку Агесилаем своего войска в Эфесе в 395 г. до н.э., замечает:

Видя, как Агесилай, а вслед за ним и остальные воины выходили в венках из гимнасиев, а затем посвящали эти венки Артемиде, все окрылялись надеждой. И действительно, как можно не преисполниться веры в будущее там, где люди и богов чтут, и регулярно совершают военные упражнения, и охотно повинуются начальству? (*Пер. С.Я. Лурье*).

Агесилай, должно быть, сделал что-то большее, чем просто посвятил венок богине, поскольку на одной надписи, найденной на фрагменте базы колонны из храма Артемиды Эфесской, читается имя «Агесилай»²⁸. Так что мы можем вообразить себе царя, который всегда тонко чувствовал, как лучше

23 См.: *Flower M. A. Athenian Religion and the Peloponnesian War // Athenian Art in the Peloponnesian War / O. Palagia (ed.). Cambridge, 2009. P. 1–23.*

24 Из того факта, что спартанцы славились своим коварством в деле манипуляции клятвами (что прочно ассоциируется с поведением Лисандра: *Plut. Lys.* 8. 4), не следует делать вывод об их нечестивом отношении к богам, как показал Эндрю Бейлис: *Bayliss A. J. Using Few Words Wisely? ‘Laconic Swearing’ and Spartan Duplicity // Sparta: Comparative Approaches. P. 231–260.*

25 Об этом инциденте см.: *Flower M. The Seer in Ancient Greece. P. 114–119*, а также *idem. Athenian Religion. P. 9–16.*

26 См.: *Pritchett W. K. The Greek State at War. Vol. 3. Berkeley, 1979. P. 68–71*, а также: *Parker R. Spartan Religion. P. 155–156.*

27 Примеры богоявлений на поле боя собраны здесь: *Pritchett W. K. The Greek State at War. P. 11–46.*

28 См.: *Boerker C. Konig Agesilaos von Sparta und der Artemis-Tempel in Ephesos // ZPE. 1980. Bd 37. S. 69–75.* Эта надпись позднее была частично стерта. Б. Везенберг (*Wesenberg B. Agesilaos im Artemision // ZPE. 1981. Bd 41. S. 178–179*) полагает,

показать самого себя, поступая именно так, как описывает Ксенофонт. Другие пассажи в «Агесилае» (2. 13; 3. 2; 11. 1–2) подтверждают образ царя, желающего представить себя исключительного набожным и твердым в благочестии человеком, и это, несомненно, было неотъемлемой частью представления Агесилаем самого себя в качестве эталонного спартанца. Там, где Ксенофонт дает суммарный обзор Агесилаевых добродетелей, мы, в частности, читаем, что:

Агесилай любил повторять, что боги, по его мнению, радуются благочестивым делам людей [ῥοια: дозволенное людям богами] ничуть не меньше, чем жертвам [ἄγνυα: посвященное богам], которые им приносят (*Ages.* 11. 2; пер. В. Г. Боруховича).

В изображении Ксенофонта религиозность его друга – исключительно искренняя, и это определенно тот случай, когда индивидуум может действовать и думать в соответствии с той репутацией, которую он осознанно приписывает себе.

Рассмотренные выше пассажи в целом прекрасно известны исследователям, однако есть один автор, который дает еще более неотразимое свидетельство коллективной славы спартанцев как людей набожных, по крайней мере, в отношении их внутренних дел; причем его свидетельство, насколько мне известно, никогда не использовалось в таком контексте.

В конце IV в. до н.э. будущий поэт Исилл прибыл мальчиком в Эпидавр в надежде получить исцеление от какой-то болезни. Как раз в это время Филипп II (или Филипп III) повел свое войско против Спарты. По собственному свидетельству Исилла, ему лично явился бог Асклепий, который сказал, что отправляется в путь, чтобы помочь спартанцам. Исилл затем воспользовался удобным случаем, таким образом ему предоставленным, чтобы сообщить хорошие новости спартанцам, а позднее он написал рассказ об этом происшествии, а также сочинил пеан в честь Аполлона и Асклепия, и все это было высечено на стеле, которую до сих пор можно видеть в Эпидавре²⁹. Соответствующий раздел (строки 57–79) достоин того, чтобы их здесь процитировать полностью:

И вот ты проявил свою силу, Асклепий, в то самое время, когда Филипп повел войско на Спарту, желая разрушить царственное достоинство. Асклепий пришел к ним из Эпидавра как помощник, чтущий отпрысков Геракла, которых Зевс хранит. Он пришел в то время, когда мальчик [т.е. Исилл], будучи болен, пришел из Буспора [близлежащий городок]. Сияя в своих золотых доспехах, ты вышел ему навстречу, когда он приблизился, Асклепий. И когда мальчик увидел тебя, он подошел к тебе и, протягивая руки, он обратился к тебе с мольбой: «Я ищу твоего дара, Асклепий Пеан (т.е. Целитель. – А.З.), будь ко мне милосерден». Затем ты отчетливо сказал мне: «Мужайся, ибо я приду к тебе в должное время – просто жди меня здесь, – как только я отведу злой рок от лакедемонян, поскольку они в точности соблюдают оракулы Феба, которые Ликург учредил в городе после того, как получил прорицание». И вот он (Асклепий. – А.З.) отправился в Спарту. Но во мне родилось побуждение сообщить лакедемонянам об этом посещении божества, все по порядку. Они слушали меня, когда я произносил речь о спасении, и ты, Асклепий, действительно спас их. Они же через глашатая провозгласили, чтобы каждый оказывал тебе радушный прием, назвав тебя спасителем просторного Лакедемона. Исилл посвятил это тебе, о лучший из богов, чья твою мощь, как полагается.

Рассказ Исилла интересен по многим причинам, и не в последнюю очередь – из-за содержащегося в нем заявления, несомненно принимаемого и афишируемого самими спартанцами, о том, что они спаслись в награду за сохранение оракулов, данных Аполлоном Ликургу. Из контекста ясно, что это – ссылка на «законы» Ликурга, которые, как верили спартанцы (см. ниже), были санкционированы Аполлоном посредством дельфийского оракула. Все это заметно отличается от мнения, высказанного Ксенофонтом, заявляющим в «Лакедемонской политике» (14. 7), что спартанцы его времени (начало IV в. до н.э.) «не повинуются ни богу (подразумевается – Аполлону. – А.З.), ни законам Ликурга». Несмотря на военные и территориальные потери Спарты в результате ее поражения при Левктрах в 371 г. до н.э., Исилл по-прежнему смотрел на нее как на модель хорошего государства, одобряемого

что она была умышленно испорчена после заключения Царского мира 387/386 г. до н.э., в чем проявилось возмущение поведением Спарты, оставившей греков Азии на произвол судьбы.

29 См. новое издание: *Kolde A. Politique et religion chez Isyllos d'Épidaure*. Basel, 2003, и особенно P. 257–301 по датировке. (Также текст надписи см. здесь: IG IV² 1. 128; русский перевод той части надписи, где содержится пеан Исилла в честь Аполлона и Асклепия, см. в книге: *Гаспаров М. Л.* (отв. ред.). *Эллинистические поэты VII– III вв. до н.э.* Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М., 1999. С. 394–395 и 503–504 (примечания). – А.З.)

и поддерживаемого богами. Даже при своем аристократическом и олигархическом настрое в отношении государственного устройства родного Эпидавра (что недвусмысленно высказано во вводной части надписи, в строках 1–26), Исилл рекламирует тот образ спартанского общества, который старались нарисовать сами спартанцы³⁰.

В поисках «ключевых символов»

Как мы, будучи внешними наблюдателями, можем приблизиться к пониманию спартанской религии? Что внешнему наблюдателю следует искать? Для начала можно попытаться выделить те свойства спартанской религии, которые обладали символической функцией, то есть свойства особенно действенные, эффективные в условиях спартанского общества, но, возможно, не обладавшие таким же значением в каком-либо ином греческом городе. Мы можем сделать это, отыскав то, что у социальных антропологов обозначается «ключевыми» или «суммирующими» символами. В своей очень важной статье Шерри Ортнер определила тот тип символа культуры, который я хочу найти у спартанцев³¹: «Суммирующими символами считаются, прежде всего, те, которые эмоциональным и относительно единообразным способом резюмируют, выражают, представляют для вовлеченных (в культурный процесс. – А.З.) то, что сама система значит для них. По существу, это категория священных символов в широком смысле, включающая все те элементы, которые являются объектами глубокого уважения и/или эмоциональными катализаторами – флаг, крест, амулет, палочка с развилиной, мотоцикл и т.д. ... Если говорить о суммирующих символах в целом, то самое главное состоит в том, что они работают в направлении составления и синтеза некой сложной системы идей, “суммирования” их в унитарную форму, которая, если использовать одно старомодное выражение, “стоит за” всю систему в целом».

Что могло быть таким суммирующим символом для спартанцев? На ум приходит целый ряд знаков, которые могли быть наполнены особым смыслом для спартанцев: пурпурные плащи, которые они надевали в битву и в которых их хоронили; щит с буквой *лямбдой* (Λ) в качестве эмблемы, обозначающей лакедемонян; а также *доканы* (*tà dókana*) – деревянное неиконическое представление Диоскуров (Кастора и Полидевка), описанное Плутархом и изображенное на мраморном лаконском рельефе V в. до н.э. (илл. 1)³²

Учитывая, что Диоскуры были и моделью для двойной царской власти, и являлись ее божественными покровителями, а также то, что какое-то их изображение всегда было при царях во время военных походов (Hdt. V. 75)³³, можно думать, что *доканы* выполняли роль суммирующего символа для спартанских представлений о царственности.

Впрочем, можно назвать и другого кандидата на роль «ключевого символа», который передает спартанский этос более полно и универсально. Плутарх утверждает, что статуи всех спартанских богов и богинь были вооружены (*Inst. Lacon.* 28 = *Mor.* 239a; *Apophth. Lacon.*, *Charillus.* 5 = *Mor.* 232d)³⁴. Это, конечно, явное преувеличение, и вооруженные статуи богов можно найти и в других греческих городах (например, Афина Парфенос и Афина Промехос на афинском Акрополе). Но это преувеличение основано на необычно большом количестве культовых спартанских статуй (в том

30 См. сткк. 1–26. О политических взглядах Исилла см.: *Furley W. D., Bremer J. M. Greek Hymns: Selected Cult Songs from the Archaic to the Hellenistic Period. Vol. 2. Tübingen, 2001. P. 230–233.*

31 *Ortner S. On Key Symbols // American Anthropologist. 1973. Vol. 75. P. 1339–1340.*

32 Пурпурные мантии: *Aristoph. Lys.* 1138–1141 и *Хен. Lac. pol.* 11. 3; Утверждение Плутарха (*Lys.* 27. 3), что покойника заворачивали в его пурпурный плащ, подтверждается находками в могиле на афинском Керамике, в которой в 403 г. до н.э. были похоронены двадцати три лакедемонянина (см.: *Stroszeck J. Lakonisch-rotfigurige Keramik aus den Lakedaimoniergräbern am Kerameikos von Athen (403 v. Chr.) // AA. 2006. S. 101–120.*). Щиты с лямбдой: *Eupolis, fr. 394 (Kassel R., Austin C. (eds.) Poetae Comici Graeci. Berlin; New York, 1986. Vol. 5.)*, а также: *Hodkinson S. Property and Wealth. P. 225. Доканы: Plut. Mor. 478a-b*, а также: *Richer N. The Religious System at Sparta. P. 239–240: «Спартанцы называли древние изображения Диоскуров доканами: они состоят из двух параллельных деревянных брусьев, связанных поперечинами». О рельефе см.: Tod M. N., Wace A. J. B. A Catalogue of the Spartan Museum. Oxford, 1906. P. 113–118, 193, fig. 68. (Доканы до сих пор являются обозначением созвездия Близнецов. – А.З.)*

33 См.: *Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg, 1984. P. 298–301.*

34 *Instituta Laconica – «Лаконские установления»; Apophthegmata Laconica – «Лаконские высказывания». О принадлежности этих сочинений Плутарху и их отношении к его «Жизнеописаниям» см.: Hodkinson S. Property and Wealth. P. 37–41, 48–50.*

числе многих знаменитых), которые изображали божества с оружием в руках. Два колоссальных архаических изваяния вооруженного Аполлона, в обоих случаях – с копьем в одной руке и луком в другой, защищали пять деревень, которые вместе образовывали полис Спарты. Один из этих идов пребывал в Амиклах, расположенных южнее собственно Спарты, и имел около 45 футов в высоту (Paus. III. 19. 2–3 – около тридцати локтей), а другое изваяние, двойник первого, находился в Форнаке, чуть севернее города (Paus. III. 10. 8).

Культовое бронзовое изваяние Афины Халкиойкос («Меднодомной») изображало эту богиню-охранительницу Спарты с копьем и щитом и представляло собой знаменитую работу конца VI в. до н.э.³⁵ Рядом стояла архаическая статуя Афины Промехос («Воительницы», дословно «Сражающейся впереди»), на щите которой были изображены сцены с Амазомахией; от этой скульптуры сохранились фрагменты³⁶.

В свое время были приведены убедительные доводы в пользу того, что на реверсе серебряной монеты (тетрадрахмы) царя Клеомена III, отчеканенной между 227 и 222 гг. до н.э., изображен культовый идол Артемиды Орфии (рис. 2)³⁷. Богиня поднимает над головой правую руку с копьем, а в левой держит лук; у ее ног стоит коза, смотрящая вправо. Существовало, вероятно, и другое культовое изваяние Артемиды, если судить по небольшой бронзовой статуэтке (ок. 530–520 гг. до н.э.), держащей в левой руке лук и стоящей на трехступенчатой базе (указание на то, что это – репродукция культовой статуи)³⁸. На статуэтке – надпись лаконскими буквами «Хмарид Дедалей»; Дедалейя – это незасвидетельствованный иначе эпитет Артемиды. Нелишне отметить, по контрасту, что два культовых изваяния Артемиды Орфии из Мессены (оригинальная мраморная скульптура конца IV или начала III в. до н.э. и мраморная статуя работы Дамофона середины II в. до н.э.), очевидно, изображали ее без лука и без копья³⁹. Будучи изъята из воинственного контекста спартанской культуры, эта богиня поменяла оружие на факел (илл. 2).

Хотя нет ничего удивительного в том, что какие-то отдельные божества могли изображаться с оружием, рассмотренный нами ансамбль вооруженных статуй привлекает к себе внимание уже их количеством. Некоторые боги, впрочем, в других местах либо вообще не появляются с воинственными атрибутами, либо появляются редко. Дионис изображался в Спарте с дротиком в руках (*hasta*, как замечает Макробий в «Сатурналиях», I. 19. 1–2), и даже Афродита имела здесь оружие. Нисколько не удивительно, что в святилище Геракла его культовая статуя была вооруженной, даже если Павсаний (III. 15. 3) и чувствовал необходимость объяснить этот факт (возможно, Геракл держал копье и щит вместо своих обычных палицы и лука)⁴⁰. Случай с Афродитой, впрочем, заслуживает отдельного

35 Эта культовая статуя изображена на спартанских монетах III в. н.э., где представлено изваяние типа «Палладий», с копьем в высоко поднятой правой руке и щитом в опущенной левой: см.: *Grunauer-von Hoerschelmann S. Die Münzprägung der Laecdaimonier*. Berlin, 1978. S. 103–104, 196, Abb. 28, LVI, 6; 29, LVII, 1–3.

36 Это доказала Ольга Палагия: *Palagia O. An Athena Promachos from the Acropolis of Sparta // Sculpture from Arcadia and Laconia / O. Palagia and W. Coulson (eds.)*. Oxford, 1993. P. 167–175. Две бронзовые фигурки вооруженной Афины (V в. до н.э.), одна из которых представляет собой тип «Промехос», были обнаружены на спартанском акрополе: см. *Lamb W. Excavations at Sparta, 1927. Bronzes from the Acropolis, 1924–1927 // ABSA. 1926/1927. Vol. 28. P. 86–87, pls. 8, 9; а также Niemeyer H. G. Promachos: Untersuchungen zur Darstellung der bewaffneten Athena in arcbaischer Zeit*. Waldsassen, 1960. P. 61, fig. 17–18, pl. 5.

37 *Grunauer-von Hoerschelmann S. Die Münzprägung der Laecdaimonier*. S. 12–15, 113–14, Abb. 1–2, III, 1–12 (однако следует заметить, что атрибуция Клеомену не вполне надежна, и данный монетный тип может принадлежать Арею I, правившему в 309–265 гг. до н.э.). Как и в Мессене, в святилище Артемиды Орфии могли находиться две культовые статуи этой богини: во-первых, небольшой деревянный идол (*ксоан* – А.З.), который можно было держать в руках, использовавшийся в различных ритуалах; во-вторых, статуя в натуральную величину, установленная на базе в храме. См. у Павсания, III. 16. 7–11, о Спарте (здесь упомянут только деревянный идол), а также *Themelis P. G. Artemis Ortheia at Messene: The Epigraphical and Archaeological Evidence // Ancient Greek Cult Practice from the Epigraphical Evidence. Proceedings of the Second International Seminar on Ancient Greek Cult, organized by the Swedish Institute at Athens, 22–24 November 1991 / R. Hagg (ed.)*. Stockholm, 1994. P. 101–122 – о Мессене (где были найдены фрагменты двух мраморных культовых статуй, использовавшихся в разное время, а также посвятельная надпись I в. до н.э., в которой упоминается деревянное изваяние богини).

38 См.: *Kondoleon C., Grossmann R. A. Cat. 71 // Athens-Sparta / N. Kaltsas (ed.)*. New York, 2006. P. 168 (с библиографией, имеющей отношение к делу).

39 См.: *Themelis P. G. Artemis Ortheia at Messene*. P. 101–122.

40 В отличие от распространенного повсеместно образа Геракла, одна архаическая лаконская ваза изображает этого героя в полном вооружении, а другая – с голиптическим щитом и копьем: см. *Pipili M. Laconian Iconography of the Sixth Century BC*. Oxford, 1987. P. 1–3, 13, fig. 1–2.

обсуждения⁴¹. В одной недавней работе было замечено, что «в античном искусстве и культуре образ вооруженной Афродиты встречается крайне редко. За возможным исключением двух бронзовых статуэток из греческого святилища в Грависках мы тщетно будем искать среди тысяч Венер, изображенных в скульптуре, живописи, мозаике и на монетах, хотя бы один-единственный образ этой богини в вооружении⁴²».

Павсаний утверждает, что статую вооруженной Афродиты можно было видеть на острове Кифера (III. 23. 1), который принадлежал Спарте примерно с середины VI в. до н.э., а также в Коринфе (II. 5. 1). В любом случае, другие греки считали изображения вооруженной Афродиты необычными и специфически спартанскими. Ряд стихотворений в Планудовском дополнении (*Appendix Planudea*) к Латинской антологии не оставляет в этом сомнений (171–177). Антипатр из Сидона, поэт II в. до н.э., выражает одновременно и свое удивление вооруженной Афродитой, и уместность такой ее иконографии для Спарты (стихотворение 176):

И Киприда – она тоже спартанская, но статуя ее (здесь. – А. 3), в отличие от других городов, не обвита мягкими одеяниями. Наоборот, на голове у нее шлем вместо покрывала, а в руках – копье вместо золотых ветвей. Ведь не подобает ей оставаться безоружной, будучи супругой Эниалия-Фракийца и лакедемонянок.

Сравнив это стихотворение с описанием Плутарха (*Mor.* 317f), можно сделать вывод, что Афродита была изображена с копьем, щитом и в шлеме⁴³. Эта статуя, подобно изваяниям Афины и Аполлона, с большой долей вероятности датируется архаическим временем. При описании Спарты Павсаний (III. 15. 10) упоминает некий «древний храм с деревянным идолом (*κσοανом*) вооруженной Афродиты». Не являлся ли этот храм столь древним, что поверх него был надстроен другой? Дело в том, что Павсаний добавляет: «Это единственный известный мне храм, имеющий второй этаж, и это святилище Морфо, другое название Афродиты». В Спарте также имелся храм Афродиты Ареи (Воинственной), и Павсаний указывает (III. 17. 5) на древность культовой статуи этого святилища: скорей всего, здесь богиня также была изображена в вооружении⁴⁴.

Что символизировали вооруженные изваяния у спартанцев? Нет сомнений, они олицетворяли спартанские представления о благочестии, воинской отваге, а также законопослушании. Именно об этом и говорит Плутарх в двух пассажах, приведенных выше, где он рассуждает об этой спартанской изобразительной традиции. В его трактате «Обычаи спартанцев» (*Mor.* 239a) читаем: «Они почитают Афродиту в полном вооружении, и у них статуи всех божеств, как женских, так и мужских, изготавливаются держащими копья – как в полной мере обладающие воинской доблестью (*πολεμικῆ ἀρετῆ*)». Подобная идея, и даже более явно, приписывается Хариллу в «Изречениях спартанцев» (*Mor.* 232d):

Когда какой-то человек спросил, почему деревянные изваяния богов, установленные у них, имеют оружие, он ответил: «Это для того, чтобы мы не бранили богов теми словами, которыми укоряем смертных за их трусость, а также для того, чтобы юноши не молились богам, когда они сами [молодые люди] без оружия» (другое чтение – «чтобы юноши не молились невооруженным богам». – А. 3.).

Даже если эти рациональные обоснования отражают догадки самого Плутарха, они выглядят убедительно. Вся система спартанских ценностей и их образ жизни суммируются в образе вооруженного бога.

Кто-то может попытаться умалить значение этой черты спартанской религии, указав на параллели в других городах, таких как Афины и Коринф, или на ближневосточные прототипы⁴⁵; но здесь, как и в других местах, значение имеет вся совокупность данных. Именно комбинация отличительных черт

41 Всесторонний анализ всех сохранившихся свидетельств: *Flemberg J.* Venus Armata. Studien zur bewaffneten Aphrodite in der griechisch-römischen Kunst. Stockholm, 1991 и *Pironti G.* Entre ciel et guerre: Figures d'Aphrodite en Grèce ancienne. Liège, 2007. P. 231–237, 262–268. Также обратите внимание на *Graf F.* Women, War, and Warlike Divinities // ZPE. 1984. Bd 55. S. 248–251.

42 *Giardina A.* Metis in Rome. A Greek Dream of Sulla // East and West: Papers in ancient history presented to G. W. Bowersock / T. Corey Brennan and H. I. Flower (eds.). Cambridge (Mass.), 2008. P. 79. О Грависках см. *Torelli M.* Il santuario greco di Gravisca // PP. 1977. Vol. 32. P. 433.

43 Плутарх в трактате «О судьбе римлян» (4 = *Mor.* 317f) делает такое замечание: «Спартанцы говорят, что Афродита, когда она переходила Еврот, выбросила свои зеркала и драгоценности вместе с волшебным поясом, а взяла копье и щит, украсившись так ради Ликурга».

44 См. *Wide S. K. A.* Lakonische Kulte. Leipzig, 1893. S. 141–143.

45 Так делает Паркер (*Parker R.* Spartan Religion. P. 146), который приходит к такому выводу: «Однако ранние греческие культовые статуи часто были с оружием, как и их восточные образцы, а консерватизм, как и милитаризм спартанцев привели, вероятно, к тому, что они не спешили разоружать своих богов».

более, нежели какая-то отдельная аномалия выделяет Спарту из других греческих городов. В любом случае, не имеет никакого значения, где и когда спартанцы заимствовали идею вооруженного изваяния – важно то, что они сохраняли эту иконографию. Как было хорошо подмечено, «происхождение культурных практик почти не имеет значения для сохранения традиции; аутентичность всегда определяется по текущему моменту»⁴⁶.

«Нормализация» спартанской религии

Тот факт, что спартанцы, по всей видимости, имели особый по сравнению с другими греками набор ключевых символов (некоторые мы еще будем обсуждать ниже), предполагает особое отношение к богам, и теперь самое время обратиться к подробному подтверждению этого. Хотя современники могли считать, что спартанцы действуют и думают особым образом в вопросах, относящихся к сверхъестественному, существует заметная тенденция, по крайней мере, среди исследователей, сглаживать различия между спартанцами и остальными и, так сказать, «одомашнивать», «цивилизовать» или «нормализовать» спартанскую религию. Данный феномен, возможно, является ключом к решению проблемы характеристики спартанской религии. Современные ученые то и дело пытаются цивилизовать спартанскую религию, или, другими словами, заставить спартанские обычаи и установления соответствовать тому, что было свойственно другим греческим городам. И все же спартанская религия обладает такими чертами, которые, судя по всему, фундаментальным образом отличают ее от того, что обнаруживается в иных местах, даже если наши античные источники не всегда говорят об этом с определенностью. Один из признаков наличия таких особенностей состоит в следующем: спартанская религия имела настолько специфические черты, что целые поколения исследователей исправляли тексты Геродота и Плутарха, дабы приспособить их к обычаям и установлениям других городов. В оставшейся части этой статьи я собираюсь предложить гипотезу о том, что спартанская религия представляла собой исключение в трех основных аспектах: у спартанцев был особый жрецеский персонал по сравнению тем, который обнаруживается где-либо еще; их праздники не похожи на те, которые справлялись в других городах; и, наконец, спартанцы поклонялись иным богам и героям, нежели другие эллины.

Персонал служителей культа

Прежде всего рассмотрим роль жрецов и жриц в греческой религии. По всей видимости, универсальной чертой в эллинском мире было то, что священнослужитель (*ἱερεὺς*), будь он мужчиной или женщиной, являлся назначаемым государственным должностным лицом, получавшим должность по жребию, путем выборов, по рождению, либо покупавшим ее. Жрецы обычно не проходили специального религиозного обучения и не обладали особыми познаниями, а их функции преимущественно касались ритуальных действий. Важнейшая обязанность жреца в качестве *ἱερεὺς* – осуществлять *ἱερά* (священные обряды. – А.З.): делать подношения, приносить жертвы, заведовать самим святилищем и его собственностью, которая также была *ἱερά* (священной)⁴⁷.

Какой смысл имело слово *ἱερεὺς* в Спарте? Означало ли оно то же самое и предполагало ли те же функции и обязанности, что и повсюду в эллинском мире? Геродот говорит (IX. 85), что после Платейской битвы в 479 г. до н.э. лакедемоняне устроили три могилы: одну для жрецов, вторую для остальных спартиатов, третью для илотов. Хотя рукописная традиция единогласно дает чтение «жрецы», большинство исследователей предпочитают заменять слово *ἱερεῖς* (в аттическом диалекте это слово тождественно *ἱερεῖς*, «жрецы») на *ἱρένες* (*ирены*, молодые спартиаты в возрасте от 20 до 30 лет)⁴⁸. Это исправление должно быть решительно отвергнуто, причем существует как минимум два варианта объяснения как будто бы аномальному факту отдельного захоронения «жрецов» при Платеях. Хотя у нас нет прямых свидетельств, весьма вероятно, что в Спарте потомственные и/или выборные жрецеские должности давали их обладателям и политическое влияние, и социальное положение, к тому

46 *Handler R., Linnekin J.* Tradition, Genuine and Spurious // *Journal of American Folklore.* 1984. Vol. 97. P. 286.

47 *Mikalson J. D.* Ancient Greek Religion. London, 2004. P. 11.

48 Проблемы, связанные с чтением этого места, рассмотрены здесь: *Flower M. A., Marincola J. (eds.)* Herodotus. Histories. Book IX. Cambridge, 2002. P. 254–256.

же они могли исполняться одновременно с военными должностями, как и в республиканском Риме⁴⁹. Никола Рише, впрочем, допускает, что отдельные спартиаты удостоивались особого погребения не по той причине, что они были жрецами в специальном смысле этого слова, а потому, что эти индивидуумы приобретали статус героев из-за своих воинских подвигов или из-за своей наружности⁵⁰. Если Рише прав, тогда слово *ἱερεὺς* означало в Спарте нечто совсем иное, нежели в других местах греческого мира.

Данный пассаж Геродота не является единственным местом в источниках, где спартанские установления с трудом вписываются в стандартную эллинскую матрицу. В одном пресловутом пассаже в своем жизнеописании Ликурга (27. 3) Плутарх утверждает, что в Спарте «было запрещено писать имя умершего на могиле, исключая тех мужей, которые погибли на войне и тех женщин, которые были *ἱεραῖ*». Эти *ἱεραῖ*, или «святые жены» («посвященные богам»? «благочестивые»? – А.З.) столь загадочны для нас, что текст почти всегда исправляется издателями на «те, которые умерли при родах». Но все же здесь, по всей видимости, мы имеем указание на женщин, которые выполняли какую-то религиозную функцию⁵¹. Почему они не названы «жрицами» (*ἱέρεια*), как можно было бы ожидать? Может быть это слово связано со статусом тех, кого еще только посвящали в таинство? Или, может быть, они выполняли какую-то роль в культе, отличную от роли жриц? Или все же у спартанцев обозначение «святая женщина» было равнозначно тому, что остальные греки называли жрицей?

Праздники

В любом греческом полисе праздники представляли собой наиболее яркую форму религиозного переживания и призваны были выковывать общую идентичность, которая объединяла членов общины. Праздники являли собой коллективный опыт высокого эмоционального накала, состояния «коллективного возбуждения», по Дюркгейму (*collective effervescence*, досл. «коллективного бурного вспенивания, вскипания»). – А.З.), каковое состояние позволяет преодолеть различия между индивидами и устранить границы между подгруппами⁵². В Спарте социальная функция праздников должна была быть особенно важной в деле укрепления общинного и коллективистского духа. Все три наиболее значимых спартанских праздника, Карнеи, Гиакинфии и Гимнопедии, справлялись в честь юного бога Аполлона⁵³. Карнеи, по всей видимости, справлялись во всех дорийских городах, тогда как Гиакинфии, вероятнее всего, только в Амиклах (поселение чуть южнее Спарты), где была могила Гиакинфа⁵⁴. Гимнопедии, как мы сейчас увидим, выражали собой в каком-то смысле квинтэссенцию спартанского общества⁵⁵.

49 См.: Parker R. Spartan Religion. P. 143–144. (О важной роли некоторых жреческих родов в жизни спартанской общины на протяжении как минимум нескольких поколений может свидетельствовать судьба Тисамена Иамида и его потомков; об этом см.: Зайков А.В. Роль чужаков в Спартанской политике: случай с Тисаменом Элидским // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 8 (16) (особенно §§ 6 и 7). – А.З.)

50 Richer N. Aspects des funéraires à Sparte // Cahiers G. Glotz. 1994. Vol. 5. P. 64–68. Ср.: Hodkinson S. Property and Wealth. P. 256–259.

51 См.: Richer N. Aspects des funéraires; Hodkinson S. Property and Wealth. P. 260–262; и особенно Brulê P., Piolot L. Women's Way of Death: Fatal Childbirth or Hierai? Commemorative Stones at Sparta and Plutarch, Lycurgus 27.3 // Spartan Society / T. J. Figueira (ed.). Swansea, 2000. P. 151–178.

52 О непреходящем значении этой концепции, разработанной Дюркгеймом еще в 1912 г., см. Richman M. B. Sacred Revolutions: Durkheim and the College of Sociology. Minneapolis, 2002.

53 Последнее всестороннее исследование: Pettersson M. Cults of Apollo at Sparta: The Hyakinthia, the Gymnopaediai, and the Karneia. Stockholm, 1992. В отличие от М. Петтерсона, Ж. Дюка (Ducat J. Spartan Education. Youth and Society in the Classical Period. Swansea, 2006. P. 276–277, вслед за Brelich A. Paides e Parthenoi. Roma, 1969) доказывает, что эти праздники отнюдь не были тремя различными стадиями некоего цикла инициаций для спартанской молодежи; скорее они были «тремя торжествами всей общины». О Гиакинфиях см.: Richer N. The Hyakinthia of Sparta // Spartan Society. P. 77–102 и Ducat J. Spartan Education. P. 262–265; о Гимнопедиях: Bölte F. Zu laconischen Festen // RhM. 1929. Bd 78. S. 124–143; Wade-Gery H. T. A Note on the Origin of the Spartan Cymnopaediai // CQ. 1949. Vol. 43. P. 79–81; Richer N. Les Gymnopedies de Sparte // Ktéma. 2005. Vol. 30. P. 237–262; а также Ducat J. Spartan Education. P. 265–274.

54 Месяц Гиакинфий засвидетельствован и в других местах, но соответствующий праздник – только в Амиклах. Хотя наличие такого месяца может служить указанием на то, что данный праздник в каком-то варианте все же справлялся и в других общинах, он не мог принять ту же самую форму, поскольку могила Гиакинфа, на которой совершалось жертвоприношение, локализовалась под алтарем Аполлона в Амиклах.

55 О социорегуляторной функции музыкальных состязаний в Спарте и, в частности, о значении для лаконского общества таких праздников, как Карнеи и Гимнопедии, см.: Зайков А.В. Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распри // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 5–15. – А.З.

Спартанские праздники отличались тем, что они фокусировались почти исключительно на выступлениях хоров, или, вернее, на состязаниях между хорами. И, по всей видимости, это предполагало реальное – и обязательное – участие значительной части мужского и женского гражданского коллектива всех возрастов⁵⁶. Даже царь Агесилай, в возрасте 52 лет и будучи самым могущественным человеком эллинского мира, занял то место, на которое руководитель хора ему указал, когда тот присоединился к исполнению пеана в честь Аполлона во время Гиакинфий в 392 г. до н.э. (Xen. *Ages.* 2. 17). Так что Афиной, обсуждая склонность спартанцев к музыке (XIV. 633a), вполне уместно цитирует слова поэта Пратина: «Лаконец – это цикада, хорошо подготовленная к хору». Как представляется, на спартанских торжествах гораздо меньший акцент делался на публичных жертвоприношениях и на раздаче бесплатного мяса⁵⁷. Кроме того, совершенно очевидно (по крайней мере, применительно к классическому периоду), что для этой общины в течение классического периода не засвидетельствовано ни одной постановки ни трагедии, ни комедии – по крайней мере, того типа, который обнаруживается в классических Афинах (а к концу V в. до н.э. также и в других городах)⁵⁸.

Принимая во внимание то большое значение, которое в Спарте имел Аполлон, не вызывает особого удивления слабое присутствие здесь Диониса. Этот бог имел в Спарте алтарь, где сообщества молодых женщин, называвшихся *левкиптидами* и *дионисиадами*, приносили жертвы, и где *дионисиады* устраивали состязания в беге; однако не существовало никакого особого праздника в честь этого бога, в котором акцент делался бы на питье вина⁵⁹. Согласно категоричному заявлению спартанца Мегилла в «Законах» Платона (637a– b), в Спарте не устраивалось пьяных праздников в честь Диониса того типа, который обнаруживается в Афинах и даже в Таренте, колонии самой Спарты⁶⁰. Это утверждение подтверждается Критием, который в одной из своих элегий указывал, что в Лакедемоне «нет такого дня, который бы выделялся для того, чтобы отравлять тело неумеренным питьем»⁶¹. Далеко не случайно, что праздник Анфестерии с их обильными возлияниями являлся, вероятно, самым популярным из всех афинских праздников; важный момент, который делает спартанскую религиозную практику принципиально отличной от практики афинской, состоит в том, что спартанцы вообще не имели никакого похожего праздника.

Не менее удивляет отсутствие в Спарте больших узко женских празднеств, таких как Фесмофории и Халои (в честь Деметры) или Адонии⁶². Впрочем, спартанские девушки принимали участие ночных пирах, устраивавшихся во время Гиакинфий⁶³. Более ярким – и совершенно уникальным – является то, что во время Гиакинфий девушки также принимали участие в колесничных забегах, во всяком случае,

56 См.: Parker R. Spartan religion. P. 149; этот автор проявляет должную осторожность в работе с источниками. Обратите внимание также на замечание С. Ходкинсона (Hodkinson S. Property and Wealth. P. 212): «Спартанские праздники были ареной непрерывного соперничества, но не в публичной демонстрации богатыми спартиатами своих возможностей, а в степени личного участия в делах всей гражданской общины».

57 Вывод об этом, проявляя должную осторожность, можно вывести из слов Плутарха в жизнеописании Ликурга (19. 8) и Платона в «Алкивиаде» (2. 149a).

58 Спартанцы называли актеров *дикеликтами*, каковому слову Плутарх (*Ages.* 21. 4), похоже, придает уничижительный оттенок. Первый каменный театр в Спарте был построен во времена Августа. Ж. Дюка (Ducat J. Spartan Education. P. 266–268) убедительно доказывает, что «театр», упоминаемый у Геродота (VI. 67), это то же самое место, что и место для хоровых плясок (*χορός*), описанное у Павсания (III. 11. 9) и упоминаемое в других поздних источниках.

59 Paus. III. 13. 7. О *левкиптидах*, которые являлись жрицами, см. ниже. По поводу догадок относительно *дионисиад* см.: Scanlon T. F. Eros and Greek Athletics. Oxford, 2002. P. 133–136, а также Ducat J. Spartan Education. P. 231.

60 О поклонении Дионису и Деметре в Спарте см.: Parker R. Demeter, Dionysus and the Spartan Pantheon // Early Greek Cult Practice. Proceedings of the Fifth International Symposium of the Swedish Institute in Athens, 26–29 June, 1986 / R. Hagg, N. Marinates, and G. Norquist (eds.). Stockholm, 1988. P. 99–103. Второстепенное положение Диониса в спартанском пантеоне хорошо показано здесь: Constantinidou S. Dionysiac Elements in Spartan cult Dances // Phoenix. 1998. Vol. 52. P. 15–30.

61 Critias fr. 6, строки 26–27 (Athen. X. 433b), а также: Parker R. Demeter, Dionysus and the Spartan Pantheon. P. 100.

62 Это отлично показано здесь: Cartledge P. A. The Spartans. Woodstock; New York, 2003. P. 177. Об этих женских праздниках в Афинах см.: Parker R. Polytheism and Society at Athens. Oxford, 2005. P. 270–289 (см. также: Буркерт В. Афинские культы и праздники // Пятый век до нашей эры. (Кембриджская история древнего мира. Т. V.) / Пер. с англ. А.В. Зайкова. М., 2014. С. 314, 318, 322 сл., 328. – А.3.). Спартанцы определенно почитали Деметру, однако Элевсинии в Каливии-тэс-Сохас, поселке примерно в полутора часах ходьбы к югу от Спарты, вплоть до IV в. до н.э., похоже, не располагали каким-то значительным святилищем (см.: Parker R. Demeter, Dionysus and the Spartan Pantheon. P. 101).

63 У Еврипида в «Елене» (1465–1470) хор говорит следующее о главной героине: «Быть может, она отыщет дочерей Левкиппа у реки или перед храмом Паллады, когда она прибудет домой во время танцев Гиакинфа с их пирами, длящимися всю ночь». Однако Э. Миллендер (Millender E. Athenian Ideology and the Empowered Spartan Woman // Sparta: New Perspectives

в эллинистический период⁶⁴. Напротив, на афинских праздниках не было никаких состязаний между женщинами ни хоровых, ни атлетических⁶⁵.

Гимнопедии (праздник «пляшущих нагими») заслуживает особого рассмотрения⁶⁶. Это празднество, длившееся пять дней и состоявшее из почти непрерывных хоровых состязаний, начинавшихся с рассвета и заканчивавшихся в сумерках, квалифицируется как «представление громадного значения»; то есть такое представление, которое превосходило более ограниченные по времени драматические постановки и танцы в других греческих городах⁶⁷. Конечно, Гимнопедии были настолько необычным фестивалем, что на него стекались зрители из-за пределов Спарты⁶⁸. Одна деталь особенно необычна, так что современные исследователи предпочитают отрицать ее существование, несмотря на совершенно определенные свидетельства источников. Хоры старцев состязались с хорами мальчиков и мужей в каком-то культовом контексте, и такое не встречалось больше нигде в греческом мире. Так что неудивительно, что некоторые современные ученые заявили, будто в таком соревновании старцы не могли состязаться, они, дескать, должны были принимать участие в некоем совместном представлении, которое отличалось от состязания команд молодых людей и мальчиков⁶⁹. Здесь мы имеем еще один пример попытки «нормализовать» спартанскую религиозную практику путем простого отрицания таких ее характерных особенностей, которые невозможно обнаружить в других местах.

Гимнопедии были представлением огромной важности еще и в том смысле, что они ясно и четко выражали совокупность понятий и убеждений, определявших, что значит быть спартиатом. Данный праздник имел для спартанцев настолько большое значение, что Павсаний (III. 11. 9) мог сказать по его поводу так: «Если и есть какое-нибудь празднество, к которому лакедемоняне относятся со рвением, так это Гимнопедии». Как мы уже видели, они с большой неохотой отложили Гимнопедии, когда предприняли запоздалую попытку предотвратить демократический переворот в Аргосе. А в 371 г. до н.э. в последний день этого праздника, когда выступал хор мужчин, прибыл гонец с вестью об ужасном поражении при Левктрах, эфоры приняли решение дать хору исполнить полагающееся до конца⁷⁰. Что же значил этот праздник для спартанцев, если его правильное и полное проведение перевешивало все остальные соображения до такой степени, которую невозможно обнаружить ни в одном другом городе по отношению к какому-либо другому фестивалю? Здесь я оставляю в стороне традиционные вопросы, связанные с датой учреждения Гимнопедий и с битвой (или битвами), в память о которой этот праздник был учрежден (было ли это поражение при Гисиях 669 г. до н.э. или победа в так называемой Битве чемпионов ок. 547 г. до н.э.), а вместо этого сфокусирую внимание на символическом значении этого праздника.

Сейчас стало модным утверждать, как это делает Кэтрин Белл в одном важном исследовании, что нет никакой прямой зависимости между ритуалом и верой, что ритуал автономен, и что участники любого конкретного ритуала могут верить в самые разные вещи относительно того, что же данный ритуал

/ S. Hodkinson and A. Powell (eds.). London, 1999. P. 355–391) правильно предостерегает от того, чтобы принимать афинские источники о спартанских женщинах за чистую монету.

64 Афиней при описании этого праздника цитирует Дидима, который, в свою очередь, ссылается на «Лаконские истории» некоего Поликрата (вероятно, III или II в. до н.э.). В части, относящейся к женщинам (IV. 139f = FGrHist 533 F 1), читаем: «Некоторых из девиц (παρθένων) вывозят на богато украшенных плетеных повозках; другие же на состязание выступают помпезным шествием на запряженных парю колесницах». Эти плетеные повозки (называвшиеся *канатрами*, κάνατρα), имевшие форму грифонов и козлооленей, упомянуты также у Ксенофонта (*Ages.* 8. 7) и Плутарха (*Ages.* 19. 5). Царь Агесилай делал так, чтобы его дочь отправлялась в Амиклы на обычной повозке (она, видимо, ехала на повозке, принадлежавшей общине), и это ясно указывает, что другие спартанцы использовали богатые резьбой и пышно украшенные экипажи в качестве бросающихся в глаза признаков высокого социального статуса и богатства.

65 См.: Parker R. *Polytheism and Society at Athens*. P. 132–133.

66 Ж. Дюка (*Ducat J. Spartan Education*. P. 272–273) убедительно доказывает, что название Гимнопедии означает скорее «обнаженные пляски» нежели «безоружные пляски».

67 Об этой концепции см.: Schechner R. *Performance Theory*. 2nd edn. London; New York, 1988. P. Xiii, 251–288.

68 Как мы знаем, спартанец Лих прославился благодаря тому, что принимал иноземцев и угощал их обедами во время этого праздника: Xen. *Mem.* I. 2. 61 и Plut. *Cim.* 10. 5. См. также: Plut. *Ages.* 29.

69 Так в работе: Bölte F. *Zu laconischen Festen*; эта точка зрения поддержана также здесь: Wade-Gery H. T. *A Note on the Origin of the Spartan Gymnopaidiai*. P. 79. Ж. Дюка (*Ducat J. Spartan Education*. P. 270–272), впрочем, признает, что старцы все же участвовали в состязании, но только в *трихориях* (о них см. ниже).

70 Xen. *Hell.* VI. 4. 16; ср.: Plut. *Ages.* 29.

означает⁷¹. Как утверждает Белл, проведенные исследования «показывают, что ритуализированная деятельность никак особенно *не* влияет на веру или убеждение. Напротив, ритуализированные практики допускают великое множество интерпретаций взамен на определенный консенсус относительно той формы, в которую облакаются действия»⁷².

Быть может, в других греческих городах вера и ритуал оставались автономными друг по отношению к другу, а символическое действие могло объясняться участниками в весьма несхожей манере, если оно вообще для них что-то значило. Однако для Спарты в целом этот тезис, видимо, не подходит, а в отношении Гимнопедий он очевидно неверен. Основная идея этого праздника выражалась недвусмысленно, поскольку само ритуальное действие со всею определенностью диктовало то, во что, как предполагалось, верят участники и их аудитория.

Греки из других городов, такие, например, как Платон, считали Гимнопедии своего рода публичной проверкой на выносливость; выведенный в его «Законах» собеседник из Спарты заявляет (633с), что «на Гимнопедиях мы проявляем немислимую выносливость, преодолевая силу летнего зноя». Но даже если «выносливость» была необходимым условием или результатом плясок в условиях испепеляющей жары, данный фактор не является достаточным рациональным объяснением⁷³. Для такого объяснения нам нужно обратиться к Плутарху, который хотя и жил в другое время, но в данном вопросе он высказывается как минимум более ясно, нежели Платон.

Плутарх дает нам редкую и ценную возможность понять, как сами спартанцы смотрели на цель и значение этого праздника, поскольку он цитирует несколько стихов, которые хоры реально исполняли. Три хора, которые состояли соответственно из старцев, мужчин цветущего возраста и мальчиков, пели такие слова, которые служили своего рода сценарием поведения, расписанным на всю жизнь гражданина-гоплита⁷⁴:

В праздничные дни составлялись три хора – стариков, мужей и мальчиков. Старики запевали: «А мы в былые годы были крепкими!». Мужья в расцвете сил подхватывали: «А мы теперь: кто хочет, пусть попробует!» А мальчики завершали: «А мы еще сильнее будем вскорости». (*Пер. С.П. Маркиша*).

Хотя Плутарх говорит в данном случае о том, что происходило на спартанских праздниках вообще, его описание в точности соответствует тому, что мы знаем из других источников о Гимнопедиях. Возможно, Плутарх описывает здесь именно то хоровое состязание, которое еще более поздний источник, Поллукс (II в. н.э.), называет «трихорией» или утроенным хором⁷⁵. Эта «трихория» была, как я подозреваю, открывала Гимнопедии и должна была задать тон и темы для хоровых состязаний, которые затем и следовали. Спартанский писатель Сосибий (ссылка ниже) рассказывает, что хоры исполняли песни Фалета и Алкмана, и было бы вполне уместно, чтобы утроенный хор выступил первым. О песнях Фалета говорится, что это были «призывы к повиновению и согласию»; что касается Алкмана, то он написал поэму о наиболее символических спартанских героях – Касторе и Полидевке⁷⁶.

Во всяком случае, в этих трех процитированных у Плутарха стихах самым замечательным является акцент на коллективном соперничестве. Если в других греческих государствах отдельные хоры могли оспаривать приз друг у друга, то здесь мы видим иную картину: члены каждого возрастного класса представляют мужскую часть гражданского коллектива в совокупности – мужчины цветущего возраста бросают выбор старцам, а затем мальчики, представляющие подрастающее поколение спартанских

71 Bell C. *Ritual Theory, Ritual Practice*. New York; Oxford, 1992. P. 132–196.

72 Bell C. *Ritual Theory, Ritual Practice*. P. 136.

73 Данный момент великолепно разобран здесь: Ducat J. *Spartan Education*. P. 273–274.

74 Plut. *Lyc.* 21, повторено в: *Mor.* 238a-b и 544e. См. также: *Pettersson M.* *Cults of Apollo at Sparta*. P. 43, 50; *Richer N.* *Les Gymnopedies de Sparte*. P. 244–248; а также: *Ducat J.* *Spartan Education*. P. 268–269.

75 Pollux. 4. 107: «Тиртей учредил трихорию, три хора лаконцев, каждый составленный в соответствии с возрастом: мальчики (παῖδες), мужья (ἄνδρες), старцы (γέροντες)». Трихория могла исполняться и на других спартанских праздниках, хотя мне это кажется маловероятным. Имеющиеся свидетельства обстоятельно разобраны здесь: *Ducat J.* *Spartan Education*. P. 268–272.

76 О Фалете: Plut. *Lyc.* 4. 2; о Касторе и Полидевке: Alcman fr. 2 и 7 (*Campbell D. A.* *Greek Lyric*. Vol. 2. Cambridge [Mass.], 1988). (См. также: *Зайков А.В.* Фалет Критский в Спарте // Исседон: альманах по древней истории и культуре. 2002. Т. I. С. 16–35; об Алкмане и его роли в спартанской культуре хоровых состязаний см.: *Зайков А.В.* Музыканты в ранней Спарте. С. 11–14. – А.3.).

граждан-воинов, похваляются тем, что в один прекрасный день они превзойдут своих отцов и дедов. Если в этих строках и есть некая двусмысленность, некая многозначность, самими спартиатцами она, видимо, не ощущалась.

То, что Гимнопедии играли главную роль в построении спартиатской идентичности, подтверждается совершенно неожиданным образом. Речь идет об одном из весьма немногих сохранившихся образцов лаконской краснофигурной керамики – о фрагментах вазы из могилы лакедемонян в афинском районе Керамик. Они погибли, сражаясь против афинских демократов из Пирея в 403 г. до н.э., и среди них было два полемарха (военачальника) и один олимпийский победитель (Хен. *Hell.* II. 4. 33). На одном из фрагментов этой вазы изображен воин в халкидском шлеме, с копьем в поднятой правой руке и со щитом в левой. Его определяют как спартиатца, поскольку, в соответствии со спартиатским обычаем (Plut. *Cleom.* 9. 2), у него есть борода, но нет усов. Действительно, воины в лаконском искусстве всегда изображаются со сбритыми усами⁷⁷. Это, конечно, очень интересно, но все же гораздо удивительней рисунок на фрагменте, сохранившемся от другой стороны той же вазы. Здесь мы видим голову безбородого юноши в короне весьма характерного массивного типа, которая удерживается с помощью широкой ленты и увенчивается пальмовыми ветвями⁷⁸. Такие короны описаны у Афиней (XV. 678b = FGrHist 595 F 5) в той части его «Пирующих мудрецов», где обсуждаются разные типы венков. Данный отрывок особенно важен для нас, поскольку Афиней черпает информацию у Сосибия, первого спартиатца, подробно писавшего про обычаи своего народа, хотя и в относительно поздний период спартиатской истории (Сосибий писал, вероятно, в середине III в. до н.э.)⁷⁹:

Фиреатские (ΘΥΡΕΑΤΙΚΟΙ): так именуется какие-то венки у лакедемонян, как говорит Сосибий в работе «О жертвоприношениях»; как он утверждает, теперь их называют «псилинами» [т.е. венки в виде плюмажа (однако ср. у Геси-хия ψιλίον... εἶδος ἄνθος, так что это можно понимать как «цветочные венки»; – А.З.]), хотя они из пальмовых ветвей. Носят же их в память о победе при Фирее предводители хоров, которые состязаются на празднике, когда справляются Гимнопедии. Хоры же такие: впереди хор мальчиков, [справа хор старцев] и слева хор мужчин⁸⁰; они пляшут обнаженными и поют песнопения Фалета, Алкмана и пеаны лаконца Дионисодота.

Описание Сосибия подтверждается пятью лаконскими бронзовыми статуэтками юношей с венками из пальмовых листьев⁸¹. Получается, что в могилу этим воинам специально положили вазу, на одной стороне которой был изображен хор, исполнявший танец на Гимнопедиях, а на другой стороне – гоплиты, участвующие в сражении. Иными словами, здесь представлены две фундаментальные, главнейшие роли, которые от юности до преклонного возраста исполнял любой спартиатец мужского пола. Участник пляски с венком на голове и размахивающий копьем гоплит – это, несомненно, два ключевых суммирующих символа, обозначающих, что значит быть спартиатом.

Боги и герои

Греки, посещавшие Спарту на Гимнопедии, могли быть удивлены не только необычно большим количеством устрашающих образов вооруженных богов и богинь; гостей, очевидно, поражали и другие странные вещи, относящиеся к религиозной сфере этого города, в частности поклонение богам, которых не найти в других местах. Во-первых, в Спарте и только в Спарте главный законодатель госу-

77 См.: Fitzhardinge L. F. *The Spartans*. London, 1980. P. 102–106.

78 Иллюстрации и комментарий см. здесь: Stroszeck J. S. 110–113. Cat. 171; S. 186–187; eadem. *Lakonisch-rotfigurige Keramik*.

79 Здесь я противопоставляю сочинение Сосибия, которое по своей сути являлось трактатом антиквара, политическим памфлетом царя Павсания и полководца Фиброна (которые были написаны в начале IV в. до н.э. и которые, очевидно, фокусировались на законах Ликурга). О соответствующих свидетельствах см.: Boring T. A. *Literacy in Ancient Sparta*. Leiden, 1979. P. 50–58.

80 Текст испорчен: хор «старцев справа» был, несомненно, упомянут (что можно вывести из фрагмента сочинения Сосибия, F 8). См.: Kennell N. *The Gymnasium of Virtue*. P. 68, 194 not. 127, а также Ducat J. *Spartan Education*. P. 269–270.

81 См.: Fitzhardinge L. F. *The Spartans*. P. 106 и Pipili M. *Laconian Iconography*. P.78–79 с иллюстрациями 112–113. Четыре из этих статуэток относятся к архаической эпохе, а одна датируется V в. до н.э. или более поздним временем.

дарства был еще и обожествлен (к этому пункту я вернусь в конце данной статьи)⁸². Во-вторых, здесь существовало святилище богини Орфии, в котором имели место ритуалы плодородия. Будучи финикийским по происхождению и изначально являвшийся, вероятно, празднованием священного брака ближневосточной богини Ашеры-Танит (по-гречески Астарта. – А.З.) со смертным героем, этот культ получил в Спарте гораздо большее значение, нежели где-либо еще в Греции⁸³. Судя по всему, много позже Ашера слилась с Артемидой в образе Артемиды Орфии⁸⁴.

Согласно поздним свидетельствам, спартанцы в какой-то момент своей истории ввели культы и установили алтари для целого ряда абстрактных идей и эмоциональных переживаний: это были Страх, Стыд, Сон, Смерть, Смех, Эрос и Голод. Алтари подобным божествам можно было отыскать только в Спарте, и это – очевидный пример развития новых религиозных форм, которые были специально приспособлены для поддержания особого спартанского социального этоса⁸⁵. Также лишь поздние источники рассказывают нам о том, что перед сражением, спартанцы приносили жертвы Музам и Эросу⁸⁶. Впрочем, имеется надежное свидетельство классической эпохи, согласно которому одни лишь спартанцы почитали Менелая и Елену в качестве богов⁸⁷. Точно так же и Гилаира и Феба, дочери легендарного мессенского правителя Левкиппа, почитались как богини только в Спарте. Они были похищены Кастором и Полидевком, стали их супругами и были известны под именем Левкиппид, как и те спартанские девушки, которые в качестве жриц служили им. Имелось также отдельное святилище их сестры, Арсиной⁸⁸.

Переходя от богов к героям, нужно отметить, что здесь картина столь же необычна. В действительности каждый город имел своих особых местных героев, и Спарта в этом отношении не была исключением. Так, например, мы находим героические культы Тесея в Афинах, Ипполита в Трезене, Агамемнона и его супруги Александры/Кассандры в Спарте⁸⁹. И все же спартанская склонность к сооружению

82 В самом деле, когда в одной относительно недавней книге о культе героев утверждается, что «в архаический период культ божества, видимо, также предоставлялся смертным в качестве более возвышенной альтернативы героическому культу», то единственный пример, который смог привести автор – это именно Ликург (*Currie B. Pindar and the Cult of Heroes. Oxford, 2005. P. 192*).

83 См.: *Carter J. The Masks of Ortheia // AJA. 1987. Vol. 91. P. 355–383; idem. Masks and Poetry in Early Sparta // Early Greek Cult Practice. P. 89–98* – эти работы очень важны, хотя выводы их спорны.

84 См.: *Carter J. The Masks of Ortheia. P. 374–375* и *Richer N. The Religious System at Sparta. P. 238*; авторы этих работ обращают внимание на то, что имя «Артемиды Орфия» впервые встречается в лаконских надписях только в I в. н.э. Впрочем, С. Ходкинсон (*Hodkinson S. Property and Wealth. P. 300, not. 30*) вслед за М. Пипили (*Pipili M. Laconian Iconography. P. 44*) относит объединение этих богинь к VI в. до н.э., приходя к этому выводу на том основании, что среди свинцовых фигурок, найденных в святилище Орфии, есть изображения богини с луком или с оленем. Посвятительная надпись из Мессины показывает, что культовое имя «Артемиды Орфия» использовалось как минимум во второй половине III в. до н.э. (*Themelis P. G. Artemis Ortheia at Messene. P. 101*).

85 См.: *Richer N. Aidōs at Sparta // Sparta: The New Perspectives. P. 91–115* и *idem. The Religious System at Sparta. P. 248–249* – автор замечает, что «сакрализация спартанцами эмоциональных состояний, как кажется, установила очень действенный механизм этического контроля» (P. 248). Согласно Плутарху (*Cleom. 9*), «лакедемоняне имели святилища не только Страх, но также Смерти, Смеха и других подобных душевных страстей». Возможно, эти культы были введены стоическим философом Сфером, который в 227 г. до н.э. помогал Клеомену возродить (или, скорее, изобрести заново) спартанский образ жизни? (О влиянии Сфера в Спарте см.: *Flower M. A. The Invention of Tradition.*) Однако Плутарх, следует заметить, исходил из того, что святилище Страх существовало еще до проведения клеоменовских реформ (*Cleom. 8*).

86 См.: *Plut. Mor. 221a, 238b, 458e; Лус. 21. 4* («Пред битвой царь приносил жертвы Музам»); а также: *Athen. XIII. 561e*, и разбор этого места: *Jameson M. H. Sacrifice before Battle // Hoplitae: The Classical Greek Battle Experience / V.D. Hanson (ed.). London, 1991. P. 224, not. 26*.

87 См.: *Hdt. VI. 61; Paus. III. 19. 9*; а также: *Isocr. Helenae encom. 63* (Исократ явно имеет в виду, что одна лишь Спарта почитала их таким образом). Н. Рише (*Richer N. The Religious System at Sparta. P. 237*) приводит важнейшую библиографию по этой теме.

88 *Paus. III. 16. 1* и *III. 12. 8* соответственно.

89 О почитании Агамемнона и Александры/Кассандры в Амиклах см.: *Lycophr. Alexandra. 1123–1125* и *Paus. III. 19. 6*; о посвящениях этим героям см. также: *Salapata G. Laconian Votive Plaques with Particular Reference to the Sanctuary of Alexandra at Amyklai. Diss. University of Pennsylvania, 1992; idem. The Lakonian Hero Reliefs in the Light of the Terracotta Plaques // Sculpture from Arcadia and Laconia / O. Palagia and W. Coulson (eds.). Oxford, 1993. P. 189–197*. Павсаний, следует заметить, говорит о святилище (ἱερόν) и культовой статуе (ἄγαλμα) Александры, а применительно к Агамемнону лишь о гробнице. Предполагается, что Павсаний рассматривал ее в качестве богини (не героини), а Агамемнона – в качестве героя. Тот же автор упоминает (*III. 26. 5*) храм (ναός) Александры в лаконском городе Левктры, находившемся на северо-западе полуострова Мани.

алтарей для исторических деятелей (даже совсем недавнего прошлого) не могла не удивлять сторонних наблюдателей, будучи каким-то необычным расширением той практики, в рамках которой остальные греческие общины иногда учреждали культы в честь своих основателей или выдающихся атлетов-победителей, но главным образом – в честь героев незапамятных времен⁹⁰. Так, Павсаний упоминает *героон* (святилище в честь героя) Киниски, сестры царя Агесилая II (III. 15. 1), *героон* жившего в середине VI в. до н.э. эфора Хилона (III. 16. 4), а также другой *героон* в честь одного или, может быть, нескольких мужей, которые вместе с Дориеем участвовали в злосчастном походе на Сицилию в 510 г. до н.э. (III. 16. 4; текст испорчен). Павсаний даже утверждает (III. 12. 9), что существовало святилище (*ἱερόν*) Марона и Алфея – двух бойцов, которые при Фермопилах сражались лучше всех (не считая Леонида). Это странно, поскольку термин *ἱερόν* обычно использовался для обозначения места поклонения богу, а не герою. Но, быть может, Павсаний думал, что их почитали не как героев, а как богов? В самом деле, он прямо заявляет, что атлету Гиппосфену, жившему в VII в. до н.э., поклонялись как богу (III. 15. 7): «Имеется храм (*ναός*) Гиппосфена, который одержал многочисленные победы в борьбе. Поклоняются же они Гиппосфену по повелению оракула, воздавая ему такой же почет, как и Посейдону»⁹¹.

При работе с этими свидетельствами следует соблюдать осторожность, поскольку ко времени Павсания и Плутарха Спарта уже превратилась в своего рода «Диснейленд-на-Евротее», популярное место для римских туристов. Так что в некоторых случаях возникает подозрение, будто то, что мы видим в Павсаниевом путеводителе по городу, на деле было изобретено в римский или эллинистический период⁹². В некоторых случаях это легко доказуемо⁹³. Однако, исходя из общерахеологической точки зрения, в течение архаического и классического периодов Лакония являлась зоной, исключительно богатой святилищами героев, если судить по широкому распространению вотивных каменных «героических рельефов» и терракотовых расписных рельефных плит (на которых изображены сидящие мужские и женские фигуры, либо вместе, либо раздельно)⁹⁴. Более того, существование святилища Хилона почти определенно удостоверяется фрагментом мраморного «героического рельефа», который бесспорно являлся вотивным приношением этому человеку, поскольку на нем есть надпись «[X]илон» (отсутствует только греческая буква *χι*)⁹⁵. Но в самом ли деле спартанцы чтили Киниску как героиню после ее смерти, или же это плод ностальгического воображения гораздо более позднего времени? Возможно, ее статус первой женщины, завоевавший венок победителя в Олимпии (в состязаниях

90 Р. Паркер (*Parker R. Spartan Religion* P. 147–148) преуменьшает значение этой спартанской практики. О культе героев в Греции см.: *Currie B. Pindar and the Cult of Heroes*, а также краткое рассмотрение вопроса с соответствующей библиографией: *Boedeker D. Athenian Religion in the Age of Pericles // The Cambridge Companion to the Age of Pericles / L. Samons (ed.). Cambridge, 2007. P. 51–52*. В Афинах V в. до н.э. павшие на войне удостоивались особых почестей, которые внешне были неотличимы от почестей, воздававшихся собственно героям, однако погибшие на войне никогда «героями» не назывались и, вероятнее всего, не рассматривались как таковые (см.: *Parker R. Athenian Religion. P. 35–37*).

91 Позднее Павсаний сообщает (V. 8. 9), что Гиппосфен на 37-й Олимпиаде (632 г. до н.э.) победил в борьбе в состязаниях для мальчиков. Он также побеждал в борьбе в Олимпии в 624, 620, 616, 614 и 610 гг. до н.э. О его культе см.: *Hodkinson S. An Agonistic Culture? Athletic Competition in Archaic and Classical Spartan society // Sparta: New Perspectives. London, 1999. P. 165–167* – автор предполагает, что этот культ был учрежден в V в. до н.э. Для более ранней библиографии см.: *Currie B. Pindar and the Cult of Heroes. P. 136*, и там же прим. 100.

92 С. Рафтопулу (*Raftopoulou S. New Finds from Sparta // Sparta in Laconia / W. G. Cavanagh and S. E. C. Walker (eds.). London, 1998. P. 134*) полагает, что Павсаний ошибочно принимает двухэтажные гробницы, являвшиеся типичными для Спарты (от архаики до эллинизма), за *герооны*; однако см. сомнения Ходкинсона (*Hodkinson S. Property and Wealth. P. 239; 264, note 13*) относительно существования двухэтажных гробниц до эпохи эллинизма. В любом случае, Павсанию кто-то должен был сообщить, что *герооны*, которые он описывает, предназначались для некоторых особенных лиц (таких как Киниска).

93 Два очевидных примера: мраморный театр (Paus. III. 14. 1) и гимнасий, построенный Гаем Юлием Евриком (Paus. III. 14. 6); по поводу других примеров см.: *Cartledge P. A., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. London, 1989. P. 127–142*. Знаменитый Персидский портик по прошествии длительного времени был переделан, и можно предположить, что скульптурные колонны в форме фигур Мардония и Артемисии появились уже в постклассическую эпоху (Paus. III. 11. 3).

94 См.: *Salapata G. Laconian Votive Plaques; idem. The Lakonian Hero Reliefs* – автор показывает, что серия каменных «героических рельефов», если ее интерпретировать в связке с терракотовыми плитами, обнаруженными в Амиклах и в некоторых иных местах – это вотивные приношения героям – как мифическим (например, Агамемнону), так и героизированным смертным (например, Хилону).

95 *Fortsch R. Kunstvenvendung und Kunstlegitimation im archaischen und frühklassischen Sparta. Mainz, 2001. S. 218*, примеч. 1840, 1842.3, Abbl. 210–211.

квадриг в 396 и повторно в 392 г. до н.э.) обеспечивал достаточную причину для почитания ее таким способом сразу после ее смерти⁹⁶.

Не менее удивительным является тот известный факт, что спартанские цари получали посмертные героические почести. Ксенофонт в «Греческой истории» (III. 3. 1) замечает, что когда в 400 г. до н.э. хоронили царя Агиса, «ему оказали более величественные почести, чем обычно воздаются мертвым». Тот же автор в «Лакедемонской политике» заканчивает свой обзор царской власти указанием на то, что он считает специфически спартанским: «Что касается почестей, воздаваемых умершему царю, законы Ликурга желают сделать совершенно ясным, что цари лакедемонян чтутся не как смертные, но как герои» (Xen. *Lac. pol.* 15. 9). Нигде более в греческом мире не найти нормативного эквивалента «той полубожественности, которая выделяла спартанских царей»⁹⁷. Аристотель характеризовал царей как потомственных военных предводителей, «которым также были переданы вопросы взаимоотношений с богами» (*Pol.* 1285a3–10). У Ксенофонта находим похожее наблюдение (*Lac. pol.* 15. 2; ср.: 13. 11): «Ликург поручил царю совершать все общественные жертвоприношения, делаемые за счет города, поскольку тот происходил от бога [т.е. Зевса], и вести войско туда, куда бы город его ни посылал». Но даже эти утверждения не до конца отражают реальную ситуацию, поскольку объем сакральной власти, которой были наделены спартанские цари, являлся огромным по греческим стандартам. Следует подчеркнуть, что и Геродот, и Ксенофонт считают данный аспект спартанской культуры аномальным. Мало того, что Спарта оказывается единственным греческим государством, обеспечившим Геродота этнографическим материалом в его «Истории» (VI. 56–60), он еще и обращаясь к религиозным прерогативам царей, подчеркивает (VI. 58), что параллели их пышным похоронам следует искать в варварских странах⁹⁸. Более того, каждый из двух царей назначал должностных лиц, называвшихся *пифиями*, в чьи обязанности входило отправляться с посольством в Дельфы; тексты полученных оракулов свято хранились царями, хотя *пифии* также знали их содержание (VI. 57). Исполнение царями важнейших жреческих обязанностей, обоснование их правления тем, что они происходят от Зевса, а также их жесткий контроль за публичными формами предсказаний имеет гораздо больше сходства с сакрально-политической властью ближневосточных монархов, чем с положением магистратов в других греческих городах⁹⁹. Обожествление Ликурга в сочетании с героизацией царей и других добившихся особого успеха лиц было, кроме всего прочего, еще и эмоционально насыщенным и – в городе с небольшим количеством памятников – необычайно наглядным способом легитимации всей системы. Вообще говоря, спартанцы стремились контролировать не только членов своей общины, но и другие социальные группы в Лаконии и даже иные греческие государства путем создания и тщательной разработки образа своего благочестия, которое обосновывало наличие у них особых отношений с высшими силами.

Взаимопроницаемость таких категорий как «смертный», «герой» и «бог», а также легкость перехода от одного к другому в Спарте были выражены более отчетливо, нежели в других общинах доэллинистической Греции. Это наблюдение, возможно, приближает нас к пониманию одного из самых необычных нововведений в эллинской религии. Речь идет о предоставлении самосцами божественных почестей Лисандру в 404 г. до н.э.¹⁰⁰ Кроме того, это, по всей видимости, помогает объяснить,

96 О Киниске см.: *Pomeroy S. Spartan Women.* Oxford; New York, 2002. P. 21–24, и особенно: Paus. VI. 1. 6.

97 Здесь мы используем удачное выражение Паркера (*Parker R. Spartan Religion.* P. 152). В целом см.: *Cartledge P. A. Agesilaos and the Crisis of Sparta.* Baltimore, 1987. P. 331–343; также обратите внимание на: *Toher M. Greek Funerary Legislation and the Two Spartan Funerals // Georgica: Greek Studies in Honor of George Cawkwell.* London, 1991. P. 159–175; *idem.* On the Eidolon of a Spartan King // *RhM.* 1999. Bd 142. P. 113–127. Меня не убеждают аргументы М. Липки, пытающегося доказать, что спартанские цари не героизировались после смерти (*Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution: Introduction, Text, Commentary.* Berlin, 2002. P. 247–251); также я не принимаю его перевода «Лакедемонской политики», 15. 9.

98 На что обращает внимание Картледж (*Cartledge P. Sparta and Lakonia: A regional history 1300–362 BC.* London; Boston; Heley, 1979. P. 233). (Об определенном параллелизме между спартанскими царскими погребальными ритуалами и соответствующими обрядами у скифов в описаниях Геродота см.: *Зайков А.В. Спарто-скифские параллели в античной литературе и вопрос о причинах их появления // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 18. – А.3.*)

99 Именно цари гадали по жертвам, когда отправлялись из Спарты во главе войска (Xen. *Lac. pol.* 13). О них как жрецах Зевса Лакедемонского и Зевса Урания см.: *Hdt.* VI. 56. О власти по божественному праву см. фрагменты 2 и 4 Тиртеевой поэмы «Евномия» (West), а также Thuc. V. 16. 2.

100 *Plut. Lys.* 18. Согласно Плутарху, самосский историк Дурид (= FrGrHist 76 F 71) говорил о Лисандре так: «Он был первым греком, которому города воздвигали алтари и приносили жертвы как богу, первым, кому они пели пеань». Плутарх добавляет: «Самосцы постановили, чтобы праздник Геры (Герей), назывался теперь Лисандрями»; а в 1964 г. на Самосе была найдена надпись, говорящая о том, что некий человек четырежды победил в панкратионе на лисандриях (см.: *Ha-*

почему фасосцы около 394 г. до н.э. предложили Агесилаю установить его культ – честь, которую он, в отличие от Лисандра, не принял¹⁰¹. В Спарте Гиакинф, Менелай, Ликург и Гиппосфен были обожествленными смертными, или, быть может, смертными, воспринимавшимися одновременно и как боги, и как герои, тогда как Хилон, Киниска и спартанские цари были смертными, ставшими после смерти героями. Неясно, был ли Гиакинф героем, так как приношения делались на его могиле внутри Аполлонова алтаря, или же все-таки богом, так как его апофеоз был изображен на том же самом алтаре¹⁰².

На более низкой ступени находились святые женщины и жрецы, то есть те, кто после смерти воспринимался одновременно и как смертные, и как герои. Кроме того, согласно и Платону, и Аристотелю, у спартанцев существовал обычай называть того, кем они восторгались, «богоподобным мужем» (θεῖος ἀνὴρ)¹⁰³. Самосцы, видимо, знали об этом, полагая, что их в высшей степени необычный дар окажется приемлемым для Лисандра; другими словами, они давали себе отчет в том, что спартанцы имеют не столь строгие взгляды относительно границ, отделяющих человеческое от божественного, нежели другие эллины. Впрочем, обожествление Александра Великого (состоявшееся, очевидно, уже при его жизни), а не Лисандра создало новый прецедент и сформировало новое отношение к данному вопросу в греческом мире¹⁰⁴.

Спартанская религия и спартанский успех

Быть может, самым удивительным в спартанской истории является даже не то, что они в Пелопоннесской войне победили более предприимчивых и гораздо более богатых афинян, сколько то, что они избегали жестокой внутренней смуты и революции начиная с середины VII в. до н.э. (традиционная современная датировка «Ликурговых» реформ) и вплоть до «революционных» царей Агиса IV и Клеомена III во второй половине III в. до н.э. Период внутренней стабильности, продолжавшийся, таким образом, около 400 лет, не имеет параллелей в греческом мире, да и вообще непросто найти сопоставимый пример в какую бы то ни было историческую эпоху. Например, история двадцатого века (и двадцать первого пока еще также) показывает, что тоталитарные государства обычно существуют недолго, два или три поколения. Было бы анахронизмом приклеивать к Спарте ярлык «тоталитаризма», однако степень государственного контроля над всеми сторонами жизни граждан, от колыбели до могилы, была гораздо выше, нежели в любом другом греческом полисе. В одной более ранней работе я попытался объяснить спартанский успех, обратившись к целому ряду факторов, отвечающих за долговременную стабильность этого государства¹⁰⁵. Но важнейшим фактором является то, на что ни я, ни большинство других исследователей не обращали достаточного внимания, и что представляет собой такой элемент, которого не хватало тоталитарным государствам двадцатого века, и который кратко можно обозначить словом «религия».

bicht C. Gottmenschentum und griechische Städte. München, 1970. S. 3–7, 243–244, а также Flower M. A. Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult // CQ. 1988. Vol. 38. P. 131–133). Лисандр одобрял эти почести, если только можно верить рассказу о том, что он собственноручно увенчал венком поэта Никерата из Гераклеи, когда тот победил на Лисандриях (Plut. Lys. 18. 4).

101 Plut. *Apophthegm. Lak. Ages.* 25 (= Mar. 210d), а также: Flower M. A. Agesilaus of Sparta. Меня не убеждают доводы Б. Карри (Currie B. Pindar and the Cult of Heroes. P. 158–200) о том, что в честь Брасида и некоторых других греков еще при их жизни были учреждены какие-то культы, поскольку, как мне кажется, он вычитал в источниках гораздо больше того, что они в действительности сообщают.

102 Paus. III. 19. 1–5.

103 Plato. *Men.* 99d и Arist. *Nic. Eth.* 1145a28. Значение этих пассажей показано у Б. Карри (Currie B. Pindar and the. P. 172–175), который доказывает, что спартанцы, желая оказать Фемистоклу и Брасиду честь, обращались к ним как к θεῖοι ἀνδρες. Свидетельства, к сожалению, слишком неопределенные; например, Фукидид говорит о Брасиде (II. 25. 2), что тот «был первым из тех, которые в эту [Пелопоннесскую] войну заслужил похвалу в Спарте». Карри из этих слов делает далеко идущий вывод о том, что Брасид, как и другие выдающиеся люди, был провозглашен спартанцами божественным мужем – θεῖος ἀνὴρ.

104 Библиография безбрежна, но особенно отметим следующие работы: Badian E. The Deification of Alexander the Great // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson / H. J. Dell (ed.). Thessaloniki, 1981. P. 27–71; Bosworth A. B. Conquest and the Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 278–290; а также: Flower M. A. Theopompus of Chios. History and Rhetoric in the fourth century BC. Oxford, 1997. P. 258–261.*

105 Flower M. A. Revolutionary Agitation and Social Change in Classical Sparta // *Georgica. P. 78–97.*

Спартанская религия включала в себя набор последовательных, взаимосвязанных и взаимно усиливающих друг друга верований и установлений, которые вместе образовывали особую систему. Как таковая, она была уникальным образом приспособлена к спартанским социальным и политическим структурам; она укрепляла и узаконивала эти структуры, одновременно внедряя спартанские ценности и идеи. Спартанская религия была столь же уникальна в греческом мире, как и само спартанское общество (понимаемое в широком смысле). Фраза о том, что греческая религия была вкраплена в само греческое общество, стала уже общим местом. В случае со Спартой я бы пошел еще дальше и не ограничился одним лишь утверждением, что спартанская религия была вкраплена в спартанское общество, но заявил бы, что она была неразрывно связана со спартанским государством. В таком качестве она была одновременно и клеем, делавшим спартанское общество цельным, и маслом, смазывавшим ее составные части.

Но почему спартанская религия оказалась столь успешной в этой своей роли? Ее успех частично объясняется небольшим размером спартанского сообщества, при котором религиозные праздники могли обеспечить такую степень социального конформизма, которая совершенно недостижима в национальных государствах. В то же самое время ее успех был также связан с той ратификацией и легализацией, которую религиозная санкция давала законам и обычаям Спарты. Литературная традиция отнюдь не единодушна ни в вопросе о времени жизни Ликурга, ни в вопросе о том, какую же именно роль сыграл Аполлон Дельфийский в деле принятия законов Ликурга¹⁰⁶. Однако, в конце концов, не имеет особого значения, верили ли спартанцы, что его законы были санкционированы Аполлоном заранее, после их принятия, или же были прямо продиктованы богом, говорившим посредством своего оракула в Дельфах¹⁰⁷. Ибо любой из этих сценариев имеет один и тот же результат. Вся система в целом была предписана самим Аполлоном, а сами оракулы Аполлона были санкционированы Зевсом¹⁰⁸. Другими словами, даже если принимать буквально маловероятное утверждение Геродота (I. 65) о том, что «лакедемоняне говорили, что Ликург принес это [то есть наличную политическую и социальную организацию общества] с Крита», то это по-прежнему бы означало, что их законы санкционированы Аполлоном¹⁰⁹. В самом деле, «Законы» Платона начинаются с замечания, высказанного так, как если бы это была совершенно бесспорная истина, о том, что спартанцы считают Аполлона «виновником своего законодательства» (624a; ср.: 634e).

Ксенофонт осознает исключительную важность того, что Ликург «сделал не только непозволительным, но еще и нечестивым делом неповиновение законам, которые были возведены Пифийским богом» (*Lac. pol.* 8. 5). Авторитет Ликурга как законодателя, таким образом, был выше авторитета Солона, Ленина или Мао¹¹⁰. И этот авторитет подчеркивался тем фактом, что в какой-то момент спартанской истории (и это определено было так к тому времени, когда Геродот писал свою «Историю») Ликург

106 Плутарх (*Lyc.* 1) прекрасно осознавал, что его источники противоречат друг другу, а проблему датировки Ликурга считал неразрешимой уже Тимей (III в. до н.э.), выказавший догадку, что было два человека с этим именем. Источники также расходятся по вопросу о том, были ли законы прямо продиктованы из Дельф, ратифицированы заранее либо утверждены постфактум (имеются также комбинации этих вариантов); см.: Hdt. I. 65; Plut. *Lyc.* 5. 29; Xen. *Lac. pol.* 8. 5; Strabo. X. 4. 19 (цитирует Эфора); а также Diod. VII. 12. 2–4 (опирается на Эфора).

107 Ходкинсон, впрочем, подчеркивает роль человеческого фактора в предании, касающемся законов Ликурга: *Hodkinson S. The Imaginary Spartan politeia.* P. 265–256.

108 Об Аполлоне как представителе Зевса см.: Aesch. *Eumenid.* 17–19, 616–618.

109 См.: *Fehling D. Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art.* Leeds, 1989. P. 111–112; *Asheri D. A Commentary on Herodotus: Books I–IV.* Oxford, 2007. P. 127: «Критская теория – это появившееся в V в. до н.э. рационалистическое осмысление спартанского режима, основанное на том, что можно было бы назвать методом сравнительного критицизма... Геродот определенно симпатизирует критской теории и приписывает ее спартанцам, которые официально верили в происхождение своего строя из Дельф». О значении указаний на источники у Геродота см.: *Luraghi N. Local Knowledge in Herodotus' Histories // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.).* Oxford, 2001. P. 138–160 – автор доказывает, что эти указания не являются реальными ссылками. Если, впрочем, кто-то будет настаивать на том, что приведенная выше цитата – это подлинная ссылка на источник, то ему следует иметь в виду, что когда Геродот пишет «лакедемоняне говорят», это не обязательно означает, что это именно то, что современные Геродоту спартанцы в реальности говорили или думали. Как замечает К. Доувер (*Dover K. J. Herodotean Plausibilities // Modus Operandi. Essays in Honour of Geoffrey Richman / M. Austin, J. Harries, C. Smith (eds.).* London, 1998. P. 222), это может означать всего лишь то, что некто рассказал Геродоту, что какой-то лакедемонянин рассказал ему это, либо что какой-то лакедемонянин, с которым беседовал Геродот, сделал это заявление общего характера.

110 См., однако, *Holkeskamp K.-J. Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland.* Stuttgart, 1999. S. 45–48 – автор рассматривает примеры других греческих законодателей, которые имели божественные контакты.

начал почитаться в качестве бога и обзавелся собственным святилищем¹¹¹. Конечно, предпринимались попытки установить культы личности Ленина и Мао, и в отношении каждого из них осуществлялось квази-религиозное поклонение, однако эти проявления не имели санкции со стороны государственной религии¹¹². Они все же оставались людьми, а не богами, и их системы рассматривались как созданные людьми, а не высшими силами.

И тем не менее, законы Ликурга не были смирительной рубашкой, которая душила любое новшество и любую полемику. Поскольку эти законы не были записаны, в границах спартанских культурных ценностей и норм оставалось пространство для постоянных согласований. Проще говоря, именно божественная санкция всей политической и социальной системы Спарты, а также интеграция взаимно усиливающих религиозных верований и ритуалов сделали этот полис, говоря словами, приписываемыми Лисандру, «Акрополем Эллады»¹¹³.

111 Hdt. I. 65–66 и Plut. *Lyc.* 30. 4. Особенно важно свидетельство Страбона (VIII. 5. 5), поскольку он подтверждает Геродота: «Так вот, Гелланик говорит, что Еврисфен и Прокл упорядочили государство; но Эфор же упрекает [Гелланика] за это, говоря, что тот нигде не упомянул Ликурга, а его деяния приписывает тем, кто не имел к этому никакого отношения. В самом деле, [продолжает Эфор,] лишь одному Ликургу воздвигнуто святилище (ἱερόν) и ежегодно приносятся жертвы». Другие источники приведены здесь: *Wide S. K. A. Lakonische Kulte.* P. 281–283.

112 В Китае до сих пор некоторые люди поклоняются Мао и имеют для этого семейные алтари; об этом см.: *Lu Xing. Rhetoric of the Chinese Cultural Revolution: The Impact on Chinese Thought, Culture, and Communication.* Columbia, 2004. P. 147. Как хорошо известно, забальзамированное тело Ленина до сих пор находится в Мавзолее Ленина в Москве; о повсеместном распространении его образа и его сочинений в бывшем Советском Союзе см.: *Service R. Lenin: A Biography.* Harvard, 2000. P. 481–494 (следует иметь в виду, что автора этой биографии Ленина критикуют за фактологические ошибки, предвзятость и даже за фальсификации. – *А.З.*).

113 *Meiggs R. and Lewis D. A selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century BC.* Oxford, 1988. №95.

ОСТРАКИЗМ В ВЕЛИКОЙ ГРЕЦИИ И ЕГО КОНТЕКСТ

Проблемы истории и сущности остракизма достаточно давно находятся в центре внимания исследователей, и все это время имеется в виду практически исключительно афинский остракизм. Вместе с тем, с течением времени начала появляться и накапливается до сих пор информация также и о внеафинских процедурах остракизма¹. Из них наибольшее количество данных представлено для Западного Средиземноморья – Южной Италии, Сицилии, Северной Африки, что позволяет говорить об определенной репрезентативности результатов изучения данного феномена в регионе.

Основная проблема исследования внеафинских процедур остракизма сводится к выбору между двумя диаметрально противоположными трактовками их происхождения: считается, что остракизм в полисах региона был либо заимствован из Афин, либо почерпнут из иных, возможно собственных традиций. В подобной ситуации лишь детальное изучение исторического контекста, зачастую довольно широкого, помогает предположить справедливость той или иной из названных точек зрения и, соответственно, определить истоки и основное содержание данной политико-правовой процедуры в каждом конкретном случае.

* * *

Предметом нашего изучения будет регион Великой Греции, однако вначале в качестве примера следует упомянуть самый южный для Западного Средиземноморья, но типологически идентичный прецедент – Кирену. Трактовка найденных здесь археологами двенадцати острака, относящихся к одному периоду, в целом делится на две упомянутые гипотезы, от которых зависит также и хронологическая привязка введения и функционирования процедуры. Письменные источники, вообще весьма скудные для Кирены, не сохранили информации о местном остракизме. Исследовавший Кирену в течение многих лет археолог Лидиано Баккьелли опубликовал 12 острака, девять из которых были найдены в слоях эллинистического времени при раскопках агоры (вокруг круглого алтаря, датированного серединой V в. [здесь и далее все даты – до н.э.]; по данным стратиграфии, грунт был вторично использован для подъема уровня агоры), остальные три выявлены среди более ранних находок². Палеографически автор датирует острака второй половиной V в. и более точную датировку определяет на основании своей трактовки истории Кирены данного периода: после свержения монархии Баттиадов в 450-х – 440-х гг. в полисе установился олигархический режим, который существовал как минимум до 413 г. (когда киренцы поддержали спартанских гоппитов Гилиппа – Thuc.VII. 50). К 401 г. в результате гражданского конфликта в полисе произошла смена формы правления (Diod. XIV. 34. 4–6), и именно к этому времени относится фраза Аристотеля, что в Кирене была установлена демократия теми же методами, которыми воспользовался Клисфен в Афинах, желая усилить демократию (*Pol.* 1319b. 20–23). Следует отметить, что Л. Баккьелли, опираясь на упомянутое свидетельство Аристотеля, придерживался гипотезы о существовании в Кирене в рассматриваемый период афинского влияния значительно ранее обнаружения острака, определяя найденное им на агоре общественное здание второй половины V в. как место проведения демократического народного собрания и выявляя параллели этому зданию в известных строениях Афин данного периода³. Однако данная трактовка

1 В своей фундаментальной монографии об остракизме в Афинах И.Е. Суриков тщательно рассмотрел нарративные и эпиграфические свидетельства о внеафинском остракизме; этому вопросу целиком посвящено Приложение II «Остракизм и острака за пределами Афин» (Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 443–472).

2 Bacchielli L. L'ostacismo a Cirene // RFIC. 1994. Vol. CXXII. 1994. P. 257–270.

3 Bacchielli L. Modelli architettonici a Cyrene durante il regime democratico // Cyrene in Antiquity / G. Barker, J. Lloyd, J. Reynolds (eds.). Oxford, 1985. P. 1–14.

событий, и прежде всего датировка фрагмента Аристотеля, не абсолютна. Так, Э. Робинсон относит упомянутый фрагмент к реформам Демонакта в Кирене, датируемым ок. 550 г.⁴, Дж. О'Нил и И.Е. Суриков полагают, что введение остракизма последовало сразу за свержением монархии Баттиадов⁵, а С. Аппельбаум считает, что введение демократии клисфеновского типа, а также иные действия, свидетельствующие о тесных контактах Кирены с Афинами (например, участие в Панафинеях) следует датировать временем ок. 375 г.⁶ Особо следует отметить гипотезу Б. Митчелл, которая, опираясь на рассказ Диодора о стасисе в Кирене ок. 401 г.⁷, полагает, что режим в полисе с этого момента стал более либеральным, но не радикально демократическим (поскольку в полис вернулись представители умеренной олигархии οἱ χαρίεσται), и новые демократические изменения произошли только в начале IV в.: об этом, по мнению исследовательницы, свидетельствует фраза из текста «Стелы основателей»: ὁ δ[ι]μος ἐτύχηι ὁ Κυραναίων (сткк. 3–4). Именно к этим изменениям Б. Митчелл относит упомянутый выше фрагмент Аристотеля; при этом автор подчеркивает, что после свержения монархии Кирена ориентировалась более на Спарту, чем на Афины. Политика Кирены в период Пелопоннесской войны была проспартанской, и эта тенденция сохранялась в IV в., о чем свидетельствует упоминание пяти эфоров и герусии в киренской надписи 321 г.⁸ Таким образом, поскольку Аристотель не говорит прямо о заимствовании остракизма у Афин, а лишь замечает схожесть методов у Клисфена в Афинах и в Кирене, следует согласиться с большей частью исследователей о сомнительности прямого афинского влияния при введении данной процедуры в Кирене.

* * *

Подобный разброс трактовок характерен для всех внеафинских примеров, в том числе и того единственного, история и сущность которого довольно подробно описана в письменных источниках – для сиракузского петализма.

Известие о попытке установить тиранию в Сиракузах постдейноменидской эпохи датируется 454/3 г. Диодор (XI. 86. 4–5) сообщает, что некто Тиндарида, весьма храбрый человек, снижал популярность среди бедняков (τῶν πενήτων), вероятно, демагогией и деньгами; очевидно, он был богат, поскольку содержал (σφματοποῖον) упоминаемый далее отряд, а намек на его храбрость и смелость, вероятно, относится не только к описываемым событиям, но и к его предыдущей жизни, не исключено – карьере военного. Из этих бедняков он создал себе отряд телохранителей (δορυφόρους) – вполне типичное предприятие для претендентов на тираническую власть⁹. Скорее всего, так же рассуждали и представители правящих кругов (Диодор прямо пишет, что Тиндарида был готов установить тиранию), поскольку они заподозрили Тиндарида в намерении захватить высшую власть (δυναστεία). В результате Тиндарида был предан суду и осужден на смерть, однако после ареста Тиндарида его сторонники фактически подняли мятеж. Объединившиеся сторонники существующего строя смогли подавить выступление, а участники мятежа были схвачены и казнены вместе с Тиндаридом. После этих событий в Сиракузах для предотвращения попыток установления тирании был введен петализм (πεταλισμός, от πετάλον – листа оливы, служившего бюллетенем для голосования).

Для того, чтобы определить, каким государственным органом использовался столь мощный институт политической борьбы, рассмотрим историю конституционного устройства Сиракуз.

4 *Robinson E. W.* The First Democracies. Early Popular Government Outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 105–107.

5 *O'Neil J. L.* The Origin and Development of Greek Democracy. Lanham, 1995. P. 170–171; *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. С. 468.

6 *Applebaum S.* Jews and Greeks in Cyrene. Leiden, 1979. P. 35–36.

7 В результате прихода к власти группировки под руководством Аристана было убито 500 οἱ δυνατότατοι, а многие οἱ χαρίεσται были изгнаны; изгнанники наняли 3 тыс. мессенцев и подступили к Кирене, однако взять город не смогли, причем в сражении погибли практически все мессенцы, но и обороняющиеся понесли тяжелые потери; в результате обе стороны пришли к согласию и восстановили совместное проживание в Кирене (Diod. XIV. 34. 4–6).

8 *Mitchell B.* Cyrene: Typical or Atypical? // Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). Oxford, 2000. P. 100–102.

9 Не считая хрестоматийного примера Писистрата в Афинах, многочисленные сюжеты из истории сицилийских тиранов архаической эпохи см. в: *Высокий М. Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V вв. до н.э. СПб., 2004.

Высшим конституционным органом со времени основания Сиракуз было собрание (именовавшееся ἔσκλητος) «лучших» (τῶν ἐξόχων – Hesych. s. v. ἔσκλητος)¹⁰, т.е. гаморов¹¹. Данное конституционное устройство просуществовало как минимум до 604–596 гг., когда к моменту прибытия в Сиракузы поэтессы Сапфо гаморы держали власть в своих руках (Marm. Par. 36)¹².

О первом крупном конституционном изменении в Сиракузах сообщают Аристотель и Плутарх: в середине VII в.¹³ из-за ссоры на почве ревности двух молодых людей в Сиракузах произошел переворот (Arist. Pol. V. 1303b 17–26; Plut. Praec. reip. ger. 825 c– d). Оба молодых человека происходили из сословия граждан, исполнявших должности (ἐν ταῖς ἀρχαῖς ὄντων), т.е. гаморов. В результате их ссоры сословие, осуществлявшее управление государством, раскололось на два враждебных лагеря. В результате распри государственное устройство изменилось, и аристократия была ниспровергнута (τὴν ἀριστήν πολιτείαν ἀνέτρεψαν). Учитывая описание событий начала VI в. в Сиракузах (о которых см. далее), а также недвусмысленное указание «Паросской хроники» (36), следует констатировать, что сословие гаморов сохранило свою власть, а значит сохранился и конституционный орган ἔσκλητος. Тем не менее, указание Аристотеля на ниспровержение аристократического государственного устройства требует объяснения, и традиционная трактовка о включении в состав сословия гаморов вместо изгнанных Милетидов состоятельных представителей других слоев сиракузского общества¹⁴ позволяет это сделать лишь отчасти. Поэтому стоит обратить особое внимание на упоминаемое Плутархом в связи с этими событиями (Praec. reip. ger. 825 c– d) βουλή, которая вряд ли является советом глав родов, существовавшим наряду с ἔσκλητος, как его трактуют некоторые исследователи¹⁵. Судя по тексту Плутарха, этот совет существовал еще до начала смуты (один из старейших граждан, видимо, магистрат, обратился в него – или даже созвал его? – в самом начале распри, дабы предотвратить ее эскалацию), и обладал (или, что более вероятно, стал обладать) значительными правами – в частности, правом изгнания граждан. По всей вероятности, декларируемое Аристотелем ниспровержение аристократического государственного устройства выразилось в расширении полномочий βουλή, возможно, в ущерб полномочиям ἔσκλητος.

Для уточнения правовой ситуации в Сиракузах в рассматриваемый период следует остановиться на рассказе о процессе над Агафоклом, датируемом первой четвертью VI в. (Diod. VIII. 11)¹⁶. Перед судом

10 Гесихий в своем определении не дает хронологической привязки, однако большинство исследователей справедливо трактуют его как орган власти гаморов и, следовательно, относят его возникновение ко времени основания колонии (подробнее см. Ghinatti F. Assemblée greche d'Occidente. Torino, 1996. P.55-56).

11 Подробнее о конституционном устройстве ранних Сиракуз см.: Высокий М.Ф. Древнейшее греческое право на Сицилии // Древнее право. 2002. Вып. 1 (9). С. 57–62. Гесихий определяет гаморов как тех, которые «трудятся на земле или по жребию получили участок земли или которые на основе земельного ценза управляют общественными делами» (s. v. γαμόροι). Судя по первому и второму определениям, сословие гаморов представляло собой сословие потомков первых поселенцев: тех, которые получили по жребию земельные наделы (ср. рассказ о коринфянине Эфиопе, который во время экспедиции для основания Сиракуз продал приятелю за медовую лепешку земельный надел, который должен был получить по жребию в Сиракузах, – Athen. IV. 63. 67d), и которые сами эту землю обрабатывали (по крайней мере, первое время – впоследствии для этого использовались киллирии, особая многочисленная категория сиракузского несвободного населения, являвшаяся покоренными сикулами).

12 В «Паросской хронике» прибытие Сапфо в Сиракузы расположено между двумя событиями, датированными 604 и 591 гг. Однако «Хроника» Евсевия датирует поэтический «расцвет» Сапфо 600–597 гг., поэтому большинство современных исследователей определяют ссылку Сапфо в Сиракузы между 604 и 596 гг. (Ярхо В.Н. Эпос. Ранняя лирика. М., 2001. С. 270). Нужно отметить, что некоторые исследователи, опираясь на новую датировку архонтата в Афинах Крития I, упомянутого в указанном параграфе «Хроники», соотносят датировку данного параграфа с основанием Касмен в 644 г. (Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag, 1929. S. 48; Consolo Langer S. N. Un imperialismo tra democrazia e tirannide. Siracusa nei secoli V e IV a. C. Roma, 1997. P. 4–5). По нашему мнению, подобная датировка вызывает сомнения: архонтат Крития обычно датируется 590-ми годами, он был современником Солона и даже упоминается в одном из его стихотворений (fr. 22a West). Кроме того, в данном случае датировка по году, непосредственно зафиксированному в «Хронике», надежнее, чем датировка относительная (ср. Jacoby F. Das Marmor Parium. Leiden, 1962. S. 100).

13 О датировке и трактовке данных событий подробнее см. Высокий М. Ф. История Сицилии. С. 356–357.

14 Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. S. 48–52; Dumbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948. P. 57–58; Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 194–195.

15 Ghinatti F. Assemblée greche d'Occidente. P. 55. Имеется в виду более узкий круг представителей аристократии, ее высший слой.

16 Подробнее о данном сюжете см.: Высокий М. Ф. История Сицилии. С. 262–264.

гаморов предстал один из высших магистратов (ἐπιστάτης), которого за серьезное преступление (либо обвинение в святотатстве, подтвержденное реакцией божества – удар молнии и пожар дома, либо обвинение в хищении государственного имущества) приговорили к конфискации имущества в пользу полиса.

Таким образом, в рассматриваемую эпоху в Сиракузах функционировало два конституционных органа управления с различными полномочиями. Аристократический ἑσκλητος гаморов имел законодательные функции, осуществлял управление полисом (ср. Diod. X. 28. 1), утверждал (избирал?) должностных лиц (ταῖς ἀρχαῖς). Кроме того, он обладал судебными полномочиями (не исключено, что только на преступления, которые можно объединить термином «государственные»): судебный процесс носил характер состязательности, обвиняемые или их представители имели возможность отстаивать свою позицию. Полномочия βουλή известны еще меньше. По всей видимости, речь идет о более широком представительстве граждан полиса, которое собиралось (созывалось одним из магистратов?) для решения наиболее значимых вопросов, возможно, с правом назначения (избрания?) отдельных магистратов. Также βουλή обладало рядом существенных полномочий, полученных, вероятно, в результате смуты середины VII в. – в частности, правом изгнания граждан.

Данное конституционное устройство Сиракуз просуществовало до начала V в. В 491 г. после разгрома сиракузских войск в битве у реки Гелор армией тирана Гелы Гиппократы и последующей осады Сиракуз в полисе вспыхнула смута, в результате которой олигархия гаморов была свергнута, а они сами были изгнаны в Касмены (Her. VII. 155; Diod. X. 26; X. 28. 1)¹⁷. Сутью конституционных изменений было включение неполноправных гражданских слоев (τὰ πλήθη, δημωτικῶς) и киллириев в состав полноправных граждан (Phot. s. v. κιλλικύριοι). Верховным конституционным органом Сиракуз, по всей видимости, стала экклесия (Diod. XI. 26. 5)¹⁸. Однако эта конституционная система была неустойчивой, в том числе и в законодательном отношении – во всяком случае, уже к 485 г. (вступлению в город Гелона Дейноменида) в Сиракузах царили беспорядок и анархия (Arist. Pol. V. II. 6. 1302b).

При тирании Дейноменидов основные формальные элементы конституционного устройства, по всей видимости, не претерпели существенных изменений. В 480 г. Гелон, очевидно, в качестве высшего магистрата, стратега-автократора, собрал экклесию¹⁹ вооруженных сиракузян. Собрание проходило в Сиракузах, и участие в нем принимали воины его армии, только что победившие карфагенян в битве у Гимеры и готовившиеся к переправе в Элладу для помощи грекам против персов (отправка, впрочем, была отменена, поскольку в Сиракузах получили известие о разгроме Ксеркса – Diod. XI. 26. 5). На собрании обсуждались вопросы военной и административной деятельности в полисе, были утверждены (избраны?) магистраты, пролонгированы полномочия Гелона как стратега-автократора, а также, видимо, он получил почетную должность архонта-басилея (Diod. XI. 26. 5–6; Polyae. I. 27. 1)²⁰. Эта экклесия сохраняла юридическую правомочность в течение всего периода правления Дейноменидов, о чем свидетельствуют найденные в Олимпии кадуцеи, датированные серединой 470-х гг. (т.е. временем правления Гиерона, преемника Гелона) с надписями Συρακοσίων δαμόσιον²¹. Таким

17 Подробнее о данных событиях см. *Высокий М. Ф.* История Сицилии. С. 143–145; 161–162.

18 Появление экклесии в Сиракузах относится к 480 г., т.е. периоду правления тирана Гелона, поскольку единственный датирующий это собрание источник, Диодор, относит его именно к этому времени (*Hüttl W.* Verfassungsgeschichte von Syrakus. S. 62; *Maddoli G.* II. VI ed il V secolo // *Storia della Sicilia / A cura di R. Romeo.* Vol. II/1. Napoli, 1979. P. 46). Однако, по нашему мнению, экклесия существовала ранее, с 491 г. (ср. аналогичное мнение: *Robinson E.* The First Democracies. P. 122). Судя по тексту Диодора, Гелон созывает собрание, приказав явиться туда вооруженными, т.е. он вносит новшество в уже существующий законодательный орган.

19 Трактовки полномочий этого Совета весьма разнообразны. Так, Дж. Мафодда считает, что это был высший конституционный орган государства (*La politica di Gelone dal 485 al 483 a.C.* // *Messina.* 1990. Vol. 1. P. 57. Not. 6), С.Н. Консола Лангер придерживается мнения, что народное собрание играло роль только консультативного органа (*Tra Falarido e Ducezio // Kokalos.* 1988–1989. Vol. XXXIV–XXXV. P. 243), а Ф. Гинагги трактует описанное Диодором и Полиеном событие как разовое собрание для одобрения представленного решения, без права принять какое-либо самостоятельное решение (*Assemblee greche d'Occidente.* P. 58).

20 Судя по упоминанию в источниках запрета Гиерона на публичные выступления (Hermogen. *Rhet. proleg.* 5), можно предположить, что не только инициатива созыва, но и сама процедура проведения народного собрания была ограничена утверждением/неутверждением вопросов, предложенных соответствующим магистратом (тираном или его представителем из числа архонтов).

21 *Hornbostel G., Hornbostel W.* Syracusanische Herolde // *Bathron. Beiträge zur Architektur und verwandten Künsten für H. Drerup zu seinem 80. Geburtstag von seinen Schülern und Freunden / H. Büsing, H. Friedrich (Hrsg.).* Saarbrücken, 1988. S. 233–240.

образом, функционировавший в первой половине V в. в Сиракузах орган государственного управления не претерпел изменений с 491 г. и являлся правопреемником традиционного сиракузского βουλή, в то время как ἑσκλητος, несмотря на возвращение гаморов в Сиракузы к 485 г. по инициативе Гелона Дейноменида (Her. VII. 155), так и не был восстановлен.

После свержения тирана Фрасибула Дейноменида в 466 г.²² начался новый этап конституционной истории полиса – в Сиракузах вместо тирании была установлена демократия (Arist. Pol. V. X. 3. 1316a). Скорее всего, выдвинувшиеся в период борьбы с Фрасибулом «предводители» (τοὺς ἡγήσομένους – Diod. XI. 67. 7)²³ вскоре после победы восстановили фактические полномочия экклесии по государственному управлению. И в рамках классических демократических процедур весьма значительную роль стала играть численность наемников (τοὺς ξένους), наделенных Гелоном правами гражданства – не менее 7 тыс. к описываемому времени (Diod. XI. 72. 3). По всей вероятности, в полисе возник конфликт, перешедший в 463/2 г.²⁴ в открытое противостояние: была созвана экклесия, на которой были внесены изменения в систему государственного управления (τῆς ἰδίας δημοκρατίας), сутью которых был отказ в допуске ко всем магистратурам для поселенцев Гелона. На эти должности могли претендовать лишь представители «исконных граждан полиса» (τοῖς ἀρχαίοις πολίταις – Diod. XI. 72. 2–3). Возможно, что к этим последним относились 600 отборных воинов (ἐπιλέκτοι), отряд которых особо отличился в победоносном для сиракузян сражении с поселенцами Гелона (XI. 76. 2)²⁵.

22 Подробнее о коротком правлении Фрасибула, его свержении и последующих событиях см.: *Высокий М. Ф.* История Сицилии. С. 243–250.

23 Скорее всего, речь идет о неформальных предводителях, таких, как упоминаемый при описании событий 414/3 г. Фукидидом протат демоса (VI. 35. 2) хотя происходили они, очевидно, из описываемых в 463/2 г. «исконных граждан полиса», среди которых значительную часть составляли гаморы.

24 Хронология событий в Сиракузах в 466–461 гг. несколько запутанна. Диодор твердо датирует свержение Фрасибула 466 г. (XI. 67. 1 – при архонте Афин Лисании и римских консулах Аппии Клавдии и Тите Квинкций Капитолине), что подтверждается перекрестными вычислениями, базирующимися на иных опорных датах (см. *Высокий М. Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. С. 345–346). Затем, подробно описав события правления и свержения Фрасибула (XI. 67–68), Диодор переходит к описанию событий в Персии, которые датирует 465 г. (XI. 69. 1 – при архонте Афин Лисифее и римских консулах Луции Валерии Публиколе и Тите Эмили Мамерке), в Элладе, которые датирует 464 г. (XI. 70. 1 – при архонте Афин Архедемиде и римских консулах Авле Вергинии и Тите Минуции, а также в год 79 Олимпиады, во время которой в «стадионе» победил Ксенофон из Коринфа), в Персии и Египте, которые датирует 463 г. (XI. 71. 1 – при архонте Афин Тлептолеме, римских консулах Тите Квинкций и Квинте Сервилии Структе). Возвращаясь в XI. 72 к сицилийским событиям, историк сообщает о созыве экклесии, установлении культа Зевса Элевтерия и внесении изменений в систему государственного управления, предваряя свой рассказ фразой, что этим событиям предшествовало свержение тирании Фрасибула (72. 2). В историографии сюжет об этой экклесии обычно датируется 463/2 г. (*Consolo Langer S. N.* Un imperialismo tra democrazia e tirannide. P. 52–53; *Asheri D.* Sicily, 478–431 BC // *САH*. 1992. P. 170–171), а Ш. Бергер резонно подчеркивает, что датировка последующего стасиса в полисе (боевых действий внутри Сиракуз, завершение которых Диодор датирует 461 г. – XI. 75. 1; 76. 1) пятью годами (т.е. 466–461 гг.) слишком продолжительна (*Berger Sh.* Revolution and Society. P. 37. Not. 187; автор подчеркивает, что под каждой из представленных Диодором для сицилийских событий дат могут быть собраны события нескольких лет). С другой стороны, известный исследователь античной демократии Э. Робинсон исходит из датировки данной экклесии («демократической революции в Сиракузах») 466 г., из чего выводит концепцию о противоречиях у Аристотеля при описании сиракузской демократии второй половины V в. (*Robinson E. W.* Democracy in Syracuse, 466–412 BC // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources* / E. W. Robinson (ed.). Oxford, 2004. P. 141–143). Для нас принципиально важно, что свержение Фрасибула и утвержденные экклесией изменения в системе государственного управления с очевидностью разведены Диодором во времени настолько, что их следует понимать как два разновременных события.

25 В 320/19 г. в Сиракузах зафиксирован «совет 600» (Diod. XIX. 5. 6) – высший государственный орган олигархических Сиракуз (XIX. 4. 3), в который входили «лучшие люди полиса» (χαριέστατοι τῶν πολιτῶν) (XIX. 6. 6). Не исключено, что наименование этого органа управления происходило от того отряда эпилектов, чья доблесть в битве 462/1 г. с поселенцами тирана Гелона была отмечена на государственном уровне. В пользу этого косвенно свидетельствует именование его членов тем же термином, каким именовались предводители расправы с Тинадридом и его сторонниками в 454/3 г. – χαριέστατοι τῶν πολιτῶν (XI. 86. 5). Подобные сопоставления в литературе трактуются по-разному. Так, С. Н. Консола Лангер, написавшая обстоятельную работу по проблемам конституционного устройства Сицилии в античную эпоху, выдвигает тезис о непрерывном (за исключением периодов тирании) функционировании в Сиракузах аристократическо-олигархического органа управления, от архаического ἑσκλητος до σύγκλητος римской эпохи (*Consolo Langer S. N.* Problemi di storia costituzionale siceliota // *Helicon*. 1969–1970. Vol. 9–10. P. 133–134), а Ф. Риццо, изучавший события второй половины V в. в Сиракузах, наоборот, считает, что упомянутые 600 эпилектов не имели каких-то особых прав и управленческих полномочий (*Rizzo F. P.* La repubblica di Siracusa nel momento di Dicezio. Palermo, 1970. P. 99–109). По нашему мнению, схожесть обстоятельств и терминологии может свидетельствовать скорее пользу преемственности, тем

Экклесия созывалась архонтами, которые, судя по описанию событий 451 г., определяли вопросы для обсуждения и принятия решения, прежде всего общегосударственного значения²⁶. Кроме коллегии архонтов²⁷, экклесией избиралась/утверждалась коллегия стратегов²⁸. Данная система функционировала вплоть до изменений, внесенных в связи с принятием «кодекса» Диокла в 412 г. (см. об экклесии в 413/2 г.: Thuc. VI. 72. 1–4)²⁹.

Как мы уже видели выше, в Сиракузах после свержения тирании Дейноменидов была установлена, по мнению Аристотеля, демократия (Arist. Pol. V. X. 3. 1316a). Однако в другом фрагменте, при описании примеров перехода одного государственного строя в другой, Стагирит сообщает, что в Сиракузах, после того, как была одержана победа над афинянами, государственной строй из политики превратился в демократию (V. X. 3. 1304a27). Таким образом, до 412 г. в Сиракузах существовал аристократический/олигархический способ правления.³⁰ Возникает вопрос, когда же он возник, если после 466 г. была установлена демократия³¹? По нашему мнению, эти изменения следует отнести к 463/2 г., когда

более что после свержения тирании Дионисия Младшего в 356 г. в Сиракузах с большой долей вероятности была восстановлена государственная система конца V в.

- 26 В 451 г. решали, что делать с Дукетием, предводителем сикулов (Diod. XI. 92. 2). Ср: в 415 г. обсуждались мероприятия на случай войны (Thuc. VI. 32. 3–41. 4); в 413 г. экстраординарно сократили в три раза численность коллегии стратегов и утвердили направление посольств в полисы Эллады (VI. 72–73. 1); тогда же решали судьбу пленных афинян (Diod. XIII. 19. 4–6).
- 27 Фукидид упоминает, что к 415 г. в Сиракузах действовал закон о возрастных ограничениях для молодежи при занятии должностей архонтов (VI. 38. 5).
- 28 Вплоть до должности стратега автократора, которую предлагал в 415 г. Гермократ (Thuc. VI. 72. 5). До 415 г. коллегия стратегов состояла из 15 членов (VI. 72. 4). Столь значительное количество членов коллегии объясняется, по всей видимости, тем, что они составляли некий «военный совет», который согласовывал оперативные планы действующего командования (ср. требования Гермократа к экклесии в 415 г. разрешить стратегам действовать по своему усмотрению – VI. 72. 5): вероятно, это именно те сиракузские власти, с которым Гермократ с трудом согласовывал свои действия против афинян (Thuc. VII. 73. 3). Из состава коллегии командующим войсками назначался (коллекцией или народным собранием) традиционно один стратег: в 453 г. для операции против этрусков назначен наварх Фаилл, замененный в следующем году стратегом Апеллой (Diod. XI. 88); в 451 г. в войне против сикулов Дукетия командовал стратег Болкон, замененный позже неназванным стратегом (XI. 91); в 412 г. общее руководство войсками осуществлял член коллегии Гермократ (Thuc. V. 73.1; VII. 73), а отдельно флотом командовали член коллегии Сикан и наварх Агатарх (Thuc. VI. 73. 1; VII. 70. 2); в 411 г. сиракузский экспедиционный корпус возглавлял Гермократ (Xen. Hell. I. 27); командовать союзными войсками, направленными в 406 г. против карфагенян на помощь Акраганту, сиракузяне назначили стратега Дафнея (Diod. XIII. 86. 4). В штате коллегии стратегов состоял секретарь (Dem. XX. 161; Polyaeus. V. 2. 2; Diod. XIII. 96. 4). После завершения боевых действий действующие стратеги должны были отчитываться перед экклесией по результатам своих действий (Diod. XI. 88; 91), причем это собрание мог вести один из членов коллегии стратегов (Thuc. VI. 41. 1). Данная система был изменена в 415–412 гг., когда в условиях агрессии Афин была избрана коллегия из 3 стратегов с чрезвычайными полномочиями, однако с весны 412 г. сиракузяне вернулись к прежнему порядку формирования коллегии стратегов (см. Scheele M. Strategos Autokrator. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des 5. u 4. Jahrhunderts. Leipzig, 1932. S. 34–36).
- 29 Кроме того, сиракузская система государственного устройства постдейноменидского периода сохранила такой орган самоуправления, как «собрание воинов», функционировавший при тирании (см. выше; неполнота источников не позволяет судить о том, существовала ли подобная практика до тирании Дейноменидов): в 411 г. Гермократ, командовавший сиракузским экспедиционным корпусом в Геллеспонте, получив известие об отставке всех стратегов и их изгнании из полиса, созвал собрание воинов для выбора временных военачальников, вплоть до прибытия новых стратегов (Xen. Hell. I. 1. 27–28). Скорее всего, это была экстраординарная процедура, используемая в случае необходимости, полномочия которой, как и при тираниях, распространялись на решение текущих военных вопросов и выборы/утверждение военачальников.
- 30 Согласно теории Аристотеля, полития – это господство социального слоя, отличающегося добродетелями, олигархия же характеризуется как нравственно испорченная, олигархи расхищают общественное достояние (Pol. III. X. 7. 1286b. 8–11). В другом месте Аристотель уточняет, что полития – это нечто среднее между демократией и олигархией, поскольку полноправным гражданами являются носящие тяжелое вооружение (IV. X. 8. 1297b. 1–2); полития – смесь олигархии и демократии (1293b. 33–34); см. подробнее Доватур А.И. Политика и политии Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 37–46.
- 31 Задавшийся этим же вопросом Э. Робинсон выдвинул гипотезу о противоречиях у Аристотеля. По его мнению, нет убедительных данных источников о переходе демократии, установленной в 466 г., в политию, вновь трансформировавшуюся в демократию в 412 г. Свидетельства Фукидида и Диодора лишь подтверждают демократичность государственного устройства Сиракуз до 415 г. По мнению Э. Робинсона, Аристотель в «Политике» и «Никомаховой этике» представляет политию и демократию как копии, хороший и плохой виды одного типа управления гражданского коллектива (τὸ πλῆθος). Поэтому, используя термин *полития* во фрагменте 1304a27, Аристотель имеет в виду, что в 412 г. законодательство изменилось благодаря демагогу Диоклу, введшему истинно демократический институт (избрание магистратов по жребию). Однако Аристотель нуждался в ином термине для описания более ранней демократии, и в его словаре видов конституционного устройства *полития* оказалась ближайшей по значению к *демократии* (Robinson E. Democracy in Syracuse, 466–412 BC. P. 142–143). Схожая трактовка упомянутых фрагментов Аристотеля представлена у Н. К. Раттера, который при исследовании данного

были внесены существенные коррективы в систему государственного управления, и магистратов стали избирать исключительно из числа «исконных граждан полиса». Методика этого избрания также носила аристократическо-ограничительный характер: судя по описанию «кодекса» Диокла, лишь в 412 г. был принят закон об избрании архонтов по жребию (Diod. XIII. 34. 6), соответственно, до того магистраты избирались/утверждались голосованием из кандидатур, предложенных архонтами либо иными влиятельными / знатными лицами, не занимавшими формальных постов³².

И теперь вернемся к событиям 454/3 г. В них ключевую роль сыграли «лучшие люди полиса», которые, собравшись вместе, подавили выступление и казнили захваченных восставших вместе с Тиндаридом (Diod. XI. 86. 5). Чисто военную сторону вопроса решил, по всей видимости, сформированный в 466 г. отряд 600 отборных воинов (XI. 76. 2), имевший прямое отношение к «исконным гражданам полиса», которые получили в 463/2 г. фактическую полноту власти, поскольку именно из их среды стали избираться все магистраты (XI. 72. 2–3). Здесь важно обратить внимание, что «лучшие люди полиса», собравшись вместе, не только сформировали военный отряд и захватили восставших, но и казнили их вместе с ранее официально арестованным Тиндаридом; при этом в данном фрагменте Диодор (точнее, часто цитируемый им Тимей из Тавромения, к которому и восходит данный фрагмент³³) ничего не пишет об участии в событиях экклесии. Иными словами, оперативное реагирование на ситуацию и судебную процедуру, какой бы упрощенной она ни была, осуществили «лучшие люди полиса», собравшись вместе, что подразумевает наличие некоего формального органа управления.

Таким образом, с определенной долей уверенности можно предполагать, что в результате реформы 463/2 г. в Сиракузах было восстановлено исконное конституционное устройство, существовавшее с середины VII в.: функционирование двух конституционных органов управления с различными полномочиями³⁴. Полномочия экклесии мы уже рассмотрели выше. Другой, аристократический орган³⁵ уже не назывался ἔσκλητος, поскольку вновь воссозданный «совет» не был непосредственно связан с сословием гаморов (ни гаморы, ни ἔσκλητος в дальнейшем в источниках не упоминаются). Возможно, что он стал именоваться συνέδριον³⁶, осуществлял оперативное управление полисом, обладал судебны-

периода сиракузской истории дистанцируется от хронологических проблем. По мнению исследователя, термин *демократия* у Аристотеля был «эластичным»: поскольку, по определениям философа, *полития* представляет собой комбинацию олигархических и демократических элементов, и различные варианты их сочетания формируют разные варианты государственного устройства, то аристотелевская классификация вариантов демократии широко трактуема и предположительна. Суть в том, что за 60 лет после падения тирании Дейноменидов в Сиракузах сформировалась ключевая черта античной греческой демократии – передача верховной власти в руки народного собрания, но кроме этого иные, уточняющие свидетельства отсутствуют. Единственное, о чем можно говорить – это что в полисе сохранились сильные олигархические традиции (Rutter N. K. Syracusan Democracy: “Most Like the Ateniān”? // Alternatives to Athens. P. 142–143; 150–151).

32 См. у Фукидида речь простата демоса Афинагора в 415 г. о жесткой политической борьбе за должности архонтов между представителями аристократических слоев и группами населения, которые представлял (или хотел представлять) Афинагор (VI. 38–40). Однако не исключено, что описываемая ситуация возникла позже 460-х гг., в 440-х гг. – как следствие обстоятельств, повлекших за собой отмену петализма (см. Diod. XI. 87. 4–6).

33 Meister K. Die Sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles. München, 1967. S. 54; Pearson L. The Greek Historians of the West. Timaeus and His Predecessors. Atlanta, 1987. P. 142.

34 После падения тирании в 466 г. в Сиракузах, по нашему мнению, было восстановлено конституционное устройство, существовавшее в 491–485 гг., с чем согласны не все исследователи. Так, С.Н. Консоло Лангер полагает, что после падения Дейноменидов аристократическо-олигархическое сословие восстановило свое правление в Сиракузах с помощью ἔσκλητος, аналогичному «совету Тысячи» в Акраганте (Consolo Langer S. N. Problemi di storia costituzionale siceliota. P. 134).

35 С. Н. Консоло Лангер пишет об аристократическо-олигархическом классе, пришедшем к власти после свержения Фрасибула (Un imperialismo tra democrazia e tirannide. P. 52); Ш. Бергер подчеркивает, что в полисе в данный период распространилось влияние аристократии (Berger Sh. Revolution and Society. P. 37–39), а Н. К. Раттер уточняет, что после свержения тирании Дейноменидов контроль над политической ситуацией сохранила “traditional ruling group”, и в течение всех следующих 60 лет в полисе сохранялись сильные олигархические традиции (Rutter N. K. Syracusan Democracy. P. 150–151). Историографию, многие представители которой согласны с трактовкой усиления аристократического влияния в Сиракузах в рассматриваемые период, см. в: Ghinatti F. Assemblee greche d’Occidente. P. 59; Robinson E. Democracy in Syracuse, 466–412 BC. P. 142.

36 Подобное название носил упоминаемый в 320/19 г. в Сиракузах «совет 600» (Diod. XIX. 5. 6), чье наименование, возможно, происходило от отряда эпилектов, отличившегося в 462/1 г. и тесно связанного с «исконными гражданами полиса» и «лучшими людьми полиса» 460–450-х гг. (см. выше). Но данное наименование конституционного органа существовало в течение 100 лет до упоминания «совета 600». Так, Ксенофонт упоминает об участии стратега Гермocrates до 411 г. в регулярных собраниях (ἐν τῷ συνέδριῳ – Hell. I. 1. 31); при тирании Дионисиев наряду с функционированием экклесии, инициатива созыва которой находилась в руках тирана, формально занимавшего магистратуру стратега-автократора (см.

ми полномочиями в отдельных особо важных случаях, которые можно объединить термином «преступления против государства»³⁷. Однако полномочия по избранию (утверждению?) магистратов перешли к экклесии, хотя сами архонты избирались обычно из членов синедриона³⁸. Данная дуальная система власти в Сиракузах просуществовала достаточно долго, хотя уже в 412 г. подверглась определенной корректировке в связи с принятием «кодекса» Диокла.³⁹

Возникает вопрос, какому из двух конституционных органов были переданы полномочия по осуществлению петализма. Судя по тексту Диодора (XI. 86. 5), инициатива принятия закона о петализме принадлежала опасавшемуся новых попыток установления тирании народу, т.е. экклесии. Скудость источников не позволяет определить, было ли это решение инициировано членами синедриона, рассчитывавшими после успешного подавления выступления Тиндарида на решение своих ситуационных задач, либо было проведено некими демагогами (см. о них XI. 87. 5), пытавшимися перехватить власть у синедриона⁴⁰. Во всяком случае, результат очевиден: судя по тому, что пострадавшими от петализма Диодор именует прежде всего «лучших людей полиса», можно предположить, что синедрион оказался отодвинутым от принятия решений. Кроме того, поскольку в Сиракузах в 463/2 г. была восстановлена система государственного устройства, восходящая к середине VII в., следует обратить внимание, что

Diod. XIII. 96. 3; XIV. 45. 2; 64. 5; XV. 74. 5), существовал «совет друзей» (τῶν φίλων συνέδριον – Diod. XIII. 111. 1; XIV. 8. 4–5; 61. 2); а после свержения Дионисия Младшего в 355 г. в полисе наряду с народным собранием (βουλὴ) функционировал συνέδριον, в работе которого принимали участие представители аристократии и должностные лица (Plut. *Dio.* 53).

- 37 Изначально в Сиракузах судопроизводство осуществляли, по всей вероятности, специально избранные магистраты; ср., например, замечание Суды о полномочиях архонтов досолоновской эпохи (s. v. ἄρχων), хотя не исключено, что в самый ранний период существования полиса эти полномочия осуществлял ἑσκλητός. При этом сама процедура носила характер состязательности (ср. суд над Агафоклом – Diod. VIII. 11). При Дейноменидах публичные выступления во время частноправовых процессов были запрещены (вероятно, как возбуждающие страсти и рознь) и возобновлены лишь после свержения тирании. Как сообщает Аристотель (apud Cic. *Brut.* 12. 46), после свержения тиранов после долгого перерыва возобновились частные процессы (res privatae), для участников которых сиракузский оратор Коракс и его ученик Тисий составили правила судебного красноречия (в другом фрагменте Аристотель в качестве примера искусства Коракса приводит процесс о нанесении побоев – *Rhet.* II. 25. 15–20; Тисий же был известен своей убедительной речью по денежному иску, написанной им для одной сиракузской гражданки – Paus. VI. 17. 8). Ораторское искусство использовалось не только в экклесии (Diod. XI. 87. 5), но и в синедрионе (Xen. *Hell.* I. 1. 31), так что можно предположить, что у синедриона сохранились древние полномочия по судопроизводству по отдельным категориям дел (ср. осуждение Тиндарида), а общее судопроизводство осуществлялось публично архонтами в состязательном процессе.
- 38 Ср. данные об участии всех магистратов в работе синедриона в 355 г. – Plut. *Dio.* 53. О борьбе за должности архонтов свидетельствуют фрагменты речи простата демоса Афинагора на экклесии 415 г., передаваемые Фукидидом (VI. 38. 1–5; 40. 2): представители аристократических слоев (ἡγεσάμενοι) регулярно претендуют на должности архонтов, используя для этого различные поводы, в том числе запугивания участников экклесии грядущими бедствиями; кроме того, представители «золотой молодежи» (ниже Афинагор говорит о совпадении интересов и общих действиях олигархов и молодежи – οἱ νεῶι – 39. 2), вопреки закону о возрастном ограничении при избрании на должности архонтов, также требуют предоставления им этих должностей. В литературе существуют различные гипотезы о том, кого из афинских политиков хотел изобразить Фукидид в лице Афинагора (см. *Andrews J. A. Athenagoras' Stasis and Factional Rhetoric* (Thucydides 6. 36–40) // *CIPh.* 2009. Vol. 104. P. 1–12; *Bloedow E. F. The Speeches of Hermocrates and Athenagoras at Syracuse in 415 BC: Difficulties in Syracuse and in Thucydides* // *Historia.* 1996. Bd 45. Ht. 1. P. 141–158), однако, учитывая очевидную осведомленность Фукидида в сицилийских делах, вполне можно предположить реальность описываемых им сюжетов (Фукидид многие свои сицилийские материалы позаимствовал у Антиоха Сицилийского и Тимея из Тавромения, в том числе речи – см. *Pearson L. The Greek Historians.* P. 40; 142–143; 147–148). Не исключено, что развитие подобной борьбы могло стать результатом введения процедуры петализма, о последствиях которой «со вкусом» рассказывает Диодор (XI. 87. 4–6).
- 39 Диодор специально подчеркивает, что за принятым в 412 г. сводом законов закрепилось наименование «законы Диокла» (XIII. 35. 1). Данный кодекс носил главным образом уголовно-процессуальный характер, насколько мы можем судить из текста Диодора, и к государственно-правовым аспектам можно отнести в основном закон об избрании по жребию членов коллегии архонтов, осуществлявших управление государством (XIII. 34. 6). Таким образом, существенная часть властных полномочий была перераспределена в пользу экклесии, однако на общей системе конституционного устройства полиса данные изменения не отразились. По мнению некоторых исследователей, именно эти законодательные изменения позволили Аристотелю констатировать превращение государственного строя Сиракуз из политики в демократию (*Pol.* V. X. 3.1 304a27), – см. *Consolo Langer S. N. Problemi di storia costituzionale siceliota.* P. 137; *Berger Sh. Revolution and Society.* P. 39.
- 40 В этом отношении следует отметить гипотезу Х. Венткера, поддержанную Н. К. Раттером, что введение петализма было организовано нобилитетом с целью защиты от бедных слоев и их вождей; как уточняет Н. К. Раттер, если это не так, то сложно представить, как «лучшие люди полиса» смогли контролировать принятие решения об отмене закона о петализме (*Wentker H. Sizilien und Athen. Die Begegnung der attischen Macht mit den Westgriechen.* Heidelberg, 1956. S. 56–58; *Rutter N. K. Syracusan Democracy.* P. 147–148). Со своей стороны отметим, что в данном случае возможен ситуативный консенсус интересов, вызванный систематическими беспорядками в полисе, которые красочно расписывает Диодор (XI. 87. 4–6).

один из конституционных органов уже в ту эпоху (и, возможно, вплоть до 491 г.) обладал полномочиями по изгнанию граждан из полиса, и этот орган – βουλή (Plut. *Praec. reip. ger.* 825c-d)⁴¹. Таким образом, полномочия по осуществлению петализма, как и фактическая полнота власти, оказалась в руках экклесии. Сама процедура петализма у Диодора описана весьма скупо: бюллетенями для голосования служили листы оливы, и на них записывались имена наиболее могущественных граждан (δυνατότατων τῶν πολιτῶν); гражданин, в пользу которого было подано большинство голосов, изгонялся из полиса на пять лет (XI. 87. 1).

Диодор четко определяет происхождение термина πεταλισμός именно с листом оливы⁴². Однако эта трактовка не абсолютна: следует отметить недавнюю гипотезу Ф. Кордано, одной из крупнейших специалистов в области эпиграфики Великой Греции, которая, опираясь на разницу, фактически проводимую Гесихием при объяснении смысла петализма, между πεταλόν и φύλλον (πεταλισμός: ὁ διὰ φύλλον ὄστρακισμός γινόμενος), а также приводя примеры его употребления в папирусах, прежде всего магических, трактует πεταλόν как металлический лист (иногда – золотой), вследствие чего выдвигает гипотезу, что листки, используемые при процедуре петализма, были изготовлены из свинца⁴³. Действительно, свинцовые пластины достаточно часто встречаются в греческой эпиграфике Сицилии, однако нам кажется довольно затруднительным использование данного материала при массовом ситуативном голосовании, когда «бюллетени» должны были представлять собой дешевый общедоступный материал (как остраконы). В этом смысле листья растения кажутся более предпочтительными. Вместе с тем, значение πεταλόν, прослеженное в папирусах, которые не связаны с территориями Великой Греции, может носить характер регионального диалектного значения, в то время как на Сицилии зафиксированы примеры «традиционного» понимания этого термина: Вакхилид в оде, написанной по заказу тирана Гиерона Дейноменида по случаю первой победы его колесницы в Олимпии в 476 г., пишет, что колесничий Ференик принес в Сиракузы Гиерону «листья счастья» (φέρων [εὐδ]αίμονίας πέταλον) (Od. V. 185–186), имея в виду венки олимпийского победителя, который следовало вручить Гиерону как владельцу упряжки.

Однако традиционное понимание термина (в значении листа растения) не отменяет возможных сомнений, поскольку размер обычного листа оливы очевидно затрудняет письмо на нем. В связи с этим не исключен вариант использования иного растения, распространенного в Сиракузах и его окрестностях, например, папируса (*Syperis papyrus* L.), заросли которого и в наше время в изобилии представлены в устье реки Кианы (древней Анап) и в источнике Аретуза, протекающем в самом центре античных Сиракуз, на Ортигии⁴⁴. Нимфа Аретуза была символом Сиракуз, ее изображение фигурирует на сиракузских монетах в течение всего V в., вне зависимости от политического строя⁴⁵, и использование листа растения, произрастающего у ее источника, способствовало сакрализации процедуры. Правда, данная версия вроде бы противоречит прямому указанию Диодора /Тимея, однако сам Тимей об этой процедуре мог только читать, и, как следствие, использовать в рассказе иные литературные материалы или личные данные из своего афинского опыта⁴⁶.

41 Подобные традиционные полномочия сохранялись у народного собрания и после отмены закона о петализме: так, в 411 г. решением народного собрания (ὑπὸ τοῦ δήμου) были отправлены в изгнание стратеги, командовавшие сиракузскими войсками в Геллеспонте (Xen. *Hell.* I. 1. 27).

42 *Berger Sh.* Revolution and Society. P. 39; *Ghinatti F.* Assemblée grecque d'Occidente. P. 60; LSJ. P. 1396.

43 *Cordano F.* Fondazioni repubblicane e fondazioni tiranniche nella Sicilia del V sec. a.C. // La naissance de la ville dans l'antiquité / Ed. par M. Reddé, L. Dubois, D. Briquel, H. Lavagne, F. Queyrel (eds.). Paris, 2003. P. 124.

44 В настоящее время в Сиракузах существует музей папируса, в котором содержатся как древнеегипетские образцы, так и продукция местного производства, но уже периода Нового времени. Обычно возникновение производства папируса как писчего материала на Сицилии относят к III в., когда у сиракузских правителей (от Агафокла до Гиерона II) возникли тесные связи с птолемеевским Египтом (см. *Basile C., Di Natale A.* Il Museo del papiro di Siracusa. Siracusa, 1994. P. 7–10), хотя возникновение подобного производства в более раннюю эпоху не кажется невероятным как в свете возможного египетского заимствования, так и развития местной традиции.

45 См. *Rutter N. K.* Greek Coinages of Southern Italy and Sicily. London, 1997. P. 114–115; 121–125; 143–145.

46 Тимей из сицилийского Тавромения (357/340–261/264 гг.), прошедший более 50 лет в Афинах (Polyb. XII. 25. i; Plut. *De exil.* 14), где он написал несколько сочинений, важнейшее из которых – «История» (Ἱταλικά καὶ Σικελικά) в 38 книгах (Suda. s. v. Τίμαιος), очевидно знал о петализме лишь из письменных источников, и вполне мог при его описании использовать свои знания об афинских аналогичных процедурах – например, об экфиллофориях, в которых использовались листья оливы. При этом он мог опираться на известное ему (Plut. *Nic.* 1) прямое указание Фукидида на схожесть государственного устройства Афин и Сиракуз в описываемую эпоху (VII. 55. 2).

Процедура голосования листьями не была оригинальным сиракузским «изобретением». Аналогичная процедура зафиксирована в Афинах классической эпохи, называлась она ἐκκυλοφορία, и сутью ее было голосование листьями оливы в Совете об изгнании из его состава дискредитированных членов⁴⁷. Однако говорить о прямом заимствовании вряд ли стоит в аутентичном названии процедуры (Диодор/Тимей уточняет, что это название дано сиракузянами: ὠνόμασαν... οἱ δὲ Συρακόσιοι πετάλισμον – XI. 87. 3) зафиксирован именно πετάλον, а не φύλλον. Возможно, существовали и иные примеры подобной процедуры, информация о которых до нас не дошла; так, Пиндар в оде 478 г. в честь Клеандра Эгинского упоминает πετάλον как лист для голосования (Зевс и Посейдон спорили, кому достанется Фетида, и их спор мог быть решен «листьями ссор» – νεϊκέων πέταλα – Isthm. VIII. 46).

И здесь самое время остановиться на прямом указании Диодора о заимствовании петализма из Афин: в конце рассказа о мятеже Тиндарида Диодор кратко сообщает, что народ Сиракуз, подражая афинянам, принял закон, похожий на закон об остракизме (XI. 86. 5). Затем, уже в следующем параграфе, Диодор, вероятно, поясняя свою мысль, представляет достаточно развернутое сопоставление остракизма и петализма: афиняне писали на остраконах имена тех, кто, по их мнению, был наиболее влиятелен и близок к установлению тирании; сиракузяне же имена наиболее влиятельных граждан писали на листе оливы; народ полагал, что этим умерит амбиции наиболее влиятельных людей в обоих полисах, поскольку данное наказание уменьшит их влияние; афиняне называли свою законодательную норму остракизмом, сиракузяне же – петализмом; данный закон применялся в Афинах достаточно долгое время, а в Сиракузах был вскоре отменен (XI. 87. 1–3). Данный текст в совокупности представляет собой скорее рассуждения автора, чем пересказ источника. Вполне вероятно, что в этом случае Диодор, сравнительно недавно описав афинский остракизм (при написании той же XI книги, в параграфе 55), и видя из своего источника формальную схожесть процедур, сделал логичное для него предположение о заимствовании в Сиракузах афинского остракизма. Не исключено также, что изначально подобную трактовку Диодор позаимствовал у Тимея (видимо, при передаче версии в краткой форме в XI. 86. 5), который, в свою очередь, мог опираться на формулировку такого авторитетного историка, как Фукидид⁴⁸: описывая боевые действия афинян против Сиракуз, Фукидид прямо указывал, что на Сицилии афиняне напали на полисы с демократическим, как и у афинян, государственным устройством (VII. 55. 2).

Косвенное подтверждение нашей гипотезе дают имеющиеся данные об афино-сиракузских отношениях в данной период, поскольку подобное нормотворческое заимствование подразумевает тесные взаимоотношения между полисами в различных сферах⁴⁹.

Интерес Афин к западногреческому региону проявляется сравнительно поздно и отражается прежде всего в нумизматических данных. В первое двадцатилетие V в. афинские тетрадрахмы появляются в кладках на Сицилии (из района Гелы – Маззарино, и из Мессины) и Южной Италии (Таранто), а на ранних монетах Кротона (ок. 525–425 гг.) и Тарента (480–470 гг.) появляются символы, характерные для афинского монетного типа, традиционно именуемого в литературе “Warrenmünzen”. Однако после 480 г. поток афинских тетрадрахм в регион существенно сокращается, они почти исчезают из кладов до 440-х гг.⁵⁰

47 Подробнее описание и список источников см.: Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 187. Там же представлены и другие случаи применения в Аттике голосования листьями об изгнании/исключении.

48 О знакомстве Тимея с трудом Фукидида непосредственно упоминает Плутарх в биографии Никия: «... Повествуя о событиях, с недостижимым мастерством изложенных у Фукидида, превзошедшего самого себя в силе, ясности и красноречии описаний, мы поддались тому же соблазну, что и Тимей, который, надеясь затмить Фукидида выразительностью... погружается в описание боев...» (Nic. 1, пер. Т.А. Миллер). О взаимодополняемости трудов Фукидида и Тимея при описании сицилийской экспедиции Афин и сопутствующих событий 415–412 гг. см. Pearson L. The Greek Historians of the West. P. 142–150.

49 Например, широко известный кодекс Харонда, законодателя из халкидской Катаны, в течение длительного времени распространялся именно среди халкидских полисов, в той или иной степени связанных друг с другом; см. Высокий М.Ф. Древнегреческое законодательство на Сицилии: законы Харонда // ПИФК. 2007. Т. XVII.

50 Kraay C. M. Fifth-Century Overstrikes at Rhegium and Messana // La circolazione della moneta ateniese in Sicilia e in Magna Grecia. Atti del I Convegno del Centro Internazionale di studi numismatici, Napoli, 1967 / A cura di S. Stazio. Roma, 1969. P. 146–148; Siciliano A. Atene e l'area ionico-adriatica: l'evidenza numismatica // Atene e la Magna Grecia dall'eta arcaica all'ellenismo. Atti dei Convegni di studi sulla Magna Grecia. Vol. XLVII / A cura di A. Stazio, S. Ceccoli. Taranto, 2007. P. 576–577. К. Крэй полагает, что отсутствие афинских монет в современных им кладках как после 480 г., так в 440–430-х гг. при наличии надчеканенных афинских типов в монетах Регия и Мессаны в 440-х гг. свидетельствует скорее

Настоящий прорыв в отношениях с Сиракузами афиняне попытались осуществить в 480 г., когда к Гелону Дейномениду было направлено посольство с предложением принять участие в войне против персов (Her. VII. 157–162). В посольстве были представители Спарты и Афин, предводителей союзных сил. К сожалению, Геродот не уточняет, кто из союзников были инициатором этого посольства, используя обобщенный термин «эллины» (VII. 145). Однако, учитывая сравнительно недавний негативный опыт переговоров лакедемонян с Гелоном, который ок. 490 г. обратился в Спарту за помощью в войне против карфагенян и получил отказ (VII. 158)⁵¹, можно предположить, что идейным вдохновителем данной дипломатической миссии были Афины и их предводитель Фемистокл⁵². Результат переговоров оказался отрицательным для афино-сиракузских контактов: вопрос о том, согласился ли Гелон на заключение союза, стал дискуссионным уже в древности⁵³, однако с уверенностью можно утверждать лишь то, что сиракузская армия на помощь Элладе не пришла, что вызвало отрицательные резонанс в широких слоях общества (Plut. *Them.* 25; Ael. *VH.* IX. 5).

Вполне вероятно, что горячим сторонником и проводником западного вектора внешней политики Афин в данный период был Фемистокл⁵⁴, и рассмотренное выше посольство было одним из проявлений проводимой им политики: вскоре, перед самой битвой у Саламина, именно Фемистокл выказал готовность переселить афинян в Южную Италию и основать колонию на месте Сириса (Her. VIII. 62).

Этот фрагмент из Геродота демонстрирует продуманную идеологическую основу данной вероятной экспедиции: Сирус в Италии являлся афинской землей с древнейших времен, и изречение оракула предписывает афинянам там поселиться. И если упоминание оракула являлось сиюминутной отсылкой к прорицанию пифии афинскому посольству, направленному в Дельфы перед выступлением

о культурном влиянии Афин, чем об экономическом значении региона для Аттики (что подтверждает появление в Южной Италии в V в. надчеканенных коринфских статеров, также отсутствующих в современных кладах южноиталийского региона – P. 149). Дж. Манганаро же, напротив, полагает, что значительное количество афинских монет архаических типов появляется на Сицилии к 480 г. как оплата за зерно, поскольку пути к понтийским рынкам контролировали персы; после победы над персами для Афин открылись восточные рынки, а тирания Дейноменидов перекрыла для Афин рынки на западе (*Manganaro G. Per la storia della circolazione della moneta attica nella Sicilia orientale // La circolazione della moneta ateniese. P. 153*).

- 51 Геродот, опираясь на сицилийские (сиракузские) источники о ходе переговоров в 480 г., акцентирует, что Гелон очень хорошо помнил этот отказ лакедемонян. Подробнее о перипетиях упомянутых переговоров, а также о событиях первой и второй Карфагенских войн, которые вел Гелон, см.: *Высокий М. Ф. История Сицилии. С. 156–178*.
- 52 Рассказывая об отправлении союзниками посольств в Аргос, на Керкиру, на Крит, Геродот дает пояснение о причинах направления послов на Сицилию к Гелону: как рассказывали, держава Гелона была самой крупной из всех эллинских (VII. 146). Возможно, Геродот цитирует тот аргумент, который использовали афиняне (Фемистокл?) для убеждения своих союзников (лакедемонян?). Во всяком случае, правомерность направления послов в другие упомянутые в параграфе пункты не потребовала дополнительных пояснений.
- 53 *Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 165–168*.
- 54 О внимании Фемистокла к Великой Греции свидетельствуют и факты его личной жизни. Так, двоим из своих дочерей он дал имена Италия и Сибаритида (Plut. *Them.* 32). Весьма характерен в этом отношении фрагмент Стесимброта (apud Plut. *Them.* 24), младшего современника описываемых событий, который сообщает, что Фемистокл в 467 г., скрываясь от преследования афинян, прибыл в Сиракузы к Гиерону Дейномениду и просил у него дочь в жены, обещая подчинить ему эллинов. Против этого сюжета выступил уже сам Плутарх, полагая это невероятным, поскольку в 476 г. сам Фемистокл требовал разграбить палатку Гиерона в Олимпии, а его упряжку не допускать до соревнований (Theophrast. apud Plut. *Them.* 25). Однако следует отметить, что данные события разделяет почти 10 лет (и Олимпийские игры 476 г. для Гиерона оказались исключительно удачными, его возничий Ксантотрих на коне Ференике победил – Pind. *Ol.* I.; Schol. Pind. *Ol.* I. Inscr. a; Vassch. V), а загнанный в угол Фемистокл хватался за любой шанс (того же молосского царя Адмета, у которого Фемистокл первоначально нашел убежище, он ранее, находясь во главе Афин, также оскорбил презрительным отказом – Plut. *Them.* 24). Размах операций Гиерона в Южной Италии, в том числе в районе Сибариса (см. о них *Высокий М. Ф. История Сицилии. С. 217–226*) мог заставить Фемистокла предложить тирану свои услуги, и обещание «подчинить эллинов» могло касаться италийского региона. И хотя о дочерях Гиерона ничего не известно (он был трижды женат, но имел только одного сына от первой жены, от двух других жен детей у него не было – Schol. Pind. *Pyth.* I. 112), речь может идти о его родственницах брачного возраста – например, дочери его младшего брата Полизела, которая в 480-х гг. вышла замуж за тирана Акраганта Ферона, а после его смерти в 472 г. и прихода к власти Фрасидея (сына Ферона от первого брака), выступившего против Сиракуз, могла вернуться ко двору дяди (подробнее см. *Высокий М. Ф. История Сицилии. С. 114–120; 212–217*). Короткий визит Фемистокла в Сиракузы состоялся, по всей вероятности, после его отплытия из Эпира, по дороге в Ионию (по словам Стесимброта, из Сиракуз Фемистокл отправился в Азию – Plut. *Them.* 24; Thuc. I. 136–137), ср. гипотезу Э. Гасталди, который, опираясь на «письма» Фемистокла, полагает, что Фемистокл находился на Керкире (куда он прибыл из Аргоса, с чем солидарны все источники), когда узнал о смерти Гиерона (в 467 г.); именно эти сведения сподвигли его отправиться в Эпир (*Gastaldi E. C. Temistocle e la via dell'esilio // Tre studi su Temistocle / A cura di L. Braccisi. Padova, 1986. P. 146–148*).

против армии Ксеркса («Что же вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу / Дома покинув и главы высокие круглого града...») – Her. VII. 140, пер. Г.А. Стратановского; в этом отношении вполне логичной была и трактовка Фемистоклом высказывания пифии о «деревянных стенах» как намек на корабли – VII. 143), то фраза о Сирисе явно не случайна: этот полис был разрушен в 550–530-х гг., но небольшое автономное поселение в этой области (именуемой Сиритидой и весьма плодородной – Strabo. VI. 1. 14; Athen. XII. 523d) сохранялось и в первой половине V в., вплоть до 433 г. (Diod. XII. 36. 4)⁵⁵. Как сообщают Тимей и Аристотель (apud Athen. XII. 523d), Сирус был основан выходцами из Колофона, а в Колофоне, в свою очередь, согласно одной из распространенных версий, поселились ионийцы⁵⁶, прибывшие во главе с Дамасихтоном и Прометом, сыновьями афинского легендарного басилея Кодра; они-то и стали басилеями Колофона (Paus.VII. 3. 3). Именно это версия позволяла афинянам заявлять свои права на Сиритиду, и не исключено, что подобная экспедиция могла быть одним из политических проектов Фемистокла: недаром Геродот, осведомленный младший современник событий, не опасавшийся высказывать собственное мнение (VII. 139), подчеркивает, что строительство по инициативе Фемистокла 200 боевых кораблей для войны с Эгиной было явно избыточным, и данные суда в этой войне не были использованы (VII. 144). Очевидно, что подобное расходование значительных государственных средств должно было быть как-то обосновано, и стремление Фемистокла к экспансии в западном направлении могло быть одной из причин⁵⁷. Вероятно, реализации данных планов помешали известные события греко-персидских войн, а после падения популярности Фемистокла в 470-х гг. и его изгнания остракизмом в 470 г.⁵⁸ западный вектор внешней политики оказался на некоторое время заморожен.

Таким образом, вплоть до падения тирании Дейноменидов отношения Афин и Сиракуз носили характер холодного нейтралитета, стороны старались не раздражать друг друга: афиняне практически не проявлялись на Сицилии, Дейномениды старались впрямую не выступать против интересов Афин (ср. отказ Гиерона принять под покровительство преследуемого афинскими властями Фемистокла – Stesimbrot. apud Plut. *Them.* 24); при этом экономические связи оставались на минимальном уровне. Однако контуры возможного конфликта (не считая союзнических обязательств сторон, о которых см. ниже) уже формировались, поскольку Афины демонстрировали недвусмысленные претензии на области Южной Италии, входившие в сферу непосредственных интересов Сиракуз (прежде всего Сибаритида, а также область Кум и Неаполя).

После свержения Дейноменидов отношения сторон сохранялись на прежнем уровне вплоть до активизации западного вектора внешней политики Афин на рубеже 460-х–450-х гг. в результате фактической смены «правительства» – изгнаний остракизмом вождя афинских аристократов Кимона (в 461 г.) и части его влиятельных сторонников. Пришедшая к власти в Афинах более радикальная группировка (одним из вождей которой был Перикл) активизировала экспансионистские действия сразу в нескольких направлениях – против персов (экспедиция в Египет 459 г.) и против Спарты (на Пелопоннесе

55 Подробнее об истории Сируса см.: *Huxley G. L. Siris arcaica nella storiografia greca // Siris e l'influenza ionica in Occidente. Atti del Convegno di studi sulla Magna Grecia (Taranto, 1980). Vol. XX. / A cura di A. Stazio. Napoli, 1981 (1987). P. 27–43.*

56 Страбон, цитируя Ферекида, перечисляет города Ионии, основанные ионийцами во главе с многочисленными сыновьями афинского басилея Кодра или другими афинянами (XIV. 1. 3), и эта афинская традиция активно использовалась Фемистоклом в 480 г. для антиперсидской агитации среди ионийцев, присоединившихся к войску Ксеркса (Her. VIII. 22).

57 О тесных связях Афин времен Фемистокла с регионами Южной Италии свидетельствует участие выходцев из Кротона (полиса, пограничного с Сибаритидой и владевшего частью этой области; именно в Сибаритиде в недалеком будущем по инициативе Афин будут основаны Фурии) в битве с персами у Саламина. См. монумент в честь кротонца Фаилла, установленный на афинском Акрополе (*Monaco M. C. Un'isolata presenza occidentale sull'Acropoli di Atene: l'anathema di Faillo di Crotone // Atene e l'Occidente: i grandi temi. Le premesse, i protagonisti, le forme della comunicazione e dell'interazione, i modi dell'intervento ateniese in Occidente. Atti del Convegno Internazionale, Atene 25–27 maggio 2006 / A cura di E. Greco e M. Lombardo. Atene, 2007. P. 155–189.*)

58 *Gastaldi E. Temistocle e la via dell'esilio. P. 139–142. Подробнее о биографии Фемистокла и историографию см. в: Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. II. Время расцвета демократии. М., 2008 С. 139–186. Ср. также: Raviola F. Temistocle, la Siritide e l'Italia // Atene e la Magna Grecia dall'eta arcaica all'ellenismo. Atti dei Convegni di studi sulla Magna Grecia (Taranto, 2007). Vol. XLVII / A cura di A. Stazio, S. Ceccoli. Taranto, 2008. P. 165–180: по мнению автора, Фемистокл не был инициатором западной политики Афин, поскольку у него, как минимум, на это не хватило времени; Фемистокл «унаследовал» основные аспекты западного вектора во внешней политике от своих предшественников в области политики и культуры, ровно в той мере, в какой эти аспекты существовали и ранее. Вместе с тем, автор соглашается, что Фемистокл, возможно, продвигал идею колонизации области Сиритиды в Южной Италии.*

и островах)⁵⁹. Мероприятия же в регионе Великой Греции представлены в источниках не столь широко, однако вполне исчерпывающе позволяют определить суть политики: нарастив экономические связи⁶⁰, афиняне предприняли вполне определенные усилия для закрепления в Южной Италии. Речь идет об экспедиции афинского наварха Диотима в Неаполь⁶¹, заключении союзного договора с Реги-ем⁶², возможном дипломатическом и ином содействии при основании «третьего» Сибариса бывшими сибаритами (ок. 470 г. изгнанными кротонцами из «второго» Сибариса) совместно с фессалийцами⁶³ в 453/2 г. (Diod. XI. 90. 3; XII. 10. 2), организации общеэллинской экспедиции по основанию «четвертого» Сибариса в 446/5 г. («третий» Сибарис был разрушен теми же кротонцами в 448/7 г.), и об афинской экспедиции под командованием Лампона и Ксенокрита по основанию Фурий в 444/3 г. (XII. 10. 3–4; 11.

59 Подробнее о перипетиях истории Афин рассматриваемого периода и событиях начала первой Пелопонесской войны (459–446 гг.) см.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 119–124; *Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. II. С. 240–248. Об актуальности идеи экспансии в западном направлении (на Сицилию и в Этрурию) в общественном мнении Афин при Перикле см. у Плутарха (*Per.* 20).

60 Об этом свидетельствуют нумизматические данные, прежде всего из зоны Мессинского пролива. По мнению М. Каккамо Калтабьяно, присутствие аттических серебряных монет связано как с закупками зерна на Сицилии, так и оплатой портовых пошлин при проходе судов через Мессенский пролив (*Caccamo Caltabiano M.* La monetazione di Messina con le emissioni di Rhegion nell'eta della tirannide / Berlin; New York, 1993. P. 93–94). С ней согласна Р. Кантилиена, уточняющая, что основной причиной была закупка зерновых вследствие закрытия для Афин египетского рынка в 454–449 гг. (*Cantilena R.* Atene e l'area tirrenica. Questioni monetali // Atene e la Magna Grecia dall'eta arcaica all'ellenismo. P. 523–524). К. Крээй датирует появление афинских «сов» в кладах и их надчеканку в Регии и Мессане 440-ми годами, в связи с наиболее яркими акциями Афин в регионе в данном десятилетии – новым основанием Сибариса в 446 г. и основанием Фурий в 444 г. (*Kraay C. M.* Fifth-Century Overstrikes. P. 148–149).

61 Прибытие Диотима в Неаполь для принесения предписанной оракулом жертвы богине Парфенопе (Tim. apud Schol. Lycophron. 732 = FGrHist. 566. F 98), как и многие события середины – второй половины V в., имеет запутанную хронологию, как минимум «верхнюю» и «нижнюю» даты. Данная экспедиция датируется между 460 и 450 гг. (*Mazzarino S.* Per la cronologia della spedizione “periclea” in Sicilia // Bollettino storico catanese. 1946–1947. T. 11–12. P. 6–8; *Manni Piraino M. T.* Atene ed Alicie in IG I² 20 // Kokalos. 1960. T. V. P. 64–66; *Consolo Langer S. N.* Problemi della circolazione della moneta in Occidente // La circolazione della moneta ateniese in Sicilia e in Magna Grecia. P. 189–191; *Maddoli G.* Il VI e V sec. // Storia della Sicilia. Vol 2 / A cura di R. Romeo. Napoli, 1979. P. 70–73), 452 г. (*Mele A.* Atene e la Magna Grecia // Atene e l'Occidente: i grandi temi. P. 259–266) или осенью 433 г., после оказания военной помощи весной 433 г. Керкире афинской эскадрой под командованием того же Диотима (*Mattingly H. B.* Athens and the Western Greeks: с. 500–413 B.C. // La circolazione della moneta ateniese. P. 207; *Cataldi S.* Atene e l'Occidente: trattati e alleanze dal 433 al 424 // Atene e l'Occidente: i grandi temi. P. 427–430). По мнению А. Меле, опирающегося на свидетельство Иоанна Цеца, что Диотим прибыл в Неаполь в то время, когда он воевал с сикулами (Tzet. ad Lycophron. 733), Диотим был послан оказать военную помощь халкидским колониям Сицилии, подвергшимся нападению сикулов во главе с Дукетием в 453/2 г.

Появление группы афинских колонистов в Неаполе во время или сразу после его основания ок. 470 г., о котором сообщает Страбон (V. 4. 7), сложно идентифицировать хронологически, это могло произойти в различные моменты богатого на события V в.

62 Сохранился фрагмент мраморной стелы с частью текста договора. Его датировка точно не определена и зависит от тех обстоятельств, к которым автор договор относит. С. Аккаме датирует его ок. 460 г.: по мнению автора, это договор предшествовал договору Афин и Эгесты, который в свою очередь он датирует 454/3 (*Accame S.* L'alleanza di Atene con Leontini e Regio // RFIC. 1935. T. LXIII. P. 74) или 458/7 (*Accame S.* Note storiche su epigrafi attiche del V secolo // RFIC. 1952. T. LXXX. P. 127–136). По эпиграфическим данным исследователи датируют договор 440-ми годами (*Bauer W.* Die Datierung der ursprünglichen Verträge mit Rhegion und Leontinoi // Klio. 1918. Bd XV. S. 191; *Tod.* No 58. P. 127; *Meritt B. D.* Athenian Alliances with Rhegion and Leontinoi // CQ. 1946. Vol. XL. No 1. P. 91). Подробно изучивший различные аспекты вопроса Т. Вик полагает, что заключение договора связано с основанием Фурий, и считает, что он был заключен в 444/3 и перезаключен в 433/2 (*Wick T. E.* Athens' Alliances with Rhegion and Leontinoi // Historia. 1976. Bd XXV. Ht 3. P. 289–290; 298–302). Г. Маттингли, полагая, что дипломатическая активность Афин на Западе возросла не ранее основания Фурий, на основании комплекса эпиграфических и исторических аргументов датирует договор 433/2 г. (*Mattingly H. B.* Athens and the Western Greeks. P. 208–217; *Cataldi S.* Atene e l'Occidente. P. 427–430; *idem.* I prescritti dei trattati ateniesi con Reggio e Leontini // Atti dell'Accademia delle Scienze di Torino. 1987. Vol. 121. P. 63–72; *Prieto A., Polleichtner W.* Erodoto e Siris // Atene e la Magna Grecia dall'eta arcaica all'ellenismo. P. 192).

63 Новое «правительство» Афин, пришедшее к власти после 461 г., расторгло союз со Спартой, направленный против Персии, и заключило соглашения с Аргосом и Фессалией (Thuc. I. 102. 4; II. 22. 3). И хотя в битве у Танагры осенью 457 г. фессалийцы перешли на сторону лакедемонян (I. 107. 7), афиняне поддерживали тесные отношения с частью фессалийцев. Так, в 455/4 г. в Афины обратился за помощью изгнанный из Фессалии Орест, сын фессалийского царя Эхекратиды. Афиняне совместно с союзниками из Беотии и Фокиды осадили фессалийский город Фарсал (резиденцию Эхекратидов), однако осада была неудачной, и афиняне вернулись домой вместе с Орестом (I. 111. 1). Возможно, что фессалийские изгнанники из окружения Ореста (их предводитель, вероятно, носил имя Фессал – Diod. XI. 90.3) и были теми колонистами, которые прибыли в Сибарис в 453/2 г.

1–2; Strabo. VI. 1. 13)⁶⁴. Более того, афиняне впервые посягнули на собственно сицилийскую территорию, заключив союзнические договора с Эгестой⁶⁵ и Леонтинами⁶⁶.

Скудность данных источников не позволяет определить, оказывали ли Сиракузы какое-либо противодействие экспансии Афин в зону их традиционного влияния, однако возможно, что направление сиракузской эскадры в 453 и 452 гг. (т.е. как раз во время основания «третьего» Сибариса, которое происходило, возможно, с помощью афинян) к побережью Италии и островам против этрусков (Diod. XI. 88. 4–5) имело целью в том числе и демонстрацию силы в районе потенциального конфликта. Во всяком случае, говорить о каких-то тесных или особых отношениях Афин и Сиракуз в рассматриваемый период вряд ли приходится.

С другой стороны, у Сиракуз был традиционный партнер – Коринф, их метрополия (Thuc. VI. 3. 2; Ephor. apud Strabo. VI. 2. 4), с которым поддерживались особые отношения не только в экономической⁶⁷, но и общественно-политической сфере, практически союзнические. Наиболее явственно уровень этих отношений прослеживается в кризисные периоды: когда в 491 г. в Сиракузах вспыхнула смута, и город был осажден войсками тирана Гелы Гиппократа, от захвата противником сиракузян спасли коринфяне и керкиряне⁶⁸, которые прислали им на помощь воинские контингенты и принимали активное участие в мирных переговорах (Her. VII. 154). В 480 г. именно в Коринфе проходила завершающая фаза переговоров тирана Сиракуз Гелона Дейноменида и руководства антиперсидской коалиции о союзе (Tim. apud Polyb. XII. 26 b), и именно коринфские посланцы впоследствии прибыли в Сиракузы с известием о победе в битве при Саламине (Diod. XI. 26. 5); в 451 г., после удачного для Сиракуз завершения войны с сикулами, их предводитель Дукетий по решению экклесии был сослан в Коринф для пожизненного проживания (Diod. XI. 92. 4). В 414 г. сиракузяне запросили военной помощи у Спарты и Коринфа против Афин (Thuc. VI. 34. 3; 73), и Коринф, единственный из союзников

64 *Ehrenberg V.* The Foundation of Thurii // *AJPh.* 1948. Vol. LXIX. P. 150–154. Подробный разбор источников и историографию см. в: *Wick T. E.* Athens' Alliances. P. 290–298.

65 Сохранилось два фрагмента мраморной стелы с текстом договора. Датировка данного соглашения имеет две основные версии. «Верхняя» зависит от того, имя какого афинского архонта восстанавливает в надписи автор –458/7 или 454/3 (*Accame S.* Note storiche. P. 129–130; *Meritt B. D.* The Alliances between Athens and Egesta // *BCH.* 1964. T. 88. P. 413–415; *Meiggs R.* The Dating of Fifth-Century Attic Inscriptions // *JHS.* 1966. Vol. 86. P. 86–98; *Musti D.* La storia di Segesta ed Erice fra il VI e il III sec. a. C. // *Gli Elimi e l'area elima fino all'inizio della prima guerra punica. Atti del Seminario di studi (Palermo – Contessa Entellina, 1989)* [Archivio Storico Siciliano. 14-15. 1988-1989] / A cura G. Nenci, S. Tusa, V. Tusa. Palermo, 1990. P. 160); 460 г. (*Hansen O.* The Date of Alliance between Athens and Egesta, Nr 37 M.-L. // *Hermes.* 1990. Bd 118. P. 376–377). «Нижняя» –418/7 г., предложена Г. Маттингли на основании трактовок эпиграфического материала (также восстановлении имени архонта) и исторических обстоятельств договора, и поддержана некоторыми исследователями (*Mattingly H. B.* Athens and the Western Greeks. P. 205–218; *Smart J. D.* Athens and Egesta // *JHS.* 1972. Vol. 92. P. 128–144; *Wick T. E.* A Note on the Date of the Athenian-Egestan Alliance // *JHS.* 1975. Vol. 95. P. 186–190; *Chambers M. H., Gallucci R., Spanos P.* Athens' Alliance with Egesta in Year of Antiphon // *ZPE.* 1990. Bd 83. P. 38–63; *Anello P.* Segesta e Atene // *Atti delle Giornate internazionali di studi sull'area elima (Gibellina, 1991)* / A cura di L. Biondi, A. Corretti, S. De Vido, M. Gardini, M. A Vaggioli. Pisa-Gibellina, 1992. P. 63–98). Критику взглядов Г. Маттингли см.: *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // *Международные отношения и дипломатия в античности. Ч. I / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2000. С. 95–100, особ. 95–96.*

66 Сохранился фрагмент мраморной стелы с частью текста договора. Соглашение Афин с Леонтинами датируется синхронно с афино-регийским договором (см. выше), за исключением гипотезы Сильвио Аккаме, который во второй своей статье, уточняя датировку договоров, определяет соглашение с Регием ок. 460 г., договор с Эгестой относит к 458/7 г., а союз с Леонтинами считает заключенным после эгестийского, ок. 448 г. (*Accame S.* Note storiche su epigrafi attiche. P. 129–130). К этой же дате склоняется и эпиграфист Б. Меритт (*Meritt B.* Athenian Alliances with Rhegion and Leontinoi. P. 90–91).

67 Коринф из всех пелопонесских полисов более всего нуждался в зерне, прежде всего из Сицилии. Именно прекращение этих поставок было одной из целей сицилийской экспедиции Афин в 427 г. (Thuc. III. 86. 4). С целью гарантирования поставок Коринф поддерживал экономические связи не только с Сиракузами, но и с другими полисами Великой Греции, которые были основаны выходцами из Пелопоннеса – Тарантом (основан спартанскими парфениями) и Селинунтом (колонией Мегар Нисейских), о чем свидетельствуют находки коринфских монет вкладах рубежа VI/V вв., найденных на территории этих полисов (*Jenkins K.* Notes on the Mint of Corinth // *La monetazione corinzia in Occidente. Atti del IX Convegno del Centro Internazionale di Studi Numismatici. Napoli, 27–28 ottobre 1986 / A cura di A. Stazio, M. Taliercio Mensitieri, R. Vitale. Roma, 1993. P. 21–24.* Об импорте Коринфом зерна из Сицилии см. *Salmon J.* Trade and Corinthian Coins in the West // *La monetazione corinzia. P. 4–8.*

68 Керкира была колонией коринфян, основанной одновременно с Сиракузами: из Коринфа отправилась единая экспедиция, часть которой во главе с Херсикратом основала Керкиру, а остальные во главе с Архием основали Сиракузы (Ephor. apud Strabo. VI. 2. 4). Коринфяне и керкиряне, судя по сообщению Геродота, принимали активное участие в переговорах с Гиппократом, и фактически заключение мира является полностью их заслугой (VII. 154).

Сиракуз, направил воинский контингент и флот (Thuc. VII. 58). В 404 г., когда в Сиракузах вспыхнуло выступление против стратега-автократора Дионисия (будущего тирана Дионисия Старшего), сиракузяне пригласили из Коринфа третейского судью, которым стал Никотел (Diod. XIV. 10. 3); аналогичная ситуация создалась и после падения тирании Дионисиев – в 355 г. свергнувший Дионисия Младшего Дион призвал именно из Коринфа советников для организации нового государственного устройства (Plut. Dio. 53). И если бы в 454/3 г. сиракузяне действительно нуждались в заимствовании отдельных аспектов государственного устройства, то более логичным кажется заимствование у Коринфа (как это было в 404 г. и 355 г., а, возможно, и ранее). Более того, нужно иметь в виду, что с 459 г. союзный Сиракузам Коринф находился в состоянии войны с Афинами⁶⁹, что делает нормотворческое заимствование Сиракуз у Афин еще менее вероятным.

Таким образом, вся совокупность рассмотренных нами взаимоотношений Афин и Сиракуз демонстрирует весьма низкую вероятность декларируемого Диодором (или его источником) заимствования петализма из Афин. В таком случае речь может идти о собственно сиракузской процедуре, основанной на неких общедорийских традициях. И в этом смысле следует особо остановиться на гипотезе И.Е. Сурикова о внеафинском происхождении остракизма: в своей фундаментальной работе об афинском остракизме автор приходит к выводу, что остракизм в Афинах существовал уже в архаическую эпоху, Клисфен лишь модифицировал существующий институт. Нарративные и археологические данные о функционировании остракизма за пределами Афин – на Пелопоннесе (Аргос, Мегары), в Ионии (Милете, Эфесе), и колониях (Кирена, Сиракузы, Херсонес Таврический) свидетельствуют не только о широком распространении традиции, но и о ее древности: в Аргосе, Мегарах, Эфесе и Херсонесе остракизм появился не позже реформ Клисфена, а по всей видимости, и существенно ранее, при этом о заимствовании из Афин можно говорить лишь для Милета, и то с определенной долей гипотетичности (в случае с Сиракузами автор ограничивается цитированием Диодора). Когда и в каком полисе возник данный институт, установить вряд ли возможно (в Афинах в его возникновении немаловажную роль сыграли ритуалы религиозно-магического характера), однако традиция имеет явно дорийское происхождение⁷⁰. Учитывая представленные выводы, можно констатировать, что сиракузский петализм стоит в ряду примеров внеафинского остракизма, и его происхождение восходит к общедорийским (возможно, ритуальным) традициям.

Завершая описание петализма, Диодор сообщает, что сиракузяне вскоре отменили этот закон из-за той нестабильности в полисе, к которой привело его применение. Согласно подробному описанию историка (XI. 87. 3–6), после того, как были изгнаны некоторые могущественные мужи, лучшие люди полиса, а также те, кто имел влияние вследствие своих заслуг (οἱ χαριέστατοι τῶν πολιτῶν καὶ δυνάμειοι διὰ τῆς ἰδίας ἀρετῆς πολλὰ) самоустранились от участия в государственных делах, ограничившись своей частной жизнью; власть оказалась в руках худших людей (οἱ... πονηρότατοι τῶν πολιτῶν), которые будоражили народ, призывая к мятежу. В результате в полисе вспыхивали беспорядки из-за многочисленных конфликтов в обществе, появилось множество демагогов и сикофантов, юноши развивали ораторские способности⁷¹, и в целом, несмотря на рост благосостояния в мирное время, люди мало заботились о согласии и достойном поведении. В результате сиракузяне изменили свое мнение о петализме после

69 В 460 г. у Мегар Нисейских на основании приграничного конфликта вспыхнула война с Коринфом, в результате которой Мегары вышли из состава Пелопоннесского союза и вошли в состав Афинского морского союза (Thuc. I. 103. 4; Diod. XI. 79. 1–2; Plut. Cim. 17. 1–2;). А в 459 г. афинские и коринфские войска уже вступили в сражения в Арголиде и Мегариде (Thuc. I. 105–106). И хотя в 454/3 г. на пелопоннесском «фронте» действовало перемирие (в 457/6 г. – перемирие на 4 месяца, затем неформальное перемирие до заключения 5-летнего перемирия в 453/451 г. – Thuc. 112. 1; Diod. XI. 80. 6; 86. 1), это было именно перемирие – первая Пелопоннесская война длилась до 446 г. (подробнее об описываемых событиях см.: *Строецкий В.М.* Полис и империя. С. 115–138).

70 *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. С. 182–204; 443–471.

71 Речь идет не только о подготовке к частным судебным процессам, для участников которых сиракузский оратор Коракс и его ученик Тисий составили правила судебного красноречия (см. выше), но прежде всего о выступлениях в экклесии, т.е. о политической карьере. В этом отношении интересно, что Диодор выделяет молодежь в некую особую группу. С подобной трактовкой коррелируются передаваемые Фукидидом (VI. 38. 5) слова простата демоса Афинагора на экклесии 415 г. о роли молодежи в политической борьбе в Сиракузах: представители «золотой молодежи» (ниже Афинагор говорит о совпадении интересов и общих действиях олигархов и молодежи, οἱ νέοι –39. 2), вопреки закону о возрастном ограничении при избрании на должности архонтов, также требуют предоставления им этих должностей. По всей вероятности, с 450-х гг. молодежь представляется собой одну из политических группировок (либо «крыло» политической группировки), близких к членам синедриона (ср. явную неприязнь к ним простата демоса).

небольшого срока его применения. Из этого очевидно морализаторского пассажа можно сделать некоторые выводы о ситуации в полисе: от применения закона пострадали прежде всего члены синедриона, в том числе бывшие магистраты; синедрион формально сохранял свои полномочия, однако вся полнота власти перешла в руки экклесии, не только вследствие угрозы петализма, но и, вероятно, утраты контроля над избранием архонтов (ср. фрагмент о «худших людях полиса»); достаточно быстро экклесия раскололась на несколько враждующих партий во главе с демагогами (каким был, например, простат демоса Афинагор в 415 г. – Thuc. VI. 35. 1), конфликты между которыми приняли затяжной характер. К сожалению, Диодор не уточняет обстоятельства и последствия отмены закона о петализме, однако, учитывая общий настрой его пассажа, можно предположить, что большая часть экклесии пришла к выводу о необходимости восстановления конституции 463/2 г. и, следовательно, полномочий синедриона.

Ограничившись морализаторством, Диодор не указывает срок функционирования петализма, сообщая лишь, что он действовал недолго (*ὀλίγον χρόνον*). Попытаемся определить рамки этого срока. По сообщению того же Диодора, в 453 г. сиракузяне отправили эскадру под командованием наварха Фаилла против этрусков; по возвращении наварх был обвинен в том, что он был подкуплен этрусками и поэтому вернулся, не причинив противнику особого вреда. Сиракузяне (т.е. экклесия) признали его виновным и приговорили к изгнанию (XI. 88. 4). Обвинение, выдвинутое против наварха, вполне характерно для демагогов (тут же Диодор уточняет, что Фаилл все-таки разорил принадлежащий этрускам остров Эфалейя, совр. Эльбу) и отражает, по всей вероятности, борьбу группировок (на место смещенного тут же был назначен новый стратег Апелла – видимо, представитель победившей группировки). В 451 г. в похожей ситуации оказался стратег Болкон, командовавший сиракузским контингентом в войне против Дукетия. Сикулы под командованием Дукетия нанесли поражение союзному войску Сиракуз и Акраганта в сражении у городка Мотия, расположенного на землях Акраганта, и после возвращения в Сиракузы Болкон был обвинен в тайном сговоре с Дукетием (возможно, в подкупе) и как предатель приговорен к смерти (Diod. XI. 91. 1–2). Очевидно, что петализм не был наказанием в прямом смысле слова, являясь изначально превентивной мерой против лиц, потенциально способных установить тиранию (XI. 87. 5), но столь же очевидно и то, что как и в Афинах, в реальной жизни такой удобный инструмент использовался для политической борьбы и устранения конкурентов. Поэтому не исключено, что в 453 г. Фаилл был приговорен к изгнанию через процедуру петализма (обвинение против него было хоть и тяжким, но явно голословным), а в 451 г. в процессе против Болкона, при практически аналогичном обвинении и отсутствии доказательной базы, была явно использована судебная процедура, т.е., вероятно, к этому времени петализм был отменен.

* * *

На Сицилии зафиксирован еще один пример остракизма – в Наксосе. В данном случае мы имеем дело исключительно с археологическими свидетельствами, не подтвержденными нарративной традицией (справедливости ради надо отметить, что данные письменных источников об истории Наксоса вообще фрагментарны). Острака, всего 4 экземпляра, были найдены в 2001 г. на территории военной корабельной верфи. Это сооружение на берегу моря у подножия холма Ларунки предназначено для строительства или ремонта одновременно 4 трирем, примыкает с севера к городской застройке – агоре и части жилых кварталов. Именно близостью к агоре объясняется появление острака в слоях верфи, куда они, очевидно, были сброшены после остракофории. Археологические свидетельства позволяют выделить две строительные фазы верфи: первая – конец VI – начало V в., вторая, во время которой была произведена реконструкция, относится к периоду после 460 г. и, по мнению исследователей, совпадает со временем возвращения изгнанников в Леонтины и другие халкидские полисы Сицилии (Diod. XI. 76. 3). Верфь была разрушена в 403 г. вместе с городскими кварталами и укреплениями по приказу тирана Сиракуз Дионисия Старшего⁷².

Найденные острака содержат по две идентичные надписи в отношении двух лиц – Δεξιλης Ἄνθου и Ἡγέστρατος Τελεσάρχου⁷³. Место нахождения острака в слоях второй фазы строительства /

72 *Lentini M. C., Blackman D. J., Pakkanen J.* The Shiphsheds of Sicilian Naxos: A Second Preliminary Report (2003–2006) // *ABSA*. 2008. Vol. 103. P. 299–366; *Lentini M. C., Blackman D. J.* I Neoria di Naxos in Sicilia // *Archeologia Classica* (Roma). 2008. Vol. 59. P. 1–30.

73 Сначала одна надпись была описана как граффити (*Blackman D. J., Lentini M. C.* The Shiphsheds of Sicilian Naxos. Researches 1998–2001: A Preliminary Report // *ABSA*. 2003. Vol. 98. P. 425), и лишь в докладе 2007 г. все четыре надписи

реконструкции верфи, датировка одного остракона по носителю – фрагменту чернолакового аттического кубка т.н. типа Bolsal (440–425 гг.), а также палеографические особенности надписей позволяют авторам датировать остракофорию, в которой они были использованы, концом 430-х гг.⁷⁴

Накос был основан в 734 г. экспедицией халкидян под предводительством Фукла/Феокла (Thuc. VI. 3. 1), и все античные авторы единодушно признают его первой греческой колонией на Сицилии. Однако после событий третьей четверти VIII в. Наксос фактически выпадает из истории региона (в той ее части, которая до нас дошла) и появляется лишь в V в.⁷⁵ В период между 497 и 495 гг. тиран Гелы Гиппократ, начав кампанию по завоеванию греческих полисов восточной Сицилии, подчинил сначала Каллиполь, колонию наксосцев (Strabo. VI. 2. 6), находившуюся на склонах Этны (недалеко от совр. Рандаццо)⁷⁶, а затем двинулся на Наксос и захватил его (VII. 154)⁷⁷. Вероятно, Наксос сильно

идентифицированы как острака (Blackman D. J., Lentini M. C. Graffiti from the Dockyard of Sicilian Naxos // 13th International Congress of Greek and Latin Epigraphy (Oxford, 2–7 September 2007). Posters. Отмеченная разница почерков острака отличает, по мнению авторов, остракофорию Наксоса от афинских примеров, где были найдены комплексы острака, написанные одной рукой, заранее подготовленные для голосования.

74 Вероятно, данная остракофория не была примером частного противостояния влиятельных лиц, а являлась отражением общего внутреннего конфликта в полисе, о чем свидетельствуют имена фигурантов процедуры. Имя Δεξιλης встречается на Пелопоннесе (Ахайя, Арголида, Лакония – см. LGPN IIIA. P. 120–121), имя его отца Ἄνθος также фиксируется на Пелопоннесе, а самое раннее упоминание (IV/III в.) – из коринфской колонии Аполлонии Иллирийской (Ibid. P. 41). Имя второго лица также показательно. Νυέστρατος / Ἀγέστρατος встречается на Пелопоннесе (Арголида, Аркадия), в Аполлонии Иллирийской, Эпире, а также в дорийских полисах Сицилии – Селинунте (VI в.), Сиракузах (IV в.), Тавромении (II в.) (Ibid. P. 8). Наиболее раннее упоминание имени Τελέσαρχος мы встречаем у Пиндара в оде 478 г. (Isthm. VIII. 2; Телесарх – отец победителя в беге Клеарха из Эгины); также оно фигурирует на Пелопоннесе (Ахайя, Арголида, Аркадия, Мессения) и в Аполлонии Иллирийской (LGPN IIIA. P. 423). Таким образом, перед нами имена двух дорийцев из Пелопоннеса в халкидском полисе. Появление их в Наксосе следует отнести к 476 г., когда тиран Сиракуз Гиерон переселил всех халкидян из Наксоса и Катаны в Леонтины, а на их место заселил на вербованных на Пелопоннесе переселенцев (Diod. XI. 49. 1 2: 5 тыс. пелопоннесцев). Большую часть поселенцев он направил в Катану (где основал новый полис, переименовав его в Этну), однако часть из них, судя по археологическим данным (см. далее), осталась в Наксосе. Вернуться в свой родной полис наксосцы, по всей вероятности, получили возможность в 461 г. вместе с катанцами (Diod. XI. 76. 3), но наксосские репатрианты были довольно малочисленны (после 461 г. демографическая ситуация в Леонтинах, откуда ушли выходцы из Катаны и Наксоса, не изменилась; см. *Vattuone R.* “Metoikesis”. *Trapani di popolazioni nella Sicilia greca fra VI e IV sec. a.C.* // *Emigrazione e immigrazione nel mondo antico / A cura di M. Sordi. Milano, 1994. P. 91*) и вряд ли могли эффективно противостоять дорийцам, проживавшим в их полисе. По всей видимости, обе общины составили в Наксосе совместное поселение (подобных примеров в истории архаической Сицилии немало, достаточно вспомнить основание Леонтин и Гимеры, перипетии истории Занклы/Мессаны – см. *Высокий М. Ф.* *История Сицилии. С. 350–354; 356–357; 288–297*) – во всяком случае, в 427 г. Наксос упоминается как халкидский полис (Thuc. IV. 25. 7). Вполне возможно, что в конце 430-х гг. в полисе вспыхнул (или усилился) конфликт между двумя общинами, и в результате рассматриваемой нами остракофории из Наксоса были изгнаны предводители дорийской общины, что, вероятно, подорвало положение дорийцев в полисе. Не исключено, что причиной конфликта стали разногласия по внешнеполитической ориентации полиса: в условиях широкомасштабной Пелопонесской войны выходцы из Пелопоннеса и их потомки в первом поколении могли выступить против проафинской позиции Наксоса, о которой см. далее. Признаком произошедших изменений могло быть появление на тетрадрахмах и драхмах Наксоса головы Аполлона в лавровом венке (*Cahn H. A.* *Die Münzen der Sizilischen Stadt Naxos. Basel, 1944. Grupp. V: 420–403 гг.*), которая идентифицируется с культом Аполлона Архегета (*Brugnone A.* *Notazioni sull' Apollo Archegete di Nasso // Φιλίας χάριν Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni. Vol. 1. Roma, 1980. P. 280–285*), существовавшим в халкидском Наксосе с момента его основания (Thuc. VI. 3. 1).

75 Ко второй половине VI в. Наксос подошел богатым и значительным полисом. Начинается чеканка собственных монет, серебряных тетрадрахм (серии 550–530 и 530–490 гг. – *Cahn H. A.* *Die Münzen der Sizilischen Stadt Naxos. Grupp. I–II*), а в конце столетия сооружается военная верфь, что свидетельствует о значительном внимании наксосцев к военно-политическому могуществу полиса. Не исключено, что именно Наксос с его удобной гаванью стал для своих субколоний, Леонтин, и Катаны, расположенных во внутренних районах острова и контролировавших плодородную долину р. Симеф, перевалочным портом продукции, прежде всего сельскохозяйственной, что, естественно, способствовало его экономическому росту. Возможно, именно этим обусловлено развитие наксосцами военно-морских сил, и этим же определялся интерес Гиппократа.

76 *Sjöqvist E.* *Sicily and the Greeks. Studies in the Interrelationship between the Indigenous Population and the Greek Colonists. Ann Arbor, 1973. P. 44.* Каллиполь располагался на западной границе хоры Наксоса, был основан на рубеже VIII и VII вв. (Ps-Scymn. 283–286), статус этого поселения неясен – полис или зависимое от метрополии поселение.

77 Наксос был готов к войне: буквально накануне нападения Гиппократа в городе были возведены новые оборонительные стены (*Pelagatti P.* *Naxos – Relazione preliminare delle campagne di scavo 1961–1964 // Bolletino d'Arte. 1964. Vol. 49. P. 157*). Вероятно, их возведение непосредственно связано с угрозой со стороны тирана Гелы. Наксос, видимо, был сильно разрушен Гиппократом, о чем свидетельствует и факт прекращения чеканки им монеты (*Boehringer C.* *Der Beitrag der Numismatik zur Kenntnis Siziliens im VI. Jahrhundert v. Chr. // Kokalos. 1984–1985. Vol. XXX–XXXI. P. 206*). Восстановили его лишь при Гиероне Дейномониде (*Pelagatti P.* *Sacelli e nuovi materiali architettonici a Naxos, Monte San*

пострадал, однако к 494/3 г. он явно существовал как городское поселение⁷⁸. После смерти Гиппократа, прихода к власти в Геле Гелона Дейноменида и захвата им Сиракуз, в 491–485 гг., Наксос остается под контролем владык Сиракуз (куда Гелон перенес столицу).

В 476 г. тиран Гиерон переселил жителей Наксоса и Катаны в Леонтины, предоставив им там права гражданства (Diod. XI. 49. 2)⁷⁹. В результате данной акции Леонтины становились практически единственным крупным халкидским полисом в государстве Дейноменидов⁸⁰. Освободившийся Наксос был основательно перестроен, и там, по всей видимости, был поселен гарнизон⁸¹ – очевидно, это была часть тех наемников из Пелопоннеса, которых Гиерон набрал для поселения в Катану (Diod. XI. 49. 1). Когда в 461 г. катанцы и, вероятно, наксосцы смогли вернуться в свой родной город (XI. 76. 3), то это сделали только немногие, судя по тому, что демографическая ситуация в Леонтинах не изменилась⁸². Вследствие этого наксосские репатрианты не могли эффективно противостоять новым поселенцам-дорийцам, и обе общины, придя к согласию, составили новое совместное поселение (см. выше). Подобное положение отразилось в возобновленной монетной чеканке полиса: монеты стали соответствовать аттическому весовому стандарту, иконография изображений сильно изменилась⁸³.

Дальнейшая история Наксоса, также известная весьма фрагментарно, тесно связана с обстоятельствами афинской политики в регионе. К 427 г. Наксос стал союзником Леонтин (Thuc. IV. 25. 9) и выступил на их стороне в конфликте с Сиракузами (III. 86. 2), а как минимум в 425 г. наксосцы непосредственно участвовали в боевых действиях против войска Мессаны, союзницы Сиракуз (IV. 25. 7–9). Учитывая наличие союзного договора Леонтин с Афинами (заключение или перезаключение которого

Mauro e Camarina // Il tempio greco in Sicilia. Architettura e culti. Atti della I riunione scientifica della scuola di perfezionamento in archeologia classica dell'Università di Catania (Siracusa, 24-27 novembre 1976) [Cronache di archeologia. 16. 1977] / A cura di G. Rizza. Catania, 1985. P. 43–55).

78 В 494/3 г. в Наксос из Занклы, апойкии Наксоса (Strabo. VI. II. 3), захваченной эмигрантами из Самоса с помощью того же тирана Гиппократа, спаслись бегством некоторые ее жители (*Arena R.* Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. Vol. III. Iscrizioni delle colonie euboiche. Pisa, 1994. No 76). Датированное перв. пол. V в. граффито Πολλίδαи является родовым именем, которое имеет параллели на о. Кос, родине Скифа, тирана Занклы в начале V в. (Her. VI. 23). К 476 г. Наксос был достаточно населенным городом (Diod. XI. 49. 2).

79 В историографии довольно распространено мнение, что это событие является ярким примером этнического антагонизма между дорийцами и халкидянами на Сицилии, и Дейномениды были проводниками подобной «националистической» политики (*Vallet G.* Rhégion et Zankle. Histoire, commerce et civilisation des cites chalcidiennes du détroit de Messine. Paris, 1958. P. 377–382; *Sjöqvist E.* Sicily and the Greeks. P. 47–48; *Maddoli G.* Il VI et il V secolo. P. 52). Однако существует и другая, не лишённая вероятности версия, согласно которой Катана и Наксос, халкидские колонии, находились в сфере влияния халкидского же государства Анаксилая, и потому Гиерон, желая надёжно контролировать «своих» халкидян, хотел также, чтобы новые поселенцы-наемники неусыпно наблюдали за правителем Регии и Мессаны (*Hackforth R.* Sicily // САН¹. Vol. V. 1935. P. 148). Однако на территориях, которые в той или иной степени оказались подвластны Сиракузам, все-таки шла «дорификация» ионийского населения. Так, на монетах городка Стиелан, расположенного в области халкидского Наксоса, между халкидскими полисами Катана и Леонтины, халкидская легенда Στιελαναίων эволюционировала в дорийскую Στια(λαναίων) (*Manganaro G.* Dai mikra kermata di argento al chalkokratos kassiteros in Sicilia nel V sec. a.C. // Jahrbuch für Numismatic und Geldgeschichte. 1984. Bd 34. P. 35).

80 Археологические данные исследования некрополя Леонтин свидетельствуют о массовом увеличении населения города в первой четверти V в. (*Spigo U.* Ricerche a Monte San Mauro, Francavilla di Sicilia, Acireale, Adrano, Lentini, Solarino // Kokalos. 1980–1981. Vol. XXVI–XXVII. P. 792–793). Данная акция не может не навести на мысль о желании тирана свести все ненадежные элементы греческого населения в одно место и освободить стратегически важные пункты для поселения там абсолютно надежного и лояльного по отношению к правителю населения, возможно, для обеспечения лучшего контроля над приграничными с государством Анаксилая в Регии и Мессане территориями (прежде всего это касается Наксоса). Было сделано все для закрепления нового населения Леонтин в полисе – очевидно, был издан специальный указ об основании нового полиса: «[Гиерон] наксосцев и катанцев, изгнанных из родных [полисов], переселил в Леонтины и повелел вместе с местными жителями населить полис» (Diod. XI. 49. 2).

81 *Di Vita A.* Urban Planning in Ancient Sicily // The Western Greeks. Classical Civilization in the Western Mediterranean / G. Pugliese Carratelli (ed.). London, 1996. P. 297. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в новом поселении Наксоса все дома были полностью одинаковы (*Martin R., Pelagatti P., Vallet G., Voza G.* Le citta greche // Storia della Sicilia. Vol. I / A cura di R. Romeo. Napoli, 1979. P. 628–630), что говорит о равноправии, в том числе имущественном, их хозяев.

82 *Vattuone R.* “Metoikesis”. P. 91.

83 На монетных сериях 461–430 гг. и 430–420 гг. тетрадрахм и драхм сохранился профиль бородастого Диониса в лавровом венке, однако изображение уже утратило архаические черты (его иконография соотносится с изображением на монетах Этны, и автором изображения головы Диониса на монетах Наксоса называется т.н. Мастер Этны – *Ross Holloway A.* The Archaeology of Ancient Sicily. London; New York, 1991. P. 129); на реверсе вместо грозди винограда появилось изображение сидящего обнаженного Силена, пьющего из чаши (*Cahn C. M.* Die Münzen der Sizilischen Stadt Naxos. Grupp. III–IV).

можно датировать 440-ми – 430-ми годами) и непосредственное участие афинян в боевых действиях с лета 427 г., на стороне Леонтин и их союзников халкидян (III. 86; 90.1), можно предположить наличие тесных, практически союзнических отношений Наксоса и Афин (вероятно, без заключения формального союза).

В источниках сохранились следы идеологической основы этого союза Афин и сицилийских халкидян. Афинский историк Фукидид вкладывает в уста сиракузского политического деятеля Гермократа на конгрессе в Геле в 424 г. тезис о том, что стороны конфликта должны улаживать миром ссоры с соплеменниками – дорийцы с дорийцами, а халкидяне со своими сородичами ионянами (IV. 64. 3). Несколько ранее (III. 86. 2–3) Фукидид акцентирует, что в 427 г. послы халкидского Регия, прибывшие в Афины с просьбой о помощи против Сиракуз, обосновывали свою просьбу прежде всего родством с ионянами, а затем уж старинным союзничеством⁸⁴. Квинтэссенцией данной идеологической концепции стала устойчивая версия об афинском происхождении Фукла/Феокла, ойкиста Наксоса и Леонтин и фактического организатора не только переселения халкидян на Сицилию, но и установления халкидского контроля над плодородной долиной р. Симеф⁸⁵: наиболее связанная версия о его афинском происхождении представлена у Эфора (apud Strabo. VI. 2. 2): занесенный бурей на Сицилию, Фукл/Феокл заметил слабость местного населения и плодородие земли, однако по возвращении домой не смог убедить афинян в необходимости отправки экспедиции, и обратился к халкидянам с Эвбеи (см. также Ps-Scymn. 272–273).

Таким образом, с определенной долей уверенности можно констатировать в 430-х – 420-х гг. значительное афинское влияние на Наксос, в том числе и в политической сфере, что, в свою очередь, позволяет предположить афинское происхождение введенного в Наксосе остракизма⁸⁶. Сроки функционирования данной процедуры при настоящем скудном состоянии источников определить невозможно, однако вряд ли она продолжала существовать после утраты Афинами своего влияния в регионе в результате поражения в войне с Сиракузами в 415–413 гг.

* * *

Благодаря недавним археологически находкам последнего времени появились сведения об остракофории еще в одном полисе региона Великой Греции – в Фуриях.

В 2009 г. при исследовании улицы В был найден фрагмент сосуда с надписью Χάρων Ἀγάθωνος, который руководитель работ Э. Греко идентифицировал как остракон: по мнению автора, характер надписи, а также ее размещение на черепке, демонстрирующее написание именно на фрагменте, а не на целом сосуде, свидетельствует о его принадлежности к остракофории. Палеографические особенности надписи, стратиграфический контекст находки, а также датировка надписи по носителю – фрагменту чернолакового аттического кубка типа Borsari, позволяют отнести ее появление к третьей четверти – последним десятилетиям V в. Как полагает Э. Греко, упомянутую остракофорию следует датировать периодом между 415 г., когда к берегам Италии прибыла афинская эскадра под командованием Никия, Ламаха и Алкивиада (афиняне продвигались вдоль побережья от Тарента до Регия, вступая в контакт с жителями встречных полисов) (Thuc. VI. 44. 2–3), и 413 г., когда афинская эскадра под командованием Демосфена и Евримедонта прибыла в Фурии, где была радушно принята (VII. 33. 5–6).⁸⁷

История Сибариса, на базе которого фактически и были основаны Фурии, была весьма бурной даже на фоне изобилующей конфликтами общеэллинской истории. Основанный ок. 720 г. совместной экспедицией ахеян и трезенцев в междуречье Кратиды и Сибариды, полис достаточно быстро пришел

84 Симптоматично, что у Диодора, подробно описавшего данное посольство и опиравшегося, по всей видимости, на материалы леонтинского ратора Горгия, возглавлявшего посольство, ничего не сказано об обсуждении родства ионян и сицилийских халкидян, а аргументами послов стали риторическое искусство Горгия и отсылки к афино-региискому и/или афино-леонтинскому союзному договору (XII. 53). Краткое замечание о том, что халкидяне из Леонтин были συγγενεῖς афинян (53. 1), фигурирующее в такой же краткой форме и при описании переговоров леонтинской делегации в Афинах в 415 г. (Diod. XII. 83. 1), носит характер пояснения автора, т.е. Диодора.

85 Подробнее см. *Высокий М. Ф.* История Сицилии. С. 352–354.

86 Как справедливо подметил И.Е. Суриков, подавляющее большинство городов – центров функционирования внеафинского остракизма являются дорийскими, что, возможно, свидетельствует о дорийском происхождении данной традиции (Остракизм в Афинах. С. 192). При этом аналогичная древняя халкидская традиция не зафиксирована в источниках, что, видимо, позволяет сделать вывод о ее отсутствии.

87 *Greco E.* Un ostrakon da Thurii // ZPE. 2010. Bd 173. P. 97–101.

к экономическому процветанию, и благосостояние его жителей стало легендарным (Arist. *Pol.* V. 2. 10. 1303a. 30–39; Diod. XII. 9. 1–2; Ps-Scymn. 337–356; Strabo. VI. 1. 12–13). В 511/10 г. в результате военного конфликта с Кротонем Сибарис был захвачен и разрушен противником (Her. V. 44–45; Diod. XII. 9. 2–10; Ps-Scymn. 357–360; Strabo. VI. 1. 13). Однако к 470-м гг. поселение уже возродилось⁸⁸, и в 476 г. Сибарис с помощью Сиракуз получил независимость⁸⁹. В 453/2 г. совместно в фессалийцами был основан «третий» Сибарис, который уже через пять лет, в 448/7 г. был разрушен кротонцами (Diod. XI. 90. 3–4; XII. 10. 2). В 446/5 г. был основан «четвертый» Сибарис: по просьбе сибаритов, афиняне, призвав переселенцев из полисов Пелопоннеса, направили 10 кораблей под командованием Лампона и Ксенокрита для реколонизации Сибариса или основания Фурий по соседству с прежним поселением, у одноименного источника (Diod. XII. 10. 4–7; Strabo. VI. 1. 13)⁹⁰. В 445/4 г. в полисе вспыхнул конфликт сибаритов и прибывших колонистов (сибариты, считая себя коренными жителями, требовали привилегий в новом полисе, в том числе в виде закрепления за ними наиболее важных должностей),

88 Сибарис был разрушен, место его расположения было затоплено путем изменения русла реки, а сибариты переселились в Лаос и Скидрос (Her. VI. 21; Diod. XI. 90. 3; XII. 9–10). Однако под 476 г. Диодор сообщает, что сибариты были осажены (πολιόρκουμένον) кротонцами (XI. 48. 4), что, естественно, подразумевает наличие собственно города Сибариса в это время. Также в схолиях при описании событий 476 г. сообщается, что Полизел Дейноменид был отправлен из Сиракуз для содействия овторному заселению Сибариса (εἰς ἀνοικισμὸν... Συβάρεως) (Schol. Pind. Ol. II. 29b). Археологические данные свидетельствуют о запустении города с конца VI в., которое продолжалось и большую часть следующего столетия; к этому времени относятся лишь отдельные фрагменты керамики (Guzzo P. G. Scavi a Sibari. 2 // *Annali dell'Istituto universitario orientale di Napoli. Sezione di archeologia e storia antica.* 1981. Vol. III. P. 18–20; *idem.* Sibari e la Sibaritide: materiali per un bilancio della conoscenza archeologica // RA. 1992. Fasc. 1. P. 19), что, естественно, не может свидетельствовать о наличии на территории Сибариса поселения. Однако нумизматические данные свидетельствуют о существовании подобного поселения: после 510 г. зафиксирован немногочисленный выпуск статеров с изображением треножника, обычного символа монет Кротона, на аверсе, и обернувшегося назад быка, столь же традиционно связываемого с Сибарисом, на реверсе (Kraay C. M. *Archaic and Classical Greek Coins.* Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 172). Сам факт выпуска этой монеты свидетельствует о том, что полис сохранился юридически, но из него становится очевидным и подчинение Сибариса Кротону. Подтверждения этому обнаруживаются и в источниках, восходящих, по всей вероятности, к кротонским хроникам: известно, что после захвата Сибариса кротонцы «стали управлять захваченной землей, не разделив ее, как многие того желали...» (Apoll. Tian. apud Jamb. *De vita Pyth.* 255). Земельный фонд Сибариса не был присоединен к кротонскому фонду, и, следовательно, полис сохранил свой автономный статус, для чего было необходимо сохранение какой-то части сибаритского населения, проживавшей в своем полисе. Власть Кротона над покоренным городом осуществлялась через своего рода наместников; так, Килон, один из руководителей мятежа против пифагорейцев, одно время был «экзархом Сибариса» (Jamb. *De vita Pyth.* 74).

89 Подробнее о перипетиях внутри- и внешнеполитической истории Сиракуз к 476 г. и обстоятельствах экспедиции в Италию сиракузских войск под командованием Полизела, младшего брата тирана Сиракуз Гиерона Дейноменида, см. в: Высокый М. Ф. *История Сицилии.* С. 114–117; 218–220. Судя по замечанию Тимея о том, что Полизел благополучно завершил войну с Кротонем (Tim. apud Schol. Pind. Ol. II. 29d), мы можем заключить, что война сиракузянами была выиграна, и Сибарис, получив независимость (об этом свидетельствует появление монетных серий, датированных после 510 г., с символикой только Сибариса: триоболов с изображением обернувшегося назад быка на аверсе и амфоры на реверсе, а также оболлов с изображением обернувшегося быка на аверсе и желудя на реверсе), вошел в сферу влияния Сиракуз. Возможно, в честь именно этой победы в Сибарисе была отчеканена небольшая монетная серия с надписью ΝΙΚΑ под изображением обернувшегося быка (Kraay C. M. *Archaic and Classical Greek Coins.* P. 165; 172).

90 Хронология основания Фурий довольно запутанна, что обуславливает ее различные трактовки. В 446/5 г. при архонте Афин Каллимахе отправилась совместная экспедиция сибаритов и афинян под командованием Лампона и Ксенокрита (посольство сибаритов в Афины могло быть несколько ранее, в 447/6 г.), был основан новый полис, по словам Диодора – Фурии, по соседству с Сибарисом (Diod. XII. 7. 1; 9. 1; 10. 3–6). Однако, по сообщению Псевдо-Плутарха, Фурии были основаны при архонте Афин Праксителе, т.е. в 444/3 г., что подтверждается сообщением Дионисия Галикарнасского об основании Фурий за 12 лет до начала Пелопонесской войны (Ps.-Plut. *Vitae dec. orat.* 835d; Dion. Hal. *Lys.* 1). При этом конфликт в новооснованной колонии, закончившийся изгнанием всех сибаритов, датируется не позже 445/4 г., когда при архонте Афин Лисимахиде изгнанными сибаритами было основано поселение на реке Траент (Diod. XII. 22. 1). А уже в 444/3 г., при архонте Афин Праксителе, жители Фурий, подкрепленные прибытием новых переселенцев, вступили в войну с Тарентом за обладание областью Сиритида (Diod. XII. 23). Согласно несколько отличающейся от источника Диодора версии Эфора (apud Strabo. VI. 1. 13), после изгнания сибаритов из новооснованного полиса поселение было перенесено по соседству и названо Фуриями по имени источника, т.е. основание также датируется 444/3 г. Таким образом, есть две версии основания Фурий: 1) в 446/5 г. на новом месте совместно с сибаритами с последующим их изгнанием и началом борьбы за Сиритиду; 2) в 446/5 г. был основан «четвертый» Сибарис, а после изгнания сибаритов и прибытия новых переселенцев из Афин в 444/3 г. были основаны Фурии, перенесенные на новое место, вскоре после чего вспыхнула война с Тарентом. Последнюю версию подтверждают сведения о различных ойкистах нового полиса: в 446/5 г. это Лампон и Ксенокрит (Diod. XII. 10. 3), другой ойкист, вероятно, в 444/3 г., – Дионисий Халк (Plut. *Nic.* 5). Подробную историографию вопроса см.: *Nafissi M.* Sibariti, Ateniesi e Peloponnesiaci. Problemi storici e storiografici nel racconto di Diodoro sulla fondazione di Thurii // *Atene e l'Occidente: i grandi temi.* P. 385–420.

в результате чего сибариты были изгнаны из полиса (Diod. XII. 11. 1–2; 22. 1; Strabo. VI. 1. 13). Через десять лет, в 434/3 г. в Фуриях вновь вспыхнул острый внутренний конфликт между бывшими афинянами и выходцами из Пелопоннеса по вопросу о том, кто был основателем Фурий и, следовательно, кто имеет право доминировать в полисе; ни одной из сторон не удалось взять верх, и конфликт был разрешен благодаря дельфийскому оракулу, объявившему, в ответ на обращение фурийского посольства, основателем Фурий Аполлона (Diod. XII. 35. 1–3). Далее в истории Фурий возникает пробел, который завершается описанием событий 415–413 гг.

Состав населения Фурий, определяющий в том числе и внешнеполитическую ориентацию полиса, оказался в рассматриваемую эпоху разнородным и нестабильным. В 446/5 г. вместе с сибаритами в Италию отправились не только афиняне, но и выходцы из полисов Пелопоннеса (Diod. XII. 10. 4), которые были представлены главным образом союзниками Афин⁹¹: хотя в этом же году после 5-летнего перемирия был заключен 30-летний мир между Афинами и Пелопоннесской Лигой (Thuc. I. 114–115; Diod. XII. 7; Plut. *Per.* 22–24), маловероятно, чтобы афиняне, возглавившие отряд переселенцев, допустили присутствие в нем вчерашних врагов. В этом отношении симптоматична оговорка Диодора (или его источника), что лакедемоняне проигнорировали приглашение принять участие в основании полиса, переданное им посольством сибаритов (XII. 10. 3), – не исключено, что эта позиция была определена в том числе текущими отношениями с Афинами.

После стасиса и изгнания сибаритов население Фурий, очевидно, сократилось, не исключено, что довольно значительно, и это потребовало приглашения новых поселенцев. Вторую волну переселенцев, прибывшую в 444/3 г.⁹², возглавили также афиняне (ср. сведения об ойкисте Дионисии Халке из Афин – Plut. *Nic.* 5), не исключено, что среди них оказался влиятельный афинский политический деятель Фукидид, сын Мелесия⁹³. Вновь созданный гражданский коллектив оказался столь значительным, что смог претендовать на территории сопредельных областей (Diod. XII. 23).

В результате в Фуриях были созданы 10 фил: три филы выходцев из Пелопоннеса, – Аркадии, Ахайи, Элеи, – филы переселенцев из Беотии, Фокиды, Дориды, Афин, Эвбеи, Ионии и выходцев с островов (Diod. XII. 11. 3), «этнический» состав которых представлял лояльное к Афинам население, что позволяло сохранить определяющее афинское влияние⁹⁴. Однако к 434/3 г. подобная «проафинская гармония» в полисе дала серьезную трещину, не исключено, что на фоне внешнеполитических неурядиц: судя по тому, что в 433/2 г. тарентийцы в спорной Сиритиде основали Гераклею (Diod. XII. 36. 4), вполне вероятно, что к этому времени они смогли завершить в свою пользу продолжительную войну, которую вели с Фуриями с 444/3 г. (XII. 23), и установить контроль над спорной территорией⁹⁵.

91 Эфор (apud Strabo. VI. 1. 13), не акцентируя внимание на пелопонесском происхождении второй части переселенцев, дает обобщающую фразу ὑπὸ Ἀθηναίων καὶ ἄλλων Ἑλλήνων, которая, вероятно, свидетельствует о союзническом статусе упоминаемых эллинов (см. Wick T. E. *Athens' Alliances with Rhegion and Leontinoi*. P. 291).

92 Многочисленные данные источников об основании Фурий именно в 444/3 г. (см. выше) свидетельствуют о правовом акте создания нового полиса, что было обусловлено не только переносом поселения на новое место, но прежде всего появлением контингента новых поселенцев.

93 О датировке остракизма Фукидида, сына Мелесия, его роли в организации колонизационной экспедиции в Фурии и возможном пребывании в период изгнания в этом полисе см.: Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 139–141; 263–264; 343.

94 Нумизматические данные Фурий свидетельствуют о значительном афинском влиянии; см. Bugno M. *Forme di contatto e processi di trasformazione in Magna Grecia: la moneta a Sibari rifondata nel 446/5 a.C.*// *Rivista Italiana di Numismatica e Scienze Affini*. I 1997. Vol. 98. P. 49–76.

95 Сначала данная война оказалась не слишком обременительна для фурийцев: как сообщает Диодор, боевые действия вылились в серию небольших столкновений и стычек, которые не принесли обеим сторонам успеха (XII. 23). Историк Антиох Сиракузский уточняет обстоятельства завершения войны: стороны договорились основать совместное поселение (συνοικῆσαι μὲν κοινῇ), однако созданная Гераклея стала считаться (κρητῆναι) колонией Тарента, что, вероятно, и определило поражение Фурий (Antioch. apud Strabo. VI. 1. 14). Отрядами фурийцев, по Антиоху, в этой войне командовал спартанский стратег Клеандрид; симптоматично пребывание Клеандрида именно в Фуриях – по словам Плутарха, он был подкуплен Периклом во время похода лакедемонян в Аттику в 446 г., за это в Спарте был осужден на смерть и бежал (*Per.* 22); выходец из Лакедемона лишь с такой биографией и связями в Афинах мог оказаться в Фуриях и получить права гражданства (см. Thuc. VI. 104. 2). Однако описание боевых действий фурийцев под его командованием против bruttiev из г. Терины и племен левканов (Polyaen. II. 10. 1–2; 4–5) свидетельствует об операциях фурийцев против италийцев в период войны за Сиритиду: Аристотель упоминает фурийский закон, предполагавший переизбрание на должность стратега лишь через 5 лет (*Pol.* V. 6. 8. 1307b), что объясняет столь продолжительное командование Клеандрида, и это, возможно, обусловило необходимость уступок Таренту.

Судя по описанию Диодора, конфликт (как и в 445/4 г.) вспыхнул из-за претензий на преимущественное право занятия наиболее важных магистратур (в том числе, видимо, актуальной в сложившейся ситуации должности стратега/членов коллегии стратегов): между переселенцами из Афин и выходцами из полисов Пелопоннеса возникли острые разногласия по вопросу о том, выходцы из какого полиса могут именоваться основателями Фурий. Формально конфликт был разрешен решением дельфийского оракула о провозглашении Аполлона основателем Фурий (XII. 35. 1–3), однако фактически декларируемое Диодором умиротворение могло наступить после принятия определенных правовых норм, удовлетворяющих все стороны. Скорее всего, именно к этим событиям относится введение в Фуриях свода законов, связываемых с именем древнего законодателя Харонда (Diod. XII. 11. 4)⁹⁶.

По всей видимости, реальным номофетом Фурий был философ Протагор из Абдеры, которого Гераклид Понтийский упоминает как законодателя Фурий (apud Diog. Laert. IX. 8). В основе его правовой системы находился кодекс Харонда, но в новой редакции, существенно дополненной как минимум законами Залевка (Strabo. VI. 1. 8; Suda. s. v. Ζάλευκος), законодателя Локр Эпизефирийских середины VII в.⁹⁷

Упомянутый конфликт стал отражением процесса ослабления афинского влияния в полисе и поляризации политических сил в соответствии с основными внешними центрами притяжения (из 10 фурийских фил на реальную власть, как мы видели, претендовали лишь афиняне и пелопоннесцы, остальные распределились между двумя основными группировками). Продолжающаяся миграция эту поляризацию лишь усугубляла. Так, афинский оратор конца V в. сетует на то, что многие представители полисов – членов Афинской архэ, переселяющиеся в Фурии, приносят с собой ненависть к Афинам, разоряющим размером взноса в союзную казну своих союзников (Ps.-Andoc. IV. 12)⁹⁸. Однако к 414/3 г. в Фуриях возобладали проафинская группировка: в результате внутривосполитического конфликта (обострившегося, вероятно, в связи с началом второй Сицилийской экспедиции Афин) из Фурий были изгнаны противники афинян, и фурийцы заняли твердую проафинскую позицию, выделив 700 гоплитов и 300 метателей дротиков для поддержки афинского контингента (Thuc. VI. 104. 2; VII. 33. 6–7; 35. 1).

Итак, учитывая достаточно широкие рамки датировки найденного остракона (третья четверть – последние десятилетия V в.; см. выше), у нас есть два возможных периода введения остракизма в Фуриях: 434/3 г. и 414/3 г. Первый вариант довольно привлекателен: установление новой правовой системы подразумевает законодательные «новшества», однако сами обстоятельства – фактическое выступление пелопоннесцев и их союзников против доминирования афинян в полисе – свидетельствуют скорее о невозможности введения процедуры, столь явно ассоциируемой с Афинами. С другой

96 Подобная отсылка к кодексу законодателя конца VII – VI в. Харонда из сицилийской Катаны обусловлена его широкой известностью в регионе этот свод законов использовался далеко за пределами Катаны: фактически, именно об этом и пишет Аристотель, который называет Харонда законодателем Катаны и других халкидских полисов Италии и Сицилии (Pol. II. 9. 1274a. 22–25). Современник основания Фурий, Платон, часто бывавший на Сицилии, также именует Харонда законодателем Италии и Сицилии (Resp. X. 599e). А в пифагорейской исторической традиции, весьма влиятельной в Южной Италии, именно Харонд считался лучшим законодателем (Jamb. Vita Pyth. 130; 172).

97 Подробнее о кодексе Харонда см.: *Vysokii M. F. Ancient Greek Legislation on Sicily: The Laws of Charondas // Ruthenia Classica Aetatis Novae / A. Mehl, A. V. Makhlayuk, O. L. Gabelko. Stuttgart, 2013. P. 31–44.* У Иоанна Стобея упоминается Гипподам Пифагореец и Гипподам из Фурий (Flor. IV. 34. 71. p. 846 Hense; IV. 39. 26. p. 908 Hense), который идентифицируется со знаменитым архитектором Гипподамом из Милета (Гипподама из Фурий упоминает также Суда – s. v. Θεανώ). Хронологически деятельность Гипподама в рассматриваемую эпоху выглядит следующим образом: в середине V в. он находится в Афинах и принимает участие в постройке стен в Пирей (Strabo. XIV. 2. 9); в 444/3 г. или несколько позже переселяется в Фурии (Hesich. s. v. Ἰπποδάμου νόμος) и находится там вплоть до переезда на Родос в 408 г. О пребывании архитектора в Фуриях наглядно свидетельствует геометрически точный регулярный план города, выявленный в ходе раскопок (материалы археологических исследований, а также подборку сведений об архитекторе Гипподаме из Милета см.: *Greco E. Turi // La città greca antica. Istituzioni, società e forme urbane / A cura di E. Greco. Roma, 1999. P. 416–425*). Учитывая замечание Аристотеля о том, что Гипподам был первым из граждан, не занимавшихся государственной деятельностью, который изложил свою концепцию государственного устройства и модернизации законодательства (Pol. II. 5. 1–4; особенно тщательно были проработаны процедурные вопросы судопроизводства, избрания магистратов, внесения изменений в законодательство), можно предположить, что знаменитый архитектор мог принимать непосредственное участие в создании/модернизации правовой системы полиса.

98 В свете этого фрагмента симптоматична история олимпийца (а также неоднократного победителя на Пифийских, Истмийских и Немейских играх) Дориея, сына Диагора, который политическими противниками был изгнан из Родоса, удалился в Фурии и на играх 424 г. провозгласил себя фурийцем, как и его племянник Пейсирод. После возвращения на родину Дорией не скрывал своего лаконофильства и в рядах флота Родоса (союзника Спарты) участвовал в боевых действиях против афинян с кораблями, приобретенными и снаряженными за собственный счет (Paus. IV. 7. 4).

стороны, упоминаемое Фукидидом изгнание в 414/3 г. из Фурий противников афинян (речь, по всей видимости, идет о лидерах и наиболее видных представителях политической группировки) могло быть осуществлено именно через процедуру остракизма, что позволяет согласиться с гипотезой, выдвинутой Э. Греко. Вероятно, подтверждение подобной трактовки мы находим в имени «жертвы» остракизма: личные имена самого политического деятеля и его отца достаточно распространены во всем эллинском мире, но на Пелопоннесе (Аргос, Коринф, Лакония, Элида) и в мегарской колонии Селинунт на Сицилии зафиксированы наиболее ранние упоминания имени Χάρων – VI в., VI/V в.⁹⁹ Скорее всего, перед нами один из лидеров группировки пелопоннесцев, противодействовавших проафинской политике Фурий.

Остракизм просуществовал в Фуриях недолго, о чем свидетельствует единичность находки остракона. Подтверждение этого находим и в письменных источниках, сообщающих, что в 413 г. после разгрома афинян и их капитуляции у реки Ассинар на Сицилии (Thuc. VII. 84), партия сторонников афинян в Фуриях потерпела поражение во внутривосточной борьбе, и 300 ее видных членов, в том числе известный в будущем афинский оратор Лисий, были обвинены в проафинской ориентации (вероятно, в рамках некоей судебной процедуры) и приговорены к изгнанию (Dion. Hal. *Lys.* 1; Ps-Plut. *Vitae decem orat.* 835d). В ходе этих событий был, видимо, отменен и остракизм.

Подводя итоги, следует отметить, что введение остракизма в двух из трех рассмотренных полисов региона было ситуативной акцией, связанной с установлением тесных союзнических отношений с Афинами во время или перед их вторжением в регион в 430-х – 410-х гг., усиленных необходимостью военного взаимодействия в условиях общегреческой Пелопоннесской войны. Не исключено, что натурализация остракизма могла быть признаком политической благонадежности союзников Афин (именно поэтому мы наблюдаем нетрадиционный для остракизма пример его появления в халкидском полисе в совокупности с формированием идейного постулата о родовой общности с ионийскими Афинами). Именно этим объясняется незначительная продолжительность функционирования данной процедуры, о чем свидетельствует небольшое количество найденных «бюллетеней»: после военного поражения Афин в 413 г. сохранять столь показную верность проигравшей стороне было не только политически недальновидно, но и просто опасно. С другой стороны, история петализма свидетельствует о наличии в регионе внеафинской общедорийской традиции, которая реанимировалась в периоды острых внутривосточных конфликтов, и нельзя исключать того, что в будущем будут найдены свидетельства применения остракизма в иных полисах региона Великой Греции.

О ЗНАЧЕНИИ ПЕРВОЙ КНИГИ СОЧИНЕНИЯ ФУКИДИДА КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ВВЕДЕНИЯ

Первая книга «Истории» Фукидида имеет особое значение. Она является историко-философским введением ко всему его сочинению. Фукидид, как историк-исследователь, осознавал, что без такого введения все дальнейшее сочинение будет малопонятным читателю. Это его нововведение стало непреложным правилом для всей последующей научной историографии как античной, так и современной¹.

В силу своего значения первая книга «Истории» Фукидида является многоплановой по своему содержанию. Она начинается с небольшого предисловия (I. 1–3), в котором Фукидид предстает перед читателем не как обыкновенный рассказчик, повествующий о военных событиях, но как исследователь, собирающийся показать, как и почему пелопоннесцы и афиняне воевали друг с другом. Сегодня в исторической науке высказывается и противоположная точка зрения, согласно которой история в античности не входила в число дисциплин, продвигавших точные знания и истину в философском смысле. По мнению ряда ученых, результаты исторических описаний античных авторов не представляли собой обнаружение подлинной истины, но являлись лишь частным мнением². Сформулировав тему своего сочинения – «Описание» (ἱστορίαι) войны между пелопоннесцами и афинянами, Фукидид доказывает, почему эта война заслуживает серьезного изучения. В отличие от Геродота, который описал деяния эллинов и варваров, включая Греко-персидские войны, Фукидид ограничивает свое исследование рассмотрением конкретного исторического события – Пелопоннесской войны. Здесь он использует научный термин «предвидя» (ἐλλίσας), что настоящая война будет важной и наиболее достопримечательной из случившихся прежде (προγεγενημένων). Это предвидение было возможным благодаря, с одной стороны, сравнительному анализу данной войны с предыдущими войнами – Троянской и Греко-персидскими, с другой – на основе того заключения, к которому афинский историк приходит в ходе своего исследования современных событий.

Фукидид использует еще один научный термин τεκμαίρομενος (причастие от глагола τεκμαίρομαι – «рассуждать, исследовать»), сообщая о том, что обе противоборствующие стороны к началу войны были вполне подготовлены к развязыванию военных действий (I. 1. 1). Под двумя сторонами – пелопоннесцами и афинянами – Фукидид подразумевает два противостоящих друг другу военно-политических блока греческих полисов, окончательно оформившихся и достигших своего расцвета в период так называемого «Пятидесятилетия» (Πεντηκονταετία), т.е. с 478 по 431 гг. до н.э. Говоря о двух противостоящих блоках греческих государств, Фукидид подчеркивает их политическое и идеологическое различие, имея в виду объединение олигархических полисов во главе со Спартой и демократических полисов во главе с Афинами.

Следя за событиями этой войны и собирая материал о ней, Фукидид пришел к убеждению, что Пелопоннесская война стала величайшим потрясением (I. 1. 1: κίνησις γὰρ αὕτη μεγίστη) прежде всего для эллинов и некоторой части варваров, но можно сказать, что для большей части человечества. Подтверждение этому историк приводит немного позже (I. 23. 1–3). Он отмечает, что в ходе этой войны воюющими сторонами было захвачено и разрушено такое количество городов, какого не знала ни одна прежняя война. Автор подчеркивает, что никогда еще не было известно столько изгнаний

1 *Raaflaub K. A. Ktēma es aiei: Thucydides' Concept of "Learning through History" and its Realization in his Work // Thucydides between History and Literature / Ed. by A. Tsakmakis and M. Tamiolaki. B.; Boston, 2013. P. 3–21.*

2 *См.: Finley M. I. The Use and Abuse of History. L.; N. Y., 1975. P. 12; Pani M. Le ragioni della storiografia in Grecia e a Roma: una introduzione. Bari, 2001. P. 66; Nicolai R. The Place of History in the Ancient World // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. by J. Marincola. Blackwell, 2007. Vol. 1. P. 13–26, здесь – p. 17 ff.*

и кровопролития, вызванных как военными действиями, так и внутренними распрями. Наконец, разразилась моровая язва, погубившая значительную часть населения Афин.

Благодаря своему исследованию Фукидид осознал, что Пелопоннесская война была причиной социально-экономического и политического кризиса греческих полисов, начавшегося уже с конца V в. до н.э., черты которого он описывает в последующих книгах «Истории». Таким образом, вывод Фукидида опровергает упомянутые выше утверждения некоторых современных ученых о том, что исторические описания античных авторов не представляют собой обнаружение подлинной истины. В этом и заключается одно из важнейших значений первой книги Фукидида.

Очень важное значение имеет и заключительная часть этого предисловия. Здесь Фукидид отмечает, что ему как историку удалось проникнуть с помощью проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств в далекое прошлое и поэтому с уверенностью заявляет, что тогда не случилось ничего важного ни в области военных событий, ни в каком-либо ином отношении.

Вместе с тем суждения Фукидида в первой книге и в частности в этом кратком предисловии показывают, что он, как всякий исследователь и особенно историк, не свободен от определенного субъективизма, ибо, будучи увлечен основной темой своего исследования, с некоторым скепсисом относится к другим темам (ср. в речи коринфян: I. 123. 1).

Важной частью первой книги являются главы 2–19, получившие в схолиях название «Археология»³. В первой части «Археологии» (I. 2–11) Фукидид рассматривает и характеризует события, случившиеся в древнейшей истории Греции – до начала Троянской войны. Во второй части (I. 12–19) историк описывает и истолковывает события, происходившие в Элладе после Троянской войны. С точки зрения современных исследователей это было время после окончания так называемых «темных веков», включавшее гомеровский и раннеархаический периоды.

Весьма длительная дискуссия была вызвана переводом и интерпретацией выражения Фукидида οὐ πάλαι βεβηαιώς οἰκουμένην (Thuc. I. 2. 1:), о том, что «страна именуемая Элладой прочно заселена не с давних пор». Этот перевод предложил Ф.Г. Мищенко. Другой перевод: «Эллада не с давних пор имела оседлое население», выполненный Г.А. Стратановским, предполагает, что в отдаленной древности греки вели кочевой образ жизни, изменив его на оседлый по истечении длительного времени.

Ряд современных исследователей критически оценивает мнение о возникновении микенской цивилизации в связи с приходом на Пелопоннес орд воинственных кочевников, но другие исследователи считают, что первоначально древние греки вели кочевой образ жизни. В отечественной исторической науке этой точке зрения в свое время отдавал предпочтение Ю.В. Андреев⁴. В настоящее время ее поддерживает И.Е. Суриков⁵.

В столь глубокой древности в период господства традиционных культур кочевники искали места поселения, соответствующие их образу жизни, то есть земли не плодородные, но пастбищные. Фукидид же говорит об имевших место в древности переселениях в поисках плодородной земли и возделывания полей. Он ведет речь не о пастухах-скотоводах, а земледельцах и употребляет термин не кочевники (νομάδες), а переселенцы (μεταναστάσεις)⁶.

Важной проблемой книги I является характеристика общественных отношений между греками, отраженная в первой части «Археологии». Фукидид отмечает (I. 3. 4), «что эллины, жившие отдельно по городам и впоследствии названные все общим именем, до Троянской войны по слабости и отсутствию взаимного общения не совершили ничего сообща». С. Хорнблауэр высказал возражение против этого мнения Фукидида⁷. Тем не менее, Фукидид не один раз и не случайно говорит о городах, существовавших в Элладе.

В другом месте (Thuc. I. 7. 1) он эти города называет древними (αἱ παλαιαί) и говорит, что они были построены вдали от моря и в глубине материка, и что они оставались заселенными и в его время. Эти

3 Об общей интерпретации «Археологии» и анализе современной литературы см.: *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии Фукидида. Ч. I. Археология. Н. Новгород, 2014. С. 34 сл.

4 *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.). СПб., 2002. С. 595. Прим. 9; ср. там же. С. 761.

5 *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 44.

6 *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли. С. 36 сл.

7 *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 24.

города, по-видимому, не были центрами развитой торговли, и Фукидид противопоставляет их городам, возникшим в последнее время, т.е. после Троянской войны. Он говорит, что эти города возникли тогда, когда средства имелись в большом избытке. Города были построены на морском побережье и укреплены стенами.

Таким образом, значение первой книги Фукидида и в том, что он показывает динамику развития греческого общества от возникновения древних незащищенных городов, построенных вдали от морского побережья, что указывало на недостаточное развитие торговли, к появлению городов, укрепленных стенами, в позднее время на морском побережье и перешейках, что свидетельствовало о развитой морской и сухопутной торговли. Троянская война была побудительным стимулом и движущей силой развития древнегреческого общества. Свидетельства Фукидида о Троянской войне также доказывают весьма важное значение первой книги его «Истории».

Современные исследователи, критически оценивая суждения Фукидида о событиях в Древней Греции до и после Троянской войны, считают, что он создал искусственное построение, используя литературный прием «круговой композиции» (*ring-composition*). В связи с этим якобы он искусственно выделяет в Элладе период слабости до Минойской талассократии, и затем следующий период слабости до Троянского похода⁸.

Как представляется, таковой принцип «круговой композиции» Фукидида, является, скорее всего, спекулятивным построением самих исследователей. Собранный же Фукидидом информация о нелинейном пути развития древней Эллады способствовала формированию у него нелинейного кругового способа мышления, отражающего воспринимаемую историком объективную реальность (см.: Thus. I. 22. 4). Этот способ мышления составляет сегодня основу цивилизационного подхода в исследовании исторических и социокультурных процессов и признания многовекторности развития. Идея повторяемости заключена и в древнем изречении «Новое – это давно забытое старое».

Первая книга Фукидида дает ответ на весьма дискуссионные проблемы о дисконтинуитете или континуитете между II и I тыс. до н.э. в Древней Греции и становлении древнегреческого полиса. Сегодня идею дисконтинуитета в отечественной исторической науке отстаивает И.Е. Суриков вслед за некоторыми европейскими учеными.

Между тем информация Фукидида о древних городах, существовавших в Микенской Греции в эпоху ахейской цивилизации, а также о городах, возникших после Троянской войны в эпоху второй волны переселения ионийцев, дорийцев и других народов, свидетельствует о том, что так называемые «темные века» – это весьма условный термин. Алфавитное письмо, принесенное финикийцами в XI–X вв. до н.э. в Среднюю Грецию, стало быстро распространяться и к середине IX века уже широко использовалось.

Важным выводом первой книги Фукидида является его информация о древних и новых городах, эволюции царской власти, возникновении и распространении алфавитной письменности, становлении негреческих полисов, дополняемая сведениями литературной традиции вкуче с данными археологии⁹.

Содержание первой книги Фукидида дает основание утверждать, что между ахейской и эллинской цивилизациями не было катастрофического разрыва, сопровождавшегося возвратом к родоплеменным отношениям, утрате письменности и установлению в период так называемых «темных веков» традиционной устной культуры. Информация Фукидида, отраженная в этой книге, позволяет утверждать, что в процессе перехода от ахейской цивилизации к эллинской имел место континуитет. Этот вывод Фукидида имеет бесспорную ценность для современной исторической науки.

Весьма важными в первой книге являются сообщения историка, касающиеся раннегреческой колонизации и тирании, в частности тирании Писистратидов в Афинах. Здесь Фукидид дает краткую информацию об этих проблемах, более подробно говорит об этом в шестой книге своего сочинения¹⁰.

Содержание первой книги дает возможность считать Фукидида теоретиком в рассмотрении внутренней и внешней политики греческих полисов. Главным источником, подтверждающим это, являются речи, которые он приводит весьма часто в своем сочинении, в том числе и в первой книге.

8 *Hammond N. G. L. The Arrangement of the Proem in other Parts of Thucydides. Princeton, 1984. P. 251; Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. P. 15 ff.*

9 *Строгецкий В.М. Становление исторической мысли. С. 29 сл.*

10 *Строгецкий В.М. Становление исторической мысли. С. 111 сл.*

Характеризуя речи в классической историографии и в частности у Фукидида, Дж. Маринкола говорит, что они не были абсолютным изобретением историков. Исследователь отмечает, что Фукидид не утверждает, что ему было невозможно запомнить сказанное ораторами, напротив, он говорит, что хотя ему было трудно воспроизвести мысли ораторов, тем не менее, он старался придерживаться как можно ближе сказанного ими¹¹. Но Дж. Маринкола, стараясь соблюсти золотую середину, считает, что речи у Фукидида сочетали как достоверность (*fidelity*)¹², так и выдумку (*invention*). Но вместе с тем ряд ученых склонны относиться к речам Фукидида с большим доверием¹³. Они отмечают, что Фукидид составлял речи с учетом того, как каждый оратор говорил, сообразуясь с обстоятельствами момента. При этом он все, что сам слышал и что ему передавали с разных сторон другие, старался изложить, придерживаясь возможно ближе общего смысла действительно сказанного и разбирая сообщения других со всей возможной точностью (I. 22. 1–2). В речах послов и политических деятелей греческих полисов, представлявших Пелопоннесский и Афинский морской союзы, нашли отражение вопросы их внутренней и внешней политики.

Важнейшее значение первой книги Фукидида заключается также в том, что он в ней изложил методологические принципы своего сочинения, подчеркнув, что его труд отличается от произведений поэтов, преувеличивающих и приукрашивающих воспринимаемые ими события, и от историй, которые сочиняют логографы более изящно, чем правдиво (I. 21. 1). Что же касается Пелопоннесской войны, то историк подчеркивает: он записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других после точных исследований относительно каждого факта в отдельности взятого (2).

Таким образом, учитывая сложную композицию первой книги «Истории» и все выше сказанное об изложенных в ней афинским историком принципах, можно вполне согласиться с теми исследователями, которые считают ее «расширенным приступом» к объемной фукидидовой эпосе о Пелопоннесской войне¹⁴.

11 *Marincola J. Speeches in Classical Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. by J. Marincola. Blackwell, 2007. Vol. 1. P. 118–132, здесь – p. 120.*

12 *Marincola J. Speeches in Classical Historiography. P. 121.*

13 *Hornblower S. Thucydides. Baltimore, 1987. P. 55; Raubitschek A. E. The Speech of the Athenians at Sparta // The Speeches in Thucydides: A Collection of Original Studies with a Bibliography / Ed. by Ph. A. Stadter. Chapel Hill, 1973. P. 32–48; Low P. Looking for the Language of Athenian Imperialism // JHS. 2005. Vol. 125. P. 93–111.*

14 *Rengakos A. Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos and A. Tsakmakis. Leiden; Boston, 2006. P. 279–300, здесь – p. 285; Синицын А.А. Фукидид и Геродот, повлиявшие друг на друга? (по поводу одного «интересного нюанса») // АМА. 2013. Вып. 16. С. 39–55, здесь – с. 52; он же. Война и время: О хронологических принципах и темпоральных маркерах первых историописателей (Геродот и Фукидид) // KOINON ΔΩΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Сост. и науч. ред. А.А. Синицына и М.М. Холода. СПб., 2014. С. 454–469, здесь – с. 459 сл.*

АФИНСКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Я встречался с профессором И. Суриковым во время Летней Школы в Перми, а кроме того имел возможность в интернете познакомиться с англоязычным изложением его монографии «Остракизм в Афинах» (М., 2006). И я рад принять приглашение участвовать в готовящемся в его честь сборнике.

Благодаря целенаправленным и скрупулезным исследованиям М. Хансена, которые он опубликовал во второй половине XX в., сегодня мы знаем гораздо больше наших предшественников о том, как работало афинское народное собрание¹. Хотя понимание механизмов функционирования этого института еще далеко не все из того, что мы должны знать о нем. Но для полиса, в котором они были столь детально разработаны – имеются ввиду Афины, – понимать механизм работы народного собрания, его возможности и ограничения, накладывавшиеся на участников, – весьма важная часть того, что мы должны знать. Это в одной из своих статей подчеркивал и сам М. Хансен, обосновывая свой подход в ответ на критику тех, кто считает более важным постановку других вопросов². И тем не менее существуют вопросы, решение которых не столь определено, а потому порождает различные точки зрения. И здесь я хотел бы обратить внимание на некоторые из них.

На данный момент, впрочем, разрешена одна из проблем, касающаяся взаимоотношений *демоса*, народного собрания и судов, долгое время вызывавшая споры. Многие исследователи, соглашаясь по существу, но расходясь в конкретных формулировках, отмечали, что «афиняне рассматривали суды и народное собрание как институты, различным образом представлявшие *демос*, возможно, не осознавали противоположность судов и *демоса*»³. М. Хансен однако возражал против того, что афиняне использовали слово *демос* по отношению к народному собранию, а не по отношению к судам, что *демос* и суды не должны отождествляться, но что в IV веке, благодаря процедуре *graphe paranomon*, верховная власть принадлежала не демосу (= народному собранию), но судам⁴. По существу вопроса я должен заметить, что в большинстве случаев народное собрание не ставило под сомнение деятельность судов, но их решения принимались как окончательные. Несмотря на то, что суды порой были склонны отменять решения народного собрания и иногда делали это, в большинстве случаев этого не происходило, и рассматривать народное собрание как высший орган, принимающий решения, было бы допустимым упрощением. Помимо того, одна из недавних публикаций М. Хансена показывает, что стержнем его основных аргументов служит лингвистический, а не фактологический анализ: афиняне таким образом и в такой мере ассоциировали понятие *демос* с народным собранием, что просто не могли ассоциировать его с судами, и, хотя мы не можем рассматривать народное собрание и суды как

1 Речь идет о статьях, включенных в его книги: *Hansen M. H.* 1) *The Athenian Ecclesia I: A Collection of Articles 1976–83.* Copenhagen, 1983; 2) *The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–89.* Copenhagen, 1989; 3) *The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes.* Oxford, 1987.

2 *Hansen M. H.* On the Importance of Institutions in an Analysis of Athenian Democracy // *C&M.* 1989. Vol. 40. P. 107–113 = *Hansen M. H.* *Ecclesia II.* P. 263–269: эта работа является ответом на критику таких авторов, как У. Р. Коннор (*Connor W. R.* *The New Politicians of Fifth-Century Athens.* Princeton, 1971. P. 4–5) и Дж. Обер (*Ober J.* *The Nature of Athenian Democracy* // *CPh.* 1989. Vol. 84. P. 322–334).

3 Формулировка моя, см.: *Rhodes P. J.* *A Commentary on the Aristotelian Athenaion politeia.* Oxford, 1981. P. 545; ср. там же, p. 318, 489.

4 Впервые эта мысль была высказана им в работе *Hansen M. H.* *The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B. C., and the Public Action against Unconstitutional Proposals.* Odense, 1974. P. 19–21; ср.: *Hansen M. H.* *Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens* // *GRBS.* 1978. Vol. 19. P. 127–146 = *Hansen M. H.* *Ecclesia I.* P. 139–158.

органы «представляющие и воплощающие *демос*», мы можем рассматривать их как органы «представляющие и воплощающие *полис*»⁵.

Активно дебатировались вопросы, касающиеся расположенного юго-западнее агоры и Ареопага и западнее акрополя холма Пникс, где заседало народное собрание⁶. Археологически в его истории прослеживаются три этапа. Первый, возможно, относится к концу VI в. до н.э.⁷, второй – к концу V в. до н.э. Исследователи чаще всего с доверием относились к сообщению Плутарха о том, что во время тирании Тридцати в 404–403 гг. до н.э. они пытались изменить ориентацию Пникса таким образом, чтобы ораторы были повернуты лицом не на юг, т.е. к морю, а к северу, т.е. чтобы они стояли спиной к морю (это, конечно же, означало, что граждане, присутствовавшие на заседаниях, были обращены в прямо противоположную сторону) (см.: *Plut. Them.* 19. 6.). Но этому убедительно возражал Р. Мойзи, считая, что тираны были у власти не столь длительное время и скорее всего не были настолько заинтересованы в переоборудовании места, где заседало народное собрание. Реконструкция на скорую руку после восстановления демократии представляется более вероятной⁸.

Датировка третьей фазы вызвала длительные дебаты. Ее относят к временному промежутку между эпохой оратора Ликурга, т.е. 330 гг. до н.э., и эпохой императора Адриана, жившего во II в. н. э. Однако тщательные исследования показали, что большая часть найденной там римской керамики относится к III в. н. э. и определенно является более поздним вкраплением. А конструктивное сходство стен со стенами Панопея на Фокиде указывает на 346–338 гг. до н.э.⁹ Третья фаза осталась незавершенной. Предполагалось, что причиной тому послужил новый театр Диониса, построенный в 330-е гг. до н.э., который оказался более подходящим местом для заседаний народного собрания (*Aeschin. I.* 81–84)¹⁰.

Кроме того, исследователи часто задавались вопросом о том, сколько человек присутствовало на заседаниях народного собрания и сколько человек мог разместить Пникс в разные периоды своей истории. Сведения о количестве присутствовавших крайне скудны. Рассказывают, что олигархами в 411 г. до н.э. утверждалось, будто это число никогда не превышало 5000 (*Thuc. VIII.* 72. 1), но это могло и не соответствовать действительности. Даже если это действительно было так, следует учитывать, что это было вызвано особыми обстоятельствами последней фазы Пелопоннесской войны. В IV в. до н.э. при количестве граждан равном приблизительно половине от их числа накануне Пелопоннесской войны было принято положение (возможно, в 380-е гг. до н.э.), согласно которому постановление о наделении гражданскими правами должно быть ратифицировано на следующем заседании народного собрания при кворуме в 6000 человек. При этом нам неизвестно ни одного указания на то, что этот кворум не был достигнут. Так что присутствие шести и более тысяч граждан было нормой в IV в. до н.э.¹¹ Однако М. Хансен, основываясь на более высоком размере платы за участие в работе народного собрания – в сравнении с платой за участие в работе судов – полагает, что присутствие 6000 человек достигалось с большим трудом, поэтому количество присутствовавших если и превышало это цифру, то незначительно¹².

5 Hansen M. H. The Concepts of *Demos*, *Ekklesia* and *Dikasterion* in Classical Athens // GRBS. 2010. Vol. 50. P. 499–536, особ. – р. 516–519.

6 О том, что было известно и чему доверяли полстолетия тому назад, см.: *Travlos J.* Pictorial Dictionary of Ancient Athens. L., 1971. P. 466–476; см. также сборник статей: *The Pnyx in the History of Athens. Proceedings of an International Colloquium organised by the Finnish Institute at Athens, 7–9 October 1994* / Ed. by B. Forsyñ and G. R. Stanton. Helsinki, 1996 (далее ссылка на это издание дается сокращенно – *The Pnyx*).

7 Г. Томпсон говорит о 460-х гг. до н.э. (см.: *Thompson H. A.* The Pnyx in Models // *Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to Eugene Vanderpool* [*Hesperia Suppl.* 19]. Princeton, 1982. P. 133–147, здесь – р. 136 f.), а Дж. Мак Кэмп называет более ранние даты (*Camp J. McK.* *The Archaeology of Athens.* New Haven, 2001. P. 46–47).

8 См.: *Moysey R. A.* The Thirty and the Pnyx // *AJA.* 1981. Vol. 85. P. 31–37; ср. также: *Meyer E.* Pnyx // *RE.* 1951. Bd. 21. 1. Sp. 1106–1129, здесь – Sp. 1116 f. М. Хансен связывает это с установлением (после восстановления демократии) платы за присутствие на собрании (*Hansen M.H.* *The Construction of Pnyx II and the Introduction of Assembly Pay* // *C&M.* 1986. Vol. 37. P. 89–98 = *Hansen M.H.* *Ecclesia II.* P. 143–152).

9 *Rotroff S. I., Camp J. McK.* The Date of the Third Period of the Pnyx // *Hesperia.* 1996. Vol. 65. P. 263–294.

10 См. также: *Fisher N. R. E.* *Aeschines, Against Timarchos.* Oxford, 2001. P. 217–218.

11 Ср.: *Hansen M.H.* How Many Athenians Attended the *Ecclesia*? // GRBS. 1976. Vol. 17. P. 115–134 = *Hansen M.H.* *Ecclesia I.* P. 1–20.

12 Относительно размеров оплаты см.: *Arist. Ath. pol.* 62. 2; см. также: *Hansen M.H.* Reflections on the Number of Citizens Accommodated in the Assembly Place on the Pnyx // *The Pnyx.* P. 23–33; *Stanton G. R.* The Shape and Size of the Athenian Assembly Place in its Second Phase // *The Pnyx.* P. 7–21. Театр Диониса вмещал 15 и более тысяч зрителей: *Camp J. McK.* *The Archaeology of Athens.* P. 145–146.

То, сколько человек могло разместиться на Пниксе, зависело не только от его размеров, но и от того, как плотно афиняне располагались там во время многолюдных собраний. М. Хансен говорит о максимуме в 6000 на первом этапе, 8000 – на втором и 13800 – на третьем этапе его истории. Дж. Стэнтон отводит меньше пространства для одного человека и его подсчеты соответственно –10 400, 14 800 и 24 100 человек¹³. Я полагаю, что цифры, приводимые М. Хансеном, для большей части заседаний народного собрания выглядят более реалистично. А более высокие показатели Дж. Стэнтона могут относиться лишь к некоторым, особенно многолюдным заседаниям.

В 420-е гг. до н.э. граждане сгонялись с агоры на Пникс людьми, в руках у которых были окрашенные в красный цвет веревки (Aristoph. *Acharn.* 21–22 и схолии к стихам). А после восстановления демократии в 403 г. до н.э. была введена плата за участие в народном собрании (Arist. *Ath. pol.* 41. 3). В «Афинской политике» говорится, что это было сделано с целью увеличения количества посещающих заседания народного собрания. Вместе с тем считалось, что делалось это для того, чтобы снизить вероятность призывов к народному собранию голосовать против демократии, как это было в 411 и 404 годах до н.э.¹⁴ Аристофан в комедии «Женщины в Народном собрании» поясняет, что в случае опоздания можно было лишиться права на получение платы за присутствие на заседании (см.: Aristoph. *Eccl.* 185–188, 282–292, 380–391). Возможно, число граждан, получавших плату было фиксированным. Возможно, это было 6000 человек – требуемый в некоторых случаях кворум. П. Готье отмечает, что в карийском Иасе те, кто получали плату, должны были приходиться к определенному времени, соответственно, цель оплаты состояла в том, чтобы обеспечить пунктуальность, а не количество присутствующих. Подобное, по его мнению, может относиться и к Афинам, хотя там фиксированным было не время, а количество присутствующих¹⁵. М. Хансен в свою очередь заметил, что пунктуальность и количество присутствующих – задачи совместимые¹⁶. Мне же представляется, что введение оплаты вскоре после восстановления демократии в Афинах в качестве более значимой цели должно было обеспечить нужное количество присутствующих, нежели пунктуальность.

Следующий вопрос связан с частотой заседаний народного собрания. В Аристотелевой «Афинской политике» нет раздела, специально посвященного народному собранию. Но в разделе, описывающем деятельность Совета 500, сообщается о четырех заседаниях народного собрания в каждую пританию, каждое из которых было посвящено конкретным вопросам. Традиционная точка зрения, которую я поддержал в своих комментариях к «Политии», состоит в том, что одно из четырех заседаний (не обязательно первое в каждой притании) называлось *ekklesia kyria*, что связано со временем, когда собрание созывалось только один раз¹⁷. А увеличение количества заседаний с одного до четырех происходит, возможно, в V в. до н.э. – спустя некоторое время после реформ Эфиальта в 452 г. до н.э. При этом в дополнение к регулярным могли созываться и чрезвычайные собрания – *ekklesia synkletoi*.

Против этой идеи выступил М. Хансен, который полагал, что до 355 г. до н.э. *ekklesia kyria* была единственным заседанием народного собрания, а для рассмотрения *eisangeliai* могло потребоваться различное количество чрезвычайных собраний. А после этой даты количество регулярных собраний на некоторое время стало не четыре, а три¹⁸. В 347 г. до н.э. количество заседаний возросло до четырех (он полагает, что четыре заседания состоялось в восьмую пританию 347/6 г. до н.э.), при этом чрезвычайные заседания были уже не нужны¹⁹. На этом основании М. Хансен считает, что *ekklesia synkletoi*, состоявшиеся в 347/6 г. до н.э. (Aeschin. II. 72)²⁰, могли быть не чрезвычайными собраниями, а собраниями, созванными чрезвычайным способом, т.е. без пятидневного разрыва

13 Hansen M. H. Reflections on the Number of Citizens. P. 30.

14 См.: Rhodes P. J. A History of the Classical Greek World, 478–323 B. C. 2nd ed. Chichester; Malden, MA, 2010. P. 298.

15 Gauthier Ph. L'Inscription d'Iasos relative a l'*ekklesiastikon* (I. Iasos 20) // BCH. 1990. T. 114. 1. P. 417–443, здесь – p. 417–423, 439–441; Gauthier Ph. Sur l'institution du *misthos* de l'Assemblée à Athènes (Ath. pol. 41, 3) // Aristote et Athènes / Ed. par M. Piérart. P., 1993. P. 231–250. Надписи из Иаса можно найти также в: SEG. 40, 959; Greek Historical Inscriptions 404–323 BC / Ed. by P. J. Rhodes, R. Osborne. Oxford, 2003. P. 99.

16 Hansen M.H. Reflections on the Number of Citizens. P. 30.

17 Эта точка зрения принята М. Хансеном (ср.: Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 25).

18 Основанием служит свидетельство Демосфена: Dem. XXIV. 25, а также закон, упоминаемый в Dem. XXIV. 21.

19 Основание: Dem. XIX. 154 и Aeschin. II. 72.

20 *Ekklesia synkletos* упоминается в некоторых греческих декретах; см., напр.: IG. II². 1336. 5 (168/7 г. до н.э.).

между ними²¹. Э.М. Харрис в развернувшихся в связи с этим дебатах отстаивает традиционную точку зрения²².

В этом случае, я полагаю, М. Хансену не удалось отстоять свои доводы. Если он допускает, что чрезвычайные собрания были возможны при обращениях с *eisangeliai* (чрезвычайными заявлениями), едва ли следует допускать преобразование, запрещающее экстраординарные собрания, поскольку необходимость решать насущные вопросы могла быть всегда. В речи «Против Тимократа» Демосфена «третье собрание» исчисляется в рамках притании только на основании цитируемого там закона, который, возможно, должен быть отвергнут как неподлинный. По словам оратора это собрание было третьим от первоначальной *diacheirotonia*, т.е. третьим после *diacheirotonia*, как полагает М. Каневаро²³. Но даже если это включающий, а не исключаящий отсчет, это ничего не говорит нам о количестве заседаний народного собрания по тем или иным пританиям 350-х гг. до н.э. То, что Демосфен и Эсхин говорили весной 346 г. до н.э., не служит основанием для предположения о том, будто проводились только регулярные заседания²⁴. К тому же трудно подтвердить, что в восьмую пританию 347/6 г. до н.э. проводилось не более четырех заседаний без предположения о том, что 18 и 19 элафобелиона состоялось одно заседание, растянувшееся на два дня²⁵.

Что касается *ekklesiai synkletoi*, то лексикографы и схолиасты считают их дополнительными заседаниями²⁶. Их тезис не отменяет и тот факт, что они писали, ссылаясь на период существования двенадцати фил, когда регулярные заседания проводились, по-видимому, каждый месяц и пританию и формулировки для их обозначения варьировались. Я не отвергаю предположение М. Хансена о том, что заседание, проводимое как нерегулярное, могло быть определено как *synkletos*. Но если это так, то некоторые заседания могли, по всей видимости, быть и *synkletoi* и чрезвычайными по отношению к регулярным заседаниям.

Новый поворот аргументации был дан М. Эррингтоном, который предположил, что повестка четырех заседаний народного собрания в «Афинской политике» была новацией 330-х гг. до н.э., хотя я возражал против этого²⁷. В «Афинской политике» упоминается перечень вопросов, обсуждаемых на конкретных заседаниях народного собрания: на *kyria ekklesia* шла речь о доверии должностным лицам, о зерне, безопасности, конфискациях, наследовании, в шестую пританию – остракизм и *probolai*, на втором собрании – обращения, на двух других – иные вопросы, в том числе именуемые священными, принимались посольства и вестники, обсуждались светские вопросы. Я и М. Хансен согласны в том, что все это было соблюдавшимися на практике предписаниями. Но это не значит, что названные вопросы не обсуждались и в других случаях²⁸. Но М. Эррингтон полагает, что эти предписания имели ограничительный характер, т.е. конкретные вопросы должны были обсуждаться только на тех заседаниях народного собрания, каковые были им посвящены. Однако это трудно подтвердить, основываясь на эпиграфических источниках. Трудно поверить и в то, что одно из четырех заседаний народного собрания было посвящено исключительно обращениям и ничему больше. В одном из пассажей Демосфена, противопоставляющем практику Афин практике деспотических режимов, говорится, что все

21 Hansen M. H. How Often Did the Ecclesia Meet? // GRBS. 1977. Vol. 18. P. 43–70 = Hansen M. H. Ecclesia I. P. 35–62. Это характерно и для эллинистического периода: Hansen M. H. ἐκκλησία σύγκλητος in Hellenistic Athens // GRBS. 1979. Vol. 20. P. 149–156 = Hansen M. H. Ecclesia I. P. 73–80. О пятидневном разрыве см.: Phot. Lex. Π 456. 23–26 Porson, s. v. Πρόβελτα.

22 Harris E. M. How Often Did the Athenian Assembly Meet? // CQ. 1986. Vol. 36. P. 363–377 = Harris E. M. Democracy and the Rule of Law in Classical Athens. Essays on Law, Society and Politics. Cambridge, 2006. P. 81–101. Ср.: Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion politeia*. P. 521–522; Osborne M. J. Secretaries, *Psephismata* and *Stelai* in Athens // AncSoc. 2012. Vol. 42. P. 33–59, здесь – p. 34. Note 6.

23 Canevaro M. *Nomothesia* in Classical Athens: What Sources should we Believe? // CQ. 2013. Vol. 63. 1. P. 139–160; ср.: Canevaro M., Harris E. M. The Documents in the Attic Orators: Laws and Decrees in the Public Speeches of the Demosthenic Corpus. Oxford, 2013. P. 94–102.

24 См. также: MacDowell D. M. Demosthenes, On the False Embassy (Oration 19). Oxford, 2000. P. 266–267.

25 Hansen M. H. How Often Did the Ecclesia Meet? P. 59. Ссылка на Aeschin. II. 61. 6 и другие тексты, относящиеся к «двум собраниям», выглядит более обоснованной, чем ἐκκλησίαν ἐπὶ δύο ἡμέρας в Aeschin. II. 53.

26 Ср.: Schol. Dem. XXIV. 20 (53 Dilts).

27 Errington R. M. ἐκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. P. 135–160; мои возражения: Rhodes P. J. Ecclesia Kyria and the Schedule of Assemblies in Athens // Chiron. 1995. Bd. 25. P. 187–198. Об *ekklesia kyria* и других наименованиях, использовавшихся за пределами Афин, см.: Errington R. M. ἐκκλησίας κυρίας γενομένης // Chiron. 1995. Bd. 25. P. 19–42; Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxford, 1997. P. 505–506.

28 Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion politeia*. P. 523, 528; Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 27–28. Это находит подтверждение в надписях, показывающих, что постановления принимались *ekklesia kyria* или *ekklesia*.

должно соответствовать установленному порядку. Совет должен принимать *probouleuma*, когда принимаются вестники или посольства, а народное собрание должно собираться как предписывает закон (Dem. XIX. 185). Мы не располагаем другими свидетельствами того, что Совет должен был рассматривать те или иные вопросы в конкретные дни, поэтому я полагаю, что здесь Демосфен просто соединил различные части сведений, касающихся процедурных вопросов, для усиления контраста с деспотическим режимом. К этому можно добавить, что, когда речь шла о процедуре ратификации предоставления гражданских прав на втором заседании народного собрания (см. выше), обычно говорилось, что это происходило на «первом» или «последующем» заседаниях ([Dem.] LIX. 89; ср.: IG. II². 109 b 16–19).

Раздел «Афинской политики», посвященный обзору рассматриваемых народным собранием вопросов, заканчивается обескураживающим замечанием: «Обсуждают иногда и без предварительного голосования (*procheirotomia*)» (Arist. *Ath. pol.* 43. 6, пер. С. И. Радцига). *Procheirotomia* дважды упоминается в речах Демосфена и Эсхина (Dem. XXIV. 11–12; Aeschin. I. 23). Во фрагменте речи Лисия говорится, что вопрос о *procheirotomia* ставится советом перед народным собранием, а сама *procheirotomia* должна решить, должно ли что-либо обсуждаться или просто приниматься (Lys. Frg. 227 Carey). Мнения исследователей на сей счет разнятся: одни принимают то, что говорится в упомянутом отрывке²⁹, другие полагают, будто речь идет о выборе между обсуждением и отказом от него³⁰, третьи интерпретируют его, обращая внимание на то, что «будущая» конституция 411 г. до н.э. предполагала выбор тем, предлагаемых для обсуждения советом с помощью жребия³¹. Я затрудняюсь определить свою позицию в этом вопросе, но последняя точка зрения представляется мне более привлекательной³². М. Хансен, ссылаясь на опыт швейцарской *Landsgemeinde*, настаивает на том, что *probouleuma* содержала специфические рекомендации (каковые нигде более не применялись): *procheirotomia* могла иметь место, но решение могло быть принято без обсуждения, если против этого никто не возражал, или принималось после обсуждения, если возражения высказывались хотя бы одним человеком³³. Вопрос о *procheirotomia*, насколько мне известно, более не обсуждался: при нынешнем состоянии источников ни одна из точек зрения не может быть убедительно подтверждена, хотя мнение М. Хансена, которое объединяет разрозненные части того, что нам известно, заслуживает доверия.

Когда что-либо выносилось на обсуждение народного собрания, вестник обращался с вопросом τίς ἀγορεύειν βούλεται; («кто хотел бы выступить?») (ср.: Aristoph. *Ach.* 45; Dem. XVIII. 170, 191). В двух пассажах речей Эсхина есть свидетельства о том, что в определенных случаях люди старше пятидесяти лет получали право выступать первыми, но между 345 и 330 гг. до н.э. от этого отказались (Aeschin. I. 24; III. 4). М. Хансен – один из тех, кто этому доверяет³⁴. Однако у нас нет надежных сведений об обстоятельствах, вызвавших подобное установление³⁵. Поэтому Р. Лэйн Фокс считает это изобретением Эсхина³⁶. Некоторые исследователи полагают, что это предписывалось законами Солона, но не позднее 462/1 г. до н.э. перестало исполняться или утратило силу³⁷. Я думаю, мы можем выбирать между вторым и третьим решениями, отдавая предпочтение мнению Р. Лэйна Фокса. В Афинах действительно существовали возрастные требования – в одних случаях не менее восемнадцати лет, в других – не менее тридцати³⁸. Однако вряд ли нам стоит настаивать на раннем происхождении закона, дающего приоритет в народном собрании людям старше пятидесяти лет, если об этом никто, кроме Эсхина, не упоминает. К тому же мы ничего не знаем о его применении.

Как мог привлечь к себе внимание председательствовавших и быть вызван на *bema* тот, кто хотел выступить во время заседаний, собиравших до 6000 человек? Любой из предполагаемых ораторов,

29 См., напр.: Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. München, 1926. Bd. II. S. 996.

30 См.: Lipsius J. H. Procheirotomie und epicheirotomie // LSKPh. 1895. Bd. 17. S. 403–412.

31 Ср.: Wilamowitz-Moellendorff U. von. Aristoteles und Athen. B., 1893. Bd. II. S. 254–256; для этого см.: Arist. *Ath. pol.* 30. 5.

32 Rhodes P. J. The Athenian Boule. Oxford, 1972. P. 58. Note 4; Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion politeia*. P. 530–531.

33 Hansen M. H. Ecclesia I. P. 123–130.

34 Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 91.

35 М. Хансен ссылается на Геродота (Hdt. VII. 142); Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 171. Note 581. Но я бы не назвал это надежным свидетельством.

36 Lane Fox R. J. Aeschines and Athenian Democracy // Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis / Ed. by R. Osborne and S. Hornblower. Oxford, 1994. P. 135–155, особ. – p. 147 ff.

37 Ср.: Kapparis K. The Law on the Age of the Speakers in the Athenian Assembly // RhM. 1998. Bd. 141. P. 255–259.

38 Или сорока – для *sophonistai* эфебов (Arist. *Ath. pol.* 42. 2).

безусловно, должен был обратиться к председательствовавшему еще до заседания и сообщить о своем желании выступить по конкретному вопросу и о том, что он будет сидеть на своем обычном месте, скажем, в переднем ряду слева. Однако М. Хансен установил, что было лишь несколько определенных ораторов и значительно большее количество выступающих и вносящих предложения по случаю³⁹. Но тогда как же выступающему *по случаю* удавалось быть выслушанным? Этого мы не знаем. Мы можем лишь сказать, что не располагаем текстами, в которых сообщалось бы о том, что некий человек заявил о своем желании выступить, но не был вызван, чтобы сделать это.

Возможно, в обязанности председательствующих входило решение вопроса о том, скольким выступающим предоставлять слово и когда завершать обсуждение. М. Хансен замечает, что не существовало ограничений ни по количеству выступающих, ни по времени их выступлений⁴⁰. Фукидид прежде, чем перейти к изложению выступлений одного или нескольких ораторов, использует такую формулировку: «Многие выступали с речами, причем голоса разделились» (Thuc. I. 139. 4, пер. Ф.Г. Мищенко).

Когда дебаты заканчивались, должно было происходить голосование. Как председательствующие решали вопрос о начале голосования? Если в *probouleuma* содержались специальные рекомендации, голосование, возможно, было связано с ними. Если же были предложены дополнения, они могли ставиться на голосование отдельно, т.е. до голосования по *probouleuma*. Но что было в том случае, если три или четыре предложения вносились в ходе дебатов различными выступавшими? М. Хансен, со ссылкой на Эсхина, пишет, что вносящие предложения должны были представлять их *proedroi* в письменной форме (Aeschin. II. 64–68, 83–84; III. 100)⁴¹. Возможно, как и в судебной практике, в работе народного собрания имела тенденция к большему использованию письменных текстов, как было в IV в. до н.э., и эта тенденция могла быть подкреплена законом. Нам следует обратить внимание на пассаж из комедии Аристофана «Женщины на празднике фесмофорий», где одна из героинь заканчивает свою речь словами: «Вот то, что я могу открыто вам сказать, // А остальное изложу я письменно» (Aristoph. *Thesm.* 431–432, пер. Н. Корнилова)⁴². А. Соммерстайн, комментируя этот отрывок, замечает: «Для выступающего на народном собрании было обычным делом ожидать завершения собственного выступления, чтобы судить о реакции народа на сказанное им, прежде, чем решить вопрос о необходимости подавать формальное предложение о голосовании»⁴³. Я думаю, мы можем допустить возможность выдвижения предложений, которые не подавались заранее в письменной форме.

Менее вероятно единое голосование при выдвижении взаимоисключающих предложений⁴⁴. Возможно, в этом случае поступали так, как в Римском сенате, о чем пишет Р. Талберт:

«Когда поступало несколько противоречащих друг другу предложений, председатель лишь определял тех, чьи предложения должны голосоваться и в каком порядке... В обычных обстоятельствах он вряд ли оставлял без внимания какое-либо предложение, которое, казалось, имело хоть какую-то поддержку. Возможно, обычно поданные *sententiae* рассматривались в порядке их выдвижения. Каждое из них голосовалось отдельно и принималось то, которое получило поддержку большинства»⁴⁵.

М. Хансен убедительно доказывает, что в случаях, когда граждане голосовали поднятием рук (как они делали, когда требовался кворум в 6000 человек и для определения наличия кворума использовалась баллотировка), не предпринималось попыток точного подсчета голосов, а была приблизительная оценка: голосовало ли большинство «за» или «против»⁴⁶. Если результат был неочевиден или вызывал возражения, проводилось, как мне представляется, повторное голосование с надеждой на то, что оно выявит определенное большинство. Платон в «Законах» замечает, что если при избрании начальников

39 Hansen M. H. The Number of *Rhetores* in the Athenian *Ecclesia* // GRBS. 1984. Vol. 25. P. 123–55 = Hansen M. H. *Ecclesia* II. P. 93–125[–127].

40 Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 91.

41 Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 91, 171. Note 582.

42 М. Осборн полагает, что обычным было вносить предложения в процессе дебатов, а не представлять их заранее (Osborne M. J. *Secretaries*. P. 41–42).

43 [Sommerstein A. H.] Aristophanes. *Thesmophoriazusae* / Ed. with transl. and notes by A. H. Sommerstein. (The Comedies of Aristophanes. Vol. VIII). Warminster, 1994. P. 185, со ссылкой на: [Dem.] XVII. 30 и XVIII. 179.

44 См., напр.: Piérart M. A propos de l'élection des stratèges athéniens // BCH. 1974. T. 98. P. 125–146, здесь – p. 140–142 (о выборах).

45 Talbert R. J. A. *The Senate of Imperial Rome*. Princeton, 1984. P. 281.

46 Hansen M. H. How Did the Athenian *Ecclesia* Vote? // GRBS. 1977. Vol. 18. P. 123–137 = Hansen M. H. *Ecclesia* I. P. 103–117. O *krinousin* см.: Arist. *Ath. pol.* 44. 3.

конницы «при поднятии рук возникает неясность, допускается вторичное голосование», т.е. говорится о необходимости повторного голосования и об особой процедуре в случае третьего голосования (см.: Plat. Leg. VI. 756 b 2–6, пер. А. Н. Егунова)⁴⁷.

Обычное заседание народного собрания обсуждало немало текущих вопросов (в частности, *ekklesia kyria*, у которой перечень предписанных к рассмотрению вопросов был значительно шире). Но мы не знаем, как следует понимать требование обсуждать на двух из четырех собраний каждой притании «три дела по вопросам религии, три дела по докладам герольдов и посольств, три – по вопросам светского характера» (Arist. Ath. pol. 43. 6, пер. С. И. Радцига). В других текстах, содержащих упоминание об этом, не указывается количество рассматриваемых вопросов. М. Хансен полагает, что в «Афинской политике» речь идет о минимуме⁴⁸. Однако это еще не факт, что на каждом заседании могло быть предложено для обсуждения не менее трех вопросов из упомянутого перечня. Повестка *ekklesia kyria* шестой притании, на которой рассматривались *probolai* против афинян и метеков, могла включать «до трех вопросов каждого рода» (Arist. Ath. pol. 43. 6)⁴⁹. Поэтому я склонен думать, что три вопроса для упомянутых дел были скорее максимумом, нежели минимумом. У Вилламовиц-Меллендорф отмечал, что в «будущей» конституции 411 г. до н.э. вопросы для обсуждения избирались жребием. *Procheirotonia* он интерпретировал как демократическое решение того, какие дела обсуждать и в каком порядке, если Совет выносил на обсуждение более трех вопросов⁵⁰. Однако несомненно, что если этого требовали обстоятельства, афиняне были готовы нарушить собственные установления и рассматривать более трех вопросов⁵¹.

Заседания народного собрания начинались рано утром (см., напр.: Aristoph. Ach. 19–20; Eccl. 20–21, IG I³ 68. 30)⁵². Высказывались предположения, что они растягивались на целый день (источники: Xen. Hell. I. 7. 8; Dem. XXIV. 9), однако М. Хансен, ссылаясь на практику швейцарской *Landsgemeinde*, доказывает, что заседания могли чаще всего заканчиваться в середине дня (а за ними следовали заседания Совета)⁵³. В этом, я уверен, он прав. На типичном заседании народного собрания могли обсуждаться несколько вопросов, но некоторые из них могли и не вызывать взаимоисключающих решений и рассматриваться быстро. И в частности, в том случае, если М. Хансен прав, считая, что *procheirotonia* давала возможность одобрить решение Совета, не вызывающее возражений, без дебатов (см. выше).

Мы имеем в своем распоряжении большое количество надписей, содержащих постановления, принятые афинским народным собранием, но это лишь часть того, что должно было быть принято. Предполагается, что не все постановления записывались, а только те, которые по тем или иным причинам считались заслуживающими быть выставленными публично⁵⁴. М. Осборн недавно высказал возражения на этот счет, но С. Ламберт намерен ответить и, мне думается, что он прав⁵⁵.

Афинская демократия, если говорить в целом, очень любопытный феномен, а собрание граждан – это интересный и важный его элемент. И остается еще немало вопросов, которые могут вызвать наш интерес.

47 На этот пример ссылаются и М. Хансен (*Hansen M. H. How Did the Athenian Ecclesia Vote. P. 129–130 = Hansen M. H. Ecclesia I. P. 109–110*).

48 Ср.: *Hansen M. H. How Did the Athenian Ecclesia Vote. P. 51 = Hansen M. H. Ecclesia I. P. 43; Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 92–93*.

49 О возникающих в связи с этим проблемах см.: *Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion politeia. P. 526–527*.

50 *Wilamowitz-Moellendorf U. von. Aristoteles und Athen. Bd. 2. S. 256; cp.: Rhodes P. J. Commentary on the Aristotelian Athenaion politeia. P. 530*.

51 М. Хансен готов допустить возможность подобного отступления от правил при определенных обстоятельствах (см.: *Hansen M. H. Did the Athenian Ecclesia Legislate after 403/2 B.C.? // GRBS. 1979. Vol. 20. P. 27–53, особ. – p. 38–39 = Hansen M. H. Ecclesia I. P. 179–205, особ. – p. 190–191; Hansen M. H. The Athenian Assembly. P. 71*), Впрочем, отказываясь допустить реальность чрезвычайных собраний после 355 г. до н.э., он настаивает на соблюдении правил.

52 Однако *nomos* Аристофана (Aristoph. Eccl. 740–741) связан не с законом, как полагает М. Хансен (*Hansen M. H. The Duration of a Meeting of the Athenian Ecclesia // CPh. 1979. Vol. 74. P. 43–49 = Hansen M. H. Ecclesia I. P. 131–137*), а с музыкальной композицией.

53 *Hansen M. H. The Duration of a Meeting. P. 43–49*.

54 С. Ламберт показывает, что практика наделения граждан почетными правами возникла раньше, чем подобные решения стали фиксироваться в надписях (*Lambert S. D. Athenian State Laws and Decrees, 352/1–322/1: I Decrees Honouring Athenians // ZPE. 2004. Bd. 150. P. 85–120, здесь – p. 85 = Lambert S. D. Inscribed Athenian Laws and Decrees, 352/1–322/1 BC. Leiden, 2012. P. 3–47, здесь – p. 5–6*).

55 *Osborne M. J. Secretaries. P. 48–52*. Я благодарю доктора С. Ламберта за информацию о готовящемся им ответе.

АФИНСКАЯ АРХЭ В СЕРЕДИНЕ V В. ДО Н.Э.: КРИЗИС ИЛИ РАСЦВЕТ?

Историю Первого Афинского морского союза принято делить на два этапа. Ранний этап истории союза называют временем существования Делосской лиги, по имени религиозно-политического центра этого объединения – острова Делос. Период Афинской архэ, когда союз равноправных полисов под гегемонией Афин становится могущественной державой, принято датировать, начиная с 454/453 г. до н.э.¹ Тогда казна симмахии была перенесена с острова Делос в Афины и с этого времени стали отчисляться в казну богини Афины αἱ ἀπαρχαί – «первые плоды» в размере шестидесятой доли полученного фороса. Этот эпизод истории союза, по словам А. Гомма, вернее, чем что-либо иное отмечает переход от лидерства, ἡγεμονία, к владычеству, ἀρχή, афинян над союзниками².

Какие же события периода Пентеконтаэтии вызвали такое кардинальное изменение места расположения союзной сокровищницы? Можем ли мы считать это актом демонстрации афинянами своего представления о новом распределении сил в рамках союза³ или же в основе происшедшего были явления иного свойства?

Традиционно перенос казны связывается с неудачами союзного флота в Египте, с поражением войск Первого Афинского морского союза, участвовавших совместно с египетскими повстанцами в военных действиях против Персии (см.: Thuc. I. 104, 109–110 и Diod. XI. 77. 1–5). Среди исследователей распространено мнение, что для афинян и их союзников крах Египетской экспедиции стал катастрофой, что именно из-за опасения появления персидского флота в Эгейском море союзную казну с Делоса перенесли на афинский акрополь⁴. Провал Египетской экспедиции называют самым страшным поражением афинян за все время существования полиса до гибели афинского флота в сиракузской гавани⁵. «Страх перед варварами», о чем сообщает Плутарх (Plut. *Per.* 12. 1) в связи с переносом союзной казны, становится более чем оправданным, если мы полностью примем вариант событий, описанный Фукидидом (Thuc. I. 104, 109–110), согласно которому потери в Египте были огромны. Гибель около 250 кораблей (как афинских, так и союзных) и более чем 40 тысяч человек – это действительно катастрофа (в англоязычной литературе Египетский поход часто описывается как *catastrophe* и *disaster*).

Однако это далеко не единственная возможность интерпретации событий. Прежде всего, сам Фукидид нигде не называет точных потерь, а говорит только, что спаслись тогда немногие (καὶ ὀλίγοι ἀπὸ πολλῶν πορευόμενοι διὰ τῆς Λιβύης ἐς Κυρήνην ἐσώθησαν, οἱ δὲ πλεῖστοι ἀπώλοντο [I. 110. 1] и διέφθειραν

1 Источником, на основании которого делается данный вывод, являются списки полисов-членов союза, содержащие суммы отчисленных с фороса αἱ ἀπαρχαί. Вычисление даты начала выплат основывается на том, что список под номером 34 содержит имя архонта 421/420 г. до н.э., Аристиона (IG I³ 285 v. 2).

2 Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford, 1945. P. 370; далее ссылки на это издание даются сокращенно: Gomme A. W. НСТh.

3 См., например: Smarczyk B. Religion und Herrschaft: Der Delisch-Attische Seebund // Saeculum. 2007. Bd. 58. 2. S. 210–211; Constantakopoulou Ch. The Dance of the Islands. Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World. Oxford, 2007. P. 72–73; Evans N. Civic Rights: Democracy and Religion in ancient Athens. Berkeley, 2010. P. 85–86.

4 См.: Meritt B. D., Wade-Gery H. T. The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century // JHS. 1962. Vol. 82. P. 70; Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972. P. 473–476; Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C. 3rd ed. Oxford, 1986. P. 304; Rhodes P. J. The Athenian Empire. Oxford, 1985. P. 23; Строецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 129–130; Rhodes P. J. The Delian League to 449 B. C. // САН². 1992. Vol. 5. P. 51; Powell A. Athens and Sparta. 2nd ed. L.; N. Y., 2003. P. 40–41; Giovannini A. The Parthenon, the Treasury of Athena, and the Tribute of the Allies // The Athenian Empire / Ed. by P. Low. Edinburgh, 2008. P. 181.

5 Walker E. M. The Confederacy of Delos, 478–463 B. C. // САН. 1927. Vol. 5. P. 81.

τὰς πολλὰς τῶν νεῶν, αἱ δ' ἐλάσσοις διέφυγον πάλιν [ibid. § 4]). У Исократы (VIII. 86) количество кораблей, погибших в экспедиции, – 200. Видимо, он не учитывает потерю дополнительного контингента из 50 кораблей, который, по свидетельству Фукидида, был отправлен в Египет в последние месяцы военных действий. Остальные источники также содержат данные лишь о том, каковы были силы, задействованные в походе. Диодор называет то 300 (XI. 71. 5; XXX. 25. 2), то 200 (XI. 74. 3) кораблей и ничего не упоминает о дополнительном контингенте. Ктесий же указывает 40 кораблей (*Ctes. Pers.* F 14. 35 sq.), и он единственный, кто сообщает имя командующего флотом – Харитимид.

Исследователи не раз высказывали сомнения в достоверности описания Фукидидом событий Египетского похода. Данный пассаж даже объявлялся мало соответствующим действительности по причине недостатка сведений о Пентеконтаэтии у афинского историка, возможно, писавшего эту часть труда в изгнании⁶. Исследователей смущает тот факт, что этот якобы сокрушительный разгром не повлек за собой более серьезных последствий. Даже защитникам традиционной версии приходится признать, что, несмотря на одержанную победу, персы не поспешили воспользоваться ее результатами⁷.

Предположение, что из упомянутых Фукидидом 200 кораблей, бывших у Кипра, не все отправились в Египет⁸, действительно невозможно согласовать с греческим текстом, из которого это прямо следует. У. Уоллес⁹, не вполне удачно пытавшийся передвинуть дату окончательного поражения в Египте на конец 453 г до н.э., полагал, что из 200 кораблей, отправившихся в Египет (как и сказано у Фукидида), в дальнейших операциях у Мемфиса принимали участие лишь упомянутые Ктесием 40 кораблей. Такой же точки зрения придерживался и А. Гомм¹⁰.

В пользу этого может свидетельствовать и надпись с именами погибших граждан из филы Эрехтеиды (ML 33 v. 3–4), в начальных строках которой, по-видимому, в хронологическом порядке¹¹ перечисляются места гибели членов этой филы: Кипр, Египет, Финикия, Галии, Эгина, Мегары. Такой порядок позволяет предположить, что союзный греческий флот, повернув в самом начале кампании от Кипра в Египет, участвовал сначала в сражениях в самом Египте, а затем часть флота (ибо военные действия в Египте не прекращались) отправилась совершать рейды около побережья Финикии.

Однако скрупулезный подсчет общих сил афинян и их союзников, задействованных в морских операциях в течение первой половины 50-х гг. V в. до н.э., проведенный А. Холлидеем, показывает, что победа над Эгиной была бы практически невозможна, если в Египте и окрестностях действительно в это время находился союзный флот в размере 200 кораблей¹². Заметим, что во время экспедиции Кимона на Кипр в 450 г. до н.э. количество кораблей, отправленных в Египет, согласно Фукидиду – 60 (*Thuc.* I. 112. 3).

Вероятнее всего, потери союзников в Египте были значительно меньше, чем принято считать¹³. Это было, безусловно, поражение и поражение достаточно тяжелое, но отнюдь не фатальная катастрофа с гибелью более чем половины флота, имевшегося в распоряжении Первого Афинского морского союза. Сторонник традиционной датировки Египетского похода М. Эмит¹⁴ считал, что трудности афинян и союзников были преодолены уже к следующему, 453 г. до н.э.

Одно из упоминаний в античной литературе о перенесении казны союза содержится у Плутарха в биографии Перикла (*Plut. Per.* 12. 2) в связи с оппозиционными настроениями в Афинах по отношению к его строительной политике. Страх перед варварами здесь называется самым благовидным

6 Westlake H. D. Thucydides and the Athenian Disaster in Egypt // *CPh.* 1950. Vol. 45. P. 210.

7 Libourel J. M. The Athenian Disaster in Egypt // *AJPh.* 1971. Vol. 92. 4. P. 614–615.

8 Caspari M. O. B. On the Egyptian Expedition of 459–4 B. C. // *CQ.* 1913. Vol. 7. P. 200.

9 Wallace W. The Egyptian Expedition and the Chronology of the Decade 460–450 B. C. // *TAPA.* 1936. Vol. 67. P. 257.

10 Gomme A. W. *НСТh.* P. 322.

11 Данный порядок совпадает с хронологией Фукидида (см.: *Thuc.* I. 105). Надпись датируется 459/458 г. до н.э.

12 Holliday A. J. The Hellenic Disaster in Egypt // *JHS.* 1989. Vol. 109. P. 178–179.

13 А Холлидей считает, что совокупные потери составили менее, чем 100 кораблей (*Holliday A. J. The Hellenic Disaster in Egypt.* P. 181). Д. Кан не дает точных цифр, но подчеркивает, что египетская катастрофа была однозначно менее серьезной, чем это представляет Фукидид (*Kahn D. Inaros' Rebellion against Artaxerxes I and the Athenian Disaster in Egypt // CQ.* 2008. Vol. 58. 2. P. 424–440, здесь – p. 433 f.). См. дополнительно: Рунг Э.В. Кимон или Перикл: кто стоял за афинской экспедицией в Египет? // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под. ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2012. Вып. 11. С. 29–31.

14 Amit M. *Athens and the Sea: A Study in Athenian Sea-power.* Bruxelles, 1965. P. 22.

предлогом (εὐπρέπεια τῶν προφάσεων, Plut. *Per.* 12. 1), которым афинский народ мог бы оправдаться, в том, что решил взять общую казну и поместить ее в безопасное место. Но, как верно заметил еще А.Е. Паршиков, из отрывка ясно, что поражение было именно использовано: оно оказалось предлогом, а не причиной¹⁵. Если казна была перенесена после разгромного поражения флота из более чем 200 кораблей и потери нескольких десятков тысяч жизней афинян и союзников, то употребление подобных выражений так скоро после этого события (середина 40-х гг. V в. до н.э.) выглядит совершенно неуместным. Интересно, что и Р. Мейггз, который не отрицает тяжести поражения в Египте, допускает, что в данном случае афиняне могли удачно воспользоваться ситуацией¹⁶.

Но действительно ли перенос казны следовал за окончанием военных действий в Египте? Обратимся к хронологии событий в традиционной версии. Итак, в 453 г. до н.э. форо́с был доставлен уже в Афины. Из более поздних источников (см. Isocr. VIII. 82) мы знаем, что он доставлялся союзниками во время празднования Великих Дионисий, приходившихся на вторую половину марта. В то время, когда казна Первого Афинского морского союза находилась на острове Делос, доставка форо́са также скорее всего была приурочена к религиозному торжеству, в данном случае – в честь Аполлона. Делии праздновались в течение делосского Священного месяца, хронологически соответствовавшего афинскому Анфестериону¹⁷, то есть февралю-марту. Вариант развития событий, при котором в 453 г. до н.э. форо́с был доставлен сначала на Делос, а затем, месяцем позже, перемещен в Афины, и из него были выделены «первые плоды» богине Афине, представляется маловероятным.

Мы очень мало знаем о функционировании союзного синода, а в 50-е гг. V в. до н.э. решение о переносе казны могло быть принято именно на нем. Афины в этот период совершают первые шаги в установлении с союзниками отношений нового типа, и вряд ли можно говорить о их единоличной воле в таком существенном вопросе. Косвенно это подтверждается и данными источников. Еще один раз Плутарх упоминает о переносе казны в биографии Аристиды (Plut. *Arist.* 25. 2–3), сообщая, что обсуждалось предложение самосцев о том, чтобы перенести деньги с Делоса в Афины. Данное обсуждение, скорее всего, проходило на собрании союзного синода. Но в сообщении Плутарха говорится только о предложении, а не о том, что оно было принято. Если бы это было так и казну союза действительно перенесли в 60-е гг. V в. до н.э.¹⁸, то остается совершенно неясным, что же внезапно побудило через столько лет после переноса казны предпринять отчисление αἱ ἄλαρχαί богине Афине. Вряд ли афиняне стали бы ждать около десяти лет, чтобы почтить богиню-покровительницу за заботу о благе союза. Р. Мейггз¹⁹ считал, что из всего этого эпизода заслуживает внимания только упоминание самосцев в связи с переносом казны. Между тем, об активной роли Самоса в Первом Афинском морском союзе в 450-е гг. до н.э. сообщает надпись, обнаруженная на этом острове (ML 34). Не один Плутарх связывает перенос казны с именем Перикла. Диодор (XII. 38.2) прямо сообщает, что после перенесения в Афины казна была вверена заботам Перикла.

15 Паршиков А.Е. К вопросу о хронологии афинского похода в Египет // ВДИ. 1970. № 1. С. 110. Такого же мнения придерживается И.Е. Суриков, который, правда, не отрицает тяжести поражения в Египте, см.: Суриков. И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 300.

16 Meiggs R. The Crisis of Athenian Imperialism // HSCPh. 1963. Vol. 67. P. 2–3.

17 Другой возможной датой является начало афинского месяца Тагрелион. См. об этом: Robert C. Beiträge zum griechischen Festkalender // Hermes. 1886. Bd. 21. 2. S. 161–178; Nilsson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der Attischen. Leipzig, 1906 (repr.: Darmstadt, 1957). S. 144–147. И. Арнольд настаивала, что Делии всегда, как в эллинистический период, так и ранее, проводились в Священном месяце: Arnold I. R. Local Festivals at Delos // AJA. 1933. Vol. 37. P. 453. В настоящее время предпочтение отдается именно Анфестериону; см.: Lambert C. The Sacrificial Calendar of Athens // ABSA. 2002. Vol. 97. P. 382–383. Тот факт, что позднее форо́с доставлялся уже в Афины примерно в то же время (в марте месяце), как раз с началом навигации, свидетельствует, с нашей точки зрения, в пользу принятия Анфестериона в качестве времени проведения праздника на Делосе.

18 Pritchett W. K. Transfer of the Delian Treasury // Historia. 1969. Bd. 18. 1. P. 17–18, 21. Эта точка зрения не получила поддержки; не так давно Л. Самонс после всестороннего анализа состояния афинских финансов до, во время и после переноса казны очередной раз отверг ее, подтвердив своими подсчетами, что нет оснований для разграничения дат переноса казны и начала отчисления «первых плодов» Афине. См.: Samons L. J. Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance. Stuttgart, 2000. P. 100–102.

19 Meiggs R. The Athenian Empire. P. 48. Р. Легон (Legon R. P. Samos in the Delian League // Historia. 1972. Bd. 21. 1. P. 146) не отрицает аутентичности сведений Плутарха и подчеркивает, что предложение самосцев свидетельствует об их крайней лояльности. См. также: Wallace W. The Egyptian Expedition. P. 256–257.

Наиболее вероятным моментом для принятия решения о переносе казны представляется собрание союзников на Делосе в момент принесения фороса ранней весной 454 г. до н.э., когда и могло быть озвучено предложение самосцев. Если же считать, что в первый раз такая идея получила оформление при жизни Аристида, то возможно, что активизация военных действий с Персией вызвала сходные настроения, и к идее переноса казны обратились вторично.

Окончательное поражение союзных войск в Египте было связано с тем, что персам удалось после 18 месяцев осады греков на острове Просопитида на Ниле отвести воды канала и, перейдя по суше, разбить греческие войска (Thuc. I. 109. 4). Осушить каналы можно было только в период низкой воды, вероятнее всего, не раньше июня²⁰. Но именно в это время в данный регион были отправлены 50 афинских и союзных триер (Thuc. I. 110. 3). Это значит, что в начале лета 454 г. до н.э. афиняне, несмотря на длительную предшествующую осаду Просопитиды, были готовы продолжать военные действия. Они не знали о поражении, не могли знать и того, что отправленные 50 триер постигнет подобная судьба. Если решение о переносе казны союза было принято на собрании союзного синода ранней весной 454 г. до н.э. – раньше, чем египетская кампания завершилась серьезным, хотя и не катастрофическим, поражением – то в таком случае участие союзников в военных действиях в Египте могло иметь к этому только косвенное отношение.

Однако традиционная версия датировки этих событий, основанная на представлении о четком соблюдении Фукидидом хронологической последовательности в своем рассказе, является отнюдь не единственной. В отечественной историографии еще в 1970 г. по этому поводу высказал сомнения А.Е. Паршиков, датировавший Египетский поход 462–456 гг. до н.э.²¹ В настоящее время как в мировом, так и в отечественном антиковедении появились работы, в которых, на наш взгляд, убедительно доказывается, что датой Египетской экспедиции необходимо считать 462–457 гг. до н.э.²²

Таким образом, и с точки зрения хронологии, и с позиции оценки тяжести поражения союзников в Египте, безусловная связь между этим эпизодом и сменой места хранения союзных денежных фондов выглядит маловероятной. Возникает вопрос о других возможных факторах, вызвавших к жизни это событие. Такой причиной, приведшей к изменениям в афинской политике около 454 г. до н.э., могли стать волнения в некоторых ионийских полисах, среди которых со всей определенностью могут быть названы Эрифры²³ и, возможно, Милет. Хотя ранее считалось, что декрет афинского народного собрания о статусе Милета (IG I² 22) датируется 450/449 г. до н.э.²⁴, после признания большинством антиковедов верной концепции Х. Мэттингли о принципах датировки афинских надписей V века декрет принято датировать 426/425 г. до н.э.²⁵ Однако это не отменяет существенного момента: в первом из списков фороса сам Милет отсутствует, но имеется запись о принесении фороса милетянами, находящимися в двух общинах неподалеку от этого полиса (IG I³ 259 VI v. 19–22):

20 Μιλέσιοι
[ἐ]ῆς Λέρο: ННН
[Μι]λέσιοι
[ἐκ Τ]εῖχιόσσε[ς: – –]

20 *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. 3. 1. Gotha, 1897. S. 328. Anm. 3; *Meiggs R.* The Growth of Athenian Imperialism // JHS. 1943. Vol. 63. P. 29. Note 42; *Gomme A. W.* HCTh. P. 321.

21 *Паршиков А.Е.* К вопросу о хронологии афинского похода в Египет // ВДИ. 1970. № 1. С. 110–111. Гипотеза А.Е. Паршикова не получила должного отклика, хотя, если казна была перенесена не сразу после поражения, а спустя значительное время, то становится понятной фразеология Плутарха о «благовидном предлоге».

22 *Khan D.* Inaros' Rebellion against Artaxerxes I. P. 424–440; *Рунг Э.В.* Кимон или Перикл. С. 26–28, 37.

23 Датировка декрета, регулирующего положение Эрифры в союзе (ML 40; IG I³ 14) 453/452 г. (или, по крайней мере, концом 450-х годов), остается неизменной, несмотря на пересмотр множества других дат. См.: *Rhodes P. J.* After the Three-Bar “Sigma” Controversy: The History of Athenian Imperialism Reassessed // CQ. 2008. Vol. 58. 2. P. 504.

24 *Oliver J. H.* The Athenian Decree concerning Miletos in 450/49 B. C. // TAPA. 1935. Vol. 66. P. 177–198; *Earp A. J.* Athens and Miletos ca. 450 B. C. // Phoenix. 1954. Vol. 8. 4. P. 142–144; *Meiggs R.* The Crisis of Athenian Imperialism. P. 4–6; *Barron J. P.* Milesian Politics and Athenian Propaganda, с. 460–440 B. C. // JHS. 1962. Vol. 82. P. 5.

25 *Mattingly H. B.* The Athenian Decree for Miletos (IG I², 22 = ATL II, D 11): A Postscript // *idem.* The Athenian Empire Restored. Epigraphic and Historical Studies. Ann Arbor, 1996. P. 453–460; *Rhodes P. J.* After the Three-Bar “Sigma” Controversy. P. 503; *Papazarkadas N.* Epigraphy and the Athenian Empire: Re-shuffling the Chronological Cards // *Interpreting the Athenian Empire* / J. Ma, N. Papazarkadas, R. Parker (ed.). L., 2009. P. 71–72.

Восставшие Эрифры в 453/452 г. до н.э. также не вносили форос в казну, однако находящиеся рядом Бутеи уплатили неожиданно большую для них сумму в 3 таланта (IG I³ 260 X v. 5). На наш взгляд, это безусловно свидетельствует в пользу того, что и Милет, и Эрифры были явно враждебно настроены по отношению к гегемону союза в этот промежуток времени. Милет снова появляется в списках фороса в 452/451 г. до н.э. Начало волнений в Эрифрах и Милете можно с осторожностью датировать с 456 по 454 гг. до н.э.²⁶

Есть основания полагать, что круг полисов, отправших от Афинского морского союза, был намного шире и включал также ряд островных общин. В первых четырех списках подателей фороса отсутствуют Халкида, Эретрия, Гестиэя, Кифнос, Сифнос, Наксос, Парос, Тенос. Полисы Кеос, Серифос и Андрос появляются только в списке 450 г. до н.э.²⁷ Р. Мейггз считал причиной для отпадения островов от симмахии перенос общесоюзной казны. С его точки зрения, ионийцы на островах, издревле сильнее связанные с культом Аполлона на острове Делос, чем ионийцы Малой Азии, отказывались платить форос преимущественно по этой причине²⁸. Однако мы знаем доподлинно только то, что в 453 г. до н.э. эти полисы уже точно не принесли свою часть фороса в казну союза. Недовольство действиями гегемона союза вполне могло сложиться ранее этого времени. Подтверждением этому может быть ремарка Плутарха о том, что в результате политики Эфиальта афинский народ стал вести себя своевольно, не хотел более повиноваться, но стал кусать Эвбею и кидаться на острова (ἀλλὰ δάκνειν τὴν Εὔβοιαν καὶ ταῖς νήσοις ἐπιληδῶν, Plut. *Per.* 7. 8)²⁹. Как видим, это описание вполне согласуется с составом тех полисов, которые на протяжении первых лет с момента перемещения казны отсутствуют в списках фороса.

Не так давно была сделана попытка иным образом объяснить отсутствие упоминания αἱ ἰσλαρχαί ряда островных общин в нескольких первых списках. Обычно, если община отсутствует в списках подателей αἱ ἰσλαρχαί, считается, что и форос в том же году не был принесен соответствующим членом союза, либо этот полис был среди тех, кто поставлял симмахии корабли. Второй вариант, как убедительно было показано Д. Льюисом, маловероятен, хотя бы потому, что впоследствии форос большинства указанных островных общин был явно недостаточен для самостоятельного снаряжения хотя бы даже одного корабля³⁰. С точки зрения М. Уоллеса и Т. Фигуэйры, вышеперечисленные полисы внесли положенную долю в казну союза, однако первые плоды с этих средств были перечислены не в священную казну богини Афины, а, как и прежде, до переноса союзных фондов – в храм Аполлона на острове Делос. Произойти это могло только с полного согласия Афин, гегемона союза, с той целью, чтобы облегчить храму Аполлона его финансовые потери и дать полисам время привыкнуть к новшеству³¹.

Предположение это оригинально, однако такое поведение гегемона симмахии, на наш взгляд, привело бы скорее к росту сепаратизма и еще большему недовольству союзников. На каком основании на протяжении нескольких лет одни общины делали бы приношения в казну Аполлона³², а другие (большая часть!) – в казну Афины? М. Нильссон отмечал, что важнейшим из поводов для жертвоприношения богам αἱ ἰσλαρχαί было желание получить защиту божества, охрану жертвователей от бедствий³³. Отчисление «первых плодов» в пользу богини Афины было непосредственным образом связано с помещением казны

26 Паршиков А.Е. К вопросу о хронологии. С. 110.

27 Meiggs R. The Athenian Empire. P. 110. Note 1; Lewis D. M. The Athenian Tribute-Quota Lists, 453–450 // ABSA. 1994. Vol. 9. P. 292–295.

28 Meiggs R. The Athenian Empire. P. 110, 118–120. Р. Мейггз прав в том, что состояние источников не позволяет с уверенностью принять или отвергнуть данную гипотезу. Эти слова автор данного текста полностью относит и к высказанным здесь соображениям. Однако, если не катастрофа 454 г. до н.э. в Египте привела к смене места хранения фороса, то это событие становится совершенно спонтанным проявлением крайнего «империализма», не свойственного политике Афин до 430-х годов.

29 Сам Р. Мейггз (Meiggs R. The Growth of Athenian Imperialism. P. 21) одной из возможных причин изменения характера союза считает как раз усиление позиций представителей радикальной демократии в Афинах – Эфиальта и Перикла.

30 Аргументация исследователя гораздо глубже и не оставляет сомнений. См. подробнее: Lewis D. M. The Athenian Tribute-Quota Lists. P. 292–295.

31 Wallace M. B., Figueira T. Notes on the Island Phoros // ZPE. 2010. Bd. 172. P. 65.

32 Важным представляется тот факт, что из полисов Эвбеи с культом Аполлона на Делосе сильнее всего были связаны еще с периода архаики отнюдь не Халкида, Эретрия и Гестиэя, а Карист; см.: Constantakopoulou Ch. The Dance of the Islands. P. 53.

33 Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. 2. Aufl. Bd. 1. Die Religion Griechenlands bis auf griechische Weltherrschaft. München, 1955. S. 134.

союзного объединения в ее храм на акрополе. Теперь Афина становится официальным божественным хранителем общесоюзной казны. В благодарность за покровительство богиня и получает дарения в виде посвящения ей доли фороса. Вариант событий, при котором община приносила бы 59/60 фороса в союзную казну на акрополе Афин, а 1/60 в казну Аполлона на Делосе, представляется невероятным.

Если, как предполагают М. Уоллес и Т. Фигуэйра, старый порядок был оставлен для традиционных участников священных праздников ионийцев на Делосе, то почему ионийские Эрифры уже в декрете 453/452 г. до н.э. (ML 40 v. 2–8 = IG I³ 14 v. 2–8) обязываются совершать приношения богине Афине во время Великих Панафиней и появляются в списках фороса практически сразу же после подавления в них недовольства, о котором явно можно судить из текста декрета? Замечание авторов гипотезы, что существенное волнение среди островных союзников во второй половине 450-х гг. до н.э. маловероятно, ибо не подтверждается иными источниками, кроме списков фороса³⁴, можно отнести к их собственным рассуждениям. Кроме того, в истории союза (хотя и в более поздний период) мы в исключительных случаях встречаем как раз принесение «первых плодов» Афине без выплаты полной суммы фороса, но никаких свидетельств обратного варианта приношений у нас нет³⁵.

С 478 г. до н.э. шел непрерывный процесс концентрации власти в руках Афин, а с 460-х гг. до н.э. отношения между союзниками и афинским полисом стали меняться, постепенно принимая форму подданства. В этот момент происходит временное удаление Кимона с политической арены и главенствующее положение занимают Эфиальт и Перикл. Изменение настроений в самих Афинах, насильственное включение в союз Эгины, которая когда-то героически проявила себя в сражениях против персов, затянувшееся вовлечение союзных сил в неудачную войну в далеком Египте – все это в комплексе могло стать причиной недовольства союзников. Если пункт сбора фороса оказался практически окружен нелояльно настроенными по отношению к Афинам общинами, то желание избрать для этой цели другое, более надежное место, становится вполне обоснованным. Лишение острова Делос статуса средоточия политической и религиозной жизни симмахии представляется более связанным с событиями внутренней истории союза. Таким образом, можно заключить, что уже в середине 50-х гг. V в. до н.э. в союзном объединении наблюдались те симптомы кризиса, которые в полной мере проявились в дальнейшем и в итоге привели к его печальному концу.

34 Wallace M. B., Figueira T. Notes on the Island Phoros. P. 65.

35 Об этом свидетельствует появление в афинских податных списках 430/429 и 429/428 гг. до н.э. особой рубрики: [αἰ]δε τον π[ό]λε[ο]ν [α]ὐτῆ[ν] τὴν ἀπα[ρ]χὴν ἀπέγαγον – «полисы, которые внесли только первые плоды» (IG I³ 281 II v. 31–32, 282 II v. 51–52). Подтверждение имеется в декретах афинского народного собрания о Мефоне 430/429 г. (ML 65 v. 5–9, 29–32) и Афитиде 428 г. до н.э. (IG I³ 62 v. 16–17). См. об этом подробнее: Макарова О.М. Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара, 2009. С. 53–55.

ЗАМЕЧАНИЯ К СТРАТЕГИИ ФУКИДИДА 424/3 Г. ДО Н.Э.¹

Круг, вернее даже, широченные круги научных интересов Игоря Евгеньевича Сурикова поистине поражают: хронологически – от крито-микенской эпохи до римской античности, тематически – от социально-экономических сфер, так сказать, «нужд низкой жизни» эллинов, до ментально-культурных, обобщающих суждений об античном полисе и номосе, космосе и логосе². Но все-таки основная область исследований И.Е. Сурикова – это история и источниковедение, люди и события позднеархаической и классической эпох древнегреческой истории.

Тема, которую я избрал для сборника, подготовленного нами в дар другу-юбиляру, вписывается в круг его первостепенных научных интересов. Из античных историков, «первосвященников Клио», И.Е. Сурикову наиболее близок, конечно, Геродот: ему он посвятил нескольких десятков статей и вступление к изданию труда «Отца истории» (М., 2004), монографию, опубликованную в научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей» (М., 2009), и недавно вышедший в издательстве «Языки славянских культур» сборник статей и тезисов «Очерки об историописании в классической Греции» (М., 2011), который фактически на три четверти состоит из ранее опубликованных автором работ о Геродоте³. Однако и второй из великих античных историков (по времени, но не по значению), Фукидид, конечно, тоже является важнейшим источником, объектом специальных исследований Игоря Евгеньевича⁴. Для нас обоих Фукидид – один из главных античных авторов. Именно фукидидовское описание периода относительно мирного спокойствия Эллады между двумя великими войнами как πεντηκονταετία («пятидесятилетие», ок. 480–430 гг.)⁵ было избрано нами для названия *Festschrift*'а.

1 Далее в статье все даты указаны до нашей эры.

2 Упомяну недавнюю его монографию, в которой предпринята попытка описать основные определения эллинской культуры: Суриков И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. (Попытка интересная, хотя, как мне представляется, в ряде положений спорная.)

3 Полный список публикаций Игоря Евгеньевича Сурикова помещен в первой части этого сборника.

4 См. статью И.Е. Сурикова о Фукидиде в энциклопедии «История зарубежных стран» (М., 2008), но главным образом, его публикации по древнегреческой истории и историописанию; укажу некоторые: Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. №2. С. 98–114, здесь – с. 100 сл.; он же. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых европейских историков // Проблемы исторического познания. М., 2002. С. 223–235; он же. [Рец.:] Will W. Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003 // ВДИ. 2006. №3. С. 214–220; он же. Космос – Хаос – История: типы исторического сознания в классической Греции // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры. М., 2007. С. 72–92; он же. «Несвоевременный» Геродот (эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. №1. С. 143–151; он же. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 24–32, 36 слл. (сравнительная характеристика принципов историописания «отцов» истории – Геродота и Фукидида); он же. ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. №2. С. 25–37; Махлаюк А.В., Суриков И.Е. Античная историческая мысль и историография: Практикум-хрестоматия для студентов исторических факультетов университетов. М., 2008; Суриков И.Е. История в драме – драма в истории: некоторые аспекты исторического сознания в классической Греции // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 371–409; он же. Геродот. М., 2009. С. 215 слл., 225–230, 366 слл., 371–375, 383 слл. и др.; он же. Последние главы «Истории» Геродота и вопрос о степени завершенности его труда // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 356–363; он же. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 35 сл., 61–76, 91 слл., 102 слл., 157–160, 161–178 и др.; он же. Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции. СПб., 2014. С. 94–123.

5 Впрочем, «фукидидовская» Пентеконтаэтия оказывается неполной: с 478 по 431 г. О самом термине, его истории и содержании см. у новых комментаторов: *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford, 1945. P. 361 ff., 420 ff.; *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford, 1991. P. 133–134, ad loc. Thuc. I. 89–117 (+ краткий

Прежде мне уже приходилось спорить с некоторыми (кажущимися мне) залихватскими идеями И.Е. Сурикова, в том числе и на геродотовско-фукидидовские темы⁶. Ныне для коллективного дара к юбилею коллеги и друга предлагаю небесспорный, как может показаться, материал, который посвящен эпизоду, связанному с биографией афинского историка Фукидида. Здесь мы остановимся на одном небольшом, но принципиальном вопросе – о выборах Фукидида стратегом в Афинах на 424/3 г., обсудим вероятные мотивы его назначения на эту должность, как оказалось, в переломный год Пелопоннесской войны.

* * *

В нашем распоряжении совсем немного биографических сведений о Фукидиде, а достоверной информации, той, на которую мы могли бы опереться в своих суждениях о жизни историка, ничтожно мало. Данные Маркеллиновой «*Vita Thucydidis*» сомнительны, зачастую они просто анекдотичны⁷, равно как и краткая биография историка, составленная анонимным автором⁸ или статьи византийских лексикографов, а «*De Thucydide*» Дионисия Галикарнасского – это главным образом трактат, посвященный исследованию сочинения афинского историка, его стиля и метода⁹. Главным же источником о жизни Фукидида является его военно-исторический труд, хотя, надо признать, афинский историк очень скуп в освещении фактов личной биографии, отмечая (да и то несколькими оговорками) только то, что имело прямое отношение к существу темы – описываемой им Великой войне.

обзор лит-ры). См. также: *Westlake H. D.* Thucydides and the Pentekontaetia // CQ. 1955. Vol. 5. 1. P. 53–67; *Walker P. K.* The Purpose and Method of “The Pentekontaetia” in Thucydides, Book I // CQ. 1957. Vol. 7. 1. P. 27–38; *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. L., 1968. P. 187 (В. Эренберг также является автором статьи «Пентеконтаэтия» в OCD², 1970 [repr. 1976]. P. 798. Col. 2); *Badian E.* From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentekontaetia. Baltimore; London, 1993. P. 73–107; *Stadter Ph. A.* The Form and Content of Thucydides’ Pentekontaetia (1. 89–111) // GRBS. 1993. Vol. 34. 1. P. 35–72 (+ лит-ра, p. 35, n. 1); *Will W.* Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 335–337 (с учетом предшествующей лит-ры); *Węcowski M.* In the Shadow of Pericles: Athens’ Samian Victory and the Organisation of the *Pentekontaetia* in Thucydides // Thucydides between History and Literature / Ed. by A. Tsakmakis and M. Tamiolaki. Berlin; Boston, 2013. P. 153–166; *Allison J.* The Balance of Power and Compositional Balance: Thucydides Book 1 // Ibidem. P. 257–270, здесь – p. 257 ff. (соотношение определений «Археология» и «Пентеконтаэтия» в Первой книге Фукидидовой «Истории»).

- 6 *Синицын А.А.* Фронто́н и фина́л: по поводу «заимствования» Геродотом у Фукидида принципа хронологического повествования // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII международной научной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков, 2012. С. 58; *он же.* Фукидид и Геродот, повлиявшие друг на друга? (по поводу одного «интересного нюанса») // АМА. 2013. Вып. 16. С. 39–55; *он же.* Война и время: О хронологических принципах и темпоральных маркерах первых историописателей (Геродот и Фукидид) // KOINON ΔΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Сост. и науч. ред. А.А. Синицына и М.М. Холода. СПб., 2014. С. 454–469.
- 7 Из новейшей литературы о «Жизнеописании Фукидида» см.: *Maitland J.* “Marcellinus” Life of Thucydides: Criticism and Criteria in the Biographical Tradition // CQ. 1996. Vol. 46. 2. P. 538–558; *Burns T.* Marcellinus’ *Life of Thucydides*, translated, with an introductory essay // Interpretation. A Journal of Political Philosophy. 2010. Vol. 38. 1. P. 3–25; *Mészáros T.* Two Critical Notes on the Ancient Biographical Tradition of Thucydides // Investigatio Fontium. Griechische und lateinische Quellen mit Erläuterungen. Beiträge der Tagung. Klassisches Altertum–Byzanz–Humanismus. Der XI. Ungarischen Konferenz für Altertumswissenschaft / Hrsg. von L. Horváth, Budapest, 2014. S. 55–68 (здесь же указана важнейшая предшествующая литература: S. 56–57. Anm. 2–4).
- 8 К характеристике этого источника см., напр.: *Carawan E. M.* The Trials of Thucydides “the Demagogue” in the Anonymous “Life” of Thucydides the Historian // Historia. 1996. Bd. 45. Hft. 4. P. 405–422.
- 9 К оценке Дионисием принципов историописания Фукидида см.: *Pritchett W. K.* Dionysius of Halicarnassus: *On Thucydides* / Trans. with Comment. by W. K. Pritchett. Berkeley; London, 1975; *Weaire G.* Dionysius of Halicarnassus’ Professional Situation and the *De Thucydide* // Phoenix. 2005. Vol. 59. 3–4. P. 246–266; *Canfora L.* Thucydides in Rome and Late Antiquity // Brill’s Companion to Thucydides / Rengakos A., Tsakmakis A. (eds.). Leiden; Boston, 2006. P. 721–753. Укажу работы отечественных исследователей: *Строгоцкий В.М.* Дионисий Галикарнасский как литературный критик и историк // ИИАО. 2009. Вып. 12. С. 130–138, здесь – с. 134 слл.; *Осипова О.В.* Дионисий Галикарнасский о речах в «Истории» Фукидида // Вопросы классической филологии. Вып. XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи / Отв. ред. А.И. Солопов. М., 2010. С. 323–329; *она же.* Дионисий Галикарнасский об отступлениях в исторических сочинениях // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2011. С. 433–437.

Фукидид, сын Олора, был афинским гражданином, но имел фракийские корни¹⁰, и для нас это важно отметить, хотя он сам лишь однажды указывает имя отца¹¹ и только сообщает о своих связях с влиятельнейшими людьми Фракии (Thuc. IV. 105. 1). В другом месте историк упоминает, что на второй год войны (430/429 г.) он, как и многие другие афиняне, пережил жутчайшую болезнь¹², симптомы которой и ужас ее последствий описал в своем сочинении (II. 49–51). Спасение Фукидида во время эпидемии было чудом, но ему суждено было выжить¹³.

К этим скудным биографическим сведениям (буквально, заметкам) самого историка, высказанным всюду именно «кстати», будто оговорками, добавляется еще одно: свидетельство о событии, которое стало поворотным в его политической карьере, самым важным в его судьбе вообще – неудачная стратегия Фукидида на восьмой год Пелопоннесской войны.

О своей стратегии историк Фукидид упоминает однажды, когда излагает «Брасиаду» – большой эпизод о Халкидикийско-фракийском походе спартанца Брасида: начиная с 78 главы и до последних

10 Ср.: Plut. *Cim.* 4; Marcell. *Vita Thuc.* 2–17, 19 sq., 55; Anonym. *Vita Thuc.* 1–2; Suda *Lex.* Θ 414. 2 sq., s. v. Θουκυδίδης. См. литературу о родословной историка: Жебелев С.А. Фукидид и его творение // Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева, под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1999. С. 407 сл.; Luschnat O. Thucydides // RE. 1970. Suppl. 12. Sp. 1085–1354, здесь – Sp. 1091–1095; Connor W. R. Thucydides. Princeton, 1984; Hornblower S. Thucydides. L., 1987. P. 1–4; Sonnabend H. Thucydides. Hildesheim; Zürich; New York, 2004. S. 9–16; Canfora L. Biographical Obscurities and Problems of Composition // Brill's Companion to Thucydides / Leiden; Boston, 2006. P. 3–31 (здесь проблемно о семье Фукидида, имени его отца и фракийских корнях афинского историка: p. 3–6); Mészáros T. Two Critical Notes. S. 57 ff.; Строецкий В.М. Становление исторической мысли в древней Греции и возникновение классической греческой историографии. Кн. 2. Фукидид. Ч. I. «Археология». Нижний Новгород, 2014. С. 14–18; Егоров А. Б. Фукидид и Саллюстий (опыт сравнительного анализа) // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 219–242, здесь – с. 222 сл.; Tsakmakis A. Historiography and Biography // A Companion to Greek Literature / M. Hose and D. Schenker (eds.). Malden; Oxford, 2016. P. 217–234, здесь – p. 219 ff.

11 Thuc. IV. 104. 4: ... Θουκυδίδην τὸν Ὀλόρου, ὃς τὰδε ξυνέγραψεν, – пояснение, стоит заметить, исчерпывающее: дабы читателю/слушателю было ясно, о ком здесь идет речь, чтобы «не спутать» автора-Фукидида с двумя другими тезками, упоминаемыми им же в «Истории» – афинским стратегом Фукидидом (Thuc. I. 117. 2) и фарсальцем Фукидидом, проксе-ном афинян (Thuc. VIII. 92. 8).

12 Thuc. II. 48. 3: αὐτὸς τε νοσήσας καὶ αὐτὸς ἰδὼν ἄλλους πάσχοντας («и сам переболел и лично наблюдал других, страдавших [этой же болезнью]»). Из новых исследований о «чуме» в Афинском полисе, которую описал Фукидид: Morgan T.E. Plague or Poetry? Thucydides on the Epidemic at Athens // TAPhA. Vol. 124. P. 197–210; Craik E. M. Thucydides on the Plague: Physiology of Flux and Fixation // CQ. 2001. Vol. 51. 1. P. 102–108; Thomas R. Thucydides' Intellectual Milieu and the Plague // Brill's Companion to Thucydides. P. 87–108, особ. – p. 92–108; Demont P. The Causes of the Athenian Plague and Thucydides // Thucydides between History and Literature. P. 73–87; Visvardi E. Emotion in Action. Thucydides and the Tragic Chorus. Leiden; Boston, 2015. P. 48 f., 52–56, 67 ff. et al.

13 В опубликованном недавно спецкурсе о древнегреческой аристократии и демосе И.Е. Суриков даже замечает, что «историк Фукидид... переболел (в пору эпидемии в Афинах. – А.С.), но остался жив, возможно, потому, что в его жилах, кроме греческой, текла фракийская кровь» (Суриков И.Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. Учебное пособие по спецкурсу для исторических факультетов вузов. М., 2009. С. 195. В тех же словах повторяется весь этот пассаж о спасительной фракийской крови Фукидида в другой книге: Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междуособиц. М., 2011. С. 73, примеч. 19). Идея Сурикова в том, «что высшая афинская аристократия с проявляющимися симптомами вырождения уже к последней трети V в. до н.э. отличалась слабым здоровьем и поэтому особенно пострадала от эпидемии, обрушившейся на полис в первые годы Пелопоннесской войны», правда, в качестве примера он называет лишь двух сыновей Перикла из рода Алкмеонидов, и только, – такой «статистики» явно не достаточно. Но здесь я не стану обсуждать тезис Сурикова о слабом здоровье высшей эллинической аристократии в классическую эпоху и «проявляющихся симптомах вырождения» оной, см. о том довольно подробно (но не убедительно): Суриков И.Е. Аристократия и демос. С. 193–195; он же. Античная Греция. 2011. С. 71–74. Так ли? Скорее всего, сыграл свою роль возраст (а не порода) афинского аристократа Фукидида: молодая кровь, ибо историку в ту пору, надо полагать, было около 30 лет (к дискуссии о дате рождения Фукидида см. ниже, примеч. 20 и 21). Нам известно, что будущий историк был богат, и, конечно, во время болезни рядом с ним находились умелые (да, вероятно, не один!) высокооплачиваемые лекари, которые смогли поставить его на ноги. Молодых Периклидов спасти не удалось, а вот Фукидиду тогда повезло. Нам остается лишь гадать: зрелые годы и здоровый сильный организм, первоклассные доктора или счастливый случай (либо сама судьба!?) содействовали его выздоровлению. Но факт: Фукидид, как и многие другие сограждане (NB), перенес эту страшную болезнь и смог исцелиться от нее; но, разумеется, что не все афиняне и отнюдь не все афинские аристократы, пережившие месяцы адской эпидемии, как наказание обрушившейся на полис Паллады, имели фракийские или иные чужеземные корни.

глав четвертой книги¹⁴. Рассказу об амфипольских событиях в декабре 424 г. и участию в этой операции стратега Фукидида посвящены несколько глав «Истории» (104. 4–107. 1)¹⁵.

Ранней зимой 424 года спартанский полководец Брасид, который уже около трех месяцев победоносно действовал на Халкидике, выступил в поход против Амфиополя. Перейдя Стримон, он с войском быстрым маршем подошел к этой афинской апойкии, но не захватил, а расположился лагерем вокруг города. И вот здесь-то Фукидид сообщает о своей официальной должности на восьмой военный год: «Противники изменников (т.е. сторонников Брасида в Амфиполе. – А.С.), превосходившие их численностью, ... по соглашению со стратегом Евклом (μετὰ Εὐκλέυς τοῦ στρατηγού), который прибыл от афинян для охраны этой местности (ὅς ἐκ τῶν Ἀθηῶν παρῆν αὐτοῖς φύλαξ τοῦ χωρίου), отправили вестника к товарищу его по стратегии на Фракийском побережье Фукидиду, сыну Олора, написавшему эту историю и находившему тогда у Фасоса (ἐπὶ τὸν ἕτερον στρατηγὸν τῶν ἐπὶ Θράκης, Θεουκιδίδης τὸν Ὀλόρου, ὃς τότε ζυνέγραψεν, ὄντα περὶ Θάσον) ... с требованием идти к ним на помощь»¹⁶ (Thuc. IV. 104. 4). И по сути, это все, что нам известно о Фукидидовой стратегии со слов самого Фукидида – ни больше, ни меньше.

Данный пассаж «Истории» весьма интересен для обсуждения объективной позиции автора и его нарративной манеры в целом¹⁷: об исполнении полисной магистратуры стратега на 424/3 г. Фукидид сообщает опять же к месту, сугубо по делу: не дополняя ничего «лишнего» про себя и свою должность (как кажется современному читателю его труда), без преувеличений и (опять же, как это может показаться) без обид и самооправданий, которые, по понятным причинам, следовало бы ожидать от гражданина, лишенного своей Родины¹⁸. Но мы не станем обсуждать повествовательные принципы Фукидида, а поставим вопрос о том, почему именно в этот год будущий историк занял должность стратега и был назначен главнокомандующим на «северный фронт» – во Фракийский регион.

* * *

Итак, Фукидид был избран стратегом в Афинах весной 424 года. И, по-видимому, это было первым его избранием на эту высшую магистратуру в родном полисе¹⁹. Это произошло в начале восьмого года военных действий. Не исключено, что в прошлые несколько лет Фукидид, как гражданин полиса, представитель одной из знатнейших семей в Афинах, видный аристократ, несомненно, стремившийся

14 Об этой экспедиции войска Брасида: *Синицын А.А.* О причинах фракийского похода Брасида // *Античные государства. Политические отношения и государственные формы в античном мире* / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2002. С. 49–70; *он же.* В августе 424-го. Ускоренным маршем от Истма до Македонии (историко-географический аспект фракийского похода Брасида). Часть I // *АМА.* 2009. Вып. 13. С. 38–69.

15 Обсуждение см.: *Westlake H. D.* Thucydides and the Fall of Amphipolis // *Hermes.* 1962. Bd. 90. P. 276–287; *idem.* Thucydides, Brasidas, and Clearidas // *GRBS.* 1980. Vol. 21. 4. P. 333–339; *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли. Фукидид. С. 19–27.

16 Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева, под ред. Э.Д. Фролова по изд.: *Фукидид.* История. СПб., 1999. С. 213.

17 О нарратологическом принципе Фукидида см. в новой литературе: *Hornblower S.* Narratology and Narrative Techniques in Thucydides // *Greek Historiography* / Ed. by S. Hornblower. Oxford, 1994. P. 131–166; *Rood T.* Thucydides: Narrative and Explanation. Oxford, 1998; *Pelling Chr. B. R.* Literary Texts and the Greek Historian. London, 2000 (+ другие работы С. Хорнблауэра, Т. Руда и Хр. Пеллинга); *Gribble D.* Narrator Interventions in Thucydides // *JHS.* 1998. Vol. 118. P. 41–67; *Dewald C.* The Figured Stage: Focalizing the Initial Narratives of Herodotus and Thucydides // *Contextualizing Classics: Ideology, Performance, Dialogue. Essays in Honor of John J. Peradotto* / Falkner T. M., Felson N., D. Konstan. Lanham, 1999. P. 221–252; *Dewald C.* Thucydides' War Narrative: A Structural Study. Berkeley, 2005; *Rengakos A.* Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage // *Brill's Companion to Thucydides.* P. 279–300; *Sommer K. I. L.* *Techné und Geschichte. Eine diskursgeschichtliche Studie zu Thukydides.* Bonn, 2006; *Hornblower S.* Thucydidean Themes. Oxford, 2011. P. 59–99; *Rengakos A.* Narrative and History: the Case of Thucydides // *Thucydides – a Violent Teacher? History and Its Representations* / Rechenauer G., Pothou V. (eds.) / Göttingen, 2011. P. 49–60; *Lang M.* Thucydidean Narrative and Discourse / Rusten J. S., Hamilton R. (eds.). Ann Arbor, 2011; *The Historical Present in Thucydides. Semantics and Narrative Function* / Lallot J., Rijksbaron A., Jacquindot B., Buijs M. (eds.). Leiden; Boston, 2011; *Allan R. J.* History as Presence. Time, Tense and Narrative Modes in Thucydides // *Thucydides between History and Literature.* P. 371–389; *Fragoulaki M.* Kinship in Thucydides: Intercommunal Ties and Historical Narrative. Oxford, 2013.

18 Иное мнение представлено в известной статье Уэстлейка: *Westlake H. D.* Thucydides and the Fall of Amphipolis. P. 276–287.

19 Иначе считает Строгецкий: «В 424/423 г. Фукидид занимал должность стратега... Избрание Фукидида на эту должность, вероятно, не было единственным» (*Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли. Фукидид. 2014. С. 18–19, ср. там же, с. 16 – со ссылкой на мнение Камфоры, хотя итальянский исследователь прямо об этом не говорит, замечая только, что уже во второй половине 430 гг. Фукидид мог иметь опыт в политических делах: *Canfora L.* Biographical Obscurities and Problems of Composition. P. 3: “He seems, then, to be insisting on the maturity of his own historical and political perception, specifically with reference to the period in which the conflict was brewing (436–432 bc). Thucydides was essentially implying that in those years he was already a competent politician possessed of appropriate historical knowledge”).

сделать свою политическую карьеру, предпринимал попытки избраться на эту должность. Конечно, он имел возможность занять высокую должность по возрасту, однако год рождения Фукидида нам не известен²⁰. Обычно в литературе указывается год его рождения между 471 и 450 гг.²¹ Но даже если к началу войны Фукидид был в возрасте около 30 лет²², то с 430 г. – второго военного года – будущий историк, представитель аристократической афинской фамилии, потенциально мог до 424 г. 7 раз (если эти попытки были ежегодными) претендовать на эту высшую полисную должность.

Называя имена многих афинских стратегов, принимавших участие в военных компаниях (и не только) в течение первых семи военных лет, Фукидид ничего об этом не сообщает²³. Надо полагать, что это он делает не по причине природной скромности или исследовательской «корректности», а просто потому, что до того сам он и не был задействован на «руководящих постах» в своем полисе.

Фукидид, вероятно, в 431 г. и потом, после выздоровления от болезни, с 429 г. принимал участие в ряде военных кампаний афинян (заодно собирая информацию о полководцах и боевых действиях). Но в силу каких-то причин он не избирался стратегом до 424 г. Афинский гражданин, патриотичный, прагматичный²⁴, с амбициями, весьма состоятельный (наследник приисков на Фракийском побережье), но главное – с фракийскими корнями и влиятельными связями во Фракии: по-видимому, он оказался полезным полису именно в этом году.

* * *

После ряда удачных для Афин военных операций 425 года казалось, что афиняне способны удержать контроль над противником, что они окончательно перехватили инициативу²⁵. Это ощущение передает в первой половине IV книги Фукидид (с нотой осуждения возгордившихся сограждан). В «соседней войне» афиняне будто бы выигрывали, как представлялось в первую очередь им самим.

Напротив, положение на севере Эгеиды для Афинской морской державы к началу 420-х гг. сложилось сложное, если не сказать, катастрофическое²⁶. А если принимать во внимание то, что произойдет на Халкидике, начиная с осени 424-го, в последующие полтора года – шаг за шагом последуют сплошные

20 О дате рождения историка мнения антиковедов расходятся; см.: *Sonnabend H.* Thukydides. S. 10 + Anm. 4, где представлен спектр мнений ряда ученых: Х. Берве и Г. Бенгтсон (ок. 460 г.), Дж. Финли (ок. 460 или несколько позже), К. фон Фритц (между 460 и 455 гг.) и С. Хорнблауэр (приблизительно в 450-е гг.); сам же Х. Зоннабенд считает, что “Thukydides spätestens 454 v. Chr. geboren sein muss” (ibid. S. 10). Сходно с этим: *Canfora L.* Biographical Obscurities and Problems of Composition. P. 3: “Thucydides cannot have been born later than 455 BC. ... This too suggests that his date of birth may not have been 455 but some years earlier” (аргументация Камфоры приведена мною в предыдущем примеч. 19). Ср.: *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли. Фукидид. 2014. С. 16 (со ссылкой на мнение Л. Камфоры и суждения В.П. Бузескула, С. И. Соболевского и Э.Д. Фролова [там же, с. 16. Примеч. 11–12], но без точного определения своей позиции по этому вопросу и без пояснений).

21 *Соболевский С. И.* Фукидид // История греческой литературы. Т. 2: История, философия, ораторское искусство классического периода / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1955. С. 69–100. С. И. Соболевский обсуждает все вероятные даты рождения историка (с. 70 слл.) и приходит к выводу, что «... год рождения Фукидида должен находиться между 471 и 454 гг. Среди ученых относительно этого полное разногласие: указывают на 471, 464, 460, 454, даже 450 г., но нельзя считать абсолютно невозможным, что Фукидид родился и раньше 471 г., так как он мог быть и старше 40 лет при начале войны в 431 г., следовательно, ни на какой год в точности указать нельзя» (там же, с. 71).

22 Ср., опять же, косвенные, но вполне убедительные, логичные, аргументы итальянского коллеги: *Canfora L.* Biographical Obscurities and Problems of Composition. P. 3.

23 См. исследования Ч. Форнары и Н. Морпета с таблицами афинских стратегов: *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971; *Morpeth N.* Thucydides' War: Accounting for the Faces of Conflict. Zürich; New York, 2006.

24 См. интересную (хотя и не бесспорную) работу Х. Туманса о прагматичном мировоззрении Фукидида, которое автор связывает с идеологией софистов: *Туманс Х.* Образ Фемистокла у Фукидида // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 186–197.

25 О ситуации 425 г. с «блокадой» афинянами Пелопоннеса и их попыткой «шантажа» спартанцев с помощью плененных на Сфактерии спартиатов: *Синицын А.А.* О причинах фракийского похода Брасида. С. 49–70; *он же.* В августе 424-го.. С. 38–69.

26 О политике Пердикки II и «сепаратизме» халкидийских полисов в нач. 420-х годов: *Синицын А.А.* Македония, полисы Халкидики и Спарта во фракийской кампании 424–422 гг. до н.э. // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана; Казань, 13–15 ноября 2013 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2013. С. 88–91; *он же.* Пердикка II – ловкий монарх в тени Олимпа (Несколько замечаний о политике македонского династа в войне Афин и Спарты) // К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник материалов международной научной конференции: в 2-х ч. СПб., 2013. Ч. 1. С. 17–24.

потери для архэ, большая часть греческих полисов на Халкидике выйдет из под контроля Афин²⁷, то это было началом крушения их бывшего могущества. В ближайшие годы контакты афинян с фракийскими династиями и македонским царем Пердиккой II станут напряженными и ненадежными (впрочем, с Пердиккой, как обычно и до этого)²⁸, но держава утратит и многих прежних союзников среди греческих полисов на халкидическом и фракийском побережье. И этот процесс уже начался. Были симптомы «сепаратизма», и, надо полагать, были предчувствия этого обвала у афинян.

Халкидическо-фракийский регион мог оказаться «Ахиллесовой пятой» Афинского союза. И в преддверии грядущей фракийской кампании, которая началась поздней осенью 424-го, одним из стратегов в Афинах был избран Фукидид. Избрание состоялось еще весной 424 г. – за полгода до похода в этот регион Брасида. Назначение Фукидида на должность стратега на восьмой военный год (424/3) я связываю с его *предполагавшейся изначально* военной миссией во Фракийский регион.

Моя версия такова: избрание Фукидида на должность стратега было значимым решением для афинского полиса именно в этом году, когда сложилась угроза выхода из архэ союзников на Халкидике и во Фракии. Это назначение могло быть обосновано не столько полководческими талантами Фукидида²⁹, сколько его личными связями во Фракийской области: авторитет рода, к которому он принадлежал, возможно, и харизма самого Фукидида, как рассчитывали в Афинах, могли содействовать удержанию контроля в этой «мятежной» области. При этом более значимыми могли оказаться его дипломатические и ораторские способности, ксенические связи и финансовое влияние.

И если рассматривать ситуацию с избранием Фукидида стратегом под таким углом зрения, то идея установить контроль в северном регионе родилась у афинян еще весной 424 г. – за многие месяцы до того, как Брасид со своим отрядом оказался на Халкидике.

Фукидид наверняка знал и о плане беотийского заговора³⁰. Не исключено, что он мог лично участвовать в его разработке, поскольку, будучи одним из 10 главнокомандующих в Афинах, занимался текущими административными и военными делами в государстве, а значит, *ex officio* был посвящен во все военные планы полиса. По всей вероятности, Фукидид был привлечен к подготовке проекта военной стратегии на 424/3 г., поскольку сам являлся исполнителем одной из составных частей этого плана – как лицо, ответственное за положение дел во Фракийской области.

А если принять предложенную версию, то тогда можно сделать и следующий шаг на пути этих рассуждений: разработка афинянами стратегического плана ведения войны на разных направлениях позволяет говорить о перспективах военной стратегии афинян на грядущий год.

27 См.: *Zahrnt M.* Olynth und die Chalkidier. Untersuchungen zur Staatenbildung auf der Chalkidischen Halbinsel in 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. München, 1971; *Кондратьев М.В.* Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 327–365; *Светилова Е.И.* Состав Халкидического союза в V в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 2. С. 148–160; *она же.* Халкидский союз в Пелопоннесской войне // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1996. № 2. С. 38–51; *Zahrnt M.* Macedonia and Thrace in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. P. 589–614.

28 О политике лавирования македонского царя в Пелопоннесской войне см. главу в книге Ю. Борзы: *Борза Ю.Н.* История античной Македонии (до Александра Великого) / Науч. ред. М.М. Холода. СПб., 2013. С. 175–211, 391 сл., 413 сл. Из новой литературы: *Chambers J.* Perdikkas, Sitalces, and Athens // Ancient Macedonia. 1999. Vol. 6. P. 217–224; *Psoma S.* Monnaies de poids réduit d'Alexandre I et de Perdikkas II de Macédoine // ZPE. 1999. Bd. 128. S. 273–282; *eadem.* The Kingdom of Macedonia and the Chalcidic League // Brill's Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archaeology and History of Macedonia, 650 BC –300 AD / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden; Boston, 2011. P. 113–136, здесь – р. 113–119, 128 f.; *Zahrnt M.* Macedonia and Thrace in Thucydides. P. 590–597, 601 ff., 609 f.; *Roisman J.* Classical Macedonia to Perdikkas III // A Companion to Ancient Macedonia / Roisman J., Worthington I. (eds.). Malden; Oxford, 2010. P. 145–165, здесь – р. 145–154 (с обзором литературы, р. 164 f.); *King C. J.* Macedonian Kingship and Other Political Institutions // Ibidem. P. 373–391, здесь – р. 373–391; *Mari M.* Archaic and Early Classical Macedonia // Brill's Companion to Ancient Macedonia. P. 79–92, здесь – р. 88–90; *Синицын А.А.* Пердикка II – ловкий монарх в тени Олимпа.

29 Как уже было неоднократно замечено, зачастую стратегами в Афинах становились не воины-профессионалы, а военные «любители»; см.: *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404; ср.: *Cloché P.* Les procès des stratèges athéniens // REA. 1925. T. 27. P. 97–118, особ. – р. 113 ss.; *Кудрявцева Т.В.* Процессы стратегов по исангелии в IV в. до н.э. и афинская демократия // История. Мир прошлого в современном освещении: Сборник научных статей к 75-летию со дня рожд. проф. Э.Д. Фролова / Под ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 166–182, здесь – с. 177 сл. (со ссылкой на мнение Ч. Форнары).

30 В IV. 76–77, 89 sqq. Фукидид рассказывает о подготовке к беотийскому восстанию (с многочисленными подробностями и видением возможных перспектив); см.: *Синицын А.А.* В августе 424-го. С. 54–56, 58–60; *Sinitzyn A.A.* Brasidas in the Megarian Operation of 424 BC in the accounts of Thucydides and Diodorus Siculus // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. 2016. Vol. 6 (2015) [в печати].

ДЕКРЕТ СИРАКОСИЯ: К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ СЛОВА В КЛАССИЧЕСКИХ АФИНАХ

При традиционном понимании афинской демократии в систему полисных ценностей в качестве основополагающих привилегий полноправных граждан входили *исегория*, *исономия* и *исократия*. Однако вопрос о том, насколько широко простирались эти привилегии так и остается нерешенным, точнее, каждый исследователь отвечает на него по-своему. Есть много конкретных аспектов проблемы, активно дискутируемых в литературе, в частности, не превращалась ли исегория во вседозволенность речей и поступков?¹ Например, мы знаем, что староаттическая комедия отличалась большой несдержанностью в выражениях и даже в сохранившейся части комических текстов мы встречаем много личных имен исторических деятелей. Кроме того, некоторым персонажам поэт давал настолько яркие характеристики, что их вполне можно было узнать даже без имени, только по косвенным намекам. Однако наши источники не дают ответа на вопрос о том, как воспринималось это афинским гражданским коллективом, независимо от того, выражал ли автор комедии свое собственное мнение или общественное. Существовала ли контраверсия исегории с реальной юридической практикой, в частности, каково было ее соотношение с законом о клевете? Обычно одним из таких ограничительных шагов считают декрет Сиракосия, согласно которому запрещалось выводить в комедии персонажи под их личными именами.

В силу объективных обстоятельств сюжет, связанный с декретом Сиракосия, также является дискуссионным, относительно этого документа исследователям пока так и не удалось выработать согласованного мнения. В отечественной историографии мне не удалось найти ни одной основательной специальной работы, посвященной данному декрету; в основном, это лишь краткие упоминания в общих и специальных трудах по Аристофану с однозначной интерпретацией как ограничительной меры в отношении использования в комедии личных имен². В иностранной литературе интерес к декрету Сиракосия пробудился еще в XIX в. после выхода статей И. Дройзена³. Однако окончательно решить вопрос о сущности декрета Сиракосия так и не удалось. Поэтому не лишним будет пересмотреть античные свидетельства и основные точки зрения современной исследовательской литературы, причем основной задачей этой публикации является скорее постановка определенных акцентов в дискуссии, чем подведение ее итогов.

Главным источником о декрете Сиракосия является всего лишь одна строфа из комедии Аристофана «Птицы» (v. 1297) и схолии к ней. В сцене возвращения глашатая, посланного Писфетером на землю, тот рассказывает, что афиняне настолько увлеклись идеей небесного города, что сами стали называться птичьими именами. И среди семи персонажей, обозначенных по именам, и одного безымянного, которые выступают под названиями различных видов птиц, Сиракосий назван дроздом. Схолии к этому пассажи содержат несколько кодексов с текстом аристофановских комедий: это, прежде всего, кодексы R V M Γ E⁴; но только кодексы Γ и E содержат этот схолий полностью,

1 Об исегории существует обширная литература; см., например: *Radin M.* Freedom of Speech in Ancient Athens // *AJPh.* 1927. Vol. 48. 3. P. 215–230; *Woodhead A. G.* ΞΗΓΟΡΙΑ and the Council of 500 // *Historia.* 1967. Bd. 16. 2. P. 129–140; *Halliwel S.* Comic Satire and Freedom of Speech in Classical Athens // *JHS.* 1991. Vol. 111. P. 48–70.

2 См., например: *Соболевский С. И.* Аристофан и его время. М., 2001. С. 161.

3 *Droysen J. G.* Des Aristophanes Vögel und die Hermokopiden // *RhM.* 1835. Bd. 3. S. 161–208; *idem.* Des Aristophanes Vögel und die Hermokopiden (Beschluß) // *RhM.* 1836. Bd. 4. S. 27–62.

4 *Sommerstein A. H.* The Decree of Syrakosios // *CQ.* 1986. Vol. 36. 1. P. 101; см. также: *Dübner F.* Scholia Graeca in Aristophanem, cum prolegomenis grammaticorum. P., 1877; *Koster W. J. W.* Scholia in Aristophanem. Pars I. Fasc. I a: Prolegomena de Comoedia. Groningen, 1975.

а в остальных он приводится в сокращенной форме. Однако даже полный текст схолия большинство исследователей признают испорченным и предлагают различные конъектуры⁵. Более того, встречается даже обвинение в адрес античных комментаторов, авторов схолий, в том, что для них в целом была характерна тенденция делать необоснованные, иногда далеко идущие выводы из отдельных намеков и пассажей в текстах староаттической комедии⁶. С таким гиперкритическим подходом трудно полностью согласиться, ведь, признавая, безусловно, авторскую интерпретацию схолиастом текста, мы, получаем, таким образом, в более или менее достоверном виде хотя бы фрагмент текста несохранившейся комедии.

Ввиду особой важности контекста схолия его необходимо привести полностью и выделить несколько конкретных вопросов⁷.

Συρακοσίῳ δὲ κίττα ὄττος γὰρ τῶν περὶ τὸ βῆμα, καὶ Εὐπολις ὡς λάλον ἐν Πόλεσι (fr. 207 Kock)
διασύρει

Συρακόσιος δ' ἔοικεν, ἠνίκ' ἄν λέγῃ,
τοῖς κυνιδίοισι τοῖσιν ἐπὶ τῶν τειχίων

ἀναβὰς γὰρ ἐπὶ τὸ βῆμα ὑλακτεῖ περιτρέχων.

δοκεῖ δὲ καὶ ψήφισμα τεθεικέναι μὴ κωμῳδεῖσθαι ὀνομαστί τινα, ὡς Φρύνιχος ἐν Μονοτρόπῳ (fr. 207 Kock)
φησί “ψῶρ’ ἔχοι Συρακόσιον. ἐπιφανὲς γὰρ αὐτῷ καὶ μέγα τύχοι. ἀφείλετο γὰρ κωμῳδεῖν οὓς ἐπεθύμουν”.
διὸ πικρότερον αὐτῷ προσφέρονται, ὡς λάλω δὲ τὴν “κίτταν” παρέθηκεν.

I. Начать можно с того, что некоторые исследователи даже допускают, что как такового декрета, приписываемого схолием к «Птицам» Аристофана Сиракосию, вообще могло и не существовать. В качестве аргумента они ссылаются на докеῖ в начале второй части схолия, что, с их точки зрения, свидетельствует о том, что у схолиаста не было конкретных свидетельств существования этого декрета⁸ и он сделал вывод о нем только на основании имеющейся у него цитаты из Фриниха⁹. И даже если схолиаст и допускал существование декрета, приписываемого Сиракосию, то был вполне уверен, что в нем была четкая терминологическая формулировка μὴ κωμῳδεῖσθαι ὀνομαστί τινα. Однако, поскольку в источниках достаточно уверенно засвидетельствованы имя Сиракосия¹⁰ и сам декрет, то предлагают три возможных объяснения докеῖ: 1) декрет был принят, но почти сразу же отменен; 2) декрет был неким устаревшим установлением; 3) в данном контексте схолия выражение κωμῳδεῖσθαι ὀνομαστί означает «быть представленным в комедии по имени как характер». А. Sommerstein, однако, отвергает все три альтернативы, так как первая и вторая не давали бы Фриниху основания для жалоб на Сиракосия, а третий вариант исключается, так как в «Птицах» Аристофана два персонажа, по крайней мере, вырисовываются именно как определенные комические характеры¹¹.

II. В данном схолии древний комментатор Аристофана дает ссылку сразу на две пьесы известных комедиографов V в. до н.э.¹² – на «Демы» Эвполида и «Отшельника» Фриниха. Обе комедии не дошли до нашего времени, сохранились лишь незначительные фрагменты, что создает определенные трудности в их датировке и интерпретации¹³. И если цитату из Эвполида схолиаст сам выделяет в тексте, то

5 Halliwell S. Comic Satire. P. 59.

6 Halliwell S. Ancient Interpretations of ὀνομαστί κωμῳδεῖν in Aristophanes // CQ. 1984. Vol. 34. 1. P. 87.

7 Подробный общий анализ схолий к «Птицам» Аристофана см. в старом, но не потерявшем своего значения, издании: White J. W. The Scholia on the Aves of Aristophanes. Boston, 1914.

8 Схолий к другой комедии Аристофана «Ахарняне» (vv. 1150–1155) в рукописях Г Е L с той же долей сомнения из-за докеῖ приписывает некий декрет, запрещающий высмеивать, называя по имени, некоему Антимаху, см.: Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios. P. 102. Note 8.

9 Подробнее см.: Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios. P. 101; cf. Trevett J. Was There a Decree of Syrakosios? // CQ. 2000. Vol. 50. 2. P. 600; Halliwell S. Comic Satire. P. 61–63.

10 О самом Сиракосии мы знаем очень мало. Судя по намеку Эвполида (fr. 207) в цитируемом схолии к «Птицам» Аристофана (v. 1297), он славился своим неистовым красноречием.

11 Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios. P. 101–102.

12 Далее в статье все даты указаны до нашей эры.

13 Körte A. Fragmente Einer Handschrift der Demen des Eupolis // Hermes. 1912. Bd. 47. 2. S. 276–313; Jensen Ch. Zu den Demen des Eupolis // Hermes. 1916. Bd. 51. 3. S. 321–354; Storey I. C. Dating and re-dating Eupolis // Phoenix. 1990. Vol. 44. 1. P. 1–30; Boo E. L. de. Phrynichus fr. 27 K-A: A pun // CQ. 1998. Vol. 48. 1. P. 291–292.

определить насколько далеко простирается цитата из Фриниха не так просто. Метрический анализ не помогает решить этот вопрос. Так, если третье предложение написано анапестом, то первые два, которые точно являются частью цитаты, то есть, являются аутентичными – неопознаваемым метром¹⁴. Эта особенность текста обычно принимается как аргумент в пользу предположения, что третье и четвертое предложения не принадлежат самому Фриниху¹⁵. С другой стороны, вполне возможно, что в тексте схолия скомбинированы строфы из разных частей парабазы пьесы Фриниха и поэтому они имеют различный размер¹⁶.

III. Поскольку с филологической точки зрения фрагмент спорный, от разбивки текста схолия на цитату и древний комментарий и принимаемого их чтения зависит суть ограничения, т.е. ответ на вопрос, кому декрет Сиракосия мешал высмеивать людей в комедии – «им» (т.е. комическим поэтам) или «ему» (т.е. Фриниху)? Большинство исследователей все же выбирают второй вариант и переводят фразу ἀφεῖλετο γὰρ κωμῳδεῖν οὗς ἐτεθύμουν следующим образом: «так он мешал мне высмеивать людей, которых я хотел»¹⁷. Предлагалось даже для лучшего понимания смысла декрета Сиракосия исправить в тексте схолия οὗς на ὅς – т.е. Фриних жалуется не на то, что ему мешают высмеивать тех, кого он хочет, но, согласно этому чтению, декрет препятствовал ему высмеивать так, как он хотел. Однако, по мнению А. Sommerstein, такого чтения не предлагает ни одна из рукописей, кроме того, подобные ограничения «не метод комедии»¹⁸. Но и это чтение принимается не всеми. Так, С. Халливелл вслед за издателями схолий считает возможным что ἐτεθύμουν – это третье лицо множественного числа, и что эта часть схолия уже не принадлежит цитате из Фриниха, а является комментарием самого схолиаста. Таким образом, перевод получается такой: «он мешал им (т.е. комическим поэтам) высмеивать людей, которых они хотели»¹⁹.

IV. Вызывает дискуссию также и фраза μὴ κωμῳδεῖσθαι ὀνομαστί τινα, хотя, казалось бы, ее перевод однозначен с грамматической точки зрения – «не высмеивать кого-либо по имени»²⁰. Однако «Отшельник» Фриниха и «Птицы» Аристофана были поставлены в одном и том же году – в 414 г., т.е. уже после принятия псефизмы Сиракосия, по-видимому, в предыдущем 415 г., и, тем не менее, в обеих пьесах он не только назван по имени, но и в достаточно издевательском тоне отмечается, что его замучил зуд что-либо запретить. Более того, в «Птицах» Аристофана в общей сложности упомянуто более 31 человека по личному имени, 3 – по имени отца и 3 – по прозвищу, что делает их отождествление с конкретными людьми вполне возможным²¹. И в других комедиях Аристофана после 414 г. также неоднократно высмеивались известные афиняне: стратеги, послы, пробулы, риторы и др., имена которых параллельно встречаются в литературных и эпиграфических источниках²². Таким образом, говорить о каком-то тотальном запрете на высмеивание персонажей под их собственными именами говорить нельзя. Но тогда возникает естественный вопрос, чьи же имена все же подлежали умолчанию?

V. Итак, если документ не содержал запрет писать «как хочу» и не был полным запретом на употребление личных имен в комедии, то остается один только вариант: этот декрет ограничивал круг потенциальных объектов высмеивания по какому-то принципу. Еще в свое время И. Дройзен выдвинул предположение, что декрет Сиракосия запрещал называть в комедии имена людей, осужденных за

14 И. Дройзен считал весь фрагмент мелическим, см.: *Droysen J. G. Des Aristophanes Vögel*. 1836. S. 59.

15 *Trevett J. Was There a Decree*. P. 598.

16 *Halliwel S. Comic Satire*. P. 59–60.

17 См., например: *Trevett J. Was There a Decree*. P. 598.

18 *Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios*. P. 102; cp. *ibid.* Note 10.

19 *Halliwel S. Comic Satire*. P. 59. Note 48.

20 Еще при Александрийском Мусейоне составлялись списки представленных Аристофаном персонажей; см.: *Halliwel S. Ancient Interpretations*. P. 83. Общее количество персонажей с личными именами в 11 комедиях Аристофана и в сохранившихся фрагментах его пьес – около 300.

21 В сохранившихся фрагментах Эвполида упомянуты по имени многие афиняне; только в «Демах» фигурируют не менее 15 человек, известных и не очень известных, деятельность которых прослеживается и после 415 г.; см.: *Storey I. C. Dating and Re-dating Eupolis*. P. 26.

22 См. интересное приложение со списками высмеянных в комедиях граждан по их профессиям (с 432 по 404 г.): *Sommerstein A. H. How to Avoid Being a Komodoumenos // CQ*. 1996. Vol. 46. 2. P. 337–356; cp.: *Develin R. Athenian Officials 684–321 B. C.* Cambridge, 1989.

нечестие в 415 г. – т.е. имена гермокопидов и профанаторов мистерий²³ и, прежде всего – Алкивиада²⁴. Чуть позже эта гипотеза была поддержана и некоторыми другими учеными²⁵. Среди современных исследователей также есть сторонники этой гипотезы; например, А. Sommerstein активно поддержал и вновь ввел в научный оборот старую гипотезу И. Дройзена²⁶. И действительно, в политико-общественных обстоятельствах в Афинах в 415–414 гг. именно гермокопиды и профанаторы мистерий могли являться наиболее уязвимыми для насмешек. Аргумент И. Дройзена заключается в том, что ни один из 65 человек, обвиненных в доносах по этому преступлению, не появляется в качестве персонажа в комедии, поставленной Аристофаном на ближайших Дионисиях – в комедии «Птицы». Несмотря на то, что некоторая информация прибавилась по сравнению с 1835–1836 гг.²⁷, тем не менее, почти ничего не изменилось²⁸. И хотя со времени выхода публикаций И. Дройзена прошло уже почти двести лет, так и не удалось выдвинуть убедительных аргументов против его гипотезы. Например, во фрагменте Ферекрата (fr. 58) встречается упоминание имени Пулителиона, по-видимому, того самого, в доме которого справляли мистерии Алкивиад со своими товарищами (см.: And. I. 12; Isocr. XVI. 6; Paus. I. 2. 5). Однако ни один из сохранившихся источников не утверждает, что сам Пулителион был обвинен в кощунстве в 415 г. Правда, Д. Макдауэлл предполагает, что имя Пулителиона могло быть пропущено переписчиком в списке доноса Андромаха перед именем Полистрата (And. I. 13)²⁹. Однако дата фрагмента Ферекрата точно не известна и, судя по словам Плутарха (*Alc.* 22. 4), Пулителион был обвинен и в другом кощунстве, возможно, это было еще до 415 г. или в самом начале 415 г. Доносчики Диоклид и Тевкр упомянуты комедиографом Фринихом (fr. 58), но ни один из них не был осужден как нечестивец. Диоклид был осужден и казнен из-за ложного доноса по делу гермокопидов (And. I. 66), а Тевкр, хотя он сам и признавался в участии в мистериях, получил «неприкосновенность» за донос (And. I. 15. 34). В «Птицах» есть, правда, неясные общие намеки на нечестивцев (v. 766), намек на арест Алкивиада (vv. 145–147), и только одно личное имя – «сын Писия», но неизвестно, кто этот человек и, по-видимому, он не был осужден, раз мог «открывать ворота» (v. 766)³⁰. Еще один аргумент в пользу гипотезы И. Дройзена состоит в том, что другие известные нечестивцы этого же времени (например, Диагор Мелосский) прямо названы по имени в «Птицах» (vv. 1073–1074).

А. Sommerstein вслед за И. Дройзеном также обращает внимание на то, что в аттической комедии 415–414 гг. и в период первой ссылки Алкивиада в более чем 4500 сохранившихся строках этот афинский политик ни разу не назван по имени, хотя есть несколько более или менее прямых намеков на него (*Av.* 145–147, 766; *Lys.* 390–397, 512–514; *Thesm.* 388–389, 1143–1144 et al.)³¹. Это представляет контраст с его вторым изгнанием в 407/6–404 гг., так как в «Лягушках» содержится большой пассаж (vv. 1422–1434), посвященный вопросу, должен ли Алкивиад быть отозван, причем здесь политик назван по имени. А. Sommerstein считает, что если отсутствие имени Алкивиада в комедии 415–414 гг. не простая случайность, то И. Дройзен был абсолютно прав, что в этот период действовал какой-то декрет типа декрета Сиракосия, целью которого был запрет упоминания по имени в комедии именно Алкивиада, чтобы вычеркнуть даже воспоминание о нем из общественного сознания, тем более, что были опасения относительно возможных апологетических выступлений его сторонников, оставшихся в городе. Алкивиад общался с комическими поэтами, и двое из них – Архипп и Аристомен – были осуждены вместе с ним за профанацию мистерий (And. I. 13), но могли остаться и другие, не участвовавшие или избежавшие наказания. К этому можно добавить еще один косвенный аргумент – в 415 г. было принято решение подвергнуть Алкивиада религиозному проклятию, что не только налагало атимию, но могло удержать, по крайней мере, наиболее благочестивых людей от

23 *Droysen J. G. Des Aristophanes Vögel.* 1835. S. 161.

24 *Droysen J. G. Des Aristophanes Vögel.* 1836. S. 59–60.

25 Например, см.: *Maidment K. J. The Later Comic Chorus // CQ.* 1935. Vol. 29. 1. P. 10.

26 *Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios.* P. 101 ff.

27 Например, изданные в 1953–1958 гг. так называемые Аттические стелы, а также другие афинские надписи.

28 Возможно, единственное исключение – Панетий (один из двух), но, в любом случае, это только намек в «Птицах» (vv. 440–442), см.: *Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios.* P. 105. Note 26.

29 *Andokides. On the Mysteries / Ed. by D. MacDowell.* Oxford, 1962, *ad loc.*

30 Об идентификации Писия и его сына см.: *Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios.* P. 105. Note 30.

31 Об отношении аттической комедии к Алкивиаду см.: *Vickers M. Alcibiades on Stage: Aristophanes' "Birds" // Historia.* 1989. Bd. 38. 3. P. 267–299.

упоминания имени проклятого, однако, оставалась комедия – острая на язык и не знающая никаких ограничений и, таким образом, декрет Сиракосия восполнял этот пробел.

Несмотря на убедительность приведенных аргументов, в литературе существуют и другие интерпретации фразы $\mu\eta\ \kappa\omega\mu\omicron\delta\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota\ \delta\nu\omicron\mu\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\ \tau\iota\nu\alpha$. Например, что декрет был принят, чтобы защитить тех, кого реабилитировали после обвинения в причастности к этим двум скандалам, запрещая утверждать обратное и высмеивать их в комедии³². Несколько странную гипотезу предлагает Дж. Треветт. Он считает, что $\Sigma\upsilon\rho\alpha\kappa\acute{o}\sigma\iota\omicron\varsigma$ в схолии следует считать прилагательным «сиракузский», так как весной 414 г. для афинян более болезненным для восприятия был не религиозный скандал прошлого года, а война с сиракузянами в Сицилии. Таким образом, Фриних якобы обвинял сиракузян в том, что они мешали ему высмеивать того, кого он хотел, в том смысле, что они косвенно были виновны в том, что много видных афинян отсутствовало в Аттике в течение всего предыдущего года. Пока они были далеко от Афин, они не давали Фриниху повода для насмешек. И даже допуская существование человека по имени Сиракосий, Дж. Треветт считает, что он был назван в честь Сиракуз и поэтому вызывал нарекания. И хотя исследователь признает, что это всего лишь гипотеза, тем не менее, упорно ее поддерживает³³.

VI. Еще в свое время М. Радин предложил объединить закон Сиракосия с законом о клевете, известным нам по речи Лисия «Против Феомнеста». Согласно этому закону было запрещено без основательных доказательств обвинять кого-либо в убийстве и, прежде всего, в убийстве отца или матери, или в том, что он бросил щит на поле боя. В случае голословного обвинения обидчик преследовался в судебном порядке³⁴. Позднее Д. Макдауэлл поддержал гипотезу М. Радина, считая, что закон о клевете был очень древним установлением, относившимся еще ко времени Солона³⁵. Декрет же Сиракосия, с его точки зрения, был принят для расширения сферы его применения – подобные бездоказательные нападки должны были преследоваться не только в частной жизни, но и в общественной, т.е. в комедии. Таким образом, целью декрета был не запрет высмеивания конкретного человека и не запрет называть кого-то по имени, а запрет упоминания в комедии определенных действий. В качестве основного аргумента исследователи ссылаются на тот факт, что в комедиях Аристофана одним из наиболее высмеиваемых персонажей является «толстый обжора» и «сикофант» Клеоним, но после 414 г. грубые издевки над ним уступают место косвенным намекам, хотя и не исчезают совсем. И кроме трех прозрачных намеков на щит (Aristoph. Av. 290, 1477, 1481) приводится достаточно большой пассаж о дереве, теряющем листья и, несмотря на его очевидную связь с обвинением в потере щита при бегстве, самого слова $\rho\acute{\iota}\psi\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$ в тексте нет (в отличие от комедии «Облака», v. 353). Однако степень условности намеков на щит в отношении Клеонима в комедиях до 414 г. и после 414 г. отличается в незначительной степени. Так, в «Осах» намек на щит скрывается в двух значениях слова $\acute{\alpha}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$ – «щит» и «змея» (v. 19), в другом месте (vv. 822–823) говорится об оружии в целом и упоминается о Клеониме. В «Мире» (v. 446) вскользь упоминается о какой-то неудаче Клеонима в сражении, но для афинской публики было, по-видимому, вполне понятно, о чем здесь идет речь. В другом пассаже (vv. 1298–1301) сын Клеонима исполняет элегию Архилоха о потере щита (Archil. fr. 5 West) и на вопрос – имеет ли он в виду своего отца, отвечает многозначительным молчанием³⁶. Об обстоятельствах дела мы ничего не знаем; предположительно речь идет о том, что Клеоним был вынужден отступить в результате неудачного сражения (при Делии?) вместе со всей афинской армией и, возможно, именно его полнота и неуклюжесть, а не его дезертирство, сделали Клеонима удобной мишенью для насмешек Аристофана³⁷. В качестве параллели можно отметить, что и клиент Лисия часто только намекает на обвинение Феомнеста в «щитобросании», которое уже было опровергнуто двумя судебными процессами. Так что, по-видимому, и для времени Лисия, для которого существование закона о клевете никто не подвергает сомнению, он вступал в силу только в случае предъявления прямого обвинения, а не косвенных намеков и слухов³⁸.

32 Atkinson J. E. Curbing the Comedians: Cleon versus Aristophanes and Syracosius' Decree // CQ. 1992. Vol. 42. 1. P. 56–64.

33 Trevett J. Was There a Decree. P. 599–600.

34 Radin M. Freedom of Speech in Ancient Athens. P. 215 ff.

35 MacDowell D. The Law in Classical Athens. L., 1978. P. 128–129.

36 Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios. P. 103.

37 Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios. P. 104. Note 23; Storey I. C. The "Blameless Shield" of Kleonimos // RhM. 1989. Bd. 132. 3/4. P. 259.

38 Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios. P. 103.

При этом показательно, что единственная комедия, где Клеоним практически открыто назван «щитобросателем», – это «Облака» – комедия, которая никогда не ставилась на сцене с тем текстом, который дошел до нашего времени. Хотя вполне возможно, что Клеоним и был виновен, потому это утверждение не являлось голословным обвинением и не попадало под закон о клевете.

Таким образом, несмотря на предпринятые современной историографией попытки, ничто кардинально не опровергает гипотезу И. Дройзена в целом. Некоторое сомнение вызывает ее аспект, связанный с целевой направленностью декрета Сиракосия персонально против Алкивиада, поскольку, в этом случае, он вступал в противоречие с существующим в Афинах законом *ἐπ' ἄνδρί*. Однако декрет, по всей видимости, имел достаточно широкую формулировку, и формально он соответствовал афинской конституции. Таким образом, декрет Сиракосия не ограничивал свободу слова, а служил неким стабилизирующим фактором в очень сложных политических и военных условиях этого этапа Пелопоннеской войны. Особую актуальность этому декрету придавало также то место, которое занимала комедия в общественно-политической жизни афинян.

Судьба декрета Сиракосия нам точно не известна. Вероятно, он был в силе несколько лет, точно так же, как и декрет, запрещающий высмеивать известных людей, принятый примерно в 440–439 гг. и возобновленный в 437–436 гг. Возможно, что декрет Сиракосия был аннулирован осенью 411 г. вместе с отменой наказания Алкивиада³⁹.

39 Ср.: *Sommerstein A. H. The Decree of Syrakosios. P. 108.*

ЛАКЕДЕМОНЯНИН ДЕКСИПП И СПАРТАНСКАЯ ПОЛИТИКА НА СИЦИЛИИ В КОНЦЕ V В. ДО Н.Э.

Одной из особенностей межполисных отношений в период Пелопоннесской войны стала интенсификация военно-политических контактов балканской метрополии с миром колониальных полисов на Сицилии. Этот процесс объясняется как ростом интереса к периферийным регионам со стороны ведущих греческих держав – Спарты и Афин, стимулированным военными потребностями, так и конфликтами на самой Сицилии, которые открывали возможность вмешательства в дела острова внешних политических сил. Кульминацией упомянутых контактов была афинская интервенция на Сицилию в 415–413 гг. до н.э. Однако вследствие ее неудачи с конца V в. до н.э. соперничавшая с афинянами Спарта превращается в основного политического партнера сицилийских полисов, прежде всего крупнейшего из них – Сиракуз. По этой причине все большее число спартанцев появляется на сицилийской политической сцене, а их деятельность все чаще фиксируется в исторических документах.

Одним из первых представителей Спарты, оказавшихся на Сицилии в конце V в. до н.э., стал лакедемонянин Дексипп. Представляется, что обращение к истории этого во многом загадочного, по мнению С. Пере-Ногге¹, персонажа позволит пролить свет не только на его личные качества, но и на особенности взаимоотношений Спарты и сицилийских греков, а также на характер спартанской политики на Сицилии в конце V в. до н.э.

Информация о пребывании Дексиппа на Сицилии ограничивается двумя группами сообщений, содержащимися в тринадцатой книге «Исторической библиотеки». В одной из них (Diod. XIII. 85–88) речь идет об участии Дексиппа в событиях, связанных с борьбой сицилийских греков за Акрагант, осажденный карфагенянами в 406 г. до н.э., а в другой (Diod. XIII. 93. 1–5; 96. 1) приводятся сведения о его отношениях с будущим сиракузским тираном Дионисием Старшим в начале 405 г. до н.э., в тот период, когда тот еще только добивался власти и ради этой цели избрал Гелу, гарнизон которой возглавлял Дексипп, местом одной из своих военно-политических акций. Изложение событий, в которых принимал участие спартанский полководец, заимствовано Диодором, по-видимому, у Тимея². Важно отметить, что в рассказе историка из Тавромения о Дексиппе не просто содержатся негативные суждения о его деятельности, но конструируется вообще крайне непривлекательный образ спартанца с использованием, например, не вполне надежных упоминаний о получении им денег от карфагенян³.

1 *Père-Noguès S.* Un mercenaire grec in Sicile (406–405): Dexippe le Lacédémonien // *DHA*. 1998. Vol. 24. 2. P. 7–24, здесь – p. 17.

2 К. Майстер отмечал, что для исторического повествования Тимея характерен интерес к истории Акраганта: *Meister K.* Die sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles. Quellenuntersuchungen zu Buch IV–XXI / Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Ludwig-Maximilians Universität zu München. München, 1967. S. 7. О заимствовании у Тимея сведений об осаде Акраганта и в целом о борьбе с карфагенянами в 406–405 гг. до н.э. см.: *Meister K.* Die sizilische Geschichte. S. 69–73; ср.: *Meister K.* La rottura degli equilibri. Dal contrasto con Siracusa all'ultima lotta con Cartagine // Agrigento e la Sicilia greca. Atti della settimana di studio, Agrigento, 1988 / A cura di L. Braccisi e E. De Miro. Roma, 1992. P. 113–120, здесь – p. 119.

3 Подробнее о происхождении данных Диодора о Дексиппе см.: *Бубнов Д.В.* Лакедемонянин Дексипп и проблема источников «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (Diod. XIII. 85–96) // *Lanterna nostra: К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк: сборник статей.* СПб., 2014. С. 112–122. По-видимому, негативное отношение к спартанцу могло сложиться у Тимея под влиянием его отмеченной Полибием (XII. 26b. 4) склонности преувеличивать в своем труде значение сицилийских событий и заслуги уроженцев Сицилии (см.: *Meister K.* Die sizilische Geschichte. S. 6). Историк из Тавромения, например, приписывал важную роль в победе над афинским войском и флотом, действовавшим на Сицилии в 415–413 гг. до н.э., сиракузянину Гермократу, тогда как другие древние авторы, по свидетельству Плутарха (Plut. *Nic.* 28. 4), ставили ее в заслугу именно спартанцу Гилиппу. Вероятно, именно это обстоятельство дало Тимею повод негативно

Сведения автора «Исторической библиотеки» об этом спартанце, как представляется, дополняются сообщением Ксенофонта в «Анабасисе» о лаконском периеке по имени Дексипп, который принял участие в походе наемников Кира Младшего в 401–400 гг. до н.э. (V. 1. 15; VI. 1. 32 и 6. 5–28)⁴. О пребывании этого человека на Сицилии афинский писатель не сообщает, однако свидетельство о его происхождении вызывает интерес в связи с рассматриваемыми событиями. Примечательно, что подобно Диодору, автор «Анабасиса» испытывал неприязнь к своему персонажу, но не под влиянием использованных источников, а по личным мотивам (см., напр.: Xen. *Anab.* VI. 1. 32).

Несмотря на очевидную скудость и предвзятость свидетельств о Дексиппе, его имя нередко встречается в научных работах. Однако далеко не все исследователи, упоминавшие в своих трудах об этом спартанце, специально обращались к изучению сицилийского периода его жизни, многие зачастую ограничивались констатацией его спартанского происхождения и пребывания в Геле во главе отряда наемников⁵.

Следует отметить, что у тех, кто предпринимал попытки проанализировать деятельность Дексиппа на Сицилии, определение времени его появления на Сицилии обычно сводится к решению вопроса о том, прибыл ли он с экспедицией Гилиппа⁶, отправленного спартанцами на помощь осажденным афинянами Сиракузам и находившегося на острове в 414–413 гг. до н.э., либо с отрядом сиракузского изгнанника Гермократа, боровшегося против карфагенян на Сицилии в 408–407 гг. до н.э. и строившего планы возвращения в родной город⁷, либо, наконец, в качестве спартанского эмиссара, направленного по просьбе сицилийских греков незадолго до возобновления карфагенского вторжения в 406 г. до н.э.⁸ Впрочем, некоторые исследователи склонны видеть в этом спартанце наемника, авантюриста, «солдата удачи», по выражению Г. Парка⁹, который не представлял ничьих интересов, кроме собственных¹⁰.

оценить деятельность Дексиппа во время его пребывания на Сицилии, чтобы тем самым выставить его перед читателями в менее выгодном свете по сравнению с Гермократом (см. об этом: *Meister K.* Die sizilische Expedition der Athener bei Timaios // *Gymnasium*. 1970. Bd. 77. 6. S. 512–514).

- 4 Диодор также называет Дексиппа лакедемонянином (ὁ Λακεδαιμόνιος – Diod. XIII. 85. 3; 87. 5; 88. 7; 93. 1; 96. 1), но не спартиатом. Однако последнее определение использовалось историком из Агирия, как правило, в узком, социальном, значении, применительно к конкретной общественной группе Спарты, тогда как понятие «лакедемоняне» он чаще употреблял в более широком смысле – для указания на принадлежность тех или иных лиц к спартанскому государству без уточнения их статуса. Так, Диодор явно различал спартиатов и лакедемонян в XI. 4. 5, но в других частях текста использовал оба выражения как синонимичные (Эврибиад, командовавший в 480 г. до н.э. греческим флотом, назван в одних случаях спартиатом: Diod. XI. 12. 4; 59. 1, в других – лакедемонянином: Diod. XI. 4. 2).
О возможном тождестве персонажей по имени Дексипп, упомянутых Ксенофонтом и Диодором, см.: *Niese B.* Dexippos (3) // RE. 1905. Bd. 5. 2. Hbd. 10. Sp. 288; *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 133–134; *Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Chicago, 1981. P. 64, 65. Note 1; *Poralla P.* Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Grossen. 2nd ed. with Introd., Corr., and Addenda by A. S. Bradford. Chicago, 1985. S. 44; *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. Baltimore, 1987. P. 318–320; *Sordi M.* Senofonte e la Sicilia // *Xenophon and his World: Papers from a conference held in Liverpool in July 1999* / Ed. by C. Tuplin. Stuttgart, 2004. P. 77; ср.: *Péré-Noguès S.* Un mercenaire grec. P. 8. Note 3; *Ambaglio D.* Diodoro Siculo. Biblioteca storica. Libro XIII. Commento storico. Milano, 2008. P. 148.
- 5 *Bury J. B.* Dionysius of Syracuse // САН¹. 1933. Vol. 6: Macedon 401–301 B. C. P. 111; *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. 1. Darstellung. S. 222, 224; *Huss W.* Die Karthager. 3., überarbeitete Aufl. München, 2004. S. 74, 76; *Lewis D. M.* Sicily, 413–368 B. C. // САН². 1994. Vol. 6: The Fourth Century B. C. P. 131–133.
- 6 С. Пере-Ногге допускает возможность такого объяснения присутствия Дексиппа на Сицилии, но не разделяет уверенности в его обоснованности (*Péré-Noguès S.* Un mercenaire grec. P. 10).
- 7 *Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers. P. 63–64; *Péré-Noguès S.* Un mercenaire grec. P. 10–11.
- 8 *Meyer E.* Geschichte des Altertums. 4., verbesserte Aufl. Basel; Stuttgart, 1958. Bd. 5. S. 67–68; *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 320.
- 9 *Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers. P. 64. Note 3.
- 10 Командиром наемников, защищавших Гелу, его называл Дж. Грот (*Grote G.* A History of Greece. L., 1852. Vol. 10. P. 585), не уточняя обстоятельств, вынудивших жителей этого города прибегнуть к вербовке чужаков. Впрочем, он отмечал, что во время пребывания Дексиппа в Геле власть в городе находилась, по-видимому, в руках олигархической группировки, противоборствовавшей с более широкими массами граждан, но не указывал на возможную связь этих фактов: *Grote G.* A History of Greece. P. 606–607. С большей определенностью по этому поводу высказался Э. Фримен, отметив, что заинтересованность в пребывании гарнизона во главе с Дексиппом в Геле могла испытывать одна из политических групп, на которые были разделены граждане города: *Freeman E. A.* The History of Sicily from the Earliest Times. Oxford, 1892. Vol. 3. P. 547–548. Э.Д. Фролов и Р. Саммарitano считают спартанца кондотьером, наемным военачальником: *Фролов Э.Д.* Выступление и приход к власти Дионисия Старшего // ВДИ. 1971. №3. С. 47–63, здесь – с. 56; *Frolov E. D.* Die ersten Unternehmungen und die Machtergreifung Dionysios' des Älteren // *Klio*. 1973. Bd. 55. S. 87–108, здесь – S. 99; *Фролов Э.Д.* Греция

Когда же Дексипп прибыл на Сицилию? Э. Мейер¹¹ и П. Картлидж¹² полагали, что появление спартанца в 406 г. до н.э. на острове было связано с угрозой карфагенского вторжения, которая вынудила сицилийских греков искать помощи у Спарты¹³. Это мнение встретило возражения со стороны ряда исследователей. Так, Г. Парк, возражая Э. Мейеру, утверждал, что Диодор лишь отметил присутствие Дексиппа в Геле накануне карфагенского вторжения 406 г. до н.э., но не указал на какую-либо иную связь между этими двумя фактами¹⁴. С. Пере-Ноге считает, что в том случае, если Дексипп был послан спартанцами в ответ на упоминаемую Диодором (XIII. 81. 2) просьбу о помощи, направленную сиракузянами в Спарту незадолго до высадки карфагенян на Сицилии, он должен был бы находиться не в Геле, а в Сиракузах¹⁵.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что Гела, в которой обосновался спартанец, не испытывала непосредственной угрозы со стороны карфагенян, в отличие, например, от Акраганта, находившегося вблизи подконтрольных Карфагену сицилийских территорий. Диодор свидетельствует о том, что сикелиоты осознавали, какой именно полис должен оказаться первой жертвой в случае возобновления карфагенского наступления (Diod. XIII. 81. 3), поэтому пребывание спартанского эмиссара в Геле, вдали от возможного театра военных действий, трудно объяснить в свете рассматриваемой гипотезы. Неясно также, зачем жителям Акраганта нужно было специально приглашать Дексиппа к участию в обороне их города, если он прибыл из Спарты с целью оказания помощи сицилийским грекам в войне против Карфагена. Наконец, представление о Дексиппе как эмиссаре Спарты, присланном для содействия сикелиотам, не согласуется с упоминанием Диодора о том, что во главе гарнизона Гелы спартанца поставили сиракузяне (XIII. 93. 1)¹⁶.

В некоторых исследованиях прибытие Дексиппа на Сицилию связывается с деятельностью Гермократа. С. Пере-Ноге дала развернутую аргументацию этой точки зрения. По ее мнению, Дексипп был одним из наемников, которые были набраны сиракузским изгнанником в Мессане (Diod. XIII. 63. 2)¹⁷ после возвращения на Сицилию. Впоследствии, во время перехода отряда Гермократа из Селинунта

в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 352; *Sammartano R.* La formazione dell'esercito di Dionisio I. Tra prassi, ideologia e propaganda // *Hormos: Ricerche di Storia Antica.* 2010. Vol. 2. P. 67–78, здесь – р. 68.

11 *Meyer E.* Geschichte des Altertums. S. 67–68.

12 *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 320.

13 Ш. Бергер, по-видимому, также склоняется к этой точке зрения: не упоминая о Дексиппе специально, он высказывает мнение о присутствии в Геле в 406–405 гг. до н.э. спартанского отряда, присланного для борьбы против карфагенян (*Berger S.* Revolution and Society in Greek Sicily and Southern Italy. Stuttgart, 1992. P. 25).

14 *Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers. P. 64. Note 3.

15 *Péré-Noguès S.* Un mercenaire grec. P. 10.

16 Диодор упоминает об этом после рассказа о событиях, связанных с падением Акраганта. На этом основании исследователи обычно делают вывод о переходе Дексиппа на службу к сиракузянам (*Holm A.* Geschichte Siciliens im Altertum. Leipzig, 1874. Bd. 2. S. 94; *Freeman E. A.* The History of Sicily. P. 547; *Niese B.* Dexippos. Sp. 288; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. neugestalt. Aufl. Strassburg, 1914. Bd. 2. Abt. 1. S. 410; *Stroheker K. F.* Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden, 1958. S. 40; *Фролов Э.Д.* Выступление. С. 56; *Frolov E. D.* Die ersten Unternehmungen. S. 99; *Марунович Л.П.* Греческое наемничество. С. 134; *Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers. P. 65; *Péré-Noguès S.* Un mercenaire grec. P. 15; *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики. С. 352). Подобная ситуация, как представляется, едва ли могла иметь место, если бы спартанец был официальным представителем своего государства.

17 Остается неясным, каким образом спартанец оказался в сицилийской Мессане. Т. Леншау высказывал предположение об ошибке Диодора, смешавшего в тексте Мессению, где на средства, полученные от персидского сатрапа Фарнабаза, строились корабли и вербовались наемники для Гермократа, и Мессану, где произошла высадка отряда во главе с сиракузским изгнанником: *Lenschau T.* Hermokrates (1) // RE. 1912. Bd. 8. 1. Hbd. 15. Sp. 885. Эту точку зрения разделял и Э.Д. Фролов (*Фролов Э.Д.* Из предыстории младшей тирании (выступление Гермократа Сиракузского) // АМА. 1972. Вып. 1. С. 139; *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики. С. 335), однако она встретила возражения со стороны Г. Уэстлейка (*Westlake H. D.* Hermocrates the Syracusan // *Idem.* Essays on Greek Historians and Greek History. Manchester; New York, 1969. P. 196. Note 45). Следует добавить, что возможность вербовки на Пелопоннесе тысячи наемников для операции на Сицилии в период, когда происходили военные действия в Эгеиде, требовавшие привлечения значительных людских ресурсов, в том числе наемных, представляется все же сомнительной. Более того, власти Спарты, как известно, следили за вербовкой наемников на подвластных им территориях, поэтому для того, чтобы осуществить набор воинов в таких областях, требовалось специальное разрешение, как то, которое получил, например, Дионисий Старший накануне начала войны против карфагенян в 398 г. до н.э. (Diod. XIV. 44. 2). Мог ли изгнанник Гермократ пойти на подобный шаг и рассчитывать на одобрение его действий со стороны спартанцев в то время, когда он намеревался, по-видимому, любыми средствами добиваться своего возвращения в союзные Спарте Сиракузы?

к Сиракузам, часть составлявших его воинов осталась в Геле. Этот город должен был превратиться для Гермократа в опорный пункт в случае провала попытки овладеть Сиракузами¹⁸. В ряде новейших работ принимается именно эта точка зрения, в соответствии с которой Дексипп являлся одним из уцелевших пелопоннесских наемников Гермократа¹⁹.

Представляется, впрочем, что предложенное объяснение появления спартанца на Сицилии не свободно от недостатков. Прежде всего, Диодор, описывая поход Гермократа на Сиракузы, сообщает о том, что его отряд прошел по землям Гелы (πορευθεὶς διὰ τῆς Γελώας – XIII. 75. 6), но не упоминает о посещении самого города или о размещении в нем части воинов²⁰. Из 3000 человек, сопровождавших Гермократа в походе, в ночь атаки на Сиракузы с ним было лишь небольшое их число (μετ' ὀλίγων – Diod. XIII. 75. 7), поскольку остальные не могли следовать за ним. Вызвано это было, вероятно, необходимостью соблюдать скрытность, а также неудобством передвижения сравнительно крупного отряда в ночное время²¹. Едва ли Гермократ оставил большинство своих людей в Геле, расположенной почти в 100 километрах от Сиракуз, откуда он вряд ли смог бы получить быструю и эффективную поддержку в случае необходимости. Во всяком случае, важно принять во внимание то, что наемников, приведенных Дексиппом из Гелы в 406 г. до н.э. для защиты Акраганта, насчитывалось, с учетом нанятых специально для предстоящей кампании воинов, всего полторы тысячи (Diod. XIII. 86. 3), и они, следовательно, составляли едва ли половину от численности сопровождавшего Гермократа отряда. Если вслед за С. Пере-Ноге предположить, что эти наемники действительно были людьми Гермократа, размещенными ранее в Геле, то тех, кто последовал за ним к Сиракузам, никак нельзя назвать «немногими». Кроме того, даже если согласиться с объяснением обстоятельств, в силу которых Гермократу показалось необходимым оставить в Геле часть своих воинов, остается неясным,

К.Ю. Белох (*Beloch K. J. Griechische Geschichte. S. 406*) и Б. Кейвен (*Caven B. Dionysius I War-Lord of Sicily. New Haven; London, 1990. P. 39*) полагали, что наемников Гермократ набрал еще в Малой Азии при финансовой поддержке Фарнабаза (см. источники: *Xen. Hell. I. 1. 31*; ср.: *Diod. XIII. 63. 2*, где упоминается только о получении сиракузским изгнанником значительной денежной суммы от персидского вельможи). Впрочем, и в этом случае не следует переоценивать возможности рынка наемников Малой Азии обеспечить потребности сиракузянина в морях и войнах в то время, когда в регионе велись военные действия (об успешной попытке Лисандра привлечь на свою сторону афинских наемников в 408 г. до н.э. см.: *Маринович Л.П. Наемники в период Пелопонесской войны // ВДИ. 1968. № 4. С. 74–75*). К тому же слова Ксенофонта, если рассматривать их как свидетельство в пользу того, что Гермократ с самого начала своего изгнания готовил вооруженное возвращение в родной город, не согласуются с указаниями относительно его стремления завоевать расположение граждан и добиться отмены постановления о собственном изгнании законным путем (*Xen. Hell. I. 1. 29*; *Diod. XIII. 63. 3*; *75. 4–5*). Наконец, нельзя с уверенностью утверждать, что служба вдали от родины могла показаться привлекательной обитателям полисов Малой Азии.

Впрочем, некоторые исследователи с доверием относились к сообщению Ксенофонта о начале подготовки сиракузским изгнанником похода на Сицилию еще в Малой Азии (*Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. P. 63*; *Grote G. A History of Greece. P. 575*; *Beloch K. J. Griechische Geschichte. S. 406, 407, Note 1*; ср.: *Фролов Э.Д. Из предыстории младшей тирании. С. 138–140*; *Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. С. 335–336*), тогда как другие предпочитали версию Диодора, согласно которой сбор воинов и постройка кораблей начались только после его прибытия в Мессану (*Holm A. Geschichte Siciliens im Altertum. S. 85*; *Freeman E. A. The History of Sicily. P. 493*; *Bernini F. Ermocrate siracusano // Athenaeum. 1918. Vol. 6. P. 116*; *Westlake H. D. Hermocrates the Syracusan. P. 195–196*). О предвзятости суждений Ксенофонта, вызванных его симпатией к Гермократу, см.: *Grosso F. Ermocrate di Siracusa // Kokalos. 1966. Vol. 12. P. 102–143*, здесь – р. 131–133.

О греческих наемниках на службе персидских правителей в Малой Азии см.: *Bettalli M. I mercenari nel mondo greco. Pisa, 1995. Vol. 1. Dalla origine alla fine del V sec. a. C. P. 139–140*.

18 *Péré-Noguès S. Un mercenaire grec. P. 9–11*.

19 *Caven B. Dionysius I. P. 47*; *Péré-Noguès S. Un mercenaire grec. P. 10–11*; *Péré-Noguès S. Mercenaires et mercenariat d'Occident: réflexions sur le développement du mercenariat en Sicile // Péré-Noguès S. Mercenaires et mercenariat d'Occident: réflexions sur le développement du mercenariat en Sicile // Guerres et sociétés dans les mondes grecs à l'époque classique: colloque de la SOPHAU, Dijon, 26–28 mars 1999 (Pallas: Revue d'études antiques. Vol. 51). Toulouse, 1999. P. 111.*; *Fantasia U. Gli inizi della presenza campana in Sicilia // Guerra e pace in Sicilia e nel Mediterraneo antico (VIII–III sec. a. C.). Arte, prassi e teoria della pace e della guerra. Vol. 2 / A cura di C. Michelini. Pisa, 2006. P. 493*; *Ambaglio D. Diodoro Siculo. P. 149*.

20 По-видимому, нет оснований считать возможным появление отряда Гермократа в Геле не только в результате этого похода, но и на более ранних стадиях сицилийской кампании, которую этот сиракузский изгнанник вел против карфагенян, поскольку военные действия охватили западную оконечность острова, район Селинунта, Мотии и Панорма (*Diod. XIII. 63. 4*).

21 См.: *Фролов Э.Д. Из предыстории младшей тирании. С. 141*; *Caven B. Dionysius I. P. 44*; *Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. С. 338*; ср.: *Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. P. 64*.

почему независимый полис, каким была Гела, счел возможным принять к себе гарнизон наемников, не подчиненных его гражданам и представлявших потенциальную угрозу для его суверенитета²². Наконец, возникает вопрос о том, на каком основании воины во главе с Дексиппом, если считать их наемниками Гермократа, оставались в Геле после гибели своего полководца и нанимателя. Не следует ли признать, что со смертью этого изгнанника исчезла необходимость сохранения его войска в качестве организованной силы?

Таким образом, две рассмотренные версии появления Дексиппа на Сицилии не представляются вполне резонными. Означает ли это, что допустимо оценивать третью гипотезу, согласно которой присутствие спартамца в Геле может быть связано с событиями экспедиции афинян 415–413 гг. до н.э., как наиболее вероятную? Действительно, прибытие спартамца на остров может объясняться активным военно-политическим сотрудничеством Спарты и Сиракуз, проявлением которого стало оказание помощи сикелиотам в 414 г. до н.э. со стороны полисов – участников Пелопоннесского союза в борьбе с афинским вторжением. Попытаемся конкретизировать это предположение, выяснив, была ли у Дексиппа возможность появиться в Геле в этот период.

Представляется, что такая возможность возникла в 413 г. до н.э., когда сиракузяне, по свидетельству Фукидида (VII. 46), попытались вмешаться в конфликт, возникший в Акраганте между двумя политическими группировками, чтобы оказать содействие своим сторонникам и привлечь ранее нейтральный город на свою сторону. С этой целью в Акрагант была отправлена морская экспедиция из пятнадцати кораблей во главе с сиракузским военачальником Сиканом. Однако во время их пребывания в Геле стало известно о поражении в Акраганте той партии, которая поддерживала сиракузян (Thuc. VII. 50. 1). О нестабильной ситуации в самой Геле позволяет судить тот факт, что немного позднее, в 405 г. до н.э., возник открытый конфликт между находившимися у власти олигархами и демосом (Diod. XIII. 93. 2–3). В подобном положении, стремясь избежать повторения событий в Акраганте и сохранить Гелу в качестве союзного города, сиракузяне, вероятно, могли принять решение о направлении в город авторитетного и опытного в военном деле лаконца из числа прибывших с Гилиппом²³.

Предположение о возможном появлении Дексиппа в Геле во время конфликта между Сиракузами и Афинами, как представляется, находит косвенное подтверждение в источниках. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в 406 г. до н.э. по приглашению жителей Акраганта Дексипп, покинув Гелу, принял участие в обороне их города со своими наемниками (Diod. XIII. 85. 4–5). После того как эта кампания подошла к концу, он с отрядом вернулся в Гелу, где продолжил командовать своим войском, выступавшим в роли сиракузского гарнизона в этом городе (Diod. XIII. 93. 1)²⁴. Такое перемещение трудно объяснить в том случае, если рассматривать Дексиппа только как предводителя наемников, связанного обязательствами со своими нанимателями в том или ином полисе. Напротив, выступая в роли спартамского эмиссара, Дексипп мог иметь более широкие интересы и полномочия²⁵.

22 Эней Тактик, обобщив полвека спустя после описываемых событий опыт обороны города в своем трактате «О перенесении осады», предостерегал против чрезмерного доверия наемникам и настаивал на необходимости удерживать численное превосходство и контроль граждан над ними для того, чтобы не попасть во власть вождей наемников (XII. 2–5). Впрочем, факт назначения спартамца на командную должность в Геле сиракузянами, о чем сообщает Диодор (XIII. 93. 1), свидетельствует, по Э. Фримену, об известной зависимости этого города от Сиракуз (*Freeman E. A. The History of Sicily. P. 547–548*).

23 Признание военного опыта Дексиппа выразилось в назначении его на одну из командных должностей во время осады Акраганта (*τεταγμένος ἐφ' ἡγεμονίας* – Diod. XIII. 87. 5) и поручении ему охраны стратегически важной высоты – холма Афины (*ibid.* 4). Возможно, он был одним из тех неполноправных жителей Лаконики (если верно сообщение Ксенофонта о его происхождении), которые повышением своего социального статуса были обязаны военным действиям.

24 К сожалению, нельзя с уверенностью сказать, когда именно в распоряжении Дексиппа появились наемники. Диодор впервые упоминает о них только в связи с событиями, произошедшими уже после падения Акраганта (Diod. XIII. 93. 1–2). Однако для С. Пере-Ноге подобных сомнений не существует, поскольку она рассматривала воинов этого спартамца как прежних наемников Гермократа, размещенных им в Геле (*Père-Noguès S. Un mercenaire grec. P. 10–11*). Впрочем, Дексипп для защиты интересов полиса, в котором он находился, едва ли мог довольствоваться только собственным авторитетом.

25 А. Джулиани допускал, что Дексипп мог быть послан на Сицилию с официальной миссией, подобной той, которая была поручена Гилиппу. Но одновременно исследователь высказывал и другое предположение, согласно которому спартамец мог оказаться прибывшим в Гелу изгнанником, каким был, например, лакедемонянин Клеандрид в Фуриях (*Giuliani A. Dionigi I, Sparta e la Grecia // RIL. 1994. Vol. 128. 1. P. 149–166, здесь – p. 152*). Следует отметить, что полномочия Дексиппа во время его пребывания на Сицилии были схожи с теми, которыми наделялись спартамские гармоусты в Балканской Греции и Малой Азии (см.: *Bockisch G. Ἀριστοταί (431–387) // Klio. 1965. Bd. 46. S. 129–239, здесь – S. 137 и 227*).

У Диодора есть и ряд иных свидетельств, подтверждающих, как представляется, мнение о том, что Дексипп появился в Геле во время афинской экспедиции на Сицилию. Действительно, в этом случае становится ясно, почему в «Исторической библиотеке» сообщается о назначении спартанца на пост начальника гарнизона в Геле сиракузянами (Diod. XIII. 93. 1)²⁶. Главным противником афинян в этом конфликте были Сиракузы, поддержанные Спартой и другими полисами, входившими в состав Пелопоннесского союза. По этой причине одной из важнейших задач Гилиппа и его сторонников на Сицилии стала поддержка дружественных сиракузянам режимов, способных оказать военную помощь в борьбе с афинской интервенцией. Дексипп, вероятно, прибыл в Гелу с отправленной из Сиракуз экспедицией под руководством Сикана (Thuc. VII. 46) либо вскоре после нее именно с такой целью, и пребывание его в этом городе в равной степени соответствовало интересам сиракузян и спартанцев.

Более понятной становится и позиция Дионисия Старшего, опасавшегося, что Дексипп восстановит независимость Сиракуз²⁷, и стремившегося привлечь его на свою сторону (Diod. XIII. 93. 4; 96. 1). Действительно, спартанец в качестве представителя своего полиса был заинтересован в сотрудничестве с проспартански настроенными политическими группировками, которые, как правило, носили олигархический характер²⁸. Однако акция, организованная Дионисием в Геле и завершившаяся истреблением зажиточных граждан и конфискацией их имущества (Diod. XIII. 93. 2), едва ли была одобрена Дексиппом, который в подобных действиях мог видеть угрозу интересам сторонников Спарты²⁹. Впоследствии, из-за отказа поддержать Дионисия, спартанский эмиссар вынужден был покинуть Сицилию и вернуться на родину (Diod. XIII. 96. 1)³⁰. Однако этот конфликт не оказал, по-видимому, серьезного влияния на отношение спартанцев к новому сиракузскому лидеру. Более того, из неудачного опыта миссии Дексиппа ими, вероятно, был извлечен урок, поскольку прибывший в 404 г. до н.э. в Сиракузы новый спартанский посланник Арист был склонен к сотрудничеству с Дионисием (Diod. XIV. 10. 2–3; ср.: 70. 3). Очевидно, что в это время в Спарте стали воспринимать тирана и его сторонников как подходящих политических партнеров³¹.

Возможно, в нем следует видеть одного из первых представителей гармостов нового типа, которые своим появлением обязаны событиям Пелопоннесской войны (об эволюции этого института в период конфликта между Афинами и Спартой в 431–404 гг. до н.э. см. в указанной работе Бокиш: *Bockisch G.* *Ἀρμόσται*. S. 137–185; 227–230; см. также: *Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 390–401). В этом случае долгое пребывание Дексиппа в Геле, намного превосходившее обычный годовой срок исполнения гармостами своих обязанностей, может быть объяснено официальным продлением его полномочий спартанскими властями, если только оно не было предусмотрено заранее (см., например, о гармосте Деркилиде: *Xen. Hell.* III. 2. 6).

- 26 Как уже отмечалось, некоторые исследователи склонны были считать, что после падения Акраганта Дексипп вместе с набранным им отрядом наемников поступил на службу к сиракузянам и возвратился в Гелу в качестве начальника размещенного в этом городе гарнизона. Однако такое мнение кажется справедливым лишь в том случае, если видеть в спартанце «солдата удачи». Рассказ Диодора (Diod. XIII. 93. 2) о расправе Дионисия с зажиточными гражданами и выплате жалованья наемникам за счет конфискованного имущества позволяет предположить, что средства на содержание воинов Дексиппа должны были предоставлять жители Гелы.
- 27 По мнению М. Сорди, сообщение Диодора о предполагаемом восстановлении свободы сиракузян Дексиппом восходит к Тимею, который приписал спартанцу собственную неприязнь к тирану: *Sordi M.* *L'elezione di Dionigi // Eadem. La dynasteia in Occidente (Studi su Dionigi I)*. Padova, 1992. P. 26–28; *Sordi M.* *Senofonte e la Sicilia*. P. 77; см. также: *Ambaglio D.* *Diodoro Siculo*. P. 163–164.
- 28 Диодор свидетельствует о стремлении спартанцев вводить в греческих полисах олигархическое правление (XIV. 10. 1). Примечательно, что это сообщение находится в непосредственной связи с рассказом о миссии Ариста. По-видимому, приход к власти Дионисия и его сторонников воспринимался в Спарте как победа дружественной олигархической группировки.
- 29 Некоторые исследователи полагали, что сохранение верности Сиракузам и отказ поддержать Дионисия в его стремлении к единоличной власти были вызваны приверженностью Дексиппа тем политическим принципам, которые существовали на его родине: *Péré-Noguès S.* *Un mercenaire grec*. P. 16–17; *Sammartano R.* *La formazione*. P. 74.
- 30 Причиной изгнания Дексиппа Э.Д. Фролов считал стремление Дионисия создать контролируемые им военные силы и избавиться от ненадежных военачальников: *Фролов Э.Д.* *Выступление*. С. 60; *Frolov E. D.* *Die ersten Unternehmungen*. S. 104; *Фролов Э.Д.* *Греция в эпоху поздней классики*. С. 358–359.
- 31 *Giuliani A.* *Dionigi I*. P. 152–153. По свидетельству Диодора, Арист, отправленный для установления контакта с Дионисием, был одним из видных граждан Спарты (Diod. XIV. 10. 2). П. Поралла склонен видеть в нем спартиата, представителя высшего слоя лаконского общества: *Poralla P.* *Prosopographie der Lakedaimonier*. S. 29. Избрание подобного эмиссара позволяет судить о том, что связи с сиракузским правителем приобрели для спартанцев особое значение. Определяя отношение лакедемонян к Дионисию в этот период, Диодор отмечал, что они надеялись сделать тирана послушным себе, оказывая ему поддержку в упрочении власти (Diod. XIV. 10. 2).

Наконец, высказанное предположение о причинах появления Дексиппа в Геле позволяет объяснить тот факт, что Дионисий выслал его в Грецию³². Эта мера не оставляет сомнения в том, что спартанец был не простым наемником, а официальным представителем своего полиса, с которым будущий тиран, даже несмотря на отсутствие взаимопонимания с ним, не был готов вступать в конфронтацию³³.

Подводя итог, следует отметить, что появление в Геле Дексиппа, прибывшего на Сицилию, вероятно, вместе с Гилиппом, было вызвано политическим кризисом в соседнем Акраганте, результатом которого стало изгнание из города сторонников союза с Сиракузами против афинян. Спартанцы и их союзники-сиракузяне стремились избежать подобного развития событий в Геле и сохранить этот город в числе своих сторонников. С этой целью в Гелу был направлен опытный и авторитетный военачальник лаконского происхождения, возможно, с отрядом воинов. В его обязанности, по-видимому, входила поддержка местной проспартански ориентированной олигархии. Взаимодействие Дексиппа и этой группы и обеспечение обеими сторонами взаимных интересов обусловили необходимость его дальнейшего пребывания в Геле вплоть до прихода к власти Дионисия Старшего. Ситуация с Дексиппом показывает, что использование спартанцами своих эмиссаров и военных контингентов для вмешательства во внутренние дела отдельных полисов с целью поддержки союзных Спарте сил было характерно для их политики на Сицилии в той же мере, в какой и на Балканах.

32 Примечательно, что таким же образом в 396 г. до н.э. Дионисий поступил с начальником мятежных наемников Аристотелем, который был отправлен в Спарту на суд его собственных сограждан (Diod. XIV. 78. 1–2). Этот эпизод позволяет предположить, что командир, о котором идет речь в указанном отрывке «Исторической библиотеки», был, по-видимому, одним из тех, кого завербовали посланцы тирана в Лаконике (Diod. XIV. 44. 2), и кто не утратил связи с родиной, рассматривая свою службу как временное занятие, а не как профессию (ср. наблюдение Л.П. Маринович об отношении к участию в экспедиции Кира Младшего его наемников: *Маринович Л.П.* Греческое наемничество. С. 135). Очевидно, что в этом случае сиракузский правитель продемонстрировал желание избежать таких действий в отношении находившихся на Сицилии спартанских эмиссаров, которые могли бы вызвать негативную реакцию со стороны властей Спарты. См. также: *Giuliani A.* Dionigi I. P. 157.

33 *Péré-Noguès S.* Un mercenaire grec. P. 16.

ТАК БЫЛ ЛИ СОКРАТ АРИСТОКРАТОМ?

С Игорем Евгеньевичем Суриковым я познакомился 10 лет назад, в Москве, на «Сергеевских чтениях» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005 г.), хотя общаться мы начали, кажется, годом позже, на конференции в Ярославле, которая проводилась в университете (ЯрГУ им. П.Г. Демидова) в декабре 2006 г. С тех пор я продолжаю открывать И.Е. Сурикова как выдающегося ученого и замечательного человека. Естественно, лично мы встречаемся очень редко, но интернет позволяет нам преодолевать расстояния и границы, нас разделяющие. Также естественно, что в ходе общения мы обнаруживаем как совпадения, так и расхождения в наших мыслях, подходах и оценках. И то, и другое периодически находит выражение на страницах наших публикаций, в которых мы то поддерживаем друга, то полемизируем друг с другом. И вот, пользуясь случаем, я поздравляю Игоря Евгеньевича с юбилеем, желаю ему всех благ, новых творческих успехов, и, продолжая нашу добрую традицию дружеских научных дискуссий, посвящаю ему статью, в которой оспариваю его тезис об аристократическом происхождении Сократа¹ (илл. 1).

Сама идея не нова: уже и раньше высказывались предположения, что Сократ на самом деле был не тем, за кого мы его всегда принимали. Образ бедного простолюдина отрицался, и некоторые исследователи причисляли Сократа либо к аристократам², либо, на худой конец, к числу состоятельных представителей среднего сословия³. Обобщая, можно сказать, что основаниями для таких допущений служат обычно следующие соображения. Во-первых, тот факт, что Сократ сражался в гопплитском строю⁴, подразумевает известный уровень состоятельности, необходимый для покупки гопплитского вооружения. Во-вторых, дружба Сократа с выдающимися аристократами Афин – начиная от Алкивиада и Крития, и заканчивая Платоном – должна свидетельствовать о его близости к знатному сословию, для которого он, видимо, являлся «своим» человеком. И в-третьих, Сократ разделял многие ценности аристократии и высказывал антидемократические мысли, что воспринимается этими авторами как еще одно указание на его знатное происхождение (илл. 2).

На мой взгляд, уже невооруженным глазом видно, что все эти построения натянуты, а сама проблема надумана. Рассмотрим их по порядку. Относительно первого аргумента сразу можно сказать, что он не имеет серьезного веса, т.к. в эпоху Сократа солоновский ценз уже не имел реального значения⁵, и для того, чтобы сражаться в гопплитском строю, нужно было лишь обладать необходимой экипировкой⁶. Но эту экипировку не обязательно было покупать самому – ее можно было унаследовать от отца

1 Суриков И.Е. Сократ. М., 2011. С. 52–57.

2 См., например: *Waterfield R. Why Socrates Died: Dispelling the Myths.* L., 2009. P. 58; *Молчанов А.А.* Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201–203.

3 Например: *Wood E. M., Wood N.* Class Ideology and Ancient Political Theory: Socrates, Plato and Aristotle in Social Context. Oxford, 1978. P. 83–87; *Stone I. F.* Der Prozess gegen Sokrates. Wien, 1990. S. 145; *Mossé C.* Der Prozess des Sokrates: Hintermänner, Motive, Auswirkungen. Freiburg, 1999. S. 69; *Scholz P.* Der Prozeß gegen Sokrates: Ein “Sündenfall” der athenischen Demokratie? // Große Prozesse im antiken Athen / Hrsg. von L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg. München, 2000. S. 157–173, 276–279, здесь – S. 162, 278.

4 О воинских стезях Сократа см.: *Pleger W.* Sokrates: Der Beginn des philosophischen Dialogs. Hamburg, 1998. S. 50 ff.; *Anderson M.* Socrates as Hoplite // *Ancient Philosophy.* Vol. 25. 2. 2005. P. 273–289.

5 Формально ценз никто не отменял (см.: *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelean *Athenaion Politeia.* Oxford, 1981. P. 251), но демократическая система Перикла лишила его политического содержания.

6 Как известно, этот принцип был зафиксирован в ходе очередного переворота в 411 г., когда было решено передать управление государством тем 5000 граждан, которые имели тяжелое вооружение (Thuc. VIII. 97; *Arist. Ath. pol.* 33. 1). Хотя эта конституция оказалась весьма кратковременной, сам факт ее введения для нас важен тем, что она зафиксировала

или от кого-то из своих родственников, или же получить в дар от богатых друзей. К тому же, как это видно на некоторых вазописных изображениях той эпохи (см. илл. 3), наличие панциря и поножей не было обязательным, что заметно удешевляло расходы на экипировку воина. А на шлем, который каждому приходилось подбирать индивидуально, мог бы скопить любой, кто имел хоть какие-то доходы, и наверное, сам Сократ. Наконец, Сократ в молодости, скорее всего, был более состоятельным, чем на склоне лет, и мог позволить себе купить необходимое снаряжение⁷. Кроме того, в той системе взглядов, которой придерживался Сократ, гопплитская служба представлялась делом чести⁸, а это значит, что он при любых обстоятельствах должен был приложить все усилия, чтобы попасть в гопплитский строй. Одним словом, здесь нет никакой проблемы и нет ничего невозможного в том, что Сократ имел гопплитское снаряжение, не будучи ни богачом, ни аристократом.

Тезис о друзьях Сократа также не является, по сути, хоть сколько-нибудь весомым аргументом. Просто необходимо помнить, что в древней Греции аристократия не представляла собой отдельного сословия или касты, оторванной от гражданского коллектива. Афинские аристократы не были ни герцогами, ни графами, ни даже баронами, их не отделяли от народа высокие стены неприступных замков, они были гражданами полиса и жили в полисе, среди своих сограждан, с которыми имели постоянное и тесное общение. Кроме того, как уже не раз говорилось, почетный статус греческой аристократии основывался не только на наследстве, но и прежде всего, на доблести и заслугах, в основу чего была положена религиозная идея *харизмы*, т.е. высшей (божественной) силы, проявляющейся в человеке, которому благоволит божество⁹.

Были времена, когда аристократом мог стать каждый, и все это прекрасно помнили. Быть знатным означало быть известным, и не только лишь за счет имени предков, но и на основании собственных заслуг. Кстати, такое именно словарное значение имеет слово γνῶριος, которое переводится и как «знатный», и как «известный», аналогично английскому слову *noble*¹⁰. Одним словом, греческие аристократы могли общаться и общались с простолюдинами без зазрения совести. Для того, чтобы попасть в орбиту их внимания, не обязательно было родиться аристократом, но достаточно было выделяться из толпы каким-нибудь интересным для них умением или дарованием. Как мы видим у Платона и Ксенофонта¹¹, «пропуском» на аристократический симпозиум могло служить отнюдь не только громкое

реальное положение дел, при котором значение имела уже не формальная сумма доходов афинских граждан, фиксируемая ценом, но способность граждан служить в качестве гопплитов. Думается, авторы проекта предполагали инспектировать наличие соответствующего снаряжения, а не денег, необходимых для его приобретения. К этому можно добавить и факт, что уже в ходе Пелопоннесской войны Афинское государство начало привлекать фетов к военной службе в качестве гопплитов (Thuc. VI. 43; см.: *Видадь-Накэ П. Традиции афинской гопплитии // Видадь-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 126.*). Ничто не мешает допустить, что такие прецеденты могли случаться и ранее, так что Сократ, и будучи фетом, мог быть гопплитом.

7 На это указывают слова самого Сократа: на суде он заявил, что его служение афинянам привело к запустению его хозяйства (Plato. *Apol.* 31b–c), из чего можно заключить, что изначально он не был так беден, как в конце жизни.

8 Подробнее см.: *Anderson M. Socrates as Hoplite. P. 285 ff.*

9 См., например: *Taeger F. Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Stuttgart, 1957. Bd. 1. S. 51–63; Calhoun G. M. Classes and Masses in Homer // CPh. 1934. Vol. 29. P. 192–208, здесь – p. 192; Strassburger H. Die Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // Historische Zeitschrift. 1954. Bd. 177. S. 227–248, здесь – S. 238; Spahn M. Mittelschicht und Polisbildung. Frankfurt a. M., 1977. S. 42 f.; Cobet J. König, Anführer, Herr, Monarch, Tyrann // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt / E. C. Welskopf (Hrsg.). Bd. 3. B., 1981. S. 11–66, здесь – S. 26 f.; Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft. Studien zum griechischen Adel in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart, 1989. S. 24; Ulf Chr. Die homerische Gesellschaft. Materialien zur analytischen Beschreibung und historischen Lokalisierung. München, 1990. S. 106, 219; Barcelo P. Basileia, Monarchia, Tyrannis. Stuttgart, 1993. S. 56 f.; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002. С. 76–99; он же.. Сколько патриотизмов было в древней Греции? // SH. 2012. Вып. XII. С. 3–32, здесь – с. 19 сл.; он же. Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации // Мнемон. 2014. Вып. 14. С. 59–94, здесь – с. 63 сл.; он же. Образ Фемистокла у Фукидида // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 186–197, здесь – с. 190 сл.*

10 См.: *Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 14.*

11 «Пир» Ксенофонта в этом смысле очень показателен: рассказ начинается с того, что богатый аристократ Каллий, сын Гиппоника, устраивает в своем доме пир и зовет на него Сократа, которого он застаёт в пестрой компании друзей, среди которых оказываются как знатные люди, так и не очень. Причем показательно, что простолюдинов, помимо Сократа, представляет известный в будущем философ Антистен (Xen. *Symp.* 1–7), который был не только простолюдином, но еще и нечистокровным, рожденным матерью-фракиячкой (см.: *Diog. Laert. VI. 1. 1*). Каллию хочется пообщаться с людьми, близкими к философии, и его совершенно не волнует их происхождение. Также и в платоновском «Пире» на симпозиуме присутствуют не только аристократы, но и люди «без имени», в том числе врач Эриксимах.

имя предков, но и личные способности, востребованные в той или иной компании. Сократ же явно выделялся из толпы как незаурядным умом, так и характером, всей силой своей личности, несущей на себе явный отпечаток особой харизмы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Сократ общался с виднейшими аристократами и дружил с некоторыми из них. Из этого совершенно не следует никакого вывода о его происхождении.

И, наконец, последний аргумент об антидемократических воззрениях Сократа также не выдерживает никакой критики. Почему для того, чтобы не любить и критиковать афинскую демократию, надо было обязательно быть аристократом? Разве Сократ не мог додуматься до этого сам, своим умом? Для любого, кто хоть немного знаком с творчеством Ксенофонта и Платона, не является секретом, что все его воззрения, насколько мы вообще можем их вычленивать из наших источников, базируются на этической системе координат и представляют собой этическое же учение¹². Сократ просто применил свою систему ценностей к демократии и оказался недоволен полученным результатом. Для этого вовсе не надо было родиться в знатной семье. Однако понятно, на чем строится логика тех, кто стремится оправдать афинскую демократию и обвинить Сократа, приписав ему «недемократическое» происхождение: это постулат о том, что демократия всегда и в любом случае хороша для всех простых людей, и нехороша она может быть только для «классово чуждых» ей элементов, вроде аристократов¹³. Кажется, тенденциозность такого подхода настолько очевидна, что не заслуживает большего внимания.

Так, вкратце, обстоят дела с «прежними обвинителями», т.е. теми, кто «подозревали» Сократа в «непролетарском происхождении». Что же касается И.Е. Сурикова, то я знаю совершенно достоверно, что описанный выше «классовый подход» ему абсолютно чужд и неприемлем¹⁴. Убежденность И.Е. Сурикова в аристократическом происхождении Сократа проистекает совсем из другого источника, а именно из его стремления к научной истине. Возможно, здесь имеет место даже научный азарт, что-то вроде «спортивного интереса» ученого: собрать все факты, в том числе и те, на которые ранее не обращали внимания, и посмотреть на объект исследования под другим углом зрения, чтобы увидеть его по-новому. И хотя книжка И.Е. Сурикова о Сократе имеет популярный характер, представленные в ней тезисы об аристократическом происхождении афинского философа предлагаются серьезно и научно обосновываются. Поэтому было бы неверно оставить их без внимания. Итак, каковы же аргументы И.Е. Сурикова? Всего их пять, и мы рассмотрим их по порядку.

Первый аргумент, «вступительный», даже самим автором не признается в качестве настоящего аргумента – это ссылка на то, что у Платона Сократ называет себя потомком Дедала (Plato. *Alcib. I.* 121a; *Euth.* 11c). И.Е. Суриков справедливо отмечает, что во-первых, не доказано существование рода Дедалидов в Афинах, а во-вторых, слова Сократа (платоновского героя) могли иметь иронический или метафорический смысл, т.к. его отец был скульптором, а все скульпторы могли считать себя потомками Дедала так же, как медики полагали себя потомками Асклепия¹⁵. С этим нельзя не согласиться, и, скорее всего, говоря такие слова, Сократ действительно шутил.

Второй аргумент более весомый – это указание на факт дружбы и тесных связей между семьями Сократа и Аристида Справедливого: по Платону, отец Сократа и сын Аристида были друзьями (Plato. *Lach.* 180e), а сам Сократ дружил с внуком великого афинского политика и полководца (см.: Plato. *Theag.* 130a; *Theaet.* 150e). При этом подчеркивается, что знатные аристократы не стали бы просто так общаться с простолюдинами, «выходцами из низов общества»¹⁶. Однако в качестве главного козыря в данном сюжете используется тот факт, что сразу несколько источников сообщают о том, что Сократ имел в женах не только известную всем сварливую Ксантиппу, но и Мирто – женщину из того же рода, к которому принадлежал Аристид (Arist. fr. 93 Rose; Demetr. Phaler. FGrHist. 228. F 45; Plut. *Aristid.* 27; Diog. Laert. II. 26; Athen. XIII. 555d–556a).

12 См.: Hadot P. Philosophie als Lebensform. Geistige Übungen in der Antike. B., 1991. S. 15; Martens E. Die Sache des Sokrates. Stuttgart, 1992. S. 131 f.; 134 ff.; Wilson E. The Death of Socrates: Hero, Villain, Chatterbox, Saint. L., 2007. P. 10 и многие др.

13 Kraut R. Socrates and the State. Princeton, 1984. P. 200 ff.; Mossé C. Der Prozess des Sokrates. P. 69 f., 85 f.; Keccudu Ф. X. Сократ. М., 1988. С. 34–39.

14 Это совершенно верно, т.к., во-первых, об этом свидетельствуют все научные труды И.Е. Сурикова, а во-вторых, мне это известно из личного общения с ним.

15 Суриков И.Е. Сократ. С. 53.

16 Суриков И.Е. Сократ. С. 53.

Относительно отношений аристократов и простолюдинов уже было сказано выше, но к этому следует добавить еще пару замечаний. Во-первых, слова «дурные» (κακοί) и «добрые» (ἀγαθοί) изначально обозначали носителей определенных моральных качеств, и этот аспект не был забыт и тогда, когда эти понятия использовались уже в качестве социальных категорий¹⁷. Это хорошо видно у Феогнида, который употребляет данные слова в обоих значениях одновременно, и показательно, что в его представлении «дурных» отличает от «добрых» прежде всего их моральная нечистоплотность и неразличение добрых и дурных мнений (Theogn. 60 sqq., 279 sqq. et al.)¹⁸. Когда поэт побуждает Кирна избегать дружбы с «дурными», то говорит именно об их моральных качествах, а не о социальном статусе (ibid. vv. 61–86). Следовательно, «добрые» могли дружить между собой на основании общей системы ценностей и наличия соответствующих моральных качеств, независимо от происхождения. Во-вторых, отсюда легко понять, на что опиралась дружба семей Сократа и Аристида: оба друга строили свою жизнь на основании строгих моральных принципов, оба служили воплощениями и примерами этих самых принципов. Очень похоже, что в обоих случаях следование моральным нормам было семейной традицией, что и объясняет близкие взаимоотношения обеих семей.

Что же касается Мирто, то античная традиция о ней запутана и противоречива¹⁹, что вызывало обоснованные сомнения и опровержения уже в древности (см.: Plut. *Aristid.* 27; Athen. XIII. 556b)²⁰. Вряд ли имеет смысл сооружать какие-либо построения на столь шатких основаниях, однако, даже если принять, что Мирто и в самом деле была женой или наложницей Сократа, этот факт легко объясняется вышеизложенным и никак не доказывает аристократическое происхождение «босоногого мудреца». Кстати, Плутарх сообщает (со ссылкой на Деметрия Фалерского), что внук Аристида Лисимах был очень беден и кормился тем, что, сидя возле храма Иакха, толковал сны по какой-то табличке (Plut. *Aristid.* 27). Если это так, то следует признать, что род Аристида, во втором поколении после него, утратил уже не только аристократические принципы, но даже и достоинство. Поэтому очевидно, что для представителей этого семейства не существовало никаких препятствий для сближения с простолюдинами, а тем более, с Сократом. Кроме того, если уже в VI в. до н.э. мегарец Феогнид сокрушался о «порче породы» в результате смешанных браков (Theogn. 183–192), то что же говорить об Афинах конца V века, в эпоху демократии и власти денег? Времена аристократического всевластия и снобизма давно закончились, и аристократия все более «демократизировалась», частично уже сливаясь с верхушкой демоса.

Третий аргумент касается всем известной супруги Сократа Ксантиппы – ее имя, явно аристократического происхождения, вызывает в памяти знаменитый род Бузигов, мужские представители которого нередко назывались Ксантиппами. Кроме того, имена двух сыновей Сократа и Ксантиппы – Менексена и Лампрокла – также «звучат в достаточной мере аристократично»²¹. Это должно служить еще одним подтверждением аристократического происхождения Сократа. Мне же представляется, что это совсем не обязательно так. Дело в том, что в истории культуры хорошо известно такое явление, как трансляция элементов аристократического образа жизни в другие сословия²², а в конечном итоге и вообще в «широкие массы» – кстати, именно благодаря этому стали общенародными такие изначально аристократические предметы обихода как вилки, кухонные сервизы, костюмы и многое другое. То же самое происходит в имянаречении: исконно аристократические имена по мере демократизации общественной жизни рано или поздно получают хождение в народе. Это справедливо и для древней Греции: как показывают исследования, в классических Афинах была мода не только на «демократические» имена (с корнями *dem-*), но и на аристократические имена (с корнями *arist-*, *hipp-*, *kall-*). Последние встречаются не только в списках архонтов и булевтов, но и в списках моряков и ремесленников, которых трудно заподозрить в аристократическом

17 См. вкратце: *Arnheim M. T. W.* Aristocracy. P. 14 f.; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur. S. 54 f.; *Ulf Chr.* Die homerische Gesellschaft. S. 4–28; *Яйленко В.П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 128–193, здесь – с. 162 слл.

18 Подробнее о моральных качествах «дурных» у Феогнида см.: *Доватур А. И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 47.

19 Это признает и сам И.Е. Суриков: *Суриков И.Е.* Сократ. С. 54.

20 См.: *Нерсесянц В.С.* Сократ. М., 1982. С. 82.

21 *Суриков И.Е.* Сократ. С. 55.

22 См., например: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987. С. 433 слл., 446 слл.

происхождении²³. Следовательно, имена Ксантиппы и ее детей не могут служить доказательством аристократичности Сократа. Но даже если принять, что Ксантиппа была урожденной аристократкой, то это никоим образом не доказывает наличие в жилах Сократа «голубой крови», т.к. опять же, смешанные браки между знатыми и простолюдинами были уже обычным явлением.

В качестве четвертого аргумента используется следующее замечание Аристотеля: «...прекрасно одаренные роды вырождаются в сумасбродные характеры, как, например, потомки Алкивиада и Дионисия Старшего, а роды солидные – в глупость и вялость, как, например, потомки Кимона, Перикла и Сократа» (Arist. *Rhet.* II. 1390 b 25 sqq.; пер. Н. Платоновой)²⁴. На мой взгляд, эта фраза ровным счетом ничего не доказывает, т.к. здесь Аристотель говорит очень обобщенно и опять-таки, прежде всего о моральных и прочих свойствах личности, а не о наследовании благородных кровей. Поэтому он использует здесь и лексику соответствующую, обозначающую качества, а не происхождение: εὐφροῖ (γένη) – «способные», «одаренные» (роды), и τὰ στίσια – «серьезные», «величавые», «положительные», «постоянные». Тезис Аристотеля, совершенно очевидно, состоит в том, чтобы показать, что выдающиеся качества выдающихся людей не передаются в роду по наследству, а не в том, чтобы указать на благородное происхождение Сократа. Поэтому для примера он называет имена не только известных аристократов – Кимона, Алкивиада и Перикла, – но и Дионисия Старшего, который, как известно, был не аристократом, а человеком т.н. «среднего сословия» (см.: Isocr. *Phil.* 65; Polyb. XV. 35. 2; Diod. XIII. 96. 4)²⁵. Иными словами, Аристотель здесь просто приводит примеры известных людей по признаку их выдающихся качеств, а не их родovitости. Имя Сократа в этом контексте выглядит вполне естественно и без домысливания дополнительных подтекстов относительно его происхождения.

И, наконец, пятый аргумент состоит в том, что Сократ «с некоторым презрением относился к простонародью», высказывая в его адрес нелестные отзывы, которые «в его устах были бы немыслимы, если бы он сам относился к низам общества»²⁶. Мне же представляется, что здесь дело обстоит совсем иначе.

С одной стороны, действительно, Сократ не раз критически отзывался о пресловутом «большинстве» в демократических Афинах: это «большинство» неразумно (ἄφρονας – Plato. *Alcib.* II. 139d), его составляют невежды, не знающие правды (Plato. *Hipp. Maior.* 284e), не понимающие ничего (Plato. *Prot.* 317a), думающие только о том, чтобы купить подешевле и продать подороже (Xen. *Memor.* III. 7. 6), не способные ни на добрые, ни на дурные поступки (Plato. *Crito.* 44d) и не имеющие понятия ни о том, как отдыхать (Plato. *Prot.* 347d), ни о том, как воспитывать своих детей (Plato. *Lach.* 179a). Поэтому Сократ полагал, что большинство не заслуживает, чтобы с ним считаться (Xen. *Memor.* III. 7. 5–7; Plato. *Symp.* 194b– c et al.), и важно не то, что скажут многие, а то, что скажут те, кто понимает, что справедливо, а что нет (Plato. *Crito.* 48a)²⁷.

Формально все это так, но с другой стороны, если смотреть по сути, о чем же здесь идет речь? Легко заметить, что все эти высказывания опять-таки относятся к моральным и интеллектуальным, а не социальным характеристикам «большинства». В основе деления людей у Сократа лежат качественные, а не социальные критерии. В одном месте он так прямо и говорит, что рабская природа присуща тем, кто чужд красоты, добра, справедливости (Xen. *Memor.* IV. 2. 22), т.е. рабы по природе не только те, кто являются таковыми по социальному положению, а все те, у кого природа рабская. Аналогично, цари и правители для него – не те, кто носят скипетр или кем-то избраны, а те, «которые умеют управлять»; отсюда следует, что управлять государством должны умеющие и знающие люди, ибо глупому большинству нужен компетентный пастух (Xen. *Memor.* III. 9. 10–11; ср.: Plato. *Lach.* 184e; *Gorg.* 516a–b; *Theaet.* 174d). Совершенно очевидно, что такие разговоры имели явный политический смысл: критикуя демократическое большинство, Сократ подвергал сомнению сам базовый принцип демократии,

23 См.: Карпюк С. Г. Политическая ономастика в классических Афинах // *Он же. Общество, политика и идеология классических Афин.* М., 2003. С. 205, 229 слл., 243–246, 250, 253.

24 См. обсуждение этого аристотелевского пассажа и в другой работе И.Е. Сурикова: *Суриков И.Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин.* Учебное пособие по спецкурсу для исторических факультетов вузов. М., 2009. С. 194–195.

25 См.: Caven B. *Dionysius I: War-Lord of Sicily.* New Haven, 1990. P. 155.

26 Суриков И.Е. Сократ. С. 55.

27 Как видно, оба главных источника – Платон и Ксенофонт – в этом вопросе совпадают, что позволяет признать за Сократом данный образ мыслей.

согласно которому «каждая кухарка» может управлять государством. Он защищал принцип элитаризма, в соответствии с которым править должны лучшие. При этом принадлежность к «лучшим» или «худшим» определялась у него не социальным статусом, а личными качествами человека, которые включали в себя не только определенные знания, но и моральные качества (см.: Plato. *Alcib. I.* 111a, 112a sqq., 113d sqq., 134b et al.; *Symp.* 215c–d). Следовательно, Сократ критиковал не «простых людей» за то, что они «простые», но принцип власти «большинства», а «большинство», в свою очередь, он критиковал за его моральный и интеллектуальный уровень, а не за происхождение или род занятий. Иными словами, он примерял к обществу этическую мерку, а не социальную. Таким образом, нет серьезных оснований говорить о плохом отношении Сократа к «простонародью».

Напротив, целый ряд свидетельств показывает близость Сократа к «простым» людям. Всем, кто читал Платона и Ксенофонта, хорошо известно, что Сократ имел обыкновение вступать в разговоры с ремесленниками²⁸, а в рассуждениях об абстрактных предметах часто использовал примеры, заимствованные из области ремесел. Это стало даже его своеобразной «визитной карточкой», и поэтому, когда Алкивиад в платоновском «Пире» характеризует манеру речи Сократа, то в первую очередь обращает внимание на эту ее особенность: «На языке у него вечно какие-то вьючные ослы, кузнецы, сапожники и дубильщики...» (Plato. *Symp.* 221e; пер. С.К. Апта). Понятно, что примеры и иллюстрации каждый берет чаще всего из той области, которая ему ближе всего. Все вместе это говорит о том, что Сократ прекрасно разбирался в различного рода ремеслах и сам был близок к людям труда. Более того, он не только сам уважал ремесло и ремесленников, но и способствовал преодолению аристократических предубеждений по отношению к физическому труду у некоторых своих собеседников, как это хорошо видно в его диалоге с Аристархом, где он убеждает друга в необходимости заняться ремеслом, чтобы прокормить свою семью (Xen. *Memor.* II. 7. 1–12). Также и в разговоре с Евфером, оставшимся без средств к существованию, он побуждает его наняться на работу, хотя тому это кажется «рабской службой» (II. 8. 1–6). Одним словом, в источниках Сократ предстает если и не обязательно как выходец из «рабочей среды», то однозначно как большой друг «трудового народа», очень ему близкий по духу. Кстати, следует отметить, что в источниках хорошо отражено скептическое отношение Сократа не к физическому труду, а напротив, к богатству и знатности, что было воспринято античной традицией в качестве характерной для него черты (Diog. Laert. II. 31).

И наконец, в заключение своих тезисов о благородном происхождении Сократа И.Е. Суриков предлагает пассаж о материальном положении семьи философа, который причисляется им к «средним слоям афинского гражданства»²⁹. Обосновывается это мнение все тем же аргументом о службе Сократа в гопплитском строю, а также тем соображением, что состояния критической бедности он достиг уже в конце жизни. С этим можно согласиться, хотя, как уже было сказано, факт гопплитской службы Сократа сам по себе ничего не доказывает. Однако далее И.Е. Суриков задается вопросом об источниках существования Сократа и приходит к выводу, что, поскольку он сам не трудился, и, как известно, практически не выходил за городские стены (см.: Plato. *Phaedr.* 230b–d; *Crito.* 52b), то у него был участок земли, который обрабатывали рабы³⁰. С этим утверждением уже вряд ли можно согласиться, поскольку, во-первых, возникает вопрос о том, за счет чего существовал Сократ в конце жизни, когда все его имущество – дом и все остальное, – оценивалось в пять мин, т.е., приблизительно, в цену одного раба (Xen. *Oecon.* 2. 3; *Memor.* II. 5. 2)³¹, а о земле и рабах ничего не было слышно? А во-вторых, если бы у Сократа и в самом деле был земельный надел, то он был бы вынужден хоть изредка выходить из

28 Помимо упоминаний об этом у Платона и Ксенофонта, есть еще и отдельное сообщение Диогена Лаэртского о том, Сократ часто посещал мастерскую кожевника Симона близ агоры, и что этот Симон первый записал и опубликовал беседы Сократа (II. 122 sq.). С этим обычно связывают находку кожевенной мастерской возле агоры, в которой был обнаружен, помимо всего прочего, обломок килика с написанным на нем именем Симона. Обо всем этом пишет И.Е. Суриков (Сократ. С. 105 сл.), правда, при этом он упускает из виду, что времяпрепровождение в мастерских никак не соответствует аристократическому стилю жизни.

29 Суриков И.Е. Сократ. С. 55–57.

30 Суриков И.Е. Сократ. С. 56 сл.

31 На суде Сократ заявил, что денег у него нет, и он может заплатить за себя только одну мину (Plato. *Apol.* 38b), что хорошо согласуется с приведенной выше цифрой в пять мин. Вообще, бедность Сократа не только нашла отражение в наших главных источниках (например: Plato. *Symp.* 220b; *Phaedr.* 229a; Xen. *Memor.* I. 6. 2, 11 sq. et al.), но и была увековечена в более поздних анекдотах (Diog. Laert. II. 5. 24, 25, 35). Следовательно, у нас нет никаких оснований не доверять данным Ксенофонта о ничтожном имуществе Сократа, тем более, что эти данные приводятся им со слов самого философа.

города и не чувствовал бы себя «чужеземцем» за его стенами. К тому же, есть свидетельство, что Алкивиад предлагал Сократу участок земли, но он отказался (Diog. Laert. II. 24). Аналогично и Хармид предлагал ему рабов, чтобы жить их оброком, но Сократ опять же не принял его предложение (Diog. Laert. II. 31). Надо сказать, что такое поведение афинского философа прекрасно согласуется с его характером и жизненными принципами³².

В свете всего сказанного представляется более вероятным, что Сократ был человеком простого происхождения и занимался, по крайней мере, какое-то время, ремеслом. В пользу этого можно привести следующие аргументы. Во-первых, родителями философа были каменотес и повитуха³³ – люди далекие как от земледелия, так и от аристократизма. Во-вторых, в источниках есть прямое указание на то, что он сам был каменотесом и что на Акрополе показывали сделанную им скульптуру Харит (Diog. Laert. II. 19)³⁴. В-третьих, кажется самым естественным, что сын, живя в родном доме, обучался ремеслу своего отца³⁵. В-четвертых, образование Сократа соответствует статусу среднего человека, но не аристократа³⁶. В-пятых, близость Сократа к ремеслу и ремесленникам, косвенно подтверждает сказанное. В-шестых, как уже отмечено выше, в речах Сократа часто встречаются примеры из ремесел, но при этом в них практически отсутствуют примеры из сельского хозяйства. Кроме того, в «Домострое» Ксенофонта Сократ предстает совершенно несведущим в конкретных вопросах земледелия, только поддакивающим и покорно следующим за ходом мысли Исхомаха, объясняющего ему азы сельского хозяйства (Xen. *Oecon.* 1–20)³⁷.

32 Совершенно очевидно, что бедность Сократа была не следствием злого рока, а результатом сознательного выбора философа; см.: Туманс Х. Сократ и софисты: проблематизация интеллектуального творчества // Мнемон. 2011. Вып. 10. С. 335–362.

33 См. указание на это: Plat. *Theaet.* 149a; Diog. Laert. II. 18; Suda. *Lex.* Σ 829. 1 sqq.

34 Конечно, свидетельства Диогена Лаэртского поздние и далеко не всегда достоверные, однако это не значит, что их не следует принимать во внимание. Как показывает находка мастерской Симона (см. выше, примеч. 28), его данные, кажущиеся недостоверными, вполне могут оказаться верными. Он передает широкий спектр традиции, зачастую не сортируя информацию, но сама по себе эта традиция служит отражением того света, который оставил Сократ в истории. В данном случае сообщение о занятиях Сократа ремеслом очень гармонично вписывается в контекст, совпадает со всем, что мы о нем знаем, и потому заслуживает доверия.

35 Тем не менее, И.Е. Сурикову это не кажется естественным, и он утверждает, что «нет серьезных оснований считать, что Сократ в молодые годы действительно занимался ремеслом каменотеса или скульптора» (Суриков И.Е. Сократ. С. 60). Мне трудно сказать, на чем основывается такая уверенность, т.к. на мой взгляд, данный род занятий молодого Сократа представляется наиболее вероятным.

36 В «Критоне» говорится, что Сократ получил мусическое и гимнастическое соображение (Plato. *Crito.* 50e), что, соответственно, означает самый минимум – никакой специальной грамматики (помимо азбуки), риторики или философии. В другом месте Сократ утверждает, что прослушал только одну «лекцию» у Продика, ценою в одну драхму (Plato. *Crat.* 384b). Поэтому неудивительно, что в «Протагоре» он признается в своем неумении говорить длинные и красивые речи (Plato. *Prot.* 335b–c). Также и в «Лакхете» он утверждает, что не имел денег на обучение и у него не было учителя (Plato. *Lach.* 186c–e). Слова эти сказаны не без иронии, но ирония все-таки обыгрывает известный всем факт.

37 Во время обсуждения данных тезисов на «Сергеевских чтениях» в МГУ 3 февраля 2015 года И.Е. Суриков возразил мне, сказав, что Сократ не мог бы быть гражданином Афин, не являясь собственником земельного надела. На это я ответил тогда и отвечаю сейчас, что жесткая привязка гражданского статуса к наличию земельного надела в Афинах V в. до н.э. уже давно не имела силы, т.к. по крайней мере, в эпоху демократии ремесленники-афиняне считались полноправными гражданами. Интересно, что Аристотель осуждает этот факт (Arist. *Pol.* 1277 b 1; 1278 a 5), но он же, описывая государственный строй Афин, установившийся после восстановления демократии в 403 г. до н.э., сообщает, что гражданскими правами пользуются люди, у которых оба родителя – граждане (Arist. *Ath. pol.* 42. 1). Как известно, этот принцип определения гражданства был законодательно введен еще Периклом в 451 г. до н.э. (Arist. *Ath. pol.* 26.3; Plut. *Per.* 37; Ael. *Hist. Var.* VI. 10; XIII. 24). Таким образом, мы имеем факт, что демократическая конституция в качестве критерия для статуса гражданства требовала только чистоты происхождения, а не наличия у гражданина земельного надела. Аналогично и упомянутая выше (см. прим. 6) олигархическая «конституция 5000» требовала от граждан не наличия у них земельной собственности, а владения гоплитским оружием. Кроме того, нелишне вспомнить, что уже Солон поощрял граждан к занятиям ремеслами и даже предоставлял права гражданства иностранным ремесленникам, переселившимся в Афины навсегда (Plut. *Sol.* 22, 24). С этим согласуется также устойчивая античная традиция делить афинский народ на аристократов, земледельцев и ремесленников (Plut. *Thes.* 25; ср.: Strabo. VIII. 7. 1; Lex. *Dem. Patm.*, p. 152). Кстати, по сообщению Аристотеля, в период «смутного времени», последовавшего за реформами Солона, сразу после архонства Дамасия афиняне выбрали десять архонтов, представлявших все три социальные группы граждан (см.: Arist. *Ath. pol.* 13. 2). Одним словом, коренные афиняне, занимавшиеся ремеслом, уже издавна пользовались в Афинах гражданскими правами, и, следовательно, Сократу вовсе не надо было быть землевладельцем, чтобы считаться гражданином. Тем более, что у нас есть два достоверных факта: о его бедности в конце жизни (все его имущество оценено в 5 мин), и о том, что его судили как афинского гражданина.

Что же касается средств, на которые существовал Сократ в последние годы жизни, то мы не можем сказать по этому поводу ничего определенного, и у нас есть только одно ненадежное сообщение Диогена Лаэртского о том, что Сократа опекал Критон, причем так, что «тому ни в чем не было нужды» (II. 121). При этом все, что мы знаем о Критоне, говорит в пользу данного сообщения: он был близким другом философа, часто общался с ним, выступил поручителем за него на суде (Plato. *Apol.* 38b), разработал план бегства Сократа из тюрьмы (Plato. *Crito.* 44b–46a), вызвался позаботиться о его детях (Plato. *Phaedo.* 115b), выслушал последнюю волю умирающего и закрыл ему глаза после смерти (Plato. *Phaedo.* 115b–118a). Таким образом, можно предполагать, что Критон и в самом деле оказывал Сократу материальную поддержку, заботясь своим друге-философе³⁸. Однако нет никаких оснований для того, чтобы представлять Сократа в виде зажиточного земледельца или рантье.

И наконец, в нашем распоряжении есть еще одно, весьма конкретное сообщение источника, прямо указывающие на принадлежность Сократа к «простонародью». Это пассаж у Ксенофонта, в котором он оправдывает своего учителя от обвинения, будто бы тот, ссылаясь на стихи Гомера (*Il.* II. 188 sqq.; напомним, что это эпизод, в котором Одиссей ударами скипетра умиряет разволновавшихся «мужей из народа»), утверждал, что поэт призывает бить простолюдинов и бедняков; оправдание состоит в том, что в таком случае Сократу самому пришлось бы быть битым, и что на самом деле, цитируя Гомера, он призывает обуздывать наглецов, бесполезных для государства, как бы богаты они ни были (Xen. *Memor.* I. 2. 58 sq.). Показательно, что завершает этот сюжет Ксенофонт следующим заявлением: «Сократ, как всем было известно, был другом народа и любил людей» (I. 2. 60; пер. С. И. Соболевского). Если отбросить текст самого Ксенофонта, «в сухом остатке» мы получаем прямое указание на то, что Сократ был выходцем из «простого народа» («самому пришлось бы быть битым»). Это указание особенно ценно как ввиду аутентичности источника, непосредственно близкого к Сократу, так и ввиду того, что в этом сообщении социальная принадлежность философа преподносится как всем известный факт, не требующий доказательств.

Именно благодаря всеобщей убежденности в простонародном происхождении Сократа в античности ходили слухи, будто он какое-то время занимался торговыми спекуляциями, или, что он вообще был рабом и только Критон освободил его из мастерской и дал образование (Diog. Laert. II. 19–20). Конечно, эти слухи сами по себе не заслуживают доверия, но они имеют для нас то значение, что отражают общее представление древних о социальном статусе философа. Такие рассказы могли возникнуть только на основании всеобщей уверенности в его незначительном происхождении. Как видно, древние авторы готовы были поверить в то, что Сократ был рабом или спекулянтом, но никому из них не пришло в голову назвать его аристократом. В результате в позднейшее время Сократ обрел статус выдающегося человека, выбившегося «в люди» из социальных «низов»: в римскую эпоху его воспринимали то как символ философской бедности (Juven. VII. 205 sq.), то как символ человека, который сумел добиться известности, несмотря на низкое происхождение (Valer. Max. III. 4 ext. 1). Наверное, нам следует согласиться с этим мнением античности.

Итак, можно сделать вывод, что у нас нет ни одного серьезного свидетельства источников об аристократическом происхождении Сократа. Аргументы, приводимые в пользу этого утверждения, носят сугубо косвенный характер и на проверку оказываются недостаточно обоснованными и натянутыми. В то же время у нас есть целый ряд данных – как прямых, так и косвенных, – подтверждающих традиционную точку зрения о принадлежности Сократа к слоям т.н. «простонародья».

38 Интересно, что эту возможность допускает и сам И.Е. Суриков: Суриков И.Е. Сократ. С. 97.

ЕЩЕ РАЗ О ЗАГОВОРЕ КИНАДОНА¹

Заговор Кинадона мог бы показаться несущественным эпизодом в социально-политической истории Спарты, если бы не два важных обстоятельства, сделавшие свидетельство об этом несостоявшемся мятеже исключительно ценным источником. Первое из них – это почти полное отсутствие в традиции известий о социальных конфликтах в Спарте. Именно это делает рассказ Ксенофонта о заговоре Кинадона уникальным источником, не имеющим аналогов. Кроме того, Ксенофонт впервые именно здесь ввел в оборот совершенно новые термины, а, следовательно, и новые понятия (гипомейоны, малая эkkлeсия), которые до него ни в одном источнике не упоминались. Как заметил Дастин Гиш, данный рассказ Ксенофонта дает возможность лучше понять «неуловимый характер спартанских социальных и политических институтов»; в нем «получили свое освещение несколько темных и иначе незасвидетельствованных аспектов этого таинственного полиса»². Мы вполне согласны с подобным утверждением американского профессора.

Как правило, ученые не сомневаются в аутентичности самой истории, изложенной Ксенофонтom. Но и тут есть исключения. Иногда высказываются мнения, что многое в рассказе о заговоре Кинадона носит чисто литературный характер, и потому историчность его сомнительна. Так, Мозес Финли в свое время уже предположил, что «некоторые аспекты этого восстания явно символические»³. Вслед за ним Вивьен Грей также пришла к выводу, что «очень трудно оценить фактическое содержание этой истории»⁴. Автор одной из последних статей о заговоре Кинадона Д. Гиш обращает внимание на то, что даже те ученые, которые не отрицают в целом достоверности этого рассказа, не очень уверены в надежности отдельных деталей, что, как правило, сочетается с опасениями по поводу целостности всего труда Ксенофонта⁵.

Рассказ Ксенофонта об этой неудавшейся попытке государственного переворота⁶ (Hell. III. 3. 4–11) выглядит как отступление от основного сюжета его «Греческой истории». Исследователи уже давно обратили внимание на это и постарались объяснить причину такого, с их точки зрения, странного отступления Ксенофонта. Так, например, Пол Кэртлидж высказывает недоумение, «почему Ксенофонт вообще упоминает этот инцидент, который, по крайней мере, в его истории не имеет серьезных или очевидных последствий»⁷. А Жан Дюка объясняет появление данного эпизода тем, что Ксенофонту этот рассказ показался настолько захватывающим, что он не смог удержаться от соблазна его сообщить⁸. Но, как нам кажется, Ксенофонт включил рассказ о заговоре Кинадона в свой главный исторический труд по той же причине, что и 14-ю главу в «Лакедемонскую политику». Это был его способ критики реальной (а не воображаемой) Спарты. Судя по некоторым

1 Данная работа является кардинально переработанным вариантом (с учетом новой литературы) моей статьи, вышедшей в «Вестнике древней истории» более 30 лет назад: Печатнова Л.Г. Заговор Кинадона // ВДИ. 1984. №2. С. 133–140.

2 Gish D. A. Spartan Justice: The Conspiracy of Kinadon in Xenophon's *Hellenika* // The Political Thought of Xenophon / Ed. by D. A. Gish and W. Ambler // Polis: The Journal for Ancient Greek Political Thought. Vol. 26. 2. Exeter, 2009. P. 339–369, здесь – p. 343.

3 Finley M. I. Sparta and Spartan Society // Finley M. I. Economy and Society in Ancient Greece. L., 1981. P. 34.

4 Gray V. The Character of Xenophon's *Hellenica*. L., 1989. P. 44.

5 См. перечень авторов: Gish D. A. Spartan Justice. P. 343. Note 12.

6 Как заметил Риккардо Ваттуоне, «нельзя забывать, что заговор в действительности так никогда и не начался...» (Vattuone R. Problemi spartani: la congiura di Cinadone // Rivista Storica dell'Antichità. 1982. Vol. 12. P. 19–52, здесь – p. 24. Nota 17).

7 Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B. C. 2nd ed. L., 2002. P. 233.

8 Ducat J. Les Hilotes. (BCH. Suppl. 20.) Athens, 1990. P. 178.

деталюм, он с сочувствием относился к заговорщикам, особенно к Кинадону, и не одобрял многих современных ему спартанских реалий.

Кроме Ксенофонта о заговоре Кинадона (правда, в самой краткой форме) упоминают также Аристотель (*Pol.* V. 6. 2, 1306 b) и Полиэн (II. 14. 1). Вероятно, оба они имели своим источником Ксенофонта. Заговор Кинадона Аристотель приводит как один из примеров, планируемых *coups d'état*, поместив его в один ряд с также неудавшимися попытками его современников – царя Павсания и наварха Лисандра – изменить существующие в Спарте порядки. Эти примеры понадобились Аристотелю для иллюстрации своей мысли о радикальном неравенстве и неизбежности как социальных взрывов, так и политической конфронтации в общинах спартанского типа. А Полиэна в истории Кинадона заинтересовали «военные хитрости» эфоров по раскрытию заговора и наказанию участников.

Обратимся теперь к наиболее интересным сюжетам, связанным с заговором Кинадона. Благодаря подробному рассказу Ксенофонта, изложенному в весьма драматизированной форме, можно реконструировать всю недолгую историю этой неудавшейся попытки государственного переворота.

Ксенофонт более или менее точно указывает на время заговора. За точку отсчета он берет начало царствования Агесилая: «Агесилай не процарствовал еще года, как однажды... прорицатель заявил, что боги указывают на какой-то ужаснейший заговор» (*Hell.* III. 3. 4). В наших источниках это единственное указание на датировку заговора, и мы можем опираться только на него. Подобная хронологическая заметка – один из тех редких случаев, когда Ксенофонт посчитал нужным указать дату излагаемого события. В научной литературе за первый год правления Агесилая чаще всего принимают 399 год (лето)⁹. Следовательно, заговор Кинадона датируют, как правило, 398 годом (весной)¹⁰.

Единственный персонаж, о котором Ксенофонт хоть что-то счел нужным сообщить, – это руководитель заговора Кинадон. Афинский историк дает представление о примерном возрасте и социальном статусе Кинадона: «Это был юноша (*νεανίσκος*), сильный телом и духом, но не принадлежавший к сословию гомеев»¹¹ (*Hell.* III. 3. 5, здесь и далее пер. С.Я. Лурье). Но *νεανίσκος* – это не обязательно «юноша» в нашем значении этого слова. У греков предполагаемый возрастной диапазон *νεανίσκος*, молодого человека, мог простираться от 18 до 40 лет. Что касается Кинадона, то вряд ли ему было меньше 30 лет: во-первых, Ксенофонт называет его не просто «молодым человеком», а «молодым человеком по виду» (*τὸ εἶδος νεανίσκος*); во-вторых, тот же Ксенофонт утверждает, что Кинадон неоднократно выполнял различные поручения эфоров и пользовался их безусловным доверием. Спартанская «табель о рангах» предполагает, что такого положения мог достичь спартаец, уже прошедший все ступени воспитания и достигший 30-летнего возраста.

Очень кратко Ксенофонт говорит и о социальном статусе Кинадона. По его словам, Кинадон был не из «равных» (*οὐ μέντοι τῶν ὀμοίων*). Водораздел афинский историк провел по самой верхней границе, отделяющей «равных» от абсолютного большинства спартанского населения. Однако, хотя Кинадон и не принадлежал к элите спартанского общества, он бесспорно был спартанским гражданином – правда, в какой-то мере ущемленным в своих гражданских, а скорее политических правах. По неизвестным нам причинам (возможно, это была потеря клера) его социальный статус был понижен, и он попал, скорее всего, в разряд гипомейонов¹². Ксенофонт прямо не говорит, что

9 О проблемах хронологии царствования Агесилая см.: *Hamilton Ch. D. Étude chronologique sur le règne d'Agésilas // Ktèma. 1982. No 7. P. 281–296.*

10 См.: *Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 194, 251; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 5. Stuttgart; B., 1902. S. 51; Poralla P. Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Grossen. Breslau, 1913. S. 6; Lenschau Th. Kinadon // RE. 1921. Bd. 11. 1. Hbd. 21. Sp. 458; Cary M. The Ascendancy of Sparta // CAH1. 1927. Vol. 6. P. 29; Ehrenberg V. Sparta (Geschichte) // RE. 1929. Bd. 3A. 2. Sp. 1373–1453, здесь – Sp. 1402; Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1964. S. 252; Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Prague, 1971. P. 192; Jehne M. Die Funktion des Berichts über die Kinadon-Verschwörung in Xenophons *Hellenika* // Hermes. 1995. Bd. 123. 2. S. 166–174, здесь – S. 166. Anm. 2. Однако кроме этой общепринятой версии существуют и другие варианты, основанные на иной датировке вступления Агесилая на трон. Так, например, под 397 г. помещает заговор К. Краймс (*Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. A Re-Examination of the Evidence. Manchester, 1952. P. 354*), а под 399 г. – Д. Гиш (*Gish D. A. Spartan Justice. P. 352, 360*).*

11 Ксенофонт в своем рассказе о заговоре Кинадона явно идентифицирует «гомеев» и «спартиатов» (*Hell.* III. 3. 5 и 6).

12 В научной литературе вопрос о социальном статусе Кинадона, как правило, не вызывает разногласий. Подавляющее большинство исследователей причисляют его к гипомейонам; см., например: *Berger A. Социальные движения*

Кинадон был гипомейоном, но, как нам кажется, явно на это намекает, исключив его из сословия «равных» (III. 3. 5) и передав его слова, что он «затеял заговор из желания быть не ниже всякого другого в Лакедемонее» (11).

Ксенофонт кроме Кинадона среди видных участников заговора называет по имени еще одного человека – прорицателя Тисамена (III. 3. 11), который, видимо, являлся членом знаменитого жреческого рода Иамидов из Элиды. Его дед, также Тисамен, в 480 г. был принят в спартанскую общину и на протяжении многих лет занимал пост главного жреца-прорицателя в Спарте (см.: Hdt. IX. 33, 35; Paus. III. 11. 5–8). По словам Геродота, Тисамен и «его брат были единственными людьми, которые сделались спартанскими гражданами» (IX. 35). Известны и другие представители этого рода. Так, брат нашего заговорщика Агий принимал участие в битве при Эгоспотамах (Paus. III. 11. 5) и, вероятно, был близок с Лисандром. Тисамен, как и его дед, скорее всего, был прорицателем, состоящим на государственной службе. Иногда в анонимном жреце, обратившем внимание Агесилая на «ужаснейший заговор», видят Тисамена¹³. Однако скорее можно думать, что этим жрецом был Агий, его брат, узнавший о заговоре и предупредивший Агесилая. Участие такого видного человека как Тисамен в готовящемся Komplote заставляет некоторых ученых предполагать, что дарованное его предку гражданство было в чем-то более низкого разряда¹⁴ или что Тисамен из-за какого-то своего проступка сам был исключен из сословия «равных» и в результате оказался среди гипомейонов¹⁵.

У Ксенофонта история заговора начинается с краткого, но весьма драматического введения. В то время, как царь Агесилай совершал обычные жертвоприношения от имени государства (ср.: Hdt. VI. 56–57; Xen. Lac. pol. XV. 2–5), прорицатель сообщил ему, «что боги указывают на какой-то ужаснейший заговор» (ἐπιβουλήν τινα τῶν δεινотάτων, Xen. Hell. III. 3. 4). Только на четвертый раз царю удалось добиться хороших результатов. Возможно, Ксенофонт сознательно выделяет процедуру жертвоприношений, совершаемых Агесилаем, чтобы убедить читателя в том, что именно Агесилаю, как законному царю, боги подают знаки об опасности, которая угрожает его родине¹⁶.

Удивительно, что Ксенофонт ничего не говорит о дальнейших действиях Агесилая. Царь вообще исчезает из его рассказа о заговоре. По мнению Мартина Йене, «когда дело дошло до решительных действий, в них Агесилай, очевидно, не участвовал, ибо от Ксенофонта это, конечно, не ускользнуло бы»¹⁷. Но, как нам кажется, молчание Ксенофонта скорее можно объяснить иначе: видимо, Агесилай был близок с кем-то из заговорщиков, о чем Ксенофонт знал, но предпочел умолчать¹⁸. Во всяком случае, по словам Ксенофонта, эфоры узнали о заговоре только через пять

в древней Спарте. М., 1926. С. 56; Breitenbach L. Xenophons Hellenika. 2. Aufl. Bd. 2. B., 1874. S. 42; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 5. S. 51; Poralla P. Prosopographie der Lakedaimonier. S. 72; Lenschau Th. Kinadon. Sp. 458; Ehrenberg V. Sparta. Sp. 1402; Vattuone R. Problemi spartani. P. 33. Nota 40; Talbert R. The Role of the Helots in the Class Struggle at Sparta // Historia. 1989. Bd. 38. 1. P. 34; Berggold W. Studien zu den minderberechtigten Gruppen in Sparta. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors des Philosophie. B., 2011. S. 26. Отказывают ему в гражданстве те ученые, которые полагают, что гипомейоны таковыми не были; см., например: Oliva P. Sparta. P. 192. Джордж Форрест предполагает, что он мог принадлежать к неодамодам (Forrest W. G. A History of Sparta 950–192 B. C. L., 1968. P. 178 f.).

13 Breitenbach L. Xenophons Hellenika. S. 47 f.

14 Cartledge P. Sparta and Lakonia. P. 235.

15 Fornis C. La Conspiración de Cinadón: Paradigma de Resistencia de los Dependientes Lacedemonios // Studia Historica. Historia Antigua. 2007. Núm. 25. P. 103–115, здесь – p. 108.

16 М. Йене полагал, что Ксенофонт был очень озабочен тем, чтобы представить Агесилая легитимным правителем в глазах его собственных сограждан (Jehne M. Die Funktion des Berichts. S. 174). Агесилай изначально не считался наследником и стал царем не столько благодаря удачному для него стечению обстоятельств, сколько благодаря ловко организованной им совместно с Лисандром компании по диффамации законного наследника. Право Агесилая на царскую власть было весьма сомнительного свойства, и это никогда не забывалось в Спарте. После поражения при Левктрах в 371 г., как отмечает Плутарх, «многие спартанцы вновь вспомнили предсказание о хромоте Агесилая» (Plut. Ages. 30. 1, пер. К.П. Лампсакова).

17 Jehne M. Die Funktion des Berichts. S. 169 f.

18 Об отношении Ксенофонта к Агесилаю см.: Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. London; Baltimore, 1987. P. 55–65. Как отмечает М. Йене, «его (Ксенофонта. – J.II.) почитание Агесилая было, несомненно, большим, чем почитание Спарты» (Jehne M. Die Funktion des Berichts. S. 174).

дней, причем от доносчика, а не от царя (*Hell.* III. 3. 4). Имя доносчика Ксенофонт не называет. Вероятно, он его и не знал.

Далее Ксенофонт приводит содержание доноса, которое дает представление о масштабах заговора и предполагаемых его участниках (*Hell.* III. 3. 5–7). Главной мишенью заговора названы полноправные граждане – спартиаты, т.е. те, кто входил в состав общины «равных», а естественными союзниками заговорщиков – все неполноправные категории спартанского населения. Переворот должен был начаться в самом городе предположительно с убийства видных спартиатов. Заговорщики планировали одновременно перебить всю правящую верхушку, включая эфоров и геронтов, неожиданно напав на них (5). Они думали, вероятно, использовать момент, когда большая часть спартанского истеблишмента находилась на агоре. П. Кэртлидж полагает, что среди планируемых жертв, возможно, был и царь Агесилай (от которого Ксенофонт, скорее всего, и узнал детали этой истории)¹⁹.

Ксенофонт приводит и несколько любопытных цифр. Так, на агоре в тот момент, когда там был Кинадон с доносчиком, кроме царя, эфоров и геронтов находилось еще сорок спартиатов²⁰. Только их Кинадон называет врагами, а союзниками – четыре тысячи представителей всех прочих разнообразных категорий спартанского населения, также в то время находящихся на агоре²¹. Правда, как отмечает испанский профессор Сесар Форнис, их число, вероятно, преувеличивалось Кинадоном, желавшим внушить своим соратникам уверенность, что шансы на успех восстания велики²². Хотя, как мы полагаем, в противопоставлении таких круглых чисел как 40 и 4000 есть некая условность: видимо, первое было сильно преуменьшено, а второе, наоборот, – сильно завышено. Рассказ любого очевидца о счастливо избегнутой смертельной опасности требовал нагнетания страшных подробностей с обязательным гротескным преувеличением числа врагов.

Ксенофонт приводит уникальный по полноте список всех основных групп неполноправного спартанского населения. По словам доносчика, замыслы заговорщиков полностью совпадают «со стремлениями всех илотов, неодамодов²³, гипомейонов²⁴, перизков», и эти люди испытывают такую ненависть к спартиатам, что «никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем» (*Hell.* III. 3. 6)²⁵. Подобная ненависть, по словам С. Форниса, являлась тем цементом, который объединял все группы этой социальной мозаики²⁶. Судя по данному перечню, перед нами изгой общества: низшую их ступень занимают илоты, затем идут неодамоды, т.е. вольноотпущенники, «псевдоинтегрированные в *dâmos*», далее следуют гипомейоны, чьи предки или они сами потеряли

19 *Cartledge P. Sparta and Lakonia.* P. 234.

20 Текст Ксенофонта несколько двусмыслен; см.: βασιλέα τε καὶ ἐφόρους καὶ γέροντας καὶ ἄλλους ὡς τετταράκοντα. Не совсем понятно, включены в состав этих сорока спартиатов или исключены из их числа царь, эфоры и геронты. Переводчики «Hellenica» или «Греческой истории» (С.Я. Лурье, Дж. Андерхилл и К.Л. Браунсон в «Лёбовском» издании) их исключают. Но в научных работах царь, эфоры и геронты часто оказываются включенными в это число. См., например: *Cartledge P. Sparta and Lakonia.* P. 267.

21 Вероятно, все они в тот момент были участниками спартанской апеллы, иначе трудно объяснить скопление столь большого числа магистратов и прочей публики на площади. Кстати, это косвенное свидетельство того, что в спартанском народном собрании принимали участие все категории граждан, включая и маргинальные их категории.

22 *Fornis C. La Conspiración de Cinadón.* P. 110.

23 Спартанское наименование основной группы вольноотпущенников – «неодамодов», т.е. новых граждан, – предполагает наличие у них каких-то гражданских прав, однако, как верно замечает А. Тойнби, «этот термин был эвфемизмом... и статус неодамодов вовсе не приближал их к положению гомеев» (*Toynbee A. J. Some Problems of Greek History. Part III. The Rise and Decline of Sparta.* Oxford, 1969. P. 201). О неодамодах см.: *Печатнова Л. Г. Неодамоды в Спарте // ВДИ. 1988. № 3. С. 19–30; она же. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001. С. 303–321.*

24 В «Лакедемонской политике» Ксенофонт явно имел в виду гипомейонов, когда говорил об исключении из числа «равных» тех, кто «будет малодушно не выполнять законы» (10. 7). Под этим расплывчатым описанием недостойных граждан, скорее всего, скрывалась довольно многочисленная группа бывших спартиатов, потерявших из-за бедности или трусости часть своих гражданских прав. Само название – гипомейоны (ὕπομειονες), т.е. «младшие», «худшие», «умаленные (в правах)», – прекрасно отражает их статус. Это достаточно обидный и уничижительный термин. На рубеже V– IV вв. появилось довольно много гипомейонов; о них см. подробнее: *Печатнова Л. Г. Гипомейоны и мофаки (Структура гражданского коллектива Спарты) // ВДИ. 1993. № 3. С. 100–116; она же. История Спарты. С. 321–336.*

25 Образ – «пожрать живыми» (ὄμῳν ἐσθίειν) – не случаен. Это риторическое украшение, добавленное Ксенофонтом, выглядит как эмоциональный штамп, дающий представление о высшей степени ненависти. В подобном значении данное выражение не так уж редко встречается в греческой литературе; ср.: *Hom. II. IV. 35; Xen. Anab. IV. 8. 14.*

26 *Fornis C. La Conspiración de Cinadón.* P. 107.

полное гражданство, и, наконец, последними упоминаются перизки, граждане своих собственных, но подчиненных Спарте общин.

Однако, как нам представляется, по крайней мере, три из четырех упомянутых Ксенофонтом разрядов изгоев следует изъять из числа возможных инсургентов. Мы вслед за С. Форнисом считаем крайне маловероятным, чтобы «илоты *ab initio* были вовлечены в дело Кинадона и, кроме того, чтобы это движение достигло Мессении»²⁷. Предание скорее свидетельствует, что лаконские илоты (а только о них может идти речь) крайне неохотно решались на какие-либо выступления, направленные против спартиатов. Они были склонны скорее доносить на подстрекателей, чем следовать за ними. Достаточно вспомнить донос илотов на регента Павсания (см.: Thus. I. 132. 4–5).

Еще более сомнительным кажется предполагаемое участие перизков в заговоре. Как известно, спартанцы не боялись вооруженных перизков, которые давно уже служили в их армии. Перизки на протяжении всей истории Спарты очень редко участвовали в каких-либо антиспартанских выступлениях и даже во время вторжения Эпаминонда на территорию Лаконии по большей части сохраняли лояльность по отношению к спартанцам²⁸. Кроме того, илоты и перизки находились, как правило, вне самого города, а мятеж планировалось совершить именно там. То же самое можно сказать и о неодамодах. Последние или служили в действующей армии, или жили в гарнизонах на границах Спарты.

Так что из четырех перечисленных категорий потенциальных мятежников в заговоре реально могли участвовать только гипомейоны. Только они, как заметил Р. Ваттуоне, жили «рядом со спартиатами и между ними»²⁹. Гипомейоны уже в начале IV в., видимо, стали проблемой для правящего класса, разрастаясь внутри гражданского коллектива как раковая опухоль. Занимая низшие ступени гражданской иерархии, гипомейоны, вероятно, были лишены возможности законным путем вернуть свой прежний статус, поскольку уровень социальной мобильности в Спарте в этот период стремился к нулю. Именно они, вероятно, и составили основной массив заговорщиков. Общее количество гипомейонов в этот временной отрезок, очевидно, исчислялось сотнями, а число активных заговорщиков вряд ли превышало несколько десятков: «На вопрос эфоров, сколько было... соучастников в заговоре, тот (доносчик. – Л.П.) ответил, что... руководители заговора посвятили в свои планы лишь немногих и притом лишь самых надежных людей» (Xen. *Hell.* III. 3. 6).

Важным доказательством гражданского (пусть и пониженного) статуса заговорщиков является сообщение Ксенофонта о том, что те были вооружены (7)³⁰. Как известно, в Спарте только члены гражданского коллектива имели право в мирное время носить оружие. По мнению Р. Ваттуоне, руководители и основные участники заговора были гоплитами, т.е. людьми, включенными в армию, и, естественно, обладающими тяжелым вооружением³¹. В число руководителей заговора, по всей видимости, также входили гипомейоны, принятые на государственную службу за особые заслуги перед Спартой. Такую практику Ю. В. Андреев считал типичной для Спарты в период начинающегося ее упадка³². Кинадон и Тисамен принадлежали именно к такой элите гипомейонов: один находился в распоряжении эфоров, а второй, вероятно, был одним из немногих официальных прорицателей.

Вооруженным и организованным правильным образом заговорщикам (οἱ συντεταγμένοι)³³ противопоставляется безоружная народная масса, толпа (ὁ ὄχλος), которая, как утверждал Кинадон, в момент выступления может вооружиться чем попало – любыми орудиями ремесленного труда. Ксенофонт

27 Fornis C. La Conspiración de Cinadón. P. 111.

28 О перизках см.: Зайков А.В. Общество древней Спарты. Основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013. С. 68–90.

29 Vattuone R. Problemi spartani. P. 35.

30 Известный английский антиковед Дж. Коуквелл относит всех вооруженных заговорщиков к гипомейонам. По его словам, в это время число спартиатов уменьшалось, а гипомейонов соответственно росло. Он обвиняет спартанское руководство в неспособности к инновациям (Cawkwell G. L. The Decline of Sparta // CQ. 1983. Vol. 33. P. 388).

31 Vattuone R. Problemi spartani. P. 34.

32 Андреев Ю. В. Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. №4. С. 27. Примеч. 9; он же. В ожидании «греческого чуда». Из записных книжек / Сост. Е. Ю. Андреева, Л. В. Шадричева. СПб., 2010. С. 438–452, здесь – с. 441. Примеч. 9.

33 Причастие οἱ συντεταγμένοι переводят двояко: либо «находящиеся в рядах войска», т.е. военнослужащие (см., например, переводы Б. Бюхзеншютца [В. Büchsenhütze, 1859], С.Я. Лурье [1935], П. Кэртлиджа [P. Cartledge, 1979]), либо «определенным образом организованные» заговорщики (таков перевод Дж. Андерхилла [G. E. Underhill, 1900]).

ради наглядной достоверности даже перечисляет оружие и инструменты, которые Кинадон показал доносчику, приведя его в «железный ряд» (εἰς τὸν σίδηρον)³⁴: ножи, мечи, вертела, секиры, топоры и серпы (*Hell.* III. 3. 7). В греческой традиции это единственное упоминание о планировавшемся восстании, в котором низшим слоям населения предлагалось вооружиться собственными орудиями труда³⁵. Значит, Кинадон не планировал вооружать мятежную толпу.

Если первую часть рассказа Ксенофонта можно назвать подготовкой к заговору, то вторая представляет собой историю «контр-заговора» эфоров (*Hell.* III. 3. 8–11). Их мгновенная реакция на известие о заговоре предполагает наличие хорошо отлаженного механизма для борьбы с чрезвычайными ситуациями. Ксенофонт говорит, что «они не созвали даже так называемой малой экклесии» (οὐδὲ τὴν μικρὰν καλοῦμένην ἐκκλήσιαν συλλέξαντες), но совместно с геронтами, оказавшимися в городе, постановили удалить Кинадона за пределы Спарты и арестовать (8).

Название «малая экклесия» больше не встречается ни в одном источнике. Но тот факт, что ее упоминает Ксенофонт, – достаточное свидетельство существования подобного института в Спарте. Создание «малой экклесии», видимо, можно рассматривать как знак сословного размежевания общества. Поскольку Ксенофонт кроме названия не дает никаких комментариев по поводу «малой экклесии», в науке имеет место значительный разброс мнений, хотя все исследователи верят, что речь идет о каком-то элитарном собрании граждан, отличном от обычного народного собрания (апеллы). Перечислим предлагаемые варианты. Ряд ученых, начиная с В.Г. Васильевского и Л. Брайтенбаха, полагают, что «малая экклесия» представляла собой собрание «равных», т.е. только полноправных спартиатов³⁶. Дж. Андерхилл в своих комментариях поясняет, что, коль скоро употреблен термин ἐκκλήσις, то это, вероятно, именно собрание «равных», а не совместное заседание магистратов³⁷. Э. Эндрюс объясняет полное отсутствие (за одним исключением) упоминаний «малой экклесии» в источниках тем, что в обычных обстоятельствах она не функционировала, а собирали ее только в экстренных случаях³⁸. Д. Гиш также считает, что это был экстренный совет, созываемый эфорами³⁹. Практически все исследователи, касавшиеся этой темы, согласны с тем, что в подобное чрезвычайное собрание *ex officio* входили высшие магистраты государства – геронты и эфоры⁴⁰.

Недостаток источников не позволяет уверенно судить о составе и времени возникновения «малой экклесии». Вероятно, появление этого нового для Спарты института было непосредственно связано с численным ростом в конце V в. полугражданских групп, таких, как гипомейоны и неодамоды, чей статус, пусть «второсортных», но граждан, предполагал их участие в народном собрании. «Малая экклесия», вероятно, и стала одним из видимых результатов деления граждан на несколько категорий. В эту новую структуру не допускались низшие разряды граждан. Возможно, что термин ἐκκλητοί, который трижды встречается у Ксенофонта (*Hell.* II. 4. 38; V. 2. 33; VI. 3. 3), обозначает членов «малой экклесии». Во всех трех местах, где они упомянуты, речь идет, как и в случае с Кинадоном, о делах,

34 По мнению Р. Ваттуоне, это был маленький рынок, где торговали сельскохозяйственными орудиями труда преимущественно для внутреннего потребления (*Vattuone R. Problemi spartani.* P. 24. Nota 17). Действительно, из контекста следует, что речь скорее идет о торговых рядах, а не о центральном спартанском арсенале, как думает П. Кэртлидж (*Cartledge P. Sparta and Lakonia.* P. 269). Комментарий Ксенофонта Дж. Андерхилл считал, что это было место, где хранились изделия из железа (*Underhill G. E. A Commentary with Introduction and Appendix on the Hellenica of Xenophon.* Oxford, 1900. P. 100).

35 *Видаль-Накэ П.* Этюд о двусмысленном: ремесленники в городе-государстве Платона // *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с франц. под ред. С. Г. Карпюка. М., 2001. С. 245–266, здесь – с. 263 сл.

36 *Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 129; *Лурье С.Я.* История античной общественной мысли. М.; Л., 1929. С. 187; *Breitenbach L.* *Xenophons Hellenika.* S. 46.

37 *Underhill G. E.* A Commentary. P. 341 f. Note 13.

38 *Andrewes A.* The Government of Classical Sparta // *Andrewes A.* Ancient Society and Institutions. Oxford, 1966. P. 4 f. Note 7.

39 *Gish D. A.* Spartan Justice. P. 343.

40 По мнению П. Кэртлиджа, «малая экклесия» объединяла геронтов и эфоров и, возможно, других спартанских лидеров, официальных и не-официальных, которых можно было собрать *ad hoc* (*Cartledge P.* Agesilaos. P. 131). Б. Джордан полагал, что под «малой экклесией» Ксенофонт «почти определенно имел в виду герусию» (*Jordan B.* King and Helots // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2005. Т. 3. P. 62). Согласно Д. Гишу, туда входили ключевые фигуры из числа членов герусии, царской гвардии и немногих видных спартиатов (*Gish D. A.* Spartan Justice. P. 343).

требующих немедленного решения⁴¹. Скорее всего, «малая еkkлeсия» постепенно узурпировала власть «большой» апеллы, сделав последнюю лишь фикцией народовластия (ср.: Arist. *Pol.* III. 1. 7, 1275 b 6–8)⁴².

Эфоры, желая изолировать Кинадона и тайно обезглавить заговор, прибегли к обычному для спартанских «чиновников» обману⁴³: они выдумали правдоподобный предлог – Кинадона послали в Авлон (северо-западная Мессения) и приказали «ему привести из Авлона нескольких авлонитов⁴⁴ и илотов, имена которых были написаны на скитале. Ему приказали также привести одну женщину, которая считалась в Авлоне первой красавицей и обвинялась в том, что поносила прибывавших в город лакедемонян – молодых и стариков» (Xen. *Hell.* III. 3. 8). Судя по этому замечанию Ксенофонта, та женщина, видимо, была проституткой, которая разлагающе действовала на находящийся там спартанский гарнизон, может быть, даже с гармостом во главе⁴⁵. Ксенофонт, комментируя это решение властей, поясняет, что «Кинадон уже не раз исполнял такого рода поручения эфоров» (9), так что обман, к которому прибегли эфоры, чтобы выманить Кинадона из города, не мог вызвать его беспокойства. Видимо, Кинадон был постоянным участником подобных карательных экспедиций. Под его началом находилась группа спартанской молодежи. Дж. Лейзенби обратил внимание на некий парадокс: гипомейон Кинадон командует, скорее всего, полноправными юношами⁴⁶. У Ксенофонта картина готовящейся карательной экспедиции несет печать достоверности. Афинский историк называет целый ряд весьма красноречивых деталей, которые вполне можно положить в основу реконструкции подобных предприятий. Ксенофонт упоминает даже три повозки, на которых следовало привезти в Спарту арестованных перизков и илотов (9).

Эфоры для организации экспедиции в Авлон и ареста там Кинадона вовлекли в свой «контрзаговор» старшего гиппагрета, одного из трех руководителей спартанского корпуса «всадников»⁴⁷. Д. Гиш полагает, что Кинадон был тесно связан с «всадниками» и, скорее всего, являлся одним из них. По его словам, «эфоры считали Кинадона образцовым спартанцем почти во всех отношениях. Ведь он был достаточно компетентным и обладал достаточным статусом, чтобы быть назначенным для командования особым контингентом молодых спартиатов из корпуса царских телохранителей или «всадников»... Учитывая его молодость, он был, вероятно, членом этого элитного корпуса, выполнявшим особые задания, связанные со шпионажем и контрразведкой»⁴⁸.

41 В первом случае речь идет об установлении порядка в Афинах, что подразумевало отзыв и отставку Лисандра, второй случай касается преступной деятельности Фебида, третий – мира 371 г.

42 Аристотель был невысокого мнения о реальной значимости спартанской апеллы. По его мнению, народное собрание в Спарте просто «проштамповывало» уже принятые «наверху» решения (ср.: Arist. *Pol.* II. 7. 4, 1272 a 11).

43 О спартанцах как мастерах лжи и обмана см.: Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek Political and Social History from 478 BC.* 2nd ed. L.; N. Y., 2001. P. 218–222.

44 Под авлонитами имеются в виду перизки этого мессенского края. Точное местоположение Авлона неизвестно.

45 Cartledge P. *Sparta and Lakonia.* P. 234.

46 Lazenby J. F. *The Conspiracy of Kinadon Reconsidered* // *Athenaeum.* 1997. Vol. 85. P. 437–447, здесь – p. 444.

47 Три гиппагрета, согласно Ксенофонту, ежегодно выбирались или назначались эфорами и являлись военными магистратами, однако подчиняющимися непосредственно гражданским властям – эфорам. Только на войне они поступали в распоряжение царей вместе со своими отрядами (*Lac. pol.* IV. 3). Гиппагреты возглавляли элитарный отряд из 300 «всадников», куда входили молодые люди от 20 до 29 лет, принадлежавшие «к самым славным домам» Спарты (Dionys. Hal. II. 13. 1). «Нетрудно догадаться, – писал Ю. В. Андреев, – кем были «юноши» (νέοι), арестовавшие Кинадона. Их непосредственный начальник назван в тексте «гиппагретом» (III. 3. 9). Следовательно, сами они были всадниками в спартанском значении этого слова». Полномочия спартанских «всадников» носили не только военный, но и политический характер. Ю. В. Андреев рассматривал их как орудие полицейского террора и слежки в руках спартанской олигархии. Именно в таком своем качестве «всадники» участвовали в операции против Кинадона. Ю. В. Андреев приходит к выводу, что «использование членов корпуса в качестве полицейской силы для подавления разного рода волнений среди порабощенного и неполноправного населения и вообще всех антиправительственных выступлений было в Спарте в порядке вещей. Не исключено, что в число прямых обязанностей «всадников» входила также и знаменитая криптия» (Андреев Ю. В. *Спартанские «всадники».* С. 27; он же. В ожидании «греческого чуда». С. 441–442). Во время военных действий «всадники» сражались рядом с царем, будучи особым подразделением спартанской армии (Thuc. V. 72. 4). Служба в корпусе была важным шагом в военно-политической карьере спартиата. Из недавних работ о «всадниках» см.: *Figueira T. The Spartan «hippeis»* // *Sparta and War* / Ed. by S. Hodkinson and A. Powell. Swansea, 2006. P. 57–61.

48 Gish D. A. *Spartan Justice.* P. 353. П. Кэртлидж полагает, что привлечение «всадников» к подавлению заговора можно толковать как доказательство того, что Агесилай сам активно участвовал в предпринимаемых эфорами контрмерах

Согласно тайной инструкции, полученной от эфоров, гиппагрет послал вместе с Кинадоном в Авлон несколько подчиненных ему «юношей», которые были поставлены в известность о предстоящей им тайной миссии. В помощь им эфоры отправили в Авлон также конный отряд (Xen. *Hell.* III. 3. 10: *μόραν ἰπλέων ἑτέρων*), который, по свидетельству Полиэна, должен был прибыть в Авлон раньше Кинадона.

В Авлоне все произошло по разработанному эфорами сценарию. Кинадон был арестован, «сознался во всем и назвал имена соучастников». Еще до возвращения всего отряда в город, «конный гонец принес протокол допроса с именами выданных Кинадоном соучастников» (Xen. *Hell.* III. 3. 10–11). Ксенофонт не говорит, каким способом удалось вытянуть из Кинадона все необходимые сведения. Вероятно, «юношам», сопровождавшим Кинадона, разрешено было применять пытки. Эфоры арестовали всех видных участников заговора еще до прибытия Кинадона в Спарту (*Hell.* III. 3. 11). На процессе, происходившем в самой Спарте, Кинадон подтвердил все свои прежние показания, а на вопрос о мотивах заговора, заявил, что «затеял заговор из желания быть не ниже всякого другого в Лакедемонее» (ὁ δ' ἀλεκρίνατο, μηδενὸς ἥττων εἶναι ἐν Λακεδαίμονι, *ibid.*). Как отметил Р. Ваттуоне, ἥττωνες в этой фразе эквивалентно ὑπομειόνες⁴⁹. По мнению П. Кэртлиджа, последняя фраза Кинадона свидетельствует о том, что он не хотел быть одним из гипомейонов, а, возможно, вообще хотел уничтожить само это сословие (нам последнее утверждение кажется весьма сомнительным)⁵⁰. Ответ Кинадона, конечно, слишком лаконичный, чтобы быть понятным однозначно. Последние его слова, переданные Ксенофонтом или выдуманные им, в любом случае показывают истинное отношение афинского историка к заговорщикам. Он им явно сочувствовал и считал несправедливым исключение таких «настоящих» спартанцев как Кинадон из числа «равных».

Далее Ксенофонт сообщает о тех унижениях, которым подверглись Кинадон и его товарищи: «... ему надели на шею железное кольцо, к которому железными цепями были прикованы руки. Затем его вели по всему городу и били бичом и стрекалом. Такая же судьба постигла его сотоварищей» (*Hell.* III. 3. 11). Всему городу власти доходчиво показали, как следует поступать с мятежниками, решившимися призывать низшие классы к восстанию. Их не просто казнили, а предварительно обесчестили.

На этом месте собственно и кончается рассказ Ксенофонта о заговоре Кинадона. О казни заговорщиков Ксенофонт уже не сообщает и ясно не говорит о дальнейшей судьбе самого Кинадона. Свой рассказ он заканчивает весьма неопределенной фразой, общий смысл которой понятен, но не точен: καὶ οὗτοι μὲν δὴ τῆς δίκης ἔτυχον С.Я. Лурье ее переводит с внесением эмоциональной оценки, чего нет в подлиннике: «И так они понесли заслуженное наказание». Полное отсутствие страшных реалий у Ксенофонта вовсе не означает, что их не было в действительности. Во всяком случае, Полиэн утверждает, что эфоры «без всякого смущения приказали убить всех, на кого был донос, за исключением самого доносчика» (II. 14. 1).

В правовом отношении необычность ситуации заключалась в том, что в суде над Кинадоном и его товарищами участвовали, вероятно, не все 28 геронтов, как было положено по закону (ср.: Xen. *Lac. pol.* 10. 2; *Hell.* V. 4. 25; *Plut. Lyc.* 26; *Paus.* III. 5. 2), а только их часть – те, которых удалось быстро найти. Судебная коллегия из-за срочности дела вынуждена была собраться не в полном составе и, скорее всего, для сохранения тайны, не в присутственном месте, а у кого-либо дома, возможно, у царя Агиса. Подобный суд, во всяком случае *de jure*, имел сомнительную правомочность. Поэтому нельзя считать слишком смелым предположение, что имела место по сути дела внесудебная расправа.

* * *

Отдельные замечания Ксенофонта, разбросанные в его рассказе о Кинадоне, создают впечатление, что сам историк усматривал цель заговора в удовлетворении социального честолюбия той части спартиатов, которые оказались вне общины «равных», попав в число гипомейонов (Xen. *Hell.* III. 3. 5, 11). Их двойственное положение определялось тем, что, с одной стороны, они, как и полноправные спартиаты, входили в гоплитскую фалангу и участвовали в народном собрании,

(*Cartledge P. Sparta and Lakonia. P. 235*). Как нам кажется, такой вывод неправомерен: напомним, что царь распоряжался своими «телохранителями» только во время военных действий.

49 *Vattuone R. Problemi spartani. P. 37.*

50 *Cartledge P. Sparta and Lakonia. P. 313.*

а с другой – они, скорее всего, не могли быть избранными в высшие органы власти и вряд ли были членами тех же сисситий, что и «равные».

Аристотель, говоря о причинах заговора, ссылаясь на отсутствие в Спарте механизма, обеспечивающего необходимую для политической стабильности социальную мобильность. По его словам, Кинадон устроил вооруженный заговор против спартиатов из-за того, что, «будучи человеком мужественным (*ἀνδρώδης*), не занимал в государстве надлежащего почетного положения» (*Arist. Pol.* V. 6. 2, 1306 b). В. Ньюмен в своих комментариях заметил, что Стагирит, вероятно, имел в виду именно случай с Кинадоном, когда советовал аристократическим правительствам принимать в состав правящего класса представителей других сословий, называя это «врачебным средством», необходимым для политического равновесия (см. V. 7. 8, 1308 a)⁵¹.

Мы согласны с мнением Д. Гиша, что Кинадон «не намеревался в действительности низвергать спартанский режим или Ликургову конституцию... Он не имел намерения вводить радикальные инновации и основывать новые (например, демократические) порядки...»⁵². Не собиравшись он и освободить илотов или улучшать положение неодамонов. Скорее всего, он планировал использовать угрозу восстания низших классов для давления на спартанские власти. Сам Кинадон хотел только одного: попасть в число «равных», т.е. занять высшую ступень внутри спартанского гражданства, а не вне его. Таким образом, целью заговора являлась интеграция Кинадона и его товарищей в спартанскую общину на равных со спартиатами началах.

Необычная для медлительных спартиатов оперативность, с которой на этот раз действовали эфоры, скорее всего, объясняется илотским фактором. Любая угроза спартанскому порядку, исходящая от илотов, воспринималась очень болезненно и требовала немедленной мобилизации усилий. Предыдущий опыт обращения к низам общества отдельных политических деятелей Спарты не был забыт. Напомним, что в этом обвиняли царя Клеомена I и регента Павсания. С ними расправились именно за подстрекательство илотов (*Hdt.* VI. 74; *Thuc.* I. 132. 4)⁵³. Если бы не угроза со стороны заговорщиков обратиться за помощью к илотам и прочим маргинальным группам, спартанские власти никогда не решились бы казнить (фактически без суда) собственных граждан.

Отметим и еще один момент: у нас нет прямых данных об участии в заговоре Лисандра да и вообще о его позиции в ходе этих событий. Однако этот выдающийся политик и дипломат с его опытом организации всякого рода гетерий вполне мог стоять за кулисами событий. Не объясняется ли столь скорая и решительная реакция эфоров еще и их желанием замять политический скандал, в который были втянуты известные люди, может быть, даже и сам Лисандр? Гипотеза об участии Лисандра в заговоре Кинадона нередко высказывалась в научной литературе. Так, по мнению известного британского профессора и военного историка Дж. Лейзенби, «Кинадон был “дымовая завеса” для кого-то более влиятельного, чем он сам, а именно для Лисандра»⁵⁴. Некоторые современные историки в своем желании найти «кукловодов» в заговоре Кинадона это место отводят царю Агесилаю. Так, американский исследователь Б. Джордан полагает, что Лисандр участвовал в заговоре, где действовал, скорее всего, от имени Агесилая, как его агент⁵⁵. Правда, каких-либо убедительных доводов в защиту подобной гипотезы он не приводит.

Заговор Кинадона стоит в ряду целого ряда знаковых событий спартанской истории, имевших место на рубеже V–IV вв. Об ожесточенной борьбе в Спарте после окончания Пелопоннесской войны свидетельствуют многие факты: споры и разногласия по поводу денег, присланных Лисандром из Малой Азии, противоречивое поведение Спарты по отношению к Афинам в 403 г., борьба за пре-

51 *Newman W. L.* The Politics of Aristotle. Vol. 4. Oxford, 1902. P. 368.

52 *Gish D. A.* Spartan Justice. P. 355 f.

53 Так, спартанские власти, подозревая царя Клеомена в подстрекательстве мессенских илотов, обманом выманили Клеомена из Аркадии, а вскоре, как только представился удобный случай, арестовали и казнили его (около 487 г.); о жизни и смерти царя Клеомена см. подробнее: *Печатнова Л. Г.* Античное предание о гибели спартанского царя Клеомена I // *АМА.* 2006. Вып. 12. С. 52–65. Регент Павсаний также угрожал эфорам тем, что способен организовать мятеж илотов, что в конечном счете привело его к гибели.

54 *Lazenby J. F.* The Conspiracy of Kinadon Reconsidered. P. 438.

55 *Jordan B.* Kings and Helots. P. 62. По его словам, «Агесилай, подобно своему более раннему предшественнику, регенту Павсанию, был молчаливым партнером в заговоре, вовлекшем многих членов низших классов, включая илотов...», его популистские убеждения согласовывались с целями заговора Кинадона, который требовал равных прав для всех» (P. 61).

столонаследие и узурпация власти Агесилаем, опала Лисандра, изгнание царя Павсания и т.д. Все они свидетельствуют о вступлении Спарты в полосу затяжного кризиса. Спартакское общество начала IV в. – это общество уже больное, лишенное внутренней гомогенности, расколотое на разнородные элементы. Уж если такие люди, как Кинадон и Тисамен, выступали против своей общины и даже склонялись к мысли о возможных политических контактах с илотами, то это – бесспорное свидетельство глубокого социального и политического кризиса, охватившего Спарту сразу после Пелопоннесской войны. Внутренняя нестабильность могла спровоцировать потенциальных заговорщиков ускорить свое выступление, тем более, что похороны царя Агиса с обязательным сбором в Спарте не только спартиатов, но также периеков и илотов (Hdt. VI. 58) обеспечили им превосходную возможность исследовать уровень социального «кипения»⁵⁶.

По мнению многих исследователей, рассказ Ксенофонта о заговоре Кинадона указывает на огромную социальную напряженность внутри спартакского общества. Большинство ученых оценивают этот заговор как наиболее заметный эпизод во всей лаконской истории, представлявший большую угрозу для самого существования Спарты⁵⁷. Мы вполне согласны с мнением, что это был «самый опасный революционный момент, перед которым когда-либо стояло спартакское правительство»⁵⁸.

56 *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. P. 234.

57 *David E.* The Conspiracy of Cinadon // *Athenaeum*. 1979. Vol. 57. P. 239–259, здесь – p. 239; *Hamilton Ch.* Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. Ithaca, 1991. P. 67; *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. P. 233; *Gish D. A.* Spartan Justice. P. 342. Note 10.

58 *Fuks A.* The Spartan Citizen-body in Mid-Third Century B. C. and its Enlargement Proposed by Agis IV // *Athenaeum*. 1962. Vol. 40. P. 244–263, здесь – p. 257.

ФИВАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ И СУДЬБА «МУЖЕСТВЕННЫХ ДУШ» В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ПОЛИТИК»

Катон Старший, услышав однажды, как хвалят человека, отличавшегося безрассудной смелостью и отвагой на войне, заметил, что совсем не одно и то же – высоко ценить доблесть и ни во что не ставить собственную жизнь, и это совершенно верно.

(*Плутарх*. Пелопид, пер. С.П. Маркиша)

«А что же скажем о тех, кто предпочитает мужество? Разве они не побуждают вечно свои полисы к войнам по причине своего неумного стремления к подобной жизни? Неужели они не навлекают на свою родину вражды многих могущественных неприятелей и либо полностью разрушают, либо отдают свою родину в руки врагов, обрекая ее на рабство?» (Plato *Pol.* 308a). Чужеземец из Элеи говорит эту фразу ближе к завершению платоновского диалога «Политик». Собеседники уже пришли к выводу о том, что искусство настоящего политика подобно навыкам ткача, сплетающего государственную ткань из самых лучших образцов пряжи, поставляемой ему населением полиса. Чужеземец утверждает, что такими образцами являются души, которые характеризуются добродетелями мужества или уравновешенности.

Проблема заключается в том, что мужество и уравновешенность полностью противоположны друг другу. Пылкость и воинственность первых противостоит здравомыслию и осторожной неторопливости вторых. Гармонично объединены они могут быть только внешней силой – мудростью правителя.

Отсутствие людей, наделенных данными добродетелями, является проблемой для государства, но и ситуация, когда больше либо мужественных, либо уравновешенных, чревата опасностью. Так, если на свет появилось уравновешенное поколение, то государство склонно к уступкам и компромиссам, а пацифистский настрой его граждан оборачивается тем, что «они всегда оказываются в положении проигравших, и часто бывает так, что через несколько лет они сами, их дети и все их государство незаметно меняет свободу на рабское состояние» (Plato *Pol.* 307e–308a).

Рассуждения Чужеземца трудно счесть обычными риторическими или диалектическими приемами, особенно с учетом того времени, когда создавался диалог «Политик». Нет никаких сомнений, что он был написан в поздний период творчества великого афинского философа, т.е. в 50-е годы IV в. до н.э. Рассуждения Платона об «уравновешенных» гражданах удивительно созвучны речи Исократовской «О мире», произнесенной примерно в 355 г. до н.э. в связи с событиями Союзнической войны (357–355 гг.). Исократ говорит: «Разве мы не будем удовлетворены, если сможем безопасно жить в своем городе, имея больше материальных благ, добьемся у самих себя взаимного согласия, а у эллинов – доброй славы? Я думаю, что при этих условиях город достигнет полного благоденствия. Война, однако же, лишила нас всего этого» (Isocr. *De Pace*, 19, пер. Л. М. Глускиной). Хотя зачастую Исократ противопоставляют и Фукидиду с Ксенофонтом как «мыслящего более философски» и Платону, как «явно более занятого текущими событиями и современными ему практиками»¹, можно предположить, что в своих сочинениях основатель Академии реагировал и на исторические события, и на идеи, подобные Исократовской.

Мы не хотим вступать в имеющую давнюю историю полемику по поводу отношения Платона к войне и к ее видам. Отметим только, что он, на наш взгляд, не разделял пацифистских идей. Максимальное, к чему призывает Платон в «Государстве» – прекратить «распри» между греческими городами, а также вести войны «цивилизованным» способом. Однако в текущий «век» война неизбывна, как неизбывно и существование сословия стражей. Причиной этому тот факт, что мы пребываем в «эпохе Зевса»: со всеми печальными выводами из этой историософской концепции можно познакомиться в том же диалоге «Политик» (269a–274e). Конечно, не был Платон и милитаристом, но идеи, высказанные Исократом в процитированном месте из сочинения «О мире», противоречили и его политическому

1 См.: Davidson J. Isocrates against Imperialism: An Analysis of the *De Pace* // *Historia*. 1990. Bd. 39. 1. P. 20–36.

здоровому смыслу, и историческому опыту. Античная Греция знала немало примеров утери могущества, а порой и самостоятельности государствами, слишком изнеженными сытной и богатой жизнью². Таким образом, чтобы не обратиться в «рабское состояние», нужна толика мужественной, буквально-таки «мужской» и даже brutальной крови. Но толика, не превышающая определенной меры. В противном случае получается картина, которую Платон фиксирует в цитате, приведенной в самом начале нашего материала.

Цель этой небольшой статьи – указать на очевидный и наглядный пример, который имел в виду Платон, когда говорил о тех, кто «навлекают на свою родину вражды многих могущественных неприятелей...». Целому ряду мест из Платона, демонстрирующих вполне ясную оценку философом современных ему политических явлений, не слишком везет. Обычно они рассматриваются в контексте общетеоретических проблем и не связываются с событиями афинской и общегреческой истории IV в. до н.э. Вот что пишет относительно рассматриваемого нами фрагмента Дэвид Уайт, автор одной из недавно вышедших монографий, посвященных «Политику»: «Взаимоотношения между людьми, которые являются неотъемлемой частью государственного устройства, страдают теми же процессами распада, как и космос в целом, покуда, согласно мифу (об эпохах Кроноса и Зевса. – *P. C.*), его движениям не будет придана должная мера»³. Однако Платон не просто говорил о том, что процессы в полисе повторяют космические закономерности. Конечно, в условиях многообразных внешних факторов (т.е. других государств) и путь «мужественных», и путь «уравновешенных» приводит к одному результату – рабству. Но Платону важно было показать, что до той поры, пока мужественные и уравновешенные не связаны в государственную ткань, пока смешанные в нужной пропорции мужество и уравновешенность не оказываются свойственны отдельным душам, все проекты государственного строительства обречены на крах.

Вместе с тем Платон явно видел примеры, подтверждающие его теорию. В «век конфликтов», который наступил почти сразу после окончания Пелопоннесской войны, их можно было найти немало. Один из них является просто-таки хрестоматийным. Мы имеем в виду головокружительное возвышение Фив в 70-х – 60-х гг. четвертого столетия. Начавшие борьбу против спартанской гегемонии и всюду использовавшие в своей пропаганде лозунги освобождения Эллады, фиванцы в какой-то момент оказались в состоянии расширить свое прямое или опосредованное влияние на огромную территорию – от Проливов и Фессалии до Мессении. Но их успехи и военный экспансионизм вызвал объединение против Фив многих греческих государств. Даже такие непримиримые враги, как Афины и Спарта заключили в 369 г. до н.э. антифиванский союз. К борьбе против Фив оказалась привлечена и «заморская» Сиракузская держава.

К 355 году, то есть к тому времени, когда Исократ произнес свою речь, а Платон, по всей видимости, завершал написание «Политика», пассионарный взрыв в Фивах начинает стихать. Сомнительная победа при Мантинее в 361 г., стоившая жизни Эпаминонду, стала последним актом фиванской имперской истории. Уже в следующие годы интересы Фив ограничиваются практически одной Беотией, а во время Третьей Священной войны 356–346 гг., они вынуждены «на равных» бороться против не самой сильной даже по региональным меркам Фокиды⁴.

Современные ученые, обращаясь к проблеме греческих «гегемоний», неоднократно обсуждали причины невозможности установления длительного владычества одного из полисов в столь разнообразной и пестро устроенной греческой «ойкумене». Например, среди таких причин выделяют ограниченность ресурсов одного отдельно взятого государства, к тому же удаленного от моря (а именно таковыми были Фивы)⁵. Современные западные ученые полагают, что с началом Коринфской войны в Греции стало

2 Некоторые из них стали хрестоматийными примерами этого типа «разрушительного» процесса; см., например, Колофон в морализаторских фрагментах Ксенофана, а также легендарная история Сибариса. Конечно, жители Сибариса проиграли войну Кротону не потому, что вели «соглашательскую» политику, но богатство сделало их миролюбивыми в том смысле, что они не готовились к войне в той же мере, как их противники.

3 *White D. A. Myth, Metaphysics and Dialectic in Plato's Statesman*. Aldershot, 2007. P. 126; ср.: *Rosen St. Plato's Statesman. The Web of Politics*. New Haven, 1995. P. 185.

4 История Фокиды времен Третьей Священной войны так же могла стать аргументом в пользу истинности концепции Платона о «мужественных» душах. Однако фокидская эпопея завершилась уже после смерти философа, да и во время войны Афины поддерживали «святотатцев».

5 См.: *Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н.э. Исторический очерк*. Саранск, 1991. С. 111, 166.

развиваться явление, известное как “power-transition crisis”, то есть полное разрушение традиционной иерархии, прежде перераспределявшей между греческими государствами политическое влияние и силу⁶. И вывести Элладу из данного кризиса могло только внешнее (македонское) вмешательство⁷.

Но для Платона всё проще: причиной является избытие мужественных душ при малом числе уравновешенных и при отсутствии должных (мудрых) правителей-педагогов. В «Государстве» Сократ утверждает, что носители «яростного духа», которым не привита разумная доля кротости, просто уничтожат и своих сограждан, и самих себя (Plato *Resp.* 375b–c). Интересно, что подобное восприятие фиванцев (во всяком случае, их вождей) проявилось в литературной традиции, связанной со школой Платона, спустя несколько столетий (уже после того, как забылась вражда Ксенофонта к Эпаминонду и Пелопиду). Вот как описывает Плутарх последние минуты жизни Пелопида: «Заметив его (Александра Ферского. – *P. C.*), наконец, на правом крыле, где тот выстраивал и ободрял наемников, он не смог усилием рассудка сдержать гнев, но, распаленный этим зрелищем, забыв в порыве ярости и о себе самом, и об управлении битвой, вырвался далеко вперед и громким криком принялся вызывать тирана на поединок» (Plut. *Pelop.* 32, пер. С. П. Маркиша). Эти слова могут стать прекрасной иллюстрацией того, как в платоновской традиции воспринимали «избыток мужества» и каким видели его влияние на историю.

6 См.: Buckler J., Beck H. *Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC*. Cambridge, 2008.

7 Новейшие оценки происходивших в Элладе процессов см. в: Суриков И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М., 2015.

«КИПРСКАЯ ПОЛИТИЯ» АРИСТОТЕЛЯ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ НА КИПРЕ

Для Игоря Евгеньевича Сурикова характерно умение органично сочетать в своей исследовательской деятельности конкретно-исторические сюжеты из истории архаической и классической Греции – и в первую очередь, разумеется, Афин – с глубоким интересом к фундаментальным явлениям древнегреческой цивилизации, которые он стремится осмыслить на серьезном теоретическом уровне, соответствующем современному состоянию науки об античности. В первую очередь, к явлениям такого рода относится сам древнегреческий полис – не случайно Игорь Евгеньевич в свое время активно участвовал в организации научно-практического семинара, посвященного изучению феномена античного полиса и преподаванию соответствующих тем в высшей школе¹, а также практически в каждой своей монографии или книге, рассчитанной на широкую читательскую аудиторию, он не обходит эту тему древнегреческого полиса стороной². Другим важным направлением его деятельности является скрупулезное изучение древнегреческой исторической мысли, блестящие источниковедческие исследования, посвященные Геродоту, Фукидиду, Антифону, логографам, которые показывают, что и в наше время, спустя уже несколько столетий со времени начала академического изучения текстов классических авторов, современный исследователь может сказать о них что-то новое и интересное.

Принимая во внимание все эти особенности, мы рискнули предложить для этого сборника статью, посвященную утраченному источнику по архаической и классической истории Кипра – особенной части греческого мира, внимание которой в ряде статей уделяет и наш уважаемый юбиляр³.

Помимо «Афинской политики» в списке трудов Аристотеля значится еще около полутора сотен политий. К сожалению, ни одна из них полностью не сохранилась, и современному исследователю истории других областей греческого мира остается лишь завидовать, читая описания органов полисной власти, особенности функционирования магистратур, значимые исторические эпизоды, связанные с реформами государственного устройства, о которых повествуется в «Афинской политике». Другие политии, и то не все, дошли до нас лишь в отрывочных извлечениях, цитатах, приводимых более поздними авторами. Ценность этих фрагментов, тем не менее, во многих случаях достаточно высока и помогает тем, кто изучает «третью Грецию» (термин Х.-Й. Герке⁴), решать различные конкретно-исторические вопросы, стоящие перед исследователем того или иного греческого полиса.

1 Материалы изданы: Дементьева В.В., Суриков И.Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas: учеб. пособие. Ярославль, 2010; Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 8–54.

2 В качестве примера назовем лишь некоторые работы: Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Т. 1–3. М., 2005–2011; он же. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008; он же. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012.

3 Суриков И.Е. Ценный свод иконографического материала с древнего Кипра // SH. 2010. Т. 10. С. 208–221.; он же. Σαστήρ – sa-sa-ta-o-se – ΣΑΜΜΑ (Новые соображения в связи с загадочной боспорской монетной легендой: «херсонесский след» и «кипрский след») // ДБ. 2011. Т. 15. С. 275–287; он же. «Темные века» в Греции (XI– IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания / Бобкова М. С. (ред.) М., 2012. С. 13–38.

4 Gehrke H.-J. Jenseits von Athen und Sparta: Das Dritte Griechenland und seine Staatenwelt. München, 1986.

Ниже мы постараемся рассмотреть данные о «Кипрской политике» Аристотеля на фоне комплекса свидетельств, характеризующих особенности этого региона греческой ойкумены в архаическое и классическое время.

Имеющиеся фрагменты «Кипрской политики» сохранились в виде цитат у более поздних авторов. Таких фрагментов всего два, и мы для удобства приведем их полностью ниже.

1. Лексикограф Гарпократион цитирует Аристотеля, объясняя значение слов «Анакты» и «анассы»:

Fr. 526 R³

Анакты и анассы: сыновья и братья царя называются владыками, а сестры и жены – владычицами – Аристотель в «Политии жителей Кипра»⁵ (Arist. Fr. 526 [Rose]).

Без сомнения, приведенный отрывок является наиболее часто цитируемой частью «Кипрской политики» и всего наследия Аристотеля, посвященного Кипру вообще. Едва ли можно обнаружить научную статью или монографию, посвященную политической истории и структуре доэллинистического Кипра, где бы этот фрагмент не был процитирован.

Фиксируемая Аристотелем ситуация словоупотребления неоднократно подтверждается в кипрских надписях (ISC 211; 220. 2, l. 2; 264, l. 1)⁶, а также прямым указанием Исократ (*Or.* IX. 72) и наличием большого количества образцов votивной каменной скульптуры, надежно связываемой с анактами⁷.

Предполагается, что магистральным направлением эволюции института царской власти в греческом мире в конце XIII–VIII вв. до н.э. было движение «от анакта в базилею»⁸. На Кипре мы видим уникальную во всех отношениях ситуацию, когда сохранились оба употреблявшихся в микенскую эпоху термина, но их значение кардинальным образом поменялось: правитель государства теперь именуется базилеем, а его дети и другие родственники – анактами (заметим, что ничего подобного мы не находим в Микенской административной системе, где таинственный wa-na-ka занимал положение много выше qa-si-re-u и не был связан с ним родственными узами). Другое важное обстоятельство – это именование Владычицей (Анассой) почитавшейся на Кипре верховной богини, которую греки отождествляли с Афродитой. Это совпадение едва ли случайно, если принимать во внимание покровительство со стороны этого верховного женского божества царским династиям Кипра, зафиксированное в целом ряде центров (Пафосе, Амафунте, Китионе, Вуни, Саламине, Тамассосе, Идалионе)⁹.

Тем не менее, кроме Кипра, оба термина встречаются в гомеровских поэмах – с ними сталкивались все образованные греки Аристотелева времени, поскольку для обозначения царей Гомер использует оба этих слова. В гомеровском словоупотреблении тоже имеется своя закономерность: ἄναξ – скорее

5 Именно так стоит дословно перевести Κυπρίων в данном контексте; в остальной части работы мы для краткости будем по-прежнему называть анализируемое произведение «Кипрской политией».

6 См. также: *Bowra C. M.* Homeric Words in Cyprus // *JHS.* 1934. Vol. 54. Pt 1 (1934). P. 54–55. Более того, двуязычная надпись времени правления финикийского царя Китиона Милкиатона (ISC 220), поставленная IV в. до н.э. в населенном преимущественно грекоязычным населением и подвластном ему Идалионе, позволяет увидеть соответствие этим терминам у населявших Кипр финикийцев: βασιλεύς – mlk, ἄναξ – dn/adon (*Iacovou M.* From the Mycenaean QA-SI-RE-U to the Cypriote PA-SI-LE-WO-SE: The Basileus in the Kingdoms of Cyprus. // *Ancient Greece from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer* / Deger-Jalkotzy S., Lemos I. S. (ed.) Edinburgh, 2006. P. 329; *eadem* The Cypriot Syllabary as a Royal Signature: the Political Context of the Syllabic Script in the Iron Age // *Syllabic Writing on Cyprus and its Context* / Steele P. M. (ed.) Cambridge, 2013. P. 148–151).

7 *Satraki A.* The Archaeology of the Cypriot *Basileis*: Manifestations of Royal Authority in Iron Age Cyprus // *POCA 2007: Postgraduate Cypriot Archaeology Conference.* Newcastle upon Tyne, 2010 / *Chrystodoulou S., Satraki A.* (eds.) P. 208–211; *eadem.* Manifestations of Royalty in Cypriot Sculpture // *Postgraduate Cypriot Archaeology. Proceedings of the Fifth Annual Meeting of Young Researchers on Cypriot Archaeology, Department of Classics, Trinity College, Dublin, 21–22 October 2005* / *Papantoniou G.* (ed.) Oxford, 2008. P. 30–31.

8 *Gschnitzer F.* ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen // *Festschrift Loonhard C. Franz zum 70 Geburtstag* / Menghin O. (Hrsg.) Innsbruck, 1965. S. 99–112; *Palaima T. G.* *Wanaks* and Related Power Terms in Mycenaean and Later Greek // *Ancient Greece from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer.* P. 53–71; *Mazarakis Ainian A.* The Archaeology of *Basileis* // *Ancient Greece from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer.* P. 181–211. См. также возражения и альтернативные соображения, уточняющие эту модель: *Crielaard J. P.* The ‘*Wanax to Basileus Model*’ Reconsidered: Authority and Ideology after the Collapse of the Mycenaean Palaces // *The “Dark Ages” Revisited. Vol. 1* / *Mazarakis Ainian A.* (ed.) Volos, 2011. P. 83–111.

9 К этому сюжету мы планируем обратиться специально в отдельной работе.

титул (как героев, так и богов), а βασιλεύς – социальная функция правителей; слово ἄναξ используется для обозначения какого-то одного, отдельного героя, в то время как βασιλεύς – для обозначения корпорации ахейских правителей¹⁰. На Кипре ситуация оказывается иной: в каждом отдельно взятом царстве¹¹ одного царя-басиля окружает целая корпорация его родственников – анактов¹². Похоже, что нетипичность использования этого наименования во множественном числе привлекла внимание Гарпократиона и потребовала отдельного разъяснения¹³, для чего он обратился к сочинению Аристотеля.

2. Второй фрагмент представлен у двух авторов, но это не прямая цитата, а пересказ своими словами со ссылкой на Аристотеля, причем два свидетельства не совпадают друг с другом в важных деталях и содержат путаницу.

Fr. 527 R³

2а) Отец Никокла Кипрского – того, которому написал увещания афинский софист, – а имя его (т.е. отца – П.Е.) было Тимарх, по словам Аристотеля, имел два ряда зубов (Pollux. II. 95)

2б) Тимарх, сын Никокла Пафийского, имел два ряда коренных зубов. Брат его не сменил передних зубов и поэтому сточил их до изношенности (Plin. NH. XI. 63. 167).

Таким образом, согласно этим свидетельствам, Тимарх – то ли сын правителя Пафоса Никокла, то ли его отец. Отрывок Аристотеля, на который ссылается только Поллукс (Плиний не указывает источник сведений), называет Тимарха отцом Никокла, в то время как Плиний считает его сыном, причем уточняет место правления Никокла – Пафос. Путаницы добавляет указание Поллукса на то, что речь идет о том самом Никокле, которому «афинский софист» писал наставительное послание. Хотя имя афинского софиста лексикограф не указывает, тем не менее, в нем без труда узнается намек на Исократа (Isocr. Or. II–III) – именно он писал наставительные сочинения, адресованные кипрскому правителю Никоклу, но тот Никокл был не царем Пафоса, а правил Саламином-на-Кипре.

Имеющиеся противоречия можно пытаться разрешить по-разному.

Во-первых, стоит учесть, что в обоих случаях речь идет, скорее всего, о непрямом использовании сочинения Аристотеля, рассказывающего о Кипре. Поллукс не указывает, что речь идет именно о «Кипрской политике», это скорее достаточно оправданное предположение Розе, нежели непреложно установленный факт. Ссылка на Аристотеля у Поллукса относится лишь к указанию на необычную аномалию развития зубов у Тимарха, но не на другую часть предложения, где уточняется, что афинский софист писал наставления Никоклу.

Далее, стоит полагать, что Плиний ссылается на Аристотеля по памяти – он приводит этот отрывок в контексте целой череды курьезных случаев, связанных с разными зубными патологиями, так что для него важен сам факт наличия таких патологий, нежели точные родственные отношения их носителей: в этом контексте можно было перепутать отца с сыном¹⁴.

Также не стоит сбрасывать со счетов возможность, что оба автора имеют в виду двух разных Никоклов из Пафосской династии. То обстоятельство, что Никокл, сын Тимарха, был последним царем Пафоса, кажется, достаточно прочно удостоверено свидетельством Диодора о ликвидации царской династии в Пафосе (XX. 21. 1–3), а также эпиграфическими данными (ICS. 1, l. 1; 6, l. 1; 7, l. 2; 90, l. 1; 91, l. 1–2). Чьим сыном был Тимарх, отец Никокла, доподлинно неизвестно; теоретически можно было бы допустить вероятность, что его отца тоже могли звать Никоклом. Однако это не подтверждается нумизматическими данными. Тимарху (Babelon, № 1317. Pl. IX. 7; № 1318. Pl. IX. 8; ISC. 29)

10 Carlier P. Ἄναξ and βασιλεύς in the Homeric Poems // Ancient Greece from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. P. 101–110.; cf.: Schmidt M. Some Remarks on the Semantics of ἄναξ in Homer // ibid. P. 443–447.

11 Зато в качестве правителей острова в наиболее ранних письменных источниках – ассирийских надписях Саргона II и Асархаддона – цари Кипра выступают как группа, вполне сопоставимая с басилями Итаки или острова феаков. Ассирийские источники называют правителей Кипра *sharru*, но в синхронных силлабических надписях с Кипра обладатели упомянутых в надписи Асархаддона имен названы басилями (pa-si-le-wo-se). (Iacovou M. From the Mycenaean QA-SI-RE-U. P. 321).

12 Еще интереснее с лицами женского пола: сестры царя (анассы) являются его кровными родственницами, но супруга (тоже анасса) таковой не является.

13 Bowra C. M. Homeric Words. P. 60.

14 Masson O. Les inscriptions chypriotes syllabiques. Recueil critique et commenté. Paris, 1961. P. 103, not. 3.

предшествовали цари Тимохарис (Babelon, № 1315, Pl. IX. 4–5; ISC. 27) и (предположительно) Харидам (Babelon, № 1316, Pl. IX. 6; ISC. 28), а для еще одного Никокла нет в истории монетного дела Пафоса ни места, ни материала (то есть монет и эпиграфических свидетельств).

Поллукс, вероятнее всего, путает двух Никоклов – сына пафосского правителя Тимарха и саламинского преемника Эвагора I: он мог не вникать в особенности имен кипрских правителей и как бы «по умолчанию» ошибочно подразумевать, что упомянутый в связи с патологией Тимарха Никокл – это тот самый правитель, к которому обращался Исократ. Об Исократе и его произведениях, посвященных кипрским правителям, Поллукс как лексикограф, очевидно, знал, и, скорее всего, думал, что на острове во времена Аристотеля и Исократа существовал всего один правитель с таким именем. Косвенным образом такой ход мысли Поллукса может подтверждаться тем, что Никокл назван в этом отрывке Кипрским – что было бы недостаточным, имей данный автор в виду, что в IV в. до н.э. на Кипре было несколько правителей с такими именами. При этом странным остается другое: адресат произведений Исократа в самих его произведениях назван сыном Эвагора, что нетрудно было заметить, обращаясь к произведениям афинского ритора. Но и эта aberrация вполне понятна и допустима, если учитывать, что составитель словаря имел дело с огромным потоком совершенно разнородных данных, которые не всегда удавалось должным образом проверять. Как книжный человек позднеантичной эпохи, для которого политическая реальность доэллинистического Кипра была уже «давно прошедшим временем», он знал только одного Никокла, упомянутого Исократом (автором, входившим в канон десяти аттических ораторов), а в тексте Аристотеля видел указание на то, что отцом Никокла был Тимарх.

Одним словом, второй из сохранившихся отрывков Аристотеля, предположительно из «Кипрской политики», дошел до нас в крайне ненадежном состоянии, и его использование возможно лишь с существенными оговорками. При этом, однако, не приходится сомневаться в главном: в труде Аристотеля упоминались представители одной династии правителей Пафоса, носившие имена Тимарх и Никокл, возможно, упоминался и какой-то брат Тимарха и сообщались сведения о состоянии их зубов – данные, напрямую с государственным устройством, вероятно, все-таки не связанные и при этом достаточно конфиденциальные. Тем не менее, они стали известны Аристотелю, интерес которого к медицинским и шире – естественнонаучным данным и казусам разного рода не вызывает удивления. Возможно, данные о зубах членов царской династии Пафоса могли рассматриваться как свидетельство их родства – и в этом контексте включение этих сведений в политику могло быть вполне оправдано.

Таковы имеющиеся отрывки из «Кипрской политики». Поскольку со времени обнаружения значительной части текста «Афинской политики» стало понятно в общих чертах соотношение материалов политий (описание конкретных примеров отдельных государственных устройств) и обобщающего трактата («Политика») ¹⁵, мы вправе добавить к вышеназванным отрывкам еще и единственное прямое упоминание о Кипре в «Политике».

Arist. Pol. V. 8. 10, 1311b. 4-6:

И заговор евнуха против Эвагора Кипрского был вызван такой же причиной: евнух убил его, считая себя оскорбленным, так как сын Эвагора увлек его жену (τὴν γυναῖκα) (пер. С.А. Жебелева).

Перед нами указание на заговор евнуха против Эвагора Кипрского (в результате оскорбления, нанесенного сыном Эвагора). Здесь этот пример поставлен в ряд аналогичных случаев из афинской, амбракийской, македонской истории, когда правители проявляли ὕβρις в отношении своих подданных (это слово и производные от него встречается в этом абзаце «Политики» несколько раз), но Аристотель заканчивает рассмотрение похожих случаев именно кипрским сюжетом ¹⁶. Попытки разобраться в смысле этого пассажа предпринимались еще в XIX в. В частности, недоумение предлагалось разрешить чтением Эвнух – в качестве личного имени ¹⁷. Другое – и с учетом контекста, сообщаемого

¹⁵ Доватур А.И. «Политика» и «Политий» Аристотеля. М. – Л., 1965. С. 123–124, 291, 293.

¹⁶ В данном контексте ὕβριςμενός может быть переведено и как «оскопленный» (LSJ, s. v. ὕβρις(ω)), что отчасти объясняет не вполне понятный инцидент («сын правителя отобрал жену у евнуха»)

¹⁷ Доватур А.И. «Политика» и «Политий» Аристотеля. С. 378, прим. 62, cf.: Hill G. F. A History of Cyprus. Vol. 1. Cambridge, 1940. P. 140–141), Newman W. L. Politics of Aristotle: With an Introduction, Two Prefatory Essays and Notes Critical and Explanatory. Vol. 4. Cambridge, 1902. P. 428–429.

Феопомпом (см. ниже), вполне вероятное объяснение, – что в данном случае имеется в виду не месть евнуха за свою супругу, а месть гаремного слуги, ответственного за неприкосновенность женщины, на которую покусился сын царя. Так или иначе, конкретные обстоятельства гибели Эвагора из этого отрывка Аристотеля остаются неясны¹⁸.

Об этом событии сообщают и другие авторы, но данные эти никак нельзя назвать исчерпывающими. Так, Феопомп в довольно большом и подробном по содержанию отрывке тоже сообщает, что Эвагор и его старший сын Пнитагор были убиты евнухом элейцем Фрасидеем¹⁹ (Theop. FGrHist. 115 F 103), но тот действовал по поручению своего хозяина Никокреонта, чья дочь служила приманкой для покушения, заманивая в западню последовательно царя и его сына, а не была женой евнуха.

Диодор в очень кратком известии сообщает дату события –374 г. до н.э., но путает имена евнуха и преемника власти Эвагора и называет евнуха Никоклом (XV. 47. 8)²⁰, Исократ, в свою очередь, восхваляет Никокла как преемника и наследника Эвагора, но обходит молчанием тему заговора, хотя в словах об опасностях, подстерегающих единовластного правителя, обращенных к Никоклу (*Or.* II. 5; III. 36; 40–41), есть основания подозревать определенные аллюзии, связанные с обстоятельствами гибели его предшественника. В настоящий момент в нашу задачу не входит подробный анализ этого конкретного эпизода и определение достоверности каждого из сообщений о заговоре; ограничимся замечанием, что в пользу достоверности сообщения Аристотеля свидетельствует то, что он явно интересовался этим случаем в связи с теорией государственных переворотов и, как будет показано ниже, имел возможности получать информацию из довольно надежных источников. Расхождение же в существенных деталях покушения (месть, вызванная посягательством члена царской семьи на женщину или спланированная западня, в которой женщина выступает лишь как приманка) может объясняться разными историографическими тенденциями, которые возникли параллельно при освещении этого события дружественно настроенной в отношении Эвагора школой Исократа (чьим учеником был Феопомп) и настроенной более критически линией учеников Платона.

Но вместе с тем это место достаточно непросто для понимания и на данном этапе едва ли поддается однозначному толкованию, а стало быть, делать на его основании какие бы то ни было далеко идущие конкретно-исторические выводы было бы крайне опрометчиво.

Примечательно, что упоминание о заговоре в «Политике» включено в контекст общих рассуждений Аристотеля о государственных переворотах, где наряду с кипрским материалом используются данные о Писистратидах в Афинах, покушениях на Филиппа Македонского и тирана Периандра из Амбракии; в двух случаях из трех мы располагаем сведениями о наличии соответствующей политики, а в случае с Афинами – и самим текстом. Подробный рассказ о заговоре Гармония и Аристокитона в «Афинской политике» дает основания полагать, что и в «Кипрской политике» эпизоду с покушением на Эвагора было уделено заметное внимание.

Таким образом, мы можем с той или иной долей уверенности говорить о трех элементах, входивших в «Кипрскую политику».

Политии Аристотеля, как показало исследование А.И. Доватура, будучи выстроены по единому плану, состояли из двух основных разделов: исторического, где сообщалось о становлении и развитии того или иного полисного строя, и систематического, где рассматривалось ныне действующее устройство²¹. Сохранившиеся фрагменты, надо полагать, происходят из обеих частей «Кипрской политики»: терминологию и титулатуру было уместно пояснять в систематической части, в то время как рассказы о конкретных правителях и перипетиях династической истории того или иного кипрского царства, скорее всего, сообщались в первой, исторической части.

Стоит обратить внимание на то, что все три отрывка в той или иной степени касаются именно царей и царской власти – будь то терминология, используемая на Кипре для обозначения царских родственников, конкретные факты, связанные с отдельным правителем, или обстоятельства, приведшие к покушению на царя и государственному перевороту.

18 *Maier F. G. Cyprus and Phoenicia // САН2. 1994. Vol. 6. P. 316.*

19 Информацию о Фрасидее см.: *Zoumbaki S. B. Prosopographie der Eleer bis zum 1 Jh. v. Chr. Athen, 2005. S. 191–192.*

20 Что, кстати, послужило поводом подозревать Никокла в причастности к заговору против отца – версия, ныне отвергнутая большинством исследователей (*Hill G. F. A History of Cyprus. Vol. 1. P. 143–144.*)

21 *Доватур А.И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. С. 115–116; 168–187.*

Насколько можно судить, сам Аристотель никогда не бывал на Кипре – во всяком случае, ни один источник не позволяет этого предполагать. Вместе с тем, кипрские реалии встречаются не только в «Политике» или отрывках из сочинения, специально посвященного Кипру (Кипрской политике), но также разбросаны и по другим произведениям Аристотелева корпуса.

В «Поэтике» он упоминает в качестве примера общераспространенное на Кипре слово *σίγυρον* (дротик) (Arist. *Poet.* 1457b [Bekker]). Упоминается Кипр в числе крупных островов, известных Аристотелю (*De mund.* 393a [Bekker]), как место обитания различных животных (*Hist. anim.* 552b), в том числе железозубой мыши (*Mirab. ausc.* 832a [Bekker]), и особенной змеи (833a, 845a). Это также место, богатое металлами, о розыске которых тоже в каком-то из сочинений рассказывалось подробно (Cod. Gr. Paris. 1310f. 444b, fr. 266). Известно Аристотелю также, что карта звездного неба, наблюдаемого с Кипра, отличается от той, что можно видеть в более северных странах (*De cael.* 298a).

Правомерно задаться вопросом об источниках, из которых Аристотель мог черпать сведения о достаточно отдаленном от мест его собственного обитания острове.

Судя по имеющимся сведениям, в конце V – IV в. до н.э. интерес греческих мыслителей и политических деятелей к Кипру был явлением неединичным и в значительной мере был обусловлен правлением на Кипре правителя Саламина Эвагора I (411–374 гг. до н.э.), при дворе которого некоторое время жили разные представители афинской интеллектуальной и политической элиты, в частности Андокид (*Or.* I; II, cf.: Ps.-Lys. *Or.* VI. 28, XIX) и Конон (Ps.-Lys. *Or.* XIX. 19, 25, 36, 39; Isocr. *Or.* IX. 51–53)²².

Исократ также имел тесные связи с Эвагором Саламинским и посвятил правителям Саламина-на-Кипре три речи (из числа дошедших до нас двадцати одной; еще одна речь – «К Демонику», также посвящена обитателю Кипра). Сын Эвагора Никокл какое-то время проживал в Афинах и был учеником Исократа (ср. также сведения о Гермиппе – Isocr. *Or.* I); учеником Исократа был и другой сын Эвагора I – Тимофей²³. Более того, на афинской агоре была воздвигнута статуя Эвагора, стоявшая по соседству с памятником Конону, победителю спартанцев при Книде (IG. II². 20; Paus. I. 3. 2; Isocr. *Or.* IX. 57), а сам Эвагор получил афинское гражданство (Isocr. *Or.* IX. 54).

Как минимум дважды интерес к Кипру проявляется и в раннем философском наследии (в сочинениях академического периода) Аристотеля, жившего и учившегося в 367–347 гг. до н.э. в Афинах.

Близким другом Аристотеля был кипрский философ-платоник Эвдем, к которому обращено одно из ранних и не дошедших до нас сочинений Аристотеля «Эвдем, или о душе», известное нам в кратком изложении Цицерона в трактате «О дивинации» (I. 54):

«А Аристотель, человек ума необычайного и почти божественного, может быть, тоже заблуждался, или хотел других обмануть, когда описал то, что произошло с его знакомым киприотом Евдемом. Тот, собираясь посетить Македонию, остановился в пути в городе Феры, в Фессалии. Тогда это был славный город, но правил им жестокий тиран Александр. В этом городе Евдем заболел так тяжело, что все врачи отчаялись. И вот во сне Евдем увидел прекрасного на вид юношу, который сказал, что он, Евдем, очень скоро выздоровеет, что тиран Александр через несколько дней умрет, и еще, что через пять лет Евдем вернется домой. Первая часть предсказания, пишет Аристотель, сбылась сразу; и Евдем выздоровел, и тиран был вскоре убит братьями своей жены. А на пятый год, когда надеялись, что Евдем в соответствии со сновидением из Сицилии вернется на Кипр, он, участвуя в сражении под Сиракузами, был убит. И это, кажется, дает возможность истолковать, его сон в том смысле, что когда душа Евдема покинет тело, она вернется домой» (Пер. М.И. Рижского).

Эвдем вместе с Дионом выступал против тирании Дионисия II на Сицилии и погиб в битве под Сиракузами (Plut. *Dio.* 22)²⁴. Сообщение Аристотеля о болезни Эвдема во время его пребывания

22 Здесь мы намеренно оставляем в стороне крайне важную и интересную, но более общую тему «Кипр и Афины»: историю этих взаимоотношений можно начинать как минимум со времен Солона, затем события греко-персидских войн, экспедиция (или экспедиции) Кимона, проживание в течение какого-то времени на Кипре правителя Амафунта (*Petit T. Herodotus and Amathus // The World of Herodotus / Karageorghis V., Taifacos I. (eds.). Nicosia, 2004. P. 18-22, cf.: idem. MALIKA. L'identité composite du Dieu-Roi d'Amathonte sur le sarcophage de New York // Identités croisées en un milieu méditerranéen : le cas de Chypre (Actes du Colloque de Rouen, mars 2004) / Fourrier S., Grivaud G. (eds.) Rouen, 2006. P. 79–80*) – все эти сюжеты крайне интересны и достойны отдельного рассмотрения.

23 *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Очерки древнегреческой общественной мысли. Л., 1991. С. 337; *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 122.

24 Интересно заметить, что про попытку Диона свергнуть тиранию на Сицилии Аристотель упоминает в «Политике» буквально почти в том же самом месте, где приводятся примеры заговоров против тиранов, причиной которых бывает личная

в Фессалии под управлением Александра Ферского, о вещем сне, смерти тирана Фер и выздоровлении Эвдема позволяют некоторым исследователям интерпретировать данный трактат Аристотеля как своего рода антитиранический памфлет, где тираническое правление могло рассматриваться как причина болезни (болезнь, вызванная нездоровой средой)²⁵. Стоит обратить внимание, что в то время как ряд афинских политиков и интеллектуалов, связанных со школой Исократа, включались в установление отношений между Эвагором и тираном Сиракуз (*Lys. Or. XIX. 19*)²⁶, выходец с Кипра и ученик Платона становится на путь тираномахии и отправляется для этого на Сицилию.

Другое раннее и также не дошедшее до нас сочинение Аристотеля, связанное с Кипром, – это «Протрептик», обращенный к царю Кипра Темисону (*Stob. Anth. 95. 21. P. 786. 1 H*). Где именно правил этот царь, точно определить не удастся. Ф.Г. Майер предполагает, что он мог быть не названным поименно у Диодора правителем Керинии (*XIX. 59. 1*)²⁷.

Вероятно, правление Темисона приходится на время около 350 г. до н.э. Известен другой Темисон, приближенный Антиоха II (возможно, внук кипрского царя). Предполагают, что знакомство Аристотеля с Темисоном могло произойти через посредство Эвдема (т.е. не позднее 353 г. до н.э., а на деле раньше), до отъезда Эвдема на Сицилию. «Протрептик» Аристотеля является ответом «академиков» Исократу – на увещательную речь к Никоклу (которая датируется не ранее 373 г. до н.э., после гибели Эвагора и воцарения Никокла) и на более поздний разбор этой речи в автобиографическом сочинении «Антидосис», написанном много позднее. Предполагается, что написанный между 353 и 351 гг. до н.э. «Протрептик» реагировал на «Антидосис»²⁸.

Таким образом, в различных кругах афинской высокообразованной публики на кипрском материале в течение IV в. до н.э. неоднократно отрабатывались рассуждения о царской власти, философском образе жизни и воспитании.

Заметим, что и после Аристотеля тема государственного устройства кипрских царств интересовала его учеников. Известно, что уже Феофраст был автором не дошедшего до нас сочинения «О царской власти на Кипре»²⁹; кроме того, непосредственно с Кипра, из Сол, происходил ученик Аристотеля Клеарх, который, судя по сохранившимся у Афиней извлечениям, в своем труде «Гергитий» (VI. 255f–256c = FHG. II. 310–312, F 25–26) уделял внимание политической структуре кипрских царств и, в частности, рассказывал о так называемых «льстецах»³⁰, на которых опирались правители Кипра. Современником и земляком Клеарха был полководец Александра Великого Стасанор, позже сатрап Бактрии и Согдианы (*Diod. XVIII. 39. 6*). Наконец, заметим, что уроженец Китиона стоик Персей также был автором трактата о царской власти (*Diog. Laert. VII. 36*).

Так или иначе, Кипр в качестве одного из объектов описания в большом проекте составления полигий 158 греческих (и не только греческих) полисов появляется не случайно, а был местом, для Аристотеля достаточно хорошо известным – пускай заочно – через знакомых и учеников и просто проживавших в Афинах выходцев с Кипра³¹; но информация как об истории, так и о политическом устройстве острова была вполне доступна как для систематического ее изложения, так и для обобщающих выводов на почве отдельных наблюдений.

обида – и в том числе кипрский случай (покушение на Эвагора I); чуть ниже Аристотель дважды упоминает Диона (*Polit. 1312a-b*), причем во второй раз пересказываются патетические слова самого Диона о славе и прекрасной смерти. Видимо, благодаря участию в этой экспедиции Эвдема Кипрского, Аристотель сохранял к этому эпизоду современной ему истории эмоционально окрашенное отношение.

25 *Bos A. P. The Soul and Its Instrumental Body: A Reinterpretation of Aristotle's Philosophy of Living Nature. Leiden; Boston, 2003. P. 238–239.*

26 Учеником Исократа, в частности, был сын Конона афинский полководец Тимофей (*Ober J. Political Dissent in Democratic Athens. Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998. P. 268–270*).

27 *Maier F. G. Cyprus and Phoenicia. P. 334.*

28 *Альимова Е.В. Предисловие переводчика // Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб., 2004. С. 60–63. О ключевых расхождениях между двумя параллельно существовавшими в Афинах IV в. до н.э. школами, см.: Ober J. Political Dissent. P. 251–252.*

29 *Maier F. G. Cyprus and Phoenicia. P. 300.*

30 Подробный анализ см.: *Данилов Е.С. Афиней Навкратийский о саламинской тирании // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15. Вып. 27. С. 11–15.*

31 В середине IV в. до н.э. купцам из Китиона специальным постановлением народного собрания было дозволено построить себе святилище Афродиты в Пирее – *IG. II². 337.*

Стоит поэтому оставить открытым вопрос об авторстве конкретной политики – ее автором мог быть как сам Аристотель, так и кто-то из его учеников и помощников, но в любом случае, это сочинение было предпринято в рамках исследовательской деятельности школы перипатетиков и служило подготовительным материалом к «Политике»³². Однако то обстоятельство, что сам Стагирит еще в более ранний период своего творчества обращался к кипрской тематике, может косвенным образом указывать на наличие у философа личной мотивации для изучения кипрских реалий – с острова происходил его товарищ по Академии Эвдем, плюс как минимум с одним из правителей, Темисоном, он находился в переписке.

Эти сведения, почерпнутые от обитателей острова, заменяли автору «Кипрской политике» включенное наблюдение. Однако стоит сказать несколько слов и о других вероятных источниках, которые наверняка были в распоряжении Аристотеля, коль скоро известно, что он пользовался подобной информацией при написании других политий.

Аристотель активно использует в качестве источника архаическую лирику – применительно к Афинам это хорошо видно на примере Солона³³. Известно, что существовало древнее предание о поездке Солона к кипрскому царю Филокипру, в Солы, о чем афинский мудрец даже сложил дошедшую до нас элегию (Plut. *Sol.* 26).

Аристотель хорошо знает эпос – как гомеровские поэмы, так и другие произведения. Ссылаясь на Гомера, он доказывал древность критского государственного строя (Arist. Fr. 611. 14), говорил про систему воспитания, причем глаголы, использованные в отрывке, предполагают, что эти нормы действовали и во время написания политий³⁴.

Кипр в гомеровских поэмах также упоминается. Гомер рассказывает о панцире – подарке правителя Кипра мифического Кинира Агамемнону (Ном. II. XI. 19–28), знает о проходивших через остров морских маршрутах (Ном. *Od.* IV. 81–83; XVII. 442–443), упоминает святилище Афродиты в Пафосе (Ном. *Od.* VIII 363–366), и, возможно, медные рудники Тамассоса (у Гомера Темессы – Ном. *Od.* I. 182–184)³⁵. По аналогии с другими политиями, мы можем предположить, что в рассказе о ранней истории острова он мог опираться на эти тексты³⁶. Поэтому вполне вероятно, что в начальной части «Кипрской политии» содержался рассказ о Кинире и других эпических фигурах легендарного прошлого острова³⁷ (Тевкре, Пигмалионе, Агапеноре, сыновьях Тесея), к которым современные Аристотелю правители кипрских царств возводили свое происхождение и традиции власти³⁸.

* * *

Кажется важным вопрос о соотношении названия и содержания сочинения. Как и некоторые другие политии Аристотеля, «Кипрская полития» (а если быть точным – «Полития жителей Кипра» – Τῶν Κυπρίων πολιτεία) называется не по имени полиса, устройство которого описывает, а по имени целого острова, где располагалось несколько государств. Ближайшей аналогией в этом отношении является «Критская полития» (или, опять же, дословно – «Полития критян»), дошедшая до нас также в единичных фрагментах.

Другим примеров «собираательно» названных политий являются политии, описывающие строй не полисов, а этносов – Этолийская, Аркадская (при том, что отдельно была написана Тегейская полития), Ахейская, Эпирская, Фессалийская³⁹. Но эту аналогию следует отменить, поскольку в случае с Кипром речь идет явно не об этне, а о какой-то иной форме политической организации.

32 Доватур А.И. «Политика» и «Политии». С. 116.

33 Доватур А.И. «Политика» и «Политии». С. 159.

34 Доватур А.И. «Политика» и «Политии». С. 170.

35 Richardson N. J. Homer and Cyprus // Proceedings of an International Symposium «The Civilizations of the Aegean and their Diffusion in Cyprus and Eastern Mediterranean, 2000-600 B. C.» 18-24 September 1989. Larnaca, 1989. P. 125-128; Karageorghis V. Homeric Cyprus // Ancient Greece from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 665-675.

36 Доватур А.И. Указ. соч. С. 164.

37 Там же. С. 221, 264.

38 Petit Th. Aspects de l'hellénisme chez les dynastes orientaux (Asie Mineure, Phénicie et Chypre) à l'époque classique // Kérylos. №18. 2007. P. 16-19, 22, 25-26.

39 Доватур А.И. «Политика» и «Политии». С. 134–138; 144–146.

Если во втором случае предметом описания, очевидно, становился государственный строй сообществ, не являвшихся полисами, но обладавших какой-то единой политической структурой, то в случае с Критом и Кипром возникают вопросы. Как сочетались в этих политиях индивидуальная специфика и конкретно-исторический материал, относящийся к каждому отдельно взятому центру власти, с систематическим изложением и необходимыми обобщениями? С одной стороны, немногочисленные отрывки дают понять, что рассматривались примеры из разных царств Кипра (Саламин Эвагора и Пафос Тимарха-Никокла)⁴⁰. Вероятно, в подобных политиях речь шла о наиболее характерных для этих двух островов явлениях, обычаях, законах, которые мало варьировались от одного полиса к другому, в известной мере были общими для всех политических единиц, существовавших на каждом острове. В противном случае, очевидно, уместнее было бы составлять несколько политий, описывавших то или иное сообщество: отдельно Саламин, отдельно Сола, отдельно Пафос и т.д.

Надо отметить, что в последнее время очень плодотворной оказалась линия компаративных исследований двух островов – Крита и Кипра. Между ними не только существовала историческая и культурная взаимосвязь, но и многие исходные характеристики, присущие этим островам, делают их сопоставление корректным, а заметное в свете этого различие – показательным, эвристичным⁴¹.

Оба острова отличаются большими размерами – исследователи оправданно называют их *μεγαλονήσοι*. Крит и Кипр играют важную роль в системе международных морских путей, связывающих Эгейский мир с Восточным Средиземноморьем и Ближним Востоком в целом. Оба острова были очагами цивилизации эпохи Поздней Бронзы, а в переходный период сохраняли заметные черты континуитета. В обоих случаях на островах ко времени заселения их греками имеется существенный догреческий субстрат, культурное влияние которого было очень заметным. В I тыс. до н.э. оба острова не составляли в политическом отношении единого целого. На Крите в эпоху архаики и классики существовало несколько десятков, до полусотни полисов, на Кипре – заметно меньше, около десятка⁴².

Кипр на протяжении всей античности, начиная еще с периода Поздней Бронзы, был тесно связан со Средиземноморской торговлей; Крит в I тыс. до н.э. из лидера и центра Эгейского бассейна эпохи Поздней Бронзы превратился в очевидную периферию, заповедник архаичных форм социальной организации, характерной для дорийских обществ, религиозных традиций, уходящих корнями в минойское и микенское время⁴³. Кипр на фоне этого сильно выдвинулся вперед. На Кипре удалось сохранить систему письма, восходящую ко II тыс. до н.э., Криту это оказалось не под силу. На Крите господствующим сектором хозяйства был аграрный – выращивание сельхозпродукции (зерновые, оливки, виноград), на Кипре существенную долю занимала металлодобыча и металлообработка (сначала медь, затем – и довольно быстро – также и железо)⁴⁴.

Стоит учесть, что конкретно-исторические исследования на Кипре в целом подтверждают относительное единообразие политической структуры острова, начиная с эпохи Раннего железного века и до эллинистического времени, где политический партикуляризм сочетался с видимой однородностью, несмотря на многоязычие и этническое разнообразие населения острова⁴⁵. Видимо, именно эта черта

40 Отметим, что сохранившиеся фрагменты *expressis verbis* свидетельствуют, что как минимум два крупнейших политических сообщества острова, расположенных на его восточной и юго-западной оконечностях – соответственно, Саламин и Пафос – не были обойдены вниманием автора «Кипрской политии».

41 *Iacovou M., Peltenburg E.* Crete and Cyprus: Contrasting Political Configurations // *Parallel Lives: Ancient Island Societies in Crete and Cyprus: Papers Arising from the Conference in Nicosia Organised by the British School at Athens, the University of Crete and the University of Cyprus, in November-December 2006.* London, 2012. P. 345–363. Ниже в наших рассуждениях мы основываемся на результатах сопоставления, проделанных в этой интересной работе.

42 *Iacovou M.* From Ten to Naught. Formation, Consolidation and Abolition of Cyprus' Iron Age Polities // *CCEC.* 2002. Vol. 32. P. 73–87.

43 См., например, работы Ю. В. Андреева: *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002; *он же.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

44 *Sherratt S.* Commerce, Iron and Ideology: Metallurgical Innovation in 12th–11th Century Cyprus // *Cyprus in the 11th Century B.C.* Nicosia, 1994. P. 59–106.

45 *Iacovou M.* Advocating Cyprocentricism: An Indigenous Model for the Emergence of State Formation on Cyprus // *Up to the Gates of Ekron. Essays on the Archaeology and History of the Eastern Mediterranean in Honor of Seymour Gitin.* Jerusalem, 2007. P. 467–470; *eadem.* Cultural and Political Configurations in Iron Age Cyprus: The Sequel to a Protohistoric Episode // *AJA.* 2008. Vol. 112. No. 4. P. 639–640; *Cannavò A.* The Cypriot Kingdoms in the Archaic Age: A Multicultural Experience in the Eastern Mediterranean // *Bolletino di archeologia on-line.* I. 2010. Volume speciale. P. 42–43; *Papantoniou G.* Cypriot Sacred Landscapes from *Basileis* to *Strategos*: Methodological and Interpretative Approaches //

позволяла автору политике дать обобщенную характеристику государственного устройства кипрских потестарных единиц в виде одной политики, а не нескольких. Между ними для внешнего наблюдателя было больше общего, чем различного. Интересно, что «киприоты» как единое целое начинают выступать уже как в ранних образцах греческой повествовательной прозы (в «Истории» Геродота – см. описание в «этнографическом» перечислении полчищ Ксеркса – VII. 90), так и у Эсхила в трагедии «Просительницы» применительно к непохожим на эллинок Данаидам употребляется выражение «Кипрский отпечаток» (Κύπριος χαρακτήρ – Aesch. *Suppl.* 282). Произнесенное в афинском театре во время постановки, это выражение должно в значительной мере отражать общераспространенный стереотип.

Заметим, что и сохранившиеся данные из сочинений Клеарха из Сол, ученика Аристотеля, также скорее свидетельствуют об относительном единообразии: царские соглашения гергины, по его словам, происходят во всех городах Кипра от саламинских гергинов, привезенных Тевкром в качестве пленников из Трои (Athen. VI. 255f–256c)⁴⁶.

Добавим сюда также такое яркое проявление общей островной идентичности, как популярность среди кипрской знати сложных двусоставных личных имен с формантом – ΚΥΠΡΟΣ (например, встречающееся и поныне на Кипре ЛИ Филокипрос), а также наличие междинастических браков, что прослеживается по «перемещению» имен от представителей одной царской династии к другой, правящей в соседнем царстве, и т.д.⁴⁷

* * *

Коль скоро мы затронули вопрос о самом характере описанных в «Кипрской политике» Аристотеля государственных образований, стоит обозначить еще одну серьезную проблему: были ли кипрские царства полисами?

В англоязычной литературе применительно к царствам Кипра ряд ученых предпочитает избегать наименования их полисами, применяя для обозначения существовавших там государств понятие *city-kingdoms*, что избавляет от необходимости каждый раз оговаривать специфику политических организмов Кипра, однако не может быть признано оптимальным выходом из непростой ситуации⁴⁸. Действительно, власть кипрских царей не ограничивалась собственно городским центром, а включала в себя политический контроль над целой сетью поселений разного уровня, различающихся по месту в хозяйственной, социальной и религиозной жизни этих обществ; любое кипрское царство по размерам превышало площадь в 500 км², что в классическом мире полисов Эгеиды характеризовало бы самые крупные из полисов⁴⁹.

В современной национальной кипрской историографии исследователи часто предпочитают крайне осторожно оперировать понятием «полис» применительно к государственным образованиям доэллинистического Кипра, заменяя его более общим и, как кажется, нейтрально окрашенным английским термином *polity* (что, заметим, восходит к греческому *πολιτεία* и отсылает нас к терминологии, используемой самим Аристотелем). Так же, как и в случае с термином *city-kingdom*, термин *polity* в качестве *terminus technicus* позволяет исследователям замаскировать свое нежелание давать окончательный и категоричный ответ на вопрос о существовании полиса на Кипре.

Postgraduate Cypriot Archaeology. Proceedings of the Fifth Annual Meeting of Young Researchers on Cypriot Archaeology, Department of Classics, Trinity College, Dublin, 21–22 October 2005. Oxford, 2008. P. 40; Показательно, что и процессы культурной трансформации, связанные с распространением греческой культуры проходили в разных центрах Кипра, вне зависимости от происхождения правящей там династии и языковой принадлежности населения: *Papantoniou G.* Cypriot Autonomous Polities at the Crossroads of Empire: The Imprint of a Transformed Islandscape in the Classical and Hellenistic Periods // *BASOR.* 2013. 370. P. 170–178.

46 Ф.Г. Майер склонен видеть в этом институте влияние персидской системы контроля посредством «глаз и ушей царя» (*Maier F. G.* *Cyprus and Phoenicia.* P. 301–302.).

47 *Iacovou M.* From the Mycenaean QA-SI-RE-U to the Cypriote PA-SI-LE-WO-SE. P. 319.

48 Ср. аналогичные проблемы, связанные с употреблением в историографии термина *city-state*, например: *Кошеленко Г.А.* Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–4.

49 *Maier F. G.* *Cyprus* // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* / Hansen M. H., Nielsen T. H. (eds.) Oxford, 2004. P. 1224. Э. Снодграсс обратил внимание, что размеры кипрских царств скорее сопоставимы с размерами владений правителей микенского времени (*Snodgrass A.* *Cyprus and Early Greek History.* Nicosia, 1998. P. 15–16).

В рамках проекта Копенгагенского центра по изучению полиса⁵⁰ Ф.Г. Майер, исходя из формальных критериев, применявшихся ко всем объектам изучения, признал, что как минимум некоторые из городов Кипра (Амафунт, Идалион, Карпасия, Кериния, Курион, Лапифос, Марион, Пафос, Саламин и Солы) обладают отдельными присущими полисам «Копенгагенского инвентарного списка» чертами (этника, обозначающий населяющий город коллектив, наличие городских стен, святилищ, собственная монетная чеканка), но при этом делает оговорку, что в традиционном греческом смысле полис на Кипре в эпоху архаики и классики едва ли существовал, поскольку до конца IV в. до н.э. на острове почти нет свидетельств о гражданских коллективах и представительных институтах управления⁵¹.

Существует точка зрения, сближающая царства Кипра с аналогичными им политическими образованиями Финикии. В предельном своем виде эта историографическая тенденция, время от времени возобновляемая, вообще склонна выводить греческий полис из финикийской модели, а в случае с Кипром вести речь о так называемом «вторичном» характере государственности на острове, которая развилась там в эпоху раннего железного века в результате воздействия финикийских государств, выходяцы откуда начали колонизацию острова, где в период XI–IX вв. до н.э., как и в во многих других регионах Средиземноморья, имела место временная примитивизация форм общественного устройства и своего рода «вакуум власти»⁵². Эта историографическая линия с течением времени встречает как новых сторонников, так и последовательных критиков⁵³.

Любопытно, что наряду с Кипрской политией в списке политий Аристотеля фигурирует также и Карфагенская⁵⁴ – сам Стагирит как будто подчеркивает однотипность этих государственных образований.

Как минимум часть кипрских царств управлялась негреческими династиями (этеокипрский Амафунт, финикийский Китион, возможно, – Лапифос; некоторое время финикийские правители были в Саламине и, возможно, Марионе). Насколько корректно говорить в этих обстоятельствах о том, что царства Кипра были греческими полисами? Исходя из формального критерия, Ф.Г. Майер не включает Китион в список греческих полисов Кипра как финикийский город⁵⁵. С другой стороны финикийцы, а также этеокиприоты составляли заметный процент населения и в других кипрских центрах, прежде всего – в Амафунте, но Амафунт в «Инвентарь» включен, а Китион нет. Известно, что в V в. до н.э. в Идалионе и Саламине были правители-финикийцы: перестали ли эти города после этого быть полисами? Едва ли.

Еще одна точка зрения – не скроем, импонирующая нам больше других, – отталкивается от представления, что греческие царства на Кипре представляли собой альтернативную ветвь развития древнегреческой государственности, восходящей еще к ахейским временам и традициям государственности эпохи Поздней Бронзы⁵⁶. Они развивались с учетом того местного своеобразия, которое исключало необходимость создания замкнутых гражданских коллективов, демократизирующее воздействие

50 Подробнее о проекте см.: Суриков И.Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX– XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // SH. 2004. Т. 4. С. 164–176.

51 *Maier F. G. Cyprus*. P. 1224.

52 *Rupp D. W. Vive le Roi: The Emergence of the State in Iron Age Cyprus // Western Cyprus Connections / Rupp D. W. (ed.) Göteborg, 1987. P. 147–161; idem. 'The Seven Kings of the Land of Ia', a District of Ia-ad-na-na: Achaean Bluebloods, Cypriot Parvenus or Both? // Stephanos: Studies in Honor of Brunilde Sismondo Ridgway / Hartswick K. J., Sturgeon M. C. (eds.) University Museum Monograph 100. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1998. P. 210–222; Petit Th. The First Palace of Amathus and the Cypriot Poleogenesis // The Royal Palace Institution in the First Millennium BC: Monographs of the Danish Institute at Athens / Nielsen I. (ed.) 2001. Vol. 4. P. 53–75; idem. L'origine des cités-royaumes cypriotes et des royaumes d'Israël et de Juda: Simultanéité et similitude // Théologiques. 2013. Vol. 21/1. P. 23–49.*

53 См. возражения: *Demand N. Poleis on Cyprus and Oriental Despotism // More Studies in the Ancient Greek Polis / Hansen M. H., Raaflaub K. A. (eds.) Stuttgart, 1996. P. 7-15; eadem. Iron Age Cyprus. Recent Finds and Interpretative Strategies // Commerce and Monetary Systems in the Ancient World. Means of Transmission and Cultural Interaction / Rollinger R., Ulf Chr., Schnegg K. (eds.) Stuttgart, 2004. P. 257-269; Cannavò A. The Cypriot Kingdoms. P. 38-40, Iacovou M. Advocating Cyprocentricism P. 464; eadem. Cultural and Political Configurations in Iron Age Cyprus. P. 625-627, 642, 648.*

54 *Доватур А.И. «Политика» и «Политии»*. С. 137.

55 *Maier F. G. Cyprus*. P. 1225.

56 *Snodgrass A. Cyprus and Early Greek History*. P. 18–19; *Cannavò A. The Cypriot Kingdoms*. P. 39–40; *Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (проблемы источниковедения минойстики и микенологии)*. М., 2000. С. 179–183.

фаланги, но зато требовало включенности политических сообществ острова в систему международной торговли⁵⁷.

Ряд кипрских исследователей в последнее время стремятся подчеркивать, что своеобразие государственности на Кипре в доэллинистическую эпоху можно адекватно понять не путем поиска какого-то внешнего источника или модели, а лишь учитывая внутрикипрскую специфику и местные традиции государственной власти, восходящей еще к Бронзовому веку (сами исследователи называют эту линию «кипроцентрическим подходом»⁵⁸), смещая акценты с микенских мигрантов на внутренние структуры и традиции государственной власти, которые на Кипре смогли пережить кризисные времена и события, отмечавшие переход от Поздней Бронзы к Раннему Железному веку во всем Восточном Средиземноморье и Эгейском бассейне. Эти исследователи, тем не менее, так же объективно признают особый в типологическом плане путь исторического развития кипрского общества по сравнению с остальным греческим миром.

Особенность эта заключалась в нескольких важных чертах. Во-первых, это бóльшая по сравнению с другими областями Средиземноморья преэминентность разных фундаментальных социокультурных структур. Как бы ни были правы сторонники теории Д. Раппа, отмечая скудость археологических свидетельств о государственности переходного периода на Кипре, но сам факт сохранения там силлабической письменности и приспособление ее для нужд греческого языка, слишком значителен, чтобы его игнорировать⁵⁹. Это важнейшая, но не единственная традиция II тыс. до н.э., долго и успешно бытовавшая на острове и в следующем тысячелетии. Сюда же можно отнести традиции металлодобычи и металлообработки, основные культы, формы организации сакрального пространства, иерархичность поселенческих структур⁶⁰ и многое другое.

Во-вторых, это обстоятельства, в которых происходило массовое заселение острова выходцами из Эгейского бассейна. Потомки микенских греков оказались на Кипре, когда, образно говоря, «старый мир уже рухнул, а новый еще не родился»: *после* коллапса дворцовых государств эпохи поздней бронзы, но до рождения греческого полиса, до «архаической революции», предопределившей социально-политический облик привычного для нас греческого мира архаической и классической эпохи⁶¹.

В-третьих, Кипр, находясь на пересечении торговых путей и будучи активно включен в систему экономических связей, одновременно оказывался в орбите воздействия великих держав древности, чьи традиции государственности, в том или ином виде, восходили к Бронзовому веку. Для рубежа II–I тыс. до н.э. это, в первую очередь, Египет, затем, в определенной степени, – Ассирия. Поэтому неудивительно, что наряду с местными традициями и опытом, привнесенным мигрантами из Эгейского бассейна, кипрские царства эпохи Раннего Железного века активно заимствовали формы проявления статуса царя, поведенческие модели, символику, иконографические схемы, и, вероятно, до некоторой степени и идеологемы, а также и прочие различные элементы культуры, связанные с царской властью. Эти заимствования носили выборочный и творческий характер, причудливо сочетаясь друг с другом, так что ряд исследователей использует для их обозначений не вполне, может быть, удачный термин «гибридизация»⁶². Показательно, что в общении с владыками иноземных держав кипрские правители

57 *Iacovou M., Peltenburg E.* Crete and Cyprus. P. 354–358.

58 Назовем для примера лишь некоторые имена и только отдельные работы: *Iacovou M.* Advocating Cyprocentricism. P. 461–475; *eadem.* Cyprus from Migration to Hellenisation // *Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* / Tsetskhladze G. R. (eds.) Vol. 2. Leiden; Boston, 2008. P. 219–288; *Papantoniou G.* The “Cypriot Goddess” at the Transition from the Bronze to the Iron Age: A “Cypro-Centric” Approach // J. R. B. Stewart. *An Archaeological Legacy* / Knapp A. B., Webb J., McCarthy A. (eds.) Uppsala, 2013. P. 161–173; *Satraki A.* The Archaeology of the Cypriot *Basileis*: Manifestations of Royal Authority in Iron Age Cyprus // *Postgraduate Cypriot Archaeology Conference* / Christodoulou S., Satraki A. (eds.) Newcastle upon Tyne, 2010. P. 197–218; *eadem.* Cypriot Polities in the Early Iron Age // *Cyprus and the Aegean in the Early Iron Age. The Legacy of Nicolas Coldstream* / Iacovou M. (ed.) Nicosia, 2012. P. 261–283.

59 *Iacovou M. P.* From the Mycenaean QA-SI-RE-U to the Cypriote PA-SI-LE-WO-SE. P. 324–327; *eadem.* Advocating Cyprocentricism. P. 468–469; *eadem.* The Cypriot Syllabary as a Royal Signature. P. 133–152.

60 *Knapp A. B.* Prehistoric and Protohistoric Cyprus. Identity, Insularity, and Connectivity. Oxford, 2008. P. 137–144; *Iacovou M.* Cultural and Political Configurations. P. 640.

61 *Iacovou M.* Cyprus from Migration to Hellenisation // *Greek Colonization*. Vol. 2. P. 219–288.

62 *Voskos I., Knapp A. B.* Cyprus at the End of the Late Bronze Age: Crisis and Colonization or Continuity and Hybridization? // *AJA*. (Oct., 2008). Vol. 112. No. 4. P. 659–684, cf.: *Sherratt S.* Cyprus and the Near East: Cultural Contacts (1200–750 B.C.) // *The Mediterranean Mirror. Cultural Contacts in the Mediterranean Sea between 1200 and 750 B.C.* Mainz, 2015. P. 75.

стремились казаться если не равными по статусу, то хотя бы подобными им – и, что особо важно, им это удавалось. Ассирийские источники конца VIII– VII вв. до н.э. именуют правителей Кипра термином *sharru* (который используется и для обозначения правителей самой Ассирии)⁶³, в VI в. до н.э. кипрские правители изображаются в двойных коронах Верхнего и Нижнего Египта, со многими другими причитающимися атрибутами власти фараонов Нового царства (урей, крылатый солнечный диск, знак *ankh* на монетах и т.п.)⁶⁴. В IV в. до н.э. Эвагор, вынужденный после длительной войны с персидским царем царей признать свое поражение и идти на попятный, настойчиво требует, чтобы договор между ними был заключен как соглашение царя с царем, а не царя с его рабом (Diod. XV. 8. 2–9. 3)⁶⁵. С появлением на политической арене державы Александра правитель Саламина Никокреонт актуализирует в своей монументальной пропаганде тему родства с македонским царским домом через генеалогию предков из мифического прошлого – родство двух ветвей Эакидов⁶⁶.

В сочетании этих трех особенностей (относительный континуитет, рано прошедшее освоение острова греческими поселенцами и открытость внешним влияниям в плане заимствования внешних проявлений царского статуса⁶⁷) стоит искать, на наш взгляд, объяснение тому, что на Кипре сохранился в уникальном виде институт царской власти. Но царская власть вовсе не исключает существования полиса⁶⁸, для чего на Кипре имеются хоть и относительно немногочисленные, но все же достаточно убедительные свидетельства: упоминание полиса наравне с царем в знаменитой надписи V в. до н.э. из Идалиона (ISC 217), счет лет по эпонимам (вместо лет правления царя), зафиксированный этой же надписью в Идалионе, появление еще в доэллинистический период театра в Новом Пафосе⁶⁹, а также (кажется, на это еще не обращали специального внимания исследователи острова) – наличие развитого мореплавания и флота, предполагающее определенный уровень и тип социального взаимодействия, которое является одновременно и генератором, и продуктом развития гражданского коллектива⁷⁰.

Другое дело, что развитие полиса на Кипре в доэллинистическую эпоху протекало в специфических условиях и в замедленном темпе, так что свидетельства о самом наличии этих структур для этого времени приходится собирать буквально по крупицам. Очевидно, что наличие царской власти в виде наследственной монархии было серьезным фактором, приводившим к такому положению дел⁷¹. В случае Кипра мы сталкиваемся с особым видом полиса: полисом, надолго застывшим на стадии наследственной монархии, без законов, ограничивающих роскошь, без законодательных реформ и заметного «демократизирующего развития фаланги» (вплоть до начала V в. до н.э. кипрская знать сражалась на

63 *Iacovou M. P.* From the Mycenaean QA-SI-RE-U to the Cypriote PA-SI-LE-WO-SE. P. 317.

64 *Satraki A.* The Archaeology of the Cypriot *Basileis*. P. 209–211; *eadem.* Manifestations of Royalty in Cypriot Sculpture. P. 27–31; *Tatton-Brown V.* Phoenicians in Koukia? // Cypriote Stone Sculpture / Vandenabeele F., Laffineur R. (eds.) Brussels; Liège, 1994. P. 71–77; *Hermay A.* Sculptures d'Amathonte: les découvertes de la mission Française, 1975–1992 // Cypriote Stone Sculpture. P. 117–126.

65 *Maier F. G.* Cyprus and Phoenicia. P. 316.

66 См. подробный разбор: *Chrystodoulou P.* Nicocréon, le dernier roi de Salamine de Chypre. Discours idéologique et pouvoir politique // CCEC. 2009. Vol. 39. P. 235–258.

67 Стоит обратить внимание на то, что две из отмеченных нами черт – раннее заселение греками и подверженность инкультурным влияниям – были характерны также для другой, очень динамично развивавшейся в период архаики части греческого мира – Ионии, где в существовании полисов сомневаться не приходится. Однако, несмотря на схожесть этих посылок, итог исторического развития и сам его ход в этих двух регионах заметно разнятся, что могло бы послужить темой для отдельного исследования.

68 *Demand N.* Poleis on Cyprus. P. 7–15; *eadem.* Iron Age Cyprus. Recent Finds and Interpretative Strategies. P. 261–265; *Vlassopoulos K.* Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism. Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo, 2007. P. 153.

69 *Papantoniou G.* Cypriot Autonomous Polities. P. 173.

70 См. общие наблюдения на эту тему: *Петров М. К.* Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.

71 Такая ситуация, когда при наличии полисной организации и царской власти наличие полисов никак или почти никак не проявляет себя в источниках, показывает более близкий и знакомый для отечественного антиковедения пример Боспорского царства: нет сомнения, что вошедшие в его состав греческие колонии на берегах пролива, были полисами (*Кузнецов В. Д.* Полис на Боспоре [эпоха архаики] // ДБ. 2001. Т. 4. С. 237–253), но вместе с тем, в домитридатовскую эпоху о наличии в распоряжении исследователя многочисленных следов гражданской жизни, за редкими исключениями, речи не идет, см. подробную проработку темы полиса на Боспоре в недавно вышедшей монографии: *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Керчь, 2013.

колесницах), без попыток существенно ограничить объем полномочий царской власти в пользу аристократии.

Интересно отметить также парадоксальный контраст: параллельно с тем, как ведущие центры Эгейской Греции переживали в ходе архаической эпохи серьезные преобразования, в ходе которых шло формирование полиса с четко проявляемой тенденцией на ограничение и избегание крайностей, на Кипре в то же самое время шла усиленная демонстрация величия царской власти, воплощавшаяся в роскошных погребениях правителей Саламина, развитии монументальной вотивной скульптуры, предназначенной для помещения в расположенные на хоре святилища, и демонстративного потребления при царском дворе (Anaxim. FGrHist. 72. F 18; Theopomp. FGrHist. 115. F 114).

Царская власть и ее следы в буквальном смысле слова затеяют собой практически все возможные проявления гражданской жизни: мы видим царские имена на монетах, в посвященных и строительных надписях, изображения царей и их родственников в монументальной скульптуре, цари занимают высшие жреческие должности и т.д. Показательно, что за два с лишним века изучения древней истории острова основное внимание исследователей сосредоточено (помимо археологического исследования отдельных конкретных памятников и религиозных феноменов) именно на изучении царской власти, но нет специальных исследований, посвященных другим элементам государственного устройства. Как тут не вспомнить три отрывка из «Кипрской политики», в которых основное внимание тоже сосредоточено на царях!⁷²

* * *

После того как с обретением «Афинской политики» у антиковедов появилась возможность сопоставлять ее материал с содержанием «Политики» и детально взглянуть на «творческую кухню» Аристотеля, нам стал много понятнее и смысл работы над политиями, и общий характер, и методика работы Аристотеля-исследователя.

Попробуем совершить обратную операцию, имея текст «Политики», фрагменты «Кипрской политики» и знание об индуктивном методе Аристотеля, его стремлении обобщить все имеющиеся отдельные свидетельства о частных случаях для выведения общей закономерности. Чтобы индукция была полной, необходимо, следуя Аристотелевой же логике, учесть все конкретные случаи, а стало быть, и уникальный характер кипрского государственного устройства, который в преобразованном и отраженном виде может быть учтен в философских выкладках «Политики».

Зададимся вопросом о том, в чем именно кипрский опыт был для него интересен. В свете сказанного в предыдущем разделе, много гадать не приходится: Кипр во времена Аристотеля заметно выделялся среди других полисов именно наличием там царской власти.

Таким образом, кажется небезынтересным обратить внимание на те виды царской власти, которые выделяет Аристотель в соответствующей части «Политики». Сначала идет речь о четырех видах царской власти, затем он присоединяет к ним пятый.

Вот что он пишет о четвертом виде (*Polit.* III. 12–14, 1285 b, курсив далее наш – П. Е.):

«Четвертым видом царского единовластия являются (5) те монархии, которые существовали в героическое время и основывались на добровольном согласии граждан, равно как и на праве законного наследования. Поскольку родоначальники этих героических царей оказывались благодетелями народной массы – либо как изобретатели тех или иных ремесел, либо как предводители на войне (εὐεργέτας κατὰ τέχνας ἢ πόλεμον), либо как основатели государственного объединения, либо как расширившие территорию, – то они и становились царями по добровольному согласию граждан, а их потомки получали царскую власть путем наследования. Власть их выражалась (10) в предводительстве на войне (τῆς ... κατὰ πόλεμον ἡγεμονίας), в совершении жертвоприношений (τῶν θυσίων) – поскольку последнее не составляло особой функции жрецов – и, сверх того, в разбирательстве судебных дел, причем в этом последнем случае одни цари творили суд, не принося клятвы, другие – принося ее (клятва состояла в том, что цари поднимали вверх свой скипетр (ὁ δ' ὄρκος ἦν τοῦ σκῆπτρου ἐπάνασις)).

8. В древние времена цари управляли непосредственно всеми делами, касающимися государства, руководили его внутренней и внешней политикой; впоследствии (15) же, после того как от некоторых функций своей власти они отказались сами, а другие были отняты у них народом, в одних государствах за царями сохранилось только право

72 Заметим, однако, что последние полтора десятилетия отмечены повышением интереса к разным аспектам изучения полиса на Кипре. Наглядным свидетельством тому служат как регулярно появляющиеся научные публикации, так или иначе затрагивающие эту проблематику, так и проведенная пару лет назад в Университете Кипра специальная конференция «Цари и полисы Кипра», материалы которой, к сожалению, до сих пор остаются неизданными. Надеемся, что дальше изучение полиса на Кипре поможет не только закрыть это «белое пятно», но и добавит что-то существенное к нашему пониманию феномена греческого полиса в целом.

жертвоприношений, в других – где все-таки может идти речь о царской власти – цари удержали за собой лишь право быть главнокомандующими за пределами страны.

(20). X. 1. Итак, вот четыре вида царской власти: во-первых, царская власть героических времен, основанная на добровольном подчинении ей граждан, но обладавшая ограниченными полномочиями, а именно: царь был военным предводителем, судьей и ведал религиозным культом; во-вторых, царская власть у варваров, (25) наследственная и деспотическая по закону; в-третьих, так называемая эсимнетия – выборная тиранния и, в-четвертых, царская власть в Лакедемоне, представляющая собой в сущности наследственную и пожизненную стратегию (пер. С.А. Жебелева).

Из четырех рассмотренных Аристотелем случаев два заведомо не имеют отношения к Кипру – это власть спартанских царей и эсимнетия. Но зато «царская власть героических времен» (ἡ πρὸ τοῦς ἡρώωνος χρόνους βασιλεία) вполне соответствует тому, что известно про кипрских правителей.

Жреческие функции царей Кипра засвидетельствованы как минимум для Пафоса – надписи последних царей IV в. до н.э. неоднократно называют их одновременно басилеями и жрецами Владычицы (ISC 6, 1. 1; 16, 1. 3; 17, 1. 3; 90, 1. 2; 91, 1. 2); местная мифологическая традиция делает основателей династии одновременно и основателями главных культов (Кинир и Агапенор в Пафосе, Тевкр в Саламине). С царской властью и целенаправленной деятельностью царей связаны также и другие святылища, целая сеть которых, как показывают новейшие исследования сакральных ландшафтов Кипра, маркировала границы подвластной тому или другому государству территории⁷³.

Военно-героическая функция царей прослеживается как в погребальной обрядности (оружие и колесницы в составе инвентаря⁷⁴), так и прямых указаниях на участие в битвах. Царь Саламина Онесил лично участвовал в битве с персидским войском во время Ионийского восстания и вступил в единоборство с военачальником Артибием (Hdt. V. 110–113), цари были предводителями войска и флота во время похода Ксеркса (Hdt. VII. 90), цари же командовали кипрским флотом во время осады Тира (Agt. *Anab.* II. 13. 7; 20. 3, 6; 22. 2). Едва ли подлежит сомнению и судебная власть кипрских царей.

Однако, разумеется, этого недостаточно, чтобы утверждать, что под властью царей героического времени Аристотель подразумевает именно кипрских царей. Более того, чуть выше по тексту (*Polit.* III. 14. 1285a), философ приводит пример из II песни «Илиады», говоря о власти Агамемнона; таким образом, отпадают всякие сомнения относительно того, что под героической эпохой он имеет в виду время действия героев Троянской войны, а для рассуждения о царях этой эпохи в первую очередь обращается к Гомеру. Упоминание о клятве с использованием скипетра также вызывает прямые ассоциации со все той же II песней «Илиады», где слово «скипетр» и производные от него встречаются 14 раз (см. особ.: Hom. II. II. 100–110; Od. VIII. 41, 46), а сам предмет выступает важным структурообразующим элементом композиции всего эпизода с испытанием войска, Терситом, Агамемноном и Одиссеем⁷⁵.

Однако именно с Кипра происходят довольно многочисленные скипетры и булавы, бывшие, очевидно, знаками власти – как царей, так и, видимо, каких-то ответственных должностных лиц рангом пониже⁷⁶. Эти объекты обнаружены в разных центрах власти⁷⁷ и датируются достаточно широко (от позднекипрского III [ок. 1250 – ок. 1050 гг.] до VI в. до н.э.)⁷⁸.

73 *Papantoniou G.* Cypriot Sacred Landscapes from *Basileis* to *Strategos*. P. 38–43; *idem.* Cypriot Autonomous Polities. P. 174–178, *idem.* The “Cypriot Goddess”. P. 165–169; *idem.* Cypriot Sanctuaries and Religion in the Early Iron Age: Views from before and after // *Cyprus and the Aegean in the Early Iron Age*. Nicosia, 2012. P. 304–307; *idem.* Cyprus from Basileus to Strategos: a Sacred-Landscapes Approach // *AJA*. 2013. Vol. 117. No. 1. P. 33–57.

74 В сцене на царском саркофаге из Амафунта (ныне в Музее Метрополитен в Нью-Йорке) погребенный представлен едущим на колеснице, см. анализ изображения: *Petit T.* Images de la royauté amathousienne: le sarcophage d’Amathonte // *Iconographie impériale, iconographie royale, iconographie des élites dans l’antiquité*. Centre de recherche en histoire de l’université Jean-Monnet / Perrin Y. (ed.) Saint-Etienne, 2004. P. 54–58, *idem.* MALIKA. P. 80–86.

75 *Линкольн Б.* Эпизод с Терситом в «Илиаде» (Неавторитетное выступление) // *ВДИ*. 1994. №2. С. 17–32.

76 *Kourou N.* Scepters and Maces in Cyprus before, during and Immediately after the 11th Century // *Cyprus in the 11th Century B.C.* / *Karageorghis V.* (ed.) Nicosia, 1994. P. 212–214.

77 Зафиксированы в Курионе-Калоридзики (великолепный образец, увенчанный двумя фигурками соколов и украшенный эмалью в стиле *ruchi*, происходит из богатого погребения лица с очень высоким общественным статусом), в Амафунте, Тамассосе, в р-не Фамагусты (Энкоми или Саламин?), Хала-Султан Текке (два навершия в виде цветка лотоса, египетского происхождения, одно с картушем фараона Хоремхеба), Китион (стержень из слоновой кости с навершием в виде плода граната), Энкоми, Айя-Ирини.

78 *Åström P.* A Faience Scepter with the Cartouche of Horemheb // *Studies Presented in Memory of Porphyrios Dikaios* / *Karageorghis V.* (ed.) Nicosia, 1979. P. 46–48; *Snodgrass A.* Cyprus and Early Greek History. P. 16–17; *Kourou N.* Scepters and Maces. P. 204–212.

Экземпляры, датированные позднекипрским III и кипрогеометрическим периодами, детально изучены Н. Куру, которая отмечает, что в эту эпоху в Балканской Греции объекты такого рода либо крайне немногочисленны (известны только два скипетра из Фив), либо – что касается булав – почти вовсе отсутствуют, а единственный наличествующий экземпляр происходит из Лефканди, где с Кипром в указанное время поддерживались тесные связи⁷⁹.

Отметим также наличие очень интересного произведения кипрской мелкой пластики – терракотовой скульптурной группы, изображающей сцену наказания палкой. Относительно этой сцены И.Е. Суриков недавно высказал остроумную догадку, что эта композиция может изображать эпизод с Терситом⁸⁰.

Таким образом, на Кипре традиция использования скипетра как знака власти прослеживается очень длительное время, причем отдельные объекты, применявшиеся для этого, были предметами крайне высокого художественного уровня, происходившими из Египта, или произведенными под влиянием египетских образцов. Некоторые из этих вещей, прежде чем попасть в археологические контексты, в которых они были обнаружены, явно использовались в течение длительного времени и, может быть, передавались по наследству, как это было со скипетром Агамемнона (Ном. II. П. 101–109).

Гомеровские аллюзии в материальной культуре, связанной с царями Кипра, не ограничиваются скипетрами. Не менее значительной чертой являются богатые царские погребения в некрополях Саламина VIII– VII вв. до н.э., при раскопках которых, по образным воспоминаниям В. Карагеоргиса, XXIII песнь «Илиады» играла для исследователей роль Библии⁸¹. Традиция пышных царских погребений и торжественных заупокойных обрядов, связанных с царями, продолжалась на острове вплоть до времени ликвидации царской власти Птолемеями, чему свидетельством может служить монументальный кенотаф с некрополя Саламина – Гробница № 77, предположительно отождествляемая с символическим погребением всей семьи последнего царя Саламина из династии Тевкридов – Никокреонта⁸².

Разумеется, Аристотель не проводил, да и не мог проводить никаких раскопок на Кипре, не видел ни царских курганов, ни их содержимого. Но ему в сведениях о Кипре была, тем не менее, доступна историческая реальность – живая традиция, восходящая к переходному периоду, который он называет «героическим веком». В сохранившемся отрывке из «Кипрской политики» гомеровское ἄναξ недвусмысленно должно было также отсылать прекрасно знавшего «Илиаду» философа к соответствующему контексту.

Но в вышеприведенном отрывке из «Политики» есть еще одно интересное место, которое, на наш взгляд, в не меньшей степени связано с Кипром, причем тут как раз простым совпадением кипрских реалий с гомеровскими едва ли можно все объяснить.

Речь идет об указании на покровительство ремеслам, которое, по Аристотелю, оказывали первые цари героических времен (перевод С.А. Жебелева в этом отношении допускает отступление от дословного: «они стали первыми покровителями/благодетелями для большинства народа в отношении ремесел»). Эта черта, как кажется, мало сочетается с образом гомеровского Агамемнона, который у Аристотеля упомянут *ex pressis verbis*, но зато вполне подходит к ситуации, реконструируемой на основании целого ряда источников для Кипра как в переходную эпоху, так и в последующее время. Начиная с эпохи Поздней Бронзы и далее – вплоть до времени ликвидации царской власти при диадах, на острове фиксируется связь металлодобычи, металлургии и металлообработки, а также других ремесел (в частности, обработки слоновой кости⁸³) с царской властью и культом основных божеств – покровителей острова⁸⁴.

79 *Kourou N.* Scepters and Maces. P. 215.

80 *Суриков И.Е.* Ценный свод иконографического материала. С. 216, 221.

81 *Karageorghis V.* Excavating at Salamis in Cyprus. 1952–1974. Athens, 1999; *idem.* Homeric Cyprus. P. 667.

82 *Karageorghis V.* Excavating at Salamis in Cyprus. P. 157–162.

83 *Iacovou M.* From Regional Gateway to Cypriot Kingdom. Copper Deposits and Copper Routes in the Chora of Pafos // *Eastern Mediterranean Metallurgy and Metalwork in the Second Millennium B.C.* / Kassianidou V., Papasavvas G. (eds.) Nicosia, 2012. P. 65

84 *Loucas-Durie E.* Kinyras et la sacralisation de la fonction technique à Chypre // *Métis. Anthropologie des mondes grecs anciens.* 1989. Vol. 4. No°1. P. 117–127; *Kieburg A.* Aphrodite, Hephaistos and Ares: Some Thoughts on the Origins of the Mythical Connection of the Three Gods in the Metallurgy of Late Bronze Age Cyprus // *Island Dialogues: Cyprus in the Mediterranean Network. Proceedings of the Postgraduate Cypriot Archaeology Conference* / McCarthy A. (ed.) Edinburgh, 2006. P. 210–230; *Iacovou M.* From Regional Gateway to Cypriot Kingdom. P. 66–67; *Satraki A.* The Archaeology of the Cypriot *Basileis*. P. 201.

Заметим, что и упомянутый в «Илиаде» правитель Кипра Кинир, вполне подходит под это определение покровителя ремесел, поскольку дарит Агамемнону роскошный бронзовый панцирь (Ном. II. XI. 19–28)⁸⁵.

Интересная гипотеза о происхождении титула «басилей» на Кипре из наименования чиновника нижнего звена микенской администрации qa-si-re-u-se, связанного с получением и обработкой меди, была выдвинута рядом исследователей⁸⁶. После падения микенских дворцов и связанной с нею системы доставки и распределения сырой меди в Балканской Греции, эти ответственные лица, знавшие источник происхождения этого металла, могли возглавить переселение ахейских мигрантов на Кипр, где достаточно либо быстро и относительно безболезненно инкорпорировались в уже существовавшую местную систему власти в древнейших очагах государственности в восточной (Энкоми-Саламин), юго-восточной (Хала-Султан Текке, Китион), юго-западной (Пафос) частях острова, либо создали новые очаги по соседству с переживавшими кризис старыми поселениями Поздней Бронзы.

Видимо, и во времена Аристотеля связь кипрской государственности с системой контроля над источниками добычи меди, ее переработкой и сбытом через портовые города была очевидной для внимательного наблюдателя и аналитика, что в обобщенном виде и отразил вышеуказанный пассаж «Политики». При этом отметим, что сам философ понимал переходный характер подобной власти и видел, в конечном счете, перспективу превращения этих царей героического прошлого в полновластных монархов, чью власть он уподобляет власти домохозяина в доме – на его памяти такие проявления были как на Кипре (Эвагор I), так и за его пределами, а наступающая эпоха эллинизма, так или иначе, открывала для реализации этой тенденции в глобальном масштабе все новые и новые перспективы. Однако кипрским царям, чей пример вдохновлял политических теоретиков эпохи Поздней классики, уже не нашлось места в этой политической реальности⁸⁷.

85 Ср. надпись последнего царя Саламина Никокреонта, который также дарит в Аргивский Герейон медь для изготовления щитов в качестве призов на празднике в честь Геры (IG. IV. 583).

86 *Kourou N.* Scepters and Maces. P. 214–215; *Iacovou M.* From the Mycenaean QA-SI-RE-U to the Cypriote PA-SI-LE-WO-SE P. 327–328.

87 *Mehl A.* Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but Why They Were Abolished under Macedonian Rule? // *Επετηρίδα*. 30 (2004). P. 9–21.

ПОСЛЕ КЛАССИКИ: ПОЛИС И МОНАРХИЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

О.Л. Габелко

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА¹

Игорь Евгеньевич Суриков, безусловно, принадлежит к числу ученых того довольно редкого типа, с которыми исключительно приятно как соглашаться, так и спорить. Первое – потому что часто оказывается очень сложным (да, честно говоря, обычно и не хочется!) избежать сильных положительных эмоций при знакомстве с его оригинальными мыслями, отточенной аргументацией, содержательными и смелыми (нередко – парадоксальными) выводами. Второе – ибо если порой и доводится не принимать (частично или даже полностью) предлагаемые И.Е. идеи и подходы, они в любом случае неизменно оказываются интересными, продуктивными, стимулирующими дискуссию и дальнейший поиск. Спасибо нашему юбиляру за это!

Все вышесказанное в полной мере относится к «вторжениям» И.Е. в сферу истории эллинизма – они пусть и относительно немногочисленны, но, несомненно, заслуживают самого пристального внимания². Их пристрастному анализу и будет посвящена данная работа.

Следует сразу же отметить, что наше с юбиляром восприятие эллинистической истории существенным образом разнится. Сам Игорь в одном из наших разговоров обрисовал это различие очень четко и образно: «Я люблю классику, а ты – импрессионизм; поэтому тебе эллинизм нравится, а мне – нет». Исходя из этого, не должно вызывать удивления мое желание поспорить с моим коллегой и другом относительно некоторых аспектов понимания им предпосылок, сущности, хронологических рамок и географических границ эллинизма, тем более что, согласно английской поговорке, “this is my cup of tea”³; надеюсь, это обсуждение окажется конструктивным и будет в какой-то степени способствовать дальнейшему прогрессу в изучении данного феномена.

1 Работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ «Полис и надполисные структуры: формы и эволюция взаимоотношений в греко-римском мире».

2 Не без удовлетворения могу отметить, что я оказался причастен к опубликованию трех работ И. Е. по эллинистической тематике: Суриков И.Е. Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // ААе. Вып. 1. Эллинистический мир: единство разнообразия / Отв. ред. О.Л. Габелко. 2005. С. 122–130; *он же*. Филохор, афинский историк эпохи раннего эллинизма // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.) / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2009. С. 65–73; *он же*. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Под ред. А.В. Подосинова, О.Л. Габелко. М., 2014. С. 76–122 (представляющая интерес для данной работы часть статьи: «О протоэллинизме [предэллинизме] на Боспоре – с. 96–117; впрочем, ее содержание много шире названия). Содержание последней работы по большей части вошло в книгу И.Е., которую я буду анализировать в данной работе.

3 К рассмотрению теоретических аспектов эллинизма я специально обращался в двух статьях: Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание. С. 173–183; *он же*. Еще раз о проблеме «постэллинизма» // Историк в историческом и историографическом времени. Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2013. С. 121–126.

Поводом для написания данной статьи стал выход в свет новой (долгожданной!) работы И.Е. Сурикова – четвертой, завершающей монографии из серии «Античная Греция: политики в контексте эпохи»⁴. В отличие от двух первых из указанных выше статей И.Е., в которых анализируются частные проблемы истории эллинизма, в этом исследовании он обращается к кардинальным вопросам относительно его сущности и исторического значения – тем интереснее и важнее его взгляды и выводы. Разумеется, для этого придется неоднократно прибегать к обширному цитированию; для удобства ссылки на страницы АГ-4 будут приводиться непосредственно в тексте.

* * *

Итак, каковы же основные положения в трактовке эллинизма И.Е. Суриковым? Пойдем по порядку. Начать следует с того, что исследователь, исходя из собственных профессиональных интересов, а также, видимо, личных вкусов и пристрастий⁵, понимает эллинизм как явление, связанное исключительно с *греческой полисной цивилизацией*, и потому понимание им данного исторического феномена в известной мере предопределено: история эллинизма в его интерпретации – это, во-первых, прежде всего история греческого мира⁶, хотя и качественно изменившегося; во-вторых, изменения эти носили исключительно негативный характер. Мне кажется более продуктивным иной подход, задекларированный, к примеру, в названии одной из частей статьи нашего с И.Е. друга и коллеги профессора Андреаса Меля: «Эллинизм: эпоха – не только – греческой истории»⁷. Едва ли возможно отрицать, что возникновение эллинизма как исторического явления (воспользуемся пока этим обтекаемым понятием) неразрывно связано с Македонией⁸; недавно даже было высказано мнение (с учетом неоднократно подчеркивавшейся неполной адекватности введенного И.Г. Дройзеном⁹

4 Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. Далее – АГ-4.

5 Следует отметить еще одну черту научного творчества нашего юбиляра: оно всегда очень лично. Так, в начале АГ-4 автор специально оговаривает, что от написания биографии Лисандра его удержала глубокая антипатия к этому персонажу (С. 13. Прим. 14). Думается, такая установка (хотя она и может показаться несколько наивной) вполне оправдана, особенно будучи реализуема в исследовании научно-популярного жанра и в особенности относительно жизнеописаний исторических личностей; однако, на мой взгляд, при оценке масштабных исторических явлений следует избегать заведомой субъективности; И.Е. же неоднократно подчеркивает (АГ -4. С. 34; 39) «полемическую заостренность» своих оценок различных аспектов эллинизма.

6 Это, впрочем, давняя историографическая традиция; см., например книгу Р. Пельмана (*Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения*. СПб., 1910), в которой история эллинистических государств Востока вообще игнорируется без каких-либо оговорок. Довольно красноречивы названия следующих исследований (различной глубины и ценности): *Jouquet P. L'impérialisme macedonien et l'hellénisation de l'Orient*. P., 1937; *Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 B. C. L.*, 1932; *Ferguson J. The Heritage of Hellenism. The Greek World from 323 to 31 BC. L.*, 1973 (хотя в них определенное место занимает, естественно, история не только собственно греко-македонских государств). Новые работы такого толка немногочисленны, но существуют: см. *Shipley G. The Greek World after Alexander. 323–30 B.C. L.*; N.Y., 2000 (рецензия на эту книгу Й. Уортингтона – <http://bmcr.brynmawr.edu/2001/2001-03-11.html> – в меру, но все же, на мой взгляд, недостаточно критична). Впору вспомнить традиционный упрек, некогда предъявляемый советскими антиковедами «буржуазным ученым» в недооценке вклада восточных народов в историческое наследие эллинизма! (См., например: *Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке*. М., 1979. С. 33–34; 51–52; ср. *Фролов Э.Д. История эллинизма в биографиях его творцов // Бенетсон Г. Правители эпохи эллинизма*. М., 1982. С. 13). Впрочем, теперь маятник качнулся в другую сторону, и редкое исследование не обходится без акцентирования (порой – чрезмерного) преемственности между эллинистическими монархиями и их древневосточными «предшественниками»; см. об актуальной историографической ситуации: *Strootman R. Courts and Elites in the Hellenistic Empires*. Edinburgh, 2014. P. 9–13.

7 *Mehl A. Der Hellenismus – Synthesis zwischen Orient und Okzident // Das Altertum. Von Alten Orient zur Spätantike / E. Erdmann, U. Uffelman (Hrsg.)*. Idstein, 2001. S. 103–127, здесь – 103–108. Статья эта написана в популярном ключе, но весьма глубока и содержательна.

8 К которой И.Е. относится довольно-таки двойственно: с одной стороны, считает ее «внешним, приводящим фактором» для греческого мира (АГ-4. С. 65), с другой – говорит о невозможности трактовать греко-македонские отношения как вариант «греко-варварского синтеза» (С. 23), что вроде бы включает ее в упомянутый мир? Надо бы как-то определиться... См. о сути проблемы: *Кузьмин Ю.Н. «В тени Олимпа»: послесловие // Борза Ю.Н. История античной Македонии (др Александра Великого)*. СПб., 2013. С. 551–561.

9 Кстати, не могу не отметить столь редкую для И.Е. неточность, когда он говорит, что в отличие от Т. Моммзена, принимавшее активное участие в политике, «о Дройзене... такого напрямую сказать нельзя» (С. 233. Прим. 80). Вопреки мнению И.Е., И.Г. Дройзен (как и Т. Моммзен) являлся деятельным участником антидадского национально-освободительного движения в Шлезвиге и Гольштейне, в 1848–1849 гг. был депутатом Франкфуртского парламента, а на его надгробном камне начертана эпитафия: «Иоганну Густаву Дройзену (1808–1884), великому немецкому историку и политику».

термина «эллинизм»¹⁰, от которого, впрочем, теперь уже нереально – да и не стоит! – отказываться) о теоретической возможности именовать эллинизм «македонским периодом»¹¹ либо «македонскими столетиями»¹². Эти определения также не кажутся мне вполне удовлетворительным; я бы предпочел название, в котором фигурировало бы сочетание вроде «монархическо-полисной эпохи», которое отражает изменившееся положение полиса, переставшего быть «несущей конструкцией» греческой цивилизации (но все-таки сохранившегося!), в сочетании с доминирующим теперь положением монархии¹³ (которую, однако, невозможно считать чисто македонской ни в географическом, ни в содержательном планах¹⁴). Скажу даже больше: на мой взгляд, исследования по истории эллинизма в силу специфики предмета и источниковой базы, многократного расширения географических рамок греческого мира в эпоху эллинизма¹⁵, качественного изменения его самого и более глубокого, чем прежде, вовлечения в его орбиту десятков других (прежде всего – но не только! – восточных) народов, а также и значительной хронологической протяженности всех этих явлений могут и должны рассматриваться как во многих отношениях «отдельная» от изучения собственно греческой полисной истории сфера научных изысканий¹⁶.

Отсюда следуют два важных момента, еще более акцентирующих наши с коллегой различия в отношении к эллинизму. Во-первых, мне кажется методически не вполне верным стремление И.Е. объяснить наступление эллинизма через изменения, происходящие исключительно в самом полисе: картина была гораздо более сложной. При этом подавляющее большинство наблюдений исследователя над теми переменами, которое испытало собственно греческое общество накануне, во время и непосредственно после деяний Филиппа II и Александра Великого, кажутся мне исключительно тонкими, глубокими и перспективными и никаких возражений не вызывают¹⁷. Во-вторых, ясно, что греческий полис в это время, исходя из предельно общих соображений, переживал достаточно сложные моменты своей жизни, и потому не выглядит неожиданным весьма резкое высказывание И.Е.: «Эллинизм... не вызывает ровно никакого восхищения» (АГ-4. С. 14) – однако здесь субъективность оценки кажется мне менее приемлемой и не столь допустимой, нежели в случае с отношением автора к Лисандру (см. прим. 4). У И.Е., разумеется, есть в этом смысле предшественники, причем, например, весьма авторитетные представители отечественной историографии – А.И. Зайцев¹⁸ и Ю.В. Андреев¹⁹ (весьма

10 См. хотя бы: *Лордкипанидзе О.Д.* «Эллинизм», «эллинистический мир», «эллинистическая культура»: трудности дефиниций // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1982). Тбилиси, 1985. С. 8–27; отмечает это и сам И.Е. (АГ-4. С. 20; 356).

11 *Hammond N. G. L.* Foreword // *Karunanithy D.* The Macedonian War Machine. Barnsley, 2013. P. XVII.

12 *Errington R. M.* A History of the Hellenistic World. Malden; Oxford; Carlton, 2008. P. 8.

13 Общеизвестно, что взаимоотношения полиса и монархии – один из ключевых вопросов в понимании сущности эллинизма, поэтому мне кажется принципиально важным отразить его в определении.

14 См. новейшую работу: *Балахванцев А. С.* Существовал ли этнокласс в державе Селевкидов? // Восток. 2015. 5. С. 12–19. Ср. *Strootman R.* Courts and Elites. P. 267. Разумеется, не следует впадать в другую крайность, считая эллинистическую монархию исключительно продуктом развития древневосточной политической традиции; см., к примеру: *McEvan C.W.* The Oriental Origin of Hellenistic Kingship. Chicago, 1934.

15 По оценкам У. Тарна, в результате походов Александра Великого греческая ойкумена увеличилась в четыре раза (*Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 266).

16 См. формулировку такого подхода: *Габелко О.Л.* Конференция «Иконография, символика, эмблематика в эллинистическом мире» Центра эллинистических исследований Университета Дмитрия Пожарского (Москва, 13–14 мая 2015 г.) // Аристей (в печати). Подобное мнение, разумеется, не является чем-то принципиально новым, но необходимость доказывать его правомерность пока еще, как кажется, остается актуальной (особенно для отечественного антиковедения).

17 Особенно это относится к разделам, касающимся изменений в религиозном сознании греков и сакрализации верховной власти (АГ-4. С. 57–62).

18 *Зайцев А.И.* «Греческое чудо» и его завершение в эпоху эллинизма // *Он же.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб., 2001. С. 279–286

19 *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1999; заключительная 12-я глава, посвященная Греции IV в. до н.э. (С. 336–374) названа весьма пессимистично: «Сумерки свободы, или Тяжкое бремя цивилизации», а эллинизму автор считает достаточным отвести всего лишь краткий эпилог под вполне недвусмысленным заголовком «Из Европы в Евразию» (С. 374–387), где подчеркивает «историческую обреченность» этого «великого греческого эксперимента» (С. 385). Аналогично же в АГ-4: «Вместо заключения. Александр Македонский и конец классической Греции» (С. 319–356). Кроме того, на с. 64 и И.Е. говорит о том, что «великий греческий эксперимент» (только уже эпохи классики!) заканчивался и *сам собой* (курсив мой. – О.Г.), а «греки... не вынесли бремени полисной свободы». Значит ли это, что последующие примерно 300 лет истории греческого мира можно считать лишь

почитаемые, отметим, самим И.Е.²⁰ Не отсюда ли его следование их оценкам?), однако на сегодня такой подход выглядит все же несколько архаичным: едва ли возможно квалифицировать эллинизм как время однозначного упадка греческой цивилизации. Подобные взгляды, пожалуй, уведут нас даже не в прошлый, а в позапрошлый век антиковедения: считает ли, к примеру, кто-либо из серьезных романистов, что Римская республика была «лучше» Римской империи?! (Или же наоборот?). Нет сомнений, что это были два во многом *различных* общества²¹, однако приложение к ним сравнительно-оценочных характеристик едва ли окажется продуктивным.

Крайне интересный и весьма полемичный по своему характеру материал представлен в главе АГ-4, названной «Предэллинизм, как мы его понимаем» (С. 19–68). Следует подчеркнуть, что И.Е., принимая понятие «предэллинизм» и отводя ему довольно важную концептуальную роль, трактует его совершенно иначе, нежели В.Д. Блаватский, введший данный термин в научный оборот (причем в несколько другой форме, о чем см. далее), и более того, даже не ссылается ни разу на его работы по данной проблематике²². Едва ли такой подход можно признать оправданным, особенно с учетом подчеркиваемого И.Е. стремления придерживаться терминологической точности при рассмотрении феноменов эллинизма и предэллинизма (АГ-4. С. 15). Иное понимание предэллинизма (опять-таки в во многом в хронологическом аспекте!) содержится и в коллективном исследовании «История древнего мира»²³,

«эпилогом» в сопоставлении с довольно кратким хронологически и ограниченным территориально периодом процветания греческого полиса (к тому же, видимо, в понимании И.Е. – исключительно в афинском варианте)?! То есть за одним упадком сразу наступает другой? Думается, положительный ответ будет явной натяжкой.

20 См. эмоциональные положительные высказывания в адрес представителей Санкт-Петербургской антиковедческой школы: Суриков И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 16–18.

21 Сошлюсь на мнение другого нашего с И.Е. друга и коллеги, А.М. Сморгочкова, специалиста по религии Римской республики (преимущественно ранней), который как-то раз отметил, что ему лучше понятны реалии греческого общества эпохи архаики и классики, нежели императорского Рима.

22 Блаватский В.Д. Культура эллинизма // СА. 1955. Т. XXII. С. 109–115; *он же*. Процесс исторического развития государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959; *он же*. Период протоэллинизма на Боспоре // *Он же*. Античная археология и история. М., 1985. С. 109–122; *он же*. О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье // Там же. С. 123–132. Исследователь, как видно, подчеркивает именно хронологическую составляющую предэллинизма (период!) и считает его главной приметой особый характер взаимодействия греческих полисов Северного Причерноморья с окружающим варварским населением; «протоэллинистический» же период в истории Боспора начинается, по его мнению, уже в начале второй четверти IV в. до н. э. В.Д. Блаватский, помимо Боспора, находит протоэллинизм также на Сицилии, в Кarii, в Македонии (sic! – О.Г.), а также (хотя не столь определенно) – во Фракии и на Кипре (Период протоэллинизма. С. 109–110).

23 Достаточно отметить, что И.П. Вейнберг определяет предэллинизм в западных сатрапиях Ахеменидской державы как «два века (курсив мой. – О.Г.) истории Передней Азии, когда складывались предпосылки эллинизма: интенсивная “внутриближневосточная миграция” и “внутриближневосточный” культурный синтез, заметный подъем производства и отностительное выравнивание уровней социально-экономического развития» Вейнберг И.П. Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. II. Расцвет древних обществ / Отв. ред. И.С. Свенцицкая. М., 1989. С. 197. Как видим, здесь мы вновь встречаем принципиально иное, чем у нашего автора, понимание предэллинизма, причем приоритетное внимание уделяется эволюции восточного общества, которую И.Е. совершенно не принимает во внимание, полагая, будто «именно для Востока начало эллинизма не стало логическим завершением назревавших там процессов, а явилось следствием внешнего вмешательства – походов Александра Македонского и завоевания им Персидской державы», что он считает едва ли не «исторической случайностью, обусловленной только тем, что западнее Персии – и совсем рядом – находились Эллада и Македония (sic! – О.Г.)» (АГ-4. С. 43). Другое дело, что я и в данном случае не вижу необходимости обозначать эти явления, вполне основательно и глубоко проанализированные И.П. Вейнбергом, специально вводимым термином «предэллинизм» (см. Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма». С. 173. Прим. 8), хотя, пожалуй, данные процессы все-таки стоит причислить к предпосылкам (хотя и не главным) возникновения малых монархий Анатолии, чего мною в статье о «предэллинизме» сделано не было. Да и «два века» – это, пожалуй, явно многовато!

Что же касается предэллинизма на Западе, которому в данном коллективном издании посвящено две отдельные главы (Глускина Л.М. Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н.э. // История древнего мира. С. 218–244; Фролов Э.Д. Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. С. 245–260) и который, по идее, должен привлекать первоочередное внимание И.Е., то этому явлению авторами соответствующих статей странным образом вообще не дано какого бы то ни было определения. Фактическое содержание этих глав, написанных первоклассными специалистами, не вызывает возражений, однако концептуальное их наполнение сводится к анализу различных аспектов уже устоявшегося в историографии (несмотря на некоторые неоднозначные детали) понятия кризиса полиса. Это позволяет мне остаться при своем мнении и не вполне согласиться с И.Е., считающим, будто «именно в российском антиковедении сделано немало для того, чтобы разобрать проблему предэллинизма. – О.Г.) не в *принципиально-хронологическом* (курсив мой. – О.Г.), а в *сущностном* смысле, показать, как зарождались новые реалии, в результате чего мир принципиальным образом изменился» (АГ-4. С. 43).

которое И.Е. упоминает в контексте своих теоретических представлений. Понятно, что автор обрисовывает именно *собственное* понимание предэллинизма (как это однозначно следует из названия анализируемой главы), однако его аргументы приобрели бы несомненно больший вес, будь они высказаны в сочетании (не столь важно даже, согласия или полемике) с мнениями предшественников.

Отмечу также, что И.Е. ставит знак равенства между понятиями «предэллинизм» и «протоэллинизм» и даже специально подчеркивает некоторую надуманность в проведении подобного различия²⁴. Между тем, разница между ними, на мой взгляд, все же существует. Дело в том, что в данном контексте греческая приставка «прото-» имеет, как кажется, все же несколько более широкое, не только временное сущностное, значение (что и отражено в понимании данного явления В.Д. Блаватским, говорившим именно о *протоэллинизме*), нежели исключительно временное, подразумевающееся в русском «пред-». Соответственно, если И.Е. считает эллинизм вслед за К.К. Зельиным конкретно-историческим, а не хронологическим явлением (о чем см. далее), то пользоваться термином, в который изначально заложено именно второе значение, представляется не вполне корректным (тогда как выявление *исторических* предпосылок эллинизма выглядит совершенно оправданным). Впрочем, это лишь частный нюанс, демонстрирующий всю сложность и неоднозначность проблематики, связанной с теоретическими проблемами эллинистических штудий. В этом свете я по-прежнему не считаю необходимым использовать в научном дискурсе понятие, производное от термина, изначально не вполне адекватного (см. выше) и само по себе не вполне содержательное и оттого очень неоднозначное.

Идем далее. И.Е. совершенно напрасно, на мой взгляд, категорически отвергает еще одно, весьма распространенное значение термина «эллинизм»: культурное и даже шире – общецивилизационное наследие греко-восточного мира²⁵. В частности, у него вызывает удивление и даже резкое неприятие название статьи одного из ведущих отечественных романистов Е.М. Штаерман – «Эллинизм в Риме»²⁶, хотя исследовательница весьма далека от того, чтобы воспринимать воздействие эллинистического мира на Рим хоть сколько-нибудь односторонне и упрощенно. Вместе с тем, на Западе уже давно эта проблема разрабатывается активно и достаточно глубоко²⁷, так что едва ли следует игнорировать либо отметить такой подход *a limine*.

Начиная с рассмотрения различных определений эллинизма, существующих в отечественной науке, И.Е. однозначно солидаризуется с концепцией К.К. Зельина²⁸, считающего эллинизм *конкретно-историческим явлением* (АГ-4. С. 20). Вместе с тем, предлагаемая им критика других точек зрения не выглядит вполне удовлетворительной. В частности, неясной кажется позиция исследователя касательно соотношения трактовок эллинизма как *закономерного этапа* в развитии рабовладельческого общества (согласно А.Б. Рановичу) и «просто» *периода* древней истории Восточного Средиземноморья (там же): ведь это, безусловно, категории одной природы²⁹, и резко противопоставлять одну другой едва ли стоит. Вероятно, такой подход продиктован стремлением И.Е. отказаться от не импонирующего ему «примитивно-хронологического» понимания эллинизма (см. выше, прим. 23), хотя возможность устранения временного аспекта выглядит весьма проблематичной³⁰ (см. непосредственно ниже).

Далее И.Е. предлагает собственную трактовку предэллинизма (или даже в какой-то мере собственно эллинизма?) как такового: «Между полисным, доэллинистическим этапом древнегреческой

24 Суриков И.Е. Некоторые проблемы. С. 96. Прим. 51.

25 Ср. распространенное в англоязычной историографии определение пергамских Атталидов как “the champions of Hellenism” (даже нет нужды ссылаться на конкретные исследования).

26 Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: Восток и Запад / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1992. С. 140–176.

27 См. показательное название почти что классического исследования: Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990.

28 Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. №4. С. 145–156.

29 См. характеристику этих понятий в пособии эпохи «позднесоветского марксизма»: Периодизация античной истории / Научн. ред. А.С. Шофман. Казань, 1984. С. 144–156; 169–178.

30 Сколько бы раз мы ни подчеркивали, что эллинизм – это ни в коей мере не «этап» и даже не «период», избавиться от выражений «эпоха эллинизма», «эллинистическое время» в нынешней историографической ситуации совершенно не возможно и, опять-таки, не нужно. В конце концов, даже в названии программной статьи К.К. Зельина (Основные черты эллинизма) содержится слово «период», а на с. 150 приводятся «хронологические грани в истории эллинизма»! Ср. Каццев В. И. Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма. М., 1997. С. 10–12 – даты примерно такие же, однако логическое основание их иное, это именно политические отношения в эллинистическом мире.

истории и *этапом* (sic! – *О.Г.*) эллинистическим пролегает резкая грань. Перед нами – как бы два сильно отличающихся “мира”, и перемены коснулись в первую очередь социально-политической психологии, что уже, в свою очередь, отразилось на формах государственного устройства и т.д. Основной вектор интересующих нас изменений в менталитете можно определить как путь “от гражданина к подданному”» (АГ-4. С. 23). Именно это, по мнению исследователя, составляет основное содержание эллинизма как такового: так, даже возникновение «больших и огромных» «сверхдержав» – эллинистических монархий – он считает фактором, который всего лишь (sic! – *О.Г.*) «приходится учитывать» (АГ-4. С. 23 + прим. 23)³¹ при рассмотрении изменений.

Такой подход опять-таки не может не вызывать многочисленных и самых серьезных вопросов. Во-первых, как его можно согласовать с концепцией Зельина относительно сущности эллинизма (которую, еще раз подчеркну, И.Е. принимает без каких-либо значимых оговорок)? Ограничусь хотя бы тем, что Зельин так или иначе принимает участие «восточного элемента» в формировании эллинизма (см. выше), а И.Е. его склонен полностью элиминировать. Во-вторых, к эволюции статуса «от гражданина к подданному» грекам самых разных регионов и различных исторических периодов было не привыкать: им была знакома и тирания (как «старшая», так и «младшая»³²), и власть персидских царей³³, и господство варварских династий³⁴ (ср. АГ-4. С. 354- 355); так что опять же, сводить все к афинской политической практике V – нач. IV в. не стоит. Думается все же, что хотя общественное сознание греков не было совершенно чуждо эволюции «от гражданина к подданному» на разных отрезках их истории, а в IV в. до н.э. этот процесс, несомненно, резко активизировался, утверждение македонской гегемонии, а впоследствии и возникновение эллинистических монархий было связано с ним далеко не в главной степени. Превосходство крепнущего Македонского царства над миром греческих полисов в политическом и военном отношении было слишком значительным, и апелляция И.Е. к победоносному опыту Греко-персидских войн (АГ-4. С. 40) в данном случае нисколько не убеждает: «наличие стойкого боевого духа» решает, безусловно, очень многое, но никак не всё! Упомянутые изменения в общественном сознании греков, равно как и наличие промакедонской «пятой колонны» во многих полисах Эллады, облегчили подчинение Греции Филиппу II и, кстати, позволили обойтись при этом сравнительно малой кровью, но, думается, что и без них такое объединение все-таки состоялось бы³⁵ – быть может, чуть позже и с большей жестокостью. Да и вообще, «голова – предмет темный и исследованию не подлежит», – вспоминается фраза из известного фильма, и с ней в данном случае хочется согласиться: кажется невозможным свести все многообразие происходивших в греческом мире изменений всего лишь к одному фактору, причем относящемуся к сфере достаточно зыбкой и трудноопределимой, каковой является общественная психология.

На мой же взгляд, специфика эллинизма состоит, как я и писал неоднократно ранее, в сочетании хронологического, территориального и сущностного критериев; многовариантность таких сочетаний и предопределила многообразие эллинизма³⁶. Что касается последнего критерия, то он, на мой взгляд, определялся пропорцией сочетания и особенностями синтеза греко-македонских и варварских (прежде всего, восточных, но не только) элементов, с чем активно не согласен И.Е. Он, во-первых, указывает, что при таком подходе «мы должны решительно отказаться от таких, например, словосочетаний, как “эллинистическая Греция” и “эллинистическая Македония», ибо там

31 Забавно представить, как относились бы Птолеми, Селевкиды и Антигоны, а также, к примеру, Митридат VI Евпатор или парфянские цари к тому факту, что гражданам эллинистических полисов Европы или Азии «приходится учитывать» сам факт их существования!

32 С учетом важных уточнений, сделанных самим И.Е.: *Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. В эпоху междоусобиц. М., 2011. С. 33–45.

33 Отметим, кстати, еще раз, что полисы Ионии в эпоху архаики были лидерами греческого мира, в период соперничества между Персией, Афинами и Спартой свои позиции утратили, а эпоха эллинизма стала для них временем нового расцвета – во многом за счет умелого выстраивания отношений с эллинистическими монархами (см. подробно: *Billows R. A.* Rebirth of a Region: Ionia in the Early Hellenistic Period // *Regionalism in Hellenistic and Roman Asia Minor* / Elton H., Reger G. (eds.). Bordeaux, 2007. P. 33–43).

34 См. пример Ольвии Понтийской: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 90–109.

35 Что не может не признать и сам И.Е. (АГ-4. С. 63).

36 *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «постэллинизма». С. 124–126.

греко-варварского синтеза будто бы не было (АГ- 4. С. 22–23)³⁷. Один из аргументов, что это было не совсем так, тут же приводит сам И.Е.: «Названные регионы были неотъемлемой частью эллинистического мира как системы» (АГ-4. С.23)³⁸. Более того, три великие эллинистические державы были связаны между собой значительной общностью политических и социально-экономических³⁹ институтов, династическими узами и вообще становились все более и более сходными между собой, воспринимая некоторые идентичные структурные особенности⁴⁰: Запад определенным образом сближался с Востоком. Что же касается Балканской Греции, то и там мы находим явления, свидетельствующие о многочисленных и разнообразных взаимодействиях с Азией и Египтом, выходящих за рамки поверхностных контактов, а также эволюцию институтов в «общеэллинистическом» направлении: усиление центральной власти, возрождение тирании, создание крупных надполисных объединений и пр. В современной западной науке даже небезосновательно говорится об эллинизме в Западном Средиземноморье⁴¹ – однозначно не в «примитивно-хронологическом» понимании!

Далее И.Е. продолжает: «Что же касается самого Зельина, то он, насколько можно судить, старался избегать этого чрезмерно прямолинейного (и, честно говоря, не очень понятного) выражения “греко-варварский синтез”, предпочитая формулировки более тонкие (например: “Эллинизм представлял собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований”»)» (АГ-4. С. 22. Прим. 3). Возникает, однако, вопрос: а сочетание и взаимодействие – это не синтез⁴²? С другой стороны, к сожалению, ни К.К. Зельин, ни кто-либо другой из его последователей (включая И.Е. или, каюсь, меня самого⁴³) не дали пока что более или менее четкой дефиниции ключевого в данном определении понятия «конкретно-историческое явление»⁴⁴ – более того, мне не удалось найти его сколько-нибудь содержательную характеристику и в трудах обобщающего теоретического характера. Так что здесь еще предстоит большая исследовательская работа.

Как мне кажется, известная противоречивость в, бесспорно, очень интересных взглядах И.Е. может быть без особых трудностей преодолена, если все-таки не использовать для описания изложенных им явлений (прежде всего, в именно в сфере социально-политической психологии греческого общества) по-прежнему кажущийся мне неудачным термин «предэллинизм», а связывать их с периодом *поздней классики*. Таково название широко известной монографии Э.Д. Фролова⁴⁵,

37 И.Е. апеллирует здесь к тезису виднейшего отечественного специалиста по эллинизму Г.А. Кошеленко (*Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1990. С. 13*), не замечая, однако, что сам Геннадий Андреевич-то прилагал эту критику к определению эллинизма, данному К.К. Зельиным, которое И.Е. полностью разделяет! Остается неясным, как исследователь намеревается устранить это противоречие. Я же, со своей стороны, такое решение предлагаю.

38 Я, кстати, писал практически то же самое (*Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «постэллинизма». С. 125*). В данном контексте очень перспективной выглядит дальнейшая разработка категории глобализации в эпоху эллинизма, которую никак не следует считать механическим процессом, а именно формированием *синтетического* географического и цивилизационного пространства. См. в этой связи: *Фролов Э.Д. Александр Великий – первотворец эллинизма // Александр Великий: путь на Восток / Научн. ред. А.А. Трофимова. СПб., 2007. С. 11*.

39 С нетерпением ждем обещанную уже несколько лет назад греческими эпиграфистами публикацию надписи из антигонидской Македонии с упоминанием неких лаой – категории зависимого населения, которая, как считалась ранее, характерна только для эллинистического Востока (см.: *Кузьмин Ю.Н. Аристократия Берои в эпоху эллинизма. М., 2013. С. 51–54б особ. С. 54. Прим. 114.*).

40 *Walbank F.W. Monarchies and Monarchic Ideas // CAH². Vol. VII. Pt. 2. 1984. P. 65.*

41 См. новейшую работу, в которой достаточно акцентирован теоретический элемент: *The Hellenistic West. Rethinking the Ancient Mediterranean // J. R. W. Prag, J. C. Quinn (eds.). Cambridge, 2013*. Это, кстати, один из аргументов в пользу того, чтобы не считать несколько прямолинейно, будто «отечественная историография выгодно отличается от всех прочих в том отношении, что в ней уже с довольно давних пор проявился углубленный интерес к теоретическому осмыслению феномена эллинизма» (АГ-4. С. 19): западные коллеги в данном отношении от нас ничуть не отстают.

42 См. хотя бы словарное определение, почерпнутое из всезнающей «Википедии»: «Синтез — процесс соединения или объединения ранее разрозненных вещей или понятий в целое или набор».

43 А я позиционирую себя именно таковым, хотя и считаю необходимым внесение в концепцию чем Зельина отдельных уточнений, в частности, некоторой переоценки роли греко-македонского завоевания: оно, на мой взгляд, не является неизменным фактором, предопределяющим становление эллинизма в том или ином регионе.

44 Ср. *Фролов Э.Д. История эллинизма в биографиях. С. 17–18.*

45 *Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.*

неоднократно употребляет это понятие и сам И.Е. (АГ-4. С. 7-8 (20)). Очевидно, основным содержанием этого хронологического отрезка является кризис греческого полиса, многие аспекты которого рассмотрены И.Е. и в АГ-4, и в более ранней монографии из той же серии («В годину междоусобиц»). А уж с какого именно времени вести отсчет этого периода – с окончания Пелопоннесской войны, с Коринфской войны, крушения спартанской гегемонии после возвышения Фив либо с какой-то другой даты и события – в данной работе решать не место; предоставлю это специалистам и самому И.Е. прежде всего.

Далее автор переходит к экскурсу в историю раннеэллинистических Афин, главный вывод которого весьма пессимистичен: полис практически утратил реальный суверенитет, попав в зависимость от эллинистических правителей, по отношению к которым «потомки Мильтиада и Фемистокла» начинают проявлять лстивость и раболепие, демократия выродилась, оставаясь таковой лишь на словах, а на деле представляла собой олигархию различной степени умеренности, и т. д. (АГ-4. С. 26–34). Со всем этим спорить не приходится, однако трудно признать правомерным подход, при котором практически все явления раннеэллинистической истории иллюстрируются примерами из истории Афин⁴⁶. Видимо, здесь сказывается глубокая любовь коллеги к «граду Паллады», порою, на мой субъективный взгляд, граничащая с идеализацией его как такового вообще и его демократического государственного устройства в особенности⁴⁷. Видимо, утрата Афинами гегемонии в Греции и в особенности девальвация демократии воспринимаются автором как несомненные свидетельства упадка, который испытывает эллинская полисная цивилизация вообще. Однако здесь, как мне кажется, следовало бы вспомнить весьма удачно сформулированный и применяемый самим И.Е. принцип «эстафетности» в развитии греческого мира (АГ-4. С. 41–42; 157–159): в таком случае стало бы ясно, что афинская парадигма для описания явлений эпохи эллинизма отнюдь не является релевантной, и обратиться следует к каким-то иным материалам.

А они свидетельствуют, что исторические судьбы полиса в эпоху демократии не были столь уж безотрадными. Прежде всего, разумеется, демократия, хотя и качественно видоизменившаяся (и здесь невозможно не согласиться с И.Е.), продолжала существовать и в эллинистическом мире, так или иначе играя в нем определенную роль⁴⁸. Но еще более важно то, что странным образом И.Е. вообще почти ничего не говорит о полисах, сохранявших свою независимость на протяжении всей (или почти всей) эпохи эллинизма! Он упоминает в этом контексте только Родос, чье процветание склонен считать «скорее исключением» (АГ-4. С. 350–351). Однако не стоит забывать и о других показательных примерах: Византий⁴⁹, Гераклея Понтийская⁵⁰,

46 Кроме того, исследователь обращается также к истории Боспора (АГ-4. С. 43-49), хотя в основном в связи его контактов с Афинами. Впрочем, трудно согласиться с И.Е., когда он говорит о том, что Боспорское государство составляло несомненную типологическую параллель сицилийской державе Дионисия (АГ-4. С. 56): как было показано А.А. Завойкиным, это было далеко не так (*Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // *Античный мир и вавары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор* // А.А. Масленников, Н.А. Гаврилук [ред.]. С. 232–236).

47 Между тем, в другой работе И. Е. сам обоснованно предостерегает от подобного афиноцентризма (Полис, логос, космос. С. 191).

48 См. *Grieb V.* Hellenistische Demokratie. Politische Organisation und Struktur in freien griechischen Poleis nach Alexander dem Großen. Stuttgart, 2008. Афины – с. 27–138; Кос – с. 139–198; Милет – с. 199–262; Родос – с. 263–354. Основной вывод автора состоит в том, что в период эллинизма понятие демократии было практически синонимично политической независимости. Однако, согласимся, для мира, в котором доминировали могучие монархии, и это совсем не мало!

49 Особенности исторического развития Византия «являются политической самостоятельностью... и отсутствие в IV в. явлений того кризиса полисной системы, который охватил в это время города материковой Греции. Эпоха эллинизма была также периодом продолжающегося процветания Византия» (*Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 4). См. новейшую работу: *Engster D.* Die Kolonie Byzantion – Geschichte, Gesellschaft und Stadtbild einer Handelsmetropole // *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov / Povalachev N.* (Hrsg.). Göttingen, 2014. S. 357–396.

50 Ввиду относительно неплохой сохранности местной исторической традиции история Гераклеи неплоха (13)чена; см. *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976; *Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

Синопа⁵¹, Кизик⁵², Кос⁵³... Первые четыре из них (наряду с Родосом) в эпоху эллинизма сохраняют достаточно крупные территориальные владения и даже расширяют их. Эти же полисы, кстати, могут предоставить поистине блестящие образцы сохранения истинного патриотизма и гражданского мужества – в том числе и во взаимоотношениях с царями – на уровне самосознания и самоидентификации (И.Е. в значительном количестве приводит примеры прямо противоположного свойства, связанные опять-таки с Афинами). Достаточно вспомнить ироническую реплику византийца Пасида в адрес Лисимаха: «Мы уходим, чтобы он своим копьем не пробуровил небо» (Plut. Mor. 338B) или гордый ответ граждан Гераклеи Понтийской Селевк-у Никатору: «Селевк, Геракл сильнее!» (Memn. FGrHist 434 F 7. 1).

Не оскудела славными деяниями и военно-политическая история греческого полисного мира – пусть она и несопоставима уже с эпохой Греко-персидских войн. Выборка дана, что называется, навскидку: героическая оборона Спарты⁵⁴ от Пирра в 272 г. до н.э.; драматическое противостояние армии Филиппа V и граждан Абидоса в 201 г. до н.э., завершившееся массовым самоубийством последних (Polyb. XVI. 30–34), мужественное перенесение осады войсками Митридата Евпатора Кизиком в 73 г. до н.э. ... Традиции эллинской воинской доблести не умерли окончательно после Херонеи, и потому вполне закономерно, что роль войны как социального явления в эллинистическом мире допустимо рассматривать по преимуществу именно через ее роль в жизни греческих полисов того времени⁵⁵.

Кстати, обретение эллинистическим миром определенной «всеобщности» в некотором роде сыграло на руку независимым полисам: упрочение политических, экономических и иных связей между ними стало фактором, облегчающим создание различного рода объединений для борьбы с более сильными противниками⁵⁶, оказание помощи даже весьма удаленным союзникам⁵⁷, да и просто преследование собственных военно-политических интересов далеко за пределами «своего» региона⁵⁸.

Безусловно, полис вынужден был приспосабливаться к новым историческим условиям, которые определялись, прежде всего, ведущей политической и экономической ролью монархий в эллинистическом мире. Однако формы этого приспособления отнюдь не сводились к безоговорочному пассивному подчинению более сильным державам в политическом плане и полному отказу от полисных ценностей. Исследователями не раз отмечалось, что «друзья» эллинистических монархов на службе своих сюзеренов очень часто прилагали значительные (и успешные) усилия для того, чтобы действовать в интересах тех городов, уроженцами которых они являлись⁵⁹. Как ответную реакцию на кризис полисной идеологии в эпоху эллинизма можно расценивать резкое возрастание интереса к реальному и мифологическому прошлому греческих общин, что выражается в появлении и быстром расцвете жанра «местных хроник», а также в поисках и обосновании легендарного родства между

51 Не потеряла своего значения старая монография: *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.: Л., 1956.

52 Этот значительный полис, крупный экономический и культурный центр, все еще ждет серьезного монографического исследования

53 Достаточно обратиться к материалам эпиграфического архива косского храма Асклепия (IG XII. 4, 1. No 208–245), чтобы убедиться в том, каким авторитетом пользовался этот полис во всем Средиземноморье. См. об истории Коса: *Sherwin-White S. M.* Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period. Göttingen, 1978; *Buarselis K.* Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the Middle Second Century B.C. until Late Antiquity. Philadelphia, 2000; The Hellenistic Polis of Cos. State, Economy and Culture. Proceedings of an International Seminar organized by the Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University, 11–13 May, 2000 / Ed. by K. Höghammar. Uppsala, 2004.

54 Об эллинистической Спарте И.Е. говорит не вполне однозначно, отмечая некоторые положительные моменты в реформаторской деятельности Агиса IV и Клеомена III, а также связывая ее последний кратковременный военно-политический подъем с правлением Набида (АГ-4. С. 352).

55 См.: *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире: социально-культурный портрет. СПб., 2013; характеристика плюсов и минусов такого подхода: *Габелко О.Л.* Война и мир Ангелоса Ханиотиса // Там же. С. 23–24.

56 См., например: *Сапрыкин С.Ю.* Северная лига: международные отношения в южном Причерноморье в период раннего эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. С. 49–61.

57 Один из ярких примеров – оказание помощи осажденной понтийцами Синопе со стороны Родоса ~~ок. 220 г. до н.э.~~ (Polyb. IV. 56)

58 См. ф. Страбона а том, что «по ту сторону (Кианей, т. е. в Средиземном море – О.Г.) синопы принимали участие во многих битвах на стороне греков» (XII. 3. 11). К сожалению, конкретизировать ее не удастся.

59 См. в целом: *Strootman R.* Courts and Elites. P. 146–147 (с литературой); конкретно о показательном примере Милета: *Nawotka C.* How to Handle a King: Miletus and the Successors // Eos. 2011. XCVIII. P. 27–42.

полисами и их основателями – не только в рамках мифологии, генеалогий и ученых изысканий, но и как направление государственной идеологической политики⁶⁰. Города, заново основанные эллинистическими монархами, хотя и были подчинены им, нередко становились видными экономическими и культурными центрами, способствуя порой эллинизации, привитию греческого образа жизни и ценностей в целых регионах⁶¹.

Безусловно, все это происходило, так сказать, не от хорошей жизни, однако названные явления свидетельствуют о наличии у греческого полиса значительного «запаса прочности» и одновременно гибкости⁶².

Отдельного рассмотрения, разумеется, заслуживают греческие федеративные государства эпохи эллинизма. И.Е. говорит о них предельно кратко (АГ-4. С. 40–41), подчеркивая при этом неуместность радости от «того, что, дескать, эллины наконец-то начали осознанно объединяться!» (С. 352). В основе таких оценок, как представляется, опять-таки лежит субъективный подход автора к полису как к чему-то раз и навсегда данному, стабильному и неизменному; между тем, грекам приходилось отвечать на вызовы времени, порой даже за счет «подрыва интегральных полисных принципов» (там же). Кстати, например, в довольно захолустном Акарнанском союзе, по наблюдению С.К. Сизова, в период эллинизма отмечается подъем местного самосознания и патриотизма на новом, гораздо более высоком уровне, чем прежде⁶³ – кажется, вопреки отмеченной И.Е. тенденции в эволюции общественной психологии греков эллинистического времени? Да и сам вопрос о суверенитете полисов в эллинистических федерациях, видимо, не столь однозначен, как он видится И.Е.⁶⁴ Заслуживают также несомненного внимания интересные выводы С.К. Сизова относительно значимости федеративных образований эллинистической Греции в их общеисторической перспективе для построения республиканских форм государственности нового времени⁶⁵ – так что исторический опыт греческой цивилизации, востребованный современным обществом, отнюдь не исчерпывается ее классической демократической составляющей. Разумеется, все эти контрдоводы могут показаться частными и незначительными перед лицом общей концепции И.Е., но их, как мне кажется, следует учитывать при вынесении вердикта относительно окончательной и бесповоротной деградации греческого полиса в эпоху эллинизма.

Итак, какие же выводы можно сделать относительно взглядов И.Е. Сурикова на эллинизм, изложенных главным образом в АГ-4? На мой взгляд, автор подверг исключительно глубокому и содержательному анализу целый ряд аспектов связанных с ним феноменов, прежде всего – принципиально важным переменам в области общественного сознания греческого общества в IV в. до н.э. и переходу «от гражданина к подданному». Однако я предложил бы трактовать описанные коллегой процессы как лишь одну из *предпосылок* появления собственно эллинизма – предпосылку весьма важную, но не единственную и не решающую, а уж тем более – никак не его *причину* в строгом смысле слова. Кроме того, я склонен с большим оптимизмом, чем И.Е., оценивать исторический потенциал греческого полиса: он и в самом деле оказался весьма живучим. Что же касается моей собственной оценки эллинизма как исторического явления в целом, то я, будучи привержен именно его изучению⁶⁶, вопреки мнению И.Е. Сурикова (АГ-4. С. 357), отнюдь не склонен трактовать эллинизм исключительно как «шаг “вперед

60 См. наиболее основательные работы: *Curty O. Les parentés légendaires entre cités grecques.* Genève, 1995; *Lücke S. Syngeneia. Epigraphisch-historische Studien zu einem Phänomen der antiken griechischen Diplomatie.* Frankfurt am Main, 2000

61 См. на примере Вифинии, Понта и Каппадокии: *Michels Chr. Kulturtransfer und monarchischer “Plihellenismus”.* Bithynien, Pontos und Kappadokien in hellenistischer Zeit, Göttingen, 2009. S. 253-342.

62 Этого не может не признавать и сам И. Е., хотя и в предельно общем плане (АГ-4. С. 357). См. работу, в которой обоснованно оспариваются некоторые «предубеждения» относительно взаимоотношений эллинистической монархии и полисов: *Strootman R. Knigs and Cities in the Hellenistic Age // Political Culture in the Greek City after the Classical Age / van Nijf O. M., Alston R., Williamson C. G. (eds.).* Leuven; Paris; Walpole (Ma), 2011. P. 141–152.

63 *Сизов С.К. Федерализм и этническое самосознание в эллинистической Греции // Социальные структуры и социальная психология античного мира / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1993. С. 85–89.*

64 *Сизов С.К. О суверенитете полисов в федерациях эллинистической Греции // Среда, личность, общество / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1992. С. 144–145.*

65 *Сизов С.К. Отцы-основатели США об уроках древнегреческого федерализма // Проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1995. С. 87–93.*

66 Не исключено, что меня мой друг и коллега имплицитно причисляет к тем упоминаемым в конце книги «почитателям эллинизма», которых «и в нашей стране более чем достаточно» (АГ- 4. С. 356). С последним утверждением, к сожалению, придется поспорить: отдельные секции по эллинистической истории стали неотъемлемой частью крупных регулярных

и выше» по сравнению с греческим полисным обществом предшествующих эпох. Управляемая мудрым и благодетельным царем идеальная эллинистическая монархия, которая может служить образцом экономического и культурного процветания, социальной гармонии и «братства народов», мне представляется такой же утопией, как и «полис как система, как стройная, напоминающая произведение искусства система, возникшая и развивавшаяся до логических пределов на протяжении... нескольких столетий» (АГ-4. С. 356). Эллинистический мир, на мой взгляд, стал цивилизацией, которая была куда в большей мере, чем иные общества, подвержена воздействию универсального закона больших чисел. В нем наличествовало огромное количество самых разнообразных, противоречивых и неоднозначных явлений. Одни из них, безусловно, носили прогрессивный характер: географические открытия, освоение греками и македонянами отдаленных земель, энергичная государственная деятельность некоторых наиболее одаренных и осознающих ответственность своей миссии царей, основание новых городов (части из них была суждена долгая и славная судьба), мощный рост научно-технических достижений, а в конечном итоге – создание того цивилизационного базиса, который активно использовался Римской, а затем и Византийской империями. Другие, напротив, не могут быть оценены иначе, чем крайне негативно: жестокие и кровопролитные войны (многократно большего масштаба, нежели в классической Греции!), заговоры, узурпации и убийства при царских дворах, деспотизм и извращенность целого ряда монархов – за счет таких явлений и создавался клишированный образ эллинистического мира как олицетворения деградации и разложения некогда блестящей греческой цивилизации под тлетворным азиатско-египетским влиянием. В этом соединении малосочетаемых между собой явлений – прогресса и упадка, монархии и полиса, а главное, разумеется – Запада и Востока, в таком «единстве многообразия»⁶⁷ и кроется неповторимая специфика эллинизма как исторического явления. Для меня эллинизм именно этим интересен и притягателен, он кажется мне миром более ярким, динамичным и живым, нежели холодновато-прекрасная классическая Греция. В любом случае, для адекватного постижения эллинистической цивилизации – безусловно, иной по своей сути, нежели полисная цивилизация классической Греции, в чем нельзя не согласиться с И.Е. (АГ-4. С.) – мне кажется более перспективным исходить именно из критериев ее *внутренней* оценки. На роль «колокольни»⁶⁸, с которой следует вести ее обозрение, куда лучше подходит, к примеру, Александрийский маяк, и с его высоты эллинизм наверняка покажется чем-то гораздо более значимым и содержательным, нежели просто «постклассика» (АГ-4. С. 356)

конференций, таких как «Сергеевские чтения» в МГУ и «Жебелевские чтения» в СПбГУ, лишь за последние несколько лет, а тематические конференции по эллинистической конференции в России остаются редким явлением до сих пор.

67 В свое время я не случайно выбрал именно такое название для собранного мною выпуска (см. прим. 2). Ср., однако, с названием одной из глав книги И.Е.: «Единство в многообразии» (Суриков И.Е. Полис, логос, космос. С. 39–67).

68 «Мы смотрим на античность с “колокольни” полисного эллинского мира» (АГ-4. С. 356). И на римскую античность тоже?

**«РУБЕЖ ИР-МЕР-А/МЕР-МЕР-А»:
ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СООБЩЕНИЯ СТК. 6 «СТЕЛЫ САТРАПА»¹**

Первая часть древнеегипетской иероглифической «Стелы сатрапа», датирующей первым месяцем сезона *axet* Года 7 формального царствования в Египет Александра, сына Александра Великого и Роксаны (т.е. 9 ноября – 8 декабря 311 г. до н.э.; стк. 1, Urk. II. 12. 12–13. 2)², содержит восхваление сатрапа Египта Птолемея и описание его деяний (сткк. 1–6, id. 12.12–15.17). Наша статья посвящена ее заключительному фрагменту, описывающему некую военную кампанию Птолемея, идентификация которой вызвала длительную и, по существу, до сих пор не вполне завершившуюся дискуссию (стк. 6, id. 15.12–16):

m-ḥt nn wd3 pw ir.n.fr p3 tš n Ir-mr-3/Mr-mr-3 it.f zn m 3t w^ct in.f mš^c.z(n) m Byw ḥmwt ḥn^c ntr(w).zn m-šw ir.zn r B3qt

Суммарный перевод этого сообщения, обоснованием которого послужат как наши комментарии, относящиеся к некоторым присутствующим в нем иероглифическим написаниям и лексическим значениям, так и наша последующая аргументация, выглядит следующим образом:

После этого (помимо этого?)^а выступил он (сатрап Птолемей; букв. «выступление это, (которое) сделал он») к рубежу^б Ир-мер-а/Мер-мер-а^в. Схватил он их в миг один, увел (букв. «принес») ^г он народ^д их в качестве мужчин /и/ женщин^е с богом/богами их^ж в качестве возмездия за /то, что/ сделали они против^з Египта^и.

а) Стандартное значение словосочетания *m-ḥt nn*, часто встречающегося в начале периодов, – «после этого», т.е. временное (Wb. III. 345. 14; ср. в Мендесской стеле: Urk. II. 39. 3; в Канопском декрете: id. 144. 9); вместе с тем для предлога *m-ḥt* фиксируется также и значение «у кого-либо, вместе с кем-либо, при ком-либо» (о предмете, находящемся у того или иного лица или вблизи него, в сочетании данного предлога с существительным или личным местоимением-суффиксом: id. 19–20; ср., например, в «Стеле сатрапа», стк. 5, Urk. II. 15. 7: *ib.f šḥm mi drd m-ḥt šfnw* «сердце его (было) сильно подобно ястребу рядом с маленькой птицей»). Употребление этого выражения в данном случае должно с наибольшей вероятностью указывать на то, что эпизод, описанный в рассматриваемом фрагменте,

1 Статья публикуется в рамках проекта «Эпоха эллинизма и ее правители в зеркале традиционных мировоззрений народов Ближнего Востока (на примере Египта и Месопотамии)» (грант РГНФ 15-01-00431).

Автор глубоко благодарен проф. Э. Винтеру (Трирский университет), д-ру Д. Шефер (Тюбингенский университет) и Д. фон Реклинггаузену, М.А. (Тюбингенский университет), содействовавших работе над этой статьей присылкой своих публикаций.

2 *Skeat T. C. The Reigns of Ptolemies². München, 1969 (Münchner Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 39). P. 9; Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven, 2011 (Studia hellenistica, 50). S. 56; cf. Beckerath J. von. Chronologie des pharaonischen Ägypten: Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. München; B., 1997 (Münchner ägyptologische Studien, 46). S. 198.*

считался составителями «Стелы...» следующим по времени за предшествующим ему в изложении, т.е. за кампанией сатрапа Птолемея и Селевка в Восточном Средиземноморье 312–311 гг. до н.э., кульминацией которой стала их победа над Деметрием в битве при Газе, по-видимому, и отразившаяся в тексте «Стелы...» с наибольшей яркостью; стк. 4–6, Urk. II. 15. 2–10³. Менее вероятно, что в данном случае мы имеем дело с не находящим аналогий вариантом второго значения данного предлога, предполагающим его сочетание не с личным, а с указательным местоимением: «подле, сверх, помимо этого (т.е. кампании Птолемея)» – в смысле, «помимо этого, кроме этого».

б) Употребленное здесь слово *tš* имеет в среднеегипетском языке стандартное значение «граница» (Wb. V. 328; более ранним его написанием является слово *tš* (id. 234–236); вместе с тем так в данном контексте «Стелы...» его переводят лишь немногие⁴. Обоснованной альтернативой такому переводу применительно к позднеегипетским текстам могло бы стать значение «область, округ, ном»⁵; однако можно согласиться с мнением автора недавнего монографического исследования «Стелы сатрапа» Д. Шефер, что оно едва ли обнаружилось бы применительно к территории, лежащей вне Египта. Вместе с тем, по ее наблюдению, большинство исследователей «Стелы сатрапа» уже достаточно давно переводят его как «область, страна, земля»; присоединяется к их позиции и сама Шефер⁶. При этом она справедливо критически относится к мнению Х. Клинкотта и С. Кубич, согласно которому разница в употреблении равнозначных в таком случае по смыслу слов *tš* и *tš* (Wb. V. 215: «земля») должна состоять в том, что первое обозначает небольшую, а второе – обширную территорию⁷: по словам Шефер, небольшое угодье «Земля Уаджит» (*pš tš n Wšdt*), о котором идет речь во второй части «Стелы сатрапа» (стк. 7, Urk. II. 16. 7; и далее) во всяком случае не могло быть обширнее, чем район, обозначенный в данном контексте термином *tš*.

К сожалению, ориентация на словоупотребление «Стелы сатрапа» изменяет Д. Шефер, когда она решает вопрос о значении слова *tš* в принципиальном плане. Легко заметить, что в «Стеле...», при описании конкретных границ пресловутой «Земли Уаджит» они и обозначаются этим словом (стк. 14, Urk. II. 20. 3; стк. 15, id. 8)⁸, в то время как территория Восточного Средиземноморья

3 Приведем для ясности полностью перевод и транслитерацию этого описания, к которому нам еще предстоит возвращаться: «Собрал он хау-небу многих с конницей их, суда морские с войском их, вышел он (букв. “выхождение это, сделанное им”) в страну (людей) хару, которые были в войне с ним. Вошел он в пределы их, (причем было) сердце его (было) сильно подобно ястребу рядом с маленькой птицей. Схватил он их разом (букв. “в один раз”). Увел (букв. “принес”) он вождей их, конницу их, морские суда их, богатства (букв. “чудеса”) их все в Египет» (*stwt.n.f Hšw-nbwt ššw hn̄ | ssm(wt).zn kbn(wt) ššw(t) hn̄ mš̄c.zn šm(t) pw ir.n.f hn̄ mš̄c.f r pš tš n Hšrw wn.zn hr hš hn̄c.f k̄.f m hn̄w.zn ib.f šhm mi drd m-ht šfnw it̄.n.f sn m sp w̄c in.f wrw.zn ssm(wt).|zn kbn(wt).zn biš(wt).zn nb(wt) r Bšqt*). См. о полемике в связи с отнесением этого описания к кампании Птолемея 319–318 или 312–311 гг. до н.э.: *Ладынин И. А.* Обозначение *Stt* в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 13. 4): к восприятию мировой державы Аргеадов на Востоке // ВДИ. 2002. №2. С. 8, прим. 16; *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 116–123 (bes. S. 117, Anm. 410–412; по мнению Д. Шефер, одно из возражений против идентификации описанного в «Стеле...» похода с кампанией 312–311 гг. до н.э. – упоминание об участии в нем флота, отсутствующее у античных авторов, – может быть снято, если предположить, что данное описание включает в себя и в целом реминисценции военных действий третьей войны диадохов, с 315 г. до н.э., в которых флот Птолемея был задействован; на самом деле, и в таком предположении нет необходимости, поскольку описание «Стелы...» может включать в себя как подробности, не акцентированные в античной традиции, так и чистые условности, какой, например, несомненно, является описание триумфального возвращения в Египет с богатой добычей).

4 Cf. *Goedicke H.* Comments on the Satrap Stela // BES. 1985. Vol. 6. P. 33 (“border of the Arameans”); *Bresciani E.* Letteratura e poesia dell’antico Egitto. Torino, 1990². P. 639 (“confini”). Здесь и ниже при обсуждении интерпретации древнеегипетских лексических значений и иероглифических написаний мы, как правило, приводим позиции исследователей-египтологов и не учитываем производные от них трактовки в антиковедческих работах.

5 См.: *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 107, Anm. 358 (с отсылкой к ряду работ, в частности: *Müller-Wollermann R.* Demotische Termini zur Landesgliederung Ägyptens // *Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond* / Ed. J. H. Johnson. Chicago, 1992 (Studies in the Ancient Oriental Civilisations, 51). P. 243–247; cf. DZA 28.136.430 (“Gau der irmjtjw”); *Roeder G.* Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto // *Roeder G.* Die ägyptische Götterwelt. Zürich, 1959 (Die ägyptische Religion in Texten und Bildern, 1). S. 102 (“Gau von Jarmer”); *Kaplony-Heckel U.* Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter zugunsten der Götter von Buto (Satrapenstele), 311 v. Chr. // *Texte aus der Umwelt des Alten Testament. Bd. I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte.* Aachen, 1982. S. 615 (“Gau von Ir-mer”).

6 *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 107.

7 *Klinkott H., Kubisch S.* Ein lykischer Polisname in der Satrapenstele Ptolemaios’ I. // *Chiron.* 2005. Bd. 35. S. 541.

8 По мнению Д. Шефер, здесь имеет место переключка между значениями данного слова «граница» и «область, округ, ном» (применительно к территориям, которые разграничиваются; *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 168–169, Komm. ‘g’); однако такое построение выглядит достаточно искусственно.

в контексте кампании сатрапа Птолемея в 312–311 г. обозначена как раз словом *t3* (стк. 5, Urk. II. 15. 4:

p3 t3 n H3rw «страна (людей) Хару»⁹; см. прим. 2). При этом единственным основанием для того, чтобы присваивать слову *t3* в интересующем нас контексте значение «область, страна, земля», могло бы быть лишь словоупотребление демотических текстов¹⁰, прежде всего хорошо известного Канопского декрета, где словосочетаниям древнегреческому ἕκ τε Συρίας καὶ Φοινίκης (OGIS I. 56, l. 17) и позднесреднеегипетскому *m Rtnw i3bt m t3 n Kfyw* («в Речену восточном (и) в стране Кефтиу»; Urk. II. 131. 7–8) соответствует демотическое словосочетание *p3 t3 (n) p3 t3r p3 t3 (n) n3 Hr* (стк. 18 демотического текста стелы из Таниса)¹¹. В свое время Я. К. Винницкий высказывал мнение, что позднесреднеегипетский язык «Стелы сатрапа» испытал влияние разговорного демотического языка времени ее создания¹², и, исходя из этого, в частности, считал тождественными по смыслу *p3 t3 n H3rw* в «Стеле...» и *p3 t3 (n) n3 Hr* в Канопском декрете¹³. Вместе с тем аргументы Винницкого о демотическом влиянии на язык «Стелы...» не столь сильны¹⁴; а соотнесение этих словосочетаний, на самом деле, убеждает в том, что слову *t3* в его демотическом значении «область, страна, земля» в «Стеле сатрапа» соответствует как раз *t3*! В таком случае, скорее следует считать, что в словоупотреблении «Стелы сатрапа» значения этих двух слов различны и в интересующем нас контексте слово *t3* все же обозначает «границу» (очевидно, пограничную область).

в) Между исследователями «Стелы сатрапа» нет единства в установлении транслитерации данного обозначения. Разногласия вызывала прежде всего идентификация третьего по порядку знака в его написании как GG(SL) G₁ (3)¹⁵ или G₄ (*tuw*)¹⁶; в ряде транслитераций или транскрипций этот знак оказался вообще проигнорирован¹⁷. На наш взгляд, сопоставление этого знака с несомненными примерами употребления в тексте «Стелы...» знака GG(SL) G₁ – например, в определенном артикле *n3* в ряде

9 Нам представляется правильным предложенное в свое время К. Зетэ прочтение этого обозначения как *p3 t3 n H3rw*, а не *p3 t3 n3 H3rw*: Urk. II. 15. Anm. 'a'.

10 *Erichsen W.* Demotische Glossar. Kopenhagen, 1954. S. 656; DWL 07453. Характерным образом, Д. Шефер обошлась без специальной мотивации своего выбора, ограничившись указанием, что значение «область» для слова *t3* в данном случае более осмысленно (*Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 107: "...ist in diesem Fall eine Übersetzung als „Gebiet“ doch sinnvoller").

11 *Pfeiffer St.* Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung. München; Leipzig, 2004 (Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, Beiheft 18). S. 94–95, 97–98.

12 *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312–311 v. Chr. (II) // *AncSoc.* 1991. Vol. 22. P. 166–167, not. 54.

13 *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. P. 169–170 (тем самым, по мнению исследователя, словосочетание *p3 t3 n H3rw* в «Стеле сатрапа», исходя из параллелей демотическому *p3 t3 (n) n3 Hr* в Канопском декрете, обозначало Финикию, и именно этот регион, согласно данному памятнику, был целью кампании сатрапа Птолемея 312–311 гг. до н.э.).

14 Отмеченная польским исследователем частота использования в тексте «Стелы...» определенного артикля характерна и для более ранней, новоегипетской, фазы развития древнеегипетского языка, и само ее наличие в позднесреднеегипетском тексте нисколько не должно удивлять: *Jansen-Winkel K.* Spätmittelägyptische Grammatik. Wiesbaden, 1996 (Ägypten und Altes Testament, 34). S. 145–146. §§ 238–239. В частности, появление артикля *p3* в словосочетании *p3 t3 n Ir-mr-3/Mr-mr-3*, в котором мы и видим обсуждаемое нами слово *t3*, вполне соответствует свойственному позднесреднеегипетскому языку правилу его употребления при обозначении неслучайных, известных лиц, предметов и т.д.: *ibid.* S. 145. § 239 (1).

15 *Goedicke H.* Comments on the Satrap Stela. P. 34 (*Iri-mi-3*); *Recklinghausen D. von.* Ägyptische Quellen zum Judentum // *ZÄS.* 2005. Bd. 132. S. 149 (*Irm3w*); *Klinkott H., Kubisch S.* Ein lykischer Polisname. S. 535 (*Ir-mr-3*); *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 98, 108 (*Ir-m3.w*).

16 *Brugsch H.* Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi, des Satrapen // *ZÄS.* 1871. Bd. 19. S. 3 (*mer-mer-ti*); *DZA* 28.136.430 (*irmjtjw*); *Kaplony P.* Bemerkungen zum ägyptischen Königtum vor allem in der Spätzeit // *CdÉ.* 1971. T. 46. P. 257, n. 1 (*Irmrtj.w* (*Irm3*)); *Giveon R.* Les Bédouins Shosou des documents égyptiens. Leiden, 1971 (Documenta et Monumenta Orientis Antiqui, 22). P. 181 (*Iritj.w*); *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. P. 171, n. 74 (*Imrtj.w*; устное сообщение Х.-Й. Тиссена); *Lodomez G.* De Satrapenstèle // *Zij schreven geschiedenis: historische documenten uit het Oude Nabije Oosten* (2500–100 v. Chr.) / Ed. R. J. Demarée, K. R. Veenhof. (Mededelingen en verhandelingen van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap "Ex Oriente Lux", 33), Leiden, 2003. P. 436 (*Irmjtjw*).

17 *Roeder G.* Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto. S. 102; *Kaplony-Heckel U.* Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter. S. 615–616, Anm. 6b ("Gau von Ir-mer"; *Ir-mr*, с признанием возможным и чтения *Mr-mr*; см. ниже); *Ritner R. K.* The Satrap Stela (Cairo JdÉ 22182) // *The Literature of Ancient Egypt* / Ed. by W. K. Simpson. New Haven, 2003³. P. 393–394, n. 4 ("the territory of Irem", исходя из вероятности локализации данной области в Верхней Нубии; см. ниже).

словосочетаний (стк. 5, Urk. II. 15. 4: p3 t3 n H3rw «страна (людей) Хару»¹⁸; стк. 15, Urk.

II. 20. 4: n3 ʕ3wy «двое ворот»¹⁹), в составе знака GG(SL) G₃ в написании (sm3wy. f «обновление его»; стк. 12, Urk. II. 18. 17)²⁰ – не оставляет сомнений, что в данном случае мы также имеем дело с ним, и едва ли его целесообразно игнорировать в транслитерации. Не вызывает особых сомнений чтение знака GG(SL) N₃₆ как *mr*, хотя в связи с этим высказывались и другие предположения²¹. Наконец, большинство исследователей полагает, что первый из использованных в написании хоронима фонетических знаков, GG(SL) D₄ имеет свое обычное фонетическое значение *ir* (см. транслитерации в наших прим. 14–16). Однако У. Каплони-Хекель обратила внимание на возможность того, что этот знак может иметь и значение *mr*²², из которой в свое время явно исходил и Х. Бругш²³: в соответствии с таким значением в позднесреднеегипетских (еще доптолемеевских) текстах слово

«глаз» может иметь форму *mrt* (Wb. II. 107), а среди памятников, хронологически весьма близких к «Стеле сатрапа», такая его форма зафиксирована, в частности, в надписях гробницы Петосири в Туна эль-Гебель²⁴. Таким образом, итоговое чтение данного хоронима как *Mr-mr-3* представляется возможным, хотя твердо обосновать его предпочтительность (как, впрочем, и предпочтительность чтения *Ir-mr-3*), на наш взгляд, проблематично.

В 2005 г. Х. Клинокотт и С. Кубич высказали предположение, что знак GG(SL) D₄ в данном написании, как в передаче неегипетского обозначения, может иметь фонетическое значение *il*, что позволило бы транслитерировать обозначение в целом как *Il-mr-A*, или *Ili-mr-A*, и отождествить его с названием города Лицира в Ликийи; в таком случае данное сообщение «Стелы...» в целом должно было бы относиться к действиям сатрапа Птолемея в Малой Азии в 311 г. до н.э.²⁵ Данная позиция осталась маргинальной, и серьезные возражения против возможности подобного чтения данного знака были высказаны Д. Шефер²⁶.

Наконец, важный нюанс в интерпретации данного обозначения, – это некоторые особенности, позволяющие выявить в его основе этноним (по крайней мере, в понимании составителей стелы). Последние

три знака в его написании – это GG(SL) T₁₄ (бумеранг), употребленный как детерминатив и вообще служащий детерминативом для обозначений чужеземных народов и стран (последних – скорее таких, названия которых образованы от этнонимов), N₂₅ (нагорье), обычный детерминатив в написа-

18 См. прорисовку с фотографии «Стелы...»: Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 98; фотографию: ibid. S. 318, Taf. 4.

19 См. прорисовку с фотографии «Стелы...»: Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 163; фотографию: ibid. S. 320, Taf. 6.

20 См. прорисовку с фотографии «Стелы...»: Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 135; фотографию: ibid. S. 319, Taf. 5.

21 *m* (Kaplony P. Bemerkungen zum ägyptischen Königtum. S. 257, Anm. 1) или *mi* (Goedicke H. Comments on the Satrap Stela. P. 34); cf. Daumas Fr. et al. Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine. T. III. Montpellier, 1990. P. 468 (знаки N₅₈₉ and N₅₉₃). Нам представляется, что нет необходимости оспаривать применительно к данному знаку его стандартное для среднегипетских, в т. ч. для позднесреднеегипетских, текстов фонетическое значение и приписывать ему одно из этих значений птолемеевского времени.

22 Kaplony-Heckel U. Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter. S. 615–616, Anm. 6b; cf. Daumas Fr. et al. Valeurs phonétiques. T. I. 1988. P. 148 (знак D₈₃).

23 Brugsch H. Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi. S. 3.

24 Lefebvre G. Le tombeau de Petosiris. I: Description. Le Caire, 1923; II: Les texts. Le Caire, 1923; III: Vocabulaire et planches. Le Caire, 1924. P. 32 (' *mrtj* yeux d'un dieu'), 43 ('*hntj-mrtj* epithète d'Horus "aux deux yeux"').

25 Klinkott H., Kubisch S. Ein lykischer Polisname. S. 542–544, 557.

26 Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 110 (исследовательница обращает внимание на надежно зафиксированные примеры топонимов с начальным компонентом li-, в которых он передан с помощью знака GG(SL) D₂₁ , на отсутствие гласного компонента перед начальным l-, для передачи которого мог бы служить знак GG(SL) D₄ с его фонетическим значением как в древнегреческом и ликийском, так и в древнеегипетском языках, а также на то, что среди детерминативов к обозначению *Tr-mr-3/Mr-mr-3* нет знака GG(SL) O₄₉ , ожидаемого в написаниях названий городов).

ниях названий чужеземных стран, и Z_2 | | | (три расположенные рядом черты), опять же обычный детерминатив, показывающий либо форму множественного числа определяемого им слова, либо то, что оно обозначает некое собирательное понятие (человеческий коллектив, материал, состоящий из множества дискретных частиц и т.п.)²⁷. Трудно сказать, воспринималось ли данное обозначение составителями «Стелы...» как слово множественного числа – фонетические знаки иероглифического написания соответствующую флексию не отразили, а знак GG(SL) Z_2 не обязательно подразумевает ее наличие; однако последний знак, во всяком случае, предполагает, что данное слово обозначает нечто неединичное, по его смыслу (и в особенности в контексте знака GG(SL) T_{14}) явно некую общность людей. О том же говорит и согласование этого слова в последующем тексте с местоимением-суффиксом

3 л. мн. ч. $.zn$ (однажды стяженным в иероглифическом написании $mš^c.z(n)$ до $.z$). Таким образом, $p3 tš n Ir-mr-3/Mr-mr-3$ – это или в буквальном смысле «рубеж (людей, народа) $Ir-mr-3/Mr-mr-3$ »²⁸, или «рубеж (страны) $Ir-mr-3/Mr-mr-3$ », при том что само ее название есть производная от этнонима ее жителей и представление об этом прочно удерживается в выборе местоимения для согласования с данным словом в последующем тексте²⁹. В этом смысле данное обозначение почти полностью аналогично обозначению $p3 t3 n H3rw$ в предыдущем фрагменте «Стелы...» (за исключением того, что в его иероглифическом написании нет знака GG(SL) T_{14} ³⁰).

г) Иероглифика: . По мнению Д. Шефер, $in.n.f$ – форма $sdm.n.f$, передающая действие, предшествующее моменту повествования³¹. На наш взгляд, вполне вероятно, что GG(SL) N_{35} (n)

в данном случае представляет собой фонетический комплемент³² к W_{25} (in) и не имеет самостоятельного чтения; в таком случае эта форма однородна в данном периоде с глагольной формой $it.f$ (форма $sdm.f$), очевидным образом также выражающей значение прошедшего времени.

д) Употребленный здесь термин $mš^c$ изначально известен в значении «войско, армия, военный отряд» (Wb. II. 155); однако с определенного этапа к нему добавляется и новое значение «народ, множество людей», безотносительно не только к роду их занятий, но, как в некоторых случаях показывает сопровождающая этот термин группа детерминативов (например, в Канопском декрете в составе словосочетания $wsht-mš3$, Urk. II. 154. 4–5: , также и к их половому составу³³. Авторы берлинского «Словаря египетского языка» квалифицировали это значение слова $mš^c$ как языковое явление позднего, а точнее эллинистического времени (cf. Wb. II. 155. 13; Belegstellen II. 229). В эту эпоху данное значение соседствует с традиционным³⁴, но позднее оно становится практически единственным: так, в коптской Библии, где производные от $mš^c$ оказываются параллелями к греческим $ὁ λαός$ (Исх. 8:1) и даже $δῆμος$ (Деян. 12:22) в Септуагинте³⁵; а своего рода итог истории этого слова в древнеегипетском языке подводит объяснение трактата Горapolloна, безусловно относящееся к детерминативу слова

27 Gardiner A. H. Egyptian Grammar. Oxford, 1957³. P. 513; 488; 535.

28 Cf. Brugsch H. Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi. S. 10 ("Gebiet der Bewohner von Marmarica"); Goedicke H. Comments on the Satrap Stela. P. 33 ("border of the Arameans"); Winnicki J. K. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. P. 184 ("Gebiet der Araber"); Lodomez G. De Satrapenstèle. P. 436 ("gebied van de Irmtyw"); Recklinghausen D. von. Ägyptische Quellen zum Judentum. S. 149 ("Gebiet der Irm3w").

29 В переводах, передающих это обозначение как название страны, данный нюанс обычно не учитывается или, по крайней мере, не акцентируется: Roeder G. Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto. S. 102 ("Gau von Jar-mer"); Kaplony-Heckel U. Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter. S. 615 ("Gau von Ir-mer"); Bresciani E. Letteratura e poesia. P. 639 ("confine della Marmarica"); Ritner R. K. The Satrap Stela. P. 393 ("territory of Irem"); Klinkott H., Kubisch S. Ein lykischer Polisname. S. 535 ("Gebiet von Jr-mr-3").

30 Cf. Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 102–103. Komm. 'g'; 108.

31 Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 98.

32 Gardiner A. H. Egyptian Grammar. P. 38 (§ 32).

33 Spiegelberg W. Varia. 2: Bemerkungen zu Horapollon Hieroglyphica (2) // ZÄS. 1917. Bd. 53. S. 93.

34 Wilson P. A Ptolemaic Lexicon: A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu. Leuven, 1997 (Orientalia Lovanensia Analecta, 78). P. 469.

35 Černý J. Coptic Etymological Dictionary. Cambridge, 1976. P. 271.

mšc – знаку GG(SL) A₁₂ (): «Человек вооруженный и стреляющий из лука означает “множество людей”» (Horapoll. II. 12: Ἀνθρωπος καθωπλισμένος καὶ τοξεύων ὄχλον δηλοῖ)³⁶.

Единственный, насколько нам известно, случай возможного употребления слова *mšc* в данном значении до эпохи эллинизма обнаруживается в пассаже новоегипетского «Поучения Ани». В наиболее полном списке этот пассаж выглядит следующим образом: «Удаляйся от людей враждебных, (в то время как) сердце (твое) молчит посреди *mšc*» (pCG 58042 = Boulaq 4. 21.19–20: *i irw rwi r rmt-rqy iw ḥ3ty gr m-hnw p3 mšc*); вместе с тем несколько прозрачнее он выглядит в одном из более фрагментарных списков: «Удаляйся от (мятежников: приятно) молчащее сердце посреди драки *mšc*» (pLouvre E30144. 1.1–2: *irw rw[i... ndm] ḥ3ti gr m qn p3 mšc*). Ряд исследователей сочли возможным перевести слово *mšc* в этом контексте как «толпа», т.е. близко к тому значению, которое установилось в эллинистическое время³⁷: вместе с тем версия второго списка вполне внятно описывает поведение человека, вопреки желанию затесавшегося в потасовку вооруженных людей, и, соответственно, переводе слова *mšc* в данном контексте в соответствии с его исконным смыслом «войско, войны» кажется оправданным³⁸.

В таком случае наиболее ранние примеры употребления слова *mšc* в значении «народ, множество людей» действительно фиксируются лишь в начале эллинизма. К ним, безусловно, относится фрагмент надписи на статуе Louvre A88, описывающей деятельность вельможи Хора (по-видимому, современника конца XXX династии, второго персидского владычества и времени первых македонских царей): «(Сделал) священным я двор народа позади Хебес-бегет (топоним)» (стлб. 3: (*s*)*dsr: n.i wsht-mšc r ḥ3 n ḥbs-bgt*)³⁹. В данном контексте термин *mšc* оказывается в составе другого термина – *wsht-mšc* (; Wb. I. 366. 11: буквально «зал множества, зал народа»).

Согласно указанию П. Спенсер, это обозначение относилось к той части храмового комплекса, которая была открыта для публичного доступа⁴⁰, причем в птолемеевское время такими частями храмов становятся большие, обрамленные колоннадами дворы⁴¹, где, в частности, выставлялись для всеобщего сведения стелы с декретами жреческих синодов (OGIS I. 56, ll. 75–76; 90, l. 38 – ср., соответственно, Urk. II. 154. 4, 190. 1). При этом, хотя сама надпись, вне сомнения, относится к началу македонского времени, описанная в ней строительная деятельность Хора в Гераклеополе, по-видимому, происходила еще в конце XXX династии⁴² (в таком случае, как термин для обозначения данной части храма, так и само проявившееся в нем значение слова *mšc* могли сформироваться все же несколько раньше эллинистического времени). Что касается обсуждаемого фрагмента «Стелы...», значение в нем термина *mšc* определяется значением следующего за ним словосочетания *m ḥ3uw ḥmwt*: если справедлива та его интерпретация, которой мы придерживаемся (см. наш следующий комментарий «е»), то *mšc* в данном контексте также означает «народ» (очевидным образом, народ «(людей) Ир-мер-а/Мер-мер-а»⁴³. Следует иметь в виду, что такое значение слова *mšc* можно обнаружить в «Стеле сатрапа» только в данном контексте: в других случаях оно сохраняет свое традиционное значение «войско» (стк. 2, Urk. II. 13. 10; стк. 5, id. 15.4) или «военный отряд, команда корабля» (стк. 5, id. 15. 3).

36 Цит. по: Spiegelberg W. Varia. 2: Bemerkungen zu Horapollon Hieroglyphica. S. 93.

37 Spiegelberg W. Varia. 2: Bemerkungen zu Horapollon Hieroglyphica. S. 93, Anm. 2; Quack J.-F. Die Lehren des Ani: Ein neuägyptischer Weisheitstext in seinem kulturellen Umfeld. Freiburg and Göttingen, 1995 (Orbis Biblicus et Orientalis, 141). S. 114–115, 142–143.

38 Cf. Suys É. La Sagesse d’Ani, texte, traduction et commentaire. Rome, 1935 (Analecta orientalia, 11). P. 85.

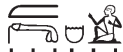
39 Vercoutter J. Les statues du général Hor, gouverneur d’Hérakleopolis, de Busiris et d’Héliopolis (Louvre A88, Alexandrie, s.n.) // BIFAO. 1950. T. 49. P. 89, pl. II–III; Perdu O. Statues privées de la fin de l’Égypte pharaonique (1070 av. J.-C. –300 apr. J.-C.). Tome 1: Hommes. P., 2012. P. 361–362.

40 Spencer P. The Egyptian Temple: A Lexicographical Study. London, 1984. P. 77.

41 Arnold D. Temples of the Last Pharaohs. New York.; Oxford 1999. P. 148.

42 Gorre J. Les relations du clergé égyptien et des Lagides d’après les sources privées. Leuven, 2009 (Studia Hellenistica, 45). P. 204–207.

43 Cf. Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 110–111.

е) Иероглифика: По мнению Э. Винтера, в данном написании обращает на себя внимание

употребление в качестве детерминатива не группы знаков GG(SL) A₁+B₁ (), что ожидалось бы в обозначении коллектива, состоящего как из мужчин, так и из женщин, а только детерминатива

GG(SL) A₁ (); исходя из этого, Винтер сравнивает данное написание со словом *hm*,

или *hmtu* (Wb. III. 80. 7–8) – пейоративом, который включает в себя знак GG(SL) N₄₁ (),

связанный с семантикой женских половых органов, и используется в уничижительном смысле применительно к трусливым воинам⁴⁴. Соответственно, как считает Винтер, словосочетание *Ḳywt hmwt* относится к действительному войску «(людей) *Tr-mr-3/Mr-mr-3*», будучи опять же пейоративом (нечто вроде «женомужчины»)⁴⁵. Мы согласны с Д. Шефер в том, что пропуск «женского» детерминатива GG(SL) B₁ в данном написании едва ли принципиально значим: само словосочетание *Ḳywt hmwt* слишком хорошо известно в стандартном значении «мужчины (и) женщины» (Wb. V. 345. 4), в том числе и в текстах

эллинистического времени (см., например, Канопиский декрет: Urk. II. 151. 10:), характерным образом вообще без антропоморфных детерминативов и с ясной древнегреческой параллелью *ἄνδρας καὶ τὰς γυναῖκας*; OGIS. I. 56, l. 69), чтобы уклоняться от него в данном случае⁴⁶.

ж) Иероглифика: Особенность данного написания – использование в нем чисто фонетических одногласных знаков, а не знака GG(SL) R₈ (), с помощью которого слово *ntr* («бог») пишется обыкновенно идеографически (Wb. II. 358; в т. ч. в других случаях в «Стеле сатрапа»: надписи наверху, Urk. II. 11. 10, 16; 12.8; стк. 1, id. 12. 14; стк. 4, id. 14. 9; и др.); кроме того, в данном написании у слова *ntr* вообще отсутствуют какие-либо детерминативы. На необычность фонетического написания этого слова обратил внимание Э. Винтер, констатирующий, что оно встречается очень редко и в данном случае должно быть употреблено не случайно, а также предложивший его перевод формой множественного числа⁴⁷. Как до этого, так и позднее ряд исследователей считали, что это написание вообще передает не слово *ntr*, однако его убедительная интерпретация (прежде всего, не вызывающее возражений установление конкретного слова или словосочетания, переданного таким образом) так и не была достигнута⁴⁸. Между тем для слова *ntr* такое написание все же

44 См. подробнее: *Ладынин И. А.* «Стелы Сесостриса»: Топос античной историографии и древнеегипетские реалии // ВДИ. 2012. № 1. С. 7, прим. 17.

45 *Winter E.* Weitere Beobachtungen zur “grammaire du temple” in der griechisch-römischen Zeit // Tempel und Kult / Hrsg. von W. Helck. Wiesbaden, 1987 (Ägyptologische Abhandlungen, 46). S. 70–71. Независимо от данной публикации, в частном обсуждении на возможность такой интерпретации обращал наше внимание д-р Д. Кан (Университет Хайфы).

46 *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 112.

47 *Winter E.* Weitere Beobachtungen zur “grammaire du temple”. S. 70. Ср. с его написанием одногласными знаками, с использованием детерминативов, в форме множественного числа, согласно «Словарю египетского языка» (Wb. II. 358, верх

страницы):

48 *Brugsch H.* Ein Dekret Ptolemaios’ des Sohnes Lagi. S. 3, 10 (“sammt ihren Rossen”; неясно, почему в данном контексте в качестве добычи должны упоминаться именно кобылы, а не вообще «лошади» – *ssm(wt)*, – как выше, в описании кампании в Восточном Средиземноморье – стк. 6, Urk. II. 15. 9, см. выше прим. 2); DZA 24.411.110 (“nebst dem was sie besaßen”; карточка расписана К. Зете); *Kaplony-Heckel U.* Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter. S. 616 (“samt aller ihrer Habe”); *Bresciani E.* Letteratura e poesia. P. 639 (“e i loro valorosi”). При этом последние три исследователя не оговорили, какой именно транслитерацией данного написания они руководствовались; по мнению Д. Шефер, в первых двух случаях оно было транслитерировано примерно как *nt(y) (i)r(y).zn* («все относящееся к ним» = все их имущество), причем сама Шефер считает такой вариант не исключенным (*Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 113). Думается все же, что он маловероятен: другие фрагменты «Стелы сатрапа» не фиксируют перехода в написании слова *nty* («который») *t* в *t* (см., например, стк. 7, Urk. II. 16. 6; стк. 8, id. 6. 14, 15; стк. 15, id. 20. 1; стк. 16, id. 20. 13; стк. 18, id. 21. 12, 13). Что касается перевода Э. Брешиани, то само употребленное ею слово *valorosi* неясно: с меньшей вероятностью оно может означать «ценности» (в таком случае исследовательница должна

возможно⁴⁹, и целый ряд исследователей «Стелы...» все же переводили данный фрагмент исходя из этого и, как правило, видя в данном написании форму множественного числа⁵⁰.

Вместе с тем решение вопроса о чтении данного написания, очевидно, невозможно без интерпретации более обширного фрагмента «Стелы...», составляющего его контекст и посвященного уводу сатрапом Птолемеем людей *Tr-mr-3/Mr-mr-3*; в конечном счете, оно сопряжено и с идентификацией этого обозначения. Пожалуй, наиболее подробное суждение в связи с этим высказал относительно недавно Д. фон Реклингхаузен: по его мнению, данное обозначение относится к арамеязычным жителям Восточного Средиземноморья (см. ниже, в нашей основной аргументации), и если к контексте упоминания их культа слово «бог» (по его мнению, в единственном числе) выписано столь необычно, значит, крайне необычен с точки зрения египтян сам этот культ. Данное написание исследователь считает адекватным представлению о безобразном и не имеющем культовых атрибутов, обычных для ритуалистических религий, боге Яхве, и, соответственно, включает это сообщение в число египетских свидетельств о евреях и иудаизме⁵¹. В дальнейшем эта интерпретация была фактически без какой-либо критики воспринята Д. Шефером⁵².

Как представляется, данная интерпретация весьма уязвима. Само предположение о том, что именно специфика неритуалистического монотеистического культа могла обусловить в данном случае фонетическую запись слова *ntr*, достаточно произвольно (см. ниже). Еще более существенно, что как раз представление о монотеистическом божестве едва ли совместимо с возможностью в каком-либо смысле и куда бы то ни было его «переместить», хотя бы и вместе с его приверженцами (тем более что сама эта депортация, как превосходно знали бы египтяне, не могла носить тотальный характер по отношению к широко расселенным в диаспоре евреям).

Вместе с тем, безусловно, заслуживает обсуждения вопрос о том, почему в действительности знак

 GG(SL) R₈ (), наиболее частотный для передачи слова *ntr*, мог быть пропущен в данном случае, исходя из его семантики. Согласно крупнейшему египтологу-религиоведу Э. Хорнунгу, этот знак представляет собой изображение некоего предмета, полностью закрытого полосой ткани, похожей на мумификационные бинты: «флажок» в верхней его части представляет собой на самом деле конец бинта, оставшийся свободным и отходящий в сторону⁵³. Семантика этого знака достаточно ясна: он изображает предмет, подобный ранним культовым фетишам, являющийся вместилищем сакральной силы в земном мире и целенаправленно изолированный от любого случайного соприкосновения с ним, поскольку оно необычайно опасно. При этом представление о таком предмете как о вместилище сакральности в земном мире предполагает, что в своей истинной природе эта сакральность пребывает в трансцендентности (на «небе» египетских и общеархаических представлений о местопребывании богов); видимо, именно с этим связано неприятие этого знака Эхнатоном для обозначения своего божества⁵⁴, которое этот царь считал всецело находящимся в земном мире в его природе солнечного

была ориентироваться на примерно ту же транслитерацию, что Зете и Каплони-Хекель), с большей – «храбрые, доблестные». Как отмечает Д. Шефер, такой перевод восходил бы к лексическому значению слова *tnr* (Wb. V. 382–383), и в таком случае можно было бы допустить, что, по мнению Брешиани, данное написание отражает это слово с метатезой первых двух согласных (*Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 114*); однако получаемый при таком допущении перевод контекста этого слова, мягко выражаясь, невнятен («...увел он войско их в качестве мужчин (и) женщин вместе с храбрыми их» – стоящими, непонятным образом, вне войска и при этом не являющимися ни мужчинами, ни женщинами!). Наконец, Х. Клинкотт и С. Кубич допустили, что данное написание воспроизводит некое демотическое слово со значением «дети» (*Klinkott H., Kubisch S. Ein lykischer Polisname. S. 545*); уязвимость такого допущения показала Д. Шефер (*Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 114*).

49 См. репрезентативную сводку примеров написания данного слова в форме как единственного, так и множественного числа одногласными знаками, как с использованием детерминативов, так и без них: *Recklinghausen D. von. Ägyptische Quellen zum Judentum. S. 152*.

50 DZA 20.878.220 (“Götter” – пометка неизвестного исследователя на карточке, расписанной К. Зете); *Roeder G. Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto. S. 102* (“zusammen mit ihren Göttern (*Bildern*)”); *Ritner R. K. The Satrap Stela. P. 394* (“together with their gods”).

51 *Recklinghausen D. von. Ägyptische Quellen zum Judentum. S. 152*.

52 *Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 130–131*.

53 *Hornung E. Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many. Ithaca (N.Y.), 1996. P. 33–40*.

54 *Перепелкин Ю. Я. История древнего Египта. СПб., 2000. С. 304*.

диска. По существу этих представлений, слово nTr , выписанное с помощью знака GG(SL) R_8 , вполне могло быть родовым обозначением для монотеистического божества, в том числе и для Яхве в религии иудаизма: как его существование в трансценденции, так и наличие его проявлений в земном мире (в случае Яхве – прежде всего, в знаменитом Иерусалимском храме, где в его пользу в IV в. до н.э. совершался ритуал) не вызывали сомнений. Напротив, отсутствие в написании слова ntr этого знака скорее наводило бы на мысль, что речь идет о каком-то предмете или феномене, который считался связанным с сакральной сферой, но на самом деле такой связи не имел, так что никакая сакральная сила в нем не воплощалась.

В прямой связи с этим уместно поставить вопрос: что именно в представлениях конца IV в. до н.э. могло быть связано со сферой сакрального и вместе с тем доступно для захвата завоевателем в качестве добычи? Ответ на этот вопрос применительно к обсуждаемому фрагменту уже дал Г. Рёдер, поместивший в его переводе в скобках вслед за словом “Göttern” краткое пояснение *Bildern* (см. прим. 49). Вывоз культовых изображений из завоеванной страны, в том числе при подавлении восстаний в ней, – общеизвестная переднеазиатская практика, к которой, в частности, неоднократно прибегали в Египте персы⁵⁵; отсылка к таким эпизодам присутствует в самой «Стеле сатрапа» в сообщении о возвращении Птолемеем из Азии египетских культовых предметов (сткк. 3–4, Urk. II. 14. 9–11)⁵⁶. Захватывая нечто, связанное с культурами «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», сатрап Птолемей, по сути дела, уподобляет себя прибегавшим к такой практике великим переднеазиатским царям; насколько нам известно, это единственный случай перенесения данного мотива на правителя Египта в его иероглифических текстах⁵⁷. Вместе с тем в сообщении о возвращении Птолемеем культовых предметов из Азии изображения египетских божеств обозначены словосочетанием «образы богов» ($hmw n ntrw$), выписанным с использованием знака GG(SL) R_8 ()

Применительно к изображению чужеземного божества, сакральная сила которого для египтян была сомнительна, по-видимому, могло быть употреблено само слово ntr с оттенком уничижительности, который выразился в его написании без знака GG(SL) R_8 , исключавшем сакральность данного изображения (будто бы по отдаленной аналогии со словом «божок», употреблявшимся по отношению к культовым изображениям первобытных народов наблюдателями XIX – начала XX вв.). Вопрос о том, соответствует ли данное написание форме единственного или множественного числа этого слова, не столь принципиален, однако второй вариант, исходя из того, что войсками Птолемея был захвачен, очевидно, не единичный культовый предмет, вполне вероятен.

з) Большинство исследователей текста «Стелы сатрапа» полагают, что предлог r в данном контексте имеет значение «против»⁵⁸ и связан по смыслу с непосредственно предшествующими словами о возмездии «(жителям) Ир-мер-а/Мер-мер-а»⁵⁹. По мнению Х. Гёдике, пассаж описывает принятие сатрапом Птолемеем этих людей к себе на службу и порабощение их соплеменников по их требованию в вознаграждение за службу им (см. далее о привлечении Гёдике к интерпретации этого сообщения т.н. «Письма Аристея»); соответственно, предлог m перед словосочетанием $byw hmwt$ Гёдике понимает

55 Thissen H.-J. Studien zum Raphiadekret. Meisenheim, 1966 (Beiträge zur Klassischen Philologie, 23). S. 59–60; Winnicky J. K. Carrying Off and Bringing Home the Statues of the Gods: On the Aspect of the Religious Policy of the Ptolemies Towards the Egyptians // JJP. 1994. Vol. 24. P. 149–190; Ладынин И. А. Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемея // Мвѣѣ: Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2002. С. 202–225; ср.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 343.

56 «Принес он образы богов, найденные в Азии, с утварью всякой, “душами Ра” (священными текстами) всякими, принадлежащими храмам юга (и) севера. Вернул (букв. “дал”) он их на места их» ($in.n.f^c hmw n ntrw gm m-hnt Stt hn^c dbhw nb(w) b3w R^c nb(w) nw rw-prw rs mh^w | rdi.n.f.s(n) hr swt.zn$); cf. Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 74–83.

57 Ладынин И. А. От вместилищ богов к магическим помощникам: рецепция переднеазиатского представления о культовых изображениях в позднем и греко-римском Египте // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. 2014. Серия «Гуманитарные науки». Книга 3. С. 162–163.

58 Gardiner A. H. Egyptian Grammar. P. 126. § 163.9.

59 Brugsch H. Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi. S. 3 (“als Vergeltung dessen was sie gethan an Aegypten”); Roeder G. Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto. S. 102 (“als Ausgleich für das, was sie gegen Baket getan haben”); Kaplony-Heckel U. Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter. S. 616 (“als Vergeltung für das, was sie gegen Baqet getan hatten”); Ritner R. K. The Satrap Stela. P. 393 (“In retaliation for what they had done against Egypt...”); Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 99 (“als Ersatz für das was sie gegen Ägypten getan hatten”).

как «вместе» (“with”), а сложный предлог *m-ḥsw*⁶⁰ – «в качестве воздаяния, оплаты» (наемникам), а не «в качестве возмездия» (жителям *Tr-mr-3/Mr-mr-3* за их дела). Предложенный исследователем итоговый перевод пассажа выглядит так: “He brought their army, with men and women and their god, as reward for their doing, to Egypt”⁶¹.

Чисто формальное основание для такого перевода можно было бы усмотреть в параллелизме между данным пассажем и заключительной фразой описания кампании Птолемея в Восточном Средиземноморье: «Увел (букв. “принес”) он вождей их, конницу их, морские суда их, богатства (букв. “чудеса”) их все в Египет (*r B3qt*)» (см. прим. 2). Значение «вместе» для предлога *m* не зафиксировано⁶²; а соотношение словосочетания *r B3qt* с глагольной формой *in.f*, отделенной от него достаточно обширной последовательностью слов, крайне маловероятно – несравненно более оправдано видеть в *r B3qt* обстоятельство, относящееся к глагольной форме *ir.zn*. В таком случае нет особых оснований и трактовать предлог *m-ḥsw* так, как предложил Гёдике, связывая его с «воздаянием» Птолемея своим наемникам, а не с его «расплатой» с жителями разгромленной им области за их дела. В конечном счете, перевод данного пассажа, принятый большинством исследователей, выглядит более обоснованным, чем его альтернатива, предложенная Х. Гёдике.

Как уже было сказано в начале статьи, ключевой вопрос, связанный с интерпретацией рассмотренного фрагмента «Стелы сатрапа», – это идентификация описанной в нем исторической ситуации и, закономерным образом, идентификация пресловутого «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» с каким-то из городов, регионов или государственных образований, вовлеченных во внешнюю политику Птолемея к моменту составления «Стелы...». На первый взгляд, достаточно очевидно, что эти два направления интерпретации – идентификация исторической ситуации и идентификация наименования – не просто параллельны, а неразрывно связаны между собой, и сколько-нибудь окончательный результат может быть достигнут лишь при следовании им обоим. Однако данный фрагмент «Стелы...» и заслуживает, как нам кажется, внимания, не только как историческое свидетельство (в этом плане он как раз не столь уж важен), но и как поучительный пример забвения исследователями-египтологами этого очевидного методического принципа, приведшего к определенному разброду и неверным научным результатам.

Прежде чем перейти к рассмотрению высказывавшихся в связи с этим фрагментом мнений и собственно к его историческому анализу, стоит оценить, какие свершения сатрапа Птолемея и связанные с ним события, помимо похода на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а», отразились в исторической части «Стелы сатрапа». Таких эпизодов три: это возвращение Птолемеем вывезенных в свое время из Египта в Азию (несомненно, персами) изображений египетских богов и культовой утвари (см. прим. 54–55); перенесение им своей резиденции и столицы Египта в Александрию (стк. 4, id. 14. 13–16)⁶³; и кампания 312–311 гг. до н.э. в Восточном Средиземноморье (см. прим. 2). Прежде всего, все они укладываются в весьма узкий отрезок времени: очевидно, что, хотя возвращение из Азии культовых предметов и упоминается на первом месте, до войн Птолемея в Азии, т.е. кампании 312–311 гг. до н.э., оно должно быть воспринято как их результат и в таком случае приходится на одно время с этой кампанией или непосредственно после нее (в таком случае и сам порядок изложения этих эпизодов в исторической части «Стелы...» не строго хронологический). Что касается перенесения столицы в Александрию, то как раз во второй половине 310-х гг. до н.э. Птолемей начинает чеканить серебряные тетрадрахмы нового типа (с изображением Афины на реверсе), с характерной легендой ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΙΟΝ ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ на одном из их выпусков: эта легенда может быть понята двояко – как «Александрова (монета) Птолемея» (что соотносится с сохранением на аверсе этого выпуска изображения Александра) либо как «александрийская (монета) Птолемея»; однако аналогия с легендой другого чекана Птолемея в Кирене (золотых статеров и гемистатеров) ΚΥΡΑΝΑΙΟΝ ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ или ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ («киренская

60 Gardiner A. H. Egyptian Grammar. P. 132. § 178.

61 Goedicke H. Comments on the Satrap Stela. P. 34–35.

62 Gardiner A. H. Egyptian Grammar. P. 124–125. § 162.

63 «Сделал он местопребывание свое “Постройка царя Верхнего и Нижнего Египта Избранного (букв. “Излюбленного”) Ра, Избранного Амоном сына Ра Александра” имя ее, на берегу Греческого моря (“Великой зелени хау-небу”), Ра-кедет (“Постройка Ра”, греч. Ракотис) имя ее прежде» (*ir.n.f ḥnw.f P3-qdt (sbtj?)-n-nsw-bity-Mry-R^c-Stp-n-Imn-s3-R^c-Irwksindr^s rn.f ḥr spt w3d-wr H3w-nbw R^c-qdt rn.f ḥnt(y)*); cf. Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 83–98.

Птолема»)⁶⁴ убеждает в предпочтительности второго истолкования. Очевидно, что появление этого монетного типа должно находиться в прямой связи с перенесением столицы Египта в Александрию: оно знаменует и персонализацию власти сатрапа Египта, и ее легитимацию отсылкой к традиции, идущей от Александра (с помощью его изображения и легенды с упоминанием основанной им новой столицы Египта). Высказывалось мнение, что этот новый александрийский чекан был синхронен призыву Птолема к освобождению греческих полисов в начале третьей войны диадохов 315–311 гг. до н.э. (Diod. XIX. 62)⁶⁵; однако он лег в основу чекана Птолема в Сидоне, датированного 22-м годом местного царя Абдалонима, т.е. 312/1 г. до н.э. (несомненно, временем после победы Птолема и Селевка; о занятии в результате этой победы Птолемеем Сидона см.: Diod. XIX. 86. 1)⁶⁶. Примечательно и сходство легенд на александрийском и киренском чеканах Птолема: последний, вопреки О. Мёркхольму (см. прим. 63), было бы естественнее связать не с усилением контроля Птолема над Киреной, приведшим к восстанию в этом полисе, а как раз с таким значительным событием, как подавление этого восстания. Как нам представляется, эти аналогии, обнаруживающиеся для александрийского чекана Птолема, позволяют датировать не только его, но и отразившееся в нем напрямую событие – перенесение в Александрию столицы Египта – периодом около полутора лет до составления «Стелы сатрапа» (см. подробнее о киренском восстании и его датировке ниже). В таком случае в этом же хронологическом диапазоне концентрируются все три названных эпизода исторической части «Стелы сатрапа»: естественно думать, что к нему же должен относиться и четвертый эпизод похода на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а».

Следующий момент, очевидный в связи с эпизодами исторической части «Стелы...», отождествление которых не вызывает затруднений, – это их исключительная значимость. Важность перенесения резиденции Птолема в Александрию едва ли нужно доказывать: даже независимо от последующей и в 311 г. до н.э. еще не известной роли этого города в эллинистическом мире в самой египетской традиции смена столицы считалась важнейшей исторической вехой. Описание в «Стеле...» возвращения Птолемеем из Азии египетских культовых предметов – это самый ранний случай появления в официальном тексте одного из наиболее значимых пропагандистских топосов птолемеевского времени (см. прим. 54). Наконец, кампания в Восточном Средиземноморье в кон. 312 г. до н.э. включила в себя собой единственную крупную сухопутную битву и, по сути дела, была пиком военных успехов Птолема и Селевка в противостоянии Антигону и Деметрию во время третьей войны диадохов⁶⁷. В случае если три из четырех эпизодов, упомянутых в исторической части «Стелы сатрапа», – это события и свершения исключительной важности, можно было бы уже априорно ожидать, что и четвертый эпизод будет весьма значимым и логично встроится в этот ряд; в принципе было бы оправданно и рассчитывать, что его упоминание обнаружится не только в иероглифической «Стеле сатрапа», но и в каком-то из фрагментов античной исторической традиции.

Первый исследователь «Стелы сатрапа» Х. Бругш предложил отождествить кампанию против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» с достаточно хорошо известным эпизодом подавления сатрапом Птолемеем выступления против его власти Кирены⁶⁸. Очевидно, область Кирены⁶⁹, в числе других

64 *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336–188 B. C.). Cambridge, 1991. P. 64, pl. 92 (александрийские тетрадрахмы); 68, pl. 110 (монеты киренского чекана).

65 *Kuschel B.* Die neuen Münzbilder des Ptolemaios Soter // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte.* 1961. Bd. 11. S. 17.

66 Легенда этого монетного выпуска выглядела как ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, в соответствии с практикой более ранних чеканов Птолема, что объяснимо, учитывая его неалександрийскую локализацию: *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 65. Pl. 94; *Kuschel.* Die neuen Münzbilder des Ptolemaios Soter. S. 12–14; *Wheatley P.* The Year 22 Tetradrachms of Sidon and the Date of the Battle of Gaza // *ZPE.* 2003. Bd. 114. S. 268–276.

67 См., например: *Meuss A.* Successors, Wars of // *The Encyclopedia of Ancient History, First Edition / Ed. by R. S. Bagnall, K. Brodersen, C. B. Champion, A. Erskine, S. R. Huebner.* Malden (Ma.); Oxford, 2013. P. 6432.

68 *Brugsch H.* Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi. S. 13.

69 См. о Кирене в политике Птолема 320–10-х гг. до н.э., включая затрагиваемые ниже сюжеты: *Cloché P.* La dislocation d'un empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand (323–281/280 av. J. C.). P., 1959. P. 57–59; *Will Éd.* La Cyrénaïque et les partages de l'empire d'Alexandre // *AntClass.* 1960. T. 29. P. 369–390; *Seibert J.* Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München, 1969 (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 56). S. 91–96, 147; *Bagnall R.* The Administration of the Ptolemaic Possessions Outside Egypt. Leiden, 1976 (Columbia Studies in the Classical Tradition, 4). P. 25–26; *Laronde A.* Cyrène et la Lybie hellénistique: *Lybikai historiai* de l'époque républicaine au principat d'Auguste. P., 1987. P. 41–48, 85–128, 349–377; *Marini S.* Grecs et romains face au populations lybiennes. Dès origines à la fin de paganisme (VIIe s. av. J.-Ch – IV s. ap. J.-C.). Diss. Univ. Paris-Sorbonne – Paris-IV. P., 2013. P. 122–125 (Le *diagramma* de Ptolémée Ier);

территорий, обозначенных как «Ливия», впервые формально вошла в сферу влияния Птолемея при распределении сатрапий после смерти Александра Великого в Вавилоне летом 323 г. до н.э. (cf. Diod. XVIII. 3. 1; Plut. *Eum.* 3. 2; Nep. *Eum.* 2. 2; Iust. XIII. 4. 16); однако реально власть над этой областью сатрапа Египта была установлена лишь после поражения захватившего Кирену спартамца Фиброна (Diod. XVIII. 19. 2–21. 8; Arr. *Succ.* I. 17) птолемеевским военачальником Офеллом из Олинфа в кон. 320-х гг. до н.э. (Diod. XVIII. 21. 9; Arr. *Succ.* I. 17–18; cf. Iust. XIII. 6. 20, *Marmor Parium*, FGrHist. 239. В. 10–11). Вслед за этим соглашение в Трипарадесе подтвердило власть Птолемея над ливийскими территориями; Птолемея прибыл в Кирену (Arr. *Succ.* I. 19; *Marmor Parium*, FGrHist. В. 11) и, сохранив Офелла в качестве своего наместника, гарантировал ей в особой диаграмме права внутренней автономии (SEG IX.1)⁷⁰. В конце 310-х гг. до н.э. (по определенным соображениям мы пока воздержимся от более точной датировки этого события), как иногда считается, в ответ на призыв Антигона к греческим полисам о возвращении себе свободы, киренцы восстали против Птолемея; их восстание было подавлено весьма энергично и быстро войском Птолемея во главе со стратегом Агисом, отправившим его инициаторов в Александрию. Наиболее подробное сообщение об этом Диодора Сицилийского звучит следующим образом (XIX. 79. 1–3):

Тем же летом киренцы, восставшие против Птолемея, осадили крепость, как будто уже выбрасывая гарнизон, и, когда прибыли послы из Александрии и призвали их обуздать честолюбие, они убили их, а крепость осадили с большим рвением. Озлобленный на них, Птолемея послал Агиса стратегом с пешим войском, а также отправил вспомогательный флот, поставив навархом Эпайнета. Агис, рьяно атаковав отпавших, овладел городом с помощью штурма, зачинщиков мятежа закованных отослал в Александрию и, отобрав у прочих оружие и устроив все, связанное с городом, как ему казалось подходящим, вернулся в Египет⁷¹.

Когда Х. Бругш выдвинул свою интерпретацию сообщения «Стелы сатрапа» о кампании против «рубжеа Ир-мер-а/Мер-мер-а», классическое среднее образование было для ученых-гуманитариев нормой, а сведения античных источников и Ветхого завета образовывали естественный контекст любого вновь открытого древнеегипетского памятника. Возможно, именно поэтому Бругш не сформулировал сколько-нибудь четко и подробно свои основания к отождествлению сообщения «Стелы...» с киренскими событиями; тем не менее эти основания вполне очевидны. Киренаика безусловно могла быть охарактеризована как «рубжеж» владений Птолемея в Африке; в кампании Агиса против киренцев, как и в походе на «рубжеж Ир-мер-а/Мер-мер-а», был явно выражен карательный аспект; кампания Агиса завершилась депортацией виновников мятежа в Александрию, что могло стать основой соответствующего сообщения «Стелы...»; значимость данного эпизода, закрепившего власть Птолемея над важным районом греческого расселения на побережье Африки, не подлежит сомнению; и, наконец, само обозначение *Ir-mr-3/Mr-mr-3*, в особенности при принятии второго его чтения, могло быть сопоставлено с хоронимом «Мармарика», восходящим к названию ливийского племени мармаридов (Μαρμαρίδαι; уже для сер. IV в. до н.э. этот этноним засвидетельствован применительно к обитателям области Кирены в «Перипле Псевдо-Скилака», гл. 108: GGM I. 82)⁷². В итоге интерпретация данного

Жебелев С.А. Киренская конституция // Доклады АН СССР. 1929. №5. С. 77–84; Эйне А. Кирено-египетские отношения при первых Птолемеях // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 170–183; Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 173–180.

70 См. исчерпывающую библиографию по данному эпиграфическому памятнику в статье: Criscuolo L. Questioni cronologiche e interpretative sul *diagramma* di Cirene // Punicia, Libya, Ptolemaica: Festschrift für Werner Huss zum 65. Geburtstag / Hrsg. K. Geus und K. Zimmermann. Leuven; Paris; Sterling (Va.), 2001 (Orientalia Lovaniensia Analecta, 104 = Studia Phoenicia, 16). P. 141–158 (esp. 141–143, not. 2).

71 Τῆς δ' αὐτῆς θερίας Κυρηναῖοι μὲν ἀποστάντες Πτολεμαίου τὴν ἄκραν περιεστρατοπέδευσαν, ὡς αὐτίκα μάλα τὴν φρουρὰν ἐκβαλοῦντες, παραγενομένων δὲ πρεσβευτῶν ἐκ τῆς Ἀλεξανδρείας καὶ παρακαλοῦντων παύσασθαι τῆς φιλοτιμίας τούτους μὲν ἀπέκτειναν, τὴν δ' ἄκραν ἐνεργέστερον ἐπολιόρουν. ἐφ' οἷς παροξυνθεὶς ὁ Πτολεμαῖος ἀπέστειλεν Ἄγιν στρατηγὸν μετὰ δυνάμεως πεζῆς, ἐξέπεμψε δὲ καὶ στόλον τὸν συλληψόμενον τοῦ πολέμου, ναύαρχον ἐπιστήσας Ἐπαινετόν. ὁ δὲ Ἄγισ ἐνεργῶς διαπολεμήσας τοῖς ἀφεστικόνιν ἐκυρίευσεν κατὰ κράτος τῆς πόλεως καὶ τοὺς μὲν αἰτίους τῆς ἀποστάσεως δῆσας ἀπέστειλεν εἰς τὴν Ἀλεξανδρείαν καὶ τῶν ἄλλων τὰ ὄπλα παρελόμενος καὶ τὰ κατὰ τὴν πόλιν διοικήσας ὡς ποτ' ἔδοξεν αὐτῷ συμφέρειν ἐπανῆλθεν εἰς τὴν Αἴγυπτον.

72 Marini S. Grecs et romains face au populations lybiennes. P. 28–29.

фрагмента «Стелы...», предложенная Бругшем, была воспринята многими египтологами и в особенности антиковедами⁷³.

Наиболее существенные возражения против интерпретации Х. Бругша сводятся к следующему. Во-первых, прямое указание текста «Стелы...» – употребленное в начале описания похода на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» выражение *m-ht nn* («после этого»; см. наш комментарий «а») – позволяет считать данный эпизод продолжением описанной перед ним кампании в Восточном Средиземноморье, следующим за ней хронологически⁷⁴. Между тем, согласно повествованию Диодора, Птолемей после устройства киренских дел отбыл из Египта на Кипр, чтобы выступить против отказавшихся ему подчиняться царей (XIX. 79. 4)⁷⁵: вернув Кипр под свой контроль и совершив с его территории рейды в Киликию и Сирию (5–7), он возвратился в Египет и только после этого решил выступить совместно с Селевком в Восточное Средиземноморье, чтобы дать генеральное сражение Деметрию (80. 3). На первый взгляд, сама относительная хронология этих событий свидетельствует о том, что события в Кирене должны были предшествовать кампании в Восточном Средиземноморье; вместе с тем можно обратить внимание, что в самом описании устройства киренских дел в *gen. abs.* τῶν περὶ Κυρήνῃν... ἀπλητηκότων употреблена форма причастия перфекта, со свойственным ему значением не столько прошедшего времени, сколько результата прошлого действия в настоящем, одновременного с действием предложения, к которому относится *gen. abs.*⁷⁶. Сообразно этому, можно сказать, что пресловутое урегулирование в Кирене стало разворачиваться на момент отбытия Птолемея на Кипр (возможно, синхронно со взятием Кирены Агисом или даже лишь с отправкой туда карательных войск), при том что время его завершения в свидетельствах Диодора не определено. Что касается абсолютной хронологии этих событий, то, вопреки довольно устоявшемуся мнению о датировке киренского восстания 313 г. до н.э.⁷⁷, текст Диодора вполне допускает, что киренские события пришлось на лето того же года, осенью которого развернулась кампания Птолемея и Селевка в Восточном Средиземноморье и произошла битва при Газе, т.е. 312 г. до н.э. (нам представляется, что динамизм повествования Диодора побуждает считать именно так)⁷⁸. Однако в таком случае эти события были разделены лишь несколькими (максимум неполными пятью – с июня по октябрь) месяцами, причем достаточно легко представить, что урегулирование ситуации в столь значимом полисе, как Кирена, растянулось на длительное время и завершилось депортацией инициаторов восстания уже после начала кампании в Восточном Средиземноморье. Если эти события хотя бы отчасти перекрылись по времени, то логично перемены их мест в изложении «Стелы сатрапа» уже легко представить: описание *более значимого* из них (безусловно, кампании в Восточном Средиземноморье), во временном аспекте проассоциированное с его *началом*, было перемещено на место, предшествующее *завершению менее значимого*

73 Wachsmuth C. Ein Dekret des aegyptischen Satrapen Ptolemaios. I // RhM. 1871. Bd. 26. S. 470, 640 (по мнению данного исследователя, речь идет все же не о кампании Агиса как таковой, а о каком-то имевшем место примерно тогда же похода против собственно мармаридов); Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides. T. 1. P., 1903. P. 49, not. 1; Urk. II. 15; Kees H. Marmarika // RE. Hbd. XIV. 1930. Sp. 1881–1883; Gauthier H. Les nomes d'Égypte depuis Hérodote jusqu'à conquête arabe. Le Caire, 1935. P. 178–180; Roeder G. Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto. P. 102; Welles C. B. The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria // Historia. 1962. Bd. 11. 2S. 2. P/ 74, not. 8; Kaplony-Heckel U. Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter. S. 615–616, Anm. 6b; Bianchi R. S. Satrapenstele // LÄ. Bd. V. 1984. Sp. 492 (“maritime nomes”); Laronde A. Cyrène et la Lybie hellénistique. P. 373, n. 5. П. Фрэзер изначально принимал данную идентификацию «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», но в дальнейшем отказался от нее под влиянием египтологов Т. Джеймса и Ж. Йойотта: Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972. Vol. II. P. 12.

74 Goedicke H. Comments on the Satrap Stela. P. 33–34; Winnicki J. K. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. P. 175; Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 125, 129.

75 «Птолемей же, когда киренские дела вышли по его желанию, переправился из Египта с войском на Кипр против не повиновавшихся ему из числа его царей» (Πτολεμαῖος δέ, τῶν περὶ Κυρήνῃν αὐτῷ κατὰ νοῦν ἀπλητηκότων, διήρεν ἐκ τῆς Αἰγύπτου μετὰ δυνάμεως εἰς τὴν Κύπρον ἐπὶ τοὺς ἀπειθοῦντας τῶν βασιλέων).

76 Соболевский С. И. Древнегреческий язык. М., 1948. С. 86. § 450 (с отсылкой к: Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология. Синтаксис. М., 1948 (репр. 1998). С. 202–203 (§ 729–732)); Черный Э. Греческая грамматика. М., 2008. С. 487–488 (§ 102), 508–511 (§ 112), 579 (§ 143).

77 Boiy T. Between High and Low: a Chronology of the Early Hellenistic Period. Frankfurt a. M., 2007 (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte, 5). P. 144.

78 Meuss A. Diodorus and the Chronology of the Third Diadoch War // Phoenix. 2012. Vol. 66. P. 88, 92–93; см. о датировке битвы при Газе: Boiy T. Between High and Low. P. 145; Wheatley P. The Year 22 Tetrachms of Sidon and the Date of the Battle of Gaza. P. 274–275 (аргументы в пользу датировки битвы при Газе октябрем или, во всяком случае, не позднее чем ноябрем 312 г. до н.э.).

(урегулирования в Кирене). Такую последовательность нельзя было бы даже считать неоправданной хронологически, притом что, как мы уже говорили, сообщения в исторической части «Стелы сатрапа» допускают отступления от строгой хронологии. Как уже отмечалось, теоретически допустимо, что составители «Стелы...» вообще не соотносили кампании в Восточном Средиземноморье и против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» во времени, а имели в виду, что второй, менее значимый из них произошел *наряду* с первым, более значимым; но это кажется все же менее вероятным (см. комментарий «а»).

Второе возражение против интерпретации Х. Бругша сводится к тому, что, согласно Диодору, сатрапа Птолемей не принял личного участия в подавлении киренского восстания, в то время как «Стела...» приписывает ему участие в действиях против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а»⁷⁹. Заметим, однако, что согласно стяженному описанию Павсанием событий сатрапии Птолемея, киренское восстание как раз заставило его отбыть в Ливию и ослабить внимание к ситуации в Восточном Средиземноморье (Paus.I. 6. 5)⁸⁰. С другой стороны, может быть, не случайно, что описание в «Стеле...» похода против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», не содержит выражений, живописующих личного участия Птолемея в бою», в отличие от описания кампании в Восточном Средиземноморье (ср. «Вошел он в пределы их, (причем было) сердце его (было) сильно подобно ястребу рядом с маленькой птицей»; см. прим. 2). Как представляется, данное описание вполне может относиться к военному предприятию, которое было начато по воле правителя и с его личным участием, реализовано в значительной мере его агентами, но в целом, в полном соответствии со стилистикой древнеегипетских военных текстов, приписано прямо ему⁸¹. С этой точки зрения для соотнесения данного эпизода с событиями в Кирене не должно было бы возникнуть препятствий.

Симптоматично, что интерпретация Х. Бругша была предложена на том этапе развития египтологии, когда ее дробная отраслевая специализация еще не состоялась, а ее главной исследовательской задачей считался исторический учет вновь поступающих данных иероглифических источников⁸². По сути дела, с кон. XIX в. египтология пережила серьезный крен в сторону формального описания и сопоставления памятников, предполагающего также весьма формальный филологический и лексикографический анализ их текстов; из ее исследовательских приоритетов во многом вышло построение сводной картины политической истории Египта, а совместимость с ее фактами отошла среди критериев верификации вновь высказываемых интерпретаций на второй план по сравнению с их обоснованностью аналогиями в текстах и памятниках. В этой ситуации путем к интерпретации интересующего нас фрагмента «Стелы сатрапа» для египтологов не мог не стать поиск формальной аналогии иероглифическому написанию *Ir-mr-3/Mr-mr-3*; таковая была обнаружена в наименовании страны Ирем () и пр.⁸³), которая была известна в основном по источникам времени Нового царства и предположительно лежала на отрезке течения Нила в области его слияния с Атбарой (в современном центральном Судане)⁸⁴. Похоже, что впервые мнение об этом было высказано В.В. Струве⁸⁵, в своих ранних египтологических штудиях тяготевшим к нетрадицион-

79 Winnicki J. K. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. P. 176, n. 97.

80 «Когда же он (Антигон. – И. Л.) узнал, что Птолемей отправился походом в Ливию, так как от него отпала Кирена, он немедленно захватил Сирию и Финикию и, передав их своему юному сыну Деметрию, по разуму высокоодаренному, сам спускается к Геллеспонтю» (пер. С. П. Кондратьева под редакцией Е.В. Никитюк; ἐπεὶ δὲ ἐς Λιβύην ἐπέθετο στρατεύειν Πτολεμαῖον ἀφροστηκότων Κυρηναίων, αὐτίκα Σύρουσ καὶ Φοίνικας εἶλεν ἐξ ἐπιδρομῆς, παραδοὺς δὲ Δημητρίῳ τῷ παιδί, ἡλικίαν μὲν νέῳ φρονεῖν δὲ ἦδη δοκοῦντι, καταβαίνει ἐπὶ τὸν Ἑλλήσποντον).

81 Ср. с несравненно более серьезными искажениями реальности при изображении участия Тутанхамона в детском и отроческом возрасте в войнах на предметах его времени: Перепелкин Ю. Я. История древнего Египта. С. 319.

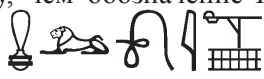
82 Ладынин И. А. Проблемы политической истории и хронологии древнего Египта. Древний Египет и окружающий мир в зарубежной и отечественной историографии // Историография истории древнего Востока. Учеб. для вузов / Под ред. В.И. Кузищина. Ч. 1. М., 2008. С. 120–121.

83 Zibelius K. Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texten Wiesbaden, 1972 (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B: Geisteswissenschaften, 1). P. 84.

84 O'Connor D. The Location of Irem // JEA. 1987. Vol. 73. P. 99–136.

85 Struwe W. W. Zur Geschichte Ägyptens der Spätzeit // Известия АН СССР. 7 серия. Отд. гум. наук. 1928. С. 199–200.

ным и далеко не всегда оправданным интерпретациям⁸⁶; а затем, кажется, через посредство Ф.К. Киница оно перешло и в зарубежную историографию⁸⁷. Некоторых принявших его исследователей вообще не очень занимал вопрос о правдоподобии столь дальнего похода войск сатрапа Птолемея в южном направлении⁸⁸; однако те, кто его справедливо затрагивал, пришли к выводу, что речь должна идти о пограничном конфликте в области Элефантины⁸⁹ и что, возможно, термин *Irm* в данном контексте служил политонимом, обозначающим соседствовавшее с Египтом с юга Мeroитское государство⁹⁰. Надо сказать, что последнее допущение совершенно необходимо как дополнение к гипотезе об отражении в «Стеле...» некоего конфликта на южной границе Египта: в противном случае было бы совершенно непонятно, почему прилегающие к ней области Нубии обозначены именно как «Ирем». Вместе с тем и против этого допущения можно выдвинуть серьезные возражения. В иероглифических текстах стел царей Мероэ IV в. до н.э., словоупотребление которых стоит принимать во внимание в связи с предполагаемыми мероитскими аллюзиями в собственно египетских текстах этого времени, их государство в целом называется совершенно иначе (стела Хорсиотефа: *p3 ʔ Nḥsy*, Urk. III. 116, 118; стела Настасена: *p3 ʔ sty*, id. 144, 146, 147–149); что же касается названия его центра – собственно города Мероэ, –

оно пишется в текстах этого времени также по-другому, чем обозначение *Irm* (, – в стеле Настасена, id. 142, 147–148; – в списке нубийских «номов» из Филэ времени Птолемея II Филадельфа, Urk. II. 120). При этом одно из самых поздних зафиксированных употреблений обозначения *Irm* – в надписи царя Ирикеаманоте из Кавы (II. 411)⁹¹ – заведомо относится не к Мeroитскому государству в целом и не к его столичному региону. При этом античная традиция не только ничего не знает о походах сатрапа Птолемея в южном направлении, но, напротив, Диодор, ориентирующийся в этом на Агафархида Книдского, прямо говорит, что первым из Лагидов, воевавшим в Нубии, был Птолемей II Филадельф (FGrHist. 86. F. 19 = Diod. I. 37. 5)⁹². Исходя из всего сказанного, согласиться с отождествлением наименований «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» «Стелы сатрапа» и страны Ирем в Нубии невозможно.

Однако пытливость египтологов в поиске точного соответствия данному обозначению «Стелы...» не ограничилась названиями местностей Африки, а с 1970–80-х гг. обратилась также и на азиатские этнонимы. Надо заметить, что если основания для соотнесения обозначений *Ir-mr-3/Mr-mr-3* и *Irm* были чисто формальными, то в данном случае к ним присоединилось и существенное соображение, легшее в основу критики «киренской» версии Х. Бругша: если сведения источника о двух кампаниях

Однако пытливость египтологов в поиске точного соответствия данному обозначению «Стелы...» не ограничилась названиями местностей Африки, а с 1970–80-х гг. обратилась также и на азиатские этнонимы. Надо заметить, что если основания для соотнесения обозначений *Ir-mr-3/Mr-mr-3* и *Irm* были чисто формальными, то в данном случае к ним присоединилось и существенное соображение, легшее в основу критики «киренской» версии Х. Бругша: если сведения источника о двух кампаниях

86 См., например, вполне фантастические реконструкции некоторых фактов биографии Манефона Севеннитского: *Спрыве В.В.* Манефон и его время. СПб., 2003. С. 100–101.

87 *Kienitz F. K.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. В., 1953. S. 134–135, Anm. 3.

88 *Swinnen W.* Sur la politique religieuse de Ptolémée Ier // Les syncretismes dans les religions grecque et romaine. Colloque de Strasbourg (du 9 au 11 juin 1971) / Paris, 1973 (Bibliothèque des Centres d'études supérieures spécialisés. Travaux du Centre d'études supérieures spécialisé d'histoire des religions de Strasbourg, 27). P. 123, not. 4; *Кормышева Э. Е.* Политические взаимоотношения Куша с державой Птолемея в III–II вв. до н.э. // Мероэ: История, история культуры и языка стран Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна. Вып. 3. М., 1985. С. 164–165 (при этом исследовательница локализует Ирем на побережье Красного моря и считает, что поход Птолемея мог быть направлен против этой области, «на широте между вторым и третьим породами»). Примечательна позиция исследователя собственно африканских топонимов в древнеегипетских текстах К. Цибелиус-Чен: исходно она не стала включать обозначение «Стелы сатрапа» в свою сводку написаний наименования Ирем (*Zibelius K.* Afrikanische Orts- und Völkernamen. S. 84); но позднее в отдельной публикации настаивала на их идентификации (*Zibelius-Chen K.* Ist “der Schakal” der Feind des Nastasen? Ein Problem der napatanschen Geschichte // SAK. 2006. Bd. 35. S. 368–369, Anm. 9).

89 *Priese K.-H.* *ʕrm* und *ʕ3m*, das Land Irame. Ein Beitrag zur Topographie des Sudan im Altertum // AoF. 1974. Bd. 1. S. 8–42 (bes. 26–27; относя обозначение *Irm* в целом к области 3-го порога, Призе считает, что сообщение «Стелы...» относится к нападению на Египет племени блеммиев); *Huss W.* Ägypten in der hellenistischen Zeit, 332–30 v. Chr. München, 2001. S. 135–136.

90 *Kaplony P.* Bemerkungen zum ägyptischen Königtum. S. 257, Anm. 1; *Ritner R. K.* The Satrap Stela. P. 393–394, not. 4.

91 *Zibelius K.* Op. cit. S. 84 (VIIAa30).

92 *Burstein S. M.* Elephants for Ptolemy II: Ptolemaic Policy in Nubia in the Third Century B.C. // Ptolemy II Philadelphus and His World / Ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008 (Mnemosyne Supplements, 300). P. 137–138.

сатрапа Птолемея расположены в хронологическом порядке, то вторая из них должна была продолжать первую, приходится на самый конец 312 или начало 311 г. до н.э. и происходить, очевидно, также в Восточном Средиземноморье (см. выше наш комментарий «а» и прим. 73). Р. Гивеон предположил, что за обозначением *Ir-mr-3/Mr-mr-3* скрывается наименование арабов⁹³, а Х.-Й. Тиссен, по сообщению К. Винницкого, увидел в нем этноним «амориты» (очевидно, не раскрывая, какое значение он мог иметь в I тыс. до н.э.)⁹⁴. Наконец, Х. Гёдике в 1985 г. предложил трактовку, которой была суждено дальнейшее развитие в последующей историографии: по его мнению, сам поход на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» представлял собой возвращение сатрапа Птолемея с войском из Восточного Средиземноморья в Египет через территорию Палестины, поэтому данное обозначение может соответствовать наименованию ее жителей как «арамеев». В подтверждение своего мнения исследователь сослался на т.н. «Письмо Аристея» (один из текстов эллинистического времени, примыкающих к ветхозаветной традиции), согласно которому Птолемей I после успешного похода в Келесирию и Финикию депортировал 100 тысяч из населения Палестины, сделав из них 30 тысяч мужчин в расцвете сил воинами, а остальных, по требованию первых, обратив в рабство для услужения им⁹⁵. По сути дела, эта позиция была реанимирована Д. фон Реклингхаузенем, считавшим, что разгрому и депортации сатрапом Птолемеем подверглись евреи: этот исследователь уточнил, что термин «арамеи» в данном случае должен обозначать не конкретные этнос или политику, а в целом арамеязычное население Восточного Средиземноморья, к которому принадлежали и евреи, и предложил свою оригинальную интерпретацию фонетического написания слова *ntr* в контексте произведенной Птолемеем депортации (см. выше наш комментарий «ж»)⁹⁶. Фактически эта интерпретация была принята коллегой фон Реклингхаузена по работе в Тюбингенском университете Д. Шефер (см. прим. 51).

Я.К. Винницкий уделил походу на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» особое внимание в своем обширном исследовании военных действий Птолемея и Селевка в Азии в 312–311 гг. до н.э.⁹⁷ Мнение Х. Гёдике о соотношении сведений «Письма Аристея» с сообщением «Стелы...» показалось ему необоснованным⁹⁸, а ключевыми для его интерпретации он счел данные античной исторической традиции. Хотя в ней и упоминаются репрессии Птолемея против городов Восточного Средиземноморья до его отступления в Египет в 311 г. до н.э. (Diod. XIX. 93. 7; Ios. *Ant. Jud.* XII. 3–9), Винницкий счел, что они плохо согласуются со свидетельством «Стелы...» о краткости данного эпизода⁹⁹; более вероятным ему показалось его соотношение с предполагаемым совместным походом Птолемея и Селевка весной 311 г. до н.э. на столицу Набатейского царства Петру¹⁰⁰. Сообразно своей трактовке, Винницкий понимал присутствующее в «Стеле...» обозначение (*p3 tš Irm3j.w* в его транслитерации) как «область арабов», но при этом не считал вполне убедительными выкладки Р. Гивеона на материале иероглифических текстов, приведенные им в обоснование сходной интерпретации¹⁰¹.

Последняя попытка понять обозначение, присутствующее в данном фрагменте «Стелы...», совершенно по-новому была предпринята Х. Клинтотом и С. Кубич, решившими соотнести его с названием ликийского города Лимира – места неких военных действий Птолемея в начале 311 г. до н.э.; вместе с тем существенные чисто формальные возражения против такой интерпретации были предложены

93 *Giveon R.* Les Bédouins Shosou. P. 181.

94 *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. P. 181.

95 *Goedicke H.* Comments on the Satrap Stela. P. 33–35; см. издание текста: *Charles R. H.* The Apocrypha and Pseudoepigrapha of the Old Testament. Vol. 2: Pseudoepigrapha. Oxford, 1913. P. 95–122 (Х. Гёдике привел название данного издания неверно – со словом Pseudoepigraphica); *Shutt R. J. H.* Aristeas, Letter of // ABD.

96 *Recklinghausen D. von.* Ägyptische Quellen zum Judentum. S. 149–153; cf. *Pfeiffer St., Recklinghausen D. von.* Inversion des Exodus: Aus der Sklaverei in die Freiheit. Juden im frühptolemäischen Ägypten // *Honi soit qui mal y pence. Studien zum pharaonischen, griechisch-römischen und spätantiken Ägypten zu Ehren von Heinz-Josef Thissen / Hrsg. von H. Knuf, Ch. Leitz und D. von Recklinghausen.* Leuven; Paris; Walpole (Ma.), 2010 (Orientalia Iovanensia analecta, 194). S. 409–415.

97 *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. S. 170–185.

98 *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. S. 176, Amn. 96.

99 *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. S. 176.

100 *Ibidem*; см. об этом предполагаемом походе, после которого, по мнению Винницкого, Селевк отправился отвоевывать свои владения в Вавилонии: *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312–311 v. Chr. (I) // *AncSoc.* 1989. Vol. 20. P. 78–83.

101 *Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. (II). S. 180, 184.

Д. Шефер, и по этой причине ее не приходится рассматривать всерьез (см. выше наш комментарий «в» и прим. 24 и 25).

Среди интерпретаций, предложенных в рамках азиатской локализации «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», версия Х. Гёдике, развитая Д. фон Реклингхаузенем, может показаться продуманной и по-своему привлекательной (в том числе своей привязкой к конкретному сообщению внеегипетской традиции – «Письма Аристея»), однако и против нее можно выдвинуть серьезные возражения. Прежде всего, нет уверенности, что пресловутая большая депортация евреев, о которой говорит «Письмо Аристея», была предпринята сатрапом Птолемеем именно в кон. 312 – нач. 311 гг. до н.э.: сведения этого источника естественно связать с сообщением Агафархида Книдского о взятии Птолемеем Иерусалима в субботу и о последовавшей за этим депортации жителей Палестины (FGrHist. 86. F 20b = Ios. *Ant. Jud.* XII. 5), однако исследователи относят этот эпизод к кампании не только 312–311¹⁰², но, с не меньшими основаниями, 319/318¹⁰³ и 302–301 гг. до н.э.¹⁰⁴. Далее, совершенно неочевидно, что обозначение *Ir-mr-3/Mr-mr-3* должно и в самом деле отражать обозначение «арамеи», а последнее – быть ассоциировано именно с евреями, как частью арамеязычного населения Восточного Средиземноморья. Высказавшим такое предположение египтологам следовало бы прибегнуть к излюбленному приему поиска в иероглифических или демотических текстах аналогов такого обозначения носителей арамейского языка, чтобы убедиться в его безрезультатности; демотические же тексты подсказывают, что употребительным в Египте обозначением арамейского языка было *sh Išwr*, а его носителей (очевидным образом, не строго евреев) – *rmt Išwr*¹⁰⁵. А в представленной Д. фон Реклингхаузенем сводке упоминаний евреев и их страны в древнеегипетских текстах как раз обозначение *Ir-mr-3/Mr-mr-3* резко выбивается из общего ряда слов, явным образом передающих этнонимы «Израиль, Иуда, евреи»¹⁰⁶, т.е. содержащих несравненно более отчетливые (очевидно, и для самих египтян) указания на этот народ. О натянутости трактовки Д. фон Реклингхаузенем чисто фонетического написания слова *ntr* как обозначения монотеистического божества «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» уже шла речь выше (см. комментарий «ж»). Наконец, ни один из исследователей, придерживавшихся «арамейской» интерпретации данного фрагмента «Стелы...», не объяснил, какая именно вина евреев перед Египтом могла в данном контексте иметься в виду (Х. Гёдике, возможно, не случайно, предложил такую интерпретацию словосочетания *r B3qt*, которая вовсе избавляла его от необходимости такого объяснения – см. комментарий «з»; однако ни фон Реклингхаузен, ни Д. Шефер ее с себя не снимали и лишь указали на неясность этого вопроса¹⁰⁷). Чисто спекулятивно такую вину евреев можно было бы найти – в особенности в реминисценциях об этапах гиксосского завоевания Египта, как показывают фрагменты Манефона, весьма актуальных для египтян кануна и начала эллинизма и связанных с их представлениями о генезисе еврейской государственности¹⁰⁸; однако отсылка к этому, как и к любому иному, мотиву вражды египтян к евреям предполагало бы все же прежде всего более определенное их именование (если не деривативом от их собственных этнонимов, то хотя бы каким-то обозначением, содержащим отсылку к гиксосскому прошлому). Отсутствие в тексте «Стелы сатрапа» пояснений по поводу вины «(людей) Ир-мер-а/Мер-мер-а» перед Египтом хотя бы на уровне аллюзий скорее побуждает считать, что такая характеристика вообще не требовалась, так как их вина была «заложена» в самой описываемой ситуации: они предприняли серьезное (и, при своей серьезности, общеизвестное) враждебное действие против Египта, и предпринятый ими поход карает их непосредственно за это.

Что касается интерпретации Я. К. Винницкого, следует прежде всего учесть, что сам его тезис о походе Птолемея и Селевка в 311 г. до н.э. против Петры был, по сути дела, лишь допущением. Однако,

102 Winnicki J. K. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. (II). S. S. 157–164.

103 Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2: История диадохов. М., 1893. С. 88. Whitehorne J. Ptolemy (1) // ABD.

104 Чериковер В. Эллинистическая цивилизация и евреи. СПб., 2010. С. 83–89.

105 Botta A. [Outlook: Arameans outside Syria:] Egypt // The Arameans in Ancient Syria / Ed. by H. Niehr. Leiden; Boston, 2014 (Handbook of Oriental Studies. Section 1 The Near and Middle East, 106). P. 366.

106 Recklinghausen D. von. Ägyptische Quellen zum Judentum. S. 156.

107 Recklinghausen D. von. Ägyptische Quellen zum Judentum. S. 152, Anm. 33; Schäfer D. Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen. S. 131.

108 Ладьянин И. А. «Завоеватель Сесонхосис»: Войны Пешонка I в Азии и их вероятное отражение в античной традиции о великом египетском царе-завоевателе // Восток, Европа, Америка в древности. Выпуск 3: Труды XVIII Сергеевских чтений. М., 2014. С. 53–55.

даже приняв его, еще труднее, чем в связи с предполагаемой карой в отношении арамеязычных евреев, объяснить, почему именно это событие отпечатлелось в сознании составителей «Стелы сатрапа» как стоящее в одном ряду с другими большими свершениями Птолемея в конце 310-х гг. до н.э. Равным образом, трудно понять, какая общеизвестная вина перед Египтом арабских племен Набатейского царства могла бы иметься в виду в данном контексте.

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям над сообщением «Стелы сатрапа» о походе Птолемея против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» и над историей его изучения, можно сказать, что само оно, безусловно, не предоставляет возможностей для его полностью доказательной и однозначной трактовки. Разумеется, нельзя исключить, что со временем станут известны новые данные, которые сделают такую трактовку возможной: однако на сегодняшний день суждение по поводу этого сообщения прежде всего будет основываться на взвешивании аргументов в пользу уже высказывавшихся его интерпретаций и против них. В связи с этим приходится констатировать, что мнение Х. Бругша об отражении в нем подавления киренского восстания никоим образом нельзя считать сданным в архив: этот эпизод по своему масштабу и значению оптимально встраивается в событийный ряд исторической части «Стелы сатрапа»; само сопоставление сообщения «Стелы...» с данными античных источников о киренском восстании выглядит весьма убедительно; а возникающие в связи с этим возражения отводятся, на наш взгляд, с большей полнотой, чем аргументы против альтернативных трактовок. Сам же факт того, что среди трактовок данного сообщения наиболее состоятельна исторически и наименее противоречива именно та, которая была выдвинута на начальном этапе развития египтологии, со свойственной для него установкой на плодотворный исторический синтез вновь поступающих данных древнеегипетских источников со сведениями античной и библейской традиции, хотелось бы охарактеризовать словом, которое мы уже употребили выше: он поучителен.

В заключение мы обратимся к еще одному доводу в пользу «киренской» интерпретации сообщения «Стелы...», который трудно назвать ключевым; зато мы надеемся порадовать им юбиляра и бенефициария этого сборника – давнего энтузиаста изучения древнегреческого полиса на материале разных источников. Как мы уже говорили, уведенная в плен общность «(людей) Ир-мер-а/Мер-мер-а» обозначена в сообщении «Стелы...» словом *mšc* в его значении «народ»; и данный контекст – это буквально один из первых случаев, в которых такое значение для него зафиксировано (см. комментарий «д»). То, что гражданин классического полиса был воином, а суверенное народное собрание, в случае войны, по сути дела, превращалось в готовую к бою армию, – азбучная истина антиковедения. Разумеется, женщины в греческих полисах не сражались с оружием в руках; но в силу гражданского статуса, распространявшегося и на них, они также должны были принимать на себя долю обязанностей и тягот, связанных с военным временем. Пожалуй, стоит вспомнить в этой связи, что целая серия сообщений Полиэна посвящена участию греческих женщин в войнах своих полисов (Polyaen. VIII. 63–71), причем одно из этих сообщений посвящено как раз роли киренянок в одной из войн с царем династии Птолемея (id. 70)¹⁰⁹. Исходя из этого, обозначение плененного Птолемея народа как *mšc* можно считать вполне адекватным отражением средствами позднесреднеегипетского языка одной из фундаментальных реалий греческой жизни и еще одним аргументом в пользу того, что речь идет именно о Кирене – полисе на периферии владений Птолемея. Понятно, что упоминание в этом контексте не об уводе в плен лишь зачинщиков восстания (вполне вероятно, значительной части элиты Кирены), а якобы о тотальной депортации всего населения полиса – это преувеличение, в принципе, мыслимое в древнеегипетском победном тексте. Трудно сказать, что конкретно имеется в виду под захватом «бога» или «богов» «(людей) Ир-мер-а/Мер-мер-а»; но можно представить, что какая-то реальная первооснова в обстоятельствах подавления киренского восстания (в виде захвата войсками Агиса каких-то предметов культа) была и у этого известия. Думается, необходимость вести речь именно о полисе по меньшей мере актуализировала в данном контексте значение слова *mšc* как «народ»; однако, учитывая сравнительную новизну этого значения в начале эллинизма, можно поставить вопрос и шире: не было ли вообще предпосылкой для его появления знакомство египтян с бытом и общественным строем греков в IV в. до н.э., когда политические контакты между этими народами стали особенно интенсивными?

109 Данное сообщение Полиэна, в котором предводителем киренцев назван некий этолиец Ликоп, уникально, поэтому эпизод, к которому он относится, не идентифицируется четко; считается, однако, что это не события конца 310-х гг. до н.э., а одно из более поздних столкновений Кирены и Египта (*Полиэн. Стратегемы / Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 364*). Мы благодарны О.Л. Габелко, обратившему наше внимание на данное сообщение.

На протяжении ранней древности III– II тыс. до н.э. армия Египта была сугубо профессиональной; в нач. I тыс. до н.э. значительную роль в ней стали играть военные отряды ливийцев, по своей природе восходившие к их племенной и клановой организации, однако и они возвышались над основной массой египтян в качестве профессиональной военной элиты и едва ли могли быть оценены как «народ». У владевших Египтом персов было представление о составляющим их элиту «народе-войске» (*kāga*; в частности, оно отразилось в «Бехистунской надписи»¹¹⁰); однако, как специфически персидское, оно едва ли вызвало бы реплику в древнеегипетском словоупотреблении. Исходя из этого, нам кажется, что возможность воздействия на формирование данного значения слова *mšc* контакта египтян с греками как носителями полисного строя заслуживает внимания, по крайней мере, на уровне постановки вопроса.

110 Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.). М., 1963. С. 209–223.

ДАТИРОВКА ПРАЗДНИКА ПТОЛЕМЕЯ ФИЛАДЕЛЬФА: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Одной из хронологических проблем, связанных с царствованием Птолемея II Филадельфа (285–246 гг. до н.э.) является датировка устроенного царем грандиозного праздника, подробнейшее описание которого, основанное на сочинении «Об Александрии» Калликсена, автора, видимо II в. до н.э., сохранилось у Афиней (V. 197c–203b)². Скорее всего, праздник в Александрии был одной из «Птолемей», которые были учреждены в память о Птолемеи I Сотере и проводились с 279–278 г. до н.э. с интервалом в четыре года (часто Птолемеи называли Пентетеридами)³.

Наиболее распространены датировки праздника, описанного Калликсеном/Афинеем, состоявшегося «посреди зимы» (...κατὰ μέσων χειμῶνα), соответствующим временем года в 279–278⁴, 275–274⁵ и 271–270 гг. до н.э.⁶ Датировка январем 262 г. до н.э.⁷, предложенная Р. Хаззардом и являющаяся частью его концепции о создании именно к этому времени Филадельфом персонального культа Сотера, имеет ряд уязвимых для критики моментов⁸.

Важной частью процессии, состоявшейся во время праздника, был парад армии Филадельфа. Источники позволяют думать, что воины участвовали в каждой Птолемеи (Par. Ryl. IV. 562),

- 1 Я рад посвятить эту работу пентеконтаэтии Игоря Евгеньевича Сурикова. К поздравлению присоединяется и моя сестра Юлия, на защите диссертации которой в Институте археологии РАН в 2011 г. юбиляр выступил оппонентом. Важную помощь при разработке данного сюжета мне оказали Д. Томпсон (Кембридж), а также А.Л. Зелинский (Лондон), И.А. Ладынин (Москва) и К. Фишер-Бове (Мэдисон). Они, конечно же, не несут ответственности за представленные выводы.
- 2 По поводу датировки жизни и времени написания труда Калликсеном см.: *Rice E. E. The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus*. Oxford, 1983. P. 164–171 (Э. Райс с осторожностью допускает, что Калликсен мог быть свидетелем праздника в Александрии, что все же маловероятно); *Hazzard R. A. Imagination of Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda*. Toronto; Buffalo; London, 2000. P. 63–64 (аргументы в пользу II в. до н.э.).
- 3 *Thompson D. J. Philadelphus' Procession: Dynastic Power in the Mediterranean Context // Politics, Administration and Society in the Hellenistic and Roman World / Ed. by L. Mooren. Leuven, 2000. P. 367.* Среди противников отождествления праздника, описанного Калликсеном/Афинеем, с одной из Птолемей необходимо упомянуть П. Фрэйзера и его ученицу Э. Райс (*Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria*. Vol. 1. Cambridge, 1972. P. 231–232; *Rice E. E. The Grand Procession*. P. 185–187), однако их сомнения не представляются обоснованными (ср.: *Walbank F. W. [Rev.]: Rice E. E. The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus // LCM. 1984. Vol. 9. 4. P. 53*).
- 4 *Tarn W. W. Two Notes on Ptolemaic History // JHS. 1933. Vol. 53. 1. P. 59–61; Turner E. G. Ptolemaic Egypt // CAH². Vol. VII. 1. 1984. P. 138–139; Walbank F. W. [Rev.]. P. 52–53; Coarelli F. La pompè di Tolomeo Filadelfo e il mosaico nilotico di Palestrina // Ktèma. 1990. T. 15. P. 231–233; Thompson D. J. Philadelphus' Procession. P. 381–388; Walbank F. W. Two Hellenistic Processions: a Matter of Self-Definition // *idem*. Polybius, Rome and the Hellenistic World: Essays and Reflections. Cambridge, 2002. P. 81–82. Not. 16; Marquaille C. The Foreign Policy of Ptolemy II // *Ptolemy II Philadelphus and His World / Ed. by P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008. P. 54; Carney E. D. Arsinoë of Egypt and Macedon. A Royal Life*. Oxford, 2013. P. 86. Некоторые исследователи допускают, что праздник в Александрии мог состояться между 279 и 275 гг. до н.э. (*Rice E. E. The Grand Procession*. P. 187).*
- 5 *Von Prott H. Das ἐγκόμιον εἰς Πτολεμαῖον und die Zeitgeschichte // RhM. 1898. Bd. 53. S. 461–463; Franzmeyer W. Kallixenos' Bericht über das Prachtzelt und den Festzug Ptolemaeus II. (Athenaeus. V. Capp. 25–35). Diss. Straßburg, 1904. S. 5–6; Huß W. Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v. Chr. München, 2001. S. 323; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. London; New York, 2001. P. 39–41. Наиболее подробное обоснование данной датировки: *Foertmeyer V. The Dating of the Pompe of Ptolemy II Philadelphus // Historia. 1988. Bd. 37. 1. P. 90–104.**
- 6 *Otto W. Zu den syrischen Kriegen der Ptolemäer // Philologus. 1931. Bd. 86. S. 414–415. Anm. 27; Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // CAH². Vol. VII. 1. 1984. P. 417.*
- 7 *Hazzard R. A. Imagination*. P. 31–33, 66.
- 8 Например: *Thompson D. J. Philadelphus' Procession*. P. 385; *Chaniotis A. [Rev.]: Hazzard R. A. Imagination of Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda // CW. 2007. Vol. 100. 2. P. 175–176.*

но в процессии, описанной Калликсеном/Афинеем прошло, если им верить, 57 600 пехотинцев и 23 200 всадников (Athen. V. 202f). Данные цифры явно завышены, но, видимо, что в тот раз было действительно задействовано значительно больше воинов, чем обычно. Это обстоятельство имеет важное значение для датировки и исторической интерпретации праздника в Александрии, который можно попытаться связать по времени с одним из военных конфликтов 270-х гг. до н.э. (войной Филадельфа с Магасом Киренским и подавлением мятежа кельтских наемников, или Первой Сирийской войной)⁹.

То, что Калликсеном/Афинеем не была упомянута сестра и супруга Филадельфа, знаменитая Арсиноя II, видимо не является случайностью¹⁰. Это может указывать на то, что во время праздника в Александрии Арсиноя II еще не стала женой Филадельфа¹¹. В случае, если бы данное событие имело место уже после смерти Арсиноя II¹², то аллюзии на нее и ее культ, как представляется, должны были бы присутствовать, т.к. память об обожествленной Арсиное занимала важное место в пропаганде царя¹³. То, что не упоминается и первая супруга Филадельфа, дочь диадоха Лисимаха Арсиноя I, позволяет допустить, что праздник в Александрии мог иметь место между двумя браками второго Лагида¹⁴.

Аргументация Р. Хаззарда, сторонника поздней датировки (262 г. до н.э.) о том, что Филадельф не хотел напоминать эллинам о своем скандальном браке с родной сестрой¹⁵ не выглядит убедительной¹⁶. Посвящения Арсиное II и ее алтари как θεῆς φιλαδέλφου зафиксированы в разных местах Восточного Средиземноморья и Эгеиды, входивших в сферу влияния Птолемея Филадельфа¹⁷. Да и восприятие греками и македонянами брака Филадельфа и Арсиноя II, видимо, не было однозначно отрицательным¹⁸.

Единственное, что может косвенно указывать на наличие у Филадельфа во время праздника в Александрии супруги – то, что одна из процессий была названа, возможно, в честь «родителей царей» (... ἡ τοῖς τῶν βασιλέων γονεῦσι κατωνομασμένη – Athen. V. 197d)¹⁹. Однако в τῶν βασιλέων γονεῖς скорее следует видеть не родителей Филадельфа и Арсиноя II²⁰, а понимать это выражение в смысле «названная в честь предков царей»; т.е. «цари» это, возможно, Птолемей I и его наследник²¹.

9 Ср.: *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире. СПб., 2013. С. 126–127; *Fischer-Bovet Ch.* Army and Society in Ptolemaic Egypt. Cambridge, 2014. P. 55–57. Contra: *Müller S.* Das hellenistische Königspaar in der medialen Repräsentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II. Berlin; New York, 2009. S. 180–181.

10 Ср.: *Rice E. E.* The Grand Procession. P. 164–165.

11 На рубеже IV–III вв. до н.э. Арсиноя, дочь Птолемея Сотера и Береники, стала супругой диадоха Лисимаха. После его гибели в битве при Корупедионе в 281 г. до н.э. она была вынуждена выйти замуж за своего сводного брата Птолемея Керавна, захватившего Македонию. В 280 г. до н.э. Арсиноя, после убийства ее младших сыновей Керавном, бежала на Самофракию, откуда она вернулась в Египет. Впрочем, пребывание Арсиноя на Самофракии могло быть достаточно длительным. Она могла находиться там до того времени, как ее старший сын Птолемей проиграл борьбу за Македонию, где ок. 277–276 гг. до н.э. утвердился Антигон II Гонат. Лишь после этого Арсиноя, вероятно, отправилась в Египет к своему родному брату Птолемею Филадельфу.

12 Арсиноя II умерла в июле 270 или июле 268 гг. до н.э. (*van Oppen B.* The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered // *ZPE.* 2010. Bd. 174. P. 139–150).

13 *Carney E. D.* Arsinoë. P. 106–124; *Caneva S.* Arsinoe II divinizzata al fianco del re vivente Tolemeo II. Uno studio di propaganda greco-egiziana (270–246 A.C.) // *Historia.* 2013. Bd. 62. 3. P. 280–322.

14 Ср.: *Carney E. D.* Arsinoë. P. 86–87.

15 *Hazzard R. A.* Imagination. P. 67.

16 Ср.: *Müller S.* Das hellenistische Königspaar. S. 203.

17 Например: *Wallenstein J., Pakkanen J.* A New Inscribed Statue Base from the Sanctuary of Poseidon at Kalaureia // *Opuscula.* 2009. Vol. 2. P. 155–165; *Schreiber T.* «Ἀρσινόης θεῆς φιλαδέλφου» – Ein Miniaturaltar der Arsinoë II. im Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster // *Boreas.* 2011. Bd. 34. S. 187–201. Необходимо отметить и упоминание Арсиноя II в «Псефисме Хремонида» (SVA III 476 vv. 16–18: ὁ τε βασιλεὺς Πτολεμαῖος ἀκολούθως τεῖ τῶν προγόνων καὶ τεῖ τῆς ἀδελφῆς προ[α]ίρεσει).

18 *Carney E. D.* Arsinoë. P. 72–74.

19 *Von Prott H.* Das ἐγκώμιον. S. 461–463; *Studniczka F.* Das Symposion Ptolemaios II. Nach der Beschreibung des Kallixenos. Leipzig, 1914. S. 16.

20 Например, в русском переводе именно «царь и царица» (Афинея. Пир мудрецов. Кн. I–VIII. Изд. подг. Н. Т. Голинкевич и др. М., 2004. С. 256). Обзор различных интерпретаций выражения ἡ τοῖς τῶν βασιλέων γονεῦσι κατωνομασμένη: *Rice E. E.* The Grand Procession P. 38–44.

21 *Walbank F. W.* [Rev.]. P. 53.

Если Калликсен и Афиней точно передали официальную лексику времени Филадельфа, οἱ βασιλεῖς не могли быть царем и царицей. Царь и его супруга начинают иногда именоваться так в птолемеевских документах лишь со второй половины II в. до н.э.²² Хотя Калликсен при описании праздника в Александрии работал с архивными документами (τὰς τῶν Πεντετηρίδων γραφάς – Athen. V. 197d), если он жил ближе к концу II в. до н.э., то можно допустить, что он использовал терминологию своего времени и подразумевал под οἱ βασιλεῖς царя и царицу, однако это маловероятно²³.

Одним из решающих аргументов в пользу мнения, что на момент праздника в Александрии у Филадельфа не было супруги, является отсутствие упоминаний Калликсеном/Афинеем посвящения статуи его жены, хотя в конце торжеств были сделаны посвящения статуй самого царя, а также его родителей Птолемея Сотера и Береники (Athen. V. 203b)²⁴.

* * *

Антиковеды, специально занимавшиеся вопросом о датировке праздника, описанного Калликсеном/Афинеем, не обратили должного внимания на одну весьма важную деталь. При описании павильона (σκηνή), воздвигнутого в зоне дворцового комплекса для приема гостей царя, упоминаются украшавшие его среди прочего серебряные и золотые щиты-фиреи (...ὑπεράνω δὲ τούτων θυρεοὶ περιέκειντο ἐναλλάξ ἀργυροῖ τε καὶ χρυσοῖ – Athen. V. 196f)²⁵. Так, Е. Каландра в монографии о павильоне Филадельфа, справедливо отметив варварский характер украшавших его щитов и возможность того, что это были трофеи²⁶, не связала их с конкретным народом и не сделала другие, можно сказать напрашивающиеся выводы.

Щит-θυρεός априори должен быть «двереобразной» (от θύρα) – овальной или прямоугольной формы²⁷. Щиты-фиреи имели конструктивные особенности (форма, размер, ребро жесткости, умбон в центре), которые не позволяют называть так любой продолговатый щит²⁸. То, что θυρεός у Калликсена/Афиней – это не просто термин для обозначения щита вообще²⁹, подтверждается упоминанием далее при описании процессии небольших, видимо, полукруглых щитов-пельт (πελταρίοις – Athen. V. 200f),

22 Hazzard R. A. Imagination. P. 63–64; ср.: Rice E. E. The Grand Procession. P. 38. Not. 14.

23 Было бы заманчивым предложить, что если праздник в Александрии, описанный Калликсеном/Афинеем, состоялся все же после смерти Арсиной II, то не могли ли быть «царями» Филадельф и его загадочный соправитель в 267–259 гг. до н.э. «Птолемей сын» (ср.: Hazzard R. A. Imagination. P. 31, 66)? Лучшей кандидатурой на эту роль остается родной сын Лисимаха и Арсиной II по имени Птолемей, который, видимо, был усыновлен Филадельфом (Huß W. Ptolemaios der Sohn // ZPE. 1998. Bd. 121. S. 229–250). Соответственно, процессия могла бы быть названа в честь родителей Филадельфа и «Птолемея сына» – Сотера и Береники, а также Арсиной II. Учитывая важность военного компонента в процессии, ее можно было бы соотнести с Птолемеями 267–266 гг. до н.э., когда шла Хремонидова война (ок. 268–262 гг. до н.э.). Однако значительно более вероятна датировка праздника в Александрии все же 70-ми гг. III в. до н.э., что делает невозможным включение «Птолемея сына» в число οἱ βασιλεῖς.

24 Ср.: Tarn W. W. Two Notes. P. 59. Можно допустить, что если во время праздника в Александрии Арсиной I еще была женой Филадельфа, ее не упоминание Калликсеном/Афинеем могло отражать своеобразное *damnatio memoriae* в отношении царицы, обвиненной в заговоре против супруга и сосланной в Копт. Похожую идею высказывала и Э. Райс (Rice E. E. The Grand Procession. P. 40); Х. Мэлер в рецензии на ее книгу совершенно напрасно назвал это предположение абсурдным (Maehler H. [Rev.]: Rice E. E. The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus // JEA. 1988. Vol. 74. P. 291).

25 Возможно, что щиты-фиреи в павильоне Филадельфа были не золотыми и серебряными, как о них говорит Афиней, а лишь позолоченными и посеребренными, как некоторые щиты такого же типа, известные из списков посвящений в храм Аполлона на Делосе (ID 1417a Col. I vv. 25–27: ἄλλον <θυρεὸν> ἰπτικὸν ἐπίχρυσον, ἔχοντα ἔγκαυμα ... ἄλλον πεζικὸν περίχρυσον; слово θυρεός здесь пропущено, т.к. несколькими строками выше уже упоминаются посвященные щиты-фиреи). Впрочем, павильон Филадельфа могли украшать копии щитов, действительно сделанные из золота и серебра.

26 Calandra E. The Ephemeral and the Eternal: The Pavilion of Ptolemy Philadelphos in the Court of Alexandria. Athens, 2011. P. 132. Е. Каландра склоняется к датировке праздника в Александрии 279–278 гг. до н.э.

27 Базовая работа о щитах-фиреях: Eichberg M. Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1987.

28 Нет оснований думать, что павильон Филадельфа украшали продолговатые египетские щиты, показанные, например, на памятниках эпохи Нового царства (Spalinger A. J. War in Ancient Egypt. The New Kingdom. Malden, Mass.; Oxford, 2005. P. 218. Fig. 3. 1 [Рамессеум: битва при Рамсесе II с хеттами при Кадеше]; P. 251–252. Fig. 15. 1–2 [Мединет-Абу: битва Рамсеса III с «народами моря»]).

29 Если Калликсен жил во II в. до н.э., он гипотетически мог использовать слово θυρεός для обозначения щита любого типа (примеры: Nefedkin A. K. On the Origin of the Greek Cavalry Shields in the Hellenistic period // Klio. 2009. Vol. 91. 2. P. 363–364), но очевидно, что это не так.

восходящих к вооружению фракийцев, а также круглых щитов-асписов (ἀσπίδες – Athen. V. 202e), традиционных для греков и македонян.

Щит-фирей – распространенный в Западном Средиземноморье, а также бывший неизменным атрибутом кельтских воинов, не был известен (или, по крайней мере, широко известен) македонянам и грекам³⁰ ранее времени грандиозного кельтского вторжения на Балканы³¹, начавшегося в первые месяцы 279 г. до н.э. Противоположное мнение во многом основано на том, что щит-фирей изображен на надгробии вифинца Менаса³², павшего в битве «при Корупедионе»³³. Однако палеография надписи на стеле Менаса и изучение исторического фона показывают, что это было не последнее сражение эпохи диadoхов между армиями Селевка I и Лисимаха в 281 г. до н.э., а какая-то другая битва, состоявшаяся в этой местности во II в. до н.э.³⁴, когда фирей уже получили широкое распространение на эллинистическом Востоке.

Начало процесса адаптации щитов-фиреев в армиях эллинистических государств было связано с тем, что уже в первой половине 270-х гг. до н.э. некоторые из царей стали привлекать на службу кельтских наемников. В 278–277 гг. до н.э. кельты, нанятые вифинским правителем Никомедом I, переправилась в Малую Азию. Ок. 276 г. до н.э. кельтские «фирефоры» были на службе у Антигона Гоната (Polyaen. IV. 6. 17), вскоре после того как он сам разгромил кельтов в битве при Лисимахии. Фирей стали использовать и греки наряду с обычными для них круглыми щитами³⁵.

Однако нет никаких оснований считать, что в Египте щиты-фирей получили широкое распространение уже 70-е гг. III в. до н.э., когда, видимо, состоялся праздник, описанный Калликсеном/Афинеем. Очевидно, что в правление Птолемея II щиты подобного типа имели лишь наемники, притом, в первую очередь, именно кельты³⁶. Воины фаланги, комплектовавшейся из македонян и греков, были защищены круглыми щитами «македонского типа» (которые в источниках обозначаются как ἀσπίς или πέλιτη³⁷). Такие же щиты, несомненно, были и у элитных частей птолемеевской пехоты – агемы и пельтастов, а также гипаспистов³⁸. В Музее Алларда Пирсона в Амстердаме хранится происходящая из района Мемфиса форма для изготовления металлических обкладок щитов «македонского типа» с надписью Πτολεμαίου³⁹.

30 Здесь и далее не имеются в виду греки, жившие в южной Италии и Сицилии, которые, несомненно, были знакомы со щитами такого типа.

31 В дромосе гробницы ок. Казанлыка в Болгарии, открытой в 1944 г., которую обычно датируют концом IV в. до н.э., несколько воинов изображены со сравнительно небольшими овальными щитами (Живкова Л. Казанлыкская гробница. М., 1976. С. 29–31. Рис. 7–9). В принципе, фракийцы могли заимствовать идею подобного щита в ходе контактов с кельтами ранее 280–279 гг. до н.э. (ср.: Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars. Goring-by-Sea, 1982. P. 124–126, 129). Впрочем, датировка казанлыкской гробницы не является бесспорной, она может быть и более позднего времени. Так или иначе, но на эволюцию защитного вооружения в эллинистических армиях оказали влияние, несомненно, именно кельты, а не фракийцы. Сомнительно, что распространение фиреев на Балканах стало следствием кампаний Пирра в Италии и на Сицилии в 280–275 гг. до н.э.

32 Например: Eichberg M. Scutum. S. 213–214.

33 Место сражения упоминается в первой из двух эпиграмм на надгробии Менаса (IK Kios 98 v. 4 ...περ Κοῦρου μαρτύρεθ' ἐμ πεδίῳ).

34 Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 145–161 (здесь же указана и более ранняя литература по проблеме).

35 Sekunda N. Military Forces. A. Land Forces // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. by Ph. Sabin, H. van Wees, M. Whitby. Vol. 1. Cambridge, 2008. P. 339–343. Представляется, что Н. Секунда все же преувеличивает масштабы и скорость распространения щитов-фиреев у балканских греков (по его мнению, этот процесс начался уже в 70-е гг. III в. до н.э.).

36 Ср.: Fischer-Bovet Ch. Army and Society. P. 135, 139.

37 Liampi K. Der makedonische Schild. Bonn, 1998. S. 2–4. Пельты «македонского типа» необходимо отличать от традиционных полукруглых легких «фракийских» пельт.

38 Ср.: Fischer-Bovet Ch. Army and Society. P. 138, 152–153. Упоминание агемы, пельтастов и гипаспистов в птолемеевской армии: Polyb. V. 65. 2; 82. 4; 84. 7; XV. 25. 3. Схожесть их боевой экипировки и защитного вооружения фалангитов очевидна в сравнении с пельтастами и воинами агемы в армии Антигонидов в Македонии. Н. Секунда, основываясь на находках частей металлических обкладок щитов «македонского типа», имеющих диаметр примерно от 66 до 75 см, предположил, что меньшие щиты были у воинов агемы и пельтастов, а большие у фалангитов (Sekunda N. The Antigonid Army. Gdańsk, 2013. P. 82–84; ср.: Fischer-Bovet Ch. Army and Society. P. 137).

39 Gagsteiger G. Die ptolemäischen Waffenmodelle aus Memphis. Hildesheim, 1993. S. 54–63 + Taf. 21–22; Liampi K. Der makedonische Schild. S. 59–60 + Taf. 5. 1 (по мнению К. Лиампи, основанному на стилистических наблюдениях, данная

Итак, очевидно, что фиреи не могли украшать павильон в Александрии в качестве символов боевой экипировки воинов Филадельфа. Да и позднее использование фиреев имело в Египте, видимо, ограниченный характер⁴⁰. Можно отметить, что в середине III в. до н.э. фирей упоминается, вместе со щитом-асписом, в списке вещей, которые взял в путешествие диойкет Аполлоний (PSI IV 428 vv. 35–36: ... ὄπλα ἀσπίς φαρέτρα θυρεός). Примерно этим же временем датирована фреска из святилища Афродиты в Нимфее с изображением корабля «Исида», который мог совершить плавание из Египта на Боспор⁴¹. Над палубой корабля в его кормовой части показаны четыре щита-фирея. Если это действительно птолемеевский корабль, изображение на нем фиреев все же не свидетельствует о том, что они были обычными для защитного вооружения македонских и греческих воинов Филадельфа. Возможно, что фиреи на борту «Исиды», будучи трофеями, имели декоративные функции⁴².

В рамках данной работы не место обсуждать теорию о предполагаемой «романизации» армии Птолемея с середины II в. до н.э. – одним из элементов данного процесса считают и распространение фиреев в Египте⁴³. (Возможно, этим временем, или уже эпохой римского владычества датирован хорошо сохранившийся экземпляр щита-фирея из Фаюма⁴⁴.)

Итак, встает вопрос, когда щиты-фиреи могли появиться в эллинистическом Египте и что они символизировали в павильоне Птолемея Филадельфа⁴⁵?

* * *

Из «Гимна к Делосу» Каллимаха и схолий к нему, а также из сообщения Павсания известно, что где-то в середине 70-х гг. III в. до н.э. Птолемей Филадельф расправился с четырехтысячным отрядом кельтских наемников, злоумышлявших против него (Callim. Del. 171–187; Schol. in Callim. Del. Loc. cit.; Paus. I. 7. 2)⁴⁶.

форма для изготовления щитов может относиться к царствованию именно Птолемея Филадельфа, хотя выглядит странным отсутствие царского титула перед именем; возможно, что это указывает на время Птолемея I до принятия им титула βασιλεύς).

- 40 В 185 г. до н.э. Ахейский союз получил от Птолемея V 6000 ὄπλα χαλκᾶ πελταστικά (Polyb. XXII. 9. 3). Терминология позволяет думать, что это были как собственно медные круглые щиты, так и комплекты вооружения, включавшие щиты (ср.: *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford, 1979. P. 191*). Еще в конце II в. до н.э. в армии Птолемея IX были воины с медными щитами-асписами (Ios. Ant. Jud. XIII. 339).
- 41 Следует отметить, что изображение корабля и надпись в его носовой части выполнены в разной технике и, возможно, в разное время. Впрочем, это не может полностью опровергнуть концепцию о том, что на фреске из Нимфея показан птолемеевский корабль, т.к. связи между Боспором и Египтом в середине III в. до н.э. хорошо засвидетельствованы в источниках (так, в 254 г. до н.э. послы Перисада II посетили Египет – Pap. Lond. VII 1973). Наиболее подробно концепция об «Исиде» как птолемеевском корабле была представлена Ю.Г. Виноградовым, хотя многие его частные выводы представляются весьма спорными (*Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch der «Isis» im Bosphoros // ACSS. 1999. Vol. 5. 3–4. S. 271–302*).
- 42 Так, кельтские трофеи видел в этих щитах Ю.Г. Виноградов, считавший, что они были связаны со столкновениями птолемеевских воинов и кельтов в Малой Азии в 250-е гг. до н.э. (*Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch. S. 284, 288*).
- 43 *Sekunda N. Hellenistic Infantry Reforms in 160's BC. Łódź, 2001. P. 80–83*. Критические замечания: *Fischer-Bovet Ch. Army and Society. P. 147–148*; *Абакумов А.А. «Меднощитые»: позднеэллинистическая пехота в битве при Асофоне (103 г. до н.э.) // ААе. Вып. 4. История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Отв. ред. А.В. Махлаюк, О.Л. Габелко. Нижний Новгород, 2014. С. 171–180*.
- 44 *Eichberg M. Scutum. S. 43–45 + Taf. 1*.
- 45 Мозаика из Палестрины (Пренесте) с египетскими сюжетами, на которой есть изображения и воинов с прямоугольными, овальными и круглыми щитами, не может отражать процессию в Александрии, как считают некоторые исследователи (например: *Coarelli F. La pompè. P. 225–251*). Даже датировка оригинала этой картины концом II в. до н.э. (*Meyboom P. G. The Nile Mosaic of Palestrina. Early Evidence of Egyptian Religion in Italy. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 16–19, 64–70*; ср.: *Fischer-Bovet Ch. Army and Society. P. 137*) оставляет вопросы. Возможно, что на мозаике показаны римские воины времени Августа (ср.: *Schrijvers P. H. A Literary View of the Nile Mosaic at Praeneste // Nile into Tiber: Egypt in the Roman World / Ed. by L. Bricault, M. J. Versluys, P. G. P. Meyboom. Leiden, 2007. P. 223–239*).
- 46 Кельты были наняты Филадельфом в связи с войной против Магаса Киренского, совершившего нападение на Египет, но в итоге отступившего из-за восстания одного из племен в Киренаике. См. подробнее о войне с Магасом и инциденте с кельтскими наемниками: *Reinach A. J. Les Gaulois en Égypte // REA. 1911. T. 13. P. 35–47*; *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1. P., 1949. P. 496–498*; *Chamoux F. Le roi Magas // RH. 1956. T. 216. P. 19–21, 28–29*; *Nachtergaele G. Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes: Recherches d'histoire et d'épigraphie hellénistiques. Bruxelles, 1977. P. 170–171, 184–191*; *Hölbl G. A History. P. 39*; *Huß W. Ägypten. S. 268–269. Anm. 114*; *Barbantani S. Φάτις υικηφόρος. Frammenti di elegia encomiastica nell'età delle Guerre Galatiche: Supplementum Hellenisticum 958 e 969. Milano, 2001. P. 188–200*;

Точная датировка этого события затруднительна, но контекст рассказа Павсания (I. 7. 2) может указывать на то, что оно имело место незадолго до начала Первой Сирийской войны (274–271 гг. до н.э.). Видимо, гибель кельтов случилась не позднее конца 275 г. до н.э.⁴⁷, до празднования вторых Птолемей.

Кельтские наемники были блокированы на острове в дельте Нила, где они погибли от голода и распрей (Paus. I. 7. 2). Однако в пропаганде Филадельфа это событие было представлено как победа царя над варварами, «новыми титанами» (ὀψίγονοι Τίτηνες – как назвал кельтов Каллимах), угрожавшими эллинскому миру (Callim. Del. 171–187; Schol. in Callim. Del. Loc. cit.)⁴⁸.

На тот момент образ победителя варваров-кельтов был крайне актуален в эллинистическом мире. Этолийцы гордились их разгромом при обороне Дельф в 278 г. до н.э., а Антигон Гонат стал победителем кельтов в битве при Лисимахии примерно год спустя⁴⁹. Посвящения трофейного оружия кельтов и особенно щитов-фиреев, ставших их своеобразной «визитной карточкой»⁵⁰, были распространенным явлением в это время⁵¹. Этолийцы в честь победы над варварами воздвигли памятники в Дельфах, а также в Ферме⁵². Возможно, что монумент в честь «победы» Филадельфа над кельтами был и в Александрии⁵³.

Именно с гибелью кельтских наемников следует связывать появление изображения щита-фирея на некоторых типах золотых, серебряных и медных монет Филадельфа⁵⁴. Сомнения, высказанные, например, П. Фрэйзером или С. Барбантани⁵⁵, а также попытки предложить иные объяснения⁵⁶, как представляется, не имеют серьезных оснований⁵⁷. Мнения о том, что фирей на монетах был «личным

Зелинский А.Л. К интерпретации «антигалатского пророчества» Аполлона из «Гимна к Делосу» Каллимаха // *Celtogalatica*. Очерки политической, военной, этнической истории восточных кельтов в эллинистическом мире / Отв. ред. О.Л. Габелко. СПб. (в печати).

- 47 Датировка инцидента с кельтами 274 г. до н.э. (например: *Launey M.* Recherches. P. 497; *Huß W.* Ägypten. S. 268; *Grainiger J.* The Syrian Wars. Leiden; Boston, 2010. P. 81–82) представляется слишком поздней. Б. ван Оппен в новейшей работе о Беренике II представил интересные аргументы в пользу своей гипотезы о том, что брак ее родителей Магаса и Апамы, дочери Антиоха I, поход Магаса в Египет и мятеж кельтских наемников Филадельфа имели место не в середине 270-х гг. до н.э., а позднее – в начале Хремонидовой войны (*van Oppen de Ruiter B.* Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship. N. Y., 2015. P. 7–22, 118–121). Однако, как представляется, масштабное увековечивание «галатомахии» Филадельфа (в чекане, трофеях, поэзии и т.д.) было важно именно в середине 70-х гг. III в. до н.э., вскоре после кельтского нашествия на Балканы и Малую Азию (когда победы над кельтами были актуальны в общеэллинистическом контексте). Брак Магаса с Апамой, ознаменовавший его союз с Селевкидами, вполне мог быть устроен, как традиционно считается, ок. середины 270-х гг. до н.э., когда невеста была еще совсем юной; прибыть в Кирену она могла и позднее.
- 48 «Победа» Филадельфа над кельтами могла быть отражена и в папирусном фрагменте Supplementum Hellenisticum 958 (*Barbantani S.* Φάτις νικηφόρος. P. 125; ср.: *Fraser P. M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. 2. Oxford, 1972. P. 926–927. Not. 375).
- 49 Вопрос о разгроме кельтов Селевкидом Антиохом I и его датировке достаточно сложен (см. подробнее: *Coşkun A.* Deconstructing a Myth of Seleucid History: The So-Called «Elephant Victory» Revisited // *Phoenix*. 2012. Vol. 66. 1–2. P. 57–73).
- 50 У Каллимаха щиты кельтов обозначаются как ἀσπίδας, а не θυρεοὺς из-за необходимости соблюдения стихотворного размера (*Mineur W. H.* Callimachus, Hymn to Delos. Introduction and Commentary. Leiden, 1984. P. 176).
- 51 Например: Syll.³ I 398 vv. 8–15; Paus. X. 19. 4. Подробный обзор: *Nachtergaeel G.* Les Galates. P. 175–205.
- 52 Paus. X. 18. 7; *Knoepfler D.* De Delphes à Thermos: un témoignage épigraphique méconnu sur le trophée galate des Étoliens dans leur capitale (le traité étolo-béotien) // *CRAI*. 2007. T. 151. 3. P. 1215–1253.
- 53 С этим предполагаемым памятником связывают т.н. «голову галла» из Каирского музея и некоторые другие артефакты из Египта (*Laubscher H.-P.* Ein ptolemäisches Gallierdenkmal // *Antike Kunst*. 1987. 1987. Bd. 30. S. 131–154).
- 54 Ср.: *Reinach A. J.* Les Gaulois. P. 46–47; *Launey M.* Recherches. P. 498; *Voegtli H.* Der Schild des Philadelphos // *SM*. 1973. Jg. 23. S. 80–89; *Ritter H.* Zum Schild auf dem Münzen des Philadelphos // *SM*. 1975. Jg. 25. S. 2–3.
- 55 *Fraser P. M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. 2. P. 284–285. Not. 274; P. 926–927. Not. 375; *Barbantani S.* Φάτις νικηφόρος. P. 195.
- 56 Высказывались предположения, что щит-фирей и орел на монетах Филадельфа связаны с легендой (*Suda s.v. Λάγος*) о том, что Лаг, отец Птолемея I, не признав его своим сыном, оставил младенца на щите и, что будущего основателя династии спас орел (например: *Salzmann D.* Überlegungen zum Schild des Ptolemaiis Philadelphos und verwandten Denkmälern // *SM*. Jg. 30. 1980. S. 33–39; данную трактовку предложил еще Я. Своронос). Однако щит в «Суде» назван «медным асписом» (... ἐπὶ ἀσπίδος χαλκῆς), да и время появления предания о Лаге и его сыне неизвестно.
- 57 Хорошей аналогией для трактовки фирея на монетах Филадельфа как трофея могут служить изображения на монетах Этолийского союза, сыгравшего важную роль в отражении нападения кельтов на Дельфы: на реверсе этолийских статеров и тетрадрахм показана женская фигура, олистворяющая Этолию, восседающая на кельтских и македонских щитах. С победой Антигона Гоната над кельтами при Лисимахии соотносят медные драхмы, на реверсе которых показан Пан (или Гонат в образе Пана), воздвигающий трофей. Н. Секунда справедливо отметил, что на некоторых экземплярах монет

символом» Филадельфа⁵⁸, или знаком того, что на службе царя находились кельтские наемники⁵⁹, являются неконкретными и упрощенными. Очевидно, что фирей – это именно символ «разгрома» царем мятежных кельтов⁶⁰, – события, которое привело к конструированию пропагандистского топоса о «победе» Филадельфа над варварами и ее увековечиванию в поэзии, а также в монетной чеканке и, может быть, в памятниках зодчества⁶¹.

Возможно, что Филадельф посвятил минимум один трофейный кельтский щит в храм Аполлона на Делосе. В инвентарном списке ID 1417 упоминается позолоченный фирей, украшенный позолоченным же керавном, посвященный «Птолемею, сыном царя Птолемея»⁶². Издатели корпуса «Надписи Делоса» допустили, что фирей был посвящен Птолемею Керавном⁶³, но это мнение совершенно безосновательно, т.к. первое же столкновение Керавна с кельтами стало для него и последним. С другой стороны, Х. Хайнен предположил, сославшись на путаницу с титулатурами царей, присутствующую некоторым делосским спискам, что посвятителем выступил Птолемей II Филадельф⁶⁴. В таком случае фирей был посвящен царем на Делосе вероятно именно в связи с «разгромом» кельтских наемников.

Из «Гимна к Делосу» Каллимаха может следовать, что часть щитов кельтов стала трофеями (Call. Del. 187: ... κεῖσονται βασιλῆος ἀέθλια)⁶⁵, которые, несомненно, могли использоваться как для посвящений, так и в декоративных целях для прославления «галатомахии» Птолемея Филадельфа.

* * *

Итак, щиты-фирей в павильоне во дворце Птолемея II делают невозможной распространенную датировку праздника в Александрии зимой 279–278 гг. до н.э.⁶⁶, временем, когда кельты еще находились

видно, что на трофее изображен именно щит-фирей (*Sekunda N.* The Antigonid Army. P. 46–47; репродукция экземпляра, на котором хорошо видно, что щит плоский и с умбоном, т.е. θυρεός; *Пановски С., Саракинки В.* По трагите на една «еписфанија»: мотивот на Пан и политичката пропаганда на Антигон Гоната // *Patrimonium.mk.* 2010. Т. 7–8. С. 46).

58 *Mørholm O.* Early Hellenistic Coinage. Cambridge, 1991. P. 101; ср.: *Eichberg M.* Scutum. S. 215, 221.

59 *Couissin P.* Les armes gauloises figurées sur les monuments grecs, étrusques et romains // *RA.* 1927. Т. 25. 1. P. 149 («...symbolise sans doute la garde de mercenaires galates»).

60 Мнение, что монеты с фиреями чеканились уже в первый год царствования Филадельфа (например: *Barbantani S.* Φάτις κικηφόρος. P. 195), безосновательно. Единое правление Филадельфа, бывшего соправителем Сотера с 285 г. до н.э., началось в 282 г. до н.э. Изображение щита-фирей на монетах за несколько лет до появления кельтов на горизонте эллинистического мира в 280–279 гг. до н.э. не имело смысла, т.к. его связь с легендой о Сотере, щите и орле невозможна (см. выше), и фирей еще не были распространены на эллинистическом Востоке. Буквы-цифры на монетах с фиреем (начиная с Α) не обязательно являются указанием на год царствования (*Mørholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 101). См. также: *Cavagna A.* L'oro dei Theoi adelphoi // *Nova vestigia antiquitatis / A cura di G. Zanetto et al.* Milano, 2008. P. 174–180.

61 Даже если еще до инцидента с кельтскими наемниками в Египте войска Филадельфа уже сражалась с кельтами на территории птолемеевой сферы влияния в Малой Азии, появление изображения фирей на монетах царя явно не было следствием этого, как считают некоторые исследователи (*Barbantani S.* Φάτις κικηφόρος. P. 202–203; *Price M.* [Rev.]: *Davesne A., Le Rider G.* Le trésor de Meydancikkale // *NC.* 199. Vol. 151. P. 243). Известно и о поражении птолемеевских войск от кельтов где-то в Малой Азии (*Steph. Byz.* s.v. Ἀγκυρά), но датировка этого события затруднительна.

62 ID 1417a Col. I vv. 25–27: ἄλλον <θυρεόν> ἱπτικὸν ἐπίχρυσον, ἔχοντα ἔγκαιμα, ἀνάθεμα βασιλέως Πτολεμαίου τοῦ Λυσιστάχου ἄλλον πεζικὸν περίχρυσον, ἔχοντα κεραυνὸν ἐπίχρυσον, ἀνάθεμα Πτολεμαίου βασιλέως Πτολεμαίου.

63 *Inscriptions de Délos.* Т. 3. Éd. par F. Durrbach, P. Roussel. Paris, 1935. P. 72.

64 *Heinen H.* Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Wiesbaden, 1972. S. 83–84. К. Брингман предположил, что посвящения на Делос кавалерийского и пехотного фиреев, упоминающихся вместе (см. прим. 62), сделали два Птолемея: 1) сын диадоха Лисимаха и Арсиной II, усыновленный Филадельфом, и 2) гипотетичный родной сын египетского царя (впоследствии его соправитель с 267 по 259 гг. до н.э. «Птолемей сын») по случаю гибели взбунтовавшихся кельтских наемников на острове в дельте Нила (*Bringmann K.* Geben und Nehmen: Monarchische Wohltätigkeit und Selbstdarstellung im Zeitalter des Hellenismus. В., 2000. S. 70–71). Однако «Птолемея сына», вопреки мнению К. Брингмана и многих других исследователей, следует отождествлять именно с усыновленным Филадельфом родным сыном Лисимаха. Кавалерийский щит-фирей, видимо, был посвящен им в качестве претендента на македонский трон (*Кузьмин Ю.Н.* Птолемей – сын Лисимаха, и кельтский щит // *Celtogalatica* [в печати]). Вероятно, упоминание вместе двух посвящений в позднем инвентарном списке (II в. до н.э.), не указывает на то, что они были одновременными. «Птолемею, сыном царя Птолемея», посвятившим пехотный фирей, видимо, был Филадельф, как это предположил Х. Хайнен.

65 *Mineur W. H.* Callimachus. P. 177–178.

66 Ср.: *Laubscher H.-P.* Ein ptolemäisches Gallierdenkmal. S. 136.

на Балканах⁶⁷. Лишь в 278–277 гг. до н.э. их часть переправилась в Малую Азию, а позже отряд кельтов был нанят Филадельфом и впоследствии уничтожен. Фирей, украшавшие павильон, возможно, были трофеями или копиями трофейных кельтских щитов⁶⁸.

Отсутствие упоминаний в связи с праздником в Александрии супруги Филадельфа (см. выше) позволяет допустить, что в это время его первая жена Арсиноя I уже была сослана, а Арсиноя II еще не стала царицей. Брак Филадельфа с Арсиноей II, возможно, был заключен между зимой 275–274 гг. до н.э. и временем ок. 273 г. до н.э., когда царственная пара впервые упоминается в египетских источниках⁶⁹.

Праздник в Александрии, описанный Калликсеном/Афинеем, мог состояться зимой 275–274 гг. до н.э. и быть вторыми Птолемеями. Парад армии в ходе процессии, возможно, демонстрировал мощь царства Птолемея Филадельфа после отражения нападения Магаса Киренского и уничтожения кельтских наемников, а также накануне предстоявшей войны с державой Селевкидов. Впрочем, все же не следует исключать возможность и более поздней датировки праздника Птолемея II.

67 Ремарка М. Айхберга (*Eichberg M. Scutum. S. 214*) о том, что в Египте фирей «впервые упоминается, вероятно, по случаю первых Птолемей 279/278 г. до н.э.» основывается лишь на мнении (как было показано выше, неверном), что данный тип щита был известен балканским грекам и македонянам до кельтского вторжения.

68 Даже если павильон, описанный Калликсеном/Афинеем был построен для празднования первых Птолемей зимой 279–278 гг. до н.э., то щиты-фирей, очевидно, были добавлены в интерьер несколько лет спустя после инцидента с кельтскими наемниками.

69 В надписи из Пифома говорится о посещении города в двенадцатый год царствования Филадельфом и его супругой-сестрой Арсиноей II, очевидно в связи с Первой Сирийской войной (*Schäfer D. Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven, 2011. S. 218*). Однако остается под вопросом, какая система исчисления царствования Филадельфа здесь использована: от начала совместного правления с отцом в 285 г. до н.э. или от воцарения в 282 г. до н.э.

АФИНСКО-МАКЕДОНСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ХРЕМОНИДОВОЙ ВОЙНЫ: НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

60-е гг. III в. (здесь и далее – до н.э.) в Восточном Средиземноморье прошли под знаком Хремонидовой войны (см.: SIG 385–387, 433–435; SEG XXIV. 15 = LX. 135; Apollod. F44; Diod. XX. 29; Plut. *Agis*. 3; Paus. I. 1. 1, 7. 3; 30. 4, III. 6. 4–6; Polyae. IV. 6. 3, 6. 20; Front. *Strat.* III. 4. 2; P. Trog. *Prol.* XXVI; Just. XXVI. 2–3; Ael. *Var. Hist.* III. 5; *Nat. Anim.* XI. 14, XVI. 36; Athen. VIII. 334a–d; Euseb. *Chron.* I. 243a)². В ходе упомянутого конфликта ряд государств центральной и южной Греции в союзе с тогдашним властителем эллинистического Египта – Птолемеем II Филадельфом³ выступили против Македонии. Цели главных участников антимакедонской коалиции: Афин, Спарты и государства Птолемея хоть и не противоречили друг другу, но, все-таки, имели между собой весьма существенные различия⁴. Последнее обстоятельство привело к недостаточной скоординированности действий союзников⁵

- 1 Многоуважаемому Игорю Евгеньевичу: замечательному человеку, выдающемуся ученому и благожелательному рецензенту моей монографии с искренними поздравлениями и наилучшими пожеланиями.
- 2 О различных предположениях, сделанных касательно временных рамок, хода и последствий данного конфликта см.: *Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts V. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Keraunos und zum Chremonideinischen Krieg.* Wiesbaden, 1972. S. 95–213; *Will Éd. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)*². T. 1. Nancy, 1979. P. 219–233; *Walbank F. W. Macedonia and Greece // САН*². 1984. Vol. VII. Pt. 1. P. 236–240; *Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia.* Vol. III. Oxford, 1988. P. 280–289; *Dreyer B. Untersuchungen zur Geschichte des spätklassischen Athen (322 – ca. 230 V. Chr.)*. Stuttgart, 1999. S. 308–376; *Hölbl G. A History of Ptolemaic Empire: transl. from germ. L.; N. Y., 2001.* P. 40–43; *Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 V. Chr.* München, 2001. S. 272–281; *Gabbert J. Antigonos II Gonatas. A Political Biography.* L.; N. Y., 2004. P. 45–53, 77–78; *Oliver G. War, Food, and Politics in Early Hellenistic Athens.* Oxford, 2007. P. 127–131; *O’Neil J. A Re-examination of the Chremonidean War // Ptolemy II Philadelphus and his World / McKechnie P., Guillaume Ph. (eds.).* Leiden; Boston, 2008. P. 65–904; *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 92–98; *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху: пер. с нем. М., 1999. С. 143–149; *Кузьмин Ю.Н.* Внутренняя и внешняя политика Македонского царства (270–230 годы до н.э.): Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 100–113.
- 3 На завершающем этапе войны к противникам Македонского царства присоединился Эпир (Just. XXVI. 2; Euseb. *Chron.* I. 243a), см. также: *Tarn W. W. Antigonos Gonatas.* Oxford, 1913. P. 302–304; *Bevan E. The House of Ptolemy.* L., 1927. P. 67; *Heinen H. Untersuchungen.* S. 175–177; *Will É. Histoire politique.* P. 224, 227, 347–348; *Жигунин В.Д.* Международные отношения. С. 96–97; *Walbank F. W. Macedonia and Greece.* P. 239; *Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia.* P. 285; *Huss W. Ägypten.* S. 279 Anm. 209; *Gabbert J. Antigonos II Gonatas.* P. 48; *O’Neil J. A Re-examination.* P. 82–83; *Кузьмин Ю.Н.* Внутренняя и внешняя политика. С. 107–109.
- 4 См.: *Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia.* P. 280; *Кошеленко Г.А.* Греция в эллинистическую эпоху // *Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. ред. Е.С. Голубцова.* М., 1990. С. 147; *Hölbl G. A History.* P. 41; *Huss W. Ägypten.* S. 272–273; *Кузьмин Ю.Н.* Внутренняя и внешняя политика. С. 102. О современных предположениях касательно возможных целей, преследуемых в данной войне царем эллинистического Египта, Птолемеем II Филадельфом, см.: *Tarn W. W. Antigonos Gonatas.* P. 444; *Will É. Histoire politique.* P. 220–221; *Walbank F. W. Macedonia and Greece.* P. 237; *Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia.* P. 279–280; *Hölbl G. A History.* P. 40; *Huss W. Ägypten.* S. 273–274; *Ager Sh. An Uneasy Balance: from the Death of Seleukos to the Battle of Raphia // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine (ed).* Malden (MA); Oxford, 2003, P. 40–41; *O’Neil J. A Re-examination.* P. 67; *Carney E. D. Arsinoë of Egypt and Macedon: A Royal Life.* Oxford, 2013. P. 124–125; *Hauben H. Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon, Champions of Ptolemaic Thalassocracy // The Ptolemies, the Sea and the Nile. Studies in Waterborne Power / K. Buraselis, M. Stefanou, D.J. Thompson eds.).* Cambridge, 2013. P. 41; *Hauben H. Ptolemy’s Grand Tour // The Age of the Successors and the Creation of the Hellenistic Kingdoms (323–276 B.C.) / Hauben H. Meeus A. (eds.).* Leuven, 2014. P. 261; *Жигунин В.Д.* Международные отношения. С. 89; *Хабихт Х.* Афины. С. 144; *Кузьмин Ю.Н.* Внутренняя и внешняя политика. С. 102–103; также см. ниже.
- 5 См., например: *O’Neil J. A Re-examination.* P. 78–82, 89.

и к последующему их поражению (Apollocl. Fr. 44; Plut. *Agis*. 3; Paus. III. 6. 4–6; Polyae. IV. 6. 20; Athen. IV. 167e–f; Just. XXVI. 2–3; Euseb. *Chron.* I. 243a)⁶. В пользу указанного положения вещей может свидетельствовать предложенный нами ниже сюжет.

Непосредственным предметом нашего исследования служит возможная взаимосвязь между двумя анекдотами, переданными соответственно Полиэном в его «Стратегемах» и Афинеем в его «Пирующих софистах». Хорошо известный рассказ Полиэна об обстоятельствах капитуляции Афин, приведшей к окончанию данной войны, звучит следующим образом: «Антигон, намереваясь захватить Афины, умышленно заключил с ними мир на позднюю осень. Афиняне, засеяв немного хлеба, тщательно сохранили необходимый до жатвы запас. Когда же наступило время жатвы, Антигон вместе с войском вторгся в Аттику. Афиняне, с одной стороны, израсходовав запас хлеба, а с другой – будучи не в состоянии выйти на поля и пожать новый урожай, впустили Антигона в город и подчинились всем его приказаниям» (Polyae. IV. 6. 20⁷; ср.: Front. *Strat.* III. 4. 2).

Не менее известным является и приведенный Афинеем анекдот об эллинистическом поэте, Сотаде Маронейском: «Как сообщает Гегесандр в своих “Записках”, когда Сотада уже плыл прочь из Александрии, и казалось, уже избежал опасности (а опасность была велика, потому что он много обидного говорил о царе Птолемею – в том числе и о его браке со своей сестрой Арсиной: “Ты в злочестивую дыру вонзаешь свой бодец”), – на острове Кавне его схватил военачальник Птолемея Патрокл, посадил в свинцовую бочку, вывез в море и утопил» (Athen. XIV. 621a⁸).

Прежде всего, мы остановимся на двух моментах, связанных с трагической историей Сотады. А именно: на идентификации личности Патрокла и локализации острова Кавн.

Не существует никаких сомнений в том, что упомянутый Афинеем Патрокл является никем иным, как птолемеевским навархом⁹, посланным Филадельфом в помощь греческим союзникам во время Хремонидовой войны (SEG. XXIV. 154 = LX. 135; Paus. I. 1. 1, 7. 3, III. 6. 4–5; Athen. VIII. 334a–d)¹⁰. При этом, как недавно показал Дж. О’Нил, роль возглавляемого Патроком военного контингента в итоге свелась к обеспечению беспрепятственного снабжения Афин египетским зерном¹¹.

Более сложной является проблема идентификации упомянутого Афинеем острова Кавн. На данный момент подавляющее большинство исследователей склоняется в пользу предположения, в свое время сделанного М. Лонеем. Согласно гипотезе французского ученого, Афиней якобы перепутал хорошо известный карийский город Кавн и маленький островок Кавд, находящийся неподалеку от юго-западной оконечности Крита. По мнению М. Лонея и его последователей, в оригинальном рассказе Гегесандра (см. выше) речь шла именно о данном островке, который Патрокл мог посетить во время своего морского рейда из Александрии к берегам Аттики¹².

Однако изящное умозаключение французского исследователя существенно утрачивает свою убедительность в виду недавно опубликованной Х. Мареком кавнской надписи, датированной 15-м годом

6 Ср.: Heinen H. Untersuchungen. S. 203–208; Hölbl G. A History. P. 42; Huss W. Ägypten. S. 278–280; Oliver G. The Politics of Coinage: Athens and Antigonos Gonatas // Money and Its Uses in the Ancient Greek World / Meadows A., Shipton K. (eds.). Oxford, 2001. P. 35–52; Ager Sh. An Uneasy Balance. P. 40; O’Neil J. A Re-examination. P. 82–83, 88–89 Кузьмин Ю.Н. Внутренняя и внешняя политика. С. 109–113.

7 Пер. М.М. Холода.

8 Пер. Н.Т. Голикевича.

9 По мнению Г. Хаубена, этот птолемеевский военачальник, вероятно, носил более высокое, чем наварх, звание стратега – Hauben H. Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon. P. 53–54, 63.

10 Ср.: Heinen H. Untersuchungen. S. 159–167; Huss W. Ägypten. S. 275–281; Oliver G. War, Food, and Politics. P. 129, 131; O’Neil J. A Re-examination. P. 74–76; Hauben H. Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon. P. 60–62; а также: Vanderpool E., McCredie J., Steinberg A. Koroni: A Ptolemaic Camp on the East Coast of Attica // Hesperia. 1962. No 1. P. 26–61; Vanderpool E., McCredie J., Steinberg A. Koroni: The Date of the Camp and the Pottery // Hesperia. 1964. No 1. P. 69–75; Edwards R. Koroni: The Hellenistic Pottery // Hesperia. 1963. No 1. P. 109–111; Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. 1963. No 3. P. 319–334; Caskey J. Koroni and Keos // Hesperia (suppl.). 1982. Vol. 19. P. 14–16, 210–211; Хабихт Х. Афины. С. 145–147.

11 См.: O’Neil J. A Re-examination. P. 74–75, 78–82.

12 См.: Launey M. L’exécution de Sotades et l’expédition de Patroklos dans la mer Égée (266 av. J.– C.) // REA. 1945. T. 47. P. 33–45; Heinen H. Untersuchungen. S. 143; Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria. Vol. II. Oxford, 1972. P. 210 not. 205; Hölbl G. A History. P. 43; Семенов С. В. Симмахия царя Магаса с критскими полисами и экспедиция Патрокла // Известия самарского научного центра РАН. 2010. 2. С. 195; ср.: Marek Ch. Die Inschriften von Kaunos. München, 2006. S. 21–22; Hauben H. Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon. P. 54–56, 64–65.

царствования Антигона II Гоната (269/268 г.)¹³. Это обстоятельство существенно меняет наши представления об истории данного полиса в раннеэллинистический период. Ранее считалось, что Кавн в течение почти всего III в. принадлежал династии Птолемеев¹⁴. С учетом же интересующей нас надписи нельзя не признать, что упомянутый карийский полис прежде чем войти в состав государства Птолемея как минимум до начала 260-х гг. находился в сфере влияния тогдашнего македонского властителя Антигона Гоната. Птолемеевским же он стал во время Хремонидовой войны¹⁵, при чем, вероятнее всего лишь в конце 260-х гг., поскольку именно с этого момента наблюдается массовый приток в страну пирамид выходцев из Кавна¹⁶ и соседних с ним полисов – в частности, Калинды (P.Mich.Zen. 6; P.Col. 7, 48; PSI, 376, 415; P.C.Z. 59.039, 59.045, 59.192, 59.283, 59.447, 59.852)¹⁷.

В виду изложенных выше обстоятельств, российский исследователь Ю.Н. Кузьмин недавно пришел к вполне логичному выводу, согласно которому в интересующем нас рассказе Афинея речь шла не о Кавде, а именно о Кавне. Ученый допускает, что Сотад мог попасть в руки Патрокла во время участия последнего в событиях, связанных с переходом Кавна под птолемеевское господство. Так, Ю.Н. Кузьмин довольно обоснованно считает, что скандальный поэт, желая укрыться от возмездия александрийского властителя, скорее избрал бы город, находящийся под эгидой Антигонидов, нежели островок, находящийся сравнительно недалеко от Египта. Упомянутый же Афинеем применительно к Кавну термин «остров»¹⁸, исследователь склонен соотнести с одним из небольших островков, находящихся неподалеку от данного полиса – в устье реки Калбис¹⁹.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы считаем возможным сделать вывод, что Патрокл, ранее базировавшийся в Аттике, в конце 60-х гг. III в. оказался у берегов Малой Азии²⁰. Данная передислокация обуславливалась участием означенного флотоводца в борьбе за Кавн, в итоге отобранный им у Антигона Гоната²¹.

При этом, как мы помним, именно от военно-морского контингента, возглавляемого Патроком, в значительной мере зависело снабжение зерном осажденных Афин (см. выше). Если же проанализировать первый из упомянутых анекдотов, переданный Полиэном (см. выше), то можно прийти к выводу, что основной причиной, принудившей афинян к заключению мира (или, скорее, перемирия) с Антигоном²², было желание засеять поля и тем самым гарантировать себе необходимый минимум

13 *Marek Ch.* Die Inschriften von Kaunos. S. 133–136. Детальный разбор упомянутой надписи с предыдущей историографией и убедительной аргументацией в пользу датировки данного источника периодом правления Антигона Гоната (а не Антигона Монофталма) недавно сделал Ю.Н. Кузьмин: *Кузьмин Ю.Н.* IvKaunos, 4: Монофталм или Гонат? // Вопросы эпиграфики. 2012. VI. С. 337–350; *Kuzmin Yu. N.* The Antigonids, Caunus and the So-Called ‘Era of Monophthalmus’: Some Observations Prompted by a New Inscription // *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities / Goushin V., Rhodes P.* (eds.). Stuttgart, 2015. P. 73–86.

14 См.: *Bagnall R.* The Administration of the Ptolemaic Possessions Outside Egypt. Leiden, 1976. P. 98–99; *Huss W.* Ägypten. S. 429–430. *Meadows A.* The Ptolemaic Annexation of Lycia: SEG 27. 929 // The IIIrd International Symposium on Lycia (Antalya, 07–10 November 2005). Symposium Proceedings. Vol. 2 / Dortluk K. et al. (eds.). Istanbul, 2007. P. 462–463, 467.

15 Ср.: *Кузьмин Ю.Н.* IvKaunos, 4. P. 349.

16 Самым известным из них был Зенон, сын Агреофонта, с 261 г., пребывавший на службе у тогдашнего птолемеевского дидокета, Аполлония – ср.: *Hauben H.* Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon. P. 43; также см.: прим. 17).

17 Также см.: *Rostovtzeff M.* A Large Estate in Egypt in the Third Century B.C. A Study in Economic History. Madison (Vi.), 1922. P. 178, 182–183; *Świderek A. W.* „Państwo” Apolloniosa. Ptolemejskie Fajum w świetle Archiwum Zenona. Warszawa, 1959. S. 54–55, 80–83, 126, 129–131, 183–186, 191; *Fraser P.* Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 67–68; *Hauben H.* Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon. P. 43.

18 Интересно, что островом Кавн именуется и Дионисий Периегет в своем «Описании известного мира» (533), ср.: *Marek Ch.* Die Inschriften von Kaunos. S. 21; *Hauben H.* Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon. P. 65.

19 *Kuzmin Yu. N.* The Atigonids, Caunus. P. 83–84.

20 На протяжении первых лет Хремонидовой войны деятельность Патрокла зафиксирована в Западной Эгеиде и материковой Греции – ср.: *Heinen H.* Untersuchungen. S. 143–153, 159–167; *Hauben H.* Callicrates of Samos and Patroclus of Macedon. P. 53–62; также см.: прим. 9–11. При этом последнее упоминание о пребывании данного птолемеевского военачальника в Аттике связано с событиями 265/264 гг. (Paus. III. 6. 4–6), ср. например: *O’Neil J.* A Re-examination. P. 78–82.

21 Не исключаем, что инициатором захвата Кавна выступил пасынок и тезка Птолемея Филадельфа, Птолемей сын Лисимаха, чья жизнь и деятельность выходит за рамки данного исследования. Об этом фигуранте эллинистической истории см., например: *Huss W.* Ptolemaios der Sohn // ZPE. Bd. 121. 1998. S. 229–250; *Кузьмин Ю.Н.* Трофей Птолемея, сына Лисимаха // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. М., 2010. С. 131–135

22 См.: *Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. P. 286; *Gabbert J.* Antigonus II Gonatas. P. 47–48; *O’Neil J.* A Re-examination. P. 82–83; *Хабихт Х.* Афины. С. 146–147.

зерновых в следующем году. Такое положение вещей могло возникнуть лишь в виду перспективы прекращения поставок египетского зерна. Подобная же ситуация, как нам представляется, могла быть вызвана ничем иным, как отплытием эскадры Патрокла в Карию.

Прежде всего, следует отметить, что вышеупомянутое действие афинян не носило сепаратного характера в отношении их египетского союзника. На это указывает тот факт, что после захвата Афин Антигоном лидеры военной партии, братья Хремонид и Главкон, заняли довольно высокое положение при александрийском дворе (P.C.Z. 59.173, 59.182; Polyae. V. 18)²³. Соответственно, у Птолемея Филадельфа не было никаких оснований для неудовольствия в связи с их предыдущей деятельностью. Таким образом, следует отбросить возможность отплытия Патрокла из Аттики в ответ на самовольное заключение афинянами перемирия с македонским царем. С другой стороны, у Гоната на последнем этапе войны действительно имела реальная необходимость в заключении перемирия с Афинами в виду временной угрозы, исходившей на тот момент для Македонии, от эпирского царя Александра (см. прим. 3, 6)²⁴. И, наконец, похоже, что на момент переговоров с Антигоном афиняне чувствовали себя недостаточно уверенно, поскольку, судя по рассказу Полиэна, во время капитуляции Афин, под македонским контролем продолжал находиться Пирей²⁵. В частности, упомянутый античный автор говорит лишь о том, что Антигон, благодаря своей стратегеме, вынудил Афинян открыть их городские ворота, после чего – подчиниться всем царским требованиям (Polyae. IV. 6. 20)²⁶. При этом, Полиэн ни единым словом не упоминает о том, что доведенные до отчаяния афиняне были вынуждены передать под власть Гоната такой важный стратегический пункт, как Пирей. Соответственно, как уже было сказано, упомянутый порт перед окончанием войны должен был находиться в руках македонского властителя. Следовательно, на момент заключения перемирия, граждане Афин были недостаточно сильны, чтобы добиться у Гоната, даже обеспокоенного эпирским вторжением, возвращения им Пирея.

Учитывая все вышеприведенные обстоятельства и предположения, мы предлагаем следующую реконструкцию событий, предшествовавших окончанию Хремонидовой войны. В 263/262 г. птолемеевские войска, базировавшиеся на юге Малой Азии²⁷, приступили к операции по овладению подвластным Македонии Кавном. Примерно в это же время эпирский царь Александр напал на Македонию. Осложнение положения Антигона Гоната в Европе, позволило отозвать эскадру Патрокла из Аттики и перебросить ее к берегам Карики, где она, вероятно, сыграла ключевую роль в захвате Кавна, состоявшемся не позднее зимы 262/261 г. (см. прим. 17). После отплытия Патрокла, вероятно, в конце лета или в начале осени 262 г., состоялись переговоры между Антигоном и Афинами о перемирии, в котором нуждались обе воюющие стороны. Антигон был обеспокоен событиями в Македонии, связанными с эпирским вторжением, тогда как афиняне предвидели затруднения со снабжением зерном и ощущали ослабление боевого потенциала в виду отплытия их египетского союзника. Получение известий об отражении нападения эпиротов имевшимися в Македонии военными резервами (см. прим. 3, 6), позволило Гонату весной 261 г. неожиданно возвратиться в окрестности Афин, что, как мы знаем, и привело к капитуляции полиса²⁸. Судя по всему, афиняне были вынуждены сдать, поскольку не могли рассчитывать на своевременное возвращение Патрокла и, соответственно, на возобновление продовольственной и военной помощи со стороны Египта. Не исключаем, что данное обстоятельство было вызвано усилением военно-морской активности Гоната, в итоге приведшим

23 Ср., например: Świderek A. W „Państwo” Apolloniosa. S. 59–60; Hölbl G. A History. P. 42; Хабихт X. Афины. С. 155; также см. прим. 3, 6.

24 Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. P. 286;; O'Neil J. A Re-examination. P. 82–83; Хабихт X. Афины. С. 146–147.

25 О проблеме принадлежности Пирея в период Хремонидовой войны см., например: Heinen H. Untersuchungen. S. 165–167; O'Neil J. A Re-examination. P. 71–72, 74, 77–78, 85.

26 На наш взгляд, упомянутые требования были связаны с изменением статуса Афин, последовавшим после поражения полиса в Хремонидовой войне (см.: прим. 6).

27 Об истории вхождения в состав государства Птолемея ряда областей на юге Малой Азии см.: Meadows A. Deditio in Fidem: The Ptolemaic Conquest of Asia Minor // Imperialism, Cultural Politics, and Polybius / Smith C., Yarrow L. (eds.). Oxford; New York, 2012. P. 113–133; Зелінський А.І. Інкorporація південних областей Малої Азії до складу держави Птолемеїв: нова інтерпретація подій // Східний світ. 2012. №4. С. 16–26.

28 Соответственно, мы склонны разделять точку зрения исследователей, датирующих окончание Хремонидовой войны первой половиной 261-го г. (см.: прим. 2, 6).

к поражению птолемеевского флота в навахии при Косе (ср.: Plut. *Reg. et imp.* XXX. 2; Plut. *De se ipsum laud.* 16; Plut. *Quaest. conv.* V. 3; Diog. Laert. IV. 39; Athen. V. 209e)²⁹.

Итак, при условии достоверности предложенной реконструкции, мы можем наблюдать весьма красноречивый пример недостаточного взаимодействия между союзниками по Хремонидовой войне, в данном случае, вызванного эгоистичностью Александрии. Пользуясь первым удобным поводом, Птолемей II отозвал Патрокла из Аттики, поручив ему выполнение военной задачи, гораздо более важной для Египта, нежели помощь союзным Афинам. В результате афиняне в момент возобновления реальной опасности со стороны Антигона оказались без египетской поддержки, что, собственно, и привело к окончательному поражению антимакедонской коалиции в Хремонидовой войне³⁰.

29 Отнесение навахии при Косе к концу 260-х гг. представляется нам более логичным, нежели альтернативная точка зрения, согласно которой упомянутая морская битва состоялась в середине 250-х гг. При этом, следует признать, что на данный момент обе датировки остаются гипотетическими: ср., например: *Жигунин В.Д.* Международные отношения. С. 100-107; *Buraselis K.* Das hellenistische Makedonien und die Dgdis: Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden im Dgdischen Meer und in Westkleinasien. Мюнхен, 1982. S. 141-146, 165-167; *Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. P. 291-294; *Reger G.* The Date of the Battle of Kos // *American Journal of Ancient History.* 1985-1993. No 2. P. 255-277; *Dreyer B.* Untersuchungen. S. 416-420; *Huss W.* Dgypten. S. 285-286; *Gabbert J.* Antigonos II Gonatas. P. 48-53; *O'Neil J.* A Re-examination. P. 84-87; *Кузьмин Ю.Н.* Внутренняя и внешняя политика. С. 116-127.

30 Я благодарен Ю.Н. Кузьмину (Самара) за всестороннюю помощь, любезно оказанную мне во время написания данной статьи.

ПРАВИТЕЛЬ ПЕРГАМА И ГЛАВА АКАДЕМИИ: ЭВМЕН I И АРКЕСИЛАЙ¹

История первых Атталидов недостаточно освещена в источниках, поэтому каждое свидетельство античных авторов и редкие материалы эпиграфики или нумизматики приобретают особую ценность. Для понимания характера политики и деятельности Эвмена I – второго представителя династии Атталидов – определенное значение могут иметь свидетельства Диогена Лаэртция об отношениях этого правителя Пергама с главой Академии в Афинах Аркесилаем.

Диоген Лаэртский в биографии Аркесилая отмечает, что знаменитый философ поддерживал тесные контакты с правителем Пергама Эвменом I, из всех эллинистических владык выделял лишь его и только ему посвящал свои произведения (IV. 6. 38). Этот факт представляется несколько странным, так как Эвмен I – скромный правитель небольшого государства, не носивший никакого властного титула², рядом с такими величинами, как его современники Антиох I, Птолемей II Филадельф или Антигон Гонат, был фигурой незаметной и незначительной. Особое отношение Аркесилая к Эвмену I становится более заметным на фоне того, что от встреч с просвещенным и влиятельным македонским царем Антигоном Гонатом философ отказывался, не желал знакомиться с ним во время визитов того в Афины, а однажды, согласившись на встречу, повернул прочь, будучи уже у царских дверей (см.: Diog. Laert. IV. 6. 39). Такое поведение руководителя Академии особенно удивительно, так как Афины в 260–230-е гг. до н.э. находились под властью Македонии, за городом надзирал царский уполномоченный, в Пирее и крепостях Аттики стояли македонские гарнизоны³. Столь же важно для понимания особого характера отношений между Аркесилаем и Эвменом I то, что преемник Аркесилая во главе Академии, Лакид, хотя и принимал подарки от наследника Эвмена Аттала I, предпочитал все-таки дистанцироваться от царя и отказался от его приглашения (Diog. Laert. IV. 8. 60).

Объяснить предпочтение, оказывавшееся Аркесилаем Эвмену I, только тем, что Атталиды славились покровительственным отношением к искусствам и наукам, невозможно: при Эвмене I ни знаменитой библиотеки, ни научной школы, ни выдающихся памятников искусства и архитектуры в Пергаме еще не было. Объяснение, предлагаемое Диогеном Лаэртием – то, что Аркесилай посвящал свои произведения Эвмену I, поскольку тот выделял ему немалые деньги (IV. 6. 38), – также не представляется исчерпывающе убедительным: ведь покровительство ученым и философским школам оказывали и другие правители.

В этой связи следует вспомнить позицию У. Фергюсона по вопросу о причинах особого отношения Аркесилая к правителю Пергама. У. Фергюсон считал, что Аркесилай был недоволен установлением власти Эвмена I над его родным городом Питаной и поэтому однажды участвовал в посольстве к Антигону Гонату с целью получить поддержку от Македонии. Поскольку Антигон не оказал помощи, знаменитый философ далее под влиянием любезности или денег склонился к добрым отношениям

1 Для сборника трудов в честь И.Е. Сурикова, составленного друзьями юбиляра, я посчитал наиболее подходящим именно очерк о дружбе Эвмена I и Аркесилая.

2 В договоре с наемниками Эвмен I именуется лишь по имени, правитель не носит никакого властного титула, см.: OGIS 266. Сткк. 1, 26, 27, 35, 39, 44, 51.

3 О положении Афин под властью Македонии в это время см.: *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. Ю.Г. Виноградова. М., 1999. С. 150–171.

с Эвменом I⁴. Данное мнение не может быть принято: прежде всего, оно противоречит всей характеристике отношений Аркесилая и Эвмена I, которую предлагает наш основной источник – Диоген Лаэртский. Кроме того, о цели упомянутого посольства к Антигону также ничего не известно (Diog. Laert. IV. 6. 39).

Вероятно, особое отношение главы Академии к правителю Пергама определялось не только меркантильным интересом, но в том числе и мотивами субъективного характера – их давним знакомством и происхождением знаменитого философа. Поэтому истоки особых отношений, связывавших Аркесилая и Эвмена I, следует искать в особенностях истории родного города Аркесилая, Питаны, и в мотивах личного свойства.

Аркесилай, сын Севфа – глава Академии и основатель Средней Академии – происходил из города Питана в Эолиде⁵. Знаменитый философ провел молодость на родине, первоначально учился в своем родном городе у математика Автолика, у которого была здесь своя школа. Вероятно, Аркесилай занял заметное место среди учеников Автолика, так как сопровождал учителя в поездке в Сарды (Diog. Laert. IV. 6. 28–29). В дальнейшем Аркесилай продолжил обучение в Афинах, а затем, после периода поиска собственной философской позиции, стал главой знаменитой школы и основателем Средней Академии. Проживая в Афинах в течение многих лет и возглавив Академию, Аркесилай сохранил с родным городом тесные связи: в Питане у него оставалось доходное имение, где проживал брат, посылавший философу деньги (см.: Diog. Laert. IV. 6. 38).

Эвмен I и Аркесилай были людьми одного поколения. Аркесилай родился около 315 г. до н.э. Дата рождения Эвмена I не установлена. Зато известно, что эти два деятеля почти одновременно заняли руководящие позиции: Эвмен I принял власть над Пергамом в 263 г. до н.э., а Аркесилай возглавил Академию тремя годами раньше – в 266 г. до н.э. Умерли они почти в один год: жизненный путь Аркесилая прервался в 241/240 гг. до н.э., а Эвмена I – в 241 г. до н.э. Особое отношение Аркесилая к Эвмену I объясняют их давним знакомством, а может быть, и дружбой. Вероятно, философ и правитель Пергама были знакомы задолго до отъезда Аркесилая в Афины. В этой связи Э. Хансен высказала предположение, которое поддержал Р. Макшейн, о том, что Аркесилай прежде чем отправился в Афины некоторое время жил при дворе Филетера, основателя пергамской династии. Эта версия, хотя она и не имеет твердых доказательств, выглядит вполне правдоподобной⁶, и ее даже возможно развить: Аркесилай мог быть или учителем Эвмена или его товарищем и совоспитанником при дворе Филетера. Философ явно пользовался большим уважением со стороны Эвмена I и имел на правителя определенное влияние. Об этом свидетельствует то, что Аркесилай свел с Эвменом аркадянина Архия и тем самым позволил тому достичь высокого положения, вероятно, при пергамском дворе (Diog. Laert. IV. 6. 38).

Судьба родного города философа в начале III в. до н.э. складывалась непросто. После 301 г. до н.э. Питана находилась под властью Лисимаха, а после битвы при Корупедионе в 281 г. до н.э. город вошел в состав владений Селевка I. Вслед за смертью последнего власть над городом перешла к Антиоху I, пока Эвмен I не подчинил город себе. О некоторых перипетиях истории небольшого городка, ставшего объектом внимания эллинистических царей и династий, кратко упоминается в сильно фрагментированной надписи, посвященной участию пергамских послов-арбитров в урегулировании земельного спора между Митиленой и Питаной. Поскольку в надписи излагается предыстория конфликта, становится ясно, что еще в период власти Селевка I над городом Филетер проявлял к Питане интерес и выступил по отношению к городу в качестве благодетеля, выделив ему некоторую сумму денег (OGIS 335. Стк. 135). Подобного рода благодеяния он осуществлял и по отношению к другим городам, например, к Кизику (OGIS 748). Позже власть над городом перехватил от Селевкидов Эвмен I (OGIS 335. Стк. 141). Это стало одним из результатов победы Эвмена I над Антиохом I в битве при Сардах между 263 и 261 гг. до н.э. (Strabo XIII. 4. 2). Причина войны между ними не известна: Страбон, сообщая об этой битве, не говорит, почему она произошла. По убедительному предположению Р. Аллена, причиной

4 *Ferguson W.* The Hellenistic Athens. An Historical Essay. L., 1911. P. 324. Note 3. Против этой позиции высказалась Э. Хансен: *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. London; Ithaca, 1971. P. 30.

5 О философии Аркесилая см.: *Robert C.* Arkesilaos // RE. 1895. Bd. 2. 1. Hbd. 3. Sp. 1164–1168; *Lévy C.* The New Academy and its Rivals // A Companion to Ancient Philosophy / Ed. by M. L. Gill and P. Pellegrin. Oxford, 2006. P. 448–464, здесь – p. 450 ff.; *Schofield M.* Academic Epistemology // The Cambridge History of Hellenistic Philosophy / Ed. by K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld, M. Schofield. Cambridge, 2008. P. 323–351, здесь – p. 324–334.

6 *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. P. 396; *McShane R.* The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 54.

войны между Антиохом I и Эвменом I послужили стремление пергамского династа к созданию собственного государства и отказ признавать зависимость от Селевкидов, намерение расширить собственную территорию, что привело к установлению его власти над окрестными землями и городами, в том числе, возможно, и над Питаной⁷.

Важно рассматривать данное событие в более общем и широком контексте. Попытка Эвмена I расширить свои владения за счет Селевкидов была предпринята в связи с активизацией политики Птолемея в районе западного побережья Малой Азии; это создавало для Эвмена I благоприятные условия для укрепления положения собственного государства⁸. Ясно, что в ходе всех перечисленных перемен городское население, прежде всего его элита, должно было определять свое отношение к очередному сюзерену, уже установившему власть над городом или претендующему на нее. Твердая пропергамская позиция Аркесилая позволяет полагать, что и сам философ (до отъезда в Афины), и его брат, оставшийся на родине управлять поместьем, вошли в Питане в ту группу местной городской верхушки, которая избрала ориентацию на Атталидов и благодаря этому пользовалась постоянной поддержкой правителей этой династии⁹.

Об особом характере отношений Аркесилая к членам правившей в Пергаме семьи свидетельствует и эпитафия, которую философ написал в честь победы некоего Аттала на Олимпийских играх в состязаниях на колесницах:

Славен оружием Пергам, но не только он славен оружием!
Славен и бегом коней возле Алфеевых струй,
И прорекую – если смертным дано провидеть судьбину –
Станет еще он славней в песнях грядущих певцов¹⁰.

Факт победы Аттала на Олимпийских играх надежно подтверждается материалами эпиграфики: этому событию была посвящена установленная в Пергаме статуя со стихотворной надписью (I. Pergamon. 10; 11; 19). В связи с эпитафией, которую приводит Диоген Лаэртский, возникает важный вопрос о том, кто этот Аттал, которому посвящены стихотворные строки, и когда они были написаны. По мнению М. Френкеля, это младший брат Филетера и отец будущего царя Аттала I, а эпитафия была составлена еще при Филетере. Э. Хансен время написания эпитафии определяет так же, но на основе уточненной генеалогии Атталидов, полагает, что оный Аттал-олимпионик был не отцом, а дедом будущего царя Аттала I¹¹. Однако нельзя исключить возможность того, что это мог быть все-таки отец Аттала I, который приходился Филетеру племянником. Он принадлежал к тому же поколению, что и Эвмен I, приходился этому правителю двоюродным братом, был женат на Антиохиде из рода Селевкидов – сестре знаменитой царицы Лаодики I, жены Антиоха II. В таком случае можно предположить, что дополнительным основанием к тому, чтобы в конце своей жизни Эвмен I передал власть именно

7 Allen R. The Attalid kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 20–21. У. Фергюсон также связывал установление власти Эвмена I над Питаной с той победой, которую правитель Пергама одержал над Антиохом I при Сардах (см.: Ferguson W. The Hellenistic Athens. P. 324. Note 3).

8 При этом мы далеки от мысли о координации действий Эвмена I и Птолемея II или об установлении союза между ними: Эвмен I всего лишь воспользовался удачно сложившейся внешнеполитической конъюнктурой. Мнение К.Ю. Белоха, М.И. Ростовцева, Р. Макшейна о том, что между Эвменом I и Птолемеем II Филадельфом сложились союзнические отношения, строго говоря, не имеет достаточно убедительных оснований (Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. B.; Leipzig, 1925. Bd. IV. Abt. 1. S. 593; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol. 1. P. 555, 561; McShane R. The Foreign Policy. P. 43–44, 46–47). Э. Хансен допускала возможность того, что Эвмена I побудил к активности Птолемей II своими действиями в Эгеиде (Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 22). Р. Макшейн, признавая сближение Эвмена I с Птолемеями, при этом полагал, что кроме битвы при Сардах других свидетельств враждебного характера отношений Эвмена I с Селевкидами нет (McShane R. The Foreign Policy. P. 45). Р. Аллен же вообще решительно отверг идею о союзе Эвмена I и Птолемея II (Allen R. The Attalid Kingdom. P. 22).

9 О наличии среди элиты полисов западной части Малой Азии сторонников Атталидов см.: Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 234, 285, 301.

10 Diog. Laert. IV. 6. 30, пер. М. Л. Гаспарова.

11 Fraenkel M. I. Pergamon. S. 8–9; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 27. Отметим при этом, что М. Френкель вслед за некоторыми античными авторами (Strabo XIII. 4. 2 и Paus. I. 8. 2) допускает ошибку, поскольку, согласно уточненной генеалогии, Аттал I приходился Филетеру не племянником, а внучатым племянником. См.: Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 58–59; Allen R. The Attalid Kingdom. P. 181, 184–186.

Атталу I, послужили не только его происхождение по материнской линии от царского рода Селевкидов, но и олимпийская победа его отца. К сожалению, другие факты, касающиеся взаимоотношений Эвмена I с Аркесилаем, не известны.

Рассмотренный пример отношений правителя Пергама и главы Академии весьма показательны. Прежде всего, они демонстрируют, что первые правители Пергама – Филетер, а затем Эвмен I – несмотря на слабость своего государства и недостаток военной силы, искали разнообразные возможности легитимизировать свою власть, придать ей определенное международное признание, известность и внешний блеск. С этой целью и Филетер, и Эвмен I пользовались своими денежными ресурсами, делали богатые дарения городам и храмам (см.: OGIS 310, 311, 312, 335. III. Сткк. 135; 748, 749, 750; IG VII. 1789; IG XI. 2. 224 A, B; SEG L. 1195)¹². Таким образом, тесные контакты со знаменитыми философскими школами Афин становились звеном в единой цепи международных связей пергамских династий. Кроме того, Эвмен I по примеру правителей великих эллинистических царств стал приглашать к своему двору отдельных деятелей науки и культуры, создавая, таким образом, некую первичную основу для будущей блестящей пергамской научной и художественной школы, которая сложится значительно позже. Наконец, отношения Эвмена I и Аркесилая в очередной раз показывают, насколько тесно в эллинистической истории переплетались мотивы политические и материальные с отношениями личными, неформальными. В данном случае дружба не только соединяла близких с молодого возраста людей, но и помогала решать большие задачи, связанные с управлением государством и знаменитой философской школой.

12 Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 18–19; Allen R. The Attalid Kingdom. P. 16–19.

КОЛЛЕГИЯ ДАМИУРГОВ В АХЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В III в. до н.э. организация высших магистратур в ряде греческих федераций претерпела определенные изменения, связанные с усилением принципа единоначалия в ущерб коллегиальности. Эта тенденция не обошла стороной и Ахейский союз. В 255 г. до н.э. управлявшая союзом коллегия из двух стратегов и секретаря, которых, соблюдая очередность, назначали ахейские полисы, была упразднена. На ее место пришел один-единственный стратег, непосредственно избираемый союзным собранием и наделенный чрезвычайно большими полномочиями (Polyb. II. 43. 1–2)¹. Некоторые исследователи видят в этой реформе результат «монархических веяний эпохи», как выразился В. Эренберг². Действительно, события эллинистического времени отчетливо продемонстрировали преимущества единоначалия, характерного для Македонии и других монархий и особенно необходимого в военной сфере. Разумеется, ахейский стратег был подотчетен союзному собранию, однако оно созывалось всего четыре раза в год (не считая чрезвычайных заседаний) и обычно поддерживало предлагаемую стратегом политику³. Тем не менее, оценка власти стратега как почти монархической была бы преувеличением. По-видимому, наиболее серьезным препятствием на пути развития авторитарных тенденций в управлении Ахейским союзом было существование коллегии дамиургов – должностных лиц, которые должны были вместе со стратегом принимать участие в повседневном руководстве федерацией, а при необходимости – и возражать против его решений.

«Дамиургами», или «дамиургами» на дорийском, аркадском и других наречиях Пелопоннеса, назывались выборные должностные лица – «те, кто трудится для народа». Еще со времен архаики эта магистратура, как правило, коллегиальная, была широко распространена в различных частях греческого мира. В классическую эпоху дамиурги известны в ряде городов Аркадии и в Аркадском союзе, в Трифилии, Элиде, ахейских колониях в Южной Италии, в некоторых областях Средней и Северной Греции и на островах Эгейского моря. Нередко дамиурги имели наиболее высокий статус среди должностных лиц полиса. Их функции были довольно многообразными: надзор за соблюдением законов, дипломатия, финансовые полномочия, попечение над храмами и религиозными праздниками, председательство на народных собраниях, ведение документации и т.д.⁴ Коллегия дамиургов в IV веке до н.э. существовала также в союзе городов Ахайи, что удостоверяет надпись из Эгия (SEG XIV. 375), где дамиурги упоминаются дважды, очевидно, в связи с заключением какого-то договора⁵.

1 Перечень полномочий ахейского стратега с указанием источников см. в работах: *Busolt G. Griechische Staatskunde*. 3. Aufl. Hft. 2. München, 1926. S. 1567–1569; *Сизов С.К. Ахейский союз*. М., 1989. С. 57–58.

2 *Ehrenberg V. Der Staat der Griechen*. 1. Teil. Leipzig, 1957. S. 97. Схожие характеристики можно обнаружить и в других работах. По оценке Ф.Г. Мищенко, в Ахейском союзе «демократия приближалась к монархии» (*Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история*. Т. 2. М., 2004. С. 610). У Тарн пишет, что ахейский стратег Арат стал «ненамного менее могущественным монархом, чем любой из Антигонидов» (*Tarn W. The Greek Leagues and Macedonia // САН*. Vol. 7. 1928. P. 732).

3 См. подборку достаточно ярких примеров на этот счет в работе: *Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий*. С. 607–610.

4 *Veligianni-Terzi Ch. Damiurgen. Zur Entwicklung einer Magistratur*. Heidelberg, 1977. S. 158–169.

5 От этого документа сохранились лишь отдельные слова, по два-три на каждой строке. В первой строке надписи говорится о принесении клятвы, в строках 2–3 вслед за «советом ахейцев» упоминаются «дамиурги» в именительном падеже, возможно, как участники скрепления договора клятвами. В строке 4 они же выступают в качестве эпонимов (ἐπί δαμιουρῶ[v]). Впрочем, издатель надписи Ж. Бинген допускает, что на этой строке в роли эпонима выступал один дамиург (ἐπί δαμιουρο[ῶ]) – буква о или ω перед лакуной неразборчива), причем представлявший не Ахейский союз, а тот город, с которым ахейцы заключали договор. См.: *Bingen J. Inscriptions d’Achaïe // BCH*. 1954. Vol. 78. P. 402–404, 407; *Veligianni-Terzi Ch. Damiurgen*. S. 103.

После того, как Ахейский союз распался на отдельные города, в 281/0 г. до н.э. началось его постепенное восстановление (Polyb. II. 41. 1–3). Можно предположить, что коллегия союзных дамиургов была воссоздана уже тогда, когда возрождавшаяся федерация состояла лишь из четырех полисов Западной Ахайи (Polyb. II. 41. 12; IV. 60. 10), однако своей полной численности – десять человек⁶ – она достигла только после объединения в составе союза всех десяти гражданских общин, которые существовали в Ахайе в то время (Polyb. II. 41. 8). Первые упоминания о дамиургах Ахейского союза в этот новый период его истории (Syll³. 519, стк. 13; Plut. *Arat.* 43. 1) относятся уже к 20-м годам III в. до н.э.⁷, когда федерация уже включала в себя целый ряд городов за пределами Ахайи, в том числе такие значительные, как Сикион, Мегалополь и Аргос. Вероятно, изменился и способ формирования этой коллегии. Совпадение численности дамиургов и числа городов Ахайи предполагает, что поначалу каждый из полисов исконной ахейской области делегировал в коллегия по одному представителю. Впоследствии количество гражданских общин – участников Ахейского союза выросло, однако число дамиургов осталось прежним. Означает ли это, что города Ахайи и внутри новой, гораздо более обширной федерации сохранили свою привилегию назначать дамиургов? Такое предположение было высказано еще в позапрошлом веке⁸, и его даже можно подкрепить отрывочными сведениями источников, в которых всего дважды упоминается должность дамиурга вместе с указанием города, который он представлял, и оба раза речь идет о полисах Ахайи⁹. Кроме того, в повествовании Полибия о внутренней борьбе среди ахейского руководства накануне роковой для федерации войны 146 г. до н.э. противниками стратега Критолая названы два члена *συναρχίαι*, т.е. совокупности высших должностных лиц союза, каковыми оказались опять-таки выходцы из Ахайи – Эвагор из Эгия и Стратий из Тритеи (Polyb. XXXVIII. 13. 4). Весьма вероятно, что и они являлись дамиургами.

Тем не менее, гипотеза о монопольном праве десяти городов Ахайи назначать союзных дамиургов даже в период расцвета федерации, когда количество входивших в нее полисов достигло примерно шестидесяти, подавляющим большинством исследователей была отвергнута¹⁰. С одной стороны, подобный порядок вопиющим образом противоречил бы заявлению Полибия об отсутствии каких-либо привилегий у первоначальных участников союза по сравнению с теми, кто вступил в него позже (II. 38. 8). С другой стороны, у того же Полибия имеется описание встречи римского посла Квинта Цецилия Метелла с ахейскими «властями» (*ἄρχαί, ἄρχοντες*) в Аргосе в 185 г. до н.э. Во время этой встречи свое мнение высказывал не только стратег Аристен, но и другие ахейцы, а именно Архонт из Эгиры (Ахайя) и три мегалополита – Филопмен, Диофант и Ликорт (Polyb. XXII. 10. 2–13). Обычно считается, что Филопмен и другие представители Мегалополя участвовали в совещании в качестве дамиургов¹¹. Впрочем, А. Эймар высказал предположение, согласно которому на встречу с римлянином были приглашены не только действующие магистраты, но и бывшие союзные стратеги¹². Эта гипотеза не лишена смысла, поскольку для таких авторитетных государственных деятелей как Филопмен и Ликорт пребывание на должности дамиурга или, скажем, гиппарха уже после того, как они занимали

6 magistratus gentis – damiourgos vocant, decem numero creantur... (Liv. XXXII. 22. 2).

7 Дамиурги могли упоминаться в документе еще более раннего времени, а именно в надписи о вступлении Орхомена в Ахейский союз (Syll³. 490). На строках 6–7 перечислены должностные лица федерации, которые приносят клятву от имени ахейцев, однако перед упоминанием стратега, гиппарха и наварха в тексте имеется лакуна, в которой должен был фигурировать еще один государственный орган. Восстановления наподобие οἱ σύνεδροι Ἀχαιῶν или οἱ δικασταὶ Ἀχαιῶν признаны не слишком удачными, наиболее правдоподобна конъектура οἱ δαμιουροὶ Ἀχαιῶν (Swoboda H. Studien zu den griechischen Bünden III. Die Städte im Achäischen Bunde // Klio. 1912. Bd. 12. S. 47, Anm. 9; Busolt G. Griechische Staatskunde. S. 1567, Anm. 3; Larsen J. Greek Federal States. Oxford, 1968. P. 220; Mackil E. Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek Koinon. Berkeley; Los Angeles, London, 2013. P. 465).

8 Schorn W. Geschichte Griechenlands von der Entstehung des ätolischen und achäischen Bundes bis auf die Zerstörung Korinths. Bonn, 1833. S. 63.

9 В надписи 224 или 223 г. до н.э. (Syll³. 519) в строках 13–14 упомянут дамиург из Буры, а в рассказе Ливия о событиях 198 г. до н.э. одним из персонажей является дамиург Мемнон из Пеллены (Liv. XXXII. 22. 5).

10 См., в частности, критику этой точки зрения в работах: Niccolini G. La confederazione Achea. Pavia, 1914. P. 214, not. 2; Busolt G. Griechische Staatskunde. S. 1564, Anm. 1; 1566.

11 Кроме работ, указанных в предыдущем примечании, см. также: Walbank F. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford, 1979. P. 192; Bastini A. Der achäische Bund als hellenische Mittelmacht. Frankfurt am Main, 1987. S. 97.

12 Aymard A. Les assemblées de la confédération achaienne: étude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux, 1938. P. 370, not. 1.

пост главы союза, означало понижение статуса. Однако традиции ахейского *cursus honorum* нам неизвестны, и они могли серьезно отличаться от римских¹³. Кроме того, в греческом мире не было принято относить к экс-магистратам понятие ἄρχοντες, которое всегда обозначало представителей действующей власти. Если не принимать во внимание очень маловероятную возможность того, что Филопем, Диофант и Ликорт в 185 г. до н.э. занимали в федеральном руководстве второстепенные должности гиппарха, наварха, секретаря или казначея, то предположение об участии этих политиков в коллегии дамиургов представляется наиболее правдоподобным. В таком случае впечатление о престижности и влиятельности должности дамиурга в Ахейском союзе получает дополнительное подкрепление, а гипотеза об исключительном праве городов Ахайи выдвигать своих представителей в эту коллегию утрачивает доказательную силу. Напротив, присутствие сразу трех граждан Мегалополя на встрече в Аргосе наводит на мысль о том, что никакой системы равномерного представительства городов или областей в коллегии дамиургов не существовало. Дамиургами становились достаточно авторитетные и влиятельные политические деятели вне зависимости от того, из какого полиса они происходили.

Исходя из этой предпосылки, мы можем считать весьма вероятным, что в период расцвета Ахейской федерации дамиургов избирали на союзном собрании так же, как стратега и гиппарха¹⁴. Известно, что кандидаты на эти две должности могли составлять своего рода политическую связку, подобно кандидатам в президенты и вице-президенты в современных президентских респуб-ликах. Сохранилось описание предвыборного совещания, на котором Ликорт и его единомышленники обсуждали, какую позицию следует занять ахейцам в условиях разгоравшейся Третьей римско-македонской войны, и приняли решение на предстоящих выборах «провести» (προτορεύεσθαι) Архонта на должность союзного стратега, а Полибия – на должность гиппарха (Polyb. XXVIII. 6. 1–9). Не исключено, что на подобных «партийных совещаниях» могли называться и кандидатуры в коллегию дамиургов. Как происходил сам процесс избрания, мы не знаем, но поскольку, как уже отмечалось, места в коллегии вряд ли были закреплены за определенными городами или округами, наиболее естественным был бы следующий порядок: участники союзного собрания предлагали различные кандидатуры, составлялся список претендентов и затем происходило голосование, по результатом которого определялись десять кандидатов, получивших наибольшее число голосов. То, что в источниках упоминаются только те дамиурги, которые представляли Ахайю и Мегалополь, не должно вызывать никакого удивления: просопографический анализ списка известных нам ахейских стратегов, гиппархов и послов (а все они также избирались на союзных собраниях) демонстрирует нам ту же картину¹⁵.

Такой порядок формирования коллегии дамиургов гораздо больше, чем ежегодное заполнение вакансий представителями привилегированной области или выдвижение дамиургов городами, дождавшимися своей очереди в данном году, соответствовал бы важности задач, которые стояли перед этим государственным органом. Не случайно Ливий (XXVIII. 30. 4), упоминая должность ахейских дамиургов, поясняет для римских читателей: *qui summus est magistratus*. Главная функция дамиургов, по видимому, заключалась в том, чтобы осуществлять вместе со стратегом повседневное руководство федеральными делами в промежутках между союзными собраниями. Отдельные прямые упоминания в источниках свидетельствуют прежде всего об их постоянном участии в решении текущих дипломатических задач. В 224 г. до н.э. дамиурги сопровождали стратега Арата, который прибыл на Истм встречать нового союзника ахейцев – македонского царя Антигона Досона (Plut. *Arat.* 43. 1). В 183 г. до н.э. Тит Квинций Фламинин, отправляя официальное письмо Ахейскому союзу, адресует его «стратегу и дамиургам», и те составляют письменный ответ на его обращение (Polyb. XXIII. 5. 16–17). Еще более широкими функциями и полномочиями дамиургов во внешнеполитической сфере будут выглядеть, если принять во внимание многочисленные пассажи в «Истории» Полибия, где действуют и принимают решение «власти» или «руководители» Ахейской федерации – οἱ ἄρχοντες, οἱ προεστῶτες, αἱ συναρχαί,

13 Впрочем, можно обнаружить и черты сходства. Так, например, должность гиппарха считалась у ахейцев своего рода «ступенью» на пути к посту стратега (Polyb. X. 22. 9).

14 Такое предположение уже высказывалось в некоторых работах. См., например: *Niccolini G. La confederazione Achea*. P. 215.

15 *O'Neil J. L. The Political Elite of the Achaean and Aetolian Leagues // AncSoc. 1984–86. Vol. 15–17. P. 33–61.* Характеризуя состав ахейской политической элиты, Дж. О'Нейл использует выражение «магический круг» для обозначения полисов, выдвинувших подавляющее большинство политиков федерального уровня. Таковыми были Мегалополь, Сикион и города Ахайи.

ὁ στρατηγὸς καὶ οἱ συνάρχοντες. По единодушному мнению исследователей, коллегия дамиургов составляла неперемнную часть обозначаемого таким образом ахейского руководства; сомнения высказываются лишь по поводу того, всегда ли в состав ἄρχοντες или συναρχία входили также гиппарх, наварх, секретарь и казначей¹⁶. «Власти» Ахейского союза принимают решения относительно тактики ведения войны (Polyb. II. 46. 4), об отправлении военного отряда за пределы Пелопоннеса (XXVII. 2. 12), ведут переговоры с представителями иностранных государств (XXII. 10. 2–13; XXVII. 2. 11), а также с послами мятежного полиса, вышедшего из федерации (XXIII. 16. 6), принимают дипломатическую корреспонденцию (XXIX. 25. 7). Дамиурги были полноправными участниками секретных совещаний ахейского руководства, результаты которых не подлежали оглашению (XXVIII. 13. 4–5).

Компетенция коллегии дамиургов, несомненно, не ограничивалась сферой внешней политики. Одной из задач дамиургов было участие в подготовке и проведении союзных собраний (Liv. XXXII. 22. 1–8), им же поручалась публикация принятых на собраниях постановлений (IMagn. 39, сткк. 33–36). Дамиурги вели подготовку к судебному разбирательству территориальных споров между ахейскими полисами, принимая от обеих сторон материалы, подтверждавшие права этих общин на оспариваемые участки, и передавая их третейским судьям (SEG LVIII. 370, сткк. 63–64). Можно предположить, что они также имели определенные полномочия в финансовой области. Нам известно, что в полисах Ахайи местные дамиурги контролировали пополнение местного бюджета. В Тритее они вместе с казначеями вели учет платежей, поступавших в городскую казну от частных лиц, возможно, также отдавали их в рост, представляли в этой связи финансовый отчет в городской совет и составляли списки должников, которые вовремя не уплатили причитающиеся с них суммы¹⁷. Поскольку функции дамиургов в городах Ахайи и в союзе, который был создан именно в этой области, не должны были существенно различаться, следует полагать, что контроль за поступлением взносов, уплачиваемых полисами в союзную казну, и расходование этих средств были возложены не только на стратега¹⁸, но и на дамиургов.

Есть основания считать, что часть дамиургов сопровождала стратега и на театр военных действий: в начале Союзнической войны (зимой 219/8 г. до н.э.) решение о назначении временного правителя города Псофиды, только что перешедшего под контроль ахейцев, и коменданта городского акрополя приняли τῶν Ἀχαιῶν ἀρχόντων οἱ παρόντες, т.е. те люди из ахейского руководства, которые находились при войске, возглавляемом стратегом Аратом Младшим (Polyb. IV. 72. 9). Это должно означать, что кроме гиппарха, который командовал конными отрядами, вместе со стратегом должны были находиться несколько дамиургов, входивших в случае необходимости в военный совет и одновременно наблюдавших за деятельностью стратега в военном походе, подобно спартанским эфорам, двое из которых всегда находились при войске и следили за действиями царя (Hdt. IX. 76; Xen. Hell. II. 4. 36; Resp. Lac. 13. 5).

Надо полагать, что в большинстве описанных выше случаев коллегия дамиургов заседала под председательством стратега и действовала под его руководством¹⁹. Конечно, дамиурги не просто составляли свиту стратега, а высказывали собственное мнение и участвовали в принятии коллективного решения,

16 Swoboda H. Die griechische Volksbeschlüsse. Leipzig, 1890. S. 138; Niccolini G. La confederazione Achea. P. 214; Schwahn W. Συμπολιτεία // RE. Bd. IV A1. 1931. Sp. 1258; Aymard A. Les assemblées de la confédération achaienne. P. 322; Walbank F. A Historical Commentary. Vol. I. 1957. P. 219; Larsen J. Greek Federal States. P. 222.

17 Wilhelm A. Neue Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. 1. Teil. Wien, 1911. S. 37–42, №7, сткк. 11–19, с некоторыми новыми конъектурами: Rizakis A. La politeia dans les cités de la confédération achéenne // Tyche. Beiträge zur alten Geschichte. 1990. Bd. 5. P. 130–134. Надпись сильно фрагментирована, и поэтому наше представление об обязанностях дамиургов в Тритее зависит от того, каким образом можно восстановить недостающие части строк. Ясно лишь, что дамиурги имели прямое отношение к приему тех денежных сумм, которые поступали от натурализованных граждан Тритей в качестве платы за предоставление местного гражданства. В их обязанности входил либо учет этих платежей (что вытекает из конъектуры [καταγραφόντων], предложенной А. Ридзакисом), либо извлечение из них дохода путем предоставления кредитов под процент (согласно восстановлению [ἐκδανειζόντων] у А. Вильгельма).

18 В 217 г. до н.э. Арат, вступая в должность стратега, обнаружил, что города имеют задолженность по взносам в федеральную казну, что было следствием нерадивого исполнения обязанностей его предшественником Эператом (Polyb. V. 91. 4). Таким образом, стратег нес ответственность за состояние союзных финансов, однако едва ли он занимался финансовыми делами единолично, без участия дамиургов.

19 Исключение составляют те ситуации, когда дамиурги самостоятельно, без участия стратега выполняли рутинную работу по публикации союзных постановлений и по подготовке дел к разбирательству третейским судом (IMagn. 39, сткк. 33–36; SEG LVIII. 370, сткк. 63–64).

что явствует из описания уже упоминавшейся встречи ахейских ἄρχοντες с римским представителем в 185 г. до н.э. (Polyb. XXII. 10. 2–13). Однако не следует полагать, что стратег нуждался в одобрении всех своих решений большинством дамиургов. Такой порядок был бы несовместим с его статусом единоличного и чрезвычайно авторитетного руководителя федерации. Поэтому во многих ситуациях коллегия дамиургов выступала в качестве совещательного органа при стратеге. Тем не менее, определенные функции дамиурги осуществляли вполне самостоятельно, без участия главы союза. По-видимому, возможность принимать независимые решения была связана главным образом с их ролью блюстителей ахейских законов, имевших право противодействовать любому нарушению союзного законодательства, даже если противозаконные действия предпринимал сам стратег. Именно данная сторона деятельности этих должностных лиц отчетливо проявилась в двух известных нам случаях противостояния стратега и дамиургов.

В 198 г. до н.э. чрезвычайное союзное собрание в Сикионе должно было дать ответ на предложение римлян расторгнуть союз ахейцев с Филиппом V и перейти на сторону Рима. Стратег Аристен был последовательным сторонником такой перемены в ахейской политике и выступил с красноречивой речью, призывая собравшихся поддержать это предложение (Liv. XXXII. 19. 6 – 21. 37). Однако в Ахейском союзе существовал закон, запрещающий ставить на голосование любое решение, нарушающее союзный договор с Македонией, и поэтому среди дамиургов, от решения которых зависело, состоится ли голосование по предложению Аристена, разгорелся ожесточенный спор: пятеро членов коллегии защищали позицию стратега, пятеро выступили против. Лишь после того, как один из этих последних, Мемнон из Пеллены, изменил свое мнение, дамиурги смогли большинством голосов принять решение о начале голосования (Liv. XXXII. 22. 1–8). Примечательно, что сам Аристен в совещании дамиургов не участвовал и права голоса не имел, хотя обычно ахейские стратеги активно участвовали в подготовке и проведении союзных собраний, а на самих заседаниях выполняли председательские функции (Polyb. XXIII. 16. 4; 17. 6; XXIV. 8. 1). Можно объяснить это тем, что именно стратег был автором противозаконного предложения²⁰, но более вероятным представляется иное истолкование данного обстоятельства: контроль за соблюдением ахейских законов входил в исключительную компетенцию дамиургов, которые разбирали дела о нарушении законодательства в отсутствие главы союза.

Еще один известный нам случай противостояния стратега и дамиургов был связан с созывом очередного союзного собрания в 188 г. до н.э. Стратег Филопеман, стремясь покончить с традицией проведения регулярных собраний (синодов) только в городе Эгии, распорядился о проведении синода в Аргосе, подготовив законопроект о том, чтобы впредь регулярные собрания ахейцев проходили в разных городах союза по очереди. Дамиурги, со своей стороны, созывали ахейцев в Эгии, туда же намеревался прибыть и римский консул. Тем не менее, верх одержал Филопеман, поскольку желающие участвовать в собрании в подавляющем большинстве отправились в Аргос, и даже консул был вынужден явиться в этот город (Liv. XXXVIII. 30. 2–5). Упоминание в этом контексте о конфликте стратега и дамиургов Э. Бэдиан и Р. Эррингтон сочли ошибкой римского историка, который неверно понял соответствующий пассаж Полибия (ныне утраченный). С точки зрения этих исследователей, распоряжения Филопемана и дамиургов не противоречили друг другу, поскольку стратег объявил о созыве чрезвычайного собрания (синклита) в Аргосе как раз в то время, когда дамиурги по традиции рассылали приглашения на очередной синод в Эгии. Непонимание Ливием разницы между синодом и синклитом и явилось причиной неверного изложения данных первоисточника в его рассказе²¹.

Подобное истолкование событий 188 г. до н.э. вызывает определенные возражения. В литературе уже отмечалось, что Филопеман не имел никакого повода для созыва чрезвычайного собрания, какое назначалось только для решения вопросов войны и мира и рассмотрения письменного обращения римского сената (Polyb. XXII. 12. 6; XXIX. 24. 5). Находившийся в Греции консул Марк Фульвий Нобилиор собирался посетить ахейское собрание по собственной инициативе и письма от сената при себе, разумеется, не имел. Законопроект, который намеревался представить на рассмотрение собрания Филопеман, также не имел отношения к компетенции синклитов. Поэтому нет оснований считать, что Ливий искажил суть дела: конфликт между стратегом и дамиургами по поводу места проведения

20 Aymard A. Les assemblées de la confédération achaienne. P. 359–361.

21 Badian E., Errington R. A Meeting of the Achaean League (Early 188 B.C.) // Historia. 1965. Bd. 14. Ht. 1. P. 13–17.

очередного собрания действительно возник²². Какова была политическая подоплека этого конфликта и действительно ли, как полагают Г. Леман и А. Бастини, решение дамиургов было инспирировано противниками Филопемена Диофантом и Аристом²³, мы не знаем. Более важным представляется другое обстоятельство: как и десятью годами ранее, дамиурги выступили в качестве блюстителей союзных законов и традиций, в то время как стратег выступил с явно противозаконной инициативой²⁴. Впрочем, и на сей раз главе союза удалось настоять на своем, так как огромный авторитет Филопемена и несомненная популярность предложенной им реформы среди ахейцев обеспечили ему поддержку союзного собрания.

Таким образом, анализ отрывочных сведений, сохранившихся в литературной традиции, дает нам определенные основания считать, что коллегия дамиургов самостоятельно, без участия стратега, контролировала соблюдение федерального законодательства и была наделена соответствующими полномочиями для противодействия нарушениям закона. Этот вывод находит полное подтверждение в недавно обнаруженной надписи SEG LVIII. 370, где речь идет о затянувшемся территориальном споре между Мессенией и Мегалополем, которые в то время²⁵ входили в Ахейский союз. На одном из этапов этой тяжбы мегалополиты потребовали создания новой комиссии третейских судей и предложили мессенянам принять участие в выборе арбитров, однако получили отказ (сткк. 71–75). Тогда представители Мегалополя обратились с жалобой в коллегия союзных дамиургов, которая приняла решение в их пользу и наложила на мессенян штраф в наказание за отказ от арбитража (сткк. 75–79). Новый документ впервые демонстрирует, что третейский суд для разрешения территориальных споров между ахейскими полисами назначался не только при добровольном согласии обеих сторон, как предполагалось ранее²⁶, но и в принудительном порядке, а та община, которая отказывалась от переговоров о составе суда, совершала правонарушение. Данный принцип т.н. «обязательного арбитража» был, несомненно, закреплен в ахейских законах²⁷. Поэтому в данной ситуации дамиурги выступили не столько в своей обычной роли посредников при организации арбитража между полисами²⁸, сколько в качестве охранителей законного порядка, который был нарушен мессенянами. Право налагать денежные взыскания было, очевидно, одним из главных средств принуждения, которые имелись в их распоряжении.

22 *Lehmann G.* Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios. Münster, 1967. S. 251–254; *Walbank F.* A Historical Commentary. P. 137; *Bastini A.* Der achäische Bund. S. 87–90.

23 *Lehmann G.* Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit. S. 252; *Bastini A.* Der achäische Bund. S. 86.

24 А. Эймар считает, что проведение синодов в Эгии не было обусловлено каким-либо законом, а являлось всего лишь данью старинной традиции (*Aymard A.* Les assemblées de la confédération achaienne. P. 294). Основанием для такого вывода является то, что в разбираемом пассаже Ливия старый порядок, который пожелал сломать Филопем, обозначен словом *mos* (обычай), а не *lex* (закон): *hunc morem Philopoemen eo primum anno labefactare conatus legem parabat ferre* (XXXII. 30. 3). Заметим на это, что терминология Ливия в описании греческих государственно-правовых институтов не отличается большой точностью, так что выбор существительного *mos* вместо *lex* мог объясняться чисто стилистическими соображениями (нежеланием повторять одно и то же слово в коротком предложении). Кроме того, содержание данного пассажа свидетельствует о том, что римский историк плохо представлял себе, почему ахейцы собирались именно в Эгии: о существовании здесь древнего союзного святилища он ничего не знает и рассуждает о том, что собрания проводились в Эгии «то ли ради заслуг города, то ли ради удобств местоположения» (XXXVIII. 30. 2). Отсюда следует, что в той главе Полибия, откуда Ливий почерпнул информацию о данных событиях, отсутствовало сколь-либо подробное объяснение исторической и правовой подоплеку конфликта. Скорее всего, Полибий лишь кратко упомянул о том, что с самого начала существования Ахейского союза собрания созывались в Эгии. О существовании союзного закона по этому поводу ахейский историк мог умалчивать, чтобы не создавать у читателя впечатление о том, что дамиурги действовали на законном основании, а Филопем, едва ли не самый положительный персонаж в его произведении, грубо нарушил действовавшее тогда законодательство.

25 В документе говорится о событиях, происшедших вскоре после мессенского мятежа, который был подавлен ахейцами в 183 г. до н.э.

26 См., в частности: *Harter-Uibopuu K.* Das zwischenstaatliche Schiedsverfahren im achäischen Koinon. Zur friedlichen Streitbeilegung nach den epigraphischen Quellen. Köln, 1998. S. 129.

27 В той части надписи, которая еще не опубликована, но уже цитируется в научной литературе, мегалополиты, вызывая мессенян на суд, ссылаются на «законы» (сткк. 118–119: *Thür G.* Dispute over Ownership in Greek Law: Preliminary Thoughts about a New Inscription from Messene (SEG LVIII. 370) // Symposium 2011. Akten der Gesellschaft für griechische und hellenistische Rechtsgeschichte, 23. Wien, 2013. P. 302). Ахейские законы о порядке пограничного арбитража упоминаются также в документе, посвященном разрешению спора между Мегалополем и Спартой (Syll³. 471, сткк. 14–15), а также в надписи о территориальном размежевании Мегалополя и Фурий (IPArk. 31 ПА, стк. 13). Во всех этих документах есть упоминания о штрафах, которыми наказывались нарушители установленного порядка.

28 В такой роли они выступали на более ранней стадии тяжбы (сткк. 63–64).

Следует подчеркнуть, что и в этом случае контроль за соблюдением закона дамиурги осуществляли без участия стратега. Поэтому им одним, а не всему руководству Ахейского союза, пришлось отстаивать правоту своего решения перед судом²⁹.

Рассмотренные здесь данные о деятельности и полномочиях коллегии ахейских дамиургов со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в эллинистическое время, когда сосредоточение огромной власти в руках главы государства становилось правилом не только в монархиях, но и в федеративных союзах, ахейцам удалось создать некое подобие системы сдержек и противовесов, характерной для современных президентских республик. Конечно, столь яркие и сильные лидеры, как Арат и Филопем, умели преодолевать установленные законом ограничения своей единоличной власти, однако их поведение не намного отличалось от действий Фемистокла или Перикла в демократических Афинах, так что утверждение Полибия (II. 38. 6) о неизменной приверженности ахейцев принципам демократии, при всей неоднозначности этого понятия в эпоху эллинизма, вовсе не следует считать пустым звуком.

29 Вопрос о правомерности наказания мессенян рассмотрели судьи, приглашенные из Милета, причем дамиурги выступали в качестве истцов, а Мессения – в качестве ответчика (сткк. 79–84). См.: *Thür G. Dispute over ownership*. P. 306, not. 35. Как видно отсюда, сами дамиурги не были наделены судебной властью, их решения носили административный характер. О том, что ахейские полисы имели право обжаловать решение союзных властей в нейтральном суде, свидетельствует также документ Syll³. 665.

**«...ПОКА МЕЧИ НЕ ЗАТУПИЛИСЬ...»:
ПАЛЕСТИНСКАЯ КАМПАНИЯ ПТОЛЕМЕЯ IX (103 Г. ДО Н.Э.)**

В конце II в.¹ произошел последний крупный конфликт эллинистической эпохи на территории Келесии, за которую около ста лет воевали Египет и царство Селевкидов. Еще современники дали ему поэтическое название «Война Скипетров»². Он продолжался около двух лет (со 103 по 101 гг.), а его активная фаза пришлась на весну-осень 103 г.³

Война Скипетров не зря получила свое название. Первой ее составляющей был династический конфликт в Египте между царицей Клеопатрой III и ее старшим сыном Птолемеем IX Сотером (Лафуrom) – бывшим и будущим царем Египта⁴, а на тот момент правителем острова Кипр. Второй составляющей был династический конфликт в Сирии между единоутробными братьями Антиохом VIII Грипом и Антиохом IX Кизикеном. Наконец, это была еще и война молодого царя Иудеи Александра Янная с греческими городами. Все это переплелось между собой таким прихотливым образом, что в конечном счете главными участниками войны стали именно Лафур и Янная.

Все началось с грандиозного поражения Селевкидов на востоке, когда в 129 г. царь Антиох VII Сидет погиб на войне с парфянами. В Келесии, отторгнутой Селевкидами у Птолемеев в начале II в., образовался вакуум власти; территория фактически вышла из-под их контроля, а ряд городов обрел независимость. Селевкидские царевичи были слишком ослаблены междоусобной войной, чтобы восстановить там порядок. В результате у Птолемея Лафура появился шанс создать в Палестине плацдарм для своего возвращения в Египет (с чем, разумеется, не собирались мириться его мать и младший брат), а у Александра Янная – шанс укрепить независимость своего царства и расширить его границы. Именно Янная и развязал Войну Скипетров, когда напал на греческие города побережья. В свою очередь, от их имени власти города Птолемаида обратились за помощью на Кипр.

Остров Кипр, исключительно плодородный и богатый деревом и металлами, был для Египта ключевым владением – особенно в то время, когда почти все остальные завоевания страна утратила⁵. Он являлся центром сбора наемников и местом дислокации птолемеевского флота. Лафур был не первым и не последним из Лагидов, кто искал там убежища и собирал армию⁶: ближайшим примером являлся его отец, печально знаменитый Птолемей VIII Фискон (Iust. XXXVIII. 8. 11).

1 Здесь и далее все даты – до н.э.

2 О Войне Скипетров в целом см.: *Van't Dack E. et al. The Judaean-Syrian-Egyptian Conflict of 103–101 B.C.: A Multilingual Dossier Concerning a "War of Sceptres"*. Brussels, 1989; *Winnicki J. K. Operacje wojskowe Ptolemeuszów w Syrii*. Warszawa, 1989. P. 154–169; *Grainger J. D. The Syrian Wars*. Leiden; Boston, 2010. P. 387–402.

3 Хронологию событий, сопоставив текст Флавия с египетскими документами, можно установить лишь приблизительно (*Van't Dack E. et al. The Judaean-Syrian-Egyptian Conflict*. P. 109–110, 118–119).

4 Лафур правил Египтом в 116–107 и в 88–81 гг. Смысл этого прозвища (λάθυρος, растение, разновидность гороха [Plut. Cor. 11. 3; Strab. XVII. 1. 11; Jos. Ant. Iud. XIII. 12. 2]) был забыт еще в античности; возможно, из-за отметины на лице в форме горошины (*Sharpe S. The History of Egypt under the Ptolemies*. London, 1838. P. 163). Как предполагают некоторые исследователи, он мог быть сыном не Клеопатры III, а ее матери Клеопатры II (URL: http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemy_ix.htm#Lathyrus). Дата обращения – 19.12.2015); в принципе, эта версия вполне объяснила бы всю специфичность отношений между Лафуrom и Клеопатрой III и все обиды, которые он от нее претерпел (хрестоматийная «злая мачеха» сначала расстроила два его брака один за другим, а затем и вовсе лишила трона – Iust. XXXIX. 3. 2; 4. 1–2).

5 *Bagnall R. S. The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt*. New York, 1976. P. 46–47.

6 Находясь там, они чеканили собственную монету и отсчитывали свое правление с момента прибытия на остров; вместе с тем не вполне ясно, считался ли «царь Кипра» из источников действительно правителем независимого царства (см.

Как сообщает наш основной информатор об этих событиях, Иосиф Флавий (*Ant. Iud.* XIII. 12. 2), атакованная Яннаем Птолемаида состояла в дружбе со многими келесирийскими городами – в частности, Газой, Сидоном и теми, кто подчинялся местному тирану, некоему Зоилу (Кесария, Дора, Стратонова Башня). Лафуру была обещана широкая поддержка, так что он дал свое согласие и высадился с 30-тысячной армией в Сикамине⁷ недалеко от Птолемаиды. Его отнюдь не обескуражило ни то, что Яннай располагал куда большими силами, ни то, что власти Птолемаиды в последний момент передумали, а затем вообще отказались впустить Лафура в город и оскорбили его посланцев. Очевидно, подкрепить свои угрозы делом Яннай не сумел, и его сочли «меньшим злом»⁸. Впрочем, представители Зоила и Газы потом встречались с Птолемеем и подтвердили свое приглашение. Существует оригинальная версия, по которой Лафур прибыл на выручку не столько грекам, сколько одному из селевкидских царевичей – Антиоху Кизикену, которому ранее уже помогал воевать с иудеями⁹. Еще будучи царем Египта, он предоставил Кизикену 6000 воинов для обороны Самарии (*Ant. Iud.* XIII. 10. 2).

Обращают на себя внимание недюжинные способности Янная к дипломатическим интригам. Давать сражение Птолемию IX он не стал и увел свои войска домой. После этого Яннай сумел договориться с Лафуrom, и даже более того: настроить его против тирана Зоила, одного из тех, по чьей просьбе Лафур и прибыл в Палестину (*Ant. Iud.* XIII. 12. 4). Если верить Флавию, Яннай буквально «перевербовал» Птолемея, обещав ему за владения Зоила 400 талантов. Однако картина, рисующая правителя Кипра заурядным наемником без каких-либо принципов и интересов, кроме материальных, не выглядит убедительной. Вероятно, Лафур просто помог Яннаю в конфликте с Зоилом, т.е. они действовали совместно, но в любом случае непонятно, зачем вообще Лафуру было ему в этом помогать. Озвучивалось предположение, что Яннай за это мог обещать ему содействие в возвращении египетского престола¹⁰. Вместе с тем Яннай всего лишь мог отвлечь внимание Лафура на непопулярного в регионе тирана, и тот завоевал его владения лично для себя. Тем самым, предложив Лафуру деньги, Яннай на самом деле откупился от него. Яннай также мог дать некие гарантии своего невмешательства в дела приморских греков, а значит, освобождал Птолемея IX от обязательств перед ними.

В то же время Яннай тайно обратился за помощью к царице Клеопатре III – вероятно, убрав Зоила, он рассчитывал подобным образом (т.е. чужими руками) устранить и другого нежелательного соседа. Тем самым Хасмонейское царство ввязалось во внутреннее дело Египта и теперь вместе с ним противостояло Кипру, причем обе стороны (пусть и сугубо формально) поддержали еще и селевкидские принцы Грип и Кизикен соответственно.

Однако о двойной игре Янная Лафур вовремя узнал и явно решил не оставлять два оскорбления подряд безнаказанными. Частью своего войска он осадил Птолемаиду, не открывшую ему ворота, а остальные силы повел в карательный поход на иудеев. В Галилее он взял штурмом и разрушил город Асохис, захватив там богатую добычу и около 10 000 пленных.

Яннай по разным оценкам выставил против Лафура от 50 000 до 80 000 воинов (*Ios. Ant. Iud.* XIII. 12. 4)¹¹, когда как последний, имея первоначально около 30 000 человек и затем разделив свою армию,

Will Éd. Histoire politique du monde hellénistique: 323–30 av. J.-C. T. II. Nancy, 2003. P. 440–441) или «царем на Кипре», т.е. правителем Египта в изгнании. Подробнее о статусе см.: *Hill G.* A History of Cyprus. Vol. I. Cambridge, 1940. P. 200 ff.

7 Портовый город в 12 милях от Птолемаиды-Акко, ныне Тель-эс-Семак (*Kashtan N.* Akko-Ptolemais: A Maritime Metropolis in Hellenistic and Early Roman Times, 332 BCE –70 CE, as Seen Through the Literary Sources // *MHR.* 1998. Vol. 3. No. 1. P. 42–43). О составе армии Лафура Флавий не сообщает ничего конкретного – только то, она включала конницу.

8 Из текста источника не совсем понятно, где тогда находился сам Яннай. Флавий сначала сообщает об осаде им Птолемаиды, затем о неудачных переговорах Лафура с местными жителями и, наконец, о встрече Лафура с представителями Зоила и Газы, которые пришли просить защиты от разорения их областей (*Ios. Ant. Iud.* XIII. 12. 3–4). Возможны два варианта: или Яннай еще до высадки Лафура отступил из-под Птолемаиды и ушел по побережью к Газе (именно на это пришли жаловаться местные делегаты), или посланцы Лафура встречались с птолемаидами, когда те еще находились в осаде (и тем самым она оказалась скорее символической).

9 *Hill G.* A History of Cyprus. P. 202–203.

10 *Bar-Kochva B.* The Battle between Ptolemy Lathyrus and Alexander Jannaeus in the Jordan Valley and the Dating of the Scroll of the War of the Sons of Light [Hebrew] // *Cathedra: For the History of Eretz Israel and Its Yishuv.* 1999. No. 93. P. 9–10. Дж. Грейнджер помещает операцию Сотера против Зоила перед переговорами с Яннаем, никак это не комментируя (*Grainger J. D.* The Syrian Wars. P. 396–397).

11 В современной историографии последняя цифра часто отбрасывается как нереалистичная, когда как цифра в 50 000 считается вполне правдоподобной (из последних публикаций см.: *Каранев М.Н.* Армия и военная политика государства Хасмонеев. Дисс. ... к.и.н. Казань, 2015. С. 167–169).

понес ощутимые потери в бою за город Сепфорис. Как особо отмечает Флавий, сражения за Асохис и Сепфорис произошли в субботу; при этом неизвестно, разделил ли второй город судьбу первого (т.е. стал ли Лафур его разрушать), так как Флавий говорит только о потерях, а не о том, что город отбился (*Ant. Iud.* XIII. 12. 5). Впрочем, с точки зрения римлян нападение на иудеев в субботу было вполне допустимой военной хитростью, раз потом ее успешно применял сам Веспасиан (*Front.* II. 1. 17).

Теоретически Лафур мог получить подкрепления либо из-под Птолемаиды, либо непосредственно с Кипра, но об этом сведений нет. Что до помощи местных греков, то, как показывает неудачный опыт Пирра в Италии и Антиоха III в Греции, даже в лучшем случае эта помощь была, мягко говоря, скромной – и оба царя были вынуждены полагаться прежде всего на собственные силы. Так что можно констатировать, что противник серьезно превосходил Лафура численно и при этом не слишком уступал качественно. После восстания Маккавеев иудейская армия как минимум набралась опыта, хотя мы точно не знаем, что именно во времена Янная она (впрочем, как, и армия Лафура) собой представляла.

Сохранившиеся данные источников об эллинистических вооруженных силах II в. слишком скудны и противоречивы. Исследователи сходятся в том, что в этом столетии царями были проведены некие реформы, о которых, впрочем, сложно сказать что-либо определенное. Еще в III в. после галатского нашествия появилась пехота нового типа – так называемые фирофоры с большими овальными щитами (θυρεοῖς), короткими копьями¹² и мечами. Так вооружены, например, малоазиатские наемники на стелах из Сидона¹³. По общему мнению, теоретически фирофоры могли вести как метательный, так и ближний бой в строю, и действовать на разных типах местности¹⁴.

В селевкидской армии ближе к концу III в. фирофоры, согласно Полибию, имелись у узурпатора Молона и царя Антиоха III во время его знаменитого Восточного похода (V. 53. 8; X. 29. 5–6). Однако тот же Полибий основательно запутал дело, упомянув на параде войск Антиоха IV в Дафне (166 г.) «римское» вооружение и, в частности, кольчуги (καθηγοῦντό τινες Ῥωμαϊκὸν ἔχοντες καθοπλισμὸν ἐν θώραξιν ἀλυσιδωτοῖς, ἄνδρες ἀκμάζοντες ταῖς ἡλικίαις πεντακισχίλιοι – XXX. 25. 3). Неизвестно, что он под этим подразумевал, поскольку само снаряжение фирофоров и римских легионеров было похожим, и заменять одно на другое едва ли имело смысл¹⁵. Принципиальное отличие заключалось в манипулярной тактике, но ничего, что позволяло бы говорить об ее заимствовании, Полибий не сообщает. Тем не менее это не помешало англо-польскому антиковеду Н. Секунде озвучить знаменитую, но дискуссионную теорию о «романизации» селевкидской и птолемеевской армий к середине II в. – те же сидонские наемники у него превратились из фирофоров в легионеров¹⁶. Впрочем, главную задачу (доказать переход на легионную организацию) Секунда не решил, его попытки найти манипулы в поздней птолемеевской армии неубедительны¹⁷.

Поэтому куда логичнее представляется версия, согласно которой реформа была постепенной и началась гораздо раньше, чем считает Секунда. Изменение масштабов и характера войн во II в.¹⁸ могло

12 Ахейские фирофоры, как отмечает Плутарх, свои копья могли еще и метать (*Philop.* 9. 1).

13 Наемник по имени Салмас изображен в кольчуге; ряд исследователей относит его к т. наз. «торакистам» (θωρακίτας – Polyb. X. 29. 6) – отличавшимся от обычных фирофоров, по их мнению, наличием доспеха (*Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars, 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea, 1982. P. 115; Nutt S. Tactical Interaction and Integration: A Study in Warfare in the Hellenistic Period from Philip II to the Battle of Pydna. Diss. PhD. Newcastle, 1993. P. 163; Ueda-Sarson L. The Evolution of Hellenistic Infantry: Infantry of the Successors // Slingshot. 2002. No. 223. P. 23–28).*

14 Подробнее о фирофорах см.: *Head D. Armies. P. 114–115, fig. 41–42; Nutt S. Tactical Interaction. P. 157–165; Ueda-Sarson L. The Evolution; Sekunda N. Land Forces // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. 1 / Sabin Ph., van Wees H., Whitby M. (eds). Cambridge, 2007. P. 339–343.*

15 Иногда римских легионеров греческие авторы прямо называют фирофорами (*Plut. Aem. Paul.* 19. 2). Кольчуги (которые были не у всех легионеров – Polyb. VI. 23. 14) и манеру носить меч на правом боку римляне, как и эллинистические фирофоры, могли перенять у тех же кельтов – о первом говорит Варрон (*De Ling. Lat.* V. 116), второе известно по статуэткам эллинистического времени.

16 *Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Vol. 1: The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Stockport, 1994; idem. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Vol. 2: The Ptolemaic Army under Ptolemy VI Philometor. Stockport, 1995; idem. Hellenistic Infantry Reform in the 160s BC. Łódź, 2001; idem. Land Forces. P. 354–356.* Среди прочего непонятно, зачем такая реформа понадобилась римским союзникам-египтянам и почему ее так и не провели македонские цари, воевавшие с Римом целых три раза.

17 См., например: *Davies G. Rev.: Sekunda N. Hellenistic Infantry Reform in the 160s BC. Łódź, 2001 // AJA. 2005. Vol. 109. No. 1. P. 120; Fischer-Bovet Ch. Army and Society in Ptolemaic Egypt. Cambridge, 2014. P. 115–118.*

18 На птолемеевском материале это фиксирует, в частности, К. Фишер-Бовэ (*Fischer-Bovet Ch. Army. P. 123–148).*

заставить эллинистических царей сократить фалангу с сариссами и щитами-асписами и увеличить число фирофоров – пехоты, легче обучаемой, менее специализированной и более мобильной. В Египте П. Джостоно увязывает реформу с подавлением «Великого восстания» коренных египтян (206–186 гг.): по его логике, сариссофоры, которые и без того понесли тяжелые потери в 5-й Сирийской войне, для контрпартизанских действий элементарно не подходили¹⁹. Вероятно, к концу II в. пехота эллинистических государств в основном состояла именно из фирофоров – по большей части наемников (Лафур мог набрать их непосредственно на Кипре).

Вместе с тем Флавий отмечает у передовых воинов Лафура именно асписы (προμαχοῦσιν ἐπίχαλκοι αἱ ἀσπίδες – *Ant. Iud.* XIII. 12. 5); ранее такие же были у селевкидских солдат в битве с теми же иудеями при Бет-Захарии в 162 г. (*Ibid.* XII. 9. 4). Благодаря этому можно предположить, что в конце II в. в птолемеевской армии еще сохранялась если не сама фаланга²⁰, то по крайней мере так называемые пельтасты (халкаспиды, «меднощитные»²¹), чье облегченное по сравнению с обычными сариссофорами снаряжение позволяло им выполнять куда более широкий круг тактических задач²². Их численность Флавий, к сожалению, не уточняет.

Со своей стороны, «меднощитным» Птолемея Яннай противопоставил собственное отборное соединение – 8 тысяч так называемых «гекатонтамахов», тоже с медными щитами, но другого типа (не асписами, а фиреями). Возможно, это были наемники-фракийцы – ранее их блестящие щиты упоминает Плутарх (*Aem. Paul.* 18. 3), а самого Яннай могли прозвать «Фракидом» (*Ios. Ant. Iud.* XIII. 14. 2) не только за жестокость. Значит, столкновение халкаспидов и гекатонтамахов не могло быть – как порой утверждается²³ – битвой двух похожих фаланг.

Любопытную трактовку предлагает Б. Бар-Кохва, известный своей манерой смело, но слишком вольно реконструировать античные сражения. Он исходит из того, что слово «гекатонтамахи» можно перевести двояко. Обычный в литературе вариант звучит как «те, кто в одиночку справится с сотней», или, фигурально выражаясь, «чудо-богатыри», но он находит другой («те, кто воюет в составе сотни») и выбирает именно его. В результате сотня у него легко превращается в римскую центурию, щиты-фиреи – в римские skutумы, а 8000 гекатонтамахов – в два легиона неполного состава (sic!)²⁴. Бар-Кохва ссылается на ранее заключенный договор между Иудеей и римлянами (1 Макк. 8; *Ios. Ant. Iud.* XIII. 5. 8 и др.), значение которого в литературе вообще склонны переоценивать. Так, Антиох VII в одной из публикаций Т. Раджак не стал разрушать Иерусалим именно потому, что якобы боялся римского вмешательства²⁵, хотя элементарная логика событий позволяла ему этого и не делать: он и так принудил иудеев к сдаче и добился от них всего, чего хотел.

При этом, что показательно, армию Лафура Бар-Кохва считает обычной эллинистической и даже по своему обыкновению выбирает якобы «точное» место битвы (в данном случае – у Тель эс-Саида) именно там, где могли успешно действовать фаланга и конница. Получается, «теорию романизации» израильский историк воспринимает по-своему: евреи у него романизовались, а греки нет. Стоит отметить, что в одной из своих ранних публикаций Бар-Кохва столь же смело приписал иудейской армии к середине II в. реформу на македонский манер, считая, что повстанцам Иуды Маккавеев могли в этом

19 Исследователь даже предполагает, что полководец с негреческим именем Коман – который одержал над повстанцами решающую победу, а потом стал советником Птолемея VI – сам мог быть этническим галатом и главным инициатором армейской «реформы» *Johnston P. A. Military Institutions and State Formation in the Hellenistic Kingdoms. Diss. PhD. Durham, NC, 2012. P. 390–407.*

20 Фаланга македонского типа оставалась актуальной как минимум до начала следующего столетия – понтийская фаланга царя Митридата VI Евпатора участвовала в битве с римлянами при Херонее в 86 г. (*Plut. Sull.* 18).

21 О халкаспидах в армиях Македонии, Сирии и Египта см. также: *Polyb.* II. 66. 5, XXII. 9. 3, XXX. 25. 5; *Liv.* XLIV. 41. 2 и др.

22 Подробнее см., например: *Walbank F. W. Philip V of Macedon. Hamden, 1967. P. 291–293; Кузьмин Ю.Н. Заметки о щитах «македонского типа»: литературная традиция, археология, эпиграфика // Воин. 2010. №13. С. 2–6; Абакумов А.А. 2014: «Меднощитные»: Позднеэллинистическая пехота в битве при Асофоне (103 г. до н.э.) // *Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 2014. №4. С. 171–180.**

23 *Atkinson K. Queen Salome. Jerusalem's Warrior Monarch of the First Century B.C.E. Jefferson, NC, 2012. P. 132.*

24 *Bar-Kochva B. The Battle. P. 26 ff.*

25 *Rajak T. Roman Intervention in a Seleucid Siege of Jerusalem? // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1981. Vol. 22. No. 1. P. 65–81.*

помочь добровольцы и советники из диаспоры²⁶. Выходит, с его легкой руки примерно за полвека она радикально преобразовывалась целых два раза.

Однако даже при численном превосходстве неприятеля Лафур все же решился на генеральное сражение. Возможно, он послушался совета находившегося при нем военного эксперта, некоего Филостефана, о котором более ничего не известно. Скорее всего, он принадлежал к числу тех лагидских военных, кто сопровождал Лафура в изгнание (*Iust. XXXIX. 4. 2; Ios. Ant. Iud. XIII. 10. 4*). Н. Секунда считает его (видимо, на основании простой идентичности имен) тем самым тактиком, который, согласно Плутарху, описывал кавалерийскую реформу Ликурга (*Лус. 23. 1*)²⁷. Но обычно Филостефан Плутарха в историографии отождествляется с писателем Филостефаном Киренским.

Сражение состоялось у г. Асофон близ р. Иордан. Одни исследователи считают его местонахождение неизвестным²⁸, для других это ветхозаветный город Цафон (или Севина) к востоку от реки Иордан (*Нав. 13:27; Суд. 12:1*), руины которого сохранились до наших дней²⁹. Против последней версии пытался возражать И. Леви, полагавший, что место сражения должно было находиться гораздо западнее и ближе к побережью: по его мнению, Лафур не мог себе позволить далеко отрываться от своей базы на Кипре³⁰. Однако о том, что иудеи как-либо угрожали коммуникациям Лафура, неизвестно³¹ – так что, как представляется, Леви сильно преувеличил угрозу, и необходимости «переносить» поле битвы на запад нет. По мнению Б. Бар-Кохвы, Лафур мог умышленно отклониться от побережья, чтобы не обозначать угрозу Египту, не провоцировать Клеопатру раньше времени и попытаться найти союзников в Трансиордании³².

О ходе самого сражения Флавий почти ничего не сообщает; яркая деталь об асписах и фиреях воинов – исключение. Противники были разделены рекой Иордан, и Филостефан начал переправу на неприятельский берег; Яннай не стал ему мешать, по всей видимости, надеясь без труда сбросить его обратно в воду. Однако грекам удалось не только устоять, но и отбиваться, пока Филостефан не осуществил некий маневр (*Φιλοστέφανος διελὼν τὴν δύναμιν δεξιῶς τοῖς ἐνδιδοῦσιν ἐπέκουρει*), вовремя отправив подкрепление и опрокинув еврейский строй. Возможно, по классической эллинистической схеме его конница разбила иудейскую и вышла вражеской пехоте во фланг или тыл. Разгром был полным: бегущих гнали и рубили, пока мечи не затупились и руки не устали (*Ant. Iud. XIII. 12. 5*). Согласно Флавию, только убитыми Яннай потерял 30 000 человек³³; те, кто не погиб и не попал в плен, разбежались (*διαφεύγειν*). Тем самым, будь его армия действительно реформирована «по Бар-Кохве», т.е. по-римски, поражение при Асофоне стало бы для римской военной школы пятном, вполне сопоставимым с Каннами.

Тем не менее стараниями Флавия в историю вошла не столько победа Лафура над его соплеменниками, сколько страшная резня, учиненная победителями сразу после нее. Здесь Флавий не жалеет черной краски, причем для большей убедительности ссылается на авторитет других авторов – Страбона и Николая Дамасского, чьи исторические труды не сохранились. В его изложении Асофонская резня выглядит следующим образом: Лафур занял несколько иудейских деревень с женщинами и детьми и «приказал своим воинам всех их перерезать и разрубить на мелкие части, а последние затем бросить в котлы с кипятком... Он сделал это распоряжение с той целью, чтобы беглецы, вернувшись из битвы домой, предположили, что враги их людоеды (*σαρκοφάγους*)... и еще более исполнялись страха перед ними» (*Ant. Iud. XIII. 12. 6*. Пер. Г.Г. Генкеля).

26 *Bar-Kochva B.* Hellenistic Warfare in Jonathan's Campaign near Azotos // *Scripta Classica Israelica*. 1975. No. 2. P. 95–96.

27 *Sekunda N.* The Ptolemaic Army. P. 14; *idem.* Hellenistic Infantry Reform. P. 57.

28 *Atkinson K.* Queen Salome. P. 132.

29 См., например: *Glueck N.* Three Israelite Towns in the Jordan Valley: Zarethan, Succoth, Zaphon // *BASOR*. 1943. No. 90. P. 23; *Stern M.* Judaea and her Neighbours in the Days of Alexander Jannaeus // *The Jerusalem Cathedra. Studies in the History, Archaeology, Geography and Ethnography of the Land of Israel*. Vol. 1. Jerusalem, 1981. P. 36, not. 71; *Kasher A.* Jews, Idumaeans, and Ancient Arabs: Relations of the Jews in Eretz-Israel with the Nations of the Frontier and the Desert during the Hellenistic and Roman Era (332 BCE –70 CE). Tübingen, 1988. P. 86, not. 124; *Van 't Dack E. et al.* The Judean-Syrian-Egyptian Conflict. P. 164.

30 *Lévy I.* Ptolémée Lathyre et les Juifs // *Hebrew Union College Annual*. 1950–51. Vol. 23. No. 2. P. 135.

31 Схему предполагаемого маршрута кипрской армии см.: *Stern M.* Judaea and her Neighbours. P. 34.

32 *Bar-Kochva B.* The Battle. P. 15.

33 Со ссылкой на Тимагена – даже 50 000, но в этом случае армия Янная должна была погибнуть в полном составе (см. прим. 11).

В достоверности этого рассказа усомнился еще О. Буше-Леклерк, списав его на типичную для Флавия, по его мнению, склонность к преувеличениям и драматизму³⁴. С другой стороны, классик израильской историографии М. Штерн счел его полностью истинным лишь на том основании, что Флавий сослался на Страбона и Николая³⁵. Штерн не только принципиально не стал оспаривать этот рассказ, но и постарался подкрепить его схожими примерами симуляции людоедства из античных и средневековых войн (в частности, описанный тем же Фронтином эпизод войны спартанцев с фракийцами³⁶ и эпизод I Крестового похода из хроники Гийома Тирского)³⁷.

Вместе с тем рассказ Флавия с самого начала содержит в себе существенное противоречие. Если при Асофоне армия Янная была не просто разбита наголову, а фактически уничтожена, смысла в этой жуткой акции устрашения уже не было – в отличие от тех примеров, которые Штерн приводит выше. Штерн же предлагает устранить это противоречие, преуменьшив потери иудеев: цифра в 30 000 человек, которую приводит сам Флавий, кажется ему завышенной³⁸. Тем самым он демонстрирует весьма избирательную критику источника: если иудеев после Асофона потребовалось дополнительно запугивать (и здесь он с Флавием безоговорочно соглашается), значит, их поражение оказалось далеко не таким сокрушительным (и в этом рассказ Флавия его не устраивает). С подобной логикой вряд ли можно согласиться. В этой связи показательное мнение, разделяемое другими антиковедами (в частности, И. Леви и Б. Бар-Кохвой) о том, что после Асофонского разгрома Иудея осталась полностью беззащитной, и Птолемей при желании мог бы легко ее покорить³⁹.

Что касается больших потерь в проигравшей армии, для военного дела античности это было скорее нормой. Достаточно вспомнить цифру в 50 000 человек, которых, согласно Ливию (XXXVII. 44. 1), потерял Антиох III в битве при Магнесии в 190 г. Ее без возражений принимают почти все авторы, пишущие о римско-сирийской войне; иными словами, получается, что селевкидская армия потерять столько людей может, а иудейская – нет. О том, что большие потери приходились именно на преследование отступающих, а не на само сражение, пишет, в частности, британский военный историк Ф. Сабин, специально изучавший этот феномен⁴⁰.

Надо сказать, в описании Флавия поведение Лафура после битвы вообще слабо поддается логике. Он громит врага и захватывает многотысячную армию пленных. Он приказывает вырезать несколько деревень с гражданским населением фактически на глазах этих пленных, явно не заботясь о риске их немедленного восстания с весьма неопределенным итогом – учитывая сравнительно невысокую численность его собственных сил. Если бы его воины это сделали самовольно – например, преследуя отступающих – это было бы еще объяснимо. Он выбирает для показательной акции именно эти деревни, а не какой-либо значимый населенный пункт, хотя в сложившейся ситуации полностью свободен в выборе. Он пытается убедить евреев в том, что в его войске есть дикари-людоеды. Наконец, ни до,

34 *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. T. 2. Paris, 1904. P. 99; *idem.* Histoire des Séleucides. T. 1. Paris, 1913. P. 412.

35 «Всякий раз, когда Иосиф Флавий отмечает совпадения в изложении еврейской истории у Страбона и у Николая, это можно объяснить; а) верностью фактам, присущей независимым друг от друга сообщениям обоих авторов; б) их самостоятельным обращением к одному и тому же источнику; или же в) возможным, но не слишком вероятным использованием труда Страбона Николаем» (*Штерн М.* Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Т. 1. М., 1997. С. 263).

36 «Лакедемонянин Клеарх разведал, что фракийцы снесли в горы все продовольствие и держатся лишь одной надеждой, что недостаток провианта заставит его отступить. И вот к тому времени, когда, по его расчетам, должны были явиться их послы, он приказал на виду у всех убить одного из пленных и раздать по палаткам кусочки его тела как бы для еды. Фракийцы, считая, что человек, способный испробовать столь отвратительную пищу, в своем упорстве на все готов, сдались» (Front. III. 5. 1. Пер. А. Б. Рановича).

37 *Штерн М.* Греческие и римские авторы. С. 273–274.

38 *Штерн М.* Греческие и римские авторы. С. 226.

39 *Lévy I.* Ptolémée Lathyre. P. 132; *Bar-Kochva B.* The Image of the Jews in Greek literature. The Hellenistic Period. Berkeley; Los Angeles; London, 2010. P. 93.

40 «Один из двух выводов кажется неизбежным – или потери во время боя были преимущественно односторонними, поскольку одна из сторон позволяла себя убивать, не оказывая существенного сопротивления (например, римская армия, окруженная при Каннах. – А.А.), или обе стороны несли примерно одинаковые, ограниченные потери до какого-то момента, и настоящая опасность, особенно для раненых, складывалась только после того, как побежденные обращались в бегство. Эти две модели образуют два полюса спектра, включающего в себя различные сражения» (*Сабин Ф.* Лик римской битвы // SH. 2006. Т. VI. С. 192). Подробнее см. также: *Sabin Ph.* Lost Battles. Reconstructing the Great Clashes of the Ancient World. London, 2007.

ни после этого подобных примеров кровожадности Лафура, по сохранившейся информации о нем, не демонстрирует⁴¹.

Правда, в начале XX в. Х. Вильрих приписал Лафуру еще одну расправу над евреями: у Флавия в трактате «Против Апиона» Птолемей Фискон чуть было не подверг александрийских евреев ужасной казни, приказав бросить их под ноги слонам (*C. Ap.* II. 53–55). У Порфирия и в так называемой «Римской хронике» прозвище «Фискон» носит не только Птолемей VIII, но и Птолемей IX⁴²; на это Вильрих и сослался⁴³. Однако И. Леви, в частности, указывает, что современники Лафура его так не называли⁴⁴. Как считает К. Беннетт, источник мог ошибиться и просто перепутать сына с отцом, который у него этого прозвища не имеет⁴⁵. Так что в современной литературе александрийское преступление увязывается все-таки с Птолемеем VIII. Наконец, сохранение в лагидской армии слонового корпуса вплоть до начала I в. представляется в высшей степени сомнительным: о каких-либо его громких победах неизвестно, как символ имперской мощи во II в. он свою актуальность утратил, а противостоять селевкидскому корпусу (в противовес которому он в свое время и создавался) необходимости уже не было за отсутствием такового.

На вопросе о «людоедах» в данном случае можно остановиться особо. В средневековой военной истории действительно можно найти практически идентичный пример, причем М. Штерн на него не ссылается: во время арабского завоевания Испании полководец Тарик запугал андалузцев примерно таким же способом, убив нескольких пленных и отпустив остальных. Однако известно, что в армии Тарика были чернокожие наемники из Судана, которых он к этому и привлек⁴⁶. Что касается войска Лагидов, то о присутствии там южных соседей (в отличие от ливийцев) данных нет; поэтому М. Лоней даже заключил, что Лагиды не привлекали их из принципа⁴⁷. Как бы то ни было, если бы некий контингент из Нубии случайно и оказался на лагидской службе, то скорее в армии Клеопатры, чем у Лафура. Поскольку Клеопатра выступала на стороне Янны, сомнительно, чтобы правитель Кипра имел возможность удивить своих иудейских противников какой-либо экзотикой.

Так что вывод из этой истории напрашивается двоякий: с равным успехом можно заключить, что Асофонской резни могло не быть вообще⁴⁸, или что она все-таки была (как минимум мог быть отдан соответствующий приказ), но совершенно по другой причине. В первом случае Флавий мог или осознанно очернить Лафура, выставив его литературным злодеем (еще одним из царственных гонителей евреев вместе с Антиохом IV и Птолемеем VIII), или просто добросовестно переписать некий враждебный ему первоисточник. Особенно выразителен контраст между Лафуром и Клеопатрой, ко-

41 О «жестокости» Лафура мимоходом упоминает Порфирий (FHG. III. 721 = Eus. *Chron.* I. 164 Sch.), приписывая ему убийство друзей отца – якобы за это он и был свергнут матерью с престола. Однако, напротив, сразу два античных автора (Павсаний и Юстин) приписывают изгнание Лафура целиком интригам Клеопатры, которая оговорила его. В изложении Павсания (I. 9. 2) Клеопатра сама ранила собственных слуг и предъявила их александрийцам, обвинив Лафура в попытке покушения на нее; возможно, Павсаний передает ту же историю, что и Порфирий, только в деталях. О. Буше-Леклерк считал все эти версии лишь «отголосками слухов, ходивших тогда по Александрии» (*Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides.* P. 94, not. 2). По мнению Г. Макурди, Порфирий изложил официальную версию Клеопатры (*Macurdy G. H. Hellenistic Queens: A Study of Woman-Power in Macedonia, Seleucid Syria and Ptolemaic Egypt.* Chicago, 1985. P. 166). Многие исследователи вообще предпочитают не вдаваться в подробности свержения Лафура и устанавливать чью-либо вину, просто фиксируя сам факт его изгнания.

42 Porph. FGH III. 725 = Eus. *Chron.* I. 171 Sch.; IG XIV. 1297. I. 4; 33.

43 Willrich H. Der historische Kern des III. Makkabäerbuches // *Hermes.* 1904. No. 39. P. 249 ff.

44 Lévy I. Ptolémée Lathyre. P. 127–129.

45 Bennett Ch. J. Ptolemy IX. URL: http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemy_ix.htm#Lathyrus.2.1 (дата обращения –20.08.2015).

46 «... Дабы утратить врагов и напугать их... приказал своим воинам умертвить некоторых пленных, их тела разрубить на части и сварить в больших котлах, а остальных пленных велел отпустить. Они разбежались, не веря в свое спасение, и рассказывали всем встречным о том, что сделал Тарик со своими врагами, так что сердца жителей Андалусии наполнились ужасом» (*Мальшев М.М.* (сост.). Средневековая андалусская проза. М., 1985. С. 377; *Hopkins J. F. P., Levzion N.* (ed.). *Corpus of Early Arabic Sources for West African History.* Cambridge, 1981. P. 39).

47 *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques.* T. 1. P. 598; cp.: *Snowden F. M. Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience.* Harward, 1970. P. 129.

48 Из недавних публикаций, где озвучивается критическая точка зрения, см., например: *Grainger J. D. The Wars of the Maccabees.* Barnsley, 2012. URL: <http://www.pen-and-sword.co.uk/The-Wars-of-the-Maccabees-ePub/p/5777> (дата обращения –05.04.2014). Ch. 10 («Josephus includes some horror stories about the treatment of Jews by the victorious army, citing Strabo and Nicolas of Damascus as his sources, but they are fairly unlikely»).

торая согласилась на союз с Яннаем и возвысила двух полководцев из египетской диаспоры – Хелкию и Ананию (*Ant. Iud.* XIII. 10. 4; 13. 1). Впрочем, В. Чериковер объясняет это не каким-либо особым расположением к евреям, а сугубо прагматическими соображениями: так как греческие офицеры были ненадежны и значительная их часть ушла к Лафуру, выходцы из еврейской колонии в Леонтополе были одними из немногих, на кого Клеопатра могла положиться⁴⁹. Впоследствии евреи поддерживали и младшего сына Клеопатры, Птолемея X Александра (*Iord. Rom.* 81).

Во втором случае Лафуру и не требовалось специально пугать евреев наемниками-людоедами; достаточно вспомнить, что он просто был сыном своего отца – Птолемея VIII Фискона. В длинном списке его преступлений имелось и убийство с расчленением другого сына, известного как Мемфит; об этом упоминают Юстин и Диодор (*Iust.* XXXVIII. 8. 13; *Diod.* XXXIV/XXXV. 14). Так что разовый выплеск немотивированной жестокости у Лафура (под «обдуманную», словами М. Штерна, она, на наш взгляд, не подходит в любом случае) при желании можно объяснить именно этим⁵⁰. Столь же безосновательно, как представляется, приписывать Птолемею IX некую целенаправленную антисемитскую политику: в начале Войны Скипетров Яннаем вообще заключил с ним союз, а поход Лафура в Иудею можно рассматривать исключительно как карательную акцию – которой могло и не быть, если бы «союзник» повел себя иначе. Даже в изложении Флавия царский гнев направлен отнюдь не против всех евреев, а только против родственников солдат Янная.

За победой при Асофоне последовал еще один крупный успех – взятие войсками Лафура Птолемииды (*Ios. Ant. Iud.* XIII. 12. 6); тем самым Птолемею поквитался за обе нанесенные ему обиды. Яннаем больше не помышлял о продолжении военных действий все то время, пока Лафур находился в Палестине. Его элитное соединение «гекатонтамахов» воссоздано не было. Разгром Янная в очередной раз продемонстрировал системный недостаток иудейской армии: с самого начала борьбы за независимость в 160-х гг. она могла побеждать главным образом малочисленные и плохо обученные ополчения местных жителей, но обычно проигрывала регулярным войскам – даже, как и сейчас, в выгодных для себя условиях и с таким преимуществом.

Спасать Янная пришлось царице Клеопатре, которая справедливо усмотрела в резком усилении своего старшего сына угрозу собственной власти в Египте. Против Лафура, отряды которого беспрепятственно хозяйничали в Иудее (*Ant. Iud.* XIII. 13. 1), она выслала сразу две армии – по суше, к Птолемиаде, и по морю, в Финикию. Тогда Лафур решил пойти на риск и совершить дерзкий бросок в Египет в попытке захватить страну, пока она осталась беззащитной. Погоня за ним стоила жизни одному из еврейских военачальников Клеопатры, Хелкии (*Ant. Iud.* XIII. 13. 1). Однако прорыв не удался: брешь в обороне Клеопатры успела залатать, Лафуру пришлось остановиться у рубежей Египта, а затем отступить ни с чем в союзную Газу. Там он и провел зиму 103/102 гг.

По сути дела, на этом участие Лафура в Войне Скипетров и завершилось. Не имея возможности противостоять египетским войскам, изолированный в Газе, в конце концов он отплыл обратно на Кипр. Военные действия против городов, присягнувших Лафуру, продолжались еще около года, пока армия Клеопатры оставалась в Келесирии. Показательно, что когда впоследствии Яннаем на правах египетского союзника осадил Газу, защитники города однажды ночью сделали вылазку и напугали иудеев одним только именем Птолемея. Они едва не победили (в ночной суматохе противник счел, что Лафур вернулся), но не успели закончить сражение до утра (*Ant. Iud.* XIII. 13. 3).

После войны сложилась странная ситуация. Казалось бы, ближе всех к тому, чтобы считаться победителем, подошла царица Клеопатра – она как минимум сорвала планы старшего сына и по захвату власти в Египте, и по созданию в Палестине собственного «царства»⁵¹. С другой стороны, сейчас, как и ранее – в момент бегства из страны – Птолемею IX снова удалось благополучно парировать все попытки расправиться с ним окончательно. Более того, увлеченная войной с Лафуrom, Клеопатра

49 Чериковер В. Эллинистическая цивилизация и евреи. СПб., 2010. С. 418.

50 Не исключено, что этим впоследствии объяснялась и деликатность Лукулла, когда уже после возвращения Лафура в Египет он приезжал к нему договариваться о союзе против Митридата (впрочем, безуспешно). Лафур компенсировал свой отказ богатыми подарками, из которых Лукулл согласился принять только изумруд с царским портретом – чтобы не обидеть Лафура и не рисковать собственной жизнью (*Plut. Luc.* 3. 1).

51 В частности, на этом строит свою аргументацию Дж. Уайтхорн – считая, что в этом конфликте Клеопатра преследовала не захватнические (по возвращению Келесирии, которая когда-то принадлежала Лагидам), а сугубо оборонительные цели (*Whitehorne J. E. G. A Reassessment of Cleopatra III's Syrian Campaign // Chronique d'Egypte.* 1995. Vol. 70. No. 139–140. P. 197–205).

недооценила угрозу в лице своего младшего сына, Птолемея X, и в 101 г. погибла от его руки (Iust. XXXIX. 4. 5–6; Paus. I. 9. 3). Таким образом, формально потерпев неудачу, Лафур добился ликвидации главного препятствия для своего возвращения в Египет; он хладнокровно выждал, пока его так называемые «победители» рассорятся и будут уничтожены. В 88 г. александрийцы свергли Птолемея X и призвали на царство Лафура – в том числе и потому, что оценили его желание не мстить матери и брату (Iust. XXXIX. 5. 1). Что характерно, Птолемея X был убит при попытке атаковать Кипр (Eus. Chron. I. 165 Sch.). При этом ему выпала сомнительная честь стать вторым в династии (после Птолемея VI), кто погиб в бою; для Лагидов, в отличие от Селевкидов, это было нетипично.

Лафур оставался на египетском престоле до своей кончины в 81 г. (Яннай пережил его на пять лет) и лично в келесирийские дела больше не вмешивался. Вмешивался его ставленник на селевкидском престоле, Деметрий III Эвкер (*Ant. Iud.* XIII. 13. 4), который тоже вторгнулся в Иудею по просьбе врагов Яннай (причем на сей раз самих иудеев) и тоже разбил его в сражении (при Сихеме), но изворотливость Яннай помогла ему и этот раз⁵².

Таким образом, в палестинскую кампанию Птолемея IX 103 г. уложились сразу два громких события истории позднего эллинизма. Во-первых, это последняя крупная победа птолемеевского оружия при Асофоне, важная тем, что позволяет судить о сохранении в армии формирований «македонского строя». Во-вторых, это страшная резня после нее, которая благодаря Иосифу Флавию запомнилась гораздо лучше, чем само сражение. Но если она и имела место, то вряд ли так, как это виделось еврейскому историку.

52 Подробнее об этом походе см. *Dąbrowa E.* 1998: Demetrius III in Judea // *Electrum.* 1998. No. 18. P. 175–180.

ВОЕННЫЕ СИЛЫ ПОНТА ПРИ МИТРИДАТЕ ЕВПАТОРЕ

В истории каждого государства роль армии как главного его защитника очевидна и не подлежит сомнению. Что касается Понтийского царства, то уже Митридат Эвергет, убедившись в том, что главным противником его планам расширения государства становится Рим, внес определенные коррективы в военную доктрину своего государства, а именно обратился к изучению условий возможной войны против Рима¹.

Его сын и наследник Митридат VI Евпатор в начале своего царствования в области внешнеполитических отношений в значительной степени следовал в русле замыслов своих предшественников². Но затем ситуация изменилась. Друг и союзник Рима меняет свою внешнеполитическую программу на прямо противоположную. Почему? Ответ на этот вопрос как будто очевиден – смерть отца и угроза гибели в собственном доме, вынудившая его бежать из дворца, прямо указали Митридату, кто его главный враг. Победы же понтийской армии над колхами, скифами, считавшимися непобедимыми, и Боспором, разделы Пафлагонии и Галатии, дипломатические успехи в Каппадокии, резко поднявшие авторитет царя Понта в этой области – все это вселяло в него уверенность в возможности открытого противостояния с Римом.

По сообщению Юстина, которому в этом случае можно верить, «когда же Митридат приступил к управлению государством, он с самого начала стал думать не о делах внутреннего управления, а об увеличении пределов своего царства» (XXXVII. 3. 1). Отметим сразу, что здесь, скорее всего, имелось в виду установление понтийского господства лишь в пределах Малой Азии³, но и эта задача требовала серьезных дополнительных мер по укреплению полевой армии и возведению надежных твердынь. И уже в самом начале своего правления Митридат начинает строительство крепостей, а также увеличивает численность своей армии за счет союзников, прежде всего, Малой Армении. По сообщению Страбона, только там было построено 75 крепостей (XII. 3. 28).

Готовясь к войне, Митридат в 106/105 г. до н.э.⁴ совершил тайную поездку по римской провинции Азия и Вифинии. По мнению ряда исследователей⁵, эта поездка имела целью узнать состояние дел у римлян и отношение к их правлению на западе Малой Азии. Однако пути военного наступления Митридата в годы первой войны с Римом, да и контекст источника⁶ заставляют меня оценивать этот вояж царя Понта шире – не только как сбор информации, но и как разведку театра предстоящих военных действий именно в войне против Рима.

1 Молев Е.А. Армия и военная доктрина Понта до Митридата Евпатора // KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от коллег и друзей / Сост. и научн. ред. А.А. Сеницын и М.М. Холод. СПб., 2013. С. 241.

2 Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород. 1995. С. 24; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 188 и сл.

3 Молев Е.А. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта // ААе. 2005. № 1. Эллинистический мир: единство многообразия / Отв. ред. О.Л. Габелко. С. 210.

4 С. Ю. Сапрыкин датирует ее еще более ранним временем – 109/108 г. до н.э. (Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 188). На мой взгляд, это менее вероятно, поскольку автор искусственно привязывает эту дату к монетной чеканке царя Каппадокии Ариарата VI, чем противоречит разработанной им же схеме правления династии понтийских Митридатидов (см. там же. С. 36).

5 Reinach T. Mithridates Eupator, König von Pontos. Hildesheim; New York, 1975. S. 72; McGing B. C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 66; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 188.

6 «...Исходив ее (провинцию Азия. – Е. М.) всю, узнал расположение всех городов и областей, причем об этом никто не подозревал. Отсюда он переправился в Вифинию и, точно уже был владыкой ее, наметил удобные места для будущих побед» (курсив мой. – Е. М.) (Just. XXXVII. 3. 5).

Особенно важное значение для активизации усилий понтийского царя в деле укрепления своей армии имела встреча Митридата с выдающимся римским политиком и военачальником Гаем Марием в 99/98 г. до н.э. (Plut. *Mar.* 31). Последний со своей стороны дал царю Понта очень характерный для политики Рима совет: «Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают» (Plut. *Mar.* 31). Эта информация обычно не вызывает сомнений и принимается исследователями как очевидный факт. Различаются только оценки возможных источников Плутарха в этом вопросе и смысл упоминания этого факта для биографии Мария⁷. Но в любом случае совершенно очевидно, что войны с Римом Митридату было не избежать, а значит, основной его задачей на ближайшую перспективу должно было стать укрепление армии. Рассмотрим, как шел этот процесс.

Сразу же следует отметить, что основные рода войск армии Митридата, пехота и кавалерия, уже не раз рассматривались в научных исследованиях⁸. Мы также охарактеризуем их структуру и организацию по данным наших источников.

Уже в ходе первых войн Евпатора в армии формируется фаланга как ударное подразделение пехоты. Греки того времени прекрасно знали, что эта форма военной организации пехоты является наиболее удачной, особенно в боях с варварами. Неслучайно, сообщая о победе полководца Митридата Евпатора Диофанта над скифами и роксоланами, Страбон подчеркивает: «Однако любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильна перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае, роксоланы числом около 50000 не могли устоять против 6000 человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены» (VII. 3. 17).

Еще более ярко описывает этот успех фаланги Диофанта херсонесский декрет в его честь: «Из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие» (IOSPE. I². 352, сткк. 27–28). О том, как проходила эта битва, нам не известно, но тот же декрет сообщает, что Диофант «разумно расположил войско» (стк. 26). Так что успех фаланги, при всей ее мощи, все же в значительной степени зависел от умелого применения ее возможностей полководцем. А это удавалось не всем.

Ко времени войн против Рима в армии Понта появилась и македонская фаланга как наиболее сильное ударное воинское соединение (App. *Mithr.* 17; Front. *Strat.* II. 3. 17). По сообщению Плутарха (*Sulla.* 16; 19) в состав фаланги входили подразделения халкаспидов («медных щитов»). Впервые такое воинское подразделение упоминает Полибий в рассказе о битве при Селласии (222 г. до н.э.) (II. 65), где оно было частью десяти тысячной фаланги, но он нигде не указывает количество воинов в таких отрядах. Плутарх упоминает их как составную часть фаланги при описании битвы при Пидне в 168 г. до н.э. (*Paul.* 18). Судя по тому, с каким трудом римляне преодолевали их сопротивление в боях, это могли быть отборные пехотные части, укомплектованные наиболее подготовленными и надежными бойцами. Однако численность этих отрядов в общей массе войска Понта была, видимо, невелика, и они так и не смогли в полной мере проявить свои лучшие боевые качества.

В составе понтийской армии сохранились и получили дальнейшее развитие и подразделения легкой пехоты. Античные авторы упоминают в войске Митридата лучников (App. *Mithr.* 32; Plut. *Sulla.* 21; 24), пращников (App. *Mithr.* 32) и просто легковооруженных воинов (Plut. *Sulla.* 17; Front. *Strat.* II. 3. 17). Чаще всего они использовались для охранения и на флангах фаланги. Эффективность их действий в боях с римлянами была невелика, хотя сражались они в большинстве случаев доблестно, что особенно ярко проявилось в битве при Орхомене, когда «лучники, теснимые римлянами так, что не могли натянуть лук, пытались отразить противника, сжимая в кулаке пучок стрел и действуя им наподобие меча» (Plut. *Sulla.* 21).

При Митридите Евпаторе в армии Понта кроме уже имеющейся легкой конницы появляется тяжелая панцирная кавалерия, где воины и кони были защищены пластинчатыми доспехами. Число этих всадников увеличивается по мере продолжения войн с Римом. Это связано с тем, что опыт боевых действий показал, что именно этот род войска наиболее способен проломить строй римской пехоты и развить успех или дать возможность выйти из окружения. В боях конница обычно действовала на

7 Carney T. F. Plutarch's Style in the Marius // JHS. 1960. Vol. 80. P. 24–31; Luce T. J. Marius and the Mithridatic Command // Historia. 1970. Bd. XIX. 1. P. 161–194; Ballesteros-Pastor L. Marius' Words to Mithridates Eupator // Historia. 1999. Bd. XLVIII. 4. P. 506–508; Молев Е. А. Встреча Митридата с Марием. С. 205–210; Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 366–367.

8 Reinach T. Mithridates Eupator. S. 265ff; Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1933. P. 190 ff; Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 372–380.

флангах фаланги (Front. *Strat.* II. 3. 17), но лучше всего она проявила себя в самостоятельных боевых действиях.

По мере увеличения державы Митридата в рядах его армии появляются многочисленные отряды колхов, иберов, албанов, меотов, бастарнов, сарматов и других племен. Каждый из этих отрядов составлял отдельное воинское подразделение с собственным вооружением и собственной тактикой ведения боя. В большинстве случаев они были достаточно эффективны в борьбе с римской легкой пехотой и конницей, но бессильны против строя легионеров. Единственными союзниками, способными выдерживать удары римской тяжелой пехоты и даже наносить ей поражения были бастарны (Memn. XXXIX. 1), которые уже не раз до этого привлекались правителями Македонии Филиппом V и Персеем для войн против Рима (Liv. XL. 5. 10; XLIV. 26. 2–3; 14) и ко времени Митридата VI создали свое государственное объединение в Западном Причерноморье (Поянешты-лукашевская культура)⁹.

В составе царского войска сохранились и подразделения боевых колесниц с косами. Как бы ни оценивать этот род войска в целом¹⁰, но использование его, также как и фаланги, могло быть успешным только при «разумной диспозиции». Однако при наличии у противника опыта борьбы с колесницами их атака могла быть безуспешной, даже если она была проведена по всем правилам¹¹.

Серпоносные колесницы (квадриги) состояли на вооружении армии Митридата вплоть до его поражений в третьей войне против Рима (Veg. III. 24; Front. *Strat.* II. 3. 17; App. *Mithr.* 17; 18; 42; Plut. *Sulla.* 18; 24; *Luc.* 7). Плутарх даже отмечает, что они, среди наиболее ценных трофеев, были проведены в триумфе Лукулла (*Luc.* 37). Поскольку они перечисляются в армии Митридата отдельно и имеют собственного командира – Кратера (App. *Mithr.* 17), можно не сомневаться, что они представляли собой самостоятельное воинское соединение. Социальный статус и этническое происхождение понтийских колесничих по источникам не прослеживается, но, учитывая роль иранских традиций в державе Митридата, можно думать, что, как и у Ахеменидов, они формировались из класса средних землевладельцев¹². Именно колесницы помогли понтийскому полководцу Архелая одержать решительную победу над превосходящими его силами армии вифинского царя Никомеда в первом же крупном сражении Первой Митридатовой войны (App. *Mithr.* 18)¹³. Но тот же Архелай так и не смог с успехом применить их против римлян ни при Херонее, ни при Орхомене, где условия местности не позволяли использовать их боевые возможности.

Для осады городов и крепостей, наведением переправ и строительства мостов Митридат собрал целый штат военных инженеров, преимущественно из числа греков. Это позволило ему использовать все основные достижения эллинистической военной школы. Накануне решающей, третьей войны Митридата с Римом в его армии «не было недостатка в разного рода машинах» (Strabo. XIII. 3. 41; Memn. XXXVII. 1; App. *Mithr.* 70; Dio Cass. XXXV. 1). Однако успех и тут не всегда сопутствовал понтийцам, ибо их главный противник также умело использовал возможности инженерной службы.

Из состава своей армии Митридат формировал и личную охрану (φροῦρα). О наличии ее упоминают Мемнон (XLVI. 1) и Аппиан (*Mithr.* 111). Эта, условно говоря, «гвардия» шла в бой рядом с ним. Она же и предала его в последний момент, перейдя на сторону Фарнака в 63 г. до н.э. Никакой информации о форме организации этой части войска у нас нет.

Уже в период первой войны с Римом в армии Понта появились и вооруженные по римскому образцу вспомогательные отряды, состоявшие преимущественно из беглецов-италиков (Front. *Strat.* II. 3. 17). Однако численность их была невелика, а действовали они в составе понтийских соединений и под командованием понтийских полководцев, что так и не дало им возможности проявить свои лучшие качества. На последнем же этапе борьбы Митридат всю свою армию перестроил организационно по римскому образцу (App. *Mithr.* 108). Однако и это не дало ожидаемых результатов, поскольку высшее руководство оставалось в руках понтийских военачальников, не знавших и/или не умевших использовать римскую тактику боя.

9 Шуккин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 117.

10 Нефедкин А. К. Об истории серпоносных колесниц // *Para bellum.* 2000. №9.

11 Гуленков К. Л. Особые подразделения в армии Митридата Евпатора // МННМА. Сборник научных трудов, посвященных памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2002. С. 235.

12 Нефедкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков. СПб., 2001. С. 410; Гуленков К. Л. Особые подразделения. С. 241.

13 Нефедкин А. К. Боевые колесницы. С. 304–305; *Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupátor.* P. 93.

Война против Рима требовала создания мощного военного флота. И Митридат создает его, используя для этой цели первоначально морские силы греческих городов, а затем строя для него специально военные корабли. По свидетельству Страбона, наибольшие ресурсы для создания флота давала Понту Колхида (Strabo. XI. 2. 18). Основными типами кораблей в составе понтийского флота были триеры (Memn. XXXV. 2; XXXVII. 1; XL. 1; XLVIII. 1), биремы (App. *Mithr.* 17), пентеконтеры (Memn. XXXVII. 1) и керкуры (легкие кипрские корабли) (Memn. XXXVII. 1). О том, что флот в армии Понта играл самостоятельную роль свидетельствует наличие должности стратег флота (Memn. XXXVIII. 1). В составе флота упоминаются также гераклейские (Memn. XLVIII. 1) и синопские (Memn. LIII. 1) триеры. В период Второй и Третьей Митридатовой войн союзниками понтийского царя на море стали пираты. Их деятельность отвлекала на себя значительные силы римской армии и флота и позволяла Митридату раз за разом восстанавливать свои силы после очередных поражений.

Важную роль в поддержании боеспособности армии всегда играла «интендантская» служба. В древности армии во время войны жили главным образом за счет ресурсов враждебной страны¹⁴. В первый период войн с Римом так поступала и армия Митридата. Аппиан специально отмечает, что после разгрома вифинского царя Никомеда Архелаем был захвачен его лагерь с большим количеством денег (*Mithr.* 18). Но после разгрома римлян в Малой Азии и перенесения военных действий на территорию Греции, не располагавшей значительными продовольственными ресурсами, проблема обеспечения армии, помимо грабежей и штрафов (App. *Mithr.* 29; 46; 47), решалась и путем постоянного пополнения продовольственных и военных запасов армии за счет государства. Митридат сам возглавил работу по набору подкреплений для армии и их вооружению (App. *Mithr.* 27; 41; 46). Однако уже первая война с Римом показала Митридату, что проблема обеспечения армии продовольствием и военным снаряжением должна решаться созданием их постоянных запасов в крепостях и городах. Готовясь к третьей войне, он «заготавливал лес, строил корабли и готовил оружие, собрал в разных местах побережья до 2 000 000 медимнов хлеба» (App. *Mithr.* 69). Часть этих запасов была использована впоследствии для воссоздания разгромленной армии, однако в результате действий Лукулла, сумевшего обеспечить блокаду армии Митридата, значительная часть этих запасов попала в руки противника.

Проблема доставки запасов продовольствия и вооружения в действующую армию решалась с помощью флота и вьючных животных. В составе интендантской службы армии Митридата использовались мулы и двугорбые бактрийские верблюды (Sall. *Hist.* 42; Plut. *Luc.* 11; 17; App. *Mithr.* 82; 101; Amm. Marc. XXIII. 6. 54; Flor. I. 40. 18). Основной их задачей была перевозка грузов и денег, предназначенных для оплаты воинов. Из сообщения Аммиана Марцеллина (XXIII. 6. 54) следует, что Митридат специально приобретал бактрийских верблюдов на государственные деньги. Так же, видимо, обстояло дело и с мулами. Это подтверждает вероятность существования в армии Митридата специальных интендантских подразделений, которые должны были обслуживать этих животных.

В целом, благодаря энергичной деятельности Митридата Евпатора армия Понта стала самой грозной военной силой в Малой Азии. Уже в войне за Каппадокию участвовали 80 000 пехотинцев, 10 000 всадников, 600 боевых колесниц (Just. XXXVIII. 1. 8). Ко времени первой войны против Рима Митридат уже имел, по Мемнону (XXXI. 1), под своим личным руководством войско численностью около 150 000 человек. Кроме того под командованием Архелая находилось еще 40 000 пехоты и 10 000 конницы. Согласно Аппиану (*Mithr.* 17), войско было еще больше: 250 000 пешего войска и 40 000 всадников; военных судов с крытой палубой 300 и двумя рядами весел 100. При этом Аппиан также отмечает, что во главе большей части войска стоял сам царь. Кроме этого в войске были вспомогательные войска из Малой Армении – 10 000 всадников и 130 боевых колесниц. Нельзя не согласиться с замечанием Юстина, что «Митридат подготовил к боям против Рима весь Восток» (XXXVIII. 3. 6), причем в данный момент если его армия количественно была почти равной численности армий его противника (римлян и вифинцев), то качественно явно превосходила их¹⁵. В последующих войнах боевые качества понтийской армии, несомненно, возросли, особенно после преобразования ее по римскому образцу. Но уровня боеспособности римской армии она так и не достигла.

Особо стоит отметить роль в войнах греческих городов. Они давали средства и людей для ведения войны, строили корабли и ковали оружие, а также служили и мощными опорными пунктами для царя

14 Ср. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 88.

15 Габелко О.Л. История Вифинского царства. С. 387.

Понта. И держались против римлян они гораздо дольше, чем построенные им крепости. Наиболее крупные из них – Гераклея Понтийская, Амис, Синопа, Амасия, Аполлония – оказали сильное сопротивление римлянам и задержали на врага под своими стенами на год и более. Их падение лишило Митридата господства на море и тем самым, как справедливо заметила М. И. Максимова «из его рук было выбито то оружие, силой которого держалось Понтийское царство»¹⁶.

В ходе военных действий Митридат постоянно пополнял численность своего войска и пытался поднять его боевую мощь, используя элементы римской военной организации. Это дало ему возможность длительное время выдерживать натиск римской военной машины – лучшей военной организации своего времени.

Таким образом, действуя подобно тому, как действовали и его предшественники¹⁷, Митридат существенно укрепил обороноспособность своей державы. Однако закрепить это военными успехами царю Понта не удалось. И в этом не только его вина. Собранная по частям его держава так и осталась обычной «восточной» деспотией и не смогла, несмотря на все попытки Митридата, превратиться в единое государство с общими интересами.

16 Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья (Синопа, Амис, Трапезунд). М., 1956. С. 281.

17 Høite J. M. The Administrative Organisation of the Pontic Kingdom // Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies. 9 / J. M. Høite (ed.). Aarhus, 2009. P. 103.

ДРЕВНИЙ РИМ: ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ

А.М. Сморгков

ЦИВИТАС МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ПОСЛЕДНИЙ ШАГ¹

Особая процедура перехода от мира к войне, существовавшая у римлян с незапамятных времен и наиболее полно воплотившаяся в фециальном праве, имела целью обеспечить благосклонность богов². Среди многочисленных условий и элементов, призванных привлечь богов на сторону римлян, важную роль играло объявление войны³, четко обозначавшее рубеж между ней и миром. Критикуя Антония за развязывание войны с парфянами в 36 г. до н.э., автор II в. н.э. Флор (IV. 10. 2) подчеркивает, что тот совершил нападение «без повода, без плана и даже без – хотя бы для вида – объявления войны» (*neque causa neque consilio ac ne imaginaria quidem belli indictione*). А ведь речь шла совершенно о другом народе, не связанном с римлянами общностью представлений о войне и мире подобно италикам или грекам. Вполне объяснимо внимание, оказываемое данному моменту, после которого мирное время безвозвратно утрачивалось и начиналось новое состояние, полное опасностей и с непредсказуемым результатом. Таким образом, объявление войны можно сопоставить с широко известными «ритуалами перехода», имевшими большое значение в жизни архаического общества. Поэтому, что характерно для того времени, столь важный акт должен был иметь соответствующее религиозное оформление.

Согласно фециальному праву, непосредственно объявлению войны предшествовала довольно длительная процедура предъявления претензий (*res geretere*), продолжавшаяся 30 дней (или 33)⁴. Ее целью было добиться удовлетворения требований мирным путем⁵. Отмеченная глубокой архаикой, она включала в себя различные этапы с соответствующими обрядами фециалов. Наиболее подробный рассказ со многими деталями содержится у Тита Ливия (I. 32. 4–14), Дионисия Галикарнасского (*AR*. II. 72) и Сервия (*Ad Aen*. IX. 52; X. 14). После возвращения в Рим фециалы делали доклад сенату, который принимал решение о войне, в определенные эпохи и при определенных обстоятельствах утверждавшееся на народном собрании⁶.

1 Публикация подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ «Полис и надполисные структуры в греко-римском мире: формы и эволюция взаимоотношений»

2 *Albert S.* Bellum iustum. Die Theorie des “gerechten Krieges” und ihre praktische Bedeutung für die auswärtigen Auseinandersetzungen Roms in republicanischer Zeit. Kalmünz, 1980; *Rüpke J.* Domi militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990. S. 103–124; *Zuccotti F.* «Bellum iustum» o del buon uso del diritto romano // *Rivista di diritto Romano*. IV. 2004. 64 p.; *Liebs D.* Bellum iustum in Theorie und Praxis // *Ars iuris*. Festschrift für Okko Behrends zum 70. Geburtstag. Göttingen, 2009. S. 305–318; *Cursi M. F.* «Bellum iustum» tra rito e «iustae causae belli» // *Index*. 2014. No 42. P. 569–585; *Calore A.* Appunti sul bellum iustum. Torino, 2014; *Сину Ф.* Varr. De ling. lat. 5. 86 и римское «международное право» (размышления о fides, bellum, hostis, pax) // *Древнее право*. 2003. №2 (12). С. 42–80. Весьма полную подборку источников см.: *Drexler H.* Politische Grundbegriffe der Römer. Darmstadt, 1988. S. 188–226 (=Bellum iustum // *RhM*. 1959. Bd 102. S. 97–140).

3 *Cic. Rep.* II. 31. Cp.: *Cic. Off.* I. 36; *Lact. Inst.* VI. 9. 4.

4 Из недавно вышедших работ подробный анализ, в том числе историографический, см.: *Rich J.* The Fetiales and Roman International Relations // *Priests and State in the Roman World* / Ed. by J. H. Richardson and F. Santangelo. Stuttgart, 2011. P. 199–204; *Ravizza M.* Aspetti giuridico-sacrali del rituale feziale nell’antica Roma // *Jura gentium*. 2014. Vol. XI. No 2. P. 32–39; *Calore A.* Appunti sul bellum iustum. P. 32–46.

5 *Varro. De vit. pop. Rom.* 75R (= Non. P. 850L, 529M); *Plut. Numa*. 12. Cp. *Plaut. Amph.* 204–210.

6 *Liv.* I. 32. 11–13; IV. 30. 15; VII. 6. 7; 32. 1; X. 45. 7; *Dionys. Hal. AR*. II. 72. 9. Об участии народного собрания см.: *Rich J.* The Fetiales and Roman International Relations. P. 204 (esp. not. 75).

После принятия решения о войне наступал заключительный этап, анализу которого и посвящена предлагаемая статья. Дионисий об этом этапе вообще не говорит. В рассказе Ливия фециал – а именно, глава коллегии *pater patratus* (*Serv. Ad Aen.* IX. 52; X. 14), упоминавшийся и на предыдущей стадии, – опять отправлялся к границам врага и в присутствии трех взрослых свидетелей произносил ритуальную формулу, в которой объявлялась война (*Liv.* I. 32. 12–13)⁷. Затем он бросал на вражескую территорию копьё с железным наконечником или даже с обожженным концом (*ferratam aut praeustam sanguineam*)⁸. Последний вариант (примитивное копьё с обожженным наконечником) свидетельствует о чрезвычайной древности обряда. Две трактовки имеет и использованный Ливием эпитет *sanguineus* (*ibid.* 12), который относится к обоим вариантам копий (в соответствии с общепринятой эмендацией Й. Мадвига, поменявшего местами рукописное *sanguineam praeustam*)⁹. Современные исследователи склонны считать, что Ливий использовал редкое значение слова *sanguis*, обозначающее кизил с его кроваво-красными плодами и побегами¹⁰. В таком значении оно упомянуто в сочинении авторитетного в древности знатока этрусского учения Тарквития Приска (I в. до н.э.) «Книга знамений, связанных с деревьями» (*Macr. Sat.* III. 20. 3)¹¹. Тарквитий причисляет это растение к т.н. несчастливым деревьям (*arbores infelices*), находящихся в ведении подземных богов (*ibid.*). Но не следует исключать и возможность понимания *sanguineus* как «облагренное кровью» (видимо, жертвенного животного)¹². В любом случае, и тот, и другой вариант наполнены глубоким религиозным смыслом¹³.

О важности ритуала метания копья свидетельствует сохранение его в измененном виде даже тогда, когда с расширением римской державы его реальное осуществление столкнулось с серьезными трудностями. Как рассказывает продолжатель Сервия (Девтеро-Сервий), во времена Пирра римляне, не найдя место, где фециалы могли бы осуществить этот обряд по отношению к «заморскому» врагу, взяли пленника из войска Пирра и заставили его купить участок земли перед храмом богини войны Беллоны. Этот участок объявили вражеской землей для проведения необходимого ритуала объявления

- 7 Явно заметно, что предыдущий этап (*res repetere*) и тот, о коем пойдет речь (*bellum indicere*), являются совершенно разными ритуалами, а сведения о них Ливий заимствовал из разных источников и объединил в рамках одного сообщения: *Rüpke J. Domi militiae.* S. 105; *Rich J. The Fetiales and Roman International Relations.* P. 201–204; 209.
- 8 *Liv.* I. 32. 12–14. Ритуальную формулу, несколько отличную, от той, которую привел Ливий, равно как и копьё, бросаемое фециалом, упоминает также Авл Геллий (XVI. 4. 1) со ссылкой на сочинение римского юриста и грамматика I в. до н.э. Луция Цинция «О военном деле». О различиях между Цинцием и Ливием см.: *Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1–5.* Oxford, 1965. P. 135–136; *Rüpke J. Domi militiae.* S. 105; *Rich J. Fetiales and Roman International Relations.* P. 205. Копьё, которое кидает фециал, упоминает и Сервий, основываясь на информации Ливия (*Serv. Ad Aen.* IX. 52; X. 14). Самое раннее упоминание встречается у Диодора Сицилийского (I в. до н.э.), чье сообщение передал в стихах в поэме «Хилиады» византийский автор XII в. Иоанн Цец: *Diod. VIII. 26 (= Tzetz. Hil. V. 555–561)*. По всей видимости, замечание Диодора было связано с вышеупомянутым рассказом о войне с Альба Лонгой (ср. *Diod. VIII. 25*).
- 9 *Madvig J. N. Emendationes Livianae.* Ed. 2. Copenhagen, 1877. P. 55–56.
- 10 *Butler H. E. Livy, 1. 32. 12 // CR.* 1921. Vol. 35. No 7/8. P. 158; *Bayet J. Le rite du fécial et le cornouiller magique // MEFRA.* 1935. Vol. 52. P. 29–76; *Ogilvie R. M. A Commentary on Livy.* P. 135 (здесь же о магическом значении железа и кизила); *Magdelaïn A. Quirinus et le droit (spolia opima, ius fetiale, ius Quiritium) // idem. Ius, imperium, auctoritas. Études de droit romain.* Rome, 1990. P. 247. См. также переводы, в том числе на русский язык В.М. Смирнова. Как opinio communis: *Rüpke J. Domi militiae.* S. 108. В современной классификации имеется вид «кизил кроваво-красный» (*cornus sanguinea*).
- 11 Ср. *frutex sanguineus* (*Plin. NH.* XVI. 74; 176); *virga sanguinea* (*ibid.* XIX. 180; XXIV. 73, ср. *D. XLVIII. 9. 9*).
- 12 В старом переводе 1892 г. под ред. П. Адрианова – «запачканное кровью». См. также: *Samter E. Fetiales // RE.* 1909. Bd 6. Sp. 2264; *Wiedemann Th. The Fetiales: A Reconsideration // CQ.* 1986. Vol. 36. No 2. P. 479 (blood-coloured без комментариев); *Liebs D. Bellum iustum.* S. 308 (in Blut getränkte также без аргументации); *Rich J. The Fetiales and Roman International Relations.* P. 208 (развернутая аргументация). Ср.: *Dio Cass. LXXII. 33. 3 (τὸ δόρυ τὸ αἰματῶδες); Amm. Marc. XIX. 2. 6 (hasta infecta sanguine)*. Впрочем, возможно, что и у Диона Кассия речь идет о кроваво-красном цвете, а не о крови: *Latte K. Römische Religionsgeschichte.* München, 1960. S. 122. Anm. 1.
- 13 Возможно, этот акт имели правовую сторону, обозначая захват вражеской территории: *Latte K. Römische Religionsgeschichte.* S. 122 (со ссылкой на работу французского исследователя J. Bayet); *Ravizza M. Aspetti giuridico-sacrali.* P. 40 (историография: not. 52). Против: *Wiedemann Th. The Fetiales.* P. 483. Детальное поэтапное сопоставление общественной процедуры *indictio belli*, рассматриваемой как религиозно-правовая (*guiridico-religioso*), с частным процессом *per legis actiones* см.: *Calore A. Appunti sul bellum iustum.* P. 56–71 (библиография: not. 1). Это представление, в том числе о генетической связи обеих процедур, весьма распространено в историографии: *Rich J. The Fetiales and Roman International Relations.* P. 215, not. 110; 111. См. также: *Wiedemann Th. The Fetiales.* P. 487–488 (касательно других действий фециалов, но с некоторым скепсисом); *Майорова Н. Г. Коллегия фециалов // Жреческие коллегии в Раннем Риме / Л.Л. Кофанов (ред.). М., 2001. С. 166–167; Кофанов Л.Л. Виндикация в римском публичном праве // Древнее право. 2008. №2 (22). С. 52–56. Критику данного представления см.: Rich J. The Fetiales and Roman International Relations. P. 215.*

войны (Serv. auct. *Ad Aen.* IX. 52). Позже там была посвящена колонна для той же цели (т.н. *columna bellica*)¹⁴. Таким образом, теперь ритуал метания копья можно было осуществлять непосредственно в Риме, точнее, за его померием, где находился этот участок. Интересную параллель представляет осуществление т.н. «ауспиций выхода», предвещающих выход полководца из Рима на войну. В случае возникновения сомнений в их правомочности (*incerta auspicia*) магистрат должен был вернуться в Рим для повторного их проведения, что могло происходить только на освященной территории города Рима¹⁵. Но после расширения римского государства за пределы Италии стали прибегать к следующему акту (в типично римском духе): в случае необходимости возобновления ауспиций, чтобы консулу не нужно было возвращаться в далекий Рим, на захваченной земле в данной провинции одно место провозглашалось римским, куда и отправлялся полководец¹⁶. Это напоминает по своей религиозной интерпретации фециальные обряды объявления войны перед *columna bellica*, пришедшие на смену реальному объявлению войны фециалами. Объединяет оба обряда как то, что от них зависел успех всей военной кампании, так и то, что оба они являлись «ритуалами перехода», совершаемыми на «римской земле», но предполагающими действия на чужой, вражеской, территории.

Такое приспособление архаичного обычая к изменившимся условиям вполне в духе римской религии, но оно же является показателем его значимости. Последний известный случай, когда прибегли к метанию копья, относится к императору Марку Аврелию в 178 г. перед выходом на маркоманнскую войну (Dio Cass. LXXII. 33. 3). Марк Аврелий, несомненно, был фециалом, как до него Август (RGDA. 7; Dio Cass. L. 4. 5) и Клавдий (Suet. *Claud.* 25. 5), и, конечно, другие императоры. Впрочем, это обращение к архаическому ритуалу, скорее всего, было в то время лишь символическим жестом, а не живой, обыденной практикой, почему Дион Кассий и обратил внимание на данное событие, причем сославшись на свидетелей.

Отношение к сведениям о ритуале метания копья, в том числе перед *columna bellica*, в историографии весьма неоднозначно. И если К. Латте оспаривает лишь историчность рассказа Девтеро-Сервия¹⁷, то другие исследователи отрицают существование самого этого ритуала, считая его изобретением Октавиана перед началом войны с Клеопатрой¹⁸. Конечно, сложно говорить о степени достоверности античной традиции¹⁹. Ведь практически вся информация о связи фециалов с объявлением войны относится к царскому и раннереспубликанскому времени, а наиболее полная – к рассказу об их происхождении при первых, полулегендарных, царях. Но и весьма критичное отношение к античной традиции о фециалах, вытекающее из общеизвестных сложностей источниковедения раннего Рима, имеет обратную сторону в такой же недоказуемости собственных гипотез. В источниках нет ни единого намека на «творчество» Октавиана касательно рассматриваемого ритуала метания копья. Если этот обряд был «изобретен» *ad hoc* для объявления конкретной войны, то непонятно, почему Ливий, современник событий, дает два варианта для наконечника копья (железный или обожженный)²⁰. В конце концов, и об этом акте, когда Октавиан выступил в качестве фециала в 32 г. до н.э. около храма Беллоны при объявлении войны Клеопатре, сообщает лишь один автор (Dio Cass. L. 4. 5), который жил двумя с половиной веками позже. Чем не повод для сомнений?! К тому же, строго говоря, Дион Кассий не упоминает метание копья²¹.

14 Serv. auct. *Ad Aen.* IX. 52. Ср.: Ovid. *Fast.* VI. 205–208; *Fest.* P. 30L, s. v. Bellona; Dio Cass. L. 4. 5; LXXII. 33. 3; Serv. *Ad Aen.* IX. 52.

15 Liv. VIII. 30. 1–2; 32. 4; 7; 34. 4; X. 3. 6; XXIII. 19. 3; *De vir. ill.* XXXI. 1; Val. Max. III. 2. 9; ILS. 53.

16 Serv. auct. *Ad Aen.* II. 178. Ср.: Val. Max. II. 7. 4; Front. *Strat.* IV. 1. 31.

17 Latte K. *Römische Religionsgeschichte.* S. 122. Anm. 3. Схожие взгляды: Rawson E. Scipio, Laelius, Furius and the Ancestral Religion // JRS. 1973. Vol. 63. P. 167; Rich J. *Fetiales and Roman International Relations.* P. 207 (с указанием возможных вариантов трактовки скудных данных).

18 Wiedemann Th. *The Fetiales.* P. 481–483 (esp. not. 13); Rüpke J. *Domi militiae.* S. 106–108; 116–117.

19 О проблеме достоверности основной, Ливиевой, традиции см.: Calore A. *Appunti sul bellum iustum.* P. 21–24 (историография: not. 40).

20 Другие аргументы, равно как аргументы предшественников, см.: Rich J. *Fetiales and Roman International Relations.* P. 206–207; Ravizza M. *Aspetti giuridico-sacrali.* P. 42; Santangelo F. *I feziali fra rituale, diplomazia e tradizioni inventate // Sacerdos. Figure del sacro nella società romana / A cura di G. Urso.* Pisa, 2014. P. 93–95 (историография: not. 37).

21 Dio Cass. L. 4. 5: «(римляне), придя к (храму) Беллоны, совершили с помощью Цезаря в качестве фециала все предвещающие войну (обряды) согласно обычаю» (πρὸς τὸ Ἐννεῖον ἐλθόντες πάντα τὰ προπολεμῖα κατὰ τὸ νομιζόμενον, διὰ τοῦ Καίσαρος ὡς καὶ φητιάλιον, ἐποίησαν).

Есть также определенный резон и в утверждении Й. Рюпке, что метание копья является не объявлением войны (*Kriegserklärung*), а ее началом (*Kriegseröffnung*), поскольку при совершении ритуала отсутствуют представители вражеской стороны²². Однако как можно было обеспечить их реальное присутствие, минимизировав при этом риск для самих римлян, которые тут же становились врагами? И тот же Й. Рюпке признает, что для совершения ритуала важно было лишь наличие вражеской земли. Действительно, его осуществляли явно не для людей (враги и так уже знали и понимали неизбежность войны после своего отказа следовать требованиям римлян) – а для богов, чтобы окончательно обеспечить их благосклонность к римлянам как начинающим войну справедливую, использовавшим все способы ее избежать и исполнившим все необходимые обряды. Интересно, что ни Ливий, ни Цинций, процитировавшие торжественную формулу, которую произносили перед метанием копья (см. прим. 7), не упоминают богов, хотя призыв к ним при ее произнесении вполне ожидаем и уместен. Обращение к ним встречается на первом этапе объявления войны, и этот акт происходил в присутствии врагов. Как видим, второй (окончательный) этап объявления войны «обошелся» без тех и других²³. Несомненно, отсутствие необходимости в присутствии врага для действенности процедуры метания копья облегчило прикрепление ее к определенному месту в самом Риме.

Возможно, упомянутая война с Пирром, первым «заморским» врагом Рима, привела к серьезным изменениям в процедуре объявления войны, ограничившим роль фециалов в этой области исключительно исполнением ритуалов в Риме и консультациями по сакральному праву в данной сфере компетенции²⁴. Когда это направление деятельности фециалов сошло на нет – неизвестно, но, по всей видимости, именно оно пало первым под натиском изменившихся внешнеполитических условий²⁵. Ведь о таких их функциях, как участие в заключении договоров и выдаче виновных, мы знаем из конкретных событий в исторические времена, тогда как об участии в объявлении войны (и предшествовавших тому переговорах) – почти исключительно из антикварной традиции. Для эпохи ранней Республики их участие в процедурах, предшествовавших войне, все же указывается в источниках²⁶. При этом показательно, что в ряде случаев фециалы упоминаются вместе с послами²⁷. Таким образом, складывается впечатление, что уже тогда их участие ограничивалось ритуальной стороной, а реальные действия (переговоры и решения) осуществляли сенатские послы²⁸. Данное обстоятельство, несомненно, также облегчило ограничение фециальной активности чисто ритуальной деятельностью. Что касается следующего этапа в истории Римской республики, то о каком-либо исполнении фециалами обрядов, предвещающих войну, сведений нет, хотя мы имеем весьма подробные рассказы о начале ряда крупных войн в период борьбы Рима за гегемонию в Средиземноморье. В лучшем случае, и то лишь предположительно, можно говорить об осуществлении фециалами религиозных обрядов в Риме, в частности, такого как метание копья у *columna bellica*. Все же сложно представить, чтобы этот ритуал вышел из употребления вплоть до Августа: ведь проводиться он должен был

22 Rüpke J. *Domus militariae*. S. 109. Ср. Rich J. *Fetiales and Roman International Relations*. P. 208–209; 224. Однако, строго говоря, у Ливия не сказано, кто такие упомянутые им трое свидетелей ритуала метания копья – римляне или враги. Ведь не исключен и последний вариант: *Cimma M. R. I feziali e il diritto internazionale antico // Древнее право*. № 1 (6). 2000. P. 25.

23 Впрочем, А. Магделен доказывает, что богом, под покровительством которого совершался ритуал метания копья, являлся Квириин: *Magdelain A. Quirinus et le droit*. P. 246–252.

24 Известны два таких случая обращения политической власти к фециалам за консультациями по поводу объявления войны – при начале Второй Македонской и Сирийской войн: Liv. XXXI. 8. 3; XXXVI. 3. 7–12; XXXVIII. 46. 11.

25 *Samter E. Fetiales*. Sp. 2264.

26 Прямые упоминания фециалов (всего тринадцать случаев): Liv. IV. 30. 13; 14; 58. 1; VII. 6. 7; 9. 2; 16. 2; 32. 1; VIII. 22. 8; 39. 13; IX. 45. 6; X. 12. 2; 45. 7; Dionys. Hal. AR. IX. 60. 6; X. 23. 1; XV. 7. 6; 9. 1–2. Легаты (послы) со схожими функциями: Liv. III. 2. 3; 6; 25. 6; 8; 9; IV. 17. 2; 3; 6; 58. 6–7; VIII. 23. 3; 8; Dionys. Hal. AR. V. 37. 3; 50. 3; 51. 2; 52. 1; VIII. 64. 1–2; 91. 1–2; XV. 5. 1; 6. 5; XVII/XVIII. 1. 4; 2. 1; 3. События, в которых упоминаются фециалы, у Ливия и Дионисия не совпадают ни разу, хотя в случае Второй Самнитской войны, по всей видимости, из-за лакуны у Ливия (VIII. 23. 10, ср. 39. 13).

27 Liv. IV. 58. 1; VII. 32. 1; Dionys. Hal. AR. IX. 60. 3–6 (фециалы: 6); X. 22. 5–23. 1 (фециалы: 23. 1); XV. 7; 9 (фециалы: 7. 6; 9. 1–2). Ср. точно такое же указание на соучастие фециалов и послов содержится в рассказе о Тулле Гостилии (Dionys. Hal. AR. III. 3. 3–6). Как можно заметить из сопоставления с предыдущей сноской, в тех немногих случаях, когда Дионисий упоминает фециалов, они всегда действуют вместе с послами. По всей видимости, таким он представлял себе предназначение фециалов – а именно, для ритуального оформления дипломатических актов.

28 Отечественная исследовательница Н. Г. Майорова считает возможным даже разделить между фециалами и послами этапы изучаемой процедуры объявления войны и относит первый этап (*rerum repetitio/clarigatio*) к ведению послов: *Майорова Н. Г. Коллегия фециалов*. С. 150–159; 169–170 (наиболее полная формулировка вывода: с. 156).

регулярно ввиду постоянной военной активности Рима, к тому же являлся обязанностью особых лиц, т.е. фециалов.

На первый взгляд, объяснение отмеченному изменению вполне простое и понятное: ведь ритуал фециалов возник тогда, когда Рим был маленькой общиной на Тибре, соответственно, внешние проблемы относились к ближайшей округе, по мере же расширения римской экспансии его применение стало затруднительным²⁹. Должно было сказаться и то обстоятельство, что ритуал фециалов требовал такого же или подобного института у других народов. Но главной причиной, по моему мнению, явилась характерная для Республики с самого ее основания общая тенденция, неблагоприятная для политических полномочий жрецов и сводившая их функции к религиозным актам и консультациям в этой области³⁰. Как можно видеть, подобное ограничение полномочий жрецов собственно религиозными задачами хорошо заметно и у фециалов.

29 Хотя, как справедливо отмечают исследователи, не настолько, чтобы сделаться невозможным: *Wiedemann Th. The Fetiales*. P. 481–482; *Rich J. Fetiales and Roman International Relations*. P. 224.

30 *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Abt. 1. Aufl. 3. Leipzig, 1887. S. 689; *Сморчков А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы*. М., 2012. С. 211–226.

СЕРТОРИЙ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РИМСКОГО ГРАЖДАНСТВА В ИСПАНИИ

Еще относительно недавно в надписях античной эпохи, обнаруженных на территории Пиренейского полуострова, имелось всего несколько упоминаний представителей рода Серториев (хотя их и было больше, чем тех, чьи имена происходили от всех прочих наместников республиканской эпохи¹), что не давало возможность делать какие-либо выводы, помимо самого факта дарования Квинтом Серторием римского гражданства испанцам. Теперь подобных надписей имеется в несколько раз больше², что позволяет шире использовать их данные для решения различных проблем Серторианского движения, особенно тех, которые явно недостаточно освещены в письменных источниках. Например, существует лишь два определенных свидетельства письменных источников о распространении Серторием прав римского гражданства. Эти сообщения широко известны и давно активно используются, хотя и для изучения других проблем.

Так, Плутарх сообщает, что в самом начале активных военных действий в 80 г. до н.э. в Испании Серторий имел в своем распоряжении 2600 тяжеловооруженных воинов, которых он называл (считал) римлянами, 700 ливийцев, переправившихся с ним в Лузитанию, 4000 лузитанских пельтастов и 700 конных лузитан (Plut. *Sert.* 12).

Относительно отряда в 2600 человек существуют различные мнения. Т. Моммзен считал, что в состав этого отряда входили не римляне, а ливийцы и перебежчики из отряда Пакциана. В. Шталь пишет, что это были воины, именуемые римлянами, и включает в их состав ливийцев. А. Шультен сначала называет их остатком тех 3000 воинов, с которыми Серторий покинул свою провинцию, затем именует их солдатами, вооруженными римским оружием. Э. Габба полагает, что это были или мавританцы, или набранные в Испании туземцы. По мнению Ф. Спанна, основу отряда составляли остатки бежавшей из Нового Карфагена армии и перешедшие на сторону Сертория остатки войск Пакциана. По мнению В. Эренберга, слова «называл римлянами» означают, что из римлян отряд состоял лишь частично. Каков был процент римлян, неизвестно, но, во всяком случае, они составляли ядро отряда³. Ю.Б. Циркин указывает, что раз Серторий называл этих воинов римлянами, то они – не настоящие римляне. Вероятно, что это были в том числе испанцы, может быть, только испанцы, которым Серторий даровал римское гражданство⁴.

Высказывались и другие предположения о составе отряда: это, возможно, римляне или италики, которые либо были с Серторием с самого начала, либо присоединились к нему позднее⁵; это – остаток тех, кто бежал из Нового Карфагена, большей частью романизированные неримляне⁶. Это эмигранты, ветераны, италики; за которыми Серторий, назвав их римлянами, признал право на равноправие с римлянами⁷; либо италики, в основном из Этрурии, либо римляне и италики из Ближней Испании, либо

1 *Короленков А.В.* Квинт Серторий. Политическая биография. СПб., 2003. С.179.

2 *Gallego Franco H.* Los Sertorii: una gens de origen republicano en Hispania Romana // Iberia. 2000. Vol. 3. P. 243–252.

3 *Моммзен Т.* История Рима. Т. 3. М., 1941. С. 20; *Stahl G.* De bello Sertoriano. Diss. Erlangen, 1908. P. 46; *Schulten A.* Sertorius. Leipzig, 1926. S. 54–55; *Gabba E.* Esercito e società nella tarda repubblica romana. Firenze, 1973. P. 302; *Spann P.* Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987. P. 188. Not. 71; *Ehrenberg V.* Sertorius // Ost und West. Studien zur geschichtlichen Problematik der Antike. Brunn; Prag; Leipzig; Wien, 1935. S. 189.

4 *Циркин Ю.Б.* Древняя Испания. М., 2000. С. 188.; *Циркин Ю.Б.* История древней Испании. СПб., 2011. С. 257.

5 *Ooteghem P.* Les Caecilii Metelli de la Republique. Bruxelles, 1967. P. 188–189.

6 *Brunt P.* Italian Manpower, 225 B.C. – A.D. 14. Oxford, 1987. P. 470.

7 *Wilson A.* Weltgeschichte im Umrissen. B., 1901. S. 29.

римские поселенцы в Испании, входившие в отряд Пакциана⁸, либо остатки войск Пакциана, вероятно, римляне и италики, проживавшие в Испании⁹.

Из сообщения Плутарха следует, что упомянутый отряд состоял не из ливийцев, ибо они определенно отделяются от него. Основная часть этого формирования не могла быть остатком трехтысячного отряда римлян, бежавшего из Нового Карфагена, ибо в то время в серторианскую армию входили только римляне, как прибывшие из Италии, так и проживавшие в Испании. Их Плутарх называл римлянами без каких-либо оговорок (Plut. *Sert.* 6). Поэтому, раз основная часть этого отряда не могла быть ни римской, ни мавританской, ни лузитанской, то остается предположить, что он был в основном создан в южной Испании, вероятно, в долине Бетиса, где началась кампания 80 г. до н.э. и где войска Сертория находились к тому времени, когда отряд уже точно существовал; и состоял он из романизированных жителей этой области, которым Серторий даровал права римских граждан и которые практически уже обратились в римлян (Strabo. III. 2. 15).

Слова «которых он называл (считал) римлянами» как раз и свидетельствуют о том, что эти воины считались Серторием в тот момент римскими гражданами, ибо иначе понять название «римлянин» в данном контексте вряд ли возможно. Но сам Плутарх их римлянами не считал, вероятнее всего, потому, что эти пожалования не были подтверждены после поражения восстания. О подобной участи многих участников восстания может свидетельствовать судьба остатков регулярной серторианской армии, капитулировавших перед Помпеем в Пиренеях и образовавших общину Конвены (Caes. *B. C.* III. 19; *Isid. Orig.* IX. 2. 108)¹⁰.

Учитывая то обстоятельство, что более половины этой армии составляли боровшиеся против Рима лузитаны, а оставшуюся незначительную часть – ливийцы, можно предположить, что права римских граждан получили все, кто хотел их получить и поддержал Сертория с оружием в руках (Plut. *Sert.* 12). Столь широкое дарование гражданских прав могло быть связано с утверждением серторианцев в Испании, и в дальнейшем политика могла быть скорректирована.

Согласно другому сообщению Плутарха, Серторием была создана в 78–77 гг. до н.э. в Оске школа, в которой дети туземной знати центральной Испании¹¹ получали греко-римское образование. Ее ученики носили *toga praetexta*, а после того как вырастут, должны были получить *πολιτεία* и *ἀρχή* (Plut. *Sert.* 16), т.е. права римского гражданства и права занимать должности магистратов Рима, что означало предоставление им прав римского всаднического сословия¹². *Toга* являлась отличительной чертой римлян, сам термин *togati* был обычным обозначением римских граждан, а *toga praetexta* была одеждой римских подростков 14–16 лет¹³. Кроме того, ученики школы носили буллы (Plut. *Sert.* 16): особые золотые украшения, которые могли иметь первоначально только дети патрициев, позднее сенаторов, однако уже довольно рано, а по Плинию Старшему, с самого начала, это право получили дети всаднических семей и, наконец, дети всех свободнорожденных римских граждан¹⁴. Следовательно, можно полагать, что родители этих учащихся получили римские гражданские права.

Х. Берве считает, что Серторий не мог обещать своим туземным приверженцам такие привилегии, ибо для эпохи Поздней Республики это было явлением нереальным и впервые нечто подобное имело место только в середине I в. н.э., когда император Клавдий даровал подобное право провинциалам в Галлии. Он склонен относиться к этим действиям Сертория как к чему-то несерьезному¹⁵. Ф. Спанн утверждает, что невозможно поверить, чтобы Серторий в ходе гражданской войны серьезно занимался закладкой основ антиримского движения в Испании или утверждения просвещенного варианта правления провинциями. Дарование учащимся право одеть *toga praetexta* – это такая же эксплуатация

8 Scardigli B. A proposito di due passi su Sertorio // *Atene e Roma*. 1970. Vol. 15. P. 177–181; Scardigli B. Sertorio. Problemi cronologici // *Atheneum*. 1971. Vol. 49. P. 250–251.

9 McGushin P. *Commentarii* // Sallust. *The Histories*. Oxford, 1992. Vol. 1. P. 168.

10 Convenae // *RE*. 1900. Bd. 7. Sp. 1172; Freiberger B. Die Entwicklung Sudgalliens zwischen Eroberung und augusteischer Reorganization (125 / 22 bis 27 / 22 v. Chr.) // *Gymnasium*. 1997. Bd. 104. 4. S. 32; Cleary S. *Rome in the Pyrenees*. L., N. Y., 2008. P. 15–17, 20, 25–26, 59.

11 Гурин И.Г. Серторианская война. Самара, 2001. С. 196–212.

12 Berve H. Sertorius // *Hermes*. 1929. Bd. 64. 1. S. 225–226; Ehrenberg V. Sertorius. S. 190.

13 Goethert F. *Toga* // *RE*. 1937. Bd. 6. Sp. 1652–1660; Philipp H. *Togati* // *RE*. 1937. Bd. 6. Sp. 1662.

14 Mau A. *Bulla* // *RE*. 1897. Bd. 3. 1. Sp. 1048–1049.

15 Berve H. Sertorius. S. 216, 225–226.

доверчивости туземцев, как и грубый обман со священной ланью. На самом деле это были заложники. Большинство учащихся должны были быть выходцами из областей среднего и нижнего Эбро, из романизованных до некоторой степени городов и из семей, приверженных римскому образу жизни¹⁶. Дж. Гаджеро полагает, что учащиеся были прежде всего заложниками, но не исключено, что со временем они могли использоваться на государственной службе, получить римское гражданство, включая *ius honoium*. Это было туманной перспективой на будущее, воспринимавшееся туземной знатью как ближайшее¹⁷.

По мнению Ю.Б. Циркина, в самом образовании школы и даже в одежде детей чувствовалась изрядная доля демагогии, тем более что дети служили и заложниками. Но и в этом случае школу надо рассматривать в свете испанской политики Сертория: он как бы показывал местной аристократии те возможности, какие она получит в случае его победы. Не исключено, что он серьезно рассчитывал сделать из этих юношей в будущем свою опору в провинции. Эта школа была важным признаком интеграции испанской аристократии в римский образ жизни¹⁸.

Действительно, дарование столь важной привилегии является в эту эпоху чем-то неслыханным. Видимо, именно этим и объясняется то, что все указанные привилегии должны были получить не сами туземные аристократы, а только их дети. Причины, по которым Серторий пошел на создание школы и обещание в будущем ее ученикам значительных прав, представляют собой отдельную серьезную проблему и не рассматриваются в данной статье, поскольку не имеют прямого отношения к ее предмету ее исследования. Отметим только, что широко распространено мнение о том, что школа в Оске была придумана Серторием только для того, чтобы иметь заложников¹⁹.

Для данной же работы значение имеет то, что в данном случае Плутарх сообщает о даровании Серторием прав римских граждан только представителям туземной знати данного региона. Число учащихся неизвестно, но из контекста видно, что в данном случае, в отличие от предыдущего, речь явно идет не о тысячах новых граждан, но о небольшой группе семей.

Ко времени Серторианской войны романизация населения Пиренейского полуострова достигла значительных результатов. К числу романизованных областей можно отнести южную (регион южнее Гвадианы), юго-восточную, восточную и северо-восточную Испанию, долину Эбро, кроме ее верхней части²⁰. Со II в. до н.э. шел процесс романизации Месеты²¹, и даже весьма эффективный²². Вероятно,

16 *Spann P.* Sertorius. P. 167–168.

17 *Gaggero G.* Sertorio e gli Iberi // *Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti*. Genova, 1977. P. 145–146.

18 *Tsirkin J. B.* Romanization of Spain: Socio-Political Aspect (II) // *Gerión*. 1993. T. 11. P. 294; *Циркин Ю.Б.* Движение Сертория // *Социальная борьба и политическая идеология в античном мире*. Л., 1989. С. 159; *он же.* Древняя Испания. С. 188; *он же.* История древней Испании. С. 256.

19 *Mariana J.* *Historiae de rebus Hispaniae. Moguntiae*, 1619. P. 98; *Ihne W.* *Römische Geschichte*. Bd. 6. Leipzig, 1886. S. 20; *Schulten A.* Sertorius. S. 80; *Gelzer M.* Hat Sertorius in seinem Vertrag mit Mithridates die Provinz Asia abgetreten? // *Philologische Wochenschrift*. Leipzig, 1932. Jahrgang 35/38. S. 187; *Spann P.* Sertorius. P. 169; *Gaggero G.* Sertorio. P. 145; *Konrad C.* *Commentarii // Plutarch's Sertorius*. Chapel Hill; London, 1994. P. 144; *Кавтария Г. Е.* Иберийско(испано)-римские взаимоотношения. Серторий: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1971. С. 27; *Кньищенко Ю.В.* Социально-политическая борьба в Риме в 80–70 гг. I в. до н.э.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1955. С. 299.

20 *Keay S.* Processes in the Development of Coastal Communities of Hispania Citerior in the Republican Period // *The Early Roman Empire in the West*. Oxford, 1990. P. 124–136; *idem.* La Romanización en la sur y el levante de España hasta la época de Augusto // *La Romanización en Occidente / Blázquez J. M., Alvar J.* (eds). Madrid, 1996. P. 149; *García Bellido A.* La Península Ibérica en los comienzos de su historia. Madrid, 1985. P. 402; *Millar F.* Die westlichen Provinzen: Gallien, Spanien und Britanien // *Fischer Weltgeschichte*. Bd. 8. Frankfurt a. M., 1966. P. 148; *Miro J.* La producción de ánforas romanas en Cataluña (I a. C. – I d. C.). Oxford, 1988. P. 252; *Fatas Cabeza G.* La Sedetania. Zaragoza, 1973. P. 179–203; *Beltran Lloris M.* La arqueología romana del valle medio del Ebro // *XVII Congreso Nacional de Arqueología 1983*. Logroño. Zaragoza, 1985. P. 27; *Asensio Esteba J. A.* La ciudad en el mundo prerromano en Aragón (Caesaraugusta 70). Zaragoza, 1995. P. 402–408; *Chaves Tristán F.* Indigenismo y romanización desde la óptica de los amonedaciones Hispanas de Ulterior // *Habis*. 1994. T. 25. P. 107–120; *Paz García-Gelabert M.* Indigenismo y romanización en Turdetania durante república // *Espacio, Tiempo y Forma. Serie II. Historia antigua*. T. 6. Madrid, 1993. P. 121–123; *Tsirkin J. B.* Romanization of Spain: Socio-Political Aspect // *Gerión*. 1993. T. 11. P. 272–312.

21 *Hernández F.* Excavaciones en el castro de la Villasviejas del Tamuya, en Botija (Cáceres) // *XI Congreso Nacional de Arqueología (Mérida 1968)*. Zaragoza, 1970. P. 431–436; *Ortiz Romero P., Rodríguez Diasz A.* Problemática general en torno a los recintos-torre de la Serena. Badajoz // *XIX Congreso Nacional de Arqueología (Castellón)*. Zaragoza, 1989. P. 1141–1148; *Prados Torreira L., Santos Velasco J.A., Perea Caveda A.* Indigenismo y romanización de la Carpetania: bases para su estudio // *Toledo y Carpetania en la Edad Antigua*. Toledo, 1990. P. 61–63.

22 *Mar R.* L'Urbanistica romana nella penisola Iberica // *Hispania Romana*. Milano, 1997. P. 145.

можно констатировать именно начало этого процесса, но, по крайней мере, на территории современного Кастильского плоскогорья римское гражданство среди верхушки общества стало широко распространяться еще со II в. до н.э., а в целом в центральной Испании этот процесс завершился столетия спустя²³.

Таким образом, письменные источники сообщают сведения, дающие основания говорить о массовых пожалованиях Серторием прав римского гражданства жителям романизованного региона и об относительно незначительном пожаловании этих прав в центральной Испании. Причем в последнем случае это пожалование касалось исключительно местной знати, т.е. того слоя, который уже был затронут процессом романизации.

Что касается упоминания в испанских надписях представителей рода Серториев, то следует, во-первых, отметить, что хотя эти надписи относятся к имперскому времени, испано-римские представители этого gens имели республиканское происхождение²⁴ и, следовательно, обязаны своим статусом Квинту Серторию. Во-вторых, стоит сказать о локализации интересующих нас надписей²⁵. Из 32 упоминаний Серториев в надписях на Лузитанию приходится пять, но четыре из них относятся к Эмерите, которая была столицей римской провинции Лузитания, и ее область не имеет отношения к Лузитании эпохи Серторианской войны²⁶. Напротив, область Эмериты (Мериды) находилась на стыке центральной Испании и романизованного Юга, тяготея уже в республиканское время скорее к последнему. С территории, которая ранее, в эпоху Серторианской войны, составляла Лузитанию, происходит лишь одна надпись – из Олизиппо (Лисабон). Двенадцать раз представители рода Серториев упоминаются в надписях Валенсийской области, два – в Таррако (Таррагон), шесть – в наиболее романизованных районах южной Испании, в долине Эбро – два, в центральном испанском регионе – пять. Таким образом, из 32 упоминаний представителей рода Серториев 22 приходится на романизованные области, пять – на Центральную Испанию, еще четыре – на пограничную область между романизованным югом и центральной Испанией, и только одно – на регион, где романизация ко времени Серторианской войны даже не начиналась – Лузитанию.

Разумеется, необходимо иметь в виду перемещение жителей Испании из одной области Пиренейского полуострова в другую²⁷, не исключена возможность переселения в Испанию Серториев из других частей римского мира, но общая картина представляется очевидной. Она полностью соответствует данным такого важного письменного источника, как биография Квинта Сертория, написанная Плутархом. Таким образом, можно с гораздо большей уверенностью, чем ранее, предположить, что Серторий распространял права римских граждан (по крайней мере, преимущественно) именно среди романизованных или ориентированных на романизацию испанцев.

23 *Alföldy G.* Römische Stadtewesen auf der neukastilischen Hochebene. Heidelberg, 1987. S. 102; *Curchin L.* The Romanisation of Central Spain. L.; N. Y., 2008. P. 40–213.

24 *Gallego Franco H.* Los Sertorii. P. 251.

25 *Gallego Franco H.* Los Sertorii. P. 245–252.

26 *Schulten A.* Lusitania // RE. 1927. Bd. 13 (Hlbd. 26). Sp. 1868; *Garcia Mora F.* Sertorio frente Metello // II Congreso de Historia Antigua. Actas. 1993. P. 376–377.

27 *Curchin L.* The Romanisation. P. 124–126.

БИТВА ПРИ КОЛЛИНСКИХ ВОРОТАХ

Сражение, которому посвящена эта статья, поставило точку в битве за Италию в ходе последнего этапа гражданской войны 88–82 гг. (здесь и далее – до н.э.). Это и неудивительно, ибо в кровопролитной сече у Porta Collina были наголову разгромлены последние армии марианцев и их союзников – самнитов и луканов, после чего организованное сопротивление сулланцам на территории Апеннинского полуострова прекратилось. Борьба за Пренесту, Норбу, Волатерры стала лишь эпилогом к борьбе за него. Между тем картина битвы, пусть и наиболее полная по сравнению с другими баталиями этого периода¹, у разных авторов дана неодинаково², и в литературе соответственно встречаются несходные версии случившегося.

Римом, у стен которого произошло интересующее нас сражение, Сулла овладел еще весной 82 г., после разгрома Мария Младшего в битве при Сакрипорте и блокирования остатков его армии в Пренесте³. Городской претор Брут Дамасипп, уничтожив (как считается, по приказу Мария) Сцеволю Понтифика, Домиция Агенобарба, Карбона Арвину и Публия Антистия⁴, бежал. Сулла не стал вводить войска в Рим второй раз (в этом, в отличие от 88 г., не было необходимости) и расположил армию на Марсовом поле⁵, однако в любом случае Город оказался под его контролем.

Любопытно, что в источниках никак не отразилось впечатление, которое могло произвести на современников взятие Рима. Видимо, все понимали, что судьба государства решается на полях сражений. У марианцев оставалось еще несколько армий, и они продолжали борьбу. Оставив в Риме верных ему людей, Сулла двинулся в Этрурию, навстречу Карбону.

К концу октября 82 г. положение в Пренесте серьезно ухудшилось. Осажденные страдали от голода. Зная об этом, Карбон направил на помощь коллеге восемь легионов под командованием Марция Цензорина. Однако боеспособность этих войск была явно невысокой⁶, и когда Помпей атаковал Цензорина, то обратил его воинов в бегство; часть их разошлась по домам, часть вернулась в Аримин или в расположение армии Карбона (App. BC. I. 90. 414–416). Дамасипп, Цензорин и Карринат сохранили часть армии и попытались вновь прорваться к Пренесте⁷, но неудачно. Двигаясь, вероятно, по Via Labicana, они ночью 30–31 октября пересекли в Тускуле via Appia⁸ и 31 октября разбили лагерь в 100 стадиях (18 км) от Города в альбанской области (App. BC. I. 91. 422; 92. 426–427; 94. 434)⁹.

1 Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002. P. 129.

2 Malden H.E. The Battle at the Colline Gate // JPh. 1886. Vol. 15. P. 108–109.

3 Вероятно, в апреле 82 г. (Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 235).

4 App. BC. I. 88. 403–404. См. также: Diod. XXXVIII. 17. Некоторые авторы относят убийство четырех сенаторов ко времени до битвы при Сакрипорте (Liv. Per. 86 и 87; Flor. III. 21. 21 и 23), а у Веллея Патеркула (II. 26. 2) она происходит во время сражения. Версия Аппиана представляется предпочтительной (Gabba E. Commento. P. 233), поскольку после разгрома Мария падение Рима стало неизбежным, и расправа марианцев с теми, кого считали изменниками, в этой ситуации выглядит куда естественнее, чем до сражения.

5 App. BC. I. 89. 407. О занятии Суллой Рима см. также: Liv. Per. 87.

6 Gelzer M. Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus. B., 1942. S. 29.

7 Возможно, через проход в Альгиде (Gardner R. The Siege of Praeneste // JPh. 1919. Vol. 35. P. 14), т.к. Аппиан пишет о неких отенá. По другой версии, речь ведется о группе небольших ущелий или проходов вокруг Пренесте (Lewis R.G. A Problem in the Siege of Praeneste, 82 B.C. // PBSR. 1971. Vol. 39. P. 39).

8 Gardner R. The Siege of Praeneste. P. 16; Gabba E. Commento. P. 246–247; Bertinelli M.G.A. [Introduzione, commento alla biografia di Silla] // Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla. Milano, 1997. P. 386; Keaveney A. Sulla: the Last Republican. L.; N.Y., 2005. P. 121. Согласно другой точке зрения, войска Суллы шли по via Praenestina (Malden H.E. The Battle at the Colline Gate. P. 108; Lewis R.G. Problem in the Siege. P. 39).

9 Видимо, недалеко от Бовилл (Gabba E. Commento. P. 246).

Тогда на помощь Пренесте двинулись объединенные силы италийских союзников под руководством Понтия Телесина, лукана Марка Лампония и кампанца Гутты¹⁰. Сулла хотя и сумел отрезать им путь к Пренесте¹¹, однако в бой с ними он вступить не рискнул. Марий пытался прорваться из Пренесте без поддержки извне, но, несмотря на отчаянные усилия, потерпел неудачу (App. BC. I. 90. 416–417). Тогда италийские армии¹² повели наступление на Рим, чтобы, по словам Плутарха, освободить от осады Пренесте (*Sulla*. 29. 2), но не прямым ударом, а чтобы выманить Суллу с неуязвимых позиций, позволявших блокировать как саму Пренесте, так и подходы к ней¹³.

Плутарх пишет, что Телесин едва не вошел беззащитный Город (καὶ μικροῦ μὲν ἐδέησεν ἐμπροσθεῖν εἰς ἀφύλακτον), но в десяти стадиях от Коллинских ворот остановился (*Sulla*. 29. 4). Очевидно, он пока и не собирался захватывать Рим, поскольку главная задача была иной – соединиться с войском марианцев, разгромить Суллу и деблокировать Мария в Пренесте; овладение же Городом стало бы лишь эффектным эпилогом к победе над Суллой. Примечателен рассказ того же автора об отряде всадников из аристократической молодежи, который выступил навстречу самнитам и был отогнан с серьезными потерями (среди убитых оказался юный нобиль Аппий Клавдий) (*Plut. Sulla*. 29. 5). Очевидно, он атаковал не главные силы врага, что было бы полным безумием, а авангард неприятеля, главные силы которого, следовательно, в непосредственное соприкосновение с врагом в бой пока не вступали. Что же до вражеских кавалеристов, с которыми сразились молодые римские нобили, то они, возможно, просто проводили рекогносцировку.

Несколько слов нужно сказать о намерениях италийцев. По словам Веллея Патеркула (II. 27. 2), когда в день битвы вождь самнитов Понтий Телесин «воскликнул, что Риму пришел конец и что он разрушит до основания город, Сулле и государству грозила едва ли меньшая опасность, чем тогда, когда в трех милях был замечен лагерь Ганнибала. Телесин добавил, что никогда не будут истреблены волки, похитители свободы Италии, пока не будет вырублен лес, в котором они имеют обыкновение скрываться (Telesinus dictitansque adesse Romanis ultimum diem vociferabatur eruendam delendamque urbem, adiiciens numquam defuturos raptores Italicae libertatis lupos, nisi silva, in quam refugere solerent, esset excise)». Это сообщение с доверием принимается учеными¹⁴. «Возможно, Веллей Патеркул был прав, думая, что Республике угрожала не меньшая опасность, чем Городу. Обстоятельства делали Суллу вождем не только сенаторской, но и римской партии. Именно поэтому он смог победить, собрав вокруг себя тех, у кого вызывали страх разрушительные тенденции, олицетворявшие марианской группировкой. Последняя стала отождествляться с италийцами, которые вели Союзническую войну», – полагает Х. Малден. «Если бы армия Суллы и Красса потерпела поражение у стен Рима, то на следующий день можно было бы увидеть, что от Города, который оказался бы в руках самнитов и луканов, не осталось бы и камня на камне»¹⁵. Однако в источниках нет данных, которые позволяют считать, что это было чем-то большим, нежели результатом сулланской пропаганды, несомненно, заинтересованной в дискредитации марианцев¹⁶. Другие античные авторы о кровожадных замыслах Понтия не сообщают, зато расправа с пленными самнитами после битвы при Коллинских воротах однозначно осуждается в античной традиции, причем сами самниты при этом зачастую признаются римскими гражданами (*Sen. De clem.* I. 12. 2; *Plut. Sulla*. 30. 3–4; *Flor.* III. 21. 24–25). Сама фраза, приписываемая Веллеем Понтию, вполне могла быть им произнесена, но вряд ли накануне битвы при Коллинских воротах, где союзниками италийцев выступали марианцы, т.е. римляне, что, мягко говоря, не способствовало укреплению

10 Плутарх (*Sulla*. 29. 8) пишет о самнитах и луканах, пришедших с этими военачальниками, но с Гуттой, как предполагает Т. Моммзен, явилась часть гарнизона Капуи (*Моммзен Т.* История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 238). Р. Льюис пишет просто о капуанцах (*Lewis R.G.* Problem in the Siege. P. 36).

11 Или Афелла при поддержке Суллы (*Lovano M.* The Age of Cinna. P. 127). Рассказ Аппиана на сей счет не вполне ясен и допускает различные толкования (см. *Gabba E.* Commento. P. 240–241).

12 Веллей Патеркул (II. 27. 1) определяет их численность в 40, Евтропий (V. 8. 1) – в 70, Орозий (V. 20. 9) – 80 тысяч человек. Цифра Веллея представляется более вероятной (*Brunt P.A.* Italian Manpower. 225 B.C. – A.D. 14. Oxford, 1971. P. 443).

13 *Seager R.* Sulla // САН. 2nd ed. Vol. IX. 1994. P. 194.

14 *Malden H.E.* The Battle at the Colline Gate. P. 108; *Fröhlich F.* Cornelius (392) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1547; *Keaveney A.* Sulla. P. 121–122, 209. Not. 24.

15 *Malden H.E.* The Battle at the Colline Gate. P. 103; 109.

16 Отголоском таких попыток, очевидно, является поименование Дамасиппа в комментариях к Лукану *Samnium dux* (*Adn. super Luc.* II. 135).

союза, да и врагом был именно Сулла, причинивший немало зла самнитам еще во время *bellum sociale*, тогда как марианцы заключили с ними выгодный договор в 87 г. Куда вероятнее, что нечто подобное Понтий говорил в годы Союзнической войны.

Тем временем Сулла уже приближался к Риму¹⁷ и выслал вперед 700 всадников во главе с Октавием Бальбом, который после короткой передышки атаковал неприятеля, а затем подоспел и сам, расположившись у храма Венеры Эрицинской примерно в полукилometре от Коллинских ворот¹⁸. Армия Суллы сильно утомилась после марша, а потому Луций Манлий Торкват и Гней Корнелий Долабелла уговаривали его дать людям отдохнуть. Строго говоря, сразу воинов в бой не бросили, но и полноценного отдыха они не получили, поскольку им пришлось возводить лагерь, коль скоро Аппиан (*BC. I. 93. 428*) пишет, что войско Суллы расположилось лагерем (*ἔστρατοπέδευσεν*). Какое-то время ушло на завтрак, в котором полководец своим солдатам все же не отказал. Около трех или четырех часов пополудни он дал сигнал к бою (*Plut. Sulla. 29. 7–8*)¹⁹.

Вот как описывает битву Плутарх: «Началось сражение, каких дотоле не бывало. На правом крыле, куда был поставлен Красс, дела шли блестяще и римляне побеждали, но левому приходилось худо, и Сулла кинулся туда на выручку. Под ним был белый конь, горячий и очень резвый, – по этому-то коню узнали его двое из врагов и направили на него свои копья. Сам Сулла этого не заметил, но его коню успел хлестнуть коня и заставить его отскочить как раз настолько, чтобы копья воткнулись в землю у самого хвоста. Рассказывают, что у Суллы было золотое изваяньице Аполлона, вывезенное из Дельфов, которое он в сражениях всегда носил спрятанным на груди, а в этот раз, целуя его, обратился к нему со словами: “О Аполлон Пифийский, ты, кто в стольких сражениях прославил и возвеличил счастливого Суллу Корнелия, кто довел его до ворот родного города, неужели ты бросишь его теперь вместе с согражданами на позорную гибель?” Воззвав в таких словах к богу, Сулла, как рассказывают, принялся одних умолять, другим угрожать, третьих стыдить. Наконец, когда левое крыло все же было разбито, он, смешавшись с бегущими, укрылся в лагере, потеряв много товарищей и близких. Немало римлян, которые вышли поглядеть на сражение, тоже нашли свою гибель под копытами лошадей, так что с Городом, казалось, было уже покончено, и немногого недоставало, чтобы Марий освободился от осады. Многие из беглецов кинулись к Пренесте и советовали Лукрецию Офелле, оставленному для руководства осадой, немедленно сниматься с лагеря, так как Сулла-де погиб и Рим в руках неприятеля.

Но уже глубокой ночью в лагерь Суллы прибыли люди Красса за продовольствием для него и его воинов, которые после одержанной победы преследовали врагов до самой Антемны и там же расположились лагерем. Выслушав это известие и узнав, что бо́льшая часть врагов погибла, Сулла с рассветом пришел к Антемне. Три тысячи неприятелей прислали к нему вестника с просьбой о пощаде, и Сулла обещал им безопасность, если они явятся к нему, прежде нанеся ущерб остальным его врагам. Те поверили, напали на своих, и многие с обеих сторон полегли от рук недавних товарищей» (*Sulla. 29–30*. Пер. В.М. Смирин).

Несколько иная картина у Аппиана: «Сулла, в тревоге за Город, быстро отправил вперед конницу, чтобы преградить врагам путь, а сам, сосредоточив свои силы у Коллинских ворот, расположился в полдень лагерем около храма Венеры в то время, когда враги уже раскинули лагерь у Города. В происшедшей к вечеру битве Сулла одержал верх на правом фланге, левый же фланг, потерпевший неудачу, бежал к воротам. Старые солдаты, стоявшие на стенах, завидев, что враги вбегают вместе с солдатами левого фланга в ворота, захлопнули ворота при помощи машины²⁰; при этом погибло много солдат и много сенаторов²¹, а все остальные от страха и в силу необходимости обратились против неприятеля. Сражение продолжалось всю ночь, и много народа было перебито. В числе убитых были командиры

17 Скорее всего, по *via Praenestina* (*Malden H.E. The Battle at the Colline Gate. P. 108; Gabba E. Commento. P. 247; Lewis R.G. Problem in the Siege. P. 39; Keaveney A. Sulla. P. 122*).

18 *Plut. Sulla. 29.6; App. BC. I. 93. 428; Malden H.E. The Battle at the Colline Gate. P. 108; Fröhlich F. Cornelius (392). Sp. 1547; Gabba E. Commento. P. 247; Keaveney A. Sulla. Op. cit. P. 122*.

19 Плутарх (*Sulla. 29. 8*) пишет о *σχεδὸν... δεκάτην*, тогда как Орозий (*V. 20. 9*) – *ad horam diei nonam* (*Fröhlich F. Cornelius (392). Sp. 1548; Gabba E. Commento. P. 248; Bertinelli M.G.A. [Introduzione, commento]. P. 387*).

20 *τὰς πόλας καθήκαν ἀπὸ μηχανῆς* (*BC. I. 93. 432*). Однако речь скорее идет о подъемной решетке (*Gabba E. Commento. P. 248*).

21 По мнению Э. Габбы, речь идет о тех сенаторах, которые погибли в конном бою еще до генерального сражения (*Plut. Sulla. 29.5; Gabba E. Commento. P. 248–249*). Однако текст Аппиана, как представляется, такого толкования не допускает.

Телесин²² и Альбин²³, лагеря которых (τὰ στρατόπεδα αὐτῶν) были захвачены. Луканец Лампоний, Марций, Карринат и все прочие бывшие с ними командиры из партии Карбона бежали²⁴. С обеих сторон в этом деле погибло, кажется, пятьдесят тысяч человек»²⁵ (BC. I. 93. 428–432. Пер. С.А. Жебелева).

Какие же выводы можно сделать на основании рассказов Плутарха и Аппиана и как примирить содержащиеся в их версиях расхождения относительно завершающего этапа сражения?

Очевидно, в начале баталии Сулла взял на себя командование центром; кто руководил в начале битвы левым крылом, сведений нет, правый же фланг он поручил Крассу²⁶. Последний вполне справлялся с поставленной перед ним задачей, тогда как на правом крыле сложилась чрезвычайно опасная обстановка. Сулла направился туда, принял личное участие в схватке, в которой его чуть не убили, однако предотвратить бегства воинов не смог; они достигли городской стены, но ветераны²⁷, находившиеся на стенах, не пустили их в Город. Далее версии Плутарха и Аппиана несколько расходятся: первый пишет, что Сулла, «смешавшись с бегущими, укрылся в лагере» и лишь поздно ночью узнал от прибывших к нему за продовольствием людей Красса, что сражение выиграно (*Sulla*. 29. 14; 30. 1; *Crass*. 6. 7); второй же утверждает, что уцелевшие в бою перед стенами «в силу необходимости обратились против неприятеля (δέους καὶ ἀνάγκης ἀνέστρεφον ἐς τοὺς πολεμίους); сражение продолжалось всю ночь, и много народа было перебито. В числе убитых были командиры Телесин и Альбин, лагеря которых были захвачены» (BC. I. 93. 430–431). Но как в таком случае понимать сообщение Плутарха? Х. Малден считает, что неприятель перестали атаковать на левом фланге, узнав о победе Красса, а Э. Габба предполагает, что исход дела решили присланные Крассом подкрепления²⁸. А. Кивни возражает на это, что вряд ли враг отказался бы развивать достигнутый им успех: разбив Суллу, он нанес бы удар по Крассу и уж тем более наверняка одолел бы те силы (явно не особенно многочисленные), которые последний выделил бы на помощь левому флангу. Сулла же справился собственными силами, как следует из рассказа Аппиана, явно описывающего события на правом фланге марианцев и их италийских союзников²⁹. Вполне вероятно, что сообщение об успехе собственного правого фланга воодушевило воинов Суллы³⁰ – на это можно усмотреть намек в словах Веллея Патеркула (II. 27. 3) о том, что «в первом часу ночи войско воспрянуло духом» (post primam demum horam noctis et Romana acies respiravit). Не исключено, что какие-то, пусть и небольшие подкрепления Красс, вопреки мнению А. Кивни, все же выделил – даже просто слух о них мог способствовать поднятию боевого духа воинов.

Как же согласовать это с рассказом Плутарха? Вероятным представляется следующее объяснение. Собственно военные детали писателя интересуют очень мало, его куда больше занимают яркость и драматизм изложения – мы читаем о внешнем виде коня Суллы, об обращении полководца к Аполлону, о погибших сенаторах – но почти ничего о сражении как таковом. Кроме того, повествование носит в высшей степени благоприятный для Красса характер – не исключено, что это уже другой источник,

22 По словам Веллея Патеркула (II. 27. 3), Понтия нашли полуживым (Telesinus postera die semianimis repertus est) и отрубили ему голову, но неясно, обезглавили его уже после того как он испустил дух или перед этим.

23 Попытка отождествить Альбина с кампанцем Гуттой (*Linden E. De bello civili Sullano. Friburgi Brisigavorum*, 1896. P. 64; 67) не представляется убедительной (*Münzer F. Gutta // RE. Hbd. 14. 1912. Sp. 1952*).

24 Иногда утверждается, будто в бою погиб и Дамасипп (*Neumann C. Geschichte Roms während des Verfalls der Republik. Bd. I. Breslau, 1881. S. 587; Seager R. Sulla. P. 195*), но из Саллюстия (Cat. 51. 32 и 34) вполне определенно следует, что Дамасипп был казнен (*Münzer F. Iunius (58) // RE. Bd. 10. 1919. Sp. 1025–1026*).

25 Флор (II. 21. 24) пишет о 70 тысячах погибших противников Суллы, Орозий (V. 20. 9) – о 80 тысячах. Не вызывает сомнений, что эти цифры сильно преувеличены, однако они характеризуют ожесточенность сражения.

26 *Plut. Sulla. 29.9; Ward A.M. Marcus Crassus and the Late Roman Republic. Columbia; London, 1977. P. 63; Bertinelli M.G.A. [Introduzione, commento]. P. 387*. По мнению К. Декнателя, Сулла командовал левым флангом (*Deknatel Chr. De vita M. Licinii Crassi. Diss. Lugduni Batavorum, 1901. P. 6*), что может относиться лишь ко второму этапу сражения, когда Сулле, по-видимому, пришлось переместиться туда для выправления ситуации (см. *Bertinelli M.G.A. [Introduzione, commento]. P. 387*).

27 γέροντες. Вероятно, это были ветераны Суллы, оставленные им в Городе еще после битвы при Сакрипорте (*Gabba E. Commento. P. 248*).

28 *Malden H.E. The Battle at the Colline Gate. P. 109; Gabba E. Commento. P. 249*.

29 *Keaveney A. Sulla. P. 209. Not. 28*. Логично думать, что погибший там Понтий Телесин вел в бой правое крыло своей армии как более почетное, а потому, естественно, противостоял левому флангу неприятеля.

30 *Neumann C. Geschichte Roms. Bd. I. S. 587*. Моммзен просто пишет, что успех Красса «облегчил положение левого крыла» (История Рима. Т. II. С. 240), не уточняя, чем именно.

но использованный Плутархом отнюдь не случайно, ибо возникает картина «чудесного» спасения его героя (т.е. Суллы), находившегося на грани гибели. Между тем Плутарх (или его источник) не озабочен простой вопрос: а куда же делись те, кто победил Суллу? О них он не пишет ни слова, поскольку, как уже говорилось, для него здесь важен драматизм, а не логичность и стройность повествования.

Вернемся к самому этому повествованию. Плутарх (Sulla. 30. 1) пишет, что неприятеля преследовали до Антемны воины одного лишь Красса, причем Сулла отправился туда, узнав не только о поражении врагов, но и о гибели большей их части (τῶν πολεμίων οἱ πλείστοι διολώλασιν), и это завершает картину битвы, при которой именно Крассу принадлежит вся слава победы; налицо влияние благосклонного будущему триумвиру источника³¹ – не исключено, что он сам распространял такую версию. Однако такая роль Красса вызывает сомнения. Вероятнее, что он выполнял свою часть задуманного командующим плана³², пока тот сдерживал натиск главных сил врага, не решившись поручить столь ответственную задачу кому-либо другому³³. Стоит отметить доверие, оказанное Суллой Крассу, чьи взаимоотношения Плутарх описывает как довольно неприязненные³⁴, что не помешало ему в биографиях обоих персонажей изобразить истинным победителем в битве у Коллинских ворот именно Красса. Но рассмотрение причин этого выходит за рамки данной статьи.

31 Аппиан, напротив, вообще не упоминает Красса, что А. Гарцетти считает неудивительным в силу краткости его рассказа (*Garzetti A. Scritti di storia repubblicana e augustea. Roma, 1996. P. 79*). Добавим, что Аппиан, в отличие от Плутарха, вообще не называет в рассказе о битве при Коллинских воротах ни одного из командиров Суллы.

32 *Marshall B.A. Crassus: A Political Biography. Amsterdam, 1976. P. 14.*

33 Тем не менее в литературе нередко принимается версия Плутарха – «то, что произошло, граничило с чудом» (*Christ K. Sulla. Eine römische Karriere. München, 2002. S. 110*; см. также: *Garzetti A. Scritti di storia. P. 79*; *Ward A.M. Marcus Crassus. P. 63–64*).

34 См. *Plut. Crass. 6. 3–4* (отповедь Суллы Крассу); *6. 7* (предполагаемое присвоение добычи при взятии Тудертии, о котором доложено Сулле – возможный намек на недовольство последнего); *6. 8* (отстранение Красса от дел Суллой).

ТАЦИТ, АГРИКОЛА И ЦЕРИАЛИС

Настоящая заметка, предлагаемая в сборник в честь нашего высокочтимого юбиляра, на первый взгляд, далеко отстоит от сферы его научных интересов: неисправимый эстет, он с головой погружен в исследование многообразных проявлений «греческого чуда» – этому посвящены уже десятки его книг и сотни статей. Однако ниже речь пойдет о другом: о потомках тех, кто покорил гордую своей свободой Элладу, беспощадно расхитил ее бесценные сокровища, сделал своим достоянием ее культуру и даже, уже после заката античной цивилизации, лишил ее собственного имени: те, кого мы сейчас называем византийцами, грекоязычное население Восточной Римской империи, именовали себя ромеями, т.е. римлянами.

В те времена, о которых пойдет речь ниже, со своей вольностью давно расстались не только греки, но и их покорители-римляне. Огромной Римской державой давно правили сменявшие друг друга императоры, о смене политического режима уже никто всерьез не помышлял. Именно тогда, начиная с принципата Нерона и кончая временем первых Антонинов, довелось жить, действовать, создавать свои бессмертные труды великому римскому историку Корнелию Тациту, который не переставал сожалеть об утрате римлянами политической свободы, но прекрасно понимал необратимость хода времени. Как представляется, Игорю Евгеньевичу, который столь основательно исследовал творчество «отца истории», будет небезынтересно сравнить авторскую позицию Геродота с творческой манерой Тацита, а своих героев, блистательных политиков и военачальников классической Греции – с героями Тацита (в данном случае – с его тестем Юлием Агриколой и бывшим начальником последнего Квинтом Петиллием Цериалисом).

Основным источником по теме являются произведения самого Тацита, в которых фигурируют оба этих персонажа: «Жизнеописание Юлия Агриколы», «Анналы» и «История». Действия Агриколы достаточно подробно исследованы, особенно в западной историографии, личность Цериалиса привлекала намного меньшее внимание исследователей, хотя он справедливо назван «одной из наиболее интересных личностей, изображенных на страницах Тацита»¹.

Здесь нас интересуют не подробности участия как того, так и другого в гражданской войне 68–69 гг., не роль Цериалиса и Агриколы в покорении Британии, а чисто «человеческий фактор»: характер их взаимоотношений и степень объективности в освещении таковых Тацитом. Таким образом, задача данной заметки диаметрально противоположна той, которую сформулировал для себя в статье «Петиллий Цериалис в Северной Британии» Дэвид Шоттер, известный английский исследователь Римской империи и ее британских владений².

По поводу отношения Тацита к Агриколе предмет для дискуссии отсутствует: всё его произведение, выполненное в жанре *laudatio funebris*, преисполнено восхищения личностью и делами его покойного тестя³. Иными словами, как Тациту (что он неднократно подчеркивает) повезло с тестем, так и тому на редкость посчастливилось с выбором зятя, который обессмертил его имя. Едва ли можно ошибиться, полагая, что и Агрикола относился к нему соответственно.

Иное дело Цериалис, не связанный с ними узами родства, зато имевший близкое отношение к императорской фамилии Флавиев⁴. По мнению А. Берли, положительное на первый взгляд изображение

1 Birley A. R. Petillius Cerialis and the Conquest of Brigantia // Britannia. 1973. Vol. 4. P. 179.

2 «Целью настоящей статьи не является возобновление дискуссии о состоянии отношений между Цериалисом, Агриколой и Тацитом...» (Shotter D. C. A. Petillius Cerialis in Northern Britain // Northern History. 2000. Vol. 36. 2. P. 189).

3 Восхищение это признается несколько чрезмерным; во всяком случае, заслуги Агриколы в деле завоевания Британии Тацитом явно преувеличены (Syne R. Tacitus. Oxford, 1958. Vol. 1. P. 122; Levick B. Vespasian. London; New York, 2003. P. 159).

4 Тацит (*Hist.* III. 59. 2) указывает на *propinqua adfinitas Cereali cum Vespasiano*. Выражение *propinqua affinitas* подразумевает достаточно близкую степень родства. Г. Тауненд указывает, что у Тацита и других авторов оно употребляется, когда

Цериалиса в «Агриколе» в действительности таковым не является: Агрикола, будучи легатом XX легиона и подчиненным Цериалиса как наместника Британии, остерегался *invidia* своего генерала; Тацит намекает читателю, что, в отличие от Фронтинуса, именуемого *vir magnus* и бывшего преемником Цериалиса на этой должности, последний такой лестной характеристики не удостоен; наконец, встает вопрос, подразумевает ли римский историк под *magni duces*, которыми являлись британские наместники времени Веспасиана, также и Цериалиса, или только его ближайших преемников, т.е. Фронтинуса и самого Агриколу?

Рассмотрев освещение Тацитом деятельности Цериалиса как в Британии, так и на континенте, исследователь приходит к выводу, что внимание читателя фокусируется на недостатках этой личности и «сам Цериалис ассоциируется с такими пейоративными терминами, как *clades, incautum, foeda fuga, temeritas, incuria, ignominia, pudor, minor cura disciplinae, incuriosis vigiliis*, а завершается этот ряд *stuprum* и *dedecus*». Военные неудачи Цериалиса заботливо фиксируются, тогда как победы приписываются божественному провидению или просто везению. Отсюда, по словам А. Берли, «следует неизбежный вывод: Тациту несимпатичен этот человек. Фактически он чувствовал к нему отвращение».

Причину такого отношения автор усматривает в слишком, по его мнению, хорошем отношении к Цериалису императора Домициана, при котором этот опытный военачальник мог играть роль советника как при подавлении мятежа на Рейне в 70 г., так и во время кампании против хаттов в 83 г. (в отношении 83 г., правда, с оговоркой – если он был еще жив и активен). Поскольку в последнем случае из Британии была отозвана часть войск для усиления Рейнской армии Рима, это сделало задачу Агриколы по покорению острова более сложной и, естественно, не улучшило его (и его зятя) отношения к Цериалису, нашептывавшему на ухо императору свои советы. Таким образом, заключает свою мысль А. Берли, исследователь Римской Британии уже во втором поколении, «в свете вышеизложенного можно предположить, что и более полное освещение Тацитом в утраченной части «Истории» наместничества Цериалиса в Британии едва ли было очень благоприятным»⁵.

Логика, на первый взгляд, убийственная и возразить на нее нечего. Смушает, правда, то обстоятельство, что в этой стройной логической цепочке слишком много допущений и предположений. Однако они не помешали другому британскому профессору, Дэвиду Шоттеру, констатировать уже как бесспорный факт, со ссылкой на цитируемую выше статью: «Давно признано, что историк Корнелий Тацит мало расположен к Петиллию Цериалису, человеку, который был зятем Веспасиана и его первым наместником Британии (71–74 гг.)». По словам Д. Шоттера, причина этой неприязни могла корениться в событиях, связанных с восстанием Боудикки и быть связанной с конфликтом между Цериалисом и Агриколой: «Антипатия между Цериалисом и Агриколой могла восходить к 60 г., году восстания Боудикки; в том году Цериалис был легатом IX легиона, тогда как Агрикола был военным трибуном в Британии, очевидно, при тогдашнем наместнике, Светонии Паулине... Легион Цериалиса потерпел поражение от мятежников, описанное Тацитом как *clades* («разгром»); если Агрикола был тесно связан с Паулином, то взаимные обвинения, которые были неизбежным следствием мятежа, вероятно, заставили Цериалиса и Агриколу занять противоположные стороны в этом ожесточенном споре»⁶.

Чтобы выяснить, действительно ли это так и Тацит, чтобы «порадеть родному человечку», в данном случае отступает от своего знаменитого принципа «*sine ira et studio*», возможен лишь один путь: пойти по стопам А. Берли, проанализировать хотя бы выборочно (в силу ограниченного объема статьи)

кто-то женат на дочери или сестре другого. Другой вариант – когда некто отдает свою дочь (или сестру) за сына другого. Принято считать, что Цериалис был зятем Веспасиана, мужем Флавии Домициллы, его единственной дочери, умершей, видимо, в начале 69 г. (Townend G. Some Flavian Connections // JRS. 1961. Vol. 51. P. 54, 58. См. также: Stein. Flavia Domitilla // RE. 1909. Bd. 6. Sp. 2732 f.; Swoboda E. Petillius (Q. Petillius Cerialis Caesius Rufus) // RE. 1937. Hbd. 37. Sp. 1139; Hanslik R. Q. P. Cerialis Caesius Rufus // Der kleine Pauly. München, 1964. Bd. 1. S. 669; Jones B. W. Titus and Some Flavian Amici // Historia. 1975. Bd. 24. 3. S. 456; Shotter D. Roman Britain. L.; N. Y., 1998. P. 20; Keppie L. Legio VIII in Britain: the Beginning and the End // Keppie L. Legions and Veterans: Roman Army Papers 1971–2000. Stuttgart, 2000. P. 203 f. Birley A. R. The Roman Government of Britain. Oxford, 2005. P. 65 f.). Это подтверждается эпитоматором Диона Кассия (LXIV. 18. 1), по словам которого, Цериалис приходился Веспасиану «родственником через брак» (κατὰ ἐπιγαμίαν τὴν πρὸς ἴκκον). Если учесть смысловой оттенок глагола ἐπιγαμέω и производного от него существительного ἐπιγαμία (Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek–English Lexicon. Oxford, 1996. P. 626), то представляется вполне вероятным уже высказанное в науке предположение (Townend G. Some Flavian Connections. P. 59), что для Цериалиса это был второй брак.

5 Birley A. R. Petillius Cerialis and the Conquest of Brigantia. P. 186 ff.

6 Shotter D. C. A. Petillius Cerialis in Northern Britain. P. 189.

пассажи, связанные в произведениях Тацита с именем Цериалиса, и убедиться либо в том, что британский исследователь прав, либо в противоположном.

Впервые на страницах Тацита Цериалис появляется, когда речь идет о восстании Боудикки. В 61 г. британские племена, доведенные до отчаяния злоупотреблениями римлян, восстали и уничтожили колонию ветеранов Камулудун. Быстрому разрастанию восстанию благоприятствовало то обстоятельство, что Светоний Паулин, наместник Британии, с большей частью гарнизона провинции, отправился в экспедицию на близлежащий остров Мону. Петилий Цериалис, в то время легат IX Испанского легиона, бросился со своим легионом на выручку Камулодуна, но опоздал и был разбит, потеряв пехоту и укрывшись с конницей за укреплениями лагеря: *et victor Britannus, Petilio Ceriali, legato legionis nonae, in subsidium adventanti obvius, fudit legionem, et quod peditum interfecit: Cerialis cum equitibus evasit in castra et munimentis defensus est* (Тас. *Ann.* XIV. 32. 3). Ниже Тацит в речи, вложенной им в уста Боудикки, упоминает именно об истреблении легиона: *cecidisse legionem, quae proelium ausa sit* (XIV. 35. 2).

Масштабы разгрома были, конечно, впечатляющими, не случайно наш автор (*Ann.* XIV. 29. 1) говорит именно о «тяжком поражении» (*gravis clades*). Потери одних только легионеров составили не менее двух тысяч человек – это следует из того, что позднее для возмещения потерь британской армии Рима, в первую очередь *legio IX Hispana*, из Германии было переброшено подкрепление: две тысячи легионеров (причем целевым назначением – именно на пополнение IX легиона), восемь ауксилиарных когорт, тысяча конников (Тас. *Ann.* XIV. 38. 1). Однако возникает вопрос: насколько в случившемся был виноват сам Цериалис?

М.С. Садовская резонно подчеркивает, что не опоздать на помощь Камулодуну Цериалис просто физически не мог: город был захвачен инсургентами в два дня, а расстояние, которое пришлось пройти легиону, составляло более 100 миль⁷. Кроме того, сам IX легион был неполного состава, будучи ослаблен выделением части сил на гарнизоны⁸ и, вероятно, на экспедицию Светония Паулина.

Тацит противопоставляет мудрое решение Светония Паулина, который решил, пожертвовав Лондинием и теми, кто в нем остался, спасти всё остальное (*unius oppidi damno servare universa statuit*), «безрассудству Петилия» (*Ann.* XIV. 33. 1). Однако с моральной точки зрения *Petilii temeritas*, стремление спасти обреченный на гибель город, едва ли заслуживает осуждения, особенно в сравнении с Паулином, «полководцем расчетливым и благоразумным» – *diligenti ac moderato duci* (*Agric.* 5. 1), который хладнокровно обрек на смерть население Лондиния, и Тацит не мог этого не понимать. Во всяком случае, в «Агриколе» (5. 2) он, перечисляя постигшие тогда римлян в Британии бедствия (*trucidati veterani, incensae coloniae, intercepti exercitus*), виновником их Цериалиса не объявляет. Кроме того, «тяжкое поражение» подразумевает не только неудачу легата IX легиона, но и общее положение дел в Британии (*gravis clades in Britannia accepta*), когда только в результате резни в трех уничтоженных восставшими городах (Камулудун, Лондиний и Веруламей) погибло около семидесяти тысяч человек (*ad septuaginta milia civium et sociorum*) (*Ann.* 29. 1; 33. 2).

Если вернуться к проблеме взаимоотношений Цериалиса и Агриколы, то относить начало воображаемого конфликта между ними к тем драматическим событиям, как это делает Д. Шоттер, – идея весьма сомнительная: военный трибун (Агрикола [Тас. *Agric.* 5. 1]), т.е. молодой аристократ, проходивший непродолжительную (от полугода до года) войсковую стажировку, по определению должен был смотреть на легионного легата (Цериалиса) снизу вверх, каким бы острым ни был конфликт последнего со старшим начальником. Кстати, этот конфликт тоже является конструкцией Д. Шоттера – у Тацита об этом нет ни слова.

Вновь судьба столкнула Агриколу и Цериалиса в той же Британии спустя десять лет. Оба они приняли сторону Веспасиана в гражданской войне, но если Агрикола был на вторых ролях, то заслуги Цериалиса, обладавшего к тому времени репутацией заслуженного военачальника⁹, перед новой династией

⁷ Т.е. свыше 160 км.

⁸ Садовская М. С. IX Испанский легион в Британии // Из истории античного общества. Горький, 1979. Вып. 2. С. 74 сл. Прим. 46. Ср.: Keppie L. Legio VIII in Britain: the Beginning and the End // Keppie L. Legions and Veterans: Roman Army Papers 1971–2000. Stuttgart, 2000. P. 203.

⁹ *nec ipse inglorius militiae* (Тас. *Hist.* III. 59. 2). А. Берли осторожно отмечает, что если судить по этим словам Тацита о военной репутации Цериалиса, то, несмотря на разгром IX легиона в 61 г., «на его счету, возможно, были какие-то успехи в Британии до или после этого разгрома» (Birley A. R. The Roman Government of Britain. P. 65). Думается, что эти успехи должны были быть весьма значительными и относиться, конечно, ко времени после неудачи под Камулодуном, чтобы сгладить впечатление от нее.

являлись куда более весомыми и оценены были соответственно. Цериалис становится консулом-суффектом 70 г., в том же году получает наместничество в Нижней Германии и в этом качестве руководит подавлением восстания Цивилиса (Tac. *Hist.* IV. 71–79; V. 14–26; Dio Cass. LXV. 3. 1–3)¹⁰.

Описывая в «Истории» ход гражданской войны и подавление восстания Цивилиса, Тацит не раз отмечает характерные черты полководческого почерка Цериалиса. Прежде всего это вера в собственные войска и их превосходство над варварами (*Hist.* IV. 71. 5), умение справиться с вольными нравами солдатской массы (IV. 72. 2), воодушевить легионы перед боем, воззвав к их корпоративной гордости и найдя тем самым ключ к сердцу каждого (V. 16. 3), исключительное личное мужество, не раз продемонстрированное в бою (IV. 71. 1; 77. 2; 78. 2; V. 21. 1). Блестящий оратор и искусный дипломат, умевший привлечь на свою сторону вчерашних врагов и внести раздоры в стан противника (IV. 73. 1–74. 4; V. 24. 1; 25. 1), в боевой обстановке Цериалис отличался быстротой как принятия решений, так и их исполнения, в результате чего ему неизменно сопутствовала удача (*aderat fortuna, etiam ubi artes defuissent* – V. 21. 3).

Вместе с тем, Тацит упрекает его в отсутствии должной осторожности (IV. 71. 5; V. 20. 1) и в том, что, привыкнув к постоянным успехам, как он сам, так и его войска изрядно распустились (*hinc ipsi exercituique minor cura disciplinae*. – V. 21. 3). Далее наш автор рисует выразительную картину того, как Цериалис, возвращаясь на военных кораблях по Рейну после осмотра зимних лагерей, стал жертвой внезапного ночного нападения германцев и едва избежал смерти или плена. По словам Тацита, о мерах боевого охранения не заботились (*incuriosis vigiliis*), сам командующий уцелел только потому, что находился не на своем месте, а у своей «боевой подруги» Клавдии Сакраты, аристократки из племени убиев (*Cerialis alibi noctem egerat, ut plerique credidere, ob stuprum Claudiae Sacratae mulieris Ubiae*). «Часовым было приказано молчать, чтобы не тревожить его покой» (*vigiles ... iussi silere, ne quietem eius turbarent*), в результате чего они тоже уснули (*in somnum lapsos*). Римляне понесли большие потери; много их кораблей, в том числе флагманский, были захвачены варварами, так что Цивилис даже устроил парад своего пополненного трофейными боевыми единицами флота на Рейне (V. 22. 3; 23. 1–2). Впрочем, его торжество было непродолжительным и скоро восставшим пришлось капитулировать, после чего Цериалис получил новое назначение: наместником Британии, где и встретился с Агриколой, недавно вступившим в должность легата XX легиона.

Три года в Британии, стандартный срок нахождения в должности, Цериалис вел активные боевые действия против местных племен. Тацит оценивает результат этих действий весьма лаконично, однако археологические исследования показали, что некоторые римские укрепления к северу от границ созданной Клавдием провинции, сооружение которых раньше относили ко времени наместничества Агриколы, в действительности появились при Цериалисе¹¹.

При всей упомянутой выше лаконичности, «Агрикола» Тацита является единственным нарративным источником, содержащим информацию о британском наместничестве Цериалиса. По словам римского автора, Цериалис внушил страх британцам, напав на племя бригантов, самое многочисленное в провинции. За время боевых действий он дал много сражений, в том числе несколько масштабных и кровопролитных, и захватил значительную часть вражеской территории (*multa proelia, et aliquando non incruenta; magnamque Brigantum partem aut victoria amplexus est aut bello*) (*Agric.* 17.1).

Согласно Тациту, правой рукой Цериалиса был легат XX легиона Гней Юлий Агрикола, будущий тесть знаменитого историка. Командующий, оценив способности своего подчиненного, часто доверял ему руководство отдельным корпусом, иногда весьма значительной численности, и, деля с ним труды и опасности, разделил и славу (*sed primo Cerialis labores modo et discrimina, mox et gloriam communibatur: saepe parti exercitus in experimentum, aliquando maioribus copiis ex eventu praefecit*) (*Agric.* 8. 2).

10 Цериалис отправился на Рейн настолько поспешно, что, нарушая традицию, даже в должность консула вступил *in absentia*, находясь вне Рима (*Syme R. Consulates in Absence // JRS. 1958. Vol. 48. P. 6*).

11 *Birley A. R. Petillius Cerialis and the Conquest of Brigantia. P. 179–190; Birley A. R. The Roman Government of Britain. P. 64–68; Breeze D. J., Dobson B. Roman Military Deployment in North England // Britannia. 1985. Vol. 16. P. 1–19; Shotton D. Roman Britain. L.; N. Y., 1998. P. 20 f Shotton D. Petillius Cerialis in Northern Britain. P. 189–198; Hanson W. S., Campbell D. B. The Brigantes: From Clientage to Conquest // Britannia. 1986. Vol. 17. P. 84 f.; Johnson S. Excavations at Hayton Roman fort, 1975 // Britannia. 1978. Vol. 9. P. 78; Tomlin R. S. O. The Twentieth Legion at Wroxeter and Carlisle in the First Century: The Epigraphic Evidence // Britannia. 1992. Vol. 23. P. 141–158; Tomlin R. S. O. Documenting the Roman army at Carlisle // Documenting the Roman army: Essays in Honour of Margaret Roxan / Ed. by J. J. Wilkes (Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement 81). L., 2003. P. 175.*

Уже из этих слов следует, что конфликт Цериалиса и Агриколы следует целиком и полностью оставить на совести тех, кто его выдумал.

Представляется, что Цериалис принадлежал к тому довольно редкому типу талантливого полководца, который умел найти путь к сердцу солдата, снисходительно смотрел на мелкие проступки своих подчиненных, если они с лихвой искупали их на поле боя; которого они, в свою очередь, обожали и готовы были идти за ним в огонь и воду, охотно прощая ему разнообразные прегрешения по части кутежей и любви к прекрасному полу. Из римлян такими были, к примеру, Сципион Африканский, Юлий Цезарь и Марк Антоний, а в русской военной истории – М.Д. Скобелев («наш Ахиллес», как назвал его И.С. Тургенев).

Агрикола с его «мелковатым практицизмом»¹² был, по сравнению с Цериалисом, менее масштабной личностью. Тацит не мог этого не осознавать, и едва ли это было ему приятно. Однако там, где это необходимо, историк, пусть в меньшей степени, чем следовало бы, но отдает Цериалису должное, несмотря на свою антипатию к последнему представителю династии Флавиев, в родстве с которой был этот военачальник¹³.

12 *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит (Время. Жизнь. Книги). М., 1981. С. 120.

13 Даже в освещении деятельности Домициана историк старался быть объективным, правда, это у него не очень получалось: «Тацит пытался быть справедливым к Домициану, но как же тяжело ему это давалось!» (*Zwanziger K. H.* Der Chattenkrieg des Kaisers Domitian. Würzburg, 1885. S. 31 f.).

ОТ ФРАНКЕНШТЕЙНА К ДИРКУ ДЖЕНТЛИ: ПОИСК НОВОГО В РОМАНО-БРИТАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Имя Игоря Евгеньевича Сурикова у меня ассоциируется со словом «счастье». Просто потому, что мое первое знакомство с его творчеством (это была монография о религиозном сознании афинян) сделало меня совершенно счастливым: эту книгу я запоем читал в холодной электричке Москва – Калуга, не до конца веря, что научный текст может быть настолько захватывающим. С тех пор любая публикация, любой доклад юбиляра лично для меня – событие. Но что более важно: я смотрю на своих студентов, когда они читают книги и статьи Игоря Евгеньевича, и вижу, как рождается счастье от знакомства с наукой высшей пробы. Спасибо Вам, Игорь Евгеньевич, за это ощущение счастья и за вдохновение.

Последние двадцать пять лет ознаменовались в романо-британских исследованиях (и – шире – исследованиях римских провинций) бурной дискуссией о романизации. Вопросам значения этого термина, применимости его к имеющимся источникам, идеологическим и политическим основаниям концепции, выстраиваемой на его базе, посвящена не одна сотня страниц. К основным результатам этого обсуждения стоит отнести постепенное вызревание новых исследовательских подходов и очевидную маргинализацию самого слова «романизация» в англоязычной историографии². В последнем на сегодняшний день «большом нарративе», касающемся истории римской Британии, – исследовании Дэвида Мэттингли³ – романизация определяется как устаревший, колониальный концепт, полный стереотипов и клише, не подходящий современному исследователю провинции. Критика романизации порой выглядит чрезмерной: концепция предстает в виде этакоего теоретического Франкенштейна, грубо и безыскусно сшитого из фрагментов исторического материала, мешающего изучению истории самой северной провинции Рима. Но, несмотря на перегибы и идиосинкразию по отношению к самому слову «романизация», следует признать, что традиционный подход к изучению культурных трансформаций Британии и других провинций Рима, некогда, по меткому выражению У. Хэнсона, объединявший все стороны истории римской Британии⁴, больше не работает. И это означает, что исследователям нужны новые идеи и подходы.

Пожалуй, последнюю на сегодняшний день попытку сформулировать новую концепцию изучения римских провинций предпринял нидерландский исследователь Майкл Джон Верслаус. Его статья,

- 1 В основе данной статьи лежат доклады, сделанные на конференциях в Казани (2013 г.) и Нижнем Новгороде (2015 г.). Автор благодарит коллег, принявших участие в обсуждении этих выступлений. Отдельные слова благодарности должны быть адресованы д. и. н. проф. О.Л. Габелко за целую россыпь интересных суждений и важных замечаний. Естественно, все ошибки и неточности тяжким грузом ложатся на совесть автора.
- 2 Барышников А.Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в английском антиковедении // Вестник ННГУ. 2012. Вып. 6 (3). С. 200–211; *он же*. История римской Британии без романизации: концепция Д. Мэттингли // SH. 2012. Вып. XII. С. 284–295. Подробный обзор дискуссии (включающий публикации, не связанные с Британией) подготовлен сербским исследователем Владимиром Михайловичем: Mihajlović V. D. Koncept romanizacije u arheologiji: uspon i pad paradigme // Etnoantropološki problem. 2012. Vol. 7 (3). S. 709–729. См. также общую статью: *Rothe U.* Romanization // The Encyclopedia of Ancient History. London, 2012. P. 5875–5881.
- 3 Mattingly D. An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire. London, 2007. См. также: *idem*. ‘Vulgar and Weak Romanization, or Time for a Paradigm Shift?’ // JRA. 2002. Vol. 15. P. 536–541; *idem*. Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire. Princeton, 2011. P. 3–42.
- 4 Hanson W.S. Dealing with Barbarians: the Romanisation of Britain // Building on the Past / B. Vyner (ed.). London, 1994. P. 149–163.

опубликованная в июне 2014 года, была посвящена дискуссии о романизации и возможности выработки новой оптики исследования⁵.

Пока неизвестно, разгорится ли вновь несколько затихший спор о романизации и если да, то какое направление он примет. Зато очевидно, что статья М. Дж. Верслауса выражает происходящие в романо-британских и в целом в римских провинциальных исследованиях перемены. Поэтому следует остановиться на ней немного подробнее.

Исходным пунктом статьи М. Дж. Верслауса является тезис о том, что дискуссия о романизации закончилась бесплодно. По мнению исследователя, вместо поиска продуктивных решений спор привел к простой перемене знаков. В анализе исторической реальности мира римских провинций позитивная оценка Рима, обусловленная европейским колониальным мышлением, сменилась негативной, органично выросшей из постколониального (и антиколониального) восприятия собственного имперского опыта; по тому же принципу изменилось отношение к покоренным Римом племенам. Сам термин «романизация» оказался табуированным (в некоторых публикациях он даже обозначается как «слово на букву R»!)⁶.

М. Дж. Верслаус считает, что дискуссия должна быть возобновлена; стоит подчеркнуть, что он не предлагает вернуть термин «романизация» и связанный с ним концептуальный аппарат, но настаивает на выработке принципиально новых исследовательских подходов. Предложенная им методология основывается на двух основных положениях: «повороте к объекту» и концепте глобализации⁷.

Говоря о «повороте к объекту», исследователь формулирует «неантропоцентричный» принцип исследования, предполагающий приоритетное внимание к памятникам материальной культуры, которые должны рассматриваться такими, какими они есть, без наложения на них стереотипных представлений, берущихся из античной традиции; анализ вещественных источников позволит реконструировать объективную историю социальных, экономических и культурных процессов в мире Империи⁸.

В свою очередь, идея глобализации поможет отойти от привычного метода культурных «контейнеров»: когда определенный набор признаков объединяется в культуру (римскую, германскую, бриттскую) и рассматривается изолированно от других культур. Глобализация, по мнению голландского исследователя, позволит рассматривать древний мир и происходящие в нем процессы в целом, изучать единое пространство, в котором эти культуры тесно взаимодействовали⁹.

Подход, предложенный М. Дж. Верслаусом, апробирован (с некоторыми вариациями) в сборнике статей «Глобализация и римский мир», вышедшем под редакцией самого Верслауса и Мартина Питтса и объединившем работы ведущих исследователей из разных стран (Р. Хингли, Н. Морли, М. Зоммера и других)¹⁰.

Однако глобализация – не единственный востребованный современными исследователями концепт. Параллельно с деконструкцией теории романизации начались попытки заполнить освобождающееся место. Одни специалисты пытались предложить новый термин, который обладал бы более точным содержанием и был бы обеспечен качественно иным концептуальным аппаратом; другие пробовали

5 Versluys M. J. Understanding Objects in Motion. An *Archaeological Dialogue on Romanization* // *Archaeological Dialogues*. 2014. Vol. 21 (1). P. 1–20.

6 В одной из недавних публикаций Никола Терренато отметил, что термин «романизация» стал чем-то вроде ругательства: *Terrenato N. Patterns of Cultural Change in Roman Italy. Non-Elite Religion and the Defense of Cultural Self-Consistency* // *Religiöse Vielfalt und soziale Integration. Die Bedeutung der Religion für die kulturelle Identität und die politische Stabilität im republikanischen Italien* / M. Jehne, B. Linke, J. Rüpke (Hrsg.). Dresden, 2013. S. 43.

7 Versluys M. J. Understanding Objects in Motion. P. 7–10.

8 Versluys M. J. Understanding Objects in Motion. P. 15, 17–18.

9 Versluys M. J. Understanding Objects in Motion. P. 12–14. О применении теории глобализации в исследованиях Римской империи и регионов: *Hingley R. Globalizing Roman Culture. Unity, Diversity and Empire*. London; New York, 2005; *idem. Recreating Coherence without Reinventing Romanization* // *Digressus*. 2003. Suppl. 1: “Romanization”? / A. D. Merryweather, J. R. W. Prag (eds.). P. 111–119; *Gardner A. Thinking about Roman Imperialism: Postcolonialism, Globalisation and Beyond?* // *Britannia*. 2013. Vol. 44. P. 1–25; *Pitts M. Globalizing the Local in Roman Britain: an Anthropological Approach to Social Change* // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2008. Vol. 27. P. 493–506. Кроме того, следует отметить монографию Дж. Дженнингса, посвященную проблемам глобализации в древнем мире: *Jennings J. Globalizations and the Ancient World*. Cambridge, 2011.

10 *Globalisation and the Roman World: Archaeological and Theoretical Perspectives* / M. Pitts, M. J. Versluys (eds.). Cambridge, 2015.

понять происходившие в Римской империи перемены посредством применения конкретных понятий, позволяющих реконструировать детали и отдельные аспекты этих перемен.

Примером первого подхода могут служить работы Н. Терренато и Дж. Уэбстер. Итальянский археолог Никола Терренато обозначил перемены, которые происходили с культурами Италии во время их включения в римскую державу, термином “*bricolage*”¹¹. Под «бриколажем культур» он понимал спонтанный процесс сочетания элементов отдельных культур, происходивший как на уровне индивида, так и в масштабах целых сообществ¹².

Интересный подход к трактовке культурных перемен, происходивших в западных провинциях, предложила Джейн Уэбстер¹³. Рассматривая материалы по религиозной жизни римской Галлии, она обратилась к идее «креолизации», сформулированной исследователями европейских колониальных владений в Карибском бассейне¹⁴. Креолизация – это, по словам Уэбстер, процесс «*сопротивляющейся адаптации*» завоеванных племен к культуре завоевателя. В результате креолизации возникает не одна внутренне единая культура, а целый ряд смешанных¹⁵. Примером такой «креолизации» римской Галлии стало появление трех божеств – Эпоны, Сукелла и Кернунна. Эти боги не имели греко-римских аналогов, однако их также нельзя считать сугубо кельтскими божествами, оказавшимися в компании классических богов; они возникли, как показывает Уэбстер на примере Эпоны, как продукт сложного и неоднозначного взаимодействия между римскими и местными верованиями в период после римского завоевания¹⁶.

Иной подход можно найти в трудах Г. Вулфа и Д. Мэттингли. Они тоже отказались от концепции «романизации» как вульгарной и устаревшей, но не предложили взамен никаких обобщающих построений, ограничившись общими формулировками вроде “*becoming Roman*” и “*cultural change*”¹⁷. Для полноценной реконструкции этой культурной перемены исследователи прибегали к анализу того, как провинциальные сообщества и отдельные индивиды выстраивали отношения с Римом и имперской культурой, как формировались и трансформировались идентичности в новых, провинциальных условиях. Подобный подход позволял глубже понять динамичную картину культурной жизни регионов Империи, реконструировать разнообразные провинциальные идентичности, различный опыт общения и взаимодействия местных жителей с Римом. Естественно, однако, что восстановить все возможные идентичности и стратегии взаимоотношений с имперской культурой при таком подходе не получится; результатом становится определение нескольких обобщенных видов идентичности, наиболее распространенных стратегий поведения отдельных социальных групп и вариантов культурного взаимодействия. Выделение и обозначение коллективных идентичностей видимого труда не вызывает, чего не

11 *Terrenato N.* The Romanization of Italy: Global Acculturation or Cultural Bricolage? // *C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher (eds.)*. Proceedings of the Seventh Theoretical Roman Archaeology Conference (TRAC 97). Oxford, 1998. P. 20–27. Насколько нам удалось определить, исследователь понимает данный термин в духе Клода Леви-Стросса. Последний ввел понятие «бриколаж» для объяснения особенностей архаического мышления. К. Леви-Стросс отмечал, что «бриколаж» – это деятельность, которую можно назвать «первичной» наукой; заключается она в непрекращающемся реконструировании новых, произвольно упорядоченных систем из уже известных элементов. Позднейшая постмодернистская мысль несколько расширила трактовку данного термина. См.: *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М., 1994. С. 126–130; Ср. *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 2000. С. 407–420.

12 *Terrenato N.* The Romanization of Italy. P. 24–25.

13 *Webster J.* Creolizing the Roman Provinces // *AJA*. 2001. Vol. 105 (2). P. 209–225. Кроме того, Джейн Уэбстер предприняла интересную попытку перенести теоретические установки, применявшиеся в изучении истории Карибского бассейна и Северной Америки, на проблемы рабства в западных провинциях Рима и, в частности, в Британии: *Webster J.* Archaeologies of Slavery and Servitude: Bringing ‘New World’ perspectives to Roman Britain // *JRA*. 2005. Vol. 18. P. 161–178.

14 *Stewart C.* Creolization: History, Ethnography, Theory // *Creolization: History, Ethnography, Theory* / *C. Stewart (ed.)*. Walnut Creek, 2007. P. 1–25.

15 *Webster J.* Creolizing. P. 218.

16 *Webster J.* Creolizing. P. 220–223.

17 *Woolf G.* Becoming Roman. The Origins of Provincial Civilization in Gaul. Cambridge, 1998; *Mattingly D.* An Imperial Possession. P. 17–18; *idem.* Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting // *JRA*. 2004. Vol. 17. P. 5–7. Подробнее об анализе идентичностей (с указанием важнейших публикаций, касающихся римской Британии) см.: *Барышников А.Е.* Концепт идентичности в современных исследованиях римской Британии // *ААе*. 2014. Вып. 4. История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Ред. А.В. Махлаюк, О.Л. Габелко. С. 373–388.

скажешь о стратегиях поведения и культурных процессах, которые часто понимаются упрощенно (например, с помощью дихотомии «сотрудничество – сопротивление») и, даже будучи подробно описаны, остаются фактически безмянными.

Интересный синтез двух подходов можно найти в книге Невилла Морли¹⁸. Ученый полагает, что «культурная перемена ('cultural change') не была следствием естественного процесса осмоса или диффузии, но являлась результатом решений, принимаемых людьми в их собственных интересах, прежде всего в погоне за статусом и положением в обществе»¹⁹. По словам Н. Морли, «культурная перемена» не была единственным и единым процессом. Можно выделить целый ряд процессов культурных и социальных изменений, которые протекали – с разной степенью интенсивности – во всей Империи. К ним, по мнению исследователя, относятся процессы интеграции, дифференциации и переоценки²⁰. *Интеграция* – это процесс создания общего чувства идентичности и объединяющего мировоззрения как основы для управления Империей. Элиты (и те, кто желал принадлежать к ним) должны были усвоить римские ценности и принять римский образ жизни, чтобы сохранить власть и положение в обществе. Интеграция создавала условия для другого процесса – *дифференциации*, в результате которого сосредоточившие идеологическую власть и узаконившие свое господство на местах представители элит отделяли себя от основной массы населения. Третьим процессом стала *переоценка*: местные обычаи и привычки пересматривались и получали новые смыслы при встрече с идеями и традициями, проникавшими в регион после установления римской власти²¹. Соответственно, при формировании общественной идентичности человек имел возможность выбора между разными традициями и возможностями: «провинциалы должны были выбирать, кем им быть»²².

Исследователи верно указывают на многообразие и динамизм культурных процессов в римских провинциях, справедливо подчеркивая внутреннюю неоднородность встретившихся культур. Однако ни один из предложенных подходов на данный момент не утвердился в качестве основного, а некоторые термины (в частности, «бриколаж» и «креолизация») пока что не вошли в активный словарь современных исследователей Империи.

Это, среди прочего, вызвано современными коннотациями предложенных концепций²³. Так, понятие «глобализация» точнее, чем «романизация» с ее имплицитным приоритетом римской культуры, отражает разнообразие процессов, происходивших в *Pax Romana*. Но в этом понятии кроется несколько проблем, затрудняющих использование данного термина и связанного с ним концептуального аппарата. Самая явная из них – опасность модернизации. Современная глобализация превращает мир в единое экономическое пространство, порождая множество национальных, культурных и политических следствий и противоречий, возможных лишь в новейшей истории; древняя глобализация, как нам представляется, была качественно иным феноменом²⁴. Простой, чисто механический перенос термина из современности в прошлое может привести к искажению истории. Кроме того, объективной трудностью является многозначность термина, который, став в 1990-е гг. крайне популярным, получил коннотации и значения, не имевшиеся ранее²⁵. Схожие проблемы возникают при использовании других концептов: идентичность из-за частого употребления в различных контекстах оказывается слишком многозначным и рыхлым понятием, тогда креолизация диктует навязчивые параллели с новой историей Северной Америки, а бриколаж связан с философией постмодерна.

18 Morley N. The Roman Empire: Roots of Imperialism. London; New York, 2010. Обстоятельная рецензия на русском языке написана А.В. Махлаюком: Махлаюк А.В. «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (N. Morley. Roman Empire: Roots of Imperialism. L. – N. Y., 2010) // ВДИ. 2012. №1. С. 222–231.

19 Morley N. Roman Empire. P. 111.

20 Morley N. Roman Empire. P. 115.

21 Morley N. Roman Empire. P. 115–124.

22 Morley N. Roman Empire. P. 124.

23 Одна из главных претензий к романизации сводилась к тому, что термин анахронистичен и ведет к модернизации истории. См.: Syme R. Rome and the Nations // Diogenes. 1983. Vol. 124. P. 36.

24 Об этом см., в частности: Witcher R. Globalisation and Roman Cultural Heritage // Globalisation and the Roman World. P. 216 ff.

25 James P., Steger M. B. A Genealogy of 'Globalization': the Career of the Concept // Globalizations. 2014. Vol. 11 (4). P. 417–434.

Впрочем, подобные трудности не означают, что выработку новых подходов и инструментов исследования стоит отложить. Потребность в них объективна, их поиск – важнейшая теоретико-методологическая задача, стоящая перед специалистами по истории провинции. Идеологическая мода и политическая атмосфера, безусловно, оказывают влияние на этот поиск, но главной, глубинной его причиной остается апория истории как науки, пытающейся свести воедино безбрежную реальность жизни и строгие научные модели²⁶.

Очевидно, что с включением Британии в состав Римской империи остров оказался частью огромного культурного пространства с множеством коммуникационных сетей²⁷; это привело к серьезным социокультурным трансформациям Британии. Не менее очевидно, что данные трансформации нельзя уместить в прокрустово ложе традиционной «романизации», в схематические взаимоотношения абстрактных римлян и не менее абстрактных бриттов. В таком случае за пределами наших представлений окажутся многочисленные локальные вариации культурных контактов и перемен, связи между различными линиями развития острова и аспектами жизни его населения.

Представляется все-таки, что приблизиться к пониманию исторической реальности во всем богатстве ее проявлений возможно и даже необходимо. Ключевыми, на наш взгляд, положениями нового подхода могут быть: дифференцированное понимание взаимодействия культур в римской Британии, сочетание различных методов и концептов в исследовании, принцип взаимосвязанности. Остановимся на каждом из этих аспектов подробнее.

Взаимодействие культур

Н. Морли верно отметил сложную основу культурных перемен, происходивших в регионах Империи; превращение острова в часть *Pax Romana* происходило в результате целого комплекса взаимосвязанных и взаимовлияющих процессов, который мы обозначаем общим термином «взаимодействие культур»²⁸. В качестве составных частей такого взаимодействия можно выделить следующие процессы (или, точнее, группы процессов):

1) *Романизация*. Концепция романизации как стержневого термина для обозначения культурных процессов в провинции справедливо признана несостоятельной. Однако распространение элементов имперской культуры на территории острова невозможно отрицать. И, на наш взгляд, вряд ли для подобных процессов можно найти название более подходящее, чем романизация. Романизацией могут быть названы как минимум два процесса, схожих по форме, но различных по содержанию. Первый связан с Британией в период между походами Цезаря и вторжением Клавдия. Инвентарь погребений представителей местной аристократии в Лексдене, Стэнвее и Фолли Лейн, латинские легенды монет бриттских царьков – все это указывает, что некоторая часть местной элиты не только была знакома с римской культурой, но и имела к ней некоторый вкус²⁹. Эти бриттские аристократы, разумеется, не считали себя римлянами, но элементы римской культуры использовались ими как в быту, так и для демонстрации собственного статуса, богатства и власти. Следует иметь в виду, что подобная внешняя симпатия к Риму отнюдь не означала проримской политической ориентации. Второй вариант романизации – это распространение имперского образа жизни после создания провинции. Традиция, эпиграфика и комплексы артефактов свидетельствуют о том, что этот процесс

26 Об этой атории см.: *Кнабе Г. С.* Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // *Одиссей*. 1993. М., 1994. С. 247–255; применительно к истории армии Римской империи: *Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 18–19.

27 *Махлаюк А.В.* Римская империя как пространство кросс-культурных коммуникаций // *Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени*. XIII Чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова. Материалы международной научной конференции / (ред.). Нижний Новгород, 2012. С. 40–48.

28 Термин «культура», чрезвычайно важный в таком подходе, имеет множество определений. Мы трактуем культуру как совокупность материальных и духовных результатов человеческой деятельности. О разных (прежде всего, антропологических) подходах к пониманию культуры см.: *Moore J.* Culture. An Introduction to Anthropological Theories and Theorists. Lanham, Maryland, 2012⁴. P.

29 *Niblett R.* The Excavation at Ceremonial Site at Folly Lane, Verulamium. London, 1999; *Foster J.* The Lexden Tumulus. A Re-Appraisal of an Iron Age Burial from Colchester, Essex. BAR British Series 156. London, 1986; *Crummy P., Benfield S., Crummy N., Rigby V., Shimmin D.* Stanway: an Elite Burial Site at Camulodunum. London, 2007.

проходил несколькими путями. С одной стороны, лояльные Риму аристократические семьи получали права гражданства, перенимали римские привычки и встраивались в новую систему власти (Тас. *Agr.* 21; Martial. *Ep.* XI. 53; RIB. I. 67, 87, 91, 191). С другой, элементы имперского этоса, традиции, технологии перемещались на остров вместе с торговцами, ремесленниками, чиновниками, военными (часть из которых оставалась здесь в качестве ветеранов), путешественниками, авантюристами и рабами (е. g. RIB. I. 91)³⁰.

Тесно связанным с романизацией был процесс *латинизации* – распространения на острове латинского языка³¹. Латынь была языком власти, официального делопроизводства, торговых сделок, вместе с ней в Британию проникло классическое образование и литература³². Бриттские диалекты, безусловно, не исчезли из устного общения, однако об их распространенности мы ничего сказать не можем ввиду отсутствия источников.

Итак, процессы романизации, безусловно, имели место в реальности. Но нужно помнить, что они непосредственно затронули лишь верхушку бриттского общества, ту его небольшую часть, которая оказалась вовлеченной в тесные отношения с новыми правителями острова. Значительная часть бриттов была затронута этими процессами лишь опосредованно – они платили подати, слышали латинскую речь, могли побывать в городе и пройтись по римской дороге, однако имперская культура не играла в их жизни такой же роли, как в жизни Марциаловой Клавдии Руфины.

2) *Сохранение местных традиций*. Многие культурные традиции и привычки местного населения не исчезли. Большинство бриттов продолжало жить в сельской местности, в «круглых домах» (*roundhouses*), сохраняя повседневные привычки. Не утратили своего значения традиционные сакральные места (прежде всего, связанные с водоемами), продолжили свое существование погребальные обряды железного века³³. Конечно, даже сельские общины, находившиеся вдали от крупных городов и фортов, не были полностью изолированы от провинциальной культуры. Но предметы, изготовленные по континентальным лекалам, не играли большой роли в повседневности, а многие традиции Империи (такие как эпитафический обычай) не проникали в жизнь большей части населения провинции.

3) *Смешение культур*. Естественно, местные традиции и имперский образ жизни не просто сосуществовали, но находились в отношениях взаимодействия и взаимовлияния. Самые явные свидетельства такого смешения можно увидеть в сфере религии, где римские (и не только) боги сливались с бриттскими³⁴. Но этим процессы смешения не исчерпываются: при ближайшем рассмотрении оказывается, что местные традиции играли важную роль в урбанизации отдельных регионов провинции. Так, в развитии муниципия Веруламия особое значение придавалось захоронению бриттского аристократа на возвышении Фолли Лейн, находившемся за пределами городских стен. Его местоположение влияло на ориентацию улиц, к погребению вела отдельная дорога, шедшая параллельно дороге на Камулудун, сцена и часть лучших мест муниципального театра были расположены так, чтобы жители видеть холм с погребением³⁵. Характер и степень смешения элементов в развитии городских центров были различными и определялись целым рядом факторов: к примеру, в Дурроверне местные традиции играли

30 О диаспорах и переселенцах: *Fulford M.* Roman Britain: Immigration and Material Culture // Roman Diasporas. Archaeological Approaches to Mobility and Diversity in the Roman Empire. Journal of Roman Archaeology Suppl. Series / H. Eckardt (ed.) Portsmouth, Rhode Island, 2010. P. 67–78; *Eckardt H., Chenery C., Leach S., Lewis M., Müldner G., Nimmo E.* A Long Way from Home: Diaspora Communities in Roman Britain // Roman Diasporas. P. 99–130. Об обратном явлении – переселении уроженцев Британии на континент см.: *Ivleva T. A.* Britons abroad. The Mobility of Britons and the Circulation of British-Made Objects in the Roman Empire. Ph.D. diss. Leiden, 2012.

31 *Джоунс К.* Язык и империя // ВДИ. 1997. №4. С. 93–97; *Woolf G.* Monumental Writing and the Expansion of Roman Society in Early Empire // JRS. 1996. Vol. 86. P. 22–39; *Evans J.* Graffiti and the Evidence of Literacy and Pottery Use in Roman Britain // The Archaeological Journal. 1987. Vol. 144 (1). P. 191–204.

32 О знании жителями Римской Британии произведений латинских поэтов см.: *Barrett A. A.* Knowledge of the Literary Classics in Roman Britain // Britannia. 1978. Vol. 9. P. 307–310.

33 О погребениях кантиакских элит в римский период см. доклад Лэйси Уоллес: *Wallace L.* The Canterbury Hinterland Survey, phase 1, Bourne Park // Archaeological Institute of America Annual Meeting. Chicago, II. January 2014.

34 Впрочем, такой синкретизм необязательно был «равноправным»; римские культы могли поглощать местные, сохраняя в себе их элементы: *Webster J.* ‘Interpretatio’: Roman Word Power and the Celtic Gods // Britannia. 1995. Vol. 26. P. 153–161.

35 *Creighton J.* Britannia. The Creation of Roman Province. London, 2005. P. 128.

большую роль, в то время как Лондиний был сугубо имперским поселением, не связанным сколько-нибудь тесно с бриттскими культурами³⁶.

Не стоит забывать, что схожие традиции и привычки могут быть свойственны разным культурам, и их синхронное существование в провинции еще не указывает на факт смешения культур. Так, источники свидетельствуют, что местное население отдавало предпочтение пиву, вино же чаще всего появлялось на столе людей, так или иначе связанных с римским образом жизни³⁷. Мы также знаем, что пиво было основным напитком для батавской когорты, стоявшей в Виндоланде, что отличало ее от других подразделений римского гарнизона провинции³⁸. Эти пищевые привычки сосуществовали (прежде всего, в силу объективного фактора – климата Британии и Германии), а не появились в результате взаимодействия культур.

4) *Уничтожение и вытеснение местных культур*. Не все бритты были рады видеть римлян на своих землях; соответственно, не со всеми бриттами римляне были готовы вести переговоры. Упорное сопротивление некоторых племен способствовало тому, что фактическое завоевание Британии растянулось на несколько десятилетий. Тацит дважды сообщает о стремлении римских военачальников показательно уничтожать целые племена: сначала подобное намерение приписывалось Осторию Скапуле в отношении силуров (оно, впрочем, осталось лишь намерением), позже Агрикола практически уничтожил племя ордовиков (Тас. *Ann.* XII. 39; *Agr.* 18). С гибелью целого племени неизбежно исчезали локальные варианты островной культуры. Намеренное уничтожение и вытеснение местных культур должно было провоцировать ответный процесс скрытого сопротивления, выражавшийся в отторжении элементов римской культуры. Однако подтвердить источниками наличие подобного сопротивления крайне сложно.

5) *Ненамеренные изменения экологии и демографии*³⁹. Появление римлян в Британии и связанные с этим событием процессы культурного взаимодействия стали катализаторами других, естественных процессов, возникновение которых не было связано с волей человека, но оказалось объективным следствием встречи культур. Ранее неизвестные, эти процессы – благодаря развитию естественнонаучных методов исследований – становятся теперь частью наших представлений о жизни в Римской Британии. Одному из них посвящено недавнее исследование Д. Смита и Х. Кенуорда. Им удалось наглядно продемонстрировать, как принесенные римлянами изменения в земледельческие практики, процедуры переработки и хранения злаковых способствовали проникновению на остров популяций вредителей зерна⁴⁰. В свою очередь, благодаря работам Дж. Пека, мы знаем, что увеличение доли зерновых в ежедневном рационе жителей провинции повлекло за собой быстрый рост числа болезней полости рта (и, прежде всего, кариеса)⁴¹.

Кооперация методов

Между только что сформулированными, набирающими популярность подходами уже началась борьба за звание наиболее удобного и точного инструмента исследования. Так, одним из исходных тезисов книги Мартина Питтса и Майкла Джона Верслауса является критика концепта идентичности: он, по словам редакторов сборника, описателен и упрощает реальность, превращаясь в наклеивание

36 О Дуроверне см.: Барышников А.Е. Дуроверн кантаков: особенности развития римского Кентербери в I–II вв. н.э. // SH. 2015. Вып. 15 (в печати); о Лондинии: Тихонова О. С. Население римского Лондона эпохи принципата // SH. 2001. Вып. 1. С. 114–127; она же. Римский Лондон эпохи принципата: структура городского хозяйства // Норция. 2003. Вып. 6–7. С. 230–266.

37 Pitts M. 'I Drink, therefore I am?' Pottery Consumption and Identity at Elms Farm, Heybridge, Essex // Proceedings of the Thirteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference / B. Croxford, H. Eckardt, J. Meade, J. Weekes (eds.). Oxford, 2004. P. 16–27.

38 Mattingly D. An Imperial Possession. P. 222.

39 За формулировку мы благодарны О.Л. Габелко. Он же, кстати, предложил еще более хлесткое название – *aftershocks* завоевания.

40 Smith D., Kenward H. K. Roman Grain Pests in Britain: Implications for Grain Supply and Agricultural Production // Britannia. 2011. Vol. 42. P. 243–262. Об изменениях земледельческих моделей см.: Stevens C. J. An Investigation of Agricultural Consumption and Production Models for Prehistoric and Roman Britain // Environmental Archaeology. 2003. Vol. 8. P. 61–76.

41 Peck J. J. The Biological Impact of Culture Contact: a Bioarchaeological Study of Roman Colonialism in Britain. PhD diss. Ohio State University, 2009. P. 189.

этнокультурных ярлыков, в новый вариант романизации⁴². В свою очередь, идея перенести теорию глобализации на материал древней истории также выглядит небесспорной и наверняка подвергнется подробному критическому анализу в ближайшем будущем.

На наш взгляд, определенный познавательный потенциал есть практически во всех подходах, и потребности в выборе одного-единственного – иногда в явно выраженной форме, иногда подразумеваемой – в реальности существует. Каждый из них может быть уместен и эффективен в определенной ситуации, при работе с конкретными проблемами и кругом источников. Концепт идентичности может «работать» на микро- и мезоуровне. Примером может служить анализ эпитафии Регины из племени катувеллаунов или исследования жизни отдельных некрополей, зданий и целых поселений (RIB. I. 1065). Попытка без уточнений перенести идею идентичности на целую провинцию или тем более на всю Империю ведет к неизбежному появлению упрощений и обобщений; материала слишком много, он не вписывается в несколько жестко заданных типов идентичности и порой может быть лишь описан, но не проанализирован.

В свою очередь, глобализация может помочь при исследованиях на макроуровне – изучении места провинции в сети культурных коммуникаций Империи, связи отдельных регионов римского мира между собой. На уровне отдельного поселения привлечение глобализации может привести к преувеличениям и искажениям: к примеру, находка керамики типа *terra sigillata* в отдельной взятой британской деревне не так много говорит нам о глобализационных процессах и их влиянии на жизнь обитателей этого поселения. Кроме того, концепты идентичности и глобализации касаются различных аспектов истории: если первый связан с людьми и повседневностью, то второй ориентирован на анализ культуры и общественных процессов. Таким образом, нет нужды выбирать что-то одно в качестве новой доминирующей теории, «концепта-гегемона»; следует находить наиболее подходящие концептуальные инструменты для изучения конкретной поставленной проблемы.

Взаимосвязанность

Понятие «взаимосвязанности» (connectivity/interconnectivity) является одним из важных в глобализационном подходе, предложенном М. Дж. Верслаусом⁴³. Нидерландский исследователь использует этот термин для обозначения тесных, неразрывных связей между различными областями римского мира и ойкумены. Нам представляется, что данное понятие может быть полезным при рассмотрении социокультурной трансформации Британии.

Как уже говорилось выше, с утверждением римской власти остров окончательно стал частью огромного культурного пространства, сети коммуникаций и каналов взаимодействия. Эта сеть наполнила паутину, тончайшие нити которой связывали территории и события, людей и технологии; колебания одной нити распространялись по остальным, перемены в одном сегменте паутины влияли на другие. Изменения и процессы, происходившие в пределах этой сети культурного взаимодействия Рима и бриттов, были тесно связаны между собой. Эти связи не всегда видны стороннему наблюдателю; порой, чтобы их обнаружить, нужно уподобиться Дирку Джентли – детективу из произведений Дугласа Адамса, умевшему с помощью холистического метода найти связь между внешне никак не связанными событиями (например, лошадью в ванной, поэмой С. Кольриджа и атакой инопланетян)⁴⁴.

Взаимосвязанность процессов культурного взаимодействия и комплексный характер происходивших изменений можно проиллюстрировать на примере пчел. Медоносные пчелы (*Apis Mellifera L.*) обитали в Британии задолго до римского завоевания; насколько можно судить по данным археологии, жители доримского Альбиона не занимались пчеловодством, хотя дикий мед был им известен⁴⁵. После римского завоевания на острове появляются загородные поместья с садами, вместе с мигрантами

42 Pitts M., Versluys M. J. Globalisation and the Roman World: Perspectives and Opportunities // Globalisation and the Roman World. P. 6.

43 Versluys M. J. Understanding Objects in Motion. P. 12

44 См. знаменитую фразу из “Dirk Gently’s Holistic Detective Agency”: “I believe, as you know, in the fundamental interconnectedness of all things”.

45 Green M. Animals in Celtic Life and Myth. London; New York, 1992. P. 34–35; Carreck N. L. Are Honey Bees (*Apis Mellifera L.*) Native to the British Isles? // Journal of Apicultural Research and Bee World. 2008. Vol. 47 (4). P. 318–319.

с континента перемещаются новые виды растений (в том числе медоносов) и технологии пчеловодства⁴⁶. Естественно, это вело к некоторым изменениям в экосистеме и рационе, однако только ими влияние пчел на провинциальную жизнь не ограничивается. Пчелиный воск использовался при создании писчих табличек, без которых была немислима деловая и официальная жизнь региона⁴⁷. Когда Флавий Цериал, префект девятой когорты батавов, диктовал послание Криспину, он вряд ли вспоминал о пчелах; не думал о них и Вегет, заключивший сделку о приобретении галльской рабыни, – но сохранившиеся таблички показывают, что пчелы были полезны не только медом (TV I. 37)⁴⁸. Таким образом, изменения в жизни пчел оказываются неразрывно связаны с миграцией людей с континента, экологическими переменами, распространением новых хозяйственных технологий, появлением вилл, усложнением рациона питания, распространением письменности, личной и деловой жизнью населения провинции.

Понимание подобной взаимосвязанности происходивших в римской Британии перемен вкупе с применением разных исследовательских концептов при анализе культурного взаимодействия позволит нам исследовать процессы и явления не изолированно, но в широком контексте, поможет точнее реконструировать провинциальную повседневность острова и то, как в реальности происходила интеграция острова в пространство Империи. Безусловно, обозначенные в этой небольшой заметке положения имеют скорее статус «декларации о намерениях», чем окончательно сформулированной концепции. Насколько они подходят для изучения римской Британии, станет ясно после апробации их на конкретном историческом материале.

46 *van der Veen M., Livarda A., Hill A.* New Plant Foods in Roman Britain // *Environmental Archaeology*. 2008. Vol. 13 (1). P. 11–36; *Witcher R.* On Rome's Ecological Contribution to British Flora and Fauna: Landscape, Legacy and Identity // *Landscape History*. 2013. Vol. 34 (2). P. 5–26; *Carreck N. L.* Are Honey Bees? P. 319–320. О меде в рационе питания римской провинции: *Cool H. E. M.* *Eating and Drinking in Roman Britain*. Cambridge, 2006. P. 67.

47 *Tomlin R. S. O.* *Writing and Communication // Artefacts in Roman Britain. Their Purpose and Use / L. Allason-Jones (ed.)*. Cambridge, 2011. P. 146–152.

48 *Tomlin R. S. O.* 'The Girl in Question': A New Text from Roman London // *Britannia*. 2003. Vol. 34. P. 41–51.

РИМ В КОНЦЕПЦИИ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ ДРЕВНОСТИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ИМПЕРИИ¹

Теория великих держав, последовательно сменявших друг друга, известна в греко-римской литературе начиная с Геродота и Ктесия², источником для которых, вероятно, послужили представления и идеи, исходившие из восточной среды и касавшиеся смены царей, династий и царств³. Следы и развитие этих представлений обнаруживаются, в частности, в пророчествах Даниила (2:31–45; 7:1–14; 8; ср.: Ios. *Ant. Iud.* X. 10. 4; 11. 7), вавилонском «Династическом пророчестве», в Сивиллиных оракулах и других иудейских апокалипсических текстах⁴. По меньшей мере с конца I в. до н.э. эта идея становится распространенным пропагандистским топосом в форме «четыре плюс одна», т.е. четыре древних царства – чаще всего это Ассирия, Мидия, Персия, Македония – и пришедшая им на смену Римская держава. В некоторых случаях в этот перечень включались и греческие государства, прежде всего Афины и Лакедемон⁵. Данный топос использовался как апологетами римского владычества, так и его противниками⁶ и критиками⁷, как «языческими» авторами (Полибием, Дионисием Галикарнаским, Элием Аристидом и др.), так и христианскими (в частности, наиболее развернутое обращение к теории великих держав дается в «Истории» Павла Орозия).

В своем, так сказать, классическом виде концепция эта включает три главных тезиса⁸:

(1) фигурирующие в них государства рассматриваются как великие мировые державы, безоговорочно доминировавшие над обширными регионами;

(2) роль прочих государств, если они вообще упоминаются, сводится к минимуму (это касается, в частности, Египта, Греции до Александра Великого);

-
- 1 Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-21-20003), а также частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).
 - 2 Hdt. I. 95; 130; Ctesias in Diod. II. 28. 2; 32. 5 (= *FgrHist.* III C 688, F 1; 5). Ср.: Demetr. Phaler. in Polyb. XXIX. 21.
 - 3 Flusser D. The Four Empires in the Fourth Sibyl and in the Book of Daniel // *Israel Oriental Studies*. 1972. Vol. 2. P. 148–175; Drews R. *Greek Accounts of Eastern History*. Cambridge (Mass.), 1973. P. 111 f.
 - 4 Об этой традиции см., например: Collins J. J. *Seers, Sibyls, and Sages in Hellenistic-Roman Judaism*. Boston; Leiden, 2001; Niskanen P. *The Human and the Divine in History. Herodotus and the Book of Daniel*. London; New York, 2004; Portier-Young A. E. *Apocalypse Against Empire: Theologies of Resistance in Early Judaism*. Grand Rapids, 2011. Обзор точек зрения на происхождение этой концепции см.: Lucas E. C. *The Origin of Daniel's Four Empires Scheme Re-examined* // *Tyndale Bulletin*. 1989. Vol. 40. No. 2. P. 184–202.
 - 5 Павел Орозий включает в традиционный перечень еще и Карфаген (II. 1. 5).
 - 6 По мнению А. Эрхардта, сама концепция четырех держав имела восточное и оппозиционное Риму происхождение (*Ehrhardt A. A. T. Politische Metaphysik von Solon bis Augustin*. Bd. 1. Tübingen, 1959. S. 253–255). Об оппозиционности теории четырех держав эллинистическим монархиям и Риму см.: Swain J. W. *The Theory of the Four Monarchies. Opposition History under the Roman Empire* // *CPh*. 1940. Vol. 35. No. 1. P. 1–21; Bizarro L. *La teoría de los Cuatro Imperios como elemento opositor al Helenismo y a Roma* // *Antíteses*. 2010. Vol. 3, num. 5. P. 395–418, с анализом также и кумранских документов (доступно на: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=193314432018>).
 - 7 Так, Дион Хрисостом упоминает о смене великих держав, говоря о разлагающем влиянии роскоши на государства, которого не дано избежать и Риму (Dio Chrys. *Or.* LXXIX. 6; XIII. 36). См.: Gascó le Calle F. *La teoría de los cuatro imperios. Reiteración y adaptación ideológica*. I. *Romanos y Griegos* // *Habis*. 1981. Vol. 12. P. 190–192. Свообразный взгляд на великие державы выражен в труде Помпея Трога, который, единственный из античных авторов, признает равное Риму могущество за Парфянским царством, которое владычествует на Востоке, тогда как римлянам принадлежит власть на Западе (Iust. XLI. 1. 1; см.: Gascó le Calle F. *La teoría de los cuatro imperios*. P. 186 sgg.; Alonso-Núñez J. M. *Troque-Pompée et l'impérialisme romain* // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1990. No. 1. P. 72–86).
 - 8 Ср.: Swain J. W. *The Theory of the Four Monarchies*. P. 13.

(3) пятая держава мыслится, в отличие от предшествующих, как несравненно более могущественная, совершенная и вечная.

В обширной исследовательской литературе⁹, посвященной концепции великих держав и *translatio imperii*, подробно рассматриваются источники соответствующих построений, их идеологические и пропагандистские импликации, конкретные вариации, используемые в отдельных сочинениях, значение в исторических (историософских) построениях тех или иных мыслителей и историков древности. Однако, насколько я могу судить, «пятый элемент» данной конструкции – Римская держава – как таковой специально почти не рассматривался¹⁰. В частности, вне поля зрения исследователей остаются выраженные в концепции мировых держав представления о месте Римской империи в историческом пространстве и времени. Между тем, именно в тех характеристиках и оценках, прямых или косвенных, которые высказываются античными авторами, использующими эту концепцию, обнаруживаются весьма важные и интересные моменты и нюансы, образующие в своей совокупности то, что сейчас принято называть ментальной картой или концептуальной (воображаемой, имагинальной) географией. Последняя изучает образы пространства, способы его репрезентации в разных культурных, идеологических и политических контекстах. Она была особенно значима для греко-римской цивилизации, так как в античном мире очень трудно было получить объективную картину мира, и география в немалой степени подчинялась литературной традиции с ее этноцентризмом и бинарным разделением на эллинов/римлян, с одной стороны, и варваров – с другой¹¹. Греки и римляне располагали себя в центре мира и считали себя обладателями лучшей его части, а отдаленным варварским народам вне своей ойкумены отводили статус «иных», помещали их на полях человеческого мира не только географически, но и, можно сказать, зоологически, приписывая им некоторые черты животных или, как выражается один исследователь, существ, не достигших человеческого состояния – “sub-human animals”¹².

Все, кто занимается, теорией и историей имперских структур, согласны, что империя – это в первую очередь особым образом организованное пространство, политически объединяющее совокупность разнообразных культурно-географических ландшафтов и этносов. Для римского же имперского дискурса видение пространства имело тем более фундаментальное значение, что сам концепт «империя» в Риме формировался по мере утверждения власти римлян над обширными пространствами средиземноморского мира¹³. В этом плане особое значение получила фикция о господстве Рима над всем миром¹⁴. Но, по известному выражению А. Эйштейна, «пространство – это вопрос времени». Имперское пространство совершенно неразрывно связано со временем, ибо оно возникает, формируется исторически, и сама власть империи обосновывается не в последнюю очередь темпоральными представлениями и исторической памятью, обращенной к собственным истокам «имперского народа» и помещающей данную державу в контекст мировой истории. Очевидно также, что характерное для того или иного общества восприятие пространства является, с одной стороны, продуктом реальных географических условий и факторов, а с другой, представляет собой идеологическую конструкцию, которая в немалой степени обуславливает и общую политическую стратегию, и конкретные внешнеполитические реакции, и логику имперского действия.

Таким образом, далее мы рассмотрим ряд известных пассажей, касающихся места Римской империи среди великих держав, обратив внимание на зафиксированное в них двуединство пространственных и темпоральных измерений, которые особым образом характеризуют греко-римскую картину мира.

9 Одна из первых работ вышла уже в конце XIX в.: *Trieber C.* Die Idee der vier Weltreiche // *Hermes*. 1892. Bd. 27. S. 321–342.

10 Мне осталась недоступной работа: *Mazza M.* Roma e i quattro imperi. Temi della propaganda nella cultura ellenistico romana // *Studi e materiali di storia delle religioni*. 1996. Vol. 62. P. 315–350 (= *Idem.* Il vero e l’immaginato. Profezia, narrativa e storiografia nel mondo romano. Roma, 1999. P. 1–42).

11 *Schepens G.* Between Utopianism and Hegemony. Some Reflections on the Limits of Political Ecumenism in the Graeco-Roman World // *L’ecumenismo politico nella coscienza dell’occidente* / Ed. E. L. Aigner Foresti et al. Roma, 1998. P. 143.

12 *Wiedeman T. E. J.* Between Men and Beasts: Barbarians in Ammianus Marcellinus // *Past Perspectives. Studies in Greek and Roman Historical Writing* / Ed. I. S. Moxon, J. D. Smart, A. J. Woodman. Cambridge, 1986. P. 146.

13 Этот процесс основательно исследован в монографии Дж. Ричардсона: *Richardson J.* The Language of Empire. Rome and the Idea of Empire from the Third Century BC to the Second century AD. New York; Cambridge, 2008.

14 *Whitmarsh T.* Resistance is Futile? Greek Literary Tactics in the Face of Rome // *Les Grecs héritiers des Romains. Entretiens sur l’antiquité classique*. 2012. T. LIX. P. 68. См. также: *Махлаюк А.В.* Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 1 (1). С. 290 слл. (с литературой).

Надо сказать, что в самом Риме концепция смены мировых держав стала известна довольно-таки рано, еще до конца Республики; знакомство с ней, возможно, обнаруживается уже у Энния (*Ann. Fr.* 501 *Vahlen*)¹⁵. Первое же прямое ее упоминание дается в «Римской истории» Веллея Патеркула с ссылкой на некоего Эмилия Суру, который, возможно, был современником Полибия, но ближе не известен¹⁶. В данном пассаже (*Vell. Pat.* I. 6. 6), который принято считать позднейшей глоссой, говорится, что в сочинении «О возрастах римского народа» Сура предложил список народов, последовательно властвовавших над всем миром, включив в него ассирийцев, мидян, персов, македонян и римлян.

Эмилий Сура [в сочинении] «О возрастах римского народа» (*De annis populi Romani*) [пишет:] «Ассирийцы первыми из всех народов обладали властью [над миром] (*principes omnium gentium rerum potiti sunt*), затем – мидийцы, после них – персы, позднее – македоняне. Потом, после победы над двумя царями македонского происхождения, Филиппом и Антиохом, вскоре после подчинения Карфагена, верховная власть (*summa imperii*) перешла к римскому народу. Между этим временем и началом власти ассирийского царя Нина, впервые добившегося [мирового] господства (*qui princeps rerum potitus est*), прошли одна тысяча девятьсот девяносто пять лет» (пер. А.И. Немировского с некоторыми изменениями).

Выше в той же главе (I. 6. 1) Веллей приводит даты господства ассирийцев: они обладали властью над Азией (*imperium Asiaticum*) 1700 лет, но около 870 лет назад их власть перешла к мидянам, когда царя Сарданапала, тридцать третьего потомка в роду Нина и Семирамиды, лишил царства и жизни мидиец Арбак. Упоминание в процитированном пассаже 1995 лет от Нина до установления римского господства указывает на зависимость от хронологии Эратосфена и Ктесия, согласно которой основание Ассирии относится к 2184 г. до н.э., за 1000 лет до основания Трои¹⁷. Примечательно, что владычество ассирийцев, продолжительность которого измеряется не только в абсолютном исчислении, но и поколениями правителей, территориально отнесена только к Азии – *imperium Asiaticum*. Поэтому перевод выражение *rerum potiti* (*potitus*) как «мировое господство» хотя и допустим по контексту, но все же не совсем точен. Этому понятию больше соответствует выражение *summa imperii*, отнесенное к римской власти. Важно также отметить, что Сура трактует господство македонян, не проводя различия между державами Александра и последующих эллинистических царей македонского происхождения. Кроме того, он, как римлянин, не мог не упомянуть о покорении Карфагена – эпохальном моменте на пути распространения римской власти. Таким образом, включение Рима в диахронную перспективу сменявшихся друг друга мировых держав происходит как минимум с первой трети II в. до н.э., когда власть римлян утверждается на территориях, принадлежавших македонским царям.

С концепцией смены мировых держав, очевидно, был знаком и Полибий¹⁸, и хотя высказывались сомнения (на мой взгляд, малообоснованные), что она была известна ему в формуле «четыре плюс одна»¹⁹, не приходится сомневаться, что именно он первым из греческих авторов стал писать о созданном римлянами государстве в «экуменических» терминах. Достаточно вспомнить начальные главы его

15 *Swain J. W.* The Theory of the Four Monarchies. P. 3.

16 Т. Моммзен в свое время высказывал предположение, что этот Сура мог быть автором труда по всеобщей истории, жившим во времена Суллы (*Mommsen Th.* *Mamilius Sura, Aemilius Sura, L. Manlius* // *RhM.* 1861. Bd. 16. S. 282–287). Г. Петер в своем комментарии к изданию фрагментов римских историков никак не датировал этот фрагмент (*Historicorum Romanorum Reliquae* / Ed. H. Peter. Lipsiae: Teubneri, 1906. Vol. II. P. CCX). Дж. Свейн датировал появления труда Суры периодом между 189–171 гг. до н.э., после Сирийской войны, когда римляне могли познакомиться с идеями греков, настроенных оппозиционно по отношению к Селевкидам (*Swain J. W.* The Theory of the Four Monarchies). Это мнение в настоящее время является преобладающим в научной литературе. Однако Д. Мендельс высказался в пользу второй половины – конца I в. до н.э., когда концепция пяти мировых держав получает распространение в связи с началом интенсивных отношений Рима с регионами бывших великих монархий Востока (*Mendels D.* The Five Empires: A Note on a Propagandistic Topos // *AJPh.* 1981. Vol. 102. No. 3. P. 330–337). Данный вопрос, таким образом, не нашел однозначного решения в научной литературе. См.: *Alonso-Núñez J. M.* *Aemilius Sura* // *Latomus.* 1989. Vol. 48. P. 110–119.

17 *Swain J. W.* The Theory of the Four Monarchies. P. 2.

18 О взглядах Полибия по данному вопросу см. прежде всего: *Ferrary J.-L.* L'empire de Rome et les hégémonies des cités grecques chez Polybe // *BCH.* 1976. Vol. 100. P. 283–289; *Alonso-Núñez J. M.* Die Abfolge der Weltreiche bei Polybios und Dionysios von Halikarnassos // *Historia.* 1983. Bd. 32. Ht. 4. S. 411–426. По предположению Ф. Уолбэнка, Полибий мог познакомиться с этой теорией в Риме (*Walbank F. W.* Polybius and Rome's Eastern Policy // *JRS.* 1963. Vol. 53. P. 8). Д. Флуссер также допускал, что включение Рима в последовательность мировых держав происходит из римского или проримского источника, который, однако, невозможно установить (*Flusser D.* The Four Empires. P. 153 ff.).

19 *Mendels D.* The Five Empires. P. 333.

«Истории», где он ставит главный вопрос: «каким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал единой власти римлян?» (I. 1. 5: ἐλικραθέντα σχεδὸν ἅπαντα τὰ κατὰ τὴν οἰκουμένην ὑπὸ μίαν ἀρχὴν... τὴν Ῥωμαίων)²⁰. В числе своих задач историк указывает необходимость сопоставить с римским владычеством знаменитейшие державы древности. Проводя это сравнение, Полибий обращает специальное внимание на пространственно-временные параметры:

Так, некогда велики были владения и могущество персов; но всякий раз, когда персы дерзали переступить пределы Азии, они подвергали опасности не только свое владычество, но и самое существование. Лакедемоняне долгое время боролись за главенство над эллинами; но по достижении его удерживали неоспоримо власть за собою едва в течение двенадцати лет. Владычество македонян в Европе обнимало пространство от побережья Адриатики до реки Истра, что составляет весьма небольшую долю этой страны; впоследствии, сокрушив владычество (δυναστείαν) персов, они приобрели и власть над Азией. Как, по-видимому, ни далеко простиралась их власть, и как ни была она обширна, все же македоняне не коснулись большей части известного тогда мира. Ибо они и не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о наиболее воинственных народах западной Европы, собственно говоря, не имели и понятия. Между тем римляне покорили своей власти почти весь известный мир (σχεδὸν δὲ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ὑπέλαον αὐτοῖς), а не какие-либо части его и подняли свое могущество на такую высоту, какая немислима была для предков и не будет превзойдена потомками (I. 2. 2–7. Пер. Ф.Г. Мищенко с отдельными изменениями).

В процитированном отрывке в общем-то присутствуют все важнейшие элементы теории пяти держав, хотя здесь пропущены Ассирия и Мидия, но добавлена Спарта, владычество которой, правда, не достигло уровня мировой державы, а представляло собой лишь кратковременную гегемонию над Элладой. Римляне же установили свою власть как над Элладой и Македонией, так и над Азией и Западом. При этом подчинение всей ойкумены римской власти историк четко датирует разрушением Македонского царства после битвы при Пидне²¹. В отрывке же из XXVIII книги (21. 1–3; ср.: Diod. XXXII. 24; App. *Lib.* 132), в котором излагается знаменитый эпизод с беседой между Сципионом и Полибием, подчеркивается превратность судьбы, жертвой которой пали «Илион, славный некогда город, царства ассирийское, мидийское и еще более могущественное персидское, наконец, так недавно и ярко блиставшее македонское царство... Когда Полибий... прямо спросил Сципиона, как понимать его слова, тот, говорят, не постеснялся сказать откровенно, что боится за отечество при мысли о бренности всего человеческого...» (пер. Ф.Г. Мищенко). Этот отрывок сохранен Аппианом в *Lib.* 132 и, как показали в свое время Ф. Уолбэнк и А. Эстин, скорее всего, ошибочно атрибутирован Полибию²². Но нельзя исключать, что Аппиан, используя оригинальный текст Полибия, добавил в него хорошо ему известный топос о пяти державах²³.

Из греческих авторов времен Империи наиболее развернутые и интересные суждения о месте Рима в череде мировых держав высказываются Дионисием Галикарнасским, тем же Аппианом и Элием Аристидом, каждый из которых добавляет любопытные штрихи в используемый топос сообразно жанровым установкам своих сочинений и конкретно-историческому контексту своего времени²⁴.

20 Ср. I. 2. 7: «...покорили своей власти почти весь известный мир...»; III. 3. 9: «...римляне покорили своей власти почти всю обитаемую землю». Речь, по сути дела, идет об установлении мирового господства римлян – τὰ περὶ τῆς ὅλων ἀρχῆς (I. 3. 7; ср.: III. 1. 4; 3. 9; 118. 9; VIII. 2. 4, а также XV. 10. 2: ἡγεμονίαν καὶ δυναστείαν ἀδήριτον τῆς ἄλλης οἰκουμένης – слова Сципиона перед битвой при Заме). См. подробнее: *Richardson J. S. Polybius' View of the Roman Empire // PBSR. 1979. Vol. 47. P. 1 ff.*

21 III. 1. 9–10; XXIX. 21. См.: *Richardson J. S. Polybius' View of the Roman Empire. P. 2.*

22 *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford, 1979. P. 725; Astin A. E. Scipio Aemilianus. Oxford, 1967. P. 282–287.* Об этом эпизоде см. также: *Caliri E. Il pianto di Scipione Emiliano // "Όρμος. Ricerche di Storia Antica. 2013. Vol. 5. P. 26–43.*

23 *Mendels D. The Five Empires. P. 333. Ср.: Alonso-Núñez J. M. Appian and the World Empires // Athenaeum. 1984. Vol. 62. P. 640–644.*

24 Как показал в свое время Г. Кайбель, в трактовке темы мировых держав Дионисий оказал непосредственное влияние на Аппиана и Аристида (*Kaibel G. Dionysios von Haikarnass und die Sophistik // Hermes. 1885. Bd. 20. Hft. 4. S. 497–513*). В свою очередь, рассуждения Дионисия на данную тему можно рассматривать как переосмысление идей Полибия (*Martin P.-M. De l'universel à l'éternel: la liste des hégémonies dans la préface des A. R. // Pallas. 1993. Vol. 39. P. 193*). Сравнительный анализ взглядов трех историков на теорию мировых держав, учитывающий различия культурно-исторических и идеологических контекстов, в которых писали эти авторы, см.: *Weissenberger M. Das Imperium Romanum in den Proömien dreier griechischer Historiker: Polybios, Dionysios von Halikarnassos und Appian // RhM. 2002. Bd. 145. S. 262–281.*

Все они выступают апологетами Рима и подчеркивают его превосходство над предшествующими державами и в величии власти, и в обширности владений, и в продолжительности существования державы.

Территориальный и хронологический аспекты особенно значимы для Дионисия²⁵, который, в частности, отмечает во вводных главах «Римских древностей» (I. 2. 1–4), что держава ассирийцев, восходящая к мифическим временам, занимала лишь небольшую часть Азии, Мидийское царство, сменившее Ассирию, было низвергнуто на четвертом поколении. Персы же, покорившие мидийцев, овладели почти всей Азией, но подчинили себе лишь немногие европейские народы и господствовали не более двухсот лет²⁶, а Македонское государство, уничтожив державу персов, пережило недолгий расцвет и уже после смерти Александра начало клониться к упадку, хотя и сохраняло после диадохов силу вплоть до второго или третьего поколения, но в итоге было сокрушено римлянами. Однако власть македонян не простиралась ни на Ливию за исключением лишь небольшой области рядом с Египтом, ни на всю Европу, в которой македоняне продвинулись на север только до Фракии, а на запад до Адриатического моря.

Тем более ничтожными выглядят в глазах Дионисия – и по времени, и по территориальному охвату – достижения афинян²⁷, лакедемонян и фиванцев, тогда как, по его словам, «Рим правит надо всей землей, куда только можно пойти и где только обитают люди, и господствует надо всем миром, не только тем, что находится по сю сторону от Геракловых столпов, но и над Океанским простором, куда только можно доплыть, будучи первым и единственным из городов, что с древнейших времен сохранились в памяти, установив границами своей державы место восхода и захода солнца (ἀνατολὰς καὶ δύσεις ὅρους ποταμῶν τῆς δυναστείας)» (I. 3. 1–5. Пер. Н. Г. Майоровой). При этом господство Рима является «не кратковременным, но таким продолжительным, какого не было ни у одного города или царства» (χρόνος τε αὐτῆι τοῦ κράτους οὐ βραχύς, ἀλλ' ὅσος οὐδεμίᾳ τῶν ἄλλων οὔτε πόλεων οὔτε βασιλείων). Восхождение Рима к мировому господству началось тотчас после основания города²⁸, а от покорения Римом всей Италии, побед над карфагенянами²⁹ и подчинения Македонии римское владычество продолжается уже седьмое поколение. «И нет ни одного народа, – добавляет Дионисий (игнорируя Парфию), – который состязался бы с Римом в господстве или пытался бы выйти из-под его длани».

В данном пассаже обращают на себе внимание явные риторические преувеличения, в том числе использование характерного топоса о местах восхода и заката солнца как границах державы, подчеркивающего пространственную беспредельность Римской державы. Важно также указание точных хронологических параметров и этапов установления римского господства. При этом, однако, длительность римского господства скорее обозначена как неизбежная историческая перспектива, нежели констатируется как свершившийся факт.

Стоит также отметить, что Дионисий Галикарнасский, стремясь доказать эллинское происхождение римлян, в установлении римского господства над ойкуменой усматривает природную закономерность. По его словам, «...есть закон природы, общий для всех, который не подвластен времени, дабы сильнейшие властвовали над более слабыми», и поэтому подданным Рима не нужно «винить судьбу, которая подарила достойному этому городу столь великую мощь и на столь долгое время» (*Ant. Rom.* I. 5.

25 О концепции пяти держав у Дионисия в целом см.: *Alonso-Núñez J. M. Die Abfolge der Weltreiche. S. 414 ff.*; *Martin P.-M. De l'universel à l'éternel. P. 193–214.*

26 Т.е. до битвы при Гавгамелах в 331 г. до н.э. или до сожжения Персеполя в 330 г. до н.э. (*Alonso-Núñez J. M. Die Abfolge der Weltreiche. S. 414.*)

27 Афинская талассократия продолжалась всего 68 лет (*Ant. Rom.* I. 3. 2).

28 Здесь Дионисий называет приводит точную дату своей работы над историческим трудом: консульство Клавдия Нерона (во второй раз) и Пизона Кальпурния, сто семьдесят третья Олимпиада или семьсот сорок пять от основания Рима. Примечательно, что Анней Флор, подчеркивая насыщенность римской истории великими деяниями, соотносит исторический «возраст» римского народа с мировым характером его господства (I. 1. 1–2: «Римский народ за семьсот лет от царя Ромула до Цезаря Августа совершил столько деяний в мирных условиях и на войне, что при сопоставлении величия империи с годами его возраст представляется большим. Он так широко распространил свое оружие по миру, что те, кто прочтут о его делах, познакомятся не с одним народом, а с деяниями всего рода человеческого»). Пер. А. Немировского, М. Дашковой).

29 Для Флора победа над Карфагеном также представлялась решающим шагом к мировому господству: *praemiumque victoriae Africa fuit et secutus Africam statim terrarum orbis* (I. 22. 61).

1–2). Вместе с тем история Рима превращается у Дионисия в главу истории Греции: римская гегемония есть средство для эллинизации ойкумены³⁰.

Кстати сказать, аналогичный взгляд на процесс формирования и характер римского государства высказывает Плутарх в трактате «Об удаче римлян», где он уподобляет возникновение римской державы закономерному космическому процессу и подчеркивает ее всемирный (вселенский) характер и благотворность для обеспечения мира:

Физики, как известно, считают, что космос не был искони таков, каков он есть, и думают, что тела не стремились соединяться и смешиваться для того, чтобы из них по природе возникла общая форма. Будучи малыми по величине, они блуждали повсюду, скрываясь и убегая от остановок и слияний. Затем, став больше, они начали вступать в страшные схватки друг с другом, отчего возникали смятение, волнения и сотрясения. Всё было наполнено беспорядком, шаткостью и обломками до тех пор, пока земля не приобрела своей величины от соединившихся вместе блуждающих тел и не заняла своего положения, а прочим телам не предоставила места в себе или около себя. Подобно этому огромные державы и царства среди людей по воле случая рушились и сталкивались друг с другом, поскольку никто один не властвовал над всеми, но каждый к этому стремился. Царили невыразимый беспорядок, волнения и разнообразные перемены повсюду, пока Рим не приобрел силы и величия и не присоединил к себе не только ближайшие племена и народы, но и далекие владения правивших за морем царей, не занял места, более всего огражденного от опасностей, и не распространил на круг земель свое владычество и царство мира (εἰς κόσμον εἰρήνης καὶ ἕνα κύκλον τῆς ἡγεμονίας ἄτταιστον περιφερομένης) (Plut. De fortuna Rom. 317 A–C. Пер. Э. Г. Юнца, Г.П. Чистякова).

Насыщенную пространственную топику в Предисловии к своей «Римской истории» использует и Аппиан³¹, который по сравнению с другими авторами, пожалуй, наиболее детален в характеристике имперского пространства и периодизации римского господства, хотя и далеко не всегда тщателен в своих хронологических выкладках (*Rom. Proem.* 8–10). По его мнению, Римская держава не имеет равных ни по размерам, ни по длительности существования: в этом отношении с ней не могут сравниться, ни эллины, ни македоняне, ни державы Азии. Эллинское могущество нигде не выходило прочно за пределы Греции; Филипп II владел лишь Элладой и прилегающими областями; при Александре Македонское царство «стало выдающимся по величине и обширности... и едва не дошло до безграничного и неподражаемого, но по кратковременности своего могущества уподобилось блестящей вспышке молнии...» Что касается Ассирии, Мидии и Персии, «этих трех величайших империй» (τριῶν τῶνδε μεγίστων ἡγεμονῶν), то, по утверждению Аппиана, если сложить длительность их господства, «не хватило бы времени до тех девяти сот лет, сколько до настоящего времени продолжается власть римлян³², а если взять размеры владений этих государств и сопоставить их с величиной владений римлян... они не составят даже половины их...» Из 900 лет, которые существует государство римлян, Аппиан 500 лет отводит на подчинение Римом Италии и еще 200 на покорение большинства народов³³ (τὰ πλεῖστα τῶν ἔθνῶν). В течение этих семисот лет, перенося беды и подвергаясь опасности, римляне постепенно «подняли свою власть до теперешнего могущества и приобрели счастье благодаря благоразумию»³⁴.

30 *Martin P.-M.* L'œcuménisme romaine dans la vision de Rome par l'historien Denys d'Halicarnasse // L'ecumenismo politico nella coscienza dell'occidente / Ed. L. Aigner Foresti et al. Roma, 1998. P. 306. См. также: *Delcourt A.* Denys d'Halicarnasse, historien de la Grèce? Réflexions sur l'horizon grec des Antiquités Romaines // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 2003. T. 81, fasc. 1. P. 117–135.

31 Об идее мировых держав у Аппиана в целом см.: *Alonso-Núñez J. M.* Appian and the World Empires. P. 640–644.

32 Таким образом, в отличие от других античных историков, Аппиан легендарного основателя Ассирийской державы Нина относит примерно к XII в. до н.э., а не к XXII в. до н.э.

33 Однако еще во времена Цицерона можно встретить более категорические оценки масштабов римского господства, как, например, в «Риторике к Гереннию» (IV. 13), в которой говорится о Риме как мировой державе, власти которой покорствуют все цари, племена и народы: *illud imperium orbis terrarum, cui imperio omnes gentes, reges, nationes... consenserunt.*

34 Как можно видеть, в этих своих рассуждениях Аппианом используется и другой характерный топос – моральное превосходство создателей Римской державы, которая, как и вообще европейские народы, стоит благодаря доблести неизмеримо выше варваров, отличающихся изнеженностью и трусостью (*Rom. Proem.* 9). Ср. ниже *Proem.* 11: «Держава же римлян величиной и счастьем выделилась из всех благодаря благоразумию и умению учитывать обстоятельства времени, в приобретении этого могущества они превосходили всех своей доблестью, выдержкой и упорством, не увлекаясь при счастливых обстоятельствах, пока твердо не укрепляли своей власти, и не падая духом при несчастьях...» Данный топос в прямой взаимосвязи с беспредельностью – и пространственной, и временной – Римской державы сохранился на протяжении веков. Его яркую формулировку мы находим у позднеримского поэта Клавдия Клавдиана:

Последующий же 200-летний период от прихода к власти Августа до своих дней Аппиан характеризует как фактическую монархию при сохранении внешней формы республики и, соответственно, как наивысшего процветания и безопасности Римской державы, в состав которой были включены и новые народы. Однако императоры, владея лучшей частью земли и моря (τὰ κράτιστα γῆς καὶ θαλάσσης), предпочитали сохранять уже приобретенное, а не распространять «свою власть до бесконечности на варварские бедные народы, которые не могли бы принести им никакой выгоды», хотя некоторые из них сами отдавались в подданство римлянам (*Rom. Proem. 6–7*). Таким образом, для Аппиана, выражавшего умонастроения и политическую ситуацию времен Адриана и Антонина Пия, подлинное мировое господство Рима фактически начинается только с установлением стабильной монархии³⁵.

Характеризуя принадлежащие римлянам территории, Аппиан (*Rom. Proem. 1–5*) рисует подробную этногеографическую карту Империи по принципу кругового объезда, от земель бриттов до восточных эфиопов и маврусиев, Аравии, Эвксинского Понта и т.д. до кельтов, перечисляет знаковые географические объекты, которыми определяются границы римских владений: Евфрат, гора Кавказ, Рейн и Дунай, а также главные острова Средиземноморья, и подчеркивает, что римляне владеют даже теми народами и землями, которые не очень для них выгодны (οὐ γὰρ εὐφορὸς αὐτοῖς ἐστὶν) или вовсе обременительны (ἐπιζημίους ὄντας), как Британия (*Rom. Proem. 7*). В итоге он, как и Дионисий, констатирует, что границей римским владениям «служит океан и на восходе и на закате солнца» (*Rom. Proem. 9*). Показательно, однако, что Аппиан не употребляет в отношении римских владений понятие «ойкумена» и полностью игнорирует наличие на восточных рубежах Империи такого мощного соперника, как Парфянское царство.

Подобно Дионисию Галикарнасскому, с эллиоцентрической точки зрения Римскую империю рассматривает и Элий Аристид³⁶, который в «Панафинейской речи» (*Or. XIII. 234 Keil*) констатирует, что в истории известны пять держав – от Ассирии, ко временам которой относятся сказания о богах, до Рима, при власти которого Афины занимают почетное место в эллинском мире и не нуждаются в возвращении прежних славных времен. В своем «Панегирике Риму» (*Or. XXVI Keil*), главная цель которого – объяснить римское господство над эллинами³⁷, он формулирует настоящий «манифест» благотворного империализма, причем в контексте прямого сопоставления Римской державы с предшествующими, а именно: с царствами персов (15–23), Александра Великого (24–26) и македонян (27), а также греческими полисами-гегемонами (40–57). Примечательно, что при этом сравнении Рима с прежними великими державами он прибегает к довольно-таки едкой иронии, призванной подчеркнуть неоспоримое превосходство римской державы. В первую очередь достается персам, чьи правители, по словам оратора, были кочевниками и скитальцами, «которые из-за своего недоверия и страха оставаться на одном месте действительно топтали свою страну, как сырую кожу³⁸» (18). Однако и Александр Великий, и его преемники характеризуются отнюдь не лестно в сравнении с римлянами. Македонский царь сравнивается с обычным человеком, который приобрел большой и хороший надел земли, но умер,

...и грани не будет

Остановить римское державство. Ведь царства другие
Роскошь пороками в прах испровергла и спесь – неприязню.
Так безрассудно-надменны сломил спартанец Афины
И восприял погибель от Фив; так мидянин восхитил
У ассирийца и перс у мидянина отнял кормило;
Перса сверг македонянин, сам уступить обреченный
Римлянам
(*De Consulatu Stilichonis. III. 159–166. Пер. П. Л. Шмараква*).

35 *Weißberger M. Das Imperium Romanum. S. 274.*

36 Из многочисленных работ, посвященных этому сочинению Аристида, см., например, как наиболее важные для нашей темы: *Vannier M. F. Alius Aristide et la domination romaine d'après le discours "À Rome" // DHA. 1976. Vol. 2. P. 497–506; Cortés Copete J. M. A Roma de Elio Aristides, una historia grega para el impero // Costruzione e uso del passato storico nella cultura antica. Atti del convegno internazionale di studi, Firenze 18–20 settembre 2003 / A cura di P. Desideri et al. Alessandria, 2007. P. 411–433 (особенно p. 418–425); Fontanella F. The Encomium on Rome as a Response to Polybius' Doubts About the Roman Empire // *Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods* / Ed. W. V. Harris, B. Holmes. Leiden, 2008. P. 203–216; Pernot L. *Aelius Aristides and Rome // Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods. P. 175–202.**

37 *Oliver J. H. The Ruling Power. A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides. Philadelphia, 1953. P. 879.*

38 Здесь и далее цитируется перевод С.И. Межеричкой с отдельными уточнениями.

прежде чем собрал с него плоды (24–26); его же наследники были больше похожи на изгнанников, чем на властителей, и казались царями, лишенными отечества, а их правление больше походило на разбой, чем на царскую власть (27). В невыгодном свете представлены у Аристиды и гегемонистские притязания афинян и лакедемонян: всего их могущества и притязаний хватило лишь на то, чтобы взамен целого тела (ойкумены. – *А. М.*) приобрести обрезки ногтей и обрывки одежд.

Говоря же о Риме, Аристид подчеркивает, что этот город границами и землями своими имеет весь населенный мир и приемлет людей всей земли, ибо «нет ничего, что осталось бы за ее пределами, – ни города, ни народа, ни озера, ни урочища, кроме разве тех, которые вы считаете непригодными для жизни» (28). Как и другие античные авторы³⁹, он указывает, что «владения Рима равны солнечному пути, и солнце проходит свой путь над вашей землей», а правлению римлян не поставлены границы, и никто другой не объявляет им, до каких пределов должна простираться их власть (10).

Для Аристиды Рим «границами и землями своими имеет весь населенный мир и как будто предназначен быть общею столицей этого мира» (61). Здесь оратор выражает представление о Риме как *caput mundi*, *caput orbis terrarum* (Liv. I. 16. 7; Iust. LXIII. 1. 2; *Cod. Iust.* I. 17. 10), сформировавшееся еще в позднеереспубликанское время⁴⁰ и широко распространенное в имперской идеологии. Характерно, что, в отличие от всех прочих держав, Римская, по сути дела, отождествляется с одним городом и уподобляется ему, будучи неразрывно связанной с самим городом Римом и вехами его истории, начиная с Троянских легенд и Ромула.

В качестве значимых политико- и культурно-географических маркеров Римской державы Аристид, как и Аппиан, называет море, которое, «словно некий земной пояс, простерлось посреди населенного мира и, одновременно, всех ваших владений» (11), и Океан, который римляне «исследовали так зорко, что ни один его остров от вас не ускользнул» (28), а также систему приграничных укреплений и городов (80–81)⁴¹. Особенно важно, что именно городской строй жизни Аристид выделяет как характерную черту имперского пространства, подвластного Риму⁴²: «... все те, кто правили на земле до вас, правили отдельными народами, а не городами» (92). И ниже: «Так что прежние правители уступают вам не только в самой сущности власти, но и в том, какими были народы у них и какими они стали при вас. А не были они ни такими же, ни даже похожими на сегодняшние: раньше это были народы, теперь – города, впору сказать, что те правители царствовали над пустынею с крепостями над ней, вы же одни управляете городским миром (ὅμας δὲ πόλεων ἄρχοντας μόνους)» (93). При этом римляне правят всем миром как одним полисом: ὅσπερ ἐν μιᾷ πόλει πάσῃ τῇ οἰκουμένην πολιτεύμενοι (36), и сам Рим предстает как универсальный полис⁴³, как «единое отечество для всего мира» – *una cunctarum in toto orbe patria* (Plin. *NH.* III. 5. 39)⁴⁴.

Такая обширная и упорядоченная держава своим существованием и достижениями обязана превосходству государственного строя Рима (91), который Аристид подробно и апологетически характеризует в речи и именуется «совершенной» (πάσῃ) и «вселенской» демократией (κοινὴ τῆς γῆς δημοκρατία)

39 В дополнение приведенным оценкам Дионисия и Аппиана ср. характерный пассаж Филона Александрийского: «... власть – и не только над большей и лучшей частью мира (она по праву и зовется “миром”), границы коей идут по Рейну и Евфрату, и струи Рейна отделяют нас от германцев и прочих племен, весьма звероподобных, Евфрат же – от парфян, сарматов, скифов, кои ничуть не менее дики, – в удел ему досталась власть, границы коей проходят там, где солнце восходит, и там, где спать оно ложится, в глубинах океана и в небесных высях?» (Philo. *Leg. ad Gaium.* 2). Пер. О.Л. Левинской. Ср. также: Rut. *Nam. De reditu suo.* I. 57–58:

Встав из твоих же земель, в твои же опустится земли
Сам всеобъемлющий Феб, мчась по тебе лишь одной...
(пер. О.В. Смыки).

40 *Royo M. Domicilium Orbis Terrarum ou comment Rome devient capitale // Pallas.* 2014. No. 96. P. 53–74.

41 При этом оратор указывает и традиционные ориентиры римского имперского пространства, обозначая его пределы по сторонам света: «Ваше войско, как ров, кольцом окружает населенный мир. Так что окружность этого круга, если ее измерить, составит не десять парасангов, и не двадцать, а столько, сколько даже не назовешь сразу – сколько от населенной Эфиопии до Фасиса и сколько от верховий Евфрата на запад до крайнего большого острова» (82).

42 Ср. с оценкой, которую дает ритор IV в. Либаний Римской империи, подчеркивая ее отличие от македонской власти: «союз полисов, связанный золотой цепью императорской власти» (τῇ δὲ Ῥωμαίων οἶον σείρα̃ χρυσῆ τὰ πάντα ἐζώνου) (*Or.* XI. 129).

43 *Cortés Copete J. M. A Roma de Elio Aristides.* P. 431.

44 Аналогичный взгляд на Римскую державу как подобие единого полиса представлен и у Диона Кассия (XXXVIII. 36. 2; XLI. 56. 1; LII. 19. 6; LXXIV. 11. 3; LXXVIII. 26. 1).

под властью единого наилучшего правителя (38; 60)⁴⁵. Именно благодаря ей Рим выполняет свою цивилизаторскую миссию, которая, по мысли оратора, есть прямое продолжение и развитие процесса, начатого Афинами⁴⁶:

Вы [римляне] исполнили на деле слова Гомера о том, что “общее всем остается земля”. Ибо вы измерили пространство всего населенного мира, перекинули мосты через реки, прорубили конные дороги в горах, наполнили пустыни пристанищами, укротили природу порядком и размеренной жизнью. И я думаю, что жизнь, которая существовала до вас была такой, какой, по сказкам, была до Триптолема, – суровой и грубой, почти как у нынешних горцев. Сегодняшняя упорядоченная жизнь началась с Афин и утвердилась в наше время: вы пришли вторыми, но оказались лучшими (101).

Некоторые тезисы Аристида явным образом перекликаются с чеканными формулировками римских поэтов, например, со знаменитыми словами Юпитера в «Энеиде» Вергилия: «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока, дам им вечную власть» (*His ego nec metas rerum nec tempora pono: imperium sine fine dedi* [*Aen.* I. 278–279]. Пер. С. Ошерова). Созвучна мысль Аристида и со словами Овидия (*Fast.* II. 683–684), который подчеркивал:

Земли народов других ограничены твердым пределом;
Риму предельная грань та же, что миру дана
(*Gentibus est aliis tellus data limite certo:
Romanae spatium est Urbis et Orbis idem*)
(пер. Ф.А. Петровского).

Не менее красноречиво выражается и позднеримский поэт Рутилий Намациан: «То, что было – весь мир, городом стало одним» (*urbem fecisti quod prius orbis erat* [*De reditu suo.* I. 66]). При этом Рутилий в свое прославление Рима включает сравнение его с другими великими державами, используя ту же пространственную, моральную и темпоральную топику, которая присутствует и у более ранних авторов:

Разве такое могли сплотить мечи ассириян?
Даже мидийская власть дальше соседей не шла.
В царском доме парфян и среди македонских тиранов
Каждый имел свой черед ставить законы другим.
Было немного людей и сил у тебя при рождении,
Мудрость, однако, в тебе и справедливость была.
Правые войны ведя и мир принося ненадменно,
К высшей мощи пришла знатная слава твоя.
<...>
Тысяча сто шестьдесят тебе уже лет миновало,
И в добавление к ним год уж девятый идет, –
Но до конца твоего никакие не меряны сроки...
Ты укрепляешься тем, чем рушатся прочие царства:
Путь возрождений твоих – в том, чтобы крепнуть от бед.
(*De reditu suo.* I. 77–84; 135–140; пер. О.В. Смыки)

Интересные преломления теории пяти великих держав в интересующих нас аспектах обнаруживаются в сочинениях христианских авторов, прежде всего Аврелия Августина и его ученика Павла Орозия⁴⁷. Но эта тема заслуживает специального рассмотрения, которое невозможно в рамках данной статьи.

Подводя же общие итоги вышеизложенного, выделим следующие моменты.

45 См.: Марков К. В. Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен Второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал? // ВДИ. 2013. № 3. С. 52–74.

46 Это первенство, надо сказать, признавалось и римлянами. Ср. известное высказывание Цицерона о культурно-исторической роли Афин: *unde humanitas doctrinae religio fruges iura leges ortae, atque in omnes terras distributae putabantur* (*Flac.* 62).

47 См., например: *Van Nuffelen P. Orosius and the Rhetoric of History.* Oxford, 2012.

Начиная как минимум со II в. до н.э., Римская держава греческими и римскими авторами включается в качестве пятого элемента в теорию великих держав древности. С точки зрения темпорально-исторической, империя римлян предстает и как восприемница монархий прошлого, и как их устремленное в вечность продолжение. Исторический путь Рима к мировому владычеству начинается с самого основания города и отмечен рядом этапов, последним из которых является установленное Августом монархическое по сути правление, при котором Римская держава приобретает действительно «экуменический» характер, охватывая весь обитаемый, точнее сказать, весь цивилизованный, с точки зрения греков и римлян, мир, противопоставляемый маргинальному миру варварства. Это мир, который связан Средиземным морем, но потенциально ограничен только Океаном и непригодными для жизни территориями. Как таковой, он представляет собой городской мир, центром и истоком которого служит не царская династия, но сам город Рима как *caput mundi*, мыслимый как идеальный «вселенский» полис, продолжающий и поощряющий эллинские традиции, средоточием которых, однако, по-прежнему остаются греческие города, прежде всего Афины. Пространство этого мира, каким оно рисуется в сочинениях античных авторов, является идеологической конструкцией, которая подчас сильно расходится с политико-географической реальностью (греческие и римские авторы, за исключением Помпея Трога, игнорируют наличие мощной Парфянской державы как соперницы Римской империи на Востоке). Но римский империализм в такой конструкции получает свое всемирно-историческое обоснование и оправдание.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

А.В. Подосинов

ГДЕ ЖИЛИ ГИПЕРБОРЕИ ГЕРОДОТА – «У МОРЯ» ИЛИ «ЗА МОРЕМ»?¹

Мифический народ гипербореев² обычно локализуется античными авторами в Восточной Европе поблизости от Северного океана, на его побережье за Рипейскими горами. Так, например, описывает их расположение Дамаст – современник Геродота: «Выше (ἄνω) скифов живут исседоны, еще выше (ἄνωτέρω) этих – аримаспы, а выше (ἄνω) аримаспов – Рипейские горы, с которых дует Борей, а снег никогда не сходит; а выше (ὑπέρ) гор гипербореи обитают до другого моря (ὑπὲρ δὲ τὰ ὄρη ταῦτα Ὑπερβορέους καθήκειν εἰς τὴν ἑτέραν θάλασσαν)»³. Примерно так же они размещаются у Геродота (IV. 13), Мелы (I. 12; III. 36) и Плиния (NH. IV. 89–90; VI. 34).

Гекатей Абдерский, греческий автор второй половины IV – первой половины III в. до н.э., в своем романе «О гипербореях»⁴ локализует гипербореев иначе; в пересказе Диодора Сицилийского это звучит так: «Из тех, кто излагает древние предания, Гекатей и некоторые другие говорят, что в местах напротив Кельтики в океане находится остров не меньше Сицилии; он лежит на севере, населен гипербореями, названными так потому, что [они] находятся дальше борейского ветра; говорят, что [остров] обладает хорошей почвой и плодороден. А еще его отличает умеренный климат, приносящий двойной урожай»⁵ (Diod. II. 47. 1–7).

Помещение гипербореев у Гекатея Абдерского не на берегу Северного океана за Рипейскими горами, а в океане на острове, – довольно редкий, возможно, единичный случай во всей античной литературе. По-видимому, у Гекатея герой-путешественник, плывя изначально по морю (от устья Каспия вдоль Северной Европы), а не идя по суше, как у всех остальных авторов, должен был наткнуться именно

- 1 Статья написана в рамках проектов, поддержанных РГНФ (14-01-00252) и РНФ (14-18-02121). Работа частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. №02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).
- 2 Легенда о гипербореях излагается в различных вариантах у многих античных авторов; о значении гиперборейского топоса для античной географической литературы см. подробнее: *Daebritz H.* Hyperboreer // RE. Hbd. 17. 1914. Sp. 258–279; *Harmatta J.* Sur l'origine du mythe des Hyperboréens // АААН. 1955/1956. Т. 3. Р. 57–66; *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 402–423; *Dion R.* Aspects politiques de la géographie antique. P., 1977. P. 260–270; *Доватур А.И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 264–269; *Romm J.* Herodotus and Mythic Geography: The Case of Hyperboreans // ТАРА. Vol. 119. 1989. P. 97–113; *Kyriazopoulos A.* The Land of the Hyperboreans in Greek Religious Thinking // Parnassos. 1993. Т. 35. P. 395–398; *Mason R. A.* The Ancient Sources on the History, Geography and Ethnography of Ukraine. Latin Authors. Part One: Authors of the Republic and Early Principate to the Death of Domitian. Vancouver, 2008. P. 455–457. Первое подробное изложение легенды о гипербореях сохранилось у Геродота (IV. 32–35), хотя отдельные упоминания о ней встречаются и у более ранних писателей.
- 3 FGrHist. 5. F. 1 = Steph. Byz. s. v. Ὑπερβόρειοι.
- 4 См. публикацию фрагментов романа с переводом и комментарием: *Подосинов А.В.* Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2012. С. 146–185.
- 5 Τῶν γὰρ τὰς παλαιὰς μυθολογίας ἀναγεγραφότων Ἐκαταῖος καὶ τινες ἕτεροὶ φασιν ἐν τοῖς ἀντιπέρας τῆς Κελτικῆς τόποις κατὰ τὸν ὠκεανὸν εἶναι νῆσον οὐκ ἐλάττω τῆς Σικελίας. ταύτην ὑπάρχειν μὲν κατὰ τὰς ἄρκτους, κατοικεῖσθαι δὲ ὑπὸ τῶν ὀνομαζομένων Ὑπερβορέων ἀπὸ τοῦ πορρωτέρω κείσθαι τῆς βορείου πνοῆς· οὐσαν δ' αὐτὴν εὐγείον τε καὶ ἀμφορον, ἔτι δ' εὐκрасία διαφέρουσαν, διττοὺς κατ' ἔτος ἐκφέρειν καρπούς.

на остров. Более того, сам жанр романического или утопического путешествия (обычно плавания) в неизвестную фантастическую страну предполагал помещение ее именно на острове в океане⁶; см. обязательно островную локализацию таких стран у Платона (Атлантида в Атлантическом океане), Феопомпа (Меропида в Западном или Северном океане), Эвгемера (Панхея в Восточном океане), Ямбула (Острова Блаженных в Южном океане), Лукиана (фантастические острова в Западном океане), Антония Диогена (Туле в Северном океане) и др.⁷

Издатель фрагментов Гекатея Абдерского Ф. Якоби в качестве поддержки островной локализации гипербореев у Гекатея приводит одно место у Геродота (IV. 13): «Аристей, сын Каистробия, муж [родом] из Проконнеса, сказал в своих стихах, что, одержимый Фебом, он дошел до исседонов, а что выше исседонов живут одноглазые мужи – аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих – гипербореи, достигающие моря (κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν)»⁸. Последние два слова Якоби трактует как указание на локализацию гипербореев «за океаном»: “jenseits des erdumfliessenden ozeans... und ausserhalb der eigentlichen οἰκουμένη”⁹. Насколько оправданно такое прочтение выражения κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν?

На мой взгляд, контекст геродотовой фразы предполагает расположение гипербореев не «в океане» и не «позади океана», а «перед океаном, у океана».

Выражение κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν не может быть понято как «живущие за морем (*jenseits des ozeans*)» уже из лингвистических соображений. В словаре Лидделла и Скотта к слову κατήκω (ионийская форма от καθήκω) дается следующее пространственное значение: “come down to, reach to”. При этом приводятся ссылки на Геродота (наше место не указано!) и Фукидида. Рассмотрим эти места подробнее¹⁰.

Hdt. VII. 22: Ὁ γὰρ Ἄθως ἐστὶ ὄρος μέγα τε καὶ ὀνομαστόν, ἐς θάλασσαν κατήκον, οἰκημένον ὑπὸ ἀνθρώπων; «Афон – высокая и замечательная гора, спускающаяся к морю, на ней обитают люди».

Hdt. VII. 130: Οἱ δὲ κατηγεόμενοι, εἰρομένου Ξέρξεω εἰ ἔστι ἄλλη ἐξοδος ἐς θάλασσαν τῷ Πηνεῖῳ, ἐξεπιστάμενοι ἀτρεκέως εἶπον· “Βασιλεῦ, ποταμῷ τούτῳ οὐκ ἔστι ἄλλη ἐξήλυσις ἐς θάλασσαν κατήκουσα, ἀλλ’ ἦδε αὐτῆ· ὄρεσι γὰρ περιεστεφάνωται πᾶσα Θεσσαλίη”; «А проводники на вопрос Ксеркса, есть ли у Пенея второе устье для выхода в море, зная точно местность, ответили так: “У этой реки, царь, нет другого выхода в море, кроме этого. Ведь горы, как венцом, окружают всю Фессалию”».

Hdt. II. 32: Τῆς γὰρ Λιβύης τὰ μὲν κατὰ τὴν βορρῆν θάλασσαν ἀπ’ Αἰγύπτου ἀρξάμενοι μέχρι Σολόεντος ἄκρης, ἢ τελευτᾷ τῆς Λιβύης, παρήκουσι παρὰ πᾶσαν Λίβυες καὶ Λιβύων ἔθνεα πολλὰ, πλὴν ὅσον Ἕλληνας καὶ Φοίνικες ἔχουσι· τὰ δὲ ὑπὲρ θαλάσσης τε καὶ τῶν ἐπὶ θάλασσαν κατηκόντων ἀνθρώπων, [τὰ κατ’ ὑπερθε] θηριώδης ἐστὶ ἡ Λιβύη; «На ливийском побережье Северного моря от Египта до мыса Солоента всюду живут ливийцы, а именно многочисленные ливийские племена (кроме мест, занятых эллинами и финикийцами). [Внутренняя же часть] Ливии над морем, за населенной прибрежной областью к югу от этих племен, полна диких зверей».

6 Основоположником этой традиции можно считать Гомера, у которого Одиссей в фантастической части своих странствий посещает почти исключительно острова (остров циклопов, остров Эола, остров лестригонов, остров Кирки, остров сирен, остров Тринакию, остров Калипсо, остров феаков); о маршруте мифических плаваний Одиссея см.: Подосинов А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015.

7 О значении островов в мифической, утопической и романической литературе античности см.: Gabba E. L’insularità nella riflessione antica // Geografia storica della Grecia antica. Tradizioni e problemi / Ed. Fr. Prontera. Roma; Bari, 1991. P. 106–109; Villate S. L’insularité dans la pensée grecque (Annales littéraires de l’Université de Besançon 446). P., 1991; Prontera Fr. Insel // RAC. T. XVIII. 1998. S. 312–328; Ampolo C. Isole di storia, storie di isole // Immagine e immagini della Sicilia e di alter isole del Mediterraneo antico. Vol. I / A cura di C. Ampolo. Pisa, 2009. P. 3–11; Ceccarelli P. Isole e terraferma. La percezione della terra abitata in Grecia arcaica e classica // Immagine e immagini della Sicilia e di alter isole del Mediterraneo antico. Vol. I / A cura di C. Ampolo. Pisa, 2009. P. 31–50. См. также: Подосинов А.В. География и географические знания в античном романе (некоторые наблюдения) // Вторые и третьи Аверинцевские чтения. К 75-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева / Под ред. О.В. Раевской. М., 2013. С. 200–222.

8 Перевод в издании: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны. С. 105.

9 См.: FGHist III A Kommentar. Leiden, 1943. S. 54–55.

10 Русский перевод Геродота приводится по Г.А. Стратановскому, Фукидида – по Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелеву; курсив везде мой.

Hdt. V. 49: Τούτοισι δὲ πρόσουροι Κίλικες, κατήκοντες ἐπὶ θάλασσαν τήνδε, ἐν τῇ ἦδε Κύπρος νῆσος κεῖται; «Их (т.е. сирийцев) соседи – киликийцы, земля которых вот здесь *doxodit do* [Средиземного] моря, где лежит, как ты видишь, остров Кипр».

Thuc. II. 27: ἡ δὲ Θυρεαῖτις γῆ μεθорία τῆς Ἀργείας καὶ Λακωνικῆς ἐστίν, ἐπὶ θάλασσαν καθήκουσα; «Фирейская область лежит на границе Аргolidы и Лаконикi и *простирается до моря*».

Thuc. III. 96: ἐπειδὴ τε ὁ στρατὸς ἐσεβεβλήκει, πολλῆ χειρὶ ἐπεβοήθουν πάντες, ὥστε καὶ οἱ ἔσχατοι Ὀφιονέων οἱ πρὸς τὸν Μηλιακὸν κόλπον καθήκοντες Βωμιῆς καὶ Καλλιῆς ἐβοήθησαν; «...Когда афинское войско вторглось в Этолию, все жители с огромными силами выступили против него, так что пришли на помощь даже самые крайние из офиюн, бомиане и каллияне, *простирающиеся до Малийского залива*».

Итак, все тексты показывают, что глагол κατήκω (καθήκω) всегда сочетается в них с существительным «море» (θάλασσα; также κόλπος – «залив», как часть моря) и означает *протяженность до моря*¹¹. При этом, как мы видели, возможен не только предлог ἐς (εἰς), но и ἐπὶ (у Геродота – оба предлога) и πρὸς (у Фукидида – оба последних предлога), означающие движение к цели.

Основу глагола καθήκω составляет глагол ἦκω – «приходить, прибывать, являться, достигать», имеющий значение, вполне соответствующее значению производного от него καθήκω. Приставка κατα-, означающая при глаголах движения направление вниз, объясняет, почему протяженность фиксируется только в сторону моря, а не, скажем, от морского побережья в сторону гористого *Hinterland*'а. Как показывает анализ греческих глаголов, существительных, прилагательных и наречий, имеющих приставку ἀνα- и ката-, все они предполагают в географическом плане движение (или местонахождение) от побережья в глубь материка (ἀνα-) или, наоборот, к побережью (ката-)¹². Достаточно вспомнить знаменитые ἀνάβασις и κατάβασις Ксенофонта, которые означали именно такое продвижение практически от Эгейского моря вглубь Малой Азии вплоть до Вавилона и оттуда к морю (на этот раз Черному)¹³.

Анализ переводов на современные языки подтверждает наше понимание текста Геродота о гиперборейцах. Так, Г.А. Стратановский переводит это место следующим образом: «гиперборейцы (обитают) на границе с морем»¹⁴, Й. Файкс – “die Hyperboreer, die bis zum Nordmeer reichen”¹⁵, В. Марг – “die Hyperboreer, die reichten bis ans Meer”¹⁶, Э. Рихтштайг – “Hyperboreer aber erstreckten sich bis zum nördlichen Meere”¹⁷, Ф. Легран – “les Hyperboréens, qui s'étendent jusqu'à une mer”¹⁸, Р. Уотерфилд – “Hyperboreans, all the way to the sea”¹⁹, А. Фраскетти – “gli Iperborei, che si estendono fino a un mare”²⁰. В итальянском издании комментарии составлял Альдо Корчелла, который также придерживается «материковой» локализации гипербореев²¹, повторив эту интерпретацию в одном из недавних комментариев к Геродоту²².

11 Естественно, что такие же тексты можно найти и у других греческих авторов, например, у Ксенофонта или Плутарха. Иногда вместо моря, до которого что-то простирается, может выступать «река» (πόταμος), см., например, Xen. *Anab.* IV. 3. 11: ἐν πέτραις καθηκούσαις ἐπ' αὐτὸν τὸν ποταμόν.

12 Подробнее см.: *Подосинов А.В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М., 1978. С. 22–45; *Podossinov A. V.* Oben und unten. Begriffe der Raumorientierung in antiken Texten // *Vermessung der Oikumene – Mapping the Oecumene* / Hrsg. von K. Geus und M. Rathmann. B., 2012. S. 5–23.

13 См., например: Xen. *Anab.* I. 2. 1: πορεύεσθαι ἄνω – о походе Кира на Вавилон; V. 5. 4: Πλήθος τῆς καταβάσεως τῆς ὁδοῦ ἀπὸ τῆς ἐν Βαβυλῶνι μάχης ἄχρι εἰς Κοτύωρα σταθμοὶ ἑκατὸν εἴκοσι δύο («Длина пути отступления от места битвы под Вавилоном до Котиор составляет сто двадцать два перехода»); см. наглядный случай употребления наречия ἄνω в VII. 3. 16: Μήδοκος μὲν ἄνω εἶη δώδεκα ἡμερῶν ἀπὸ θαλάττης ὁδόν («Медок находится в глубине страны на расстоянии 12 дней пути от моря»); перевод М. И. Максимовой.

14 *Herodot.* История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972. С. 190.

15 *Herodot.* Historien / Übersetzt von J. Feix. Bd. 1. München, 1980. S. 513.

16 *Herodot.* Geschichten und Geschichte. Buch 1–4 / Übersetzt von W. Marg. Zürich; München, 1973. S. 317.

17 *Herodotos.* Vorschungen. Viertes und fünftes Buch / Übersetzt von Dr. E. Richtsteig. Limburg, s. a. S. 9.

18 *Hérodote.* Histoires. Livre IV. Melpomène / Text établi et traduit par Ph.-E. Legrand. P., 1942. P. 56.

19 *Herodotus.* The Histories / Transl. by R. Waterfield with the Introduction and Notes by C. Dewald. Oxford, 1998. P. 239.

20 *Erodoto.* Le Storie. Vol. IV: Libro IV. La Scizia e la Libia / Introduzione e commento di A. Corcella. Testo critico a cura di S. M. Medaglia. Traduzione di A. Frascchetti. Milano, 1993. P. 25.

21 *Erodoto.* Le Storie. P. 240: “il ‘mare’ su cui essi risiedono è l’Oceano settentrionale”.

22 *Asheri D. A., Lloyd A., Corcella A.* A Commentary on Herodotus Books I–IV / Ed. by O. Murray and A. Moreno. Oxford, 2007. P. 583: “the ‘sea’ beside which they dwell is the northern Ocean”.

Все переводы отражают указанную выше семантику выражения *κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν*: «обитают до другого моря», «достигающие моря», “zum Nordmeer reichen”, “erstreckten sich bis zum nördlichen Meere”, “s’étendent jusqu’à une mer”, “si estendono fino a un mare” и др.

Невозможность локализации Геродотом гипербореев «за морем» подтверждается еще и тем, что сам «отец истории» отрицал существование моря на севере Европы (см. Hdt. IV. 45: «Омывается ли Европа морем с востока и с севера, никому достоверно неизвестно»). Конечно, пересказывая Аристея, Геродот вынужден был поселить гипербореев на севере «у моря», но предположение, что он, вразрез со всей традицией, идущей в целом от Аристея и помещающей гипербореев на берегу моря, решил локализовать их *за* неизвестным ему морем, представляется весьма сомнительным.

О РАНИХ АТТИЧЕСКИХ ВАЗАХ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ¹

Пантикапей, столица Боспорского царства, исследуется с XIX в., а с 1945 г. на городище постоянно работает Боспорская (Пантикапейская) археологическая экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина. Важной частью керамического материала из раскопок Пантикапея является аттическая чернофигурная керамика. В 1960-х – 90-х гг. ее планомерно изучала Н.А. Сидорова, научный сотрудник Экспедиции и Отдела искусства и археологии Древнего мира ГМИИ. На основании многолетних наблюдений она сделала вывод, что в Пантикапей аттическая чернофигурная керамика массово стала проникать около середины VI в. до н.э.² Н.А. Сидорова определила и несколько более ранних аттических фрагментов, но все они происходили из смешанных или позднеархаических слоев, что не позволило сделать однозначных выводов.

В 2011–2014 гг. впервые был открыт древнейший слой Пантикапея, который можно датировать от последней четверти VII до середины VI в. до н.э.³ Это открытие сделано на Верхнем Митридатском раскопе, на северном крае верхнего плато горы Митридат. Слой насыщен восточно-греческой керамикой, как тарной, так и расписной столовой. В нем практически отсутствует керамика аттического происхождения, что согласуется с наблюдением Н.А. Сидоровой.

Но есть и исключение, стенка аттической амфоры типа В (илл. 1). Сохранилась часть горла сосуда, покрытого черным лаком, ниже – клеймо с внутренней рамкой разбавленным лаком, заполненное тремя розетками, боковым побегом и частью головы животного с пурпурной гривой⁴. Подобные решения: многолепестковые розетки с гравированной структурой и пурпурными лепестками, большая боковая розетка по краю клейма и пурпурная же грива с частью уха аналогичны росписи многих ойнохой и амфор мастера Горгон (около 600–580 гг. до н.э.)⁵. Полоса пурпура на горле позволяет предположить, что перед нами именно амфора типа В, вероятно, с изображением лежащего льва⁶.

Фрагменты первой четверти VI в. до н.э. происходят и из более ранних раскопок Пантикапея. Среди них – типологически близкий фрагмент амфоры, который был опубликован Н.А. Сидоровой и отнесен ею к вазе типа амфор с головами первой половины VI в. до н.э.⁷ К числу фрагментов амфор с головами следует отнести и другой, на котором сохранилась часть гривы (илл. 2)⁸. Пряди густой гривы разделены линиями гравировки и покрыты широкими мазками пурпура. Этот фрагмент находит аналогии

1 Я хочу выразить глубокую благодарность начальнику экспедиции, к.и.н. В.П. Толстикову за возможность работать с этим материалом и многолетнюю дружескую поддержку во всех начинаниях. Отдельная признательность – моей коллеге Н.С. Асташовой за помощь в подборе фрагментов и оформлении иллюстраций. Хочу поблагодарить и всех моих товарищей по экспедиционной работе, без которых такая публикация не была бы возможна. Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-31-10142 «Древний Пантикапей: От апойкии – к городу».

2 Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. X: Археология и искусство Боспора. 1992. С. 199.

3 Толстиков В.П., Муратова М. Б. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 2013. № 1. С. 176–193.

4 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2014, НВМ, кв. 21, шт. 17, к северо-востоку от кладки № 276 (под каменным завалом). Описание № 199. 7,7 x 11 см.

5 См. ойнохой в Лондоне, В 33: *Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxford, 1956. P. 9, № 13.

6 См. амфору в Лувре, инв. СР 10620 – CVA Musée du Louvre 11, III He, 120, 1–3.

7 М-52 ВМ XIV/5. Описание № 1173; Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея. С. 174, илл. 1 в.

8 ГМИИ, Москва. М75 VII/9. Описание № 191. 3 x 2,3 см.

среди ранних амфор с головами коней⁹ и среди близких им произведений круга мастера Горгон, на которых с подобной гривой изображаются и кони¹⁰, и львы¹¹.

Обращает на себя внимание и фрагмент раннего лекифа (илл. 6)¹². Сохранилась верхняя часть сосуда с выпуклым валиком на переходе от плечиков к горлу, покрытым полосой пурпура. Плоская широкая ручка описывает короткую дугу. По форме он относится к группе Деяниры¹³, а его роспись близка к мастеру Горгон¹⁴. Плечики декорированы дробным орнаментом язычков с узким фризом поперечных штрихов под ним. Ниже видна часть головы с характерной короткой челкой, поднимающейся над повязкой¹⁵, и пальцы поднятой вверх руки.

Наиболее ранними аттическими киликами в Пантикапее долгое время считались мелкофигурные чаши¹⁶. Однако раскопки последних лет принесли два фрагмента киликов группы Комастов. Прежде всего, это венчик килика с фризом розетт по краю и частью фигуры бородатого комаста с рогом в руках (илл. 7)¹⁷. Наиболее близкие по форме и стилю аналогии относятся к произведениям мастера КУ (ок. 575–565 гг. до н.э.), примечательно, что часть из них найдена на Березани¹⁸. Представляет интерес также фрагмент стенки килика группы Комастов с изображением боковой пальметты (илл. 8)¹⁹. Это характерный мотив, сочетающий пальметту и соцветие лотоса. Но он имеет особенности: цветок лотоса показан без центрального лепестка, его сердцевина открыта, кроме того, он украшен горизонтальным фризом с редким типом орнамента-плетенки, что также находит аналогии в творчестве мастера КУ²⁰.

Интересно, что мастер КУ, известный нам как популярный автор киликов с комастами Сиана, расписывал амфоры, декорируя их горла аналогично тарным амфорам типа SOS²¹. Венчик тарной амфоры SOS также происходит из описываемого раннего слоя городища²².

-
- 9 Например, *Moore M. B., Philippides Z. P. in collab. with Bothmer D. von. Attic Black-Figured Pottery / The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIII. Princeton, 1986. № 14 (P 290); 16 (P 26636); 17 (P 18528a); 18 (P13385); 138 (10195), все датируются ранним VI в. до н.э. См. также амфоры в Афинах, инв. 20064 (около 580 г. до н.э.); инв. 1003 (ранний VI в. до н.э.).*
- 10 *Münzen und Medaillen, A.G., Basel. Auktion 56 vom 19. Februar 1980: Kunstwerke der Antike. №61, pl. 19; Принстон, инв. 1997. 54.*
- 11 Например, на ольпе в Малибу, инв. 76. AE. 55 – *Schreiber T. Handles of Greek Vases / J. Paul Getty Museum Journal 5. 1977. P. 134, fig. 1 A–B.*
- 12 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2011, НВМ, квадрат 20, к западу от кладки №22, штык 7. Описание №7. Выс. 11,7; дм. горла 7,8 см.
- 13 *Tuna-Nörling Y. Die Attisch-Schwarzfigurige Keramik und der Keramikexport nach Kleinasien: Die Ausgrabungen von Alt-Smyrna und Pitane / DAI, Abt. Istanbul. Tübingen, 1995. Taf. 39, №99, I, II (мастер Берлин 1659, 585–575 гг. до н.э.).*
- 14 См. аналогичный по форме и декору сосуд в Британском музее, №1931.8 –10.1 – *Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 11, №17.*
- 15 См. аналогичные варианты в росписях мастера Деяниры, ок. 580 г. до н.э. – лекифы в Никосии, инв. 1958, IV–22,3; в Берлине, инв. V. I. 3764.
- 16 *Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из Пантикапея (Раскопки 1959–1969) / Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. VII. 1984. С. 88.*
- 17 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2011, НВМ, кв. 20, 21, забутовка кладки №28, штык 7–8. Описание №47. Выс. 6,9, дм. 17 см.
- 18 См. в Эрмитаже, №В 89.117 – CVA St. Petersburg 3, 12–13, fig. 3, pl. 1.3; *Smith Tyler Jo. Athenian Black-Figure Pottery from Berezan / Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа. Том II (Труды Государственного Эрмитажа LIV). СПб., 2010. Fig. 9, №10. См. также – Мюнхен, No S 48 (*Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 35, №6*); наибольшее сходство профиля бородатого комаста с рогом в руках в росписи килика Лувр, № E 741 – *Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 34, №4; Лувр, № CP 10235 (*Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 32, №17*).**
- 19 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2014, НВМ, кв. 6а, штык 22. Описание №74. 3,2 x 3,1 см.
- 20 Примерно как на киликах в Афинах – Афины, No 649, 1444 (Acropolis Coll.), No 1106 – CVA Athens 3, pl. 3, 1–4; *Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 32, №20; CVA Athens 3, pl. 2, 1–4; в Университете Нью Хэйвен, инв. №102 – *Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 32, №16.**
- 21 См., например, в Берлине, № F 1700 (*Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 33, №6*).
- 22 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2014, НВМ, квадрат 20, 20а, штык 20, из-под пола №38 и участок к северу от Д-1 под кладкой №28. Описание №4. SOS амфоры обычно датируются кон. VIII – перв. половиной VI в. до н.э. (*Johnston A., Jones R. E. The 'SOS' Amphora // ABSA. 1978. Vol. 73. 1978. P. 140. Любопытно и другое свидетельство: на знаменитой вазе Франсуа (Флоренция, №4209, 570–560 гг. до н.э.) изображен Дионис, несущий на плечах амфору, судя по размерам, пропорциям и росписи, типа SOS.*

Аттических расписных фрагментов первой четверти VI в. до н.э. в Причерноморье мало, но они все же найдены. Так, из раскопок Березани происходят фрагменты ваз Софилоса, мастера Горгон, мастера Полос и группы Комастов²³. Аналогичные фрагменты теперь известны и среди находок из Пантикапея. Таким образом, мы можем выделить ранний этап присутствия аттических vaz в Причерноморье в рамках первой – начала второй четвертей VI в. до н.э. Следующий этап начинается около 560 г. до н.э. и отличается гораздо большим количеством материала.

Н.А. Сидорова опубликовала пять фрагментов кратеров рубежа первой – второй четверти VI в. до н.э. и отнесла их к кругу мастера Птоон²⁴. На одном из фрагментов видна часть фигуры пасущегося животного (илл. 3)²⁵. Фигура животного располагается у самой границы тулова с горлом сосуда, шея наклонена диагонально вниз, подчеркнута полукруглой линией гравировки и покрыта густым пятном пурпура. Такое изображение также находит аналогии среди произведений в манере мастера Горгон²⁶ и других росписей второй четверти века²⁷ и даже среди произведений круга Лидоса²⁸, что подчеркивает продолжительную популярность этого мотива. К числу фрагментов ранних кратеров можно добавить еще два. Во-первых, это стенка с частью фигуры Сирены, обращенной влево (илл. 5)²⁹. Сохранилась часть головы и широкий завиток крыла с частой гравировкой перьев. Н.А. Сидорова сравнила его с произведениями Софилоса и Лидоса³⁰. В рукописной карточке с атрибуцией этого фрагмента она оставила замечание: «ок. 570 г. до н.э. – древнейший аттический импорт»³¹. Однако и у мастера Горгон есть похожие вариации³². На втором фрагменте сохранилась часть неясной фигуры, вероятно, голова Сирены (илл. 4)³³. Видны затылок, ухо и пятно пурпура на груди.

Позже в Северном Причерноморье имели широкое распространение кратеры круга Лидоса (560–550 гг. до н.э.). Они известны повсеместно. Так Н.А. Сидорова упоминает среди самых ранних фрагментов из раскопок Пантикапея обломки стенок кратеров или диносов с изображениями животных первой половины VI в. до н.э. и относит их к кругу Лидоса³⁴. Среди подобных находок, в том числе и из раскопок Северного Причерноморья (прежде всего, Ольвии)³⁵ и Боспора (известны в Нимфее и в Пантикапее)³⁶ особенно распространены фрагменты пластин ручек кратеров с изображениями мужских профилей. Они принадлежат вазописцам одного тесного круга, скорее всего, одной мастерской. Это проявляется в том, что при некоторых различиях композиционное и графическое решение остается общим.

23 *Smith Tyler Jo.* Athenian Black-Figure Pottery from Berezan. P. 171–290, №№ 1–10, 118, 119, 136–139, 147, 149, 196, 199, 200.

24 ГМИИ, Москва. М-62, опись № 1183, М-66, опись № 63, М-66, опись № 105, М-67, опись № 225 и один фрагмент без номера (*Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (Раскопки 1959–1969). С. 71–72, рис. 1. См. кратер мастера Птоон в Лувре – CVA Musée du Louvre 12, pl. 158, 4, 6 (ок. 580–570 гг. до н.э.).

25 ГМИИ, Москва. М67 123/яма 641, опись № 225. 6 x 3,3 см.

26 См. лекиф в Лондоне, инв. 1931. 8–10. 1; *Haspels C. H. E.* Attic Black-Figured Lekythoi. Paris, 1936. P. 1, pl. 1.1.

27 *Moore M. B., Philippides Z. P. in collab. with Bothmer D. von.* Attic Black-Figured Pottery. № 177 (P 13783).

28 *Moore M. B., Philippides Z. P. in collab. with Bothmer D. von.* Attic Black-Figured Pottery. № 436 (P 24943).

29 ГМИИ, Москва. М-76 Ц 63/14, опись № 22 (КП НВ-26/18). 5,5 x 3,7 см.

30 *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. С. 204, илл. 16. Ср. CVA Musée du Louvre 12, pl. 159, круг Лидоса; *Moore M. B., Philippides Z. P. in collab. with Bothmer D. von.* Attic Black-Figured Pottery. № 1343 (P 20679), вторая четверть VI в. до н.э.

31 Архив Отдела искусства и археологии Античного мира ГМИИ, Москва.

32 *Moore M. B., Philippides Z. P. in collab. with Bothmer D. von.* Attic Black-Figured Pottery. № 139 (P 13113).

33 ГМИИ, Москва. М67 120/8, опись № 19. 4 x 3 см. *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (Раскопки 1959–1969). С. 74, рис. 3 в. Н.А. Сидорова определила этот фрагмент как изображение возницы в квадриге и датировала ок. 525 г. до н.э.

34 ГМИИ, Москва. М-58 LXXVIII/выкид, опись № 2526. *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. С. 173, илл. 1 б. См. также М-74 В II – III зап/12, опись № 626, М-76 Ц 63/14, опись № 22 – *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея: Раскопки 1969–1984 гг. / Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. X: Археология и искусство Боспора. 1992. С. 204, илл. 1 а. М-75 С 18 № 422 – CVA Moscow I, pl. 20, 1, 2.

35 *Горбунова К. С.* Чернофигурный кратер мастера Лидоса // СА. 1964. № 3. С. 297–301, рис. 1.

36 *Скудова В.М.* Фрагменты чернофигурного кратера мастера Лидоса из Нимфея / Сообщения Гос. Эрмитажа IX. Л., 1956. С. 45–46. Из раскопок Пантикапея происходит ряд пластин кратеров с колонками, на которых изображены мужские профили: CVA Moscow I, pl. 20, 3–5 (М-74 В II – III, опись № 626; М-1119; М-253).

Один из них найден в Пантикапее в 2014 году (илл. 9)³⁷. Крупный мужской профиль, развернутый влево, виден от макушки до ключиц. Волосы и борода даны общей массой, контуром которой является глубокая и достаточно жесткая гравированная линия. Она очерчивает волосы и острую выдающуюся вперед бородку. Глаз имеет круглую форму, его уголки отмечены короткими штрихами. Бровь и линия рта показаны короткими дугами. Ухо большое, с массивной мочкой. Такая лаконичная манера в трактовке деталей и характерные особенности в передаче черт лица общепризнанно относятся к манере Лидоса. Рассматриваемый фрагмент отличается особенной точностью в передаче элементов и наиболее близок к его работам³⁸. С ним могут соперничать лишь более аккуратные и подробные по характеру рисунки на фрагментах из Ольвии.³⁹

Среди находок в Пантикапее регулярно встречаются килики Сиана. Н.А. Сидорова отмечает шесть фрагментов таких киликов, два она относит к кругу Гейдельбергского мастера, четыре – мастера С⁴⁰. Среди них выделяется тщательной проработкой деталей край килика с изображением головы амазонки (илл. 10)⁴¹. Она одета в шлем с высоким гребнем, центральная часть которого окрашена пурпуром. За основание гребня держится рука противника амазонки, судя по всему, – Геракла. Рисунок гравированных линий отличается подробностью: отмечены декоративные детали шлема, суставы пальцев, сложная форма уха. Кроме того, в росписи обильно применяются накладные краски. Белой краской обозначены лицо амазонки и ногти на руке Геракла, пурпуром – часть шлема и зрачок глаза амазонки. Прямых аналогий найти не удалось, но эта иконография известна в росписях второй четверти – середины VI в. до н.э.⁴² Среди них выделяется килик Сиана, приписываемый мастеру С⁴³.

В 2013 году найден еще один фрагмент килика такого типа с изображением гоплита (илл. 11)⁴⁴. Сохранилась верхняя часть фигуры, перекрытая тремя круглыми щитами. Непропорционально большая голова скрыта коринфским шлемом с высоким гребнем, тело – пурпурным панцирем. Обобщенный рисунок, минимальное количество деталей и композиция с гоплитами находят наибольшее сходство с киликами круга Лидоса⁴⁵. Возможно, что и сам Лидос расписывал такие чаши⁴⁶.

Есть и более мелкие фрагменты киликов Сиана. Один из фрагментов представляет собой сложное обрамление внутреннего тондо (илл. 14)⁴⁷. Чередование фриз с точками, лавровой ветвью и двухцветных язычков позволяет согласиться с его определением как работы Гейдельбергского мастера⁴⁸.

37 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. PAN 2014, 20; 20 а, шт. 15, из-под пола №38 (слой 2-й пол. VI в. до н.э.). Опись №30. Дл. 7,7; шир. 12,1 см.

38 Moore M. B., *Philippides Z. P. in collab. with Bothmer D. von. Attic Black-Figured Pottery*. No 439 (P 198); 440 (P 6033); 441 (P 23211); 446 (P 13346); 448 (P 14564); *Smith Tyler Jo. Athenian Black-Figure Pottery from Berezan*. №122, fig. 117 (ок. 550 г. до н.э.), №123, fig. 118 (Лидос, ок. 550 г. до н.э.).

39 Горбунова К. С. Чернофигурный кратер мастера Лидоса. С. 297–301, рис. 1; Древнейший теменос Ольвии Понтийской / Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Suppl. 2. Симферополь, 2006. С. 169, рис. 177.

40 ГМИИ, Москва. М-106, М-57 XLI/5, опись №1607; Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. С. 188, илл. 9а. См. также М-75 В VII/11, опись №226, М-1354 (М-74 В II – III/15, опись №663), М-82 Ц пл.84/10, опись №11, М-72 Ц 4/9, опись №396 – Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из Пантикапея: Раскопки 1969–1984 гг. С. 218–220, илл. 10 а, б, в. См. также CVA Moscow 1, pl. 53, 5–7.

41 ГМИИ, Москва. М-75в VII/II, опись №226. 3 x 3,1 см. Опубликовано Н.А. Сидоровой как килик круга мастера С: Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из Пантикапея: Раскопки 1969–1984 гг. С. 218–219, илл. 10 а.

42 Bothmer D. von. *Amazons in Greek Art*. Oxford, 1957. Pl. II, 1 (Тарквинии, RC 5564); V (Бостон, 98.916); XVII, 2 (Нью Йорк, 12.234.1); XXVIII (Болонья, PU 192). См. также амфору мастера Лондон В 76 (ок. 570 г. до н.э.) в Таренте, инв. 52148 с изображением единоборства Геракла и Кикноса – Shapiro H. A. *Two Black-Figure Neck-Amphorae in the J. Paul Getty Museum: Problems of Workshop and Iconography // Greek Vases in the J. Paul Getty Museum*. Vol. 4. Malibu, 1989. P. 20, fig. 9.

43 Bothmer D. von. *Amazons in Greek Art*. Pl. XVII, 2 (Нью Йорк, 12. 234. 1).

44 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. PAN 2013 НВМ 6а; 13а, шт. 18. Опись №175. Выс. 3,5, шир. 4,2.

45 Например, килик в Таренте, инв. 20273: CVA Taranto, Museo Nazionale 3, tav. 19, 3–4; Touchais G. *Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1976 // BCH*. Vol. 101, liv. 2, 1977. P. 546, fig. 72.

46 Boardman J. *Athenian Black Figure Vases*. London, 1974. P. 33.

47 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. PAN 2011 НВМ 20, к западу от кл. №22, шт. 5, опись №11. 3,7 x 3,5 см. Опубликовано как фрагмент килика Гейдельбергского мастера (570–560 гг. до н.э.): Tugusheva O. V., Tolstikov V. P. *Excavations at Panticapaeum / Cahiers du CVA: Du CVA du Musée Pouchkine aux Foilles de Panticapée*. Paris, 2014. P. 292.

48 Brijder H. A. G. *Siana Cups*. Vol. II: The Heidelberg Painter (Allard Pierson Series, Studies in Ancient Civilization, 8). Amsterdam, 1991. Fig. 89, d.

То же можно отметить и на примере характерного края килика Сиана с двухсторонней ветвью плюща (илл. 13)⁴⁹. К более поздней группе киликов этого типа можно отнести часть тондо с изображением стоящей птицы (илл. 12)⁵⁰. В обрамлении орнамента из небрежно нарисованных язычков представлена длинноногая птица с приподнятыми крыльями. По краю крыла прочерчены отдельные штрихи гравировки и проведена плотная полоса пурпура, окаймленная линиями белой краски. Это характерная роспись мастера Грифона-птицы, аналогии которой многочисленны⁵¹.

В последнее время количество фрагментов чаш Сиана, найденных в Северном Причерноморье, увеличилось. А.В. Буйских характеризует их импорт в Ольвию как массовый.⁵² На примере Пантикапея преждевременно делать подобные выводы. Можно лишь отметить, что среди фрагментов из Пантикапея представлены все основные мастерские киликов Сиана от наиболее ранних (мастера С и Гейдельбергского мастера) до поздних (мастера Грифона-птицы). Из раскопок Гермонассы тоже происходит великолепный памятник этого круга, приписываемый Гейдельбергскому мастеру⁵³.

Ко времени Лидоса и к его кругу Н.А. Сидорова отнесла целую группу фрагментов крышек лекан с изображениями животных и сирен (илл. 17, 18)⁵⁴. К ним можно добавить еще несколько. Это фрагмент края крышки леканы с частью фигур птицы и лапами хищного животного (илл. 19)⁵⁵, а кроме того, фрагмент с головой сирены (илл. 16)⁵⁶. Фрагменты крышек лекан этого типа есть и среди находок последних лет: стенка с фигурами пантеры и сирены, близкой к предыдущему рисунку (илл. 15)⁵⁷ и фрагмент с изображением пантеры (илл. 20)⁵⁸. Их отличает небрежная гравировка и активное использование накладных красок. Близкие аналогии есть среди фрагментов второй четверти – середины VI в. до н.э.⁵⁹

Кроме того, имеется фрагментированная ручка от крышки ранней леканы, расписанная кольцом точек лака в обрамлении тонких кругов пурпура (илл. 21)⁶⁰. Такие ручки лекан обычно датируются ранним временем⁶¹. Например, аналогичный декор (но с розеткой в центре) есть на крышке пиксиды мастера Горгон⁶².

49 ГМИИ, Москва. М 82 Ц 87/10, опись № 11, КП НВ-27/389. 2,2 x 3 см. См. *Brijder H. A. G. Siana Cups. Vol. II: The Heidelberg Painter. Fig. 90, 8.*

50 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2013 НВМ 13а, шт. 10–11. Опись № 92. 4 x 3,2 см.

51 Sotheby, sale catalogue, 9.7.1973. № 131, pl. 41; CVA Tübingen 3, 34–35, Fig. 19, Taf. 24, 3, инв. 7391; CVA St.Petersburg 3, 19–21, fig. 9, pl. 5, 1–4; CVA Athènes 3, pl. 27, 1–3.

52 *Буйских А.В.* Новые находки чаш Сиана в Ольвии // Археологические вести. 2013. Вып. 19. С. 113.

53 ГМИИ, Москва. Инв. Ф-1662. *Финогенова С. И.* Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. Т. 8. С. 427, рис. 4. Д. А. Калининцевым был сделан доклад «Аттический килик VI века до н.э. из раскопок Гермонассы», посвященный атрибуции этого памятника, на Отчетной научной сессии ГМИИ им. А.С. Пушкина за 2010 г., 23 мая 2011 г.

54 ГМИИ, Москва. М-537, М-49 ВМ х/3 бр., опись № 2097, М-52 ВМ XIV/13, опись № 357, М-58 НЭ LV/2 поп А, опись № 1454; *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. С. 188, илл. 8 а, б. См. также: М-69 НЭ 129/130/12, опись № 208, М-69 128/10, опись № 159, М-70 96/679 б/№, М-70 140–141/6 б/№, М-76 Ц 96/6, опись № 345, М-76 Ц 99/10–11, опись №№ 129, 134, 258, 303; *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея: Раскопки 1969–1984 гг. С. 213–214, илл. 8. См. также CVA Moscow I, pl. 46, 1–5. М-60, опись № 560, М-65, опись № 14, М-69, опись № 573; *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея: Раскопки 1959–1969. С. 83, рис. 7, а, б. Н.А. Сидорова отнесла их ко второй четверти – середине VI в. до н.э.

55 ГМИИ, Москва. М 69 НЭ 126/29, опись № 573. 2,5 x 5,7 см.

56 ГМИИ, Москва. М 76 Ц 99/12, опись № 272. 2,5 x 4,7 см.

57 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2013 НВМ, 13 а; 6 а, южная часть, шт. 16 (котлован). Опись № 164. 4,2 x 5,9.

58 Восточно-Крымский заповедник, Керчь. ПАН 2013 НВМ, 13а; 6а западная часть, шт. 18. Опись № 143. 3,5 x 3,7 см.

59 *Moore M. B., Philippides Z. P. in collab. with Bothmer D. von. Attic Black-Figured Pottery. Pl. 93, № 1343 (P 20679); Smith Tyler Jo. Athenian Black-Figure Pottery from Berezan. № 202, fig. 193 (манера Лидоса, ок. 560–540 гг. до н.э.), № 205, fig. 196, а, b (сер. VI в. до н.э.); № 206, fig. 197 (третья четверть VI в. до н.э.). См. также – *Gorbunova X. Les fragments des céramiques attiques de la première moitié du VIe siècle avant Jésus-Christ provenant de l'île de Bérézan // RA. Nouvelle Série. Fasc. 2. 1973. Fig. 6.**

60 ГМИИ, Москва. М 56, без/№. Дм. 4,5 см.

61 CVA Berlin 1, Taf. 39, 77, инв. А 110 (протоаттическая);

62 *Connor P., Jackson H.A. Catalogue of Greek Vases in the Collection of the University of Melbourne at the Ian Potter Museum of Art. Melbourne, 2000. № 30, инв. 1976.0110 (MUV 47).*

Таким образом, ранние аттические фрагменты из раскопок Пантикапея и других причерноморских городов в целом можно разделить на две хронологические группы. Первая из них, самая малочисленная, относится к первой четверти VI в. до н.э. и состоит из фрагментов амфор мастера Горгон (ок. 600–580 гг. до н.э.), лекифов группы Деяниры и киликов с комастами (ок. 585–565 гг. до н.э.). Этот период известен первыми свидетельствами активности Афин у Причерноморских проливов и основанием аттической колонии Сигей (Hdt. V. 94–95)⁶³. Вторая группа включает гораздо больше образцов: фрагменты киликов Сиана (кон. 560-х гг. – кон. 540-х гг. до н.э.) и ваз круга Лидоса (ок. 560–540 гг. до н.э.). Фактически второй период относится к концу второй четверти – середине VI в. до н.э. и может быть связан с экспедицией Мильгиада на Херсонес Фракийский (561–556 гг. до н.э.; Hdt. V. 94–95)⁶⁴.

Однако массовое появление аттической керамики в Причерноморье датируется лишь третьей четвертью VI в. до н.э. и характеризуется повсеместным распространением мелкофигурных киликов, чаще типа *band-cup*. Вероятно, это уже время, когда Афины отвоевали Сигей у Митилены при тиране Писистрате, который отдал город в управление своему сыну Гегесистрату. Дата окончательного захвата афинянами Сигея нам неизвестна, скорее всего это произошло во второе правление Писистрата, после битвы при Паллене в 546/545 гг. до н.э. (Hdt. V. 94. 1)⁶⁵.

63 Кембриджская история Древнего мира. Том III. Часть 3. Расширение греческого мира VIII– VI века до н.э. / Под. ред. Дж. Бордмэна и Н. Дж. Л. Хэммонда. М., 2007. С. 146, 449–450.

64 Кембриджская история Древнего мира. Том III, часть 3. С. 147, 489; Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 199.

65 Кембриджская история Древнего мира. Том III. Часть 3. С. 146, 485; Суриков И.Е. Античная Греция. С. 199.

О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ПАРАГРАФЕ ХЕРСОНЕССКОЙ ПРИСЯГИ¹

Текст присяги граждан Херсонеса Таврического² дошел до нас в хорошем состоянии, так что его чтение и дополнение в целом не вызывают серьезных трудностей. Лишь заключительный параграф документа сохранился не полностью из-за небольшого повреждения нижнего края стелы (илл. 1). К нему я и хотел бы здесь обратиться. Этот параграф начинается с обращения к θεοὶ ὄρκιοι (IOSPE I². 401, l. 50 sqq.) и содержит краткую формулу благословения, за которой следует развернутая формула проклятия³: «Зевс, Гея, Гелиос, Дева, олимпийские боги! Если я буду верен этим словам, пусть будет благо мне самому, моим потомкам и моему имуществу. Если же нет, пусть будет несчастье мне самому, моим потомкам и моему имуществу, и пусть ни земля, ни море не приносят мне плода ...» (Ζεῦ καὶ Γῆ καὶ Ἄλιε [καὶ] Παρθένε καὶ θεοὶ Ὀλύμπιοι, ἐμμένον[υ]τι μέμ μοι εὖ εἶη ἐν τούτοις καὶ αὐτ[ῶ]ι καὶ γένει καὶ τοῖς ἐμοῖς, μὴ ἐμμένον[υ]τι δὲ κακῶς καὶ αὐτῶι καὶ γένει καὶ [τοῖς] ἐμοῖς, καὶ μήτε γὰ μοι μήτε θά[λασσ]α καρπὸν φέροι...)⁴. Далее следует плохо сохранившаяся часть предложения, которая во всех основных изданиях надписи читается и дополняется следующим образом: μήτε γυνα[ῖ]κες εὐτε[κ]νοῖεν, μήτε θανα ... («пусть ни женщины не разрешаются от бремени благополучно, ни...»)⁵. Предложенное А. Скиасом⁶ восстановление [εὐτεκ]νοῖεν, не вызывает сомнений, так как полностью соответствует размеру лакуны и находит убедительные параллели. Что касается слов после второго μήτε в заключительной строке, то В.В. Латышев и воспроизводившие его текст издатели оставляли их без восстановления.

Впервые попытку дополнить эту строку предпринял М. А. Шангин, предложивший после εὐτε[κ]νοῖεν, читать μήτε [. . . εὐ]θανα[τ]ή[σαμ]и («пусть я не умру благородной смертью»)⁷. Это восстановление представляется маловероятным: между восстанавливаемым словом и стоящим перед ним союзом μήτε остается лакуна, которая не может быть заполнена удовлетворительным образом. Кроме того, Шангин

- 1 Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00231 и гранта Министерства образования и науки РФ «Полис и надполисные структуры в греко-римском мире: формы и эволюция взаимоотношений».
- 2 Основные издания этой надписи в хронологическом порядке: *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889–1891 гг. (Материалы по археологии России, 9). СПб., 1892. С. 1–13; *Reinach Th.* Le serment de Chersonise // REG. 1892. No 5. P. 403–408; *Michel C.* Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles. 1900. No 1316; Syll.² 461; *Латышев В.В.* Присяга граждан города Херсониса Таврического. Греческий текст с русским переводом и кратким объяснением. СПб., 1900; IOSPE IV. 79; *он же.* Гражданская присяга херсонисцев // *он же.* ΠΟΝΤΙΚΑ. Изборник научных и критических статей. СПб., 1909. С. 142–160; *Minns E. I.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 645; Syll.³ 360; IOSPE I². 401; Schwyzer, Delectus 173.
- 3 О роли проклятий в политической и правовой практике древнегреческих государств см. основополагающую работу Э. Цибарта: *Ziebarth E.* Der Fluch im Griechischen Recht // Hermes. 1895. Bd. 1. S. 57–70. Из последних публикаций на эту тему заслуживает внимания статья: *Rubinstein L.* “ΑΡΑΙ” in Greek Laws in the Classical and Hellenistic Periods: Deterrence or Concession to Tradition // Symposium 2005. Wien, 2007. P. 269–286. Ср. также замечания по поводу этой статьи, высказанные на страницах того же тома: *Scafuro A. C.* A Response to Lene Rubinstein // Symposium 2005. Wien, 2007. P. 287–290.
- 4 Ср. аналогичную по функции, но краткую формулу в херсонесском тексте II в. до н.э. – договоре херсонеситов с понтийским царем Фарнаком (IOSPE P. 402, l. 5 sq: [ε]ῦορκοῖσι μὲν ἀμῖν εὖ εἶη, ἐπιορκῶ[σι δὲ τὰ]ναντία).
- 5 IOSPE IV. 79; IOSPE I². 401; Schwyzer, Delectus 173. В тексте Syll.³ 360 заключительные буквы ΘΑΝΑ приводятся только в критическом аппарате как читающиеся на камне.
- 6 *Σκιας Α.Ν.* ΣΑΣΤΗΡ // Ἐφημερίς ἀρχαιολογική. 1893. No 3 (1892). Σ. 257; ср.: *Латышев В.В.* Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах (Материалы по археологии России, 17). СПб., 1895. С. 77.
- 7 *Шангин М. А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. №3. С. 74. В слове [εὐ]θανα[τ]ή[σαμ]и автор ошибочно указал букву *эту* как читаемую на камне, вероятно, приняв за нее случайные черты, которые были видны на фотографии.

не привел ни одного примера в подтверждение своего восстановления и не обратил внимания на то обстоятельство, что дважды повторяемое μήτε предполагает содержательный параллелизм предшествующей (μήτε γυναῖκας εὐτεκνοῖεν) и последующей, восстанавливаемой, синтагмы.

Между тем весьма похожие формулировки можно обнаружить в двух жанрово близких херсонесской присяге эпиграфических документах эллинистического времени, найденных на Крите. В клятве граждан Итаноса (Syll.³ 526; I.Cret. III, iv 8, l. 44 sqq.) сказано: «Пусть клятвопреступникам земля не принесет плодов, пусть у них не будет детей и пусть не плодится скот, но пусть они, подлые, погибнут подлой смертью и сами и их потомки» (τοῖς δὲ ἐπιорκέ[ο]σι μήτε γᾶν φέρειν μήτε τέκν[ω]ν ὄνασις γίνεσθαι μήτε πρό[βα]τα εὐθηνεῖν, ἐξόλλυσθαι δὲ [κα]κῶς κακοῦς καὶ αὐτοῦς καὶ γ[εν]εᾶν αὐτῶν). Ей вторит и клятва эфэбов Дрероса (Syll.³ 527; I.Cret. I, ix 1, l. 75 sqq.): «Если я не сдержу этой клятвы... пусть я погибну самым подлым образом и сам и мое имущество, и пусть земля не принесет мне плода, пусть ни женщины, ни скот не родят у меня согласно природе» (εἰ δὲ τάδε μὴ κατέχομι . . . , κακίστω<ι> ὀλέθρῳ ἐξόλλυσθαι αὐτὸς τε καὶ χρῆμα τὰμὰ, καὶ μήτε μοι γᾶν καρπὸν φέρειν, [μήτε μοι γ]υναῖκας [τίκτει]ν κατὰ φύ[σιν] μήτ[ε] πάματα). В обоих текстах вслед за упоминанием женщин и деторождения говорится об отсутствии приплода у домашних животных (πρόβατα, πάματα). С учетом этого значительно более привлекательным должно выглядеть дополнение, предложенное Йозефом Цингерле⁸: μήτε [τὰ πρόβατα εὐ]θανα[ίη] («пусть не плодится скот»), тем более что помимо процитированных критских документов, на которые опирался Цингерле, упоминание скота фигурирует также в формулах проклятий, содержащихся в так называемых «клятве дельфийских амфикиононов» (Aeschin. III. 111: καὶ ἐλεύχεται αὐτοῖς μήτε γῆν καρπὸς φέρειν, μήτε γυναῖκας τέκνα τίκτειν γονεῦσιν ἐοικότα, ἀλλὰ τέρατα, μήτε βοσκήματα κατὰ φύσιν γονὰς ποιεῖσθαι), «платейской клятве» (Rhodes–Osborne 88, l. 45 sqq.: βοσκήματα τίκτοι ἐοικότα βοσκήμασι, εἰ δὲ μὴ, τέρατα)⁹, а также в законе против тирании и олигархии из Эретрии середины IV в. до н.э. (SEG 51. 1105 B, l. 14 sq.: μῆ[τε] παῖδας ἐξ αὐτῶν] γυναῖκας τίκτειν κατὰ νόμον, μήτε πρόβατα μῆ[τε] γῆν εὐθηνεῖσ[θαι])¹⁰. Однако реконструированная Й. Цингерле форма [εὐ]θανα[ίη] от глагола εὐθηνέω вступает в противоречие с греческой грамматикой: она демонстрирует, во-первых, незакономерную *альфу* в корне вместо исконной *эты*¹¹; во-вторых, практически не засвидетельствованное изменение глагольной основы (-εω > -αω)¹²; и, наконец, нехарактерное для дорийских диалектов образование опатива от *verbum contractum* по атематическому типу¹³.

На мой взгляд, решение проблемы состоит в следующем. Дело в том, что фрагмент, содержащий буквы ΘΑΝΑ, которые фигурируют в самом конце текста присяги во всех основных изданиях, был найден в Херсонесе в ходе раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г., т.е. несколько лет спустя после обнаружения самой херсонесской присяги¹⁴. В изданном в 1901 г. IV томе IOSPE Латышев, опираясь на эстампаж и фотографию, присоединил его к основному тексту. В том же самом виде текст был воспроизведен и в IOSPE I². В настоящее время этот фрагмент хранится в фондах НЗХТ (инв. № 34954),

8 Zingerle J. Zum Bürgereid der Chersonesiten // Klio. 1927. Bd. 21. S. 66.

9 В данном случае вопрос об аутентичности этих двух текстов не имеет значения, поскольку элементы формуляра, нашедшие в них отражение, в любом случае не могут датироваться позднее второй половины IV в. до н.э. Комментарий к трем приводимым здесь местам см.: Knoepfler D. Loi d'Érétie contre la tyrannie et l'oligarchie (première partie) // BCH 2001. Vol. 125. P. 235.

10 Ср. также упоминание πρόβατα в формулах проклятий, содержащихся в двух критских договорах второй половины III в. до н.э. См.: Chaniotis A. Die Verträge zwischen kretischen Poleis in der hellenistischen Zeit. Stuttgart, 1996. No 10, l. 10 sq.: [μήτε γᾶ] καρπὸν φέροι μήτε πρόβατα [— μήτε γυναῖκας τίκτειν] κατὰ φύσιν (Элевтерна) и No 16, l. 1 sq.: [μήτε γᾶν φέρειν μήτε γυναῖκας] τίκ[τειν] κατὰ νό[μον] μήτε π[ρό]βατα [τίκ]τεν κατὰ νόμον (Акрос). Во всех приведенных примерах в отличие от херсонесской присяги отсутствует сопоставление γῆ – θάλασσα, хотя в проклятиях более позднего времени оно встречается нередко (примеры в надписях из Малой Азии см.: Strubbe J. APAI ΕΠΙΤΥΜΒΙΟΙ. Imprecations against Desecrators of the Grave in the Greek Epitaphs of Asia Minor. A Catalogue (Inscriptionen griechischer Städte aus Kleinasien 52). Bonn, 1997. P. 293.

11 Ср. εὐθηνεῖν в тексте из Итаноса. Трактовка этой формы как гипердоризма (Zingerle J. Zum Bürgereid. S. 67) не может быть принята, так как гипердорийские формы появляются в херсонесских надписях не раньше римского времени.

12 Напротив, хорошо засвидетельствован обратный процесс: глаголы на –αω в ряде дорийских диалектов образуют формы на –εω (Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago, 1955. § 161a).

13 Buck C. D. The Greek Dialects. § 157c.

14 Фрагмент был обнаружен случайно при замощении площади вокруг собора св. Владимира в Херсонесе (НА НЗХТ. Д. 28. л. 2, № 162). Издан без отдельного описания в составе текста херсонесской присяги в IOSPE IV. 79, p. 51 и IOSPE P. 401, p. 354. Фотография опубликована М. А. Шангиным (Шангин М. А. Некоторые надписи. С. 74).

где я имел возможность его осмотреть (илл. 2). Осмотр камня показал, что нет достаточных оснований для отнесения его к херсонесской присяге. Действительно, толщина фрагмента¹⁵ близка толщине стелы с текстом присяги, а надпись вырезана похожим шрифтом. Но на этом сходство заканчивается. Во-первых, фрагмент не соединяется с основной плитой в контакте, имея совершенно иной характер скола в верхней части. Во-вторых, на нем видны следы профилировки нижнего края, отсутствующие на стеле с присягой. Наконец, интервалы (0,8–0,9 см) между сохранившимися на фрагменте буквами [– –]ΘΑΝΑ[– –] заметно больше расстояния между буквами в заключительных строках херсонесской присяги.

Судя по всему, эта фрагментарная надпись содержит остатки или имени божества в дорийской форме [Α]θανῶ (ср.: IOSPE I². 406), или производного от него личного имени, например, хорошо засвидетельствованного в эллинистическом Херсонесе [Α]θᾶνα[ιος] (IOSPE I². 343, 345 etc). После исключения из рассмотрения этого фрагмента ничто не препятствует предположить, опираясь на приведенные параллели, что наиболее вероятное дополнение последней строки херсонесской присяги – μήτε π[ρόβατα ἐθῆνοϊ] («пусть не плодится скот»)¹⁶. Таким образом, формула проклятия в заключительном параграфе клятвы херсонеситов не выходит за рамки стандартного формульного типа классического и эллинистического времени.

15 Обломок представляет собой нижнюю часть мраморной плиты размером: 4,1/9/12,5 см. Высота букв –1 см.

16 Вместо π[ρόβατα] нельзя полностью исключать и восстановление π[ᾶματα] по аналогии с клятвой из Дрероса, однако другие примеры употребления этого обозначения в формулах проклятий мне неизвестны.

ТАМАНСКИЙ ТОЛОС И РЕЗИДЕНЦИЯ ХРИСАЛИСКА¹

Почти каждый отечественный антиковед, даже далекий от исследования древностей Боспора, увидев заголовок этой заметки, практически наверняка вспомнит название посмертной книги выдающегося советского археолога Н.И. Сокольского, раскопавшего в последние годы своей жизни этот замечательный памятник вблизи поселка «За Родину», в юго-восточной части Фонталовского полуострова. Как написала Н.П. Сорокина, подготовившая рукопись книги к изданию, «эти интересные памятники и их историческое толкование, бесспорно, являются выдающимся открытием Н.И. Сокольского»². И действительно, интерпретация этих материальных остатков истории Боспора времени поздних Спартокидов – Митридата Евпатора и его преемников в определенном отношении стала краеугольным камнем в понимании процесса реорганизации общественно-политического строя в этом государстве после того, как оно вошло в состав Понтийской державы Митридатидов. Особенно много в этом направлении было сделано С.Ю. Сапрыкиным³, критически развившим идеи, высказанные ранее его предшественником⁴.

Помимо прочего, этот многослойный памятник, в целом датируемый от V–IV вв. до н.э.⁵ до первых двух веков н.э. включительно, примечателен тем, что, пожалуй, лишь на нем среди всех прочих, исследованных раскопками поселений Таманского полуострова (кроме городских, разумеется) представлены не только слои, но и выразительные архитектурные остатки III– I вв. до н.э., относящиеся к двум строительным периодам (слои II и III, по номенклатуре их исследователя). Основой для их хронологии послужили различные датирующие находки, но определяющую роль все-таки играют монеты. Их было найдено более 80 экз., разделяются они на две примерно равные по численности группы: второй четверти III – середины II в. до н.э. и 20-х годов II – 30-х годов I в. до н.э.⁶ Именно эти горизонты жизни поселения и будет нас интересовать в дальнейшем.

В *ранний*⁷ из этих периодов здесь существовал архитектурный ансамбль, центральным элементом которого был довольно редкий тип ордерной постройки – толос, который находился внутри перистильного двора (ближе к западной его границе) трапециевидной в плане формы, по периметру которого располагались ряды помещений. Эти сооружения, по мнению Н.И. Сокольского, представляли собой «крупный культовый центр, подобный святилищам, существовавшим в древней Элладе». Его гибель, как он считал, связана с наступлением на Боспор окрестных варварских племен, одно из которых, разрушив святилище, превратило его в крепость, окружив ее валом. С этого момента («возможно... при Перисаде IV») начался *второй* период: «при Асандре... крепость превратилась... в резиденцию его сановника, Хрисалиска»⁸.

1 Работа выполнена в рамках проекта «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора в период эллинизма: общее и особенное», финансируемого РФФИ (№13-06-00081а).

2 Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 1.

3 Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996; *он же*. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002; *он же*. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) // АНК. Т. II. Ч. VIII. Политическая история Азиатского Боспора. Глава 2. М., 2010. С. 81–115.

4 Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. Вып. 143. М., 1975.

5 К древнейшему слою (I) относятся лишь разрозненные находки вне какого-либо конкретного архитектурного контекста.

6 Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 7–8, 45.

7 Здесь и всюду далее по тексту курсив мой. – А.З.

8 Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 1. В дальнейшем она «вошла в систему оборонительных укреплений северо-западной части Азиатского Боспора».

Внимательный читатель мог обратить внимание на то, что хронологическая схема и историческая интерпретация памятника не вполне точно совпадают. Если отсутствие нумизматических находок понимать как свидетельство того, что жизни здесь в течение нескольких десятилетий не было⁹, то возникают вопросы: когда на месте комплекса с толосом появилась крепость варваров (по Сокольскому, в 20-е годы II в. до н.э.) и можно ли предполагать, что те же варвары, которые разрушили архитектурный ансамбль, обосновались здесь спустя несколько десятилетий? Если же допустить, что «безмонетный» период соответствует присутствию здесь варваров, а возобновление денежного обращения маркирует возвращение этих земель под власть боспорского царя (последнего Перисада или, что вероятнее, уже Митридата Евпатора¹⁰?), получается, что крепость была построена при нем предшественником Хрисалиска.

Необходимо прямо сказать, что подлинные причины разрушения в пожаре комплекса с толосом в середине II в. до н.э. нам не известны. Никаких указаний в источниках на этот счет не имеется. Едва ли общие слова Страбона (VII. 4. 4) о том, что последний правитель из династии Спартокидов, изнемогая под гнетом все более обременительных поборов со стороны окрестных варваров, был вынужден добровольно передать престол Митридату, позволяют думать, будто еще раньше, уже с середины II в. до н.э., на исконных греческих землях Азиатского Боспора (через пролив недалеко и до столичной области) хотя бы временно обосновалось какое-то варварское племя, а в 20-х годах того же столетия даже построило крепость. Никаких археологических свидетельств его присутствия в середине – второй половине II в. до н.э. у нас нет. В крайнем случае допустимо предполагать эпизодический рейд противника¹¹. Однако до сих пор нигде больше на Таманском полуострове явные его следы обнаружены не были¹². Так что и это допущение остается в числе недоказанных и произвольных. Не было выявлено и следов перестройки самой крепости, погибшей в конце I в. до н.э. (ок. 14–13 гг. до н.э., согласно калькуляции Н.И. Сокольского¹³). Вопрос же о точной дате ее возведения, по всей видимости, остается открытым (при Митридите или все же позднее?).

Необходимо кратко остановиться еще на одном принципиальном для дальнейшей интерпретации моменте. После 30-летнего (говоря условно) перерыва на месте раннего комплекса жизнь возобновляется. При этом, как подчеркивал Н.И. Сокольский, с одной стороны, наблюдаются черты определенной преемственности (реконструкция зданий по периметру двора), а с другой – ярко выраженные инновации (разборка внешней колоннады толоса и пристройка к нему с западной стороны помещения; возведение на руинах северо-западного угла перистилия монументального двух-трехэтажного дома-башни из пяти больших помещений; сооружение вокруг городища вала и рва). Новые обитатели (строители крепости) явно пренебрегли архитектурным убранством предшествующих зданий, используя остатки ордерных построек в качестве строительного материала; их вкусы и уровень строительного мастерства был значительно ниже вкусов и профессиональных навыков предшественников. Как отметил исследователь, функциональная сторона дела превалировала над эстетической¹⁴.

9 Н.И. Сокольский допускал, что в течение этих тридцати лет жизнь «на пепелище» все же теплилась (Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 48).

10 Конечно, принимая в расчет, что и при понтийском владыке в денежном обращении сохраняются монеты, чеканенные при его предшественниках.

11 Ср. Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 89 и примеч. 1 (sic!).

12 Справедливости ради необходимо отметить, что не в последнюю очередь это может быть связано с относительно слабой исследованностью сельских памятников в этом регионе. Можно сослаться, по крайней мере, на один памятник, периодизация которого в интересующем нас пункте сопоставима с историей рассматриваемого городища. Так, на поселении Артюшенко 1 Ю. А. Виноградов выделяет четыре этапа его жизни, 3-й из которых датирован серединой III – первой половиной II вв. до н.э., а 4-й – уже I–III вв. н.э. Анализ нумизматических находок позволяет уточнить дискретность существования поселения. К 2008 г. здесь было найдено 30 монет, из них: 5 монет последней трети IV – начала III вв., 8 – первой половины III в. до н.э.; 12 – середины III – середины II вв. до н.э.; 2 – последней четверти II в. до н.э.; 1 – монета Реметалка (Виноградов Ю. А., Терещенко А.Е. Монеты поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // БИ. 2009. Вып. XXII. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. С. 135, 139–142).

13 Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 28; он же. Таманский толос. С. 52, 108.

14 Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 48–52.

Итак, если мы оставляем в стороне «варварский сюжет» для финала раннего архитектурного комплекса, перед нами остаются два периода в истории памятника (разделенных по крайней мере двумя-тремя десятилетиями, а возможно и несколько большим временным интервалом, см. примеч. 10), характеризующиеся в функциональном плане весьма по-разному. Если назначение позднего комплекса особых вопросов не вызывает (это крепость, другое дело – каков её ранг, кого и от кого она защищала?)¹⁵, то функциональная интерпретация раннего комплекса не столь очевидна, сколь может показаться (см. ниже). И наконец, еще один вопрос будет нас занимать: последовательное расположение на одном и том же месте двух разных сооружений – целиком дело случая или все-таки здесь имеется некоторая историческая преемственность? Вопрос может показаться странным и даже надуманным. Но не будем торопиться с выводами.

Для начала проанализируем месторасположение «резиденции Хрисалиска» с точки зрения стратегических задач, которые она должна была (могла) решать. Она расположена в 1,5 км от Азовского моря, у подножья пологого склона, спускающегося с севера, от морского берега, и переходящего в низменную долину, в настоящее время едва приподнятую над уровнем моря, поросшую растительностью, свойственной засоленным почвам. В недалеком прошлом в нижней части долины пролегла протока, которая соединяла западную часть Ахтанизовского лимана с северо-восточным углом Таманского залива (Субботин ерик)¹⁶. Не исключено, что в древности поселение находилось рядом с берегом неглубокого морского залива¹⁷. По сути дела, обзор местности из крепости был возможен только в пределах этой долины, с юга ограниченной Ахтанизовской грядой (с горой Цимбалы). В пределах Фонталовского полуострова (северная часть Таманского полуострова, отделенная так наз. Субботинским ериком) крепость располагалась в его восточном углу, вдалеке от городских центров¹⁸ и переправ через Киммерийский Боспор (Керченский пролив). В каком-то смысле ее местоположение можно характеризовать как «захолустное». Стратегическая роль крепости самой по себе могла быть весьма ограниченной, а какая-либо фортификационная система, одновременная интересующему нас памятнику, не известна.

В период жизнедеятельности крепости сельская территория Тамани пребывала в стадии упадка: численность сельских поселений по сравнению с III–II вв. до н.э. сокращается примерно втрое¹⁹. Состояние поселенческой системы в целом, по оценке Я.М. Паромова, достигло критической черты²⁰. Следы некоторого возрождения этих земель (особенно заметные как раз на Фонталовском полуострове) начинают прослеживаться лишь с конца I в. до н.э. и в первой половине I в. н.э., т.е. уже после разрушения резиденции Хрисалиска, примерно с того периода, когда здесь формируется система крепостей-батареек, по всему периметру и в центре контролирующая северную часть Таманского полуострова. А во времена Хрисалиска ничего подобного нет: его резиденция до сих пор остается единственным в своем роде памятником. Среди синхронных памятников некоторое, но не очень близкое, сходство с самим «домом Хрисалиска» можно обнаружить в укрепленных постройках усадебного типа у поселка Юбилейный²¹. Бóльшее сходство планировочного решения обнаруживается в доме на значительно более

15 Наиболее обоснованным представляется тот вариант решения этой проблемы, что был детально разработан С.Ю. Сапрыкиным (Понтийское царство. С. 275–278; *он же*. Боспорское царство. С. 181 слл., 200–201; *он же*. Позднееллинистический и римский периоды. С. 101).

16 Вовсе не факт, что так же было в античное время.

17 *Сокольский Н.И.* Таманский толос. С. 3.

18 О городских центрах Фонталовского полуострова см. *Завойкин А.А.* Проблема локализации Киммериды // ДГВБ 1996–1997 гг. М., 1999.

19 См. *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ. 2015. Т. 19.

20 *Паромов Я. М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореферат канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 12.

21 Расположены к северу от Кеп, в нижней части упомянутой долины, между Ахтанизовским лиманом и Таманским заливом, сразу к северу от так называемого Киммерийского вала. Собственно, речь об усадьбе Ю-I – постройке из трех помещений, ширина фундамента стен до 2 м (см. *Савостина Е.А.* Стела с двумя воинами: археологический контекст // Таманский рельеф / Ред. Е.А. Савостина, Э. Зимон. М., 1999. С. 25–30). Значительно труднее судить о планировке усадьбы-крепости в юго-западном углу Ахтанизовского лимана (см. *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86–96).

отдаленном Семибратнем городище²²... или на совсем уже далеком городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму²³, что весьма и весьма симптоматично.

Н.И. Сокольский считал, что «Хрисалиск, хотя и носил греческое имя, был выходцем из среды аспургиан, которые с конца II в. до н.э. начали играть большую роль в политической жизни Боспора»; именно аспургиане здесь и обосновались²⁴. При этом дается ссылка на сообщение Страбона (XI. 2. 11), согласно которому это «меотское племя» обитало между Фанагорией и Горгиппией, «около Синдики» (XII. 3. 29). Не касаясь сути вопроса о том, что собой представлял социум, именуемый аспургианами²⁵, отметим несколько моментов, имеющих отношение к нашей теме. Во-первых, допустимо ли считать локализацию их места обитания у Страбона достаточно общей, чтобы не обращать внимание на то, что резиденция Хрисалиска значительно (в масштабах Таманского полуострова, конечно) удалена от Фанагории к северо-востоку? Во-вторых, позволительно ли информацию географа о событиях и обстоятельствах самого конца I в. до н.э., при которых он упоминает аспургиан²⁶, переносить в конец, если даже не в середину (!), предшествующего столетия? Боюсь, что на оба этих вопроса следует дать отрицательный ответ. Этноним (квазиэтноним?) «аспургиане», конечно, имеет какую-то связь с личным именем сына Асандра, Аспурга. Это позволяет в *принципе* предполагать и какое-то отношение к ним самого Асандра, при котором крепостью управлял Хрисалиск. Но никак не более того²⁷.

Н.И. Сокольский же думал иначе. В частности, он писал: «Этнический состав приближенных Хрисалиска мы пытались проследить, анализируя выше многие стороны культуры, начиная с обнесения крепости валом²⁸, ритуального погребения, совершенного перед его насыпкой, уклада всей жизни, вплоть до отражения в ряде памятников (речь идет о терракотовых статуэтках. – А.З.) ирано-понтийских религиозных представлений²⁹. К этому еще добавим изображение тамгообразного знака на плите,

22 Укрепленная постройка (внешние стены –1,70 м) на раскопе «А» в северо-восточной части городища, датированная Н.В. Анфимовым второй половиной III в. до н.э. – I в. н.э. (Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА. 1941. Т. VII. С. 258–266. Рис. 1–3; он же, Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 107). Строительство здания Н. В. Анфимов (Новые данные к истории Азиатского Боспора. С. 263) относил ко второй половине III в. до н.э. По мнению же В. А. Горончаровского (Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК в 2001–2008 гг. // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 164–165), дата этого сооружения должна быть повышена по крайней мере на столетие (т.е. она синхронна «резиденции Хрисалиска»). Подробный анализ стратиграфии и хронологии дома см. Шаров О.В., Самарина Т.А. Семибратнее городище на рубеже эр // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конф. Краснодар, 2009. С. 426–430. На полах помещений С и Е были найдены монеты: одна времени Митридата VI, другая – Митридата VIII. Из датированных находок отмечены фрагменты светлоглиняных широкогорлых амфор с двустовальными ручками.

23 См. Внуков С.Ю. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // SUMBOLA. Вып. 1. М., 2010. С. 45 слл. Рис. 1. Строительство крепости с «башней-донжоном», центрального элемента укрепления, автор раскопок датирует с 10-х годов II в. до н.э.

24 Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 89 (со ссылкой на свою ранее опубликованную работу и на диссертацию Ю.М. Десятчикова – Процесс сарматизации Боспора. Автореферат. Дисс. канд. ист. наук. М., 1974. С. 6).

25 Представления об этом отличаются значительным разнообразием: племя меото-сарматского или иного происхождения, военная дружина или «партия» сторонников Аспурга, название которой происходит от его имени (подробно см. Сапрыкин С.Ю. «Аспургиане» // СА. 1985. №2. С. 65–76, с литературой). Сам автор статьи отрицает название «аспургиане» в качестве этнического понятия, присоединяясь к мнению, что оно производное от топонима – места обитания сторонников Аспурга, как он считает, на *ἄβρα βασιλική*, «на острове» (Фонталовский полуостров) и в Синдике (С. 68–70).

26 В контексте борьбы с Полемоном, римским ставленником на боспорский престол, который был захвачен в плен и убит аспургианами. По мнению Сокольского, именно Полемоном была разгромлена резиденция Хрисалиска.

27 См. также: Сапрыкин С.Ю. «Аспургиане». С. 76.

28 Сокольский считал, что прототипом этих образчиков земляной фортификации были укрепления меотских городищ. Стоит, однако, обратить внимание на то, что этот вид укреплений был известен на Боспоре задолго до того, как подобные сооружения вошли в обычай у меотов (например, Голубицкая 2 – см. Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н.э. // SUMBOLA. Вып. 1. М., 2010. С. 71–73; ср. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меоты // АНК. Т. I. Ч. II. Глава 4. М., 2010. С. 190 сл.: земляные оборонительные укрепления на меотских поселениях правобережья Кубани появились в IV в. до н.э.).

29 Именно «ирано-понтийских». Попытки Н.И. Сокольского хоть как-то «подогнать» под «аспургианскую парадигму» памятники мелкой пластики не выдерживают критики. Начать с того, что меоты (если уж считать аспургиан «меотами» в узком смысле) не очевидно были по языку иранцами (см. Тохтасьев С.Р. Этническая и демографическая история античного Северного Причерноморья (по данным эпиграфики и ономастики). СПб., 2012. С. 132: «О языках этих народов большей частью ничего не известно», С. 138: сам исследователь считает аспургиан сарматами, «которые, как известно, появились в этих краях лишь незадолго до времени Страбона»). С.Ю. Сапрыкин («Аспургиане». С. 67) ставит имя «Аспурга» в один ряд с иранскими царскими именами «Митрида», «Фарнак», «Махар» дома Митридатидов, возводивших

где выбита Тиха-Нварено, близкого подобным же знакам, которые принято связывать с памятниками сарматского круга³⁰. Все эти данные не оставляют сомнений в этнической принадлежности как самого Хрисалиска, так и его ближайшего окружения – они были аспургианами»³¹. Ссылаясь на Страбона (XI. 2. 11; XII. 3. 29), исследователь относит «время их обоснования на землях азиатского Боспора к концу (или даже к середине. – А.З.) II в. до н.э.», выстраивая логическую конструкцию: последний Перисад, пытаясь спасти государство от сарматской угрозы, привлекает меотское племя аспургиан («к этому времени уже обосновавшихся на территории его государства!»).

Н.И. Сокольский считал, что известная со времен Аспурга должность «начальника острова» (ὁ ἐπί τῆς νήσου – КБН 40) связана с Фонталовском полуостровом. При Аспурге эту должность занимал Менестрат, сын Менестрата, а его предшественником был Хрисалиск. Но, во-первых, нам до сих пор не известна номенклатура административных должностей при предшественниках Аспурга, и поэтому допущение более раннего формирования бюрократической «табели о рангах» на Боспоре представляется слишком рискованным³². А во-вторых, нет убедительных данных, аргументирующих островной характер Фонталовского полуострова, напротив, имеются достаточно веские возражения против этого³³. И наконец, в-третьих, надписи фиксируют особенную должность «начальника аспургиан» – ὁ ἐπί τῶν ἀσπουργιανῶν (КБН 36, А, 16-17 [Тейран]; 1246, 6; 1248, 1, 8-9-2, 2 [оба списка – Рескупорид III, сын Савромата]³⁴). И хотя эти надписи довольно поздние, мы имеем полное право полагать, что возникла упомянутая в них должность раньше и существовала одновременно с должностью «начальника острова», под которой более всего оснований понимать наместничество над всей территорией Таманского полуострова³⁵. Существенно и то, что в данном случае, как и во всех других (наместники Феодосии и Горгии), следует говорить о территориальном объекте управления. Поэтому и под «начальствованием» над аспургианами, надо думать, подразумевается власть над территорией, которую занимали аспургиане, за пределами Таманского полуострова.

Были, на мой взгляд, в рассматриваемой интерпретации допущены и некоторые хронологические натяжки. Н.И. Сокольский полагал, что со времени Асандра (после 48–47 гг. до н.э.), оценившего стратегическое положение Фонталовского полуострова, резиденция Хрисалиска вошла в систему 12 крепостей-батареек, контролирующих этот микрорегион³⁶. Однако больше оснований полагать, что эта

родословную к Ахеменидам. Далее, трудно найти убедительное объяснение столь быстрой «эллинизации» варваров, если даже пытаться трактовать о переосмыслении эллинских и малоазийских божеств на варварский лад. Но все эти косвенные возражения меркнут и теряют смысл, если не замыкаться в узком круге источников интерпретируемого памятника: комплекс терракоты из резиденции Хрисалиска находит столь близкие аналогии, например, в синхронном комплексе поселения Полянка в Восточном Крыму (по подсчетам исследователей, «процент тождественности 80–85%»), что остается лишь соглашаться с теми, кто объясняет их появление инфильтрацией в состав населения Боспора выходцев из Южного Понта, появившихся здесь одновременно с Митридатом Евпатором (*Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Люди их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // *Человек и общество в античном мире* / Ред. Е.С. Голубцова. М., 1998. С. 432–440).

30 Не так все просто и с интерпретацией «знака», расположенного по левую руку от богини, которая в правой руке держит копье наконечником вниз, опирающимся на башню укрепления (в левой – скипетр с навершием в виде солярного знака – «звезды-солнца»), справа от башни – «вероятно, другая часть укрепления, вверху переходящая в тамгу» (*Сокольский Н.И.* Таманский толос. С. 40, 42. Рис. 31). Сложно сказать, где завершается «укрепление» и начинается «тамга» в виде двузубой вилки.

31 *Сокольский Н.И.* Таманский толос. С. 106–107.

32 Ср. *Сапрыкин С.Ю.* «Аспургиане». С. 69.

33 Например, см. *Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Шлотцауер У.* Новые данные о Таманском полуострове. С. 69: «Основываясь на данных бурений можно достоверно утверждать, что рукавов Кубани в районе так называемой “Шемарданской протоки” и Субботинового Ерика в античное время не существовало. Этот архипелаг был образован одним большим и двумя малыми островами (рис. 1), что подтверждается также исследованиями участников российско-французского проекта (Горлов и др., 2002; Горлов, 2008)». См. также: *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // *Труды ГИМ. Вып. 201. Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников* / Ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. М., 2014. С. 151, 154. Рис. 1.

34 Первая из Пантикапея, в списке аристопилитов; другие две – из Танаиса.

35 См. *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // *ВДИ. 2007. № 1. С. 231–233. Рис. 1–4.* В надписи из Фанагории эта должность названа «нессарх» (νησάρχης).

36 *Сокольский Н.И.* Таманский толос. С. 107.

фортификационная система сложилась позднее, уже при Аспурге³⁷, в пользу чего, в частности, свидетельствует и стратиграфия анализируемого памятника. Согласно наблюдениям самого исследователя, «погибшее при карательной экспедиции Полемона в 14–13 гг. до н.э. укрепление Хрисалиска оставалось лежать в развалинах до времени гибели царя в 8 г. до н.э. Только после этого оно было снова возрождено к жизни в качестве обычной крепости, которая функционировала на протяжении I–II вв. н.э., входя в единую оборонительную систему “острова”»³⁸.

Общий вывод можно предложить лишь тривиальный: мы имеем дело с памятником понтийского этапа боспорской истории (конец II – I в. до н.э.)³⁹, не связанным с предшествующей системой землепользования. По все видимости, это поселение-крепость была населена по повелению царя выходцами из Малой Азии (возможно, не только ими), которые на определенных условиях (военно-охранная служба) получили землю, и, таким образом, стали «проводниками царской воли на месте». К такому же заключению пришел ранее С.Ю. Сапрыкин, говоря о военных поселенцах, катойках⁴⁰. В отличие от него мы заострили внимание на «изолированности» поселения-крепости. Делая скидку на то, что наши знания весьма и весьма неполны, необходимо все же таки констатировать: этот памятник на протяжении всего I в. до н.э. оставался единственным в своем роде, во всяком случае на Фонталовском полуострове. Если даже со временем удастся отыскать что-то подобное, сомнительно, что и после этого позволительно будет видеть здесь новую *систему* расселения. Также трудно допустить, что назначением «резиденции Хрисалиска» был контроль за увядающей системой поселений в этом районе. И стратегическая ее роль здесь не очень понятна. Возможности изолированной крепости в этом плане слишком незначительны, да и место для этой цели выбрано не самое удачное. Но все-таки, почему именно это место? Возможно, не только потому, что «свято место пусто не бывает» или из-за удобства обустройства крепости там, где руины предшествующих построек были пригодны для нового строительства.

Пришла пора поговорить об этих предшествующих постройках, усадьбе с перистильным двором и толосом. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что этот памятник тоже единственный в своем роде на Таманском полуострове, как в архитектурно-планировочном отношении, так и по местоположению. Расположенный вдали от городских центров⁴¹, он выделяется на фоне других памятников сельской территории своей монументальностью также, как в Восточном Крыму Генеральское Западное среди других поселений Европейского Боспора IV – первой трети III вв. до н.э.⁴²

Что же он представлял собой в функциональном отношении? С архитектурно-планировочной точки зрения, если на время отвлечься от толоса, – это типичный образец крупного усадебного комплекса, находящий множество аналогий в разных частях Средиземноморья и Причерноморья⁴³. Не подлежит сомнению, что, с учетом местоположения, открытые раскопками Н.И. Сокольского архитектурные остатки *без толоса* именно так и были бы интерпретированы, хотя тот же принцип

37 См. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов. С. 106–108 (с литературой).

38 Сокольский Н. И. Таманский толос. С. 11. С. Ю. Сапрыкин («Аспургиане». С. 71) без дополнительной аргументации датировал формирование системы укреплений на Фонталовском полуострове серединой I в. до н.э., с чем невозможно согласиться.

39 Характерным, как мы видели (примеч. 23), и для других регионов, входивших в состав державы Митридата VI.

40 Например, см. Сапрыкин С. Ю. Позднееллинистический и римский период. С. 89: «Это были своего рода катойки или клерухии, куда селили воинов для обработки пахотных земель, которые были обязаны за плату, в том числе деньгами (это в основном были наемники), нести военно-сторожевую службу... Такими же по характеру укреплениями стал застраиваться Фонталовский полуостров, важный рубеж на северо-западе Синдики, охранявший подступы к Фанагории, Гермонассе, Апатуру и другим городам как по морю, так и по суше (? – А. 3.)». Ср. Сапрыкин С. Ю. «Аспургиане». С. 70, 74–75 (где говорится о тесной связи с меото-сарматским миром),

41 Из письменных источников известно, что (помимо Патрея, локализуемого у западной окраины пос. Гаркуша) в северо-западной части Фонталовского полуострова, у пролива располагались два полиса – Ахилий и Киммериды, установить точное местоположение которых не представляется возможным (см. Завойкин А. А. Проблема локализации Киммериды. С. 220–236). Ближайшим к интересующему нас памятнику городским центром были Кепы, расположенные к югу от «Субботина ерика», на берегу Таманского залива.

42 Масленников А. А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников (ДБ Suppl. III, 1). М., 2010. С. 54 слл.

43 Например, усадьба 6 поселения Панское I в Северо-Западном Крыму (Hannestad L., Stolba V. F., Ščeglov A. N. Panskoye I. Vol. 1, 2. The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. Pl. 7.

организации пространства присущ был как святилищам, так и другим типам общественных построек, расположенным, например, на агоре⁴⁴. Для Н.И. Сокольского, однако, важнейшим элементом для интерпретации памятника в целом стало исследование функциональной роли в комплексе толоса. Он отмечает разнообразие мнений по вопросу о значении в греческом мире круглых зданий (героон, одеон, трапезная, храм, пританей, сокровищница), но сам исследователь склонился к мнению Ф. Робера, согласно которому «Смысл круглых зданий сложен, и он не может быть сведен к одному какому-то значению, поскольку эти здания являются культовыми, а сами культы могли служить как общественным, так и чисто религиозным целям», подчеркивая связь этих построек с хтоническими и земледельческими культами, в особенности – с культом очага⁴⁵. Сознвая сложность выявления «значения и смысла» таманского толоса, Сокольский попытался определить их, обратившись к изучению особенностей всего архитектурного комплекса, построенного одновременно во второй четверти III в. до н.э., фокусируя внимание на выделяющиеся большими размерами, фундаментальностью и некоторыми архитектурными особенностями центральное (VI) и угловые (I, II) помещения западной постройки. Если в отношении последних сложно сказать что-то однозначно (о южном помещении сказано, что «оно должно было играть какую-то значительную роль – если не равнозначную, то, может быть, близкую к толосу»), то о назначении центрального, как полагает исследователь, двух мнений быть не может – это андрон или гестиаторий, которые обустраивались и в частных домах, и в общественных постройках, в том числе при святилищах. По расчетам Сокольского, в этом помещении вдоль стен устанавливалось 18 клине⁴⁶. Соседние помещения он интерпретирует как склады для вина (и виноделия), а также – помещения для приготовления пищи, что характерно для святилищ⁴⁷.

Н.И. Сокольский отмечает, что общий облик ансамбля в виде перистильного двора весьма характерен (особенно в эллинистическую эпоху) как для частных, так и для общественных сооружений, а местоположение таманского комплекса, удаленное от городов, дает основание видеть в нем богатую загородную виллу, однако, по его мнению, этому определению противоречит наличие андрона, «а главное, ни в одной из них (вилл. – А.З.) нет здания, подобного толосу, которое придает всему ансамблю особое значение». (Пожалуй, с заключительным выводом исследователя не поспоришь.) Далее из данного заключения был сделан вывод о том, что раскопанный им ансамбль был святилищем или одной его основных частей (часть храмового комплекса, «автономного храмового хозяйства») ⁴⁸.

Исследователь попытался доказать, что раскопанное им «святилище» было знаменитым Апатуром⁴⁹, владычицей которого являлась Афродита Урания (наряду с которой здесь могли почитаться и иные божества). Для этого он, отмечая раннее сообщение Гекатея Милетского (F 165 = St. Byz. s. v.) о заливе (κόλλος) Апатур в Азии, ссылается на мнение Дюбуа де Монпере, который полагал, что речь идет об Ахтанизовском лимане⁵⁰, а хронологическую неувязку объясняет тем, что ранние

44 См.: в Моргантине – крытый продовольственный рынок – *macellum*, II в. до н.э. (*Bell M. The Terracottas. Morgantina Studies. Vol. I. Princeton, 1980. Pl. 2 (IE); idem. Le terracotte votive del culto di Persefonea Morgantina // Il tempio Greco in Sicilia. Architettura e culti / Ed. by S. Garraffo, D. Palermo, M. Frasco, E. Procelli (Cronache di archeologia. 16). Catania, 1977. Tav. XXXIX. 2); в Кассопе – рынок или гостиница – *καταλύσιον*, середина IV в. до н.э. (*Hoepfner W. Die griechische Agora im Überblick // Die griechische Agora / Hrsg. von W. Hoepfner, L. Lehmann. Mainz am Rhein, 2006, S. 25. Abb. 20); и др. См. Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 76.**

45 *Robert F. Thymèlè. Recherches sur signification et destination des monuments cirulaires dans l'architecture religieuse de la Grèce. Paris, 1939. P. 423–424; Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 72–73.*

46 Стоит, пожалуй, особо отметить чрезвычайно большой размер пиршественного зала – 64 м². Для сравнения: С.А. Коваленко, опубликовавший комплекс гестиатория на «Чайке» (25 м²), рассчитанного на 7 клине (1,40 x 0,70 м), считает, что подобных размеров трапезные наиболее характерны и ссылается на ряд примеров в святилищах и гражданских общественных зданиях (*Kovalenko S. A. The Hestiatorion of the Chaika Settlement in the North-Western Crimea // Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity / Ed. by G.R. Tsetschladze (BAR International Series 2432). Oxford, 2012. P. 157).*

47 *Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 74–75, 76. Рис. 40.*

48 *Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 76, 77.*

49 Одним из трех, по его мнению. Другие два – в Фанагории и Гермонассе (или рядом с ней). Новейшую работу по локализации Апатура см.: *Kuznetsov V. Apatouros // Altertümer Phanagorias. Bd. 3 / Hrsg. von N. Povalachev. Göttingen, 2014. P. 111–130.*

50 *Dubois de Montpèrèux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesse et les Abkhases. Vol. V. Paris, 1843. P. 244.*

постройки могли быть или скрыты при строительстве во второй четверти III в. до н.э., или же не попали в раскопанную им площадь («находились поодаль»); ссылается также на локализацию Апатура Птолемеем (VI. 8. 5) «на месте нашего таманского ансамбля»; наконец, усматривает подтверждение своему мнению в свидетельстве Плиния (*NH. V. 18*) об опустевшем в его время Апатуре, отмечая хронологическое соответствие этого источника гибели во II в. н. э. крепости-преемницы резиденции Хрисалиска⁵¹. Не смущает исследователя и относительная бедность находок, которые можно было бы отнести к предметам культа (в частности алтарей, которые, по его мнению, могли просто не сохраниться), отсутствие посвященных надписей, не только лапидарных, но и хоть каких-либо граффити с указанием имени божества («которые бы сняли всякие сомнения относительно интерпретации архитектурного ансамбля и толоса как Апатур»), а также – культовой терракоты⁵² и т.п. (Правда, среди находок можно отметить две небольшие мраморные головки: мужской [Аполлон? Геракл?] и богини Тихи⁵³.)

Идею «третьего Апатура» сложно считать надежно обоснованной: сомнительна локализация залива по Дюбуа де Монпере и его представление о Тамани как «трех основных островах», отвергнутое современной наукой. Разве что с большой натяжкой допустима локализация Птолемея⁵⁴. Неприемлема синхронизация гибели крепости-батареи в качестве «правопреемницы» знаменитого святилища с указанием Плиния. Впрочем, как и саму интерпретацию эллинистического комплекса в качестве святилища: в пользу этого – лишь архитектурные особенности (андрон, толос), против – отсутствие находок, связанных с культовой практикой (инвентаря, вотивов) и посвященных надписей.

Вообще говоря, утверждение, что андрон совершенно не характерен для богатых загородных вилл эллинистического времени – явное преувеличение, опровергнуть которое можно ссылками на известные примеры⁵⁵. Да и просто здравый смысл подсказывает, что такие комнаты, специально приспособленные для парадных застолий, являлись традиционным элементом планировки домов состоятельных людей как в городских усадьбах, так и в загородных, поскольку отражают одну из традиционных сторон эллинского образа жизни верхнего (отчасти и среднего) слоя общества⁵⁶. Такого рода специальные парадные помещения характерны и для частных построек, и для общественных. Разделить их значимость по архитектурному критерию сложно, если вообще возможно. Так, андрон, открытый раскопками на акрополе Пантикапея, на мой взгляд, вполне резонно связываемый исследователями с домом-дворцом времени Сатира I – Левкона I⁵⁷, мог использоваться его хозяином как для проведения частных мероприятий, так и, учитывая статус его владельца, для застолий официального характера. Иначе говоря, совершенно не обязательно подобные помещения использовались исключительно для культовых трапез⁵⁸, следовательно, на-

51 Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 78–79.

52 Сокольский Н.И. С. 80–84. В частности, исследователь пишет: «Однако памятники, которые отражали бы это, как ни удивительно, прослеживаются, на наш взгляд, в следующем этапе истории этого места, уже связанного с резиденцией Хрисалиска». Это рассуждение, действительно, вызывает удивление (см. выше, прим. 29).

53 Сокольский Н.И. Рис. 43, 44.

54 Примера ради, ср.: *Зубарев В. Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. 1999. Т. 2. С. 134–136; *он же.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции М., 2005. С. 351–355.

55 Например: *Jones J. E.* A Country House in Attica // *Archaeology*. 1963. Vol. 16. P. 28; *idem.* Two Attic Country Houses // *ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΑ ΑΝΑΛΕΚΤΑ ΕΞ ΑΘΗΝΩΝ*. 1974. No VII. P. 183.

56 См. *Кутайсов В. А.* Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА. 1985. №3. С. 183–188. Здесь же см. сводку исследованных комплексов с андроном в Северном Причерноморье, которую следует дополнить публикацией С.А. Коваленко (Гестиаторий Чайкинского городища // ВДИ. 2009. №1. С. 119–135; *Kovalenko S.A.* The Hestiatorion of the Chaika Settlement. P. 153–161).

57 *Толстиков В.П., Ломтадзе Г.А.* К вопросу о времени основания базилики Спартокидов на акрополе Пантикапея // ДБ. 2001. Т. 4. С. 430–431. Рис. 2. 1. Дом с андроном в третьей четверти IV в. до н.э. был перекрыт новым дворцом с перистильным двором (*Толстиков В.П.* Новые материалы к изучению ансамбля базилики на акрополе Пантикапея ДБ. 2006. Т. 9. С. 284–286).

58 О трапезных (dining rooms) в святилищах см.: *Bookidis N.* Ritual Dining at Corinth // *Greek Sanctuaries. New Approaches*. London; New York, 1993. P. 45–61; *Bookidis N., Stroud R.S.* The Sanctuary of Demeter and Kore. Topography and Architecture (Corinth. Vol. XVIII. Pt. III). Princeton, 1997. P. 292 ff. Обычно они имеют мало общего с андроном в таманском комплексе, «единичность» и обособленность которого скорее противоречат идее Н.И. Сокольского. Известны случаи

личие андрона в таманском комплексе – само по себе не аргумент в пользу культовой функции этой постройки в целом.

Другое дело толос. При всем многообразии функциональных контекстов (культовых и гражданских), сопровождающих постройки этого типа, пожалуй, необходимо признать, что сами они не могут быть интерпретированы в сфере сугубо профанной. Культовый аспект их использования, пожалуй, очевиден. Но ведь ровным счетом то же самое можно сказать и о других культовых постройках, храмах. Например, на том же акрополе Пантикапея, рядом с царским дворцом, построенном при Перисаде I, располагался маленький храм Диониса⁵⁹, служивший своего рода «дворцовой церковью» Спартокидов. Таким образом, я не вижу никаких оснований для того, чтобы культовую функцию толоса распространять на другие элементы рассматриваемого архитектурного комплекса, равно как и на него в целом. Хотя, конечно, приходится признавать, что культовая постройка (еще и столь неординарная в архитектурном плане) в составе усадебного комплекса – явление, далеко выходящее за рамки обыденности. Это уже не просто усадьба очень богатого человека. Но как же тогда может быть интерпретирован этот загадочный памятник эллинистического времени? Очевидно, что умозрительные объяснения здесь никого не удовлетворят. Ответ на поставленный вопрос следует искать только среди самих материалов, добытых раскопками Н.И. Сокольского, который сожалел о том, что отсутствие эпиграфических документов не позволяет дать окончательное объяснение характеру памятника. Однако... такие документы, на мой взгляд, имеются.

Подчеркивая единовременность строительства всего комплекса, Н.И. Сокольский, в частности, сообщает, что «черепичное покрытие крыш состояло в основном из черепиц царских заводов, производство которых, судя по имеющимся клеймам, падает на довольно узкий период их изготовления». Большинство клейм представлено штампами ΒΑΣΙΛΙΚΗ (17 экз.)⁶⁰ первой группы по В.Ф. Гайдукевичу⁶¹, помимо которых была использована черепица Диотима (8 экз.; не считая более поздней черепицы, связанной с ремонтом кровли, клейменной сокращением ΚΟ и монограммами – тех и других 3 экз.)⁶². В настоящее время все большую популярность приобретает мнение, что клейма на черепице отражают не только и не столько принадлежность тому или иному производству (производителю), сколько указывают заказчика партии керамид для частных или общественных нужд⁶³: домов, храмов, других общественных построек, в том числе, принадлежащих царской династии. Если признать справедливым такой подход к источнику, думаю, что вопрос об имущественной принадлежности таманского комплекса можно будет считать решенным: это царская вилла (резиденция) – βασιλεία.

К созвучному по смыслу заключению, опираясь исключительно на анализ планировки и средиземноморские аналогии, ранее пришел Я. Боузек, который полагал, что эллинистический комплекс с толосом если и не был летней резиденцией боспорских царей, то кого-то близкого царской семье. Здесь проводились пышные общественные трапезы, как это было свойственно для жизни социальный верхов в эллинистических царствах⁶⁴.

расположения ряда равновеликих гестиаториев вокруг перистильного двора (*Berquist B. Heracles on Thasos. Uppsala, 1973. P. 48; Tomlinson R. A. The Buildings in Sanctuaries of Asklepios // JHS. 1969. Vol. LXXXIX. P. 111*).

59 Толстиков В.П. Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея. (К проблеме локализации, интерпретации графической реконструкции) // ДБ. 2000. Т. 3. С. 305. Рис. 4, 5.

60 Возможно, после 265 г. до н.э.: на том основании, что в комплексе гибели поселения Генеральское Западное (ок. 265–240 гг. до н.э.), в котором найдено свыше 400 клейм с 25-ю именами собственными, не было ни одного «царского» клейма (Толстиков В.П., Ковальчук А.В. Черепичные клейма из раскопок Пантикапея 1990–1991 гг. // ДБ. 2005. Т. 8. С. 383–384).

61 Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 292.

62 Сокольский Н.И. Таманский толос. С. 74, 60.

63 Кузнецов В.Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. 2008. Вып. 21. С. 392–403 (особо – С. 400); Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция керамических клейм. Т. I). Киев, 2012. С. 21.

64 Bouzek J. Palastartige Anlagen Schwarzmeergebiet // Basileia. Die Paläste der hellenistischen Könige / Hrsg. von W. Hoepfner, G. Brands. Mainz am Rhein, 1996. S. 216–217. На эту работу мое внимание любезно обратил В.Д. Кузнецов, оказавший мне также всемерную поддержку при написании данной статьи, включая обеспечение литературой из личной библиотеки, за что я ему искренне признателен.

Такая интерпретация архитектурного комплекса побуждает к переосмыслению целого ряда исторических проблем, прежде всего, связанных с понятием «царских земель» на Боспоре вообще и на Таманском полуострове в частности⁶⁵. В числе прочего, уместно будет вновь рассмотреть вопрос о реконструкции Киммериды, «основанной боспорскими тиранами» (Ps.-Scymn. *Per.* 896–898). Но эта тема должна быть изучена в отдельном исследовании. Здесь же в заключение, видимо, стоит попытаться ответить на вопрос, сформулированный в начале работы. Представляется, что «в свете вновь открывшихся обстоятельств» допустимо предполагать, что топографическое соотношение «царской резиденции» Спартокидов и «резиденции Хрисалиска» (царского «наместника») определяется отнюдь не случайным совпадением местоположения или удобством использования руин усадебного комплекса для нужд крепости времен Митридата Евпатора.

65 На эту тему см. *Завойкин А.А.* «Царская хора» и ранние Спартокиды // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 100–107.

ПОКІЛА: МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ, РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ

С.А. Доманина

КЕЛЬТСКИЙ ТОРКВЕС: ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО К САКРАЛЬНОМУ

Торквес, или шейная гривна, является наиболее характерным кельтским украшением; С. Дей именует его «элементом истинной национальной тождественности»¹. Очень интересным и до сих пор не решенным является вопрос о происхождении самого термина «торквес». Большинство историков и лингвистов считает его производным от латинского *torquere* – «крутить, сгибать»². Обосновывают это тем, что часть кельтских торквесов представляют собой ожерелья из скрученных металлических прядей. Следует, однако, отметить, что подобного рода этимология данного названия представляется спорной по двум основным причинам. Во-первых, торквесы из крученых нитей достаточно редки³, и у нас нет никаких оснований предполагать, что именно такая форма являлась базовой, исходной для кельтского торквеса. Во-вторых, сомнительно само латинское происхождение термина, означающего вещь сугубо кельтскую, не имеющую аналогов в римской культуре (в Риме торквесы распространяются лишь в период Поздней Республики – именно как заимствование у кельтов – и используются для награждения отличившихся воинов). Поэтому более вероятной представляется кельтская версия происхождения этого названия.

В этой связи весьма любопытно, что в ирландском языке ожерелье (шейная гривна) именуется *muin-torc*⁴, а иногда и просто *torc*. Как известно, Ирландия практически избежала римского влияния и уже потому вряд ли могла заимствовать термин, обозначающий национальный тип украшения, история которого уходит глубоко в доримскую эпоху. И действительно, *muin-torc* – это соединение двух ирландских слов: *muin* – «шея» (точнее, корень от *muinel* – «шея») и *torc* – как ни странно! – «вепрь»⁵. Получается, что в Ирландии это украшение именовалось «шейным вепрем». Ирландскому *torc* – «вепрь» имеются параллели и в других кельтских языках: в валлийском – *twrch*, в древнекорнуэльском – *torch*, в бретонском – *tourc* 'h⁶. С лингвистической точки зрения вполне понятно, что в разговорном языке могло использоваться как полное название торквеса – *muin-torc*, так и сокращенное – *torc*, особенно если из контекста было ясно, что речь идет не о животном, а именно об ожерелье. Возможен, кстати, и другой вариант сокращения, когда звучала только первая часть слова – *muin*, и не отсюда ли по созвучию возникло греческое наименование торквеса – $\mu\alpha\upsilon\acute{\iota}\alpha\kappa\tau\varsigma$,

1 *Deys S. Images des dieux de la Gaule. Paris, 1992. P. 18.*

2 *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 1019; Биркхан Г. Кельты: история и культура / Пер. Н. Чехонадской. М., 2007. С. 402.*

3 *Пауэлл Т. Кельты. Воины и маги / Пер. О. А. Павловской. М., 2003. С. 76.*

4 *Льюис Г., Педерсен К. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков / Пер. проф. А.А. Смирнова. М., 2002. С. 14.*

5 *Льюис Г., Педерсен К. Краткая сравнительная грамматика. С. 14.*

6 *Льюис Г., Педерсен К. Краткая сравнительная грамматика. С. 14.*

как именует его, в частности, Полибий (II. 31. 5), а вовсе не от греческого *μαρία* («бешенство, восторг»)?⁷ Во всяком случае, кельтское происхождение названия этого шейного украшения кажется предпочтительным, в том числе и потому, что аналогов латинскому *torquere* в кельтских языках не обнаруживается.

Конечно, возникает вопрос: а причем здесь, собственно, вебрь? Дело в том, что вебрь издавна считался у кельтов олицетворением силы и мужества (а по версии Р. Генона – также и духовной власти в обществе); позднее он становится священным символом друидов⁸. Как мы увидим далее, подобное обозначение шейной гривны могло быть напрямую связано с ее непосредственными носителями.

Торквесы появляются в кельтском мире во второй половине VI в. до н.э. и получают широкое распространение с V в. до н.э., в период великой экспансии. Возможно, они были заимствованы с Востока: сходные шейные гривны VI–V вв. до н.э. найдены в Иране⁹ (илл. 1). Разумеется, можно говорить и о взаимовлиянии индоевропейских культур, поскольку заимствование могло идти с обеих сторон. Один из самых древних сохранившихся кельтских торквесов был обнаружен в курганном захоронении в Хохдорфе близ Штутгарта и датируется примерно серединой VI в. до н.э., т.е. эпохой Гальштатта D¹⁰ (илл. 2). Здесь шейная гривна соседствует с предметами воинского быта (особенно многочисленны наконечники стрел) и с элементами статусного значения, среди которых выделяется пояс с золотыми обкладками, служивший в индоевропейских культурах и знаком воина, и символом высокого социального положения¹¹ (илл. 3).

Любопытным свидетельством взаимовлияния культур может послужить, например, более поздний торквес из Трихтингена (Вюртемберг, III в. до н.э.), который имеет наверху в виде голов животных, глядящих друг на друга, что характерно для ахеменидской культуры, но «довольное» выражение на мордах быков и перекрученные торквесы на их шеях – типично кельтские черты, которые позволяют отнести его к среднелатенской эпохе (илл. 4). Сам этот торквес представляет собой железный стержень большого диаметра, покрытый толстым слоем серебра, весит около 6 кг и, по-видимому, не предназначался для человека, а имел votivное или ритуальное назначение¹².

Интересно, что это ожерелье является практически единственным известным нам серебряным (или «полусеребряным») торквесом на территориях Галлии и Британии, т.к. найденные здесь торквесы изготавливались, как правило, из золота, бронзы или железа¹³ (в отличие от Испании, где были обнаружены и серебряные шейные гривны¹⁴, но это, скорее всего, объясняется как особенностями местных верований, так и, в немалой степени, богатыми испанскими месторождениями серебра). По свидетельству же античных авторов (Polyb. II. 31. 5; Verg. *Aen.* VIII. 660–661; Plin. *NH.* XXXIII. 15), кельты эпохи экспансии носили исключительно золотые шейные украшения, что подтверждается и данными археологии. В более позднее время (II–I вв. до н.э.) золотые торквесы исчезают из погребений¹⁵, и в дальнейшем почти все они изготавливаются из желтой бронзы или латуни (лишь изредка из железа и никогда – из серебра). Например, на кладбище в Карцагетто близ Мантуи в женских погребениях найдено большое количество характерных бронзовых торквесов¹⁶, хотя следует отметить, что уже с позднего Гальштатта они гораздо чаще

7 Впрочем, как указывает О.Л. Габелко, данный термин применяется Плутархом и для обозначения персидских шейных гривен (*Praec. ger. reipubl.* 808f) и может иметь индоиранское происхождение (Габелко О.Л. «Псевдогалаты» в античных источниках (2). Гезаты: содержание понятия и географический контекст // KOINON ΔΩΡON: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонова от друзей и коллег / Сост. и науч. ред. А.А. Сеницына и М.М. Холода. СПб., 2014. С. 53. Прим. 8).

8 Генон Р. Символы священной науки / Пер. Н. Тирос. М., 1997. С. 189–196.

9 Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие / Пер. Л.П. Можанской, Е.В. Тарабрина. Прага, 1961. С. 87.

10 Мец Ф. И. О богатом кельтском погребении середины VI в. до н.э. в Хохдорфе // ВААЭ. №6. С. 92–104 (http://www.ipdn.ru/tics/va/_private/a6/92-104-mec.pdf).

11 Мец Ф. И. О богатом кельтском погребении.

12 Пауэлл Т. Кельты. С. 219.

13 Аллен С. Кельты. Властители битв / Пер. А. Колина. М., 2010. С. 112.

14 González-Ruibal A. Artistic Expression and Material Culture in Celtic Gallaecia // Journal of Interdisciplinary Celtic Studies. 2004. Vol. 6. The Celts in The Iberian Peninsula / Ed. by M. Alberro and B. Arnold. P. 113–166.

15 Пауэлл Т. Кельты. С. 87.

16 Биркхан Г. Кельты. С. 106.

встречаются в женских захоронениях, нежели в мужских. Так, Дж. Коллис отмечает, что в периоды Гальштатт D и Латен A на востоке и севере Франции (культура Марны) и в долине Среднего Рейна и Мозеля мужчин хоронили с оружием, а женщин – с украшениями, включая обязательный торквес, в ту эпоху, как правило, золотой¹⁷. В более позднюю эпоху оружие постепенно исчезает из мужских погребений¹⁸, а в женских золото заменяется на бронзу и латунь (илл. 5), но никогда на серебро. В то же время, золотой торквес является важнейшим атрибутом мужских изображений эпохи, символом воинской доблести, в определенном смысле – символом места в воинской иерархии¹⁹ (илл. 6).

Возможно, такое явное игнорирование серебра как материала для торквесов следует понимать в контексте символического значения металлов. Золото всегда отождествлялось с солнцем, мужским началом, олицетворяло величие, превосходство, силу и божественную природу. Серебро же считалось металлом Луны, соответствующей женскому началу, т.е. слабости, непостоянству и вообще темной, человеческой природе²⁰. Таким образом, золото, используемое как амулет, прибавляло силы и энергии (и, значит, очень хорошо подходило для воинов), а серебро, наоборот, отнимало их. В такой интерпретации наличие в женских захоронениях исключительно золотых либо заменяющих их по цветовой гамме латунных и бронзовых торквесов открывает довольно широкий простор для предположений. Так, шейные гривны из «желтого металла» могли означать для женских захоронений важные принципы перехода в новый, лучший мир; с другой стороны, вполне возможно, что в этих случаях мы имеем дело с могилами женщин-воинов или даже вождей племен²¹.

В этом же контексте чрезвычайно интересно уникальное женское захоронение IV в. до н.э., обнаруженное в 1996 г. в Грейт Хаутоне (Нортхэмптон). Характер останков тридцатилетней женщины, а именно плохое состояние зубов и следы тяжелого физического труда на ее костях, свидетельствует о том, что ее социальный статус был невысоким. Обстоятельства захоронения – тело расположено лицом вниз, руки и ноги связаны – позволяют предположить насильственный характер смерти и даже возможное жертвоприношение²². На шее женщины находился надетый задом наперед торквес, изготовленный из свинца, что является совершенно необычным случаем для этого рода изделий. Известно, что в древности свинец специально выбирался в качестве темного, тяжелого основного компонента сплава для табличек с проклятиями, которые использовались при общении со злыми духами. А если к этому уникальному выбору металла добавить столь же непривычное и вряд ли случайное положение торквеса, то можно согласиться с М. Грин, что в данном случае шейная гривна должна была символизировать оскорбление, позор и наказание в потустороннем мире, вероятно, потому что женщина нарушила какие-то правила своей общины или же была исключена из нее²³. Этот случай – с необычным выбором металла, цвета и положения шейной гривны – может служить интересным свидетельством в пользу значимости торквеса как сакрального символа.

Античные авторы впервые упоминают о торквесе применительно к 361 г. до н.э., когда галлы подступили к Риму на расстояние трех миль со стороны р. Аниен и перед решающей битвой вызвали на единоборство самого храброго из римлян (Liv. VII. 9–10; Gell. *NA*. IX. 13. 7; Eutr. II. 5. 1; *Aur. Vict. De viris illustr.* 28. 3; Oros. III. 4. 2). Вышедший на поединок военный трибун Тит Манлий сразил «богатырского роста» галла, снял с него окровавленный торквес и надел на себя, получив за свой

17 Коллис Дж. Кельты: истоки, история, миф / Пер. В.В. Эрлихмана. М., 2007. С. 160.

18 Аллен С. Кельты. С. 112.

19 Брюно Ж.-Л. Галлы / Пер. А.А. Родионова. М., 2011. С. 362.

20 Купер Дж. Энциклопедия символов / Пер. И. В. Комарова. М., 1995. С. 115, 299; Топоров В.Н. Металлы // Мифы народов мира / С.А.Токарев (ред.). Т. 2. М., 1994. С. 146–147; Энциклопедия символов, знаков, эмблем / А. Егзазов (ред.). М., 1999. С. 214–215, 293–295.

21 О социальном статусе кельтских женщин и их возможных руководящих функциях см.: Müller H. *Keltische Frau an der Macht. Ausnahme oder Regel? // Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeiträge der 5. Linzer Gesprächs zur interpretativen Eisenzeitarchäologie. Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich, Folge 37 / Hrsg von R. Karl, J. Leskovar. Linz, 2013. S. 321–329.*

22 *Aldhouse-Green M.J. An Archaeology of Images: Iconology and Cosmology in Iron Age and Roman Europe. Taylor & Francis e-Library, 2005. P. 45.*

23 *Aldhouse-Green M.J. An Archaeology of Images. P. 45.*

подвиг почетное прозвище «Торкват», которое сохранилось за его потомками. Плиний отмечает, что «галлы обычно сражались в золотых украшениях» (Plin. *NH.* XXXIII. 15). Кстати, по данным Клавдия Квадригария, труд которого до нас не дошел, но послужил источником для Ливия и Авла Геллия, галл вышел на поединок с Манлием, не имея на теле ничего, кроме торквеса и браслетов (Gell. *NA.* IX. 13. 7: Cum interim Gallus quidam nudus praeter scutum et gladios duos torque atque armillis decoratus processit...). В сознании представителей античной культуры торквес становится необходимой принадлежностью кельтского воина, что отразилось в памятниках античного искусства (в частности, в пергамских рельефах и статуях: наиболее яркий пример – так называемый «Умирающий галл» [илл. 7]) и литературы: «...их белые шеи обвиты золотом» – lactea colla / Auro innectuntur (Verg. *Aen.* VIII. 660–661).

Торквесы V–IV вв. до н.э. представляли собой настоящие произведения искусства. Например, золотая гривна (илл. 8), найденная в так называемом «княжеском» погребении в Рейнхайме (Саар, V–IV вв. до н.э.), имеет на концах выполненные в технике горельефа странные человеческие лица с выпуклыми круглыми глазами, низкими скошенными лбами, сильно выступающими крупными носами и несоразмерно маленькими подбородками. Они в высоких головных уборах, напоминающих шлемы, плетеные концы которых завязаны под подбородком (илл. 9). При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не шлемы, а хищные птицы, возможно, совы (П. Якобсталь именовал подобный стиль «стилем Чеширского кота») ²⁴. Изображенные лица считаются женскими, и некоторые исследователи полагают, что это кельтская богиня, владычица диких зверей ²⁵.

Чрезвычайно интересный материал дали начатые в 1994 г. раскопки княжеского кургана на Глауберге – одном из отрогов гор Фогельсберг (Веттерау, к северо-западу от Франкфурта-на-Майне), где найдено похожее на стелу каменное изображение мужчины почти в натуральную величину (186 см). Изображение панциря на этой статуе характерно для Средиземноморья VI–V вв. до н.э., что позволяет датировать стелу, прозванную «князем из Глауберга», приблизительно V в. до н.э., т.е. периодом кельтской экспансии. Фигура украшена рельефом, изображающим торквес с шишкообразными украшениями ²⁶ (илл. 10). Здесь же было обнаружено и захоронение, для которого эта стела, вероятно, служила надгробным памятником. В погребении находилось множество предметов военного назначения: железный меч, наконечники копий, железная окантовка щита и т.п. Но одной из самых замечательных находок стал золотой торквес: судя по всему, он является оригиналом той самой шейной гривны, которая украшает статую. Правда, этот торквес более сложен, чем его изображение в камне, поскольку между шишечками находятся орнаментированные пластинки из листового металла, а сбоку от первой и второй шишечки – еще две пластинки, где были изображены стилизованные человеческие фигуры с огромными глазами, сходные с обнаруженными в Рейнхайме ²⁷ (илл. 11). Там, где заканчивается эта гротескная чеканка и начинается гладкий золотой обруч торквеса, сбоку находится замысловатый замок, повернув который, можно было открыть торквес. По мнению Г. Биркхана, стела, торквес и сопутствующие золотые украшения (браслет и кольцо) имеют непосредственное отношение к культу предков ²⁸. В этой связи представляется возможным и более позднее происхождение статуи-стелы по сравнению с погребением.

Золотой торквес из женского захоронения в Вальдальгесхайме (Рейнская область, IV в. до н.э.) имеет характерные окончания в виде буферов (илл. 12). Орнамент на обруче гривны основан на мотиве лировидной пальметки и дополняется звездообразными цветами, которые вырастают из боковых побегов главного стебля. Буферы украшены перемежающимися волнообразными усиками ²⁹ (илл. 13). Т. Пауэлл отмечает, что большинство подобных торквесов найдено в богатых женских захоронениях раннего латенского периода и лишь немногие – в могилах знатных воинов. Он предполагает, что женщины получали торквес только как погребальное украшение, «для появления в Ином мире», а при

24 Jacobstal P. *Early Celtic Art.* Oxford, 1944. P. 162.

25 Широкова Н.С. *Культура древних кельтов: Учебно-методическое пособие.* Л., 1983. С. 78.

26 Биркхан Г. *Кельты.* С. 367–369.

27 Биркхан Г. *Кельты.* С. 367–369.

28 Биркхан Г. *Кельты.* С. 370.

29 Широкова Н.С. *Культура древних кельтов.* С. 83.

жизни его чаще носили мужчины³⁰. Возможно, это и справедливо для раннелатенского времени, когда торквес являлся еще обычным украшением, а его символика пока не установилась. Однако более вероятно, что он довольно быстро стал отличительным знаком выдающихся воинов или предводителей, не исключая и женщин. Во всяком случае, известны изображения женщин-воительниц в торквесах (или с торквесами в руках), относящиеся к I в. до н.э.³¹ (илл. 14–16). А этимология названий некоторых кельтских племен ясно указывает, что их прародительницами и вождями считались именно женщины (RIB 627; CIL XIII 3569 и др.). В этом же смысле, вероятно, следует истолковывать и описание царицы иценов Боудикки у Диона Кассия (I в. н. э.): «...на шее у нее было огромное золотое ожерелье» (LXII. 2. 4).

Торквес мог быть и свидетельством определенного общественного статуса его владельца. Т. Пауэлл полагает, что в этом качестве он мог переходить по наследству как основной символ главы рода или племени и что именно этим может объясняться редкое появление шейной гривны в мужских погребениях. Кроме того, считалось, что торквес обладает магическими свойствами, оберегая своего владельца в битве³²: не случайно многие кельты, шедшие в бой обнаженными (Полибий, описывая сражение при Теламоне в 225 г. до н.э., называет их гезатами³³), обычно имели на шее это ожерелье (Polyb. II. 28. 8; 29. 7–8) (илл. 17); и после Теламонской победы римский консул украсил Капитолий большим количеством золотых торквесов, снятых с убитых и плененных противников (II. 31. 5). Об этом же упоминает и Флор: «...при вожде Ариовисте они дали обет из добычи с наших воинов посвятить своему Марсу торквес. Обет перехватил Юпитер: из их торквесов Фламиний воздвиг ему золотой трофей» (I. XX. II. 4. 4: *Ariovisto duce vovere de nostrorum militum praeda Marti suo torquem. Inceperit Iuppiter votum; nam de torquibus eorum aerum tropaeum Iovi Flaminius erexit*).

Но ко II в. до н.э. ситуация меняется: торквес исчезает из погребального инвентаря, перестает быть знаком общественного положения и переходит исключительно в область религиозно-мифологических представлений, превращаясь в символ распространяющегося культа прародителей племен и воинов-героев³⁴. Героический культ, очевидно, начинает складываться в конце III – начале II в. до н.э., в период затухания кельтской экспансии и соответствующего изменения ментальности, возникая из рассказов стариков о сражениях, которые вели их великие пращурсы. Эпоха поражений или просто переход к более спокойной фазе существования неминуемо ведет к героизации великого прошлого. А в условиях кельтского общества, всю духовную жизнь которого пронизывал глубокий символизм, должен был появиться и символ великой эпохи; им-то и стал торквес – уже не украшение воина, а атрибут божественного предка.

Ярче всего это проявилось в статуях трех крупнейших святилищ Южной Галлии – Рокепертюз, Антремона и Гланума, относящихся к III– II вв. до н.э. Статуи изображают воинов, сидящих скрестив ноги (в так называемой буддийской позе) и имеющих на шее торквесы, а на руках – браслеты (илл. 18–22). Кельтологи считают, что в данном случае речь идет о «героизированных» воинах, т.е. о людях, возведенных в ранг полубогов за подвиги в битвах; они покровительствовали своему племени и почитались в центре поселений до захвата этих земель Римом в конце II в. до н.э.³⁵

Постепенно, чем дальше в прошлое уходит героическая эпоха, тем больше меняется отношение людей к великим предкам. Воины-герои приобретают подлинно божественные атрибуты, окончательно превращаясь в народном сознании в богов. Например, бронзовая статуэтка из Бурэ (деп. Сена и Уаза, III в. до н.э.) изображает юношу в торквесе, сидящего в позе Будды, чьи нижние конечности заканчиваются оленьими копытами³⁶ (илл. 23); антропоморфная каменная статуя в торквесе из Эфинье (деп. Верхняя Марна, I в. до н.э.) несет на себе изображение кабана, символ галльской

30 Пауэлл Т. Кельты. С. 78.

31 Deys S. Images des dieux de la Gaule. P. 19–20.

32 Пауэлл Т. Кельты. С. 79.

33 Об использовании золотых шейных украшений представителями этой «касты» профессиональных кельтских наемных воинов см.: Габелко О.Л. «Псевдогалаты» в античных источниках (2). С. 54–55.

34 Филип Я. Кельтская цивилизация. С. 87–89.

35 Deys S. Images des dieux de la Gaule. P. 11–19.

36 Чубова А. П. Искусство Европы I–IV вв. М., 1970. С. 22.

независимости³⁷ (илл. 24). В дальнейшем, на рубеже эр, часто встречаются рельефы и скульптуры богов-подателей изобилия (о чем свидетельствуют корзины с фруктами или сумка), имеющих торквес на шее или держащих его в руках – например, рельеф из Сента (деп. Шаранта – Esp. 1319) или статуя из Соммерекур (деп. Верхняя Марна – Esp. 4839). С. Дей указывает, что при этом скульптуры приобретают «гражданский облик, который сохраняется в римской Галлии»³⁸. Кроме того, торквес теперь все чаще сочетается с наличием у изображений оленьих рогов (Esp. 539; 1555; 2218 и др.) (илл. 25). Эта особенность весьма характерна для памятников нарождающегося романо-кельтского искусства. Венцом смысловой эволюции торквеса можно считать те изображения, где кельтские божества соседствуют с римскими (например, на рельефе из Реймса, относящемся ко II в. н. э., бога с торквесом и оленьими рогами сопровождают исполненные в античной манере Аполлон и Меркурий)³⁹ (илл. 26), и, наконец, появление торквеса у самих римских богов (на алтаре из Трира фигурирует, в частности, Меркурий с кельтским ожерельем на шее – Esp. 4929), а на столбе из Мавильи торквес обнаруживается у Марса (Esp. 2067).

При этом в большинстве случаев концы торквесов, изображенных на шеях божеств, завершаются отчетливо видными шариками (как, например, на котле из Гундеструпа, который датируют II–I вв. до н.э.) (илл. 27). П. Ламбрехт, называя такие торквесы «шариковыми», отмечает, что эта деталь, видимо, усиливает магические свойства торквеса и увеличивает могущество его носителя⁴⁰. Возможна и еще одна трактовка украшений, которые обычно располагаются на концах торквеса. Ожерелье обладает той же символикой, что и замкнутый круг⁴¹, т.е. имеет охранительные свойства. И поскольку любой разрыв в круге дает возможность доступа внутрь враждебным силам, а несомкнутые концы торквеса как раз соответствуют такому разрыву, их необходимо снабдить усиленной магической охраной, роль которой и выполняют специальные украшения – будь то шарики или изображения богов, духов или животных (илл. 28).

Таким образом, кельтский торквес, первоначально являясь широко распространенным знаком воинского отличия и особого общественного положения, со II в. до н.э. становится показателем сакральной сущности героев-полубогов, а затем и одним из главных элементов кельтской сакральной символики.

Возможно, именно так следует истолковывать появление торквесов на надгробных памятниках галло-римлян – не только военных⁴² (илл. 29), но и гражданских⁴³ (илл. 30), которые сопровождаются традиционным римским посвящением *Dis Manibus*, свидетельствующим о том, что умершие перешли в разряд подземных богов-манов. В несколько ином плане, но также в рамках сакральной коннотации, надо рассматривать пассаж Квинтилиана (*Inst. Orat.* VI. 3. 79) о том, что галлы принесли в дар Августу золотой торквес весом 100 фунтов (*divus Augustus, cum ei Galli torquem aureum centum pondi dedissent*), и перекликающийся с ним рельеф на колонне моряков-парижцев, где изображено поднесение галльского торквеса в дар Тиберию (Esp. 3132). Здесь торквес можно трактовать и как символ признания кельтами римской власти в лице императора, и даже как символ нового, уже галло-римского, единства.

Наконец, во II–III вв. н. э., в период утверждения в ряде западных провинций галло-римской культуры, торквесы вновь входят в повседневное употребление⁴⁴, утрачивая при этом религиозный символизм и превращаясь в обычное украшение⁴⁵. Однако имеются сведения, что в период так называемого кельтского возрождения (V–VI вв.) в Британии (видимо, благодаря ирландскому влиянию) происходит возвращение к прежней сакральной символике торквеса. Хотя источники, сообщающие о подобной

37 Пауэлл Т. Кельты. Илл. 67.

38 Deys S. Images des dieux de la Gaule. P. 18–19.

39 Чубова А. П. Искусство Европы. С. 189.

40 Lambrechts P. Contribution à l'étude des divinités celtiques. Brugge, 1942. P. 31.

41 Багдасарян В. Э., Орлов И. Б. Символы, знаки, эмблемы. М., 2005. С. 346.

42 Чубова А. П. Искусство Европы. С. 65.

43 Чубова А. П. Искусство Европы. С. 77, 163.

44 Шукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. СПб., 1994. С. 99.

45 Чубова А. П. Искусство Европы. С. 252.

обратной эволюции кельтской шейной гривны, относятся ко временам развитого средневековья, но они вполне могут нести в себе отголоски и более ранних эпох. Так, Гиральд Камбрийский, упоминая в XII в. о золотом торквесе, якобы когда-то принадлежавшем жившему в V в. мученику Каноку (Киногу), сыну валлийского короля, выходца из Ирландии, св. Брихана Брихейниога, пишет: «Жители считают его столь сильной реликвией, что никто не осмеливается давать лживые клятвы, когда он (т.е. торквес. – С.Д.) лежит перед ним; на нем есть следы от нескольких мощных ударов, сделанных как будто железным молотом; рассказывается, что некий мужчина, попытавшийся сломать ожерелье ради золота, подвергся божественной мести, лишившись зрения и проведя остаток своих дней во тьме»⁴⁶. А одна из легенд о св. Брендане Клонфертском гласит, что королю Ирландии привиделся сон, в котором ангелы сняли с его шеи золотую цепь – символ власти над страной (вероятно, и здесь речь идет о торквесе) – и передали ее св. Брендану⁴⁷. Таким образом, значение кельтского торквеса как важнейшего сакрального символа, судя по всему, не исчезает и к началу средневековья. Торквес благополучно пережил эпоху римского господства, а в новую эпоху кельтского возрождения, вероятно, послужил важным символическим звеном перехода от языческой кельтской религии к христианству.

46 *Giraldus Cambrensis. The Itinerary Through Wales // The Historical Works of Giraldus Cambrensis. The Itinerary Through Wales, and The Description of Wales, Translated by Sir Richard Colt Hoare. L., 1894. P. 343.*

47 Старость святого Брендана // Плавание святого Брендана / Пер. Н. Горелова. СПб., 2002. С. 96.

ГЕРОДОТ, «СКИФСКИЙ ОБЫЧАЙ» И СЛАВЯНСКИЙ АРХАИЧЕСКИЙ РИТУАЛ «ОТПРАВЛЕНИЯ НА ТОТ СВЕТ»

Среди многочисленных этногеографических экскурсов Геродота обращает на себя внимание текст, посвященный массагетам (*Μασσαγέται*) – «многочисленному и храброму племени», обитавшему где-то на востоке, за рекой Аракс, и, возможно, родственному скифам (Hdt. I. 201)¹. Среди прочего Геродот сообщает о том, что если кто-то из массагетов доживал до глубокой старости, то все родственники собирались и приносили его в жертву, а мясо его варили вместе с мясом других жертвенных животных и съедали. Напротив, старика, скончавшегося от какой-нибудь болезни, они не съедали, но предавали земле. Массагеты считали несчастьем, если покойника по причине его возраста нельзя было принести в жертву, тогда как «правильная смерть», принятая от рук родственников, воспринималась как величайшее благо (Hdt. I. 216).

Для самого Геродота обычаи массагетов явно не выглядят чудовищным исключением из правил, поскольку он отмечает наличие схожих обычаев у индийских племен каллатиев и падеев (III. 38 и 99). На широкое распространение подобной практики указывает и Страбон, отметивший ее наличие не только у массагетов (XI. 1. 56), но и у жителей древней Ирландии (IV. 5. 4) и Кавказа (XV. 1. 56, со ссылкой на Мегасфена). Ритуальный каннибализм он склонен считать «скифским обычаем» (Strabo. IV. 5. 4; VII. 3. 6), что перекликается с сообщением Секста Эмпирика о том, что скифы убивали, а затем поедали своих отцов, достигших возраста шестидесяти лет (III. 210, 228). Возможно, подобные явления были распространены когда-то и в древней Италии, в частности, в Риме, где долгое время бытовала пословица “sexagenarii de ponte”². Таким образом, ареал распространения «скифского обычая» у античных авторов необычайно широк – от берегов Ирландии до северо-западных районов Индии, в значительной степени совпадая с границами индоевропейского мира³. Это указывает на то, что зафиксированная Геродотом традиция погребений, имевшая место у массагетов, являлась лишь локальным вариантом более широкого явления, условно обозначенного нами как «скифский обычай», причем, судя по наличию кельтских и итальянских параллелей, оно не ограничивалось пределами ираноязычных областей Евразии.

При всех сомнениях в точности передачи Геродотом деталей быта массагетов большинство исследователей отмечают глубокую архаичность приписываемой им погребальной практики⁴. Однако, если можно говорить о повсеместном исчезновении ритуального каннибализма в индоевропейском ареале, то разнообразные пережитки существовавшей некогда практики умерщвления «старых» людей,

1 См.: Доватур А.И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 181–183. Примеч. 37.

2 *Devoto G.* I vecchi e l'occisione dei vecchi // *Scritti minori*. Florence, 1958. Vol. 1. P. 119–125; *Franciosi G.* Clan gentilizio e strutture monogamiche. Napoli, 1978. Vol. 1. P. 300–301. Ср.: *Lugli U.* La depontazione dei sessagenari // *Studi Noniani*. Genova, 1986. № 11. P. 59–68, здесь р. 65 sg.; *Контев А.В.* Смерть римских старейшин в 390 г. до н.э.: истоки исторической традиции // АМА. 2006. Вып. 12. С. 119–138. Подборку сообщений античных авторов о сбрасывании 60-летних с моста в древнем Риме см.: *Parkin T. G.* Old Age in the Roman World. A Cultural and Social History. Baltimore; London, 2003. P. 265–270.

3 Подробный анализ античной традиции см.: *Parkin T. G.* Old Age in the Roman World. P. 259–264.

4 *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Д. П. Каллистов. Л., 1968. С. 30; *Пьянков И. В.* Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 84–91; *Доватур А.И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны. С. 190. Примеч. 76; *Кляшторный С. Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 20.

достигших определенной возрастной границы, сохранялись на периферии европейской цивилизации достаточно долго. Большой материал в этом плане дает славянский мир, представляющий настоящим заповедником индоевропейской архаики.

Одними из первых внимание исследователей привлекли сведения о погребальных обычаях, существовавших у балтийских славян в период средневековья⁵. Они оставили столь глубокий след, что воспоминания о них сохранялись в коллективной памяти вплоть до конца XIX в., когда было выявлено уже на территории Малороссии существование фольклорной традиции, связанной с отправлением «стариков» на «тот свет»⁶. Возможно, первые публикации на эту тему так и остались бы достоянием академической науки, если бы сведения П. Литвиновой не были использованы Л.Я. Штернбергом при написании статьи «Убийство детей и стариков» для Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в одном ряду с данными по Фиджи, Суматре, Австралии и Африке⁷. Ее выход в свет вызвал резко негативную реакцию в среде националистически настроенной части местной интеллигенции, воспринявшей появившиеся материалы как «оскорбительную клевету на украинский народ»⁸. Существование на территории Малороссии подобных преданий не отрицалось, но их появление связывалось с монгольским или кавказским влиянием⁹. Однако, помимо преданий у балтийских и южных славян, похожие сюжеты встречаются в русской и белорусской народной традиции¹⁰. Истинная проблема заключается в том, описывала ли выявленная исследователями фольклорная традиция самобытный локальный обычай, или же он был частью более широкой общеславянской традиции, в свою очередь являющейся отголоском широко бытовавшего некогда «скифского обычая».

В литературе неоднократно обращалось внимание на один фразеологизм, принадлежавший древнерусскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. В тексте его «Поучения» дважды в определенном контексте встречается выражение «сидя в санях»¹¹. Современными исследователями оно понимается в следующих значениях: «в преклонных годах», «на краю смерти», отражая, как принято считать, обрядовую сторону древнерусского погребального обряда, связанного с помещением тела покойного в сани¹². Такое объяснение, однако, вызывает ряд вопросов¹³, поскольку, приняв его, мы неизбежно приходим к парадоксальному выводу о том, что в древней Руси людей хоронили только зимой, когда их тело для погребения могло быть перевезено на санях¹⁴. Возможно, правда, и другое объяснение: на

5 Котляревский А. Древности права балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Ч. I. Прага, 1874. С. 117–124.

6 Литвинова П. Как сажали в старину людей старых на «лубок» // Киевская старина. 1885. Июнь. С. 354–356; Гринченко Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседней с ней губерниях. Вып. 2. Чернигов, 1896. С. 168; Славинский М. Мысли и факты // Приднепровский край. 1902. № 1435. С. 2; Абрамов И. Как перестали убивать стариков в Малороссии // Живая старина. 1907. Вып. 4. С. 42.

7 Штернберг Л. Убийство детей и стариков // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1902. Т. XXXIV. С. 402–404.

8 См.: Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 44.

9 Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології. Прага, 1928. С. 207.

10 Велецкая Н.Н. Языческая символика. С. 55.

11 «Азь худый... сѣдя на санех, помыслих в души своей...» и «Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохрихтаются, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпницю си молвиль» (Памятники литературы древней Руси: Начало русской литературы, XI – начало XII века. М., 1978. С. 392–393).

12 Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Изд. 2-е. Харьков, 1818. Ч. I. С. 140–141; Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 3. СПб., 1848. С. 107–108; Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I // Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. 5. Ч. 1. М., 1877. С. 137–138; Труворов А. Н. О санях, употреблявшихся при погребении русских великих князей, царей и цариц // Русская старина. 1887. Кн. XII. Декабрь. С. 841; Анучин Д.Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда: Археолого-этнографический этюд // Древности: Труды московского археологического общества. Т. XIV. М., 1890. С. 132–138; Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 306; Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 2; Стат. и комм. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 433–434; Памятники литературы древней Руси. С. 460; Терещенко Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 63–64.

13 Ср.: Васильев М. И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации // ЭО. 2008. № 4. С. 151–164.

14 О том, какие затруднения вызывало зимой погребение посредством обряда трупоположения, ставшего с принятием христианства обязательным, можно судить по любопытному сообщению английского купца Ф. Моррисона (1593 г.): “And if any man thinke this a Travellers fiction, let him know, that a most credible person told mee, of his certaine knowledge and

санях хоронили и летом (обычай, действительно бытовавший в ряде областей России вплоть до конца XIX – начала XX в.)¹⁵.

В этнографии прочно утвердилось мнение о том, что древнейшим из существовавших у восточных славян транспортных средств являются сани (точнее – примитивные волокуши), использовавшиеся как в зимнее, так и в летнее время¹⁶. Вероятно, сани были одной из исходных, первичных форм сухопутного транспорта, известной, по крайней мере, со времен неолита. Вопрос о происхождении колесного транспорта, более позднего по времени (согласно одной из теорий, он возник путем комбинирования парной плужной запряжки и саней), далек от разрешения, однако установлено, что древнейшие носители индоевропейских диалектов были с ним хорошо знакомы. Лингвистами доказано, что терминология, связанная с колесным транспортом, является общеиндоевропейской. Общими для всех индоевропейских языков являются названия четырехколесной повозки, колеса, ярма, дышла¹⁷.

Судя по лингвистическим данным, распад индоевропейского диалектного единства произошел уже после появления колесного транспорта, и, следовательно, славянам он должен был быть известен. Можно с уверенностью говорить о применении колесного транспорта в Древней Руси. По мнению некоторых специалистов, археологические данные свидетельствуют о существовании колесного транспорта на территории южнорусских степей и Поднепровья в период не позднее второй половины III тыс. до н.э.¹⁸ Еще в начале XX в. в различных регионах расселения восточных славян встречались повозки в виде примитивных самодельных ящиков, плетенки или настилов, закрепленных на массивной неподвижной оси с архаическими дисковыми колесами, напоминающими тип колеса повозки южнорусских степей III–II тыс. до н.э.¹⁹ Сохранение полозовых средств передвижения в качестве преобладающей формы транспорта в ареале проживания восточных славян, видимо, следует объяснять климатическими особенностями зоны их расселения, но никак не отсутствием у них колесного транспорта как такового. Поэтому, соглашаясь с тем, что одна из древнейших форм захоронения у славян включала перевозку умершего вне зависимости от сезона года на снях (волокушах), мы вынуждены предположить, что корни такой формы погребального обряда должны уходить необычайно глубоко. В любом случае, понимание смысла выражения «сидя на снях» невозможно вне контекста славянского язычества.

Еще в начале XX в., когда на территории проживания восточных славян была выявлена фольклорная традиция, свидетельствующая о некогда существовавшем (и сохранившемся в пережиточных формах вплоть до Нового времени) ритуале умерщвления «стариков», была сделана попытка связать неподдающиеся удовлетворительному толкованию выражение Владимира Мономаха «сѣдя на санех» с языческим ритуалом отправления «стариков» на «тот свет»²⁰. В последующие годы, однако, проблема эта практически не разрабатывалась. Довольно подробно сюжет об остатках язычества в Древней Руси был исследован в работе Н.Н. Велецкой, которая также указала, правда, очень осторожно, на возможную генетическую связь между пережиточными формами деградировавшего ко времени Мономаха ритуала, входившего в обширный комплекс обрядов аграрно-магического характера, и выражением «сѣдя на санех»²¹. На это, в частности, указывает подробно разобранный исследовательницей устная

experience, that the Moscovites in Russia, bring the dead bodies of men in winter thus frozen over, and so lay them on heapes in the Belfrees of the Churches, where they lie without rotting, or ill smell, till about our Lady day in Lent the snow begins to thaw, and the earth is covered with deepe and hard snow, and if it were not so covered, yet is so hard by continuall frosts, as it cannot be digged. And at that time each family takes the bodies of their dead, and takes care to burie them” (цит. по: *Иванов В.В.* Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда // *Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд*. М., 1990. С. 38. Примеч. 7).

15 См., например: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 165, 350; *Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры*. М., 1987. С. 413; *Васильев М. И.* Русские сани: историко-этнографическое исследование. Великий Новгород, 2007. С. 16–17.

16 *Васильев М. И.* Русские сани. С. 18–72.

17 См.: *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // *ВДИ*. 1974. № 4. С. 68–87; *Кожин П. М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // *Древняя Анатолия*. М., 1985. С. 169–177; *Кожин П. М.* Первые повозки // *ВИ*. 1986. № 7. С. 185–189.

18 *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт. С. 78–82.

19 *Этнография восточных славян*. С. 334; ср.: *Клейн Л.С.* Время кентавров: Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010. С. 315–319.

20 См.: *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 30.

21 *Велецкая Н.Н.* Языческая символика. С. 72 слл.

традиция об «отправлении на тот свет». Исходя из имеющихся сведений, можно привести следующие локальные варианты существовавшего, видимо, повсеместно ритуала отправления «стариков» на «тот свет»:

1. Вывозили зимой на санях к глубокому оврагу, куда затем их спускали, привязав к лубу;
2. Вывозили зимой в мороз на санях или лубе в поле или в степь;
3. Опускали в пустую яму (в амбаре, гумне и т.п.);
4. Сажали на печь в пустой хате;
5. Вывозили на лубе за огороды, где их убивали *довбней* (орудием для обработки льна);
6. Вывозили в густой лес, где оставляли под деревом;
7. Подвергали утоплению²².

Можно заметить, что в собранном материале присутствуют следы, по крайней мере, нескольких ритуальных традиций, причем аграрно-магическая традиция явно является позднейшей, слившейся с более древней (это хорошо заметно на примере варианта № 5)²³. Как подчеркивала Н.Н. Велецкая, ритуал проводов на «тот свет» – явление чрезвычайно сложное, содержащее многочисленные разновременные наслоения, представляющие собой разные уровни стадияльного развития²⁴. Отсюда крайняя его неоднородность и противоречивость. Следует учитывать, что мы располагаем лишь поздним материалом, имеющим явственные следы переосмысления и трансформации. Длительный процесс развития ритуала оставил в устной традиции следы различных уровней как его формальной структуры, так и функциональной направленности, хотя в основе своей это, несомненно, одно из самых архаичных явлений славянской древности. Варианты №№ 1, 2, 6, как представляется, являются производными одного явления и могут быть сведены к единому «архетипу» ритуала, согласно которому в определенное время года «стариков» сажали на сани (или луб) и отвозили в лес, где и оставляли умирать²⁵. Для того, чтобы понять, с явлением какого порядка мы имеем дело, сопоставим имеющийся в нашем распоряжении материал с данными этнологии.

Определенную ясность в понимание сущности обряда проводов на «тот свет» вносит довольно давно разрабатываемая в отечественной этнологии концепция архаического общества с системой возрастных классов, существовавшего на стадии первичной формации и на этапе перехода к формации вторичной. Этнографические данные позволяют предположить, что родство в архаическом социуме было не кровным (биологическим), а социальным, поэтому главную роль в коллективе играли категориально оформленные и институционализированные социальные группы – половозрастные объединения, основанные на учете физических и физиологических возможностей индивида в связи с его возрастным состоянием. В основе такой организации коллектива лежало представление о делении срока человеческой жизни на несколько (от 3 до 5) ступеней, сопряженных с социально-экономической ролью группы индивидов, обусловленной их возрастом и полом. В связи с этим в архаическом коллективе фиксировался не реальный возраст, а условный «социальный» с амплитудой отклонения от реального в несколько лет, что позволяло объединять в одну группу людей, родившихся в определенном промежутке времени. Находившиеся на первой и последней ступени «социального возраста» дети и старики, неспособные к эффективной хозяйственной деятельности, были социально пассивными членами коллектива, остальные считались социально активными. Минимальной единицей такой системы была группа одновозрастных индивидов – социальных сверстников с одинаковыми правами и обязанностями. Переход представителей социально-возрастных групп с одной ступени на другую

22 Велецкая Н.Н. Языческая символика. С. 51.

23 Ср.: «Скорее всего на позднем этапе существования исследуемого ритуала ряд действий был уже чисто символическим, сохраняясь как воспоминание о более ранней, уже пройденной стадии. Так как способ умерщвления определялся взглядами на характер потусторонней жизни, то к древнейшим формам проводов на “тот свет” следует отнести потопление в воде или сбрасывание с горы в пропасть (овраг), связанные с представлениями о местонахождении загробного мира под водой или под землей... С перемещением мира предков на небеса обряд, очевидно, включил в себя другой способ проводов в потусторонний мир – сожжение, а прежние способы уже лишь обозначались в обряде, но не совершались. Нельзя исключить также, что способ отправления зависел от времени года, от того, какому божееству направлялся посланец» (Басилов В.Н. Новое в исследовании древнейших ритуалов // СЭ. 1980. №4. С. 162).

24 Велецкая Н.Н. Языческая символика. С. 9–12, 41 слл.

25 Показательно, что в довольно архаичной южнославянской традиции выведение в лес и оставление в глуши под деревом фигурирует как преимущественная форма умерщвления; см.: Велецкая Н.Н. Языческая символика. С. 51.

сопровождался специальными ритуалами, демонстрировавшими степень овладения их участниками социально значимыми нормами.

Обряды возрастных переходов сопрягали три биологических поколения в несколько условных социальных («дети» – «родители» – «предки»), создавая лестницу социального подчинения. Совершившийся регулярно ритуал вводил одну возрастную группу в социально активный сегмент коллектива, одновременно выводя другую в социально пассивное состояние. Каждый член архаического социума в составе группы своих социальных сверстников в течение социально активного периода жизни проходил ряд ступеней, причем на грани выхода в пассивную фазу каждая группа социальных «предков» оставляла обществу свою замену – социальных потомков, руководя таким значимым ритуалом, как инициация, которая приобщала новую возрастную группу к жизни коллектива²⁶.

В правомерности такого подхода к славянскому материалу убеждает цикл работ Т.А. Бернштам, посвященный половозрастному аспекту жизни сельского населения России²⁷. Еще В.И. Даль выделил 5 основных временных степеней (возрастов), прибавив к ним 6 промежуточных. Каждый такой временной отрезок исчислялся из расчета 7 (или 3,5) лет²⁸. Из этих 5 (или 11) возрастных степеней складывались 3 возрастных категории на основе представлений о трех основных фазах жизненного цикла: дети – взрослые – старики, которые, по сути, являются тремя социально-возрастными поколениями²⁹. По-видимому, для обозначения отдельной степени (возраста) служило слово «верста», отражающее как природно-биологическое состояние сопряженных индивидов («в твою версту» как «в твои годы»), так и социальное состояние («он не верста», «не в версту», «не под версту тебе», «я тебе не в версту дался»)³⁰. Ср. глагол «верстать», т.е. ровнять, примерять одно к другому, уравнивать (в одно поколение). Люди, объединенные в такую социально-возрастную группу, были «верстниками» / «верстницами»³¹, будучи связанными не только примерно одинаковым возрастом, но и теми общественными функциями, к которым они допускались как члены одной «версты». Современные исследователи выделяют от 2 до 4 возрастных классов, существовавших у древних славян, хотя вопрос о конкретных формах их общественной организации остается открытым³².

Взглянув на собранный материал через призму концепции возрастных классов, можно обнаружить свидетельства, подтверждающие правомерность такого подхода. Так, в южнославянских вариантах предания об обычае отправления на «тот свет» показательна реплика старика, который просит сына оставить его под тем же деревом, под которым он сам когда-то оставил своего отца (возможно, с типологически близким обрядом связан первоначальный смысл пословицы «Отца на лубе спустил, и сам того же жди»)³³. Близкий сюжет содержится в сказках Ф.П. Господарева:

«Была деревня Бибачки, где стариков убивали; такой закон был у них, чтобы старики не мешали. Если [старик] пройдет шестьдесят лет, призывают сына и говорят: «Ты своего отца убивай!». Другой еще с радостью

26 Мисюгин В.М. «Правило ндугу» и следы социально-возрастного деления у некоторых европейских народов раннего средневековья // Африканский этнографический сборник. Т. XII. Л., 1980. С. 38–48.

27 Бернштам Т.А. 1) Проблема половозрастных групп в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. // Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР. Л., 1980. С. 25–26; 2) Обряд «крещение и похороны кушки» // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 179–203; 3) Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983; 4) Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде, XIX – начало XX в. // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120–153; 5) К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // СЭ. 1986. № 6. С. 24–35.

28 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. С. 200.

29 Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 24.

30 Даль В.И. Толковый словарь. С. 181; Гавлова Е. Славянские термины «возраст» и «век» на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // Этимология 1967. М., 1969. С. 36; Мисюгин В.М. «Правило ндугу». С. 41–48.

31 Даль В.И. Толковый словарь. С. 182.

32 Иванов В.В., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) // Славянское и балтийское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 87–98; Бернштам Т.А. Молодежь. С. 260–265.

33 Велецкая Н.Н. Языческая символика. С. 54–55.

убивает, старик – лишний рот, а другому жалко убивать отца. На похороны не ходили друг к другу. Убил, похоронил – никто не знает...»³⁴

Здесь, как и в рассказе, записанном П. Литвиновой³⁵, содержится один важный момент – выясняется, что за соблюдением обычая убийства «стариков» строго следила община, неуклонно принуждавшая к этому своих членов. В таком случае перед нами не просто жестокий обряд, совершавшийся время от времени в экстраординарных условиях (засуха, неурожай, связанный с ними голод и т.п.), но существовавший некогда устойчивый элемент социальной жизни, осознанно принятый коллективом, осуществлявшим ритуализированное действие, и органически вписанный в представление об устройстве социального и природного космосов, нерасторжимо связанных друг с другом. В этой связи обращает на себя внимание самый ранний по времени фиксации вариант предания, записанный в середине XIX в. в Галиции. Предание рассказывает о том, как в результате страшного трехлетнего голода было решено уничтожить всех «стариков» путем их утопления, однако в одной семье дети спрятали своего отца, который, в конце концов, спас страну от голода³⁶. Мы вновь сталкиваемся с тем, что убийство пожилых людей осуществляется не по инициативе отдельных лиц, избавляющихся от лишних едоков, но является прерогативой некоей «власти» – структуры, обладающей потестарными функциями. Интересно, что в данном случае такая «власть» представлена молодым царем, окруженным своими сверстниками («... чи в раде, чи в уряде, чи в войску – все молоды, а старому негде и приступу не было до ничего...»), противопоставленными «старому» поколению. Можно предположить, что речь здесь идет о взаимоотношениях двух возрастных классов, преломленных в зеркале сказки³⁷.

Возможно, лучше понять сущность ритуала умерщвления «стариков» поможет анализ родильной обрядности восточных славян. Новорожденный не считался человеком до тех пор, пока над ним не совершался ряд ритуальных действий, направленных на перевод его из природно-биологического состояния в социальное³⁸. Особый статус новорожденного проявлялся, в частности, в том, что до достижения определенного возраста (от 1 до 5 лет) он считался «нечистым», принадлежащим к миру нечеловеческому, природному³⁹. В случае смерти, его хоронили не на кладбище, а в особых местах: например, там, где зарывали послед (в подполье, под крыльцом и т.п.)⁴⁰. По отношению к новорожденным детям применялись термины среднего рода, уничижительные либо собирательные по своему характеру («мелочь», «тварня», «блзгота»)⁴¹. Иными словами, отношение к детям, отражавшее их исходную

34 Сказки Филиппа Павловича Господарева / Запись текста Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941. С. 525.

35 «В каком-то селе жила большая семья, в ней был отец такой старый да немощный, что сам себе у бога смерти просил. Сыновья никак не хотели сажать его на лубок, а громада все требовала. Вот они посадили своего тата в пустую яму, где хлеб ссыпали, а громаде сказали, что вывезли его в поле и посадили на лубок...» (Литвинова П. Как сажали в старину. С. 356).

36 Велецкая Н.Н. Рудименты язычества в похоронных играх карпатских горцев // Карпатский сборник. М., 1976. С. 107; Велецкая Н.Н. Языческая символика. С. 49–50.

37 Разбирая смысл выражения «сѣдя на санех», М. И. Васильев, скептически настроенный к попыткам его религиозно-мифологического объяснения, отмечает, что даже при наличии контекста «в преклонных годах», «на краю смерти», его появление можно увязать с половозрастной спецификой использования санного транспорта в Древней Руси. Как полагает исследователь, используя в качестве оппозиции половозрастные характеристики транспорта, базовая оппозиция «молодость – старость» принимала вид «молодость – здоровье», «мощь / быть на коне – старость / немощь, болезнь / сидеть на санях» (Васильев М. И. Сани в русском погребальном обряде. С. 157).

38 Байбурина А. К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 257–262; он же. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 20.

39 Особый интерес представляет материал, собранный в Полесье – своеобразном заповеднике архаики восточнославянского мира. Там, помимо повсеместно распространенного запрета на плач матери по умершему ребенку, отмечен следующий факт: «недоросших» детей (до 15 лет) хоронили без священника (см.: Седакова О. А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983. С. 247).

40 Как кажется, в том же ключе М.В. Крюков рассматривает обычаи древних китайцев (культура Яншао) хоронить взрослых на общем кладбище, а детей – отдельно от взрослых, в непосредственной близости от хижин (см.: Крюков М.В. Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контроверзы»? // СЭ. 1974. № 3. С. 69).

41 Следует отметить, что сходное отношение к детям (особенно новорожденным) прослеживается у самых разных народов мира. Так, американский антрополог К. Коттак, проводивший исследования среди народа бетсилео на Мадагаскаре, отмечает, что и сегодня ребенок не считается там полностью человеком. Процесс его вхождения в «человеческое» состояние у бетсилео по-прежнему строго градуирован. По отношению к детям, в течение первых двух лет их жизни,

природную сущность, подразумевало отсутствие у них социальных качеств («не человек» – «не член коллектива»), в силу чего они рассматривались как некая «заготовка», из которой посредством ритуала (или серии ритуалов) возникает «настоящий» человек⁴². Как отмечалось выше, первая и последняя ступени человеческой жизни в архаическом социуме (по существу – «нулевые» ступени) были социально пассивными⁴³. Поэтому при выходе за пределы социально активного возраста взаимоотношения индивида и коллектива могут быть выражены посредством той же формулы, только перевернутой: «не член коллектива» – «не человек». Циклическое восприятие времени, присущее первобытному мышлению, определяло дальнейшие действия – человек, выпавший из мира людей, должен был заново пройти круг превращений, вернувшись туда, откуда когда-то пришел, чтобы со временем вновь возродиться.

Если принять такую логику, то можно «прочсть» и семантический ряд самого ритуала. Так, отнюдь не случайными выглядят *сани* (лубок) – средство передвижения, обладающее высоким сакральным статусом, ведь их главной задачей является перенесение человека в «иной» мир⁴⁴. Наличие саней подразумевает некий *путь* (*дорогу*), ритуально соотнесенный с основными этапами перемещения на «тот свет»⁴⁵. Следующее звено – *лес*, который воспринимался как пограничная область между двумя мирами – живущих и усопших⁴⁶. Именно в лесу проходил обряд инициации, вводивший в коллектив новое поколение⁴⁷. Иногда между домом и лесом выделяется *поле*, являющееся, видимо, промежуточным звеном между территорией социально-упорядоченного (*поселение* – *дом*) и природно-хаотического (*лес*)⁴⁸. В лесу (изредка в поле) находится *дерево*, к которому приводят «старика». По всей видимости, в разных областях это дерево должно быть определенной породы, которая могла меняться в зависимости от сезона и условий конкретной климатической зоны. В данной связи интересными представляются попытки этимологического соотнесения терминов *дерево* и *дорога*⁴⁹. Мотив дерева как пути на «тот свет» имеет самые разнообразные проявления в сказочной, устнопоэтической, художественной традициях, проявляясь, в частности, в обычае сажать на могилах деревья, в разнообразных формах надгробий в виде дуба (или иного дерева), в прорастающих сквозь крест ветвях и проч.⁵⁰

там применяются определения, которые по-английски можно передать, как “little dog”, “slave”, “pile of feces”. Если, не дожив до трех лет, ребенок умирает, то его погребают на рисовых полях. До достижения первых признаков физиологической зрелости умершего ребенка хоронят в особой детской могиле, и только потом – вместе со всеми сородичами; см.: Kottak C.P. Cultural Anthropology. 5th ed. N. Y., 1991. P. 110.

42 Байбурин А. К. Ритуал. С. 20–21; Бернитам Т.А. Молодежь. С. 25–26.

43 В Полесье сохранилось представление о том, что во время поминальных действий видеть умерших предков могут только маленькие дети, тогда как для остальных их присутствие незримо; см.: Седакова О. А. Материалы. С. 252.

44 Анучин Д. Н. Сани, лады и кони. С. 81–226.

45 Чистяков В. А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1992. С. 114–127.

46 Как отмечает Е.В. Барсов, все атрибуты, связанные с подготовкой проводов на «тот свет», выбрасывались в реку или отвозились в лес (Барсов Е. Причитания Северного края. Ч. 1. М., 1872. С. 302–303).

47 Балушок В. Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // ЭО. 1996. № 3. С. 93.

48 Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965. С. 175.

49 Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские моделирующие семиотические системы. С. 167.

50 Появление дерева в качестве символа некоего «моста», соединяющего два мира, явно не случайно. Жестко фиксированные этапы ритуального маршрута наводят на мысль о том, что с самого начала они были соотнесены с определенным сакральным сценарием-архетипом. В литературе высказывалось предположение о том, что со времен позднего палеолита дерево символизировало Млечный Путь, задававший календарный ритм людям последнего ледникового периода. В настоящее время все более очевидным становится интерес, который первобытный человек проявлял к небу и небесным явлениям. Интерес этот становится нам понятным, если учесть огромное значение небесных светил в процессе освоения человеком природного ландшафта (ориентация на местности, выделение временных отрезков для учета сезонных изменений, миграций промысловых видов фауны, организации охотничьих экспедиций и т.п.). Образ периодически умирающих и возрождающихся Млечного Пути, Солнца и, особенно, Луны оказал мощное воздействие на формирование целого комплекса идей, связанных с первыми попытками осмысления природы смерти и возрождения, плодородия, роста и истощения жизненной силы. Посредством различных ритуалов, охватывающих основные этапы его жизненного цикла, человек «включался» в природные ритмы «внешнего» космоса. Поэтому ритуал отправления на «тот свет», по-видимому, был тщательно увязан с лунно-солнечным календарем и положением тех или иных созвездий. Иными словами, реальный «земной» маршрут был повторением сакрального «звездного» маршрута, а сам ритуал становился тем моментом, когда происходило соединение двух миров. См., например: Элиаде М. Космос и история. М., 1987; Ларичев В. Е. Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди. Новосибирск, 1986; он же. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск, 1989; Топоров В.Н. Дерево мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. М., 1991. С. 398–406;

Более сложным является вопрос о времени проведения ритуала отправления на «тот свет». Выказывалось предположение, что в течение года он осуществлялся неоднократно, приурочиваясь к важнейшим датам аграрного календаря⁵¹. Однако, по всем признакам, это достаточно поздняя стадия развития ритуала. Фольклорная традиция в большей степени указывает на зимний период времени⁵². В связи с этим следует обратить внимание на праздники святочного цикла, группирующиеся вокруг 25 декабря. При этом обращает на себя внимание то, что рядом находится другая важная, рубежная, дата – 22 декабря, день зимнего солнцестояния⁵³. Именно этот день, как полагал В.Я. Пропп, был у восточных славян изначальной границей старого и нового года, поскольку с момента зимнего поворота Солнца начинается почти непрерывная цепь различных праздников⁵⁴. Вместе с тем следует учитывать, что по старому стилю празднование этого события приходилось на 12 декабря – день Спиридона-поворота⁵⁵. Пришедшее же из Византии празднование рождения Христа падает на 25 декабря, и это привело к тому, что календарная традиция оказалась разорванной: основная часть праздников стала группироваться вокруг Рождества, а день Спиридона-поворота остался как бы сам по себе⁵⁶. Именно дни зимнего солнцестояния могли быть завершающе-исходной точкой годового цикла, увязанной с исполнением ритуала провода «стариков».

Как проницательно отметила Т.А. Бернштам, для уяснения природы подобных ритуалов необходимо учитывать постоянную ритуализацию человеком природно-космических явлений, жизнь и смерть которых происходила в едином с ним ритме⁵⁷. Дни истощения годового запаса световой энергии, время «умирания» солнечного диска, несомненно, являлись кризисной точкой жизни архаического социума⁵⁸. Исполнение ритуала отправления на «тот свет» в этот временной отрезок не только естественным образом вписывалось в природные ритмы, но и было направлено на упорядочение распадающихся мировых структур, поддержание извечного космического порядка⁵⁹. В то же время в народной традиции есть сведения, показывающие, что у славян стадии жизненного цикла человека (рост – зрелость – одряхление) соотносились с фазами Луны, поэтому весьма вероятно, что время проведения ритуала проводов соотносили с состоянием как Солнца, так и Луны⁶⁰. Как отмечалось в литературе, в основе традиционного аграрного календаря восточных славян лежали знания о важнейших небесных телах и явлениях (Полярной звезде, Большой и Малой Медведицах, Млечном Пути, Орионе, точках равноденствия и солнцестояния астрономического года)⁶¹.

Среди сведений, собранных в различное время этнографами, обращает на себя внимание один обряд. Д.К. Зеленин писал о практически исчезнувшем уже в XIX в. обычае, согласно которому

Власов В. Г. Формирование календаря славян: Ранний период // Календарь в культуре народов мира. М., 1993. С. 102–144; *Теребихин Н. М.* Сакральная география. С. 70–71; *Подосинов А.В.* Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

51 *Велецкая Н.Н.* Языческая символика. С. 84.

52 Учитывая постоянно набегающую разницу между календарным и астрономическим временем, невозможно жестко привязать ритуал отправления на «тот свет» к какой-то определенной дате. Поэтому все попытки связать время проведения ритуала с датами современного календаря будут давать весьма условный результат. Как уже отмечалось, при расчетах «ритуального» времени было необходимо учитывать сразу несколько факторов (состояние солнечного и лунного дисков, положение созвездий), в результате чего время проведения священнодействий было плавающим, не совпадающим год от года.

53 Ср.: «Похоронные функции саней и лодки обусловлены вовсе не тем, что они являлись “древнейшим видом повозки”, а “зимним” и “водным” характером дороги, ведущей в мир мертвых. Вечно “зимней” природе загробного царства соответствует образ перевернутых саней, оставляемых на кладбище» (*Теребихин Н. М.* Сакральная география. С. 64).

54 *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. СПб., 1995. С. 24.

55 *Тульцева Л.А.* Антропокосмические воззрения русских крестьян: день Спиридона-поворота // ЭО. 1997. №5. С. 97.

56 *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. С. 24.

57 *Бернштам Т.А.* Молодежь. С. 171.

58 Как известно, именно в такие периоды происходили массовые человеческие жертвоприношения, наблюдавшиеся европейцами у многих «примитивных» народов.

59 Ср.: *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957. С. 39: «Две сплетающиеся друг с другом темы звучат в них [народных песнях]: смерти природы (угасания солнца) и жизни людей... Зимней мертвенности противостоит человек: он – сила, воздействующая на существующий мир».

60 Этнография восточных славян. С. 485; *Бернштам Т.А.* Молодежь. С. 52, 204, 270.

61 *Тульцева Л.А.* Антропокосмические воззрения русских крестьян. С. 98.

24 декабря в крестьянских дворах разжигались костры, поскольку считалось, что души усопших родителей приходят в этот день к огню греться вместе с живыми⁶². С.В. Максимов также упоминает об обычае «греть родителей», когда посреди двора поджигалась куча соломы, причем, если в одной местности обряд сопровождался глубоким молчанием вставших в круг домочадцев, то в другой, напротив, весельем и хороводами⁶³. По мнению В.Я. Проппа, обряд «согревания предков» совершался с целью воздействия на будущий урожай, т.е. носил аграрно-магический характер⁶⁴. Такое объяснение, однако, представляется формальным, не раскрывающим всей сути явления. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с принципом симпатической (гомеопатической, по классификации Джеймса Фрэзера) магии, когда после отправления в лес поколения «предков» разжигались костры, чтобы оставленные на холоде могли «греться», претерпевая минимум физических мук по пути на «тот свет». В этом случае, обычай «согревания родителей» имеет совершенно иной контекст, будучи связан с обрядами перехода, конституирующими архаический коллектив⁶⁵.

Подводя предварительные итоги, отметим, что древнерусский фразеологизм «сѣдя на санех», использованный Владимиром Мономахом, с высокой степенью вероятности содержит воспоминания об очень архаичной стадии славянской истории и, в частности, об обряде отправления на «тот свет», генетически связанном с некогда широко бытовавшим в различных районах индоевропейского мира «скифским обычаем», прошедшим в ходе эволюции сложный путь трансформации и переосмысления. В то же время активное использование его автором (два раза в рамках относительно небольшого текста) показывает, что представления, лежавшие в основе языческого ритуала, не были совершенно чужды русскому раннесредневековому обществу.

Сани использовались при погребении древнерусских князей Владимира Святославича, Ярослава Владимировича, Изяслава Ярославича, Святополка Изяславовича, Владимира Васильковича, Михаила Ярославича (Тверского)⁶⁶. Когда Феодосий Печерский почувствовал приближение смерти, его положили на сани и отнесли в церковь. На санях умирающий игумен произнес свое последнее напутственное слово⁶⁷. В «Молении Даниила Заточника» встречается выражение «аще и кнутьем бьешь, развязав на санех», по всей видимости, связанное с сохранявшимся вплоть до XIX в. обычаем наказывать преступника на опрокинутых санях⁶⁸.

С другой стороны, как показывают этнографические данные, собранные к началу XX в. в русских областях Европейского Севера, покойника привозили в церковь и на кладбище в санях, после чего сани оставляли у могилы (как правило, на сорок дней). В Вельском уезде Вологодской губернии дровни, используемые для перевозки покойника, в течение того же срока хранились неподалеку от дома, причем они обязательно переворачивались полозьями вверх, а оглобли поворачивались назад⁶⁹. Похожий обычай поднимания и переворачивания оглобель на похоронных дровнях существовал в районе Вытегры⁷⁰.

Примечательно, что подобная практика погребения распространялась не только на людей. В Кадниковском уезде Вологодской губернии еще в 90-е годы XIX в. существовал обычай хоронить лошадей под санями / дровнями⁷¹. Как отмечает Б.А. Успенский, «положение на сани символизировало именно

62 Зеленин Д.К. Народный обычай греть покойников // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. XVIII. С. 256–271.

63 Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 218.

64 Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 28.

65 В этой связи обращает на себя внимание сохранившийся в северорусском свадебном обряде обычай тащить на санях родителей жениха и невесты в баню в последний день свадьбы; в нем можно увидеть как отголосок взаимоотношений двух возрастных групп, так и связь с обрядами перехода; см.: Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 54.

66 Васильев М. И. Сани в русском погребальном обряде. С. 154 слл.

67 Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1: Текст и перевод. М.; Л., 1950. С. 124; Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 335. Примеч. 6.

68 Успенский Б.А. Антиповедение. С. 330; Терехин Н. М. Сакральная география. С. 65.

69 Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива ИРГО. Пг., 1914. Вып. 1. С. 200, 217.

70 Некрасов Н.А. Вытегорский погост // Олонецкие губернские ведомости. 1884. №86. С. 849.

71 См., например: Ивануцкий Н. Заметки о народных верованиях Вологодской губернии // ЭО. 1891. №3. С. 228: «Такого коня, когда он околует, владелец кладет на дровни (хотя бы и легом) и вывозит как покойника, головою назад, в поле, зарывает в землю около дороги, на могилу опрокидывает дровни и обносит могилу прочной изгородью».

приобщение к потустороннему миру, т.е. как бы временную смерть: действительно, сани выступали как необходимая принадлежность похоронного обряда, и пребывание на сани означало близость смерти»⁷². Продолжая эту мысль, заметим, что в ритуале отправления на «тот свет» помещение в сани маркировало смерть индивида, прерывая его связь с миром социума. Выведение поколения «предков» за границы коллектива включало механизм смены возрастных групп, отражением которого стала фольклорная традиция, сохранившая смутные воспоминания об обычае умерщвления «старых» людей.

Таким образом, в средневековом обычае «положения на сани» мы можем обнаружить фрагмент архаической нормы смены социальных поколений. Помещение в сани, безусловно, имело ритуальное значение, унаследованное от языческого обряда, прерывавшего связь индивида с социальным миром и включавшего механизм смены возрастных сегментов архаического общества. Думается, что исследования в области славянских древностей откроют еще немало количество остаточных явлений, унаследованных ранним русским средневековьем от своего языческого прошлого.

72 Успенский Б.А. Антиповедение. С. 330.

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ? ПЕРИАНДР? КИПСЕЛЛ? К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Нельзя сказать, что тема «Древняя Русь и античность» не нашла отражения в нашей историографии. Однако, как правило, в исследованиях, посвященных данной теме, постулируется, что Русь восприняла античную культуру в христианизированном виде через Византию в сферах изобразительного искусства и книжности². При этом формы и степень рецепции античной культуры в повседневную жизнь Древней Руси еще ждут фундаментального исследования.

Античность для Древней Руси не была «запечатленной книгой». Одним из наиболее популярных персонажей греческой истории, воспринятым древнерусской книжностью через Византию и южных славян, был Александр Великий³. Страницы многочисленных «Александрий» и Хронографов служили источником вдохновения для летописцев, камнерезов, монетных мастеров и ювелиров⁴.

Отдельным, еще недостаточно изученным, «полем» для рецепции элементов античной культуры в повседневном быту является сфрагистика. Еще А. Б. Лакиер обратил внимание на обилие античных камей и инталий, использовавшихся в качестве вставок в древнерусские прикладные печати⁵. Но их выбор был достаточно случаен и зависел от возможностей владельцев обзавестись таким «экзотическим» предметом, что, очевидно, было сделать нелегко. Это не относится к античным сюжетам, воспроизведенным на металлических печатях-матрицах непосредственно русскими мастерами. К таковым относятся сцены борьбы пигмеев с журавлями и аримаспов с грифами, а также изображения огромных «мравиев» и Александра Македонского. Источниками этих сюжетов, очевидно, были различные редакции Хронографов и «Александрий» – романа об Александре Македонском, известного на Руси в XI–XII вв. и сохранившегося во множестве рукописных списков⁶.

Еще чаще на древнерусские печати проникали крупницы античной мудрости – краткие изречения, приписываемые известным философам и политическим деятелям Греции и Рима. Из них самым популярным является афоризм «При славе буди смирен, при печали – мудр», вырезавшийся на древнерусских прикладных печатях-матрицах в XVI в. (рис. 1). В настоящее время по публикациям мне известно около двух десятков экземпляров перстней с данным изречением⁷. География их бытования достаточно обширна – Москва, Можайск, различные районы Московской, Тульской и Псковской

1 Посвящается светлой памяти Андрея Кирилловича Станюковича (23.02.1948–23.11.2015).

2 См., например: *Этингоф О.Е.* Античные традиции в древнерусской художественной культуре X–XV веков // Античное наследие в культуре России / Под общ. ред. Г. С. Кнабе. М., 1996. С. 52–96.

3 См.: *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 42–56.

4 *Бекетова Н.С.* Изображение Александра Македонского на монетах великого князя Бориса Александровича Тверского в контексте древнерусской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 4 / Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. II. Тверь, 2001. С. 372–374; *Постников В.В.* Образ Александра Македонского в русской материальной культуре // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 141–147.

5 *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 119–120.

6 Подробнее см.: *Авдеев А. Г., Станюкович А. К.* Античные сюжеты на русских средневековых прикладных печатях // Родная старина. 2007. Июнь – июль – август. С. 14–16; *Авдеев А. Г.* Еще о русских средневековых прикладных печатях // Родная старина. Поиск. Находки. Открытия. 2007. Октябрь – ноябрь – декабрь. С. 18–19.

7 См.: *Станюкович А. К., Авдеев А. Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVII веков из частных собраний. М., 2007. С. 33.

областей⁸. Справедливости ради укажу, что печатей-матриц с библейскими изречениями зафиксировано гораздо меньше⁹.

Первоисточником сентенции является «Пчела» – переведенный на русский язык сборник «Мелисса», составление которого приписывается прп. Максиму Исповеднику (582–662 гг.)¹⁰. В него вошли цитаты из Священного Писания, трудов Отцов Церкви, а также изречения и сентенции философов, ораторов, поэтов, драматургов и политических деятелей античной эпохи в первую очередь на морально-этические темы, близкие христианскому миропониманию. В настоящее время считается, что русский перевод «Пчелы» появился на рубеже XII– XIII вв., но не позднее 1219 г., и быстро обрел известность¹¹. На Руси «Пчела» пользовалась огромной популярностью вплоть до XVIII в. и дошла в огромном количестве списков, разнящихся количеством включенных в них сентенций¹². Как душеполезное чтение митрополит Макарий включил «Пчелу» в июльский том Великих Четий Миней.

Многие из изречений «Пчелы» вошли в устную речь, породив пословицы и поговорки. В частности, это касается отмеченной выше сентенции, одинаково популярной в городской и сельской среде. Приписанная Александру Македонскому, она оказалась единственным из 2500 собранных в «Пчеле» изречений, в разных вариантах попавших в памятники древнерусской книжности и в произведения декоративно-прикладного искусства. Особенно часто она встречается на печатях-матрицах. Появление этой сентенции на данных артефактах, с одной стороны, можно связать с популярностью Александра Македонского в древнерусской (шире – средневековой славянской) книжности.

Существование сентенций, приписываемых Александру Македонскому, со временем превращавшихся в пословицы и поговорки, – это, очевидно, общая внеконфессиональная черта средневековой культуры. М.-К. Вароль отмечает их существование в мусульманской литературе и среди евреев Испании. При этом связь сентенций, приписанных великому полководцу, с античной традицией прослеживается лишь частично. В еврейской среде они в большей мере связаны с религиозными текстами, а в арабских текстах изречения Александра Македонского вообще представляют его добрым мусульманином¹³.

В Московской Руси сентенция «При славе будь смирен» имеет широкое распространение. В качестве примера ее популярности можно привести рукописный сборник 1445 г. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Здесь эта фраза, контаминированная с изречением, приписываемом драматургу эллинистической эпохи Менандру¹⁴, буквально разрывает богословский комментарий к посланию апостола Павла к Коринфянам и, более того, выделена писцом красными чернилами: «при славе буди смиренъ а при печали мудръ великое бгѣтство члѣкоу оумъ»¹⁵. С другой стороны, чем шире эта сентенция распространялась, тем скорее она становилась фактом фольклора, приобретая характерную для пословиц метричность и вариативность, тогда как память о ее первоисточнике утрачивалась.

И первый вопрос, возникающий при анализе причин небывалой популярности этого изречения, можно сформулировать так: насколько эта крупница языческой мудрости соответствовала православному миропониманию? И это тем более важно, что переводчик «Пчелы» проявил неоднозначное отношение

8 Из последних публикаций: Авдеев А. Г., Меньшиков М. Ю., Янишевский Б. Е. Шейная печать-матрица из Можайска // ВЭ. Вып. II. 2008. С. 190–195; Векслер А. Г., Беркович В. А. Прикладные печати-матрицы из раскопок в Москве // ВЭ. Вып. II. 2008. С. 200. Рис. 6.

9 Станюкович А. К., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники. С. 33.

10 Греческий текст: PG. Т. CXXXVI. Col. 792–1244; издания древнерусского текста: Семенов В. А. Древняя русская Пчела по пергаменному списку // «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. 1. М., 2008. С. 179; см. также: Пчела // Мудрое слово Древней Руси (XI– XVII вв.) / Сост., вступ. статья, подг. древнерусских текстов, пер. и комм. В.В. Колесова. М., 1989. С. 233.

11 Пичхадзе А.А. Древнерусский перевод «Пчелы» // «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. 1. М., 2008. С. 7.

12 К сожалению, неизученным остается вопрос о времени и географии распространения списков «Пчелы». Могу лишь указать, что до революции в библиотеке Макариево-Унженского монастыря хранился список этого произведения, созданный в 1702 г. См.: Херсонский И. К. Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макариево-Унженского монастыря, Костромской губернии. Кострома, 1887. С. 6. №27.

13 Вароль М.-К. Традиция текстов об Александре Великом в современных еврейско-испанских пословицах // Одиссей: Человек в истории. 2008: Script/Oralia: Взаимодействие устной и письменной традиции в Средние века и раннее Новое время. М., 2008. С. 104–137.

14 Мудрость Менандра Мудраго // Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) / Сост., вступ. статья, подг. древнерусских текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1989. С. 186.

15 РГБ НИОР. Ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 747. Л. 463.

к изречениям античных философов, включенным в этот сборник. Если в оригинальном тексте авторы афоризмов разделены на «святых и мудрых мужей» (ἁγίων καὶ σοφῶν ἀνδρῶν), то переводчик дает более расширенную градацию собранных в «Пчеле» изречений на «рѣчи и мудрости ѿ ерѣмъ и ѿтѣ аїла и ѿ ітъхъ мѡрѣ и разоумѣ вѣшннїхъ ѡилоголь»¹⁶. Дело в том, что, следуя за авторитетом Отцов Церкви, древнерусские книжники делили философию на внутреннюю (священную, истинную или нашу мудрость) и внешнюю (светский или поверхностный разум). Наиболее полно разница между двумя видами философии изложена в трактатах прп. Максима Грека. Внутренняя философия, или богословие, по его мнению, «о Бозе бо и правде Его и во вся прехождящем непостижимом Его промысле повествует», внешняя же, прежде всего светская, философия необходима человеку для научения его добру – «не сїа убо правило чести възбраняет, но еже развратне сими действовати»¹⁷.

Именно в этом контексте изучаемая сентенция как относящаяся к «разуму внешних философ» вызывала в памяти знаменитую надпись на перстне царя Соломона (всѣ ѡдъ минетѣ), относящуюся к «разуму внутреннему», которая предписывала, как надо вести себя в противоположных жизненных ситуациях. Изречение на перстне Соломона было помещено на печати князя Дмитрия Донского и, очевидно, свидетельствовало о пробуждении на Руси интереса к «сфрагистической» афористике¹⁸. На сегодняшний день это – самая ранняя из зафиксированных книжных сентенций на древнерусских печатях. Характерно, что в сказании, очевидно, послужившем источником этого изречения, надпись на перстне связана не с мудростью Соломона, а с неким неправедным царем. При этом надпись на перстне, по словам подарившего его мудреца, закрепляла определенную модель поведения: «Того ради дах ти злато, яко царь еси. Паки, да не забудеши моего писаниа духовнаго, верху перстня написано: “Вся ся минуется”, да всегда сїа почитая спасеши ся». Царь последовал мудрому совету, продолжает сказание, «иже его прихождаше ему радость или печаль, то прочитае, яко минетѣся, и тако спасеся от безмѣрныя радости и печали, еже есть всем человеком на плѣзу, без мѣры веселящїся и печалующим ся, зане бо вся скоро вѣка сего прелестнаго минует»¹⁹. Обратим внимание на созвучие модели поведения в «Пчеле» и сказании: в обоих памятниках ключевым термином является «мѣра». В принципе, одновременно это соответствует и полисному идеалу «золотой середины», и созвучно христианской системе ценностей.

В отличие от элитной культуры, для народной культуры Древней Руси деление философии на «внутреннюю» и «внешнюю» оказалось малосущественным, тем более что речь шла о предметах повседневного быта. Важнее было то, что изречение, приписанное Александру Великому, закрепляло вполне христианскую модель поведения, о которой постоянно напоминала печать-матрица. Не исключено (при условии знакомства с автором сентенции), что надпись на ней вызывала ассоциации с упоминаемым в Александрии перстнем «египетская царица от камени дракса», который был подарен завоевателям жителями Трои: данный артефакт «имеюще силу такову, аще кто в велику немощь впадеться, на нь взирающе, исцелее»²⁰, подразумевая «немощь» не только телесную, но и духовную.

Тем не менее, для уяснения этого процесса необходимо обратиться к переводу данной сентенции на древнерусский язык и к проблеме ее авторства.

Надо сказать, что греческую фразу Εὐτυχῶν μέτριος ἴσθι, ἀτυχῶν δὲ φρόνιμος древнерусский книжник перевел очень точно. Из многих значений для слова μέτριος он выбрал именно имеющее сходный набор звуков и, более того, этимологически верное «мѣренъ», «умерен», «(соблюдая) меру»²¹. Подчеркнем, что М. Фасмер выводит это слово из древнерусского сѣмѣренъ (со ссылкой

16 Семенов В. А. Древняя русская. С. 1.

17 См.: Громов М. Н. Максим Грек. М., 1983. С. 94–95.

18 Подробнее см.: Турилов А. А. «Всѣ ѡдъ минетѣ». Отголоски легенды о царе Давиде в русской сфрагистике и книжности // Славяне и их соседи. Вып. 5. Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века – Новое время. М., 1994. С. 107–113.

19 Турилов А. А. «Всѣ ѡдъ минетѣ». С. 113.

20 Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1966. С. 23.

21 В этом же ключе данную сентенцию переводят М. Л. Гаспаров: «В счастье будь умерен, в несчастье – разумен» (*Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 94) и А. В. Лебедев: «В удаче будь умерен, в беде – рассудителен» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 93).

на «Сказание о Борисе и Глебе»), восходящего к старославянскому *смѣрѣнѣ*, от *смѣрети* «умерить, смягчить, подавить», так же как и «мѣра»²². Однако народная этимология дала изречению совершенно иной, более глубинный, христианский смысл. Всё дело в том, что звук, передаваемый буквой «ѣ» во многих древнерусских говорах совпадал со звуком *и*²³. Раньше всего это совпадение прослеживается в южнорусских говорах – с конца IX в. В древненовгородском диалекте этот процесс намечается в третьей четверти XII в. и заметно усиливается со второй половины следующего столетия²⁴. В смоленских говорах он наблюдается с XIII в., в московском – после XIV в.²⁵ Благодаря этим переменам ключевое для первой половины предложения слово «*смѣрѣнѣ*» народная этимология сблизила со словом «*мир*»²⁶, и афоризм таким образом приобрел совершенно иной смысл. Если первоначальный перевод призывал к тому, чтобы человек в счастье был *умерен*, то новое прочтение афоризма, в XV в. проникшее в памятники книжности и в XVI в. встречающееся на перстнях-печатах, стало призывать к *смирению* в счастье, ибо, как и несчастье, оно кратковременно. И если первоначальный перевод еще отражал характерное для античности стремление к «золотой середине», то на Руси народная его версия переосмыслила предложение в полностью христианском духе.

Последний вопрос – об авторстве предложения. В древнерусском переводе оно действительно приписано Александру, тогда как в греческом оригинале закреплено за Κυψέλλου Κορινθίου, коринфским тираном Кипселлом²⁷. Однако и здесь допущена неточность, так как греки приписывали авторство этого изречения сыну и преемнику последнего Периандру (629–585 гг. до н.э.), включавшемуся поздней традицией в число Семи мудрецов²⁸. В греческой «Пчеле» Кипселлу приписаны еще два афоризма Периандра. Первый – «Φίλοις εὐθυχοῦσι καὶ αὐτὸς ἴσθι»²⁹, «С друзьями будь одинаков и в счастье и в беде»³⁰ – отмечен у Диогена Лаэртского и Деметрия Фалерского³¹. Вторым – «Ζῶν μὲν ἐπαινοῦ, ἀλόθων δὲ μακαρίζου», «При жизни будь хвалим, после смерти – благословляем»³² – только у Деметрия Фалерского³³. Имя Кипселла древнерусскому переводчику известно не было – видимо, отчасти потому, что и античная традиция не воспринимала мудрецом тирана Коринфа. В «Пчеле» в первом случае его имя было переведено как «Кѣпсѣлькыи ѣпкѣлѣ», во втором – просто как «Кѣпсѣлькыи»: очевидно, переводчик решил, что речь идет о некоем раннехристианском философе. Однако в рассматриваемом нами фрагменте «Кипселл из Коринфа» неожиданно превратился в «Александра». Думается, что в греческой рукописи «Пчелы», с которой делался перевод, в данном месте действительно могло стоять имя Периандра, а переводчик, либо в силу неразборчивости почерка оригинала, либо в силу неизвестности имени, приписал предложение Александру Великому. Вообще подобные «вольности» перевода очень характерны для древнерусской «Пчелы». Если в цитатах из Священного Писания и трудов Отцов Церкви переводчик ошибался редко, то там, где дело касалось античной философии и истории, он обычно путал имена – Сократа с Исократом, Диона Хрисостома и Диона Кассия с Иоанном Златоустом³⁴. Так, одно из изречений, приписанных в греческой «Пчеле» Демосфену, в переводе оказалось приписанным Сократу³⁵. По-видимому, с составом греческого текста связано

22 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. акад. РАН О. Н. Трубачева. Т. 3. Муза – сят. М., 2007. С. 688–689. См. также: ССЯ. Т. IV. СПб., 2006. С. 304.

23 Русинов Н. Д. Древнерусский язык. М., 1977. С. 80.

24 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 70–71.

25 Русинов Н. Д. Древнерусский язык. С. 81.

26 Фасмер М. Этимологический словарь. С. 689.

27 PG. Т. CXXXVI. Col. 590.

28 Diog. Laert. I. 7. 98; Demetr. Phaler. 7. 8; ср.: Diog. Laert. I, praef. 13.

29 Семенов В. А. Древняя русская. С. 69. PG. Т. CXXXVI. Col. 550.

30 Здесь и далее даю предложения в переводе А. В. Лебедева.

31 Diog. Laert. I. 7. 98; Demetr. Phaler. 7. 12.

32 Семгнов В. А. Древняя русская. С. 288. Данный фрагмент «Пчелы», отсутствующий в PG, В. А. Семенов обнаружил в Cod. Parisin. 1169. F. 173.

33 Demetr. Phaler. 7. 11.

34 Семенов В. А. Древняя русская. С. 10, 22, 62 и слл.

35 Семенов В. А. Древняя русская. С. 10 и слл.

и то, что у некоторых из «безымянных» сентенций стоят иные имена философов, отсутствующие в рукописи, опубликованной Е. Минем³⁶.

Конечно, как греческий, так и древнерусский тексты «Пчелы» требуют глубокого текстологического анализа со стороны антиковедов, и каждый случай разночтения оригинала и перевода должен сопровождаться обращением к текстам античных авторов. Тем не менее, исследуемый пример показателен. Как кажется, причина замены имени Перияндра кроется также и в том, что в XII в. во Владимиро-Суздальской Руси Александр Македонский был известен неизмеримо больше, чем все Семь мудрецов вместе взятые. Властитель Македонии дважды упоминается в летописце Переславля Суздальского – под 1091 и 1110 г.³⁷ Не позднее XII в. появился русский перевод одной из редакций «Деяний Александра» Псевдо-Каллисфена – Хронографическая Александрия³⁸. Изображения владыки Македонии имелись на стенах Успенского и Димитриевского соборов во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском³⁹. Храбрость Александра была примером для подражания и даже включалась в систему ветхозаветных агиотипов – образцов для следования⁴⁰. «Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумь, мудрость Соломонову и хитрость Давидову», – писал Даниил Заточник⁴¹. В XV в. изображение Александра появляется на монетах великого князя Тверского Бориса Александровича. В эпоху Московской Руси изречения, приписанные в «Пчеле» великому полководцу, завоевали популярность на печатях-матрицах, перейдя в сферу фольклора.

36 Семенов В. А. Древняя русская. С. 19 (Тимонакт), 22 (Хорикий), 27 (Фаворин), 33 (Аристипп), 34 (Сократ), 42 (Демокрит) и слл.

37 Летописец Переславля Суздальского // ПСРЛ. Т. 40. М., 1995. С. 64, 65.

38 Подробнее см.: *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1883.

39 *Этингоф О.Е.* Античные традиции. С. 75–76. В этом контексте очень трудно согласиться с мнением Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 642), активно поддержанным Н.С. Бекетовой (*Бекетова Н.С.* Изображение Александра Македонского. С. 374), что композиция рельефа «Вознесение Александра Македонского» на стене Димитриевского собора во Владимире является «удачной маскировкой образа солнечного Дажьбога»: данному сюжету можно найти параллели в каменной резьбе Византии. См.: *Чумакова Т.В.* Сюжет «Вознесение Александра Македонского на небо» в древнерусской культуре // Вестник СПбГУ. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. №2. С. 103–107.

40 Об агиотипах см.: *Delehaye H.* Cinq leçons sur la méthode hagiographique. Bruxelles, 1934. P. 19–33; *Delierneux N.* L'exploration des topoi hagiographiques du cliché figé à la réalité code // Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines. Bruxelles, 2000. P. 57–90. Подробнее см.: *Pratsch T.* Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten im mittelbyzantinischer Zeit. Berlin; New York, 2005 (Millenium-Studien zur Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. / Hg. von W. Brands, A. Demand, H. Krasser, H. Leppin, P. von Möllendorff. Bd. 6). S. 1–8, 62. Среди отечественных работ, посвященных данной проблематике, отмечу: *Панченко О.В.* Поэтика уподоблений (К вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. 2003. Т. LIV. С. 491–534; *Руди Т. П.* Типика русских житий (Вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Полемика. Публикации. СПб., 2005. С. 62–64.

41 Слово Даниила Заточника // БЛДР. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 282.

ОБРАЗ СОКРАТА В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЧАЛА XXI В.¹

Среди исторических персонажей, к которым обращался в своем творчестве И.Е. Суриков, есть и афинский философ Сократ, которому посвящена книга, вышедшая в знаменитой научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей», где глубина научного знания об эпохе соединена с доступным изложением перипетий биографии и сути учения философа. Мотивируя свое обращение к этой фигуре, И.Е. Суриков говорит о том, «что Сократ один из самых загадочных исторических персонажей», о котором «пишутся романы, ставятся пьесы, снимаются фильмы»². Именно этой констатацией и ограничивает автор упоминание о рецепции Сократа в современном медийном пространстве. Однако, на мой взгляд, сегодняшняя ситуация в области массовых исторических представлений действительно требует продолжить исследование.

В последние десятилетия одним из важнейших источников исторических представлений в обществе, наряду с наукой и образованием, стала медийная среда, то информационное поле со специфическими и постоянно развивающимися средствами доставки и репрезентации исторического знания, в которое современный человек погружен полностью, независимо от желания или нежелания в нем пребывать. В теоретических построениях специалистов по историческому познанию появилось даже словосочетание «медийное историческое знание». Объясняя его смысл, И.М. Савельева и А.В. Полетаев пишут следующее. «В последние десятилетия прошлого века мы стали свидетелями бурного развития медийной культуры в целом, и исторической – в частности, с соответствующими изменениями в массовых исторических представлениях. Термином “медийное историческое знание” мы обозначаем большой набор разнообразных источников информации о прошлом, таких как религиозные ритуалы и проповеди, праздники и коммеморации, памятники, мемориалы и музеи, художественная и научно-популярная литература, средства массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение), различные формы визуального и перформативного искусства (живопись, театр, кинематограф) и т.д.»³.

Подчеркну, со своей стороны, что не все из перечисленных медийных источников информации могут быть применены к формированию представлений об античности. Хотя сегодня есть попытки, например, воспроизвести в виде перформативного театрализованного действия в интерьерах остатков храмов и амфитеатров некоторые мистериальные ритуалы. В этом же ключе 25 мая 2012 г. в Афинах был повторен суд над Сократом, который шел по нормам современного европейского права, широко транслировался электронными средствами массовой информации и закончился оправданием афинского философа.

К подобным попыткам беззастенчивого присвоения античности принадлежит и никем не организованная, вполне стихийно возникшая тенденция превращения афинского философа Сократа в медийную фигуру⁴, так или иначе известную всем на уровне некоторых представлений: например, широко

1 Статья написана в рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

2 Суриков И.Е. Сократ. М., 2011. С. 6.

3 Савельева И. М., Полетаев А.В. Современное общество и историческая наука: вызовы и ответы // Мир Клио: Сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной / Отв. ред. О.В. Воробьева. Т. 1. М., 2007. С. 162. См. также: они же. Теория исторического знания. СПб.; М., 2008. С. 485–487.

4 Беглое перечисление примеров включения образа Сократа в вульгаризированную молодежную культуру приводит на заключительной странице своей книги Эмили Уилсон: Wilson E. The Death of Socrates: Hero, Villain, Chatterbox, Saint. L., 2007. P. 236.

гуляют афоризмы, приписываемые Сократу античными источниками или современными интеллектуалами; анекдотическим персонажем Сократ становится в связи с вопросом супружества, ибо имя Ксантиппы стало нарицательным для сварливой жены; наконец, Сократ становится символом диссидентства в условиях политической борьбы или ротации управленческих кадров⁵.

Справедливости ради нужно сказать и о том, что Сократ продолжает оставаться в поле зрения серьезной науки. Постоянно появляются специальные статьи о нем в области истории философии; рецепция и интерпретация на новом уровне научного знания осуществляются и психологией, и политологией, и социологией культуры⁶.

Как и всегда, свободное манипулирование в медиа-пространстве смыслами, генетически восходящими к общественно-политическим воззрениям Сократа или его частной жизни, определяется скудостью и недостаточной достоверностью античных источников: собственных сочинений Сократа не оставил, а свидетельства немногочисленных учеников, даже столь знаменитых, как Платон или Ксенофонт, а тем более противников, таких как Аристофан⁷, все-таки весьма тенденциозны и практически не проверяемы. Именно потому уже в античной традиции Сократ начинает выступать как своеобразный литературный персонаж, созданный несколькими сочинителями («различные литературные характеры», «эти явные литературные различия»)⁸. Из всего комплекса источников становится ясно, что Сократ еще с античных времен интересовал публику не только своими философскими построениями, но и как особенная личность, плоть от плоти полиса, оказавшаяся, однако, с этим полисом в противоречии настолько, что полис решил от Сократа избавиться. А поводов было достаточно: отрицание общепризнанных божеств и нравственное разращение юношества идеей о необходимости подвергать все сомнению, а кроме того, недостаточное уважение и даже критика Сократом великих поэтов Греции, таких как Гомер и Гесиод, которые для афинских граждан, демократического большинства выступали в качестве «традиционных ценностей», поколебленных только что пережитыми годами войны и правлением тирании Тридцати, а еще – репутация дурного гражданина, открыто сторонившегося принадлежности к той или иной аттической группировке: демократов-пирейцев и олигархов-афинян. Между тем, Сократ всю свою жизнь был смелым воином и законопослушным гражданином, о чем свидетельствуют не только сведения о его участии в военных действиях, но и поведение в связи с судом с предсказуемым результатом – смертельным приговором. При этом напрашиваются стойкие аналогии с некоторыми фактами последнего столетия: толпа не слышала высказываний Сократа, ибо он не произносил публичных речей, он беседовал только с отдельными людьми, а затем все, что он говорил – в верном ли, искаженном ли виде – активно передавалось в городе, делалось общим достоянием, становилось основанием для формирования отношения к личности и идеям философа, в конечном итоге – для обвинений.

Но обратимся, наконец, к современному российскому медийному пространству с точки зрения присутствия в нем образа Сократа.

В апрельском номере журнала «Русский пионер» за 2013 г. появилась занятная публикация – бывший мэр Москвы Ю. Лужков предложил вниманию читателей пьесу в стихах «Сократ – всегда Сократ», посвященную событиям в Афинах рубежа V– IV вв. до н.э.⁹ Общая суть откликов на эту публикацию

5 Нужно отметить, что осмысление образа Сократа как символа демократических идей в американском медиа пространстве 40–50-х гг. XX в., в условиях «холодной войны» и разгула маккартизма, недавно было предпринято профессором Сарой Монсон. См.: *Monoson S. S. The Making of a Democratic Symbol: The Case of Socrates in North-American Popular Media, 1941–56* // *Classical Receptions Journal*. Vol. 2011. 3 (1). P. 46–76.

6 *Penner T. Socratic Ethics and the Socratic Psychology of Action: A Philosophical Framework* // *The Cambridge Companion to Socrates* / Ed. by D. R. Morrison. Cambridge; New York, 2011. P. 260–292; *Griswold Ch. L. Socrates' Political Philosophy* // *The Cambridge Companion to Socrates*. P. 333–354; *Irwin W., Johnson D. K. Introducing Philosophy Through Pop Culture: From Socrates to South Park, Hume to House*. Oxford, 2010.

7 В комедии Аристофана «Облака» образ Сократа был весьма далек от реальности: ему приписали то, чего он никогда не говорил и не делал; в частности, причисление его к софистам выглядит просто клеветническим, а сатирически изображенное обсуждение учениками во главе с мудрецом, в чем измерить длину прыжка блохи или какой частью тела издает звуки комар, – откровенным издевательством (*Arisoph. Nub.* 133–183). См. подробнее: *Blanchard, Jr. K. C. The Enemies of Socrates: Piety and Sophism in the Socratic Drama* // *The Review of Politics*. 2000. Vol. 62 (3). P. 422.

8 *Blanchard, Jr. K. C. The Enemies of Socrates*. P. 421–449; *Morrison D. R. Editor's Preface* // *The Cambridge Companion to Socrates*. P. XIV.

9 *Русский пионер. Литературный иллюстрированный журнал*. 2013. №35. Электронный ресурс <http://www.ruspioneer.ru/cool/m/single/3516> (доступ свободный, проверено 07.05.2015 г.)

сводилась к тому, что бывший мэр нашел себе поприще, на котором может в псевдо-литературной форме изложить свое отношение к происходящим переменам в политической жизни страны и перипетиям личной судьбы.

Начинается пьеса с монолога Фрасибула, которого автор называет главным полководцем афинян в войне против тридцати тиранов (олигархов), вернувшим демократию после тирании. В своем монологе тот объявляет «о разгроме врага» и рисует положение в стране: «Множество граждан в войне той страна потеряла, / Да и иных потерь тоже случилось немало. / Нет тех двухсот городов, что вассалами (sic! – Е. Ч.) нашими были, / Деньги казны с олигархами вместе уплыли. / Спарта давно уж мечтает от нас отделиться (sic! – Е. Ч.). / Дарий с Востока походом военным грозитя. / Чтоб накормить афинян, почти все покупаем. / Деньги давно уж не те мы за экспорт олив получаем. / Скуден бюджет, тяжелы государства проблемы. / Я вам назвал только самые жгучие темы». Сопровождается это описание целым рядом демагогически-пафосных заявлений о единстве граждан в стремлении к свободе («Нам ведь свобода больше, чем жизнь, дорога»; «Наша победа великой была, но не легкой»; «Знайте: дорога к свободе – она не бывает короткой»). И все это только для того, чтобы объявить о передаче власти Аниту – своему соратнику, богачу, идейному вдохновителю «нового порядка»:

Новый порядок в Афинах мы твердой рукою построим.
Будет хорошим строителем тот, кто в войне был героем.
Этот строитель-герой афинянам прекрасно известен:
Это Анит. И в бою, и во власти на месте
Он на своем на законном. Прославлен повсюду.

Вслед за этим звучит программная речь Анита, который, подчеркнув величие предшественника и «лягнув» Перикла, распустившего страну, объявляет о «закручивании гаек», чтобы никто не мешал достижению «великой цели» – «Афины к счастью привести»:

И мы сметем решительно с пути
Любого, кто болтать теперь начнет
Вразрез с идеей нашей...
<...>Терпеть не будем мы
Их безобразий ныне.
<...>Кто станет на пути – тому с отравой чашу,
Или кинжал, или огонь. Короче – смерть.
Против Афин и афинян – не сметь!

Враг обозначен – тот, кто болтать начнет «вразрез с идеей нашей». А дальше представлен фантазмагорический паноптикум политиков вокруг нового правителя¹⁰. Есть среди них и деятели с говорящими фамилиями: Квадрий, главный финансист, и Фурсий – член ареопага, ответственный за воспитание и образование молодежи. Первый прославился тем, что предложил загнать государственные деньги в «Персидский фонд», второй же – реформой образования: «... дадим смертельный бой / Тому, кто нам мешает школу переделать. / Кто без оплаты учит молодежь, / Тот против наших принципов идет. <...> Подобный опыт ежели внедрить, / То школу можно навсегда закрыть: / Она же нам не принесет доходов, / А если так – зачем той школе быть?».

Вот так всплывает имя Сократа, который «без оплаты учит молодежь», и звучат две противоположных характеристики. Анит говорит о нем: «Философ, воин, патриот, мудрец./ Умнее многих он примерно во сто крат / Иль более того», а Мелет (по ремарке автора – главный обвинитель Сократа, бездарный стихотворец, обозленный на всех молодой человек) с ненавистью дополняет: «И все же ждет его, я думаю, конец. / Забвенье и позор, и больше ничего. / Он Зевса, говорят, не признает, / И, Фурсий

10 Один из них «прочитывается» (идентифицируется) мгновенно. Анит, не называя его по имени, описывает так: «Нашелся тут один / Крикливый и неумный господин; / Он заявил ни много и ни мало, / Что Индия вконец его достала, / Что надо двинуть на нее войска, / Что без большой войны ему тоска, / Что той войне ну непременно быть. / Сандалии надумал он помыть / В Индийском океане. Каково?»

А Сократ подхватывает: «Связать неплохо было бы его. / Он “однозначно” часто повторяет? <...> Его как дурака давно я знаю».

прав, он денег не берет / За те науки, что преподает. / К тому же на язык отчаянно востер. / Неплохо бы его в костер!»).

Очень пафосно подает Ю. Лужков сам суд над Сократом. Идет своеобразное состязание «Черного хора» обвинителей и «Белого хора» сторонников Сократа. И здесь, в описании суда, полностью развеиваются любые сомнения о том, с кем ассоциирует себя бывший московский градоначальник, а теперь профессор в местном частном университете.

Сократ: Пройдет немного времени – и правда
Наружу выйдет, и ее не призовешь
На суд, подобный этому, несправедный,
Где нынче правду судит ложь.
Все временно: и суд, и казнь, и жизнь.
Оставив суету, за вечное держись.
Белый хор: Оставив суету, ты вечному служи
Даже при власти, утопающей во лжи!

Ну а дальше – о тех, кому принадлежит вся власть в Афинах и для которых нет понятия совести или закона: как они закажут, такое решение и примет суд. Попытка Сократа напомнить о власти народа завершается отповедью «Черного хора»: «Напрасно уповаешь на народ – / В истории он как впотьмах идет». И этот же хор озвучивает обвинение: «Врагом отечества и власти ты прослыл!!!». И далее:

Виновен гражданин Афин Сократ,
Что соглашаться с властью он не рад,
Что он брожение поселил в умах,
Слишком широк свободомыслия размах.
<...>Порочной нашу власть Сократ зовет,
А вслед за ним твердит об этом же народ.

В финале Белый хор говорит об историческом возмездии палачам Сократа и о бессмертии самого Сократа:

Сократ приговорен. И все-таки Сократ
Бессмертным стал, а значит, победил!
Бессмертным стал, а значит, победил!

Аллюзии и ассоциации, заложенные Ю. Лужковым в своей пьесе, настолько откровенны, что прямо открывают цель его обращения к образу Сократа. Это способ если не политической борьбы, то некоторой виртуальной мести противнику. И в этом отношении с Сократом историческим этот образ не имеет практически ничего общего.

Возможно, отчасти в ответ на откровенный дилетантизм и графоманство, проявленные бывшим московским градоначальником в создании образа Сократа, Э. Радзинский, историк-архивист по образованию, решает актуализировать свою известную пьесу, когда-то взорвавшую общественное мнение. В конце ноября 2013 г. на канале «Культура» в вечерний прайм-тайм субботы, когда обычно здесь показываются «Шедевры мирового музыкального театра», была продемонстрирована более чем двухчасовая авторская читка известной пьесы Эдварда Радзинского «Беседы с Сократом»¹¹. Эта пьеса написана была еще в 1969 г., в начале 70-х гг. с трудом протиснулась сквозь партийную цензуру на сцену театра им. В. Маяковского, где роль Сократа сыграл Армен Джигарханян. Уже тогда идеологические охранители уловили аллюзии на современность, в частности, на диссидентство: предполагалось, что в образе Сократа выведен то ли А.И. Солженицын, то ли А.Д. Сахаров, то ли оба вместе¹².

11 В архиве канала «Культура» запись эта общедоступна. См.: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/57347/ (проверено 07.05.15).

12 Изначально, как вспоминает автор пьесы, упоминались А. Синявский и Ю. Даниэль (см.: *Радзинский Э. Моя театральная жизнь*. М., 2007. С. 173. Об А. Солженицыне – С. 174, о А. Сахарове – С. 175). Выдающийся советский режиссер, постановщик этой пьесы в театре им. В. Маяковского А.А. Гончаров так определял ситуацию вокруг спектакля: «Не эстетика страдания и смерти интересовала меня, я хотел поставить спектакль о борьбе сильного человека,

Какой же образ Сократа получил телезритель теперь, в ноябре 2013 г., в результате просмотра-прослушивания этого авторского моноспектакля?

Сократ – не философ в общепризнанном понимании этого слова, он не ищет истину в вопросах строения мира, его интересуется человек во всех его внутренних и внешних проявлениях. Он говорит: «... я не открывал законов бытия, как другие философы. Я только исследовал поведение человека» (С. 10)¹³. «Это – я, это – вы, это – все мы, смертные. Я пытался понять, чем нам руководствоваться. Что такое добро и зло в каждом случае. Вот уж семьдесят лет мне, а я все не устаю исследовать человека и удивляться ему. Как много тут неожиданного, афиняне!» (С. 18). «Я пытался разобраться, как надо вести себя людям в тех или иных случаях. И поэтому все, что я высказывал, будет нуждаться в постоянной проверке и сомнении... И сомнении! Ибо меняются и времена, и человек» (С. 10).

По-видимому для того, чтобы создать у зрителя стойкий эффект узнавания своего героя, автор буквально с первых строк вкладывает в его уста несколько известных афоризмов, приписываемых Сократу по традиции или по невежеству: «Вы все должны запомнить главное: “Единственное, что Сократ знал окончательно, – это то, что он ничего не знал окончательно”»; «О, частый путь истины: сначала все кричат – долой ее! – и убивают произносящего ее. Потом воскрешают эту истину и привыкают к ней. А потом говорят: “Ну, это нам всем уже давно известно!”» (С. 10).

Образ Сократа делается все более многомерным за счет концентрации в его высказываниях самых актуальных проблем общественного бытия и его времени, и современности. Одной из таких проблем всегда является противоречие между социальным инфантилизмом молодежи и непомерно завышенными самооценками и потребительскими амбициями. Сократ говорит, обращаясь к одному из своих молодых собеседников: «Но пройдет юность, и вспомни: кто провел всю жизнь в удовольствиях, у того остаются под старость только воспоминания тела. Разум не взрослеет, и душа не вырастает. И он ощущает, будто совсем и не жил. Что он все тот же мальчик, которого почему-то называют старцем. И ему страшно умирать» (С. 6). И все, о чем просит Сократ своих сограждан перед смертью, это не дать его сыновьям погрязнуть в стяжательстве и пустословии: «Если когда-нибудь, афиняне, вам покажется, что сыновья мои заботятся о деньгах, о должностях, о красивых речах больше, чем об истине и добродетели, донимайте их так же беспощадно, как донимал вас я! И если они, не представляя из себя ничего, вообразят о себе многое, – укоряйте их так же беспощадно, как укорял вас я. И тогда вы воздадите по заслугам и мне и моему потомству» (С. 30–31). В качестве своеобразного контрапункта звучат страстные признания Мелета, ставшего главным доносчиком – обвинителем Сократа: «Я был нищ, уродлив, болен и один... И вот однажды я решил: жизнь коротка, она проходит, а я не жил! И я переменил свою жизнь! Я хочу... всего. Поэтому нет больше того, чего бы я не совершил во имя... всего. Я – свободен! Никаких обязанностей! Я! Я!» (С. 26–27). В беседе с Фрасибулом, соглашаясь на донос, он говорит о непомерной жажде славы, ибо он поэт (правда, все кроме него знают, что поэт плохой): «Я – урод, я нездоров. Я не склонен к шумным пирушкам, и друзей у меня нет. Я – свободен. Свободен от всего – от друзей, от здоровья. Принадлежу только себе и вслушиваюсь только в свои желания и удовлетворяю их. Но я поэт. <...> И как все поэты, я желаю поклонения. Представляете, я презираю всех, плюю на всех... и все-таки желаю любви всех. Потому что я поэт. Здесь моя западня. И я решил: вы дадите мне право сочинить гимн Аполлону – гимн, который от имени Афин повезет священное посольство в Дельфы» (С. 13). Вот они, как бы мы сейчас сказали, 30 серебрянников. Сократа предает человек, даже не знающий его лично. Таков Мелет. Э. Радзинский доводит ситуацию до абсурда тем,

утвердившего высокие нравственные принципы в условиях увядающей демократии» (см.: *Гончаров А.А. Мои театральные пристрастия. Книга первая. Поиски выразительности. М., 1997. С. 88*). Спектакль не выпускали шесть лет. Премьера его состоялась 4 апреля 1975 г. «Нас интересовал Сократ, который чуть ли не за пятьсот лет до рождения Христова сформулировал нравственные принципы, которые затем стали достоянием Евангелия. Но надо же было так случиться, что судьба Сократа буквально совпадала с событиями, происходившими в то время с Александром Исаевичем Солженицыным; аналогия возникала полная. “Идиотизм” ситуации состоял в том, что по мере запретов и проволочек с выпуском события реальной жизни усугубляло это соответствие. Спектакль, по независящим от него причинам, становился все крамольнее и крамольнее» (там же. С. 52). А Э. Радзинский на премьере спектакля устроил еще один спектакль: он пригласил в зал, полный партийной и государственной номенклатуры, А.Д. Сахарова, и его гонители подобострастно раскланивались и пожимали ему руку в приветствии (см.: *Радзинский Э. Моя театральная жизнь. С. 169, 181*). «Сократ на сцене, и другой Сократ в зале! – это была еще одна пьеса. И какая!» (*Радзинский Э. Моя театральная жизнь. С. 178*).

13 Здесь и далее текст пьесы цитируется по изданию: *Радзинский Э. Беседы с Сократом // Радзинский Э. Беседы с Сократом. М., 1982. С. 4–62*. В круглых скобках указывается цитируемая страница.

что Ксантиппа просит пробегающего мимо их дома на Рыночную площадь в суд доносчика-Мелета сопроводить «кроткого старца», которому «тоже в суд». И только по пути, через диалог Мелета и Сократа, начинают в нашем восприятии формироваться представления о противоборствующих сторонах. Обвинение основано, прежде всего, на неприятии особенной личности (С. 16–17). Сам же Сократ значительно глубже понимает ту миссию, которую он выполнял в своем гражданском коллективе: «Сократ мечтал, что в результате этих бесед вы наконец-то станете различать главное: стыдно заботиться о выгоде, о почестях, а о разуме и о душе забывать. И я надоедал вам своими беседами и беспокоил вас сомнениями. Я жил, как овод, который все время пристает к коню. К красивому, благородному, но уже несколько обленившемуся коню и поэтому особенно нуждающемуся, чтобы хоть кто-то его тревожил» (С. 20–21). Сократ подчеркивает, что занятие это опасно, поскольку однажды конь «может пришибить ударом хвоста надоедливого овода», и обращается к согражданам с призывом не делать этого, поскольку нового овода они вряд ли скоро найдут (С. 21). И здесь Сократ произносит одно из ключевых слов для понимания сложившейся вокруг него ситуации. «Ведь получаю я за эту работу только одну плату – вашу ненависть!» – говорит он, обращаясь к суду (С. 21). Эта ненависть рождается толпой, рождается даже тогда, когда, в случае Мелета, человек не знает другого человека лично. И Мелет – только орудие в заговоре отцов города против Сократа. А у богатого кожевника Анита и умеренного олигарха Фрасибула есть к Сократу претензии от имени государства: Анит, например, раздражен тем, что «мудрейшие и почтенные афиняне» в беседах с Сократом «чувствуют себя глупцами». И продолжает: «Можно, конечно, отнестись к этому с юмором и добродушием. Но юмор и добродушие – удел благополучных времен. Афинский народ обозлен войной и поражением. Нервы у людей сдают. Кроме того, его влияние на молодежь... <...> можно легко домыслить, что Сократ ставит человеческий разум выше афинских богов. **А было бы очень полезно именно сейчас поддержать наших богов. Защита святынь всегда дисциплинирует и поднимает авторитет. А в наше время...** (выделено мною – Е. Ч.)» (С. 12). Особенно лицемерно звучит все это после того, как Анит признается наедине с приговоренным Сократом, что он не верит в богов: «...это забавно, Сократ: человек, который верит в богов, посажен в тюрьму другим, который в них не верит, по обвинению в неверии в богов» (С. 51).

Вообще, Анит и Продик выступают в качестве своеобразных оселков, на которых вытаскивается образ Сократа в пьесе. Продик, почти ровесник Сократа, друг его самого и друг его семьи, всю жизнь завидовал Сократу, стремился стать лучшим во всем. Но всегда чуть-чуть не дотягивал (С. 40). Анит же, кожевник, разбогатевший ремесленник, вообще претендует на тираническую власть: «Но, Сократ, ведь сама природа повсюду провозглашает право сильного... Мы же берем с детства самых решительных и сильных людей и приучаем их заклинаниями законов, что все они должны быть равны ничтожному большинству и что только это справедливо... Но мне хочется, Сократ, чтобы у нас появился некто, достаточно одаренный природой, который освободился бы от этого дурмана и освободил других». «И это будешь ты, Анит», – скорее догадывается, чем спрашивает Сократ (С. 52).

Этому стремлению к тирании Сократ противопоставляет законопослушность, которая и мешает ему бежать из Афин для сохранения своей жизни. Сократ рассказывает о своем мысленном диалоге с афинскими законами: «Значит, мы, законы твоего отечества, тебе нравились, пока относились к тебе справедливо! Но вот сегодня ты претерпел от нас, и что же? Ты уже готов предать нас, а следовательно, и свое отечество. Ты готов бежать от нашего постановления, скрыться из тюрьмы, переодевшись в козью шкуру или в платье Аполлодора, к нашим врагам. Значит, ты решил ответить своему отечеству злом за зло? Но ты учил всегда иначе! Что же тогда тебе делать, Сократ, в чужой стороне? Чем ты станешь там заниматься? Учить справедливости и добродетели? Но, сбежав от нас, ты сам ее первый нарушишь» (С. 47).

Очень переключается с современностью и Сократова идея о том, какое наказание он должен попросить у суда. Он грустно саркастичен: «За то, что призывал вас думать о самих себе, чтобы каждому стать лучше. Что я назначу себе в наказание за такую свою жизнь?.. Я кормил бы себя бесплатными обедами, как кормите вы тех, кто побеждает на Олимпийских играх. Потому что те, кто побеждает в состязаниях колесниц, дают вам мнимое счастье, а я пытался дать подлинное» (С. 22). Размышляя над результатами суда, Сократ все еще верит в демократию и в свой народ, а его антитиранический пафос звучит весьма злободневно: «И все-таки почти половина судей, несмотря на подкуп, запугивания, были за меня... Почему так? А может быть, вера и сомнение не страшат народ, а страшат лишь тиранов... или будущих тиранов?» (С. 53).

Наконец, еще одна особенность современного медийного образа Сократа у Э. Радзинского – коллизия, явно домысленная автором. Речь идет о безымянном Первом ученике, жаждавшем смерти Сократа, чтобы быть единственным его истолкователем, поскольку только он записывал высказывания Сократа и правил их по своему усмотрению, чтобы создать иконический образ величайшего мудреца. Сократ узнает об этом и требует сжечь записи (С. 60–61). Он не хочет праздного любопытства толпы к своим мыслям: «Что может принести смерть тому, кто открывает истину? Стоит убить глаголящего истину, и тотчас людей охватывает любопытство к его вере и уважение к ней. Потому что нет ничего прочнее и притягательнее того, за что пролита кровь» (С. 10). Но в устах Сократа эти идеи все-таки представляются модернизацией, рассчитанной на восприятие наших современников.

Итак, мы наблюдаем в начале нового века не просто актуализацию образа Сократа, а, по аналогии с историографией, «адаптационные интерпретации»¹⁴, ведущие к презентистским подходам к античности. Для массового сознания презентизм свойственен, свойственны и стереотипы в восприятии исторических персонажей и политизация образов. Это нам и продемонстрировали авторы двух сочинений о Сократе, появившихся в медийном пространстве совсем недавно. На этом фоне научно-популярная, тоже рассчитанная на массового читателя книга И.Е. Сурикова, вписывается в иную многовековую традицию о Сократе, когда «...почтение к его имени оставалось неизменным»¹⁵, и этим ценна.

14 *Вжосек В.* Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. Т. 30. С. 13.

15 *Суриков И.Е.* Сократ. С. 345.

ЖРЕБИЙ КАК АНТИЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ: К ДИСКУССИИ О ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РЕЦЕПЦИИ

Поздравление Игоря Евгеньевича с Юбилеем авторами данного сборника заключается в том, чтобы дать ему в честь праздника насыщенную пищу для размышлений. Праздничное застолье, пиршество духа, этот наш симпозион, предполагает, что и кушанья, и беседа за ними будут приятны Юбиляру, т.е. будут находиться в русле его вкусов и интересов. Упрощает нашу задачу то, что интересы его многогранны, но усложняет утонченность его вкусов. Главное же все-таки – привлечь внимание к сюжетам, а обсудит их, будем надеяться, Игорь Евгеньевич, как главный собеседник, потом, в присущей его стилю изысканной манере. Надо заострить вопросы, а возможность дать, при желании, ответы на них, предоставить ему. Зная, как и все мы, интерес виновника торжества к проблемам античной политической организации, ее правовым аспектам, а иногда его блестящий в своей неожиданности выход для сравнения и сопоставления в современность, я нахожу в этом ракурсе вопрос, по которому Игорь Евгеньевич однажды высказался после моего доклада – жребий как механизм политико-правового регулирования в Античности – и предлагаю рассмотреть его в той канве, в которую он оказался вплетен в последних историко-политологических дискуссиях: возможность воспроизведения древнего института в реалиях сегодняшнего дня.

Поскольку общий взгляд на отмеченные дискуссии уже брошен Кареном Пипенбринком¹, то сделанные им наблюдения могут послужить отправной точкой для дальнейшего обсуждения. К. Пипенбринк подчеркивает, что данный вопрос стал дискутироваться в контексте современного «кризиса представительной демократии», а самые последние рассуждения политологов по этому сюжету касаются институтов Европейского Союза, особенно комиссий Европарламента, в связи с многократно заявленным «дефицитом демократии» в Брюсселе и Страсбурге². В поисках методов расширения участия граждан в различных органах взоры зарубежных политологов обратились к примеру прямой афинской демократии, но обращения эти были не всегда корректны, что вызвало уточняющие публикации историков-антиковедов. Одним из центральных моментов дискуссии стал принцип жеребьевки с точки зрения возможности его имплементации в современной политической системе. К. Пипенбринк выделил три аспекта, находящиеся на переднем плане рассмотрения: во-первых, применение жребия для создания одинаковых возможностей участия всех граждан в каких-либо органах управления, во-вторых, использование метода жеребьевки для того, чтобы избежать конфликтов при наделении должностных лиц функциями, в-третьих, принцип жеребьевки как способ борьбы с коррупцией. Расхождения между политологами и историками в вопросе о том, чему может послужить античный принцип жеребьевки (и, соответственно, чему он служил в свое время), особенно касающиеся первого аспекта, объясняются К. Пипенбринком, с одной стороны, различием в источниковой базе, на которую опираются те и другие при обращении к афинской демократии, а с другой – применением ими разных концептов демократии.

1 *Pipenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität: Das Losprinzip im Klassischen Athen und seine Rezeption im aktuellen Demokratiediskurs // Antike und Abendland. Beiträge zum Verständnis der Griechen und Römer und ihres Nachlebens. 2013. Bd. LIX. S. 17–31.* В статье приведен достаточно объемный список работ, имеющих отношение к сюжету рассмотрения.

2 *Pipenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 17–18.*

По поводу теорий демократии К. Пипенбринк констатирует, что если политологи оперируют преимущественно моделью делиберативной демократии, то многие историки-античники, напротив, в первую очередь обращаются к теории элитарной демократии³. Под делиберативной демократией в современных политологических работах понимается налаженный «институционализированный диалог власти и социума, государства и гражданского общества», «дискурсивно-коммуникативный процесс»⁴, предполагающий обмен мнениями, в том числе и при принятии политических решений. Концепция элитарной демократии («элитарного плюрализма», «конкурентного лидерства», «демократического элитизма») трактует демократию не как правление народа, а как правление элит, при котором конкурирующие элиты (множественность которых позволяет создать баланс сил) вырабатывают консенсус относительно правил политической игры, их представители соперничают за голоса избирателей, и элиты подконтрольны народу, как минимум, во время выборов. В теории элитарной демократии заложена идея именно множественности (плюрализма) элит – в противовес власти в руках одной элиты. Поэтому, например, политическое устройство Римской республики, имевшее одну элиту, в рамках такого подхода не будет считаться «элитарной демократией». Соответственно, в дискуссии о характере римской республиканской политической системы сторонники концепции «римской демократии» могут апеллировать только к теории делиберативной демократии и в этом ключе рассматривать римские комиции как орган консенсуса. К. Пипенбринк подчеркивает, что афинская экклесия отличалась от римских комиций (и от других народных собраний, примерами которых оперируют сторонники теории делиберативной демократии) тем, что это был институт, в котором обсуждались конфликтовавшие предложения, поэтому современное антиковедение фокусирует свое внимание, в отличие от политологии, на конкурентных элементах афинской демократии и в связи с этим на роли элит⁵. Он отмечает также, что в последние годы исследователи греческой истории находят «многочисленные континуитеты» афинской демократии с преддемократической эпохой, особенно в области социальных структур и ментальности, тогда как в работах политологов имплементация демократического порядка чаще «маркируется как историческая цезура»⁶.

Относительно различий источниковой базы К. Пипенбринк отмечает, что политологи используют в качестве источника прежде всего «Политику» Аристотеля, а историки – речи ораторов. Добавим, что, конечно, при реконструкции афинской демократии историки стараются максимально полно использовать имеющиеся источники, и не только нарративные⁷.

3 *Pipenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 28.*

4 *Лукин В.Н. Альтернативные модели демократии в политических системах глобального мира: концепция делиберативной демократии Д. Драйзека. URL: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=38:2010-01-15-12-09-51&id=142:2010-01-18-11-19-36&Itemid=206.*

5 *Pipenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 22.*

6 *Pipenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 23.*

7 Попутно обратим внимание на источниковедческие высказывания Игоря Евгеньевича, сделанные им при изучении греческих надписей классической эпохи: «обычно нарративные источники противопоставляются эпиграфическим (и иным документальным) именно по критерию субъективности/объективности», «степень доверия к эпиграфическим памятникам априори выше, чем к нарративным» (*Суриков И.Е. Древнегреческие надписи классической эпохи как памятник исторической мысли // Вопросы эпиграфики. 2013. Вып. VIII. Ч. I. С. 378–379.*) Далее автор замечает, что «в действительности ситуация сложнее», так как у надписи есть авторы, т.е. и место для субъективности, тенденциозности и проч. Считаю необходимым в связи с этим уточнить: классификация источников может осуществляться по разным основаниям – по содержанию, по материалу на котором они написаны, и т.д. По содержанию письменные источники делятся на два рода: документальные и нарративные (внутри этих родов – по видам, например, документальные делятся на такие виды, как законодательные, дипломатические, хозяйственно-административные и проч., а нарративные – на анналы, биографические сочинения, художественную литературу и проч.). Эпиграфические же источники выделяются на основе иного критерия – материального носителя информации, это надписи на твердых предметах, поэтому нарративные источники противопоставлять им неверно, т.к. среди эпиграфических источников есть как документальные, так и нарративные. Следовательно ситуация в действительности довольно проста, если избегать ошибки, которая называется в методологии науки ошибкой основания деления при классификации. Но, разумеется, в каждом конкретном случае она может осложняться тем, что, как и при использовании текстов на других материальных носителях, в нарративный эпиграфический источник может быть вплетено цитирование, например, закона (тогда нужны дополнительные аргументы достоверности информации об этом законе и его содержании), что, однако, не отменяет видовую принадлежность источника в целом. Конечно, видовую и, соответственно, родовую принадлежность письменного источника не всегда легко определить (например, декрет перед нами или памятник исторической мысли), но это уже специальная исследовательская задача. Эти источниковедческие постулаты почему-то нередко антиковедами игнорируются.

Политологи, как отмечает далее К. Пипенбринк, обосновывают тезис о связи метода жеребьевки с политическим равенством в классических Афинах, опираясь на замечания Аристотеля (*Arist. Pol.* 1317b17–1318a3), который в данном вопросе исходит из того, что применение жребия возможно только среди равных и его использование в сфере политики является следствием равенства или постулированием такового⁸. Хотя, по словам К. Пипенбринка, рассуждения Аристотеля о том, что жребий связан с демократией как политическим порядком, который максимально реализует принцип политического равенства, подкупают четкостью, привлекательны с точки зрения типологизации и систематизации, тем не менее исторические исследования показывают, что политическая жизнь в классических Афинах характеризовалась разнообразным неравенством и воспроизводила в политике социальные различия, что проявилось, в частности, в том, что политическая элита рекрутировалась из высших слоев, а для политиков афинской демократии был весьма значим материальный ресурс. Линия рассуждений К. Пипенбринка является следующей. У Геродота присутствует идентификация демократии и исономии (*Herod.* III. 80. 6), но речь идет не об Афинах. При этом К. Пипенбринк делает отсылку к книге Могенса Хансена (который для характеристики афинского политического устройства не применяет понятие «исономия», но прибегает к понятию «исэгория»⁹) и утверждает, что понятие «исономия» не было значимым лозунгом в политическом дискурсе, таковым гораздо чаще было понятие «исэгория», о чем свидетельствуют сочинения Геродота, Ксенофонта, Псевдо-Ксенофонта, Демосфена, Эсхина, Исократ; не связывает с принципом эгалитета политическую жизнь в Афинах и Фукидид в «Надгробной речи Перикла»¹⁰. Заметим, что Джошуа Обер, посвятивший свое исследование взаимоотношениям масс и элиты, также полагает, что афиняне считали исэгорию краеугольным камнем демократии, и она и была таковой¹¹. В классических Афинах признавалось, как подчеркивает К. Пипенбринк, особенно в судебных речах, что законы конституируют гражданское равенство, и, вследствие этого, демократия была концептуализирована как «номократия». Под последним, однако, понималось не автономное господство закона, а то, что «номой» господствуют посредством суда: главное состояло в том, что дикастерии открывают возможности всем без исключения гражданам успешно вести дела в суде, но это никоим образом не нивелировало социальные различия. Если привилегий в суде не давалось никому, то перспективы успешного участия в политическом агоне значительно различались и в значительной степени зависели от образования человека и его материальных ресурсов¹². К. Пипенбринк, таким образом, настаивает на том, что принцип равенства не охватывал сферу афинской политики (в отличие от сферы судопроизводства). Такая позиция разделяется не всеми историками. Например, Курт Раафлауб, подчеркивая важнейшую роль «неэлитных» граждан в народном собрании, отмечает, что афинская демократия была самой радикальной в реализации эгалитарной идеи, а греческий полис превратился в государство граждан, базировавшееся на сильных эгалитарных основах¹³. Вопрос, видимо, упирается в то, что и в политической сфере были такие сегменты, в которых принцип эгалитаризма был основательно внедрен, другие же сегменты он долгое время не затрагивал или затрагивал слабо.

Но вернемся непосредственно к жребию как античному политическому инструменту. Я утверждала, что в древности исходно жребий – это способ узнать божественную волю, и в таком качестве он появляется в очень раннее время; полагаться таким способом на волю богов есть свойство архаического сознания, а не результат политического развития общины, результатом же такого развития в Риме стал, напротив, отход от жеребьевки¹⁴. Игорь Евгеньевич комментируя этот тезис, сказал, что

8 *Pipenbrink K.* Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 20.

9 *Hansen M. H.* Die Athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes. Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995. S. 84.

10 *Pipenbrink K.* Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 22–24.

11 *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989. P. 79.

12 *Pipenbrink K.* Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 24–25. Действие принципа равноправия в демократических Афинах И.Е. Суриков ограничил, осмысливая «Надгробную речь Перикла» у Фукидида, весьма афористично: «если в частных делах господствует принцип равноправия, то в политических – принцип достоинства». См.: *Суриков И.Е.* Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // Из истории античного общества. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 55.

13 *Raaflaub K.* Why Greek Democracy? Its Emergence and Nature in Context // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxford, 2015. P. 23, 37.

14 *Дементьева В.В.* Sortitio provinciarum квесторов Римской республики // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 1. М., 2011. С. 238–239.

афинский пример показывает противоположное: жребий там появляется только на определенной стадии политического развития. В свое время Йохен Бляйкен полагал, что у афинян существовало понимание жеребьевки как элемента, конституирующего демократию¹⁵. Действительно, Аристотель считал выборы олигархическим принципом, а жребий – демократическим (Arist. *Pol.* 1317b17–1318a3). Однако К. Пипенбринк предлагает иную трактовку. Он полагает, что наша информация о генезисе применения жребия в политическом пространстве Афин малодостоверна. Автор «Афинской политики», которого К. Пипенбринк аккуратно называет «из школы Аристотеля» (Игорь Евгеньевич отмечает, что «Аристотель, во всяком случае, авторизовал трактат и издал его под своим именем»¹⁶), ассоциирует жребий с номофетами Драконом и Солоном (Arist. *Ath. Pol.* IV. 8), но при этом речь идет, как подчеркивает немецкий исследователь, «без сомнения, о ретроспективной конструкции, созданной через специфическую политическую импликацию»¹⁷. К. Пипенбринк при этом добавляет, что если в порядке, установленном Клисфеном, еще не усматривать демократию¹⁸, то начало применения жребия относится ко времени перед имплементацией демократической системы власти. Метод жеребьевки, по оценке К. Пипенбринка, не занимал в демократическом дискурсе центрального места, но среди противников демократии бытовало представление, что он, так же как, например, отказ от имущественного ценза, является существенным признаком демократии (и, соответственно, действие обоих принципов после олигархического переворота 404 г. до н.э. было приостановлено). «Бросается в глаза, – пишет К. Пипенбринк, – что большая часть сведений о связи жребия и демократии происходит из источников с более или менее эксплицитной антидемократической тенденцией»¹⁹. После реставрации демократии в 403 г. до н.э. афиняне опять ввели принцип жеребьевки – в связи с общей реставрацией институтов, потерявших силу во время олигархического режима, но специального внимания, на взгляд немецкого исследователя, ему не уделяли. Заметим, что, например, Дж. Обер, отмечая восстановление демократической конституции, подчеркивает, что было возобновлено действие всех основных институтов, которые гарантировали простым людям возможность играть активную роль в управлении государством, и относит к их числу – наряду с клисфеновской организацией демов, отношениями между советом и народным собранием, исэгорией, оплатой должностей – также и избрание магистратов и членов суда с помощью жеребьевки²⁰. Как видим, у К. Пипенбринка акценты уже другие.

В целом же, рассмотрев связь демократии и политического эгалитета, с одной стороны, и принципа жеребьевки и демократического порядка, с другой, К. Пипенбринк делает вывод, что не только политическая практика в классических Афинах в значительной степени характеризовалась неравенством граждан, но и сам постулат политического равенства был гораздо менее авторитетным, чем это теперь нередко признается исследователями. Принцип же жеребьевки, на его взгляд, не может считаться определяющим для афинской демократии; взаимосвязи жеребьевки, демократии и политического эгалитета в том виде, в каком ее видел Аристотель и как она присутствует в современной политологической рефлексии, в исторических реалиях не существовала²¹. Что же касается функций жребия в Афинах, то К. Пипенбринк определяет их так: жеребьевку проводили филы и демы; при этом не преследовались цели создания равных возможностей участия каждого гражданина в управлении, не шла речь о предотвращении конфликтов или противодействии возможной коррупции – жребий служил более всего соединению локальных подразделений в полис, т.е. жребий выполнял функцию пространственной интеграции²².

То, что выборы по жребью отнюдь не исключали преобладания в афинской правящей верхушке V в. до н.э. знатных и состоятельных лиц, исследователи отмечали и раньше. Так, Лучано Канфора,

15 Bleicken J. Die athenische Demokratie. Paderborn, 1986. S. 217–225.

16 Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 28–29.

17 Pibenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 25.

18 К. Пипенбринк имеет в виду политическое положение, которое И.Е. Суриков называет «диархия», «аристократическая демократия», «равновесие сил между аристократией и демосом». См.: Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 315, 316, 318.

19 Pibenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 26.

20 Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. P. 97.

21 Pibenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 28.

22 Pibenbrink K. Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 29.

говоря о формировании по жребию буле, подчеркивал: «По жребию – то есть это позволяло каждому гражданину войти в высокий совещательный орган и в порядке очереди, хотя и на короткий срок, занять пост, эквивалентный “президентскому”... Тем не менее, преобладание наиболее могущественных и богатых слоев в руководстве городской политикой было несомненным»²³. Очевидно, что жребий стал использоваться в политической жизни Афин до того, как аристократия утратила ведущую роль в ней. «Подлинным рубежом, знаменующим радикальное ослабление этой роли, можно считать лишь Пелопоннесскую войну», – пишет Игорь Евгеньевич²⁴, отмечая при этом, что «наиболее авторитетным» и «в целом вполне оправданным» является мнение о том, что «отсчет истории классической афинской демократии» необходимо начинать с деятельности Клисфена²⁵. Таким образом, по компетентному мнению И.Е. Сурикова, «аристократическая демократия» существовала в Афинах в период от преобразований Клисфена до Пелопоннесской войны. Роль наследственной аристократии, значение связей между знатными семьями, взаимоотношений родственников и друзей как политических союзников, богатства, элитной идеологии, регионализма в период от основания «классической демократии» в 508/7 гг. до н.э. до конца 40-х гг. V в. до н.э. подчеркивается и в новейших обобщающих трудах, причем в перечисленных и других моментах исследователи находят «общее качество» с политической жизнью республиканского Рима²⁶. Существование института жеребьевки Афинах на той стадии, когда демократия еще не стала «демократической», свидетельствует, что такой инструмент политики не гарантировал демосу преобладающей роли в политическом руководстве.

В Афинах жребий применялся как механизм избрания – на выборах в буле и магистратуры. Игорь Евгеньевич неоднократно подчеркивал, что ежегодное комплектование по жребию гелиеи в 6000 человек – это «историографический миф»²⁷ или «историографическая фикция»²⁸, ибо в источниках ничего о такой жеребьевке не говорится. Он убедительно обосновал следующий тезис: «Каждый желающий из числа граждан, достигших тридцатилетнего возраста, мог, раз в год принеся присягу судьбы на холме Ардетт, после этого приходил в присутственные дни к зданиям дикастериев, участвовать в жеребьевке (точнее, в ряде последовательных жеребьевок) и, соответственно, получать или не получать право судить тот или иной конкретный процесс, войдя в состав одной из коллегий гелиеи»²⁹. Таким образом, «в классическую эпоху... состав дикастериев формировался с помощью жребия»³⁰. Получается, следовательно, что применение жеребьевки в данном случае имело целью предотвращение подкупа судей, а не предоставление равных возможностей всем гражданам, достигшим тридцатилетия, как это было бы в случае ежегодной «грандиозной», по выражению Игоря Евгеньевича, жеребьевки всего состава гелиеи. Кстати, логическим аргументом, подтверждающим отсутствия «широкомасштабной» жеребьевки гелиастов является коррелирующий с этим другой вывод И.Е. Сурикова, блестяще им обоснованный и крайне существенный: «Демос – афинское народное собрание (общее обозначение). Экклесия – заседание народного собрания для рассмотрения законодательных или электоральных вопросов. Гелиея – заседание того же органа, но для разбора судебных дел»³¹. Если гелиея – это ипостась народного собрания, то никакая отдельная процедура общей жеребьевки при ее комплектовании и не была нужна.

Но оставим самому Игорю Евгеньевичу право делать выводы о связи инструмента жеребьевки с демократией и политическим равенством в Афинах, а также о функциях жеребьевки в них – ему здесь виднее, как и в вопросе о том, что из афинской практики жеребьевки применимо или неприменимо в сегодняшних реалиях. Остановимся на функциях жребия в Риме, чтобы лучше понять перспективы рецепции этого древнего политико-правового механизма. В дискуссии о возможности применения

23 Канфора Л. Демократия. История одной идеологии / Пер. с итал. и прим. А. Миролюбовой. СПб., 2012. С. 44.

24 Суриков И.Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009. С. 101.

25 Суриков И.Е. Аристократия и демос. С. 107.

26 Wallace R. W. The Practice of Politics in Classical Athens, and the Paradox of Democratic Leadership // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxford, 2015. P. 241.

27 Суриков И.Е. Как назывался высший орган власти в демократическом афинском полисе? // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2012. С. 16.

28 Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 254.

29 Суриков И.Е. Еще раз об афинской гелиее // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2008. №2 (22). С. 19.

30 Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2005. №2 (16). С. 10.

31 Суриков И.Е. Как назывался высший орган власти в демократическом афинском полисе? С. 16.

жеребья в современном обществе все внимание и политологов, и историков сосредоточено на Афинах, тогда как о Риме полностью забывают, и, как мне кажется, совершенно напрасно.

Жребий в Риме широко использовался в политической сфере (и тесно связанных с ней военной и правовой)³² в разнообразных ситуациях. Жребием определялся порядок голосования курий в куриатных комициях (Liv. IX. 38. 15). В электоральных центуриатных собраниях после реформы III в. до н.э. по жребию из числа центурий *iuniores* первого имущественного разряда определялась *centuria praerogativa* (Liv. XXIV. 7.12; XXVII. 6. 3), результаты выборов в которой оглашались до начала голосования в остальных и, понимавшиеся как божественное предзнаменование, влияли на них. Цензоры по жребию выбирали одну из городских триб, к которой следовало приписать вольноотпущенников (Liv. XLV. 15. 5). Жребий между трибами применялся при воинском наборе (Pol. VI. 20; Liv. IV. 46. 1), по жребию чередовались военные трибуны в руководстве воинскими подразделениями (Pol. VI. 34), а консулы делили по жребию легионы (Liv. XLII. 32. 5) и получали военных трибунов (Liv. VI. 22. 6). Принцип жеребьевки использовался на практике и в римской судебной системе, которая, как известно, испытала на себе влияние греческой. Так, на стадии *in iure* судью выбирали посредством жребия, если стороны по его поводу не приходили к взаимному согласию³³. В период поздней Республики принцип жеребьевки реализовался и при определении *duumviri perduellionis*, судей по делам, связанным с обвинением в государственной измене (Suet. *Caes.* 12; Dio Cass. XXXVII. 27. 2). В *quaestiones perpetuae* замена судей, избранных на другие должности, производилась по жребию (Cic. *In Verr.* I. 30). Руководил жеребьевкой в рамках судебной системы чаще всего претор (Cic. *Ad Quint. fr.* II. 1. 2), но мог ее осуществлять и другой магистрат (Dio Cass. XXXIX. 7. 4); со времени Октавиана Августа она производилась на Форуме (Suet. *Aug.* 29. 1).

Римские ординарные магистраты – в отличие от афинских – не избирались по жребию. Можно предположить наличие жеребьевки как инструмента избрания экстраординарного магистрата – интеррекса, поскольку Дионисий Галикарнасский излагает порядок передачи власти в самом первом интеррегнуме как основывавшийся на жребии (*Ant. Rom.* II. 57), но латинские авторы никогда о его применении при междуцарствии не упоминают. Поэтому я склоняюсь к тому, что при определении интеррекса в республиканский период к жеребьевке одного или сразу нескольких интеррексов не прибегали³⁴.

По жребию могли назначаться легаты³⁵, сенат принимал постановление о способе их назначения (Cic. *Pro Lig.* 21). Тацит упоминает *vetera exempla* (Tac. *Hist.* IV. 8), согласно которым *sortem legationibus posuissent, ne ambitioni aut inimicitii locus foret* («легатов назначали по жребию, дабы не оставить места честолюбию или личной вражде». Пер. Г. С. Кнабе). Следовательно, здесь у Тацита речь идет о древнем способе предотвращения конфликтов. Примеры, когда не пренебрегали этим старинным обычаем и определяли легатов жребием, у Тацита относятся ко временам Принципата (Tac. *Ann.* IV. 56; *Hist.* IV. 8). Бернхард Шлойсснер уточнял, что в период поздней Республики жеребьевка применялась при назначении не постоянных легатов, а тех, которые имели конкретную миссию, в более же позднее время она использовалась в качестве альтернативы магистратскому назначению таких посланников, однако при определении постоянных легатов как помощников носителей империя, очевидно, не находила применения³⁶.

По жребию между римскими должностными лицами (в рамках одной магистратуры) распределялись конкретные дела – как на длительный срок (Liv. IV. 37. 6), включая почти весь административный год, так и на краткий (Liv. XXXIX. 6. 1; XL. 17. 8). Античная традиция относит возникновение жеребьевки видов деятельности высших магистратов к первому году Республики (Liv. II. 8). На основе жребия решали, какому консулу руководить выборами, а какому – остаться с воюющей армией (Liv. XXXIV.

32 Религиозная сфера здесь не затрагивается, в ней принцип жеребьевки также применялся, например, при выборе весталки вместо умершей (Suet. *Aug.* 31. 3).

33 См., например: *Гарсия Гарридо М. Х.* Римское частное право: казусы, иски, институты / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2005. С. 174.

34 Подробнее см.: *Дементьева В.В.* Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 67, 73–74.

35 См.: *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Leipzig, 1887. S. 677–678; *Ehrenberg V.* Losung // RE. 1927. Bd. 13. 1. Sp. 1494; *Schleußner B.* Die Legaten der römischen Republik. Decem legati und ständige Hilfsgesandte. München, 1978. S. 175–176.

36 *Schleußner B.* Die Legaten der römischen Republik. S. 175–176.

6. 4; XXXIX. 32. 5; XL. 17. 8). Консулы применяли жребий и при выяснении вопроса, кто из них будет провозглашать диктатора (Liv. IV. 26. 11). По жребию консулы определяли (если не могли прийти к соглашению), кто на какой театр военных действий отправится в период войны (Liv. VIII. 29. 6; IX. 31. 1; IX. 42. 1; X. 24. 10; XXX. 1. 2), либо же – кто будет воевать, а кто останется в Риме (Dion. Hal. *Ant. Rom.* VI. 91. 1). Приоритет все-таки при внутреннем распределении обязанностей между консулами оставался, вероятно, за договоренностью (*comparatio*); жребий же (*sortitio*) выступал как страховочный инструмент, позволявший разрешить зашедшие в тупик переговоры (Liv. IV. 21. 9; XXIV. 10. 2; XXX. 1. 2; XXXV. 20. 1; XLI. 6. 1). Цензоры уточняли при помощи жребия свои роли при проведении ценза (Liv. XXXVIII. 36. 10; Varro. *L. L.* VI. 87), а плебейские трибуны определяли председателей на электоральных трибутных комициях (App. *B. C.* I. 14; Liv. III. 64. 4).

Жребий часто применялся при распределении провинций – и как сфер деятельности, и как административных единиц для управления – между магистратами или промагистратами (в последнем случае это делалось обычно предварительно, когда они были еще в роли магистратов). Применительно к высшим магистратам, консулам, провинции распределялись (с появлением внеиталийских земель, подвластных Риму) как сферы деятельности в определенном регионе (Liv. XXVI. 22. 1; XXVI. 29. 2; XXVII. 35. 11; XXXII. 8. 1; XXXVI. 2. 1; XXXVII. 1. 7; XLIII. 12. 1; XLIV. 17. 7). В частности, у Ливия речь идет о том, что сенаторы принимали постановления, чтобы консулы делили свои такие провинции по взаимному соглашению или по жребию, либо сразу по жребию. В случае консулов 190 г. до н.э. Луция Корнелия Сципиона и Гая Лелия решение, кто из них получит Грецию, а кто – Италию, по свидетельству Ливия (XXXVII. 1. 7–10), принял сенат, т.к. консулы предпочли его мнение воле жребия. Сенат иногда прилагал усилия, чтобы обязанности командования в условиях военных действий взял на себя определенный консул, и оказывал давление на коллег по высшей магистратуре, чтобы они договорились об этом, а не бросали жребий (Liv. VIII. 16.4). Решение о способе распределения «территориальных» провинций принимал сенат (Liv. XXXVII. 50. 1), при этом, как отмечает Ф. Пина Поло, распределение по соглашению использовалось реже, чем по жребию³⁷. Сенат мог и изымать из жеребьевки отдельные провинции (Liv. XXXIX. 45. 4), но и консулы при распределении провинций могли выдвигать сенату условия (Cic. *Ad Fam.* I. 9. 25).

Обязанности в преторской магистратуре (функции городского претора, претора peregrinorum, преторов – председателей в постоянных судах с появлением последних, при необходимости – преторов, отправлявшихся в зону боевых действий и т.д.) также устанавливались по жребию (Liv. XXIII. 30. 18; XXV. 3. 2; XXVII. 36. 11; XXVIII. 38. 13; XXXII. 28. 2; XXXIV. 43. 6; XXXV. 41. 6; XXXVII. 50. 8; XXXVIII. 42. 6; XXXIX. 45. 4; XLV. 16. 3; Cic. *Pro Mur.* 41–42; Cic. *In Verr.* II. 5. 38; Cic. *Ad Att.* I. 13. 5).

Жребий при распределении провинций (сфер деятельности) между низшими магистратами (квесторами) стал использоваться не позднее 138/137 гг. до н.э. (*Dig.* I. 13. 1. 2), а в I в. до н.э. действовал *lex Titia* (Cic. *Pro Mur.* 18), законодательно подкрепивший эту процедуру. Жребий был, по всей видимости, единственным (или, как минимум, основным) способом разделения обязанностей в квестуре в тот период времени, когда они относились только к Риму и Италии. После же выдвижения римских интересов за пределы полуострова, квесторские провинции распределялись по жребию (*sortitio*) и без такового (*extra sortem*)³⁸. Устойчивой практика наделения квесторов кругом обязанностей без жребия, сенатом, стала в I в. до н.э., когда уже многие квесторы отправлялись к наместникам провинций.

В целом можно проследить тенденцию, в русле которой распределение обязанностей в римских магистратурах и промагистратурах по жребию с течением времени все чаще уступало место воле сената. Цицерон в трактате «О дивинации» (*De div.* II. 87. 1), говоря о пренестинских дубовых жребиях и отмечая, что в других местах подобные жребии уничтожены, утверждает, что в его время этот вид дивинации уже не используется и, обобщая, восклицает: *Quis enim magistratus aut quis vir inlustrior utitur sortibus?* («Какой же магистрат, какое более или менее значительное лицо прибегает сейчас к жребию?». Пер. М. И. Рижского). Разумеется, жребий как политико-правовой инструмент продолжал использоваться и в период Принципата. Например, должностные лица при Августе определяли таким способом, кто какой округ Рима будет контролировать (Suet. *Aug.* 30. 1), а префектов выбирали тем

37 Pina Polo F. *The Consul at Rome. The Civil Functions of the Consuls in the Roman Republic.* Cambridge, 2011. P. 19.

38 Подробно об этом: Дементьева В.В. *Sortitio provinciarum* квесторов Римской республики. С. 236–251.

же методом из числа преторов (Тас. *Ann.* XIII. 29); при последующих принцепсах долго сохранялась практика распределения на основе жребия проконсульских провинций (Тас. *Ann.* III. 32; XV. 19; Suet. *Galb.* 3. 4; Тас. *Agric.* 42).

Анализ римской практики применения жребия свидетельствует, что этим способом предоставлялось равенство шансов равным по должностному или иному статусу персонам, либо, при необходимости предоставить права какому-либо из одинаковых объединений людей или наделения их обязанностями, чтобы они получали преимущества/умаление не от определенных лиц, а от богов. Это позволяло обществу и отдельным людям воспринимать принятые решения как справедливые, поддерживало социальный и политический консенсус, понижало градус соперничества. Собственно, и анализ афинского материала историками, в частности, М. Хансеном, на что обратил внимание К. Пипенбринк, свидетельствует: и греки вводили жребий прежде всего не в связи с идеалами эгалитета, а для предотвращения конфликтов. Демос – и как экклесия, и как гелиея – выступал в качестве всего коллектива граждан (ограничения на участие были только возрастными), а не какая-то его часть, отобранная на основе жребия. Одинаковый для всех граждан порядок доступа к законодательной деятельности и судопроизводству обеспечивал равенство возможностей в названных сферах, но в обеспечении этого равенства жребий в Афинах либо не играл никакой роли (участие в экклесии), либо имел лишь вспомогательную (наделение функциями судьи). Современные информационные технологии позволяют при помощи компьютера провести массовую жеребьевку, т.е. сделать случайную выборку из огромного количества людей. Синтия Фарар по этому поводу замечает, что это всё же не будет параллелью с Афинами, рецепцией их жеребьевки, поскольку допуск в экклесию там не был регламентирован через жребий³⁹.

Римский материал показывает, что, как и греки, граждане *civitas* при помощи жребия стремились предотвратить коррупцию, прежде всего в сфере судопроизводства. В настоящее время жеребьевка судей и присяжных заседателей вполне может быть реализована, хотя бы в локальных масштабах. Наиболее же часто римляне прибегали к жеребьевке, как свидетельствуют имеющиеся источники, для беспристрастного разделения полномочий в рамках одного органа управления, для минимизации конфликтов, предотвращения нездоровой, разрушительной конкуренции, укрощения амбиций отдельных лидеров. Возможна ли рецепция римской жеребьевки с такими целями? Здесь нужно отметить принципиальное отличие римской должностной власти от современной: коллегиальные римские магистратуры не предполагали руководителя коллегии, не было лица, которое бы внутри них распределяло обязанности. Это мог делать извне сенат как контролирующий орган. Но внутри магистратуры, если сами ее члены не могли достичь компромисса (или, как в случае, например, с квесторскими провинциями, исходно, до начала исполнения обязанностей, должны были распределять их), помощь могла только воля богов, выраженная в жребии. В современных условиях фактически любой орган, любого уровня, имеет руководителя, который и распределяет обязанности, что снимает необходимость искать какие-то иные приемы, помогающие осуществить это распределение. Современные органы имеют иерархичную структуру, чего не было у римлян, поэтому в широких масштабах рецепция римских принципов функциональной дифференциации коллектива для них не актуальна. Это, тем не менее, не исключает, как кажется, возможности применения метода жеребьевки, например, для определения персоны руководителя в органе, формируемом на основе избрания (а не назначения). Как и у римлян, это может позволить нейтрализовать в интересах дела излишнюю амбициозность и карьеризм отдельных людей. По жребию может осуществляться ротация членов руководящих органов какой-либо организации (из числа включенных в пул резерва кандидатов). При этом возможностей использования жеребьевки в общественных органах, как представляется, имеется больше, чем в официальных государственных структурах. Общественно-политические движения, общественные палаты и т.д., используя механизм жеребьевки, могут стать менее формализованными и более репрезентативно отражать настроения в социуме. Профессиональные сообщества могут из числа своих членов определенного ранга и статуса выбирать по жребию, например, экспертов научных фондов, членов аттестационных комиссий и т.д. Разумеется, для римлян провести жеребьевку означало положиться на божественное решение, прежде всего для недопущения патовой ситуации или выхода из нее. И в мировоззренческом отношении применение жребия в современных условиях не будет рецепцией этого вида дивинации

39 *Farrar C.* Taking our Chances with the Ancient Athenians // *Démocratie athénienne – démocratie moderne: Tradition et influences.* Vandoevres, 2010. P. 167–169. См об этом: *Pipenbrink K.* Losverfahren, Demokratie und politische Egalität. S. 19.

(включавшего и понятие «огрешности» проведения). Но это не исключает восприятия прагматической составляющей данного действия.

В целом, оставленный – в ходе дискуссии о возможности рецепции античного инструмента жеребьевки – вне поля зрения Рим может, видимо, дать более реализуемые в современных условиях ситуации применения жребия, чем афинский пример. Это связано, вероятно, с тем, что римская организация институтов власти и механизмов ее функционирования ближе к представительным демократиям современности, чем прямая афинская демократия, поскольку, на мой взгляд, истоки принципа представительности и следует искать в Риме⁴⁰. Во всяком случае, Римская республика позволяет существенно дополнить картину применения жребия в античном мире и лучше понять значение в нем этого политико-правового инструмента, формы и цели его использования, с тем чтобы на базе целостного представления делать выводы о возможности его рецепции.

40 *Дементьева В.В.* Римская «меритократия» и формирование принципа представительности (теоретико-историографический аспект) // Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции. Ярославль, 2011. С. 130–152.

МЕТАМОРФОЗЫ ОДНОЙ ТЕОРИИ (К 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА КНИГИ Т. ФРАНКА «РИМСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ»)

В 2014 г. состоялся юбилей, которого, кажется, никто не заметил – исполнилось 100 лет со времени выхода книги Тенни Франка «Римский империализм». Между тем это исследование стоит того, чтобы его вспомнить. Оно задало направление изучения римской политики на десятилетия вперед и узаконило понятие «империализм» применительно к Риму, представив цельную концепцию римской внешней политики – и положив тем самым начало дискуссиям, которые длятся до сих пор.

К 1914 г. сам термин «империализм» был еще относительно новым. Как показал Мейсон Хэммонд, понятия «империалист» и «империализм» первоначально имели вполне конкретное значение. Первое из них впервые было употреблено в 1601 г. для обозначения сторонников Священной Римской империи, а затем, с 1800 г., – для приверженцев Наполеоновской империи. Второе означало имперскую систему правления и было впервые употреблено в 1858 г.¹ Изменение его значения происходит в связи с экспансионистской политикой британского правительства, и только с 90-х гг. XIX в. слово приобретает значение, связанное с политикой расширения империи². Оно быстро завоевывает признание, и в самом начале XX в., в 1902 г., появляется первый серьезный теоретический труд, посвященный анализу современного империализма – книга Д. Гобсона «Империализм».

Конечно, проблема интерпретации механизма римских завоеваний к этому времени уже существовала. Одним из первых попытался ее решить Т. Моммзен, в «Римской истории» которого в зачаточном состоянии находятся элементы всех концепций «римского империализма». Но труд этот выходил в 1854–1856 гг., т. е. за два года до появления в публицистике термина «империализм», причем появления в значении, не имевшем отношения к внешней политике. К тому же для великого немецкого историка внешняя политика Рима была всего лишь одной, хотя и важной, гранью в том образе Рима, который он нарисовал, поэтому его суждения были разбросаны по всему тексту его сочинения.

В антиковедении понятие империализм проникает довольно быстро. Уже в 1869 г. Дж. Р. Сили выступает с тремя лекциями, которые он озаглавил «Римский империализм»³. Речь в них, однако, идет не о внешней политике, а об узловых моментах истории Римской империи – переходе к монархии («великой римской революции» в терминологии автора) и судьбах поздней империи. Точно так же империи как государству, принципам ее организации и управления, посвящена вышедшая в 1906 г. работа У. Арнольда⁴.

К началу XX в. понятие «империализм» проникает и в лексикон исследователей, затрагивающих вопросы внешней политики Рима. Широко пользуется им уже Гульельмо Ферреро в своем блестящем и широко известном в свое время труде «Величие и падение Рима». Эта работа, первый том которой вышел в 1902 г., была переведена на все европейские языки, и ее влияние на европейскую читающую публику, при всей несоизмеримости научной значимости этих трудов, можно сопоставить с влиянием «Римской истории» Т. Моммзена. Характеристика автором внешней политики Рима основана на признании того, что римский империализм имел важную историческую миссию – Италия выступала в качестве посредницы между эллинистическим Востоком и варварской Европой⁵. При этом римские войны носили

1 *Hammond M.* Ancient Imperialism: Contemporary Justifications // HSCPh. 1948. Vol. 48. P. 125. Not. 2

2 *Ibid.* 105, 125 (note 2, 3).

3 *Seeley J.R.* Roman Imperialism // *Seeley J.R.* Lectures and Essays. L., 1870.

4 *Arnold W.* Studies of Roman Imperialism. Manchester, 1906.

5 *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. М. 1915. Т. 1. С. 1.

с самого начала грабительский характер и способствовали обогащению общества и падению древних нравов. Это был постепенный процесс, но «дух грубого насилия и гордость росли вместе с богатством и господством во всех классах; жадность аристократов и капиталистов, страх перед военным упадком, совершенно заменили мудрую политику вмешательства... жестокой политикой разрушения и завоевания»⁶. Внешняя политика Сената делалась все более нерешительной, робкой, колеблющейся; завоеваний, которые не были бы вынужденными, в конце концов просто не стало. Создателем «нового римского империализма», отказавшимся от политических традиций, завещанных прошлым, Г. Ферреро считал Л. Лициния Лукулла, чьими «великими учениками» были Помпей и Цезарь; в силу своей верности всему благородному, что было в древних политических традициях, он «должен был уступить другим продолжение и славу новой политики, которую он создал, рискуя своей судьбой и своей жизнью»⁷.

Г. Ферреро интересовали в первую очередь события, связанные с последними десятилетиями существования Республики, поэтому неудивительно, что он уделяет такое внимание месту Лукулла, Помпея и Цезаря в истории римского империализма. Тем не менее, из его текста отчетливо видно, что для предшествующего периода он делал акцент на вынужденности римской экспансии, т.е. не считал римский империализм агрессивным – во всяком случае, до времен Лукулла.

Очень рельефно особенности этих ранних представлений о римском империализме выступают в труде Р.Ю. Виппера. На первых же страницах своего исследования он разъясняет, что «под империей в книге всюду разумелась... не политическая форма, не императорство, а завоевательное расширение Рима и Италии, движение римского капитала и римского оружия». Установление нового политического режима лишь завершает процесс развития общества, превращенного, благодаря хищнически нажитым богатствам в большую «сеньерально-крепостную» громаду⁸. Само исследование событий у Р.Ю. Виппера модернизировано до крайней степени; он говорит, например, о «панике на бирже» после начала осложнений на Востоке, о римских капиталистах и т.п. По его мнению, восточная политика определялась соперничеством между собой всадников-капиталистов и нобилитета за администрацию в восточных провинциях⁹. Соответственные оценки даются им и конкретным политикам: Лукулл изображается им, как человек, задумавший стать вторым после Суллы «колониальным императором Рима», а Помпей расценивается как орудие «капиталистов»¹⁰.

Итак, термин, который первоначально имел достаточно узкое и конкретно-историческое значение, в конце XIX в. с триумфом завоевал себе место в общеполитической лексике, а затем началось его применение, уже в этом новом, широком значении, к исторической реальности разных эпох. Поэтому перенос его на историю Рима, являвшегося для европейского сознания эталоном империи, был вполне закономерным¹¹. Однако первая попытка теоретического осмысления империализма применительно к Риму была сделана не европейцем – несмотря на свои европейские корни, Тенни Франк по своему мироощущению был типичным американцем.

Биография исследователя небогата внешними событиями¹². Он родился 19 мая 1876 г. на ферме неподалеку от городка Клей Сентер в штате Канзас в семье шведского иммигранта. На формирование

6 Там же. С. 43

7 Там же. С. 205 сл.

8 *Vinper P.Ю.* Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. V. В настоящей статье работа Виппера цитируется по второму изданию, первое вышло в свет в 1909 году.

9 Там же. С. 105.

10 Там же. С. 161, 172 сл.

11 Свою роль в распространении термина сыграла и общая установка на поиск точек соприкосновения античности и современности, характерная для многих исследователей этого времени. Отнюдь не случайно одной из наиболее влиятельных фигур в науке о древности рубежа XIX–XX вв. был Эдуард Мейер – с одной стороны, крупнейший знаток и тонкий интерпретатор древних текстов, как восточных, так и западных, а с другой – крупнейший представитель модернизаторского взгляда на историю, обосновавший его в ряде своих теоретических и методологических сочинений. С точки зрения Мейера, «в древности преобладали, хотя на гораздо меньшем пространстве и в иных формах, те же влияния и противоположности, которые управляют и современным развитием» (*Мейер Э.* Экономическое развитие древнего мира. СПб., 1898. С. 45). Подобные взгляды разделяли многие исследователи, поэтому вполне естественно, что и постановка вопроса о римском империализме была встречена с интересом.

12 Более подробно о биографии исследователя см.: *DeWitt N. W. Tenney Frank // AJPh.* 1939. Vol. 60. P. 273–280; *Broughton T. R. S. Tenney Frank // Classical Scholarship. A Biographical Encyclopedia / Eds. W. W. Briggs, W. M. Calder III. N. Y., 1990. P. 68–76; Linderski J. Tenney Frank // Idem. Roman Questions II: Selected Papers. Stuttgart, 2007. P. 578–580.*

его личности оказали влияние два фактора – жизнь на маленькой ферме и строгое религиозное воспитание¹³. Сам он рассказывал своему ученику, известному специалисту по римской республиканской просопографии Т. Р. С. Броутону, что его воскресное чтение сводилось к Библии и Житиям святых на шведском – языке общения у них в семье¹⁴. Его друг Норман Девиит писал: «Ему казалось драгоценным достоянием его личности то, что ему довелось вырасти в истинно американском небольшом городке и сельском поселении, где сохраняли свою силу стандарты жизни пионеров. С течением времени это убеждение разрослось у него до того, чтобы считать, что некоторый опыт сельской жизни важен для историков, особенно Греции и Рима, имеющих дело... с государствами и расами, чья экономика была преимущественно сельской»¹⁵. С этим совпадают и наблюдения коллеги Т. Франка, У. Ф. Олбрайта: он был «горд своими сельскими истоками, своим скандинавским происхождением и знакомством с ручным трудом... Его американское наследие было его наиболее ценным достоянием»¹⁶.

Интерес к классической древности пробудился в нем под влиянием школьного преподавателя фон Минквитца, немца по происхождению. Поэтому, поступив в Канзасский университет, он специализировался по классической филологии и в 1898 г. получил степень бакалавра искусств. При этом второй специализацией Франка стала геология – познания в этой сфере в дальнейшем окажутся полезными для его изысканий в области римской археологии. В 1899 г. он получил степень магистра искусств в университете Айовы, затем был принят в Чикагский университет, где с 1901 по 1904 г. преподавал латинский язык, получив в 1903 г. докторскую степень за диссертацию «Согласование наклонений в раннем латинском языке». В 1904 г. Франк перешел в Брин-Мор-колледж, где проработал пятнадцать лет, пройдя путь от ассоциата до профессора (1904–1915 г.). Именно на этот период приходится обращение исследователя к исторической тематике и создание им «Римского империализма»¹⁷.

Вызреванию идеи этого труда, вероятно, способствовал и творческий отпуск, который Франк провел в Геттингене и Берлине, посещая лекции крупнейших специалистов, в том числе Эдуарда Мейера. Как оказалось, для ведущих германских историков проблема империализма как таковая не стояла – они истолковывали его на основе биологического инстинкта распространения вида в сочетании с ницшеанской волей к власти, которые делали агрессивные войны естественными¹⁸. Американцу Франку такой подход был совершенно чужд. Европейских коллег и европейскую политическую традицию он критикует в первых же строках своего труда: «Обычно считается, что империализм, как мы употребляем это слово в настоящее время, является национальным выражением “воли к жизни” отдельных личностей. Если бы это всегда было правдой, простой аксиомы было бы достаточно, чтобы объяснить любую историю завоеваний. Однако я рискну предположить, что такая аксиома принимается слишком часто, особенно в трудах, происходящих с континента...»¹⁹ Принятию такого объяснения способствует и рост населения, порождающий борьбу за «место под солнцем», и политическая история Старого Света, подразумевающая экспансию как нечто само собой разумеющееся. Поэтому неудивительно, что для континентальных историков страсть к захватам (*desire to possess*) является одной из основных причин что для испано-американской войны, что для Пунических войн Рима. Однако Рим стал господином мира, оставаясь, в то же время, верным своей приверженности к священному праву, запрещавшему агрессивные войны. Ошибочное впечатление, порождаемое длинным списком римских войн, можно исправить, лишь поместив с ним рядом список дружественных союзов, которые имел Рим; при этом следует учитывать и наличие варварской периферии, всегда готовой служить катализатором войны (VIII–IX).

Подход, предложенный Т. Франком в качестве альтернативы, основывается на том, чтобы не применять к Риму обобщений, которые получили распространение лишь недавно, и трактовать каждый случай экспансии как отдельную проблему, стараясь учесть все факторы, которые играли роль в данном

13 *Kopf E. Ch. History and Science in Tenney Frank's Scholarship // The Occidental Quarterly. 2005. Vol. 5. No. 4. P. 69.*

14 *Broughton T. R. S. Tenney Frank. P. 68.*

15 *DeWitt N.W. Tenney Frank. P. 273.*

16 Цит. по: *Linderski J. Tenney Frank. P. 579.*

17 Дальнейшая деятельность Т. Франка, активная и плодотворная, отмеченная многочисленными отличиями, выходит за рамки настоящей статьи. См. ее краткий обзор: *Linderski J. Tenney Frank. P. 578.*

18 *Kopf E.Ch. History and Science. P. 70.*

19 *Frank T. Roman Imperialism. N. Y., 1914. P. VII.* В дальнейшем ссылки на «Римский империализм» даются в тексте статьи, в круглых скобках.

случае. Безусловно, этот подход был более корректен – но Т. Франка поджидала другая опасность. Во введении он широкими мазками дает характеристику Римской республики: «Вообразим народ, далеко отстоящий как от экономического давления, так и от политических традиций современной Европы; сельский народ, не слишком густо расселенный и не подстрекаемый коммерческими амбициями; республику, в которой сами граждане должны голосовать, объявлять или нет войну, и при утвердительном голосовании должны не только наложить на самих себя необходимый для войны сбор – прямой налог – но также и отправиться из кабинок для голосования на призывной пункт и записаться в легионы; более того, республику, в которой руководящая власть закреплена за группой из нескольких сотен нобилей, относящихся с подозрением к авторитету, который стяжают на войне народные герои, и испытывающих страх перед военной властью, которая может перевесить их контроль. Не достаточно ли у такой нации отрицательных противотоков для того, чтобы нейтрализовать положительный заряд, происходящий из слепого инстинкта приобретения? Такой нацией была Римская республика» (VII– VIII).

Это описание, конечно, имеет в виду не только Римскую республику, но и современную Франку Америку. Таким образом, историк, возражая против модернизации на уровне концепции, оказался во власти исторической параллели, которая во многом повлияла на общую оценку им римского империализма.

Ключевым для понимания римского империализма Франк считал институт жрецов-фециалов, который отражает дух римского *ius belli* как ничто другое²⁰. По его мнению, если воспринимать обряды фециалов серьезно, то ясно, что нормальным международным положением в отношении Рима с его соседями был мир, а война была возможна только как ответ на откровенно недружественные действия (нарушение договора, вторжение, помощь врагу) (8). Фециальное право и верность ему римлян объяснялись отнюдь не некой предрасположенностью римлян к моральному поведению: «Закон и порядок (типичный американизм! – *E.C.*) были особенно выгодны в Лации, представлявшем собой равнину, которой упорно домогались племена, добывавшие свои скудные средства к жизни в вольских и сабинских горах» (9–10). Мир и прекращение набегов отвечали общим интересам, а на нарушителей спокойствия Рим всегда был готов «изречь (*to issue*) свое “*quos ego!*” устами жрецов-фециалов» (10). Таким образом, по мысли Франка, независимо от своего происхождения институт фециалов «поощрял спокойную обдуманность действий и распространял почтение к слову Рима – два фактора, которые в сочетании делали организующую мощь Рима неодолимой» (*ibid.*).

Опираясь на эти принципы, Рим приобрел господство над большей частью Италии, но при этом у нас мало свидетельств того, что амбиции Рима доросли до имперских и были направлены на подчинение всего полуострова (56), «римляне все еще были чуть больше, чем фермеры» (60), «оставались чисто земледельческим народом» (81). Положение изменилось лишь после Первой Пунической войны, когда Рим приобрел первые провинции и тем самым встал на кривой путь (*devious road*) империализма (93). Мир эллинистических государств, в котором пришлось действовать Риму, был гораздо сложнее, чем мирок итальянских общин, и основан на иных политических традициях. Вмешательству Рима в его дела препятствовало не только нежелание вести новую войну едва только завершилась борьба с Ганнибалом, но и соображения религии: фециальное право признавало законность только справедливой войны, т.е. войны в защиту союзников, а государства Греции были для римлян всего лишь *amici*, а не *socii*. Выход был найден в расширении фециального права и введении в практику формулировки “*amicus et socius populi Romani*” (146–147).

Что касается самого решения вступить в войну на Балканах, то на него повлияли не только страх и ненависть по отношению к Филиппу V и не стремление к территориальной экспансии (в результате войн Рим не приобрел новых земель), но и то, что Франк именует «сентиментальной политикой», т.е. филэллинизм части римского нобилитета. Римляне, которых цивилизованный мир ни во что не ставил (*counted for nothing*), старались доказать этому миру, что они не являются варварами (149–150). Правда, очень скоро эта прекраснородушная политика была скорректирована более прагматичными политиками, группировавшимися вокруг Катона Цензора, и на протяжении полустолетия в Риме все больше возросло осознание своей предназначенности для мирового господства. Первой уступкой этому чувству и демонстрацией того, что воля Рима и сама по себе могла быть законом для окружающих, было разрушение Карфагена в 146 г. (238).

20 Еще до выхода книги Т. Франк посвятил значению фециалов отдельную статью. См.: *Frank T. The Import of the Fetal Institution // CPh. 1912. Vol. 7. No. 3. P. 335–342.*

Новый удар по традициям внешней политики нанесла деятельность братьев Гракхов. С их времени последовательная внешняя политика стала невозможной: партийные раздоры постоянно подчиняли имперскую политику внутренним вопросам, и никакой надежды на восстановление гармонии не существовало (262–263). Тем не менее, даже в тридцатилетие, следовавшее за трибуналом старшего Гракха, которое традиционно связывают с ростом влияния всадничества на внешнюю политику, а, следовательно, и со стремлением к новым приобретениям, по мнению Т. Франка, «в Риме существовала полная индифферентность к экспансии, временами приближавшаяся к открытому отвращению» (274). Римляне были «лишенными амбиций, мирными, склонными к тому, чтобы не покидать свой дом, людьми, для которых характерно, прежде всего, уникальное почтение к упорядоченной процедуре» (356). Не был империалистом и Сулла, избегавший территориального расширения и даже оставивший империю слабее, чем она была до него (305 f.). То же самое можно сказать и о Лукулле, отказавшемся от аннексии богатой и выгодной Сирии и, в традициях политики III в. до н.э., сражавшемся за восстановление закона и порядка, не помышляя о территориальных приращениях. В своих действиях он имел в виду стабильность империи и общее благосостояние, а не немедленные материальные выгоды (309 f.). Лишь Помпей, ставший по личным мотивам приверженцем «капиталистической» партии, пожал плоды побед Лукулла и потому выступает в качестве первой важной фигуры римского империализма²¹.

В итоге, «несмотря на священные законы, которые запрещали агрессию, несмотря на республиканскую конституцию, которая побуждала правящие массы (*ruling populace*) принимать на себя труды и тяготы (*burden and suffering*), вызванные их решением об экспансии, несмотря на обструкцию со стороны аристократии, чьи личные интересы явно побуждали к политике, основанной на домоседстве (*a policy of domesticity*), свободный римский народ неуверенно и неволью запинаясь за каждое приращение владений, до тех пор пока чрезмерно возросшая империя не наложила на завоевателей бремя управления, которое уравнило все государство до состояния рабства» (357–358).

После своего выхода книга Т. Франка встретила теплый прием, на нее появился ряд рецензий, которые в один голос заявляли о ней как о ценном вкладе в науку. У. Уэстерманн подчеркивал, что на всем протяжении книги автор является «анти-Моммзенем»²² и дает убедительную реабилитацию (*a good whitewashing*) политики римского сената²³. Однако при этом отмечалось, что наиболее привлекательной эта книга является для тех, кто уже и сам склонялся к предложенной Франком интерпретации римского империализма²⁴, а ее автор иногда «слепо взирает, или, может быть, закрывает глаза на римскую агрессию»²⁵; авторы некоторых рецензий вступали с Т. Франком в полемику по поводу истолкования им отдельных событий²⁶, – не покушаясь, впрочем, на ее концептуальную сторону.

Сам исследователь оставался верен своей концепции до конца жизни. По свидетельству Т. Р. С. Броутона, в последние годы он склонялся к признанию того, что жажда завоеваний в Риме возрастала уже во II в., еще до Помпея и Цезаря; но при этом он продолжал верить, что фециальные традиции не утратили своего морального значения²⁷. В данном случае для нас не столь уж важно, справедлива была его гипотеза или нет. Уже сразу после выхода книги было отмечено, что она не притягивает на то,

21 *Frank T. Roman Imperialism*. P. 308, 310 f. Ср.: *Frank T.: A History of Rome*. N. Y., 1934. P. 256.

22 Это же отметил в своей рецензии и Р. Ван Деман Магоффин, указав, что автор «дает нагоняй Моммзену и другим великим историкам» (*takes Mommsen and other of the great historians to task*) за некоторые их утверждения (*Van Deman Magoffin R. Rev.: Roman Imperialism*. By Tenney Frank // *The American Political Science Review*. 1914. Vol. 8. No. 4. P. 693). Отметим, однако, что, поскольку «Т. Моммзен заложил мощный фундамент, на котором затем строилось здание концепции “римского оборонительного империализма”» (*Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 50*), степень расхождения концепции Т. Франка с характеристикой событий в труде немецкого историка рецензентами несколько преувеличена.

23 *Westermann W. Rev.: Roman Imperialism*. By Tenney Frank // *The American Historical Review*. 1914. Vol. 20. No. 1. P. 133.

24 «Доктор Франк полностью убедил меня в том, что его тезис является верным, но я должен признаться, что на протяжении некоторого времени и сам склонялся к этому мнению. Он может потерпеть неудачу при обращении в свою веру тех, кто усматривает дух “империализма” во внешней политике раннего Рима» (*Murray E. W. Rev.: Roman Imperialism*. By Tenney Frank // *The Classical Journal*. 1915. Vol. 10. No. 9. P. 422).

25 *Johnson A. Ch. Rev.: Roman Imperialism*. By Tenney Frank // *The Classical Weekly*. 1916. Vol. 9. No. 20. P. 159.

26 См., напр.: *Botsford G. W. Rev.: Roman Imperialism*. By Tenney Frank // *Political Science Quarterly*. 1915. Vol. 30. N. 1. P. 157–161; *S. B. P. Rev.: Roman Imperialism*. By Tenney Frank // *Classical Philology*. 1916. Vol. 11. No. 4. P. 470–476.

27 *Broughton T. R. S. Op. cit.* P. 70.

чтобы быть оригинальным исследованием²⁸. Действительно, Т. Франк, блестящий знаток источников и литературы, рисовал общую картину развития римской внешней политики, не удосуживаясь скрупулезным анализом источников, или, точнее, предоставив такой анализ следующим поколениям исследователей. Как справедливо подчеркнул Е. Линдерски, книги Франка, за исключением написанных им томов «Экономического обзора древнего Рима», являются «идеологическими работами, побуждаемыми уверенностью, что существует американский путь к древнему Риму»²⁹. До некоторой степени это определило историографическую судьбу монографии Т. Франка.

Европейское антиковедение того времени приняло сам термин и то содержание, которое вкладывал в него исследователь. Т. Франк прочно занял почетное место «отца-основателя», и понятие «римский империализм» стало для него такой же визитной карточкой, как, например, понятие «эллинизм» для И.Г. Дройзена. Вместе с тем активизировалась долгая и кропотливая работа, направленная на детальное исследование механизмов римской внешней политики. Показательно, что за следующие пять-шесть десятилетий никто не дерзнул осуществить обобщение подобного масштаба, и, при всех уточнениях конкретики, общая концепция оставалась прежней: агрессивной политики Рим не вел³⁰. Лишь в 1967 г. вышла работа Э. Бэдиана о позднеереспубликанском империализме, в которой демонстрировался его агрессивный характер³¹, а в 1979 г. – монография У. Харриса, поставившая крест на безраздельном господстве теории «оборонительного империализма»³². В результате ее обсуждения римский империализм признали агрессивным даже некоторые видные исследователи, до того признававшие его оборонительным³³. К тому же вскоре вышла книга Э. Грюэна³⁴, который с первых же страниц отказывается от изучения «империализма», поскольку само это понятие было привнесено в ученые дебаты из политики, и его использование не приближает нас к истине. Оно имеет современный подтекст, который несет с собой риск искажения, сбивает с толку и затрудняет анализ³⁵. Поэтому предметом исследования для него является не «римский империализм», а, скорее, римский опыт в Греции и тот опыт, который греки приобрели под влиянием Рима; фокусом его является исследование проблемы адаптации двух народов к новой ситуации римского присутствия на эллинистическом Востоке³⁶.

Однако все это не означало, что «оборонительный империализм» умер навсегда. Показательно, что в настоящее время историографическая ситуация во многом напоминает (разумеется, на новом уровне) ситуацию начала XX в. Как отмечает А.В. Махлаюк, в последние два десятилетия произошло заметное смещение интереса от становления римской державы и характера римской экспансии к собственно имперскому опыту Рима³⁷. При этом, как мне кажется, необходимо сделать два уточнения. Во-первых, это смещение характерно, в первую очередь, для исследователей из Старого Света. Во-вторых, сам этот имперский опыт, в отличие от более раннего времени, получает далеко не столь однозначно положительную оценку. «Романизация» зачастую рассматривается как процесс, который прервал естественное развитие локальных цивилизаций³⁸.

28 *Cunningham H. J.* Rev.: Roman Imperialism. By Tenney Frank // JRS. 1914. Vol. 4. P. 236.

29 *Linderski J.* Tenney Frank. P. 579–580.

30 Оценивая концепцию «оборонительного империализма» с точки зрения дня сегодняшнего, Т. Корнелл пишет: «...Идея о римлянах как о миролюбивом народе, поневоле вынужденном воевать с агрессивными и угрожающими соседями и вопреки своему желанию принужденными принять на себя бремя управления империей, к которой они не стремились, всегда была довольно смехотворной, хотя по очевидным причинам имела широкое распространение в колониальную эру...» (*Cornell T.* The End of Roman Imperial Expansion // *War and Society in the Roman World*. L.; N. Y., 1993. P. 140–141).

31 *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Pretoria, 1967 (второе издание – Oxford, 1968).

32 *Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome. 327–70 B. C. Oxford, 1979.

33 О дискуссии см.: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. С. 72 сл. (с указаниями на литературу).

34 *Gruen E. S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1–2. Berkeley etc., 1984.

35 *Gruen E. S.* The Hellenistic World. Vol. I. P. 3.

36 *Gruen E. S.* The Hellenistic World. Vol. I. P. 8.

37 *Махлаюк А.В.* «Архетипическая империя» в контексте современного империализма // ВДИ. 2013. № 1. С. 223. Ярким примером такого подхода служит книга Д. Морли (*Morley N.* Roman Empire: Roots of Imperialism. L.; N. Y., 2010), которой и посвящена рецензия А.В. Махлаюка.

38 См. об этом на примере британской историографии: *Барышников А.Е.* История римской Британии без романизации: концепция Дэвида Мэттингли // SH. XII. 2012. С. 283–294; *он же.* Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации // Вестник Нижегородского университета. 2015. № 1. С. 17–24.

Одновременно с этим реанимируется и положительная оценка римской экспансии. Это связано, в первую очередь, с последними работами известного американского исследователя А. Экстайна³⁹. Разбор его работ – это отдельная большая тема⁴⁰, поэтому здесь я останавливаюсь только на отдельных моментах. Он предлагает те характеристики, которые Харрис выводит для Рима (милитаризм, воинственность, агрессивность дипломатии), применить к другим государствам Средиземноморья. Оказывается, в то время все они были присущи великим державам, государствам среднего размера и даже мелким⁴¹. Рим был всего лишь агрессивным государством среди других агрессивных государств, империалистом среди других империалистов⁴².

Во второй монографии Экстайн рассматривает, каким образом Средиземноморский мир вышел из того «кризиса перехода власти», в котором он оказался в конце III в. до н.э. Он объявляет теоретической основой своей работы концепцию ведущей, по его словам, школы в исследовании межгосударственных отношений – школы реализма, которая концентрирует внимание на жесткой и состязательной природе взаимоотношений между государствами в условиях международной анархии⁴³. Из такой ситуации есть лишь два выхода – первый, почти нереальный, предполагает установление норм международного права на основе добровольного соглашения государств. Второй выход основан на установлении более или менее жесткой иерархии, при которой одно государство контролирует все остальные. В итоге устанавливается однополярный мир, общая тенденция развития которого такова: от независимых государств совершается переход к однополярности, которая находит выражение во включении других государств в сферу влияния одного из них, за этим следует установление гегемонии и господства, а затем – переход к империи. При этом ситуация не стабилизируется сама собой, она остается текучей, и для ее поддержания требуются определенные усилия⁴⁴.

Таков общий контур теоретических построений А. Экстайна. Примечательно, что междисциплинарный подход в конце концов приводит автора к чрезвычайной политизации. Автор постоянно, правда, в примечаниях, проводит аналогии с ситуацией анархии в Восточной Европе, т.е. в бывшем СССР и его сфере влияния. Соответственно, роль гегемона однополярного мира отводится США⁴⁵. Таким образом, методы современной политологии являются в данном случае лишь прикрытием для весьма актуальных политических аллюзий.

Итак, прошло сто лет – и, в сущности, историографическая ситуация вернулась к исходному пункту – интерес к функционированию империи в Европе, интерес к механизмам экспансии (причем понимаемым с четко выраженным «американским акцентом» в США). Радикально изменился не интерес, а характер исследований. «Империализм» начала XX в. носил четко выраженный публицистический оттенок и в Старом, и в Новом Свете. В настоящее время оба подхода основываются на колоссальной базе предшествующих конкретных исследований и гораздо прочнее опираются на фактический материал, чем сто лет назад. Вместе с тем оба они совершенно очевидно связаны с сегодняшней политической реальностью. Что дальше? Каким будет «римский империализм XXII столетия»? Время покажет...

Этот подход проявляется и на уровне массовой культуры. См.: *Джонс Т., Эрейра А.* Варвары против Рима. М. 2010 (и сделанный одновременно с книгой фильм BBC «Терри Джонс и варвары» [2006]).

39 *Eckstein A. M.* Mediterranean Anarchy, Interstate War and the Rise of Rome. Berkeley etc., 2006; *idem.* Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B. C. Oxford, 2008.

40 См. рецензию на одну из них: *Васильев А.В.* Рец.: *Eckstein A. M.* Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B. C. Oxford, 2008 // ВДИ. 2012. № 1. С. 228–236.

41 *Eckstein A. M.* Mediterranean Anarchy. P. 3.

42 *Eckstein A. M.* Mediterranean Anarchy. P. 316.

43 *Eckstein A. M.* Rome Enters. P. 7.

44 *Eckstein A. M.* Rome Enters. P. 375–376.

45 См., напр., подробные рассуждения на эту тему: *Eckstein A. M.* Rome Enters. P. 357.

ПРОБУЖДЕНИЕ СООБЩЕСТВА СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ ДРЕВНОСТИ: АВТОРСКО-ЧИТАТЕЛЬСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ВДИ 1950–60-Х ГОДОВ

В развитии изучения истории древности в СССР середина 50-х годов стала важнейшим переломным моментом, а «конференции авторов и читателей» ВДИ – показателем существенных перемен; к сожалению, эти конференции не привлекли внимания ни советских, ни современных российских историографов¹. Возникновение в 1937 г. «Вестника древней истории» стало своеобразным «счастливым билетом», выпавшим советским историкам древности: первый в СССР специализированный исторический журнал, созданный по образцу западных научных журналов, должен был по необходимости формировать вокруг себя коллектив авторов. Заслугой главного редактора А.В. Мишулина и других сотрудников редакции (А.Б. Рановича, Н. М. Постовской) было привлечение известных московских и ленинградских авторов, а также некое «попечительство» над авторами провинциальными.

С 1946 г. ВДИ был окончательно переведен «под крышу» АН СССР; но, поскольку штат редакции состоял всего из двух сотрудников, журнал мог функционировать только при участии сектора древней истории Института истории АН СССР, оказавшись таким образом внутри научного (академического) сообщества. Уже празднование десятилетия ВДИ на расширенном заседании редколлегии 13 декабря 1947 г. собрало значительное число московских историков древности, да и оказавшихся в столице иногородних коллег². Пребывавший на периферии идеологической борьбы сектор древней истории мало пострадал от идеологических кампаний конца 40-х – начала 50-х годов, его возглавил другой умелый управленец – С.Л. Утченко, de facto руководивший и журналом (он был заместителем главного редактора археолога С.В. Киселева).

Следует отметить, что «дисперсия» историков древнего мира по стране резко возрастает именно в конце 40 – начале 50-х годов в результате нескольких факторов: 1) осознанная политика руководства по подготовке провинциальных кадров; 2) жесткая система распределения выпускников столичных вузов и 3) вытеснение не подходящих по национальным (как следствие борьбы с «космополитизмом») или политическим критериям выпускников столичных вузов в провинцию. Школы А.И. Немировского в Воронеже и В.Г. Боруховича в Саратове ведут свое происхождение от этого нелегкого времени.

Во многом переломным для ВДИ стал 1953 год: смерть Сталина способствовала ослаблению идеологического давления и улучшению интеллектуальной атмосферы и в стране в целом, и в институтах Академии науке³. Бюро отделения истории и философии АН СССР 7 июля 1953 г. обсудило работу ВДИ, предложив, в частности, уделять особое внимание провинциальным авторам. Предваряя это решение, в журнале с № 1 за 1953 в скобках после фамилии автора стал указываться город. В этом же постановлении предусматривалось также проведение совещаний с авторами и читательских конференций – вполне обычных для советской периодической печати мероприятий по выдаче идеологических указаний авторам и «просвещению» в правильном направлении читательской аудитории⁴.

1 Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980; Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М., 2014.

2 См.: 10 лет «Вестника древней истории» // ВДИ. 1947. №4. С. 113–116.

3 В историографических работах советского времени как грань прежней эпохи было принято рассматривать XX съезд КПСС (1956 г.) (см.: Историография античной истории. С. 350).

4 Обсуждение работы «Вестника древней истории» за 1951–1953 гг. на заседании Бюро отделения истории и философии // ВДИ. 1953. №3. С. 226–228.

Подобные мероприятия, призванные демонстрировать «народность» советской печати, проводились, впрочем, многими советскими периодическими изданиями и были частью официальной пропаганды.

В 1955 г., наконец, наступает настоящая весна на Волхонке, где располагался и сектор древней истории, и редакция ВДИ: 25 мая 1955 г. была проведена первая «конференция авторов и читателей ВДИ», а 31 марта 1957 г. состоялась вторая авторско-читательская конференция. В первой из них приняли участие около 50 исследователей и преподавателей, и только в прениях выступили 19 человек; на второй число выступавших в прениях было 17. Были широко представлены не только московские и ленинградские ученые, но и историки древности из самых разных городов СССР. Отчеты об обеих конференциях были опубликованы в ВДИ⁵. Можно даже отметить некий прогресс в сфере «внутрицеховой» демократии: на первой конференции длинный вступительный доклад произнес главный редактор С.В. Киселев, а на второй он выступил лишь с кратким вступительным словом, а основной доклад о деятельности ВДИ за истекшие два года делала А.И. Павловская, специально подчеркнувшая, что «выступает не от имени редакции или какой-либо другой организации, а просто как рядовой читатель журнала». С содокладом выступил воронежский античник А.И. Немировский, один из неформальных лидеров молодого поколения советских историков древности.

Даже опубликованные отчеты свидетельствуют о том, что прения носили довольно бурный характер. В одном были все едины: ВДИ следовало вернуть «отобранные» 2 листа объема и довести, таким образом, объем каждого номера журнала до 20 листов. Все выступавшие ленинградцы, за исключением академика В.В. Струве, и большая часть москвичей выступали против публикации в журнале переводов древних авторов и предлагали освободившийся объем заполнить научными статьями. Любопытно, что резко против публикации переводов выступала и К.М. Колобова, под редакцией которой спустя несколько лет были опубликованы переводы речей греческих ораторов. Однако руководство журнала в данном вопросе твердо поддержало позицию провинциальных коллег и вообще «широкого круга» антиковедов (археологов, к примеру); в результате, публикация переводов древних авторов в приложениях продолжилась.

Почти единодушно участники выступили за публикацию в ВДИ филологических статей, тем более, что своего журнала у филологов-классиков не было. Наконец, проявились расхождения между античниками и востоковедами: С.Я. Лурье настаивал, чтобы ВДИ не принимал статьи по истории древней Индии и Китая, поскольку у востоковедов есть свой журнал; оставить можно разве что классический Ближний Восток. Однако он не был поддержан даже античниками, что свидетельствует о формировании единой корпорации историков древнего мира. Таким образом, именно ВДИ инициировал дискуссию о границах истории древности; советская историческая наука использовала формационный подход, и ВДИ выступал в качестве «единой площадки» для всех историков рабовладельческой формации, что способствовало сплочению их в единую корпорацию (чего, кстати, не случилось у советских медиевистов).

Авторско-читательские конференции ВДИ открыли серию больших конференций по истории древнего мира в СССР; остановимся на двух из них, которые состоялись в Ленинграде в первой половине 60-х годов и свидетельствовали о расширении состава сообщества и повышении его активности, а также о своеобразном наличии «перетягивании каната» между античниками и востоковедами. Востоковеды под предводительством И.М. Дьяконова устраивали не просто конференции, а сессии. Коренное различие заключалось в том, что на сессиях можно было принимать резолюции. Так, 14–19 мая 1962 г. в Ленинграде была проведена II Всесоюзная сессия по изучению Древнего Востока, на которой, помимо бурной дискуссии об общине, было прочитано 67 сообщений⁶. Среди резолюций, принятых на сессии, была и такая: «О желательности, учитывая многообразие древневосточной тематики (Египет, Передняя Азия, Иран, Индия, Китай и др.) и большой рост кадров и числа исследований по древнему Востоку, уделять этой тематике не менее 50% листажа в журнале “Вестник древней истории”»⁷.

5 Авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» // ВДИ. 1955. №4. С. 178–182; Дилигенский Г.Г. Конференция авторов и читателей «Вестника древней истории» // ВДИ. 1957. №2. С. 235–240.

6 Дьяконов И.М. II Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока // ВДИ. 1963. №1. С. 166–195.

7 Дьяконов И.М. II Всесоюзная сессия. С. 195.

Ответ со стороны античников последовал через два года: 9–14 апреля 1964 г. там же, в Ленинграде, была проведена международная конференция по изучению проблем античности⁸. Организаторы с гордостью известили, что если на прошлой конференции общества «Eirene» в болгарском Пловдиве присутствовало 200 ученых и было представлено 70 докладов, то в Ленинграде присутствовало уже 300 человек, было заслушано 84 доклада; всего было представлено 70 советских научных и педагогических учреждений⁹. Опубликованный в ВДИ отчет дает представление о распространении античных штудий: «В работе конференции участвовали ученые пяти научно-исследовательских институтов (и соответственно их отделений в Ленинграде), пяти институтов Академий наук союзных республик, 26 университетов, шести музеев, 16 пединститутов, четырех библиотек и архивов». Конференцию открыл академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е.М. Жуков, с приветственным словом выступил заместитель председателя Ленгорисполкома К.А. Евлампиев¹⁰.

Следует отметить, что, несмотря на определенные разногласия между античниками и востоковедами, бились они за право публиковаться в общем для всех журнале, «Вестнике древней истории». Уже одно это свидетельствует в пользу существования единого сообщества историков древности в СССР в эпоху «оттепели». После длительного перерыва ВДИ провел 30 мая – 1 июня 1966 г. авторско-читательскую конференцию, на которой присутствовало 62 участника из 27 городов СССР¹¹. В докладе главного редактора С.Л. Утченко специально указывалось, что ВДИ будет стремиться к расширению круга авторов и бороться с групповщиной и фаворитизмом¹². С основополагающими докладами выступили К.К. Зельин (о проблемах морфологической классификации форм зависимости в древности), Е.М. Штаерман (о модернизации истории и допустимости исторических аналогий).

Однако вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 г. подвело под «оттепелью» жирную черту. Для советских историков «оттепель» закончилась, пожалуй, с выходом первого (и последнего) выпуска сборника «Проблемы истории докапиталистических формаций» (М., 1968). Как и всякая периодизация, подобное деление условно: и после этого выходили интересные в методологическом отношении труды (стоит вспомнить, хотя бы, доклад И.М. Дьяконова и С.Л. Утченко на XIII международном конгрессе историков в Москве в 1970 г.), с конца 60-х в среде советских историков древности как раз наблюдается рост интереса к источниковедческим штудиям, к исследованиям в области культуры и религии. ВДИ в период «оттепели» успешно выполнил задачу сплочения сообщества советских историков древнего мира. Журнал выполнил свою функцию и по поддержанию должного уровня научных исследований: ВДИ регулярно реферировался на Западе, входил в число ведущих мировых журналов по древней истории. Это, наверное, и есть главное наследие эпохи оттепели. Для эпохи «оттепели» в ВДИ было характерно также появление «отложенных некрологов» жертвам репрессий¹³, а также резкое расширение круга лиц, удостоенных юбилейных поздравлений (например, были опубликованы поздравления заведующей кабинетом кафедры истории древнего мира МГУ¹⁴). Характерно, что «неформальные лидеры» сообщества (Е.М. Штаерман, А.И. Немировский) удостоиваются поздравлений в честь пятидесятилетия¹⁵.

Авторско-читательские конференции ВДИ середины 50-х годов – пример наполнения старой «сталинской» формы новым «оттепельным» содержанием. Они дали выход общественной энергии советских историков древности, свидетельствовали об их стремлении к переменам. Руководство ВДИ, в свою очередь, старалось подчеркнуть демократические принципы управления наукой, прислушаться к мнению оппонентов. Наиболее обсуждаемыми на этих конференциях вопросами были: направление и тематика исследований, соотношений антиковедных и востоковедных штудий. Падение значения этих конференций, которые стали уже нерегулярными, было вызвано несколькими причинами.

8 Публикация материалов конференции была осуществлена тремя годами позже: Античное общество. Труды конференции по изучению античности. М., 1967.

9 Смирин В.М. Конференция по изучению проблем античности // ВДИ. 1964. №3. С. 223–241.

10 Смирин В.М. Конференция. С. 224, 228.

11 Смирин В.М. Авторско-читательская конференция ВДИ // ВДИ. 1966. №4. С. 204–224.

12 Смирин В.М. Авторско-читательская. С. 204.

13 Коростовцев М. А.А.С. Сванидзе (к 25-летию со дня смерти) // ВДИ. 1962. №2. С. 119–121.

14 К шестидесятилетию Т. М. Шепуновой // ВДИ. 1960. №1. С. 209.

15 К пятидесятилетию Е.М. Штаерман // ВДИ. 1964. №4. С. 188; К 50-летию А.И. Немировского // ВДИ. 1970. №2. С. 230.

Прежде всего, возникают другие площадки для общения советских историков древности: многочисленные по составу конференции востоковедов и античников в Ленинграде, международные научные мероприятия.

Авторско-читательские конференции 1955 и 1957 годов стали «первыми ласточками» пробуждения сообщества историков древности. Для людей после-сталинской эпохи свободное обсуждение профессиональных вопросов было существенно важным, пробуждало надежды на обновление науки. Было очевидно существенное различие между этими живыми обсуждениями и дискуссиями, специально организованными на страницах ВДИ. Дискуссии середины 50-х годов свидетельствовали о складывании общности советских историков древности, выявляли неформальными лидерами сообщества. Возможности советских историков древности в получении научной информации, в контактах с зарубежными коллегами в 60-е – 70-е годы расширились, но административные принципы руководства наукой, пусть в более мягкой форме, восторжествовали вновь. О живых демократических дискуссиях середины 50-х годов оставалось только вспоминать.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА – Античный мир и археология. Саратов.
Аристей – Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
Вестник РГГУ – Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВЭ – Вопросы эпиграфики. М.
ДБ – Древности Боспора. М.
ИИАО – Из истории античного общества. Сборник научных трудов. Нижний Новгород.
Мнемон – Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск.
СЭ – Советская этнография. М.
ЭО – Этнографическое обозрение. М.

АААН – Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
ААе – Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов.
ABSA – Annual of the British School at Athens. L.
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
AJA – American Journal of Archaeology. Concord; et al.
AJAH – American Journal of Ancient History. Cambridge (Mass.).
AJPh – American Journal of Philology. Baltimore.
Anc. Soc. – Ancient Society. Leuven.
AWE – Ancient West and East. Leiden; Boston; Köln; Leuven; Paris; Walpole.
BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Athènes; Paris.
ClAnt – Classical Antiquity.
CAH – The Cambridge Ancient History. Cambridge.
CHI – Cambridge History of Iran. Cambridge et al.
C&M – Classica et Mediaevalia. Danish Journal of Philology and History. Århus; Copenhagen.
CPh – Classical Philology. Chicago.
CQ – Classical Quarterly. Oxford.
CR – The Classical Review. Oxford.
CW – Classical World. Pittsburgh.
DHA – Dialogues d'histoire ancienne. Besançon.
EA – Epigraphica Anatolica. Bonn.
EIr – Encyclopaedia Iranica. L.; N. Y.
FGrHist – Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Berlin; Leiden, 1923–1958. Bd. I–III.
G&R – Greece and Rome. Oxford.
GRBS – Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham.
HSCPh – Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.).
ICS – Illinois Classical Studies.
IG³ – Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores. Fasc. 1. Decreta et tabulae magistratum. Vol. I. Editio tertia / Ed. David Lewis; Berlin, 1981.
JHS – The Journal of Hellenic Studies. L.
LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser and E. Matthews. Oxford; New York.

- LIMC – Lexicon iconographicum mythologiae classicae / Hrsg. von H. C. Ackermann und J. R. Gisler. Zürich.
- LSJ – A Greek-English Lexicon / Ed. by H. G. Liddell and R. Scott; rev. by H. S. Jones. Oxford, 1996.
- LSKP – Leipziger Studien zur klassischen Philologie. Leipzig.
- OGIS – *Dittenberger W.* *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905.
- PAPhS – Proceedings of the American Philosophical Society.
- I. Pergamon – Die Inschriften von Pergamon / Hrsg. von B. Fraenkel. Bd. I. B., 1890.
- PF – *Hallock R. T.* *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago, 1969.
- RAC – Reallexikon für Antike und Christentum / Hrsg. von Th. Klauser u. a. Stuttgart.
- RC – The Royal Correspondence in the Hellenistic Period / Ed. by Ch. B. Welles. New Haven, 1934.
- RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Alterstumwissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll u. a. Stuttgart.
- REA – Revue des études anciennes.
- REG – Revue des Études Grecques. P.
- RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.
- RIL – Rendiconti dell’Istituto Lombardo, Accademia di scienze e lettere. Classe di lettere e scienze morali e storiche, Milano.
- Sardis, VII, 1 – Sardis, VII, 1: Greek and Latin Inscriptions / Ed. by W. H. Buckler and D. M. Robinson. Leiden, 1932.
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923–.
- SNG. Cop. – Sylloge Nummorum Graecorum: Copenhagen. The Royal Collection of Coins and Medals. Copenhagen, 1942–1979.
- SNG. von Aulock – Sylloge Nummorum Graecorum: Sammlung Hans von Aulock. B., 1957–1968.
- Syll.³ – Sylloge Inscriptionum Graecarum / Ed. W. Dittenberger. Tertium ed. Vol. I–IV. Lipsiae, 1915–1924.
- TAM. V. 1–2 – Tituli Asiae Minoris. Vol. V: Tituli. Lydiae, linguis graeca et latina conscripti. Fasc. 1–2 / Ed. P. Herrmann; Vienna, 1981, 1989.
- TAPA – Transactions of the American Philological Association. N. Y.
- Tod. II – *Tod M. N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2nd ed. Vol. I–II. Oxford, 1946–1948.
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

ЧАСТЬ III

ΠΟΙΗΣΙΣ

У ГАНДВИКА И ПОНТА

ЭЛЛИН И ПЕРС

А.А. Немировскому

- Эллин:* Ни пред людьми, ни пред богами
Мы не привыкли падать ниц.
Мы дорожим лишь очагами
Да неприступностью границ.
- Перс:* Ну что ж, – для вас недосыгаем
Восторг при зрелище венца,
А мы границ не постигаем:
Державе нашей нет конца.
- Эллин:* Когда вас гнали в бой бичами –
Не войско, а какой-то рой, –
Не вас ли поражал мечами
Наш оцетинившийся строй?
- Перс:* Когда вы ссорились, как дети,
И друг на друга шли войной,
Не наш ли лучник на монете
Царил над вашей страной?
- Эллин:* А может, вспомним Фермопилы?
Тот день и ныне знаменит:
Там – трехсоттысячные силы,
Здесь – с тремястами Леонид!
- Перс:* В тот день для нас – забыл, похоже? –
Взошла победная заря.
Не понимаю лишь, за что же
Послали вы на смерть царя?
- Эллин:* Ты непонятлив и несчастен.
Давай различье разберем.
Над вами – царь от века властен;
Мы – сами властны над царем.
- Перс:* Вы препирались – слушать дико, –
В собраньи первенство деля,
А мы бросались за владыку
В штормящем море с корабля.

Эллин: Так вот же! Доблесть Александра –
А он, как мы, такой же грек –
Теснила вас от струй Скамандра
До мутных вод согдийских рек.

Перс: Да – судьбы царств, увы, жестоки:
Величье тает, как мираж.
При чем тут вы? Свершились сроки...
А Александр – был ваш, стал наш.

ПОСЛЕ КУПАНИЯ В ХЕРСОНЕСЕ (Сонет)

Медно-красен солнца зрак,
Тусклый луч лежит на море.
Здесь, на юге, кратки зори:
Полчаса – и жаркий мрак.

То ли траур, то ли фрак
На сгустившемся просторе,
И в кузнечиковом хоре
Тонет дальний буерак.

Крут подъём, и путь непрям
От пустеющего пляжа –
Средь развалин, древних ям...

Тропы спутаны, как пряжа,
И по бывшим алтарям
Бродят редкие миражи.

СЕВЕР

Северных лесов мистические выси:
Девственность природы, чистота стихий –
Мир по вертикали: сосны поднялися,
Как столпы святых иерархий.

Здесь росли скиты, что соты светлых братий, –
Север навсегда крутую плоть смирил.
Плыли к Соловкам Зосима и Савватий,
И смолистый сруб слагал Кирилл.

Здесь зимой снега стеной стоят до кровель,
Хрупок небосвод и гладь полей чиста.
Всюду – белый лик, бесстрастен и бескровен,
Русского морозного Христа.

А придет весна – и прослезятся дали,
Прорастет сквозь них жемчужная лоза.
Белыми ночами солнечной печали
Полны Богоматери глаза.

В августе горят среди сумерек зарницы,
Гулкому набату отвечает грудь:
То пророк Илья в громовой колеснице
Над землей прокладывает путь.

Здесь священо всё – и облака, и травы,
Купола холмов и орари озер.
Невечерний свет подвижнической славы,
В вечность опрокинутый простор...

АЯКС

Тошен мне ваш неусыпный надзор
И непонятны слова утешенья.
Принято, принято мною решение,
Скрасить способное горький позор.

Боль моя хлынула из берегов:
Вот я стою – насмехайтесь, дивитесь...
Был ли под Троей достойнее витязь
После Пелида, любимца богов?

Грозно моя грохотала пята –
Мчались дардане в зыбучем испуге;
Я поднимал, как перо, без натуги
Страшную недругам башню щита.

Ныне же тяжесть не свалится с плеч.
Вижу и ведаю – канет обида
Вместе с душою в пучину Аида.
Будь мне помощником, верный мой меч!

ЛАДОГА

Непрекращающийся вечер
На грани неба и воды.
Под солнцем оком помечен
Ребром янтарной борозды.

Змеится зеркало разлива,
Едва волнами шевеля,
И спотыкается сонливо
О колыханье корабля.

Здесь день за днем в зените лета
Не видно ни одной звезды –
Лишь грань заката и рассвета
На грани неба и воды.

В КРЫМУ

Er träumt von schöner Palme...

Меж севером диким и пламенем юга
Есть край, где сбываются сны.
Там сила и нежность встречают друг друга,
Там пальма в объятьях сосны.

Там все времена бесконечного года
Сливаются в медленном дне,
Дыхание ветра исполнено меда
И золото тает в волне.

БЕЛОЕ МОРЕ

Давно вдали – ладони облаков,
Сплетенные над Соловками:
Там ветер бьет сильнее кулаков,
Там волны берег рвут руками...

Не может уложиться в голове,
Что мы – в получасе от бури:
Здесь – золото в небесной синеве,
Здесь – серебро в морской лазури.

Пресветлый Гандвик! Древний мавзолей
Сказаний, и былин, и песен...
И ночь не может стать еще белей,
И долгий день для солнца тесен.

Там, за боргами, – стайки островков
Круглятся сизыми боками...
А вдалеке – ладони облаков,
Простертые над Соловками.

* * *

Нет, не зря вчера в душе томленье
Просыпалось, ширилось, росло.
Трепетало солнечное тленье,
Как поникшее крыло.

Золото на золоте, и выше –
Золото, сквозь золото горя...
Ветерки, как вспугнутые мыши
В закоулках октября.

Нет, не зря невнятная тревога
В сердце шевелилась тяжело.
Вспыхивала желтая дорога,
Как витражное стекло.

А сегодня отодвинул шторы –
День пролит из грязного ведра.
Хмурый дождь в асфальт вонзает шпоры,
И смеркается с утра.

ПОЭЗИЯ

Свет свивается спиралью,
Смутным очерком лица...
Этой влажной, смуглой далью
Не напиться до конца.

Эти тусклые потоки
Одинаковых минут,
Даже сотканые в строки,
Всё не минут, к сердцу льнут.

А потом, как в улье соты
(Было лето – улей пел),
Остаются лишь пустоты
На местах взлетевших тел.

* * *

«Эй, на “Пожарском”!» – Ткань небес поката,
Подрагивает шлюпочный журавль.
Переливаясь в зеркало заката,
За горизонт уходит Ярославль.

И купола уж недалекой Толги
С минуты на минуту всё видней...
До полночи наш путь идет по Волге,
А впереди – еще двенадцать дней.

А впереди – бездонные озера
С белесою и угольной водой,
Тропинки, что сбегают с косогора,
Туман, что лег лавиною седой,

Дорожки волн, эскорт веселых чаек,
На палубе вечерний холодок...
«Эй, на “Пожарском”!» – Бакен нас встречает,
В ответ поет раскатистый гудок.

* * *

И будет ночь светла, светла –
Легко уловит взор
В тумане лунном зеркала
Серебряных озер.

Их тайна так тонка, тонка
В голубоватой мгле...
Ты скажешь – это облака
Уснули на земле

* * *

Тонкий, острый, очерк гор –
Профили богов.
Запах бронзовых озер,
Дымных очагов.

Слышишь – будто водопад
Или летний дождь?
Это – пение дриад
Средь веселых рощ.

Древний камень сух и сер,
Дремлет старый лавр...
Жди – и выйдет из пещер
С лирою кентавр.

Пеной кудри по плечам,
Белые, как мел,
А на поясе колчан,
Полный звонких стрел.

ЛУЧШИЙ ГОРОД ЗЕМЛИ (Два сонета)

I

На кромке ослепительного края
Последних звезд рассветный хоровод.
Воскрылием взлетает небосвод
Туда, назад, к холмам Бахчисарая.

Гремит локомотив, перебирая
Тоннели за тоннелями – вот-вот
Увидим корень черноморских вод,
Увидим дверь потерянного рая.

Вдруг вырвется виденьем из тумана:
На высотах руины Инкермана
Застыли фантастической страной,

И город – как открывшееся око
С пушистыми ресницами востока, –
Наполненный морской голубизной.

6.02.04

II

Наполненный морской голубизной,
Мысы в себя вобравший и заливы,
По берегам текущий прихотливо,
Со стороны – как будто кружевной,

Поднявшийся зеленою стеной
С отливами аттической оливы,
Он путника встречает молчаливо
Полуденной, глубокой тишиной.

Обрывы, рвы, возвышенности, балки
От Камышовой бухты до Хрусталки
Привольно пьют привычный терпкий зной.

Пропитанный горячим белым светом,
От века обрученный с южным летом,
Как Феникс – град небесный и земной.

6–9.02.2004

* * *

Круж́ат, как желтая пурга,
Однообразно-прихотливо
Обветренные берега
Феодосийского залива.

Под вечер пепельный восток
Бугристой тучей набухает,
И колоссальный молоток
Там постоянно громыхает –

Вдали, где небосвод глубок,
Где вихри севера и юга,
Сплетаясь в бешеный клубок,
Питают яростью друг друга.

И, словно обнажив кинжал
Над рябью сумрачного Понта,
Рой молний – рой пчелиных жал –
Пронзает бронзу горизонта.

А здесь – нетронутая тишь,
А здесь – волна вздыхает глухо...
Шагни в нее, стань сгустком слуха,
Шипенье молнии услышь.

КОЛОННЫ ПАРФЕНОНА

Много мы богов видали,
Но один лишь только бог
На песке следы сандалий,
Проходя, оставить мог.

Пели флейты в вешнем ветре,
Пели площади, дома,
Пели гимны – «О Деметрий,
Ты живей, чем жизнь сама!»

Пели мисты Элевсина
В первый раз за сотни лет:
«Защити нас, и спаси нас,
И избави нас от бед!»

И – надежда всей Эллады –
Надлежащим чередом
Сопрестольником Паллады
Он вступил в свой новый дом.

ноябрь 2004

* * *

Ах, кустодиевские фоны...
Краски-ноты переплелись.
Так и кажется – слышны звоны
С колокольни, пронзившей высь.

Балаганы, трактиры, тройки,
То в цвету, то в снегу дома...
Пышны формы и лица бойки,
Пестрых вывесок кутерьма.

Разновиден и необъятен,
Наплывает передний план,
Где под шалью, как в пене пятен,
У купчих неохватен стан.

Или солнцем тебе подарен
Сей порыв – одомашнить даль?
Ты, конечно, не лапидарен –
Здесь повсюду царит деталь.

Живописная многословность,
Плеоназм? Может быть. Неровность?
Пусть, – но слаще ее черты,
Чем изысканная бескровность,
Чем графическая условность,
Чем молчание пустоты.

Да и что же молчать-то, если
В негасимом огне твоём
Плоть и кровь наяву воскресли,
Упоенные бытием,

Переполненные румянцем –
Алым бархатом стал сатин...
Так давайте не взглядом – танцем
Расшифровывать вязь картин.

ноябрь 2004

* * *

Берег обрывист – лишь узкая лента
Гальки и глыб под отвесной стеной.
Тропы готического Фиолента
Все не по разу исхожены мной.

Вот она – бухта, седыми веками
Вбитая в сушу. Такая одна:
Черный, водою обглоданный камень
Рядом, на взморье, поднялся со дна.

Трудно спуститься. За цепкие травы
Лучше держаться – иначе нельзя:
Ногу уводит то влево, то вправо
Белая пыль, под подошвой скользят.

... Чайка качается в бликах зеленых.
Тихо и солнечно здесь, между скал.
Пена лучей оседает на склонах.
Воздух промыт, как хрустальный бокал.

Дремлет в расщелине ветер певучий.
Мыс на востоке к прибою приник.
В землю роня алмазы созвучий,
Пойманной птицею бьется родник.

Вечер – прозрачная дрожь континента...
Падает тень, испаряется зной.
Берег обрывист – лишь светлая лента
Гальки и глыб над чернильной волной.

ПОЛУТРОПОС

И швец, и жнец, и на дуде игрец,
Один из тех, над кем не властна тема,
Он вышел из берлоги Полифема,
Сжимая кипарисовый ларец.

Дерзнул вотще, не помышляя бед,
Надеть личину ветхого Улисса, –
Но не постиг значенья кипариса
Модерном помраченный кифаред.

«Аз есмь Никто», – хоть тихо он сказал,
Да услышала древняя Обида.
Эшила грянул гром – не Еврипида! –
И мавзолеем стал ему вокзал.

12.12.2004

* * *

Тимпаны, факелы, менады – день вчерашний...
Органа грозного подрагивает медь.
Виденье русского: орлом слетевши с башни,
Элладу разлюбить и в Риме умереть.

Бежать к живым мощам от мраморных болванов,
От белой плоти их, что девственно пуста,
Туда, к святым холмам, где тот, иной Иванов
Столетие назад живописал Христа.

Измена? Пóлноте, на свете нет измены:
Тень матери прожгла дочерние черты,
Великой Матери, Сивиллы, Диндимены,
Что возвратилась в Рим, как возвратился ты.

13.12.2004

* * *

Купола над Волгою плывут –
Звонницы к заутрене зовут.

Птиц гоняет колокольный гуд,
И тропинки по горе бегут,

Спотыкаясь, тыкаясь в забор,
В чей-то заворачивая двор...

Хорошо в приволжских городах,
В вековых обрывистых садах,

Где листва клубится, словно чад,
Где грачи взволнованно кричат,

Где охватишь взором с края круч
Горизонт в кольце далеких туч.

май 2005

ЗОЕ

За окошком горшки – утешение в нищенском быте.
Семена уже пьют оскудевшие соки земли.
Скоро стебли выюнка побегут по протянутой нити,
И на наши цветы прилетят золотые шмели.

Помню давний сентябрь: мягко осень царапалась в двери,
А выюнки всё сияли – посланцы полдневных земель...
На закате, как будто в предчувствии скорой потери,
За добычей пожаловал важный, торжественный шмель.

Он копался в пыльце и никак не хотел расставаться
С этим раем, где запахи радугой падают в стих;
Лепестки же ловушкой начали вдруг закрываться –
И закрылись совсем. Повозился он там и затих.

Очертанья застывшие словно бы саван скрывает.
Был пушистый комочек – и сгинул, в цветке утонул...
Только сказки бывают, – без эльфов, но сказки бывают:
Шмель в душистой темнице не умер – всего лишь уснул.

Не могу и представить, что снится подобным букашкам.
Вероятно, полет – тот, которым живут наяву.
Вероятно, полет по лугам, колокольчикам, кашкам,
Возвращенье с нектаром, посадка в густую траву...

Утром встал я пораньше, притом не без внутренней дрожи, –
Но, конечно, проспал: за окошком встречали меня
Опустевший цветок – трепетание смятого ложа,
Розовеющий луч – обещание теплого дня.

...Нас скупая судьба топит в море разбившейся жизни,
Топит в водах потопа, как в бочке ненужных котят...
Ничего, не грусти – мы проснемся в предвечной отчизне,
И на наши цветы золотые шмели прилетят.

лето 2005

* * *

Это ранняя такая и прозрачная весна...
Всё сквозит, перетекая в акварельные тона.
В тонком свете тонут рощи – скоро грянет соловей, –
И на небе четок росчерк опушившихся ветвей.

Мира праздничный порядок величав и молчалив.
Вот – крылатой тканью радуг опрокинулся разлив,
Вдалеке, у окоема, в гулкий воздух бьется лбом,
Полон облачных каемок – белизна на голубом.

Где земли зеленый запах, где обрыв береговой,
Солнце движется на запад по проторенной кривой,
Рассыпается, сверкая, золотых лучей волна...
Это – звонкая такая, до хрустальности, весна!

май–сентябрь 2005

ПОЭЗИЯ

Поэзия – борьба с упругой тканью речи.
Уж тут не думаешь: не причинить бы вред...
Естественный узор безжалостно калеча,
И гнешь ее, и рвешь – она трещит в ответ.

Вот, кажется, себе победу обеспечена,
Сомнешь усталый строй противника – ан нет:
Вдруг вырвется, сверкнет, и дальних звуков встреча
Такой родит напев, что словно хлынет свет.

Строфа находит путь свободно, без усилия,
И рифмы режутся, как сложенные крылья –
Лови немедленно слепых созвездий нить!

Владеешь словом ты иль сам во власти слова –
Уже не превозмочь присутствия Иного.
И покориться здесь мудрей, чем победить.

30 августа – 4 сентября 2005

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ ПРО ОСЕНЬ

А в сентябре всё верится – что если вдруг листва
Зеленою останется всегда?
Любое грезит деревце, и кустик, и трава:
Что если не наступят холода?

И всё благоприятствует фантазии такой,
Пока еще по-летнему тепло:
Стоит погода ясная, вокруг разлит покой,
И оком прозрачен, как стекло.

Но на исходе месяца закружит листопад,
Свинцовый ветер рощи бросит в дрожь...
Природа будто взбесится, начнется сущий ад:
Промозглость, грязь и беспощадный дождь.

И тут уж позавидуешь любой иной судьбе:
Который век несем мы этот крест
С краями ледовитыми и не нашли себе
Хотя б чуть-чуть посолнечнее мест.

Медведю позавидуешь в берлоге под сосной:
По крайней мере, не бредет в снегу
Тропою еле видною да ночью ледяной,
Какой не пожелаешь и врагу.

Ах, предки, предки глупые! Куда вас занесло!
Разок бы глянуть – и бежать назад...
Теперь ищи вот с лупою сквозь тусклое стекло
На карте золотистый наш Царьград.

* * *

Приятно редкостью купанье в сентябре.
Плывут над озером привычных чаек крики.
Бегут по берегу воды и солнца блики –
Дубы от этого как будто в серебре.

И в листьях вырезных, в ребристой их игре –
Пернатый терпкий дух, и трепетно-безлики,
Нерезки контуры, и пятна ежевики
Горят угольями в закатном янтаре.

Как хорошо, шагнув в прохладу водоема,
Почти растаять там... До кромки окоема
Распахнутый простор. Вдали, за плесом, храм
Да островерхий лес. Вдруг обожжет ключами...
Душа вздымается, как крылья за плечами,
И воспаряет ввысь, покорная ветрам.

СЕНТЯБРЬ

Тихо листья осыпаются,
Жесткий дождик шелестит...
А в Крыму еще купаются,
Солнце зелень золотит.

А в Крыму – всё так, как жили мы,
И, как прежде, лету рад
Фиолетовыми жилами
Набухает виноград.

Лишь закат дохнет прохладой,
Канет в море красный шар, –
И смеются звезды, падая
На пустеющий бульвар.

сентябрь 2005

* * *

Истлевают сети на стене сарая,
Словно пеплом тронут небосвод,
В угловатом свете солнце, догорая,
Опаляет сталь озерных вод.

Оживают тени в ожерелье сада,
Шелестит таинственно овраг,
И к листве растений ластится прохлада,
И росой падает во мрак.

январь 2006

* * *

Зарастает сад от лета к лету,
Срок придет – и растворится весь...
За приметой нахожу примету
Запустенья, зреющего здесь.

Скрыты под травой следы дорожек,
Одичал малинник за углом.
Сад – как день: истек, свершился, прожит,
Стал воспоминаньем о былом.

Холодно и страшно вечерами
Под осенним пенем ветхих крон:
Желтизна потрепана ветрами,
Брызжущими с четырех сторон.

Ветви, словно старческие руки,
Скорчились в оковах облаков...
А какие тут рождались звуки –
Птичий лепет, щебет родников.

Множество восторженных мгновений
В тени этих яблонь протекло.
Стало всё бледней, обыкновенней,
Выцвело волшебное стекло.

Лишь на месте бывших гряд – взгляни-ка, –
Как остатки щедрого стола,
Грустно засыхает земляника,
Что никем не сорвана была.

* * *

Мы молча, без разных затей
Коротаем железный наш век,
Пока на висках у детей
Не проступит безвременный снег.

Всё к худшему в мире бежит,
Вянут лавры и сохнет айлант...
А там, за проливом, лежит
Город мертвых, великий Лелант.

На нем опочили лучи,
Заходящего солнца листва.
Смотри на него – и молчи:
Сохрани этот миг торжества.

Там воздух недвижим и свят
И исполнен таинственных сил.
Великие воины спят
В жестких обручах тесных могил.

Столь скудный героям приют
Там дала великанша-земля.
Там тени ночами поют,
И уносится пеньё в поля.

Им золото греет сердца
И в руках истлевают мечи.
Пустынны ступени дворца:
Посмотри же на них – и молчи.

А мне не поднять этот груз –
Тяжела богатырская твердь.
Придется, при помощи муз,
Самому побеждать свою смерть.

Соседям дам добрый совет
В облачении крестьянских зеркал,
И скажут: «Тот самый аэд
У Леланта на лире бряцал».

04.02.06

* * *

Грозная бронза в домах Одиссея,
Там, где рокочет Левкады волна,
Там, где царят, разорение сея,
Гости незваные, точно война.

Что ж! Наслаждайтесь хозяйскою пищей,
Режьте быков – всё изменится вдруг:
Явится старый, измученный нищий,
Явится бьющий без промаха лук.

А уж тогда – в окровавленной зале
Чашу возмездья испейте сполна:
Сами судьбу с Одиссеем связали
Там, где рокочет Левкады волна.

05.02.06

* * *

Над мысом Айя собираются тучи,
Крепчает прибой у Крестовой скалы,
Порывистой ветер, и гребни всё круче,
И скоро на отмели грянут валы.

Возьми для закваски слоистого неба,
Возьми вместо теста соленой земли –
И хватит на всех черноморского хлеба,
В котором изюминами корабли.

август 2005 – февраль 2006

* * *

Камни от жары ослепли
И поблекли небеса.
В этом пекле, в этом пепле
Скрип как будто колеса.

То ли крик невзрачной птицы,
То ли пение огня...
Опуститься, возвратиться
Кто-то просит у меня.

Возвратиться, окунуться
В небо огненного дня,
Неожиданно проснуться
Кто-то просит у меня.

Возвратиться, очутиться
В пене пепельного дня
И на дне морском проститься,
Где никто не ждет меня.

23.05.2006

SPEAK, MEMORY

Память, поверни калейдоскоп.
Так, еще немного. Хватит. Стоп.

Видно, начинаю я стареть,
Раз приятно прошлое смотреть.

Полистаем мысленный альбом,
На листе задержимся любом.

Вот – Берлин от Brandenburger Tor.
Это – панорама Крымских гор.

Вот наплыл громадной ширью всей
Ледяной весенний Енисей.

Замерцала, ускользя прочь,
В Беломорье солнечная ночь.

А поодаль, только сделай шаг, –
Сразу Каракумы, Копетдаг...

Дырку в расстояниях прожгло
Сказочное детское стекло.

Суздаль – колокольни, купола,
Речка, как невеста, весела.

Двинем к нижневолжским берегам.
Встанешь – рыбки так и льнут к ногам.

Память скачет, хоть не понукай:
Вот навис над озером Тракай.

Кологрив, Елабуга и Брест –
Сколько разных экзотичных мест...

Где-то быть Господь уже не даст.
В сердце образ – снега тонкий пласт.

В сердце образ – словно капля льда,
Не растает, будет там всегда.

И порой, прохладна и светла,
Вспыхнет блеск детского стекла.

27.01.2007

КРОНШТАДТ В 2003 ГОДУ

Как бесполезный для обороны
Списан сплеча за штат
Стражник державы, город короны,
Гордость морей – Кронштадт.

Что нерушимо было сначала,
Кануло в бездну вод.
Высохли доки, пусты причалы,
В Мурманск отправлен флот...

С ходу, с размаху – выдержать нам бы –
Ткнулся фрегат в песок,
В муть бесконечной пасмурной дамбы,
В запах гнилых осок.

Гонит обрывки ленточек ветер
По площадям вдоль плит.
Грозно и гневно бронзовый Петер
На запустенье зрит.

* * *

Суздаль, насупленный дед,
Дремлет под бременем лет,
Древнею памятью болен,
В ризу забвенья одет.

Вот уже тысячу лет
Только минувшим согрет:
Нынешним днем недоволен,
В будущем чаёт лишь бед.

В ризу молчанья одет:
Звук претворяется в свет.
Дудки его колоколен
Дремно свирелят вослед.

Явь, или сон, или бред...
Может, и Суздаля нет?
Может, привидеться волен,
Эхом отдаться в ответ?

Но нахожу из примет:
Жив он, еще не отпет.
Сгорблен, угрюм, богомолен,
Словно ворчливый сосед.

Есть тут какой-то секрет –
Ждет завершенья портрет:
Всё ж для гостей хлебосолен
Этот насупленный дед.

Ночь, и в движеньи планет
С Суздадем я тет-а-тет.
Как же широк и раздолен
Звездный его силуэт!

* * *

Жить легкой радостью погожих летних дней.
Не думать ни о чем, расправившись с делами.
Палить костры в лесах, сидеть, смотреть на пламя,
На позднюю зарю – и растворяться в ней;

Блуждать аллеями, пока цветет сирень,
И тянет засвистать с семейкой соловьиной,
И лень, и старый пень бугристой пуповиной
Ползет из-под земли так дерзко, набекрень;

На лодке прорезать густые камыши,
Скользя задумчиво по зелени затона
Средь звона комаров, лягушечьего стопа,
В блаженстве солнечном, в торжественной глуши;

Отнюдь не требуя ни ягод, ни грибов,
Вдруг забрести в овраг, да тропкою кривою
Забраться в полумрак – и пусть над головою
Шумит, поет хорал недремлющих дубов;

По заливным лугам полдня идти к реке
В покосах и стогах, в горячем духе сена,
А после, вырвавшись из сказочного плена,
Купаться и чертить фигуры на песке;

А то податься в Крым, под кров роскошных гор,
И, слушая напев извечного прибоя,
Любуясь сквозь листву на небо голубое,
Потягивать в тени массандровский кагор,

Встречать покой во всём – в дыханье ветерка,
В движенье облаков и в родниковых водах...
Одна лишь только мысль сверлит, пронзает отдых:
Как лето коротко! Как ткань его тонка!

* * *

Тук-тук-тук...
Смерть приходит так:
Из нагретых рук –
В первозданный мрак.

Думаешь, дурак
Ладит в доску крюк:
А иначе как?
Тук-тук-тук...

31.03.2007

АЛУШКА

На соснах задиристо возятся белки
И чуть ли не бегают по головам.
Крутые и узкие улочки-стрелки
Направлены к лестнице, к мраморным львам.

Дворец Воронцова в полуденном ветре
Лелеет свою мавританскую лень...
А сверху нависла громада Ай-Петри:
Здесь рано, должно быть, кончается день.

май 2007

* * *

Лампы тусклое свечение –
Тень небесного парада...
Поезда – мое мученье,
Поезда – моя отрада.

Мыслей тусклые осколки,
Ручек, ножек, стенок, донец.
Дегустирую на полке
Кисло-сладкий сок бессонниц.

Почему же, почему же
Поезда всегда ночные?
Я не знаю, что уж хуже, –
И не сплю, а вижу сны я.

В телевизоре окошка –
Всё одна и та же пленка:
Полустанок, лес, дорожка,
Речка, фонари, избенка,

Фонари, избенка, речка,
Лес, дорожка, полустанок...
И луна – как в бане свечка,
Как серьга в ушах цыганок.

Лихорадочная тряска –
Рельс навязчивая тема.
Поезда – ужель развязка?
Поезда, – увы, проблема.

Холодеющей спиною
Здесь, над бездной перегона,
Ощущаю – подо мною
Всё того же труп вагона.

Тошен летом и зимою,
Нагло-скромен, подло-важен,
Полусветом, полутьмою
Искажен, обезображен.

То ли ветер треплет тени,
То ли призрак лег в проеме...
Поезда – пробелы в теме,
Поезда – закладка в томе.

Но не лучше ль эта скука,
Эта блеклая завеса,
Чем полуденная мука
Торжествующего беса?

Мир зимою чужд и летом,
Подло-важен, нагло-скромен,
Полутьмою, полусветом
Изуродован, изломан...

Здесь – ни зноя, ни мороза,
Нет здесь «поздно», нет здесь «рано».
Поезда – как знать? – угроза,
Поезда – пусть так! – охрана.

Вот, буравя мрак огнями,
Мчится встречный, мчится мимо.
Ночи следуют за днями,
Как за искрой струйка дыма.

И, грозя визгливым ревом,
Мчится новый, тоже мимо.
Ну, а что же там, за новым?
Пустота – неотвратимо.

Сгинь, рассыпья, наважденье,
Бесконечное движенье!
Поезда – освобожденье...
Поезда – уничтоженье...

07.06.2008

ОПЯТЬ ОСЕННЕЕ

А.А. Сеницыну

А этот снег, я полагаю, стает –
Он рано выпал и, похоже, зря.
И осень, как всегда, перелистает
Постылые страницы ноября.

Еще дождей почти что не видали,
Еще пойдут сиротской чередой.
И будут безнадежно-блеклы дали –
Один туман над зябнущей водой.

Быть может, завтра... Наблюдай же в окна
Сегодняшний, до боли четкий мир,
Коль хлопья, что в полете как волокна,
Уже не чертят в воздухе пунктир.

Нет ветра. Успокоилась поземка.
(Иль в объективе резкость навели?)
Чем девственнее снежная каемка,
Тем явственнее угольность земли.
Мир – черно-белый кадр. Умножишь на сто –
И будет фильм, вместивший все века...
Ну что ж, в усугубление контраста
Пойдем теперь лепить снеговика.

20–22.11.2008

* * *

Прошли века гигантов и героев,
Нет Пушкиных – но нет и Натали...
Иные люди, свой уют построив,
По мелкости чуть видны издали.

Что колыхнет почивший в бозе камень?
Что в статую его преобразит?
Где полыхал во тьме Зевесов пламень –
В утробе трупа дремлет паразит.

02.06.2009

* * *

Эсхил – порыв, Софокл – благая мера,
А Еврипид – взволнованный излом.
И вот, все трое – из страны Гомера,
Из града, где Перикл не снял шелом

Пред Креси́лаем. В совершенство вера
Торжествовала над добром и злом.
Текли века. Пришла иная эра –
Но и поднесь Афинам бьем челом.

Кто скажет горькое «безблагодатность»,
Хоть до Креста? Здесь мысль познала внятность
И дух, проникнув в самого себя,

Вдруг усомнился. Но звезда Платона
Пронзила тьмы миров быстрее фотона,
Свет горнего на дольном возлюбя.

10.07.2011

ГОРА МАУРА

Обильна Русь святынями. Но всё же
Немного столь благословенных мест.
Дремотный бор в тенях закатной дрожи.
Часовня, камень, крест.

Хочу взглянуть в глаза безмолвной дали,
Но ветви елей застыт горизонт.
Тут, кажется, еще вчера стояли
Кирилл и Ферапонт.

Пред ними – склон, лощины, перелески,
Да в стороне, у озера, пустырь,
Где ныне тонет всё в нездешнем блеске –
Там замер монастырь.

Последним светом вечера украшен–
Что фимиам по берегу разлит.
И белизна могучих стен и башен
Склониться перед Господом велит.

Тут путь страны открыт духовным взорам,
Как силуэт столетнего ствола...
Без звонаря в ночи над косогором
Поют колокола.

2003–1.09.2012

* * *

Я-то думал – это сердце.
Нет, силен еще мотор
И не скоро выдаст скерцо,
Угодив в глухой затор, –

В час, когда открою дверцу,
В час, когда отправлюсь вон...
Я-то думал – это сердце.
Нет, дурной лишь только сон.

29.06.2013

* * *

А я-то думал: принесут плоды
Мои дневные бдения с поэтами?
Получится улучшиться – лады:
Я и читал их, собственно, поэтому.

Херасков, Бенедиктов, Щипачев –
Да что там, даже вирши допетровские! –
Прошли через меня, и обречен
Таскать аж до кончины их обноски я.

Ах, память, память – это кости хруст
Своею избирательной природою,
С тех самых пор, когда весь мир был пуст
И Божий дух носился там над водами.

И вот, скажу. Но слово – прозвенит,
Как медь, иль пылью придорожной вспенится,
Или застынет важно, как гранит,
Или, как тень, во всякий миг изменится?

Не знаю. Знаю пушкинский фрегат,
Что «двинулся и рассекает». В гавань ли?
Нет (рифма от Володи) – наугад.
Куда ж – от Одиссея – мы не плавали?

29.06.2013

* * *

Рвется в окна предзакатный свет.
Ты меня разлюбишь или нет?
Бред!
Красным исковеркано окно.
Разлюбила. И уже давно.
Но...
Но ворчит азовская вода:
«Вновь полюбит». – «Что же, навсегда?» –
«Да».

29.06.2013

* * *

Я избавлюсь от тебя, демон.
Желтоглазый, в волосах – медь...
Всё твердит себе, твердит: «С кем он?» –
И тем самым не велит петь.

Да ни с кем я! Просто так взялся
И однажды вдруг сложил стих.
Четверть века не писал – мялся,
А теперь вот и совсем стих.

Но пора! Уже зовет дело...
Да, пора уже прервать сон.
Только взяться-то смогу смело,
А вот как же, коль уйдет он?

Не подарит новых мне тем он,
Без которых я совсем гол...
А, быть может, это я – демон?
Пустоглазый, в голове – кол.

14–15.01.2014

КАК МЫ ХОДИЛИ НА МАНГУП (Неоконченное)

Ложбина. Каймою – суровые горы.
Тропинка. Развилка. Понятные ссоры.

Направо – налево? Налево – направо?
Примет никаких – лишь кустарник да травы.

Дороги не знаем, спросить невозможно:
Пустынно вокруг. И немного тревожно.
Раздумья. Решенье действительно сложно:
А вдруг направление выберем ложно?

Туи кто-то припомнил (и к месту, прикиньте)
Про старые опыты «Мышь в лабиринте»:

Неясно, что роль там конкретно играет,
Но мышка всегда левый путь выбирает.

Зачем мы тогда уподобились мыши?
(Замечу заранее: опыт не вышел.)
Свернули налево. Подняться бы выше:
Мангуп на вершине, как будто на крыше.

Нам надо туда. Затрудненья? Еще бы:
По склону всползает глухая чащоба.

Не раз сквозь нее мы проникнуть хотели:
Не то что прохода – в ней нет даже щели.

Но коль мы упрямство избрали эмблемой,
Уверенно двинувшись тропкою левой,
Мы натиском в лоб разберемся с проблемой:
Штурмуем! Как в шахматах – ход королевой.

И цепкие заросли нас поглотили,
И за самомнение нам отомстили.

Как жарко! Хотя под сплошною мы тенью...
Почти непролазно деревьев сплетенье.

Всё круче... Теперь уж обратно спуститься
Не выйдет. Итак, только вверх, словно птицы!
Окончился лес. Дальше – метров под тридцать –
На солнце отвесный обрыв золотится.

Вот это дела... Тут прорвемся едва ли.
В таких переделках еще не бывали.

А если попробовать? Ну-ка, за камень –
Руками,
 ногами,
 ногами,
 руками...

Под пальцами – трещины, ямки, уступы.
И мы – на плато! От усталости ступор.
Однако же... Да-с, поступили мы глупо:
Напротив – пещеры и стены Мангуа.

Они – на соседней горе, а на нашей –
Одни только дебри зеленою кашей.

* * *

Когда в полдневный час стекает с листьев дрема
И море, кажется, само рождает свет, –
В горячем мареве проступит Меганома
Тяжеловесный силуэт.

Он, как трапеция, висит у горизонта,
Меж небом и водой, в немыслимой дали,
Где, многоточием разбив гекзаметр Понта,
Оцепенели корабли.

* * *

Граненые фразы моря
Соленых слов полны.
Как соло в холодном хоре,
Подлунный вопль волны.

Рыданья сменяя смехом,
Гигант-орган гремит,
И строфы стократным эхом
Дробятся о гранит.

* * *

Белеющие в дымке города
Дремали между морем и горами.
Курился фимиам в старинном храме.
С седого камня капала вода.

Всё было точно так же, как всегда.
Всё не менялось, словно мифы в драме.
Над мысом, обвиваемым ветрами,
Высокая покоилась звезда.

Но уж вдали, у желтых скал востока,
От зоркого пастушеского ока
Не спряталось – Дитя явилось в мир.

Звезда стояла – царственно и прямо...
И в храме, среди курений фимиама,
Чуть дрогнул в вешем ужасе кумир.

* * *

Мудрено ли крестьянину в деревне
Заблудиться в такую непогоду?
Дождь оливы сечет и кипарисы,
Все в грязи каменистые дороги.
И во сне не приснятся наши зимы
Обитателю побережий Нила.

Посильней раскали жаровню, мальчик!
Я – наверх, под грохочущую крышу,
Где ветра над продрогшею землею
Всё трубят нескончаемую песню.
Лишь внесешь ты горячее железо,
Свиток, стиль и столетнего фалерна, –
Охладевшая кровь проснетя в жилах,
Строки, строки, как капли дождевые,
Из души, как из серой тучи хлынут –
Всё о лете далеком да о Риме.

А наступит обеденное время –
Факел взяв на обратную дорогу,
Побредем под нависшим зимним небом
Через мост к отдаленному соседу –
Он недавно приехал из столицы, –
Чтоб в уюте, разнежившись на ложе,
С наслажденьем послушать римских сплетен.
И споем, и в коттаб еще сыграем –
Не впервой коротать нам наши зимы.

Друг Катулл, отложи свое унынье,
Пусть тоска твое сердце не тревожит!
Не всегда будет пасмурно и сыро,
Не всегда будут зябко стыннуть рощи.
Возвратится на землю Прозерпина,
Возвратишься и ты на берег Тибра.

КЛЕОПАТРА

Я прошел сквозь огни и воды,
Слышал ревы победных труб,
Но сильнее любой невзгоды
Ласка этих горячих губ.

Я почета добился, власти,
А теперь – кто б поверить мог? –
Стать рабом запоздалой страсти
Мне сулил беспощадный бог.

Что Республика и столица,
Что мне клекот державных птиц?
Всё – лишь призраки. Словно лица
Египтян, что упали ниц.

Хлынет пламя из нижних окон –
Пусть! Я рад, что мне довелось
Целовать непокорный локон,
Колос в черном снопе волос.

* * *

Покинул трон февраль – приходит март,
Зима с весной меняются ролями.
И мы когда-то станем королями
В тасуемой судьбой колоде карт.

И с нас когда-то сбросит лишний груз
Причудливая линия фортуны...
Но горла труб не медны, а латунны,
И старше короля в колоде туз.

ПРОШЛОЕ

Давно оставлено кострище
И разлетелся пепел лет,
Но стал отчетливей и чище
Трепещущий издревле след.

Так дым сжигаемой листвы
Не тает над осенним садом.
Так тень прочитанной главы
Подолгу остается рядом.

Так хруст разбитого стекла
Осколками вчерашней речи
Напоминает вдруг о встрече,
Что через трещины стекла

НАУМБУРГ (Цикл стихов)

I

В июльском, но холодном Наумбурге
Серел собор огромною горой –
Его из глыб лепили демиурги.
 И я вошел. Тут нужен строгий строй
 Терцины, слог готического Данта...
 Я наслаждался жесткою игрой
Углов-аккордов, дикого таланта
Внезапной силой. Словно клавиш ряд,
Тоскующих по пальцам музыканта, –
 Я видел – так взволнованно парят
Узлы нервюр. Как в городе, я в храме
Бродил: шел в крипту, где терялся взгляд
Во мраке – лишь вдали лизало пламя
Пространство у распятого Христа
(Лампада – некий мост между мирами);
 По лестнице, раскрытой, как уста
 В молитве, вверх, в восточную апсиду
Стремился. Чище белого листа
Струился луч, скрываясь вдруг из виду,
Рассеиваясь в сите витража.
Там, затаив на Лютера обиду
И памятью о прошлом дорожа,
Семисотлетние стояли кресла,
Громадные, в два наших этажа.
Неф препоясал жилистые чресла
Резными капителями колонн.
Царьградское изящество воскресло,
 Но тут же покатилося под уклон
 И, погрузнев, грустит себе о Боге.
 Поблизости казалось – некий слон
Расставил здесь чудовищные ноги...
Я продвигался дальше. Предо мной
Развертывались новые чертоги,
 Подернутые дымкой кружевной –
 Но статуи пока бежали взора.
 И вот, за невысокою стеной,
В полуовале западного хора
Они застыли – словно голоса
Невнятного, немого разговора.
 Остановились в беге небеса,
И за минутой таяла минута.
Не знаю – час прошел иль два часа:
Я видел только – маркграфиня Ута
Так зябла в этой мантии камней,
Так зябла... И казалось почему-то –
Она еще печальней и бледней
Была при жизни. Грубая улыбка

У бравого супруга рядом с ней
Подсказывала: это не ошибка,
Он вряд ли лаской баловал жену.
...Мелькает время, призрачно и зыбко
 Переливаясь, падает ко дну –
 И вновь сияньем вспыхивает в тучах.
 Они – всё в том же медленном плену,
В тисках веков, незримых и могучих.
И я там был, и я почти вступил,
Скользя ногой неверной, как на кручах,
 В их цепкий полукруг; и я испил
 Тяжеловесного оцепененья.
 Но, как Петру, мне петел возопил –
Восстань, иди! И, одолев сомненья,
Впитав страстей остывших ураган,
Шагал я в католическом волненье
 К Санкт-Венцелю, чтоб слушать там орган.

2004–2006

II. НА КОЛОКОЛЬНЕ САНКТ-ВЕНЦЕЛЯ

После десятков ступеней – награда:
Подколокольного тамбура круг,
И – за перилами строятся вдруг
Контурные улочек в ритме парада.

Здесь, в высоте, так лучиста прохлада,
Дали открыты – на север, на юг...
Речка, холмы, перелесок и луг –
До горизонта не хватит и взгляда.

А посредине – объятий отрада:
В ангельском пении ласковых фуг,
В пене валов, как в сплетении рук,
Готика средневекового града:

Шпили церквей, а под ними, как стадо,
Острые крыши... Что дом тут – то друг,
Только залег отдаленный недуг
В шероховатых морщинах фасада.

Каждый квартал убегает от ада,
Каждый портал – избавленье от мук,
Каждый прохожий отсюда как жук,
И не смолкает Marktplatz'a цикада.

Дворики, дворики в цвет листопада,
Пестрое скопище встреч и разлук.
Наумбург – то как нацеленный лук,
То как холодная кисть винограда.

Словно в преддверии райского сада
Праздничный воздух по-детски упруг...
Боммммм! – колокол выплеснул звук,
И дребезжит, содрогаясь, ограда.

Час пролетел – ничего мне не надо:
Только стоял и смотрел бы вокруг...
Будит далеких колес перестук –
Время спускаться. Какая досада!

2004 – 23.02.2007

III. NIETZSCHEHAUS В НАУМБУРГЕ

Вот этот домик, в стороне от вала,
Жилищем был того, чей взор потух,
Той плоти, что в себе уж не скрывала
В миры иные воспаривший дух.

Распятый Дионис! – и всё. И точка.
Так он освободился от оков.
А здесь осталась только оболочка,
Подобие аптечных пузырьков.

.....

Осталась лишь пустая оболочка,
По сути, просто груды черепков.
Повисла недописанная строчка,
И он освободился от оков.

Распятый Дионис! – и покрывало
Долой: пропел Асклепиев петух!
А в тихом доме, в стороне от вала,
Хранился прах, когда огонь потух.

17–18.12.2004

IV

Пронеслось короткое свидание –
Шторою задернуто окно.
Не тебе, о нежная Германия,
Сердце пилигрима отдано.

В небо беззастенчиво вонзаются
Острия бестрепетных церквей –
Это чьи-то зубы прорезаются
Под корней сплетением, ветвей...

Не тебе, о тихая Германия,
Травами венчавшая врагов,
Стать предметом вечного внимания
Гражданина северных снегов.

декабрь 2004

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Нам равно внятен север с югом.
Песчаным бурям, снежным выюгам
Нам сладко подставлять лицо.

Возри – над тундрой, над пустыней
Наш небосвод, по-русски синий,
Как вечность, слитая в кольцо.

Мы – словно кони, вдоль по полю...
Кто остановит птицу-волю?
Вперед, преградам вопреки!

Во благодати, не в законе,
На равных в нашем пантеоне
И Херсонес, и Соловки.

Что за чудовищная сила
По всем широтам нас носила,
По всем долготам нас влекла?

Внемли – у Гандвика и Понта
Громами из-за горизонта
Колокола, колокола...

АВТОПРОДОЛЖЕНИЕ

КОНЕЦ ЭКСПЕДИЦИИ II

Наблюдай, твои лучшие годы
Поросли наблюденьем погоды.

Д. Коломенский

Постепенно закончилось лето,
Постепенно допили вино.
Раньше как-то печалило это,
А теперь как-то мне все равно.

Так со временем кончится осень,
Так послушно дождемся весны,
Но, увидев небесную просинь,
Не почувствую в ней новизны.

Эта мерная смена погоды
Раз за разом приходит опять.
Я не жду ничего от природы,
Не хочу в это дело вникать.

Одинаково воспринимаю
Снег январский и мартовский лед,
Дождь апреля и запахи мая,
Все равно, что прогноз принесет.

Бесконечная лента сезонов
Проплывает за ниточкой нить,
Оставаясь изменчивым фоном –
Только так и положено быть.

Но поверх этих красочных нитей
Проступают ясней и ясней
Абрис времени, контур событий,
Силуэты и лица людей.

АВТОПРОДОЛЖЕНИЕ

Понемногу дописываю за собой,
Перебираю листочки, шуршу блокнотом.
Пересмотрю их подробно разок, другой,
Снова вернусь, боюсь, потеряю что-то.

В почерк вникаю прилежней, чем Шампольон
В древние знаки, прочерченные на камне.
Даже бывает жалко, что я не он,
Этот бы разобрал, ну, а тут – куда мне...

Думаю над рисуночками на полях,
Не упускаю ни черточки, ни фигуры,
Может быть, в этих профилях и тенях
Самая сердцевина литературы.

Встретив лакуну, застыну, возьму перо,
Фразу впишу, зачеркну, попытаюсь снова.
Сходу пока мне ни разу не повезло
К строчке своей свое же добавить слово.

Но, когда уже нечего досочинять,
Вылистаны все блокноты, листки, бумажки,
Я начинаю просматривать их опять,
Медленно так, как будто прошу поблажки.

Вдруг я забыл бумажонку доразвернуть?
Слипшиеся листки не разделил оплошно?
Может быть, я сочиню еще что-нибудь
В десятилетнем, почти позабытом прошлом?

ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК

Весна приходит запахом гнилья.
По самой тонкой незаметной ноте
Его мгновенно угадаю я
Во сне, в пути, в запое, на работе.

Всем телом сразу вспомню Ленинград:
По пляжу талый ручеек струится,
Порою вымывая древний клад –
Монетку с двухголовой странной птицей.

Мне было пять, а, может, даже три.
От комнаты в квартире коммунальной
На Заячий под крепость добрали
Мы с бабушкой почти что моментально.

Я восхищенно строил острова
Из камушков, песчаные плотины,
Следил, как выбивается трава
По трещинам облупленной куртины.

Почуяв запах гнилостный стволов,
Размокшего песка, водицы стылой,
Я забывался и не слышал слов.
«Смотри! Смотри скорее!» – говорила

Мне бабушка, вода вокруг рукой,
Указывала пальцем на колонны,
Трехмачтовый кораблик золотой,
Обшитые гранитом бастионы,

Сердилась, если глаз не поднимал,
Чтоб любоваться строгим ритмом линий.
Глазами я не слишком понимал
И нюхом жил. И так живу доньше.

РЫБНОЕ

Я из давнего племени,
Чей косяк поредел.
Пребываю во времени,
Словно рыба в воде.

Ощущаю отлично я
Ходом каждого дня,
Как оно всё прилипчивей
Обжимает меня.

Нарастает давление
С каждым часом сильней,
Ни гроша просветления
Не дают, хоть убей,

Здесь глубины минутные
Накопил океан,
И грядущее смутное,
И в прошедшем туман.

Насыщаюсь ракушками –
Укрепляю скелет,
Всё их кушаю, кушаю,
Время давит в ответ.

Плавниками орудуя,
Признавать обречен,
Что раздавлен им буду я,
Буду в нем погребен.

Чтоб не чувствовать кожей,
Отрастил чешую,
Но не верую, Боже, я
Во всемильность твою.

Как тут путь не выкручивай
То туды, то сюды,
Не представится случая
Убежать из воды,

Чтоб, хрипя междометия
На своем языке,
Ускользнув от столетия,
Высыхать на песке.

КРЫМСКИЙ ЛИС

ДОЛГ

Нет, это, к сожалению, не сон:
Под пленкой нефтяною бьются волны,
И день приказа очень отдален,
И тяжелы старшинские погоны.

Опять корабль у берега стоит,
Опять за службу приниматься надо...
Раскосая действительность глядит
Суровыми газами азиатов.

Здесь никого нет – «против»; все тут – «за»,
Но тупости не меряна тут мера.
И днем и ночью колют мне глаза
Лучами звезд погоны офицеров.

Все гладко в замполитовых речах,
И подняты расцвечиванья флаги...
Мешаясь с матерщиною, звучат
Опять слова о долге и присяге.

Кап-разы¹ смотрят из окошек «Волг» –
А я пред ними – жалок и ничтожен...
Я... утомился исполнять свой долг!
Я – никому и ничего не должен!!

...Нет, ты не прав: долг не исчерпан твой,
Да только не записан он в Уставе:
Ты должен поскорей прийти домой
И больше не мечтать о ратной славе!

Росляково (Мурманская область), 1988

1 Капитаны первого ранга (флотский жаргон).

ЯЩИК (на отъезд друзей)

Этот ящик – надежный и прочный,
Чуть сочащийся свежей смолой –
Обожжен будет ветром восточным,
Окроплен средиземной волной.

И в высокую стенку, как в парус,
Будет бить то муссон, то пассат...
Вне его слишком много осталось –
Вы уже не вернетесь назад.

Он укроет от бури и града,
И от прочих зловредных стихий!
Положите туда все, что надо:
Книги, песни, слова и стихи.

К черту бред про незримые нити –
Лишь на карте появится крестик...
Но водички волжской черпните
Да земли казанской отвесьте.

Впрочем, это занятие зряшное –
Кто же землю меряет пядью?!
Я и сам бы залез в этот ящик –
Только мне там места не хватит.

Казань, 1990

КРЫМСКИЙ ЛИС

Ты из Дикого леса Дикая тварь,
чего тебе надобно здесь?

Р. Киплинг

Чахлый зверь из горелой степи,
Для чего же приплелся ты к людям?
Хочешь – тявкой, а хочешь – хрипи:
Ни поживы, ни счастья не будет.

Ты плешив, но поджар и хитер!
Кем дано тебе право гордиться,
Что без страха глядишь на костер
Ты с помоек людских экспедиций?!

В этом месте нет места двоим.
Пониманье – страшней, чем жестокость.
Взгляд столкнется со взглядом твоим –
Это круче, чем Запад с Востоком.

Рухнет навзничь последний листок,
И когда одному станет зябко,
Замети ту тропинку хвостом:
Ты же – Лис, не домашняя сявка.

Пусть не мне тебя, милый, учить,
Но в счастливый исход я поверю:
Заберись под скалу, помолчи...
И – подохни, как следует зверю.

Восточный Крым, 2000

ДОЖДЬ НАД ТАМАНЫЮ
(творческий плагиат с «Ивасей» и мелодия примерно их же –
«Вот и кончен февраль»)

Снова дождик с утра –
Жаркий август пошёл на попятный.
Одинокий бульдозер застыл, как корабль на приколе...
Всё почти как вчера –
Но без слов сразу стало понятно,
Отчего «Чёрный лекарь» печалью разбавлен и болью.

Третьи сутки сидим
У промокшего берега Понта;
Небо с морем слились – затопили несчастную сушу.
Ты пред ними один –
Можно думать тихонько о чём-то
Или просто стук капель по стенке палаточной слушать.

Ничего уж не ждешь:
Опостытели грустные песни,
И забыто давно ощущение солнца на коже.
Прекратился бы дождь –
И тогда мы немножко воскреснем,
Но с концом экспедиции что-то в нас кончится тоже.

Непогода не вечна,
Ведь Гелиос – парень серьезный,
И не раз, и не два до отъезда палатки просохнут.
Мы вернемся, конечно –
Да только бы не было поздно:
Вдруг коты и собака зимою без лагеря сдохнут.

Афродита, ответь:
Что же с нами ты здесь сотворила,
Нас влюбив в эту землю, чей облик немислимо странен?
Как нам жить, что нам петь?!
И какая неясная сила
Через годы и даль собирает нас вновь на Тамани?

Расстаемся опять.
Только все же давайте не плакать:
Ведь Таманский залив и без этого круто просолен.
Будем помнить и ждать.
Пусть в душе и на улицах слякоть –
Даже Зевс-Громовержец отнять нашу память не волен.

Фанагория, 2004

* * *

Не пойму, что на свете деется...
В самом деле, зачем мне так?!
Сорок пять - а все не седеется...
Неужели - совсем чудак?

Что ж все боли мои и небыли
Оседают чужой сединой?
Так живу – как приставка к мебели.
Или что-то не то со мной?!

Дождик мелкий противно сеется –
Календарь обещал весну...
Сорок пять – а все не лысеется!
Только вот никак не усну.

И не то вы, наверно, видели –
Догребем до нового дня?
Все, кого любил, ненавидел ли –
Ну, простите, что ли, меня...

Москва, 2013

* * *

Прощайте, Александр и Цицерон –
Теперь мы с вами свидимся едва ли...
И череда народов и племен,
Что ныне навсегда уже пропали.

Смешны и Марк Аврелий, и Сократ!
Слова и мысли – только горстка пыли.
И новый варвар плюнуть будет рад
На то, чему вы нас не научили.

Скрежещет слогом ржавая латынь,
Смешно картавит эллинская мова...
А на обломках брошенных святынь
Трава забвенья прорастает снова.

Иные наступают времена –
Не прирасти Евразии Европой...
Счастливого пути тебе, страна,
Уверенно несущаяся в бездну!

Москва, 2013

* * *

Итожа прожитые числа,
Мне показал прошедший год:
Пусть нет в любви ни грана смысла –
Она смысл жизни придаёт.

Закономерно и нелепо
Явившись вдруг из пустоты,
Она близка, как близко небо,
И горяча, как свет звезды.

Раз соль порой бывает сладкой,
А счастье – цепь из неудач,
То в ней – решенье и загадка,
И смех навзрыд, и звонкий плач.

К чему мне скидка или фора,
Коль, поразмыслив, я сочту:
Любовь легка, как вздох, который
Подводит главную черту.

Москва, 2014

ПАРИС
Картины последнего года Троянской войны

Действующие лица

Приам, царь Трои
Парис
Деифоб } сыновья Приама
Полит }
Елена, дочь Зевса и Леды, жена Париса
Эней
Агенор } троянские герои
Полидамант }
Энона, бывшая жена Париса
Милон, пастух
Тисий, пастух
Десятник
Первый воин
Второй воин
Хор троянцев

Площадь в Трое.

Х о р

Слава благим богам!
Слава тебе, Парис!
Смыт пораженья срам!
Трои звезда, светись!

Сеявший смерть и страх
Грозный Ахилл Пелид
Сам нынче лёг во прах,
Держит он путь в Аид!

П р и а м

Хвала тебе, Парис, хвала,
Тобою город наш спасён.
Когда бы не твоя стрела,
Сегодня пал бы Илион.

П о л и т

Теперь ахейские полки
На гибель все обречены.
И верю я – недалеки
Часы последние войны.

П о л и д а м а н т

Но всё ж с ахеянами рать
Не кончилась, Парис, пока,
Да будет недругов сражать
Без промаха твоя рука!

П а р и с

Вас всех, друзья, благодарю,
Теперь пойдёмте в Зевса храм –
Бессмертных и людей царю
Благодарение воздам.

Шатёр Энея.

Э н е й

Не слышно ли чего в ахейском стане?

А г е н о р

Чуть не дошло до межусобной брани.

Э н е й

Ого! Отлично! Впрочем, жаль, что «чуть».
Чтоб им друг другу шеи всем свернуть!

А г е н о р

Ещё один свернул.

Э н е й

Но кто же он?

А г е н о р

Кому брат Тевкр, отец же – Теламон.

Э н е й

Аякс Теламонид! Вот так удача!
С ума сошли ахейцы, не иначе!

Его один Ахилл превосходил!
Но как же он к Аиду угодил?

А г е н о р

Тому виной Парисова стрела,
Что жизнь Пелея сына унесла.

Э н е й

В Аякса же стрелой той не попали.
Ужель он умер, не снеся печали?

А г е н о р

О нет, мой друг, тут дело похитрей.

Э н е й

Поведай же о нём мне поскорей.

А г е н о р

Доспех остался добрый от Ахилла.
Отдать его бы справедливо было
Аяксу – кто же доблестней, чем он?
Казалось, никаких к тому препон.
Но не Аякса предпочли Атриды.
Впал в ярость тот, понятно, от обиды,
А утром найден был с мечом в груди.

Э н е й

Ай да Атриды! Надо ж!

А г е н о р

Погоди,
Тут дальше интересней будет, слушай.
Лежали рядом с ним говяжьки туши.
Атриды говорят: «Аякс, как тать,
Хотел нас ночью смерти злой предать.
Да разум Зевс ему затмил, и тот
Направил меч свой на невинный скот,
Приняв за нас».

Эней давится от хохота.

Чему смеёшься ты?

Э н е й *(сквозь смех)*

Ай, ай, не те зарезаны скоты!

И спутать, право, тут не мудрено –
Атриды и скотина ведь одно!

А г е н о р (*невозмутимо продолжает*)

«...Когда ж прошло безумье, Тевкра брат
Был ужасом от дел своих объят.
И в горести покончил он с собою,
Наказанный богами и судьбою».

Э н е й

Давно я не слышал подобных врак!
Поверит в них, пожалуй, лишь дурак.
Иль насмешить они хотят весь свет?
Предателем у них был Паламед,
Хотел-де стать Аякс ночным убийцей...
И не был ли тогда Ахилл девицей?
А сочинитель глупой басни сей
Наверно, «хитроумный» Одиссей?
Но расскажи мне лучше, Агенор,
Чем о доспехах завершился спор.

А г е н о р

Достались Одиссею.

Э н е й (*с жестом, выражающим полное удовлетворение*)

Да? Ну вот,
Я ль не достиг премудрости высот!

Покои Елены.

П а р и с (*входя*)

Я, наконец, забот избег
Хотя б на час, моя Елена,
Мгновение с тобой – бесценно,
А без тебя мгновенье – век.

Е л е н а (*краснея*)

Тебе, Парис, я право, рада...

П а р и с

Но смущена, я вижу, ты...

Замечает Деифоба.

Что здесь ты делаешь?

Д е и ф о б

Награду
Стяжаю за свои труды.

П а р и с

О негодяй!

Д е и ф о б

Вот как? Скажи мне,
В боях рискую головой,
Чтоб, вознося Киприде гимны
Пыл утолял любовный свой?

П а р и с

Не я один теперь, как видно.
Зови всех воинов сюда –
И им пусть будет не обидно,
Зови – коль нет в тебе стыда!

Д е и ф о б

Гремишь ты, словно Зевс перуном,
Про стыд – ты, похититель жён,
Ты, сластолюбием безумным
Губящий славный Илион!

П а р и с

Но ты же знаешь, что не в этом
Причина главная войны!
Всем замысел Атридов ведом –
Мы их рабами стать должны!

И ты забыл, что Гесиону
Ахейцы не отдали нам.
За оскорбленье Илиона
Я мстил.

Д е и ф о б

Ты веришь в это сам?

П а р и с

Прервём пустые разговоры –
К чему словесный этот дым
И обоюдные укоры?
Ступай к любовницам своим.

Деифоб, уязвлённый, удаляется с кривой усмешкой.

П а р и с

Ушёл, мерзавец... О Елена,
Но почему же, почему
Пошла на эту ты измену?

Е л е н а *(кратко)*

Того сама я не пойму.
Прости меня, Парис любимый.

П а р и с

Да, да... Уже прошёл мой гнев...
Всё происшедшее презрев,
Хвалу Киприде воздадим мы!

Бросается в объятия Елены.

Лагерь троянцев

П е р в ы й в о и н

Два месяца уже затишье.
Сидят ахейцы, словно мыши.
Кончина злобного Ахилла
Чуть поубавила им пыла.

В т о р о й в о и н

Дурные вести, говорят –
Пришёл к врагам ещё отряд.

П е р в ы й в о и н

Кто командир, коль не секрет?

В т о р о й в о и н

Царь Мелибеи Филоктет.

П е р в ы й в о и н

Тот, что змеёю был укушен?

В т о р о й в о и н

Вот-вот.

Первый воин

И в бой пойдёт, недужен?

Второй воин

Да сказывают, он здоров –
Нашли ахейцы докторов.

Первый воин

Так что ж? Невелика беда.
Являлось много их сюда.

Второй воин

Да тут такое, видишь, дело:
Привёз Геракла лук и стрелы,
А в них лернейской гидры яд.
Кого такие поразят –
Тому конец.

Первый воин

Да сохранит
Нас от напастей сих Кронид!

Второй воин

Не трусь: те стрелы для вождей,
А не для нас, простых людей.

Первый воин

И правда. Так налей вина –
Жизнь веселее быть должна!

Десятник

Тревога! Враг на нас идёт!

Первый воин (*торопливо выпивая вино*)

Вот не хватало нам забот!
Давно ли не было сраженья!

Десятник

Готовить к бою снаряженье!
Держаться на местах своих!
Ахеец лишь вначале лих.
Ослабим их, потом ударим
И кашу знатную заварим!

Начинается бой. Троянцы стойко отражают атаки ахейн. Натиск нападающих ослабевает.

П а р и с

Сыны отечества, вперёд!
День нашей славы настаёт!
На нас идёт жестокий враг,
Над ним кровавый реет стяг.
Вы слышите ль данаев клики?
Объяты яростию дикой,
Они нас погубить хотят –
И старцев слабых, и ребят,
И жён, припавших к вашей груди –
Ужель терпеть всё это будем?
За мною, воины, вперёд!
Пусть землю вражья кровь зальёт!

Троянцы дружно теснят ахейн. Вдруг Парис вскрикивает, поражённый стрелой.

О, как некстати рана –
Битва ещё в разгаре...
Меч выпускать мне рано...

Падает. Его выносят с поля боя. Битва продолжается.

*Покои во дворце Приама.
Парис лежит в постели, страдая от раны.*

П а р и с

Тело терзает боль,
Сердце гнетёт тоска.
Гидры лернейской яд
Внутренность всю сжигает.

Ты, о владыка Зевс,
Я ли тебя не чтил?
В чём же моя вина,
Что так карашь тяжко?

Счастлив ты, о Ахилл,
Так же стрелой сражён,
Умер в единый миг,
Мой же удел – страданья.

Враг уже побеждён,
Спину нам обратил,
Близок победы день,
Мне же его не видеть!

О, где же мук предел?
Лучше уж, как Алкид,
Жизни лишить себя,
Смертью изгнав терзанье!

Тем же ведь ядом он
Был, что и я...

*Вдруг Парис видит в соседнем покое
предающихся утехам любви Елену и Деифоба.*

Нет, не увидеть вам,
Как я в Аид сойду!
Радости чёрной тень
Не омрачит мой труп!
Прочь из сего дворца!
К Иде теперь мой путь,
Юности где златой
Годы мои текли,
Где от лихих людей
Тучных быков стада
Я защищал в те дни,
Где меня пастухи
Помнят ещё, я мню.
К ним ныне я пойду.
Честен и прям их нрав,
Прост, безыскусен быт,
Подлый им чужд обман,
И за добро добром
Платят они всегда,
С ними и смерть не в тягость!

С трудом поднимается с постели и медленно удаляется.

У подножия Иды беседуют пастухи Милон и Тисий.

Т и с и й

Привет тебе, Милон.

М и л о н

Здорово.

Т и с и й

Как домочадцы? Как коровы?

М и л о н

Спасибо, был вчера приплод.

Т и с и й

Что ж, поздравляю. Этот год
Неплох, когда бы не война.

М и л о н

Да, брат, лихие времена.
Разбои, подати, чума...

Т и с и й

Что, говорить, несчастий тьма...

М и л о н

Когда же кончится всё это?

Т и с и й

Боюсь, сам Зевс не даст ответа.

Умолкают.

М и л о н

Идёт там, кто-то, посмотри-ка.

Т и с и й

Эк, как шатает горемыку.
Изрядно лишнего хватил.

М и л о н

Да, видно знатно покутил.
А впрочем, нет: я слышу стон,
И бок рукою держит он...
А ну-ка, подойдём поближе.

Подходят к Парису.

Т и с и й *(в изумлении)*

О Александр! Тебя ль я вижу!

П а р и с *(со слабой улыбкой)*

Да, это я, мой добрый Тисий...

М и л о н

Ужели к нам ты воротился?

П а р и с

Да, мой Милон...

Т и с и й

Но что с тобой?

П а р и с

Настигнут злою я судьбой –
Стрела, в ней гидры яд.

Т и с и й

О боги!
Ужель Аидовы чертоги...

М и л о н

Молчи, дурак! Вот обнадёжил!

П а р и с

Да я и так уж славно пожил...

М и л о н

Такие речи ни к чему.

(Тисию)

Беги к Эноне.

П а р и с *(вспыхивая)*

Не приму
Спасения из рук Эноны!
Ведь бросил я во время оно
Подругу милую мою –
Как я в глаза ей посмотрю?

М и л о н

Она простит тебя, любя.

П а р и с

Прощу ль, однако, я себя?

Лишается чувств.

М и л о н

Простишь, коль будешь чуть мудрее.
Давай-ка, Тисий, поскорее...

*Укрывает Париса и садится рядом с ним,
оберегая его покой.*

Э н о н а

Тяжкий, о боги, выбор
Ныне стоит предо мною.
Мужа, что предал меня,
Танат вот-вот похитит
Что же мне делать?
Местью ли насладиться?
Или любви, что в сердце
Всё еще не угасла,
Мне покориться?
Светлые вспомнить дни,
Жили когда мы вместе
И приносили жертвы
Златой Афродите?
Он мне сплетал венки
Из луговых цветов,
Нежно гладил чело
И целовал стократно.
Но чёрный день наступил,
Солнце погасло в небе –
Ушёл к Елене Парис.
Вот уж который год я,
Тоской неизбывной томима,
О том не могу забыть.
Но ныне ужели счастье
Вновь улыбнётся мне?
Любимого я верну!
А вдруг... О, помыслить страшно!
Вдруг меня вновь покинет?..
Нет, не допустят боги,
Чтобы потрясло такое!
Ведома им справедливость!
Или же... Будь что будет!

Уходит.

*Милон и Тисий над телом Париса.
Они не замечают, как появляется Энона.*

Т и с и й

Умер наш Александр,
Защитник славный.

Энона застывает, не в силах даже заплакать.

М и л о н

Страдания его покинули,
Душа путь в Элисий держит,
А нам каково?

Э н о н а

Что же, Парис, ты сделал?
Вдóвой меня оставил,
Мига лишь не помедлив.
Прахом пошли надежды
Счастье вернуть былое.
Чёрное горе будет
Ныне моим уделом,
Коль проживу ещё я.
Но не могу – нет силы,
Мне не снести печали.
Путь мой теперь к Аиду,
Там я тебя найду!

Закальвается.

Милон и Тисий стоят потрясённые.

БУДТО

ЗАРУБЕЖНОЕ

О, язычники, дикое, славное племя:
Как и в прошлом гудят в городьбище полей.
Если там ждут весны, чтобы вылезла зелень,
Ну, а тут ждут весны, чтобы стало теплей.

Уж, конечно, дурны, даже в омуте улиц,
Но все ищут в любви приближенья сердец,
Ведь чем ржавчина злей, тем ответственной пуля,
Очевидней финал и безжалостней Зевс

Или кто там? Да, ладно, мы всё проморгали,
Лучше вспомни, чей сын ты, подонок и бес:
Это наши пра-пра верх держали при Заме,
Это наших пра-пра в рабство гнал басилевс.

Я стою, опершись на колодец, и воды
Мне приносят на блюде звезды дальний вопль.
Мой последний каприз в эту прорву уводят
Камень, брошенный жук и тоски алкоголь.

* * *

Здесь времени нет.
И свистящее утро
Ласкает нас милостью ранней утраты.
Здесь в шлепках по берегу шастает Будда,
Ловящий рождение Махабхараты.

И та же, опять же и недерзновенна
Во флегме пунцовая рожа светила.
И нету желаннее здешнего плена,
И нету бездарнее тамошней силы.

Здесь суша – влекома, огонь – долговечен,
А мир – свысока, из щелей баррикады,
Что брызги фантазии воль человеческих
Ничтожно раздроблены скрипом цикады.

И мимо – корабль, после ссоры и драки –
Ее на волнах наносило мне пену –
Там к мачте привязан рабом царь Итаки,
Желающий слушать мой голос *Сирены*.

ПЕСНЯ СТАРОМУ ДРУГУ

Когда бушует кровь и пышет,
А каждый держит свой бокал,
Обычай вспоминаем, лишним
Он нам мерещится пока!

Вино и тост! – так мир устроен,
Вот тамада свой занял пост:
Воскликнет речь он, но с тобою
Мы свой провозглашаем тост.

И этих слов мы не забудем
Хоть в вечной ссоре находясь,
Ты улыбнешься: «Друг мой, *будем!*» –
«*И то!*» – отвечу я смеясь.

С деньгами туго, дома худо,
Не те дела, не тот, не та,
И все твердят одно, что будто
Беспрецедентным хамом стал.

Но хоть раз в год я сяду за стол
Из драгоценных есть посуд,
Я вызову кого-то на спор,
Бутылку выпью и усну.

Но этот тост меня разбудит,
Мне улыбнется мой сосед,
Подняв бокал воскликнет: «*Будем!*»,
«*И то!*» – пробулькаю в ответ!

Уйдут единственные сроки:
Где будут дом, друзья, страна?
И в денежных увязнув склоках,
Ужель мне будет до вина?

Но я из райского острога
Не улечу, так убегу,
Сквозь тьму у твоего порога
Явлюсь в дурмане, как в снегу.

И в окруженье постных буден
Вино – спасительный итог.
Ты, как тогда, воскликнешь: «*Будем!*» –
«*И то, мой милый друг, и то!*»

МОНОЛОГ КЛЕЙМЕНОГО ЧЕРЕПКА

Будьте со мною вежливыми,
Даже тактичными будьте;
Из грунта достаньте нежно,
Щеткой смахнуть не забудьте.

Пусть черепок я малый,
Но меня эллин сбацал,
Так не бросайте в отвалы,
А торопитесь к Кацу!

Он, побледнев от волнения,
Вымоет заново руки:
Мне ли с фасосским клеймением
Гнить на затворках науки?!

Он меня прополощет,
Цифирькой пронумерует.
Так ведь за это что хочешь
Скажу по секрету ему я:

Сколько в амфоре хоев,
Какая на Понте гавань,
Какое вино плохое
В меня заливали, гады!

Порадую Каца. И вижу,
Мелькнет у него затея:
Если хотя бы не книжку,
Мне посвятить статейку!

В этой работе длинной
Посыпятся славы блески,
Может, и ваше имя
Будет указано (в сноске).

Вот по такому-то разу
Не посылайте на плаху,
Сразу бегите к Кацу,
Или на край – к Монахову!

* * *

Я не люблю в себя влюбленности
И поэтому отчаянности
И в инфантильной непреклонности
При возвеличиваньи частности.
И в замыканьи бесконечности
С налетом запоздалой смелости
Блестящий розыгрыш беспечности
При развивающейся зрелости.
Но в утомленной захудалости
Видны следы срединной честности
Растет удача только с малости
И при наличии безвестности.
Врагов не нужно больше в плен вести
Давно уже как будто жар остыл
При надвигающейся лености
Все больше жалости.

* * *

Закручу пластинку с джазом,
Звук, шероховатый, ломкий,
Мне заполнит перепонки
Ностальгическим экстазом.
Страсть годов шестидесятых
Опьянит своей утратой:
Кто сегодня был бы рад бы
Сочинить свою "She's got it"?
О кузнечике романсы
Распевает поколенья
Пенти-ай-би-эмной лени
И космического транса!

О СЕБЕ

Как! До сих пор я не понятен?
Да! До сих пор подвешен в бездне.
И до сих пор белее пятен
Мои наивнейшие песни.

Да добрый я! Но состраданье
Милее мне, чем бабья жалость.
Но почему, как оправданье,
Любую объясняю шалость?

Мою изысканность надлома
Не оправдать веленьем чуши,
И я не к разрушению склонен,
Но сколько грязи в мире лучшем!

Как жаль! Грызу свою подушку,
Что мне судьба не мягко стелет.
И нет любви, как нету дружбы,
А есть привязанность к постели.

Хочу, как все, быть, но Фортуна
Не позволяет гнуть коленица.
Ты перепутала же, дура,
Меня с каким-нибудь там немцем.

Сидит он в Бонне, чует холод
Презренья глупенькой Удачи,
Он так богат, изящен, молод,
Но что-то не случилось, значит!

И, равнодушен к звуку истин,
Он пиво дует, сыпя марки.
Не стал бы он капиталистом,
Когда бы не ошиблись Парки!

Он точно б стал лауреатом
Каких-то громких, звучных премий,
(Ну, разве, чуточку помятым
И с несколько подсевшим зреньем.

Но этот немец за достатком
Не бегал, словно моль за тканью,
Хотя до денег не был падким,
Себе добыл бы пропитанье.

Но он горел бы, и возможность
Лишь раздвигала результаты!)
А я же, на себя похожий,
Сидел бы где-нибудь поддатый

И, наплевав на Жана-Люка
Годара или Дж. Колтрейна,
Я – просто пролетарий-люмпен –
Не сочинял стихотворений.

В бытухе заключенный гений
Остервенело с быдлом бьется.
Куда уходит вдохновенье? –
Туда, где что-то продается!

И то, что стать могло сюжетом,
Я превращаю в ругань с матом:
Литературным пируэтом
Не убедишь в ошибке брата.

Но вот, бывает, в полнолуние
Не спится что-то европейцу:
Виденье древних Нибелунгов
Намеком потревожит сердце.

И к черту сон! – в потемках ищет
Таблетку он валокордина...
Увы! – чужда искусства пища
Сей убаюканной скотине!

Эй ты, Судьба! – никак не деться,
Подбрось скорей с ладони пфенниг:
Иль вспомни про того ты немца,
Или дай мне побольше денег!

АБСТРАКТНОЕ

Иду по улице, которая
Скользит змеей и надрывается
Тяжеловесными моторами,
И в темноте рыдает глянцами
Лампад рекламных, зажигалками,
Глазами, скрытых наизнанку,
Глазами, не до дна отплаканных,
Глазами, брошенных приманкой.
Идут лохматыми титанами
Неандертальцы шумных сумерек,
Резвясь в капкане этом каменном,
В крови, как вымазаны суриком,
Я мимо, мимо поздних барышень,
Объятых ранними обманами,
Мечта у них о принцах башенных
Сквозит сегодняшними ранами.
Где ты живешь, там эта улица,
Моя окраина пропащая,
Там все готово, то, что сбудется,
И из грядущего визжащего
Несутся всхлипы таракании,
Следы обветренных признаний,
Твой теплый запах в наказание
Вины моих же наказаний.
А где то самое, искомое,
Что проступает лишь отрывками?
В твоих глазах оно, бесспорное,
На ощупь безутешно рыскает,
Как сытый зверь, в подъезде брошенный,
Где б ты была хозяйка добрая,
Где б вечность обернулась пошлостью,
Где только улица, которая...

* * *

Я б, может быть, оставил стол
И неразгаданный аорист,
И римлян высохшую повесть,
И греков чуть болтливый тон.

Здесь все понятно и знакомо,
А выключенный монитор
Лишь отражал как бег мой скор
Под звуки Дюка Эллингтона.

Из комнаты своей бежал,
Оставив пыль и тараканов,
Зеленый чай на дне стакана
И лампы жалящий оскал.

Подъезд оставил, на бегу
Лишь контур оглядев с изнанки:
Окурки, надписи и банки,
И нищий спящий на боку.

Оставлю дом, оставлю двор,
Собью в пути босые ноги,
Оставлю сам себя в итоге
И близких недоступный хор.

И только здесь, утратив цель,
Остановлюсь, уже заброшенный,
Со смыслом, перетертым в крошево,
Сотку иную канитель

И, может быть, устройю бал!
Знакомства заведу фартовые,
Да ваши пальчики медовые
Без устали бы целовал!

* * *

Единственное, что здесь есть – вода,
Все остальное – дополненье к влаге
И даже алюминиевые провода
Лежат в не завоеванном овраге.

Здесь спелый виноград теснит чеснок,
Здесь буйство заменяет рассужденье,
О том, что даже вопиющий мот не смог
Здесь промотать чужие сбереженья.

Здесь если б наступила вдруг зима,
Я б заорал прострелянною выпью.
Здесь много больше свежего вина,
Чем за которых следовало выпить.

Итак, все есть. И тутошний сортир
Облагорожен пачкою бумаги.
И, думаю, здесь не было б квартир,
Когда б не та же принадлежность к влаге.

Я здесь встаю – поверь! – по петухам,
Я столько ем, что сплю после обеда.
Здесь если кто-то утром подышал,
То к вечеру сомненья: был он? не был?

НОЧЬЮ У СЕБЯ В КОМНАТЕ

Стих записал и стих, умолкло что-то,
И лишь стена, хранительница правил,
Свидетельница позднего расчета
И наблюдатель высыхания капель
Чернильных.

Мой стол в кругах от запотевших чашек,
Он терпит груз массивных стертых книжек,
Задел его ногой, как ангел падший
Затрепетал и этим даже ближе
Мне стал.

И сбоку свет растягивает лица
До контура эль грековских натурщиц.
И их оттенки – состязанье в блище.
Я это настроенье помню, тут же
Забываю.

Я перестал заботиться о быте,
Отец мой стар – причина, по которой
Ладони влажные, я тороплю событье
Непоправимое и с уханьем той «скорой»,
Что опоздает.

Я тороплюсь и стих летит наветом
Все оболгать: дряхление и немочь,
Полдневный сон и наслажденье в «этом»,
Что было «то», а за окошком сволочь
Поет блатняк.

Там спит она, а здесь матерый запах
Вчерашних рук и выпитых бутылок,
И Дионисий, переведенный за день,
И пыль, осевшая на тыльной
Стороне кровати.

Там спит она и сон смежает веки
Как и положено всегда, во время оно
И свет ленивый из окошка блеклый
Разбудит скоро с запахом бульона
Из кухни доносимого.

Дыхание ее чуть сперто, губы
Ее теплы с тем привкусом из утра,
Разбуженное тело – вечный дубль,
Я повторяю про себя, изустно:
Я вас люблю!

* * *

«Где две дороги с третьей сошлись»
Софокл. *Царь Эдип*

Забудем дым ушедших передряг,
Забудем сор оставленной избы.
Я сам себя на этот труд запряг,
Я сам себя вознес до кабалы.

Нет времени для всех и для всего.
Важней итог иль этот милый стол?
И даже сон полуденный весом,
Как чистый лист полуночный весом.

Я помню век, я помню имена,
Подскажет их все тот же самый лист,
Мой путь закабаленный лишь туда,
Где две дороги с третьей сошлись.

ВОЛХВОВ НЕ БОЯТЬСЯ

КАЛИГУЛА

Человек, ходивший смотреть на пытки
на предмет отработки недрожанья,
как бы там ни пошло, не будет в убытке,
а представит примеры для подражания.
Но летят провода, коротит железо,
предохранители сгорают,
и болезный скачет с одра болезни
и четыре года, резвясь, играет.

Сообразно точному знанию жизни,
с испареньем к чертям структурных барьеров
он еще послужит большой отчизне
образцово-веселой своей манерой.
На сегодня в дамках, назавтра в нетях,
острым взглядом пронзающий каждый атом –
а солдаты ходят за ним, как дети,
потому что им нравится кровь, солдатам.

МЭЙДЗИ – СЁВА

Вползая в семидесятые, растворяясь в траве,
истлевшим тряпьем укутывая рану на голове,
выходя на добычу ночью, отлеживаясь днем...
Император капитулировал. Не будем о нем.
Островитяне, считая, что он – неизвестный дух,
оставляют ему бататы. Он ест, выдвигая вслух
мысль, заслуживающую внимания: вот это и есть она –
Сфера Совместного Процветания, за которую шла война.
С самого сорок пятого, весь свой пожизненный срок,
он воплощает истории параллельный поток,
закуклившийся универсум, не тот и не этот свет,
где есть Такэда и Мэйдзи, а линкора «Миссури» нет.
Ниппон, со ста миллионами людей его языка –
меньше песчинки, приставшей к траве у его виска.
Так, вариа или дубиа, сон, неудачный клон...
Хотите узнать, где истинный? Он. Это он – Ниппон.

СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ

Власть устроена занимательней, чем в будущей Польше.
Денег меньше, чем тех, кому их платить. Да и тех-то мало.
Центр не держит воды, не говоря о большем.
Периферия давно отпала.

Даже хлеба и зрелищ народ (другого ему не нужно)
нынче требует в чуждой форме: «Блокбастеров и попкорна!»
При таких условиях не защитишь безоружных
(я уж молчу о том, чтоб сокрушать непокорных).

Бургунды, недавно снятые с любимой вахты ам Райне
гуннским копытом, в Савойю слетевшие по наклонной –
и те бубнят только «млеко-яйки», да «ди ромише швайне»,
что по-нашему означает примерно «порка мадонна».

Одичавшие шавки на форуме – перед варварами неловко.
Но богов на помощь не стоит звать ни клике, ни клаке:
Если б Марс и Квирин по Городу провели выбраковку,
уцелели бы только одни собаки.

ПОДРАЖАНИЯ КАВАФИСУ

I. Вифиния далеко

Спрашивают царя Никомеда:
«Помнишь, тот римский мальчик по имени Гай?
Говорят, у себя в Риме он пошел в гору».
«Не так мало, не так мало у нас мальчиков,
чтобы помнить всех», –
отвечает Никомед и смеется,
глядя висок спрашивающего.

II. Дома, на Вистуле

Расскажу, как я видел главного дальних немаков.
Ближние немаки зовут их вельхами.
Стоял перед строем старый человек.
«Воины, – говорил он, – воины.
Мило мне, что могу назвать вас воинами, а не громадой.
Воины, от последнего до вожака, друг другу товарищи,
а громада бежит за жирной подачкой и громкой глоткой».
Люди в строю закричали, стуча в щиты,
и я понял, что про себя и про них он сказал правду.
После мне говорили,
что если он решается кого-нибудь убить,
то разве что нелегко и не без справедливой причины
но, решившись, делает это легко,
легче, чем решался.
Это потому, что он слушается своего великодушия,
а не жалостливых порывов.
«Мне труднее приговорить тебя, чем, приговорив, убить»,
сказал он однажды своему врагу,
а не приговорил его и не убил.
В тот день, вернувшись домой –
там у вельхов ставят дом на дом, и так много раз,
и я жил в горнице наверху, будто на ветвях,
хотя они называют это не «гнездом», а «островом» –
я до ночи думал, как непривычен их нрав.
У нас-то чаще убивают в гневе,
не думая о причинах, справедливые они или нет,
а щадят из жалости, как ляжет на душу.
Таков наш народ, знающий слова.

III. За Авророй и Гангом

На службе у него я скопил денег, и захотелось мне посмотреть, как протяжен мир.
Причудливо, мой Марк, все это устроено.
Смотришь, люди в чужих краях те же, да не те,
а еще посмотришь – не те, а те же.
Был я в Антиохии, даже в Мараканд и к гандариям приходил.
Только все это, мой Марк, было мне не в досуг,
один расход да докучные мысли.

Куда ни приеду, думаю: а Кайсар здесь с нами не прошел,
потому что слишком рано его убили.
И вот такое-то никак не выходит из головы.
Из страны в страну гляжу, а всюду вижу одно:
племена, не обращенные им в союзников,
города, не выдавшие ему заложников,
реки, которые он так и не перешел,
цари, которых мы с ним не разбили,
добыча, которой мы с ним не добыли,
чтобы долю взять себе, а часть, и немалую, Марк, часть – Городу.
До Авроры и Ганга доехал, а куда ни посмотрю,
на уме одно: «так и не», «так и не», «так и не».
Попадись мне Каска или тот Юний –
своими зубами выгрыз бы печень, Гераклом клянусь.

ВОЛХВОВ НЕ БОЯТЬСЯ

Дезертир однажды
говорил со мной:
«Чем утоляешь жажду?
Водой? Волной?»

Шутишь, приятель...
Играй мне, играй,
труба в Милаватте,
флейта в Тэгвай.

На глотки разрезая косо
толщу синих равнин,
идут мониторы Кносса,
мерримаки Афин.

Тела не остыли,
плакать не пора.
– Почему «или»? –
говорит сестра.

Не спрашивай дважды.
Я смотрю сны.
– Чем утоляешь жажду?
– Водой волны.

НА СМЕРТЬ МАРКА АВРЕЛИЯ

Все мы бедные сукины дети.

Теодор Рузвельт, до Фолкнера

Ах, чума целует горячо, не дает подняться.
Не докончишь начатый урок, не добьешь войны.
А ведь он бы мог прожить еще десять или двадцать,
позабыв за этот долгий срок морячков жены.

Жжет, не согревая, зимний мор, стынет Виндобона.
За Рекою – черные леса, римские навек.
Впрочем, весь тот век пойдет в костер вечной обороны,
чуть закроет дымные глаза этот человек.

Встал Харон с лодчонкой на прикол, мирно ждет отбоя,
на Дунай тихонько пригребя от иных ручьев.
«Брат, зачем так рано ты ушел? Весело с тобою.
Что еще напишет про тебя это дурачье!

Словно рассыпающийся лед, трескается кожа.
Под рукой моей стоят полки, ходят корабли...
Мертвые не могут ничего? И живые – тоже,
но должны сражаться, мой Коммод, будто бы могли».

Кто противостанет злой судьбе? Кто за нас ответит?
Травы повинуются косе, люди – одному.
«Бедные, – ты знаешь это, – все сукины мы дети», –
Тедди скажет ласково тебе, нисходя во тьму.

АНТИЧНЫЕ ЛИКИ. ПОСВЯЩЕНИЯ

ШЕСТВИЕ ДИОНИСА

Пчёлы муз, слетайтесь роем
На уста своих певцов!
Вот идет кумир героев,
Птиц, красавиц и самцов.

Оглушая громкой славой
Мир земной и неба высь,
Всесметающею лавой
Торжествует Дионис.

Вон тоску! Подайте песен!
Не пора ли запевать?
Мир широк, богат и весел,
Перестаньте ж унывать!

Кинь спокойные жилища,
Видишь, улица полна.
Все равно тебя отыщет
Вакханальная волна.

Упадут приличий стены,
Всякий выйдет пьян и наг.
Нимфы, сатиры, селены
Окружают бога шаг.

Как менады жертвы кровью
Озарим пустую тьму,
Одержимые любовью
К Дионису одному.

Так оставим мир вчерашний,
Мир тиранов и царей.
Нас зовет бог землепашцев,
Пастухов и рыбарей.

Слышишь, брань смешалась с гамом,
Обратив гармонию в прах,
С кожей парда через рамо,
С тирсом бог идет в руках.

Разрушителем устоев
Он ступает на порог,
Низвергает все святое
Одержимый танцем бог.

Запах семени и крови,
Виноградного вина,
В сети сластолюбца ловит
Дионисова весна.

Брось другим богам молиться,
Кинь уют, возьми суму.
Пойте имя Диониса,
Поклоняйтесь же ему!

Что из праха возрождалось,
Снова обратилось в прах.
И большой древесный фаллос
Тащат трагосы в руках.

Саратов, весна 1996

ENDLICHKEIT

Für E. Smykov

Ich sehe nicht, wo ewig Leucht',
die Welt ist längst vergangen.
Und wurde ich mit dir, mit euch,
doch aber nicht für lange.

Mag es so sein! Und seiner Punkt
hat jeder, ohne Streit.
Saratow oder Petersburg –
für uns auf kurze Zeit...

Sankt-Petersburg – Saratow, 2010, Oktober

БРЕННОСТЬ
(переложение И. Сурикова)

Не вижу я, где вечный свет,
И мир давно накрылся.
Я был с тобою, с вами – нет,
Недолго праздник длился.

Пусть будет так! Ведь свой резон
Есть у любого, право.
Саратов, Петербург... Всё – звон,
Короткая забава.

Москва, декабрь 2010

ЛЕТО НА ПЕЛОПОННЕСЕ

(диптих)

Евгении Сеницыной

I. День

В пределах божества ликийского
Июль двенадцатого года.
Чужого понта Ионийского
Нам ступни омывают воды.

Седые волны бьются-маются –
Вершат приморскую феерию.
И чайки с криком поднимаются
Над бухтой с видом на Сфактерию.

Как-будто птицы стимфалийские,
Лучи палят и ранят плечи.
Повсюду здесь койнэ английское,
И слышны варварские речи.

Туристы нежатся на спальниках,
От Феба пряча лица в маски.
Наяды в шелковых купальниках
Щебечут звонко по-германски.

Два негра потные, пристрастные
О курсе доллара судачат.
И подле них от солнца с красною
Спиною скандинавский мачо.

Вся преисполнена беспечности,
Идет мадам, краса Эллады,
Известный символ бесконечности
Выписывая зрелым задом.

Забавные черты глобальности:
В кругу курортной канители,
Где девы всех национальностей
С татуировками на теле.

... Платаны тонкие и стройные.
И мы глядим из под панамы,
Как из песчинок тонкой струйкою
Наш сын у моря строит храмы.

А корабейники по мелочи
По пляжу кружат как паяцы.
И нету сладостней мгновений, чем
Лежать, глазеть и забавляться,

Цитируя на память Бродского,
По очереди, перекрестно.
А после, разогнавшись, броситься
С разбегу – в волны с перехлестом.

II. Ночь

Здесь, в землях божества ликийского,
Где нимфы водят хороводы,
Вновь пьем дешевое понтийское,
Считая звезды небосвода.

И тишина не дрогнет чайками,
Ни звуков, ни звонков с мобильных.
Лишь на шоссе – вдали – случайные
Прносятся автомобили.

И мы в томленьи дум лирических.
От моря воздух пьяно-сонный.
Повсюду в рощах экзотических
Дух апельсиново-лимонный.

Бутыль вина – едва на донышке.
Заря на Пилосом. Светает.
И дочь, сгоревшая под солнышком,
Лимон по комнате катает.

*Пилос (Греция) – Санкт-Петербург,
лето–осень 2012*

ПУТЬ В АФИНЫ (поэма о великом страннике)

Коллеге и другу, историку и поэту
Игорю Сурикову

Горит закат над Эгеидой.
Светило тонет в бездне понта.
И, как шальные nereиды,
Дельфины тешатся у борта.

По полю волн пурпурно-снежных
Скользит носатая громада,
Гонима резвым Эвром вешним,
Слугой владыки Гиппотада.

И парус полнится от ветра,
Ладья летит гребцам на радость.
В могучих дланях кибернета
Руль кормовой лежит как надо.

Путь корабельщиков не близкий:
Под покровительством Паллады
От берегов малоасийских
К брегам аттическим Эллады.

Крепка меж ними нить союза.
И издавна идут потоком
В Афины караваны с грузом –
Чудесные дары Востока:

В корзинах – райские гранаты,
В сосудах – снадобья и смолы,
А в сундуках – электр и злато –
Дары лидийского Пактола.

Купцы везут гостинцы-грезы:
Цветных причудливых павлинов
И чистый, как богини слезы,
Хрусталь, коралловые вина,

Изысканные украшения,
Ковры, персидские наряды
И чудотворные коренья
От хворей всех для всей Эллады.

Каменья, красочные ткани,
Кунжут, карийские инжиры,
Меха и мази – то, что манит, –
Всё ждут столичные транжиры.

Набиты трюмы коробами,
Где всякой всячины навалом,
Разноплеменными рабами –
В Афинах ходовым товаром.

Давно ль Европа подцепила
Учености восточной вирус? –
И корабли из дельты Нила
Везут египетский папирус.

Сюда из северных колоний
Идут суда с зерном и лесом.
Масла и вкусы благовоний
Несут коммерческие рейсы.

Но интерес между мирами
Не только на основе торга.
Плывут с заморскими дарами
Легенды дивные Востока:

Рассказами о дальних странах,
Об их золотоносных реках
Насытят пилигримы страстных,
Пытливых, неумных греков.

О, сколько сказочных историй,
Чудесных басен и сказаний
Из неизвестных акваторий
Пришли в Пирей под парусами!

И вот, оставив кряж асийский,
Наладив паруса тугие,
Плывет большой корабль карийский,
Минуя отмели и мили.

Горят вечерние зарницы
И золотят ладьи ланиты.
На палубе народ теснится –
И простолюдые, и элита.

Вдали растаял Косский остров.
В пирейский порт попасть дерзая,
Триера тучным львиным ростром
Простор эгейский разрезает.

Вдруг изменяется погода.
Куда девался ветер веселый?
Вмиг весла спущены на воду,
Теперь гребцы взялись за дело.

В морской пучине проплывают
Медуз крылатых мириады.
И величаво солнце тает.
Пловцы поют печаль-балладу.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ МОРЯКОВ

Мы много ходили по понта широтам,
Нас жалили ветра соленого пчёлы,
Мы часто судились с Зефиром и Нотом
И слышали жуткие песни Эола.

Мы долго искали и славы, и злата
От скифских земель до берегов сикелийских.
Соленая смерть – нам знакомая плата,
Но знаем, что счастье, как прежде, не близко.

Чему научились вдали от отчизны? –
Что дом тем дороже, чем дольше тоскуешь,
Что каждый зависит от Тихи капризной,
И, что суждено, уж того не минуешь.

Кто смелы и дерзки, те смотрят с опаской
На благость богов – олимпийцев капризы.
Мы сами слагаем суровые сказки
О странствиях страшных страдальца Улисса.

И часто лежала морская дорога
Меж Скилл многоглавых с Харибдовой пастью.
Не все возвратились обратно. И много
Извели горя, но где оно – счастье?

Скрипят уключины, и дружно
Удары вёсел вóлнам вторят.
... А на носу стоял и слушал
Сказ старых тружеников моря

Усталый бородатый странник,
В скитаньях видевший немало,
На запад глядя, где в тумане
Седое солнце угасало.

Ему привычно дышит в спину
Восточный Эвр ночного часа.
Уж двадцать лет, как он покинул
Родимый край Галикарнасса!

За эти долгих две декады
Привык он дни делить на мили.
Но корабельщиков баллады
В душе былое пробудили.

Внезапно в памяти воскресли
И зазвучали с новой силой
Те песни, что он слышал в детстве –
Мелодии отчизны милой.

Не по своей оставил воле
Отцовский дом. Жива обида.
Но, знать, судили боги долю
Иную – долю Лаэртида.

В воспоминаниях мелькают
Востока образы и грезы.
И капли на лице сверкают –
Морские брызги или слезы?

Воскресли песни савроматов,
Звучавшие над Меотидой,
И, слух ласкавшие когда-то,
Далекой Мидии мотивы.

Он вспомнил варварские танцы,
Те, что не передать словами,
Чуждые байки чужестранцев
О людях с пёсьими главами.

Он помнил пышные пионы
В больших садах Семирамиды,
В земле великих фараонов
Немыслимые пирамиды.

Полмира отмахал дотолё
Пешком в страну Шахеризады!
А что ему, ведь он историк
И трудится не за награду.

Будь судно с парусом до неба,
И ветер попутный, дуй почаще,
Маслины, соль, краюха хлеба
Да влаги Диониса чаша!

По землям варваров петляя,
Их сказки заключая в списки,
Он пил, водой не разбавляя,
Вино по-варварски, по-скифски.

Пытливый грек вносил в скрижали
Событья, имена, обряды.
Туземцы всюду провожали
Бродягу благодарным взглядом.

Живым рассказам жадно внемля,
Глаголом он героев славил.
И многих дев познал в тех землях,
Но ради Музы их оставил.

Он верил: власть, уют и деньги –
Ничто на славу не сменяешь.
Пусть не обрел семьи. А дети? –
Да разве ж их теперь узнаешь?

Любовь и смерть – одно и то же.
И пилигрим привык к разлуке.
Держали меч, копье и вожжи
Его мозолистые руки.

Он был голодным и усталым,
Но скучным и угрюмым не был.
Он спал в шатрах под покрывалом
И на земле под звездным небом.

То брел пешком в песках ночами,
То трясся по степям в кибитке,
В тугой котомке за плечами
Он чалил скромные пожитки.

И долгий путь ничто не стоит
От Мисии до Милиады.
Ведь что ему, коль он историк?
А много ли такому надо?

Эх, был бы только сил избыток,
Здоровый сон, густая каша,
Точеный стиль и чистый свиток
Да влаги Диониса чаша!

Бывальщина и небылицы,
Проходят вереницей с судьбы,
Мелькают лица, лица, лица –
Живые люди, люди, люди.

... На побережье Фермодонта
Две тени от костра дрожали.
Мосх, умываясь жарким потом,
На ужин мясо серны жарил.

Кавказец, сын вождя и феи,
Немало ведал разных мифов
Об аримаспах, аргипеях,
Слепых рабах суровых скифов.

Седой старик с душою пылкой,
Оставивший родные скалы,
Всю ночь рассказывал страшилки
О ручниках из вражьих скальпов.

...Однажды, при стечении странном
Судэб, проделав путь неблизкий,
В таверне шумной в Акбатанах
Он встретился с купцом ликийским.

Жрец Гермия, делец и странник,
Неугомонный собеседник,
Солидный муж, богов избранник,
Торговец в третьем поколеньи, –

Тот караваны вместе с братом
От Инда вел в страну атлантов,
Сам видел стерегущих злато
Индийских муравьев-гигантов.

Он клялся, что сражался с Марой –
Богиней злобной суеверий.
Торговца байки будто чары
Пленили слух. Да кто ж им верил?

...Толмач персидский в Сузиане
По-царски угощал на тризне
И поучал в хмельном дурмане:
«Где хорошо, там нам отчизна.

Я вижу жизни сердцевину
И понял человеков свойство:
Язык забудешь, дом покинув,
Смысл жизни – радость удовольствий.

О, эллин, глаз моих услада,
Зачем стремишься ты куда-то?
Забудь далекую Элладу.
Персида сказочно богата!»

Ну, что ж, мы сами жизни судьи.
И странник слушал встречных речи,
Листая судьбы, судьбы, судьбы,
Верстая встречи, встречи, встречи...

Ни песни чуждые Востока,
Ни чары скифского кумыса,
Но голос родины далекой,
Знакомый шепот кипарисов

Манил героя, гнал с чужбины.
И путь назад ему был задан:
Ведет Судьба скитальца-сына
В Европу, в Аттику, на Запад!

Так пусть же ветер шибче свищет
И мчит триеру к Гесперидам. –
Быть может где-то там отыщет
Седой Улисс свою планиду?

Как знать, в стране Тесея или
Сикелии – земле конечной –
Бессмертные определили
Предел его исканьям вечный?

Пусть станутся не столь высокой
Богов дары ему ценою.
...Зарится небо на Востоке,
Который тает за спиною.

Еще в видениях витают
Мидийцы, степняки-номады,
Но вот во мраке вырастают
Знакомые пловцам Киклады.

Привычны им морские тропы,
И грянули гребцы балладу
О славном городе Европы,
О лучшем полисе Эллады.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ МОРЯКОВ

Есть в Аттике полис, пленяющий видом.
Страхнув с себя путы персидского плена,
Свободен и горд город дщери Кронида
И нет ему равных во всей ойкумене.

Любимца богов охраняют доселе
Трезуб Посейдона и плющ Диониса.
Здесь звонче цикад сладкозвучные трели,
Здесь в небо взмывает акмэ кипарисов.

И стогна его украшают святыни –
Чертоги бессмертных богов пантеона.
Открыт для гостей город Девы-богини,
Но только к достойным она благосклонна.

Сей град не сломили Судьбы перемены.
Да будет богат он и славен, да будет!
Его окружили надежные стены,
Но полиса сила – не стены, а люди.

Коль будет сожжен, сам из пепла воскреснет,
Хранимый крылатой богиней Победы!
Град-воин достоин Омировых песен,
Но где ему сыщешь по росту аэда?

Скиталец вновь взволнован песней,
Тревожным трепетом томимый:
Он не робел пред видом персов,
Но здесь – надменные Афины!

Как змееглавая Медуза
Град Кодра поражает взором.
Ни Мемфис, ни Эфес, ни Сузы
Так не влекли своим убором.

Он всех затмил суровой славой,
Когда от Суния до Коса
Морской могучею державой
Над Эгеидою вознесся.

Торговцы, мудрецы и барды
В Афины тянутся волнами.
Ни Смирна, ни златые Сарды
Так странника не волновали.

Он видел многие столицы
И стогна срубного Гелона,
Но *этот* Город не сравнится
Ни с чем от Фив до Вавилона.

Паломник долго чаял встречи
С прекрасным полисом Паллады,
Теперь осталось недалече –
Минули Малые Киклады.

Сон и Дионис взор туманят,
И пенье опьяняет разум,
Но град мечты героя манит.
Назавтра всё случится разом.

Он в порт прибудет утром ранним,
Пирея гам его разбудит,
Ступив на брег, веселый странник
Ворвется в полисные будни.

В единой точке, как широты,
Здесь сходятся Эллады солнца.
И пилигрим, войдя в ворота,
Навек с судьбой Афин сольется.

Приимет путника Паллада,
И он познает град Солона,
Панафинейские парады,
Дионисийские агоны.

Он станет всматриваться в лица:
Наверняка узнает кто-то
На узких улицах столицы
Галикарнасца Геродота.

Потом о нем еще услышат
Потомки славного Тесея,
Ведь это он в анналы впишет
Десятилетье апогея!

В урочный час, в котором годы
Спрессуются в одно мгновенье,
Свой труд о странах и народах
Прочтет галикарнасский гений.

И удивятся кекропиды,
Когда на площади пред сонмом
Их, гордецов, выдавших виды,
Всех впечатлит историк словом.

Оценят мощь его таланта
Высокочтимые вельможи
Наградой в несколько талантов.
Всё это так. Но только позже.

Опасней птицы стимфалийской
Перо певца, что фактом правит.
Чужак-метек, беглец карийский
Афин историю прославит!

Он станет частью их по праву,
Ворвавшись в суетные будни.
Признание полиса и слава –
Всё будет. Непременно будет...

И вновь в шальной стихии пенной
Летит ладья по воле Эвра.
Уже пловцов утихло пенье,
И слышно только пенье ветра,

Что парусам расправил крылья
И звезд рассеял многоточья.
Громада мчит по водной пыли,
И держит курс суровый кормчий.

Кружатся радужно дельфины,
Светла заря над водным долом.
И Геродот плывет в Афины.
Он покорит великий Город!

*1999–2003, 2007, 2010–2011 гг.
Саратов – Эссен (Германия) –
Саратов – Санкт-Петербург*

ИЛИ?
или СМЕРТЬ НА ВЗЛЕТЕ
(9 декабря 2013 г.)

Памяти Д. Луконина

...А наша жизнь лишь миг,
Сосуд она разбивчивый и тонкий...
София Элизабет Бреннер¹

Сыпал хлопьями снег, словно белые листья.
И декабрьская тяжесть сдавила в груди.
Запорошенный след неизведанных истин...
Что-то стонет внутри и слегка холодит.

А сердца – механизм ненадежный и странный.
Были чаянья, планы и, в общем, везло.
Зрели замыслы. Жизнь мнилась длинным романом...
Прервалась слишком рано. Так произошло.

И уже не успеть, не окончить рассказа.
Нужно было спешить, кабы знать наперед.
Но внезапная смерть, перебитая фраза...
Лейтмотивом «Тристана» звучит *Liebestod*.

Наша жизнь – только миг. Что мы – не были, были?
Краткий пасмурный блеск, а потом – ничего.
Этот мир ни на блик не изменится. Или?...
Для чего же тогда мы приходим в него?

Санкт-Петербург, декабрь 2013 г.

¹ «Сонет. Милому супругу заместителю судьи Элиасу Бреннеру в первый день 1691 года» (Перевод Юлии Краснобаевой).

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕНТЕКОНТАЭТИИ

В.М. Строгоцкому

Великий грек изрек: «Война – Отец
Всего. И всякий смертный – воин.
Она – начало и она конец.
Тот, кто не понял – жизни не достоин».

И, внемля Гераклитовым словам,
Взрослели греки страшным лихолетьем.
И разломился мир напополам
В век золотой Пятидесятилетия.

Гордынею как кровью налились
Сицилия, Платеи, мыс Палены.
Покоя нет нигде. Уже рвались
Элладовы артерии и вены.

Там где-то, на укрáинах Афин,
Далёко от берегов Пелопоннесских
Вздымался дух войны как исполин
Во всем своём величии и блеске.

Но мира гибель зрела здесь, не там.
Элады солнце закатилось в центре.
И подчинился гибрису метал,
И стал служить Ареса страшной ретре.

Сыны Пелопа, Аттики сыны
Опьянены, и в слепоте кромешной
В них утвердился злобный дух войны.
И пагуба казалось неизбежной.

К мечу вожди сзывали свой народ,
Глаголом жгли горластые витии.
Так завершался этот мирный год –
Последний год Пентеконтаэтии...

Санкт-Петербург, осень 2014

КОНЕЦ ЛЕТА. АВГУСТ 1998

А. М. и Д. Л.

Последние дни долгожданного лета.
Том серый раскрыт и забыт мною – Busolt.
Жара, кружка с квасом, мои сигареты
и голубь, клюющий остатки арбуза.

Мы завтра проснемся, и явится осень.
Ты встанешь нагая, вся в утреннем солнце.
Мы больше не скажем и больше не спросим
о том, что сказать и спросить не придется.

Я знаю, мы больше не будем ругаться,
поскольку нам нечем с тобою делиться.
Античные лики моих диссертаций
не станут твоими. И надо смириться.

Но я не желаю ручаться заранее,
что всё непременно случится с тобою.
Босая с короткими ножками Таня
подходит ко мне с родниковой водою.

И мы поднимаемся на гору вместе.
И солнце июня за город садится.
Сегодня, чрез год, может лет через двести,
но что-то должно еще с нами случиться.

...Но нет постоянства ни в чувствах, ни в моде.
И я покидаю чего-то там ради
(подобно изменчивой вешней погоде)
глаза твои, губы и юные груди.

Откинута надолго пляжные сланцы.
Но будет ли лето? – не знаю наверно.
Я в гадкие козни Д.Е. Розенкранца
бесхитростно втянут А.В. Гильденстерном.

Нет выкладок верных. И кто угадает
по линии в небе о курсе полета
того самолета, что только взлетает
в последние дни долгожданного лета?..

Саратов, август–сентябрь 1998

